

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.com

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

3 ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт всеобщей истории
Институт российской истории
Институт славяноведения и балканистики

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

в восьми томах

С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН
ДО НАШИХ
ДНЕЙ

Главная редакционная коллегия:

А. О. ЧУБАРЬЯН—председатель,

Ю. Б. ВИППЕР, В. К. ВОЛКОВ, В. В. ЖУРКИН,

В. М. КАРЕВ—ученый секретарь, М. П. КИМ,

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО, Ю. С. КУКУШКИН,

М. М. НАРИНСКИЙ, А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ,

Т. Т. ТИМОФЕЕВ, С. Л. ТИХВИНСКИЙ,

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

том третий

ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
К НОВОМУ ВРЕМЕНИ
(конец XV- первая половина XVII в.)

Редакционная коллегия тома:

Л. Т. МИЛЬСКАЯ, В. И. РУТЕНБУРГ — ответственные редакторы

В. А. ВЕДЮШКИН — ответственный секретарь

А. Г. МАНЬКОВ, И. П. МЕДВЕДЕВ,

А. Н. НЕМИЛОВ, А. И. РОГОВ,

Н. В. СИНИЦЫНА, В. И. УКОЛОВА,

Б. Н. ФЛОРЕЯ, Л. С. ЧИКОЛИНИ,

А. Н. ЧИСТОЗВОНОВ, С. О. ШМИДТ

МОСКВА «НАУКА» 1993

Рецензенты:

М. Л. Абрамсон, Л. П. Решина,
кафедра истории средних веков МГУ
им. М. В. Ломоносова

На форзацах:

Париж. Гравюра начала XVII в.

*Сигизмундов план Москвы.
Фрагмент гравюры. 1610 г.*

История Европы. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV — первая половина XVII в.). — М.: Наука, 1993. — 656 с.
ISBN 5-02-009072-7

Третий том «Истории Европы» (предыдущие — 1988 и 1992 гг.) построен по проблемно-региональному принципу, что позволило раскрыть специфику социально-экономических отношений и политических структур в Европе конца XV — первой половины XVII в. Особые разделы посвящены народным движениям в городе и деревне, проблемам Реформации и Контрреформации, великим географическим открытиям. Большое внимание уделено проблемам культуры и идеологии, в частности эпохе Возрождения и гуманизму.

И 0503010000-074
042(02)-93 Подписное издание

ББК 63. 3 (0)

ISBN 5-02-009072-7

© Российское академическое издательство
«Наука», 1993

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха коренных сдвигов, вызревания глубоких перемен в социально-экономической, политической и культурной сферах жизни является предметом рассмотрения в третьем томе «Истории Европы». Эта переходная эпоха, условно называемая поздним средневековьем, занимает краткий по сравнению с огромным хронологическим охватом двух предшествующих томов период, который, однако, получил в европейской истории совершенно исключительное значение — как преддверие нового времени.

К концу XV — XVI в. кругозор европейцев невиданно расширяется, меняется их мироощущение. Темпы исторического развития убыстряются, все далее отступает патриархальная медлительность средневекового феодального общества. Огромная пропасть отделяет XVI век от XV века. С последней трети XV в. закладываются основы капиталистического способа производства. Заметно возрастает не только уровень производительности труда, изменяются формы его организации, само отношение к труду, складывается новая этика труда. Постепенно входят в жизнь технические нововведения и изобретения, расширяются торговые связи, углубляется процесс формирования национальных рынков, начинается образование мирового рынка. Новые формы обретает государство. Небывалого расцвета достигает культура.

Авторы и редакторы тома не ставили своей задачей ни всеобъемлющий охват истории всех европейских государств и государственных образований, ни строго последовательное изложение исторических событий, невозможное в объеме одного тома.

В томе сделана попытка на примере наиболее характерных процессов и событий наметить и объяснить самые существенные черты, общее и специфическое в истории европейских стран в период перехода от феодализма к капитализму. Эти процессы рассматриваются в сочетании и взаимовлиянии явлений социально-экономических, политических и культурно-исторических как многомерная реальность европейской истории. В соответствии с этим том делится на шесть частей: проблемы социально-экономического развития; формирование и функционирование политических структур отдельных стран и регионов в сочетании с характеристикой наиболее важных событий политической истории и исторических деятелей; Реформация и Контрреформация; различные проявления социальной и классовой борьбы — от отдельных народных восстаний и движений в разных регионах и странах до Крестьянской войны в Германии и первой раннебуржуазной революции в Нидерландах; международные отношения от великих географических открытий до Вестфальского мира, завершившего Тридцатилетнюю войну; история культуры, игравшей в ту эпоху — эпоху Возрождения, гуманизма и Реформации — особую, неповторимую в общеевропейской и общечеловеческой истории роль.

Проблематика каждой из шести частей рассматривается на материале истории отдельных стран Западной, Центральной и Восточной Европы, как они сложились на исходе XV и в течение XVI в. Именно в этот период приобретает зримые очертания процесс становления национальных госу-

дарств, что диалектически сочеталось с усилением взаимосвязанности процессов общеевропейского развития. Рассмотрение истории отдельных стран в рамках указанных проблем позволяет составить представление обо всем богатстве и своеобразии европейской истории с присущими ей глубокими различиями и в пределах крупных регионов (прежде всего речь идет о Западной и Восточной Европе).

В XVI в. начинают формироваться непосредственные предпосылки нашей духовной жизни, с этого времени Запад явственно накладывает свой отпечаток на историю всех стран земного шара (К. Ясперс).

Именно в эту эпоху, часто называемую временем «великого прорыва», закладываются основы современного нам мира в разных сферах человеческого существования. Именно из той эпохи тянутся многие нити к нашему времени; тогда возникли проблемы, нашедшие или еще ищущие своего разрешения лишь в XX в.: предыстория капитала, начало капиталистической эры, определившей на несколько столетий историческое развитие народов Европы и связавшее с ее историей в тесный, часто трагический узел жизнь других народов и континентов, приводит к великим потрясениям и качественно новым преобразованиям нашей эпохи. Возрождение и Реформация заложили основы современного знания как в области естественных и точных наук, с тех пор базирующихся на эксперименте и принципиально новой системе доказательств, так и в сфере гуманитарной и политической мысли. Имена Ф. Бэкона и Декарта знаменуют рождение философии нового времени. Начавшееся в ходе великих географических открытий познание Земли завершается лишь в нашем столетии открытием Северного и Южного полюсов. В наши дни рухнула колониальная система, основа которой была заложена в ходе великих географических открытий. В битвах и диспутах Реформации европейцы отстаивали право выбирать веру, став тем самым на путь выработки понятия свободы совести — одного из основополагающих понятий в системе гражданских прав и свобод. Развивается секуляризация европейского сознания, процесс «обмирщения» Европы. В результате деятельности гуманистов сложилась новая система университетского образования, многие особенности которой дожили до наших дней. Реформация отточила критическую мысль европейцев, оказала огромное влияние на развитие национальных языков.

Трактаты Гуго Гроция заложили основы международного права. Эразм Роттердамский в трактате «Жалоба мира» впервые осудил войну, всякую войну вообще. К 1638 г. относится «Великий план» (или «Великий замысел») министра Генриха IV Сюлли, где рассматриваются, хотя и в утопической форме, и поныне не разрешенные проблемы исключающего войны объединения и политического устройства Европы как некоего единого целого.

Многие привычные нам реалии повседневности — григорианский календарь, двойная бухгалтерия, обязательный экземпляр книг для библиотек и т. п. — ведут свое происхождение от конца XV — XVI в. Тогда же появляется и само слово «рабочий».

Эта эпоха стала важным переломным этапом и в истории России. Завершается процесс складывания единого государства, в основе которого лежали глубокие социальные изменения, заметный экономический подъем, политические успехи, рост народного самосознания. Государство, перешагнувшее рамки Великого княжества Московского, переживает территориальное расширение, ряд реформ, трансформацию аппарата власти, интенсивное законодотворчество, становление новых отношений с церковью, формирование новой идеологии. Это символически выразилось в изменении государственного статуса и венчании на царство по обряду византийских императоров молодого Ивана IV, в 1547 г. принявшего титул «царя и великого князя всея Руси...».

С конца XV и особенно в XVI в. Россия все более широко вовлекается в орбиту общеевропейской политики и торговли. Ее хотели видеть союзником в борьбе против Османской Порты, в противоборстве политических сил на Европейском континенте. Папство не прекращало попыток втянуть ее в орбиту католического влияния, особенно в связи с успехами Реформации. Императоры Священной Римской империи Максимилиан и Карл V придавали большое значение участию России в общеевропейских делах.

В 1518 г. в Москву прибыли имперские послы с предложением присоединиться к антитурецкой коалиции; в ходе переговоров Россия рассматривалась среди тех стран Европы, которые должны быть гарантами сохранения европейской независимости перед лицом турецкой опасности. Русские послы появляются при различных европейских дворах, в Москву прибывают представители европейских (и не только европейских) держав.

Трагические потрясения в царствование Ивана Грозного и в начале XVII в. принесли стране множество бедствий, но не подорвали поступательного хода развития Российского государства; рост его значения в сообществе европейских народов не прекратился.

Переход от средневековья к новому времени был насыщен драматическими событиями. Внезапное расширение мирового рынка, возросшее разнообразие обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства. Эти крайне болезненные процессы продвинули Европу к более прогрессивному общественному строю, создавали предпосылки формирования новых социальных сил, новых антагонистических классов — пролетариата и буржуазии.

В области социально-экономической в ведущих регионах и странах Европы важнейшими явлениями в рассматриваемый период были процесс первоначального накопления и генезис капитализма, возникновение нового социального деления общества, сосуществовавшего со старым феодальным и боровшегося с ним, но и приспособлявавшегося к нему. Происходит качественное изменение феодальной собственности, формирование новых раннекапиталистических отношений.

В XVI в. развивается процесс уничтожения частной собственности, покоящейся на собственном труде. С конца XV в. возникают процессы, в результате развития которых в старой Европе были созданы капитал и наемный труд.

Центральное столетие рассматриваемого периода — XVI век принято считать началом капиталистической эры. Действительно, самые ранние капиталистические отношения появились еще в XIV в. в городах-эмпориях и других развитых центрах Италии и Нидерландов, их развитие отмечено в Англии конца XV в., но общеевропейским, хотя и не повсеместно распространенным явлением они становятся лишь в XVI в.

Формирование капиталистических отношений привело к тому, что европейская история превратилась во всемирную. Испания, Португалия, Нидерланды, Англия открывают для Европы земли Нового Света — Америку, Юго-Восточную Азию, Австралию, многочисленные острова. Поистине грандиозны были русские географические открытия на севере и востоке Европы и Азии: приобретенные территории вдвое превосходили все западноевропейские земли.

Новые проблемы, которые ставит все усложняющаяся жизнь, возникают перед феодальным государством и меняют его формы. Начинается эпоха абсолютных монархий.

Наконец, длительное развитие культуры Возрождения знаменует революционный переворот во всей системе европейской культуры, мышления, понимания места человека в мире, который все более и более ощущался как новый мир с новыми возможностями и задачами.

* * *

Редколлегия тома приносит глубокую благодарность всем научным учреждениям и отдельным ученым, своими отзывами и критическими замечаниями оказавшим существенную помощь в работе над томом, а также всем лицам, оказавшим содействие в подготовке карт и иллюстраций.

Многоцветные карты составлены С. А. Ромашовым и В. С. Горсковым. Авторские макеты большей части черно-белых карт выполнены С. А. Ромашовым, работа по составлению карт осуществлена картографами Института российской истории РАН и издательства «Наука» при участии В. А. Ведюшкина.

Библиографию к тому составил В. А. Ведюшкин с использованием материалов, предоставленных ИНИОН РАН, и при участии авторов соответствующих глав.

Хронологическую таблицу к тому составил В. А. Ведюшкин.

Иллюстративный материал подобран В. А. Ведюшкиным и В. М. Володарским.

Указатели к тому составлены Е. Н. Балашовой.

Научно-вспомогательная работа выполнена Т. Е. Егоровой и Е. А. Тушиной.

Часть первая

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Введение

1. Материальная культура и образ жизни в Европе на исходе средневековья
2. Англия
3. Франция
4. Нидерланды
5. Германия
6. Страны Северной Европы
7. Италия
8. Страны Пиренейского полуострова
9. Австрия, Чехия, Польша. Великое княжество Литовское
10. Россия
11. Венгрия
12. Османская империя
13. Южнославянские владения Венеции и Габсбургов. Дубровник
14. Дунайские княжества

ВВЕДЕНИЕ

Характер процессов, протекавших в Европе в XVI в., вот уже в течение века служит предметом непрекращающихся научных дискуссий. Камнем преткновения служит, собственно, один только вопрос: в каком смысле правомерно рассматривать 1500 год в качестве точки отсчета нового периода европейской истории? Вкратце ответы современной историографии на этот вопрос сводятся к двум взаимоисключающим положениям. XVI век — период демографического и хозяйственного подъема, выразившегося в росте народонаселения, увеличении массы драгоценного металла на денежном рынке (благодаря все возрастающему притоку золота и серебра из испанских владений в Америке и улучшению технологии добычи серебра в Германии), расширении международной торговли (и между европейскими странами, и заокеанской), росте продуктивности сельского хозяйства, расширении промышленности, улучшении условий жизни основной массы населения. Экономический подъем XVI в. наступил после фазы демографической и хозяйственной депрессии XIV — XV вв. Решающий фактор в смене экономических циклов приверженцы чисто количественной интерпретации характера указанных процессов усматривают в демографической ситуации. В целом это мальтузианская концепция экономической истории.

Иная точка зрения восходит к К. Марксу и его анализу структурных сдвигов в обществе, происходивших под влиянием социально-экономических процессов XVI в. Определяющий фактор этих сдвигов Маркс видел в генезисе капиталистического способа производства, ставшего с тех пор отличительной особенностью и решающим фактором исторической эволюции европейского общества.

С этой точки зрения на место более или менее обезличенных хозяйственных циклов «подъема» и «депрессии» экономики ставится периодизация, основанная на структурной прерывности исторического процесса. Именно в подобном видении проблема 1500 г. оказывается вехой искомого перерыва между чисто средневековыми общественными структурами и структурами, предвещавшими наступление нового времени. В анализе последних можно следовать двумя путями: раскрывая термин «Европа» в смысле географическом — тогда она предстанет как простая совокупность стран, процессы в которых обособлены и «замкнуты на себе», — и раскрывая тот же термин исторически, т. е. системно, — и тогда Европа предстанет как динамическая взаимосвязанная целостность. Итак, всемирно-историческая универсальность и европейская уникальность общественного развития в XVI в. заключаются в необратимом генезисе капиталистического уклада в лоне феодального строя. В качестве наиболее подвижного элемента европейской экономики его структурообразующая роль впредь в том и заключалась, что все прочие — как экономические, так и внеэкономические — составляющие европейского общества должны были отныне «отвечать», реагировать на вызовы, бросавшиеся им этим укладом. Сила «вызова» и характер дававшегося на него «ответа» определяли место каждого данного этнополитического образования в рамках Европы того времени.

Генезис капитализма имеет свою хронологию, выступающую на двух уровнях: общеевропейском (т. е. имеющем тенденцию стать всемирно-историческим) и локально-историческом (точнее, национальном). Хотя датировка его начала на этих уровнях может значительно расходиться (запаздывание на последнем уровне), тем не менее ни один из национально-хозяйственных организмов не оставался в стороне от той или иной формы взаимодействия с этим процессом. Точно так же значителен разброс отдельных регионов с точки зрения форм и ритмов процесса, логически и в значительной мере исторически предшествовавшего генезису капитализма, — так называемого первоначального накопления. Разумеется, наличие рынка «свободной» рабочей силы — необходимое условие для возникновения капиталистических форм общественного производства. Однако формы насильственного отрыва работника от фактически или юридически ему принадлежавших средств производства различаются от одной страны к другой в такой же степени, как и формы и темпы становления самого капиталистического уклада. Интенсивность процесса первоначального накопления сама по себе еще не является показателем интенсивности капиталистического развития данной страны.

Рассматривая генезис капитализма с точки зрения решающей егосылки — аграрной революции капиталистического типа — массового и насильственного отрыва непосредственного производителя от средств производства и вытеснения его на рынок труда, — нетрудно заключить, что в рамках XVI в. она развернулась только в Англии и в гораздо меньшей степени затронула Северо-Восточную Францию и Северо-Западную Германию. В целом же в странах «старой сеньории» этот процесс не носил революционного характера, а растянулся на длительный период. К тому же решающую роль играли здесь иные формы того же процесса (налогообложение, ипотека и др.). Точно так же XVI век, несмотря на многочисленные технические находки и нововведения, еще не был отмечен подлинной технической и технологической революцией. Помимо распространения насосов для откачки воды из шахт, позволивших их углубить, воздуходувных мехов в металлургии, позволивших перейти к плавке железной руды, и механических станков (волоочильных, гвоздильных, чулочных), производительный труд в промышленности в значительной мере оставался ручным.

Наконец, рассматривая предпосылки генезиса капитализма в Европе, нельзя пройти мимо состояния внутреннего и международного рынка, товаров и денег. В данном отношении мера «подготовленности» отдельных европейских стран к превращению в колебель капиталистического способа производства была весьма различной. С одной стороны, интенсивность разложения сеньориального строя определяла в решающей степени емкость внутреннего рынка; с другой стороны, мера участия данной страны в международном разделении труда и тем самым обмене товарами и драгоценными металлами (в форме денег) зависела от меры ее подготовленности к массовому производству определенного рода товара (национального продукта) для сбыта на внешних рынках. Поскольку речь идет о промышленности, эта мера обуславливалась не только степенью разложения цехового начала, но и интенсивностью ее перемещения в сельскую округу городов с их корпоративным строем.

Наконец, характер генезиса капиталистического уклада зависел и от географического положения данной страны по отношению к новому направлению международных торговых путей — к Атлантике. После открытия Нового Света и морского пути в Индию превращение Средиземного моря в далекую периферию нового, северо-западного узла международных морских коммуникаций сыграло немаловажную роль в попятном движении — увядании и постепенном исчезновении ростков раннего капитализма в экономике Италии и Юго-Западной Германии.

Таким образом, само по себе наличие в данной стране крупных капиталов не играло решающей роли в превращении торгового и ростовщического капитала в перводвигатель генезиса капиталистического уклада. Это подтверждается экономической историей Венеции, Генуи, Флоренции, Милана, Аугсбурга. В XVI в. крупные капиталы итальянских банкиров, как и Фуггеров и Вельзеров в Германии, постепенно либо иммобилизовались в приобретениях их обладателями недвижимости (земельных владений и собственности в городах), либо поглощались коронованными должниками. Иначе говоря, крупные капиталы превращались в динамическое начало процесса преобразования общественного способа производства только при наличии перечисленных выше факторов.

Основанное на сочетании традиционных и новых (капиталистических) общественно-экономических структур в странах, вовлеченных в интенсивный торговый обмен, международное разделение труда позволяет выделить в Европе XVI в. три ареала, каждый из которых именно благодаря специфике региональных условий становится составляющим единой хозяйственной системы. В последней трети XVI в. эта система включала: а) северо-западный регион (Англия, Нидерланды), в котором капиталистический уклад являлся уже в плане хозяйственной динамики ведущим; б) центральный регион (включая, с одной стороны, христианское Средиземноморье, и прежде всего Пиренейский полуостров, а с другой — Скандинавию), доставлявший на общеевропейский рынок некоторые виды промышленного сырья и драгоценные металлы, притекавшие из Нового Света; в) восточный регион (включая Балканские страны и Венгрию на юго-востоке, Польшу и Прибалтику — на востоке), доставлявший на тот же рынок зерно, скот, лес и др.

Что касается общеевропейской ситуации в ее ведущих тенденциях, то на первый план выступает проблема так называемой революции цен. Период 1480—1620 гг. характеризовался в Европе высоким уровнем цен на продукты питания. Но если этот отправной факт экономической истории XVI в. сомнению не подвергается, то ответы на вопрос о причинах «революции цен» в XVI в. вызвали длительную научную дискуссию, не прекращающуюся по сей день¹. Объяснение этого феномена, положившее начало столь длительной дискуссии, принадлежит американскому историку Э. Гамильтону, усмотревшему прямую связь между интенсивностью роста цен и объемом драгоценных металлов, доставлявшихся в Европе из Нового Света. Иной точки зрения придерживалась шведская исследовательница И. Хаммарстрём, полагавшая, что рост деловой активности обусловил рост цен, в свою очередь приведший к росту поставок драгоценных металлов на европейский рынок².

Дальнейшая дискуссия привела, с одной стороны, к ограничению хронологических рамок фактора роста объема денежной массы 20-ми годами XVI в. (когда приток драгоценных металлов из-за океана достиг достаточного уровня, чтобы сказаться на движении цен); с другой — влияние этого фактора было поставлено в зависимость от увеличения занятости, т. е. от того, приводил ли приток драгоценных металлов к расширению объема производства продукта. «Революцию цен» обусловил не сам по себе приток драгоценных металлов, а контекст общественно-экономиче-

¹ От средних веков Европа унаследовала большое расхождение синхронных цен между различными хозяйственными регионами. Так, в 1500 г. разрыв между ценами на рынках североитальянских городов и Восточной Европы составлял 6:1; в 1600 г. — 4:1; только к середине XVIII в. цены постепенно выравнивались. Это означало, что завершилось формирование общеевропейского рынка.

² *Hamilton E. American Treasure and Andalusian Prices 1503—1660 // Journal of Economic and Business History, 1. 1928. N 1. P. 34; и др. работы; Hammarström L. The Price Revolution of the Sixteenth century. Some Scandinavian Evidence // Scandinavian Economic History Journal. 1917. Vol. V, N 1. P. 131.*

ских и политических условий, в котором этот фактор себя проявил, — таков объективный путь анализа тезиса, выдвинутого Гамильтоном.

Вся проблема последствий притока в Европу драгоценных металлов из-за океана должна рассматриваться не глобально, а сугубо регионально, т. е. в связи со спецификой политических, экономических и социальных условий, характерных для данного ареала.

Так, например, в Испании приток заокеанских сокровищ сказался в первую очередь в области военно-политической — сокровища превратились в инструмент войны, отвлекшей энергию и ресурсы нации от производительного их использования, и привели к пренебрежению интересами национальной промышленности. В результате — экономическое оскудение страны среди богатств, уплывавших в другие страны, поставившие на испанский рынок и тем самым в испанские владения за океаном товары, которые с успехом могли быть произведены внутри страны.

В то же время такие страны, как Голландия и Англия, с растущим городским населением (на фоне общего роста народонаселения) и перераспределением трудовых ресурсов в пользу промышленности, транспорта, промыслов, достигли предела — для того уровня агрикультуры — в производстве зерна. Отсюда рост импорта зерна из Польши и Прибалтики. Для этих стран рост цен сказывался благотворно на деловой активности и в городе, и в деревне.

Включение в сферу европейской хозяйственной системы заокеанских источников сырья и драгоценных металлов, равно как и рынков для европейских товаров, радикально изменило пассивный торговый баланс, столь характерный для средневековой европейской торговли со странами Востока. И с этой точки зрения решающим фактором общественно-экономической истории Европы XVI в., позволяющим датировать начало новой всемирно-исторической эпохи, явилась, разумеется, не «революция цен», а возникновение капиталистической системы и связанного с ней мирового рынка, ставшего с этих пор ключевым фактором эволюции европейского, и не только европейского, общества.

Рассматривая «революцию цен» в связи с этим ключевым фактором, не трудно заметить, что в одних странах инфляционная конъюнктура содействовала процессу первоначального накопления, возвышая носителей капиталистического способа производства (прежде всего в деревне) за счет получателей феодальной ренты, феодально-зависимого крестьянства и раннекапиталистических элементов в городах. Что же касается слоя работников по найму, то, по общему признанию, заработная плата в XVI в. явно отставала от роста цен на зерно, т. е. реальная заработная плата снизилась по сравнению с предшествующим периодом.

Вот как выглядит динамика реальной заработной платы английского плотника в регионе с интенсивно протекающим процессом первоначального накопления, предвестником генезиса капитализма соответствующей интенсивности (в килограммах пшеницы):

1501—1550	122,0
1551—1600	83,0
1601—1650	48,3

Но вот примеры иной, если не противоположной, динамики. В северо-итальянских городах, равно как и во фландрских, в том же XVI в. уровень заработной платы работников по найму почти жестко коррелировался с динамикой цен на пшеницу. Причины и суть такой динамики совершенно ясны: речь идет о традиционных центрах, где средневековые структуры оказались достаточно сильными, чтобы противостоять тенденциям первоначального накопления, что само по себе служило свидетельством упадка этих центров, уступивших свое бывшее лидерство новым.

В целом «революция цен», т. е. инфляционная конъюнктура, вызвала перераспределение доходов между старыми и новыми имущими классами в пользу последних — в странах с наиболее размытыми традиционными общественно-экономическими структурами (в Голландии, Англии, частично — во Франции), и между дворянством и третьим сословием — в пользу первого — в регионах восточноевропейских. В результате инфляционная конъюнктура явилась экономическим механизмом, методом «обложения» политически слабых секторов национальной экономики в пользу секторов, находившихся под покровительством политических структур.

Что же касается экономической конъюнктуры Европы в целом, то XVI в. явился периодом подлинной торговой экспансии за пределами континента, экспансии, повлекшей за собой развитие промышленности, либо этой экспансией в значительной степени вызванной к жизни (переработка заморского сырья — хлопка, сахара, красителей), либо традиционной, но удовлетворяющей спрос за морями на европейские товары (ткани, оружие, кожаные изделия и др.). И то обстоятельство, что одни страны оказались более подготовленными для участия в этой экспансии, чем другие, объясняет меру неравенства в распределении доходов от нее между ними — в зависимости от функций отдельных стран в международном разделении труда. С этой точки зрения северо-западный регион Европы (Голландия, Англия и частично Франция) составил в XVI в. торговую-промышленную сердцевину Европы, характеризовавшуюся преобладанием капиталистической мануфактуры (прежде всего рассеянной). В противовес ему ряд регионов Центральной и Восточной Европы, в особенности к востоку от Эльбы, оказались функционально на положении аграрно-сырьевого придатка.

Вопрос о специфике исторической эволюции этого региона в XVI в. в противоположном в сравнении с Северо-Западной Европой направлении — от натурально-денежных форм феодальной ренты к крепостничеству и барщинной системе — абсолютно невозможно решать в отрыве от специфических особенностей экономических и общественно-политических структур, сохранившихся здесь к началу генезиса капитализма на северо-западе континента. В конечном счете так называемое второе издание крепостничества в регионе к востоку от Эльбы было следствием появления в Европе капиталистического рынка, преломленным через призму интересов феодального дворянства, оказавшегося способным навязать свой диктат системе власти. Таким образом, капиталистическая кооперация и мануфактура к западу от Эльбы и барщинное хозяйство к востоку от нее при всей противоположности их социально-экономической природы не только синхронные явления, но и порождения одного и того же процесса генезиса капитализма. Специфику общественно-экономических структур в основных регионах Европы хорошо иллюстрирует тип основного непосредственного производителя XVI в. — крестьян, составлявших 90—95% ее населения:

1. Лично свободные держатели земли за денежную (натуральную) ренту;
2. Свободные держатели (арендаторы) земли исполу — «испольщики»;
3. Лично зависимые держатели земли с незначительным удельным весом барщины в составе ренты;
4. Крепостные с преобладанием барщины в составе ренты;
5. Безнадельные (лично свободные и крепостные) работники по найму или находящиеся на положении дворовых слуг;
6. Лично свободные крестьяне — собственники своих наделов;
7. Крестьяне-арендаторы.

Распределение этих типов крестьян по регионам Европы в целом отражало уже известные нам три региона: необратимого генезиса капитализма;

обратимого генезиса капитализма (Юго-Западная и Прирейнская Германия); второго издания крепостничества. Естественно, что типы 1, 6, 7 абсолютно преобладали в первом из перечисленных регионов, тип 2 — в субрегионе Юго-Западной Европы, тип 3 — во втором регионе, тип 4 — в третьем регионе. Что же касается крестьян типа 5, то в положении лично-свободных они характерны для стран Северо-Западной Европы — здесь их роль была особенно велика в качестве работников ремесленной мануфактуры, в положении зависимых — для третьего из перечисленных регионов.

В целом в регионах, где было невозможно создавать — при помощи огораживаний — поместья нового типа, равно как и поместья, основанные на барщинном труде крепостных, т. е. на юге Франции и на севере Италии, система половничества являлась своего рода средним путем реакции сеньориального класса на коммерциализацию сельского хозяйства. Немаловажным обстоятельством распространения этой практики являлось существование развитых торговых центров и экономически влиятельного купечества: в этих условиях многие земельные владения оказывались в руках городских денежных людей; рассматривая их в качестве коммерческого и обеспеченного вложения денег, они прибегали к системе субаренды на условиях половничества, как к наиболее «разумной» системе ведения дела. Что же касается Северной Франции, то сама размытость системы крупных поместий к XVI в. в ряде провинций заставляла сеньоров добиваться увеличения своих доходов на пути сеньориальной реакции, т. е. усугубления феодальных форм власти над земледельцем. Картина сдвигов в социальной структуре народонаселения в Западной Европе была бы неполной, если не обратить внимание на рост численности класса вытесненных из деревни людей, составивших слой предпролетариата. Поскольку их труд не мог еще найти применения в централизованных мануфактурах, они заполняли города, в поиске случайных заработков составляли экипажи торговых кораблей, питали бродяжничество, наемные армии. Дешевизна рабочих рук являлась важной предпосылкой становления капиталистического уклада как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Глава 1

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗ ЖИЗНИ В ЕВРОПЕ НА ИСХОДЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

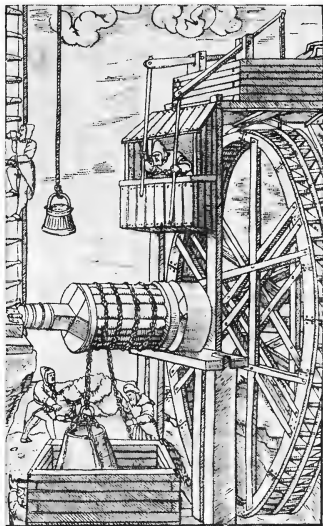
Европейская история XVI — первой половины XVII в. при всем разнообразии локальных вариантов отмечена общностью поступательной тенденции развития, невозможного без глубоких преобразующих процессов во всех сферах — хозяйственно-организационной, духовной и социально-политической, без утверждения нового взгляда на устройство вселенной, сформировавшегося в атмосфере духовного климата Ренессанса и исканий гуманистической мысли, без совершенствования искусства кораблестроения, мореходства и навигации, картографирования, прогресса техники на основе обобщения опыта предшествующих поколений и современников, когда сполна и широко смогли быть реализованы возможности великих изобретений классического средневековья (компас, косой латинский парус, порох, книгопечатание), сделаны важные шаги в усовершенствовании механизмов, технологии, организации производства в горно-

добыче, металлообработке, литейном деле, текстильном производстве, средствах коммуникаций. Открытия Коперника, Кеплера, Галилея, Декарта и др., заложивших основы современного научного знания — астрономии, математики, физики, химии, были реализованы уже в другую эпоху — во второй половине XVII в. и особенно в XVIII в., когда развернулся процесс индустриализации.

Рассматриваемые столетия — это еще время изобретателей и практиков. Одной из главных их задач был поиск путей совершенствования приспособлений для использования силы традиционных источников энергии — воды и ветра — и передачи ее механизмам и аппаратам, облегчавшим и ускорявшим трудоемкие производственные процессы. Ренессансная инженерная мысль экспериментировала над мельничным горизонтальным колесом, которое теперь стали делать с лопастями. Идея турбины, заложенная в этих исканиях, нашла свое воплощение лишь в XVIII в. Совершенствовалось и вертикальное мельничное колесо. Возрос почти вдвое — иногда до десяти метров — его диаметр.

В областях, бедных реками, использовали ветряные мельницы. В XVI в. их стали делать с вращающимся корпусом; особый их тип — бокмюле, где подвижным был только верх мельничной башни, — возник в Нидерландах. Энергетические возможности бокмюле превосходили мощность водяного колеса. В 1592 г. их стали соединять с пилами. Как источники энергии мельницы постепенно стали применяться для механизации особо трудоемких процессов: измельчения и толчения руды, в кузнечных и прокатных операциях, для приведения в движение шлифовальных приспособлений, буров, обработки кож и валки сукон, приготовления бумажной массы и др.

Техническое совершенствование средств производства было тесно связано с улучшением конструкции и технологии изготовления винта — важнейшего элемента любого передающего энергию аппарата. Винты делали вначале вручную с помощью резца или напильника из дерева и металла. Новые перспективы открылись с распространением токарного станка (одно из первых известных его изображений относится к 1568 г.) и технологии отливки винтов из бронзы и латуни. Закладывались основы их массового производства, механизировались производственные процессы. Одной из важнейших сфер применения металлического винта стали книгопечатание и монетное дело. Печатный винтовой пресс, впервые использованный ок. 1550 г. в Нюрнберге, существенно повышал качество оттиска и производительность печатного станка. С середины XVI в. новый метод денеж-

Подъемное колесо.
Гравюра XVI в.

ной чеканки утверждается в Аугсбурге и Цюрихе, в монетном дворе Лувра, в габсбургских монетных дворах, в Сеговии.

К 30-м годам XVI в. восходит одно из ранних описаний обработки железа с помощью валков. Они использовались в прокатном и волочильном процессах, для производства проволоки, игл и особенно белой жести. К началу XVII в. были известны уже различные их типы, в том числе и механические для получения тиснения на золоте, меди, свинце.

Возросло употребление помп, особенно отсасывающих, в горном деле. Это было связано с углублением шахт в районах добычи серебра и меди, достигавших теперь 200—300 м и более. Техническая мысль в горнорудном производстве была направлена на совершенствование осушительных приспособлений и на замену ручного труда конной или механической тягой. В середине XVI в. на свинцовых рудниках в чешских Рудных горах был установлен ворот, работавший от конной тяги.

Следующий важный технический шаг в горнодобыче приходится на конец 20-х годов XVII в., когда впервые в Германии был применен метод взрыва породы. Повышению производительности труда способствовали также улучшение со второй половины XVI в. системы вентиляции в шахтах и использование двигавшихся по деревянным рельсам вагонеток для доставки руды: впервые они появились в XVI в. на меднорудных промыслах в Словакии и Гарце, оттуда распространились в английских каменноугольных копях.

Качество металла зависело от предварительной обработки (толчение, обжиг, промывка, просеивание). В XVI в. эти разрозненные производства все чаще начинают концентрироваться в рамках единого предприятия. На промыслах по добыче свинца и олова в Словакии в XVI в. работало до ста таких предприятий (от 12 до 40 человек). Другим направлением технических поисков был пробирный анализ и накопление знаний о свойствах различных металлов и минералов.

Добыча благородных и цветных металлов и их обработка играли важнейшую роль. В золоте и особенно серебре, как важнейшем средстве обмена, остро нуждались королевские, имперские, княжеские монетные дворы. Цветные металлы и их сплавы шли на производство оружия, предметов культа, домашней утвари. Изделия из металла поглощались местным и региональным рынком, использовались как эквивалент в торговле с заморскими странами. Именно в этой области достижения творческой мысли практиков были особенно заметны. Был усовершенствован метод зейгерования: выделения с помощью свинца серебра из смешанных серебряно-медных руд. Он стал основой нового подъема европейского производства серебра и меди в XVI в.; в некоторых горнорудных районах оно увеличилось в десять раз. Другим новшеством было амальгамирование: выделение серебра из руды с помощью ртути; в европейской технической литературе оно было описано в 40-х годах XVII в.

Были усовершенствованы способы производства латуни из сплава меди и гальмея. В конце XVI — начале XVII в. появились описания изготовления латуни из соединения меди с оловом. Олово стали широко использовать для лужения поверхности листовой меди и железа. Новый сплав, более дешевый и прочный, свинца с сурьмой заменил оловянное литье, из которого первоначально делали типографские литеры. Разнообразились и улучшались, особенно в Англии в XVII в., методы производства стали путем легирования.

Совершенствовались процесс плавки и конструкция плавильных печей. Были освоены доменный и мартеновский процессы, производство брусковой стали. Расширилось использование каменного угля, обладавшего более высокой температурой горения по сравнению с древесным углем и торфом. Стремление к замене древесного угля каменным в известной мере было связано также со стремительным сокращением в XVI в.

лесных массивов. В 20-х годах XVII в. в Англии был найден способ очистки каменного угля. Переход металлургии на каменный уголь выводил ее из тупика, в который она зашла к середине XVI в. из-за недостатка топлива. Центр металлургического производства в Европе начинает перемещаться из альпийских районов и Швеции в Англию. Это имело важные экономические и демографические последствия. Обладавшая самыми значительными запасами коксующихся углей Англия скоро стала первым его производителем и экспортером.

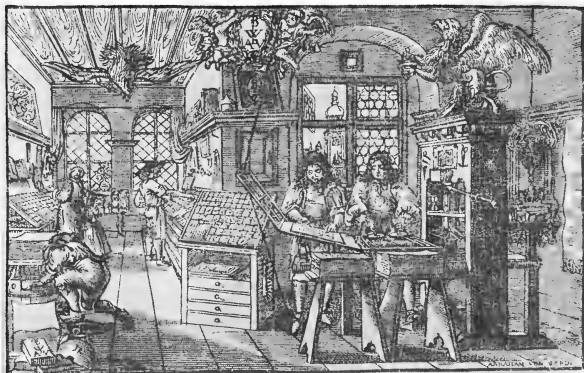
В XVII в. кокс получил здесь широкое применение в производственных процессах многих отраслей, требовавших высокой температуры: обжиг черепицы и кирпича, соле- и мыловарение, просушка мала. Применение каменного угля для стеклоделия сделало возможным разработку технологии производства очищенного прозрачного стекла и стимулировало прогресс отрасли в целом. С конца XVI в. получила распространение гравировка стекла посредством специального вращающегося диска с ножным приводом, с XVII в. — механическим; улучшилось качество и расширилось производство оконного стекла, широко применявшегося в ренессансной строительной практике. К XVI в. относится изготовление линз; посредством комбинации разных их типов (выпукло-вогнутых) добились увеличения изображения предмета, находящегося на значительном расстоянии. В конце века в Италии на этой основе был сконструирован телескоп, скопированный потом голландцами. Дальнейшей ступенью развития стали телескоп и микроскоп Галилея.

Расширение знаний о химических процессах и свойствах различных соединений сказалось на совершенствовании многих производственных процессов: отбелики и крашения тканей, дубления кож, производства бумаги, красок, лаков, мыла, рафинирования морской соли. Повышению производительности на соляных промыслах способствовало устройство градирен.

Важная роль в распространении технического опыта принадлежала книгопечатанию. Оно стало не только мощным фактором культурного подъема, но и одним из первых, технологически наиболее совершенных воплощений идеи рождавшегося массового производства. К 1500 г. книгопечатание было уже известно в двенадцати странах. Типографские прессы работали в Венеции, Лионе, Париже, Руане, Бордо, лондонском Вестминстере, Стокгольме, Неаполе, Валенсии и Севилье. Европейской известностью пользовались типографии Антона Кобергера из Нюрнберга, Иоганна Фробена и Иоганна Амербаха из Базеля, вокруг которых группировались гуманисты; венецианца Альда Мануция, печатавшего античных авторов. Центром производства ученой литературы стало типографско-издательское дело Робера и Анри Этьенов в Лионе. Один из решающих шагов по пути «индустриализации» типографского дела был предпринят Кристофом Плантенем в 1549 г. в Антверпене. Из его типографии вышел Луи Эльзевир — основатель знаменитого издательства в Лейдене. Крупнейшими центрами книгопечатания в Восточной Европе в XVI в. стали Львов и Киев.

Уже с 1460 г. книги стали снабжать иллюстрациями, гравюрами с деревянных или медных досок, печатать диаграммы, ноты, планы, карты. О массовом спросе на книгу говорят сорок тысяч изданий до 1500 г., известные ученым. Зарождается техническая литература. Больше всего изданий было посвящено горному делу, металлургии, металлообработке. Особенно ценилось изложение Беренгуччо основ литейного дела, описание конструкций механизмов — водяного колеса и т. п. Но наибольшей популярностью пользовалось сочинение Георгия Агриколы «О горном деле и металлургии, в двенадцати книгах».

Серия «руководств» с гравюрами на меди об устройстве разнообразных машин и «орудий производства» была опубликована в 70-е годы XVI в.

Типография XVI в. Гравюра Й. Аммана.

Жаком Бессоном. В сочинениях механиков приводились изображения подъемных механизмов, мельниц, механических прессов для денежной чеканки, помп, пил; типы приводов, обеспечивавших их работу от различных источников — мускульной силы человека и животных, ветра, воды и даже горячего воздуха. Печатались сочинения о методах крашения, производстве стекла. В 1597 г. врач Андреас Лейбау систематизировал знания по химии («Алхимия»); в середине XVII в. были изданы сочинения о химических процессах и соединениях Иоганна Рудольфа Глаубера.

В Восточной Европе, на Руси получил популярность своеобразный тип сочинений — «травники», «вертограды», «лечебники», содержавшие сведения по минералогии, химическим соединениям, почерпнутые из европейских книг и собственных наблюдений.

Распространение «технической литературы» и широкий спрос на нее были обусловлены начавшимся с XVI в. процессом постепенного сближения практических знаний, накопленных в русле ремесленной традиции, с теоретическими интерпретациями природных процессов и формированием на этой основе особого социально-профессионального слоя — технической интеллигенции из числа талантливых мастеров-экспериментаторов, овладевших инженерным искусством, а также и отдельных ученых, обратившихся к промышленному производству и привносивших теоретические знания, которые отсутствовали у «чистых» практиков.

Этот процесс особенно выразителен в горнорудном, передовом для своего времени производстве. Мастера горного дела, владевшие искусством осушительных работ, установки вентиляционных приспособлений, плавки и т. п., относились к числу высокооплачиваемых, частично входили в группу предпринимателей, были близки к горной администрации. Часто таких специалистов именовали «архитектор и инженер». Понятие «инженер», первоначально известное в Италии, в начале XVII в. распространилось во Франции, Нидерландах, отсюда — в Германии: в 1630 г. Иоганн Фаульбахер назвал одно из своих сочинений по технике «Школа

инженера»; Христиан Якоби в трактате «О природе и инженерной профессии» (1649 г.) изобразил «инженера» как специалиста, сочетающего математические знания с практическими навыками в механике, и, противопоставляя его цеховому мастеру, причислял к представителям «свободных искусств».

Стремление к преодолению сословных барьеров и предубеждений, агрессивность по отношению к традиционной замкнутости и кастовости схоластической науки характерны для психологии осознававшей свою значимость, поднимавшейся новой социальной группы. Англичанин Роберт Норманн, моряк, получивший известность своими исследованиями магнетических явлений, защищал право каждого экспериментатора и практика на занятие наукой, гордясь вместе с тем, что он «не книжник».

Научное естествознание еще и в начале XVII в. делало лишь первые шаги, основные импульсы технического и хозяйственного прогресса исходили от практиков — предшественников технической интеллигенции нового времени. Как широко было практическое применение новых знаний? Путь от идеи до ее реализации был зачастую непрост и долог. Введение новшеств наталкивалось на многочисленные препятствия. Углубление шахт и устройство сложных осушительных и вентиляционных сооружений на рудниках сдерживалось их дороговизной, встречало сопротивление рядовых рудокопов, опасавшихся остаться без работы, а подчас и предпринимателей, предпочитавших хищническую эксплуатацию легкодоступных рудоносных слоев интенсификации производства и связанным с этим затратам. Не нашла сразу применения и предложенная в 1612—1613 гг. усовершенствованная конструкция стеклоплавильной печи на каменноугольном топливе. Известно упорное сопротивление цеховых и городских властей Аахена механизации кузнечных работ и других операций при обработке цветных металлов. Лишь в 1643 г. в Намюре и Бувине было преодолено сопротивление властей и мастеров использованию механизмов в обработке латуни.

Сопротивление цеховых ремесленников было вызвано не только страхом конкуренции и непосредственной угрозой разорения — обычная мотивировка цеховых запретов. Новаторство вступало в противоречие с традиционным массовым сознанием, с лежащим в его основе представлением о греховности богатств, не являющихся результатом непосредственных трудовых усилий и чреватых угрозой «достойному» существованию группы, корпорации. Это средневековое понимание принципа справедливости на уровне сознания широких слоев трудящихся несмотря на все «прорывы», оставалось достаточно устойчивым в Европе XVI — первой половины XVII в.

Лишь со второй половины XVI в. получило распространение прядильное колесо с ножным приводом, известное уже в 70—80-х годах XV в., а в усовершенствованном виде — в 20—30-х годах XVI в. В 1586 г. Антон Меллер из Данцига изобрел механический ткацкий станок, но использование его было запрещено городским советом.

Наиболее передовым в техническом отношении было шелководство, носившее с первых шагов экспортный характер и связанное с купеческим предпринимательским капиталом. Потребность в роскоши стала мощным стимулом развития и распространения этой отрасли по всей Европе. В XVI в. она выходит за пределы своей «итальянской колыбели» (Генуя, Венеция, Флоренция, Лукка), утверждается в Брюсселе, Кельне, Регенсбурге; при посредничестве итальянцев распространяется на Лион и его округ, города по Нижней Роне, Цюрих. Расцвело производство гобеленов (Брюссель, Париж), позумента, шелковых шнуров и пряжи с серебряной и золотой нитью (Базель, Вупперталь, Нюрнберг). Со второй половины XVI в. распространяется плетение кружев на коклюшках (Брюссель, Париж, Венеция).

Уже в XV в. были предприняты первые попытки механизации некоторых операций в шелкоделии (намотка нити, прядение). В XVI — XVII вв. эти приспособления, несмотря на сопротивление цехов, распространяются к северу от Альп, особенно в Бельгии и Нидерландах, так же как и специальный станок для производства узорчатых тканей (Лион) и механизм для кручения нити. Технические модели и идеи заимствовались и внедрялись в сукноделие, производство полотна, хлопчатобумажных тканей. В целом XVI — XVII вв. знали уже немало различных новшеств, облегчавших аппретуру тканей, улучшавших их плотность, качество отбеливания и крашения пряжи и т. п., в конечном счете интенсифицировавших производство, хотя ручные операции по-прежнему оставались господствующими.

Технический поиск шел рука об руку с освоением новых технологий, новых видов сырья и типов тканей: массовых и дешевых, доступных простому горожанину и зажиточному крестьянину, пользующихся спросом у жителей заокеанских стран; дорогих, роскошных, удовлетворявших изысканный вкус ренессансной аристократии, патрициата, богатого купечества. XVI — XVII вв. — время освоения производства тканей из смешанных видов сырья: льна и хлопка — итальянский «фустан», швабский «бархент»; шерсти и хлопка, шелка и хлопка. Центрами производства новых дорогих сортов тканей — бархата, атласа, парчи — стали города Верхней Италии, Валенсия, Толедо, Севилья, Париж, Лондон, Антверпен. Аугсбург и Нюрнберг.

Освоение новых видов производства сопровождалось также возвышением новых центров и областей в противовес приходившим в упадок прежним, традиционным во всех европейских странах и во всех отраслях текстильного производства. Так, в Англии XVI в. сукноделие перемещается с восточного побережья, из Суффолка и Кента, на западное, где производили джерси, дорогое тонкое сукно с глянцевои отделкой, и дешевые сукна, в выпуске которых Англия благодаря относительно широко применяемой механизации скоро получила перевес над другими странами, в том числе и Нидерландами. В немецких землях заметный с XVI в. упадок сукноделия на Среднем и Нижнем Рейне, в Вестфалии и Нижней Саксонии, в районе Аахена, Дюрена, Кельна был уравновешен подъемом центров «нового сукноделия» в Южной Германии, Эльзасе, Швейцарии. В Италии ярко выраженный упадок традиционного сукноделия в Венеции, Милане, Флоренции совпал с образованием новых центров, в том числе и специализировавшихся на массовом производстве саржи.

На распространение новой техники и технологий сильное влияние оказывали и внешнеэкономические факторы, в частности миграционные процессы, связанные с преследованиями по религиозным и политическим мотивам. Так, эмигрантам из Нидерландов, их технологическим знаниям и капиталам было обязано своим подъемом производство камвольных сукон в Суффолке, Норфолке, Эссексе, превратившееся вскоре в мощную экспортную отрасль; эмигранты оживили некоторые пришедшие в упадок старинные центры сукноделия в Северной Германии. Бельгийские и немецкие эмигранты оказали влияние на развитие производства дешевых сукон в Валансьенне, Амьене, городах Швейцарии. Сефарды¹ и итальянские эмигранты положили начало подъему сукноделия в Дубровнике, Салониках, Трансильвании. Распри и гонения на политической и религиозной почве нередко становились причиной упадка и традиционных и процветающих новых центров (производство полотна и бумагеи в Южной Германии).

¹ Сефарды — изгнанные с Пиренейского полуострова евреи, говорящие на языке ладино (сефардском).

Отмеченные закономерности характерны не только для текстильного производства. Технологический прогресс, изменения в географии размещения производственных центров и в других отраслях шел рука об руку с развитием массового производства, освоением новых видов продукции, ростом товарности, организационными изменениями. Эти взаимосвязи выявляются в металлургии и металлообработке, переживших особенно стремительный подъем.

В XVI в. получила распространение отливка орудий из меди и ее сплавов посредством земляных (песочных) и керамических форм. Прогресс в технологии производства огнестрельного оружия и орудий был связан также с применением усовершенствованного в XVII в. механического сверлильно-расточного станка для нарезки ствола. Возникают предприятия, где кооперировались кузнечное и литейное производства с определенной специализацией.

Прибыльность производства изделий из латуни и спрос на металл были настолько велики, что соответствующие предприятия создавали и территориальные властители, владельцы горных regalей в Верхней Силезии, Гарце, Тироле. Самыми значительными центрами обработки меди и ее сплавов были Нюрнберг, Брауншвейг, Аахен, округа Данцига, Гамбург и Любек, Антверпен и Амстердам.

Производство огнестрельного оружия находилось в ведении княжеских, императорского, королевских дворов, правительств городских республик (Венеция, Бергамо, Милан, Генуя, Феррара, Сиена, Лукка, Неаполь; Дубровник; немецкие имперские и вольные города; Намюр, Люттих, Антверпен). В Англии арсенал размещался в Тауэре, во Франции — в Лионе, в Испании — в Малаге. Ведущую роль в европейском производстве оружия в XVI в. играли Габсбурги, обладавшие богатейшими в Европе месторождениями медных и свинцовых руд в Карпатах, Штирии, Тироле. Самые крупные их оружейные предприятия находились в Хеттинген под Инсбруком, Граце, Виллахе (Фуггерау). При Рудольфе II оружейный двор был создан в Праге.

Распространение наемничества и рост значения артиллерии стали одним из мощных стимулов развития европейского меднометаллургического производства. В отличие от производства серебра развитие заокеанской горнодобычи его не затронуло. На протяжении XVI в. при всех региональных и временных колебаниях наблюдается повышение выпуска меди и ее сплавов во всех основных промыслах альпийского и карпатского регионов; с XVII в. — в скандинавских странах. К 1650 г. добыча меди в Швеции превзошла уровень, достигнутый на промыслах в Словакии в период их максимального расцвета в середине XVI в.

Со второй половины XVI в. и особенно в начале XVII в. с медью начало успешно соперничать железо. Чугун и сталь все больше вытесняют медь в одной из главных сфер ее применения — вооружении. Предприятия по отливке орудий из более дешевого чугуна появляются в Тироле, Вестфалии, Голландии, Испании, Италии, Крайне, Каринтии. Крупное производство орудий возникает в Швеции и Дании; в начале XVII в. появляется в домене епископа Краковского, во владениях гетмана Конецпольского и маршала Вольского на Украине. С конца 40-х годов XVII в. развернулось оружейное производство в Туле и других среднерусских городах.

В XVI в. в целом добывалось ежегодно от 60 до 100 тыс. т железной руды (данные Г. Келленбенца). Важнейшие области ее добычи, центры производства и переработки находились в Англии, Северной Испании, горных провинциях Франции, в Арденнах, округе Намюра и Люттиха, Среднем Рейне и на обширной территории к востоку от него (Тюрингия, Гарц, Силезия, Саксония, Штирия).

Заморские военные и торговые экспедиции, расширение рыболовства

на новые акватории, в том числе Атлантики и Тихого океана, изменение характера торговли, межрегиональной и заморской, в которой стали преобладать большие объемы, предметы первой необходимости и сырье — зерно, сало, металлы, строительный материал, уголь, поташ, пенька, пиво, ткани и т. п. — все это предъявляло новые требования к транспортным средствам и прежде всего к кораблестроению. Меняется тип судов, увеличивается скорость, надежность, грузоподъемность.

Строительством кораблей занимались повсюду — в гаванях Средиземноморья, Атлантики, Балтики, Северного моря, крупных рек. Издавна признанными центрами европейского кораблестроения были Венеция и Генуя, обладавшие необходимым сырьем, корабельным и мачтовым лесом, имевшие верфи и на побережье Леванта и Черного моря. До поражения в 1588 г. Непобедимой армады процветало кораблестроение на Пиренейском полуострове, где важнейшими его центрами стали гавани богатой лесами Галисии, устье Гвадалquivира, Кадис, Малага, а также Лиссабон, Порту, Виана. На Балтике, в области господства Ганзы, ведущую роль в кораблестроении по-прежнему играли Данциг и Любек. Последние десятилетия XVI в. — время подъема судостроения в Англии, скандинавских странах и утверждения ведущей роли голландцев и англичан в европейском судостроении и мореходстве. Их верфи хорошо оснащены механизмами (подъемные краны, лесопилы). Корабельный лес, поташ, деготь, пенька, которые они приобретали в гаванях Балтики и Скандинавии, обходились им относительно дешево, что снижало стоимость постройки судна. Корабли нидерландских мастеров пользовались спросом. Вплоть до реформ Кольбера их постоянно приобретала Франция. Мелкие фрахтовые суда покупали англичане. Нидерландцы первыми (через бретонцев) освоили технику постройки иберийско-португальской каравеллы, приспособив ее к условиям Балтики. Они сыграли определяющую роль и в создании торгового флота.

Средневековые не знали разделения судов на военные и торговые. При необходимости купеческий корабль мог стать боевым или пиратским. Первые серьезные шаги к разделению этих функций относятся к 1500 г.: на кораблях для их защиты стали использовать небольшие орудия, что повлекло серьезные изменения в корабельной конструкции и в тактике ведения морского сражения. Впервые во время войны 1552—1558 гг. с англичанами голландцы ввели флот, состоящий из боевых судов. Однако окончательное разделение флота на военный и торговый приходится уже на XVII в., когда появился специальный тип торгового судна — флойте (1595 г.). Создание флойте — оптимального для того времени типа торгового судна — символизировало победу голландцев над своими конкурентами, утверждение их положения как «европейской верфи» и «школы мореходства», которое они сохраняли почти до середины XVIII в.

В Средиземноморье и на Адриатике в XVI в. сложился свой тип торгового судна, пригодного для транспортировки на большие расстояния зерна, вин, красящих веществ, квасцов, леса и т. п. Эти суда курсировали между Балтикой, Атлантикой и Средиземноморьем, участвовали в заморских экспедициях. Общая грузоподъемность средиземноморского флота к 1600 г. составляла 350 тыс. т, западноевропейского — 600—700 тыс. т. (Ф. Бродель).

Постройка морского корабля была дорогостоящим предприятием и осуществлялась компаниями пайщиков из числа состоятельных купцов. В судостроении рано утвердился купеческий капитал, получили распространение предпринимательство и рассеянная мануфактура, которые, однако, даже в передовых центрах кораблестроения — Нидерландах, Гамбурге, Любеке, Данциге — не смогли вытеснить традиционных форм ремесленной организации производства, что в конечном счете стало и одной из причин упадка этих центров.

Совершенствовались и искусство мореходства. Широкое применение получили известные много раньше астролябия, секстант, квадрант; был усовершенствован компас; научились определять скорость движения корабля с помощью лаглиня, известного к началу XVI в. Развивалась и морская картография. Прежние портуланы — морские «карты» — содержали только линию побережья с указанием мысов, устьев рек, бухт. На позднейших проставлялась уже роза ветров и наносилась сетка, при помощи которой определялся путь. С конца XV в. к сетке направлений стали прилагать линию меридиана (с севера на юг). Широта определялась эмпирически — по звездам. В XVI в. знаменитый географ и картограф Меркатор (1512—1594) изобрел технику проекции: географическая долгота и широта задавались теперь при помощи перпендикулярных линий. В конце XVI в. голландцами были составлены первые географические атласы.

Картографировались и сухопутные коммуникации. В 1501 г. нюрнбержцем Этцплаубом была опубликована карта дорог Центральной Европы, в 1554 г. Меркатором — карта Европы, а через год после его смерти увидело свет главное его произведение «Атлас, или Космологические рассуждения о сотворении мира и образе сотворенного». Популярностью пользовались различные итинерарии, путеводители, книги путешествий.

Развитию сухопутных средств коммуникаций способствовали технические новшества: замена дискового колеса более легким с металлическими спицами; новый тип экипажа, соединявшегося с колесами посредством рамы; изменение системы упряжи, позволявшей теперь перенести нагрузку с шеи животного на его плечи, что увеличивало силу тяги втрое. Более интенсивному использованию речных систем способствовало строительство каналов, особенно в Нидерландах и Италии. В XVI в. на крупных реках корпорации лодочников обеспечивают регулярную паромную службу; по рекам транспортировались тяжелые грузы — лес, руды, металлы.

На трудных трассах, особенно в альпийских районах, Арденнах, Тюрингии, Гессене, в XVI в. складывается транзитная транспортная служба. Частично, как и в прежние времена, она оставалась крестьянским промыслом, занятием жителей близлежащих городков, в которых развивались связанные с обслуживанием фрахта ремесла — кузнечные, производство продуктов питания, тары, канатов и т. п., а также гостиничное дело. Теперь к организации фрахта обращаются купеческие фирмы, обеспечивающие, в частности, движение грузов из Верхней Италии через альпийские перевалы в Германию и дальше на Антверпен.

Усложнение хозяйственной и политической жизни, расширение взаимосвязей в рамках европейского мира и за его пределами требовало адекватной системы обмена информацией: разветвленной, регулярной, оперативной. Основным и наиболее надежным источником поступления информации и ее распространения в XVI в. оставались купеческие фирмы с их системой факторий, контор в разных частях Европы и за океаном, штатом приказчиков, возчиков, нарочных, с которыми рассылались уведомления, письма. Популярны были рукописные «газеты» Фуггеров, которые они рассылали князьям, информационные «листы» о ярмарках, конъюнктуре цен на те или иные товары и т. п. С XVII в. выходят раз в неделю печатные газеты. Уже в XV в. в Испании, Франции, Германии получила распространение курьерская служба, создавались станции — «постен», почты, где меняли лошадей, сменялись курьеры, предлагались ночлег и еда.

В начале XVI в. Франц Таксис, исполнявший курьерскую службу при Габсбургах, предпринял попытку организовать регулярный почтовый обмен между Германией, Нидерландами, Испанией, Францией, а также Римом и Неаполем, но она успеха не имела. Войны, религиозные и политические распри парализовали работу почты. Безуспешной оказалась и попытка императора Рудольфа II Габсбурга в конце XVI в. учредить монопольную почтовую службу в общеимперском масштабе: с ней успешно

конкурировали почты городов и территориальных князей. Раздробленным осталось почтовое дело и в Италии. Иначе сложилась ситуация в странах с сильной центральной властью. Государственная почта была организована во Франции при Генрихе III; позднее Ришелье издал ординанс, регулировавший ее деятельность. Государственная почтовая служба — «корреос» — была учреждена при Филиппе II в Испании. В 20—30-х годах XVII в. почта появляется в скандинавских странах. Почтовая служба датчан и норвежцев распространялась вплоть до Гамбурга, соперничая с имперской. В 1627 г. в России царь Михаил Романов учредил Ямской приказ, ведавший почтовой курьерской службой. В 1647 г. Владислав IV издал распоряжение о регулярной почтовой связи между всеми городами королевства Польского.

Улучшение системы коммуникаций, технических средств вело к сокращению фрахтовых расходов, особенно высоких на сухопутных магистралях. Поэтому перевозкам грузов морским путем оказывали предпочтение, несмотря на их небезопасность. Чрезвычайно значительная степень риска морской торговли обусловила раннее развитие системы страхования грузов. Зародившаяся еще в предшествующие столетия в Италии практика торгового страхования в XVI — XVII вв. распространилась в Испании, Нидерландах, Англии, став одной из сфер спекулятивных операций.

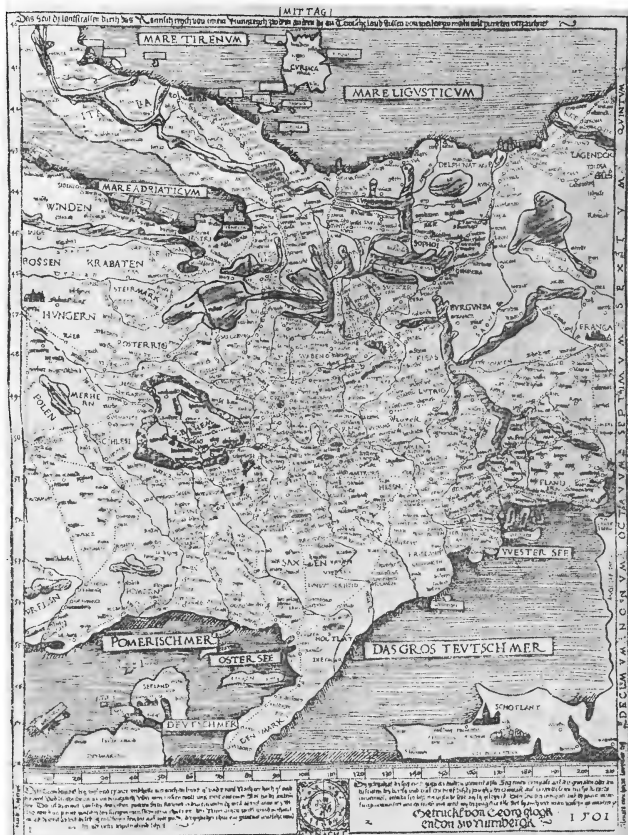
В практику европейского купечества через его ведущие центры — Антверпен, Лондон, Роттердам, Гамбург, Лион, Нюрнберг — внедряются сложившиеся в Италии методы ведения торгового предприятия и организации кредитного дела, прежде всего «двойной бухгалтерии» — разносторонней и всеобъемлющей системы бухгалтерского учета и руководства делом, совершенствовавшейся в соответствии с индивидуальным опытом купца-предпринимателя (приходно-расходные, вексельные, процентные книги и т. п.); развивается система факторий, контор в ярмарочных центрах всех уровней не только в своей стране, но и за ее пределами; формы безналичного расчета (вексель, индоссамент, сконтирование). В конце XVI в. появляются первые жиробанки в Венеции и Милане; в начале XVII в. — в Амстердаме и Роттердаме, Гамбурге и Нюрнберге. Инструментом кредитных отношений становится биржевая спекуляция, начало которой было положено в Амстердаме акциями Ост-Индской компании.

Распространению многовекового опыта коммерции, накопленного итальянским купечеством, во многом способствовало книгопечатание, свидетельствуя одновременно о массовости интереса и формировании предпринимательской психологии, рационалистического сознания в широких слоях городского населения.

Первой книгой, посвященной секретам и искусству «двойной бухгалтерии», была «Summa de arithmetica...» Луки Пачоли, опубликованная в 1494 г. в Венеции. В 1549 г. близкие по теме книги появились в Нюрнберге и Данциге. В крупных торговых центрах публиковалось немало книг местных «рехенмайстеров» и юристов о ведении торговых дел и предприятий.

Если юристы, городские рехенмайстеры, практики охотно делали достоянием публики свои специальные познания, извлекая из этого прибыль, то купеческие фамилии, торговые дома строго оберегали тайны своего дела, методы его ведения. Опыт систематизировался в «домашних книгах», дневниковых записях, «журналах», поступая в распоряжение фамилии и старшего в роде. Записи факторов Фуггеров и Имхофов о деловых операциях в разных землях были опубликованы только в XX в.

С точки зрения форм организации торговли новым было распространение командитных и депозитных форм участия в торгово-предпринимательском деле и, с другой стороны, магазинной (с XVII в.) и разъездной

Старейшая карта дорог Центральной Европы. 1501 г.
Мюнхен, Баварская государственная библиотека.

розничной торговли вразнос — особенно в сельской местности: «хаузи-реры» ходили из дома в дом, предлагая всякие бытовые мелочи; чаще всего они были приезжими и нередко издалека, как, например, нюрнбергские разносчики, излюбленной областью операций которых была Пруссия. Развитие этой формы надрегиональной торговли — один из характерных симптомов ее общей переориентации на товары широкого потребления.

Сельское хозяйство, оставаясь главным в экономической жизни Европы (в нем было занято 9/10 ее населения), не являлось ведущим с точки зрения технических новшеств. Рабочий инвентарь и методы агрикультуры едва ли претерпели серьезные изменения в период с 1500 по 1650 г. Но сельское хозяйство пережило весьма существенные изменения под влиянием тех импульсов, которые исходили от развития промышленности. Усиление взаимосвязи между сельскохозяйственной и торгово-промышленной, городской сферами — одна из характерных черт времени. Специфическим выражением этого стало возникновение «домашней индустрии» как формы массового производства на основе раздаточной системы, часто с купцом-предпринимателем во главе, которому были подчинены нередко также и городские ремесленники: он обеспечивал им сначала сбыт, а потом и саму возможность заниматься ремеслом, поставляя необходимое сырье. Таким образом, в сельской местности создавались большие «предприятия» (чаще всего прядильщиков, ткачей) и даже целые районы, где крестьянское население сочетало сельскохозяйственные занятия с работой на скупщика. Такие превращения, особенно частые в очагах развития нового сукноделия, производства хлопчатобумажных тканей, полотна, а также горнорудных промыслов, сказывались на структуре сельского хозяйства региона в целом. Так было в Верхнем Пфальце, где железорудное производство в период его расцвета кормило до 20—25 % населения сельской округи, или в Штирии.

Влияние промышленных отраслей на сельское хозяйство сказывалось в целом ряде европейских регионов и стран. Повышение спроса и цен на шерсть стимулировало развитие овцеводства в противовес агрикультуре даже там, где условия благоприятствовали возделыванию зерновых; например, в Испании, экспортировавшей шерсть в Италию и Нидерланды, в Англии, использовавшей ее для нужд собственного сукноделия и частично для экспорта в Италию, Францию, Южную Германию, Швейцарию. Потребности флота и текстильного производства определили в ряде областей специализацию на посевах конопли и льна. В XVI в. сложилось своего рода европейское «льняное поле», включавшее огромное пространство от Ирландии, Шотландии и Северо-Западной Франции через Бретань и Нормандию до Фландрии. Лен сеяли в Вестфалии и Нижней Саксонии, Швабии, Саксонских предгорьях, Силезии и Чехии и в зоне Балтики, в Северной Швейцарии и Верхней Австрии, Северной Италии. Другим направлением специализации целых областей стало возделывание и переработка для промышленных целей красителей: вайды и марены.

Процесс надрегиональной специализации проявился и в формировании обширной зоны экспортного зернового хозяйства в Заэльбье, в Восточной Европе.

Крупные промышленные центры, особенно в Западной и Центральной Европе, стимулировали возделывание огородных культур и фруктовых деревьев в ущерб зерновым, как менее доходным; стали выращивать вывезенные из Италии спаржу, артишоки, цветную капусту, эспарцет, американскую зеленую фасоль и картофель.

Потребности текстильного производства влияли на развитие овцеводства в Северной Африке, экспортировавшей шерсть в Нидерланды; на расширение производства шелка-сырца в Леванте, на Сицилии, в Центральной и Южной Италии; на рост посевных площадей под хлопчатником

Торговый дом.
Фрагмент гравюры Й. Аммана «Аллегория торговли». 1572 г.

в областях Леванта и на Кипре. На хлопке из Южной Америки работало новое сукноделение Нидерландов и Англии. Возделывание и переработка вайды, экспортировавшейся также в Нидерланды, в XVI в. на Азорских островах вытеснили зерновые. Красители из заокеанских стран — красное (бразильское) и кампешевое дерево, кошениль, индиго — стали серьезным соперником европейских.

Промышленное развитие Западной, Северо-Западной и Центральной Европы, складывание новой географии производства, так же как и демографические процессы, обусловили изменения и в географии основных отраслей сельскохозяйственного производства — зернового хозяйства и животноводства, заложив основы для внутриевропейского разделения труда.

Со второй половины XVI в. откорм скота для боен стал одной из специализаций целых регионов. Формируются две большие зоны скотоводческого (мясного) хозяйства: Нидерланды, Фрисландия и Шлезвиг-Гольштейн, Ютландия, Дания, Сконе; другая — Польша и Венгрия, Волинь и Подолия. Экспортный характер носило венгерское скотоводство. Осман-

ское нашествие, подорвав экспорт скота в Западную Европу, стимулировало, однако, развитие коневодства. Разведение лошадей для сельского хозяйства, транспорта, рейтарских отрядов стало специализацией Фрисландии, Ольденбурга; коневодством занимались в Южных Нидерландах и Неаполитанском королевстве.

Мясная торговля привела к образованию специализированных европейских рынков. Наиболее значительными из них были Бутшадт в Тюрингии, куда перегонялись стада из Польши, Поморья, Бранденбурга; Ведель близ Гамбурга, куда поступал скот из Дании; Прешов и Вена на Дунае. Битое мясо из Шлезвиг-Гольштейна, Дании, Южной Швеции поступало в Гамбург и Любек, оттуда — в Рейнскую область и через Кёльн — в Верхнюю Италию и Нидерланды. Складывание европейского рынка торговли скотом не оказало, однако, регулирующей роли на потребление мясных продуктов. Самообеспечение по-прежнему играло важную роль и в городах, и в сельской местности. Разведение скота для обеспечения продуктами питания и сырьем было распространено и в средних и в высших слоях населения. Владельцами стад были и монастыри, и светские феодалы.

Распространение новых видов промышленного производства, рост его товаризации, изменение масштабов и характера европейской торговли, складывание порайонной и надрегionalной хозяйственной специализации и т. п. оказали влияние и на экономическую структуру традиционных промыслов сельского населения, прежде сезонных. В XVI в. началось интенсивное использование промышленных ресурсов леса для нуждавшихся в древесном угле металлургии, металлообработки, стеклоделия и керамического производства. Последние широко распространились из Средиземноморья по всей Европе, приняв в ряде регионов (в Чехии, на Среднем Рейне, в Вестфалии, в предгорных провинциях Франции, в Англии и Нидерландах) экспортный характер. Лес давал материал для кораблестроения, в том числе деготь, смолу, поташ для отбелки, корье для дубления кож. Лесные районы Пруссии, Польши, Россия были экспортерами корабельного леса, поташа, дегтя, смолы. Экспортный характер носило производство поташа в лесах Баварии и областях Южной Балтики; их конкурентом с XVII в. становятся Швеция и Финляндия, занимавшиеся также обработкой древесины для кораблестроения, экспортировавшие смолу и деготь.

Одним из основных потребителей этой продукции были Нидерланды, ввозившие лес также и для постройки домов. В XVI в. здесь складывается деревообрабатывающая и деревоперерабатывающая «индустрия» в округе Амстердама и Роттердама. По мере развития кораблестроения возрастал экспорт древесины из норвежских и балтийских гаваней через атлантическое побережье на Иберийский полуостров и в Италию. Посредниками были голландцы.

Исследования последних лет говорят о росте товарности и интенсификации европейского морского рыболовного промысла, прежде всего на Балтике и Северном море. В районе Ярмута, самого значительного места английского лова сельди, в путину выходило до 600 ботов (1600 г.). Большая часть улова коптилась и поступала на рынок. В 1625 г. сельдь составляла около 20% шотландского экспорта, еще более возросшего в годы Тридцатилетней войны. Экспорт сельди из западных районов Балтики достигал французских и атлантических гаваней. Главенствующее положение в ловле и экспорте сельди занимали голландцы, создавшие специальный тип промыслового рыболовецкого судна — бюзе: выловленная рыба здесь же подвергалась обработке, разделывалась и засаливалась в бочках. Специальная коллегия из представителей важнейших портов проверяла на берегу качество рыбы, затем она поступала на рынок. В 1562 г. нидерландский рыболовный флот состоял из 700 ботов, из них

400 — голландских. В XVI в. приобрел товарный характер и лов трески. В промысле ее соперничали в первой половине XVI в. португальцы и испанцы, с середины столетия стала возрастать конкуренция французских рыбаков. До 70-х годов XVI в. они преобладали в ловле трески в акваториях Нового Света; с последней трети столетия началось возвышение англичан. Во главе промысловой деятельности стоял Ярмут. В 30-е годы XVII в. оттуда выходило на лов трески до 200 судов ежегодно (почти половина английского рыболовного флота). Улов сбывали на рынках западного побережья Франции. Промыслом трески занимались и в Северном море (наряду с англичанами французы, голландцы). В торговле вяленой треской велика была доля ганзейских городов, а также Исландии и Бергена, значение которого неуклонно возрастало вплоть до 30-х годов XVII в. К 1615 г. общеевропейский улов трески составил около 1400 тыс. т. Товарный характер приобрел также лов сардины, макрели и тунца. На рубеже XVI — XVII вв. возросло значение китобойного промысла; в него активно включились английские и голландские моряки, с 20-х годов — также датчане и фрисландцы.

Современная наука располагает сегодня не только более совершенными методами определения численности населения европейских стран в различные периоды средневековья, но и представлением о динамике его движения. Тем самым само понятие человека как субъекта истории, как носителя исторической тенденции обретает реальные, живые черты исторической индивидуальности, исторической общности, «коллективности».

С XVI в. начинается новый, устойчивый и мощный прирост населения, преодолевается тенденция к сокращению рождаемости; был превзойден уровень численности населения середины XIV в. (до спада после «черной смерти»): к 1500 г. оно исчислялось уже в 80—100 млн человек, через сто лет — в 100—180 млн. Тенденция к демографическому росту и повышению рождаемости существовала вплоть до начала Тридцатилетней войны.

Распределение населения на Европейском континенте не было равномерным. Плотность населения в XVI в. составляла от 80 до 200 и выше человек на 1 км² в Ломбардии, 50—80 — в Тоскане, от 30 до 40 человек и выше в Рейнской области, Вюртемберге, Вестфалии. Но в больших городах средняя плотность населения возросла до 300—500 человек на 1 га, иногда и до 800—1000 человек.

Традиционная миграция населения между городом и сельской округой в XVI в. получила новые импульсы в результате изменения направлений европейской хозяйственной и политической жизни. Население городов возросло в этот период в среднем более чем в два раза (Палермо, Неаполь, Рим, Флоренция, Болонья, Севилья, Лиссабон, Париж, Марсель, Лион, Лондон, Брюссель, Антверпен, Брюгге, Гамбург, Копенгаген, Стокгольм). Развивается и специфический тип городских агломераций — так называемые малые города.

По мере ослабления в XVI — XVII вв. пандемий сокращались и наконец прекратились полностью миграции из областей густонаселенных в области, пережившие высокую смертность. Они уступили место массовым переселениям по политическим и религиозным мотивам.

Широкие миграционные процессы породили Реформация и Контрреформация: переселение анабаптистских общин в 20-х годах XVI в. из Верхней Германии в Моравию, нидерландских меннонитов в прибрежные районы Северо-Западной Германии, в 40-х годах — нидерландских кальвинистов: сначала в Восточную Фрисландию, в ближние рейнские города (Аахен, Кельн, Везель), затем во Франкфурт-на-Майне, на Нижний Рейн, в Саксоно-Тюрингенский район. Эмиграция из Нидерландов имела важные хозяйственные и культурные последствия для европейских стран. На вол-

не эмиграций появлялись, «основывались» по инициативе правителей земель, принимавших беженцев, новые города-убежища (Гетеборг и Альтона в предместье Гамбурга и др.). Немецкие земли со второй половины XVI в. породили значительную волну эмиграции в портовые города Швеции, Норвегии, Дании.

Установление османского господства на Балканах дало сильный толчок эмиграции христианского и ретороманского населения. Не миновали миграционные процессы и Восточную Европу. После консолидации Московского государства началось продвижение в южном направлении, где на Дону и Донце возникли первые казацкие поселения. Мощная миграция связана с европейской экспансией за океан. В этот поток были втянуты прежде всего Испания и Португалия. Но в освоении заокеанских приобретений и их колонизации приняли участие также, хотя вначале и в значительно меньшей мере, Голландия, Англия, Франция, Швеция, немецкие города.

Низкий уровень гигиены, особенно в городах, способствовал распространению болезней, но эпидемии чумы с конца XV в. все больше принимают ограниченный характер. Вспышки чумных заболеваний учащаются со второй половины XVI в. В конце Тридцатилетней войны их пережили немецкие земли, где потери населения составили до 60—75%. В 1576—1577 гг. и особенно в 1630 г. чума свирепствовала в Средиземноморье, что привело к сокращению городского населения до 25—30%. В 1495 г. в Италии появился сифилис, распространившийся по всей Европе, с XV в. начинаются эпидемии оспы.

Население погибало не только от эпидемий, но и от голодовок в результате неурожая, от пожаров, военных опустошений, вздорожания предметов первой необходимости. Проблема обеспечения продовольствием усугублялась трудностями доставки. Резкое повышение цен на продукты первой необходимости в 1501—1502 гг. пережила Германия, в известной мере также Франция; оно повторилось в 20-х (Германия) и 30-х годах (Франция); в 1556—1557 гг. в Северной Европе, во Франции, чтобы смягчать последствия кризисных ситуаций, городские и территориальные власти создавали общественные запасы продовольствия.

Современная наука располагает для XVI — первой половины XVII в. данными о важных демографических параметрах, определявших динамику естественного движения населения (рождаемость, смертность, брачность, соотношение полов, тип семейной ячейки). Коэффициент рождаемости для этого периода в целом был высок, но высокой в эти столетия оставалась и смертность новорожденных. В целом средняя продолжительность жизни составляла несколько выше 30 лет.

При известной стабильности уровня смертности и длительности жизни колебания в численности населения обуславливались преимущественно изменениями в уровнях брачности и рождаемости, т. е. естественным приростом. Особенность возрастных соотношений определяла и соотношение полов, а тем самым брачность и плодovitость; отмечается большое преобладание мужчин.

Данные о доле женатых в общей массе населения фрагментарны. В немецких и нидерландских городах в XV в. она составляла около 33—39%. В XVI в. возраст вступления в брак повышается (в Женеве до 22—24,9 лет). Это свидетельствовало о процессе складывания европейской модели брака «нового времени» (между мужчинами от 26 лет и старше и девушками 23 лет при сохранении значительного числа холостяков). 10—15% девушек оставались незамужними, а из вступивших в брак половина заключала его после 25 лет. Имелись города — гарнизонные, университетские, церковные центры, порты, — где преобладание мужчин было особенно резким: в Риме в 1592 г. на 100 мужчин было только 8 женщин. Высокий процент мужского населения обрекал на безбрачие, одобряемое церковью.

Светские и духовные ордена охотно принимали неженатых. Но проблема имела и другой аспект — распространение внебрачных и добрачных связей, в том числе и там, где сложные виды семейных структур сдерживали образование новых молодых семей и замедляли рост населения, что вело к перестройке сексуальных отношений, подготавливая внутрисемейное планирование рождаемости, сыгравшее в дальнейшем огромную роль в регулировании численности населения. Развивалась узаконенная и тайная проституция.

Сфера повседневного существования всегда привлекала внимание ученых. Но до недавнего времени внимание обращалось преимущественно на условия жизни и быт высших социальных слоев, роскошь и раритеты; современная наука стремится к реконструкции массовых структур повседневной жизни, образа жизни людей разного социального статуса и положения, хотя и теперь жизнь города известна лучше, чем деревни, образ жизни богатых — лучше, чем социальных низов, одни регионы — полнее, чем другие. Тем не менее уже стали видны какие-то общие закономерности, взаимосвязи, линии развития, отличающие одни периоды и эпохи от других. Эволюция повседневной жизни имеет свои внутренние ритмы, отличные от эволюции исторических реальностей иного плана — политики, идеологии. За исключением костюма и моды, изменения которых могут быть относительно четко датированы, другие ее сферы в доиндустриальную эпоху трансформировались очень медленно и вряд ли могут быть противопоставлены последним двум векам классического средневековья. В XVI — первой половине XVII в. наряду с новым мы найдем еще много общего с собственно средневековьем.

Питание по-прежнему было обусловлено естественным сезонным ритмом, зависело от климатических колебаний. Человек еще не вполне освободился от страха голода, которому было подвержено на протяжении всей своей истории средневековье. «Средневековый Запад — прежде всего мир голода» (Ж. Ле Гофф). Человек был несвободен и незащищен перед силами природы в самом главном — в обеспечении условий своего существования. XVI — начало XVII в. — время резкого повышения в целом качества жизни, но потребности людей, характер их потребления во многом определялись климатическими условиями. Жизнь была легче, дешевле в областях с мягким климатом (в Средиземноморье), чем к северу от Альп, не говоря уже о северных и восточных регионах Европейского континента. Тяжелее жилось в горных районах, чем в долинах и на равнине. Потребности жителей побережья, связанных с морским промыслом, мореходством, отличались от образа жизни и нужд обитателей внутренних, континентальных районов.

При всем развитии товарно-денежных отношений, торговли, углублении разделения труда не следует преувеличивать регулируемую роль рынка и его воздействие на повседневную жизнь, сферу спроса и предложения. Не только в сельской местности, но и в городах принцип самообеспечения еще преобладал. Влияние рынка сильно сказывалось там, где речь шла о предметах роскоши, заморских редкостях, обеспечении сырьем экспортных ремесел и т. п. Оно было ощутимее в Западной и Центральной Европе, куда перемещались центры экономической и политической жизни европейского мира, где сильнее было воздействие мощных импульсов, исходивших от Атлантики и Средиземноморья с их заморскими связями. Некоторые регионы испытывали сильную зависимость от рынка в отличие от других, занимавших периферийное положение.

В ремеслах, связанных с производством продуктов питания, предметов первой необходимости, особой устойчивостью отличались мелкие традиционные формы организации. Цехи булочников, мясников были обычно невелики, но специализированны (выпечка белого, черного и серого хлеба, кондитеры, пирожники). Там, где складывался стабильный

спрос, — в торговых метрополиях, резиденциях, портовых городах, местах размещения гарнизонов и интенсивной циркуляции населения — возникало крупное производство продуктов питания и напитков, учитывающих, в частности, и характер спроса (например, в Лиссабоне были пекарни, изготавлившие морские сухари). Но в массе выпечка хлеба, производство мяса и мясных продуктов осуществлялись в хозяйствах бюргеров, крестьян, монастырей или рыцарей и дворян.

В доиндустриальную эпоху подавляющая часть населения более половины того, что она производила или зарабатывала, потребляла или тратила на приобретение продуктов питания. Е. Шолье, исследовавший уровень жизни в Антверпене XV — XVI вв., самый высокий тогда в Европе, приводит данные о распределении расходов семьи каменщика из пяти человек: на питание 78,5%, из них — «на хлеб» 49,4%, за наем жилья, на освещение и топливо — 11,4, на одежду и «прочее» — 10,1% — соотношение, характерное для развивающихся стран современного мира — Индии, Ирана, Цейлона (В. Абель).

Важнейшим продуктом, основой питания широких слоев сельского и городского населения были зерновые, прежде всего рожь или ячмень, просо, иногда в виде добавки овес. Во многих французских провинциях и в Средиземноморье главным продуктом питания была пшеница. В XVI в. к этому прибавились маис и рис (в Португалии и Северной Италии). Гречку широко потребляли в Северной Европе, в XVI в. она вошла в рацион питания многих областей Центральной и Западной Европы. Из зерновых изготавливали супы, каши, хлеб.

В целом для большей части европейских стран этого времени характерен рост урожайности, что не исключало локальных и региональных кризисов. Мощный кризис зернового хозяйства охватил с 80-х годов XVI в. все Средиземноморье и некоторые другие регионы, что потребовало ввоза зерновых из Балтики и Северной Европы. Это было ново, так как в предшествующие периоды потребности в зерновых компенсировались ввозом из Причерноморья и Туниса. Османские завоевания нарушили эти связи. Западная и Центральная Европа производили зерна достаточно, чтобы обеспечить себя и даже экспортировать. Обширный регион от Дании и Польши, включая Балтику и Россию, имел значительные излишки зерновых (пшеницу и рожь).

К массовым продуктам питания относились бобовые. Серьезной сезонной добавкой к питанию широких слоев были овощи и зелень: шпинат, латук, петрушка, чеснок, тыква, морковь, репа, капуста, орехи, ягоды и фрукты (яблоки, груши, вишня, различные сорта слив, земляника).

Дополнением к растительной пище была рыба. Место ее в рационе доиндустриальной эпохи изучено еще недостаточно, но важность — несомненна. Она составляла один из основных продуктов питания для жителей прибрежных областей, особенно крестьянского населения, а ее лов — один из видов производственной деятельности. Очень большую роль играло рыболовство (морское, озерное, речное) в Восточной Европе и России, особенно в областях, мало пригодных для животноводства. Рыбу разводили в специальных прудах, научились сохранять в садках. Торговля морской рыбой (сельдь, треска, сардина и др.), живой, засоленной, копченой, вяленой, приобрела характер крупной предпринимательской деятельности.

Рыба — продукт питания в дни поста. Потребление ее регулировалось церковными предписаниями, запрещавшими потребление мяса и животных жиров в течение не менее 150 «постных» дней в году. Городские власти, советы школ и госпиталей, церковные учреждения делали запасы и большие закупки рыбы для Великого поста. В эти дни торговля мясом, маслом и яйцами была запрещена, исключение делалось для больных и евреев. Впрочем, запрет нередко нарушался.

Мясо — важный компонент питания во многих областях и странах Европы начала нового времени. В Центральной и Восточной Европе предпочтение отдавали свинине и говядине, но разводили на мясо также овец и коз; в Англии — баранине. В Средиземноморье потребление мяса в целом было меньше, чем к северу от Альп. Чрезвычайно высоким было потребление мяса в Венгрии. Структура питания венгров в рассматриваемую эпоху в принципе отличалась от западноевропейской, что было связано с относительно низкой плотностью населения и высоким развитием животноводства.

Потребление домашней птицы росло на протяжении всего средневековья, причем в городе сильнее, чем в деревнях, а доля дичи и других продуктов охоты в рационе, во всяком случае в Центральной Европе, сокращалась, хотя охота на мелкую лесную дичь по-прежнему оставалась дополнительным источником существования для крестьянского двора.

В повседневный рацион входили хмельные напитки: пиво, вино, «мед» (перебродившая смесь меда, переваренного с водой), квас (в Восточной Европе). С XVI в. потребление пива (из хмеля и ячменя) потеснило «мед», популярный в сельской и городской среде. Пиво производили в домохозяйствах, а также профессионалы-пивовары. В важнейших регионах его потребления — в Центральной Европе, Нидерландах, Англии — пивоварение приобретает характер экспортной отрасли. В 1640 г. в Копенгагене была построена большая королевская пивоварня, ставшая сильным конкурентом местной гильдии пивоваров. Каждая область специализировалась на особом сорте пива.

С XVI в. началось товарное производство крепких спиртных напитков — «горячего вина». Центрами его были Южная Франция (провинции Бордо, Коньяк), Андалусия, Каталония. В Нидерландах и Северной Германии делали «шнапс», перегоняя зерно: около 1650 г. в Амстердаме было 50 винноперегонных предприятий, в 1663 г. — 400; в Германии «аквавиту» гнали в Шлезвиге, в Вестфалии; в Дании важнейшим центром был Аальборг.

Появились и новые сорта виноградных вин, лучшего качества и в соответствии с изменившимися вкусами более крепкие: эльзасское, некарское, майнцское, мозельвейн, рейнвейн, остервейн (область Верхнего Дуная); европейской известностью пользовались токайские вина. Свои напитки были в областях фруктового садоводства — молодое вино из яблок: апфельмост — в Швабии, сидр — в Бретани, Нормандии, Галисии; из груш — бирненмост (Бавария), вишен (Хильдесхайм) и др. Спрос на крепкие, тяжелые вина способствовал распространению специальных сортов винограда в Западном Средиземноморье — мускатные сорта винограда становятся здесь монокультурой, а производство малаги, мадеры, портвейнов приобретает характер экспортной отрасли.

Вино и хмельные напитки выполняли широкие и разнообразные функции в повседневной жизни: продукт питания, компонент изысканных кулинарных рецептов в утонченной кухне знати и состоятельных горожан, лечебное средство (с добавлением пряностей и лечебных трав). Оно было также важным компонентом социальной коммуникабельности и широко использовалось при скреплении договоров и торговых сделок, помолвках, бракосочетаниях и т. п., частных, официальных, корпоративных застольях. В будни пили вина местного происхождения, разбавляя их водой. В целом потребление вина было высоким: в Провансе XV в. — от одного до двух литров на человека в день, в армии Карла VII — два литра, в Нарбонне в начале XVI в. — 1,7 литра. Особенной критике подвергали современники Германию, называя XVI в. в ее истории «столетием пьянства». В Нидерландах, северных немецких областях выпивка порицалась как «дурной обычай»; осуждалась невозддержанность князей, дурной славой пользовались пышные празднества во время рейхстагов. Ос-

новой спрос на спиртное исходил от городов, хотя многие бюргеры, монастыри, госпитали имели пивоварни, виноградники и винодельни, удовлетворявшие значительную часть их годового потребления и позволявшие продавать излишки.

В XVI — XVII вв. резко возрастает потребление сахара. Мощный импульс этому был дан расширением сахарных плантаций и перерабатывающих сахарный тростник предприятий в заморских странах — на Мадейре, Сан-Доминго, Азорских островах, в Бразилии. Наряду с традиционными средиземноморскими центрами производства сахара — Генуей, Венецией, Барселоной, Валенсией — сахарные заводы после 1500 г. появляются в главных центрах импорта — Лиссабоне, Севилье, Антверпене. Эмигранты из Антверпена принесли технику рафинирования сахара в Амстердам: в 1605 г. здесь работало три предприятия, в 1661 г. — 60. Голландское сахароварение, стремительно развившееся после 1609 г. (свыше 100 предприятий), обеспечивало до середины XVII в. сахаром большую часть Европы. В последовавшем затем упадке не последнюю роль сыграла все возрастающая конкуренция со стороны Англии и Франции, начавших широкий ввоз сахарного тростника и сахара из своих колоний. Первое сахарорафинадное предприятие в Англии появилось в 1544 г., второе — в 1620 г. в Ливерпуле; во Франции — в 1653 г. в Орлеане. В немецких землях они известны с 1573 г.

Структура питания европейца XVI — первой половины XVII в. варьировала в зависимости от региона и социального слоя. Различия эти выступали порой как детерминатив, внешний отличительный признак уроженца той или иной области. Показательно описание «Обычаев питания в Германии» Иоганна Бёмуса (начало XVI в.): «В то время как знати присуща дорогая еда, бюргеры живут очень умеренно. Работающие едят четыре раза в день, праздные — только два. Немного хлеба, затируха (каша) из овса или вареные бобы — пища крестьян, вода или сыворотка — их питье. Саксонцы пекут белый хлеб, пьют пиво, их пища тяжела и нелепа... Вестфальцы едят черный хлеб, пьют пиво. Вино потребляют только богатые, потому что оно привозится с Рейна и стоит дорого. Франконцы не пьют вино, которое производят, они продают его, довольствуясь водой, но пиво они презирают».

«Иерархия достоинства, иерархия статуса находила выражение в изысканности и утонченности стола» (Ж. Дюби). Разнообразие и изобилие блюд, мясных и рыбных, дичи, напитков, пряностей (восточных и местных, целебных трав), гастрономическое искусство отличали питание социальных верхов — городского купечества, патрициата, духовенства, знати, церковных иерархов. В этой среде пользовалась спросом кулинарная литература, высоко ценилось поварское искусство. Показательна большая мобильность поварской профессии, что способствовало передаче кулинарных рецептов. В XVI в. в Центральной Европе, особенно в германоязычных областях, распространяется славянская кулинарная лексика. Сильным было и итальянское влияние. В 1530 г. в Аугсбурге была издана кулинарная книга итальянского гуманиста XV в. Платины.

Поваренные книги и руководства свидетельствуют об уже достаточно высокой технике хранения растительных и животных продуктов, рыбы. Фрукты и овощи консервировали, употребляли в качестве консервантов винный уксус, травы: петрушку, шалфей, белену, перец, чебрец. Консервирование, соление, копчение продуктов получают распространение как вид профессиональной деятельности. Одним из способов сохранения фруктов было изготовление конфитуров. Фрукты умели сохранять и в свежем виде: гость картезианского монастыря в Нижней Штирии был приятно удивлен, получив на десерт безупречное яблоко урожая прошлого года.

Важность зерновых, растительной пищи, ставившая человека в сильную зависимость от урожая, погодных условий, диктовала необходимость

запасов. В богатых городских домах имелись специальные кладовые, погреба и даже специальные строения, в которых хранились припасы. Обеспечение продовольствием и предметами первой необходимости — одна из главных забот главы домохозяйства. Все продумывалось и планировалось на целый год и фиксировалось в специальных книгах типа широко известной историкам домохозяйственной книги Ганса Тухера (начало XVI в.). Ведение домохозяйства рассматривалось как сложное и многостороннее дело, требующее искусства. Это нашло отражение в распространении специального типа литературы, охватывающей всю совокупность взаимоотношений и сфер деятельности по дому, в мастерской, в хозяйстве, в конторе, их функциональное распределение между членами семьи; отношения между главой семьи и супругой, родителями и детьми, членами семьи и другими родственниками, с челядью и т. п.

Кулинарные справочники и «Экономики» отражают повышенное внимание в состоятельных домах к кухне как основе домохозяйства. Многообразные кухонный реквизит и утварь соответствовали усложнившейся структуре питания, разнообразию продуктов и взрослому искусству их приготовления и хранения. Тот, кто решил вступить в брак, наставлял Ганс Пауэр, автор широко популярной в XVI в. книги об обручении (первое издание в 1475 г.), должен позаботиться о достаточном количестве домашней утвари, тогда он не будет знать забот. В доме могло быть несколько кухонь, в богатых домах их выносили в специальные помещения.

Недостаточность данных не позволяет точно определить границы минимума средств существования. Некоторое приближение дают попытки определить калорийность дневного рациона питания: в XIV — XV вв. она колебалась от 2,5 до 6—7 тыс. калорий у богатых, высших социальных слоев. По мнению современных исследователей (Г. Келленбенц), такой рацион был вполне достаточен, иначе трудно было бы объяснить происходивший почти на протяжении трех столетий рост численности населения. В целом исследователи отмечают для широких масс населения Центральной и Западной Европы снижение по сравнению с концом XV в. потребления мяса и установление рациона типа «мус-брей» (каша-размазня), оставшегося определяющим еще и в XIX в. Несбалансированность питания возрастала в периоды голодовок.

В повседневной жизни европейского общества XVI — первой половины XVII в. нашли отражение те преобразовательные процессы — экономические, социальные, культурные, — которые оно переживало, порой подспудно. Поражающее региональное многообразие форм повседневной жизни отличало эти столетия от раннего и даже высокого средневековья. И это было связано не только с этническими или географо-экономическими особенностями, но и с усложнением хозяйственной жизни, ее форм, различными внешними влияниями как следствием расширения и изменения характера обмена, коммуникаций, границ европейского мира, миграционных и политических процессов, религиозно-социальных движений эпохи.

В повседневности отразилось новое качество жизни, обусловленное новыми, расширившимися материально-техническими возможностями. Вместе с тем она испытала воздействие мощной социальной переструктуризации сельского и городского населения под влиянием вторичного закрепощения и распространения системы фольварка в областях к востоку от Эльбы и в балтийском регионе, углублявшейся по мере развития рыночного хозяйства, раздаточной системы и предпринимательства дифференциации мелких товаропроизводителей, роста армии поденщиков и протекавшего одновременно процесса нивелировки крестьянского и городского сословий в подданных, поставляющих государству налоги и солдат.

Стремительный рост нищенства, бродяжничества с середины XV в. и особенно в XVI в. — явление, общее для всех европейских стран и регио-

нов, с наибольшей полнотой и выразительностью проявившееся в городах. Городские беднота и нищие представляли сильно дифференцированный социальный слой. Их привилегированную группу составляли так называемые «домашние бедняки» из числа обедневших, но не деклассированных еще бюргеров, обитатели госпиталей, приютов, конвентов. К ним примыкали те, кто имел привилегии на сбор милостыни — пилигримы, монахи нищенствующих орденов, но также цеховые ученики, школяры, студенты. В толпу бродяг, просивших подаяние, вливались отпущенные со службы ландскнехты, возвращающиеся турецкие пленники, те, кто был вырван из привычного жизненного русла голодом вследствие неурожая, стихийных бедствий, военного разорения. Различны были методы и «техника» сбора милостыни — на улицах, у храма и в самом храме (независимо от запретов), «у дверей». Наиболее сплоченными были чаще всего слепые, имевшие своего «короля». Особую группу составляли профессиональные попрошайки-мошенники.

Во многих европейских городах проблема нищенства и бродяжничества отразилась в городской топографии — названиях улиц, кварталов, переулков, свидетельствуя одновременно и об излюбленных этим маргинальным элементом местах обитания, и о стремлении властей локализовать его местонахождение. Бродяги, нищие были желанными постояльцами в бедных городских кварталах: плата поденная или понедельная за угол, ночлег намного превосходила взимаемую обычно с ремесленников за аренду жилья.

Процесс пауперизации, рост нищенства и бродяжничества сопровождался резким ухудшением отношения общества к бедности и беднякам. Нищих, особенно пришлых, стали рассматривать как бродяг, как анти-социальный элемент, с которым надлежало вести борьбу. Городские власти усиливали контроль за «своими», местными нищими, ограничивали приток пришлых; складывалась система благотворительности, преимущественно для «своих» нищих и бедняков (раздача одежды, денег, хлеба — так называемые столы для нищих, госпитали и приюты, конвенты для больных, нетрудоспособных по старости и т. п.). Усиливался городской контроль за раздачей «милостыни», особенно духовными институтами, попытки «трудоустройства» работоспособных бродяг. Но городское общество не могло предложить работы, обеспечивающей постоянный заработок и прожиточный минимум. Отсюда неэффективность полицейских предписаний и отдельных мер городских властей, направленных на уменьшение все возрастающего давления нищих. Обострение проблемы нищенства в начале XVII в. породило у властей попытки создать «рабочие дома»: на лесопилы и солодовне — для мужчин, в прядильне — для женщин, однако она успеха не имела.

Эти примитивные структуры повседневности, обеспечивавшие лишь возможность биологического выживания, и то далеко не всегда, отражали лишь один полюс действительности.

Сформировавшееся как мощная экономическая и общественная сила бюргерство в лице своих ведущих слоев, связанных с торгово-промышленным предпринимательством, с кредитно-финансовыми операциями своих окончивших университеты сыновей, из числа которых формировались кадры новой государственной администрации, стремилось закрепить свой статус во внешних формах — costume, укладе домашней жизни, роскоши убранства покоев и изысканности стола, великолепий выезда, престижных тратах «на нужды» города и благотворительность. Именно бюргерство — патрициат, крупное купечество, ренессансная интеллигенция, разбогатевшие ремесленные мастера — стало потребителем наряду со знатью продукции расцветающей «индустрии роскоши». Шелк, бархат, парча, атлас, кружева, фарфор, ювелирные изделия становятся предметами массового производства в Валенсии, Толедо и Севилье, Париже, Лондоне,

Антверпене, Аугсбурге, Нюрнберге, Лиссабоне, Амстердаме и Франкфурте-на-Майне, не говоря уже о Генуе, Венеции, Флоренции и Лукке — старинных и традиционных центрах производства предметов роскоши. Именно в эти столетия развиваются новые отрасли: производство зеркал, инкрустированной мебели; появляются особые специальности — столяров-мебельщиков, каретников, художников, расписывавших стены, потолки, фасады городских дворцов новой знати.

Средневековое бюргерство, начавшее свою историю с противопоставления аристократическому жизненному идеалу, пришло к признанию его высшей ценностью, образцом для подражания и возжеланной целью. Торговля, промышленная деятельность рассматривались как источник материальных ценностей, открывающих путь к аристократическому образу жизни, к породнению с аристократическими фамилиями и аноблированию. Капиталы легко изымались из сферы торговли и промышленности, вкладывались в земельные приобретения, престижные постройки, расходовались на меценатство, создание клиентелл, становясь тем самым «видимыми», к чему и стремились, ибо щедрость — одна из главных аристократических добродетелей. Идентификация себя и своих особых интересов и ценностей в рамках третьего сословия была еще делом будущего, и первые шаги в этом направлении были предприняты в Англии.

Тенденция к вертикальной мобильности не могла не породить противодействия. Одной из форм «ответа на вызов» было обилие приходящихся именно на XVI в. «запретительных» постановлений имперской, королевской, территориальных, городских властей, регламентирующих все внешние проявления повседневной жизни как показатели социального статуса. Эти постановления, касающиеся одежды, костюма, красноречиво показывают процессы, происходившие в массовом сознании под влиянием повышения общего стандарта жизни и усиления вертикальной мобильности. Роскошь костюма, одежда, говорилось в знаменитом постановлении Карла V от 1548 г., приводит к «непристойной ситуации», когда невозможно отличить князя от графа, графа от барона, барона от бюргера, а бюргера от крестьянина. Двадцатью годами ранее Лютер с негодованием говорил о требованиях восставших крестьян, желающих носить «отделанные кунным мехом шаубен» (верхняя одежда типа плаща — обязательная принадлежность аристократическо-патрицианского костюма), золотые цепи и «жрать молочных поросят». Из императорских запретов видно, что высший слой крестьян — обладателей полных наделов — покупал дорогие английские или голландские сукна, одежду из шелка, дорогие аксессуары — шелковые помочи, вязанные широкие воротники для рубах, шейные шелковые платки, украшения из драгоценных металлов и жемчуга, страусовые перья.

Примерно с середины XVI в. характер регламентирующих постановлений начинает меняться: усложняются градации населения, в частности городского, появляются новые, более четкие его классификации преимущественно по профессиональному принципу. Наряду с прежними традиционными группами (ремесленники, мастера, благородные) выделяют крупных купцов, лавочников, торговцев, а также поденщиков, приказчиков, прислугу и т. д. При этом ограничения на ношение дорогих тканей или драгоценностей становятся менее строгими, не препятствуют росту роскоши имущих групп населения. Растет производство дешевых имитаций дорогих материалов и одежд, фальшивых изделий, украшений «под золото», удовлетворявших престижные устремления «простых» людей — горожан и зажиточных крестьян. Все это наряду с явной тенденцией к унификации покроя и типа одежды, отдельных элементов и аксессуаров говорит о складывании в первой половине XVII в. сословного (городского в частности) костюма.

Главное содержание и главный итог развития эпохи — формирование нового европейского хозяйственно-культурного универсума. Свидетельство тому — изменения географии размещения промышленного и сельского производства; территориальное разделение труда в масштабах континента; изменение политического и экономического характера взаимосвязей между Средиземноморьем, западными и северо-западными регионами, Западной и Восточной Европой (не в последнюю очередь также под влиянием эксплуатации заморских приобретений); появление, наконец, новых силовых линий и центров притяжения с Северными Нидерландами и Англией во главе. Европейский «экономический мир» (Ф. Бродель) к середине XVII в. структурно имел уже мало общего с тем, каким он был в классическое средневековье, он уже нес в себе хозяйственно-культурные структуры нового времени.

Материальной базой преобразовательных процессов XVI — первой половины XVII в. были рост народонаселения, новый технический опыт и развитие инженерной мысли, усиление использования энергетической силы воды, интенсификация труда, совершенствование средств коммуникаций, рост разделения труда и товарного производства, купеческого капитала и предпринимательства, зарождение капиталистической мануфактуры, осуществившей в конце периода «прорыв» в Англии, Голландии, Франции в важнейших отраслях промышленности.

Глава 2 АНГЛИЯ

XVI век занимает особое место в истории Англии. Ни одна страна Европы не испытала в столь раннее время таких бурных потрясений, выразившихся в разрушении феодальных отношений и интенсивном развитии капиталистического уклада в экономике. В истории Англии XVI в. проявились общеисторические закономерности, лежавшие в основе перехода от феодализма к капитализму.

Английская деревня, с ее идиллически-пасторальным провинциальным пейзажем, при достаточной традиционности хозяйственных устоев, покоившихся на манориальном обычае, в XV — XVI вв. не была уже крестьянской Аркадией. Она становилась основной сферой проникновения капитала, создавая наилучшие условия для так называемого первоначального накопления. Аграрный переворот, базировавшийся на экспроприации крестьянства, совпадал с мануфактурной стадией развития капитализма в промышленности, чем в значительной мере был ускорен генезис капитализма в Англии и созданы условия для победы нового способа производства. Эти особенности экономического развития наложили глубокий отпечаток на всю английскую социальную и политическую историю эпохи мануфактурного капитализма.

Классический характер процесса разложения феодальных порядков яснее всего проявлялся в эволюции главного производственного отношения эпохи феодализма — рентного, — которое, хотя и оставалось на протяжении XVI — первой половины XVII в. еще феодальным, тем не менее качественно трансформировалось под влиянием капиталистических отношений и инфляционного состояния рыночных цен, связанного с притоком золота из Нового Света и его общим удешевлением.

К концу XV в. в связи с заменой барщины и продуктового оброка денежной рентой (коммутация) в Англии исчезло крепостничество: отношения между основными классами сельского общества все более приобретали

«договорной» характер. Выкуп барщины стал для подавляющей массы крестьян фактическим освобождением, уничтожив саму основу их несвободного положения — работу на домене лорда.

Изменения в производственных отношениях порождали перемены в структуре дворянства и крестьянства. Значительно углубился раскол английского дворянства на два весьма различных по своей социально-экономической структуре слоя: старое и новое (джентри).

Старое дворянство составляли не столько те аристократические «клены», которые смогли уберечь себя и свои родовые имения во времена войны Алой и Белой розы, сколько политический оплот абсолютизма — дворяне, сохранявшие в своих владениях преимущественно феодальные порядки. Надменная аристократия не могла снизойти до того, чтобы заниматься повышением уровня доходности своих поместий. Этот снобизм стал одной из причин обеднения старых дворянских родов. Постепенно оскудевали их маноры, истощались земли их доменов, что привело в середине XVII в. к упадку аристократии.

Не последнюю роль в постепенном обеднении старых дворянских родов играл и образ жизни аристократии. Неумеренное стремление к роскоши приводило к огромным долгам и продаже земель. Так, за период 1556—1602 гг. из 40 семейств эрлов 13 потеряли до половины своих маноров, а 25 — более четверти земельных владений.

Джентри, оставаясь в рамках прежнего сословного статуса, в классовом отношении приблизилось к буржуазии, будучи связанным с ней идентичными устремлениями экономического порядка. Пути формирования земельной собственности джентри были различны. Частично приобретая земельные владения благодаря тудоровской политике пожалований, новое дворянство обычно расширяло их за счет крестьянских держаний, используя различные способы насильственной экспроприации. Поместный сквайр либо арендатор капиталистического типа (и одновременно предпримчивый делец), торговец или владелец мануфактуры, новый дворянин XVI в. стал колоритной и значимой фигурой в английской деревне в переломный момент ее истории. К середине XVII в. существовали уже тысячи семей джентри: в 1640 г. их было около 200 в Бекингемшире, около 750 в Суффолке, от 850 до 1000 в Кенте. Владения части джентри были достаточно скромными: менее 100 акров с доходом всего несколько сотен фунтов в год. Так, в Йоркшире в конце 30-х годов XVII в. почти 90 % джентри имели доход менее 100 фунтов, в то же время владения богатейших семей джентри достигали иногда 15 тыс. акров, а их доходы, сильно варьируя в разных графствах, составляли от 5—10 тыс. до 25 тыс. фунтов. Это было бы невозможно при использовании лишь традиционно феодальных методов эксплуатации земли и ее держателей. Необходимым условием рачительного хозяйствования являлось совмещение в доходной части манориального бюджета феодальной ренты с коммерческой прибылью за счет капиталистических методов ведения хозяйства.

Названная тенденция находилась в явном противоречии с системой рыцарских держаний, существовавшей в Англии до 1646 г. Рыцарская служба королю и необходимость выплаты щитовых денег изжили себя, но реликты феодального прошлого оставались и в XVI — начале XVII в. Сохранялся принцип единонаследия в передаче земли, система опеки малолетних наследников, право управления их имуществом и т. д. С утверждением абсолютизма эти давно устаревшие правовые нормы феодального характера, служившие лишь поводом для фискальных вымогательств короны, пришли в явное противоречие с материальными интересами джентри. Таким образом, «новые лорды» неизбежно должны были столкнуться с злоупотреблениями абсолютизма, что сыграло немаловажную роль в формировании буржуазно-дворянской программы в революции середины XVII в.

Интенсивность хозяйственных изменений, происходивших в английской деревне в период генезиса капитализма, в наибольшей степени отразилась в судьбе крестьянства; XVI век стал критическим для крестьянского землевладения. Абсолютно преобладающей его формой в XVI — начале XVII в. все еще был копигольд — держание на воле лорда и по обычаю манора, пришедшее на смену средневековому вилланству. Допуск к держанию копигольдер обычно получал в манориальной курии, где после уплаты денежного взноса (вступного фэйна) и принесения присяги лорду ему выдавали копию протокола, фиксировавшего высоту ренты, размеры участка и срок держания. Жизнь копигольдера определял манориальный обычай — «душа и жизнь копигольда», но его положение зависело и от воли лорда, часто шедшей наперекор обычаю.

Институт копигольда становится наиболее бесправной формой крестьянского землевладения. В это время манориальные лорды активно посягают на владельческие права копигольдеров, что побуждало крестьян искать защиты от произвола в судах общего права. Однако, согласно юридической традиции, суды общего права до конца XV — начала XVI в. разбирали лишь жалобы свободных держателей и отклоняли вопросы, связанные с копигольдом. В начале XVI в. рассмотрение дел обычных держателей в судах общего права было еще чрезвычайно редким, только в XVII в. происходит частичное признание ими норм манориального обычая. Юридические нормы жизни английской деревни эпохи классического средневековья были приняты государственной властью в то время, когда от них, по выражению А. Н. Савина, «уже начало отлетать жизненное содержание». Без признания манориального обычая судами общего права, без относительного укрепления обеспеченности копигольдеров крестьянство как класс, вероятно, исчезло бы в Англии скорее, чем это произошло в действительности; но признание манориального обычая, уже сильно деформированного в эпоху аграрной революции, очевидно, стало для государственной власти удобным юридическим маневром, с помощью которого можно было на деле укрепить незыблемость феодальных порядков и отвергнуть требование превращения копигольда во фригольд.

В судьбе копигольда в наибольшей степени отразились интенсивность и последствия капиталистической перестройки деревни, отмеченной специфическими чертами в каждом из регионов Англии.

Наибольшей отсталостью в экономическом отношении отличался север страны. Немногочисленные города играли здесь скорее военно-административную роль, чем роль центров промышленности и торговли. Положение северного крестьянства определялось пограничным значением этих территорий. Длительные войны с Шотландией вызвали необходимость организации местного ополчения, формировавшегося из землепашцев севера, освобожденных от уплаты поземельных налогов. Юридическая обеспеченность их земельной собственности была поэтому более значительной по сравнению с крестьянами других графств Англии.

Однако в XVI в. патриархальный уклад северных графств постепенно обнаруживает признаки распада. Влияние капиталистических сдвигов в сельской экономике более развитых регионов Англии начинает проявляться и в этом отдаленном ее уголке. Вольности северного крестьянства, стихийно сложившиеся на окраине королевства, начинают приходить в упадок под влиянием огораживаний, повышения фэйнов и твердых рент.

Запад и юго-запад Англии отличались наиболее ранним и интенсивным распространением отношений феодальной зависимости, значительной традиционностью и малоподвижностью аграрных структур на протяжении всего средневековья. Возможно, поэтому в XVI — XVII вв. здесь развивался процесс не столько открытой и насильственной ломки поземельных отношений в пользу манориальных лордов, сколько более разрушительный и подлинно массовый процесс скрытого обезземеления кре-

стьянства, его экспроприация так называемыми «мирными» средствами, в рамках манориального права. На юго-западе Англии и в XVI — начале XVII в., несмотря на развитие пастбищного хозяйства, а также шерстяной мануфактуры, в деревне сохранялись еще традиционные отношения, выражавшиеся, например, в наличии доменального хозяйства лордов, в долгосрочном характере аренды (преимущественно дворянской), а главное — в значительной стабильности копигольдерского держания как ведущей формы землепользования. Так, во владениях графов Пемброков в Уилтшире — крупнейших лендлордов, сосредоточивших в то время в своих руках до 30 000 акров земель, площадь копигольда к началу XVII в. составляла около 65% всех видов держаний. Однако и в этом, внешне столь неподвижном мире жизнь была полна острых социальных конфликтов.

Данные манориальных описей владений Пемброков свидетельствуют, во-первых, о переходе части копигольда в руки некрестьянских сословных элементов (джентри, горожан, клириков), которые, составляя в начале XVII в. 20,3% общего числа держателей, фиксированных описями в качестве копигольдеров, сосредоточили в своих руках почти 43% общей площади копигольда. Проникновение на крестьянский копигольд представителей общественных прослоек, стремившихся превратить землю в источник рентных доходов (путем сдачи ее субдержателям) или коммерческой прибыли (с применением труда батраков), означало ломку устойчивости собственно крестьянского землевладения и землепользования, в основе которого лежал труд крестьянской семьи.

Угрозу копигольду как традиционно крестьянскому виду землевладения и землепользования представляла и имущественная дифференциация крестьянства. Для XVI — начала XVII в. характерна поляризация английской деревни, связанная с размытием ее ядра — средних слоев йоменри. В то время как разбогатевшие копигольдеры вели хозяйство на участках земли в 250—300 акров, крестьяне-коттеры (обладатели участков в 3—5 акров), почти лишенные основного средства существования — земли, занимались работать в хозяйстве землевладельца, становились временными арендаторами «на воле лорда» либо пополняли армию английских пауперов. Имущественная дифференциация английского крестьянства, весьма значительная даже на юго-западе страны, «размывание» средних слоев крестьянства означали вызревание предпосылок аграрной эволюции Англии, результатом которой было исчезновение крестьянства как класса.

Решающую роль в вытеснении крестьянского землевладения играл процесс внедрения в деревню отношений капиталистической аренды, в целом наиболее выгодных для манориальных лордов по причине подвижных арендных плат, регулируемых не традицией, а колебаниями рыночной конъюнктуры. Для собственников земли была приемлема не только краткосрочная (7—11 лет) аренда, позволявшая быстро реагировать на изменения рыночного спроса и предложения, но, как и прежде, аренда феодальная на сроки до 99 лет. В сосуществовании различных форм и сроков аренды заключалась особенность аграрных отношений переходной эпохи. Иногда лендлорды в погоне за прибылью изменяли статус держаний в своих манорах, превращая вопреки нормам английского земельного права копигольд и фригольд в аренду.

Особенности хозяйственного развития деревни в юго-западных и западных районах Англии проявились в том, что огораживания, которые традиционно считаются в историографии основным процессом, подрывавшим крестьянское хозяйство, не отличались здесь массовостью и не имели таких губительных для крестьян последствий, как, например, в Центральной Англии. В качестве основного, хотя и скрытого метода экспроприации крестьянства на западе Англии использовалось повышение фэйнов за до-

пуск к держанию. В течение XVI — XVII вв. они возросли в десятки раз и оказались наиболее подвижной, произвольной частью поборов с обычных держателей, компенсируя «убытки» лордов маноров, связанные с обычаем твердых рент. Именно они в определенном смысле играли роль улучшенной, т. е. ориентированной на рыночные колебания цен, ренты и служили процессу «коммерциализации» земельных отношений в английской деревне. Если раньше размеры фэйнов фиксировались и охранялись манориальной юрисдикцией, то в XVI — XVII вв. практика непомерного их повышения являлась лучшим показателем приоритета воли лорда над обычаем манора и постепенной деформации этого обычая, его практической иллюзорности для защиты прав обычных держателей.

Кроме непомерного повышения фэйнов за допуск, истинным бичом английских земледельцев был срочный характер копигольдерского держания (обычно на 3 жизни, которые, как правило, исчислялись в 21 год). Истечение срока действия манориальной копии, т. е. формально-юридического основания держания, представляло в случае кратковременного договора реальную угрозу лишения обладателя крестьянского двора возможности вести самостоятельное хозяйство. Если у крестьянина появлялся более состоятельный конкурент, соглашавшийся на повышение ренты или фэйна, ему угрожала перспектива пополнить армию пауперов.

Итак, особенность развития английской деревни в западных и юго-западных регионах страны состояла в процессе скрытого экономического «вытеснения» копигольдеров из сельскохозяйственного производства страны, что, несомненно, облегчило в дальнейшем юридическую узурпацию их собственности.

Несколько иначе обстояло дело в Центральной (Средней) и Восточной Англии, где наряду с использованием вышеупомянутых методов экспроприации крестьянства основным рычагом этого процесса были огораживания — процесс массовой насильственной экспроприации крестьянства и монополизации земельной собственности феодалами. К XVI в. в связи с возрастанием спроса на шерсть овцеводство стало вытеснять земледелие, что почти везде (за исключением, пожалуй, севера страны) привело к переориентации манора с преимущественного производства зерна на производство шерсти — фактор, отвечавший требованиям английского и международного рынка в период генезиса капитализма. Прямой захват пахотной земли зависимых крестьян под пастбища, сгон держателей с их участков и сдача наиболее обширных угодий в аренду, постепенное обезлюдение целых деревень, пауперизация и рост бродяжничества — так совершалась насильственная ломка традиционных отношений в деревне манориальными лордами.

Полуторавековая история Англии эпохи первоначального накопления знает два основных этапа резкого усиления процесса огораживаний: 40—50-е годы XVI в. и конец XVI — начало XVII в. Первый из них был связан с социальными последствиями закрытия монастырей в ходе Реформации. Реформация приняла в Англии форму религиозной революции сверху, отражая преимущественно интересы короля и светских лендлордов, стремившихся укрепить абсолютизм путем секуляризации — обращения государством церковной собственности в светскую. Площадь секуляризованных земель достигала $\frac{1}{4}$ всей обрабатываемой территории страны. Обширные монастырские земли недолго оставались у короля: значительная их часть вскоре разошлась по частным рукам. Лавина земельных сделок и спекуляций монастырским имуществом была порождена не столько спросом правительства на деньги, сколько спросом различных слоев общества на землю, наиболее выгодный объект приложения капитала и в XVI в. К 1547 г. было продано уже $\frac{2}{3}$ секуляризованных церковных владений. К 1554 г. общий доход от их продажи составил 1 млн 260 тыс. фунтов.

Секуляризованные земли не только продавались, но и сдавались в аренду: король, стремясь пополнить опустошаемую войнами казну, не намерен был развешивать на них доминальное хозяйство. Монастырские земли сдавались обычно на несколько десятилетий. «Революция цен» и земельный голод обусловили в то время поворот от чисто феодальных сроков аренды в 99 лет к более кратким (35—40 лет), однако являвшимся все еще достаточно длительными для того, чтобы приносить доход и самим арендаторам (как правило, зажиточным джентльменам), которые могли присваивать избыток прибыли над относительно неподвижной арендной платой, фиксированной договором.

Были распространены и обмены, когда приобретающий монастырскую землю расплачивался за нее не наличными, а своей землей. Но более всего практиковались пожалования — безвозмездные или почти безвозмездные дарения представителям высшей аристократии. Так, 38 перам Англии при Генрихе VIII было пожаловано около $\frac{1}{9}$ части монастырской недвижимости.

Однако не вся монастырская земля перешла к светским владельцам. Часть вернулась к новой церкви. Англиканская церковь получила от правительства более 50 пожалований с доходом в $\frac{1}{7}$ стоимости всей секуляризованной недвижимости.

Претендовали на свою долю в разделе церковного имущества и другие социальные группы: чиновники, купцы, финансисты, олдермены, владельцы мануфактур, а более всего сквайры из нового дворянства. Они получили (преимущественно путем выкупа) почти четвертую часть монастырской недвижимости.

Значительным своеобразием отличалась Реформация в сравнительно слабо развитой в экономическом отношении Шотландии. Этот суровый край, населенный мужественным и свободолюбивым народом, издавна подвергался постоянным нашествиям со стороны англичан. Однако их попытки покорить Шотландию натолкнулись на активное сопротивление ее народа. Бесконечные войны опустошали страну; ее плодородные южные равнины, выжженные и разграбленные, лежали в запустении. Хозяйственное значение городов было значительно меньше, чем в Англии; Абердин, столица севера, насчитывал в 1572 г. лишь около 3 тыс. человек. Даже в Эдинбурге в конце XVI в. проживало не более 16 тыс. человек. Сословие горожан не было влиятельным и не представляло надежной опоры для короны, на протяжении средневековья активно борющейся с мятежным дворянством. Могущественная в целом, сепаратистски настроенная шотландская аристократия и в XVI в. представляла для короны значительную опасность. Большое влияние в Шотландии имела католическая церковь. Ее земельные владения составляли около половины территории страны, а ежегодные доходы — не менее 400 тыс. фунтов стерлингов.

В начале XVI в. в Шотландии постепенно складываются социально-экономические предпосылки для протестантской Реформации. Королевскую казну, опустошаемую постоянными военными конфликтами на английской границе и борьбой с мятежной знатью внутри страны, можно было пополнить лишь за счет церковных богатств, реальная стоимость которых возрастала в условиях развития товарно-денежных отношений, «революции цен», коммутаций твердых рент. Притязали на них и крупные магнаты, среднее и мелкое дворянство, наиболее предприимчивые горожане, видевшие в земле выгодный объект помещения капитала.

Церковной реформе в Шотландии предшествовало перемещение части доходов церкви в руки представителей этих социальных групп, принявшее форму пожалований церковных должностей. Вынужденная готовность и короны, и церкви идти на компромисс обусловила, несмотря на активные действия шотландских пуритан, умеренный вариант Реформа-

Бродяги. Гравюра XVI в.

ции в Шотландии и ограниченную секуляризацию церковных богатств. Уже после принятия шотландским парламентом в 1560 г. «Исповедания веры» в протестантском движении не прекращалась борьба по вопросу о перераспределении церковной собственности и организационном устройстве новой церкви. Кальвинисты и их лидер Джон Нокс выступали за создание сильной, влиятельной церкви, обладающей, помимо религиозных, и социальными функциями, — в ее руки следовало бы передать большую часть земельной собственности старой церкви.

Эти идеи находились в явном противоречии с программой дворянского блока, стремившегося к передаче всех полномочий в решении церковного вопроса феодальному парламенту, который состоял бы из сторонников этого блока. В итоге парламент в 1562 г. принял решение о передаче лишь $\frac{1}{3}$ отчужденной церковной собственности в пользу новой пресвитерианской церкви, остальное пред-

полагалось разделить между правительством и имущими классами. «Сатана взял верх, и христианское милосердие охладело» — так говорили протестантские проповедники по этому поводу.

В самой Англии отчуждения короной церковной земельной собственности не увеличили площади крестьянского землевладения. Напротив, Реформация умножила страдания основной его массы, способствуя росту пауперизма. Ведь с формально-юридической точки зрения «новые» лорды, получившие монастырские земли, не обязаны были соблюдать манориальный обычай, охранявший крестьян; они могли по своему усмотрению менять сроки держаний, повышать вступные деньги и ренты, превращать копигольд в гораздо более выгодную им краткосрочную аренду, а то и просто сгонять держателей с земли, запуская пашню под пастбище для овец.

Основным последствием огораживаний явились многочисленные эвекции, т. е. насильственное изгнание держателей с их участков, а вслед за ними обезлюдение целых деревень, рост дороговизны и бродяжничества, ставшего настоящим бичом Англии XVI в. Пауперизм стал социальным бедствием. Так, в Лондоне в начале XVII в. около $\frac{1}{4}$ его жителей составляли деклассированные элементы. Абсолютизм Тюдоров, не без основания опасавшихся проявления мятежного духа маргинальных слоев общества, не замедлил явить миру кровавое законодательство против бедных. Поистине «отцы теперешнего рабочего класса были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их превратили в бродяг и пауперов»¹.

Вопрос о борьбе с огораживаниями и их последствиями довольно рано привлек внимание правительства, о чем свидетельствуют многочисленные статуты и прокламации Тюдоров, направленные против этого движе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 744.

ния, с целой системой мер для обеспечения хотя бы простого воспроизводства крестьянского хозяйства. К этому Тюдоров побуждали прежде всего соображения военно-фискального порядка — ведь крестьяне являлись основными налогоплательщиками, и из их массы набирались рекруты в годы военных конфликтов. Не последним фактором была и боязнь крестьянских восстаний.

В крестьянском законодательстве Тюдоров неправомерно было бы усматривать лишь проявление лицемерия двора и придворной клики. В известной степени правительство действительно было заинтересовано в нормальном функционировании крестьянского хозяйства и сохранении традиционных устоев аграрной экономики. Английский абсолютизм XVI в. не мог не отстаивать феодальные порядки в сельской экономике, идя в то же время на уступки требованиям зародившегося класса капиталистических предпринимателей.

В какой же степени Тюдоры реально преуспели в противодействии процессу огораживаний? Как показывают свидетельства современников, правительственные акты соблюдались редко. Их частое повторение уже может рассматриваться как проявление слабости аграрной политики Тюдоров. Новые собственники земли, стремясь к наживе, использовали все доступные средства в деле коммерциализации своих хозяйств; штрафы, налагаемые правительством, зачастую не являлись для них непомерными.

Вторая волна огораживаний, обусловленная, помимо постоянно действовавших экономических причин, еще и ослаблением контроля за соблюдением королевских статуты во второй половине XVI в., поднялась в основном в графствах Центральной Англии в конце XVI — начале XVII в.

Качественные изменения в аграрном развитии Англии; рост населения и «революция цен» были неотделимы от интенсивного роста промышленного производства в стране. Главной его отраслью в XVI в. стало сукноделие: в нем наиболее интенсивно шло формирование капиталистического уклада и его развитию Англия более всего была обязана ростом своего национального богатства. В XVI в. английское сукно было не только самым высококачественным в Европе, но ввиду тех гигантских масштабов, которых достигло в Англии производство шерсти, и наиболее дешевым, а поэтому пользовалось спросом и у злати, и у простого люда многих европейских стран.

Сукно производилось главным образом в сельской местности, где дифференциация крестьянства создавала благодатную почву для развития рассеянной мануфактуры. Организация такого производства предполагала использование труда крестьян, лишенных земли, и развивалась в основном в форме работы на дому. Борьба городов, где сохранялась традиционная феодальная корпоративно-цеховая организация производства, против развития мануфактур также побуждала предпринимателей устраивать их в местах, находившихся вне контроля цехов, чаще всего в сельской местности. Эта уникальная локализация в английской деревне XVI в. основных направлений хозяйственной эволюции страны — промышленного и сельскохозяйственного производства — была важной особенностью английского варианта генезиса капитализма.

Одна из центральных фигур в производстве сукна — перекупщик шерсти, а впоследствии — владелец раздаточной конторы; они работали на крупных предпринимателей-суконщиков. Шерсть покупалась у овцеводов большими партиями, раздавалась прядильщикам, работавшим у себя на дому, а затем ткачам, красильщикам, валяльщикам.

Более высокая стадия развития сукноделия была достигнута, когда работодатели стали собирать рабочих под одной крышей, централизуя процесс производства на основе достаточно четкой его специализации. В первой половине XVII в. в Англии уже имелись предприятия, на которых применялся труд сотен наемных рабочих. Важнейшими центрами

сукноделия в XVI в. были окрестности Нориджа и Колчестера в Восточной Англии, Престона и Вигана на северо-западе, Эксестера и Солсбери на юго-западе.

Производство сукна и его экспорт непрерывно возрастали. Если в 1547 г. из Англии вывозилось 122 354 куска сукна, то всего через 7 лет, в 1553 г., — уже на 40 тыс. кусков больше. Занятия сукноделием ввиду невиданных барышей становилось все более заманчивым и даже «благородным», притягивая к себе выходцев из различных слоев общества, включая дворянство, которое с точки зрения источников доходов было весьма близко к буржуазии.

Помимо сукноделия в некоторых городах (например, в Норидже и Колчестере) развивается производство шелковых тканей, пользовавшихся немалым спросом, особенно при королевском дворе. В конце XVI в. в Ланкашире, Йоркшире, Чешире и некоторых других графствах стало развиваться производство хлопчатобумажных тканей (сатина и бумазеи); сырье для выделки этих тканей английские купцы доставляли из Леванта.

Значительные успехи были достигнуты и в традиционно развивавшихся отраслях промышленного производства: пивоварении, изготовлении мыла. Возникают новые отрасли промышленности: производство пороха, бумаги, селитры и сахара, сырье для которого доставлялось из Марокко.

Для нужд промышленности требовалось большое количество угля, что привело к интенсивному развитию уголедобычи. К началу XVII в. по уровню добычи угля Англия выходит на первое место в Европе. Если в начале XVI в. в угольной промышленности было занято всего 5 тыс. человек, то к концу века — уже около 30 тыс. человек. В это время на смену небольшим угольным шахтам, по сути дела глубоким ямам для добычи угля, приходят шгольни; начинают применяться воздушные насосы с конным приводом.

На юго-западе и севере Англии, а также в центральных ее графствах высокого уровня достигает добыча железа, свинца, олова и меди. В металлургии стали распространяться достаточно крупные для того времени доменные печи, производительность которых составляла около тонны металла в день.

Крупных успехов достигло кораблестроение. Во второй половине XVI в. корабли водоизмещением около 1000 тонн становятся обычным явлением. Торговый флот Англии насчитывал в то время до 6,5 тыс. судов. Военно-морской флот, основанный при Генрихе VIII, в середине века пришел в упадок, но был восстановлен при Елизавете. Вместо громоздких судов с высокой надводной частью, своего рода «плавающих замков», стали строить низкие корабли удлинненной формы, быстро и четко производящие в бою необходимые маневры. Эти нововведения наряду с изменениями в тактике морского боя позволили Англии в 1588 г. одержать победу над испанской Непобедимой армадой.

Сдвиги в области промышленности во многом определили пути развития английской торговли. К XVI в. образовался уже единый национальный рынок с центром в Лондоне, население которого достигло в конце XVI — начале XVII в. около 200 тыс. жителей; он по праву считался одним из крупнейших торговых центров Европы.

В организации внутренней торговли велика была роль ливрейных компаний. Образовавшиеся в пределах какого-либо города и имевшие четко локализованную сферу деятельности, они представляли собой по преимуществу союзы торговцев, обладавших коммерческой самостоятельностью. В Лондоне двенадцать наиболее влиятельных, «больших» ливрейных компаний, члены которых вели торговлю главным образом шелком и бархатом, заняли ведущее место в городской экономике, фактически монополизировав городское управление. Члены лондонских ливрейных

компаний принимали активное участие и во внешней торговле, главным образом через внешнеторговые компании, к числу которых относились «регулируемые» и «паевые».

«Регулируемые» компании, представляя собой корпорации национального масштаба, получали от короны специальные патенты на монопольную внешнюю торговлю в той или иной области. Члены таких компаний не прибегали к объединению капиталов, вкладываемых в дело, ведя торговлю на свой страх и риск. Этот «крайний индивидуализм», порождая конкуренцию, способствовал развитию инициативы и деловой хватки, столь необходимых в заморской торговле, в отважном предпринимательстве этого авантюрного века.

Примером такой компании может служить Компания купцов-авантюристов, возникшая в конце XV в. К XVI в. в упорной борьбе она отвоевала право экспорта шерсти и суков из Англии у Ганзы; ганзейская фактория в Лондоне была закрыта. «Купцы-авантюристы» организовали свою колонию в Антверпене и, обладая беспрепятственным доступом к сырью, заняли ведущее положение на европейском экспортном рынке шерсти.

Английские «регулируемые» компании вели торговлю в основном на ближних европейских рынках — во Франции и Голландии. Однако с потерей порта Кале, рынка для английской шерсти, а также в связи с закрытием торговых баз в Брюгге и Антверпене английские купцы должны были искать новые, более отдаленные рынки сбыта своих товаров, открывать пути в неведомые края.

Реализация этой цели требовала объединения капиталов: возникающие паевые компании, члены которых приобретали у правительства хартии, дававшие право вести монопольную торговлю в той или иной стране. Каждый предприниматель (пайщик) вносил в дело свою строго определенную долю. Совет паевой компании занимался организацией экспедиции, обеспечивая наличие необходимых товаров и кораблей, а также наем корабельной команды.

К числу компаний нового типа относилась Русская (Московская) компания, возникшая в 1554 г. в результате путешествия Р. Ченслера в Московское государство, а также компании Восточная, или Балтийская (1579 г.), и Левантская (1581 г.), торговавшая со странами Востока. Основанная в 1588 г. на паевых началах Гвинейская компания монополизировала работорговлю, которая весьма скоро стала одним из источников обогащения нации.

В 1600 г. королева подписала хартию о создании Ост-Индской компании, чем было положено начало «узаконенному» проникновению англичан в Индию. Реальной политической силой в Индии она стала лишь в XVIII в., успев, однако, в течение XVII в. установить обширные торговые связи с Юго-Восточной Азией и Дальним Востоком.

Борьба за рынки сбыта, стремление хотя бы частично ликвидировать колониальную монополию испанцев в Новом Свете привели в конце XVI в. к борьбе Англии с Испанией. До открытого столкновения в 1588 г. борьба двух стран происходила в безбрежных просторах Атлантики. Стратегический план Англии предусматривал ограбление испанских колоний и судов, шедших с грузом драгоценных металлов через океан из Нового Света. В Англии возникают на паевых началах специальные купеческие компании для снаряжения пиратских экспедиций. Начиная с 70-х годов XVI в. они, по сути дела, вели необъявленную войну против испанцев. Правительство Елизаветы весьма снисходительно относилось к неблагоприятным действиям пиратов, выгодным для государства.

Стремясь проникнуть в испанские колонии на тихоокеанском побережье Нового Света, легендарный английский мореплаватель Френсис Дрейк в 1578 г., пройдя через Магелланов пролив, ограбил поселения испанцев в Чили и Перу, пересек Тихий океан и, обогнув мыс Доброй На-

дежды, вернулся в Англию, совершив, таким образом, второе после Магеллана кругосветное путешествие. Сама королева приветствовала удачливого авантюриста, осыпав его милостями и пожаловав звание дворянина.

После начала открытой войны между Англией и Испанией пиратство приняло небывалый размах. В 1589—1590 гг. снаряжаются новые экспедиции англичан в Вост-Индию, а также в бассейн Тихого океана, чтобы вытеснить Голландию с «островов пряностей», а португальцев — из индийских вод. Пиратство становится одним из методов создания основ Британской колониальной империи.

Англо-испанская морская война неизбежно повлекла за собой нарушение регулярной торговли Англии с Европой, закрытие части английских рынков на континенте. Убытки от прекращения регулярной торговли постепенно стали превосходить прибыли от пиратства и грабежа испанских и португальских колоний. С начала XVII в. особое значение приобретают организация собственно английских колоний, санкционированный государственный захват колониальных источников сырья и рынков сбыта.

На рубеже XVI — XVII вв. буржуазия Англии все более выражает недовольство режимом абсолютизма и его политикой, сковывавшей свободу конкуренции и предпринимательства, резко протестует в парламенте против практиковавшейся короной торговли патентами на монопольное производство или продажу тех или иных товаров отдельными лицами или компаниями (см. ч. 2, гл. 1). В период правления первых Стюартов буржуазия, не довольствуясь борьбой за существование, начинает борьбу за власть. Первые признаки назревающего разрыва буржуазных слоев Англии с абсолютизмом, разрыва, который наряду с другими факторами в 40-х годах XVII в. привел страну к буржуазной революции, были налицо.

XVI век, бурный и жестокий, век ярких социальных контрастов, век насилия и неприкрытого грабежа крестьянства, объективно-исторически явился отправной вехой в процессе становления капитализма в Англии. Он был также прологом битвы английского крестьянства в революции 40-х годов XVII в. за укрепление своих владельческих прав.

Это было время развития в недрах по преимуществу еще феодальной экономики Англии тех глубинных процессов, которые в области политико-идеологической способствовали постепенному вызреванию программ двух противостоящих друг другу лагерей (буржуазно-дворянского и крестьянско-плебейского), время собирания сил для открытой, хотя и неравной борьбы в приближавшейся революции.

Глава 3

ФРАНЦИЯ

С конца XV в. Франция, как и другие западноевропейские страны, вступает в эпоху раннекапиталистического развития, хотя в XVI — XVII вв. она не принадлежала к числу ведущих его центров.

В XVI — XVII вв. во Франции не существовало единой национальной экономики. По выражению Ф. Броделя, страна представляла собой пеструю мозаику маленьких областей, живших своими ресурсами. Но дело не только в разобщенности отдельных районов королевства: Франция была страной, где сочетались разные типы экономического развития.

Французское королевство в XVI — XVII вв. было самым населенным государством Европы: в конце XV в. его население составляло 14—15 млн, к середине XVII в. достигло 16—18 млн. человек. Прирост населения про-

исходил неравномерно, соответствуя ритмам экономического развития страны: после бурного роста первой половины XVI в. произошел спад в эпоху религиозных войн и медленный, задержанный Тридцатилетней войной подъем в следующем столетии. §Относительная «перенаселенность» Франции (по сравнению, например, с Англией или Германией) во многом определила особенности развития ее экономики, особенно сельского хозяйства.

Страна имела прекрасные природные условия для успешного развития сельского хозяйства. В силу их большого разнообразия аграрная цивилизация Франции была разнотипной. В XVII в. традиционные различия между севером и югом в сельском хозяйстве усилились: север постепенно превращался в район монокультуры зерновых, чему способствовала исключительная плодородность почвы. На юге, напротив, природные условия благоприятствовали развитию поликультуры и в крестьянских хозяйствах сочетались зерновые, фруктовые сады и виноградники. На этом фоне развивалась специализация мелких сельскохозяйственных районов, особенно винодельческих, а вблизи крупных городов — и огороднических.

Основная ячейка сельской экономики — крестьянское хозяйство было весьма гибкой экономической формой, способной использовать специфику локальных природных условий, что породило крайнюю пестроту крестьянского хозяйства в стране. Главная масса пригодных для обработки при тогдашнем уровне развития агротехники земель уже была освоена, а возможности технического прогресса при земледелии мелкого производства были ограничены. §Французское крестьянство в условиях густонаселенной страны страдало от малоземелья. Возрастающая задолженность крестьянства, характерная для эпохи его втягивания в рыночные отношения, усугубила нестабильность его хозяйства. Его техническая оснащенность оставалась низкой, и сельская экономика развивалась замедленно.

Большинство крестьян в XVI в. были лично свободны и владели своими цензивами на условиях вечнонаследственного держания, что было важным их отличием от английских копигольдеров и одной из причин более умеренного характера экспроприации французского крестьянства. Давность владения приводила к фактическому превращению цензив в крестьянскую собственность, хотя и обремененную феодальными и сеньориальными платежами.

На судьбах крестьянского хозяйства тяжело сказались изменения хозяйственной конъюнктуры. Во второй половине XV — первой половине XVI в. климат характеризовался некоторым потеплением и устойчивым преобладанием урожайных лет над неурожайными, а война велась почти исключительно на чужой территории и сопровождалась довольно умеренным ростом налогов. Но во второй половине и особенно в конце XVI в. неурожаи следуют за неурожаями, а гражданские войны опустошают страну. После кратковременного мира при Генрихе IV и некоторого улучшения погодных условий в начале XVII в. Франция вновь втягивается в полосу сначала гражданских, а затем и внешних войн. Рост налогов приобретает катастрофический характер и к тому же совпадает с новой серией неурожаев. Следовательно, после периода благоприятных условий для развития сельского хозяйства страна переживает примерно на столетие затянувшиеся трудности. Периодические голодовки доказывают шаткость экономического фундамента французского общества XVI—XVII вв.

В этих условиях усиливается процесс обезземеления крестьянства. Сеньоры, горожане, а иногда и немногочисленные сельские богатеи методически скупают лучшие земли и, где позволяют хозяйственные условия, образуют средние и крупные фермы. Этот процесс в различных частях страны протекает по-разному. На севере, в районах монокультуры, крестьянское хозяйство тяжелее страдает от малоземелья и оказывается

менее устойчивым, зато организация ферм — более доходной. На юге же разносторонность крестьянского хозяйства делает его более жизнестойким. Здесь гораздо реже образуются значительные земельные комплексы, подобные фермам на севере, а скупленные крестьянские наделы обычно продолжают эксплуатироваться новыми собственниками в качестве отдельных участков.

Сеньоры и горожане сравнительно редко ведут хозяйство сами. Обычной формой эксплуатации земельных владений становится краткосрочная аренда: на севере — крупная и средняя фермерская аренда, на юге — испольщина, представляющая обычно мелкую и среднюю аренду. Если на севере фермер обычно нанимает батраков, то на юге испольщик ведет хозяйство в основном силами своей семьи. Структура деревни оказывается, следовательно, разнотипной, однако в обоих случаях налицо капиталистические или переходные к капиталистическим формы эксплуатации. В горных районах аграрные отношения характеризовались большей традиционностью, а обезземеление крестьянства происходило замедленно. Средний слой крестьянства, иногда еще довольно многочисленный на юге, в передовых областях Парижского бассейна к середине XVII в. резко сокращается. Верхушку крестьянского мира составляют здесь немногочисленные «пахари», впридачу к своим цензивам арендующие у господ фермы, а иногда выступающие и в качестве сеньориальных сборщиков. Большинство же крестьян, не имея возможности прокормиться со своих значительно уменьшившихся цензив, вынуждены арендовать небольшие участки земли, наниматься батраками на фермы, работать на рассеянных мануфактурах. В XVII в. французское крестьянство переживает социальный кризис, его дифференциация усиливается, оно утрачивает некоторые чисто феодальные черты. Проявлением этого кризиса стали многочисленные крестьянские восстания, особенно частые на исходе религиозных войн и во второй четверти XVII в.

Существенные перемены произошли и в жизни французского дворянства. Многие дворянские семьи разорились и пресеклись, а их сеньории скупили новые дворяне буржуазного, а иногда и крестьянского происхождения. В XVI в. процесс обновления дворянства отличался особой интенсивностью. В области Бос (район города Шартра) в 1700 г. из 130 дворянских родов 52 (40%) принадлежали к старому дворянству (до 1500 г.). В Бретани в 1668—1672 гг. 28% дворянских семей документально подтвердили наличие благородных предков до 1500 г. В округе Байе (Нижняя Нормандия) в 1666 г. из 592 дворянских семей 183 (30,9%) возводили свой род как минимум к 1463 г., причем среди остальных были старые семьи, переселившиеся в эту область из других районов. До середины XVI в. преобладало аноблирование по благородной земле, позднее — по должностям в государственном аппарате и посредством королевских патентов. Новые семьи отчасти вливались в состав традиционного «дворянства шпаги» (т. е. сельских сеньоров и военных), отчасти же формировали особый социальный слой «дворянства мантии» (робенов). Третируемые родовыми дворянами как «буржуа», высокопоставленные робены тем не менее в большинстве своем юридически принадлежали ко второму сословию. Наличие у них сеньорий также сближало их со старым дворянством. Внутри юридически единого и экономически более или менее однородного второго сословия к концу XVI — началу XVII в. сложились две вполне самостоятельные и не сливавшиеся друг с другом социальные группы, что явилось важной чертой французского общества.

Однако оскудение было уделом отнюдь не всего старого дворянства. Вдали от крупных городов, в отсталых провинциях центра и северо-запада королевства родовые семьи сохраняли безраздельное господство. Не менее важным было то, что и в экономически развитых районах «кризис доходов» в разной мере затронул различные слои второго сословия.

Он оказался роковым главным образом для мелкого дворянства, в то время как высшая знать и многие семьи среднего дворянства сумели приспособиться к новым политическим и экономическим условиям.

Основной костяк «дворянства шпаги» по-прежнему составляли семьи, происхождение которых было весьма древним. Именно из них сложились в XVI в. придворная знать, сменившая на социальной вершине постепенно вымиравшие династии территориальных государей средневековья. Она сформировалась на королевской службе, доходы от которой были важным источником ее могущества. Эти доходы имели значение и для части провинциального дворянства, все шире привлекавшегося в королевскую армию. И все же для дворянства в целом более важную роль играли земельные доходы. Повысить их удалось с помощью перестройки дворянского землевладения, осуществленной в XVI — начале XVII в.

Французское дворянство экономически не было столь активно, как английское джентри. Но его сословная этика вовсе не возбраняла управление поместьями. Наряду с расточителями среди дворян встречались многочисленные крепкие хозяева. Уже после Столетней войны во многих сеньориях за счет заброшенных земель был восстановлен домен и на нем организованы фермы. В XVI в. такие сеньории распространялись все шире, чему способствовала скупка горожанами земли, и к XVII в., по-видимому, преобладали уже в большинстве экономически развитых провинций. Судя по локальным данным, в стародворянских сеньориях домен был обычно крупнее, чем в новодворянских (в области Бос в середине XVII в. около 177 га против 60), поскольку в руки новых собственников попадали в первую очередь мелкие поместья разорившихся дворян. Доходы сеньоров от краткосрочной аренды, капиталистической или переходной к капиталистической, с лихвой компенсировали сокращение в XVI в. реальной стоимости фиксированных сеньориальных платежей и обычно составляли большую часть земельных доходов. Французское дворянство в XVII в., как и общество в целом, соединяло в себе феодальные и раннекапиталистические черты.

Для городской экономики в XVI—XVII вв. характерна определяющая роль торговли. Только там, где город втягивался в широкие торговые связи, особенно в международные, происходило развитие в нем раннекапиталистического производства. Крупный купеческий капитал был его главным двигателем, а широкие рынки — необходимым условием, хотя структура торговых связей Франции в XVI в. оставалась в основе своей средневековой. Национальный рынок далеко еще не сложился. Отдельные локальные рынки были слабо связаны между собой, и их относительно стабильные потребности с успехом удовлетворялись местным ремесленным производством. Лишь некоторые из них были связаны с широкой международной торговлей.

В XIV—XV вв. Франция отставала в стороне от главных мировых торговых путей. Старые шампанские ярмарки, до конца XIII в. служившие важнейшим центром контакта северной и средиземноморской торговли, давно потеряли значение. По сравнению с Италией, Голландией, Англией и Пиренейскими странами Франция была наименее морской державой. Однако с 60—70-х годов XV в. она втягивается в систему мировой торговли благодаря итальянским банкирам и купцам, которые во главе с домом Медичи переносят в Лион из Женевы свои конторы. Умиротворенная после Столетней войны страна открывает им хорошие возможности, особенно благодаря активному покровительству Людовика XI, учредившего в Лионе ярмарки с исключительно благоприятным режимом. Выгодное географическое положение Лиона, который стоит у слияния Соны и Роны и связан речными путями с верховьями Сены и Луары, с бассейном Рейна и Средиземноморьем, предопределило этот выбор. Лион превращается в XVI в. в крупнейший заальпийский центр итальянской

торговли, своего рода распределитель левантийских пряностей и итальянских шелков во Франции и других странах Европы, и складочный пункт для европейских товаров — французского полотна, нидерландских и французских сукон, немецких металлических изделий, импортируемых итальянцами. Через Лион проходило от трети до половины всего французского импорта. В купеческой олигархии Лиона прочно преобладают итальянские купцы, а французы выступают на вторых ролях. В 1569 г. из 33 купцов, каждый из которых ввозил более 1% лионского импорта, 24 были итальянцами, а среди 10 купцов, доля которых превышала 2%, итальянцев было 9. Французские купцы не имели достаточных капиталов, связей, опыта, чтобы потеснить итальянцев. И все же система, установившаяся в Лионе, была благоприятной для них. Они находились как бы в ученичестве у первейших в Европе негоциантов и получали долю в их прибылях. Внутренняя торговля оставалась в их руках, и итальянцы редко проникали дальше Лиона. Сбор товаров в королевстве и распределение импорта давали немалые прибыли французскому купечеству.

Развитие лионской промышленности в XVI в. значительно уступает блестящим успехам лионской торговли. Основные ремесла сохраняют в целом средневековый характер, поскольку торговля ведется главным образом транзитная. Все же в 30-е годы XVI в. начинают развиваться шелковые мануфактуры, расцвет которых приходится уже на следующее столетие, а в области книгопечатания город выдвигается на одно из первых мест в Европе. Большое значение имело и вытягивание через посредство Лиона в систему международного рынка экономики некоторых областей Центральной, Восточной и Южной Франции. Сукноделие Лангедока и Пуату, полотняное производство Лионнэ, Форэ и Божоле испытали значительный подъем и начали перестраиваться на раннекапиталистический лад.

И все же несоответствие промышленной основы процветающей внешней торговле выдает неустойчивость структур раннего капитализма в Лионе. Он ориентируется на сравнительно узкий в социальном плане рынок, ибо главным предметом торговли остаются предметы роскоши, особенно шелк и пряности, в 1569 г. составившие соответственно 40 и 11,7% лионского импорта. Именно ввоз предметов роскоши был основой процветания лионских ярмарок. Связь интернационального рынка с локальным оставалась слабой. Наконец, масштаб деловых операций в Средиземноморье относительно скромнее и купеческие компании, составленные из родственников, недостаточно мощны. С середины XVI в. усилившаяся финансовая эксплуатация лионских ярмарок правительством, нарушение нормального функционирования торговых связей из-за религиозных войн и развивающаяся конкуренция нидерландской и английской экономики подрывают расцвет «итальянского» капитализма в Лионе. Купеческий капитал частично ориентируется на сферу государственных финансов, частично — на сферу землевладения. После религиозных войн Лион сохранил важное значение как крупный центр французской торговли и шелковой промышленности. Если в 1575 г. в лионском шелкоткачестве было занято 220 работников, то в 1621 г. — 578, а в 1660 г. — 841. В XVII в. шелковые мануфактуры определяли экономическое лицо Лиона. Продолжали функционировать в XVII в. и проходившие через Лион торговые пути, соединявшие нидерландский и североитальянский экономические регионы. Но от главной сферы циркуляции богатств — Атлантики — Лион находился в стороне.

Во второй половине XVI в. в связи с развитием океанских торговых путей в Нидерландах и Англии формируются более зрелые капиталистические отношения, которым свойственны широкие масштабы предпринимательства, воплощенные в акционерных компаниях, и использование силы государственной поддержки. Они основываются на фундаменте ману-

Лион в XVII в. Рисунок И. Лингельбаха, Вена, Альбертина.

фактурного производства товаров широкого потребления, конкурентоспособность которых определяется не столько высоким качеством, сколько низкой стоимостью. Благодаря этому они теснее связывают локальные рынки с международными и стремятся к их завоеванию.

Конкуренция Англии и Нидерландов явилась одной из причин упадка средиземноморской экономики к концу XVI в. Франция же как бы соединила в себе оба типа экономического развития. В годы религиозных войн она тяжело пережила кризис раннего капитализма «итальянского типа», но сумела выйти из него и включиться в экономический подъем Северо-Запада Европы в XVII в.

Роль Франции в географических открытиях и раннем колониализме была скромной. Она довольно поздно обзавелась собственными колониями. Но на протяжении XVI в., особенно после заключения мира в Като-Камбрези в 1559 г., стремительно расширяется франко-испанская торговля. Главные пути ее ведут через Бордо и Руан, и в нее втягиваются не только южные, но и северо-восточные провинции королевства. Она не всегда находится в руках французских купцов. Инициатива часто принадлежит испанцам и голландцам. Однако баланс этой торговли безусловно положителен для Франции: через посредство Испании, слишком слабой экономически для обеспечения своих колоний, перед французской промышленностью открываются широчайшие рынки Нового Света. На них главным образом и ориентируется французская мануфактура.

Трудная конъюнктура религиозных войн во многом ограничивала возможности промышленного подъема. И тем не менее вплоть до 80-х годов XVI в. элементы раннего капитализма продолжали вызревать. При Генрихе IV, впервые во Франции практиковавшем последовательную меркантилистскую политику, эти элементы усилились, обеспечив некоторый подъем французской экономики в первой четверти XVII в. Нестабильная экономическая конъюнктура последующих десятилетий, по-видимому, вновь привела к некоторому сокращению производства, хотя и не столь значительному, как в конце XVI в. В стране аграрной экономики города не могли не испытывать влияния ее ритмов. Сказались также войны, налоговый гнет, ослабление протекционистской политики, конкуренция нидерландской и английской мануфактур. Но несмотря на трудности, раннекапиталистический уклад удержал свои позиции во французской промышленности, а к концу XVII в. в ряде крупных и средних промышленных городов (Лионе, Амьене, Бове) мануфактура в ведущих отраслях произ-

водства — сукноделии и шелкоткачестве — заняла главенствующие позиции. Это была преимущественно рассеянная и смешанная мануфактура, широко использовавшая труд частично обезземеленных крестьян.

Однако далеко не все французские города пошли по такому пути развития. Многие мелкие и средние города, изолированные от широких рынков и еще в XVI в. удовлетворявшие своим ремеслом местный спрос, оказались в трудном положении в связи с конкуренцией и французской и зарубежной мануфактуры, постепенно завоевавшей локальные рынки. Начался упадок таких городов, прежде всего их ремесленного производства. Их население нередко сокращается, а масса горожан обращается к труду на земле. Так, население Шатодена (в среднем течении Луары) с середины XVI в. к 60—70-м годам XVII в. сократилось вдвое — до 5 тыс.; его сукноделие с середины XVII в. исчезло, а доля сельскохозяйственных рабочих с конца XVI в. до 1696 г. возросла с 20 до 40 %. Богатые шатоденские купцы торговали исключительно вином, дровами и зерном.

Крупные промышленные центры неравномерно распределялись по Франции. Главными районами их сосредоточения были северо-восток, отчасти восток и Лангедок. По своим экономическим связям, по типу и ритмам развития они тяготеют к нефранцузским экономическим центрам. Северо-восток, включая Париж, — к Нидерландам, Лион — к Северной Италии и Швейцарии, Лангедок ориентируется на Испанию и через Марсель — на сохранившиеся средиземноморские связи. Подъем раннекапиталистической промышленности происходит в первую очередь на окраинах страны, и это отрицательно сказывается на формировании французского национального рынка, которое, несмотря на возрастание в XVII в. роли Парижа, в рассматриваемый период далеко еще не завершилось.

Во французских городах, и в первую очередь в крупных экономических центрах, постепенно происходит формирование ранней буржуазии и пролетарских элементов. Слой ремесленных мастеров, основа городской общины средневековья, переживает дифференциацию. В XVI в. они в массе своей хозяйственно самостоятельны и не связаны с раннекапиталистическими отношениями, но уже в XVII в. большинство их постепенно попадает в зависимость от купцов и «фабрикантов» — мануфактуристов, в то время как верхушка вливается в ряды буржуазии. Однако эта последняя еще далеко не похожа на буржуазию XIX в. В ее состав наряду с купцами и «фабрикантами» входят низшие чиновники, люди свободных профессий, многочисленные буржуа — землевладельцы и рантье. Еще более разнороден городской плебс, включающий наряду с разорившимися мастерами ремесел подмастерьев, поденщиков, сельскохозяйственных рабочих и многочисленных нищих. Он находился еще на самой ранней стадии процесса пролетаризации.

В «аграрных» городах указанные процессы протекали со значительным своеобразием, поскольку мануфактура получила в них крайне слабое развитие. Однако социальная дифференциация мастеров ремесла развивалась и в них под влиянием конкуренции более крупных центров. Для буржуазных кругов здесь были особенно типичны землевладельцы и рантье, а для плебса — сельскохозяйственные рабочие. Конечно, раннекапиталистические отношения здесь были гораздо менее развиты. Но и такие города потеряли чисто средневековые черты социального строя.

Разложение средневекового городского общества приводило к многочисленным и разнообразным конфликтам, порой кровавым столкновениям в городах, где социальная атмосфера была весьма напряженной.

Характерной чертой французской буржуазии и важной причиной отставания Франции от передовых стран раннего капитализма было стремление вкладывать капиталы в сферы землевладения и государственного долга. Укажем три основные причины этого явления. Во-первых,

перспективы развития собственно купеческого богатства были весьма ограниченны: основные торговые пути французским купцам были доступны через посредников, что препятствовало им войти в элиту европейских негоциантов. Во-вторых, сказалось влияние весьма развитой в средневековой Франции сословной идеологии, согласно которой дворянство стояло неизмеримо выше буржуазии. В-третьих, перед французским купечеством открывались благоприятные возможности вложения капиталов именно в социально престижные сферы. Они были созданы как ранним возникновением во Франции фискальной системы и значительного государственного аппарата, должности в котором постепенно становились продажными, так и своеобразным «вакуумом инициативы и ресурсов», образовавшимся во французской деревне в силу меньшей, чем в Англии, хозяйственной активности французского дворянства и немногочисленности прослойки богатого крестьянства. Поэтому в составе французской буржуазии было особенно много юристов, финансистов, землевладельцев и рантье. Верхушка этого слоя, разбогатевшая и возвысившаяся на королевской службе, превратилась к концу XVI — началу XVII в. во влиятельное «дворянство мантии», социально изолированное от буржуазии. Однако большинство представителей этого слоя оставалось и в XVII, и даже в XVIII в. частью буржуазной среды.

К середине XVII в. Франция уже заметно продвинулась по пути капиталистического развития. Фермерская аренда на севере была главным проявлением этого в сельском хозяйстве, но и на юге использования приобретает черты переходной к капиталистической формы землепользования. Французское крестьянство в условиях густонаселенной страны не было богато, и даже его верхушка редко имела в собственности крупные земельные комплексы. Поэтому роль сеньории, главную часть которой обычно составлял сдаваемый в аренду домен, в генезисе капитализма была весьма велика. С этим отчасти связана и замедленность капиталистического развития французской деревни по сравнению с английской. К тому же экспроприация французских цензитариев, вечновладельцев держателей земли, не могла быть осуществлена в столь же радикальных формах, как по ту сторону Ла-Манша. Во Франции экспроприация крестьянства была частичной, и до самой революции феодальный уклад во французской деревне оставался реальностью.

На развитии раннего капитализма во французском городе сказались удаленность королевства от основных торговых путей, конкуренция передовых стран раннего капитализма и стремление французской буржуазии вкладывать капиталы в сферы землевладения и государственного кредита. Тем не менее XVI—XVII вв. были эпохой промышленного роста, хотя и прерываемого срывами. Мануфактура утвердилась в целом ряде крупных и средних городов, причем в некоторых областях производства — сукноделии, шелкоткачестве, изготовлении полотна и книгопечатании — добились преобладания. Обычно это была рассеянная мануфактура, организованная купцами и использующая труд малоземельных крестьян городской округи. Главной особенностью развития раннего капитализма во Франции было то, что эта страна, болезненно пережив кризис раннего капитализма «итальянского типа» в конце XVI в., сумела в XVII в. вместе с Нидерландами и Англией включиться в новый экономический подъем, который и привел к прочному развитию в ней раннекапиталистического уклада.

Глава 4

НИДЕРЛАНДЫ

Социально-политические конфликты последней четверти XV в. осложнили экономическое развитие Нидерландов, но в основном борьба завершилась в пользу сил, стоявших за централизацию страны, что вело к укреплению простого товарного хозяйства. Общий товарооборот страны за XV в. возрос в два раза. Именно в XV в. был создан тот трамплин, отталкиваясь от которого Нидерланды осуществили поразивший современников динамичный прыжок в XVI столетие.

К исходу XV в. в хозяйственной жизни страны аграрный сектор сохранял первостепенное значение. Несмотря на пестроту его развития в разных регионах страны, главными направлениями были личное освобождение крестьян, унификация их категорий, упрочение строя «чистой сеньории», быстрое развитие простого товарного хозяйства, распространение разных форм феодальной аренды. Рост спроса на сырье, большие расходы на водозащитные гидротехнические сооружения способствовали распространению в развитых приморских областях посевов технических культур, более трудоемких, но и более доходных. Прогрессировали и сельские промыслы. Во всех экономически развитых областях страны сложились районы торгового земледелия, густая сеть местных ярмарок и торгов. Совершенствовались агротехника и агрикультура. В этих условиях товаризовался не только сбыт, но и самая основа воспроизводства крестьянских хозяйств.

Итоги развития ремесла и промышленности дают противоречивую картину. Кризис традиционного экспортного сукноделия, включая и новое сукноделие, исчерпал его возможности во Фландрии, привел к застою в Брабанте, но к расцвету в Лейдене. За XV в. производство сукна здесь увеличилось в 2,5 раза. Зато в Алкмааре и Бефервэйке цеховое сукноделие свернулось. Во Фландрии и Брабанте большие успехи отмечались в изготовлении льнополотна, ковров и гобеленов.

Сходные процессы происходили и в области торговли: еще процветали принудительные стапельные рынки в Генте, Дордрехте, Мидделбурхе, за укрепление своего стапельного рынка боролся Амстердам, но уже пошатнулось былое торговое могущество крупнейшего средневекового порта — Брюгге. Если в 1457 г. в его гавани ежедневно заходило до 66 судов, то в 1499 г. всего 23; более чем в три раза сократились поступления от сбора пошлин. Место Брюгге занял Антверпен, куда переместились конторы всех крупных европейских торгово-банковских компаний. Изменения происходили и в сфере кредита: развивалась система денежных переводов, долговых писем. Однако сильные позиции ростовщичества, преобладание ссуд монархам по сравнению с объемами даже краткосрочного коммерческого кредита сохранялись.

Широкое развитие ремесла, торговли, судоходства, рыболовства и промыслов позволило Нидерландам с минимальными потерями преодолеть депрессивную аграрную конъюнктуру XIV—XV вв. Демографическая обстановка характеризовалась небольшим снижением численности населения к концу XV в., в целом же не была кризисной. Но социально-экономическая стабильность в стране не сложилась: наиболее разрушительным стал процесс первоначального накопления капитала. Арсенал его средств был разнообразен, в основном он состоял из мер внеэкономического принуждения. Сеньоры все чаще при смене держателя либо вымогали высокие вступительные взносы у наследника, заставляя его обращаться к ростовщику и разоряться, либо прямо превращали держание в свою полную собственность и сдавали в аренду, обычно краткосрочную (3—9 лет). Нередко сеньоры узурпировали общинные земли, обрекая

этим крестьян на разорение. Горожане, владеющие землей, часто также сдавали ее в аренду; в развитых экономически регионах им принадлежало до 30% обрабатываемых площадей. Как правило, горожане приобретали земли посредством ростовщических операций. Мелкий крестьянин обычно не мог расплатиться за долги, и его земля переходила к ростовщику-горожанину. В то же время богатые крестьяне переселялись в города, оставляя за собою земли. Обе эти группы городских землевладельцев отказывались платить налоги, ложившиеся на деревню, и оставшиеся на селе жители должны были покрывать недоимки.

Важным рычагом первоначального накопления была налоговая система: к концу своего царствования Карл V взимал с Нидерландов свыше 2 млн гульденов прямых налогов в год, а все расходы на военные цели, включая строительство arsenалов, городских укреплений и т. п., достигали 4 млн гульденов в год. Города и деревни ради уплаты налогов вынуждены были идти в ростовщическую кабалу: к 1514 г. расходная часть бюджетов городов Голландии в основном состояла из уплат по долгам. В деревнях положение было еще более тяжелое. Налоговые квоты для них устанавливались властями земель, т. е. феодалами и магистратами городов. Они завышали квоты деревням, а сборщики и откупщики налогов чинили еще и произвольные вымогательства. Наконец, набирала силу «революция цен». С 1500 по 1580 г. цены на рожь, пшеницу, землю, арендная плата многократно возросли, а рост заработной платы отставал от них в два раза и более. В годы дороговизны бедный люд голодал, свирепствовали эпидемии. Голодные бунты не могли что-либо изменить, а «бунтовщики» лишались прав на благотворительное пособие. Во Фландрии и в Голландии от 25 до 33% крестьян были безземельными коттерами, бедняками, которые не могли существовать доходами лишь от земледелия; они рботали по найму на торфоразработках, ремонте и строительстве гидротехнических сооружений, матросами на кораблях, просто нищенствовали.

Тяжелым было положение и городских низов. В Хондсхооте, где 75% населения составляли мелкие ремесленники и наемные рабочие, в 1569 г. 4 тыс. человек жили за счет благотворительности. По данным «Информации» 1514 г. (налоговой описи), в городах Голландии число пауперов и бедняков, не плативших налогов или вносивших символические суммы, составляло: в Амстердаме — 23%, в Хауде — 32, в Хаарлеме — 35, в Делфте — 38, в Хоорне — 40, в Лейдене — свыше 60% населения. Благотворительных взносов не хватало, и магистраты городов санкционировали нищенство работающих ремесленников, выдавая им специальные жетоны на право сбора подаваний в установленных местах.

Тысячи бедняков бродили по улицам городов и дорогам страны. С 1501 г. центральные власти стали издавать законы против бродяг, грозившие им тяжелыми карами. Так создавалась резервная армия будущих наемных рабочих для мануфактур, которые поглощали лишь часть свободных рабочих рук. Остальные бедняки пополняли ряды преследуемых бездомных бродяг и нищих.

На другом полюсе происходило накопление капиталов и средств производства. Верхушка некоторых цехов шла по пути увеличения количества продукции, накапливая значительные капиталы и относительно дорогостоящее оборудование; при этом они продолжали отстаивать свои цехово-сословные монопольные привилегии и вольности. Большие средства сосредоточивались у лиц, занимавшихся ростовщичеством: помимо профессионалов, втайне ссужали деньги в рост некоторые родовитые дворяне, патрицианские кланы, а также разбогатевшие горожане и крестьяне. Огромные средства наживали «финансисты», дававшие займы монархам, хотя порою они и разорялись из-за банкротства сиятельных должников. Купцы богатели на выгодных торговых сделках и контрабанде. Обрастали

скушенными и просто награбленными землями богатые крестьяне. Среди них изредка уже встречались чистые рантье. Волей случая в «денежные люди» выбивались, обычно нечистыми способами, авантюристы из низов общества. Так формировалась прослойка будущих капиталистов, готовых вложить капиталы в промышленность, торговлю, сферу кредита.

Уже в XV в. межотраслевое разделение труда достигло очень высокого уровня: в Антверпене насчитывалось до 250 отраслей ремесла. Внутри наиболее развитых ремесел, в частности в шерстоткачестве, основных отраслей было 10, а вместе с дополнительными — до 30. Такое разделение труда подготовило технико-технологические предпосылки для организации крупных мануфактур, основанных на широком применении наемного труда. Именно мануфактура трех ее основных видов — централизованная, смешанная и рассеянная — становилась ведущей формой капиталистического предприятия. Происходило это в условиях разложения и упадка феодальной ремесленной цеховой системы. Особенно тяжелое положение сложилось в традиционном цеховом сукноделии. Оно оказалось под двойным давлением английской экспансии и сельских центров шерстоткачества. В итоге в 1543 г. в Генте работало лишь 25 ткацких станков, в Ипре в 1545 г. — 100. Цеховые пивовары, хотя и укрупняли производство, тоже терпели неудачи, снижали производство и экспорт.

Спасение цехи видели в ужесточении преследований своих конкурентов. В 1531 г., используя финансовые затруднения Карла V, они добились издания жесткого закона против «внегородских профессий». Исполнение его встретило большие затруднения — он стал практически осуществляться лишь к 1545 г. к огромному ущербу для сельского ремесла. В условиях роста капитализма цехи искали пути сохранения в усилении монопольной исключительности или пытались приспособиться к буржуазному предпринимательству.

Между тем капитализм в Нидерландах динамично развивался, хотя и в специфических условиях мануфактурного периода, когда «торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание»¹, а общая экономическая конъюнктура не стала стабильной. Фаза роста приходилась лишь на 1518—1520 и 1535—1566 гг., а 1520—1535 гг. знаменовались спадом; после же 1568 г. и вплоть до 80-х годов наступило время тяжелого кризиса, особенно в южной части страны. Среди переходных и раннебуржуазных отраслей шерстоткачества доминировало производство шерстяной саржи в Хондсхооте. В 1485 г. он экспортировал 15 тыс. кусков ткани, в 1563—1569 гг. — свыше 90 тыс. кусков ежегодно. Хондсхоот, как и другие сельские центры, не избег корпоративных ограничений — с тем, однако отличием, что наиболее строго регламентировалась технологическая сторона процесса. В остальном ограничения были более гибкими, не касались объемов продукции внутри отраслей, хотя пресекали посылки межотраслевых объединений любого рода. В сфере производства господствовал средний предприниматель — суконщик, в сбыте продукции — купцы. Вмешательство магистрата приобретало форму муниципального протекционизма.

Динамичная кривая характеризовала рост льюткачества. На рынках Эклоо, Гента, Куртре к середине XVI в. ежегодно продавалось до 90 тыс. кусков полотна. В Антверпене, Брюсселе, Турне, Камбре, Валансьенне, Лилле изготавливались полотна высшего качества и кружева. В Генте у льюткачей был цех; в деревнях и местечках Фландрии — сельские промыслы, где энергично работали скупщики, раздатчики и купцы. Формы производства варьировались от простого надомничества до рассеянной мануфактуры.

Шелкоделие было относительно новой отраслью, и потому сложившиеся в нем корпоративные формы, как и в Хондсхооте, давали простор пред-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 764.

принимательству предбуржуазного или буржуазного типа. Особое место занимало изготовление гобеленов и ковров. В Брюсселе, Генте, Ипре, Лилле цехи выпускали роскошные изделия, в Ауденаарде — также и изделия относительно массового спроса; там преобладали работа на дому и рассеянная мануфактура. В число 14 тыс. работников входили члены семей, включая детей.

В XVI в. успешно развивалась металлургия, тесно связанная с военным делом. Она концентрировалась в Намюре и Льеже, где число домен, горнов и кузниц с 1500 по 1565 г. возросло с 80 до 220. Однако многие из них рабстали в сезонном режиме. Литейни Мехельна славились на весь мир своими колоколами. Выплавка металлов оценивалась в 7 тыс. тонн (в Англии в 1580 г. — 9620 тонн). Возникали и отдельные крупные для того времени литейни. Быстро росла добыча каменного угля.

Крупные успехи в XVI в. одержали рыболовство, судостроение, связанные с ним подсобные отрасли. Валовая стоимость продукции рыболовства достигала 4,5 млн гульденов. В этих отраслях были заняты десятки тысяч матросов и грузчиков. Значительная их часть, прежде владельцы кораблей или паев в них, обеднела и пошла на службу к богатым судовладельцам. Хозяева крупных верфей имели значительные капиталы; судостроительные цехи разлагались, в них брали верх богатые мастера.

В итоге промышленно-ремесленный потенциал Нидерландов в 1570 г., по официальной налоговой описи герцога Альбы, исчислялся в сумме около 50 млн гульденов.

В книгопечатном деле крупнейшей была типография компании Плантена в Антверпене, самая большая в Европе. В 1569—1576 гг. в ней работали 10—22 прессы и от 30 до 54 наемных рабочих. Она имела 66 шрифтов на 13 языках. Книги выпускались массовыми тиражами, шли на экспорт. Капитал компании имел почти современную структуру; лишь 1800 гульденов принадлежали самому Плантену, 10 800 гульденов — его компаньонам, а около 7800 гульденов составлял кредит.

Крупную компанию для реконструкции городских укреплений в Антверпене возглавлял местный купец Гилберт ван Схоонбеке; ее членом был финансовый фактор Филиппа II. Подряд оценивался в 2 млн гульденов. Схоонбеке создал кирпичные и известковые заводы, транспортный манеж для грузовых перевозок, торфоразработки, лесные вырубки, казармы для рабочих, комплекс из 20 пивоварен. Личная доля Схоонбеке в этом предприятии составляла 26,2%. По завершении работ компания была ликвидирована. Схоонбеке оставил за собою лишь пивоварни и торфоразработки, добившись монополии на торговлю пивом в Антверпене с не столь большой прибылью в 7,6%. Так выглядели «высшие достижения» капитализма в Нидерландах XVI в.

В целом в сфере производства и торговли кредит, как составная часть капитала, внедрялся еще медленно. Так, крупнейший купец Хондсхоота Франц Барделоос вложил в экспортные операции 10 500 гульденов, из которых почти 60% составляли его собственные деньги. Путь от торговой к промышленной деятельности был доминирующим.

Определяющими событиями в истории европейской внешней и внутренней торговли были образование в развитых централизованных странах национальных внутренних рынков, а также начало складывания мирового рынка, географическим центром которого становился Антверпен. В него стекались импортируемые товары и изделия местного производства. Около 30% импорта составляло сырье, 40 — продовольствие, 30% — готовые изделия; в экспорте до 75% — готовые изделия и лишь 25% — прочие товары. Торговые отрасли ремесла и мануфактуры работали в основном на внешний рынок, тогда как мануфактуры Англии и Франции сбывали в это время свои товары преимущественно на внутреннем рынке.

Среди городов Голландии на первое место постепенно выдвигался Амстердам. Его экспорт оценивался в 226 тыс. гульденов. Кое в чем он дополнял Антверпен, а в торговле зерном занимал ведущее место и конкурировал с ним. По объемам морского флота, мореходства, рыболовства он перегнал все остальные города. Основные направления внешней торговли Нидерландов вели в бассейн Средиземного моря, юго-западные германские земли, Балтийское море; в конце XVI в. голландские и зelandские моряки стали проникать на океанские просторы, вести контрабандную торговлю с испанскими колониями.

К. Маркс обращал внимание на то, что «расширение внешней торговли... служило в младенческий период капиталистического способа производства базисом для него»². Общий объем импорта страны в середине XVI в. оценивался по расчетным данным в 20—22 млн, а экспорта — в 16 млн гульденов.

Начало складывания мирового капиталистического рынка и доминирующее положение на нем Нидерландов оказывали все возрастающее влияние на сферу производства. Однако заметна была разнонаправленность торговых интересов: северные земли страны имели более прочные связи с Прибалтикой, севером Европы; южные — со Средиземноморьем и Испанией.

Об эволюции внутренней торговли свидетельствует ее валовая стоимость — от 17 до 28 млн гульденов. Формы торговли менялись: сокращались объемы товарной массы цехов; росло значение свободных форм торговли на местных рынках и торгах изделиями свободного ремесла и мануфактур, продукцией из районов торгового земледелия, благодаря чему мелкие города, бурги или крупные села становились оживленными коммерческими центрами. Межобластные связи укреплялись, однако даже и в XVI в. в Нидерландах еще не сложился единый внутренний рынок. Особенно ощущалась разобщенность севера и юга страны.

Этому способствовали средневековые партикуляристские пережитки: многие города владели принудительным стапельным правом, территориальным или ассортиментным; сохранялось еще немало местных таможен; не унифицированной, несмотря на ряд попыток Габсбургов, оставалась монетная система. В этих условиях элементы меркантилизма в торговой политике Габсбургов не сложились в общенациональную систему, как это было в Англии.

Кредитно-финансовая сфера претерпела существенные изменения, хотя многие задачи остались нерешенными: не удалось ввести монометаллическую основу денежной системы; потерпели крах попытки Габсбургов установить постоянное налогообложение. Систематические государственные банкротства (1557, 1575, 1597 гг.) имели тяжелейшие последствия для финансово-экономической сферы не только Испании и Нидерландов, но и в международном масштабе. Светские власти официально признали практику взимания кредитного процента (до 12%). Становление мирового торгового рынка сопровождалось складыванием и мирового финансового рынка с центром в Антверпене, где в 1531 г. открылась фондовая биржа, ставшая курсообразующим учреждением. Регулятором на ней был обменный курс основных европейских монетных единиц.

Даже в мелкой торговле оплата кредита деньгами была сведена к минимуму. В оптовой торговле абсолютно преобладали безденежные операции — переводы, долговые письма на срок, письма-распоряжения, постепенно эволюционировавшие в векселя с передаточной надписью. Ордонанс Карла V 1541 г. санкционировал эту практику и вводил официальную процедуру взыскания задолженности по просроченным векселям. Банкротство Филиппа II в 1575 г., разгром в 1576 г. («испанское бешенство»)

² Там же. Т. 25, Ч. 1. С. 260.

подорвали значение Антверпена как цитадели мирового кредита. Свое стратегическое положение в области финансов он впоследствии сохранял лишь в качестве «рентмейстера» испанской короны.

Роль мирового центра кредитно-финансовых операций позднее перешла к фондовой бирже Амстердама и Амстердамскому банку.

Успехи Нидерландов — страны городов — в области ремесла, промышленности, торговли затухевывали сохранявшее немалое значение сельское хозяйство. Тем не менее брутто-продукт аграрного сектора был равным примерно объему производства в ремесле и промышленности — около 50 млн гульденов. Развитие производительных сил в земледелии, его интенсификация, начавшаяся уже в XV в., ускорились. Увеличились площади распространения интенсивной системы агрикультуры «дриса», усложнился ассортимент инвентаря (набор плугов, в их числе одноручный фландрский; специализированные по культурам и профилям почвы косы и серпы; треугольные бороны с нелинейным расположением зубьев, волокуши, катки, молотилки, производительные маслобойки, в том числе мельничного типа для жомы растительных масел). Развивалось стойловое содержание скота, расширились посевы технических и огородных культур. Возросла урожайность, улучшилась породность скота. В 1540—1565 гг. было осушено около 37 тыс. га земель. Значительно усовершенствовалась техника проведения осушительных работ, хотя с 70-х годов их объемы резко сократились.

В области поземельных отношений ведущей тенденцией в XVI в. было разложение сеньориального строя, сокращение числа чиншевых крестьянских держаний, рост церковного и городского землевладения, быстрое распространение краткосрочной аренды в различных формах — от феодалной «мейерской» и испольной до чисто буржуазной. Несмотря на сохранение натурально-хозяйственных методов шло неуклонное возрастание товарности сельского хозяйства. Росло число районов торгового земледелия, усиливалась специализация хозяйств, в развитых экономически областях укреплялось воспроизводство крестьянских хозяйств на товарной основе. Одновременно рос импорт зерна: в 1500 г. — до 20 тыс., в 1560-х годах — свыше 110 тыс. т. Недостаток местного зерна с 10—15% вырос в 60-х годах XVI в. до 20—25%. Мясо, скот, молочные продукты шли и на экспорт. Увеличивались капиталовложения в сельское хозяйство. Самым точным показателем уровня товаризации было то, что сельская экономика больше реагировала на конъюнктуру мировых цен, чем на колебания внутренних.

Такое направление развития было типичным для экономически развитых провинций — Фландрии, Брабанта, Голландии, Зеландии. Южные валлонские провинции Эно, Намюр, Артуа, Люксембург развивались значительно медленнее: там сохранилось сильное дворянство, местами преобладала аренда, включавшая отработку, остатки серважа. Сходные порядки существовали в Хелдере (Гелдерне), Оверэйсселе, Северном Брабанте, Лимбурге, где преобладали малоплодородные земли и возделывались в основном зерновые культуры. Почти повсеместно развились разного рода промыслы: шерстоткачество и льноткачество — во Фландрии, Брабанте, Эно, мореходство и рыболовство — в приморских районах Голландии, Фрисландии, металлургическое дело — в Намюре, керамическое — в Хронингене. Во многих деревнях промыслы становились основным занятием жителей.

Имущественное расслоение крестьянства стало уже повсеместным: наряду с массой бедняков и пауперов сложилась богатая крестьянская верхушка. Ее представители владели десятками моргенов земли и голов скота, брали в откупа должности старост, сборщиков податей, занимались ростовщичеством и нередко были обеспечены лучше, чем мелкие дворяне. Сельская верхушка, систематически использовавшая наемный

труд, перерастала в буржуазное фермерство. Средняя прослойка крестьянства с трудом сводила концы с концами, обычно занимаясь промыслами, подрабатывая по найму. Привилегированное положение занимали «крестьяне на городском праве» — поселенцы вольных деревень или переселившиеся из деревень в города, приобретшие городское гражданство, но сохранившие свои земельные участки. В западной части свободные, экономически и социально более однородные вольные фризцы, слабо затронутые феодализацией, переходили к ведению товарного и фермерского хозяйства.

Дворянство оставалось феодальным. Оно было многочисленно и сильно, сохранило свои земли, баналитеты и сеньориальную власть над крестьянами в Эно, Намюре, Артуа, Люксембурге, Хелдере. Дворяне Фландрии и Брабанта социально были менее однородны. Аристократия жила при дворе наместника, дворяне занимали местные должности, несли воинскую службу. Среди них росла обедневшая прослойка, материально, а порою и социально опускавшаяся до уровня средних крестьян. В Голландии дворяне были немногочисленны, владели примерно 20% земель, их авторитет поддерживался тем, что сеньоры ведали плотинно-шлюзовым и дамбовым хозяйством. В северной части, населенной в значительной мере потомками фризов, почти все земли входили в королевский домен, а деревни располагали правами самоуправления, близкими к городским.

Дворянство пыталось приспособиться к сложившейся экономической ситуации. Большая его часть стремилась отстоять свои прежние права. Некоторые вельможи проявляли склонность к выгодным вложениям своих капиталов в ростовщичество, откупа, осушение земель. Отдельные дворяне пытались по-новому вести хозяйство на своих доменах, но прослойки «нового дворянства» английского типа в Нидерландах не сложилось. Сеньоры стремились сохранить или возобновить натуральную ренту и арендные платежи, восстановить былые повинности и ввести новые. В приморской Фрисландии дворянство еще только формировалось, в органах местной власти оно располагало лишь равными правами с крестьянами и горожанами; в восточной ее части довольно сильным было монастырское землевладение. Таким образом, аграрное развитие отличалось противоречивостью, ломкой старого и рождением нового: рост богатств на одном полюсе сопровождался усилением нищеты на другом.

В целом к исходу второй трети XVI в. развитие производительных сил и общественного разделения труда достигали предельного уровня для условий, существовавших в Нидерландах. Феодализм окончательно не изжил себя, но реакционная политика испанских властей и их внутренних пособников настолько обострила обстановку, что ускорила революционный взрыв.

Военные события и гражданская война на протяжении 60—90-х годов XVI в. сопровождалась большими опустошениями и хозяйственной разрухой, но они нанесли удары многим и без того клонившимся к упадку отраслям цехового ремесла, а также реакционным силам среди феодалов, патрициата, цеховой верхушки. Аграрный сектор быстро оправился от военного лихолетья, а посредническая торговля, финансовые операции, судоходство, рыболовство, отрасли промышленности, созданные заново волной иммигрантов с юга, пошли в гору уже в 90-х годах. Особенно стремительно росло влияние Амстердама: дошедшая к 1578 г. почти до нуля его доля во внешней торговле Голландии на протяжении XVII в. в среднем составляла 46,5% ее объема. Амстердам унаследовал от прошлых времен степельный рынок, усовершенствовал его структуру. Основными компонентами его превосходства были: узловое положение в сложившейся системе морских и речных коммуникаций; мощный морской и речной флоты; товарная и фондовая биржи, а позднее Амстердамский банк; хорошо

Жатва.
Эстамп «Лето» из серии «Времена года» П. Брейгеля Старшего. 1568 г.
Брюссель, Библиотека.

организованное обслуживание (порты, склады), методы прибыльного фрахта и страхования. Амстердам стал мировым центром перераспределения товаров, цено- и курсообразования. В ассортименте внешней торговли примерно 40% составляли продовольственные товары, 30,1 — готовые изделия, 20,4 — сырье, 9,5% — полуфабрикаты. Торговля шла крупными партиями и в основном товарами массового спроса. Общий годовой товарооборот Голландии около 1650 г. составлял 75—100 млн гульденов. Львиная его доля принадлежала внешней, прежде всего балтийской, торговле, в 1666 г. — до 75% всех капиталов биржи.

Высокодоходной отраслью стала торговля оружием и военным снаряжением, где сложились мощные компании. Опираясь на морской флот, механизм стапельного амстердамского рынка, низкий кредитный процент (около 4%), голландские купцы повсеместно подавляли любую конкуренцию.

После ряда пробных рейсов голландское купечество в 1602 г. создало монопольную Ост-Индскую компанию по торговле и освоению колоний с учредительным капиталом в 6,5 млн гульденов; ее членами и директорами были представители богатейших купеческих и патрицианских регентских кланов, крупные государственные деятели. Стоимость грузов оценивалась в 12—15 млн гульденов в год. В 1621 г. была создана Вест-Индская компания, служившая прикрытием для ведения военно-пиратских и контрабандных операций на океанских коммуникациях, а также работорговли. Началась оргия грабежа колоний, хищнического истребления их естественных и производительных сил, порабощения, а то и уничтожения целых народов.

Высокого уровня достигло судоходство. В 1636 г. насчитывалось до 4300 судов, из них только 450 небольших; численность моряков достигла 120—150 тыс. человек. В 1648 г. проливом Зунд прошло 2296 нидерландских судов — 63,3% от общего числа. Создались судовые страховые общества и палаты. В морском рыболовстве было занято 400—500 судов, годовая стоимость улова доходила до 2,5 млн гульденов. Однако поскольку фрахт судов был более доходным, рыболовство в торговых городах стало свертываться и обосновываться в приморских сельских районах.

Кредитно-финансовая система претерпела значительную эволюцию: ее использовали для обеспечения нужд амстердамского, а в значительной мере и мирового рынка. Решающую роль в ней играл с 1609 г. Амстердамский банк. Сначала он занимался депозитно-разменными, клиринговыми и вексельными операциями, а позднее через Ссудный банк начал предоставлять и коммерческий кредит. Позднее возникли банки и в других городах страны. Интенсивно работала фондовая биржа, где в возрастающей массе обращались векселя, облигации правительственных органов и банков. Векселя стали главной формой кредита и платежа. Они составлялись на типовых печатных бланках, широко практиковалась передаточная надпись. Чеканка всей монеты была централизована. Государственный долг стал системой. В мирное время облигации приносили 3%, в военное — 4—5% годовых. Правящая купеческая олигархия не допускала государственных банкротств и жадно скупала облигации займов. Хозяйственная конъюнктура в целом, как и в XVI в., оставалась торгово-инфляционной, а не производительной.

Промышленное развитие шло успешно, хотя в шерстоткаком Лейдене традиционное сукноделие погибло в начале 70-х годов XVI в. В 1574—1620 гг. главным импульсом его экономического роста стали кадры и капиталы южных иммигрантов, которых в городе насчитывалось до 3,5 тыс. Последующие десятилетия проходили уже под знаком спонтанного расцвета лейденского шерстокачества, с широким ассортиментом шерстяных и меланжевых тканей. На протяжении 35 лет объемы продукции колебались в пределах 82,9—98,4 тыс. кусков в год, но валовая стоимость продукции возросла почти в три раза за счет сокращения выпуска дешевых саржи и байки и роста производства дорогих сукон и меланжевых тканей типа «грейн». В шерстоткачестве работало примерно 37 500 человек. В сукноделии преобладали капиталистические предприниматели с капиталами 4—200 тыс. гульденов. Но даже у самого богатого из них, владельца 212 тыс. гульденов, 86% капитала находилось в сфере торговли и лишь 14% — в производстве. От средневековья сохранились муниципальный протекционизм, следы корпоративности и преследование сельских промыслов.

Крупные централизованные мануфактуры со сложным оборудованием и сотнями рабочих возникали в новых отраслях: ситценабивной, сахарорафинадной, шелкоткацкой, стекольной. В пивоварении сложился союз предпринимателей. В стране производилось до 200 млн штук кирпича и черепицы, частью шедших на экспорт.

В XVII в. в Амстердаме, Роттердаме, Заандаме ежегодно строилось до 1 тыс. средних и крупных судов, половина которых шла на экспорт. В Роттердаме цеховая структура в кораблестроении разлагалась, мастера стали фактически крупными капиталистами. Они владели верфями, затонами, лесопильными рамами, судами. Состояния купцов, промышленников, исчислявшиеся сотнями тысяч гульденов, в XVII в. стали уже не редкостью. У отдельных богачей они достигали миллиона гульденов.

Начал восхождение к своему расцвету Заандам. В 1600 г. в нем строились военные суда по заказам из Франции, Англии и Швеции; в 1669 г. там насчитывалось уже 57 владельцев верфей, причем местные суда отличались

дешевизной производства. Город стал торговым портом, и со временем в нем возникли сотни предприятий смежных производств: лесопильного, маслобойного, канатного, сахарного и др., где работало до 15 тыс. наемных рабочих. Еще сохранившиеся в ряде отраслей цехи были лишь данью традиции. Такая концентрация производства не имела себе равной в Европе и была высшим достижением в мануфактурном производстве.

В целом же по стране, пользуясь своей организованностью, массовостью, связями с городскими стрелковыми гильдиями, привязанностью горожан к средневековым привилегиям, цехи в первые же дни после успешных городских восстаний добивались восстановления *всех* средневековых вольностей и привилегий цеховых корпораций. В середине XVII в. радикальные слои буржуазии и купечества начали борьбу за ликвидацию цехов и гильдий. Они уже были близки к победе, когда начавшийся спад, неудачные войны с Англией изменили общую обстановку в стране в пользу консервативных сил.

Тяжкой была участь мануфактурного пролетариата: рабочий день в 12—14 часов, труд в тяжелых антисанитарных условиях, низкая заработная плата при продолжавших расти ценах. Разорительные городские акцизы приводили к тому, что нищенство и пауперизм свили прочное гнездо в городах. Расширялось применение женского труда, и началось введение детского.

В ходе освободительной войны и революции сельские области понесли большие потери, местами обезлюдели; две трети Голландии в 1576 г. находились под водой. Однако деревня северных областей довольно быстро экономически оправилась.

Церковные земли и имущество были конфискованы и постепенно распродавались. Жизнь их доля скупалась городскими и сельскими богатеями, часть просто расхищалась. Крестьянство почти ничего на этом не приобрело. Во Фрисландии, Хронингене и Оверэйсселе на некоторых конфискованных монастырских землях, где селились лично зависимые крестьяне, платившие почти символические чинши, эти порядки были ликвидированы властями Республики; богатым крестьянам позволяли такие земли выкупать, а бедняков сгоняли. Конфискации подверглись и земли дворян, перешедших на сторону испанцев; площади таких земель были невелики, и власти их также распродали, в основном богачам. Бывшие королевские домениальные земли сдавались в аренду в разных формах — от феодальной до буржуазной. С 1590 по 1665 г. было осушено 109 877 га земель, на что затратили до 150 млн гульденов, возник ряд полдеров. Учредителями осушительных компаний являлись крупнейшие патрициирегенты, чиновничья элита. Почти все полдеры сдавались в капиталистическую аренду фермами по 10—30 моргенов. В крестьянском землевладении продолжались в ускоренном темпе те процессы, которые шли уже в XVI в.: превращение крестьянской верхушки в фермеров и мелких аграриев буржуазного типа, размывание средней прослойки и рост пауперизации. Положение мелкокрестьянских собственников отличалось неустойчивостью: тяжесть налогов, ростовщическая кабала, войны, инфляция разоряли тысячи крестьянских хозяйств. Поскольку правящая купеческо-патрицианская олигархия поддерживала союз с дворянством, многие феодальные пережитки сохранялись и давили на крестьян.

До середины XVII в. социально-экономическое развитие страны шло по восходящей линии. Прогресс заметен был и в сфере движения населения: усилилась подвижность всех слоев населения, особенно бедноты; прилив населения в города из сельских местностей и аграрных провинций; стабильность или уменьшение числа жителей в городах и деревенских районах с застойным уровнем экономики при росте их численности в зонах прогрессивного развития; возрастание имущественной и социальной дифференциации.

Таковы общие итоги экономического и социального развития Республики Соединенных провинций до середины XVII в. Республика использовала не все ресурсы, которые способна была дать первая фаза мануфактурного периода. Неспособность ее пойти дальше и наличие такого бескомпромиссного соперника, как Англия, перешагнувшая этот порог, предопределили последующий ход событий.

Глава 5

ГЕРМАНИЯ

С последней трети XV в. в ходе хозяйственного и общественно-политического подъема в Германии обозначились тенденции качественно нового развития, мощный импульс которому был дан процессами первоначального накопления и генезиса ранних форм капиталистического производства. Динамичное и поступательное движение в этом направлении было нарушено поражением революционного выступления народных масс, кульминационным пунктом которого стала Крестьянская война 1524—1526 гг. Усиление феодальной реакции и территориальной княжеской власти, политико-конфессиональные распри, непродолжительное оживление экономики на рубеже XVI—XVII вв., вновь надолго заторможенное и деформированное Тридцатилетней войной, создали условия для так называемого второго издания крепостничества.

Германия не знала политического единства, не имела и хозяйственного центра, общеимперской системы финансов, налогов, единой системы денежного обращения. Определяющую роль в ее внутренней, в том числе хозяйственной, жизни играла не королевская (императорская) власть, но высший весьма неоднородный слой господствующего класса — имперские князья, держатели имперских ленов. Мощным инструментом их воздействия на экономическую жизнь и одним из важнейших источников доходов наряду с феодальной рентой были разнообразные «монополии» на те или иные виды хозяйственной деятельности и «регальные права», т. е. исключительные права на эксплуатацию горных недр, лесов, установление и взимание торговых и пограничных пошлин, чеканку монеты.

Князья, обладавшие всей полнотой герриториально-сеньориальной власти, всемерно использовали подъем экономики и Реформацию. Усиление их экономического могущества и рост политического суверенитета — одна из определяющих тенденций социально-экономического развития этого слоя в позднее средневековье.

Глубоко дифференцированной была и основная масса господствующего класса: держатели мелких имперских ленов, рыцарство, мелкое землевладельческое дворянство и ленники имперских князей. Дворянство переживало политические и хозяйственные трудности, связанные с падением роли рыцарства как военного служилого сословия, наступлением князей на владельческие права и сословные привилегии земской знати, ростом цен, снижением феодальных доходов. Для этих слоев характерно хроническое безденежье, деклассирование. Рыцарство и мелкое дворянство искали выход в новых сферах деятельности: в расширении хозяйств и их доходности путем усиления феодального нажима на крестьян, во включении в экспортную торговлю сельскохозяйственными продуктами (в Северной и Восточной Германии), в службе при княжеских дворах (в западных немецких землях), наемничестве и прямом разбое. Политическая история немецкого дворянства заполнена сословной борьбой с крепнущей княжеской властью, в конечном счете поставившей его в полную зависимость.

Единственной силой, успешно соперничавшей почти до конца XVI в. с растущей мощью территориальных князей, были города, особенно крупные, обладавшие автономией и обширными привилегиями. Наибольшим политическим престижем и свободами пользовались имперские и так называемые вольные города, отстоявшие свою независимость от епископской власти.

Город имел сложную социальную структуру. Население его разделялось на полноправных бюргеров и тех, кто городским правом не обладал (подмастерья; работавшие по найму и в услужении; находящиеся на особом праве еврейские общины; маргинальные группы — банщики, палачи, живоде́ры, проститутки, бродяги, нищие, бродяги). Особое место занимали духовные лица и институты. Имущественные и социальные контрасты были особенно выражены в центрах экспортного производства, ярмарочной торговли, портовых городах и т. п.

К началу XVI в. городское управление и ведущие отрасли хозяйства монополизировались узким кругом купеческо-патрицианских фамилий. Их своекорыстная хозяйственная политика, неподконтрольная общине, вызвала широкую оппозицию, выходящую за рамки характерного для XIV—XV вв. противостояния цеховой верхушки патрицианскому господству. Изменяется социальный облик традиционных групп городского населения: патрициата, купечества, цеховых ремесленников. Развитие их отличалось противоречивостью: усиливалась социальная мобильность и взаимопроникновение и вместе с тем возрастала корпоративная замкнутость.

Для движения народонаселения во всех немецких землях показательна положительная динамика. Процесс стабильного демографического роста с последней трети XV в. примерно к 1550 г. возместил тяжелые людские потери во время эпидемии чумы и голодовок конца XIV — первой половины XV в., Крестьянской войны и последующих репрессий. Численность населения Германии во второй половине XVI в. составляла от 14 до 20 млн человек. Тридцатилетняя война вновь сократила народонаселение почти до 12 млн человек.

Демографический подъем был отражением и вместе с тем важным фактором наметившегося уже к середине XV в. общего хозяйственного подъема страны, развития производительных сил и роста товарного производства. Мартин Лютер в одной из проповедей (1522 г.) так характеризовал изменение качества жизни: «Сколько ни читай всемирных хроник, не найдешь ни в одной из ее частей, начиная от Рождества Христова, ничего подобного тому, что произошло на протяжении этих последних ста лет. Таких сооружений и посевов не было еще в мире, так же как и столь разнообразной (на любой вкус) пищи, изысканных яств и напитков. Своего предела достигла также изысканность и роскошь в одежде. Кто прежде знал о таком купечестве, которое, как нынешнее, объехало бы вокруг света и связало своими делами весь мир? Несравнимо с прежними временами поднялись и расцвели всевозможные искусства — живопись, резьба по дереву, чеканка по металлу, меди, шитье».

Хозяйственный подъем Германии ассоциировался у современников с городами, ростом торговли, накоплением богатств купечеством. Немецкий город XV—XVI вв. — средоточие и двигатель цивилизации, центр культуры и учености, с которым уже не могли конкурировать резиденции сельской знати и еще не могли состязаться дворы территориальных князей. Городская среда сформировала характерный для этой эпохи новый тип личности: «делового человека», бюргера-предпринимателя, участника надрегиональной и заморской торговли, коммерсанта или, подобно Якобу Фуггеру из Аугсбурга, главы фирмы, финансиста; деятеля гуманистической культуры, как юрибергский патриций Виллибальд Пиркгеймер; купца-мецената, как знаменитые книгоиздатели Антон Робергер из Нюрнберга или базелец Иоганн Фробен.

Крупный немецкий город XVI в. поражает многообразием и уровнем развития ремесел, технологическими новшествами, выдающимися изобретениями, стимулировавшими рост производительности труда, массовое производство продукции, развитие средств коммуникации и т. д. О духе поиска и в то же время о противодействии, на которое наталкивалось введение новой техники и технологии, красноречиво свидетельствует стереотипная формула цеховых уставов: «никто из ремесленников цеха не должен задумывать и изобретать какие-либо новшества или вводить их». Тем не менее в XVI в. число рабочих, обслуживающих ткацкий станок, сократилось с шести до трех человек.

Города-метрополии, утверждавшие свое господство в хозяйственной жизни страны, связывавшие Германию с разными странами, своим последовательным возвышением как бы знаменовали стадии экономического подъема немецких земель — смещение и колебание центров тяжести хозяйственной жизни. С XVI в. начинается стремительный рост Аугсбурга, превратившегося в центр мирового значения; здесь были самые значительные в Европе банкирские дома, в том числе Фуггеров, финансировавшие европейских монархов и князей. С ростом мировой торговли, несмотря на закат Ганзы, переживает подъем Гамбург, наиболее самостоятельный из ганзейских городов, имевший прочную опору в континентальных хозяйственных связях; Франкфурт-на-Майне, центр общегерманских и международных ярмарок, которые посещали также и немецкие мелкие купцы и ремесленники; Лейпциг, ставший центром восточных областей Германии. Перечисленные города — одни из самых крупных в Германии с ярко выраженной тенденцией к демографическому росту.

Возникают и растут новые города и в районах с давней городской традицией, и в районах, ее совсем или почти не знавших, например в Эрцгебирге и Гарце, в связи с разработкой серебряных и медных руд, железа. Новые города обычно были невелики. В Саксонии в середине XVI в. из 150 ее городов две трети насчитывали менее тысячи жителей. Многие новые города не приобрели еще городского права, часто все их привилегии сводились к проведению еженедельного рынка или ярмарки. Правовая «неполноценность» новых городов нередко сознательно поддерживалась их сеньорами, опасавшимися роста самостоятельности бюргерства. Подъем мелких городов был обусловлен также такими социальными процессами позднего средневековья, особенно интенсивными в старинных крупных городах, как усиление цеховых регламентаций и монополизации производства и торговли, углубившееся замыкание цехов. В новых городах и городках давление традиции было слабее, а возможности для расширения производства, освоения новой технологии, новых видов массовой продукции — шире.

Отдельные области Германии не покрывали свои потребности в предметах массового потребления и в сырье; ряд областей имел избыток продукции сельского хозяйства или ремесленного производства. Характер и объекты дальней торговли изменялись. Все большую часть ее объема составляли уже не предметы роскоши, но продукты массового потребления и сырье: английская шерсть, фламандские и английские сукна, хлопок и шафран из Италии и Франции, лен из Пруссии, вайда из Тюрингии, пиво, вина, зерно, скот, рыба, дерево и другие товары из северонемецких и прибалтийских областей, из стран Восточной Европы. Интенсивно росли и внутренние экономические связи, преодоление областной замкнутости и автаркии шло полным ходом уже с конца XV в. Успешно развивалась разветвленная система надрегиональной торговли, дополнявшаяся регулярным и стабильным местным обменом. Важными звеньями этой системы были крупнейшие ярмарочные центры во Франкфурте-на-Майне, Страсбурге, Вормсе, Нёрдлингене, Лейпциге, Наумбурге, Франкфурте-на-Одере. Общеперское значение имели ярмарки в Цурцахе, Линце, Боцене. По-

пулярностью пользовались региональные ярмарки в Нюрнберге, Вюрцбурге, Эрфурте, Магдебурге, Халле.

Совершенствовались средства коммуникаций, строились мосты, переправы, дороги. В этом были заинтересованы прежде всего торговые города и сеньоры, через территории которых проходили транзитные пути. Вдоль дорог возникали постоянные дворы, где меняли упряжь, лошадей, чинили повозки. В XVI в. создается специальное фрахтовое и почтовое обслуживание: к услугам торгового приказчика были нарочные, возчики с фурами. С 1500 г. торговые агенты располагали схемами с обозначением дорог, постоянных дворов, станций смены лошадей. В 1568 г. была составлена первая карта Баварии, в 1579—1580 гг. — первый атлас европейских торговых дорог.

С XVI в. возрастает значение морских и речных средств коммуникаций, более дешевых для транспортировки больших товарных масс на дальние расстояния; строятся каналы, системы шлюзов. Прибрежное плавание облегчалось системой буев, маяков, лодманской службой. На верфях Любека и Данцига — крупнейших в XVI в. на севере Европы — совершенствовалось такелажное и парусное оснащение судов, осваивалась конструкция небольших маневренных, пригодных для плавания по низкой воде бойеров, на которых с конца столетия гамбургские мореходы отправлялись в Лиссабон.

Однако развитие внутренней торговли в политически раздробленной Германии наталкивалось на многочисленные пошлинные и стапельные ограничения. На крупнейших реках — Рейне, Эльбе, Везере — к началу XVI в. было не менее 30 пунктов сбора пошлин; торговле препятствовали разбой рыцарства, нападения грабителей, пиратство, соперничество городов и территориальных властей. Попытки преодолеть эти препятствия путем заключения союзов земского мира и организации конвоев для транспортов были малоуспешны, особенно в Южной и Юго-Западной Германии с ее обилием мельчайших княжеств и феодальных владений. К тому же число видов монеты, обращавшейся в Империи, было необозримо. Попытки ее унификации и упрощения системы денежного обращения в рамках Империи также не имели успеха.

В это время возникают новые формы организации и ведения торговли. Типы мелкого розничного торговца, сбывающего товар в пределах городского рынка и ближайшей округи, путешествующего купца, сопровождающего свой груз на дальний рынок, с конца XV в. начинают заслоняться мощной фигурой купца-оптовика, специализирующегося на торговле определенным видом товара, члена купеческого объединения, компании или главы торговой семейной фирмы, финансиста и предпринимателя. Широкое распространение получили различные типы паевых товариществ, создававшихся по случаю и на время, легко распадавшихся после завершения сделки и возникавших вновь; наряду с ними действовали в общеевропейском масштабе и более стабильные объединения: Равенсбургская компания, Немецкая Ганза. Развитие оптовой торговли сопровождалось распространением безналичной вексельной системы расчета, что ускоряло обращение капитала. Уже в XV в. возросла роль ярмарок как центров оптовой торговли и кредитно-расчетных операций.

С конца XV в. получают распространение крупные банкирско-ростовщические компании, семейные в своей основе. Они монополизировали целые сферы торговли на общеевропейском и внутреннем рынках и широко проникали в промышленное производство, особенно горно-металлургическое и текстильное. Этот тип семейных компаний-монополий характерен прежде всего для Верхней Германии: Фуггеры, Вельзеры, Паумгартнеры, Манлихи — в Аугсбурге, Имхофы и Тухеры — в Нюрнберге и т. д. Влияние южногерманских фирм на хозяйственную и политическую жизнь Германии и Европы было велико: нередко XVI в. называют «эпохой Фуггеров».

В XVI в. возникает своего рода «товарная биржа»: немецкие купцы по образцу антверпенских, практиковали специальные встречи для обмена товарами: с 1533 г. — в Кельне, с 1553 г. — в Гамбурге, с 1595 г. — во Франкфурте-на-Майне. Появляются первые общественные банки как депозитно-обменные для переводных и т. п. операций, в том числе по безналичному расчету: в 1618 г. — в Гамбурге, в 1621 г. — в Нюрнберге.

Успехи урбанизации, подъем торговли и мощь купеческого капитала имели в своей основе процессы, охватившие все сферы хозяйственной жизни страны начиная с середины XV в. и особенно интенсивно протекавшие до второй половины XVI в.: рост товарности производства, выделение новых отраслей и сфер производства, вовлечение в активную хозяйственную жизнь новых районов и областей, складывание специализации и хозяйственного взаимодействия между ними. Происходят существенные изменения в экономико-географическом ландшафте многих немецких земель.

Важнейшими в хозяйственной жизни Германии позднего средневековья были металлургия и металлообработка, текстильное производство. Развитие текстильного производства, технологически распадавшегося на множество самостоятельных процессов и операций, распространенного повсеместно в городах и селах, выражалось в освоении выпуска новых видов тканей из смешанных волокон льна и хлопка, шерсти и шелка: бумазеи, бархата, парчи; из хлопчатобумажной пряжи, шелка; тканей, изготовленных по новой технологии: легкого, дешевого, пользовавшегося массовым спросом сукна — зойген, а также обеленного и цветного (красного) полотна. Главные районы производства льняной пряжи и полотна были расположены в Швабии между Бодензее и Дунаем, в Юго-Западной Германии, Вестфалии, Нижней Саксонии, Верхнем Лаузице. Основные сукнодельческие центры находились на Среднем Рейне, в Веттерау, Альтмарке, Лаузице, Силезии. Поставщиками тяжелых сукон были Верхняя Германия, районы Нижней Баварии, легких и дешевых — области между Средним Рейном и Гессеном. В XVI в. широко распространяется производство шелка. Переживало расцвет бумазейное производство в Швабии. С XVII в. в связи с трудностями в доставке хлопка главным предметом немецкого экспорта надолго становится полотно. Немецкое текстильное производство в это время работает на массовый рынок, а в ряде отраслей и на экспорт. Потребности в сырье и полуфабрикатах лишь частично восполнялись на месте. Так, шерсть импортировали из Англии и областей Восточной и Юго-Восточной Европы, хлопок — из Средиземноморья. Важны также такие отрасли городского производства, как стеклоделие и производство бумаги. В первые десятилетия XVI в. главным центром ее производства был Равенсбург; затем оно укореняется там, где были сырье (отходы текстильного производства), капитал и потребители — типографии: в Нюрнберге, Кельне, Любеке, Росток и др. Экспортный характер имеет пивоварение, его главные производящие центры — Северо-Западная Германия, Франкония, Бавария.

Качественные изменения в экономике страны затрагивали самый способ феодального производства. Экономическая и социальная структура ведущих экспортных отраслей городского производства, прежде всего текстильного, несет на себе печать глубокого разложения традиционных отношений мелкотоварного цехового производства под влиянием проникновения купеческого капитала. К началу XVI в. он имел уже довольно прочные позиции в производстве полотна, дешевых сортов сукна. Внедрение торгово-предпринимательского капитала во многом определяло направление специализации отдельных центров текстильного производства. В Саксонии по заказу верхнегерманских купцов-экспортеров изготавливали суровое полотно, которое распределялось купцами среди самостоятельных мелких мастеров в Нюрнберге и других городах Верхней Германии для дальнейшей обработки — обделки, крашения, аппретуры и т. п.

Готовая ткань экспортировалась за океан. В Герлице с конца XV в. возникают постоянные конторы эрфуртских купцов, агенты которых снабжали цеховых и сельских прядильщиков и ткачей красителем — вайдой — с условием поставки определенного количества пряжи и тканей. В Урахе (Вюртемберг) образовавшаяся в 1600 г. крупная компания торговцев холстом, скупая по заниженным ценам продукцию местных ткачей, подчинила себе все производство полотна, включая и его отбелку.

Разложение цеховой организации в текстильном производстве сопровождалось ростом имущественной и социальной дифференциации между отдельными цехами отрасли и внутри самого цеха, между самостоятельными мастерами. Экономически наиболее сильными были цехи, связанные с заключительными операциями производства товарной продукции и ее сбытом; именно они имели тенденцию к экономическому подчинению других цехов, связанных с обработкой сырья (прядение, чесание), изготовлением полуфабриката и т. п. Из числа их членов выходили отдельные предприниматели, стремившиеся в обход цеховых ограничений расширить масштабы производства за счет раздаточно-скупочных операций, эксплуатации обедневших собратьев по цеху и внецеховых городских и сельских ремесленников, организации укрупненных мастерских, объединявших мастеров разных специальностей и разного уровня квалификации. Такие черты обнаруживают все крупные центры текстильного производства Германии.

Цеховая ремесленная масса пыталась бороться с новшествами, ужесточая контроль за соблюдением предписаний, регламентирующих производственный процесс. В XVI в. широкое распространение получили «коллективные договоры» цехов с купцами о поставках сырья, красителей, полуфабриката. Такие договоры создавали лишь иллюзию законности и возможности уравнилельной регламентации, в действительности же не препятствовали установлению зависимости от купеческого капитала и образованию слоя мастеров, вынужденных постоянно работать на купца-поставщика.

Реакцией на разлагающее воздействие товарно-денежных отношений явилась и характерная для позднего средневековья тенденция к ограничению приема в цехи новых членов, приводившая к образованию широкого слоя «вечных» подмастерьев — квалифицированных ремесленников, лишенных формального права создавать собственное производство и обреченных на работу по найму и бродяжничеству в поисках заработка. Замыкание цехов наряду с массовым обеднением цеховых ремесленников усиливало социальную напряженность в городах, способствуя росту оппозиционных настроений и открытых выступлений городской бедноты.

Разложение форм традиционного мелотоварного производства, внедрение торгового капитала, складывание элементов рассеянной и централизованной мануфактуры имели место в ганзейском кораблестроении, пивоварении, производстве стекла, бумаги, но более всего в книгопечатании, относимом к числу «свободных искусств» и потому находившемся вне цеховых рамок, и в книгоиздательской деятельности.

Характеризуя хозяйственный подъем Германии в предреформационный период, Энгельс указывал на горное дело как на важнейшую отрасль промышленного производства, стремительный расцвет которой явился «последним толчком, поставившим Германию в 1470—1530 гг. в экономическом отношении во главе Европы»¹. Именно здесь были заложены наиболее мощные основы для обострения социальных и хозяйственных противоречий феодальной системы, так как в горном деле соединились на рубеже двух столетий воедино технологический прогресс, высокая конъюнктура, массовый спрос и крупная торгово-предпринимательская инициатива; наиболее выраженными оказались здесь и процессы, связанные с

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 229.

первоначальным накоплением, складыванием предпосылок и зарождением ранних форм капиталистической организации производства и производственных отношений.

До открытия Нового Света Германия и — шире — Центральная Европа обладала самыми богатыми рудными месторождениями. Свинец добывали в Эйфеле, ртуть — в Пфальце, цинк — в Эрцгебирге, кремне-диоксидную руду, важную для производства латуни — близ Аахена. Средний Рейн и Верхний Пфальц славились месторождениями железных руд. Серебром и медью были богаты Гарц, Саксония, Эрцгебирге, наследственные земли Габсбургов — Тироль, Каринтия, Верхняя Венгрия. Здесь, а также в Силезии, Саксонии и на чешских склонах Эрцгебирге (Рудных гор) были расположены главные залежи золотоносных руд и серебра.

Уже к середине XV в. в горнорудном производстве возникла необходимость технологических и организационных преобразований ввиду массового истощения доступных для разработки месторождений и стремительно возраставшего спроса на металлы. В золоте и особенно в серебре — важнейшем средстве обмена и одной из основ складывавшегося европейского денежного рынка — остро нуждались европейские княжеские, императорский и королевские монетные дворы. Совершенствование системы вооружения, рост городских, княжеских, имперских арсеналов обусловили массовый спрос на медь, которую не менее широко использовали также для нужд повседневной жизни. Из меди отливали колокола для соборов, из легированной бронзы и латуни изготавливали предметы культа и быта: светильники и чаши, котлы, иглы, кольца, застёжки и др. Металлоизделия использовались европейскими купечеством и как эквивалент в товарном обмене с заморскими странами.

Новая конъюнктура сулила высокие прибыли и заработки, толкала на поиск новых месторождений и путей для расширения горноразработок и производства металлов. Появилась серия инженерных и технологических новшеств. Немецкая техника горнодобычи и плавки металлов считалась самой передовой в Европе первой половины XVI в., а немецкие горные мастера и литейщики — самыми искусными.

Интенсивная разработка в 1470 г. одного из самых богатых месторождений серебра в Эрцгебирге знаменовала начало «горной» лихорадки и стремительного подъема горнорудного производства. За 50 лет возникло более 200 «горных» городов — промышленная разработка месторождения обычно сопровождалась закладкой города. Масштабы и функции новых городов были разнообразны: рынки; центры регальной (княжеской) администрации рудников (Аннаберг и Мансфельд), металлообработки (литье чугуна, стали, изготовление проката, металлоизделий, например, в области Зингерланда); монетные дворы; перевалочные, складочные пункты в системе транзитной торговли и транспортировки металлов на дальние рынки. Население их состояло из мелких ремесленников, горных мастеров, рабочих плавильных и рудников, обычно из жителей близлежащих деревень. К 1525 г. горно-металлургическое производство давало средства к существованию большому массам людей. На рудниках и плавильных территориальных князей, а не мелких феодалов-землевладельцев, существовала относительная свобода найма рабочей силы. Обнищавшие крестьяне, деклассированные городские обитатели находили здесь заработок, принимаясь на работы по транспортировке, промывке, толчению руды, раскорчевке, заготовке угля, откачке воды в шахте и т. д.

Технологические новшества, переоборудование шахт и штреков, новая технология плавки металлов требовали большого числа рабочих рук и организованного разделения труда, ритмичного массового сбыта и больших денежных затрат. Следствием этого было разорение мелких самостоятельных мастеров, старателей-рудокопов, плавильщиков, установле-

*Горные разработки.
Оборотная сторона центральной части алтаря церкви Св. Анны в Аннаберге
(«Аннабергский горный алтарь»).*
Германия, между 1497 и 1521 гг.

ние зависимости производства и сбыта от предпринимательского и торговоростовщического капитала. Мелкое производство сохраняло свои позиции в районах, где возможно было ведение добычи в неуглубленных шахтах; но при добыче серебряной и медной руды на значительных глубинах, а также на плавильных зейгерных комплексах в Тюрингии и округе Нюрнберга господствовали наемный труд и формы организации производства, присущие рассеянной и централизованной мануфактуре.

Для горного дела характерны многообразие видов предпринимательства и сложность отношений между ними и регальной властью, отражавшая

незавершенность процесса превращения простого товарного производства в капиталистическое. Уже к середине XV в. в горнорудном производстве получили распространение товарищества разбогатевших рудокопов или плавильщиков. Они брали в лен горные участки и плавильные печи, проводили необходимую техническую реконструкцию, нанимали рабочих; организация производства и сбыта составляла их главную функцию. Наряду с этим типом предпринимательства в последней трети XV в. широкое распространение получают паевые товарищества состоятельных бюргеров и крупных купцов, в большинстве металлоторговцев из Верхней и Средней Германии и Рейнской области. Они строили плавильни, углубляли шахты, энергично вторгались в производственные процессы добычи и обработки руды, авансировали мелких и средних собственников рудников и плавильен, их арендаторов, держателей горнорудных участков. Компании крупных горнопромышленников действовали во всех важнейших горнорудных районах. Имея доступ к источникам сырья, они посредством раздаточно-скупочных операций и системы авансирования подчинили себе производство металлов и металлоизделий в ведущих центрах — Кельне, Нюрнберге, Аугсбурге и их округе — и в городах, расположенных в относительной близости к горно-промышленным районам.

Перспективы роста крупного предпринимательства в горном деле, как и характер деловой активности крупного купечества, во многом определялись позицией территориальной власти — владельцев горных регалий. Богатейшие месторождения благородных металлов составляли основу финансового и военного могущества крупных княжеских фамилий. Князья стремились максимально использовать капиталистическое предпринимательство, не утратив при этом ничего из своих верховных прав. В результате производственно наиболее активные элементы купеческо-промышленного капитала вытеснялись его чисто торгово-ростовщическими формами; изымались средства из производственной сферы; деловая активность сосредоточивалась на операциях по сбыту металла. Местное раннекапиталистическое предпринимательство душила хищническая эксплуатация рудников. Все это вело к кризису горного производства, прежде всего в добыче благородных и цветных металлов, где признаки упадка усиливаются к концу XVI в. и особенно в годы Тридцатилетней войны. В производстве железа и металлоизделий Германия сохраняла ведущее положение еще и в начале XVII в., превосходя в этом отношении Швецию, Англию, Испанию.

Упадок горно-металлургического производства в Германии на рубеже XVI—XVII вв. был связан с удорожанием рабочей силы вследствие «революции цен», с притоком в Европу дешевого американского серебра и повышением цен на серебро и медь, с военными событиями. Не менее важны и внутренние причины: классово ограниченный характер хозяйственной политики территориальных князей, имеющий мало общего с политикой меркантилизма, и слабость самого капиталистического развития, особенно заметная в деятельности крупных компаний-монополий Фуггеров, Вельзеров и др. Несмотря на зарождение свободного предпринимательства, своим возвышением эти компании были обязаны не свободной рыночной конкуренции, но тем привилегиям и монопольным правам, которые они получали от императорской и княжеской власти в обмен на политическое посредничество и безграничный кредит. Компании способствовали ускорению процессов первоначального накопления, разоряя непосредственных производителей и выступая мощным рычагом аккумуляции денежного капитала. Но, разлагая экономические основы феодализма, они способствовали и консервации традиционных мелких форм производства и феодальных отношений, проявляя себя как капиталисты-предприниматели лишь в тех случаях, когда они инвестировали средства непосредственно в переоборудование рудников или в строительство зейгерных плавильен. Основная масса их капитала уходила в сферу торговли, кредит-

но-финансовых операций, с середины XVI в. — в феодальное землевладение. Спекулятивные и ростовщические операции компаний, использование феодального аппарата принуждения и эксплуатации, монопольные права послужили в начале XVI в. основой для широкого общественного движения против монополий, достигшего кульминации с началом Крестьянской войны. Габсбурги, зависимые от ссуд Фуггеров, Вельзеров и других фирм, брали их под свою защиту и противились давлению со стороны средних слоев купечества, ремесленников, самого Лютера, требовавших провести закон о запрете монополий.

С середины XVI в. начинается усиленный отток капиталов из горного дела, растянувшийся почти на столетие. Это явление отражало общий процесс эволюции высших городских слоев — нового патрициата из числа крупного купечества и разбогатевших на торгово-предпринимательских операциях цеховых ремесленников, потеснившего на рубеже XV—XVI вв. старинные патрицианские роды в системе городского управления. Этот слой стремился к сближению и слиянию с феодальной земельной аристократией. Растет патрицианско-бюргерское землевладение, приобретаются сеньории, поместья и замки. Отходя от торгово-предпринимательской деятельности, патрицианско-купеческие фамилии предпочитали теперь духовную карьеру, бюрократические должности.

При всей стремительности подъема городов и бюргерства, размахе деятельности купеческих компаний и торгово-промышленных фирм сельское хозяйство и мелкое ремесленное производство даже в наиболее промышленно развитых районах в это время оставалось основой экономики, а крестьянство — основным трудящимся и эксплуатируемым классом. Почти 90 % населения проживало в деревнях и маленьких городках, где сельскохозяйственные занятия их обитателей обычно были важнейшим источником существования. Ренты с крестьянских хозяйств составляли основу благосостояния и социального статуса светских и церковных феодальных сеньоров и были важной составной частью доходов городского патрициата. Немецкая деревня не осталась в стороне от хозяйственного подъема, которым с конца XV в. были охвачены неаграрные сферы экономики. Подъем этот не был столь заметным в сфере развития орудий труда и агрикультуры; формы его проявления, ритм и социальные последствия были иными, нежели в городе.

К началу XVI в. были преодолены последствия затяжного, восходящего еще ко второй половине XIV в. кризиса. Конец XV — начало XVII в. — период благоприятной рыночной конъюнктуры, стремительного роста цен на продукцию сельского хозяйства. Рост цен на предметы первой необходимости опережал рост цен на ремесленные изделия, общий их рост превосходил рост оплаты труда, способствуя обнищанию экономически слабых ремесленных и крестьянских хозяйств и наемных работников. Прогресс производительных сил в сельском хозяйстве наиболее ярко проявлялся в новой волне внутренней колонизации, расширении площади обрабатываемых угодий за счет осушения заболоченных почв в северных районах, раскорчевки нови в лесистых районах Швабии, Верхней Баварии, Вестфалии, более интенсивного использования земель в непосредственной близости и в дальней округе городов (Рейнская область, Тюрингия, Саксония, Вестфалия и др.). Основывались новые деревни в областях горных разработок и сосредоточения плавильного производства в Эрцгебирге и Тюрингии, заселялись заново, расширялись некогда заброшенные или обезлюдевшие во время эпидемий и голодовок деревни, вновь засеивались пустоши.

Прогресс был связан с углублением специализации, интенсификацией сельскохозяйственного производства и ростом его товарности. Это имело следствием изменение аграрного ландшафта, усложнение структуры сельского хозяйства отдельных регионов. Уже к середине XV в. вполне обоз-

начились различия немецких земель в ориентации их сельскохозяйственного производства. Восточная и Северо-Восточная Германия, Заальбье — область колонизации, плодородных почв, пашенного земледелия. Зерновое хозяйство Заальбья не только снабжало хлебом свои города, но через Ганзу рано включалось в экспортную торговлю зерном со странами Северной и Северо-Западной Европы. Зерновое хозяйство в сочетании с мелким скотоводством было характерно и для западных, и для центральных областей «Старой» Германии (Вестфалия, Тюрингия, Саксония, Франкония). Напротив, на юге и юго-западе зерновые были рано потеснены более доходными техническими культурами (вайда, крапп, шафран), виноградарством, животноводством. Районная специализация усиливается и усложняется в течение XVI в. одновременно с упрочением надрегиональных хозяйственных связей, что нередко приводило к перегруппировке сельскохозяйственных культур и занятий в отдельных областях — Вестфалии, Нижней Саксонии, Тюрингии, Гессене, где вайда и лен, огородные культуры потеснили зерновые. Даже в Заальбье наряду с расширением посевов под рожь — основную экспортную культуру — возникают зоны товарного производства льна: лен из Пруссии и Вестфалии считался лучшим.

Целые районы Германии жили за счет разведения скота (область маршей между Фрисландией и Эйдершtedтом, деревни Ландсхута). Спрос на мясо, молочные продукты и шерсть стимулировал товарное скотоводство, особенно овцеводство, вблизи крупных городов в Рейнской области, по Майну, Дунаю, Эльбе и др. Для кельнских суконщиков-экспортеров возделывалась вайда на плодородных землях Нижнего Рейна, в Вестфалии, Нижней Саксонии, Тюрингии; экспортное пивоварение нуждалось в разведении хмеля на обширных площадях.

Экономический подъем, рост цен и спроса на продукцию сельского хозяйства способствовали развитию товарно-денежных отношений в деревне и вовлечению крестьянского и господского хозяйства в производство на рынок. Степень интенсивности этого процесса, его формы и социальные последствия во многом определялись господствовавшей в той или иной области системой землепользования. Экономически сильные крестьянские хозяйства, ориентировавшиеся на рыночную конъюнктуру, получили в начале XVI в. наибольшее распространение к западу от Эльбы, где развитие аграрных отношений протекало в рамках сеньории и производство основной массы продукции осуществлялось не на господском домене, а в крестьянских хозяйствах — в Вестфалии и Нижней Саксонии, Верхней Швабии, Верхней Баварии. Здесь преобладало наследственное право майората, препятствовавшее дроблению крестьянских наделов, была распространена мейерская и крестьянская аренда, роль барщины — незначительна. Развитию хозяйственной инициативы крестьян-арендаторов, специализации их хозяйств способствовало распространение издольной аренды, открывавшей путь для освобождения от феодальной зависимости и создававшей возможности для эволюции феодальной ренты в капиталистическую. К числу зажиточных деревенских обитателей принадлежали также владельцы постоянных дворов и крестьяне, занимавшиеся извозом. Целые деревни жили за счет обслуживания торговых коммуникаций.

Вовлечение крестьянского хозяйства в рыночные отношения углубляло имущественную и социальную дифференциацию в деревне; возрастал слой малоземельных и безнадельных крестьян. В деревнях Франконии, Тюрингии — районов, ставших центрами Крестьянской войны, — бедняки и пауперы составляли 25—30, местами до 50% жителей. Наемный труд деревенской бедноты широко использовался уже в предреформационный период — в качестве дополнительной рабочей силы для полевых работ на господском домене и у зажиточных крестьян-арендаторов; сезонных рабочих, нанимаемых общиной; для строительных и дорожных работ, транспортировки господских и мейерских обозов на рынок и т. д. Де-

ревенская беднота занималась ремеслами по заказу скупщика-предпринимателя: сотни прядильщиков и ткачей изготавливали пряжу, небеленое полотно, сукно, бумазею. Сельские ремесленники поставляли полуфабрикаты металлоизделий для предпринимателей из Нюрнберга и Кельна. Безземельные крестьяне искали дополнительный заработок на рудниках и плавильнях, соляных промыслах, в каменоломнях, в районах лесоразработок. Таким образом, уже в предреформационный период в деревне шел процесс формирования резерва относительно свободной рабочей силы, хотя наемный труд был опутан сетью феодальных ограничений и сочетался нередко с личной зависимостью, натуральными формами оплаты, цеховыми предписаниями.

Князья, дворяне, рыцари рано поняли выгодность торговли сельскохозяйственными продуктами. В Заэльбье к концу XV в. уже утвердилась система рыцарских поместий. Широко использовавшее труд закрепощенных крестьян и поденщиков рыцарское хозяйство было здесь основным поставщиком зерна. Крестьяне-колонисты не могли конкурировать с рыцарями в производстве товарного хлеба. Хорошие возможности сбыта зерна через ганзейские города рано стимулировали стремление рыцарства к расширению своих имений за счет узурпации крестьянских наделов, прикрепления крестьян к земле и перевода их на барщину. Эти тенденции вполне обозначились в начале XVI в. (в частности, снижение экономического и социального статуса немецких крестьян-колонистов, его сближение со статусом лично зависимого местного населения), но могли быть реализованы лишь в XVI—XVII вв., после Крестьянской войны. Этому способствовала также передача дворянству судебных и полицейских функций. В Мекленбурге, Бранденбурге, Померании, Пруссии были созданы крупные рыцарские товарные хозяйства — фольварки, основанные на труде крепостных (вторичное закрепощение крестьянства).

Усиление на рубеже XV—XVI вв. феодального нажима на крестьян — явление, общее для всех немецких земель. В основе его лежали резко возросшая потребность феодального класса в деньгах и связанное с этим стремление максимально использовать благоприятную рыночную конъюнктуру для повышения доходности своих хозяйств, обеспечить необходимый общественный статус и образ жизни, соответствующий представлениям эпохи Возрождения. Особенно сильны эти стремления были у мелкого и среднего дворянства, рыцарства. Экономическое положение этого слоя было подорвано развитием наемничества, усилением территориальной княжеской власти. Дворянство было опутано долгами, которые толкали его к закладам и в конечном счете приводили к потере имений. Владетели мелких территорий, преобладавшие в Западной и Юго-Западной Германии, были особенно энергичны в нажиме на крестьян, поскольку феодальная рента являлась для них единственным источником дохода в отличие от князей и прелатов, обладавших также регальными правами и возможностью обложения городов. Сенъюральная реакция отражала сопротивление господствующего класса социальным переменам, росту самостоятельности и конкуренции со стороны крестьянских хозяйств, его стремление сохранить свое господство, укрепив его основы — феодальную собственность на землю.

В землях к западу от Эльбы усиление феодального натиска нашло выражение в захвате сенъюрами общинных угодий в связи со стремительным ростом господского скотоводства, посевов под технические культуры; в посягательстве на даровой крестьянский труд путем введения не фиксированных по времени и объему новых повинностей; в наступлении на права крестьян-арендаторов: издольная аренда заменялась фиксированной арендной платой, в неурожайные годы поглощавшей не только весь прибавочный продукт, но и значительную часть необходимого. Сенъюры стремились распространить на арендатора барщинные повинности. Одним из

главных направлений сеньориального наступления стало ограничение наследственных владельческих прав крестьян, плативших чинш. Сеньоры стремились затруднить допуск наследников к отцовскому наделу, а то и просто заменяли его пожизненным или срочным держанием. Это открывало возможность повышения платежей и увеличения отработок при смене владельца, а также дробления самого надела и передачи его другим лицам на новых условиях.

Большое значение в этих условиях придавалось восстановлению уже с начала XVI в. крепостного состояния и распространению его на массы свободных крестьян. Статус «личного господина» давал сеньору особые права на крестьянское имущество и землю, возможность присвоения почти всех доходов крестьянского хозяйства. По отношению к крестьянской массе помещик и сеньор выступал как их личный, поземельный и судебный господин, которому все они были обязаны наследственными чиншами и барщиной. На распространение института крепостничества на рубеже XV—XVI вв. и его усиление в XVI — начале XVII в. существенно влияло формирование суверенной княжеской власти. Территориальный князь присваивал по отношению ко всем своим подданным права личного господина; крепостническое состояние сливалось с подданством. Рыцарские фольварки в Заальбье и дворянские поместья к западу от Эльбы вошли в систему территориальной государственности как ее составная часть, элемент податной системы и полицейского надзора.

Восстановление крайних форм феодальной зависимости, перестройка домениального хозяйства на барщинно-крепостнической основе подрывали прогресс немецкой деревни. Пресекалась возможность развития крупных крестьянских хозяйств по пути предпринимательства, распространения выгодных крестьянству форм издольной и денежной аренды, свободного использования в крупных хозяйствах наемного труда сельской бедноты. Подрывались и другие формы хозяйственной деятельности зажиточного крестьянства — торговля, извоз, гостиничное дело. Феодальный натиск тяжело сказался на положении средних и мелких крестьянских хозяйств, доходность которых под влиянием возрастающих платежей все уменьшалась, а их владельцы все чаще оказывались в ростовщической кабале и на грани разорения.

Насильственное прикрепление к наделу и господину, принудительный труд в рыцарских имениях, рост цен на предметы первой необходимости, снижение платы за услуги и наемный труд ставили под угрозу физическое существование сельской бедноты. Массовая пауперизация стала грозной проблемой, закрепощавшаяся деревня — одним из важных источников пополнения армии нищих и бродяг. Все это порождало в крестьянской среде ощущение социальной угрозы и стремление к отпору.

Крестьянская война имела тяжелые материальные и социальные последствия для немецкой деревни. Погибло не менее 100 тыс. человек; на крестьян были возложены денежные платежи в качестве компенсации «за ущерб». Был открыт путь для усиления феодального нажима, сопровождавшегося ростом налогообложения со стороны территориальной власти. Во многих районах Юго-Западной Германии крестьяне были прикреплены к земле и могли уходить, только заплатив «откупной взнос». В Баварии изданные герцогской властью «регламенты о прислуге» обязывали крепостных отдавать своих детей в дворовую челядь. Уход крестьян был запрещен. В областях к востоку от Эльбы закрепощение крестьян к середине XVII в. было оформлено законодательно. Барщина стала ежедневной, уход разрешался только с согласия господина и после выплаты соответствующего взноса.

Крестьянство, однако, не превратилось в политически инертную массу. Локальные конфликты, выступления крестьян, уклонение от уплаты налогов и поборов, побег, неподчинение властям — все эти формы крестья-

янского протеста наполняют историю деревни и после Крестьянской войны.

В целом сельское хозяйство после некоторого падения цен на зерновые в 1590—1600 гг. развивалось в условиях благоприятной конъюнктуры: цены на хлеб росли вплоть до 1640 г. Но потребности населения в продовольствии в силу общей низкой интенсивности сельскохозяйственного производства удовлетворялись с трудом. Тридцатилетняя война стала для Германии величайшей катастрофой, вызвав эпидемии, голод, опустошение деревень и целых областей, разрушение центров производства. Людские потери составили около 40% сельского и 30—35% городского населения. Некоторые области полностью обезлюдели и после войны были заселены заново иммигрантами из других местностей: Северная Германия — переселенцами из Нижней Саксонии, Нидерландов и Скандинавии, Южная Германия — выходцами из Тироля и Швейцарии. Некоторые области так и остались незаселенными.

Полностью подорванными оказались денежная и кредитная система, внешняя торговля; заторможено развитие мануфактурного капитализма. Потребовались многие десятилетия для восстановления животноводства и фонда сельскохозяйственных угодий. На трудностях военного времени наживались вербовщики, ростовщики, придворные банкиры. Недостаток рабочих рук ускорил законодательное оформление в Заэльбье крепостнической системы поместного хозяйства. После Вестфальского мира Германия экономически оказалась отброшенной на много десятилетий назад.

Глава 6

СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

В экономическом отношении страны Северной Европы, даже наиболее развитые Дания и Швеция, в конце XV — первой половине XVII в. отставали от передовых держав континента. До 90% населения региона было занято в сельском хозяйстве. В Швеции в 1570-е годы горожане составляли лишь 7,5% всего населения, но и они нередко занимались сельским хозяйством и, невзирая на неоднократные запреты, держали скот внутри городских стен и в предместьях. Бедная землями для ведения полевого земледелия, Норвегия не могла обеспечить себя хлебом. Значительное место в экономике Северной Европы, особенно Норвегии и Исландии, занимали рыболовство и морские промыслы. Это были основные занятия населения в прибрежных областях Швеции и Финляндии, особенно на севере (в 1530—1531 гг. среди натуральных податей Северной Швеции до 60% составляла рыба). В некоторых районах скандинавского Севера население было занято преимущественно пушным промыслом.

На сельское хозяйство оказывали влияние долгие годы упадка и стагнации, вызванные эпидемией чумы и рядом других обстоятельств в предшествующие столетия (с конца XIII до начала XVI в.). В позднее средневековье отрицательное воздействие на аграрное развитие оказывали постоянные войны, прежде всего между Данией и Швецией, а также гражданские междоусобицы («Графская распря» 1534—1536 гг., Северная семилетняя война 1563—1570 гг. и др.). Южные области Скандинавского полуострова были опустошены, многие деревни обезлюдели на долгие годы. В середине XVI в. налоги составляли 53% всех доходов датского государства; 81% общей суммы прямых налогов взимали с крестьян; духовенство после Реформации платило 17%, а горожане — 2%, дворяне же были от них полностью освобождены.

Однако в XVI—XVII вв. сельское хозяйство региона переживает подъем. Его развитию способствовали рост населения, внутренняя колонизация (возобновившаяся после «аграрного кризиса» XIV—XV вв.) и в первую очередь резкое повышение цен на сельскохозяйственные продукты начиная с 1540-х годов, вызванное «революцией цен» в Европе. В Дании уже в 1560-е годы цена меры ржи и ячменя превышала в 2,3 раза, а в 1620-е годы в 4,3 и 3,5 раза цены начала XVI в. Лишь с 1630-х годов началось постепенное снижение цен на зерно.

Спрос на продукты сельского хозяйства и усилившееся в связи с этим значение балтийского экспорта вызвали во всех скандинавских странах возвращение к обработке прежде заброшенных земель, восстановление крестьянских хозяйств, а также освоение новых площадей для ведения зернового хозяйства. Как правило, государственные власти поощряли возделывание заброшенных земель, но в Швеции в связи с образованием новых крестьянских хуторов в королевских лесах возник серьезный конфликт между королевской властью и крестьянами-«лесокрадами». Законодательные меры для сохранения лесов оказались малоэффективными; королевские леса очищались от новых поселений и хуторов карательными войсками.

Характерной чертой экономики Скандинавии был большой удельный вес скотоводства, что связано прежде всего с непригодностью большей части территории для пахоты и обилием лесов и лугов. Хотя цены на мясо, масло и сыр повышались медленнее цен на зерно, одним из основных источников доходов помещиков и крестьян было разведение крупного рогатого скота, в том числе и на экспорт. Торговля крупным рогатым скотом была весьма прибыльной, ей не препятствовала нехватка удобных дорог. Сравнительно легко транспортируемым товаром было высоко ценимое сливочное масло. Однако удои молока были низки, домашний скот — мелок и непороден, скотоводство носило экстенсивный характер, кормов не хватало. В системе экстенсивного скотоводства особое место занимало свиноводство. Стада свиней паслись почти свободно в дубовых лесах Дании и Юго-Восточной Швеции. Свиное мясо и особенно сало были важными статьями скандинавского экспорта. Только в 1642 г. из Дании вывезли на продажу 3000 свиней и более 250 т свинины.

Основной тенденцией развития землевладения в Дании было увеличение доли государственных и помещичьих земель. В результате Реформации в собственность государства перешли и церковные земли, составлявшие 30—35% всех обработанных земель. Государство владело примерно половиной всех обработанных земель; дворянам в начале XVI в. принадлежало 25—30%, а в середине века — уже 44% земельной площади.

Рост цен на продукты сельского хозяйства стимулировал развитие господского хозяйства. В первой половине XVI в. домениальные поля в Дании увеличивались за счет вырубки лесов и запашки лугов; в 1559 г. датские помещики получили право сгонять своих крестьян и присоединять крестьянскую землю к домену. С 1570 по 1650 г. в собственно Дании было уничтожено 700 крестьянских хозяйств.

Вследствие расширения власти феодалов и роста их владений доля земель свободных крестьян-собственников уменьшилась с 15—20% в начале XVI в. до 6% в середине XVII в. В различных частях Датского королевства удельный вес свободных крестьян-собственников колебался от 1 до 70%.

Юридически датские крестьяне делились на собственников и арендаторов, формально все они обладали личной свободой. Крестьяне, владевшие наследственными дворами, были обязаны повинностями государству: платили прямые налоги, несли извозную и некоторые другие повинности. Поместные крестьяне-арендаторы платили оброки (чаще всего смешанные) и несли барщину, размеры которой зависели от величины домена, числа

крестьян в каждом имении и близости арендуемого двора к барской усадьбе. В самом тяжелом положении были крестьяне, обязанные отбывать барщину еженедельно: в течение первой половины XVI в. она возросла с одного дня в неделю до 2—3 дней в неделю. Особенно тяжелой была барщина на островах Фюн, Лангелани и в Зеландии, где доменов было больше, чем в других местах. Однако в целом распространение барщины было все же относительным: в Дании в 1650 г. еженедельную барщину несли 18% крестьян.

В Швеции крестьяне были лично свободными, хотя в той или иной мере — феодально-зависимыми; в начале XVI в. они делились на четыре категории: податные (скаттовые), коронные, церковные и помещичьи (фрельсовые).

Податные крестьяне оставались собственниками своих земель. Основной их повинностью были государственные налоги, главным преимуществом перед другими категориями крестьян — право передавать свой двор по наследству. Однако король Густав I Ваза (1523—1560) объявил все шведские земли с их недрами и воды, кроме фрельсовых (дворянских) территорий, собственностью короны. Он оспаривал права собственности скаттовых крестьян, пытаясь обращаться с ними как сеньор. Несмотря на некоторое уменьшение числа податных крестьян, в 1560-е годы они составляли около 50% всех крестьян Швеции и Финляндии.

Все прочие категории шведских крестьян были держателями или арендаторами земли. Коронные (или государственные) крестьяне сидели на земле, принадлежавшей государству. Их экономическое положение было сходно с положением скаттовых крестьян: арендные платежи примерно были равны подати — скатту. Однако социальное отличие было принципиальным: коронные крестьяне не имели формальных наследственных прав на двор. Впрочем, в правление Юхана III (1569—1592) им была предоставлена возможность приобрести это право за определенную сумму. В начале XVI в. в результате сокращения за счет раздач государственно-землевладения удельный вес коронных крестьян был невелик: 5,6% в собственно Швеции и 3,9% в Финляндии. К 1560 г. доля коронных земель увеличилась до 28,5%. До Реформации в 1527 г. в особую группу выделялись крестьяне-держатели на церковных и монастырских землях. В Швеции они составляли примерно 20% всех крестьянских хозяйств. После Реформации эта категория крестьян в основном слилась с коронными крестьянами.

Фрельсовые крестьяне арендовали землю, принадлежавшую феодалам. Подобно прочим поместным крестьянам, они не имели права передавать двор по наследству. Их положение было более неустойчивым, чем у коронных крестьян, так как существовала постоянная реальная угроза их сгона со двора. В течение рассматриваемого периода наблюдается значительный рост фрельсовых земель. Если в 1527 г. во всей Швеции и Финляндии они составляли 14 137 хемманов, то в 1652 г. — уже 43 645 хемманов¹.

В Норвегии крестьяне также оставались лично свободными и делились на собственников и арендаторов (держателей). В начале XVII в. насчитывалось примерно 11 тыс. крестьян-собственников и около 25 тыс. арендаторов. Почти половина последних проживала во владениях короны и пасторов, остальные — на землях дворян, бюргеров и богатых крестьян.

Богатые запасы руды и традиции их добывания обусловили развитие горного дела, особенно в Швеции, где им было занято в конце XVI в. 4% населения. Важнейшей отраслью металлургии в стране была добыча железа, объем которой увеличился в XVI в.; тогда наметились изменения

¹ Хемман — полный крестьянский двор. В действительности обычным был крестьянский двор размерами в 1/2 или 1/4 хеммана.

и в производственной технике. Шведское чугунное литье пользовалось широким спросом и на европейском рынке. Развивалось производство нового вида железа — так называемого прутового. Особую роль здесь сыграли приглашенные из Германии и Южных Нидерландов специалисты и владельцы капиталов. Вывоз прутowego железа вырос к концу XVI в. более чем в 8 раз, а к началу XVII в. — почти в 15 раз.

Пионерами технических усовершенствований в области добычи и обработки железа в начале XVII в. были иммигранты — валлонцы. Благодаря им вместо старых деревянных домен немецкого типа внедряются более крупные кирпичные домны французского типа, что позволяло достигать более высокой температуры, получать больше металла.

Распространение крупных домен и наковален для получения прутowego железа вызвало существенные экономические и социальные сдвиги. Господствующее положение в черной металлургии Швеции в XVII в. перешло к крупному производству — мануфактурам, или брукам. В XVI в. владельцем бруков было государство, в первой половине XVII в. горнозаводчиками стали частные лица. Для функционирования бруков были необходимы крупные земельные участки с лесом, его владельцы являлись одновременно и промышленниками, и помещиками. Кроме горнорабочих-плавильщиков, кузнецов и др. на мануфактурах работало множество неквалифицированных рабочих (лесорубы, угольщики, возчики и пр.). Наряду с относительно крупными предприятиями продолжали промысел мелкие горные предприниматели старого типа (бергсманы).

Традиционной отраслью горного дела в Швеции была добыча меди, сосредоточенная в районе Стура Коппарбергет в провинции Даларна. До середины XVI в. объем добычи меди был небольшим: около 90 т ежегодно; во второй половине XVI в. добыча меди увеличилась почти в 17 раз.

С точки зрения меркантилистской экономической политики, распространившейся тогда в Дании и Швеции, существенно важной считалась добыча серебра, которая в Швеции была особенно высокой в 1538—1548 гг. (в среднем до 3420 кг в год). Но залежи серебра были бедными, скоро истощились, и добыча его резко сократилась: в 1668 г. было добыто лишь 1000 кг серебра.

В 1520-е годы началась добыча железа и меди и в Норвегии. Были заложены рудники, плавильни и кузницы. Основными районами добычи металлов стали Осло, Акара, Шиен, Телемарк, позднее и район Реруса в Восточной Норвегии. Как и в Швеции, рудники и заводы были собственностью государства, а впоследствии на основе привилегий, данных датским королем, перешли во владение частных лиц и компаний. В первой половине XVII в. началась эксплуатация залежей серебра в Ронгсберге, но добыча его оказалась незначительной.

Мануфактурное производство в Скандинавии развивалось в первую очередь на основе горных, металлургических, кузнечных промыслов. Первое место в Швеции занимали мануфактуры по производству оружия, на которое существовал большой спрос в самой Швеции и на европейских рынках. В XVII в. эта отрасль почти полностью сосредоточилась в руках Луи де Геера, переселившегося в Швецию из Нидерландов. Так, в 1624—1633 гг. он продал для шведской армии более 34 тыс. мушкетов, тысячи панцирей, шпаг, копий и ядер. Его пушечные заводы сыграли заметную роль на завершающем этапе Тридцатилетней войны. На базе развитой добычи меди в Швеции XVII в. возникли также мануфактуры по производству изделий из латуни.

Развитие текстильных мануфактур шло медленнее. Первые из них были основаны в Швеции в 1620-х годах, но в связи с трудностями сбыта просуществовали недолго. В Дании во второй половине XVI в. были основаны первые небольшие текстильные мануфактуры и предприятия по производству пороха; целенаправленное создание мануфактур было на-

часто при короле Кристиане IV (1588—1648). Королевская власть поощряла переселение в Данию из Нидерландов мастеров и рабочих; приезжие специалисты были освобождены от всех налогов и имели право свободы вероисповедания. В Норвегии начиная с 1520-х годов довольно широкое распространение получили крупные лесопилы, построенные богатыми горожанами для производства досок на экспорт. С 1545 г. датский король стал требовать с лесопилы каждую десятую доску и превратился в крупнейшего экспортера пиломатериалов.

Несмотря на успехи мануфактур, ведущую роль в производстве для внутреннего рынка играли ремесленники. Рассматриваемый период характеризуется развитием и усовершенствованием цехового строя. Для основных профессий ремесленников были составлены цеховые уставы, в XVI в. произошла некоторая унификация цехового строя в крупных городах. Ремесленники стремились ограничить число цеховых мастеров в каждом городе. В Швеции это было проведено в жизнь в 70—80-е годы XVI в. Государственные власти старались также ослабить традиционное господство немецких ремесленных мастеров. Магистрат Стокгольма установил, что в цехе сапожников может быть 20 шведских мастеров и не более 10 немецких. Для унификации цехового строя в 1621 г. в Швеции был введен всеобщий цеховой устав: по нему в каждом городе, где работало не менее четырех мастеров одной (или смежных) профессии, они должны были образовать свой цех; если же мастеров было меньше, они должны были стать членами цеха в другом городе. Ремесленников, живущих вне города, обязывали переселиться в города или в местечки. Члены цехов получали монопольное право на изготовление своей продукции в данном городе, за нарушение которого внецеховым ремесленникам грозил немалый штраф. Устав 1621 г. определил и обязательный для всех ремесленников порядок профессиональной подготовки: 3—4 года ученичества и 3 года работы подмастерьем. У некоторых профессий в срок службы подмастерья включались и «годы странствий»: от одного до трех лет.

Меркантилистская экономическая политика и шведских и датских королей выражалась в их особом внимании к внешней торговле, к экспорту. Важнейшими товарами вывоза Швеции были железо и медь. Особенно интенсивно росла доля железа: с 1559 по 1650 г. она возросла с 28,7 до 73,6% от общего вывоза, доля меди — с 5,5 до 29,8%. В XVII в. примерно одну четверть всего вывоза составляли продукты скотоводства — сливочное масло и мясо, значительное место занимали также шкуры и меха (в 1559 г. — 22,2%). Из продукции лесного хозяйства вывозили древесину, в особенности материалы для кораблестроения. В связи с возрастающими потребностями Западной Европы в постройке и ремонте кораблей все большее значение приобретал вывоз смолы и дегтя. В составе импорта первое место занимали ткани — полотно, сукно, шелк (30—40% всего ввоза). Во второй половине XVI в. второе место занимала соль, затем пряности и другие колониальные товары.

Экспорт из Дании формировался прежде всего за счет различных сельскохозяйственных продуктов: зерна, масла, мяса, шкур и пр.; состав импорта был сходен с шведским. Среди норвежского экспорта особую роль играли рыба, в частности сельдь, и лесоматериалы, имевшие большой спрос на западноевропейских рынках. В XVI в. основными торговыми партнерами скандинавских стран были ганзейские купцы, особенно из Любека и Данцига (совр. Гданьск).

Основной линией торговой политики датских и шведских королей была ликвидация господствующего положения ганзейцев во внешней торговле. Уже в 1520 г. в Дании было решено создать большое торговое объединение во главе с датскими крупными купцами. Его задачей было господство Дании в скандинавской торговле. Это объединение должно было строиться по принципу акционерной компании, с конторами в Копенгагене, Стокголь-

ме, Антверпене и — для торговли с Россией — в Финляндии. Этому плану воспрепятствовало расторжение Кальмарской унии.

В борьбе против Дании Швецию поддержал Любек; в благодарность ганзейские города во главе с Любеком получили монопольное право беспошлинной торговли в четырех важнейших шведских городах — Стокгольме, Седерчепинге, Кальмаре и Турку (Або). Эти привилегии, препятствовавшие развитию шведской торговли, в 1533 г. отменил король Густав I Ваза.

В последующие годы особенно интенсивно развивались торговые связи с Нидерландами, частично с Францией и Англией. В развитии западной торговли особое положение приобретали города в устье реки Гета, на побережье Северного моря: в XVI в. — крепость Эльвсборг, Нюледезе, в XVII в. — Гетеборг. В этот новый торговый город переселились также многие богатые иностранные купцы, которые способствовали переориентации шведской торговли в западном направлении, минуя датские проливы.

Возросла и роль Франции в качестве торгового партнера, особенно в торговле солью. Уже в 1540-е годы 34—44% соли, привозимой в Стокгольм, доставлялось из Франции без посредников. Особое значение в торговле французской солью приобрел город Нюледезе, а в XVII в. — Гетеборг. Для развития торговли с Англией в 1635 г. в Гетеборге была создана английская торговая компания, город должен был стать складочным пунктом для английских товаров.

Для экономики Дании весьма важным было судоходство через проливы, в частности через Эресунн (Зунд). Все купцы должны были платить датскому королю пошлину — одну тринадцатую долю в натуре или со стоимости товаров. Число кораблей, проходивших через Зунд, значительно возросло. Большинство из них составляли голландские суда: в 1497 г. их было 567, в 1567 г. — 2732, в 1597 г. — 3909. Был создан датский торговый флот.

В торговой политике шведских и датских королей возрастала роль торговли с Россией. Во время русско-шведских переговоров в 1526 и 1537 гг. шведская сторона выразила желание восстановить гостинный двор в Новгороде и тем самым сломить монополию лифляндских городов в транзитной торговле. Эти планы не осуществились, но все же во второй половине 30-х и в 40-е годы XVI в. Швеция вела торговлю с русскими купцами, прибывавшими в Стокгольм и Нарву.

В развитии русской торговли с Западом была особенно заинтересована Дания. Вопрос о свободе торговли через Нарву стал одной из основных проблем в датско-шведском конфликте в период Северной семилетней войны.

По Столбовскому мирному договору 1617 г. русским купцам предоставлялось право разъезжать со всеми их товарами по всей шведской территории; жалованной грамотой от 1618 г. шведским купцам разрешалось торговать в Москве, Новгороде и Пскове, однако без права транзита на Восток, в частности в Персию. В 1626 г. начались регулярные поездки русских торговых людей в Стокгольм. С середины XVI в. установились постоянные торговые сношения между Норвегией и Россией. Их центром стал город Варде, где ведущую роль играли купцы из Бергена и Тронхейма. С 1570-х годов центр этой торговли сместился в сторону русской Колы, где для норвежских купцов был построен гостинный двор.

Социальным последствием развития внешней торговли было возвышение узкой прослойки крупных купцов. Этому способствовали привилегии, которыми пользовались отдельные крупные торговые компании. В Дании король Кристиан IV в 1619 г. предоставил купцам Копенгагена исключительное право торговли с Исландией. В 1625 г. основана датская Вест-Индская торговая компания, в 1636 г. — Африканская компания. В Швеции крупнейшее из таких привилегированных внешнеторговых объедине-

Стокгольм в XVI в. Фрагмент гравюры.

ний — медная компания (1619 г.) сосредоточила в своих руках всю добычу и продажу меди, хотя ввиду злоупотреблений вскоре была ликвидирована. Деятельность новой медной компании была также непродолжительной (1636—1638 гг.).

Развитие внутренней торговли было тесно связано с ростом промышленного производства и ремесла, а также с увеличением городского населения. Весьма острой оставалась борьба против торговой деятельности вне городов. Единственным местом, где крестьяне могли свободно продавать свои товары любым покупателям, по закону считался городской рынок. Возникали торговые местечки, подчинявшиеся городу; в них разрешалось иметь свои лавки лишь торговцам этого города. В тех же местечках купцы скупали товары у крестьян. В XVII в. большинство продуктов питания и других сельскохозяйственных товаров доставляли на городской рынок не крестьяне, а горожане.

Иностранцам было запрещено вести розничную торговлю: они имели право торговать лишь с местными купцами. Исключение составляли вольные ярмарки, где приезжие купцы торговали свободно. Крупнейшая из них — ежегодная ярмарка в Копенгагене длилась 14 дней, начиная с Янова дня (Ивана Купалы, 24 июня).

Важным фактором экономического развития скандинавских стран в XVII в. стал процесс накопления капиталов. Основным его источником оставалась торговля на Балтийском море, однако весьма важной оказалась здесь и роль иностранцев, особенно валлонов из Южных Нидерландов, а также немцев, переселявшихся со своими капиталами в скандинавские страны для участия в торговых компаниях и мануфактурных предприятиях.

В результате развития производительных сил во всех отраслях хозяйства усилились экономические потенции стран Северной Европы. Особенностью их социальной жизни в позднее средневековье было переплетение заметных элементов феодальной реакции, господствовавшей в Восточной Европе, и активного генезиса капитализма, характерного для Запад-

ной Европы. Выражением усиления феодально-крепостнических тенденций было известное расширение доменального хозяйства, особенно в Дании, и рост помещичьего землевладения. С другой стороны, сдвиги в развитии торговли и промышленности, а также товарно-денежных отношений в целом привели к выдвиганию бюргерских слоев, активно участвовавших в политической борьбе. Экономика скандинавских стран через торговлю все теснее связывалась с хозяйством соседних стран. Успехи хозяйственного и социального развития стран Северной Европы, прежде всего Дании и Швеции, которым способствовала выгодная внешнеторговая конъюнктура, позволили этим странам усилить внешнеполитическую активность. Но внутренняя основа великодержавной политики оставалась в этом регионе непрочной.

Глава 7

ИТАЛИЯ

В Италии элементы раннекапиталистических отношений появились значительно раньше, чем в других странах Западной Европы, — в XIV—XV вв.; немалых успехов экономика достигла и в XVI в. Передовые области Италии пережили некоторый подъем во второй половине XVI в., но в XVII в. наступил упадок. Другие государства стали обгонять Италию.

От средневековья Италия унаследовала раздробленность и неравномерность развития: резко выделялись развитые север и северная часть Центральной Италии с многочисленными городами, разветвленной международной торговлей и банковской деятельностью, с раннекапиталистическими формами промышленного производства. Юг же Италии и острова, значительная часть Центральной Италии, горные районы отличались сравнительно отсталой экономикой.

Вторая половина XVI в. характеризуется заметным ростом населения: в начале века в Италии было 10 млн жителей, к 1550 г. — 11,6, к 1600 г. — 13,3 млн. Особенно быстро росло население городов: за 100 лет в Риме — с 50 тыс. до 110 тыс., в Венеции — с 115 тыс. до 150 тыс. Удельный вес городского населения за 100 лет вырос в Италии с 11 до 16%, в Миланском государстве достиг 25% всего населения, в Венецианском — 23,6%.

В первой половине XVI в. итальянцы продолжали играть ведущую роль в торговых связях Европы с Левантом. Флоренция открыла широкий рынок своих сукон в Турции. Венеция же столкнулась с известными трудностями и сократила торговлю пряностями. Тяжело отразилось на экономике Венеции ее участие в многочисленных войнах, что облегчило подъем портов Дубровника и Анконы — ее конкурентов на Адриатике. Однако спустя несколько десятилетий венецианская торговля пряностями была восстановлена в прежнем объеме; с 1499 по 1559 г. тоннаж одних лишь крупных венецианских кораблей почти удвоился. Тоннаж флота Генуи увеличился за период с 1537 по 1558 г. на 60%.

Во всех торговых центрах Фландрии было множество итальянских купцов, они по-прежнему господствовали в Антверпене. Более 1/3 экспорта английской шерсти находилось в их руках. Они занимали ключевые позиции в экономике Испании и финансовом мире Франции. Тем не менее итальянцев повсюду в Европе теснили конкуренты из Германии, Фландрии, Испании.

Итальянские войны нарушили связи между итальянскими государствами. Наемные войска грабили города и села, увеличивался налоговый гнет, многие дельцы воздерживались от инвестиций в промышленность,

сократилось производство сукон. В 10-х годах XVI в. в миланский сукнодельческий цех вступило 158 человек, в 20-х — 50, в 30-х — 59. В 1540 г. Бреша произвела 1000 кусков сукна против 8000 в начале века. Из-за конкуренции Южной Германии резко уменьшилось производство бумазеи в ломбардских городах. Флорентийское сукноделие, используя кастильскую шерсть, в первые десятилетия XVI в. еще процветало, но после длительной осады Флоренции и падения республики в 1530 г. его положение стало плачевным: с 1527 г. за 10 лет число мастерских упало со 150 до 63. В то же время генуэзское шелкоделие переживало заметный рост: в 1432 г. там было 179 мастеров, через столетие — 216, а в середине XVI в. — 244.

В целом в итальянской экономике первой половины XVI в., несмотря на отдельные успехи на внешнем рынке, в ряде центров и отраслей преобладала тенденция упадка, хотя трудности казались еще преодолимыми.

В начале 80-х годов XVI в. Мишель Монтень восхищался большим числом ремесленников в Милане и прекрасными полями Тосканы, напомиравшими сады. Ученый и писатель Джованни Ботеро считал, что нет государства более богатого продовольствием, хлебными злаками, рисом, домашним скотом, сырами, винами, льном, более изобилующего ремесленниками и торговцами, более густонаселенного и более удобно расположенного, чем Миланское герцогство.

Заметная активизация деловой жизни началась в Италии в 40-е годы XVI в. От занятий торговлей переходили к промышленности, от одной отрасли промышленности к другой. Осваивались новые рынки сырья, сбыта и финансирования. Так, генуэзская знать занялась преимущественно финансовой деятельностью, извлекая из нее более половины своих доходов. За 1556—1624 гг. состояние генуэзцев выросло в четыре раза. Они были ведущей силой финансового мира Испании, предоставляли ссуды монархам, являлись хозяевами общеевропейской финансовой биржи — Безансонских ярмарок, проводившихся в разных городах Европы.

Венецианские корабли, груженные сукнами местного производства, пряностями и другими товарами, регулярно отправлялись в различные порты. Венеция была главным поставщиком перца в немецких землях. Ей удалось справиться с конкуренцией Анконы и Дубровника, построив на далматинском побережье новый порт Сплит; вплоть до 80-х годов XVI в. венецианские корабли были хозяевами в восточной части Средиземного моря.

Особенно оживилась торговля Италии с Испанией. Из Италии вывозили шерстяные и шелковые ткани, вино, квасцы, зерно, из Испании шли шерсть, красители, кожи и другие товары. Если в 50-е годы в Италию поступало примерно 14 706 мешков шерсти в год, то в 70-х годах — 23 647 мешков.

Вместе с оживлением внешней торговли укреплялись и внутренние торговые связи. Углублялось разделение труда: север снабжал южные области промышленными товарами; юг поставлял сырье и сельскохозяйственные продукты Венеции, Флоренции, Генуе, Милану. С XV в. вывоз зерна из Сицилии возрос в 5—10 раз.

Еще более заметным был подъем в области промышленности. В 1517 г. Венеция производила 3500 кусков сукна, в 1569 г. — 26,5 тыс., в 1602 г. — 29 тыс.; по качеству оно не уступало флорентийскому. Во Флоренции число сукнодельческих предприятий выросло с 63 в 1537 г. до 152 в 1561 г., а количество изготовленных сукон с 14 700 кусков в 1553 г. до 33 212 в 1572 г., тем самым Флоренция превзошла свой уровень XV в.

После временного сокращения сукноделие вновь набирало силу в Милане, Комо, Кремоне, расширялось в Парме, Падуе, Мантуе. В Генуе — одном из крупнейших центров шелкоделия — в 1531 г. работали 2152 ткача, а в 1565 г. — 7500. В Милане в 80—90-е годы производство

шелковых тканей удвоилось. Расширилось оно и в Венеции, Комо, Павии, Мантуе, Флоренции. В начале XVII в. во Флоренции производили в год 10 тыс. кусков высококачественных шелковых тканей против 2000 в XV в.

В отличие от сукноделия, которое зависело главным образом от привозной шерсти, шелковая промышленность стала все больше пользоваться местным сырьем: в Ломбардии, Венето, Тоскане, Лигурии расширилось разведение шелковицы. Производственные операции по выделке шелковой пряжи начали перемещаться в деревню, где стали применять шелкокрутильные мельницы, механизировавшие трудоемкий процесс шелкокручения. Раннекапиталистические отношения в шелковой промышленности получили дальнейшее развитие, происходила концентрация производства. Так, в ареале Болоньи в середине XVI в. на одном предприятии работали в среднем 45 человек, а через столетие — 100, расширилось применение наемного труда в Болонье, Модене, Пьяченце.

Подъем происходил также в стекольной промышленности, кораблестроении и типографском деле Венеции. 25 % всех книг, напечатанных в Италии, сошло со станков венецианских печатников. Особого развития достигло строительное дело. В Риме, например, было возведено 54 церкви и 60 дворцов.

Оживилась горная промышленность. В 1539 г. в Тоскане возобновилась добыча серебра в Пьетрасанте и железа в Пьомбино. Расширился объем производства, происходила концентрация всех операций по добыче руды и первичной обработке металла. Возросла добыча квасцов.

Наряду с этими успехами отмечалось дальнейшее сокращение производства бумазейных тканей в городах Северной Италии, что было следствием увеличения производства этих тканей в немецких землях. В некоторых городах сокращалось сукноделие. Однако общий подъем промышленности во второй половине XVI в. не вызывает сомнения.

Важную роль в этом процессе играло прекращение Итальянских войн. Опытные и богатые итальянские дельцы сумели добиться максимальных преимуществ от оживления экономической жизни Испании, под властью которой оказалась значительная часть итальянских земель, а также из торговли Испании с заморскими колониями.

Буржуазная революция в Нидерландах, гражданские войны во Франции, войны Англии с Испанией временно ослабили основных конкурентов Италии. В некоторой мере общему подъему способствовала протекционистская политика таких итальянских государств, как Тосканское великое герцогство, Савойя.

В 80—90-е годы XVI в. начали проявляться экономические трудности, возросшие в первые десятилетия XVII в. В первую очередь пострадало сукноделие. Во Флоренции число сукноделческих предприятий с 1586 по 1646 г. упало со 114 до 41 и продолжало уменьшаться. В 1589—1601 гг. производство сукна сократилось вдвое. В Падуе с середины XVI в. к 1611 г. от 40 предприятий осталось всего 6. К началу XVII в. итальянский рынок уже был наводнен шерстяными тканями заальпийского производства.

Несколько позже начался упадок шелковой промышленности. К концу XVII в. производство шелковых тканей в Генуе, Милане и Венеции резко сократилось, а в Комо, Кремоне, Павии фактически исчезло. Вплоть до середины XVII в. на сравнительно высоком уровне оставалось шелкоделие Флоренции: с 90-х годов XVI в. до 20-х годов XVII в. капиталовложения богатейших дельцов переместились из сукноделия в шелковую промышленность. Получаемая прибыль здесь колебалась от 7—8 до 17—19%. В 1662 г. около 20% населения города было занято в шелковой промышленности и менее 10% — в суконной. Тем не менее во второй половине XVII в. Италия становится рынком для французских шелковых тканей.

В первой половине XVII в. сокращалось металлургическое производство в Ломбардии и кораблестроение Венеции, как и разработки на сереб-

ряных рудниках Пьетрасанты, уменьшились выработка железа, печатание книг, производство бумаги.

На исходе XVI — в начале XVII в. итальянцы полностью утратили свою роль на мировом рынке: исчезла итальянская колония в Лондоне, с упадком Лиона резко уменьшилась роль обосновавшихся там итальянских торгово-банковских домов. Только генуэзцы вплоть до середины XVII в. сохраняли свои позиции в финансовом мире Европы, но и они ослабевали из-за упадка, переживаемого Испанией.

Итальянцы начали терять влияние и в средиземноморской торговле. На исходе XVI в. резко сократился торговый флот Венеции, Генуи и Анконы. Испанская шерсть и сицилийское зерно перевозились в североитальянские порты на голландских и английских кораблях. К англичанам перешла венецианская торговля перцем. После потери Крита Венеция была почти полностью вытеснена с рынков Востока. Правда, в это время начал процветать тосканский порт Ливорно, главный центр зерновой торговли, но он обслуживал иностранных купцов и был мало связан с итальянской экономикой. В 80-е годы XVI в. итальянцы стали появляться на рынках Польши и в северных немецких городах, где они закупали хлеб; флорентийцы временно наладили торговлю с Ливаном, пытались установить связь с Московским государством. Однако эти успехи были кратковременными.

К середине XVII в. торговля стала носить преимущественно внутриитальянский характер. Промышленность значительно отстала от английской, французской и голландской. Италия вывозила главным образом сельскохозяйственную продукцию и полуфабрикаты и ввозила промышленные изделия.

Причины сокращения сукноделия современники объясняли обычно дешевизной иностранных изделий. Самой существенной причиной упадка было то, что экономические успехи Италии достигались отдельными городами в условиях политической раздробленности, преобладания торгово-финансового капитала и ориентации на внешний рынок: это определило объективную неустойчивость итальянской экономики. В XVI в. еще удавалось справиться с трудностями, в XVII в. это стало уже невозможным. Конкурентами выступали крупные централизованные государства, где успешно шло первоначальное накопление капитала, что давало возможность пользоваться дешевой рабочей силой. Молодая капиталистическая экономика использовала и протекционистскую политику.

В пределах мелких государств обойти цеховой контроль было чрезвычайно трудно, но главное — для ведущей отрасли промышленности — сукноделия — не хватало сырья: в конце XVI в. уменьшился приток тонкой испанской шерсти, местная же шерсть была в основном грубая, да и ее явно не хватало. Большая устойчивость шелковой промышленности объясняется именно наличием своего сырья и некоторым обновлением производства.

Развитие экономики в рамках отдельных городов-государств или синьорий — система, благодаря которой Италия поначалу опередила другие страны, стала на пороге общеевропейской капиталистической эры анахронизмом. Основная причина экономических неудач Италии — изменявшаяся ситуация в мире.

Однако и в XVII в. сохранились мануфактурная организация производства, опыт и знания, которыми широко пользовались и за пределами Италии. В Ломбардии в середине XVII в. начала развиваться деревенская промышленность: выработка шелковой пряжи, бумаги, первичная обработка металлов. На базе расширяющейся деревенской промышленности впоследствии выросла капиталистическая промышленность Северной Италии. Однако в целом в XVII в. итальянская экономика слабела, приходила в состояние стагнации.

Наибольшие перемены в аграрном строе в конце XV—XVI в. произошли в Северной Италии, прежде всего в Ломбардии. Продолжало быстро расти городское землевладение за счет мелкой крестьянской собственности, земель наследственных держателей, территорий, находившихся во владении сельских коммун. В середине XVI в. ломбардские крестьяне владели лишь 3% плодородных земель на равнине, их уделом оставалась обработка бедной почвы горных областей. В округах Венеции, Пьяченцы и других городов общая доля всех крестьянских земель не поднималась выше четверти всей земельной площади. Преобладание или значительный удельный вес землевладения горожан не означали сами по себе создания или внедрения буржуазной формы собственности. С конца XV в. в Ломбардии распространяется новый тип краткосрочного найма земли — крупная предпринимательская аренда на землях горожан, во владениях церкви, а также на землях нобилей.

Предпосылками возникновения крупной предпринимательской аренды была концентрация больших массивов плодородных и удобных для ирригации земель, расположенных в районах с густой сетью водных путей; близость достаточно емких городских и европейских рынков с их дифференцированным спросом на сельскохозяйственные продукты: мясо, молоко, сыр, масло; высокая плотность населения: в XVI в. — 110 человек на 1 кв. км в Милане, Лоди и округе, 117 — в Кремоне; наличие в руках крупных землевладельцев значительных денежных средств. Все это позволило путем интенсивного строительства ирригационных сооружений значительно поднять урожайность зерновых на неорошаемых землях — в полтора-два раза, обеспечить высокие урожаи трав на орошаемых лугах и разведение молочного скота, высевать такую трудоемкую культуру, как рис. Появилась возможность широкого распространения севооборотов с чередованием зерновых и бобовых культур, используемых и на корм для животных, без применения пара. Продукты молочного животноводства, особенно различные виды сыров, вывозились в города Италии и Франции. Изменились внешний вид и структура сельских поселений Ломбардии. В центре группы построек был дом богатого арендатора, там же находились жилища батраков, хлев, зерновой амбар, сыроварни.

В конце XV — середине XVI в. весьма распространенной была так называемая посредническая аренда, при которой арендаторами являлись посредники — зажиточные люди, а земельные участки обрабатывали держатели-массарии за натуральный чинш (что не исключало привлечения батраков).

С конца XVI в. и в XVII в. посредническую аренду сменила предпринимательская аренда, на крупных земельных массивах основными работниками стали батраки, нанимавшиеся посезонно или постоянно — для работы на виноградниках, ухода за скотом и т. п. Обычный срок аренды составлял 9 лет, чинш был денежным.

Этот процесс, однако, в Миланском округе шел медленно, крупные комплексы подчас снова дробились и сдавались в субаренду массариям. Продолжали существовать дополнительные обязательства феодального типа для арендатора (поставка домашней птицы, телятины, свинины). Собственник осуществлял довольно жесткий контроль за расходами арендаторов. Становление крупной фермерской аренды растянулось по меньшей мере на два столетия.

Кризисные явления затронули в XVII в. не только город, но и деревню; однако в Ломбардии в XVI — середине XVII в. произошли перемены, свидетельствующие не о застое или попятном движении в деревне по сравнению с XV в., а о продолжавшейся, хотя и неравномерно, прогрессивной перестройке хозяйства.

В Тоскане к началу XVI в. процесс концентрации земельной собственности в руках горожан отмечен не меньшими, если не большими успехами,

чем в Северной Италии. Из 35 810 земельных собственников в округе Флоренции 37,1% составляли горожане Флоренции — в их руках сосредоточивалось 60,4% владений по их стоимостной оценке. Половина собственников, главным образом мелкие и средние землевладельцы, проживавшие в сельской местности, владели лишь 17,3% земель; церковным учреждениям принадлежало 22,3% всех земельных владений. Эти пропорции были различны в разных зонах сельской округи города — контадо. Крестьянская собственность, почти исчезнувшая в близких к городу районах и в наиболее плодородных долинах, сохранилась в основном лишь в горных районах юго-востока.

В XVI в. проявилась тенденция к объединению ряда земельных комплексов (подере) в факторию, где располагались хозяйственные службы, помещения для скота и жилище арендатора, жилой дом фактора-управляющего, агента собственника. Фактору — обычно из зажиточных арендаторов, а подчас и горожан — поручались сбор и доставка собственнику его части урожая, надзор за арендаторами, разведением и содержанием скота, организация дополнительных, не предусмотренных договором работ на подере и их оплата (за счет собственника), наем сезонных и постоянных рабочих, ведение регулярных отчетов о расходах и доходах в фактории и т. д. Фактор стремился к самостоятельности в управлении хозяйством и материальным выгодам. Землевладельцы же пытались ограничивать предпринимательство факторов, осуществляли мелочный контроль, особенно возросший в XVII в. Существовали некоторые потенциальные возможности к превращению фактора из управителя в арендатора-предпринимателя, но эти потенции сколько-нибудь реально не проявились.

Можно отметить некоторый прогресс в росте продуктивности, интенсификации хозяйства на подере. Повсюду среди зерновых преобладала пшеница, происходил постепенный рост посевов бобовых культур при уменьшении площадей под ячмень и просо; показательна высокая плотность посадок виноградников. Возрастание дополнительных (сверх половины урожая) натуральных платежей крестьян-испольщиков в этот период не может быть расценено однозначно, как явление феодальной реакции, оно было связано в определенной мере с товаризацией сельской экономики.

Потребности развития шелководия в городах Тосканы в XVI—XVII вв. и возможности экспорта обусловили здесь, как и в Ломбардии, расширение посадок специализированной культуры — шелковицы, причем сами арендаторы выполняли некоторые первоначальные операции по обработке сырья. К 60-м годам XVII в. 70% шелковой пряжи, употребляемой во флорентийской промышленности, было местного производства.

Создание факторий, частичная ориентация производства сельскохозяйственных культур на экспорт влекли за собой более активное участие собственника в издержках производства и в самой организации сельскохозяйственных работ: выборе культур для посева, регулировании севооборотов, насаждении специализированных культур, приобретении семян, предоставлявшихся частично, а иногда и полностью арендаторам, авансировании использующих деньгами для покупки скота. На церковных землях сохранялись наследственные формы аренды, в том числе и либеллярная. Однако весьма часто съемщиками были крупные пополанские фамилии, сдающие полученные земли в краткосрочную субаренду.

С 40-х годов XVI в. в Тоскане, а в северных областях Италии одним-двумя столетиями раньше, получили распространение и инвестиции феодалов, предоставляемых правителям, нобилям или патрицианским фамилиям. Но этот процесс не был возвратом к феодализму, «рефеодализацией». В XVI—XVII вв. в феоде за плату передавались преимущественно необработанные земли, леса или пастбища, оставшиеся еще в собственности или владении отдельных сельских коммун, а также административно-

Итальянские дворяне.
Рисунок XVII в.

политическая власть над этими коммуна́ми. Инвеститура фео́дов влекла за собой взимание получателем доходов, связанных с гражданской и уголовной юрисдикцией, сбором разного рода налогов и пошлин (в том числе доходов от трактиров, пекарен, продажи вина и т. д.). К получателю фео́да переходили и права на использование леса и пастбищ, права охоты и рыбной ловли, баналитеты на мельницы, оливковый пресс, винодавильню и пр. Коммуны формально сохраняли часть административно-фискальных функций, которые по большей части уже давно принадлежали близлежащему городу.

В структуре аграрных отношений Тосканы значение инвеституры фео́дов было невелико; фео́ды в 1640—1642 гг. составляли лишь 4,3% территории герцогства. Более крупные фео́ды тосканской аристократии находились в Южной Италии, Умбрии, Романье. Права получателей пожалований в основном носили фискальный характер, а их господство — характер судебно-политического и финансового подчинения пожалованных им в фео́д земель. Господствующая верхушка ряда сельских коммун

Ломбардии добивалась выкупа фео́дов при условии уплаты 2/3 их стоимости, внесенной получателем пожалования. Впрочем, осуществление судебных полномочий, прав на баналитеты и взимание чинша с прежних общинных земель являлись, несомненно, проявлением феодального господства над территорией фео́да. Феодализм не был здесь создан заново, но феодальное господство в этих районах до некоторой степени укрепилось.

XVI век унаследовал от прошлого всю сложность общественной структуры — большую пестроту и неравномерность развития, социальную мобильность и отсутствие «чистых классов», но именно теперь начались заметные изменения в общественной жизни. Феодалы сохранили привычные доходы и господствующую роль в социальной и политической жизни Папского государства, в Пьемонте и в приальпийских зонах, а также в горных районах передовых областей. Там же, где когда-то феодальная знать была ослаблена, теперь в абсолютистских княжествах сложились условия, благоприятствовавшие росту удельного веса феодалов в обществе: они играли известную роль при княжеских дворах, получали разного рода привилегии.

Благоприятную почву для роста значения феодальной среды создавало испанское влияние. Расширению рядов дворянства способствовал и процесс одворянивания верхушки пополанов. Вместе с тем дворянство Италии продолжало свои торгово-финансовые занятия и зачастую получало от них не меньше доходов, чем от земли.

Верхушку городского населения составляли купцы и банкиры международного масштаба, крупные предприниматели и землевладельцы — так называемые патриции. При республиканских режимах они держали власть в своих руках. В княжествах же, отстраненные от непосредственного руководства политической жизнью, они тем не менее занимали ряд высоких и доходных должностей в государственном аппарате. Именно эта

часть населения прежде всего одворянивалась. Однако этот процесс в течение XVI в. развивался очень медленно.

Взросший интерес к земельным владениям объяснялся престижными соображениями, возможностью войти в дворянство. Но не менее важным было приобретение новых источников дохода. Рост инвестиций в земельную собственность совпадал со значительным увеличением цен на сельскохозяйственные продукты и возрастанием стоимости земли, что свидетельствовало не о бегстве из деловой сферы, а скорее об активном стремлении извлечь все выгоды из создавшейся ситуации. Патриции, чье имущество с давних пор состояло из земельных владений, часто именно во второй половине XVI в. начинали карьеру в сфере финансовой и предпринимательской деятельности (например, Рикарди во Флоренции).

Обычно приобретение земли не сопровождалось изъятием капиталов из торговли и промышленности. Даже владение феодами, громкими титулами, судебными и фискальными иммунитетами не приводило к отказу от этих занятий. Иностранцы с удивлением отмечали, что тосканский нобилитет занимается торговлей.

Одворянивание носило главным образом внешний характер, ограничиваясь принятием дворянской символики, нравов, стиля жизни. Дорогие пиршества и роскошная одежда, строительство дворцов и вилл, крупные размеры приданого — все это составляло повседневный быт сближавшегося с дворянством и все больше отделявшегося от остального общества патрициата. В 1593 г. миланская коллегия юристов постановила, что статус патриция несовместим с занятиями торговлей и ремеслом. Подобное же «закрытие» знати происходило и в Генуе. Однако здесь знатым лицам было дозволено заниматься шелководием и сукноделием, оптовой торговлей, финансовыми операциями. Во Флоренции подобных ограничений вовсе не было. Местная элита никогда не превращалась в типичную земельную аристократию с сознанием сословной исключительности.

Многочисленную группу городского населения составляли менее богатые торговцы и банкиры, ростовщики и предприниматели, зажиточные самостоятельные ремесленники, лица свободных профессий. Они отличались от патрициев меньшими богатствами, более скромным образом жизни, отсутствием титулов и индивидуальных привилегий, хотя и они нередко были землевладельцами и могли подняться вверх по социальной лестнице. В XVI в. эта среда постоянно пополнялась за счет выходцев из деревни и из низших слоев населения. В XVII в. в условиях экономического спада дальнейший рост этой прослойки замедлился, а местами приостановился.

Нищую ступень в обществе занимали плебеи: лица, трудившиеся в промышленности, слуги и поденщики, ученики и подмастерья — все, кто производил материальные ценности и подвергался эксплуатации; к ним примыкали мелкие самостоятельные ремесленники и лавочники; характерное явление этого времени — масса нищих и бродяг. Во второй половине XVI в. удельный вес работников, занятых в промышленности, был значительным: в 50-х годах в шелковой промышленности Генуи было занято около 38 тыс. человек, в конце века в шелководии Болоньи — почти 20 тыс. человек; в 1604 г. работавшие в сукнодельческой промышленности вместе с семьями составляли около 28% населения Флоренции. Немалая часть из них была наемными рабочими. Они владели полуголодное существование. В условиях «революции цен» реальная заработная плата уменьшалась, ее не хватало на содержание семьи квалифицированным рабочим, а заработка рядовых наемных рабочих — даже для пропитания самого работника. Рабочим платили плохо и нерегулярно. В неурожайные годы (почти каждый третий год) цены резко возрастали и условия жизни становились ужасающими. К этому добавлялась и безработица. В голодный 1555 г. в небольшом местечке Сан-Миниато близ Флоренции из 1300 жителей 400 человек получали ежедневно хлеб в виде милостыни.

В XVII в. удельный вес трудящегося элемента в среде плебеев сокращался, а число нищих и бродяг увеличивалось.

Для итальянской деревни характерны неустойчивость социальных граней в условиях роста имущественной дифференциации и обезземеления мелких собственников и держателей. Арендаторы парцелл, обычно, совмещали сельскохозяйственные занятия с ремесленными, с сезонным наемным трудом. Появление в Ломбардии крупных арендаторов предпринимательского типа и увеличение значения наемной рабочей силы имели еще ограниченные размеры. Существенных изменений в социальной структуре сельского населения в Италии не произошло. Основная масса крестьян, подвергавшаяся тяжелой эксплуатации и со стороны землевладельцев, и со стороны государственной власти путем усиливавшегося налогового гнета, влачила полунищенское существование. Обездоленные массы людей, нищие, бродяги, заполняли дороги Италии.

Растет поляризация общества, постепенно нивелируются местные различия, исчезает динамичность, столь характерная для предыдущих веков. Общественная структура, подобно экономике, переживала в XVII в. стагнацию.

Отличия между югом Италии и северной ее частью были существенными, хотя экономическое и социальное развитие Неаполитанского королевства и Сицилии (владений испанской короны) на протяжении XVI — середины XVII в. имело ряд общих черт с Северной Италией. Юг был преимущественно аграрным, с относительно небольшим числом городов, низким уровнем развития. Товарно-денежные отношения меньше деформировали устой феодального строя, экономические позиции феодалов не были поколеблены, а буржуазный элемент был крайне слаб. Ведущую роль в торгово-финансовой сфере играли купцы и банкиры из Северной Италии. Как и на севере, XVI в. характеризуется здесь заметным ростом населения, особенно в городах: к началу XVII в. население Палермо и Мессины достигло 100 тыс., Неаполя — 267 973 человека.

В течение XVI в. успешно развивалась текстильная промышленность Неаполя: почти в пять раз увеличилось число шелковщиков, выросло число мастеров в цехе шерстяников (Лана), появилась рассеянная мануфактура. Производство шелковой пряжи и шелковых тканей развивалось в Сицилии и в других областях юга. В Калабрии за 1540—1580 гг. производство шелка удвоилось. Значительными торговыми центрами стали Неаполь, Палермо, Мессина. С юга вывозились зерно, скот, кожи, шелковая пряжа и ткани, оливковое масло, вино, шафран, а импортировались промышленные изделия. Интенсифицировались торговые и финансовые связи между югом и севером Италии, особенно контакты с Генуей, Флоренцией, Миланом, а также с Испанией. В деревне продолжали господствовать феодальные отношения, возросли размеры феодальной ренты. В некоторых зонах Апулии в начале века натуральные платежи составляли $\frac{1}{3}$ урожая, в конце его — $\frac{1}{2}$. Наряду с этим хозяйство интенсифицировалось: развивалось скотоводство, виноградарство, садоводство, производство сахара и хлопка, расширялся внутренний рынок.

Южная Италия оставалась крупным экспортером сельскохозяйственной продукции: пшеницы, оливкового масла, вина, цитрусовых, шелка-сырца, скота, кож, сахара, шафрана, причем не только в пределах Италии, но и в другие страны Средиземноморья и Западной Европы. Между 1550 и 1590 гг. из Сицилии вывозилось в среднем 250 тыс. квинталов пшеницы в год. Производителями зерна были крупные имения, принадлежавшие феодальной знати. На землях, сданных в аренду посреднику, трудились наследственные держатели-колоны, которые могли продавать и сдавать в аренду свои участки и покидать их. Немалая часть имений сдавалась в краткосрочную аренду — *аффикт* — за фиксированный денежный или натуральный чинш.

Повсеместно во всех сельскохозяйственных работах принимали участие постоянные и сезонные наемные рабочие. Для арендаторов мелкой парцеллы, обычно занятой оливковыми деревьями, было неизбежно сочетание труда на своем участке с сезонной работой по найму.

Несмотря на некоторые успехи, хозяйственная жизнь крупных и мелких городов юга не выдерживала сравнения с Северной Италией. Юг все более становился аграрным придатком севера и рынком для промышленных товаров североитальянских городов. Купцы и банкиры Генуи и Флоренции проникали в самые отдаленные уголки юга. Они предоставляли займы правительству и отдельным феодалам, в их руки попадали откупа налогов. Они пользовались на льготных условиях правом вывоза зерна, сахара, шелка, брали в аренду земли и доходы с рынков. Капиталы генуэзцев и флорентийцев, их опыт, активная деятельность стимулировали сельскохозяйственное производство, поощряли рост товарно-денежных отношений. Но в большей мере они способствовали однобокому развитию экономики, утечке капиталов за границу, укрепляли феодальные устои общества и государства.

Одним из решающих обстоятельств, влияющих на экономику юга, была финансовая политика испанского правительства. Росли виды, число и объем налогов: прямой налог — донативо, косвенные налоги на помол, торговлю вином, вывоз зерна, шелка, масла, шафрана, вина и др. Широко практиковалась передача налогов на откуп, непрестанно возрастал государственный долг. Власти продавали должности, титулы и феоды.

При Карле V и Филиппе II феодальная знать подвергалась существенным ограничениям, ослаблявшим ее политическую независимость. В то же время власти сохранили фискальные и юридические привилегии феодалов. Все это способствовало консервации традиционной феодальной структуры. Ряды знати пополнялись за счет высшего чиновничества, финансистов, откупщиков. Среди новых феодалов, купивших сотни мелких поселений в качестве феодов, особенно многочисленными были генуэзские и флорентийские купцы и банкиры. Господствующий класс в лице новых феодалов все теснее втягивался в торговые операции, спекуляции зерном, оливками, шелком.

Обострение политических противоречий между властями и феодальной знатью не привело к разрыву между ними: многие феодалы служили в испанской армии за пределами родины, занимали высокие должности в государственном аппарате и при дворе вице-короля в Неаполе. Кампанелла считал, что трудятся не более 15—20% жителей Неаполя. Город кишел людьми, занятыми непроизводительным трудом, обслуживавшими роскошный образ жизни феодальной и городской знати. Огромное число нищих и бродяг постоянно заполняло улицы и площади, рассчитывая на милостыню или случайную работу. В среде плебейства юга предпролетарский элемент отсутствовал.

В XVII в. наступил конец экономического благополучия юга: уже в середине столетия ощущалась депрессия хозяйственной жизни, свертывалась местная промышленность, рос дефицит торгового баланса, утратила самостоятельное значение деятельность разорявшихся купцов и ремесленников. Флорентийцы и генуэзцы стремились компенсировать свои неудачи в других местах за счет эксплуатации юга. Поляризация населения увеличивалась, достигнув здесь гораздо более выраженных форм, чем на севере.

Итак, экономическая жизнь Италии XVI — середины XVII в. характеризовалась большой неравномерностью развития в разных ее регионах. Трудности первой половины XVI в. сменились подъемом во второй половине. В XVII в. следует отметить ослабление буржуазных элементов общества и их частичное одворянивание, а также усиление феодального дворянства. Новое дворянство, как особая социальная группировка, не

сложилось. В XVII в. процесс стагнации распространился и на экономику, и на социальный строй.

Тем не менее возвращения к классическим формам феодальной экономики ни в городе, ни в деревне не произошло. Ранее достигнутые рубежи были сохранены, в отдельных отраслях наблюдался прогресс.

Глава 8

СТРАНЫ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

1. ИСПАНИЯ

К концу XV в. Испания не относилась к числу наиболее развитых в социально-экономическом отношении стран Европы. В третьей четверти XV в. она пережила длительный период политической нестабильности, отрицательно сказавшийся и на экономике. Но последующий век ознаменовался экономическим подъемом; одним из его показателей был непрерывный рост населения, превысившего в конце XVI в. 8 млн человек. Тем не менее по плотности населения Испания по-прежнему существенно уступала большинству стран Западной Европы. 84% населения страны проживало в Кастильском королевстве, около 15% — в Арагоне, Каталонии, Валенсии и Наварре; наиболее населенными были северные и центральные районы Кастилии, а также Валенсия.

Одной из важнейших черт в развитии испанской экономики этого периода были глубокие различия между Кастилией и другими областями страны, а также внутри самого Кастильского королевства. На севере преобладало мелкое крестьянское хозяйство на основе держания на феодальном праве или издольной аренды. На юге были распространены крупные хозяйства — латифундии, нередко с применением наемного труда.

Неодинаковым в разных районах Испании было и соотношение трех основных форм землевладения — светского, церковного и королевского домена. Позиции церковного землевладения были особенно сильны на севере страны. В Эстремадуре, Новой Кастилии и Андалусии обширные территории принадлежали трем крупнейшим военным орденам — Сантьяго, Калатрава и Алькантара, — магистром которых с конца XV в. являлся король. В Арагоне сохранялись значительные владения госпитальеров. В большинстве районов страны, особенно на юге, преобладало светское землевладение, значение которого в XVI — первой половине XVII в. еще более возросло в результате массовых продаж земель королевского домена, церкви и военных орденов горожанам, знати и чиновникам.

Уровень развития агротехники на большей части территории страны отставал от ведущих европейских стран; несколько выше, чем в Кастилии, он был в Андалусии, Валенсии и Каталонии с их развитой ирригационной системой и преобладанием интенсивных культур. При неглубокой вспашке и недостаточном использовании удобрений урожайность была сравнительно небольшой, земли быстро истощались. Поэтому расширение посевных площадей в первой половине XVI в. нередко было кратковременным. Плодородие почвы восстанавливалось естественным путем. Резервом пахотных земель служили общинные владения, но права общин были плохо обеспечены, что делало эти земли удобным объектом воцелений дворянства, горожан и королевской власти. С конца XVI в. короне удалось присвоить себе право собственности на них и распоряжаться ими по своему усмотрению. Отчуждение общинных угодий приводило не только к сокращению крестьянского скотоводства, но и к сужению возможного пахотного ареала, к замыканию земледелия в узких территориальных границах и в конечном счете к его упадку.

Резкое увеличение спроса на продукты сельского хозяйства с конца XV в. способствовало росту товарности земледелия. Углубилась товарная специализация отдельных районов. На севере выращивались главным образом лен, конопли и овощи; отсюда вывозились в другие районы Испании рыба и древесина. В центральных районах Кастилии и в Арагоне преобладало производство зерна. Основными центрами виноделия были области по среднему течению Дуэро, а также Риоха и Андалусия. Новая Кастилия и Андалусия являлись важнейшими центрами производства оливок.

Одновременно с ростом специализации сельскохозяйственного производства происходит процесс интенсификации земледелия, распространяется оседлое скотоводство вокруг крупных городов, особенно в Новой Кастилии. Вокруг городов в первую очередь начинают обрабатываться прежде пустовавшие земли; зерновые все более уступают место винограду, оливкам и овощам.

Быстрый рост цен на предметы первой необходимости, первоначально обусловленный существенным повышением спроса городов, получил начиная со второй четверти XVI в. новый мощный импульс в результате притока драгоценных металлов из колоний. «Революция цен» проявилась в Испании резче, чем в любой другой европейской стране. В 1511—1549 гг. цены на вино выросли в семь с половиной раз, цены на оливки — в три раза; за протяжении XVI в. цены на предметы первой необходимости выросли примерно вчетверо. Для испанского крестьянства открылась возможность использовать образовавшийся разрыв между фиксированной денежной рентой и реальной стоимостью произведенного прибавочного продукта. В различных отраслях земледелия конъюнктура не была одинаково благоприятной: наибольшую выгоду извлекали винодельческие хозяйства. В то же время введение королевской властью с 1503 г. максимальных цен (такс) на зерно, выгодное потребителям, ударило по интересам крестьян. В XVI в. королевская власть несколько раз повышала таксы, однако цены на зерно росли намного медленнее, чем на другие продовольственные товары. Крестьяне сокращали посевы зерновых, заменяя их виноградниками или оливами. Страна все более стала зависеть от привозного хлеба.

В положении испанского крестьянства имелись значительные различия в зависимости от сословного статуса владельца (в светских сеньориях оно было, как правило, более тяжелым) и региона, а также вследствие углублявшегося имущественного расслоения. Самые тяжелые формы феодальной зависимости крестьянства сохранились в Валенсии и особенно в Арагоне, где сеньоры были властны даже над жизнью и смертью крестьян. Наиболее угнетенной частью сельского населения были многочисленные в этих областях мориски. В Каталонии личная зависимость и шесть «дурных обычаев» были отменены Гуадалупской сентенцией 1486 г., после длительной крестьянской войны. Однако в сумме платежи крестьян остались очень обременительными. Росла социальная напряженность.

В Кастилии в положении крестьянства имелись значительные различия между севером, где менее проявилась имущественная дифференциация и выше был удельный вес мелких собственников, и центральными и южными районами, где резко обозначились два полюса: немногочисленная верхушка крестьянства и мелкие арендаторы и поденщики, составлявшие местами значительно более половины сельского населения. В целом лично свободное кастильское крестьянство отличалось высоким уровнем самосознания, активно отстаивая свои права в многочисленных и нередко успешных тяжбах с сеньорами и покидая земли наиболее несправедливых сеньоров.

Важные изменения происходят в экономическом положении дворянства. Резкое сокращение реальной стоимости фиксированных денежных

рент — одно из важнейших последствий «революции цен» — нанесло сильный удар по интересам земельных собственников и вызвало с их стороны активные ответные меры. Чтобы обеспечить увеличение или хотя бы сохранение своих реальных доходов, дворянство нередко стремилось изменить традиционные условия аренды, заменив долгосрочную аренду краткосрочной, завладеть землями крестьянских общин, расширить свои владения за счет городских округ и покупки церковных, орденских и домениальных земель, возродить давно забытые феодальные платежи. Различные формы сеньориальной реакции, периодически проявляясь в течение всего XVI в., достигли апогея к середине XVII в. Не удовлетворяясь властью в светских сеньориях, дворяне стремились получить доступ к доходам от церковных земель, что им нередко удавалось. Так, в северных районах страны многие монастырские земли держали на условиях долгосрочной аренды мелкие дворяне-идальго, сдававшие их в субаренду крестьянам. Тем не менее финансовое положение значительной части дворянства, в том числе и аристократии, все ухудшалось. Задолженность даже самых богатых и могущественных грандов стала к концу XVI в. едва ли не катастрофической.

В условиях неблагоприятной для дворянства экономической конъюнктуры важную роль в сохранении его позиций сыграли усилия королевской власти, обеспечивавшие ему сравнительно выгодные условия кредита; дворянские состояния сохранялись искусственно, благодаря активно поддерживаемой королевской властью системе майоратов, получившей с начала XVI в. широкое распространение. Жесткие правила майората, не оставлявшие его владельцу возможности продавать или закладывать входившее в состав майората имущество, способствовали сохранению экономически малоэффективных способов ведения хозяйства, тормозили процесс его обновления, резко сужали земельный рынок. Майорат мог быть пожалован не только дворянину; хотя характерен он был прежде всего для дворянства, этой привилегии стремились добиться также приобретающие земли купцы, финансисты и предприниматели, что вело к существенному отливу капиталов из сферы ремесла и торговли.

Важным следствием системы майоратов была необеспеченность массы средних и младших сыновей дворян, толкавшая их на поиски новых источников доходов внутри страны и за ее пределами. Несмотря на распространенные в это время в Испании представления о несовместимости идальгии с занятиями торговлей (кроме крупной оптовой) или промышленным предпринимательством, наметилась тенденция к втягиванию дворянства в такого рода деятельность, однако она не получила развития и проявилась по преимуществу в тех местах, где экономическая конъюнктура была наиболее благоприятной (в Сеговии, Севилье).

Более или менее успешно с трудностями справлялись лишь титулованная верхушка дворянства, включавшая к концу XVI в. около ста семей и сильно разросшаяся в XVII в., и его средние слои — кабальеро. Основная же масса дворянства уже к началу XVI в. была бедна. Трудности этого столетия поставили значительную часть простых идальго на грань разорения. Глубоким различиям в экономическом положении верхушки дворянства и его основной массы соответствовал и заметный социальный разрыв, сказавшийся в уязвимости сословного статуса обедневших идальго. Не имевшие возможности поддерживать дворянский образ жизни, простые идальго перестают восприниматься современниками как представители господствующего сословия, и многие в конечном счете теряют свои идальгии. Важную роль в этом процессе сыграла активная деятельность муниципалитетов, включавших часть дворян в число налогоплательщиков и тем самым оспаривавших их принадлежность к дворянскому сословию, так как дворяне были освобождены от уплаты большей части налогов. В этом же направлении действовала и королевская власть, требовавшая

более строгих доказательств идалгии. Вместе с тем идалго, потерявшие состояния и дворянские титулы, далеко не всегда могли расстаться с сословными предрассудками, с презрением относясь к любому физическому труду. Нищий и праздный идалго, предпочитавший жить впроголодь, но не унижать себя трудом, становится знаменем времени. Подобные умонастроения, получившие широкое распространение, стали одним из факторов экономического упадка страны.

Не менее важной была и обратная тенденция — пополнение дворянства разбогатевшими выходцами из податного сословия. Путей аноблирования было несколько: королевское пожалование за военную или государственную службу, продажа королевских грамот на дворянские титулы (размах которой никогда не был особенно велик), прямая узурпация идалгии в расчете на свое богатство и влияние на локальном уровне.

Представители податного сословия, пополнив ряды дворянства, как правило, отказывались от прежних занятий торговлей или ремеслом, вкладывали деньги в приобретение земель, добивались пожалований майоратов, перенимали дворянский стиль жизни. Несмотря на определенное противостояние старинного дворянства и аноблировавшихся представителей податного сословия — это выражалось в том, что в общественном мнении родовитость противопоставлялась благородству, достигнутому личной доблестью и заслугами, — в Испании не сложился особый самостоятельный слой нового дворянства, подобного английскому или французскому.

Влияние дворянства отчетливо проявилось и в деятельности Месты — привилегированной организации кастильских овцеводов. Ее важность в экономическом развитии страны была обусловлена особым значением для Кастилии отгонного скотоводства, что объяснялось и географическими условиями (частые засухи делали внутренние районы страны не вполне благоприятными для земледелия), и арабским влиянием, и непрекращавшимися военными действиями во времена Реконкисты, когда скотоводство было гораздо безопаснее земледелия.

Основанная в XIII в. Места насчитывала в конце XV в. около 3000 членов. В социальном отношении она была неоднородной, но ведущую роль в этой феодально-иерархизированной организации играли крупные собственники-дворяне. Отары некоторых из них состояли в XVI—XVII вв. из нескольких десятков тысяч голов. В период расцвета стада Месты насчитывали около 2,5 млн голов. Каждую осень стада Месты следовали по трем основным путям — каньядам — через всю Кастилию на южные пастбища, а весной возвращались обратно.

Места была основным поставщиком экспортной шерсти, которая через Бургос и Бильбао вывозилась во Францию и Нидерланды, а через Малагу и Картахену — в Италию. Королевская власть, получавшая от вывозных пошлин на шерсть большие доходы, предоставила Месте важные привилегии: арендованные Местой пастбища закреплялись за ней навечно за ту же плату; Места была освобождена от уплаты многих пошлин; в тех случаях, когда стада Месты незаконно паслись на чьем-либо пастбище, а его владелец в течение года не заявлял протеста, пастбище безвозмездно переходило к Месте. Каньяды были относительно узкими, но их запрещалось огораживать, поэтому ущерб окрестным полям и виноградникам был довольно велик. Все возникавшие конфликты с местными жителями решали разъездные судьи той же Месты, которых вместе с их многочисленной свитой население должно было еще и содержать. Пользуясь поддержкой королевской власти, Места безнаказанно выходила за рамки и этих привилегий.

Ущерб, наносимый Местой развитию земледелия и крестьянского животноводства, несомненен, однако его не стоит переоценивать: многие районы Кастилии лежали в стороне от путей следования стад Месты. Аналогич-

ные организации, но несравненно меньшего масштаба имелись и в странах Арагонской короны.

Усиливавшееся расслоение крестьянства, проникновение в деревню городского ростовщического капитала, наступление дворянства, лишавшего крестьянские общины пастбищ и стремившегося увеличить объем крестьянских повинностей, притеснения со стороны Месты, рост налогов, политика таксирования цен на зерно, повлекшая за собой сокращение зерновых посевов, — совокупность всех этих факторов, эпидемии и неурожай конца XVI в. вызвали рост задолженности крестьянства, его разорение и продажу земли, сокращение поголовья крестьянского скота. Происходит не только расслоение крестьянства, но и его общее обеднение: богатая верхушка крестьянства и его средние слои были, как правило, немногочисленными. Крестьянину часто было выгоднее наниматься на поденные работы, чем иметь собственное хозяйство. Отсутствие хозяйства освобождало от налогов, а заработная плата наемных сельскохозяйственных рабочих в это время была относительно велика по сравнению с доходностью мелкого крестьянского хозяйства.

Разоренные крестьяне массами уходили из деревни в город, пополняли ряды уезжающих в колонии, солдат, монахов или просто бродяг. В одной из петиций в 1604 г. кортесы указывали: «Кастилия так обезлюдела, что часто можно встретить деревни, где число домов сократилось со 100 до 10, а в других местах не осталось ни одного дома». Огромная армия бродяг и нищих лишь в очень небольшой степени поглощалась городским производством. Эти явления привели к созданию в стране того особого социально-психологического климата, который нередко заставлял современников-иностранцев считать, что испанцы вообще не склонны к экономической деятельности. По наблюдению одного из венецианских послов, «экономика — слово из языка, неизвестного испанцам; беспорядок становится вопросом престижа и чести».

Важные изменения переживают в XVI — первой половине XVII в. испанские города. В конце XVI в. крупнейшими из них были Севилья (до 100 тыс. жителей), Толедо (около 55 тыс.), Вальядолид, Мадрид, где со второй половины XVI в. постоянно пребывал королевский двор, Гранада, Валенсия, Барселона и Сарагоса. За ними следовало около 40 городов с населением в 10—30 тыс., в том числе почти все центры провинций. Более половины этих городов были расположены в Андалусии. В Новой Кастилии велика была роль городов с населением в 5—10 тыс. жителей. В северных районах и в Старой Кастилии больших и средних городов было сравнительно немного.

В XVI в. население многих кастильских городов быстро увеличивается: Севилья, Толедо, Саламанки, Бургоса, Авила и многих других — в полтора-два раза, а Мадрида — с 4 до 37 тыс. жителей. В центральных и южных районах Кастилии рост городского населения был повсеместным, в северных картина была более сложной. Хотя население многих городов возрастает, все же преобладает тенденция к его снижению: в Вальядолиде, Медине-дель-Кампо, почти всех крупных городах Галисии. Часть населения переселилась отсюда на юг, что явилось следствием продолжавшегося смещения на юг центра экономической деятельности в результате подъема колониальной торговли; другая часть эмигрировала в колонии.

Города Кастилии издавна являлись крупными центрами ремесла. Важнейшими его отраслями были сукноделие, производство шелка, особенно в Толедо, обработка металлов, выделка кож. К началу XVI в. в организации ремесла, и прежде всего сукноделия, между городами Старой и Новой Кастилии имелись существенные различия. В центральных и южных районах ремесло концентрировалось в больших городах (Толедо, Куэнка) со сложившейся цеховой системой и преобладанием высокока-

чественной продукции. В Старой Кастилии, где вплоть до XVI в. цехи не получили развития, с начала XVI в. происходят большие изменения, наиболее ярко проявившиеся в сукноделии Сеговии. По инициативе и при поддержке королевской власти здесь вводятся цеховые уставы, резко увеличивается количество и улучшается качество тканей, заметно усиливается концентрация производства в городе и в масштабе отдельных мастерских. На наиболее крупных предприятиях под одной крышей работали от 100 до 300 человек. В 1579—1584 гг. в Сеговии ежегодно производилось 16 197 кусков ткани. Королевская власть даровала владельцам мастерских важные экономические и социальные привилегии. В период расцвета доходов от сукноделия в Сеговии были столь велики, что оно стало притягательным даже для дворян, которые прежде традиционно его избегали.

Наличие большого количества свободных рабочих рук, дешевого сырья, громадного американского рынка, создавало, казалось бы, благоприятные условия для развития капиталистической мануфактуры. Цехи не могли удовлетворить нужды Испании и колоний в продукции ремесла. Цеховые ограничения очень скоро стали тормозом для развития производства и постоянно нарушались. В крупнейших центрах ремесла, особенно сукноделия, по-видимому, появились первые ростки рассеянной, а иногда и централизованной мануфактуры. Но развитию производства сукна в стране противоречила заинтересованность могущественных скотоводов Месты в расширении экспорта шерсти. Королевская власть под давлением кортесов не раз принимала постановления об ограничении вывоза шерсти, но не заботилась об их соблюдении. Чтобы удешевить сукна, был запрещен их вывоз в другие страны и в то же время открыт широкий доступ в Испанию сукнам иностранного производства. В результате уже с середины XVI в. выработка шерстяных тканей в кастильских городах, за исключением Сеговии и Толедо, постепенно сокращается. В Сеговии вследствие ее привилегированного положения спад производства сукна наметился в самом конце XVI в. и продолжался в XVII в.

На севере страны велика была роль металлургии и кораблестроения: отставание Испании от ведущих стран Европы в этих отраслях проявилось не ранее конца XVI в. Северные порты — Бильбао, Сан-Себастьян, Ла-Корунья — являлись крупными центрами торговли, прежде всего шерстью, с Англией, Францией и Нидерландами. Однако смещение центра экономической деятельности на юг и сокращение северной торговли вследствие отпадения Нидерландов и ухудшения отношений с Англией подорвали развитие ремесла и торговли в этом районе.

В Андалусии и Мурсии наиболее важной отраслью ремесла было производство шелковых тканей, достигшее в XVI в. высокого уровня. В целом же ремесло было развито здесь гораздо меньше, чем земледелие и торговля. Крупнейший город региона — Севилья — был по преимуществу торговым центром, и его ремесла обслуживали прежде всего нужды колониальной торговли.

Подъем городов и колониальной торговли активизировал товарообмен между городом и деревней, привел к углублению специализации различных районов и укреплению общекастильских торговых связей. Большую роль в их развитии играли провинциальные и общекастильские ярмарки, особенно крупнейшая из них — международная ярмарка в Медине-дель-Кампо. Однако складывание национального рынка в Испании шло очень медленно. Развитию внутренней торговли во многом препятствовали природные особенности полуострова: почти все крупные реки Испании — Дуэро, Тахо, Гвадиана, Гвадалквивир — текут с востока на запад; так же расположены и основные горные цепи. Различные области Испании освобождались от власти арабов в разное время и в различных условиях, чрезвычайная пестрота местных обычаев также препятствовала созданию прочных внутренних связей. Экономические интересы северных областей

Кастилии ориентировали их прежде всего на торговлю с Англией, Францией и Нидерландами. Арагон, Каталония и Валенсия находились в орбите средиземноморских связей. Экономическое развитие основной части Кастилии с начала XVI в. было тесно связано с процессами колонизации Америки и колониальной торговлей.

Развитию внутренней торговли препятствовала неуравновешенная, подчас губительная для экономики страны фискальная и таможенная политика королевской власти. Все же на локальном уровне значение торговли было очень велико. Дворянство и в этой сфере не упускало своих возможностей, обычно контролируя торговлю сельскохозяйственной продукцией на местных рынках.

Общая экономическая отсталость страны, особенно ремесла, привела к усилению ее зависимости от иностранных купцов и финансистов, прежде всего немецких, итальянских и французских. Этому способствовало включение Испании в многонациональную империю Габсбургов, а также постепенное ослабление по религиозно-политическим мотивам позиций морисков и марранов, роль которых в экономике, и особенно в торговле, была до этого очень велика.

Длительное и сильное воздействие на Испанию освоения владений в Новом Свете и колониальной торговли едва ли поддается однозначной оценке. Почти с самого начала королевская власть поставила колониальную торговлю под свой жесткий контроль. В 1503 г. в Севилье была создана Торговая палата, где регистрировались все товары и уплачивались пошлины. Севилья, бывшая до этого экономическим центром Андалусии и важным центром средиземноморской торговли, получила тем самым монополию на торговлю с Новым Светом, что способствовало ее бурному росту. С 1530 по 1600 г. население города удвоилось. Севилья быстро стала одним из крупнейших портов Европы. Общий тоннаж судов, отплывавших отсюда в колонии, достиг в 1606—1610 гг. 127 200 т. В период расцвета города отсюда в колонии ежегодно отправлялось более ста кораблей. Усовершенствовались методы финансирования: широко распространились кредит и система векселей. Благоприятная экономическая конъюнктура способствовала развитию купеческого капитала. Прибыли от колониальной торговли были намного выше, чем от внутренней, и привлекали сюда многих дворян, включая и титулованных. В свою очередь, севильские купцы активно скупали земли в окрестностях города; им принадлежали значительные массивы виноградников. Большое распространение получила и контрабандная торговля.

Кроме севильских купцов, в колониальной торговле активно участвовали купцы Бургоса, Толедо, Сеговии и других городов. Но купечество северных районов, до начала XVI в. наиболее развитых, вследствие многочисленных пошлин и больших транспортных расходов при доставке товаров в Севилью фактически не имело возможности на равных участвовать в колониальной торговле, что ускорило упадок северных районов и отрицательно сказалось на самой этой торговле. Слабыми оказались и связи с Новым Светом Арагона, Каталонии и Валенсии. Таким образом, колониальная торговля при всем ее размахе не связывала все регионы Испании в единое целое, хотя экономическая жизнь Кастилии, особенно Андалусии, во многом и все более зависела от отправки и своевременного возвращения флота из колоний.

Хотя в первой половине XVI в. производство товаров, составлявших основу экспорта в колонии (вина и оливок, сукна и шелка), резко возрастает, потребности громадной колониальной империи были столь велики, что недостаточно экономически развитая метрополия не могла удовлетворить их своими силами. Уже к середине XVI в. проблема обеспечения колоний необходимыми товарами стала чрезвычайно острой. Стремясь решить ее и попутно получить займы от иностранных банкиров и купцов,

Севилья в XVI в. Фрагмент гравюры.

королевская власть открыла иностранным товарам широкий доступ в колонии. В результате дорогостоящие испанские товары не выдерживали конкуренции, что способствовало упадку собственной промышленности. Испанское купечество все более становилось лишь посредником в колониальной торговле. Страна все больше зависела от иностранных купцов и товаров; даже бурный расцвет Севильи во многом был лишь функцией от этой зависимости. Уже в середине XVI в. кортесы, пожалуй, излишне резко, но не без оснований констатировали: «Испания стала Индиями для иностранцев».

Экономика Испании в это время не была единым целым, различные регионы развивались в своих собственных ритмах и в разное время испытывали периоды подъема и спада. Хронология упадка Арагона и Каталонии не вполне совпадает с кастильской, а в самой Кастилии северные районы пришли в упадок намного раньше южных. Об упадке Севильи и колониальной торговли можно говорить лишь со второго десятилетия XVII в., а уже в середине века в некоторых отраслях экономики начинается период нового, хотя и замедленного подъема.

Важнейшее влияние на экономическое развитие Испании оказали внешнеполитические факторы. В первой половине XVI в. Испания, объединенная со Священной Римской империей в составе владений Карла V, втянулась в борьбу за европейскую гегемонию, которую и продолжала вести в течение всего последующего столетия. Страна должна была оплачивать активную и дорогостоящую внешнюю политику испанских Габсбургов. Это привело к большим людским потерям и невиданному росту налогов, особенно с последней четверти XVI в. Противоречие между экономическими и демографическими возможностями Испании и ее политическими амбициями все более углублялось, пока не привело в середине XVII в. к жестокому кризису.

Несмотря на хозяйственный подъем первой половины XVI в., испанская экономика оказалась слабо развитой по сравнению с ведущими европейскими странами. Страна очень зависела от внешних рынков. Даже в период подъема Испания едва покрывала свои потребности в продуктах земледелия. Вплоть до открытия серебряных рудников в Потоси едва ли не единственным богатством страны являлась шерсть. Торговля шерстью пережила бурный подъем в начале XVI в., но господствующее положение в ней занимали опять-таки купцы не Испании, а Нидерландов и Франции, куда она вывозилась. В XVII в. зависимость Испании от внешних рынков еще более возросла. С ухудшением конъюнктуры все очевиднее становилась изначальная слабость испанской экономики, ее неспособность обслуживать нужды империи в колониях и в Европе.

В XVI — первой половине XVII в. Испания не смогла вступить на путь капиталистического развития. Однако ни экономический упадок, ни сеньориальная реакция не означали и полного возврата к уже пройденному. Феодальные отношения в это время не остаются неизменными. Необратимо слабеют позиции общинного землевладения, усиливается расслоение крестьянства, возрастает вмешательство королевской власти в экономическое развитие страны.

Середина XVII в. не была принципиально важной вехой в социально-экономическом развитии страны. Медленная эволюция социально-экономических структур в XVI — первой половине XVII в. составила лишь первые этапы единого, в основных своих чертах, периода XVI—XVIII вв., часто называемого в Испании, как и во Франции, эпохой Старого порядка и подготовившего здесь последующий переход к капитализму.

2. ПОРТУГАЛИЯ

Социально-экономическое развитие Португалии в конце XV — первой половине XVII в. во многом сходно с испанским. Хотя Португалия как бы вся обращена к морю и относительно невелика по площади, однако региональные различия и здесь были весьма значительными: не только между севером и югом, но также между втянутым в активные торговые связи побережьем и внутренними районами, в большей мере сохранившими черты натурального хозяйства.

К концу первой трети XVI в. население страны достигло 1,4—1,5 млн жителей. Затем оно перестает расти и некоторое время находится на грани сокращения, однако с конца XVI в. вновь увеличивается и к середине XVII в. составляет 2 млн жителей.

Миграционные процессы, происходившие в это время в Португалии, в целом аналогичны испанским: это отток населения в колонии, эмиграция морисков и марранов, переселение жителей деревень в города, а горцев — на равнины, перемещение населения с севера на юг. Несмотря на это, плотность населения в северных районах оставалась намного больше, чем на юге.

Роль колоний в португальской истории была еще более существенной, чем в испанской. Португальская морская экспансия опережала испанскую: в начале XVI в. страна обладала уже обширными владениями в Бразилии, в Юго-Восточной Азии и по африканскому побережью. Первая половина XVI в. была золотым веком португальской колониальной империи. Наибольшие доходы приносили порто, работорговля и в особенности азиатские пряности. В это время страна ежегодно ввозила из колоний примерно 40—50 тыс. кинталов (2—2,5 тыс. т) пряностей. Цены на перец, и прежде очень высокие, в 1504—1560 гг. удвоились. Однако с середины XVI в. оживляется левантская торговля, и уже в 60-х годах примерно половина пряностей поступает в Европу этими путями, а ввоз их в Португалию сокращается.

Уже в XVI в. усилия Португалии в Азии состояли не столько в новых завоеваниях, сколько в сохранении ранее приобретенного. С конца века колониальная империя переживает существенные изменения и постепенно приходит в упадок. В XVII в. позиции Португалии в бассейне Индийского океана были сильно поколеблены голландцами. К этому времени, однако, уже наметился экономический подъем Бразилии, к которой переходит роль ведущей португальской колонии. Отсюда в метрополию вывозились сахар, табак, ценные породы леса. Расцвет бразильских сахарных плантаций был непосредственно связан с ввозом рабов из Африки: во второй половине XVI в. их привозили по несколько тысяч в год.

Королевская власть сразу же установила жесткий контроль над поступлениями из колоний. В 1501 г. в Лиссабоне была создана Палата по делам Индий, где все колониальные товары регистрировались и облагались пошлинами. Корона обладала монополией на торговлю пряностями и правом на 30-процентный сбор с остальных колониальных товаров, что приносило ей баснословные доходы, достигавшие порой 700—1000% от вложенного капитала. Но эти доходы попадали главным образом в руки короля и аристократии и тратились на nepроизводительные нужды.

Содержание громадной империи в условиях все возрастающей конкуренции требовало от бедной людьми и ресурсами Португалии предельного напряжения всех сил. В XVI в. в колонии ежегодно уезжало около 2400 португальцев, в то время как из Кастилии, где население было в пять раз больше, — около 1500 человек. Учитывая высокую смертность в условиях тропического климата и предельную растянутость коммуникаций, для серьезной колонизации этих сил не хватало. Поэтому владычество Португалии основывалось на военно-морском господстве лишь над важнейшими пунктами и торговыми путями и на максимальном использовании местных противоречий. Португальские владения в это время расположены на побережье. Административный контроль над колониями был относительно слабым, что открывало широкие возможности для коррупции.

Воздействие колониальной экспансии и торговли на социально-экономическое развитие Португалии было весьма сильным. В связи с увеличением потребностей городов и ввозом золота из колоний быстро росли цены. Нужды колоний стимулировали рост производства и торговли в метрополии. В конце XV — первой половине XVI в. переживало подъем земледелие. Получили распространение новые культуры, особенно маис, возросло производство вина и оливкового масла. Производство пшеницы оставалось на том же уровне или даже немного сокращалось, хотя спрос на нее все увеличивался, а соответственно возрастал и импорт.

В португальской экономике этого времени огромную роль играла торговля, особенно внешняя. Португалия стала одним из главных посредников в торговых связях Европы с Азией, Африкой и Америкой. В европейские страны Португалия экспортировала, помимо колониальных товаров, вино, оливковое масло, фрукты и соль. Основу импорта составили пшеница, ткани, металлы, изделия ремесла. Лиссабон — важнейший центр внутренней и средоточие всей колониальной торговли — быстро рос и стал к XVII в. одним из крупнейших городов Европы. Однако на фоне расцвета Лиссабона развитие других городов выглядело достаточно скромно. В первой половине XVI в., когда население Лиссабона достигло 65 тыс. жителей, следующий за ним Порту при всем его значении как экономического центра севера страны насчитывал лишь 15 тыс. С десяток городов имели население от 6 до 14 тыс. человек, остальные были еще меньше.

Ведущая роль королевской власти и дворянства в колониальной экспансии, активное участие в ней иностранцев и части чиновничества предопределили сравнительно скромную, хотя и более значительную, чем в Испании, роль португальского купечества. Не выдерживая конкуренции в заморской торговле, купечество все более вкладывает средства в земель-

ную собственность; не имея доступа к высшим уровням власти, укрепляет свое влияние на локальном уровне.

На фоне бурного развития торговли ремесло в Португалии играло сравнительно скромную роль. Лишь в немногих центрах, как в Лиссабоне, ремесленники пользовались значительным влиянием. Быстро развивались преимущественно отрасли ремесла, связанные с колониальной торговлей. Так, больших успехов достигли кораблестроение и связанные с ним ремесла, финансируемые королевской властью. В некоторых отраслях производства возникли мануфактуры, но большого распространения, как и в Испании, они не получили.

Особенностью социально-экономического развития Португалии, обусловленной ее ролью в международном обмене, был высокий, как нигде в Западной Европе, удельный вес рабского труда. Только в Лиссабоне в XVI в. насчитывалось до 5 тыс. африканских невольников. Рабов использовали преимущественно для домашних работ.

К середине XVI в. экономический подъем в стране сменился стагнацией. Постепенное сокращение поступлений от колоний толкало дворянство на поиски новых источников доходов внутри страны, прежде всего за счет крестьянства; вводились новые и восстанавливались старые феодальные повинности. Этот фактор наряду с неурожаями, эпидемиями и ростом налогов обусловил запустение некоторых районов, жители которых переселяются в города или в колонии, и сокращение производства зерна.

Присоединение Португалии к Испании в 1580 г. оказало разностороннее, но в целом скорее негативное влияние на экономическую эволюцию страны. И до присоединения между Португалией и Кастилией существовали тесные экономические связи, которые теперь укрепились. Испанский король Филипп II (в Португалии — Филипп I) поклялся не вмешиваться в управление страной, в ее законы и обычаи и не вводить кастильского налогообложения. Колониальная империя формально осталась владением Португалии. Однако Испания не могла не вовлечь Португалию в орбиту своих имперских интересов. Португалия, до этого избегавшая европейских конфликтов, вынуждена была участвовать в походе Непобедимой армады, а позднее в Тридцатилетней войне. Столкновения с англичанами в Атлантике и с голландцами в Индийском океане также в значительной мере были результатом присоединения Португалии к Испании. При этом последствия упадка Испании соединились с собственной экономической слабостью Португалии.

Грандиозная колониальная экспансия не способствовала существенным структурным сдвигам в португальском обществе. Напротив, укрепив баснословными доходами экономическое положение аристократии и части мелкого дворянства-фидалгу, она способствовала консервации феодальных отношений в метрополии. Собственно генезис капитализма в Португалии относится уже к более позднему периоду.

Глава 9

АВСТРИЯ, ЧЕХИЯ, ПОЛЬША. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

1. АВСТРИЯ, ЧЕХИЯ, ПОЛЬША

Чехия, по-прежнему владевшая Силезией, и Австрия вместе со Штирией, Каринтией и другими подвластными ей землями принадлежали к числу развитых в хозяйственном отношении областей Центральной Европы. Для Чехии были благоприятны последствия гуситского революционного дви-

жения. Победа чашников утвердила политические позиции городского сословия, прочно занявшего место в сейме. Возросшая сила городов сказалась в том, что предпринимаемые дворянством в послегуситскую пору шаги к закреплению крестьян не дали желанного эффекта. Бремя феодальных повинностей в пользу помещика, церкви, государства стало после гуситских войн легче, хотя это облегчение было недолговечным. На исходе XV в. феодальная аристократия повела наступление на права городов, перетянув на свою сторону рыцарство, которое в годы гуситского движения выступало в союзе с бюргерами. Такая политика правящего класса, отразившаяся и на состоянии деревни, еще не переломила прежней направленности экономического развития. А вскоре население пограничных земель отозвалось на Великую крестьянскую войну в Германии.

В австрийских землях вплоть до 1526 г. размах событий Великой крестьянской войны был особенно широк. Власти жестоко расправлялись с восставшими крестьянами и горожанами, хотя приходилось идти и на уступки, узаконив льготные для деревни условия пользования общинными землями и право выкупать личные поборы (эти нормы действовали до 1632 г.). И после подавления Крестьянской войны сохранились признаваемые местным правом локальные крестьянские объединения, благодаря чему сопротивление деревни помещичьим нововведениям приобретало некоторую легальную опору. Наряду с этим действовали объективные факторы, тормозившие попытки феодальной реакции.

В сельском хозяйстве преобладала поликультура: садоводство, виноградарство, огородничество. На юге Чехии большие доходы приносило разведение рыбы: к концу XVI в. в Чехии, не считая Моравии, число естественных и искусственных прудов, где выращивали рыбу, достигло 78 тыс. Помещики на опыте убеждались, что эти отрасли требуют квалифицированного, заинтересованного труда и что затраты на наем мастеров для ухода за прудом-«рыбником» окупают себя. Хлебопашество, открывавшее большой простор для развертывания барщинного производства, играло определяющую роль на востоке — в Нижней Австрии, Моравии, но и там оно поначалу оставалось в рамках чиншевой системы. Австрийские и чешские феодалы, которые держали собственное хозяйство, в большей мере прибегали к найму, чем к барщине (она чаще практиковалась во владениях церкви). Зачастую же они предпочитали раздавать домениальную землю в срочную аренду крестьянам.

Крестьянский двор сохранил функцию основной хозяйственной ячейки, деревня была достаточно крепко связана с местным рынком, на запросы которого крестьянин реагировал оперативнее помещика. Главными покупателями сельскохозяйственной продукции были города. Постоянный и значительный спрос предъявляла армия, в XVI в. почти непрерывно воевавшая. Внешняя торговля играла весьма значительную роль в экономике, но экспорт продукции сельского хозяйства не был дальним (например, рыбу из Южной Чехии в больших количествах везли в Вену), и в нем активно участвовали мелкие скупщики.

Позитивные явления в аграрном строе сопутствовали более глубоким переменам в промышленной сфере. Они явственно видны в горном деле и металлургии, где ключевые позиции занимала добыча и выплавка серебра. В австрийских и чешских владениях техника горно-плавильного дела была для конца XV — первой половины XVI в. весьма совершенной. Именно сюда рано вторгся купеческий капитал: Фуггеры и их собратья, купцы из верхненемецких городов, не только финансировали предпринимателей, чьи затраты резко росли по мере внедрения технических новинок — сложных водоотливных систем, но и сами приобретали или строили плавильни, тогда как в горном деле были крепки корпоративные начала и рудные разработки велись преимущественно паевыми товариществами.

Добыча денежного металла — серебра — в традиционных центрах чаще всего стояла на месте или постепенно шла на убыль. В Кутной Горе в 1530—1540-х годах выплавка упала до 0,6—0,7 т в год (во второй половине XV — начале XVI в. она составляла ежегодно в среднем 4,5 т).

Зато поднимались новые горные города. Так, Яхимов, по-немецки Иоахимсталль, вырос буквально на глазах с открытием в 1516 г. богатых залежей серебряной руды во владениях графов Шликов на восточном склоне Рудных гор. К подъему Яхимова приложил руку нюрнбергский капитал. Через несколько лет там уже работали тысячи горняков. В 1521—1544 гг. в новом городе выплавляли в среднем по 9 т серебра ежегодно — почти 1/5 всей общеевропейской добычи. Далеко позади были оставлены прочие горные центры континента. Монета яхимовской чеканки — иоахимсталль-талеры, сокращенно талеры, — появившись в 1518 г., скоро получила хождение по всей Европе (от талера ведет свое название доллар). Ее — под именем ефимков — хорошо знали в России. Эрцгерцог австрийский Фердинанд Габсбург, став в 1526 г. чешским (и венгерским) королем, позаботился о том, чтобы Яхимов перешел в руки короны, и с 1528 г. чеканка талеров была объявлена государственной монополией.

Элементы раннекапиталистических отношений пробивали себе дорогу и в других отраслях металлургии. Медеплавильный промысел, притягивавший предпринимателей не столько сам по себе, сколько содержанием в металле примеси серебра, которую научились эффективно отделять с открытием в середине XV в. процесса зейгерования, отличался высоким уровнем разделения труда. При выплавке и очистке меди обособилось до полусотни специальностей.

Но довольно скоро, в середине XVI в., горное дело, как чуткий нерв, ощутило наступление худших времен для австрийской и чешской промышленности. С середины 1540-х годов начала сокращаться добыча серебра в Яхимове, ее упадок был усилен разорительной Шмалькальденской войной. Добыча олова, основным поставщиком которого на континенте оставалась Чехия, пострадала из-за конкуренции британских копеей, а также из-за неумения перестроить устаревшие организационные формы производства. Габсбурги, чьи регальные права в австрийских землях были непререкаемы, вели наступление на права землевладельцев и вольных горных городов Чехии. Такую централизацию при Фердинанде I и его преемниках не следует рассматривать как прогресс — благодаря регалиям значительная часть драгоценного металла ежегодно выпадала из товарного и денежного обращения в стране. К середине века Центральная Европа вполне ощутила влияние великих географических открытий, сдвинувших торговые тракты на запад. С 60-х годов XVI в. в регионе все сильнее обнаруживают себя последствия «революции цен».

Кризисные явления не были всеобъемлющими: не упал спрос на продукцию железоделательных заводов Австрии, по-старому оставалось в цене чешское полотно. Расцвет серебряных копеей Центральной Америки, в целом имевший печальные последствия для центральноевропейского горного дела, в то же время стимулировал добычу ртути, столь необходимой для амальгамирования серебра. Если для Яхимова во второй половине XVI в. наступил закат его недолгой славы, то рудники Кутной Горы, напротив, пережили вторую молодость в 50-х годах, когда выплавка серебра в сравнении с предшествующим десятилетием выросла вчетверо и систематически продолжала расти до 1610 г., затем резко снизилась. В Австрии и Чехии не был прерван процесс урбанизации: Прага при Рудольфе II, который в 1583 г. перенес туда свою столицу из Вены, насчитывала уже около 60 тыс. жителей, будучи крупнейшим городом в регионе.

Промышленность и торговля, однако, несмотря на достигнутые успехи, переживают замедление темпов роста, в ряде случаев — застой и даже регресс. Перемены к худшему затронули и деревню, где помещики на-

стойчивей, чем прежде, внедряли отработочную ренту, находя поддержку у центральных властей. При Максимилиане II крестьянским детям было предписано нести барщину. Рудольф II в 1581 г. обложил дополнительной податью хозяйства, свободные от отработок.

В экономике накапливались симптомы хозяйственного торможения и спада, признаки ослабления раннебуржуазных элементов. Со всей силой негативные явления обнаруживают себя в годы Тридцатилетней войны. Поставки для армии обогатили не одного предпринимателя, иногда выгоду из военной обстановки извлекали для себя целые округа. Создав свое состояние за счет конфискованных Габсбургами земель, Валленштейн заботился о том, чтобы война не опустошала его владений. Но общий баланс для народов Центральной Европы был трагичным. За годы Тридцатилетней войны разорение не раз прокатилось по австрийским землям. Еще тяжелее пришлось Чехии, чье население убыло по меньшей мере на четверть. Глубокому расстройству торговли и промыслов способствовали также и махинации сановников (в их числе тот же Валленштейн) и финансистов, гревших руки на переканке старой монеты и наводнивших денежный рынок обесцененной монетой.

Взяв верх над сословной оппозицией, габсбургский абсолютизм не ограничился репрессиями против мятежников. Недаром битва при Белой горе 8 ноября 1620 г., положившая конец дворянско-бюргерскому, узкосословному по своей социальной базе и по своим целям восстанию, стала общенациональной катастрофой. Победа императорско-католического лагеря обернулась тяжелыми последствиями для разоренного войной хозяйства. Владения Габсбургов лишились многих крестьян, ремесленников, рудокопов, купцов, которые покидали страну, спасаясь от репрессий и принудительного обращения в католическую веру. Сильно были урезаны права городского сословия. В Чехии обновленный земский устав 1627 г. повторил в ужесточенном виде запрет крестьянского перехода, закрепощающие юридические нормы были приведены в действие. Помещики получили возможность, игнорируя записи в старых писцовых книгах (урбариях), требовать с крестьян новые платежи и повинности.

Пока длилась Тридцатилетняя война, феодалы еще соблюдали известную умеренность. В обстановке военных действий им было сложно разыскивать беглых и не хватало сил, чтобы эффективно подавить частые крестьянские движения, среди которых были и такие крупные, как восстание 40-х годов в Верхней Австрии, нашедшее поддержку в южночешских землях. После подписания в 1648 г. Вестфальского мира крепостнические порядки восторжествовали.

Если в Австрии и Чехии так называемое второе издание крепостного права пробивало себе дорогу медленно, то польский вариант барщинно-крепостнического строя, формировавшийся в атмосфере ослабления центральной власти и непомерного роста дворянских привилегий в сочетании с политическим бесправием городского сословия, отличался ранним и интенсивным развитием. С конца XV в. в Польше резко ускорился темп закрепощения деревни. По сеймовой конституции 1496 г. за кметем — полнонадельным крестьянином — еще сохранялась легальная, хотя и весьма ограниченная возможность покинуть помещика: без согласия господина ежегодно из деревни имел право уйти один кметь. Допускался, хотя и с ограничениями, уход крестьянских сыновей. К середине XVI в. все это было запрещено. Подавляющую массу прикрепили к земле.

Вместе с превращением польского феодально-зависимого крестьянства в крепостное происходило расширение отработочной ренты в системе феодальной эксплуатации. Быдгощско-торунская конституция 1519—1520 гг. предусмотрела минимум отработок: не меньше одного дня в неделю с лапового надела (около 18—22 га). Верхний предел законом не был установлен, к исходу столетия получила распространение 2—3-дневная барщина.

К этому времени прекратилось общегосударственное регулирование крестьянских повинностей. Признанный полновластным господином деревни, помещик распоряжался имуществом и жизнью крепостных. Новые сеймовые постановления закрепляли такой порядок, систематически усиливая санкции против беглых; крепостное право пытались распространить на безземельных крестьян и на гулящих людей. Впрочем, повторяемость подобных актов скорее свидетельствует о малой результативности запретов и угроз.

Польский фольварк — домениальное хозяйство, основанное на труде крепостных крестьян-барщинников — в XVI в. превратился в доминанту аграрного развития. Подобно барщинно-крепостническому хозяйству восточногерманских княжеств, он был ориентирован преимущественно на внешний, удаленный на сотни миль от непосредственного производителя европейский рынок. Вернув себе в 1466 г. в итоге победоносной войны с Тевтонским орденом выход к Балтике, Польша быстро стала крупнейшим экспортером зерна. С конца XV по конец XVI в. вывоз в Нидерланды, Англию, Францию и другие страны удесятился, доходя до 100 тыс. т в год. Максимум он достиг в 1618 г., когда через Гданьск на запад ушло около 1/4 млн т ржи и пшеницы. Хлеб вывозили также через Эльблонг, Щецин (Штеттин) и другие порты. Кроме зерна, из Польши в больших количествах экспортировали лен, пеньку, поташ, лес.

Такая ориентация на внешний рынок неблагоприятно отражалась на экономике страны. Заморская торговля заведомо была недоступна крестьянину и мелкому посреднику. Больше того, в Польше от этого прибыльного дела во многом было оттеснено также купечество. Опираясь на свое политическое могущество, закрепленное Нешавскими статутами 1454 г., сеймовой конституцией 1496 г. и другими законами, шляхта присвоила себе право беспошлинного вывоза хлеба и иных продуктов сельского хозяйства.

Правительство в интересах того же дворянства поощряло ввоз западноевропейских промышленных изделий. Польская внешняя торговля, таким образом, приобретала колониальную окраску: в вывозе был велик удельный вес дешевого сырья и продовольствия, в ввозе — промышленных товаров, составлявших опасную конкуренцию изделиям местного цехового ремесла и ранней мануфактуры.

Последствия торжества барщинно-крепостнической системы, рикошетом ударившие и по городу, проявили себя не сразу. До 80-х годов XVI в. признаки хозяйственного подъема даже преобладали. Фольварк, еще не успев разорить деревню, резко увеличил массу товарного хлеба и в известной мере активизировал торговлю. Действовали силы хозяйственной инерции. «Второе издание крепостного права» все же не остановило процессы, связанные с поступательным развитием деревни, — шло имущественное расслоение, наблюдались зачатки социальной дифференциации в среде крестьянства.

В этом смысле показателем повсеместный демографический рост. К 1580 г. население трех основных областей — Великой Польши, Малой Польши, Мазовии — увеличилось в 2,5 раза по сравнению с 40-ми годами XIV в., составив 3,1 млн человек. На территории Польского королевства к западу от Буга, где в середине XV в. было 450 городов, за сто лет прибавилось 200 новых; к середине XVII в. городским правом наделили еще 50 селений. Среди них — множество мелких, трудноотличимых от деревни местечек. Вместе с тем городской статус был предоставлен, например, Лешну (1547 г.) и иным очагам динамично поднимавшегося великопольского сукноделия. Росли старые торгово-ремесленные центры. В Варшаве (куда с начала XVII в. была перенесена столица государства) и Познани к исходу XVI в. насчитывалось до 20 тыс. жителей, в Кракове — до 30 тыс., в Гданьске — 50, по другим данным — до 75 тыс.

Хотя крен в сторону внешнеторговых связей осложнил складывание общепольского рынка, его образование продолжалось. Углублялось территориальное разделение труда, расширялись рынки, происходило их слияние. Так, краковский рынок притягивал к себе часть Сандомирщины, Санокской и Перемышльской земель, южный край Серадзского воеводства, выходя за государственные рубежи, пограничные области входившей в Чешскую корону Силезии.

В недрах цеховой системы и наряду с ней в сукноделии, книгопечатании и других отраслях рождались элементы мануфактурного производства. Более скромный, чем в Австрии или Чехии, но все же значительный размах приобрело горное дело, где производственные условия диктовали концентрацию рабочей силы и разделение труда. В соляных копях Бохни и Велички (вблизи Кракова) трудились несколько тысяч горняков: члены паевых товариществ, крепостные из окрестных сел, работавшие по принуждению, и вольнонаемная беднота. К найму рабочей силы прибегали кузнеки (владельцы железоделательных заводов) и другие предприниматели. Однако на грани XVI—XVII вв. берут верх другие тенденции: польская мануфактура становится по преимуществу крепостной.

Важной вехой в этом процессе утверждения барщинно-крепостнической системы экономики стала Люблинская уния, соединившая Польское королевство с Великим княжеством Литовским в одно государство — Речь Посполитую. Среди разнородных, преимущественно негативных, последствий Люблинского акта 1569 г. было и резкое нарушение прежнего политического баланса в пользу феодальной аристократии. Смыкаясь с могущественными родами Великого княжества — с Радзивиллами, Вишневецкими, Острожскими, старая польская знать и магнатство новой формации (Потоцкие, Конецпольские) становятся на исходе XVI — в первой половине XVII в. ведущей силой во внутренней и внешней политике Речи Посполитой.

Всевластие олигархии обостряло и без того печальный результат заметной гипертрофии фольварочной системы хозяйства, и все это вело к длительному застою, а то и к упадку экономики. В XVII в. барщина (в польских и западноукраинских воеводствах она составит порой 4—5 и более дней в неделю) и прочие повинности, лежавшие на крепостной деревне, достигают размеров, ставящих под вопрос простое воспроизводство крестьянского двора. Зажатый в тиски фольварочных порядков, крестьянин меньше продавал и меньше покупал, чем прежде. От этого страдали — либо рвались — рыночные связи. При воцарившейся «золотой шляхетской вольности» занятие ремеслом, промыслом, торговлей становилось все более рискованным делом: горожанин, как и селянин, не был уверен в завтрашнем дне. Так, десятки железоделательных заводов перешли в руки дворян не только потому, что разорялись старые владельцы, — шляхтичи безнаказанно прибегали к прямым захватам. Беды, впрочем, не обошли и правящий класс. С истощением деревни и города иссякали и помещичьи доходы. К середине XVII в. множество средних и мелких дворян разорилось, иные из них попросту деклассировались.

Происходившие перемены неизбежно поднимали накал социальной борьбы, главным очагом которой стала Украина. Беспокойный быт пограничья, соседство Дикого Поля, откуда вечно грозил татарский набег, придали краю особый колорит, породив такое мощное явление, как казачество. Долгие годы степь давала прибежище тем, кто бежал от помещичьего гнета. Когда же феодальная реакция докатилась и сюда, украинский народ ответил рядом восстаний на правительственную политику закрепощения, усугубленную религиозным притеснением.

Уже движение 1591—1593 гг. охватило Киевское, Брацлавское, Волынское воеводства, найдя отзвук далеко к северу. За ним последовали восстание Северина Наливайко (1595—1596 гг.) и другие выступления ка-

заков, крестьян, городских низов. Подавив их, власти в 30-х годах XVII в. уверовали, что опасность миновала. Пауза, однако, была недолгой. Подспудно нараставшие классовые, национальные, религиозные конфликты вызвали весной 1648 г. взрыв — народно-освободительную войну под руководством Богдана Хмельницкого, которая сотрясла все здание феодально-крепостнической Речи Посполитой.

2. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

К началу XVI в. Великое княжество Литовское сложилось как государство, в составе которого, помимо этнической Литвы, формировались русская, белорусская и украинская народности. Соединение под главенством литовской княжеской династии народов, столь различных по уровню развития, культурным традициям, наконец, религии, привело к пестроте социально-экономических условий. Литовские и русские земли в этом государстве, по подсчетам В. Т. Пашуто и Р. К. Батуры, соотносились в 1569 г. как 1 : 7.

Первоначально уровень феодального развития собственно Литвы был ниже такого же уровня завоеванных Литвой русских княжеств. Личная уния с Польшей, принятие в XIV в. католичества укрепили связи Литвы со странами Западной Европы. Большое влияние на состояние экономики оказывал и Ливонский орден.

Географически Литовское государство делилось на несколько регионов. К собственно Литве больше тяготели Подляшье и Волинь, второй регион — земли Жмудская, Полоцкая, Витебская, Смоленская, Киевская, Подольская (в XVI в. лишь в своей восточной части); самостоятельное положение занимали Чернигово-Северские княжества. Такое разделение в значительной степени обусловлено не только экономической, но и военно-политическими событиями. На протяжении всей истории Великого княжества Литовского Поднепровье, Чернигово-Северские земли и ряд других районов юго-восточных окраин регулярно первыми принимали набеги крымцев. На этих самых плодородных землях создавались укрепленные поселения для охраны границы; здесь не было латифундий, сравнительно небольшие феодальные владения жаловались только на условиях несения регулярной военной службы.

В Литве издавна существовали многодворные селения (*villa*), а также однодворные поселения (*curia*) — усадьбы, замки nobilium, вышедших из общин. К XVI в. такие замки в отличие от раннего времени строятся рядом с селом. Двор феодала был сложным комплексом: кроме крестьян, выполнявших сельскохозяйственные работы, здесь были люди, знавшие различные ремесла, жила челядь, обслуживавшая господина, следившая за его оружием, конем и сбруей, делавшая посуду и украшения для господской семьи.

Дом литовского крестьянина XIV—XV вв. удивлял всех путешественников. Он был похож на башню без потолка; свет падал сверху, а дым от очага выходил через дверь. В XVI в. в таких домах уже держали только домашний скот и корм. Крестьяне жили в избах с окнами и потолком. В зажиточных семьях появляются печи с дымоходами. Формы таких глинобитных печей часто заимствовались из русских деревень. Во дворе были хозяйственные постройки, бани, последние иногда строились сообща несколькими семьями.

В деревнях было много крупного рогатого скота, свиней, овец, лошадей. Землю обрабатывали сохой, в которую впрягались волы. В Литве очень распространилось коневодство, иностранцы отмечали, что у литовцев малорослые, очень выносливые кони. Была выведена и местная порода лошадей — жемайтукай. Конские табуны издавна составляли неперемнную часть княжеского хозяйства: ими занималась специальная категория крестьян — конокормцы. Доходы от табунов шли в уплату жалования феодалам.

Большое количество скота, которое издавна содержалось в крестьянских хозяйствах, способствовало консервации традиционных форм земледелия. В Литве веками создавалась высокая культура обработки и унавоживания полей. Поэтому там вплоть до XVI в., как правило, сохранялось архаическое трехполье без севооборота, когда земля отдыхала под паром два года, чтобы лучше усвоились органические удобрения. Это вело к тому, что ежегодно засевалось около половины всей пахотной земли, а не 2/3, как при классическом трехполье. Грамоты 1504 и 1529 гг. регулировали сельскохозяйственные работы, начав вводить обязательное трехполье, окончательно закрепленное волочной реформой.

Одним из древнейших занятий литовского населения было бортничество. Пожалуй, нигде, даже на Руси, оно не получило такого развития и так не охранялось законом. Бортники, вносившие дань медом, до XVI в. были освобождены от барщины. Бортные деревья в лесах тщательно оберегались. Закон жестоко карал вырубку таких деревьев или кражу пчелиного роя. Мед высоко ценился в быту, а воск издавна был одной из статей экспорта Литвы.

Часть занятий, связанных с использованием природных ресурсов, являлась привилегией великих князей.

Доходными были рыбные промыслы, которыми владел великий князь. Боярам и общине давалось право лова рыбы в определенных местах озер и рек, входивших в их владение. Право на рыбную ловлю, т. е. фактически передача определенных мест на реках и озерах, могло даваться отдельным лицам как плата за службу, в счет погашения долга и т. п.

Но более всего славилась Литва своей охотой на дикого зверя, псовой или соколиной. В XVI в. охота становится привилегией правящего класса. Феодалы охотились на оленей, кабанов, медведей, туров, зубров, коз, лосей, бобров, волков, зайцев. Меха были предметом экспорта. Границы охотничьих угодий тщательно охранялись от браконьеров, крестьян и соседних феодалов. В XVI в. были частыми судебные процессы в связи с нарушениями таких границ.

Великокняжеская охота в Литве была событием действительно международного значения, особенно с конца XIV в. На такую охоту, кроме собственной знати, приглашались правители соседних государств и княжеств, здесь велись переговоры, заключались союзы. Пущи, принадлежавшие литовским великим князьям (Пуня, Биштонас, Берштай), были одними из лучших охотничьих угодий в Европе.

В Литве была развита крестьянская община. Члены общины сообща пользовались всеми угодьями, только пахотная земля делилась между семьями. Крестьяне (волостные люди) вели хозяйство на собственной земле, платили дань князю (медом, зерном, деньгами и др.), несли повинности по строительству и ремонту замков, дорог и мостов, охране охотничьих угодий, почтовую службу и др. Система повинностей была детально разработана, и община внимательно следила, чтобы княжеская администрация не вводила «новин», а круг обязанностей и размеры повинностей строго соответствовали ранее установленным великим князем.

В научной литературе существует мнение, что при пожаловании земель феодалам им фактически передавались права не на землю и крестьян, а на дань и подати. В актах XVI в. часто оговариваются виды и величина таких податей с условием ничего в них не менять.

Распределение земли внутри правящего класса, а также между феодалами и общиной всегда тщательно регулировалось великокняжеской властью. Любая покупка земель, обмен, дарения и завещания вступали в силу лишь с санкции великого князя. Это объясняется тем, что еще в XV в. все владения были распределены, свободных земель, пригодных для обработки, в государстве не было.

С конца XV в. в Литве активно формируется крупное феодальное зем-

левладение. Этот процесс шел одинаково и для потомков русских и белорусских феодалов, и для литовцев. Полученные от великого князя пожалования (часто лишь на время), купленные земли быстро обрастали различными угодьями и владениями — рыбными ловлями, лесом, мельницами — они покупались, выменивались у крестьян, мелких землевладельцев, церкви, выпрашивались у великого князя. Нередко новый владелец добивался права вечного владения землями, основания на них замка или местечка. Формирование таких крупных владений, утвержденных великим князем, отразилось в документах великокняжеской канцелярии (Литовская Метрика). Образцом для правящих кругов Великого княжества Литовского, чьи политические и хозяйственные связи с Польшей — его давним партнером по династической унии — постепенно приобретали более тесный характер, послужила барщинно-крепостническая система Польши.

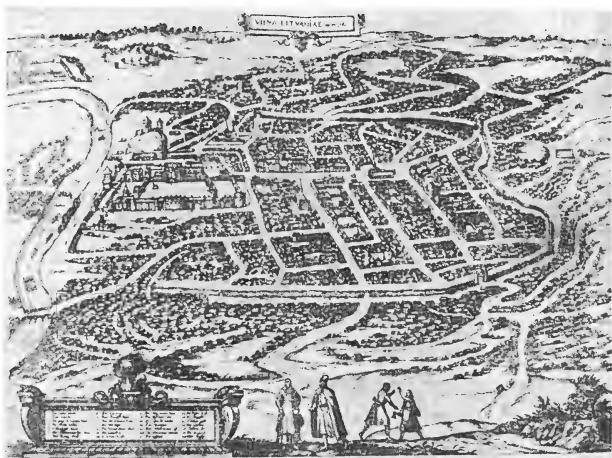
Процесс закрепощения крестьян в Литве особенно ярко наблюдается с начала XVI в. Это привело к снижению уровня сельскохозяйственного труда: крестьянин утратил стимул к усовершенствованию орудий, выработке новых приемов труда.

В 1547 г. выходит указ, запрещающий покупку и продажу земель. В 1557 г. была проведена волочная реформа, по которой земля, принадлежавшая государственным крестьянам, признавалась собственностью великого князя. Крестьянский надел не мог превысить одной волоки (около 21 га); определялось и качество пашни (грунт добрый, средний, подлый и весьма подлый); были произведены описи и передел земель, устраняющий чересполосицу. Часть мелкой шляхты была записана в крестьяне. Указ регламентировал размеры огородов и для крестьян, и для горожан. Стало обязательным трехполье. Второй Литовский статут в 1566 г. узаконил десятилетний срок для сыска беглых крестьян.

Литовское государство было государством высокоразвитых городов. В XV в. в него входили также более 40 белорусских и около 20 украинских городов бывшего Древнерусского государства. В XVI в. города в Литве основываются на магдебургском немецком праве, которое распространилось и на большинство ранее существовавших городов; в городах, основанных еще в Древней Руси, иногда наряду с магдебургским правом употреблялись правовые нормы, восходящие к Русской Правде. Растет число частновладельческих городов, принадлежавших магнатам. Хотя в Литве почти не было местных ресурсов для развития ремесел, с XV в. ремесленная прослойка в городах усиливается. Особенно были развиты железоделательное ремесло (железо получали из болотных руд) и плотничество. Литовские ремесленники делали прекрасные воинские доспехи, которые очень ценились рыцарями Ордена. Доспехи, оружие, снаряжение коней знати богато инкрустировались золотом и серебром.

В литовских городах рано стали обособляться различные профессии ремесленников. Первыми выделялись в особые цехи и братства мастера золотых и серебряных дел (устав утвержден в 1495 г.). Уже в XVI в. в Вильнюсе насчитывалось более двадцати цехов: каменщики, скорняки, плотники, кузнецы, сапожники, портные и т. д. Вторым по уровню развития ремесла был Каунас. Литовские украшения из янтаря и стекла в XVI в. очень ценились. Процветало и гончарное дело, причем не только в городе, но и на селе.

При высокой организации ремесел, развитом городском самоуправлении жизнь горожан все еще была тесно связана с земледелием. Многие из них имели участки за городом, преимущественно огороды. До середины XVI в., когда ввели строгие ограничения на покупку земель, горожане иногда владели и усадьбами, покупали земли у феодалов. Однако собственные владения не могли удовлетворить горожан, потребность покупки продуктов росла. Особенно увеличилась закупка зерна: с начала XVI в. в городах появились купцы, торговавшие только зерном.

Вильнюс в XVI в. Гравюра.

Города были и торговыми центрами. Для XVI в. характерно получение магдебургского права именно для мест, где была развита торговля. В это время Литва вывозила хлеб (хотя до середины XVI в. его доля в экспорте была незначительна), лен (одна из древнейших статей экспорта), воск, лес, кожи, изделия ремесленников. Торговля велась преимущественно с Россией, Орденом (через Гданьск), Ригой. Хотя у Литовского государства не было непосредственных контактов со странами Востока — наоборот, выход на восточные рынки часто затруднялся напряженными отношениями с Крымом, — в литовском быту было много изделий и приностей восточного происхождения.

Экономические процессы в княжестве были тесно связаны с социально-политическими, с укреплением великокняжеской власти и сословий. В соседствующей с Литвой Руси земли делились между отдельными представителями правящей династии: все князья, занимавшие великие и удельные столы, имели единого предка и находились в кровном родстве. В Великом княжестве Литовском, кроме своей династии, Гедиминовичей, на «отних и дедних» столах сидели галицкие, черниговские, смоленские Рюриковичи, потомки русских великих князей. В связи с этим появляется статус служилого князя — владетельного князя, связанного с правящим великим князем не кровным родством, а только вассальной присягой. Позднее эта форма вассальной зависимости пришла из Литвы в Россию.

В Литве не была разработана система титулов внутри правящего класса, которая в странах Западной Европы восходила к ранним формам феодального землевладения. Возможно, само землевладение внутри одной семьи долгое время было неделимым, т. е. ее члены делили между собой доходы, а не владения. В конце XV в. доходы с города Мезецка делятся меж-

ду князьями Мезецкими, служившими литовскому великому князю, и их родственниками Мезецкими, служившими московскому великому князю. Аналогичное явление было на рубеже XV—XVI вв. в Трубчевске.

По своей экономической мощи местная знать (Радзивиллы, Гаштольды и др.) мало уступала великому князю. Магнаты имели свои военные отряды, дворы. Статуты фиксировали за ними право принимать на службу дворян.

Узлом, который связывал социально-экономические и политические аспекты жизни в Литве, являлась военная служба. У литовских феодалов была единая обязанность перед государством — воинская служба, которую несли с земельных владений; за службу феодалы уже не вознаграждались. От XVI в. сохранился ряд переписей войска Великого княжества. Число воинов, которое был обязан выставить феодал, и их вооружение определялись размером его владения: в XVI в. обычно один вооруженный ратник (боярин-слуга) с восемью принадлежавших феодалу служб. Если служб было всего восемь, шляхтич ехал сам (боярин-шляхта). Такая воинская повинность тяжело ложилась прежде всего на сельское население. Бояре-слуги, которых посылал на службу землевладелец, не были профессионалами, их военное ремесло не передавалось по наследству. Боярин-шляхтич был подданным великого князя, а не пана и обязательно землевладельцем. Если боярин-шляхтич поступал на службу к магнату и шел на войну в его отряде, он был обязан со своих владений выставить замену в военный отряд того повета, где находились его владения.

Примерно с середины XVI в. сословная структура начинает тормозить экономическое развитие государства. Литовская шляхта строго следила за своими правами и привилегиями, особенно за распределением земель внутри государства. В статуты 1566 и 1588 гг. вводятся статьи, запрещающие великому князю давать земельные владения в Литве нелитовской шляхте (преимущественно польской), а также продавать земли нелитовцам. В 1566 г. устанавливаются общегосударственные меры и цены, а в 1588 г. вводится полный налоговый, административный и юридический иммунитет феодалов. Без согласия местных шляхетских сеймов великий князь не мог вводить новые налоги, объявлять войну и т. д. Шляхта активно боролась за уравнивание в правах с магнатами.

В то же время увеличиваются размеры латифундий, где полным владельцем был магнат. От него полностью зависела местная мелкая шляхта, а не только крестьяне в его собственных владениях. Все это постепенно ведет к ослаблению центральной власти, что особенно скажется в XVII в.

Глава 10

РОССИЯ

В конце XV — первой половине XVII в. происходил интенсивный рост территории Российского государства. За время княжения Ивана III (1462—1505) и Василия III (1505—1533) она увеличилась в 6 раз (до 2,5 млн кв. км), превзойдя территорию Франции примерно в 5 раз, и в конце XVI в. достигла по одним данным 4,3, по другим — 5,4 млн. кв. км, из которых на европейскую часть приходилось 3,9 млн кв. км. В конце XV—XVII в. большая часть страны делилась на уезды, а уезды — на волости и станы. В XVI в. уезды северо-востока и востока центральной части России — Ярославский, Галицкий, Костромской и др. — были густо покрыты лесом. Несмотря на убывание лесов в уездах вблизи Москвы, наличие лесного массива на громадном пространстве страны обуславливало

обилие вод, что несколько смягчало климат, отличавшийся ярко выраженной континентальностью.

Наиболее плодородными почвами обладали степные районы страны, южная часть Поднепровья, восточная окраина центральной области. Худшие почвы находились на севере, в северо-восточной части Прикамья, в северной половине Западного Полесья. Почти весь центральный район, южная половина Западного Полесья и основная часть Поднепровья отличались средними по качеству землями.

Российское государство конца XV — первой половины XVII в. было полиэтническим. Великорусы являлись основной и самой многочисленной народностью России. Нерусские народы населяли преимущественно окраины. По приблизительным расчетам, численность населения в конце XV — первой половине XVII в. выросла с 2—3 до 7 млн. На росте народонаселения отрицательно сказывались различные природно-экологические и социально-политические факторы: засухи, пожары, дождливые и холодные сезоны второй половины XVI — начала XVII в., эпидемии, набеги казанцев и крымцев, военные действия в периоды Ливонской войны и польско-шведской интервенции, репрессии опричнины, постоянно возrastавшее налоговое бремя и т. п.

Средняя плотность населения России в XVI — первой половине XVII в. колебалась от 0,3—0,4 до 8 человек на 1 кв. км. Самыми густонаселенными районами в первой половине XVI в. являлись междуречье Волги и Оки, бассейн Волги, южные новгородские пятины и Псковская область. Слабее были населены территории по Днепру, Северская земля, районы к востоку от средней Волги — по Каме и Чусовой. Еще пустынее были пространства к северу от Камы и Вятки. В Двинской земле население жило главным образом по р. Двине и ее притокам, основная часть этого края была покрыта лесом.

Типами поселений были города, внегородские слободы и рядки, внегородские монастыри и пустыни, села, сельцы, погосты, деревни, починки и пустоши. В первой половине XVI в. насчитывалось до 160 русских городов, во второй половине XVI в. появилось свыше 70 новых городов, из них 15 — в Сибири. В 1650 г. в России без Сибири было 226 городов, всего же — 250. В XVI в. в стране было более 200 монастырей, в середине XVII в. число их достигло 482 (из них 43 бездворных). Можно предполагать, что на всей территории государства в XVI — первой половине XVII в. имелось более 100 тыс. сельских поселений. В XVI в. процесс внутренней колонизации земель в некоторых районах России завершился, но оставался еще ряд неосвоенных областей.

Для Северо-Восточной Руси был характерен скученно-гнездовой тип сельского расселения (село с «тянущими» к нему деревнями), для Севера и Северо-Запада — гнездовой. В XIV—XV вв. в Северо-Восточной Руси преобладали небольшие села, окруженные большим количеством мелких деревень в 1—3 двора. В XVI — начале XVII в. шел процесс сокращения деревень и увеличения числа дворов в них. Укрупнение поселений было связано с совершенствованием земледелия, внедрением унавоживания, развитием животноводства, расширением феодального хозяйства светских землевладельцев и монастырей, ростом барщины. Производилось оно главным образом по инициативе феодалов.

Основным занятием трудового населения России XVI — первой половины XVII в. было сельское хозяйство. В земледелии ведущую роль играло хлебопашество. Повсеместно была распространена рожь. Ее дополняли ячмень (жито), овес, просо, пшеница, горох, гречиха и др., из технических культур — лен и конопля. Природно-климатические условия определяли различное соотношение злаковых в разных районах страны.

К началу XVI в. трехпольный севооборот преобладал далеко не во всех уездах. Трехполье сочеталось с подсекой и перелогом. В XVI в. зна-

чительные массивы перелога имелись на западных, восточных и южных окраинах России, в центральных же уездах в конце 50-х — начале 60-х годов XVI в. превалировала паровая система.

Главным типом пахотного орудия в России XVI — первой половины XVII в. была соха с полицей (отвальным устройством) или отрезом; в крестьянском хозяйстве простая соха использовалась без отвального устройства. Меньше применялся деревянный плуг. Бороны, косы, цепи и некоторые другие сельскохозяйственные орудия в начале XVII в. уже приближались к типам, дожившим до XX в. В соху впрягалась обычно одна лошадь, в плуг — две или три. Большинство крестьянских хозяйств были однопашадными, отсюда и преобладание сохи.

Хозяйственное разорение в 70—80-х годах XVI в. и в начале XVII в. привело к одичанию многих земель. Паровая система в центре и на Северо-Западе была значительно потеснена переложной и другими формами экстенсивного земледелия. В первой половине XVII в. процент распаханых земель был сравнительно невелик: по 91 уезду Европейской России общий удельный вес пашни составлял около 20%.

Урожайность зерновых и бобовых зависела от качества почвы и степени ее обработки в разных районах. В начале XVI в. урожайность часто была сам-2. В конце XVI в. максимальные урожаи ржи и ячменя в России не превышали сам-4—5, овса — сам-3. Повышенной урожайностью отличались плодородные районы черноземного юга. Зерно мололи на мельницах и вручную. В XVI в. появились мельницы с конным приводом. Ветряных мельниц в России XVI в. еще не было. Простейшие водяные мельницы чаще всего обслуживали крестьянские хозяйства, а иногда и принадлежали крестьянам. Крупными колесными мельницами владели духовные и светские феодалы, но ими пользовались (вероятно, за плату) и окрестные крестьяне.

При сельских и городских дворах обычно имелись огороды и сады. Огороды унавоживались. Были широко распространены капуста, лук, чеснок, огурцы, свекла, морковь, редька; из садовых культур — вишня и слива.

Важнейшую роль в сельскохозяйственном производстве играло скотоводство. Продукты животноводства занимали второе после хлеба место среди товаров, поступавших на внутренний рынок страны. Основной тягловой силой оставалась лошадь. Для крестьянского хозяйства на северо-западе и в центре России было характерно наличие 1 лошади, 2—3 голов крупного рогатого скота, 3 голов мелкого скота. Большое количество скота содержалось на воле, беспастушно, поэтому поля огораживались. Распространение навозных удобрений способствовало введению в XVI в. стойлового содержания скота. К концу XVI в. роль скотоводства увеличивается, возрастают масштабы разведения мелкого рогатого скота. Повсеместно разводилась домашняя птица — куры, гуси, утки. Развитие скотоводства носило преимущественно экстенсивный характер.

Из промыслов, тесно связанных с крестьянским хозяйством, большую роль играли бортничество, рыболовство и охота. В некоторых местах целые волости были населены бортниками, с которых дань или оброк брались медом; известны и поселения рыболовов. Но промысловое рыболовство рыбаков-профессионалов постепенно уступает место промыслу пашенных крестьян. Расширяется организация рыбной ловли крупными феодалами, прежде всего монастырями.

Охота была развита повсеместно, особенно в пустынных районах северо-востока со смешанным населением (русские, ненцы, коми), где она была основным занятием наряду с рыболовством. Имелись особые категории охотников — бобровники и сокольники, которые жили отдельными волостями, станами или слободами. Бобровый промысел в XVI в. уже сильно истощился, и бобровники платили оброк деньгами или белками.

моужн сѣмъ, и ли женѣ еѣго. по бннѣмъ бѣ
дѣтѣмъ рѣти .

Пашота, сев, жатва. Миниатюра из «Лицевого летописного свода». XVI в. Москва, Государственный Исторический музей.

Промыслом, требовавшим значительного уровня развития техники, была солеваренная промышленность. Соляные варницы имелись в центре страны (Соль Переславская, Соль Галицкая, Нерехта и др.), в Новгородской земле (Старая Русса), в Поморье и на восточной окраине (Соль Вычегодская, Соль Камская). Соляными варницами или их долей владели посадские люди, монастыри, реже — гости; в Соли Вычегодской — торговые люди Строгановы. На варницах применялся как наемный, так и подневольный труд.

В XVI — первой половине XVII в. в России развивались многие ремесла: черная и цветная металлургия, деревообработка, производство машин, механизмов и средств передвижения, строительство, текстильное, кожевенное, гончарное и стекольное производства, обработка кости, химические и художественные промыслы, ювелирное дело. Со второй половины XVI в. начинается книгопечатание, а со второй половины XVII в. — производство бумаги, первые опыты которого относятся к XVI в.

Старейшими районами железорудной промышленности были северо-запад (Новгород) и Карелия, затем Белоозеро, Пошехонье, Устюжна Железопольская, Галич, Кострома. В XVI в. железнодобыча активно ведется и южнее Москвы — вокруг Серпухова, Каширы, Тулы, Калуги. Начинается освоение железных руд Предуралья. В XVII в. поиск руды рас-

пространяется за Урал и в Западную Сибирь. Добывались обычно поверхностные руды — болотные, луговые и озерные. Разведка и добыча руд велись вручную, с помощью примитивных орудий, главным образом крестьянами. Во второй половине XVI в. среди «рудовщиков» (копателей руд) встречаются и холопы. На мануфактурах XVII в. копкой руды занимались также стрельцы, солдаты и казаки. Организаторами «рудяного промысла» были крестьяне, в редких случаях феодалы и государство. Большие промыслы в Предуралье принадлежали во второй половине XVI в. Строгановым, которые сильно потеснили местную крестьянскую промышленность. «Железный завод» «на лесу» имел во второй половине XVI в. Соловецкий монастырь.

В крестьянской промышленности процесс плавки руды не был механизирован: вручную раздувались мехи и осуществляласьковка восстановленного железа, вынимавшегося из печей. Лишь в XVII в. на вододействующих заводах-мануфактурах механизмуется процесс дутья иковки, что привело к качественным изменениям производства. Стало возможным получение чугуна, а при его вторичной плавке — железа высокого качества. Россия использовала передовой опыт Западной Европы, где двухстадийный процесс производства железа был открыт в XV—XVI вв. Крупными центрами кузнечного ремесла были Москва, Новгород, Тула, Вологда и др. Велась и обработка меди. В конце XV в. на Руси появились первые литые пушки. В XVI в. изготовление литых бронзовых орудий крупных калибров приобретает массовый характер. В Москве имелся специальный Пушечный двор. В XVI в. развивалось также литье медных колоколов, особенно в Пскове и Москве. Обработкой цветных металлов занимались медники и котельники. Серебряники, которые работали обычно на заказ, возродили в XVI в. ювелирный прием черни. Изготавливались различные высокохудожественные предметы из золота и серебра — посуда, оклады для икон и др. Золотошвей в Москве и других городах создавали произведения большой художественной ценности.

Процветало иконописание. На севере и северо-западе была распространена резьба по кости.

Значительного размаху в XVI в. достигло деревянное и каменное строительство. Организацией строительных работ в общегосударственном масштабе стал вестид с 80-х годов XVI в. Приказ каменных дел. С распространением кирпичного строительства связано изготовление изразцов и майоликовых плит для украшения внутренних стен. Другим видом гончарного ремесла было производство посуды.

В XVI в., как и прежде, грубые шерстяные и льняные ткани производились в мелком крестьянском хозяйстве. Прядением и ткачеством занимались женщины. Окраска тканей требовала довольно сложной аппаратуры, красителей и навыков, которыми крестьяне не располагали. Поэтому ткани поступали для окраски и беления к городским ремесленникам. В некоторых монастырях изготавливались сукна повышенного качества, шилась одежда на продажу. Троице-Сергиев монастырь выступал также в роли скупщика крестьянской продукции. Инициатором укрупненного производства тканей являлось и феодальное государство. Уже в 1613 г. в московской Кадашевской слободе существовал «Царский двор», ведавший производством полотен.

В XVI в. в Ярославле, Новгороде, Можайске, Туле и других городах интенсивно развивалось кожевенное ремесло. Кожевенное дело отделяется от сапожного ремесла и совершенствуется. Работа велась на заказ и на продажу. Из химических промыслов известны мыловарение, производство селитры, поташа и др.

В первой половине XVII в. в отдельных отраслях промышленного производства, прежде всего в металлургии, возникали мануфактуры, которые отличались еще неустойчивостью и нередко терпели крах, как, например,

тульские железоделательные заводы иноземцев Андрея Виниуса и Елисея Вилкенса.

Успехи в ремесленном производстве, особенно в металлургии, обработке дерева и цветных металлов, способствовали прогрессу техники и росту производительности труда в сельском хозяйстве.

В основе производственных отношений в русской деревне XVI — первой половины XVII в. лежала феодальная собственность на землю. Различались земли частновладельческие, церковно-монастырские, дворцовые и черносошные. Класс феодалов состоял из двух основных сословий: светских и духовных землевладельцев. Оба эти сословия подразделялись на различные разряды и группы. Вершиной сословия светских землевладельцев был так называемый Государев двор, в котором к середине XVI в. насчитывалось около 2600 человек. Сюда входили бояре, окольные, дворяне, думные дяки, дети боярские. Ниже находился слой детей боярских, служивших «с городом», т. е. в поездных «городовых» корпорациях. К 1652 г. общая численность светских феодалов достигла 39 408 человек.

По типу феодального землевладения различались земли вотчинные и поместные. Под вотчиной подразумевалась отчуждаемая наследственная феодальная собственность, под поместьем — неотчуждаемая земельная собственность, обусловленная службой сюзерену. Вотчинное землевладение прошло к концу XV в. длительный путь развития, поместное землевладение в конце XV в. только зарождалось. Возникновение поместного землевладения как системы связано с земельной реформой Ивана III в присоединенной Новгородской земле, где ряд последовательных конфискаций вотчин новгородских бояр, архиепископа и монастырей сопровождался изъятием выходов из старинных московских вотчинных родов. В конце XV — начале XVI в. поместья появились и в Тверской земле. Внедрение поместий политически было связано, таким образом, с необходимостью создания в присоединенных областях слоя особо верных государю военных вассалов. В XVI в. поместная система распространяется на всей территории Российского государства.

Главным фондом для раздачи земель в поместья служили черпосошные и дворцовые владения, иногда земли, отобранные у духовных и светских феодалов. Само дворцовое землевладение только к XVI в. стало четко выделяться из состава черносошных земель.

Образование поместного и дворцового землевладения определялось в конечном счете социально-экономическим развитием страны и усложнением функций феодалов-землевладельцев в общественной жизни. Большой группой земельных собственников, впервые соединивших судебно-административную власть с систематической хозяйственной деятельностью, являлись монастыри и архиерейские дома, добившиеся уже в XV в. экономического процветания. У светских феодалов XIV—XV вв. полевой барщины как таковой еще не было. Распространение поместной системы привело к развитию барской запашки, обрабатываемой главным образом холопами, при этом барское хозяйство, т. е. хозяйство самого помещика, было в XVI в. в силу своей небольшой производительности лишь потребительским, но не товарным.

Создание поместной системы ограничивало рост монастырского землевладения, поместье нельзя было ни продать, ни отдать в монастырь. Условный характер поместной собственности помогал формированию широкого по своему составу сословия светских землевладельцев, социальной опоры образующегося централизованного государства. Сделки светских вотчинников с монастырями были поставлены под бдительный контроль правительства, в отдельные периоды приток земель в монастыри резко сократился.

На основе условной поместной собственности не могли возникнуть феодальные сеньории, более или менее независимые от центральной власти.

Дворянская конница.
Гравюра XVI в. из книги С. Герберштейна
«Записки о Московии».

но так было не везде. На основной территории государства поместье уживалось с вотчиной. К середине XVI в. поместное землевладение в центре почти полностью поглотило черносошное. Большой массив черносошных земель сохранялся только на севере, в Поморье.

Удельный вес церковно-монастырского землевладения в общем составе феодального землевладения страны был велик. Духовные феодалы владели селами, деревнями, городскими дворами, слободами в сельской местности и в городах, соляными варницами, рыбными ловлями, вели крупную торговлю, особенно солью. В XVI — начале XVII в. монастырское хозяйство отличалось большей устойчивостью, чем светское, оно было больше втянуто в товарно-денежные отношения. В монастырях скапливались значительные суммы денег.

Нуждаясь в источниках для содержания своей главной социальной опоры — служилых людей, правительство пыталось ограничивать и сдерживать рост церковно-монастырского землевладения. В 1550—1551 гг. в интересах развития городских сословий правительство запрещает монастырям ставить новые слободы и новые дворы в старых слободах; в монастырских городских дворах разрешалось не тянуть государственное тягло лишь одному постоянному представителю монастыря — так называемому «дворнику». Соборный приговор 1551 г. запретил монастырям и архиереям без доклада царю покупать земли у светских вотчинников, а также принимать земли на помян души у суздальских, ярославских, стародубских князей и вотчинников Твери, Микулина, Белоозера и Рязани. Несмотря на запреты, экономическая эффективность монастырского хозяйства предопределила его дальнейший рост и развитие в конце XVI — первой половине XVII в.

Во второй половине XVI — начале XVII в. происходит кризис светского феодального землевладения. Принцип условности земельной собственности правительство пытается распространить с поместий на вотчины. Обязательность военной службы и с поместий, и с вотчин была усилена Уложением о службе 1556 г. Постановления 1551, 1562 и 1572 гг. приближа-

В массе своей поместья представляли собой владения сравнительно небольшого размера. По позднейшим нормам Соборного уложения 1649 г., восходившим к поместно-разрядной практике XVI — начала XVII вв., мелкими считались поместья до 70 четвертей (четверть $\approx 0,5$ га), средними — от 70 до 200 четвертей и крупными — свыше 200 четвертей. Общее число помещиков в первой половине XVI в. быстро увеличивалось. Поместная система способствовала росту феодализма вширь и вглубь. На первых порах она гарантировала воспроизводство и материальное обеспечение военных кадров, необходимых новой по своему типу армии феодального централизованного государства, занятого расширением своей территории и укреплением прежних завоеваний.

В Новгородской земле поместная система полностью вытеснила светское вотчинное землевладение,

ли вотчину к поместью, всячески сокращая права отчуждения вотчинных земель в руки частных лиц и духовных феодалов и расширяя право государства на конфискацию этих земель. С 1572 г. возникает понятие пожалованной вотчины — вотчины нового типа, появившейся в результате эволюции поместной системы.

Во второй половине XVI в. правительство еще продолжает активно насаждать поместья. Казанские походы 1547—1552 гг., Ливонская война 1558—1583 гг. побуждали государство лихорадочно искать пути увеличения численности служилых людей. После присоединения Казани и Астрахани состав помещиков пополнился за счет казанских и астраханских новокрещенов. Поместная линия в политике достаточно ярко проявилась и в период опричнины (1565—1572 гг.).

К началу опричнины фонд дворцовых и государственных оброчных земель для раздачи в поместья был почти полностью исчерпан. Правительство не посягнуло на черносошные земли Поморья, поскольку экономически сильное крестьянство этого района было наиболее надежным плательщиком налогов и северные крестьяне обладали широкими правами владения землей вплоть до ее отчуждения. Со второй половины 60-х годов начинается массовое перераспределение поместных земель. Размер поместья сокращается, мелкие поместья дополняются урезками у «нетчиков», т. е. не явившихся на службу. При том, что преобладали небольшие поместья, поместные раздачи второй половины XVI в. и периода Смуты привели к возникновению и ряда крупных поместий.

Войны второй половины XVI в. потребовали крайнего напряжения финансовых сил страны. С середины XVI в. резко повышаются размеры налогов, устойчивость крестьянского хозяйства нарушается, что неблагоприятно отражается и на экономическом положении класса феодалов, в особенности светских землевладельцев. Число помещиков и вотчинников сокращается (значительная часть их погибла во время Ливонской войны и опричнины, часть была разорена). Экономическая эффективность поместной системы во второй половине XVI в. все же не вполне утратилась. Помещичьи «усадища» (барская запашка), обрабатываемые трудом холопов, были менее подвержены разорению, чем крестьянские хозяйства.

Законодательное установление крестьянской крепости в 90-х годах XVI в. способствовало сближению всех категорий феодального землевладения, ибо оно усилило и юридически оформило неполную собственность землевладельца на личность непосредственного производителя, а следовательно, увеличило его права собственности и на крестьянские земли. Постепенно условный характер земельной собственности помещиков проявил себя как источник их незаинтересованности в расширении своей хозяйственной деятельности. Время польско-шведской интервенции и крестьянской войны начала XVII в. оказалось чрезвычайно тяжелым для поместной системы. Усилилась хозяйственная нестабильность. Часть поместного фонда была перераспределена в вотчину по указам 1610 и 1618 гг. В пожалованных вотчинах барская запашка обслуживалась не столько холопами, как это было в поместьях, сколько крестьянами. Новое вотчинное хозяйство уже в 20—30-х годах XVII в. показало себя более жизнеспособным по сравнению с поместным. Для этого времени характерна тенденция разрушения крупного поместного землевладения. В 30-х годах XVII в. поместье и вотчина представляли собой еще разные типы хозяйства и поместная система была доминирующей, но будущее было за вотчинами нового типа — пожалованными. Фонд родовых вотчин мало изменился вследствие правительственных постановлений, всячески ограничивавших возможности их отчуждения в пользу частных лиц или духовных корпораций. Образование значительных площадей вотчинного землевладения в первой трети XVII в. шло за счет пожалования выслужными вотчинами. Перевод поместья в вотчину способствовал восстановлению хозяйственной

стабильности. Соборное уложение 1649 г. разрешило обмен поместий на вотчины при условии регистрации сделок в Поместном приказе.

Феодальная собственность на землю сочеталась с крестьянским владением землей. Первая половина XVI в. характеризуется в Новгородской земле повсеместным ростом средней запашки на крестьянскую семью. Однако в результате хозяйственного кризиса в 70-х — первой половине 80-х годов XVI в. запашка крестьянского двора в новгородских пятинах сократилась в 2—3 раза и даже сильнее. В Поморье, где было крепкое черносошное землевладение, подобного сокращения не наблюдалось. В поморской деревне свободная мобилизация земельных участков влекла за собой концентрацию земли в руках наиболее обеспеченной части деревни, деревенских богатеев, и вела к обезземелению социальных низов деревни.

На протяжении XVI в. крестьяне все больше привлекались к обработке барской пашни, хотя в ряде владений еще в конце XVI — начале XVII в. основными исполнителями барщины были не крестьяне, а холопы. В дворцовых, церковно-монастырских и частновладельческих землях центра в XVI в. крестьянские дворы и участки подразделялись на оброчные и барщинные. В XVII в. это деление исчезает: все дворы одного имения несут одинаковые повинности — как оброчные, так и барщинные.

Распространение барщины находилось в прямой связи с расширением барской запашки, которое происходило неравномерно в разных районах. В первой половине XVI в. размеры барской запашки в центре не превышали 14—17% всей обрабатываемой земли, а во второй половине столетия они достигли 40—50%. Следствием этого было сокращение крестьянской запашки. Дальнейший рост барской запашки наблюдается в 90-х годах XVI и в первой половине XVII в. В монастырской деревне первой половины XVII в. полевая барщина стала преобладающей формой ренты.

Кредитование крестьян феодалами-землевладельцами в XVI в. имело определенное значение для развития крестьянского хозяйства, но одновременно усиливало его экономическую зависимость от земельного собственника. Крупные монастыри чаще всего давали своим крестьянам бескабальную (обычно без процентов) сумму займа и подмогу на семена и уплату повинностей. Светские вотчинники центра предоставляли крестьянам ссуды на семена. Несмотря на льготные условия кредитования, задолженность крестьян феодалам в XVI в. росла и явилась одной из причин упадка крестьянского хозяйства. В конце XVI в. бывали случаи принудительного кредитования крестьян для увеличения доходов собственника.

В последней трети XVI в. в сфере частнофеодального землевладения широко практиковался вывоз крестьян из одних владений в другие. Распространилось бегство крестьян. Часто крестьяне забрасывали тяглую пашню, обремененную налогами, и арендовали порожние или запустевшие земли внутри своей волости. Последнее было наиболее характерно для дворцовых и государственных оброчных крестьян.

В XVI—XVII вв. распространилась новая категория экономически маломощного крестьянства — бобыли, которые не несли государственного тягла, а выплачивали своему владельцу более легкий оброк — бобыльщину. Бобыли занимались земледелием, ремеслом, мелкой торговлей или работали по найму. Развитие бобыльства, возможно, было связано с измельчанием крестьянских дворов. В первой половине XVI в. среди бобылей преобладали лица, занимавшиеся ремеслом и торговлей, в конце XVI в. основную часть бобыльской массы составляли обедневшие крестьяне. После разорения Российского государства в результате польско-шведской интервенции число бобылей резко увеличилось. По своему юридическому положению они постепенно сближались с крестьянами. По указам 1631—1632 гг. бобыли стали привлекаться к несению тягла, правда, в половинном размере по сравнению с крестьянами. Рост имущественной дифференциации среди крестьян привел также к появлению не имевших самостоятельного хо-

зайства захребетников и подсосудников, живших во дворах более зажиточных крестьян.

Кроме крестьян и бобылей, в состав сельского населения входили холопы — несвободные люди, в отношении которых владелец имел вещное право. Холопы использовались в сельском хозяйстве, домашней работе, управлении, торговле, военном деле. Источники «похолопления» были разнообразны: рождение от холопов; вступление в брак с холопом или «робой»; плен (половняники); передача по духовной или данной грамоте; продажа за долги или преступления; самопродажа, оформлявшаяся письменным актом (полные и докладные холопы); устное соглашение (добровольные холопы); служба в счет погашения процентов или основной суммы долга (служилые холопы). Полное холопство известно с середины XIV до конца XVI в.; в XVI в. оно постепенно вытесняется служилым.

Монастыри, не имевшие холопов, использовали труд так называемых «детенышей», в состав которых входили закабаленные дети крестьян и наймиты, поставленные в сходные условия. Они получали от монастыря определенное содержание.

Значительную часть холопства составляли холопы-«страдники», обрабатывавшие господскую пашню, а иногда, особенно с конца XVI в., имевшие и свою собственную. Холопы, не посаженные на пашню, жили обычно в том же селе, где находился господский двор, хотя при этом каждая холопья семья помещалась, как правило, в своем отдельном дворе. В хозяйстве феодалов холопы исполняли также обязанности огородников, садовников, мельников, скотников, занимались бортничеством, рыболовством, бобровым промыслом. Процесс слияния крепостных крестьян и земледельческих холопов в XVI в. еще только начинался, но к середине XVII в. он уже значительно продвинулся.

Распределение продуктов сельскохозяйственного труда производилось с помощью внеэкономического принуждения, осуществляемого частными или корпоративными земельными собственниками и государством. В эксплуатации каждой категории крестьянства имелись свои особенности. Черносошные крестьяне облагались только государственными налогами и повинностями, дворцовые — к тому же еще и особыми дворцовыми, а помещечно-вотчинные и церковно-монастырские — также платежами и повинностями в пользу своих владельцев.

В конце XV — начале XVI в. на господской пашне преобладал не крестьянский, а холопий труд. Рента с крестьян представляла собой в большинстве случаев сочетание натурального и денежного оброка. Натуральный и денежный оброки преобладали и в первой половине XVI в., причем общая тенденция развития заключалась в увеличении процента денежных поборов. Однако рост хлебных цен в середине XVI в. нередко побуждал помещиков взимать оброк с крестьян не деньгами, а натурой.

В 60-х годах XVI в. и позже происходит увеличение размеров натуральных и денежных платежей. Размер денежных платежей с крестьян сильно увеличивался за счет государственных налогов. В частности, к 1561—1562 гг. налоги с новгородских земель выросли на 25%, а к 1574 г. — на 40%. Новое большое повышение налогов произошло в 80-х годах XVI в. Усилился произвол в обложении крестьян помещиком. Несмотря на параллельный рост хлебных цен, сокращавшиеся крестьянские наделы уже не могли обеспечить содержание крестьянской семьи. Во второй половине XVI в. в обложении крестьян все более возрастал удельный вес государственных налогов, а удельный вес помещичьих оброков уменьшался. Доля государственных налогов в общей сумме платежей поднялась в Новгородской земле с 10% в 1540 г. до 66% в 1576 г.

Главными государственными налогами в первой трети XVI в. были дань, ямские деньги и примет (значение последнего термина неясно: он обозначал либо деньги на строительство осадных сооружений — примета,

либо дополнение к ямским деньгам). С 30-х годов XVI в. к этим налогам прибавились не повсеместно взимавшиеся пищальные деньги, с 50-х — окупные, или полоняничные, деньги (на выкуп пленных). Отмена наместничьего управления в середине XVI в. обусловила включение бывшего наместничьего корма и сопутствующих поборов в состав государственных налогов (кормленный окуп). В XVI в. собирались также казначеевы, дьячьи и подьячьи пошлины, деньги на содержание татарских и иных послов. В XVII в. взимаются деньги за стрелецкий хлеб, казачьи и сибирские хлебные запасы. Главными натуральными повинностями в XVI в. были посошная служба (поставка людей для военных и других работ), городовое дело, дача подвод и проводников на ям, постепенно вводившиеся засечное дело (строительство укреплений в районах южных засечных черт), ямчужное дело (изготовление селитры для получения пороха), и др. В середине XVI в. городовое, засечное и ямчужное дела были переведены на деньги, что сразу сильно увеличило размер налоговых платежей, хотя в ряде случаев эти повинности взыскивались и в натуральной форме.

Черносошные и оброчные крестьяне Двины и Поморья облагались в XVI в. главным образом денежными платежами, размер которых значительно возрос к середине XVI в., когда к налогам был добавлен кормленный окуп, составивший 2/3 всех сборов. Объем платежей еще более увеличился в начале XVII в. Кроме того, двинское крестьянство облагалось во второй половине XVI в. чрезвычайными налогами.

Хозяйственное запустение приводило к увеличению объема ренты и налогов в расчете на крестьянский двор. Иностранцы, побывавшие в России в период опричнины, писали: «Бедный крестьянин уплачивал за один год столько же, сколько он раньше должен был платить в течение десяти лет».

Военные расходы государства были одной из существенных причин ограничения податного иммунитета землевладельцев уже во второй половине XV в. К началу XVI в. податный иммунитет светских и духовных феодалов был сильно ограничен. Освобождения от основных налогов светским землевладельцам в XVI в., как правило, не предоставлялись. Свообразным отступлением от этого принципа в 80—90-х годах XVI в. было освобождение от налогов барской запашки помещиков, исправно являвшихся на службу. Эта исключительная мера была вызвана запустением земель и уклонением большого числа феодалов от военной службы. Иммуниетная политика в отношении монастырей и церкви не отличалась последовательностью. Некоторое расширение податного иммунитета церковно-монастырского землевладения наблюдалось уже во второй половине княжения Василия III, еще более значительное — в годы боярского правления. В 1550—1551 гг. последовала отмена тарханов, т. е. грамот, освобождающих от главных податей, и тяглое население большей части вотчин духовных феодалов было принуждено к выплате всех важнейших налогов. Новые отступления от этого курса произошли в конце 50-х — начале 60-х годов, а затем в довольно широких масштабах — в период опричнины. Менее льготная политика 1572—1576 гг. сменялась выдачей большого числа тарханных грамот духовным феодалам в 1577—1578 гг., после чего опять наступает период ограничений, и в 1584 г. снова происходит отмена тарханов. Однако и в дальнейшем монастырям давались податные освобождения, особенно в период царствования Василия Шуйского (1606—1610 гг.). Более решительное ограничение податного иммунитета велось начиная с первой половины 20-х годов XVII в., когда страна стала постепенно оправляться от разрухи и разорения.

Развитие феодализма вглубь, усиление внеэкономического принуждения и рентных обязательств крестьян приводило к ограничению их личности и к постоянно возрастающему подчинению феодалу, на земле которого они сидели. В результате возникшего неполного владения феодала

лов личностью крестьян стало возможно их постепенное, а затем и окончательное прикрепление к земле как форма обеспечения власти и доходов класса земельных собственников. Уже в середине XV в. для крестьян отдельных монастырских вотчин вводилось ограничение права выхода недель до и после Юрьева дня осеннего (26 ноября по старому стилю). Срок выхода, указанный в грамотах середины XV в., был подтвержден общерусским Судебником 1497 г. По Судебнику 1550 г., закрепившему и ужесточившему эти порядки, беспошлинно и бессрочно можно было только «продаться» («с пашни» в полные холопы, т. е. переход в более тяжелую форму феодальной зависимости ничем не ограничивался).

Временное (с 1581 г.), а затем и бессрочное запрещение крестьянского выхода было связано с усилением крестьянской зависимости от феодалов и феодального государства, ростом налогов и ренты, хозяйственным разорением. По указу 1597 г. устанавливался пятилетний срок сыска беглых («урочные лета»). В 1607 г. был издан указ, где впервые вводились санкции за прием и держание беглых (штраф в пользу государства и «пожилое» старому владельцу беглого). Большую часть светских землевладельцев устраивали продолжительные сроки сыска беглых крестьян. В коротких сроках были заинтересованы крупные земельные собственники, переманивавшие к себе крестьян льготами и подмогой, и служилые люди южных окраин, куда шел большой приток беглых. В 1642 г. был установлен 10-летний срок для сыска беглых и 15-летний — для сыска вывезенных. Соборное уложение 1649 г. провозгласило бессрочность сыска: возврату подлежали все крестьяне, бежавшие после писцовых книг 1626 г. или переписных книг 1646—1647 гг. Но и после 1649 г. устанавливались новые сроки и основания для сыска, которые касались крестьян, бежавших на окраины.

Постоянно углублявшийся процесс отделения ремесла от сельского хозяйства обусловил в XVI — первой половине XVII в. рост и развитие городов. Города являлись центрами ремесленной, торговой и административной деятельности.

Население русских городов XVI — первой половины XVII в. было весьма неоднородным по своему социальному и сословному составу. В более или менее значительных городах XVI в. около 20—25% населения составляли ремесленники. В середине XVII в. 60,1% всех городских дворов принадлежало служилым людям, 31,7 — тяглым людям, 8,2% — вотчинным крестьянам и бобылям. В городах преобладали служилые люди по прибору, набиравшиеся преимущественно из местных жителей (стрельцы, казаки, затынщики, пушкар и др.).

Судебник 1497 г. еще не уделяет особого внимания городскому населению. Его постановление «О торговцах» касается покупателей и продавцов вообще, безотносительно к их сословной принадлежности. Возросшее значение города отражает Судебник 1550 г., различающий «торговых гостей больших», «торговых», «посадских» и «черных» людей. В Судебнике 1550 г. штраф за бесчестье гостей устанавливается в размере 50 р., посадских людей — в размере 5 р., а черных «молодших» — в размере 1 р., т. е. черный городской человек «молодший» приравнивался по своему социальному достоинству к крестьянину или к холопу низшей категории, а посадский «средний» человек — к холопу высшей категории. Судебник 1589 г. относит штраф за бесчестье в размере 50 р. к большому гостю, штраф в 20 р. — к среднему гостю, в 12 р. — к меньшему.

В разрядном и разметном списках 1545/46 г. о военных поставках с Новгорода и его пригородов различаются дворы гостиные (т. е. гостей), суконничьи и черные. Гости здесь выступают как социально однородная категория; среди черных людей выделяются «сильные люди» и «средние люди, которые статочны и прожитком добры». Низший слой городского населения XVI — первой половины XVII в. был представлен бобылями, подсосудниками, захребетниками, наемными работниками — казаками.

Крупнейшие города первой половины XVI в. — Москва, Псков и Новгород. В Пскове в 1510 г. было около 6500 дворов, в Новгороде в середине XVI в. — 5477 дворов, в том числе 4355 черных тяглых. Население этих городов достигало 25—30 тыс. человек. Вследствие разорения конца XVI — начала XVII в. население Новгорода и Пскова резко уменьшилось, но в целом по стране шел значительный рост городского населения, которое увеличилось с 1620 по 1640 г. на 60,5%. Крупнейшим торгово-промышленным центром середины XVII в. стал Ярославль — 2871 посадский двор, за ним шли Кострома — 1726, Вологда — 1234, Казань — 1191, Нижний Новгород — 1107 посадских дворов. В Москве переписью 1646 г. был учтен 1221 посадский двор, переписью 1652 г. — 3615 дворов. По переписи 1638 г. в Москве насчитывалось 2367 ремесленников, включая подсосудников, захребетников и учеников, в действительности же ремесленников было больше. С. К. Богоявленский полагал, что в середине XVII в. в Москве проживало до 200 тыс. человек и имелось до 27 тыс. дворов, из которых 1/3 (т. е. 9000) принадлежала торгово-ремесленному (прежде всего посадскому) населению, 2/3 — служилым и приказным людям, духовенству и другим категориям населения. Однако эти цифры кажутся завышенными.

Всего в городах Европейской России насчитывалось по переписи 1646 г. 31 574 посадских двора, по переписи 1652 г. — 41 662, служилых дворов — 64 615. Посадских людей по переписям 1646—1647 и 1652 г. было 108 000. Несмотря на то что в городах численно преобладали служилые люди, экономическое лицо города определялось в первую очередь деятельностью посадских людей.

Города были торгово-ремесленными центрами обычно значительных по радиусу районов. Для XVI в. выявлено 210 названий городских ремесел в Новгороде — 293), для начала XVII в. — до 250 различных специальностей. В составе городских ремесленников в XVI в. численно преобладали те, кто занимался изготовлением съестных припасов (34 специальности), затем шли ремесленники, производившие одежду и материал для нее (32 специальности), далее — приготовлявшие предметы домашнего обихода (25 специальностей) и затем — ремесленники всех других 119 специальностей. Среди последних важнейшими были профессии, связанные с металлообработкой.

В ремесленной среде было распространено ученичество. Кроме того, ремесленники пользовались помощью подсосудников и захребетников; в небольшом числе встречались и наемные работники, особенно в таких сферах, как кузнечное дело (в городе), производство кирпича, соляной промышленности, возка железной руды с места добычи к «домницам» (где находились плавильные печи) и т. п. О расширении использования наймитов свидетельствует появление новых терминов для обозначения этого вида работников: ярыжные, ярыги. Наряду с новыми понятиями бытовал и старый термин — казаки. В источниках XVI в. предусматривается возможность найма казаков для работы в сельских и городских дворах, на транспорте. В первой половине XVII в. наемный труд довольно широко применялся на речном транспорте, например на Сухоно-Двинском водном пути, где ярыжным платили от 13 алтын 2 денег до 1 р. 6 алтын и 4 денег за сезон (30-е годы). Наемный труд в Москве оплачивался, по-видимому, выше. В 40-х годах XVII в. простой ярыга получал здесь обычно 10—11 денег в день. В первой половине XVII в. становится распространенным наем работников в городские дворы зажиточных посадских людей и купцов в качестве помощников и торговых «сидельцев» на кабальных условиях, по «жилой записи», часто без права ухода.

От первой половины XVII в. сохранились данные об оплате труда ремесленников, выполнявших заказы дворцового ведомства. Весьма высоко оплачивался труд каменщиков — по 2 алтына в день. Питание обходилось

ремесленнику примерно в 100 алтын в год, на другие нужды оставалось от 150 до 321 алтына. Однако наем помещения и налоги практически съедали этот остаток.

Ремесленники Москвы и других крупных городских центров XVI — первой половины XVII в. работали не только по заказу, но и на рынок. Они изготавливали свои произведения на дому, а затем приносили для продажи сидевшим в рядах торговцам. В городах торговля производилась местными жителями в лавках, а приезжими торговцами — в гостиных дворах, которые имелись во всяком более или менее значительном городе. Приезжавшие из ближайших сел крестьяне торговали на площади, обычно один-два раза в неделю.

Лавки в подавляющей своей массе принадлежали постоянным жителям города и распределялись между посадскими, ратными людьми и людьми, зависимыми от детей боярских и духовенства, пропорционально числу представителей в городе каждой из этих категорий. В XVI в. одно лицо чаще всего владело тремя лавками, в Пскове и Казани отдельные лица имели по 10 и более лавок. Лавки были небольшими по размеру, располагались рядами.

В XVI в. центром торговли в Москве стал Китай-город. Вместе с тем еще во второй половине XVI в. торговля по традиции велась также в Кремле. Бывали торги и в других частях города.

В XVI — первой половине XVII в. верхний слой торгово-промышленного населения был представлен гостями и членами гостинной и суконной сотен. Особое положение по своему экономическому могуществу занимали торговые люди Строгановы. Дворы в городах имели и «торговые иноземцы» (иностранные купцы). Наиболее ранний перечень гостей как представителей особой сословной прослойки дан в акте земского собора 1566 г., который называет 12 гостей. В 1650 г. их было вдвое больше — 24. С конца XVI в. чин гостя стал представляться особой жалованной грамотой.

Крупное купечество сосредоточивалось в Москве. После московского пожара 1571 г. правительство свело всех «лучших» людей других городов в Москву, обескровив провинциальные посады. В конце XVI—XVII в. купечество превратилось в сословную группу, сочетавшую занятие торговлей с выполнением функций налоговых сборщиков на условиях откупа. Связь с государственным аппаратом способствовала обогащению одних и экономическому упадку и разорению других, ибо откупщики несли материальную ответственность за сбор условленной суммы налогов. Имущественная дифференциация в группах гостей, членов гостинной и суконной сотен была тем сильнее, чем выше было сословное положение и состоятельность группы в целом. В первой половине XVII в. на базе развития местного ремесла и торговли стали возрождаться провинциальные посады. Там вновь появились купцы, обладавшие значительными капиталами и вевшие крупные торговые операции.

Тяглое население большого города делилось на сотни (иногда полусотни) и слободы. Часто сотни были не только территориально-административными единицами, но и организациями, объединявшими близкие по характеру деятельности группы ремесленников и торговцев. Во многих случаях улицы и концы назывались по профессии ремесленников, населявших эти места. Горожане разных сословий занимались не только ремеслом и торговлей, но и огородничеством, садоводством, в некоторых городах — хлебопашеством.

Москва как город имела ряд специфических черт. В нее переводились наиболее искусные, опытные мастера из других городов. В ней сосредоточивались и иностранные специалисты-ремесленники, приезжие или специально выписанные из-за границы, а также пленные. В Москве имелись некоторые предприятия мануфактурного типа — Пушечный двор, Монетный двор, пороховая мельница. Кадашевская и Хамовная слободы, где

жили ткачи, представляли тип рассеянной мануфактуры. Москва была главным центром не только внутрирусского рынка, но и обмена с иностранцами. Царя не без основания называли первым купцом страны. Царская казна заключала сделки с иностранными купцами на большие суммы денег и имела право отбора лучших товаров. В Москве жили крупнейшие русские купцы, обладавшие значительными капиталами. Наконец, в Москве были более, чем в других местах, обострены классовые и социальные противоречия, что нашло, в частности, выражение в московском восстании 1648 г.

Прогресс производства и углубление общественного разделения труда привели на рубеже XV—XVI вв. к усилению развития товарно-денежных отношений. Увеличение товарности сельского хозяйства в известной мере стимулировалось и ростом денежных налогов, ради уплаты которых крестьянам приходилось продавать не только излишки, но и часть необходимого продукта. Монастыри не стали в этот период значительными поставщиками хлеба на рынок, нередко они сами закупали хлеб, излишки продавались в небольшом количестве. Торговля монастырей хлебом расширяется только в XVII в.

Нет данных и о том, что вотчинники или помещики XVI в. занимались производством товарного хлеба. В отличие от Прибалтики XVI в., где основным поставщиком хлеба на рынок являлось помещичье хозяйство, в России в тот же период барское хозяйство было натуральным и удовлетворяло лишь потребности самого феодала, его семьи и двора. Таким образом, основным поставщиком хлеба на рынок могло быть только крестьянство, вынужденное продавать хлеб и другие сельскохозяйственные продукты для уплаты все возрастающих налогов. Продажа крестьянами части необходимого продукта и запасов семенного хлеба, приводя к нестабильности крестьянского хозяйства, способствовала вместе с тем стягиванию все большего числа крестьян в процесс расширения хлебного рынка. Рост налогов уже в конце 40-х годов XVI в. привел к резкому увеличению количества товарного хлеба, что вызвало бурное оживление местных рынков. Вся выгода от высоких хлебных цен доставалась не крестьянству в целом, а лишь его небольшой зажиточной верхушке, имевшей хлебные запасы и деньги для скупки хлеба по дешевым ценам в урожайные годы. Производство товарного хлеба в России XVI в. было настолько ограниченным, что зерно почти не поступало на внешний рынок.

Из городского купечества в XVI и особенно в первой половине XVII в. выделились скупщики сельскохозяйственных продуктов, приобретающие товар у крестьян мелкими партиями. Так, скупка льна для продажи за границу производилась пудами, полупудами.

Продажа продуктов животноводства осуществлялась по преимуществу крестьянами. И в этой сфере действовали скупщики, без участия которых было бы невозможно осуществлять сбыт продуктов животноводства иностранным купцам. Очень важную роль в развитии внутреннего рынка играла торговля солью, рыбой, медом. Наиболее крупными продавцами соли в XVI в. являлись монастыри, имевшие жалованные грамоты на беспоплиный провоз и продажу соли. Торговали солью и представители других категорий населения. Крупная торговля солью способствовала установлению связей между отдаленными рынками и процессу образования всероссийского рынка.

Расширение в первой половине XVII в. производства хлеба, особенно в плодородных уездах черноземного центра, и увеличение его выброса на внутренний рынок, а также рост обращения товарных масс в целом приводили к дальнейшему повышению роли водных путей и речного транспорта. Производство хлеба в Европейской России настолько увеличилось, что стало возможным часть его направлять в Сибирь для довольствия тамошних служилых людей. С 20-х годов XVII в. казна начала продавать

хлеб довольно значительными партиями некоторым европейским странам.

В XVI — первой половине XVII в. происходит постепенное увеличение объема ремесленной продукции, предназначенной для вольного сбыта, возрастает роль скупщика. В первой половине XVII в. намечается процесс перерастания ремесла в мелкое товарное производство. Некоторые ремесленники выступают одновременно и в роли продавцов своих изделий. Характерным становится сочетание работы на заказ с работой на рынок.

Показателем интенсивного развития мелкого товарного производства и торговли в городах служит рост количества торговых помещений, из которых местами крупной торговли являлись чаще всего лавки, местами мелочной торговли — скамьи, палаша и т. п. Хотя «свод» богатейших торговых людей в Москву в 70-х годах XVI в. нанес урон развитию местной торговли, он все же не прервал этот процесс в целом. Политические потрясения, которые испытал в XVI в. Новгород, также не смогли приостановить расширения в нем торговой деятельности посадских людей. Число лавок в Новгороде увеличилось с 700 в начале XVI в. до 850 на рубеже XVI—XVII вв. В Пскове, по данным 80-х годов XVI в., было около 1250 лавок, амбаров и т. п. помещений. В Москве только в Китай-городе, по переписи 1626 г., насчитывалось 1368 торговых мест. В тот же период их было в Нижнем Новгороде 574, в Туле — 386, в Суздале — 236.

Торговые люди, в первую очередь москвичи, отличались большой предприимчивостью и хорошим знанием рыночной конъюнктуры. Ассортимент товаров одного купца был обычно очень разнообразен. Для контроля за торговыми людьми правительство издало в первой половине XVII в. ряд указов. В указе 1626 г. приставам предписывалось следить за распределением торговцев по рядам в соответствии с разновидностью их товаров. Указ этот плохо выполнялся, поскольку такая строгая регламентация не устраивала торговых людей.

Важным показателем развития ремесла и внутренней торговли в XVI — первой половине XVII в. был рост ремесленных сел, сельских торжков, рядков и ярмарок. В качестве мотива открытия в селе торгового указывалось на отдаленность села от города и торгов. Возникновение торговых сел уменьшало пространственный разрыв между городами как центрами торговли и способствовало образованию предпосылок всероссийского рынка.

Причиной появления торгово-ремесленных поселений, как и развития городов, было усиливавшееся отделение ремесла и торговли от сельского хозяйства. На базе промыслов возникли Соль Камская, бывшая в XVI в. пригородом Чердыни, Новая Русса, носившая первоначально название Новой Соли, Устюжна Железопольская и др. Развитие ремесла в подмонастырных поселениях привело к образованию Тихвинского посада, посада около Псково-Печерского монастыря, способствовало торгово-промышленному росту с. Клементьева под Троице-Сергиевым монастырем и т. д. На посадах и в ремесленных селах стали проводиться торги, обычно раз в неделю.

В больших торговых селах наблюдается наличие нескольких, а иногда и многих ремесленных специальностей. Продукция сельских ремесленников, как и городских, приобретает частично товарный характер. Доходы таможи в торгово-промышленных селах колебались от 38 до 150 р. в год, что было намного меньше доходов городских таможен.

Отдельные ярмарки существовали в России уже в XVI в., в первой половине XVII в. число их увеличивается. Макарьевская ярмарка под Нижним Новгородом стала с 20-х годов XVII в. одним из центров складывания всероссийского рынка. Через брянскую Свенскую ярмарку она имела связь с украинским рынком.

В XVI в. шло накопление капиталов не только в городах и торгово-ре-

месленных селах и посадах, но и в поморской деревне. Представители богатой верхушки крестьян Двинского уезда широко скупали земли у своих обедневших соседей, владели обширными рыбными ловлями. Однако в стране, где развитие феодализма шло еще по восходящей линии, в направлении закрепощения крестьян, имущественное расслоение в северной деревне не могло привести к возникновению капиталистических отношений.

Наметившаяся в XVI и углубившаяся в XVII в. порайонная специализация ремесел не была абсолютной, но она, безусловно, способствовала развитию торгового обмена между областями. В этом процессе особую роль играли торговцы, осуществлявшие связь одного областного рынка с другим, главным образом купцы-скупщики, но иногда и производители, выезжавшие торговать своим товаром в более или менее отдаленные места.

Общий подъем внутренней торговли в XVI — первой половине XVII в. нашел отражение в росте цен и увеличении доходов таможен. За XVI в. цены на сельскохозяйственные продукты возросли в 3—4 раза, на изделия ремесла — вдвое. Основные волны повышения цен в XVI в. приходятся на 20—30-е, 50-е годы, конец 70-х — 80-е годы. В 60-х годах, а затем в первой половине 90-х годов наблюдается понижение цен. Цены на ремесленные товары понижались слабее, чем цены на продукты земледелия. Обороты внутренней торговли на городских рынках первой половины XVII в. неуклонно росли, о чем свидетельствует увеличение доходов таможен. Так, доход нижегородской таможи вырос с 12 183 р. в 1615 г. до 33 335 р. в 1645 г., т. е. почти втрое за 30 лет.

Однако развитие внутренней торговли в XVI — первой половине XVII в. замедлялось воздействием феодальных отношений. Недостаточно был развит кредит. Ссуды давались под большие проценты (обычно 20%). Торговые операции и проезд облагались многочисленными пошлинами. Все торговцы делились на местных, иногородних и «иноземцев», под которыми в таможенных грамотах подразумевались жители не Московской, а других русских земель и зарубежья. В наименьшем размере пошлины взимались с местных, в наибольшем — с «иноземцев». От пошлин в ряде случаев особыми жалованными грамотами освобождались привилегированные торговцы — прежде всего монастыри.

В 1653 г. Торговый устав упразднил все разнообразные таможенные пошлины и заменил их единой «рублевой» пошлиной, составлявшей для русских купцов 5%, а для иностранцев 6% стоимости товара. Прежние проездные пошлины отменялись, иностранцы должны были платить 2% стоимости товара за привоз и вывоз. Унификация таможенных пошлин и проведение принципов протекционизма в отношении русских купцов свидетельствуют о весьма значительном уровне развития внутренней торговли к середине XVII в.

В XVI — первой половине XVII в. Российское государство вело торговлю со многими европейскими странами. Торговые связи с ганзейскими городами, Скандинавией, Прибалтикой, Великим княжеством Литовским и др. были дополнены в середине XVI в. торговлей с Англией и Голландией, с 80-х годов XVI в. — с Францией. Торговля велась через балтийские порты (Ревель, Рига, Нарва), Смоленск, со второй половины XVI в. — также через устье Двины и мурманское побережье. Особое значение приобрел Архангельск, построенный в 80-х годах XVI в. в устье Двины и ставший основным портом для торговли с Англией и Голландией. Связи с этими странами во второй половине XVI — первой половине XVII в. играли первенствующую роль в русско-западноевропейской торговле. Посредническая торговля, особенно при участии голландцев, способствовала товарообмену с Испанией и другими странами, с которыми не было прямых регулярных торговых отношений. В Англии для торговли с Россией и Персией была основана специальная торговая компания, получившая в 1555 г. учредительную королевскую грамоту; она сразу же стала

известна под неофициальным названием Русской или Московской компании. Во второй половине XVI в. и позднее эта компания пыталась монополизировать русский внешний рынок. Особенно острую борьбу с англичанами вели голландские купцы.

Состав товаров, ввозившихся в Россию и вывозившихся из нее, отличался большим разнообразием. Ввозились ткани, металлы и металлические изделия, в том числе деньги, предметы вооружения, драгоценности, продукты питания, химикалии и лекарственные вещества, стеклянная утварь, бумага, некоторые меха и др. Среди тканей главное место занимали сукна различных сортов и разного происхождения. Даже самое дешевое импортное сукно стоило в конце XVI в. дороже самого дорогого местного сукна. Импортировались некоторые шелковые (атлас, бархат и др.) и хлопчатобумажные ткани (миткали, киндяки), но их удельный вес в западном ввозе не идет в сравнение с удельным весом сукон. Только в середине XVII в. сукна были несколько потеснены голландским полотном.

Из металлов в Россию ввозились железо, медь, свинец, олово, а также золото и серебро в монете, слитках и изделиях. Несмотря на наличие собственной железодобычи, Россия нуждалась в железе и изделиях из него. Железо, стальные ножи, ножницы, замки, иголки, булавки и т. п. в значительном количестве привозили шведские, голландские и английские купцы. Испытывая острую потребность в цветных металлах, особенно в меди для литья пушек и колоколов, Россия, не имевшая тогда собственных разработок цветных металлов, была крайне заинтересована в привозе этого товара. Ввозились также медная и железная проволока, колокола, паникадила и т. п. Главным поставщиком металлов в Россию была Англия, чем и объясняется особенная устойчивость ее торговых привилегий во второй половине XVI — первой половине XVII в. Чеканка денег и денежное обращение в России зависели от привоза серебра.

Российское государство XVI — первой половины XVII в. вело длительные войны и испытывало известную нехватку оружия. В Россию ввозились некоторые разновидности огнестрельного (мушкеты, самопалы) и холодного оружия (алебарды, протазаны), ядра, порох, формы для литья пушек, доспехи (панцири).

В числе привозных драгоценностей находились самоцветы и жемчуг, посуда и предметы утвари, среди продуктов питания — пряности и специи, фрукты, вина, пиво, сельдь, соль. Импортировались также стекло и зеркала. Из химических товаров предметом ввоза были квасцы, купорос, ртуть, киноварь, чернильные орешки, горячая сера, краски, сулема, бура, ярь, белила, мыло (испанское), из мехов — французские лисицы, выдры и ильки.

Основными статьями западного вывоза из России были предметы земледелия, охоты, животноводства, рыболовства, морского и некоторых других промыслов. Весьма важную часть русского экспорта составляла пушнина. Русские купцы закупали в разных городах и селах, а затем продавали иностранным купцам конский волос, свиную щетину, гусиный пух, войлок. Особенным вниманием иностранных купцов пользовались кожи и кожевенные изделия. Экспортировались и продукты животноводства — сало, мясо, масло и др.

Из продуктов земледелия уже в XVI в. в большом количестве вывозились лен и пенька. В XVI — первой половине XVII в. экспортировались также греча, льняное семя и растительное масло. Продавались за рубеж и продукты обработки технических культур: канатная пряжа, канаты. С 20-х годов XVII в. значительную роль на мировом рынке стал играть русский хлеб, что связано с подъемом земледелия и увеличением товарности сельского хозяйства. Объектами торговли были рожь, ячмень, пшеница. В 30-х годах XVII в. у голландцев даже возник план перенесения остзейской хлебной торговли в Российское государство.

Западноевропейские купцы покупали в России в большом количестве продукты морского промысла и рыболовства: моржовую кость («рыбий зуб»), ворвань, акулий и тресковый жир, кожи морских животных, икру, так называемый «рыбий клей», рыбу ценных сортов — треску, палтус, семгу. Очень существенными предметами вывоза были мед и воск. За границу направлялись мачтовый лес, листовичная губка, кап (застывший березовый сок), солодковый корень, продукты использования и переработки древесины: смола, смольчуг, вар, зола, поташ. Шли на экспорт также алебастр и слюда. Велась транзитная торговля персидским шелком, нефтью и ревенем.

Преимущественным правом товарообмена с иностранными купцами обладала государева казна. Она объявляла «заповедными» те товары, на которые хотела иметь монопольное право приобретения или продажи. Ими были благородные металлы, собольи меха, воск, хлеб (зерно), смола, льняное семя, икра, персидский шелк и ремень, частично поташ. В общем торговом обороте значительная сумма приходилась на долю царя.

Иностранные купцы и торговые компании стремились добиться от русского правительства различных привилегий и преимуществ. В XVI — первой половине XVII в. их права определялись не только межгосударственными договорами, но и специальными жалованными грамотами. Впервые грамота такого рода была выдана в 1517 г. датским купцам. Ряд жалованных грамот получили английская Московская компания (начиная с 1555 г.), голландские купцы (начиная с 1600 г.). Наиболее принятой формой торговли с иностранцами была торговля оптом. Иностранцам предписывалось иметь дело прежде всего с казной, затем — с купцами, но не непосредственно с товаропроизводителями и потребителями. При торговле оптом расчет производился не наличными деньгами, а товаром. Поэтому внешняя торговля носила преимущественно меновой характер. Об известной примитивности торговли с иностранцами свидетельствует ее ярмарочный характер: торговля велась обычно с момента прихода иностранного судна с товаром до Семенова дня Летопроводца (1 сентября). Русские купцы выезжали в страны Западной Европы в редких случаях. Как правило, они не ездили дальше Прибалтики и Скандинавии. Поэтому активность торговли в большой степени зависела от инициативы иностранных купцов и компаний.

В середине XVII в. некоторые голландские купцы состояли в числе русских гостей и, живя в Амстердаме, выполняли торговые поручения царя: таким образом они приравнивались к русским купцам и платили пошлины в половинном размере. Уже на рубеже XVI—XVII вв. голландские купцы экономически преобладали над английскими в русской торговле, а в XVII в. фактически заняли прежние позиции англичан. Ассортимент их товаров был шире и разнообразнее, они охотнее предоставляли кредиты, да и сами вложения их в русскую торговлю значительно превосходили английские.

Баланс торговли западных стран с Россией на Балтике и Белом море был пассивным, т. е. стоимость экспорта из России на Запад превышала стоимость импорта в Россию с Запада. Поэтому наряду с товарами западные купцы ввозили и деньги. В торговле с западноевропейскими купцами участвовали торговые люди многих русских городов и уездов. В одних торговля велась непосредственно, в других скупщики приобретали товар для последующей продажи их иностранным купцам в таких крупных центрах международной торговли, как, например, Архангельск или Новгород. Развитие русского внутреннего рынка и рост местного купечества привели к обострению в первой половине XVII в. противоречий между русскими и иностранными купцами. С 20-х годов XVII в. русские купцы начинают подавать коллективные челобитные правительству с жалобами на засилье и злоупотребления иностранных купцов. У русских купцов накопилась

большая сумма долга иностранным купцам. В середине XVII в. она составляла около 22 тыс. р. Челобитные 1646 и 1649 гг. касались всех иностранцев, в том числе и англичан. В 1649 г. под предлогом осуждения казни короля Карла I в Англии царь Алексей Михайлович отменил привилегии английских купцов, оставив за ними лишь право торговли в Архангельском порту. Эта мера, направленная против англичан, способствовала дальнейшим успехам на русском рынке их главных конкурентов — голландцев.

Из восточных стран Российское государство торговало с Казанским и Астраханским ханствами (до 1552—1554 гг.), со среднеазиатскими ханствами, Ногайской ордой, Крымом, Турцией и Ираном. Среди предметов вывоза из России различались товары отечественного происхождения и изделия западных стран. В группе русских товаров ремесленного производства значительную часть составляли кожи, отличавшиеся хорошей выработкой (юфть и др.), предметы вооружения, в том числе огнестрельное оружие, весьма редкое на Востоке, деревянные, серебряные и железные изделия (особенно топоры и ножи); меньшее место занимали ткани и швейные изделия, вино, водка. Из продуктов местных промыслов экспортировались меха, мед и воск, соль, ловчие птицы, моржовая кость, слюда и краски. В небольшом количестве вывозились зерно, мука, сало, масло. Предметами посреднической торговли России с Востоком были западные сукна, бумага, стекло, ртуть, железо и цветные металлы — олово, медь, свинец.

В очень ограниченных масштабах велась торговля ясырем, т. е. пленными. Восточным купцам разрешалось покупать не более 10 пленных; русских людей и пленных, принявших православие, продавать запрещалось. В 1566 г. было категорически запрещено продавать пленных «немцев», обученных ремеслу. Продажа пленных производилась главным образом в Касимове, Переяславле-Рязанском, Нижнем Новгороде и Свияжске.

Ввоз в Россию из стран Востока отличался разнообразием товаров. Ввозились многие виды тканей — шелковых (камка, тафта, атлас, бархат и др.) и хлопчатобумажных (бязь, пестрядь), ковры, шелк-сырец, хлопок, некоторые виды кожи (юфть, сафьян), пряности, изюм, чернослив, миндаль, орехи и сахар, рис, рыба, москательные товары (краски, камедь, квасцы), нефть, употреблявшаяся главным образом в качестве растворителя в живописной технике, ладан, мыло, благородные металлы — золото и серебро (в монетах), изделия из них, драгоценные и цветные камни, жемчуг. У Ногайской орды Россия покупала в большом количестве лошадей и в несколько меньшем — овец. Второстепенными объектами русского ввоза с Востока были предметы вооружения и конского снаряжения, военные музыкальные инструменты, посуда. При посредничестве среднеазиатских и иранских купцов поддерживался товарообмен со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Непосредственные торговые отношения России с Индией завязались в середине, а с Китаем — во второй половине XVII в. Предметами посреднической торговли России с Западом были такие восточные товары, как шелк-сырец и нефть.

В пределах России импортные восточные товары распространялись неравномерно: предметы роскоши имели узкий рынок сбыта среди верхушки господствующего класса. Дешевые сорта шелковых материй, хлопчатобумажные ткани, некоторые виды пряностей, краски, камедь, квасцы, нефть проникали в различные слои общества. Торговый оборот России с восточными странами был несравненно меньше, чем с западными. На рубеже XVI—XVII вв. торговый оборот с Западом достигал 150 тыс. р., а с Востоком — немногим более 4 тыс. р.

В торговле с Востоком, как и с Западом, казна располагала преимущественным правом приобретения привозных товаров, ряд товаров находился в ее монопольном ведении. Уже в первой половине XVI в. вывоз из стра-

ны драгоценных металлов — золота и серебра — был сильно затруднен, а во второй половине XVI в. полностью запрещен. Ограничениям подвергался и вывоз оружия. В распоряжении казны находился также вывоз собольих мехов и кожи. Русская царская торговля велась как на восточных рынках, так и в пределах Российского государства.

К середине XVI в. восточным купцам разрешалось свободно приезжать только в пограничные русские города, а пункты, где им позволялось торговать, определялись особо. В первой трети XVI в. турки и татары имели право торговать в поселке Холопьем (в Угличском уезде), куда во время ярмарки собирались люди из самых отдаленных мест. Название Холопье-го торго говорит о том, что именно здесь когда-то шла распродажа ясыря — пленных, оказавшихся в положении холопов.

«Повольным» торгом восточные купцы могли заняться лишь после завершения торговых сделок с казной. Но при этом купцам, приезжавшим в Россию с казенным товаром, запрещалась розничная торговля и закупка русских товаров непосредственно у их производителей. Они должны были вступать в торговые сношения с русскими купцами при содействии специально приставленных к ним торговых людей, переводчиков и приставов. Казенная торговля освобождалась от таможенных пошлин, операции же с частными лицами подлежали таможенному обложению. Только в Сибири восточным купцам разрешалось торговать беспошлинно.

С русской стороны в торговлю с Востоком было втянуто прежде всего среднее и мелкое купечество. Именно оно преобладало в торговых поездках в Крым, Турцию, Иран. Крупные купцы типа Строгановых направляли на Восток своих приказчиков.

В целом эволюция социально-экономических отношений России в XVI — первой половине XVII в. была весьма сложной. С одной стороны, шел процесс развития феодализма вглубь и вширь, который приводил к закреплению крестьян и увеличению прав землевладельца на личность непосредственного производителя. С другой стороны, в России происходил бурный рост товарно-денежных отношений, намечалось превращение ремесла в мелкое товарное производство, возникали мануфактуры, возрастало значение наемного труда, увеличивался обмен между областями и с зарубежными странами. Развитие феодализма не могло приостановить развития товарно-денежных отношений, но и последние пока еще никак не угрожали устоям феодальной собственности на землю и принципу внеэкономического принуждения.

Глава 11

ВЕНГРИЯ

Завоевание Венгрии турками и утрата ею политической независимости привели к глубоким изменениям в венгерском обществе.

В 20—60-х годах XVI в. в руках турок оказалось Среднее Подунавье до Словакии на севере; затем им удалось захватить обширные пространства к востоку от Тисы и юго-западу от Балатона. Узкой полосой на западе между турецкими владениями и Австрией тянулась попавшая под власть Габсбургов «королевская Венгрия» со Словакией на севере и Закарпатьем на северо-востоке. К середине XVI в. от Венгрии отложилось Трансильванское княжество, ставшее вассалом Порты. В начале XVI в. в его состав вошел Парциум — семь комитатов между Трансильванией и Тисой. Твердо установленных венгеро-турецких границ на территории бывшего Венгерского королевства не существовало.

Общая численность населения на захваченных турками территориях сократилась с 3,5—4 млн человек в конце XV в. до 2,5 млн в конце XVI в.; лишь в начале XVIII в. был восстановлен уровень конца XV в. Миграции населения заметно влияли на численный и этнический состав населения в отдельных областях страны. Многие местности, особенно пограничные, обезлюдели. Шло переселение в свободные от турок северные районы. Несмотря на значительный приток иммигрантов, войны с Турцией и Габсбургами, эпидемии мешали росту населения в королевской Венгрии и Трансильвании. Венгерское дворянство стремилось укрыться за городскими стенами. Немецкое население, составлявшее большинство во многих городах, уходило в более безопасные места в королевстве, а также в Германию, Австрию. Некоторые города «омадьяривались». Повсюду в стране, особенно в южных областях, заметно возросла численность сербов, хорватов, боснийцев, влахов (румын), албанцев, бежавших от завоевателей. К концу XV в. невенгерские народы составляли около четверти всего населения Венгрии. К XVIII в. доля венгров упала до 35—45%, их численность — до 1,5—1,8 млн человек.

Венгерская экономика XVI — первой половины XVII в. оставалась аграрной. Сельское хозяйство получило новый импульс развития: Венгрия включилась в международную торговлю как поставщик сельскохозяйственной продукции в страны Западной Европы и потребитель ремесленной продукции. Спрос на продукты сельского хозяйства и сырье рос, росли и цены на них. Обилие таможен на границах и внутри раздробленного бывшего Венгерского королевства не могло задержать роста этой торговли. Первое место в экспорте занимал крупный рогатый скот (около 90%). В большом количестве вывозились лошади и овцы; с начала XVII в. — вино.

Внешняя торговля способствовала специализации отдельных районов. Из 5—6 млн га пригодных для сельского хозяйства земель в Венгрии треть была занята зерновыми и виноградниками, а две трети шло под скотоводство.

В XVI в. на Большой Венгерской низменности (Альфёльде), захваченной турками, заброшенные земли превращали в свои пастбища торговые мещичи, выражившие скот на продажу; так поднялись Кечкемет, Дебрецен, Надькёрёш, Цеглед.

После захвата турками Серемгеша в Южной Венгрии виноделие здесь пришло в упадок; однако большое значение приобретали старые и новые области виноградарства в королевской Венгрии: Токай-Хедьалья, Шопрон-Ферте, Шомло, Кёсег, окрестности Балатона.

Хлебопашеством в Венгрии занимались повсюду, где позволяли природные условия: наибольшей известностью пользовались области зерновой монокультуры к западу от Дуная.

Специализация сельского хозяйства влекла за собой оживление внутреннего рынка. Население, занятое в виноградарстве и скотоводстве, покупало хлеб в зерновых районах. Обычно такие области соседствовали друг с другом. Играя заметную роль во внутреннем товарообороте, зерно, необходимое населению незерновых районов, городам, войску, в XVI—XVII вв. почти не вывозилось за границу.

Тесные торговые связи Венгрия поддерживала с австрийскими, немецкими землями, Чехией, Моравией, Силезией, Венецией, Польшей. Претерпела существенные изменения, но не прекратилась торговля балканского направления. Баланс торговли королевской Венгрии и Трансильванского княжества в XVI в. был активным благодаря вывозу скота и металлов из рудников Словакии и Трансильвании. В XVII в. экспорт скота сократился, а ввоз ремесленной продукции (сукно, изделия из металла, галантерея) оставался значительным (около 90% импорта). От негативных изменений в рыночной конъюнктуре более всего страдали крестьяне.

В результате турецкого завоевания венгерские города переживали упадок. Хирели ремесленные отрасли, торговля переходила в руки турецких и балканских купцов, резко сократилась численность населения. Но в городах и прежде ремесло отставало от торговли. В XVI в. при оживлении экспортной торговли сельскохозяйственной продукцией это отставание усиливается и способствует упадку городской жизни. В более благоприятном положении находились города королевской Венгрии, связанные с внешней торговлей: Шопрон, Пожонь (Братислава), Бартфа (Бардеёв) и саксонские города Трансильвании. Оживленный товарооборот, большое стечение народа на происходивших дважды в год ярмарках способствовали некоторому развитию ремесла.

В городах сократилось текстильное производство, не выдержавшее конкуренции с более дешевыми силезскими и моравскими тканями. Ремесло в венгерских городах в XVI—XVII вв. не вышло за рамки простого товарного производства и находилось в состоянии застоя. Однако горожане преуспевали в сфере сельского хозяйства, особенно в виноградарстве и виноделии, виноторговле и обслуживавших их ремеслах: казне некоторых городов они давали от 25—30 до 50—55% доходов.

В конце XV в. в горных промыслах словацких городов Венгерского королевства наблюдались кризисные явления: у жителей горных городов — вальдбюргеров, в руках которых находилась организация горноплавильного дела, было недостаточно капиталов, чтобы эффективно вести разработку месторождений руды. В эксплуатации рабочих преобладали феодальные черты: низшие категории горнорабочих рассматривались как лично зависимые. Однако в результате проникновения в горное дело Венгерского королевства капиталов южнонемецких предпринимателей, в первую очередь Фуггеров, уже в начале XVI в. словацкие рудники приобрели общеевропейскую известность, их продукция резко возросла, а медь наряду с немецкой стала почти полностью обеспечивать европейский рынок. Фуггеры организовывали и контролировали процесс добычи, обработки и сбыта руды, применяя наемный труд на рудниках и в плавильнях. Со второй четверти XVI в. Фуггеры и их преемники стали ограничиваться предоставлением денежных авансов и сферой сбыта, стремясь получить максимальные прибыли при минимальных затратах на оборудование, освоение новых мощностей, заработную плату рудокопам и металлургам, поэтому добыча руды сократилась. Не рассчитывая на высокую прибыль, южнонемецкие предприниматели изымали свои капиталы из словацких горных промыслов, что было вызвано также сложной конъюнктурой на европейских рынках, обострившейся внутренней и внешней обстановкой в королевской Венгрии. Заметный спад со второй половины XVI в. претерпевали и горнодобывающие промыслы Трансильванского княжества.

Изменения произошли и в жизни рыночных местечек, «аграрных городов» (до 800 в XV в.). Феодалы стремились низвести население рыночных местечек до положения феодально-зависимых крестьян: декрет 1498 г. обязал жителей местечек и горожан вносить девятину за арендуемые у феодалов земли. Местечки лишались льгот в налогообложении, самоуправлении. Ряд законов ограничивал в пользу феодалов торговлю местечек сельскохозяйственной продукцией. Местечки, принадлежавшие короне, переходили в руки частных владельцев, что ухудшало их статус. Это привело к активному участию рыночных местечек в Крестьянской войне 1514 г.

Выгодная аграрная конъюнктура стимулировала включение феодалов в торговлю продукцией, полученной ими в виде натурального оброка. Государство под давлением феодалов в 1492—1550 гг. в законодательном порядке санкционировало увеличение доли натуральных поборов, распространение девятины на рыночные местечки, пахотные земли и виноградники, арендуемые горожанами у феодалов, право предпочтительной покупки вина сеньорами у своих крестьян и др.

С конца XV в. и особенно с середины XVI в. феодалы начинают расширять собственную запашку. Домениальное хозяйство, ориентирующееся на рынок, возникало прежде всего в зерновых районах с развитой сетью путей сообщения, в поместьях крупных и средних магнатов в Задунавье и Западной Словакии. Некоторые области почти не знали его: в скотоводческом Альфёльде развивались своеобразные формы мелкого крестьянского товарного хозяйства.

Новые домены возникали по преимуществу на пустующих землях, но происходил и стон крестьян с земли, особенно в поместьях мелких феодалов. Становление домена сопровождалось распространением барщины. Закон 1514 г. предусматривал один день барщины, с середины XVI в. в полевую страду требовали два дня в неделю. Известны случаи неограниченной барщины. Однако в XVI в. феодалы еще использовали на домене и наемный труд поденщиков, сезонных и постоянных работников. В XVII в. сфера применения наемного труда в феодальных поместьях сузилась.

В XVI — первой половине XVII в. в Венгрии складывается «второе издание крепостничества», основанное на личной и судебной зависимости крестьян от феодала, ограничении или лишении права перехода, ликвидации владельческих прав на надельную землю, юридическом бесправии, разветвленной системе натуральных, денежных и отработочных повинностей. Эти принципы были сформулированы в законе 1514 г., который, однако, был отменен уже в 1530 г.; декреты 1536—1597 гг. подтверждали, хотя и с большими ограничениями, право перехода крестьян.

Крепостничество в Венгрии в XVI — первой половине XVII в. еще не приобрело самых жестких форм, не все крестьяне втягивались в крепостную зависимость. На занятой турками территории крепостничество в классической форме не сложилось, хотя положение крестьян здесь было более тяжелым из-за постоянных грабежей воюющих сторон, налогового бремени. В Трансильвании оно в разной степени коснулось венгров, влахов, секеев и саксов. Саксы и часть секеев сохранили личную свободу. И в королевской Венгрии не существовало единообразной системы крепостной зависимости. Часть рыночных местечек сохраняли право свободно перехода и несения повинностей на льготных условиях. Льготами пользовались и крестьяне-переселенцы, заселявшие опустошенные турками земли королевской Венгрии и Трансильвании.

Больше других от крепостничества страдали мелкие и средние надельные крестьяне, самостоятельно работавшие на своих наделах и производившие мало товарной продукции. Зажиточные крестьяне вели монокультурное хозяйство и стремились выйти за рамки надельной системы, приобретая участки целины, виноградники, с которых требовали меньше повинностей. Были среди них и владельцы крупных стад, откупавшиеся от барщины и использовавшие труд малоземельных или безземельных соседей. Таким образом, в среде крестьянства шел процесс расслоения.

В результате политических и экономических сдвигов изменилось и соотношение внутри класса феодалов. К магнатам королевской Венгрии принадлежало во второй половине XVI в. не более 30 семей, из них 10 семей владели четвертью всех подлежащих обложению крестьянских дворов. Магнаты и примыкавшая к ним верхушка среднего дворянства занимали важнейшие государственные должности. Часть из них активно включалась в товарное производство, налаживая в своих поместьях домениальное хозяйство, выращивая пшеницу на продажу в город и армии, беспощадно торгуя скотом из собственных имений. Роль мелкого дворянства, составлявшего абсолютное большинство среди феодалов, падала. Особую категорию представляли однодворцы, не имевшие крепостных. В начале XVII в. эта прослойка пополнилась гайдуками, получившими дворянство за участие в антигабсбургском освободительном движении. Военная служба у крупных феодалов давала возможность подняться до дворянского

состояния и приобрести землю; несли ее и мелкие феодалы. Это усиливало вассально-сеньориальные связи, но ослабляло мелкое дворянство, которое государство стремилось низвести до уровня податного сословия.

Итак, основной чертой социально-экономической жизни Венгрии XVI — первой половины XVII в. было становление позднефеодального крепостничества. Оно сопровождалось включением Венгрии в европейскую торговлю в качестве поставщика продуктов сельского хозяйства, прежде всего скота и вина, стимулировалось развитием товарного зернового хозяйства, ориентированного преимущественно на местный рынок. В XVI в. крепостничество еще не утвердилось в своих классических формах: оно не в одинаковой степени охватило крестьянство различных областей и разные категории крестьянства. Важную роль сыграла в этом незавершенность структуры домениального хозяйства. В сфере социальных отношений углублялась дифференциация внутри основных классов феодального общества и еще больше ослабевали позиции бюргерства.

Глава 12

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Социально-экономическое развитие Османской империи, распространявшей свои владения на весь Ближний Восток, Северную Африку, Юго-Восточную Европу и угрожавшей странам Центральной и Восточной Европы, определялось прежде всего тем, что в рамках этого государства все еще продолжался процесс феодализации и вплоть до XVII в. сохранялись некоторые дофеодальные институты. Разнотипность и неодновременность феодализации различных социальных прослоек приводили к тому, что здесь почти одновременно с оформлением феодальных отношений начинали проявляться и кризисные явления, которые осознавались современниками уже с конца XVI в.

Завоевывая земли христианских народов, османы обычно уничтожали местный доосманский феодальный класс, но сохраняли сложившиеся там традиции земельно-рентных отношений. Начиная с 1487 г. для каждого административного района-санджака составлялось свое канун-наме — законоположение о земле, ее хозяйственном режиме и налогах с местного населения, в котором фиксировались те рентные нормы и формы, которые существовали до османского завоевания, но теперь они записывались как налоги в пользу нового государства (некоторые под мусульманскими наименованиями — ушр, харадж, джизье, ресм-и-чифт и т. п., другие — как особые платежи или натуральные поставки, принятые в той или иной местности). В западно-анатолийско-балканском регионе сохранялся уровень феодальной эксплуатации крестьянства, сложившийся в доосманскую эпоху. Несколько видоизменялись и ограничивались лишь отработочные повинности (теперь обычно 3 дня в году); ряду групп населения предписывалось постоянное выполнение некоторых нужных государству работ (ремонт дорог, поддержание в порядке переправ и перевалов и т. п.), за что они освобождались от уплаты налогов.

Османское государство, придав сложившимся до завоевания рентным отношениям публично-правовой характер, стремилось сохранить их и законсервировать: на их базе формировался новый османский господствующий класс. В законодательных общегосударственных сводах, составленных в правление османского султана Мехмеда II Завоевателя (1451—1481), было зафиксировано деление всех подданных государства на два сословия: военных (аскери) и податных (реайа). Позднейшие законодательные

акты империи, в том числе и книга законов Сулеймана I Законодателя (1520—1566), сохраняли это деление.

В состав аскери включались не только воины-мусульмане, принимавшие участие в завоеваниях христианских стран, но и мусульманское духовенство, верхушка султанского двора и государственного аппарата. Следовательно, аскери представляли собой не профессиональную (чисто военную), а социальную прослойку, включавшую всех тех, кто не платил государственные налоги. Лишь им османские султаны жаловали земли и право на сбор в свою пользу определенной квоты государственных налогов. Лишь из них формировался османский феодальный класс. Однако эта широкая социальная общность не была единой, внутри нее шел процесс дифференциации. Султаны раздавали земли на различных условиях. Некоторые виды пожалования вели к формированию турецко-мусульманского крестьянства; однако большинство пожалований имело характер феодальных владений.

Во второй половине XV—XVI в. султанские власти раздавали земли прежде всего воинам-кавалеристам (сипахи). Их владения, передававшиеся по наследству на условии несения наследниками кавалерийской службы, получили название «тимар». Позднее этот термин был распространен и на другие категории пожалований, имевшие, кроме того, еще и собственные названия. Размеры ренты с сипахийских тимаров записывались в султанских грамотах (бератах) и санджакских реестрах (дефтер-и-иджмал) в строго определенной денежной сумме. Сипахи обязан был выполнять в своем владении также некоторые административно-хозяйственные функции. Между сипахи и их кавалерийскими командирами устанавливалось не только военное, но и административно-территориальное и даже поземельно-налоговое подчинение. Командиры получали долю ренты с крестьянства, проживающего во владениях рядовых сипахи, и в известной степени могли контролировать отношения тимариотов и реайи. В то же время во всех сипахийских владениях отдельные виды налогов продолжали собирать и чиновники центрального фиска, что позволяло и государству контролировать доходы сипахи и выполнение ими своих административно-хозяйственных обязанностей в отношении податного населения.

Несколько позже воинов-кавалеристов начинают получать земельные пожалования сановники центрального государственного аппарата. В XVI—XVII вв. круг лиц, получавших земельное обеспечение своих должностей, значительно расширился. Предоставляемые им земельные пожалования (хассы и арпалыки) были неразрывно связаны с определенной должностью и не наследовались, как сипахийские владения, а передавались преемникам по должностям. Размеры их намного превышали земельные владения сипахи. Они меньше контролировались фиском. Их владельцы — временные рентополучатели, не проживавшие в своих владениях, были менее связаны с землей и крестьянством, чем сипахи. Не были они связаны и с местной территориальной администрацией района, где располагались их земли. В хассах, арпалыках и подобных им должностных владениях складывался другой тип хозяйствования, чем во владениях сипахи. Как и в землях, находившихся в личном распоряжении султанов, в должностных владениях все шире начинает использоваться система откупов: это давало широкую возможность ростовщическим кругам и иным обладателям денежных средств приобщаться к земельно-налоговой эксплуатации крестьянства. В тимарах хотя бы формально реайа были защищены публично-правовыми нормами налоговых сборов с крестьянства, а доходы сипахи и владельцев хассов и арпалыков регламентировались государственными постановлениями; отношения откупщиков с крестьянством государственному контролю не подлежали, пределы рентной эксплуатации устанавливались между откупщиками и крестьянством на частноправовой основе.

Складывание разных типов хозяйствования во владениях различных групп османских феодалов — характерная черта османского феодального развития. Тимары сипахи и хассы-арпалыки — наиболее заметные и массовые формы различающихся между собой феодальных пожалований. Различия между ними подчеркивались еще и различными методами формирования разных прослоек феодалов.

Первоначально высшая администрация государства формировалась из мусульманского духовенства — улемов, но уже в XV в., а особенно в XVI в. складывается особый слой османского общества — воины и чиновники капыкулу (буквально — рабы августейшего порога), не связанные на первых порах с феодализующимся османским обществом. Многие из них происходили из военнопленных, принявших ислам. Позже капыкулу стали рекрутироваться путем девширме — принудительного набора детей христиан, проживавших в землях Османского государства. Система девширме окончательно сложилась к XVI в. Набранных мальчиков отрывали от родителей, обращали в ислам, отдавали в турецкие семьи для обучения «турецкому языку и рабскому служению». Через несколько лет их помещали в специальную школу при дворце, где они подготавливались к военной или гражданской службе; из них формировались армейские части, состоявшие на жалованье у султана, среди которых особенно были известны пехотные войска — янычары. Из этой же категории лиц выходили и многие чиновники государственного управления вплоть до великих везиров. Существование такого своеобразного института в Османской империи в условиях уже сложившихся феодальных отношений и интенсивно шедшей феодализации собственно османского господствующего класса способствовало усилению деспотических начал в государственной структуре, порождало конфликты внутри османского господствующего класса, тормозило его превращение в подлинно феодальный класс.

Использование капыкулу позволило султанам противопоставить их наряду с сипахи-тимариотами турецким бейам-завоевателям, действовавшим на Балканах в XIV — первой половине XV в. и соперничавшим с самими османскими султанами. Ко второй половине XV в. политическая самостоятельность беев была сломлена, но многие старые феодальные роды, ведущие родословную от этих беев-завоевателей, сохранили привилегированные позиции, действуя через своих ставленников капыкулу, воспитанных в их семьях, а затем выдвинутых ими на высшие государственные должности. Чрезвычайное распространение получила практика назначения на должности великих везиров многочисленных султанских зятьев — дамадов, происходивших из капыкулу. При всей своей жестокости система девширме служила все-таки для некоторой части нетурецких подданных империи специфическим путем проникновения в высшую османскую бюрократию. Например, выходец из капыкулу знаменитый великий везир второй половины XVI в., султанский дамад Мехмед Сокоглу происходил из известного сербского рода Соколовичей. Прцветанию этого рода в XVI—XVII вв., несомненно, способствовало то, что его представитель находился в высших слоях султанского окружения.

Верхушка капыкулу, получая хассы и арпалыки, приобщалась к феодальной эксплуатации крестьянства. Хотя связь их с землей и крестьянством была менее прочной, чем у сипахи, доходы со значительных по размерам пожалований намного превышали сипахийские. В течение XVI в. нарастало соперничество между чиновниками-капыкулу и сипахи-тимариотами. Обострению этого соперничества способствовало то, что практика использования капыкулу полностью закрывала для сипахи пути в аппарат центрального управления, а также усилившаяся претензия чиновничества на часть земельного фонда, ранее предназначенную для раздачи воинам-сипахи.

Верхушка чиновничества добивалась от султанов не только условных пожалований, но и безусловных — мюльков. Земельные мюльки жаловались довольно часто, но на землях, объявленных после завоевания государственной собственностью, поэтому султаны всегда считали себя вправе конфисковать мюльковые владения. Чтобы избежать этого, владельцы мюльков зачастую передавали свои земли в вакф, т. е. в собственность мусульманских религиозно-благотворительных учреждений, что юридически изымало их из-под власти султана. Владелец мюлька получал наследственные права учредителя вакфа и определенную долю (как правило, 20%) от доходов с пожертвованного в вакф имущества. Именно вакфы вопреки государственным изъятиям и контролю за состоянием земельного фонда позволили потомкам первых беев-завоевателей, действовавших на Балканах одновременно с османами, высшим военным-административным чинам и придворным служителям сохранить на протяжении веков свои экономические позиции. Формирование семейных наследственных вакфов особенно активно шло во второй половине XV—XVI в. В вакфах складывались иные, чем на государственных землях, категории зависимого крестьянства. Свое происхождение многие из них вели от бывших рабов, военнопленных, беглых и бродяг. Формы эксплуатации здесь были более подвижны и изменчивы. Крестьянство в вакфах освобождалось от государственных чрезвычайных налогов и сборов. Вакфная администрация, как постоянный хозяин, была больше заинтересована в интенсификации хозяйства. Именно вакфное хозяйство начало раньше ориентироваться на рынок.

В острой борьбе за землю и власть между двумя основными группировками османского феодального класса — сипахи и капыкулу — к концу XVI — началу XVII в. перевес сил явно оказался на стороне капыкулу, чему способствовали и изменения в отношениях между феодалами и крестьянством.

В первой половине XVII в. происходит массовое обезземеление крестьян-райатов. Наряду с ростом налоговых сборов и произволом тимариотов этому же способствовал ростовщический гнет. В XV в. для балканских районов империи соотношение денежных и натуральных налогово-рентных сборов с крестьянства составляло 50,2 : 49,8; в следующем столетии оно увеличилось в пользу денежной ренты в соотношении 60 : 40. Отработочная рента, с самого начала существования государства очень незначительная, уже во второй половине XV в. была полностью заменена денежной. В Османской империи значительное распространение денежной ренты вело не к товаризации крестьянского хозяйства, а к усилению его зависимости от ростовщика. При этом обезземеление райата не освобождало его от государственной налоговой зависимости. Каждый райат был приписан к определенной податной единице — хане, объединявшей несколько крестьянских хозяйств и несшей коллективную ответственность за уплату того или иного налога государству. Связи райата с хане вследствие строгого финансово-полицейского контроля государства оказывались сильнее, чем связи с землей. Даже потеряв свой надел, присвоенный тимариотом или ростовщиком, крестьянин оставался прикрепленным к хане. Это способствовало тому, что он становился издольщиком на той земле, где раньше был райатом. Переписи XVI—XVII вв. показывают значительное увеличение среди сельских жителей безземельных — джаба, арендующих землю. Положение крестьянина-издольщика зависело исключительно от произвола феодала, ничем не ограниченного государством.

Положение усугублялось тем, что в XVI в. в Османской империи произошел демографический взрыв: за период 1520—1580 гг. численность жителей ряда санджаков европейской части страны увеличилась более чем на 70%. Издольщина не могла поглотить все столь бурно увеличивавшееся сельское население. Появилось значительное число крестьян, вынужденных покинуть свое хозяйство, уйти с земли, превратившись в декласси-

рованные элементы, не находившие себе применения ни в деревне, ни в городе.

Наступление на права крестьянства вели главным образом владельцы крупных тимарных владений и откупщики налогов. Рядовые же сипахи, среди которых было много мелких землевладельцев, получавших строго регламентированный государством доход, с трудом приспособлялись к новым условиям. В начале XVII в. происходило массовое разорение рядовых тимариотов, чему в немалой степени способствовала и политика султанских властей, часто конфисковавших их земли. Эти земли приписывали к султанским хассам, а затем отдавали на откуп. Однако сама тимарная система не была отменена, и время от времени правительство пыталось ее упорядочить, укрупнить мелкие тимарные владения, пресечь произвол местных властей. Тимары продолжали жаловаться офицерам вновь создаваемых родов войск и вождям кочевых племен, насильственно переводимых на оседлость. Разоренные и деклассированные тимариоты не вливались в состав реаи, а сохраняли надежду вновь за какие-либо военные или иные заслуги получить тимар. Они пополняли наемные войска провинциальных правителей, вступали в шайки бродивших по стране разбойников или в качестве иррегулярных войск участвовали в османских войнах. Все это дестабилизировало социальную структуру Османской империи. Несколько упорядочить положение султанским властям удалось лишь во второй половине XVII в.

Османское государство играло значительную роль в социальной и экономической жизни страны: оно ограничивало права феодалов в их тимарных владениях, регламентировало доходы торговцев, ремесленников, даже ростовщиков. Осуществлялось это с помощью кадиев — мусульманских судей, выполнявших разнообразные функции. Они разрешали гражданские, уголовные, кредитные споры, осуществляли надзор за разверсткой и сбором налогов, контролировали вакфные учреждения, устанавливали цены на основные потребительские товары, организовывали общественные работы, фиксировали жалобы населения, доносили о них центральным властям.

Государственная уравнительная регламентация распространялась и на ремесленное производство: без специального разрешения властей нельзя было открыть лавку или мастерскую. Устанавливались нормативы на те или иные изделия, регламентировались доходы (10—20%). Все эти ограничения препятствовали социальному расслоению ремесленников и в конечном счете замедляли развитие производительных сил.

Значительное развитие городской жизни в Османской империи в XV—XVII вв. — следствие континуитета порядков доосманских времен и вместе с тем характерная черта османского феодализма. Хотя на Балканах в этот период наблюдаются резкие колебания в росте городов и численности городского населения, что было связано с военными действиями, изменением торговых путей и т. п., общая тенденция развития состояла в сохранении городов и их немусульманского в подавляющем большинстве населения. В то же время в крупных городах заметно возрастал и турецкий, мусульманский компонент, что происходило вследствие концентрации в городах османской администрации, а также более интенсивно протекавшего там процесса исламизации и ассимиляции местного населения. Однако даже в Стамбуле, столице империи, где все население значительно обновилось, не замечалось стремления к созданию замкнутого мусульманского общества.

Османский город находился в феодальной зависимости от государства: оно определяло размеры и способы сбора налогов с горожан, вырабатывало нормы торговой и ремесленной жизни города. В государственных предписаниях были значительные заимствования из доосманской практики городской жизни, однако оформлено это было османским законодательством, служило консервации городских традиций и удовлетворению потреб-

*Стамбул в XVI в. Фрагмент.
Париж, Национальная библиотека.*

постей государства и армии. Города в Османской империи не имели собственного самоуправления и единого муниципального устройства. Они делились на отдельные кварталы, управление которыми строилось по религиозному признаку.

К XVII в. до Османской империи докатилась общеевропейская «революция цен». Пик роста цен приходится на первое десятилетие XVII в. Путем прямого государственного вмешательства цены на товары первой необходимости удалось удержать на близком к прежнему уровню. Целью османской регламентации цен, торговли и ремесленного производства была забота о снабжении крупных городов, особенно Стамбула. Каких-либо протекционистских взглядов в отношении местного производства в мусульманских экономических представлениях того времени не существовало.

Начиная с 1535 г. велись переговоры о торговых привилегиях в Османской империи французским купцам: соглашение, предоставившее им льготные условия торговли (низкие ввозные пошлины, право экстерриториальности, освобождение от налогов), было впервые подписано Францией в 1569 г. Несколько позже аналогичные льготы (капитуляции) были получены и другими европейскими странами. Капитуляции сыграли отрицательную роль в судьбе Османской империи, создав условия для установления ее экономической зависимости от европейского капитала. Однако в XVI в. эти соглашения, дарованные иностранцам как милость султана и отвечавшие принятой у мусульман внешнеторговой доктрине, не являлись признаком какой-то экономической несамостоятельности.

Значительного поощрения султанских властей была удостоена транзитная торговля. С XVI в. Османская империя полностью контролировала все ближневосточные участки важнейших караванных торговых путей, по которым издревле шли в Европу такие азиатские товары, как шелк и пряности. Включение османов в мировую посредническую торговлю пряностями хронологически совпадало с началом португальской морской торговли этими товарами. При возраставших европейских потребностях в пряностях караванная торговля еще долго успешно сосуществовала с морской. В торговле пряностями и шелком энергично действовали представители различных народов, населявших Османскую империю, которые постепенно вытеснили венецианцев, а затем и купцов других итальянских городов. Изменилась и направленность этой торговли: она в результате соперничества с Португалией сдвинулась на северо-восток; большое значение начинают приобретать торговые пути через Молдавию, Львов, Крым. Интересы посреднической торговли во многом определяли и направления внешнеполитической активности Османской империи в Европе.

Анализ тенденций социально-экономического развития Османской империи в конце XV — первой половине XVII в. показывает, что развитие османского общества в этот период определялось становлением феодальных отношений, сосуществованием различных феодальных типов хозяйствования, вовлечением в процесс феодализации новых групп османского населения, активной ролью государства, оказывавшего воздействие на социальную жизнь страны. Общая картина феодального развития характеризовалась развитием вширь, исчезновением архаических дофеодальных отношений. В этих условиях османское господство над балканским и другими европейскими районами, прошедшими до завоевания значительный путь феодального развития, означало для них определенный социальный регресс, который усугублялся политическими, культурными и религиозными противоречиями.

Социальные изменения, порожденные османским владычеством, происходили не только в тех районах, где была произведена значительная ломка социальных структур доосманского периода, но и в пограничных районах: Валашском, Молдавском, Трансильванском княжествах и некоторых районах Северного и Восточного Причерноморья, которые были включены в Османскую империю на вассально-данических условиях.

Глава 13

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ВЛАДЕНИЯ, ВЕНЕЦИИ И ГАБСБУРГОВ. ДУБРОВНИК

Основные особенности социально-экономического развития территорий, находившихся под властью Венецианской республики (Далмация, Истрия и часть Черногорского приморья — Венецианская Албания) и Габсбургов (Хорватия, словенские земли, а до середины XVI в. — и области современной Боеводины), тесно связаны с самим фактом возникновения и существования на большей части Балканского полуострова Османской империи. Длительная конфронтация и экспансия османов против владений Венеции и Габсбургов осложняли и затрудняли поступательное развитие экономики, вели к опустошению многих местностей, их упадку или стагнации, нарушали давние хозяйственные связи.

Эти последствия военно-политических перемен в Юго-Восточной Европе на протяжении XV и XVI вв. усугубляли различия в общественной и

экономической структуре, обусловленные отсутствием у народов этого региона самостоятельной государственности (не считая Дубровницкой республики — вассала Порты). Развитие этих стран было подчинено своекорыстной политике правящих верхов Венеции и державы Габсбургов.

Сокращение и разграбление венецианских владений в Далмации, угон местных жителей османскими отрядами, падение численности населения и запустение многих возделываемых земель бесспорно оказывали крайне негативное воздействие на экономику и общественное развитие далматинских городов и островов. Эти неблагоприятные последствия османской экспансии и отрыва прибрежной Далмации от внутренних районов Балканского полуострова, оказавшихся под властью Порты, усугублялись колониалистской политикой Венецианской республики.

Власти Венеции, видевшие в далматинских купцах опасных конкурентов, начиная с XV в. старались ограничить или полностью уничтожить внешнюю торговлю далматинских городов, поставить Далмацию в полную экономическую зависимость. Известное оживление торговли происходит в связи с открытием в 1592 г. венецианцами гавани в Сплите для транзитной торговли с Турцией.

Конкурентная борьба Венеции с Дубровником, Неаполем, Испанией, приносившая доходы преимущественно казне республики, в малой мере содействовала общественному и экономическому подъему Далмации. Все это было причиной консервации там прежних общественных отношений, сохранения и распространения издольной аренды (колоната), отсталости сельского хозяйства. Длительность упадка Далмации (вплоть до начала XVII в.) содействовала и сохранению ведущих позиций местного патрициата в общественной системе и аграрных отношениях, несмотря на заметное снижение доходов и сужение его политических прав властями Венеции. Даже появление малочисленной прослойки разбогатевших горожан («граждан») не смогло изменить прежнюю социальную структуру в Далмации, они не сумели одержать верх в борьбе с патрициями. Последовательный курс Венеции, заинтересованной в поддержке нобилей, обуславливал и неудачи выступлений далматинских горожан-пополанов («пучан») и крестьян против патрициата.

Сходной была и общественная структура Дубровницкой республики, где политическое и экономическое господство принадлежало местному патрициату. Как и в Далмации, здесь появляется прослойка «граждан», не принадлежавших к сословию нобилей и не имевших доступа к власти; их экономическая близость к нобилям и кастовая замкнутость, обособленность от других прослоек городского населения, так же как и в венецианской Далмации, не привели к значительным переменам в социальной системе Дубровника.

К первой половине XVI в. относится расцвет экономической жизни Дубровника. Признание вассальной зависимости от Порты, сохранение дружественных отношений с Испанией обеспечили дубровчанам возможность вести весьма прибыльную сухопутную и морскую торговлю, расширяя ее за счет своих венецианских конкурентов. Превращению Дубровника в главного торгового посредника между Османской империей и Западной Европой во многом содействовала сама верховная власть Порты над Дубровником: дубровчане могли беспрепятственно создавать свои многочисленные фактории и колонии в разных балканских провинциях Османской державы, скупать продукты местного сельского хозяйства (шерсть, кожи, воск, зерно, сыр и др.) и ввозить на Балканы ткани (произведенные в самом Дубровнике и Западной Европе) и соль. Немалые доходы приносила торговля не только на Балканах, но и с Египтом и Сирией; в годы антиосманских войн республика полностью сосредоточила в своих руках экономические связи Западной Европы с Балканами и Ближним Востоком.

Благоприятные условия для дубровницкой торговли обеспечивало в XVI в. и оживление некоторых отраслей местного ремесла и мореходства, хотя роль посредника в транзитном товарообороте приводила к постепенному упадку ремесел, особенно мануфактур, к росту вкладов капитала в банковские операции и земельные владения, в том числе и в освоение заброшенных крестьянами земель. Эти признаки упадка Дубровника стали гораздо более явственными с середины XVI в., когда место дубровчан в морской торговле стали занимать купцы из Франции, Англии, Голландии и их давние конкуренты — венецианцы. Начинается сокращение колоний Дубровника и на Балканах, где укрепляются позиции местного купечества.

В XVII в. обострились отношения Дубровника с Венецией, старавшейся вытеснить соперников из товарообмена на Адриатике; власти Дубровника безуспешно старались этому помешать, поддерживая ремесла путем предоставления займов, выдачи премий, пытались воспрепятствовать отливу капиталов за границу, вводя особые сборы с таких капиталовложений. Известное оживление дубровницкой торговли наступает в середине XVII в., что было вызвано военными действиями на Средиземном море, когда Дубровник оказался главным посредником между Италией и Турцией, ибо Венецианская республика тогда была противником Порты.

По своему социально-экономическому состоянию от Дубровника и венецианской Далмации заметно отличались южнославянские земли, входившие в состав державы Габсбургов. Их положение и направление экономических связей определялись не ролью средиземноморской торговли и наличием обширного балканского рынка сбыта, а включением в многонациональное Австрийское государство. Однако и в этом случае значимость Османской империи для судеб общества и хозяйства земель под властью Габсбургов была весьма велика. Длительная борьба Австрии с Портой велась главным образом на территории Хорватии, постепенно все сокращавшейся под опустошительным натиском османов, который вызывал усиление поборов и повинностей для содержания габсбургских войск и постройки крепостей, что ухудшало положение крестьян и горожан.

В тылу антиосманской борьбы, в словенских областях, находившихся на торговых путях между Южной Германией, Хорватией и Италией, в XVI в. появляются зачаточные формы капиталистических отношений в горном деле, в особенности на ртутных рудниках Идрии. Здесь заметен рост городов и расширение их торговых связей, значительно развиваются товарно-денежные отношения в городе и деревне, начинает определяться экономическая специализация отдельных районов (добыча железной руды в Каринтии, свинца — в Крайне). Все эти процессы были связаны и с ростом дифференциации крестьянства, его задолженности ростовщикам, увеличением числа малоземельных и безземельных крестьян и в то же время обогащением и освобождением от феодальной зависимости немногочисленной прослойки крестьян-«свободников», превращавшихся нередко в купцов и скупщиков. Развитие товарно-денежных отношений, особенно подъем горного дела привели к вовлечению части дворян в торговлю, ростовщичество, к участию некоторых магнатов в предпринимательстве, в первую очередь в разработке рудников, приносящих большую прибыль. Появляется и новая прослойка дворянства: немало разбогатевших горожан приобретают имения феодалов или получают дворянские титулы от Габсбургов.

Слабость словенских торговцев и цеховых ремесленников приводила к засилию в быстро развивающейся горной промышленности иностранного купечества (Паумгартнеров, Фуггеров и др.) или местных феодалов. Рост городов и повышение спроса на сельскохозяйственные продукты, падение стоимости денег обуславливали перестройку помещичьего хозяйства, перевод крестьян на натуральный оброк или барщину, резкое увеличение

феодалных повинностей. В первой половине XVI в. барщина крестьян в Верхней Крайне возросла до 200 дней в году; рост дворянской эксплуатации вызывал усиление крестьянского движения (как, например, восстание 1515 г.).

Ослабление связей крестьян с внутренним рынком, сужение его, перемещение торговых путей, постепенный отлив иностранного капитала из рудников ввиду роста налогов и банкротства видных купцов из Южной Германии, разгром крестьянских движений привели в конце XVI — начале XVII в. к экономическому упадку словенских земель. Резко сокращается число горожан в связи с уходом протестантов, опустошительными эпидемиями; бездействуют многие рудники, заметно сужаются и рамки внешней торговли, ограниченной товарообменом с Италией и оказавшейся главным образом в руках итальянских и немецких купцов.

Сходным было и положение части Хорватии, входившей в состав владений Габсбургов, хотя отрицательное воздействие османской экспансии здесь сказывалось еще сильнее, чем в словенских землях. Набеги османских войск привели к опустошению многих городов или их разрушению, к разрыву торговых связей страны с приморскими районами: общий упадок городов и ремесла лишь отчасти восполнялся увеличением спроса на товары, необходимые для обеспечения войск и крепостей, а в известной мере — и определенным усилением связей Хорватии с Центральной Европой, прежде всего со словенскими землями. В связи с перемещением торговых путей наметилось и некоторое повышение роли городов Славонии, а среди них Градца-Загреба.

Важные изменения произошли в XVI в. в среде хорватских феодалов: многие, особенно мелкие и средние, вотчинники погибли, иные были разорены и вынуждены поступать на службу к крупным магнатам или в королевское войско. Рост влияния магнатов сопровождался также переменами в национальном составе господствующей феодальной верхушки: при Габсбургах постепенно возрастает удельный вес венгерского и немецкого дворянства, получавшего земли от венского двора. Резко ухудшилось и положение основной массы хорватского населения — феодально-зависимого крестьянства.

Длительные войны с османами, феодальные междоусобицы, насилия императорских наемников привели к разорению многих деревень, увеличению числа заброшенных крестьянами наделов и массовому бегству сельского люда в соседние земли (Словению, Венгрию, даже владения Порты). Увеличились феодальные повинности и поборы, государственные налоги и работы, в особенности для нужд обороны. Во второй половине XVI в. во многих владениях светских феодалов Хорватии отработочная рента стала основной формой эксплуатации крестьян, а в конце века в ряде вотчин можно отметить и ежедневную барщину.

Хорватские феодалы, подавив крестьянское восстание 1573 г., часто увеличивали барщину до 6 дней в неделю с так называемого полного надела. Преобладание отработочной ренты было связано в XVII в. и с дроблением наделов, которое вотчинники использовали для увеличения повинностей, с подрывом крестьянского хозяйства и невозможностью возделывать множество заброшенных земель. Неограниченная власть феодалов в деревне и городе была главной причиной продолжавшегося, несмотря на некоторое ослабление османских набегов, и в XVII в. экономического упадка хорватских земель. В городах по-прежнему существовало типично средневековое цеховое ремесло, горожане страдали от непосильных налогов и притеснений дворян, переселившихся в города из-за османской угрозы. Многие небольшие городки оказались в полной зависимости от крупных магнатов, а в королевских городах феодальные землевладельцы становились конкурентами купцов и ремесленников. Все это усугубляло последствия долгого экономического застоя и господства феодалов.

Глава 14

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА

С конца XV в. Валахия и с середины XVI в. Молдавия оказались в вассальной зависимости от Османской империи. Порта сохранила государственную автономию княжеств, ограничив ее такими формами экономической и политической зависимости, которые позволяли ей извлекать из княжеств наибольшие выгоды. Дань султану превратилась в регулярную ежегодную подать — харадж. Порта постоянно стремилась к увеличению его размера: харадж Валахии в первой четверти XVI в. составлял 14 тыс. золотых, к концу века он достиг суммы 155 тыс.; в течение XVI в. харадж Молдавского княжества вырос с 4 тыс. золотых до 65 тыс. Кроме хараджа, княжества должны были поставлять Османской империи сельскохозяйственные продукты, на которые Порта устанавливала произвольно заниженные цены. Постепенно султан монополизировал экспорт княжествами сельскохозяйственной продукции.

Средством выкачивания денег из княжеств стала плата за получение престола претендентами на господство, а также периодические взносы за утверждение на престоле, многочисленные подарки и подношения султану и его сановникам по случаю мусульманских праздников и торжественных событий, связанных с назначением на должность. Большие затраты княжества должны были производить на организацию вооруженных отрядов для участия в османских военных предприятиях, а также на содержание султанских войск во время их постоев на территории княжеств. Вассальная зависимость от Османской империи непосредственно отражалась на социально-экономическом развитии и эволюции феодальных отношений в княжествах.

Основой экономики Дунайских княжеств в XVI—XVII вв. оставалось сельское хозяйство: развивалось производство зерновых культур — пшеницы, проса, ячменя, ржи; широко были распространены виноградарство и виноделие, пчеловодство, садоводство и огородничество; значительного развития достигли животноводство и скотоводство, превосходившие по товарности остальные отрасли сельского хозяйства. Однако с углублением процесса разделения труда росло и ремесленное производство, расширялась специализация ремесла: с конца XVI в. появляются цеховые объединения ремесленников, развивается внутренняя и внешняя торговля.

По мере роста числа ремесленников и торговцев возрастали количество городов и численность их населения. Увеличению городского населения значительно способствовало и разрастание чиновничьего аппарата для взимания государственных поборов и выполнения экономических требований Порты.

Число горожан, занимавшихся сельскохозяйственными работами, в XVI—XVII вв. сократилось.

Во внутренней торговле большую роль продолжали играть ярмарки. Наряду с ними с конца XVI в. в городах возникают постоянные рынки. Торговля продукцией сельского хозяйства занимала ведущее место на внутреннем рынке; ремесленники также начинают работать не только на заказ, но и на продажу, открывая свои лавки.

Во внешней торговле преобладал преимущественно экспорт: из княжеств вывозились главным образом скот и продукты животноводства, а также вино, мед, воск, соль, рыба. Особенно оживленными были торговые связи с Польшей. Через Польшу и Трансильванию валахские и молдавские товары шли в Западную и Центральную Европу. В связи с осман-

скими завоеваниями и географическими открытиями в XVI в. сократилось участие княжеств в транзитной торговле между Востоком и Западом. Препятствием на пути расширения внешней торговли становился принудительный вывоз сельскохозяйственной продукции в Османскую империю, которая стремилась монополизировать внешнюю торговлю княжеств.

К началу XVI в. все земли в княжествах были распределены между господарем, светскими и церковными вотчинниками; основная масса земельных богатств была сосредоточена в руках немногочисленного круга крупных землевладельцев.

Внешнеполитические условия существования княжеств сдерживали усиление форм феодальной зависимости и эксплуатации крестьянства вотчинниками: зависимые частновладельческие крестьяне систематически призывались в армию и составляли ее главные военные резервы, поскольку отсутствие свободных земель не позволяло господарям содержать достаточный контингент военно-служилых людей. В этих условиях дальнейшее развитие феодальных отношений в княжествах в XVI в. шло по линии дробления крупных вотчин. В результате сокращалась крупная и средняя земельная собственность, увеличивалось число мелковотчинных владений. Особенно интенсивно эти процессы происходили в Молдавском княжестве, так как здесь концентрация крупного землевладения была больше, чем в Валахиях. Из числа мелких землевладельцев-кнезов в Валахиях и куртян в Молдавском княжестве в XVI в. сформировалось военно-служилое сословие. В конце XVI — начале XVII в. оно увеличилось за счет новых групп военно-служилых людей — конников-каларашей и пехотинцев-доробанцев. В их числе были и безземельные, которые получали в условное владение участки на землях господарского домена. Дробление крупных вотчин создавало условия для распространения долевого землевладения, когда в границах одного села собственниками становились несколько светских феодалов, главным образом из числа военно-служилых.

Господари, стремясь к укреплению центральной власти, расширяли в XVI в. территорию своих доменов. Они скупали дробившиеся вотчины, конфисковывали земли обвиненных в измене бояр. Вместе с тем преимущественно за счет господарских дарений росли и владения церковных феодалов.

В XVI в. в княжествах формируется служилое боярство, главным источником доходов которого становилась государственная служба, оплачивавшаяся за счет централизованной ренты. Накапливая большие денежные средства, служилые бояре скупали земли мелких владельцев, приобретали земли из господарского домена. С начала XVII в. господари начинают прибегать к продаже своих владений для покрытия возраставшего финансового дефицита княжеств, вызванного усилением экономической зависимости от Османской империи. В результате в XVII в. появляются новые крупные и средние вотчины служилых бояр.

Распродажа господалями своих земель, пожалования боярам и церкви вели к быстрому сокращению господарского домена в XVII в. Власть господаря слабела, а политическое влияние крупного служилого боярства росло.

В Дунайских княжествах, как и в других странах Центральной и Восточной Европы, в XVI—XVII вв. с развитием товарно-денежных отношений растет вотчинное производство на рынок. Но отличие здесь состояло в том, что масштабы товарного производства в вотчинах валашских и молдавских бояр были значительно меньше и основу его составляли продукты животноводства, а не зерно, потребность в котором вотчинники удовлетворяли, главным образом, за счет крестьянских натуральных повинностей. Основной повинностью феодально-зависимых крестьян в валашской и молдавской вотчине оставалась десятина — джима — продуктами.

За пользование земельным наделом в границах сельской общины с крестьян взималась джма с собранного урожая зерна, скошенного сена, продукции пчеловодства, садоводства, виноградарства, огородничества, рыболовства. Вотчинники, заинтересованные в увеличении производства продуктов животноводства на рынок, отрезали в свою пользу общинные земли, удобные для пастбищ, и за пользование ими взыскивали с крестьян джиму со скота. Оброк натурой вносился крестьянами также за пользование мельницей, мостом или бродом, корчмой в пределах вотчины.

Отработочные повинности крестьян (заготовка кормов, извоз, земледельческие и дворовые работы) носили характер нерегулярной и нефиксированной барщины, определявшейся хозяйственными нуждами вотчины. В Валахии с более развитым земледелием в общем объеме отработочных повинностей значительное место занимала земледельческая барщина. Размеры барщины в княжествах в XVI — первой половине XVII в. были сравнительно небольшими, хотя по мере расширения вотчинного хозяйства они увеличились от 3—6 до 12 дней в году.

С ростом товарности таких отраслей, как животноводство, виноградарство, пчеловодство, в Дунайских княжествах получила распространение барщина, связанная с выполнением постоянных и требующих специализации работ. Нормы такой барщины, устанавливавшиеся вотчинниками в соответствии с производственной необходимостью, намного превосходили обычные размеры отработок. Крестьяне, выполнявшие специализированную барщину, освобождались от всех других повинностей, в том числе и государственных.

За исключением этой категории крестьян, от государственных поборов по просьбе церковных феодалов освобождались работавшие на их землях зависимые крестьяне — послушники. Все остальные феодально-зависимые крестьяне несли многочисленные государственные повинности, которые особенно возросли с конца XVI в. Наряду с оброком и отработками в пользу государства крестьяне вносили в казну денежные подати, в том числе подворную подать — бир, собиравшуюся для уплаты султану дани.

Усиливавшаяся со стороны Порты экономическая эксплуатация княжеств вела к быстрому росту государственных повинностей. В начале XVII в. в общем объеме крестьянских повинностей государственные подати намного превышали вотчинные. Несмотря на это, государственные повинности не могли покрывать постоянно растущую долю централизованной ренты, которая шла на удовлетворение требований Порты.

В этих условиях господоари стали распространять налогообложение и на землевладельцев, чтобы увеличить централизованную ренту путем перекачки средств из частновладельческих доходов. В ходе финансово-податной реформы конца XVI — начала XVII в. налогообложением были охвачены вначале мелкие светские и духовные феодалы, а в течение XVII в. налогообложение распространилось на вотчинные хозяйства всех феодалов-землевладельцев. С целью упорядочения доходов был введен учет всех налогоплательщиков путем проведения переписей населения. Круговая порука в уплате налогов стала действовать не только в рамках сельской общины, но и в масштабах уездов и даже княжества.

В течение XVI в. право перехода крестьян в Дунайских княжествах все больше ограничивалось. Вотчинники, расширяя производство на рынок и увеличивая в связи с этим барщинные повинности, стремились закрепить за собой крестьян, чтобы иметь в хозяйстве постоянную рабочую силу. Эти стремления поддерживались государством, поскольку они отвечали его интересам (стабильная уплата крестьянами государственных налогов). В 90-х годах валахские и молдавские зависимые крестьяне в общегосударственном масштабе были лишены права перехода и на основании переписей прикреплены к своим землевладельцам. В Валахии это было

введено Уложением о «прикреплении» (около 1595 г.), изданным господарем Михаем Храбрым. В Молдавском княжестве крепостное право было оформлено Уложением господаря Василия Лупу в 1646 г., в Валахии — «Сводом законов» 1652 г. Но крепостничество в Дунайских княжествах не получило развития в такой степени, как в большинстве стран Центральной и Восточной Европы. Объяснялось это тем, что государство активно вмешивалось в хозяйственную деятельность вотчин, стремясь усилить феодально-государственную эксплуатацию крестьян. Проявлялось это и в ограничении господами прав податного и судебного иммунитета вотчинника.

Государственному налогообложению подлежало и городское население. Земли городов находились в собственности господарей, поэтому на горожан распространялись многие крестьянские повинности, в особенности на жителей, занимавшихся сельским хозяйством. Объем налогов с горожан непрерывно возрастал. В условиях централизации и усиления государственного податного гнета происходило ограничение городского самоуправления. Избираемые ежегодно горожанами органы городского управления должны были утверждаться господарем. Государство ограничивало города в вопросах судопроизводства и налогообложения.

Усиление налогового бремени вызывало классовый протест со стороны крестьянства и городского населения. Крестьяне отказывались от уплаты податей, от выполнения отработок, сопротивлялись лишению их права переезда. Значительные размеры приняло бегство крестьян, особенно в первой половине XVII в., в Трансильванию и Венгрию, в болгарские и сербские земли, из Молдавского княжества — в Польшу и на Украину. В первые десятилетия XVII в. широко распространились «татьяба» и «разбой»: так называли документы того времени убийства крестьянами бояр, разорение их владений, угон скота, поджог имений. Отряды гайдуков, расправляясь с ненавистными боярами, выступали защитниками угнетенных народных масс. Несмотря на суровую расправу властей с гайдуками, движение их распространялось в княжествах все больше.

В конце XVI в. в отдельных районах княжеств вспыхивают крестьянские восстания. Широкий размах приобрело восстание крестьян в Молдавском княжестве в 1591 г. Господарь Петр Хромой был вынужден покинуть престол, многие бояре и духовенство бежали из княжества. В конце XVI — начале XVII в. крестьянское движение охватило и Валахию. Уложение о «прикреплении» к земле, тяжесть налогового гнета, усилившегося в связи с увеличением господарем Михаем Храбрым расходов на содержание наемных войск, игравших важную роль в его военно-политических акциях, вызвали широкие крестьянские выступления почти во всех районах княжества. Нередко крестьянские движения в княжествах вспыхивали во время внутренних боярских распрей. Отдельные боярские группировки часто стремились использовать недовольство крестьян, направляя их гнев против неугодной им группировки, что в такие периоды внутриполитической неустойчивости еще более обостряло обстановку в княжествах.

В городах также происходили социальные движения, которые участились в конце XVI — первой половине XVII в. Продолжалась борьба горожан против феодалов, стремившихся присоединить городские земли к своим вотчинным владениям. В то же время обострились социальные противоречия внутри городского населения. Развитие цеховой организации в ремесленном производстве сопровождалось столкновениями между цеховыми мастерами и бесправной массой подмастерьев и учеников. Сложная социальная обстановка в княжествах приводила к обострению классовых противоречий.

Таким образом, установление вассальной зависимости Дунайских княжеств от Османской империи обусловило ряд особенностей их социаль-

но-экономического развития, оказавших влияние на всю последующую его эволюцию. Определяющей среди них было усиление феодально-государственной эксплуатации крестьян, вызванное возрастающими экономическими требованиями Порты (увеличение размеров хараджа и других повинностей). При этом преимущественной формой ренты становилась рента централизованная. Высоким уровнем феодально-государственной эксплуатации в значительной мере объясняется и то, что крепостничество в Дунайских княжествах не получило развития в такой степени, как в большинстве стран Центральной и Восточной Европы.

Следствием непомерных расходов по выполнению многочисленных обязательств перед султаном являлся постоянный финансовый дефицит княжеств, усиливавший государственный податный гнет. Рост налогообложения, опережая развитие производительных сил, тяжело отражался на состоянии экономики княжеств, ухудшал положение крестьян и горожан, обострял социальные противоречия.

Часть вторая

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И АБСОЛЮТИЗМ

Введение

1. Англия
2. Франция
3. Республика Соединенных провинций
4. Германия
5. Швейцарская конфедерация
6. Страны Северной Европы
7. Италия
8. Страны Пиренейского полуострова
9. Центральная Европа
10. Россия
11. Юго-Восточная Европа
12. Дунайские княжества

← *Иллюстрация «Император» к стихам Г. Сакса.
Гравюра Й. Аммана. XVI в.*

ВВЕДЕНИЕ

В странах Западной и части Центральной Европы развитие политических структур в XVI — начале XVII в. происходило в условиях возникновения и роста в рамках феодализма нового капиталистического уклада, что, как показано в предшествующих главах, составляло основное содержание социально-экономических процессов, протекавших в этом регионе, а на востоке континента — в условиях восстановления и юридического закрепления наиболее суровых форм феодальной зависимости крестьянства («второе издание крепостничества»). В отличие от социально-экономической сферы тенденции развития европейской государственности носили более общий характер, что объясняется, с одной стороны, тем, что формы государственной власти развиваются относительно самостоятельно, без абсолютно «жесткой» обусловленности состоянием социально-экономических отношений, а с другой — тем, что они в большей степени, чем социально-экономические структуры, подвержены внешнему влиянию, обладают большей способностью к усвоению опыта и практики соседних, более развитых государств.

В эволюции форм государственного устройства отчетливо проявилась диалектика общего и особенного в европейском историческом процессе — растущее осознание Европы как некоей географической и культурно-исторической общности и дальнейший рост самостоятельности отдельных национальных и многонациональных государственных образований, сопровождавшийся подъемом национального самосознания и разрывом универсалистских связей средневекового типа, воплощавшихся на западе континента в духовной и политической власти папства. Устранение внешней по отношению к государству идеологической мотивации его существования через принадлежность к единому католическому миру, характерное для XVI в., вело к оформлению идеи «самодостаточности» государства как субъекта истории, к поиску новых идеологических обоснований государства, к возникновению различного рода учений о сущности и назначении государства и государя. В России сходные тенденции в определенной степени стимулировались ситуацией религиозно-конфессиональной несхожести как с западными (католическими и протестантскими), так и с южными (мусульманскими) соседями.

На протяжении XVI в. существенно изменилась политическая карта Европы. На рубеже XV и XVI вв. в основном завершился процесс объединения английских и французских земель, сложилось единое испанское государство, в состав которого в 1580 г. вошла также Португалия (до 1640 г.). Понятие Империи, именовавшейся с конца XV в. «Священной Римской империей германской нации», все больше ассоциировалось с чисто немецкими землями. В Восточной Европе появилось новое государство — Речь Посполитая, объединившее Польское королевство и Великое княжество Литовское. Завершился процесс объединения в единое государство русских земель, ускоренный избавлением от ордынского ига, определился тип Российского государства как государства многонационального.

В то же время под ударами Османской империи распалось Венгерское королевство. Утратили политическую самостоятельность другие цент-

ральноевропейские монархии, объединенные под властью австрийских Габсбургов. Под чужеземным господством находилось большинство территорий Юго-Восточной Европы.

Общим для развития большинства европейских государств в рассматриваемый период являлось резкое усиление централизаторских тенденций, проявившихся в ускорении процессов объединения государственных территорий вокруг единого центра, в складывании отличных от средневековых органов государственного управления, в изменении роли и функций верховной власти.

В Европе XVI в. соседствовали и находились в сложных взаимосвязях государства различных типов — от переживающих разные стадии развития монархий до феодальных, а в конце века и раннебуржуазных республик. Вместе с тем преобладающей формой государственного устройства становится абсолютная монархия. В советской историографии утвердилась точка зрения, согласно которой переход от сословно-представительных монархий к монархиям абсолютистского типа связывается с выходом на историческую арену новых социальных сил в лице формирующейся буржуазии, создающей определенный противовес феодальному дворянству; по мысли Ф. Энгельса, возникает ситуация, когда «государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними»¹.

Степенью развития буржуазных слоев, равно как и особенностями предшествующего развития политических структур, в известной мере определяются конкретный характер абсолютистской власти, степень ее зрелости в той или иной стране. При этом абсолютизм как исторически переходящая форма феодальной монархии может иметь и черты внешнего сходства с другими формами «самодержавного» правления, основывающимися на иной социальной базе и восходящими к принципиально иным политическим традициям. Другими словами, абсолютизм рассматривается как форма государства, соответствующая заключительной стадии развития феодализма и характеризующаяся резко усиливающейся властью монарха и наивысшей степенью централизации.

Нижняя хронологическая граница абсолютизма условно может быть отнесена к концу XV — началу XVI в. Распространенным является представление о XVI и первой половине XVII в. как о периоде «раннего абсолютизма», хотя английский абсолютизм (наличие которого, впрочем, отдельные школы и направления зарубежной историографии отрицают) прошел в течение XVI в. стадию зрелости и вступил в полосу затяжного кризиса, разрешившегося буржуазной революцией середины XVII столетия.

В последующих главах данного раздела показано, что абсолютизм продолжает начатое ранее присоединение окраинных территорий, резко сдерживает центробежные, сепаратистские устремления феодальной знати, ограничивает городские вольности, разрушает или меняет функции старых органов управления на местах, формирует мощную центральную власть, ставящую под свой контроль все сферы экономической и социальной жизни, производит секуляризацию церковного и монастырского землевладения, подчиняет своему влиянию церковную организацию.

Органы сословного представительства (Генеральные штаты во Франции, кортесы в Испании и др.) утрачивают значение, которое они имели в предшествующий период, хотя в ряде случаев и продолжают существовать, образуя причудливый симбиоз с новым бюрократическим аппаратом абсолютизма.

В Англии парламент, созданный еще в XIII в. как орган сословного представительства, становится неотъемлемой частью абсолютистской системы, а король, согласно широко распространенным в английской

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 172.

политической литературе представлениям, обретает всю полноту власти лишь в сотрудничестве с парламентом. Специфика английского абсолютизма, а в последующем и характер его кризиса, во многом были обусловлены особенностями социальной структуры английского общества, близостью экономических позиций и классовых интересов нарождающейся буржуазии и значительной части среднего и мелкого дворянства.

Сравнительно медленное развитие французского абсолютизма в значительной степени было связано с сохраняющимся социальным преобладанием дворянства и неразвитостью капиталистических элементов, а также с рядом других факторов социально-экономического, политического, географического характера, питающих центробежные тенденции в ущерб центростремительным. Созданная французским абсолютизмом мощная бюрократическая машина, наличие которой зачастую рассматривается как наиболее характерная черта абсолютистского государства вообще, в XVI — начале XVII в. еще сохраняла множество архаических элементов. Реформы 20—30-х годов XVII в., ограничивавшие позиции феодальной аристократии и чиновничества, стали своего рода прелюдией к вступлению французского абсолютизма в «классическую» стадию развития, начавшуюся во второй половине XVII в.

Особенности испанского абсолютизма можно в известной мере объяснить крайней узостью его социальной базы, ограниченной исключительно дворянством, которое занимало доминирующее положение в классовой структуре испанской монархии, оттеснив на задний план средние предпринимательские слои. Слабая заинтересованность испанского дворянства, важный источник доходов которого составляли драгоценные металлы из колоний, в развитии национальной экономики сочеталась с преимущественной ориентацией политики правящей в стране австрийской династии Габсбургов на внешние по отношению к Испании цели (достижение гегемонии Габсбургов в Западной и Центральной Европе, борьба с реформационными движениями, расширение колониальной империи в Америке). Агрессивная внешняя политика испанского абсолютизма находила мощную поддержку среди всех слоев дворянства, составлявшего в XVI в. основу испанской армии и видевшего в осуществлении этой политики дополнительный источник доходов.

Особую специфику имело утверждение абсолютистских форм правления в Германии, представлявшей в рассматриваемый период конгломерат государств и политических образований в рамках Империи. Императоры, избиравшиеся коллегией курфюрстов, продолжали сохранять далекие от реальности претензии на политическое руководство «христианским миром», хотя в самой Империи их власть резко ограничивалась старой имперской аристократией и новой территориально-сеньориальной знатью, «имперскими чинами», представленными с конца XV в. в общеимперских собраниях (рейхстагах). Национальная имперская традиция, воплощавшаяся в конкретной политике Габсбургов, содействовала развитию регионально-партикуляристских тенденций, упрочению территориальной государственности и в конечном счете вела к формированию в отдельных землях «мелкодержавного абсолютизма», расцвет которого приходится на вторую половину XVII в. В отличие от абсолютизма крупных западноевропейских государств региональный, мелкодержавный абсолютизм в Германии не только не играл централизаторской роли, но и, напротив, содействовал усилению политической обособленности отдельных германских земель. Реформация, Крестьянская война 1524—1526 гг., последующие внутриимперские конфликты также содействовали закреплению территориально-политической раздробленности немецких земель, получившей дополнительную конфессиональную окраску. Опора каждого из конфессионально-политических германских лагерей — католического и протестантско-

го — на внешние силы постепенно превращала Германию в сферу столкновений интересов других европейских государств, приведших к общеевропейской Тридцатилетней войне 1618—1648 гг. Вестфальский мир оформил раздробленность Германии, сохранявшуюся на протяжении двух последующих столетий.

Региональный тип абсолютизма сложился в течение XVI в. и на территории Италии, где он пришел на смену региональным сословным монархиям и городам-республикам. При этом структуры Савойского герцогства были близки к французскому типу абсолютной монархии, а структуры Неаполитанского королевства и Папского государства — к испанскому типу. Собственно итальянский вариант абсолютизма получил воплощение в Тосканском великом герцогстве и других государственно-политических образованиях, сложившихся на базе синьорий. Неизменным вплоть до XVIII в. оставался государственный строй Венецианской республики, классовой базой которой являлся преимущественно патрициат, а также отчасти городская аристократия и дворянство подчиненной территории, что позволяло ей осуществлять те же классовые функции, что и монархии абсолютистского типа.

Своего рода уменьшенную копию политических структур Империи представляла собой Швейцария, которая даже к концу рассматриваемого в данном томе периода, получив в результате Тридцатилетней войны права суверенного государства, оставалась по существу достаточно аморфным объединением политических образований средневекового типа, хотя входящие в ее состав кантоны и вели весьма активную экономическую политику, характерную для ранней стадии развития капитализма.

В центральноевропейском регионе на протяжении XVI в. в основном сохранялись политические структуры, характерные для средневековых сословно-представительных монархий, с той только разницей, что в Польше, например, на фоне ослабления центральной королевской власти, безуспешно пытавшейся использовать некоторые элементы и методы абсолютистской политики, складывался режим магнатской олигархии, а в Чехии и Австрии намечалась эволюция форм государственной власти в сторону абсолютизма испанского типа.

Элементы абсолютистского правления (создание центральных государственных учреждений, попытки лавирования между соперничающими социальными слоями) возникали с начала XVI в. и в странах Скандинавии, однако они не обрели здесь устойчивых форм. Вслед за краткими периодами усиления королевской власти следовали периоды политического преобладания отдельных феодальных групп.

На развитии политических структур Юго-Восточной Европы помимо безраздельного господства феодального способа производства сказывались отсутствие государственной самостоятельности населяющих этот регион народов, их зависимость от иноземной власти — Османской империи, Венеции, австрийских Габсбургов, что вело к воспроизводству на этих территориях форм власти, характерных для соответствующих государств-суверенов (в частности, османской теократии), при сохранении и консервации некоторых местных средневековых институтов.

В условиях господства феодального способа производства происходило формирование централизованного государства в России. Ведущая роль в этом процессе принадлежала различным слоям класса феодалов, противоречия между которыми позволяли центральному правительству вести политику балансирования, которая, как отмечалось выше, была характерна для раннего абсолютизма. Государственный строй России («самодержавство» во главе с «царем и великим князем Всея Руси») складывался в результате освоения традиций Древней Руси и Византии, а также под влиянием политико-государственной практики соседних стран Запада и Востока. Наличие широкой сети общегосударственных (Боярская дума, а затем Зем-

ские соборы) и местных сословно-представительных учреждений позволяет характеризовать Россию XVI — первой половины XVII в. как феодальную сословно-представительную монархию, постепенно эволюционировавшую в сторону абсолютизма.

Принципиально новым для Европы было политическое развитие Нидерландов. Насаждавшаяся Габсбургами абсолютистско-бюрократическая система, направленная на включение страны в структуру Империи, вынужденное сосуществование абсолютистских институтов с местными представительными органами и учреждениями таили в себе зародыш неизбежного конфликта, который вылился в конечном счете в антифеодальное национально-освободительное движение, носившее характер раннебуржуазной революции (о социально-экономических причинах революции см. ч. I, гл. 4) и завершившееся образованием Республики Соединенных провинций, в которой место суверена-короля заняли Генеральные штаты.

Глава 1 АНГЛИЯ

В 1485 г. битвой при Босуорте завершились кровопролитные войны Алой и Белой розы, истощавшие Англию на протяжении 30 лет. Король Ричард III пал. На английский престол вззошел Генрих VII Тюдор (1485—1509), родоначальник новой династии. В продолжение более чем векового правления Тюдоров (1485—1603) в Англии сложилась и достигла расцвета новая форма правления — абсолютная монархия. Закат этой династии совпал со вступлением английского абсолютизма в пору его кризиса. До предела обострившись при их преемниках — Стюартах, он впоследствии стал одной из предпосылок английской буржуазной революции.

Многолетняя борьба кланов Йорков и Ланкастеров пагубно отразилась на состоянии государственных институтов Англии. Королевская власть утратила здесь свои некогда сильные позиции, расцвел сепаратизм знати, опиравшейся на вооруженные феодальные дружины. Могущественные магнаты подчинили себе местное управление и суды. Многие территории, города и отдельные представители дворянства в ходе политической борьбы XV в. добились широких вольностей и привилегий. Английская церковь, подчинявшаяся Риму и обладавшая собственным правом и судами, не подлежала контролю королевской власти.

Перед Тюдорами возникла сложная политическая задача укрепления королевской власти, подавления очагов сепаратизма и консолидации страны. Генрих VII энергично взялся за ее решение: распустил ливрейные феодальные дружины и сравнял с землей замки непокорных магнатов, решительно подавил несколько мятежей знати, уничтожив аристократические кланы тех, кто по праву крови мог претендовать на английский престол (Линкольна, Уорвика, Суффолка, Кортни). Конфискованные земли и имущество мятежников значительно пополнили королевскую казну, а частично были розданы сторонникам Генриха VII. Он предпринял широкое наступление на судебные права лордов, расширив юрисдикцию королевских судов.

Осуществление этих мер было бы невозможным без поддержки, оказанной королю самыми широкими слоями английского общества. Социальная ситуация благоприятствовала этому. В феодальных усобицах XV в. сложила головы значительная часть английской аристократии. Уцелевшие после войны Роз и репрессий Генриха VII представители знати были вынуждены проявлять лояльность по отношению к короне. Король не стре-

мился к уничтожению знати как таковой, считая ее естественной опорой престола. Взамен старой аристократии Генрих VII стал насаждать новую, так называемую «тюдоровскую аристократию», всецело зависящую от короны, даруя титулы и земли своим приверженцам, возвышая их из рядов джентри. Его усилия, направленные на политическую стабилизацию и прекращение феодалной анархии, горячо поддерживали также массы средних и мелких дворян, уставших от произвола местных магнатов, и горожан, заинтересованных в установлении мира и создании благоприятных условий для развития производства и торговли.

Итоги правления Генриха VII были успешными: королевская власть упрочила свои позиции, доходы короны возросли почти в три раза, в государственной казне к концу его царствования насчитывалось около 2 млн ф. ст.

Централизаторская деятельность Генриха VII была продолжена его сыном — Генрихом VIII Тюдором (1509—1547), при котором абсолютизм в Англии приобрел сложившиеся формы. Генрих VIII был незаурядной натурой, получив блестящее образование; его воцарение породило у англичан, в особенности у гуманистов, надежды на наступление эпохи просвещенного правления. Однако его властный, необузданный нрав, подверженность страстям, деспотизм, нетерпимость к любым проявлениям несогласия с его политикой привели лишь к укреплению неограниченной монархии в Англии. Он повел наступление на территории, все еще сохранявшие определенную независимость, — отдаленные северные графства и Уэльс. После подавления восстания 1537 г. пять северных графств в политическом и административном отношении были окончательно подчинены Лондону, а для управления ими был создан специальный орган — Совет Севера. Та же участь постигла Уэльс. Местных лордов лишили права суда, ввели общеанглийскую административную систему, общее управление передали Совету Уэльса.

В первой половине XVI в. в полемике с традиционной для английской политической мысли теорией «смешанной монархии» происходило идейное оформление абсолютистских притязаний короны — разрабатывалась официальная доктрина королевского суверенитета. Король провозглашался верховным главой независимого национального английского государства. Власть монарха объявлялась божественной по происхождению, а он сам — наместником Христа на земле. Эта теория не оставляла места никаким политическим институтам, ограничивающим королевскую власть.

Однако на практике Тюдорам приходилось считаться с существованием парламента. Если в других западноевропейских странах органы сословного представительства лишились своего былого значения, здесь парламент оставался важным элементом политической структуры абсолютизма, составляя его характерную особенность. В XVI в. парламент не только втировал налоги по требованию короны, но и активно участвовал в законодательной деятельности государства. Его жизнестойкость была обусловлена расстановкой классовых и социальных сил в период становления абсолютой монархии.

Английское дворянство не было замкнутым сословием, его ряды пополнялись за счет разбогатевшей верхушки сельской и городской буржуазии. Развитие капиталистического уклада в экономике города и деревни сближало интересы нового дворянства и буржуазии. Поэтому в парламенте не было резкого антагонизма между дворянством и третьим сословием. Джентри и буржуазия поддерживали политику первых Тюдоров. По мере роста капиталистических элементов они еще долго нуждались в королевской власти, ее протекционистских мерах, и парламент вплоть до последней четверти XVI в. оставался сговорчивым союзником короны. Это дало Тюдорам уникальную возможность использовать орган сословного представительства для усиления своих позиций. Покорность парламента первым Тюдо-

рам была такова, что в 1539 г. по настоянию Генриха VIII этот орган утвердил решение, ущемлявшее его собственные прерогативы: он придал королевским указам — прокламациям — силу закона, приравняв их к статутам, утверждавшимся королем и парламентом. Кроме того, в правление Генриха VII и его сына парламент созывался крайне редко и нерегулярно.

В обращении с парламентом Тюдоры проявили большие дипломатические способности. Любые претензии парламента на ограничение суверенитета монарха отвергались ими. Елизавета I, например, заявила, что «прерогатива парламента — говорить «да» или «нет», когда королеве это угодно, и не заниматься обсуждением других вопросов». Тем не менее они избегали теоретических столкновений на этой почве, культивируя идею «союза» короля и нации, представленной парламентом.

В арсенале короны было немало способов воздействия на парламент, позволявших держать его «в узде». Монарху принадлежало право вето на любой парламентский акт или билль. Настроения в парламенте контролировались членами Тайного совета, которые вносили законопроекты от имени короны, вмешивались в ход дебатов, могли своим авторитетом остановить обсуждение неугодных королю вопросов. Процедура выборов также контролировалась королевской администрацией, которая зачастую посылала на места прямые указания на этот счет. Формирование в парламенте послушной «королевской партии» осуществлялось благодаря широко распространенным в английском обществе отношениям патроната. Кандидатуры представителей городов и графств, как правило, согласовывались с местными патронами — королевскими чиновниками высшего ранга, аристократическими семействами. Креатурой короны был и спикер палаты общин. Тонко манипулируя составом парламента, корона формировала общественное мнение при проведении важных законодательных актов.

Существенные изменения политической атмосферы в парламенте наметились только к концу XVI в., когда возросшая экономическая мощь буржуазно-дворянских элементов, представленных в нижней палате, привела к первым серьезным конфликтам с абсолютизмом и возникновению парламентской оппозиции.

В правление Генриха VIII при активном участии Томаса Кромвеля, его секретаря и правой руки, существенно преобразуется государственная административная система, до тех пор базировавшаяся на принципах управления страной как феодальной вотчиной: главенствующая роль в ней принадлежала министрам двора, королевским управляющим и инспекторам. Суть реформ 30-х годов XVI в. — создание нового, более совершенного и разветвленного, постоянно действующего аппарата центрального и местного управления.

Центральным административным и исполнительным органом стал Тайный совет. Он возник из спорадически собиравшегося большого Королевского совета, куда входили пэры и высшие прелаты королевства. Во времена Генриха VII из этого аморфного собрания выделилась небольшая группа ближайших советников короля. Ее состав определял монарх. Первые Тюдоры, не принимая в расчет родовитости и знатности, стали призывать в Совет дворян более скромного происхождения из числа своих приверженцев. Сначала он имел только совещательную функцию и лишь при Генрихе VIII в 30—40-х годах XVI в. приобрел характер постоянно действующего исполнительного органа.

Сфера деятельности Тайного совета была, по существу, неограниченной: он определял и проводил в жизнь внутри- и внешнеполитическую линию государства, ведал его финансами и обороной. Этот орган был немногочисленным и эффективно действующим. При первых Тюдорах он насчитывал 9—10 человек, при Елизавете I — не более 20, при Стюартах его численность достигла 42 человек, что отрицательно сказалось на его работоспособности. В состав Тайного совета входили высшие должностные

лица государства: секретарь, лорды — канцлер, казначей, хранитель печати, гофмейстер, лорд-адмирал, лорд-маршал, командующий кавалерией и др., возглавлявшие соответствующие ведомства — канцелярию, казначейство, адмиралтейство, управление двором и т. д. С 30-х годов XVI в. секретарь королевства из личного слуги короля превратился в могущественного министра — координатора правительства. Тюдорам удавалось подбирать на эту должность людей незаурядных способностей, таких, как плеяда елизаветинцев — Ф. Уолсингем, У. Берли, Р. Сесил. По образцу Тайного совета строились также Совет Севера и Совет Уэльса.

Огромную роль в укреплении тудоровского абсолютизма сыграла преобразованная судебная система. Передача большей части дел в ведение королевских судов уничтожила юрисдикцию местных сеньоров и подорвала их позиции. Процессы по делам, затрагивавшим интересы короны, шли в суде Королевской Скамьи (King's Bench), тяжбы между подданными разбирали суд Общих Прошений (Common Pleas). Особое место при первых Тюдорах отводилось Звездной Палате (Star Chamber), учрежденной Генрихом VII для борьбы с выступлениями мятежной феодальной знати, не признававшей юрисдикции местных судов. Чтобы придать исключительный вес этому органу, его состав формировался из членов Тайного совета и верховных судей судов Королевской Скамьи и Общих Прошений. Позднее Звездная Палата стала осуществлять также общий надзор за системой правосудия в Англии. Канцлерский суд (Chancery) занимался тяжбами из-за земельных пожалований, других видов собственности, долгов. Для неимущих, которые не могли уплатить взнос в Chancery, был учрежден специальный суд — Court of Request.

Английский аппарат центрального управления был сравнительно небольшим (около 1000—1500 человек). При этом лишь незначительная его часть состояла на жалованьи у короны. Основным же источником доходов чиновников были официально установленные взносы и вознаграждения, которые они получали за исполнение своих функций от просителей, что, естественно, открывало простор для коррупции. Таким образом, расходы на содержание бюрократии Тюдоры переложили на основную массу английского населения.

Важную роль в системе центрального управления играл патронат. Крупные чиновники формировали штат своих ведомств — секретарей и клерков — из числа дворян, находившихся под их покровительством, и слуг. Они также получали жалованье не из казны, а от своего патрона и несли ответственность за свою деятельность только перед ним. Выполняя государственные функции, они оставались частью феодальной клиентелы своего хозяина.

Специфичной была и система английского местного управления. В отличие от большинства европейских стран, где в это время расцвела многочисленная профессиональная бюрократия, по крайней мере частично оплачиваемая короной, здесь утвердился принцип выборности местной администрации, не получавшей жалованья из казны. Это тем не менее не означало, что английский абсолютизм не обладал эффективным механизмом для проведения своей политики на местах. Система местной администрации была довольно разветвленной и состояла из двух «эшелонов» власти, формировавшихся различными способами: путем выборов и путем назначения чиновников в графства короной.

Центральное место в управлении графствами принадлежало мировым судьям. Претендовать на эту выборную должность могли лишь представители имущих классов, обладавшие годовым доходом не менее 20 ф. ст. Они выдвигались на собраниях дворянства графств из числа «наиболее уважаемых и достойных рыцарей». Однако автономия местного дворянства от центральной власти была лишь внешней. Правительство осуществляло контроль за выборами, который носил «персонафицированный»

характер. В мировых комиссиях графств состояли в качестве почетных членов представители центральной администрации: члены Тайного совета, крупные чиновники государственной канцелярии, казначейства, других ведомств, которые оказывали большое влияние на выборы. Нередко Тайный совет рассылал в графства письма с недвусмысленными указаниями, кого именно следует избирать на эти должности. Среди мировых судей было немало представителей аристократии — графов, баронов, епископов, но основную их массу составляло рядовое дворянство — рыцари и джентльмены. Четырежды в год они собирались на сессии для отправления правосудия. Между четвертными заседали «малые» сессии — коллегии из 2—3 мировых судей.

Их функции не ограничивались судопроизводством. Не было ни одной сферы общественной жизни, в которую бы не вникали эти добровольные слуги короны, ее «глаза и уши». Их обязанностью было поддержание мира и правопорядка: разоблачение заговоров, подавление мятежей крестьянства и городских низов, преследование бродяг и нищих, выявление и наказание еретиков и других отступников от веры. В ведении мировых судей было и регулирование вопросов, связанных с производством и торговлей: определение границ заработной платы, контроль за качеством продукции, наблюдение за ценами на рынках и борьба со спекуляцией, выдача лицензий торговцам и трактирщикам. На них ложились также фискальные функции: сбор налогов, займов, «корабельных денег». С середины XVI в. среди обязанностей мировых судей важное место занимала организация социального призрения: сбор налога в пользу бедных, увечных солдат, обеспечение ученичества детей пауперов, наблюдение за домами призрения и исправительными домами. Наконец, одна из первостепенных задач мировых судей — организация местного ополчения, рекрутский набор, снабжение армии оружием и продовольствием, поддержание в порядке коммуникаций. Справиться с такими многочисленными и разнообразными функциями было невозможно без целой иерархии мелких чиновников, подчиненных мировым судьям: высоких констеблей сотен, констеблей приходов, церковных старост, казначеев и т. д.

Наряду с выборными мировыми судьями в графствах продолжали действовать и шерифы, назначаемые короной. К XVI в. они утратили свою былую роль и подчинялись мировым судьям. Под их началом в свою очередь состояли бейлифы сотен и коронеры. Ведению шерифов подлежали земли королевского домена, располагавшиеся в графствах. Как агенты короны они также поставляли в Лондон информацию о положении в графствах, составляли налоговые списки. В остальном разграничение обязанностей между шерифами и мировыми судьями было весьма неопределенным, их функции по поддержанию порядка в графстве и организации его обороны дублировались.

На протяжении XVI в. объем работы, ложившейся на плечи местной администрации, неуклонно возрастал. К концу столетия проведение в жизнь более 300 статутов английской законодательства требовало вмешательства мировых судей. Усложнение их функций, с одной стороны, и выгоды, которые сулила должность, с другой, привели к значительному увеличению числа мировых судей. Если в начале тюдоровского периода в каждом графстве их было не более 10, то в конце — 40—50 человек.

В последние десятилетия XVI в. явственно проявились недостатки английской системы местного управления, коренившиеся в самой ее социальной природе. В силу того что чиновничество здесь не оплачивалось короной, оно не превратилось в особую замкнутую касту, обеспечивающую себя целиком за счет должностей. Английская бюрократия сохранила тесную связь с теми слоями, из которых она рекрутировалась, — джентри и городской буржуазией, живя экономическими и политическими интересами последних. Поэтому когда в конце века начало нарастать недоволь-

ство буржуазно-дворянских кругов экономической и финансовой политической короны, органы местного самоуправления также оказались в негласной оппозиции ее требованиям — сводили на нет борьбу с огораживаниями, проявляли крайнюю незаинтересованность в сборе субсидий, займов и «корабельных денег». Эти перебои в функционировании механизма местного управления особенно усилились в правление первых Стюартов, что, несомненно, способствовало усугублению кризиса абсолютизма.

Выход из создавшегося положения корона находила в увеличении числа своих эмиссаров — лордов-лейтенантов, назначавшихся в графства. Традиционно их функцией была забота об обороне, но во второй половине XVI в. перед ними была поставлена более широкая задача: способствовать улучшению местного управления в целом. Симптоматично, что эту миссию корона доверяла только представителям высшего дворянства, тесно связанным с центральным управлением.

Существенной особенностью английского абсолютизма было отсутствие в распоряжении монарха регулярной армии. Королевская гвардия, созданная Генрихом VII, насчитывала не более 200 человек. Тюдоры избегали больших расходов и на наемные войска. Тем не менее всякий раз, когда возникала угроза извне или опасность социального взрыва внутри страны, у них под рукой оказывалась значительная вооруженная сила. Ее основой было местное ополчение, на содержание которого потомки Генриха VII не тратили ни пенса. Каждый пригодный к службе и экономически самостоятельный мужчина был обязан пройти курс обучения военному делу и иметь соответствующую экипировку, а по призыву властей выступать на защиту страны. Средства на создание этих отрядов, их обучение, снабжение и вооружение собирались со всего платежеспособного населения графств. Однако ополчение было предназначено только для защиты. В многочисленных военных кампаниях, которые Тюдоры вели на континенте — во Франции и Нидерландах, а также в Ирландии, участвовали наемники или отряды дворян-волонтеров, действовавшие в соответствии со старинными феодальными традициями ведения войны и подчинявшиеся лишь своим капитанам. Явные недостатки этой системы привели к тому, что к концу XVI в. власти стали прибегать к принудительному рекрутскому набору для отправки солдат во Францию и Ирландию, устраивали облавы на бродяг и нищих, грузили эту «армию» на корабли и отправляли за море, где они, плохо экипированные, не получающие жалованья и продовольствия, погибали в огромных количествах.

Гораздо больше внимания, чем армии, Тюдоры уделяли флоту, что было стратегически оправданно в силу островного положения государства. Флот был их любимым детищем. Его ядро создал еще Генрих VII; поощряя строительство кораблей, он учредил для этого специальные субсидии. Собственно королевский флот был невелик — 40—50 кораблей. Но прерогативой монарха было в минуту опасности потребовать, чтобы к нему присоединились корабли купцов и других частных владельцев, что в несколько раз усиливало мощь английского флота. Средства на его содержание, «корабельные деньги», собирали с населения всех прибрежных графств и портовых городов.

Состояние финансов английской монархии претерпело значительные изменения на протяжении царствования первых двух Тюдоров. Генрих VII оставил наследникам огромное состояние, источником которого были доходы от королевских земель, сильно увеличившихся за счет конфискаций, судебных взносов и штрафов, а также торговых пошлин. При нем чистый годовой доход короны возрос с 10 до 40 тыс. ф. ст., он имел возможность почти не обращаться к парламенту с требованием о предоставлении субсидий, которые считались «экстраординарным» источником дохода. Но уже его сын столкнулся с жестоким финансовым кризисом, постоянная борьба с которым стала затем уделом всех Тюдоров. Причи-

ной тому были не только расточительность Генриха VIII, его траты на содержание одного из самых блестящих дворов Европы и огромные расходы на войны, которые он вел во Франции и Шотландии, но и объективные экономические процессы.

В условиях бурного роста цен феодальное дворянство, не связанное с товарным хозяйством и рынком и живущее старыми источниками дохода, столкнулось с серьезными материальными затруднениями. Это усилило его проабсолютистские тенденции, стремление ко двору и поиски поддержки со стороны короля в виде пожалований, пенсий, подарков, прибыльных синекур и т. д. В этих условиях короне стало хронически не хватать прежних источников дохода и она была вынуждена требовать от парламента бесконечных субсидий и принудительных займов. Король несколько раз прибегал к порче монеты, что тяжело отразилось на состоянии экономики. Все эти меры, включая займы у нидерландских банкиров, не принесли желаемого результата. Один из путей решения финансовой проблемы корона увидела в секуляризации церковных богатств.

Церковная Реформация, начавшаяся в Англии при Генрихе VIII, стала закономерным и важным шагом на пути укрепления абсолютной монархии. При ее проведении Генрих VIII и его сподвижники Томас Кранмер и Томас Кромвель преследовали две основные цели: превращение английской церкви в национальную, независимую от Рима и подчинение ее власти короля; секуляризация церковных земель и имущества была призвана пополнить королевскую казну. Реформация началась «сверху». Поводом к разрыву с Римом послужили бракоразводный процесс Генриха VIII с Екатериной Арагонской и отказ папы признать этот брак действительным. В ответ на это в 1534 г. парламент «Актом о супрематии» провозгласил английскую церковь независимой от Рима, а ее верховным главой стал король. Следующим шагом в развитии Реформации стала секуляризация церковной собственности. В парламенте эту меру поддерживали представители джентри и буржуазии. Сторонником секуляризации выступило и феодальное дворянство. Но лидирующую роль в парламенте на этом этапе сыграло возглавлявшееся Т. Кромвелем королевское окружение, «партия», сформированная им из индифферентных к вопросам догматики, но алчущих получить доступ к монастырским землям дворян.

Большая часть конфискованных короной земель перешла затем в руки аристократии, чиновничества, джентри, сельских богатеев и городских предпринимателей. Это грандиозное перемещение земельной собственности в руки новых владельцев имело важные социально-политические последствия.

В результате Реформации король стал официально именоваться «протектором и верховным главой англиканской церкви и ее духовенства». Он присвоил себе власть распоряжаться церковными должностями и бенефициями и получать десятину. Церковь, созданная Генрихом VIII, стала идеальным орудием в руках монархии, полностью соответствуя формуле: «один бог, один король, одна вера, одно исповедание».

Реформация обогатила идейный арсенал абсолютизма. Получила дальнейшее развитие теория божественной природы королевского суверенитета и верховенства светских властей над духовными. Сильным оружием в борьбе против любых антиабсолютистских выступлений и народных движений стал тезис о «беспрекословном подчинении подданных государственному порядку, установленному свыше и освященному божественным авторитетом».

Половинчатость англиканской Реформации вызывала недовольство значительной части буржуазии и джентри, однако Генрих VIII решительно расправлялся со сторонниками более радикальной кальвинистской Реформации, справедливо усматривая в их доктрине о примате церковной общины над государственной организацией угрозу самому прин-

ципу монархической власти. Борьба с английскими кальвинистами — пуританами стала важным аспектом социальной политики Елизаветы I, завершившей англиканскую Реформацию. Столь же упорно Тюдоры преследовали и носителей идей народной реформации, в частности анабаптистов. Мастеровым, наемным работникам, слугам и земледельцам специальным законодательным актом запрещалось читать и толковать Библию, изданную при Генрихе VIII на английском языке (см. ч. III, гл. 1, § 2).

Генриху VIII наследовал его малолетний сын Эдуард VI (1547—1553). Управление страной находилось в руках регентов — сначала герцога Сомерсета, а затем герцога Нортумберленда, убежденных сторонников протестантизма. При них был издан англиканский «Символ веры» и внесены некоторые изменения в богослужение, приближавшие англиканскую церковь к протестантскому образцу. Царствование Эдуарда VI было недолгим. После его смерти герцог Нортумберленд возвел на престол свою невестку — Джейн Грэй, внучку Генриха VII. Однако недовольное его правлением дворянство приняло сторону Марии Тюдор, дочери Генриха VIII от брака с Екатериной Арагонской. Королева Джейн и герцог Нортумберленд сложили головы на плахе.

Мария Тюдор (1553—1558), фанатичная католичка, вступившая в крайне непопулярный в стране брак с Филиппом II Испанским, уничтожила завоевания Реформации в Англии и восстановила прежнюю римско-католическую религию, готовила реституцию секуляризованных земель. Эти намерения, затрагивавшие интересы широких слоев дворянства и буржуазии, получивших монастырские земли, а также угроза потери Англией национальной независимости и втягивания ее в орбиту политических интересов Испании вызвали в 1554 г. восстание дворянства, возглавленное Томасом Уайаттом. Несмотря на его подавление, Марии пришлось отказаться от идеи реституции, и она вернула церкви лишь земли, принадлежавшие непосредственно короне. Гонения и расправы над протестантами и происпанские симпатии королевы, прозванной Кровавой, привели к тому, что ее смерть в 1558 г. была встречена в Англии с облегчением.

К власти пришла Елизавета I Тюдор (1558—1603), дочь Генриха VIII от брака с Анной Болейн, не признанного папой, протестантка. В ее правление, длившееся 45 лет, английский абсолютизм достиг своего наивысшего расцвета. Однако к концу этого царствования начали все явственнее проявляться симптомы его кризиса.

Воцарение королевы-протестантки, восстановление ею англиканства и королевской супрематии заставили сплотиться европейскую и внутреннюю католическую реакцию. Папа подверг Елизавету отлучению, санкционировав тем самым многочисленные заговоры и покушения на нее. Католические державы, в первую очередь Испания, и папство использовали в борьбе с Елизаветой шотландскую королеву-католичку Марию Стюарт, заявившую о своих правах на английский престол. Однако победа в Шотландии кальвинистской Реформации вынудила ее бежать из страны, и Мария оказалась в руках английской королевы. В 1569 г. в северных графствах Англии прокатолически настроенная феодальная знать, недовольная усилением абсолютизма, предприняла последнюю серьезную попытку сепаратистского выступления, чтобы восстановить католицизм и возвести на трон Марию Стюарт. После подавления этого восстания и ряда католических заговоров парламент принял решение о казни Марии, которое Англия встретила с одобрением. Судьбы страны, ее национальной независимости оказались тесно связанными с судьбой Елизаветы I и ее пребыванием на троне. После казни шотландской королевы Филипп II и папа организовали крестовый поход против Англии. В 1588 г. к ее берегам был послан испанский флот из 134 кораблей с 20-тысячной армией — Непобедимая армада. В нескольких сражениях английский флот

Елизавета I Тюдор. Портрет предположительно работы Д. Гауэра. Около 1588 г. Великобритания, частное собрание.

нанес испанцам сокрушительное поражение, доказав свое техническое и тактическое превосходство. Гибель Армады и ряд успешных экспедиций англичан в 90-х годах XVI в., а также действия пиратов, поощряемые королевой Елизаветой, подорвали морское могущество Испании и ее политический престиж. Англия стала ведущей морской державой и главой всего европейского протестантского лагеря.

Елизавета I была, несомненно, незаурядной правительницей, умело использующей весь предшествующий политический опыт Тюдоров. Королева была привержена аристократии, что ярко проявлялось в ее социальной политике: она охраняла высокий престиж пэрства, оказывала феодальной знати всестороннюю поддержку за счет крупных выплат из казны, прощения долгов, земельных пожалований, раздачи должностей и т. д. Она неоднократно заявляла, что «есть большая разница между простыми джентльменами и знатью, и монарх должен относиться к ним соответственно». Однако дальновидность королевы проявилась в том, что она стремилась сделать своей опорой и буржуазно-дворянские круги. Елизавета сознательно формировала у подданных свой образ «матери отечества», прибегая к тонкой демагогии, а порой и к лицедейству в своих публичных выступлениях в парламенте. Любимым ее символом был пеликан, по преданию кормящий птенцов мясом, вырванным из собственной груди. Он должен был олицетворять безграничную заботу королевы о ее нации.

Елизавета I довела до совершенства политику лавирования между феодальным дворянством и буржуазно-дворянским лагерем, традици-

онную для Тюдоров. Этой политике неизбежно была присуща противоречивость, но все же, выражая в первую очередь интересы феодального дворянства, Тюдоры выполнили и свою историческую миссию в отношении буржуазных элементов. Их протекционизм способствовал прогрессу производства и торговли. Важную роль в развитии сукноделия сыграли статуты Генриха VII, запрещавшие вывоз шерсти и необработанного сукна из Англии. Навигационные акты обоих Генрихов поощряли мореплавание и торговлю английского купечества и привлекали на английский рынок иностранное. Елизавета I активно насаждала «новые ремесла» — производство стекла, бумаги, хлопчатобумажных тканей и др. По ее инициативе были созданы крупные паевые товарищества, способствовавшие качественному скачку в горнодобывающей промышленности и металлургии. Покровительство Тюдоров английской торговле выражалось в поощрении купеческих компаний, которые получали от короны монополии, в благоприятной таможенной политике, защите английского купечества от конкуренции политическими методами (изгнание ганзейцев из Англии в 1597 г.).

Но наряду с этими мерами законодательство Тюдоров содержало немало статутов, призванных сдерживать развитие капиталистических элементов в экономике. Знаменитые акты о ткачах 1555 г. и учениках 1563 г. ограничивали количество станков в мастерских и применение дешевого наемного труда. Тюдоры всемерно поддерживали цеховую организацию производства, вводили запреты на мануфактуры, возникавшие в сельской округе. Во многом внимание к развитию производства и торговли определялось фискальными целями. Созданная Тюдорами всеохватывающая система государственного контроля и регулирования приносила казне большой доход, значительная часть которого перераспределялась впоследствии в пользу феодального дворянства. Купеческие компании платили короне огромные суммы за получение своих хартий. Процветала система частных дворянских монополий на различные виды производства и торговли, которые ставили английских предпринимателей и купечество в зависимость от вымогательств королевских чиновников и придворных.

Еще яснее склонность Тюдоров к консервации традиционных феодальных отношений проявлялась в их аграрной политике. Законодательство против огораживаний, ограничение допустимого количества овец и ферм, статуты о поддержании землепашества были направлены на то, чтобы оградить интересы феодального дворянства и сохранить слой крепких йоменов, способных платить налоги и составить ополчение. Тем не менее элементы лавирования проявлялись и здесь. В 1592—1593 гг. под давлением джентри и буржуазии, которые настойчиво требовали разрешить огораживания, Елизавета I пошла на уступки парламенту в этом вопросе. Однако последовавший за этим взлет огораживаний и крестьянских волнений заставил ее вернуться в русло традиционной политики.

Феодальная природа тюдоровской абсолютной монархии проявилась и в ее политике в колонизованной англичанами Ирландии. Тюдоры принимали самое активное участие в завоевании и грабеже своего соседа, присоединив в XVI — начале XVII в. к уже принадлежавшему Англии Пейлу провинции Манстер и Ольстер. После разгрома освободительного движения ирландцев и массовых конфискаций их земель здесь была введена система крупного феодального землевладения английских колонистов. Большая часть земель досталась королевским фаворитам и представителям знати.

К концу XVI — началу XVII в. короне все сложнее становилось осуществлять политику лавирования. Прогрессирующее материальное оскудение феодальной аристократии требовало расширения поддержки, которую оказывала ей королевская власть. Однако в это время Елизавета I

столкнулась с жестоким финансовым дефицитом. Расходы на ведение борьбы с Испанией, на помощь протестантам в Нидерландах и Франции, покорение Ирландии опустошили казну. Королева была вынуждена продавать коронные земли. Размеры ее пожалований и прямых выплат из казны дворянству сократились. Это вызвало недовольство феодальной аристократии. Неравномерность в распределении милостей короны обострила борьбу многочисленных фаворитов королевы и придворных группировок, которая вылилась в 1601 г. в антиправительственный заговор молодых дворян во главе с графом Эссексом. По своему характеру это выступление не было сепаратистским или антиабсолютистским, напротив, оно изобличало полную зависимость феодального дворянства от абсолютизма и неспособность существовать без его поддержки.

Одновременно с ростом претензий к королеве со стороны консервативного лагеря назрели изменения в системе отношений между короной и буржуазно-дворянскими кругами. В последние годы своего правления Елизавета резко усилила нажим на парламент, требуя все новых и новых субсидий, сборов на военные нужды, принудительных займов. Ради тех же фискальных целей она отошла от принципов покровительственной политики: стала устанавливать дополнительные торговые пошлины и поборы с купеческих компаний. Особое недовольство населения вызвало в 90-е годы XVI в. беспрецедентное увеличение количества частных монополий, которые распространились на большинство отраслей производства и торговли почти всеми видами товаров. Государственное регулирование экономики, которое до 60—70-х годов стимулировало ее развитие, теперь превратилось в тормоз. Интересы национальной буржуазии стали открыто приноситься в жертву придворным и фиску. Политический баланс абсолютизма между буржуазными элементами и феодальным дворянством явно сместился в пользу последнего.

В то же время успехи капиталистического уклада и усиление экономического веса городской буржуазии и нового дворянства привели во второй половине XVI в. к росту их активности и претензий на приобщение к политической власти. Это выразилось в формировании парламентской оппозиции, которая начала оказывать сопротивление короне в социально-экономических и политических вопросах. В последних парламентах Елизаветы разгорелся острый конфликт между палатой общин и королевой из-за монополий. В 1601 г. оппозиция одержала свой первый серьезный успех, добившись отмены некоторой их части. Борьба за окончательное уничтожение монополий и других барьеров, поставленных системой феодального государственного регулирования, и за утверждение буржуазного принципа свободы торговли продолжилась затем в парламентах Якова I Стюарта, который унаследовал в 1603 г. английский престол.

Нарушение баланса в социально-экономической политике короны, ее финансовое банкротство и конфликт между королевской властью и парламентом свидетельствовали о том, что уже в конце XVI — начале XVII в. английский абсолютизм вступил в пору своего кризиса.

После ухода с исторической сцены Елизаветы I в Англии воцарилась династия Стюартов. Ее родоначальник Яков I (1603—1625), король Шотландии, стал государем Англии, Шотландии и Ирландии. Он не обладал политической дальновидностью и способностью к маневрам, присущими Тюдорам. Ярый сторонник абсолютизма, Яков I отстаивал эту доктрину в самой крайней форме, порывая с прежней политической традицией, допускавшей заигрывания с парламентом и притязания последнего на разделение верховного суверенитета с королем. В своих политических трактатах и речах Яков I развил теорию божественного характера королевской власти, фактически приравняв монарха к божеству; провозгласил безраздельную принадлежность верховной власти королю, игнорируя парламент; утверждал, что монарх — верховный собственник всех земель

королевства, имущества и жизнью своих подданных; высший судья, неподсудный мирскому суду и законам. Политические притязания Якова вызвали резко негативную реакцию и породили целый ряд его столкновений с парламентом.

Основные направления развития конфликта между стюартовским абсолютизмом и буржуазно-дворянскими кругами, рупором которых стала парламентская оппозиция, сформировались еще в XVI в., однако объективные социально-экономические условия, в которых он протекал, изменились. Успехи капиталистического уклада в английской экономике становились все заметнее. Представители торгово-промышленного капитала, поднявшие как знамя пуританскую доктрину, требовали внимания к своим экономическим и политическим интересам: в первую очередь отмены монополий и ограничений свободы торговли. Яков I ответил «общинам Англии» ужесточением преследований пуритан, а в экономической сфере — увеличением количества монополий, ростом торговых пошлин, новыми налогами и принудительными займами. Эту политику, унаследованную от отца, неуклонно проводил и Карл I Стюарт. При первых Стюартах усилилась бюрократизация аппарата управления, расцвела коррупция должностных лиц и королевских судов, практиковалась беззастенчивая торговля короны должностями и титулами, страна была отдана на откуп фаворитам. Все это до предела накалило атмосферу в стране и привело английский абсолютизм в 30-х годах XVII в. к глубокому политическому кризису, поставив страну на порог буржуазной революции.

Глава 2

ФРАНЦИЯ

Во второй половине XV в. во Франции начинает складываться новая политическая система — ранний абсолютизм, расцвет которого приходится на первую половину XVI в. Ранний абсолютизм стал новой фазой централизации, т. е. объединения французских земель, административной унификации, усиления королевской власти. Специфику раннего абсолютизма составило относительное равновесие политических традиций, характерных для сословно-представительной монархии, с развивающимися элементами административной или бюрократической государственности, которая утвердилась в эпоху классического абсолютизма.

Основой усиления королевской власти в этот период было разрушение политической организации средневековых сословий (в результате разложения старых социальных структур, вызванного зарождением и развитием раннекапиталистических отношений).

Положение французского дворянства в XVI — XVII вв. характеризовалось углублявшимся разрывом между аристократией и жизнеспособной частью среднего дворянства, с одной стороны, и мелким дворянством — с другой. Наряду с этими группами к концу XVI в. возник широкий слой чиновничества, отношения которого с родовитым дворянством были весьма напряженными. Существенные изменения претерпела и политическая организация дворянства: вассально-ленные отношения к XIV — XV вв. потеряли былое значение основы политической структуры общества. Поземельные отношения почти полностью отделились от личных связей, вассальные обязательства превратились в формальность, усилилась роль политических клиентов. Поскольку основной земельный фонд был исчерпан, материальной основой клиентулы стало политическое покровительство и вознаграждение за счет новых источников доходов, главным

из которых стали поступления от королевской службы. Используя внутриворонское соперничество и систему клиентел, сильное правительство, контролировавшее распределение почестей, должностей, пенсий, могло держать дворянство в повиновении, ибо в отличие от вассально-ленных отношений новая система предполагала постоянное наличие центрального распределения благ. Политическая роль новой организации дворянства была двойственной: с одной стороны, дворянские группировки были источником постоянного политического напряжения, так что малейшее ослабление правительства было чревато смутой; с другой — через каналы клиентел дворянство оказывалось тесно связанным с монархией. Перестройка отношений между государством и господствующим классом была важнейшей предпосылкой раннего абсолютизма.

Коренные изменения произошли в городах. Социальное расслоение городской общины заметно уже в XIII — XV вв. Зарождение раннекапиталистических отношений приводит к превращению городской верхушки и плебейства в ярко выраженные социальные полюса. Сплоченность городского коллектива перед лицом сеньоров или королевской власти ослабевает. Расширяются возможности для правительственного вмешательства в социальную борьбу и городское управление. Город в политическом плане перестает быть «замкнутой системой»: олигархия взывает к королевской власти для поддержания своего авторитета, постепенно подчиняясь контролю государственных органов.

Перемена в положении первого сословия — духовенства — связана с заключением в 1516 г. между Франциском I и папой Львом X Болонского конкордата, регламентировавшего отношения между римской курией, галликанской церковью и французской короной. Важнейшие пункты Прагматической санкции Карла VII 1438 г. были пересмотрены. Франциск отказался от декларации о примате собора над папой и частично восстановил аннаты. Принцип выборности иерархов был заменен королевским назначением на вакантные бенефиции с последующим посвящением в сан папой. Это означало торжество монархического принципа и в духовном и в светском воплощении. С потерей сословного единства галликанская церковь попадала в зависимость от укрепляющегося государства. Сохраняя значительную автономию, она вращалась в политические структуры раннего абсолютизма. Причиной была недостаточная социальная сплоченность духовенства, острая борьба между прелатами и священниками, равно как и влияние политической эволюции светских сословий. Для королевской власти право назначения на вакантные бенефиции стало не только важным инструментом контроля за клиром, но и существенным ресурсом расширения системы патроната.

Усилению королевской власти способствовало и социальное возвышение чиновничества (несмотря на периодические конфликты между ними). Нигде в Европе не складывается столь широкий и могущественный слой — носитель государственности. Чиновничество черпало свою силу во многом из положения представителей королевской власти и одновременно укрепляло ее своим социальным весом.

Эпоха раннего абсолютизма была временем напряженной политической борьбы, сопровождавшей изменения социальных структур. Это усугублялось разобщенностью отдельных регионов королевства и разнотипностью их социально-экономического развития. В политической борьбе XVI — XVII вв. ни один класс, ни одна социальная группа не выступали единым фронтом в масштабе страны. Внутриворонская жизнь складывалась из массы локальных конфликтов, по-разному протекавших в разных провинциях и городах. С 1328 г. Францией правили короли династии Валуа. После пресечения со смертью Карла VIII (1483—1498) линии прямых Валуа корона перешла к Валуа-Орлеанам в лице Людовика XII (1498—1515), но поскольку и он не оставил наследника, на престоле ока-

зался Франциск I (1515—1547), представитель Валуа-Ангулемов. Эти три царствования были эпохой прогрессивного экономического развития, относительной социально-политической стабильности и пышного расцвета ренессансной культуры. Королевская власть добилась новых успехов в объединении французских земель, присоединив в 1491 г. Бретань. Продолжается освоение короной провинций, вернувшихся в состав Франции на завершающем этапе Столетней войны или присоединенных вскоре после нее. Нормандия, Гиень, Бургундия, Прованс в нарушение первоначально пожалованных им хартий постепенно теряют свои традиционные права, подчиняясь королевской власти. Новые удельные княжества — апажаки — даются принципам крови на условиях, обеспечивающих контроль королевских учреждений над их автономной администрацией. Хотя в целом административная унификация королевства не была завершена, однако к началу XVI в. основной комплекс французских земель уже сложился.

Важным событием начала XVI в. является усиление королевского двора, который состоял из «домов» короля, королевы и их детей. В середине XVI в. на придворной службе состояло около полутора тысяч представителей знатнейших семей королевства. Придворная жизнь была регламентирована строгим церемониалом, в основе которого лежал культ королевской особы. Институт двора имел огромное политическое значение: с одной стороны, король, как первый дворянин королевства, жил здесь в среде своего сословия и проникался его чаяниями; с другой — аристократия постепенно начала подчиняться монархии. На придворной службе формировались дворянские клиенты: двор стал важным инструментом контроля над вторым сословием — дворянством.

Тяготы затянувшихся Итальянских войн приводят к усилению налогового гнета, к антифискальному протесту и началу административных преобразований. Эти процессы определили климат правления Генриха II (1547—1559), ставшего переломным моментом в истории французского абсолютизма. Военное напряжение достигло апогея, а рост налогов вызвал ряд восстаний, выражавших распространение антиправительственных настроений. К этому времени относятся реформы, заложившие основы важнейших учреждений абсолютизма XVII в., в том числе института провинциальных интендантов. К концу правления Генриха II начинается кальвинистское (гугенотское) движение, что было показателем общественного недовольства в разных слоях населения королевства. Одновременно появляются первые симптомы неблагоприятной экономической конъюнктуры, хотя прекращение Итальянских войн в 1559 г. облегчало возможности экономической стабилизации страны.

В 1559 г. на турнире в честь окончания войны погиб король Генрих II; ему наследовал его пятнадцатилетний сын, Франциск II, болезненный подросток, при котором власть попала к родственникам его жены, юной шотландской королевы Марии Стюарт, — Гизам. Этот знатный лотарингский род был возвышен Франциском I в противовес влиятельным принципам крови — Бурбонам. Теперь между двумя кланами развернулась открытая борьба за власть. Особенную прочность сложившимся вокруг них партиям придавала возможность использовать религиозные лозунги. Гизы возглавили ультракатолическую партию, оказавшиеся же в оппозиции Бурбоны связали свое дело с религией недовольных — кальвинизмом. Соединение политической борьбы с религиозными спорами сразу поставило королевство на грань гражданской войны.

Вскоре религиозно-политические конфликты вылились в прямые военные столкновения, первым из которых был неудачный поход протестантских дворян на королевский замок Амбуаз с целью свержения Гизов в 1560 г. («амбуазский заговор»). Неожиданная смерть Франциска II привела к отстранению Гизов от власти: при десятилетнем Карле IX (1560—1574) регентшей стала королева-мать Екатерина Медичи, а гене-

ральным наместником королевства — Антуан Бурбон. Новое правительство под влиянием канцлера Лопиталья попыталось проводить в жизнь политику частичного разрешения калвинизма, что диктовалось отнюдь не принципом религиозной терпимости, но лишь стремлением предотвратить гражданскую войну. Сторонников такого подхода к религиозным конфликтам стали называть «политиками», и это название в годы религиозных войн применяли к весьма разнородным политическим группировкам, пытавшимся добиться примирения враждующих партий или лавировавшим между ними. Но правительство регентов не пользовалось авторитетом, а страсти были накалены до предела. Вскоре вспыхнула первая религиозная война, спровоцированная убийствами в Васси (1562 г.), где дворяне Гизов перебили протестантов. Началась серия войн, время от времени прерываемая короткими перемириями, когда протестантам даровалась свобода отправления культа. Но каждый раз вспышки религиозного фанатизма приводили к возобновлению войн. Наиболее драматической из этих вспышек была Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 г., когда парижская толпа и дворяне-католики перебили несколько сот протестантов — и из числа парижан, и из числа дворян-кальвинистов, съехавшихся в столицу по случаю примирения партий и бракосочетания сестры Карла IX Маргариты Валуа с вождем гугенотов Генрихом Бурбоном, королем Наварры. Известия об избиении гугенотов в столице вызвали религиозные погромы и в других католических городах. Варфоломеевская ночь была одним из типичных для второй половины XVI в. стихийных городских восстаний, направленных против иноверцев. Подобные погромы неоднократно устраивались протестантам в католических городах, равно как и католикам — в протестантских. «Парижская кровавая свадьба» выделялась на фоне этих движений лишь несколько большими масштабами убийств, участием в них главных вождей католической партии и гибелью видных предводителей гугенотов, в частности адмирала Колиньи, что имело сильнейший резонанс во всей Франции и за ее пределами.

Гугенотская партия сплотилась в ответ на удар. В южных и юго-западных провинциях протестанты достигли политического преобладания и организовали унию городов и дворян, управлявшуюся ассамблеями, «протестантскими штатами» и возглавлявшуюся спасшимся во время Варфоломеевской ночи ценой временного перехода в католицизм Генрихом Бурбоном. На протяжении 70-х годов кальвинистское «государство в государстве» отстояло свою фактическую независимость.

Начало 80-х годов было временем некоторой стабилизации, и Генрих III (1574—1589) несколько укрепил королевскую власть. Однако новые потрясения зачеркнули его скромные успехи: после смерти младшего брата бездетного короля возникла угроза пресечения династии и перспектива воцарения первого принца крови Генриха Бурбона, вновь принявшего протестантизм, что было чревато уже не отделением кальвинистского юга, но господством протестантской партии в католическом королевстве. В противовес протестантской унии в 1585 г. была создана Лига — федерация католических городов — во главе с Парижем, вступившая в союз с дворянской партией Гизов. Династический кризис совпал с изменениями хозяйственной конъюнктуры, которая до середины 80-х годов оставалась на севере относительно благоприятной, но затем значительно ухудшилась. В условиях экономических трудностей усиление налогового гнета со стороны непопулярного правительства вызвало особо широкое распространение антиабсолютистских настроений. В 1588 г. Генрих III бежал из восставшей столицы и вскоре погиб от ножа фанатика-монаха. Династия Валуа пресеклась.

Началась эпоха междуцарствия, самое тяжелое пятилетие гражданских войн. Страну опустошали дворянские отряды и иноземные наемники.

Возрос религиозный фанатизм. Поднялись народные восстания. Как в самые тяжелые времена Столетней войны, Франция была поставлена на грань национальной катастрофы: в Париже стоял призванный Лигой испанский гарнизон, а испанский король Филипп II и папа обдумывали возможность возведения на французский престол испанского принца. В этих условиях центростремительные силы начинают брать верх: их сплотило повторное обращение в католицизм Генриха Бурбона, законного наследника Валуа. Влияние «политиков» чрезвычайно возросло. В 1594 г. столица открыла ворота новому королю. Католические и протестантские вельможи получили за признание Генриха IV щедрые вознаграждения в виде губернаторств, пенсий, придворных должностей, города и провинции — торжественные подтверждения их привилегий. По Нантскому эдикту 1598 г., завершившему серию эдиктов примирения, протестанты получили все гражданские права и свободу публичных богослужений, а по так называемым дополнительным статьям эдикта им была сохранена в качестве гарантии их военно-политическая организация — регулярные ассамблеи, крепости, гарнизоны.

После гражданских войн наступили периоды относительной стабилизации: царствование Генриха IV (1589—1610), а затем правление кардинала Ришелье (1624—1642), первого министра Людовика XIII (1610—1643).

Искусно маневрируя между различными социальными силами и широко практикуя систему клиентов, Генрих IV твердой рукой подавлял заговоры знати. Благодаря жесткой экономии и энергичным мерам сюринтенданта финансов Сюлли удалось стабилизировать расстроенную войнами финансовую систему и добиться бездефицитного бюджета. Впервые во Франции проводилась относительно последовательная меркантилистская политика. И хотя после гибели Генриха IV от руки Равальяка при его малолетнем сыне Людовике XIII возобновилась гражданская смута, последовали восстания возглавленных принциами дворянских партий и активизировалась гугенотская партия, абсолютистские традиции получили развитие при Ришелье, установившем прочный режим личной власти первого министра при поддержке подросткового короля. Для французской аристократии правление Ришелье обернулось серией кровавых расправ с представителями крупнейших фамилий. Важным шагом на пути укрепления королевской власти была ликвидация гугенотского «государства в государстве» после ряда успешных походов и взятия твердыни французского кальвинизма — Ла-Рошели в 1628 г. «Эдиктом милости» в Але в 1629 г. были подтверждены гражданские и религиозные права гугенотов, но упразднена их политическая организация.

Одним из главных факторов политики Ришелье было расширяющееся участие Франции в Тридцатилетней войне, проявлявшееся сначала в дипломатической и финансовой поддержке антигабсбургских коалиций, а в 1635 г. вылившееся в открытое военное столкновение с Австрийским домом. 30-е годы отмечены небывалым ростом налогового бремени, совпавшим с ухудшением хозяйственной конъюнктуры, что привело к многочисленным народным восстаниям.

В этих условиях Ришелье проводит важные административные реформы. Главная из них — введение института постоянных провинциальных интендантов. Начинается переход к административной монархии, однако после смерти Ришелье и Людовика XIII в 1643 г. ослабленное правительство вновь оказывается не в состоянии контролировать борьбу политических группировок. Только после периода дворянских мятежей и Фронды восторжествовавшая над аристократическими партиями и чиновничеством абсолютная монархия достигает своего расцвета в период абсолютистского правления Людовика XIV.

Государственно-правовая наука получила во Франции XVI—XVII вв. блестящее развитие. Французскими юристами Жаном Боденом,

*Ришелье.
Портрет работы Ф. де Шампнея. 1636 г.
Париж, Лувр.*

Карденом Лебре был выдвинут и обоснован принцип королевского суверенитета, т. е. сосредоточения в руках монарха верховной законодательной власти. Однако абсолютный монарх почитался обязанным строго следовать традиционной системе обычаев и привилегий, возможность нарушения которой не только теоретиками, но и виднейшими практиками абсолютизма, включая Ришелье, считалась допустимой лишь в случае крайней государственной необходимости.

Хотя сеньориальная юстиция была значительно потеснена и поставлена под контроль королевского аппарата, все же сеньор по-прежнему оставался ближайшим воплощением власти для массы французских крестьян и населения мелких городов. Сохранилось еще немало полунезависимых княжеств, формально продолжавших считаться суверенными, а в отдаленных провинциях многие бароны держали себя «государями» на феодальный манер и рассматривали своих крестьян как «подданных». Лишь постепенно к XVII в. углубившийся кризис дворянства и его втягивание в систему абсолютной монархии, а также военно-административное укрепление последней существенно ограничили эту практику. Равным образом и постепенное разложение городского сословия не означало немедленной утраты городами своих муниципальных привилегий и органов самоуправления, которые — как и сельские общины — включались в административную систему абсолютизма в качестве ее низшего и контролируемого, но все же важного и активного звена.

Утратили частично свое значение, но не исчезли и органы сословного представительства. В отличие от английского парламента французские Генеральные штаты не превратились в постоянно действующий орган: они созывались крайне редко и только в периоды политических кризисов (последний раз — в 1614—1615 гг.). Узы провинциальной солидарности

оказались значительно более прочными, а провинциальные штаты — более влиятельными. В начале XVI в. штаты существовали в большинстве провинций королевства и главной их функцией было вотиrowание налогов. Однако укрепление присвоенного королевской властью еще в XV в. права самостоятельно назначать налоги привело к постепенному исчезновению штатов в тех провинциях, где традиции самоуправления были менее развиты и где существовал королевский аппарат взимания налогов. К середине XVII в. штаты сохранились только в Бретани, Лангедоке, Провансе, Бургундии и некоторых более мелких провинциях Франции. Однако эти штаты функционировали весьма активно и были эффективными орудиями ограничения королевской власти и защиты фискальных привилегий провинций. Обычно они имели собственный фискальный аппарат и постоянных представителей, участвовавших в администрации провинций.

Ранний абсолютизм характеризовался ростом государственного аппарата. Уже к началу XVI в. во Франции насчитывалось около 8 тыс. чиновников; к середине XVII в. их численность возросла до 46 тыс., т. е. каждый четырехсотый житель королевства был чиновником. Создание широкого социального слоя чиновничества было важным фактором усиления королевской власти.

В 1522 г. правительство в поисках новых источников доходов легализовало ставшую традиционной торговлю государственными должностями и создало специальное «бюро случайных доходов»: оно от имени короля продавало вновь создаваемые должности, а при продаже должностей частными лицами взимало в пользу короля плату. Право передавать должности по наследству сопрягалось с дополнительными поборами, вызывавшими недовольство и прямой саботаж чиновничества. В 1604 г. вопрос был разрешен введением небольшого ежегодного взноса — полетты (по имени финансиста Поле), что окончательно закрепило наследственную собственность чиновников на должности. Полетта упрочила независимость чиновников от вельмож, протекция которых ранее была необходима для наследования должности.

С сохранением элементов частноправовой государственности связано медленное внедрение в практику идеи подданства. Официально она была основой концепции королевской власти, и тем не менее традиции средневековых личных связей далеко не были изжиты. Целые провинции и города, особенно в XVI в., считали себя связанными с королем на началах договора. Для дворянства король долго оставался не столько сувереном, сколько верховным сеньором-созереном, вершиной иерархии дворянского сословия, связанного с ним отношениями патроната и верности. Система клиентел была основой функционирования дворянского элемента раннеабсолютистской администрации — института губернаторов, однако распространялась и на чиновничество. Личная верность, оплаченная благодарениями, привязывала губернаторов к королю, офицеров — к главнокомандующему, статс-секретарей — к первому министру, провинциальных нотаблей — к губернаторам, интендантов — к статс-секретарям, магистратов парламента — к первому президенту. В политической практике эпохи личная верность нередко стояла выше государственного подданства. Без использования этого метода невозможно было функционирование государственного аппарата. Естественно, что администрация XVI — XVII вв., несящая столь значительный отпечаток феодальных времен, не могла быть до конца гибким и покорным орудием абсолютизма.

Главой государства был король, обладавший всей полнотой власти и лично весьма активно участвовавший в управлении. При нем имелись совет, формально чисто консультативный, но реально игравший роль возглавлявшегося королем правительства. В XVI в. господствовал принцип свободного комплектования совета королем, однако он, следуя традиции,

приглашал своих «прирожденных советников» — принцев крови, кардиналов, высших коронных чинов, главнокомандующего — коннетабля, его заместителей — маршалов и главу гражданского ведомства — канцлера. В совет также входили высокопоставленные юристы и финансисты, социально стоявшие неизмеримо ниже знати. В составе совета существовала группа из нескольких фаворитов, вырабатывавшая на секретных совещаниях с королем наиболее важные решения — «тайный», или «узкий», совет.

Усиление королевской власти и резкое усложнение задач государственного управления потребовали расширения персонала и создания особых секций совета. Главным элементом Королевского совета конца XVI — первой половины XVII в. был Деловой совет, бывший «тайный», где в присутствии короля обсуждались наиболее важные государственные дела, в первую очередь внешнеполитические. В него иногда входили члены королевской семьи, но прежде всего высокопоставленные чиновники — канцлер, сюринтендант, статс-секретарь иностранных дел. В первой половине XVII в. сформировался ведавший вопросами внутренней политики «совет депеш», куда наряду с членами Делового совета входили статс-секретари и государственные чиновники. К политическим советам примыкал также Финансовый совет. Вопросы администрации и судопроизводства решались коллегией советников, заседавших под руководством канцлера попеременно в качестве Совета частных тяжб и Государственного финансового совета. Дела к заседаниям готовили докладчики прошений, число которых за полтора столетия возросло с 8 до 80 человек. Социальный состав Королевского совета стал изменяться при Генрихе IV; при последних Валуа в нем главенствовали знать и духовенство, но с конца XVI в. преобладание перешло к робанам, к середине XVII в. почти полностью вытеснившим военных и клириков.

К концу XVI — XVII в. относится возникновение системы министерств. Еще в XIV — XV вв. большую роль стали играть финансовые секретари — чиновники канцелярии, приставленные к королю для записи его распоряжений. К середине XVI в. они в числе четырех человек превратились в высокопоставленных чиновников и стали называться статс-секретарями. Они вели переписку правительства с провинциями и иностранными державами. В эпоху религиозных войн в руках одного из них, Вильюа, занимавшего свою должность с 1567 по 1617 г., фактически сосредоточилось руководство внешней политикой королевства. Второй статс-секретарь стал со временем отвечать за военное ведомство, третий — за королевский двор и столицу, четвертый — за дела протестантской религии. Финансовое управление с конца XVI в. было сосредоточено в руках назначаемого королем сюринтенданта. При Ришелье появляются зачатки морского министерства: в 1628 г. кардинал-министр получил должность сюринтенданта навигации и торговли. Король управлял теперь с помощью постоянного, назначаемого им высокопоставленного гражданского чиновничества, знать была отстранена от непосредственной политической власти.

До введения при Ришелье постоянных интендантов провинциальное управление состояло из двух параллельных административных систем — института губернаторов и чиновных корпораций. Институт губернаторов возник еще в эпоху Столетней войны, однако широкое распространение приобрел только во второй половине XV — XVI в. Наряду со старшими губернаторами провинций имелись младшие — отдельных областей, городов и замков. В помощь губернаторам назначались генеральные наместники, которые, как и младшие губернаторы, нередко были родней или клиентами старших.

Губернаторы ведали военной администрацией и обороной провинции, но имели также права контроля над всеми сферами провинциальной и му-

ниципальной жизни. Однако важнее административных функций была их социальная роль; губернаторы были как бы связующим звеном между провинцией и королевской властью, не столько управляя, сколько обеспечивая благоприятную для правительства политическую атмосферу и верность провинции. Среди губернаторов были принцы крови, герцоги и пэры, министры, маршалы. Их личное влияние при дворе, в правительстве, в армии позволяло им обеспечивать службой и карьерой провинциальных дворян и чиновников, а также отстаивать перед королем интересы своих провинций. Хотя иногда некоторые губернаторы превращались в полусамостоятельных государей, в целом этот институт был одним из важнейших рычагов раннеабсолютистской централизации. Влияние в центре было для губернаторов необходимым залогом могущества на местах. Привязывая к себе провинции узами патроната, они тем самым включали их в общегерцогскую систему клиентел. Губернаторам, однако, не всегда удавалось добиться полновластия в провинциях. Соперниками губернаторов выступали королевские трибуналы (суды), в первую очередь парламенты, претендовавшие на самостоятельное господство в провинциях.

Система королевских трибуналов, значительно развившаяся в XVI в., включала разнообразные по своему значению и функциям органы. Наиболее древним элементом ее были бальяжи (на юге — сенешальства), коллективные судебные органы, ведавшие также общей администрацией, полицией, феодальным ополчением (баном) и королевским доменом. Их было около сотни. Ниже бальяжей имелись первичные королевские суды — шателени, превотства и т. д. Выше бальяжей стояли парламенты, относившиеся к числу так называемых верховных судов. Наиболее важным из них был парижский парламент, выделившийся еще в XIII в. из состава Королевского совета и распространявший свое влияние примерно на треть территории королевства. В XV — XVI вв. по мере собирания французских земель в ряде провинциальных столиц, таких, как Тулуза, Экс, Бордо, Гренобль, Ренн, Руан, Дижон, в ответ на стремление к местному самоуправлению возникли парламенты по образцу парижского.

Наряду с судебными парламентами имели самые широкие общедминистративные функции, в частности надзор за муниципальным управлением. Но особенно важным было их право регистрировать королевские указы, проверяя их соответствие предшествующему законодательству и привилегиям провинций. Без регистрации указы не вступали в действие. С XV в. за парламентами закрепилось право подачи письменных протестов — ремонстраций — против незаконных распоряжений. Обязательной регистрацией становилась только в случае личного присутствия короля в парламенте. Однако это еще не решало дела: провинциальное чиновничество, для которого авторитет парламента стоял очень высоко, могло саботировать указ, разосланный с пометкой о принудительной регистрации. Реально все зависело от соотношения сил: твердое правительство обычно находило средства повлиять на парламентариев, а Ришелье в условиях Тридцатилетней войны временно запретил подачу письменных ремонстраций. Напротив, в периоды кризисов правительству нередко приходилось отступать, а иногда и твердое правительство считало выгодным воспользоваться советами компетентных юристов и удовлетворяло ремонстрации.

Наряду с парламентами и бальяжами существовали оформившиеся на протяжении XVI в. органы финансовой администрации. Сбор прямых налогов непосредственно осуществляли чиновники-контабли, должности которых обычно покупались финансистами, а косвенные налоги сдавались на откуп компаниям финансистов. Однако процесс взимания налогов контролировался королевскими трибуналами. В группу верховных судов входили столичные и провинциальные счетные палаты, занимавшиеся

проверкой финансовой отчетности, и палаты косвенных сборов, судившие по вопросам налогообложения. Ключевым органом финансовой администрации были созданные во второй половине XVI в. финансовые бюро казначеев Франции, осуществлявшие в генеральствах (финансовых округах) раскладку прямого налога — талли и сдававшие на откуп некоторые косвенные налоги, а в XVII в. надзиравшие и за эксплуатацией домена. Ниже финансовых бюро в большинстве генеральств имелись элексьоны, разверстывавшие таллю между приходами и судившие в первой инстанции по вопросам налогообложения.

Бюрократическая машина французского абсолютизма была самой мощной в тогдашней Европе. Однако в силу своей архаичности — продажи должностей, роли личных связей, политических привилегий вроде права ремонстраций — она сохраняла в себе элементы сословного представительства. В условиях Тридцатилетней войны саботаж налоговой политики чиновничеством сделал неизбежной частичную модернизацию государственного аппарата, центральным элементом которой стали провинциальные интенданты.

Зарождение этого института относится к середине XVI в., когда в условиях обострения социально-политической борьбы в стране правительство стало значительно чаще рассылать в провинции своих чрезвычайных представителей, профессиональных юристов и финансистов, которые оказывали губернаторам в качестве членов их советов необходимую помощь в технических вопросах управления. Уже в период религиозных войн интенданты иногда по несколько лет задерживались в провинциях, но только в конце 30-х — начале 40-х годов XVII в. они из экстраординарных комиссаров превратились в постоянных представителей правительства на местах. Главной сферой их полномочий были финансы, но под их контроль была поставлена вся провинциальная жизнь. Располагавшие поначалу лишь небольшим штатом личных секретарей и информаторов, интенданты были не в состоянии подменить собой органы старой администрации. Но это и не входило в намерения правительства, которое рассматривало интендантов в первую очередь как агентов информации и контроля: их задачей было устранение злоупотреблений, борьба с саботажем чиновничества и проведение в жизнь чрезвычайных государственных мер. Вышедшие в большинстве своем из числа докладчиков прошений, назначаемые королем и рассчитывающие на продолжение карьеры в Королевском совете, интенданты и были надежными проводниками административной централизации. В основе их деятельности лежали единичие, строгая иерархическая соподчиненность и преимущественно административные, а не судебные формы принятия решений, что было вызовом административным традициям королевских трибуналов, коллегиальных судебных органов. Местное чиновничество враждебно относилось к интендантам, и в годы Фронды они были временно отозваны. Только в период самостоятельного правления Людовика XIV этот институт окончательно стабилизировался.

Рост материальных возможностей государства наглядно проявился в военной и финансовой сферах. Феодалное ополчение — бан и аррьер-бан — утратило к XVI в. военное значение. Уже на исходе Столетней войны во Франции была создана постоянная наемная армия — ордонансовые роты, в которых к началу XVI в. служило около 3 тыс. тяжеловооруженных рыцарей-жандармов и 4—5 тыс. конных слуг. Имелось также несколько десятков тысяч освобожденных от талли ополченцев-лучников, использовавшихся обычно для гарнизонной службы, и несколько тысяч наемников-швейцарцев. В годы Итальянских войн действующие армии достигали иногда 30—40 тыс. человек. С развитием огнестрельного оружия рыцарская конница, швейцарцы и лучники постепенно утрачивали свое значение. Господствующим типом военной организации становится наемная

армия кондотьеров, расцвет которой приходится на первую половину XVII в. Капитаны и полковники получали, а нередко и покупали у короля комиссии на вербовку легкой кавалерии и вооруженной мушкетами и пиками пехоты. Фактически роты и полки были собственностью своих командиров, и дисциплинированность этой армии обеспечивалась личной верностью офицерского корпуса правительству. Численность армии мирного времени несколько возросла по сравнению с началом XVI в., но все же оставалась скромной: 25 тыс. человек. Только вступление Франции в Тридцатилетнюю войну привело к стремительному (в 3—4 раза) росту армии и породило попытки покончить с традициями кондотьерства. Это было частично достигнуто за счет сосредоточения военной администрации в руках гражданских чиновников — статс-секретарей и армейских интендантов, прикомандированных к действующим армиям и не без успеха осуществлявших политический, административный, судебный и финансовый контроль. Однако настоящая реорганизация французской армии произошла только при Людовике XIV.

Основными статьями королевских доходов во второй половине XV — начале XVI в. были поступления с домена, прямой налог — талья, косвенные налоги на продажу вина (эд) и соли (габель). С середины XV в. эти налоги потеряли характер вотируемых штатами экстраординарных субсидий и стали постоянными. Их размер определялся королем, которому, однако, приходилось считаться с опасностью антифискальных выступлений, с верховными судами, а в некоторых провинциях — и с сохранившимися штатами. Постоянное увеличение в условиях внешних и гражданских войн финансовых потребностей короны вело к постепенному росту налогов и развитию различных форм государственного долга — продажи должностей и рент в 20-х годах XVI в. и краткосрочных займов у финансистов под залог налоговых поступлений. Рост государственного долга привел к концу XVI в. к формированию широкой и влиятельной социальной группы финансистов, происходивших из среды богатого купечества. Скупая должности сборщиков тальи и беря на откуп косвенные налоги, финансисты практически поставили государство в зависимость от своего кредита. К XVII в. монархия уже не имела возможности взимать налоги помимо компаний финансистов. Система порождала массу злоупотреблений. В мирные периоды правительство предпринимало расследования деятельности финансистов и пыталось сократить государственный долг, однако постоянные войны вновь заставляли его прибегать к помощи финансистов.

Налоговое бремя распределялось по стране неравномерно. В разных провинциях талья, эд и габель взимались в различных формах и размерах, а в некоторых вместо них собирались местные налоги. Наиболее облагаемыми были области королевского домена в центре и на северо-востоке страны. Отдаленные провинции, особенно сохранившие штаты, не без успеха оказывали сопротивление росту фискального гнета. Основная тяжесть налогового обложения приходилась на третье сословие.

Общий размер налогов стремительно возрастал в XVI — XVII вв. Людовик XII в начале XVI в. в среднем собирал со своих подданных 3 млн ливров в год (около 70 т серебра), а Генрих II в середине столетия — 13,5 млн (209 т); при Генрихе IV налоги были стабилизированы (в 1607 г. — 31 млн ливров, или 345 т серебра); вступление Франции в Тридцатилетнюю войну вызвало новый резкий подъем: в конце 30-х — начале 40-х годов правительство собирало 90—100 млн ливров в год (более тысячи тонн серебра), т. е. в 15 раз больше, чем при Людовике XII. Следует, однако, учитывать, что на протяжении XVI в. происходило значительное обесценивание денег в результате «революции цен». Несомненно, происходил и прирост национального богатства Франции; реальная тяжесть налогового пресса возрастала в несколько раз медленнее, чем мас-

са поглощаемых казной ценных металлов. Следовательно, фискальный гнет постепенно возрастал на протяжении XVI и начала XVII в. и резко усилился с 30-х годов XVII в.

Значительно активизируется в XVI в. законодательная деятельность государства. Появляются «большие ордонансы» с широкими проектами реформ, затрагивающие все сферы общественной жизни. Их эффективность была невелика, но все же они подготавливали систематическое законодательство кольберовской эпохи. Стоя на страже сословного строя, государство берет на себя определение привилегий, обязанностей, взаимоотношений сословий и активно вмешивается в их комплектование. Слой высшей знати, теоретически остававшийся аристократией крови, представляет собой созданную монархией социально-политическую элиту; высшие дворянские титулы герцогов и пэров даются только королем, который награждает ими выдвинувшихся на его службе лиц. Сама принадлежность ко второму сословию требует санкции короля; в стране начинают проводить расследования о законности прав на титулы, и только приговор королевских комиссаров дает дворянам официальное признание их привилегий. Традиционное аноблирование обладателей дворянской земли без королевского патента если и не исчезает из практики, то с 1579 г. официально запрещается и постепенно становится редким. Менее интересуют королевскую власть ранги внутри третьего сословия, но и здесь не обходится без ее вмешательства. Государственное регулирование проникает до самых низов социальной лестницы, и администрация берет на себя организацию общественного призрения, вплоть до частной благотворительности. С невиданной ранее активностью государство вмешивается в дела католической церкви, в сферу семейных отношений, стремится к контролю за интеллектуальной и духовной жизнью общества. В XVII в. по мере развития рационалистической философии правительство выражает намерения упорядочить социальный строй, с тем чтобы каждая социальная группа служила целям абсолютной монархии.

Не менее, чем в социальной сфере, государство проявляет себя в области экономической. Именно в рассматриваемую эпоху оформляется политическая экономия как направление общественной мысли и возникает меркантилизм, являвшийся не столько целостной экономической и социальной теорией, сколько набором практических рекомендаций, в основе которых лежало убеждение, что основную форму богатства составляют ценные металлы и что от их обилия зависят процветание и могущество государства. Опыт подсказывал, что главной сферой создания такого богатства является международная торговля с положительным балансом. Меркантилисты рекомендовали ограничить ввоз иностранных товаров, в первую очередь предметов роскоши, и налаживать собственное производство, обеспечивая условия для расширения экспорта. Эти рецепты восходили к традициям экономической политики средневековых муниципалитетов, но теперь протекционизм должен был осуществляться государством в национальном масштабе. Экономическая политика раннего абсолютизма была недостаточно систематической, но в целом была выдержана в духе меркантилистских рецептов.

В XVI в. таможенный протекционизм правительства уравнивался широкой раздачей индивидуальных привилегий итальянским купцам, от кредита которых оно тогда зависело. Все же кое-что было сделано: созданы многочисленные ярмарки, сокращено количество внутренних пошлин, организовано шелковое производство в Туре и Лионе, в 1535 г. заключен выгодный торговый договор с Турцией, дававший итало-лионскому купечеству монополию на торговлю в турецких владениях под французским флагом. Впервые систематическую меркантилистскую политику начал проводить Генрих IV. Он поощрял развитие сельского хозяйства, основывал и субсидировал привилегированные мануфактуры, устано-

вил более или менее равноправную систему таможенных отношений с Голландией и Англией, организовал широкое дорожное строительство, поощрял промышленный шпионаж. Эти традиции продолжил Ришелье, новой чертой экономической политики которого стала борьба за господство на морях — попытки создания военного флота, субсидированных привилегированных купеческих компаний, заокеанских колоний. Однако во внешней политике Ришелье интересы французской торговли стояли еще на заднем плане.

Успехи раннеабсолютистского меркантилизма оставались сравнительно скромными. Правительство оказалось бессильным преодолеть провинциальный сепаратизм и сохранившиеся традиции муниципального протекционизма. Сохранялась средневековая пестрота системы мер и весов. Таможенная система отличалась традиционностью: только старые области королевского домена имели общий таможенный режим, в то время как южные и некоторые окраинные провинции считались как бы иностранными. Государство и купечество во Франции разделяло взаимное недоверие: купечество склонно было видеть в правительственных новшествах фискальные уловки и предпочитало свободу торговли государственной регламентации. Это подчеркивало искусственность меркантилистской политики, недостаточно учитывавшей пожелания французского купечества.

В целом регулирование экономики было одним из наиболее прогрессивных проявлений абсолютистской государственности, однако в этом направлении делались только первые шаги. В социальном отношении экономическая политика, несмотря на недостаток взаимопонимания государства и купечества, отражала интересы нарождавшейся буржуазии, представляя вместе с тем попытку дворянского государства использовать элементы раннекапиталистической экономики.

Специфика французского абсолютизма была порождена особенностями социально-экономического развития страны, в частности незавершенностью формирования национального рынка, сохранением социального преобладания дворянства, склонностью купеческого капитала к утечке в сферу государственного кредита. С другой стороны, здесь сказались отличительные черты географического положения страны, особенно величина ее территории и ее политические традиции, определявшиеся ранним развитием государственного аппарата и финансовой системы, вызванным потребностями обороны страны в годы Столетней войны и сочетавшимся с провинциальным сепаратизмом, наследием территориальных княжеств времен феодальной раздробленности. Вместе эти факторы приводили к своеобразному балансу весьма выраженных центростремительных тенденций с не менее выраженными центробежными. Сильной, располагавшей немалыми финансовыми возможностями и значительной постоянной армией центральной власти, многочисленному и чрезвычайно влиятельному чиновничеству, декларациям о божественном происхождении и неограниченности королевской власти противостояли разнообразные формы соучастия подданных в управлении. Хотя концентрация политической власти за полтора столетия раннего абсолютизма продвинулась вперед, власть эта по-прежнему носила во многом рассредоточенный характер. Влияние на общегосударственные дела, формально решавшиеся королем, принадлежало в первую очередь высшей бюрократии Королевского совета и верховным судам. Не меньшее влияние оказывала и высшая аристократия, располагавшая доступом к непосредственной власти в центре и особенно на местах. Именно эти две социальные группы были правящим слоем во Франции XVI — первой половины XVII в. В начале этого периода в составе политической элиты решительно преобладала знать, в конце его она уже делила влияние с чиновничеством, во многом оттеснившим ее от прямой власти. Низший эшелон власти, которому принадлежала доля участия в решении местных дел, в окраинных провинциях выливавшаяся

иногда в широкую автономию, состоял из провинциального дворянства, среднего чиновничества и буржуазии. Традиционные политические структуры феодального общества уступили место социально-политическому порядку абсолютной монархии, характерному для эпохи перехода от феодализма к капитализму.

Глава 3

РЕСПУБЛИКА

СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ

Государственный статус Нидерландов отличался усложненностью и дуализмом. После краха герцогства Бургундского в 1477 г. его земли оказались связанными династическими узами с домом Габсбургов. В правление Карла V, императора Германской империи, короля Испании и повелителя огромных колониальных владений, к Нидерландам были присоединены в 1523 г. — Фрисландия, в 1528 г. — Утрехт и Оверэйссел, в 1536 г. — Хронинген и Дренте, в 1543 г. — Гелдерн (Хелдер). Весь комплекс из семнадцати земель был включен по «Прагматической санкции» 1549 г. в состав Империи на положении Бургундского округа, наследственного и неделимого владения дома Габсбургов. Его связь с Империей и его денежный взнос выглядели скорее символическими, но Габсбурги насаждали свою систему учреждений, правовых норм и порядков. Однако сохранялась и старая система представительных органов, которым каждый новый габсбургский династ приносил присягу.

Государь лично все реже присутствовал в стране, управлявшейся его наместником — генеральным статхаудером (штатгальтером). По реформе 1531 г. главными правительственными учреждениями стали три отраслевых Совета: Государственный, Тайный и Финансовый. Они обладали весьма широкой компетенцией. Государственный совет решал вопросы государственной безопасности, высшей администрации, обсуждал вопросы управления страной (состояние войск, конфликты центральных и местных учреждений, внешнеполитические, внешнеторговые и церковные дела). Собирался Совет лишь по распоряжению наместника. Главную роль в нем играла придворная аристократия, что было закреплено реформами 1540—1557 гг.; из нее в 60-х годах XVI в. сложилась влиятельная «консульта» во главе с наместницей Маргаритой Пармской и кардиналом Гранвеллой. Остальные члены Совета участвовали лишь в пленарных заседаниях.

Тайный совет, формировавшийся из легистов, ведал подготовкой проектов законов и распоряжений, их истолкованием, внутривнутриполитическими и административными вопросами, рассматривал судебные дела по апелляциям и изъятые из ведения других судов, надзирал за судами низших инстанций, давал наместнице рекомендации по замещению вакансий в центральных и областных органах власти. Председателем его назначался видный вельможа.

Финансовый совет состоял из трех знатных лиц, трех специалистов (главного казначея и «уполномоченных») и нескольких клерков. Он управлял доменами короны, обеспечивал поступление сборов со всех регалий суверена, вел надзор за состоянием финансов, ведал коронными займами. Исполнительными и контрольными финансовыми органами, особенно в сфере взимания налогов, были Счетная и Казначейская палаты в Лилле и Мехеле и Монетный двор, ведавший чеканкой монеты и связанной с этим юрисдикцией.

Верховным апелляционным судом был Большой совет в Мехельне, состоявший из высокоученых юристов «обоих прав» — светского и церковного. Ленная палата ведала ленными владениями, Адмиралтейство в Феере — морской торговлей и судоходством.

Реформы судов инквизиции и епископств в 1522—1525 и 1559 гг. централизовали борьбу с ересями: принадлежность к ним считалась государственным преступлением.

Центральные государственные органы опирались на плотную сеть областных административно-судебных учреждений и должностных лиц (балы, маркграфы и дросты, возглавлявшие местную администрацию в дистриктах, бальяжах и других территориальных единицах, епископские и сеньориальные органы власти).

Абсолютистско-бюрократическому аппарату противостояла система представительных органов, учреждений, норм обычного права, частично кодифицированного, и привилегий. Первое место принадлежало соответственно Генеральным штатам и штатам областей. Их депутатами были католические прелаты, дворяне, представители городов из патрицианских кланов и верхушки бюргерства; в зонах с фризским населением и фризским правом в штатах заседали и делегаты вольных крестьян-общинников. Генеральные штаты собирались только по распоряжению короля в экстренных случаях и для вотиrowания налогов.

В областях высшая юридическая и административная власть принадлежала судам и статхаудерам, обладавшим значительной автономией. Судебные дела на местах рассматривались коллегиями из горожан или крестьян на основе норм обычного права. В светских и духовных сеньориях распоряжались сеньориальные власти.

Большинство городов пользовалось значительной автономией и самоуправлением. Городские советы (магистраты) ежегодно переизбирались коллегиями, состоявшими из бывших членов магистратов, патрициата и верхушки бюргерства — фрудсхапен, которые контролировали деятельность городских властей, а в чрезвычайных условиях могли брать в свои руки управление городом. В магистратах бургомистры ведали повседневным управлением, а одна или две «скамьи» шеффенов — судопроизводством. В крупных городах дополнительно создавались небольшие отраслевые «комиссии». Вооруженные силы городов — милиции (стрелковые гильдии) набирались из цеховых ремесленников; офицерами назначались обычно члены фрудсхапен. С XV в. представители милиций приглашались на особо важные заседания магистратов. Кроме того, города имели круглосуточную стражу. Высшая исполнительная власть в них обычно принадлежала схату, порою председательствовавшему в местных судах. Города непреклонно защищали свои привилегии от посягательств королевских властей, иногда дело доходило до восстаний.

Абсолютистская политика Филиппа II противостояла прогрессивному развитию страны и ее государственно-правовой системе. Генеральные штаты фрондировали, не желали принимать навязываемые им решения. В центральных органах заправляли испанцы и их приспешники, особенно после создания герцогом Альбой «Совета по делам о мятежах», который подчинил себе отраслевые советы. Нарушение прав и традиционных привилегий стало нормой, если даже формально они не отменялись.

Восстания 1572 г. на севере и 1576 г. (охватившее всю страну) создали качественно новую ситуацию. Суверенитет Филиппа II признавался лишь номинально и постоянно подрывался.

Уже в период между восстаниями 1572 и 1576 гг. экипажи морских судов и сухопутные отряды гёзов, не считаясь с законами против еретиков, громили католические церкви и монастыри. Испанских пособников смещали с должностей и казнили. Милиции, городской люд вмешивались в решение местных дел. Штаты Голландии и Зеландии признали правите-

лем Вильгельма I Оранского, лишённого Филиппом II всех прав и должностей. Они вели военные действия против войск испанских наместников, заключали договоры с иноземными державами, приглашали к себе их воинские части, что противоречило существовавшим государственно-правовым нормам. «Гентское умиротворение» от 8 ноября 1576 г., несмотря на верноподданнические декларации, было ударом по прерогативам Филиппа II: Генеральные штаты собрались самочинно, объявили всеобщую политическую амнистию и отменили эдикты («плакаты») против еретиков; Голландия и Зеландия, хотя и в качестве «временной меры», получили автономный статус и право введения кальвинизма.

После восстания 1576 г. вмешательство городских милиций, военных формирований гёзов, революционных «комитетов 18-ти» в принятие решений городскими магистратами и штатами вообще не укладывалось в прежние нормативы. Последующие соглашения об уравнивании в правах католиков и кальвинистов прямо противоречили всей политике Филиппа II. Создание Военного и Государственного советов постановлениями Генеральных штатов в 1576 и 1577 гг. нарушало суверенные права короля. Утрехтская уния, подписанная большинством северных провинций, Фландрией и рядом городов Брабанта, фактически не оставляла места королевской власти и заложила базу для создания государства нового типа — Республики Соединенных провинций. Акт о низложении Филиппа II в июле 1581 г. логически завершил все эти события.

Новый период в истории формирования государственного строя в Республике характеризовался переходом от отдельных изменений существовавших порядков к относительно последовательным реформам, созданию системы соподчиненных учреждений.

Утрехтская уния от 23 января 1579 г. рассматривалась как основополагающий конституционный документ: члены унии обязались бороться против всех ее внешних противников, не выходить из унии и не заключать сепаратных соглашений с третьими державами; иметь свои военные силы; всемерно укреплять города и их гарнизоны; установить налоги на содержание войск и военного флота. Вопросы мира и войны, налогообложения, заключения внешних договоров решают Генеральные штаты на основе единогласия. Штаты провинций ведают делами местного значения. Внутренние конфликты улаживаются сообща или при посредничестве статхаудеров и специально создаваемых комиссий; соблюдаются все привилегии; религиозные дела регулируются провинциями на основе «религиозного мира». Заседания Генеральных штатов назначают уполномоченные на то должностные лица. Унифицируется денежная система. Все корпорации приносят присягу на верность унии.

Политический строй Республики складывался постепенно. Верховный суверенитет с середины 80-х годов XVI в. принадлежал Генеральным штатам. Каждая правомочная провинция располагала в них одним голосом, но на заседания приезжали делегации. С 1593 г. Генеральные штаты стали повседневно работающим органом, заседали в них уже не все депутаты, а лишь особая коллегия «командированных советников», обладавшая реальной властью. В полном составе Генеральные штаты собирались лишь 1—2 раза в год. Депутаты голосовали на основании императивного мандата, усложнявшего всю процедуру принятия решений. Статхаудер мог участвовать в их заседаниях, но права голоса не имел. Генеральные штаты издавали общие законы, управляли зависимыми от Республики землями; контролировали деятельность высших отраслевых административных и судебных учреждений, утверждали в высших должностях. Первое место в аппарате Генеральных штатов занимал великий пенсионарий Голландии. Он готовил и вносил предложения, направляя работу Генеральных штатов, ведал иностранными делами. Второе место принадлежало секретарю, отвечавшему за все делопроизводство. Деятельность Генеральных

штатов постепенно строго регламентировалась, устанавливался точный церемониал заседаний, приема иностранных послов.

После низложения Филиппа II объем компетенции Генеральных штатов и статхаудеров возрос: государственные дела вершили уже не Габсбурги, а правящая патрицианско-купеческая олигархия и принцы дома Оранских-Нассау.

Отраслевые советы были сметены восстанием 1576 г. Постановлением Генеральных штатов от 26 сентября 1576 г. был учрежден Военный совет, состоявший из представителей феодальной аристократии юга и осуществлявший высшее военное руководство и некоторые функции прежнего Государственного совета; позднее Генеральные штаты сформировали Государственный и Военный советы, а также две палаты — Посланий и Налоговую.

Государственный совет по инструкции 1584 г. обладал меньшими правами, чем до революции: ведал внешней политикой и армией, затем Генеральные штаты отстранили его от внешнеполитических дел, ограничивали его финансовые полномочия. В него в зависимости от размеров квот по «генералитетскому сбору», вносившихся провинциями, входили: от Голландии — 3, Хелдера, Зеландии и Фрисландии — по 2, от остальных — по 1 члену. Несколько лет в нем оставались два представителя от Англии. Решения принимались большинством голосов. Первенствовали в нем представители регентско-купеческого патрициата.

После революции кодификация права, начавшаяся еще в XV в., осталась незавершенной. На местах ее формы определялись властями провинций. Судебно-правовая система децентрализовалась и «провинциализировалась». Единого центрального судебного органа не было. Особо важные дела по государственным и должностным преступлениям рассматривали Государственный Совет, Генеральные штаты. Внешнеторговые дела разбирались в Адмиралтействах, по домам — в Счетной палате, военные — в трибуналах. В провинциях система местных и отраслевых судебных инстанций обладала высшей и низшей юрисдикцией и административной властью. Города имели свои традиционные суды и правовые нормы, основанные на привилегиях. Всей этой мозаичной системе были присущи сословность, конфликты, длительное сутяжничество, коррупция.

Государственными финансами ведали Генеральные штаты и Государственный совет. В 1602 г. появилась Счетная палата, постепенно изымавшая вопросы финансирования из ведения Государственного совета. Крупнейшими должностными лицами в этой сфере были главный казначей, надзиравший за ведением денежных дел, и главный сборщик, управлявший ими.

Налоговая система складывалась постепенно. Еще в начале 70-х годов Голландия и Зеландия ввели конвойные и лицензионные сборы с вывозимых и ввозимых товаров. В Республике они стали дополнением к традиционным налогам — поземельному, поочажному, акцизам, а доходы от них шли на содержание военного флота. Утрехтская уния ввела сбор «общих средств» для покрытия общегосударственных расходов, однако эта форма не прижилась, с 1590 г. ее заменили взносами провинций по установленным квотам — генералитетским сбором. Особому обложению подлежали предметы роскоши. В меньшей степени облагалась торговля.

Унифицированной процедуры сбора налогов не существовало — различные налоги взимались либо правительственными чиновниками, либо властями провинций и городов, откупщиками. В XVII в. Республика была страной с самыми высокими налогами; главная их тяжесть ложилась на крестьян и мелкий городской люд. Злоупотребления в этой сфере были особенно велики. Эмиссией денег ведала Монетная палата, в 1582 г. переместившаяся на север. Она обеспечивала чеканку единой монеты, надзор за ее курсом и циркулированием, пресекала злоупотребления. Финансовые преступления относились к компетенции Государственного совета.

Утрехтская уния ввела всеобщую воинскую повинность, но в армии преобладали иноземные наемники. В управлении армией коллегиальный принцип смешивался с личностным, а централизм с провинциализмом. Политико-стратегические задачи ставились Генеральными штатами при активном участии великого пенсинария. При действующей армии обычно находилась группа депутатов. Статхаудер был главным капитаном армии в мирное время и становился ее главнокомандующим в военное. Финансовые расчеты по содержанию армейских частей и соединений Государственный совет вел непосредственно с их командирами. Военный совет, помимо прямых функций, выполнял и обязанности высшей военно-судебной инстанции. Часть войск содержали провинции, что создавало их особые взаимоотношения с местными властями. Присягу солдаты и офицеры приносили и центральным и местным органам. Такая практика имела главной целью ограничить влияние статхаудеров, но она же порождала срывы и помехи при проведении боевых операций, утечку секретной информации.

Помимо регулярных, существовали гражданские войска. Основу их составляли городские милиции. Они охраняли общественный порядок и помогали войскам при осаде городов. С 1581 г. вмешательство милиции в политические дела было запрещено, хотя в критических случаях этот запрет нарушался. В сельских районах в годы освободительной войны сходную роль играли отряды самообороны, участвовавшие в крупных крестьянских выступлениях.

Военно-морской флот обеспечивал торговое преобладание Республики на морях и океанах. Верховное командование принадлежало статхаудеру Голландии как главному адмиралу. Ниже по иерархии шли его заместители, адмиралы и вице-адмиралы, командовавшие флотами, штурманы, капитаны, офицеры. На эти должности Генеральные штаты назначали, за редкими исключениями, только нидерландцев.

Адмиралтейства после революции были реорганизованы по «плакату» 1597 г. в пять коллегий: три — в Голландии, по одной — в Зеландии и Фрисландии. Коллегии контролировались Генеральными и местными штатами.

Кальвинистская церковь стала официальной и подчинялась властям. Конфискованная недвижимость католической церкви лишь частично использовалась на нужды реформатов, другая ее часть управлялась специальной администрацией, затем это имущество постепенно распродали, а остатки его перешли в разряд земель Генеральных штатов. «Кальвинизация» Республики шла замедленно. К 1672 г. лишь $\frac{1}{3}$ населения состояла из кальвинистов. Правящая регентская олигархия опасалась «теократических» претензий кальвинистской церкви, поддерживаемой народными массами, особенно в городах, и жестко ее контролировала. Территориальные объединения церкви (классис), консистории и приходские церковные советы находились в тесном контакте с местными властями, видевшими в них только помощников и духовных наставников. Церковной юрисдикции подлежали мелкие гражданские дела, аморальные поступки, чисто церковные вопросы. Мерами воздействия были внушение, публичное порицание, временный запрет посещать церковь и крайняя — исключение из общины. Многие дела рассматривались и в светских и в церковных судах, в частности банкротства, считавшиеся у кальвинистов тяжким проступком. Благотворительность осуществлялась церквами, муниципальными и местными властями. Назначение пасторов (с большим или меньшим участием светских властей) вызывало острое соперничество.

Государственный строй Республики представлял «эластичную федерацию». Провинции обладали широкой автономией: через своих депутатов они могли оказывать более или менее существенное влияние на принятые решения в Генеральных штатах. Практика была сложнее и гибче.

Среди полномочных провинций привилегированное место принадлежало вносившему всего 5,5% «генералитетского» сбора феодально-аграрному Хелдеру, как имевшему юридический статус герцогства. Фактически же доминирующее место занимала вторая по табелю о рангах («графство») Голландия, самая мощная экономически провинция, где проживало до половины населения Республики, вносившая 58% сбора. Политический строй ее также был наиболее развитым; его нормы оказывали унифицирующее воздействие на государственно-правовое развитие всех остальных провинций («голландизация»).

Штаты в Голландии сложились еще в бургундский период, после революции они выглядели как «городские». Принц Вильгельм I Оранский контролировал «первый член» штатов — дворянство, имевшее один голос. Остальные шесть голосов принадлежали большим городам. Чтобы создать им противовес, принц предоставил право участия в работе штатов «малым» городам, а также приглашал представителей крестьян. С 1575 г. штаты Голландии превратились в более узкую коллегию «командированных советников», где принц пользовался значительным авторитетом, формально не будучи депутатом. С 1584 г. штаты разделились на южную (основную) часть, где заседал очень влиятельный во всей Республике великий пенсионарий, и северную часть с региональным статусом. Решения по основным вопросам принимались только единогласно.

Зеландия до революции являлась «территориальной сеньорией», тесно связанной с Голландией. До восстания 1576 г. она оставалась частично в руках испанцев. Штаты возродились в ней в 1576 г. В «первом члене» их — дворянстве — решающее место принадлежало Вильгельму I Оранскому, который как маркиз Феера и сеньор Флиссингена контролировал и голоса одноименных городов. Остальные четыре места принадлежали крупным городам. Зеландия вносила 11,5%-ную квоту.

В штатах Утрехта (5,75-процентная квота) заседали депутаты от пяти соборных капитулов («первый член»), рыцарства, от г. Утрехта и четырех «малых городов». После революции от капитулов, сохранивших свое значение и недвижимость, делегировались уже не католические клирики, а равное число рыцарей и горожан. Сохранил свое представительство каноник и казначей Аудмонстера. С 1593 г. штаты Утрехта перешли на систему «командированных советников», а с 1645 г. — с мажоритарного на единогласный принцип принятия решений.

Оверайссел, отделившаяся от Утрехта территория (3,5-процентная квота), слабо развитая аграрная периферия, как правомочная провинция оформился в ходе революции. Штаты здесь конституировались в 1593 г. сразу же в форме «командированных советников». Их посылали дворянство, представлявшее также крестьян, и крупные города.

Спецификой государственного устройства, и в частности штатов, отличалась Фрисландия (11,5-процентная квота). Здесь еще достаточно прочными оставались пережитки общинного строя, переплетавшиеся со слабо развитой государственностью. Ландтаг, сохранявший черты народного собрания, постепенно превратился в штаты: делегаты избирались на паритетных началах от дворян и вольных полноправных крестьян-общинников, наследственных владельцев земли, по территориальным единицам — гри-там. Позднее в штатах сложилась коллегия «командированных советников», где сельские гри-ты имели шесть голосов, а города — три. Решения принимались единогласно. Однако в Республике эта демократическая структура быстро коррумпировалась. Регенты и другие богачи скупали за бесценок мелкие земельные участки, дававшие право голоса, и захватывали власть в штатах и сельских общинах. Выборы превращались нередко в фарс.

В сходном положении находилась отделившаяся от Фрисландии область Хронинген (квота — 5,75%), где остро враждовали между собой

г. Хронинген и его сельская округа — Оммелант. Как и во Фрисландии, в ландтаге были представлены горожане и крестьяне. Но на местах развернулись оргия подкупа голосующих и скупка земельных участков с правом голоса в основном городскими регентами. Таким путем г. Хронинген подчинил себе Оммелант.

Хелдер (Гелдерн) имел свои особенности в политическом устройстве, главными органами управления в нем были статхаудеры и подчиненный им «Суд» (Двор), обладавший административными правами. После 1578 г. власть здесь перешла к местным штатам, в которых имели преимущество дворяне, поскольку и представители городов частично состояли из рыцарей.

Статхаудеры существовали во всех провинциях и имели большие prerogatives. Они председательствовали в Судах, выступали посредниками в спорах, не решенных в штатах, назначали многих должностных лиц в провинциальных органах власти и т. д.

Суд (Двор) во всех провинциях являлся высшей универсальной судебной инстанцией, надзирающей за деятельностью нижестоящих органов юстиции. В законодательстве переплетались нормы обычного и римского права. В провинциях с замедленным развитием политического устройства, в частности во Фрисландии, Хронингене, Оверэйсселе, преобладало обычное право.

Налогово-финансовыми делами ведали в провинциях Счетные палаты. В Оверэйсселе и некоторых других провинциях, не имевших своих Счетных палат, их компетенция принадлежала штатам. Раскладка общереспубликанских налогов в провинциях велась штатами, часто вместе с городами. Местные налоги втировались и разверстывались штатами провинций и городами.

Управление водным хозяйством было наиболее централизованным в Голландии; децентрализация преобладала в Зеландии. Повсеместно существовало специальное «дамбовое» право; даже непреднамеренное повреждение водозащитных сооружений могло повлечь смертный приговор. Существовало специальное «дамбовое» налогообложение.

В городах система местных органов власти, администрации и юрисдикции была, в сущности, однотипна: фрудсхапен, магистраты, суды шеффенов, отраслевые комиссии, милиции. Повсюду имел место ярко выраженный элемент сословной корпоративности и олигархичности, более жесткой, чем при испанском режиме.

Помимо полноправных провинций в состав Республики входило еще шесть категорий земель: союзные — полуавтономные; зависимые от центральных властей; бесправные «генералитетские» области; отдельные зависимые территории; свободные сеньории с полной или частичной автономией; анклавы других государств (Юлих-Клеве), в той или иной мере контролируемые Генеральными штатами.

Союзная земля Дренте (квота — 1%) подписала Утрехтскую унию, затем была временно оккупирована испанцами. После освобождения ей не вернули статуса полномочной провинции, хотя во внутренних делах она была автономной. Дренте была лишена представительства в Генеральных штатах и других правительственных коллегиях Республики.

«Генералитетские» земли (части провинций, не оккупированные испанцами после 1578 г., территории провинций, отвоеванные в первой половине XVII в., прежде всего во Фландрии и Брабанте), сохраняя значительную автономию в ведении внутренних дел, во всем остальном были полностью подчинены центральным властям Республики, располагавшимся вне их границ. С этих земель взимались весьма обременительные налоги. Типичной для них являлась большая пестрота внутренних порядков и учреждений.

В социально-политическом аспекте господствующее место в Республике принадлежало городам, в частности регентскому патрициату. Положе-

ние нарождавшейся буржуазии с наступлением экономического спада, а затем и упадка заметно пошатнулось. Цехово-корпоративный элемент поднял голову. Политически же народные массы города и деревни остались бесправными. В Голландии — «законодательнице» государственно-юридических нормативов, — население которой достигало миллиона человек, всего около двух тысяч пользовались правом избирать и быть избранными в центральные, провинциальные и городские органы власти.

Государственное устройство и право Республики Соединенных провинций создавались постепенно, и в них нашла отражение незрелость социально-экономической базы революции.

Теория государственного суверенитета складывалась как синтез различных государственно-правовых теорий и практики революционной и освободительной борьбы. Сначала апеллировали к нормам обычного права, канонической традиции, естественному праву, допускавшим сопротивление тирану, нарушившему божественные и естественные нормы, условия договора, заключенного с «народом», превысившему свои полномочия «главного судьи». Затем в ход пошла аргументация гугенотских тираноборцов, допускавших сопротивление тирании. Все больший авторитет приобретали концепции преемников Жана Кальвина, особенно Теодора Беза, прочно связавших силы сопротивления тирании с представительными учреждениями. Эти идеи нашли обобщение в теории ортодоксально кальвинистского теолога Алтузия. Для него суверенитет олицетворялся в контракте государя с «народом», интересы которого представляет сословно организованный «корпус», облеченный властью в лице разных нижесходящих государственных и сословно-представительных инстанций. Высшим органом этих властей являлись Генеральные штаты.

Революционная практика шла в основном в этом направлении: от протеста к восстанию против тирана, от частичных вторжений в сферу суверенитета до низложения Филиппа II. Но акт низложения короля пока означал только, что место суверена становилось вакантным. Поэтому Генеральные штаты продолжали настойчиво искать нового суверена с ограниченным объемом власти. Лишь после печального опыта приглашения герцога Анжуйского (1582—1583) и графа Лестера (1585—1587) Генеральные штаты обратились к самостоятельному осуществлению суверенитета. Международное признание суверенности Республики зарождалось с 1572 г. в форме заключения ею неравноправных договоров с иностранными державами. Испания считала их противозаконными. Только по перемирию 1609 г. Испания де-факто признала существование Республики как самостоятельной страны. Подлинное и юридическое международное признание она обрела лишь по Мюнстерскому миру 1648 г., когда были аннулированы и ее символические связи с Империей. Концепции народного суверенитета в подлинном смысле слова обычно уделяется мало внимания. Однако эта теория была изложена еще в обращении радикальной оппозиции к штатам Голландии в 1576 г.: «За отсутствием законного государя суверенитет принадлежит народу, а не вам, господа, ибо вы являетесь не кем иным, как слугами, должностными лицами и депутатами указанного народа. Вы обладаете всеми вашими полномочиями ограниченно не только во времени, но также и относительно дел, которые вы обсуждаете, что является условиями, настолько удаленными от суверенитета... насколько небо удалено от земли». Практика в этом направлении осуществлялась революционными действиями отрядов морских гёзов и крестьянской самообороны, «комитетов 18-ти» и милиций городов, пресекавшимися Генеральными штатами, Вильгельмом I Оранским и правящей олигархией.

Вся система взаимоотношений штатов провинций с Генеральными штатами, императивный мандат их депутатов исходили из принципа «суверенности» провинций. Эти реалии отчетливо отразились в Утрехтской

унии и усиливались в дальнейшем. Борьба завершилась созданием государственного строя в форме федеративной Республики, известный аналог которой современники и историки видели в Швейцарском союзе. Переход суверенитета к Генеральным штатам после свержения испанского владычества выражал главное свершение революции в сфере государства и права. Остальное — отмена испанского законодательства, реформы центрального и местного аппарата власти, проникновение (замедленное и ограниченное) кальвинистской церкви в сферу компетенции местных, а иногда и высших властей, удаление из органов управления испанских чиновников и пособников — вытекало из первого. Собственно буржуазный элемент с трудом, нередко обходными путями проникал в ряды правящей олигархии и получал доступ к рычагам власти. Законодательное восстановление всех привилегий и сословных корпораций имело двойственное значение: оно было обращено против испанского господства, сплачивало корпоративный элемент в этой борьбе, но оно консервировало, а то и гальванизировало уже отмиравшие институты, было чревато консервативным застоєм. Это дало себя знать со всей силой со второй половины XVII в.

Особое место в Республике принадлежало статхаудерам Голландии и Зеландии из дома Оранских-Нассау. Они занимали крупные должности в провинциях, посты председателя Государственного совета, командующего армией и флотом, «главного гаранта соблюдения истинной веры», играли важную роль в ведении внешнеполитических дел Республики. Не имевшие четко определенных прав, искусно лавируя в полной противоречий и конфликтов политической жизни страны, заигрывая с народными массами, они олицетворяли монархический элемент. Упадок Республики послужил для статхаудеров дома Оранских-Нассау питательной средой. Они превратили свой сан в наследственный, надеясь учредить в будущем монархию. Вместе с тем статхаудерат стал одним из централизующих факторов, как и кальвинистская церковь, зарождавшееся национально-патриотическое самосознание, относительно общий язык, признание принципа политической общности, постепенная унификация государственного строя.

Противоречивостью отличалось и становление государственно-территориального единства Республики. Статхаудеры первой половины XVII в. имели целью полное отвоение всех 17 провинций, как это постулировала и Утрехтская уния, подписанная Фландрией и многими городами Брабанта. Ее поддерживала кальвинистская церковь, 150 тыс. иммигрантов из южных провинций. Но этому всеми способами препятствовала могущественная Голландия, видевшая во Фландрии, Брабанте, Антверпене прежде всего сильных конкурентов; сопротивлялись союзники — Франция и Англия. Далеко идущий план статхаудера Фредерика Хендрика (1632 г.) отвоевать и присоединить к Республике Испанские Нидерланды был блокирован союзом этих сил. Более того, полноправные провинции отвергли просьбы Дренте, отвоєванных районов Фландрии и Брабанта дать им правомочный статус и оставили их на положении союзных и даже бесправных «генералитетских» земель. Вместо подлинно единых Нидерландов Республика представляла собою «тесную унию». На этой основе позднее развились концепции мало- и великонидерландизма.

Республика, по крайней мере до середины XVII в., была самой развитой буржуазной страной Европы, но революция не сломала старую государственную машину, а лишь деформировала и даже отчасти реставрировала ее. В этих условиях сословно-корпоративные учреждения и государственные органы революционизировались в той мере, в какой усиливалось движение масс, а консервативный корпоративно-сословный элемент и регентские фракции оказывались потесненными революционно-кальвинистскими кругами. Тогда рамки сословности раздвигались, в сос-

ловно-представительные и государственно-административные органы проникали новые люди и группировки, вносившие «дух буржуазной революционности». Но прямой преемственности не было, а традиционная корпоративно-сословная трясина брала реванш в благоприятные для нее периоды. Политическая надстройка отставала от более динамичного базиса и тормозила его прогресс.

Глава 4

ГЕРМАНИЯ

Германия позднего средневековья — рыхлый наднациональный союз более или менее независимых государств и политических образований, с 1485 г. официально именовавшийся «Священной Римской империей германской нации». Империя не имела ни общего управления, ни единого центра, ни столицы. В орбиту ее господства, политических притязаний и влияния входила обширная территория в центре Европы, граничившая на востоке с Польским и Венгерским королевствами, на севере — со скандинавскими странами, на западе — с Францией; на юге ее границы местами доходили до Средиземноморья и Адриатики. Империя включала ядро собственно немецких земель, сложившееся еще в X в. (Тюрингия, Саксония, Вюртемберг, Франкония, Рейнская область, Бавария, Швабия и др.), обширную колонизованную зону на востоке Центральной Европы, в Заальбье; австрийские наследственные владения правящей династии Габсбургов на юге и юго-востоке Европы; земли чешской короны, Эльзас, Лотарингское герцогство, Нидерланды, Швейцарский союз, который с конца XV в. успешно отстаивал свою независимость от империи. В системе Империи немецкие земли включались в широкий ареал европейских политических, династических, дипломатических взаимосвязей и отношений, играя в них вплоть до середины XVII в. значительную роль.

По политическому статусу Германия была монархией. Центральной королевской (императорской) власти противостояли могущественные феодальные правители и сеньоры. К концу XV в. в Германии насчитывалось около 350 так называемых имперских чинов: королевские вассалы, имперские церковные иерархи (архиепископы, епископы, прелаты), обладатели имперских ленов (графы, бароны), имперские города, не считая мелкого рыцарства, также имперского, т. е. непосредственно подчиненного императору.

Первое место среди высших имперских чинов занимали курфюрсты (князья-избиратели), обладавшие правом избрания и смещения королей: архиепископы Трирский (эрцканцлер королевской Бургундии), Майнцский (эрцканцлер Германии), Кельнский (эрцканцлер Италии) и светские князья — пфальцграф Рейнский (имперский стольник), герцог Саксонский (маршал), маркграф Бранденбургский (имперский казначей), с 1396 г. — король Чешский (имперский виночерпий). Коллегия курфюрстов в течение столетий складывалась из самых знатных княжеских фамилий, членов королевской курии, что сохранилось в обозначении их функций. Она представляла высший орган имперской власти, компетентный решать наиболее важные общеимперские дела, связанные с преемственностью королевской власти, финансовыми и внешнеполитическими вопросами. С конституированием в конце XV в. рейхстага курфюрсты составили его высшую курию.

Другим важным политическим фактором были города — имперские, подчиненные императору как сеньору (например, Нюрнберг, Франкфурт-

на-Майне) и «вольные» (Кельн, Вормс, Майнц, Аугсбург, Регенсбург и др.) — некогда зависевшие от сеньориальной власти епископов и завоевавшие затем автономию. В XVI в. различия между имперскими и «вольными» городами по существу стерлись. И те, и другие обладали широкой автономией, владели обширными, порой мало уступавшими княжеским, территориями, где городские магистраты, подобно князьям, обладали всей полнотой сеньориальной власти. Города проводили собственную политику, заключали союзы друг с другом, с имперскими князьями и низшей знатью: так, Швабский союз (1488—1534 гг.) распространил свое влияние на всю Южную и Юго-Западную Германию вплоть до Среднего Рейна; важную роль играл Шмалькаldenский союз 1539 г. Согласно матрикулу 1521 г., в Германии насчитывалось 85 «вольных» и имперских городов. Политический вес их был сильно подорван Аугсбургским религиозным миром 1555 г. Вестфальский мир 1648 г. свел его окончательно на нет.

К низшим имперским чинам принадлежало рыцарство, особенно многочисленное в Западной и Юго-Западной Германии. Обладавшее полной сеньориальной юрисдикцией в своих подчас весьма скромных владениях, рыцарство к XVI в. утрачивает политическое значение. Это было связано не только с его хозяйственным упадком и обнищанием под влиянием аграрного кризиса и «революции цен», но и с изменением военной техники и тактики ведения войн, распространением с конца XIV в. наемных армий пехотинцев-ландскнехтов: рыцарство как военное сословие теряет свои функции.

На рубеже XV — XVI вв. завершается длительный, восходящий еще к XIII в. процесс консолидации земских сословно-корпоративных групп — низшей знати (владельцев мелких сеньорий, не принадлежащих к числу имперских чинов); патрициата и купечества, ведущих слоев земских городов, подчиненных территориальным князьям; «рынков»; клира. Это нашло выражение в формировании в конце XV — начале XVI в. ландтагов как органов представительства политически и хозяйственно активных сословных групп земли или территории. В ландтаге Саксонского курфюршества в 1502 г. были представлены 530 «знатных», 77 городов, 51 прелат. Особую высшую группу составляли «графы и господа» Мансфельда, Штольберга, Шварцбурга, епископы Мейсена, Наумбурга, Мерзебурга, которые в силу своих владельческих прав подчинялись и императору, и саксонскому курфюрсту. В ландтаги входили представители привилегированных крестьянских общин, «рынков» и городов. В баварском ландтаге были представлены 88 духовных институтов, 554 «знатных», 34 города, 90 «рынков». В ландтагах духовных княжеств доминирующую роль играло духовенство: в Майнцском курфюршестве светская курия отсутствовала вообще, функции ландтага осуществлял соборный капитул, избравший архиепископа.

Принцип представительства был разработан слабо. Только города посылали определенное число представителей, снабжая их мандатами. Земские (территориальные) города обладали весьма значительными правами самоуправления и автономии и были весомой политической силой. В отдельных случаях (Бремен, Трир, Люнебург) было трудно провести грань между имперским и земским городом; немало больших и средних городов Северной Германии, подобно имперским, проводили собственную политику, заключали союзы и умели отстаивать свои позиции перед князем (Брауншвейг, Магдебург, Зоэст, Везель).

Сословия боролись за свои интересы, привилегии, свободы и претендовали на соуправление «землями», ограничивая тем самым суверенитет княжеской власти и в известной мере ущерб, проистекавший из стремления князя распоряжаться территорией и ее источниками доходов как своим патримонием. В компетенцию ландтагов входили обеспечение земского мира, обсуждение налогов, контроль за расходованием финансов,

действиями княжеской администрации и судебной власти, участие в законодательстве. Ландтаги вмешивались в династические споры, сопротивляясь разделам и закладам территории, настаивая на соблюдении принципа первородства при наследовании; участвовали в обсуждении конфессиональных и внешнеполитических вопросов, нередко вступая в оппозицию княжеской власти. Вершиной могущества сословной власти было установление права опекунов и соправления при малолетних князьях. Политическое влияние сословий и ландтагов зиждилось на их больших финансовых и военных возможностях при слабости княжеского административного и финансового аппарата и недостатке у него материальных ресурсов. На протяжении XVI в. княжеский территориальный суверенитет усилился, складывалась новая система организации центральной власти, базирующаяся на упорядоченной системе финансов, налогов, наемном аппарате управления; постепенно усиливалось ограничение компетенции и активности сословий, их подчинение и введение в русло системы административно-территориального бюрократического управления. Особенно выраженным это развитие было в крупных территориальных княжествах — Бранденбурге, Баварии, Саксонии.

Королевская власть в Германии не была наследственной: немецкие короли избирались коллегией курфюрстов из княжеских фамилий Габсбургов, Люксембургов, Виттельсбахов; с 1438 г. — только Габсбургов. Самые могущественные феодальные силы Империи — курфюрсты стремились не допустить преемственности власти императора. Общегосударственная компетенция и полномочия императора были незначительны, а некоторые формальные верховные права, особенно касающиеся финансов и внешней политики, могли быть реализованы только с одобрения высших имперских чинов.

Наибольшего успеха в обеспечении династических и территориальных интересов добился император Фридрих III Габсбург, за 53 года своего правления создавший один из самых значительных в Империи территориальный комплекс, объединивший земли трех ветвей Габсбургского дома в Верхней, Нижней и Внутренней Австрии. Эти наследственные земли, приумноженные его сыном Максимилианом I (1493—1519) путем войн и династических браков, стали материально-политическим базисом для имперской универсалистской политики не только самого Максимилиана, но и его внука императора Карла V.

После избрания курфюрстами король короновался в Риме папой как император, защитник римской церкви и западного христианства. К концу XV в. эта процедура стала формальностью. Функции короля и императора различались только в том случае, если преемник-король избирался при жизни императора. Последним императором, коронованным папой (в 1529 г. в Болонье), был Карл V. С этого времени титул императора наследовал вновь избранный король.

Важнейшим органом имперской структуры были общеимперские собрания знати. Восходящие к королевской ленной курии, они складывались по мере оформления имперских сословий и ослабления центральной королевской власти. Окончательно они конституируются как корпорация могущественных политических сил империи, противостоящих императору, под названием рейхстага в конце XV в. В отличие от прежних съездов знати на рейхстагах наряду с курфюрстами и высшей имперской аристократией была представлена и новая территориально-сензорная знать, требовавшая такой же автономии и гарантий суверенитета, которыми пользовались курфюрсты согласно «Золотой Булле» Карла IV. Постановлением Нюрнбергского рейхстага в 1489 г. были учреждены три курии: курфюрсты; духовные и светские имперские князья; имперские и «вольные» города. Имперское рыцарство было исключено из участия в рейхстагах. Обсуждение вопросов, ставившихся императором на открытии

рейхстага, производилось отдельно по куриям. Решение принималось на общем собрании курий тайным голосованием; право городов на голосование оспаривалось вплоть до 1648 г. Рейхстаг созывал император по согласованию с курфюрстами, определявшими также место его проведения.

С 1485 г. рейхстаги созывались ежегодно, их работой руководил архиепископ Майнцский — глава курии курфюрстов и имперский канцлер. Решения рейхстага по одобрении их императором приобретали силу имперского закона. Политическая и законодательная компетенция рейхстага теоретически была широка: вопросы войны и мира, заключение договоров; рейхстаг был высшей судебной инстанцией империи. Его постановления охватывали обширный круг дел — от нарушения предписаний против роскоши и шулерства до попыток упорядочения монетной системы и учреждения единообразия в уголовном судопроизводстве (так называемая «Каролина», 1532 г.). Однако отсутствие общеимперских исполнительных органов сводило эту законодательную инициативу на нет.

В XVI в. рейхстаги не утратили еще торжественности заседаний королевской курии. Церемониальной стороне придавалось большое значение. Вершиной было торжественное посвящение князей в имперские ленники, осуществлявшееся в XVI в. только на рейхстагах. Эта процедура использовалась императором как важный инструмент политического давления (он мог ускорить, замедлить, модифицировать инвестицию князя). Только император обладал правом введения в высшие имперские должности, пожалования имперским леном, посвящения в рыцари, легитимации незаконнорожденных и т. д. Это были важные политические прерогативы, так как отношения императора и князей еще и в XV — XVI вв. строились на ленных связях. пышная церемония инвеституры имперских ленников, столь многочисленных, что она проводилась под открытым небом, имела место еще в 1566 г. Но представительство на рейхстагах вело к огромным расходам, что порождало стремление уклониться от слишком частых их посещений. При избрании Карла V имперские сословия требовали «не отягощать их рейхстагами».

Богородичные почести обряда коронации и помазания делали особу монарха священной. В обстановке социальной напряженности, нарастания революционной борьбы крестьянства на рубеже XV — XVI вв. происходит оживление представлений об идеальном монархе: эту идею поддерживало не столько духовенство, как прежде, сколько бюргерство, крестьянство, социальные низы, интеллектуальная элита — гуманисты — в надежде на лучшее будущее Германии, радикальные реформы. В центре этих надежд оказался юный Максимилиан I. Реальность разочаровала всех. Не был решен ни один из больных вопросов немецкой государственности, возросла лишь мощь Габсбургов. Однако именно в эти столетия наблюдается конкретизация самого понятия «империя» и одновременно разделение и противопоставление прежде взаимосвязанных, почти тождественных понятий «империя» и «император». С середины XV в. понятие «империя» уже регулярно связывается только с немецкими землями. В этом отразилось не столько сужение географических рамок империи, сколько развитие представлений о «немецкой нации» как обладательнице и носительнице имперского достоинства и немецких землях как ядре империи, противостоящих всем другим ее частям и народам.

Эти изменения отражали своеобразие политико-государственного устройства и развития Германии: в отличие от крупнейших западноевропейских государств в Германии возобладала тенденция к региональной автономии высших имперских сословий и крупных городов: немецкие территориальные князья стремились создавать свою собственную государственность; Германия не имела национальной династии. Габсбурги, начиная с Максимилиана I, в русле универсалистской наднациональной им-

перской традиции были одержимы крупномасштабными европейскими планами.

Сложившееся к концу XV в. соотношение сил императорской власти и сословий по существу парализовало государственный организм, привело к падению его авторитета, усилению центробежных сил, феодального произвола. Ситуация усугублялась неблагоприятной для Империи внешнеполитической обстановкой: вторжением французских войск в Италию, усилением антигабсбургских сил в Швейцарии, турецкими набегами. В этих условиях, в обстановке ширящихся народных крестьянских и городских революционных выступлений, общего оппозиционного движения, направленного против княжеского произвола, усиливающегося кризиса церкви, в разных социальных слоях зарождается и крепнет сознание необходимости укрепления имперской власти путем ее всесторонней реформы.

Высшие имперские чины, территориальные князья, также остро сознавая необходимость реформы, понимали ее, однако, по-своему, связывая с ней свои политические планы, видя в реформе инструмент для расширения и укрепления своей автономии и влияния на имперские дела.

Реформа имперского устройства волновала и императора Максимилиана I; его идеалом были монархическая централизация и преобразование Империи в политически ведущую силу в Европе. Первая, неудачная попытка проведения реформы была предпринята курфюрстами на Франкфуртском рейхстаге 1486 г., во время избрания эрцгерцога Максимилиана королем. Были установлены ежегодный, даже без королевского согласия, порядок созыва рейхстага и обязательность его решений для всех имперских чинов. На Нюрнбергском рейхстаге 1489 г. Максимилиан I, нуждавшийся в поддержке имперских сословий, согласился на улучшение структуры рейхстага, выработку процедуры работы и принятия решений, учреждение городской курии. На еще большие уступки император, ожидавший финансовой поддержки сословий, согласился на рейхстагах в Вормсе (1495) и Аугсбурге (1500): в Германии «на вечные времена» запрещались частные войны и файды, закладывались основы для урегулирования конфликтов на общеправовой основе. Для обеспечения постановления о «вечном земском мире» создавался имперский палатный суд из 16 ассессоров, назначаемых независимо от воли императора из числа кандидатов от курфюрстов (шесть), габсбургских наследственных земель (два), имперских городов (восемь). Императорская «легислативная» монополия ограничивалась назначением президента суда. Местопребыванием суда был сначала Франкфурт, с 1527 г. — Шпейер, с 1693 г. — Вецлар; он финансировался (вплоть до 1806 г.) за счет налоговых поступлений по имперской раскладке. Тогда же было введено для всех подданных, за исключением высших имперских чинов, поимущественно-поголовное обложение, т. е. «общий пфеннинг» — для оплаты расходов, связанных с военными предприятиями, особенно против турецкой опасности. Собиравшийся спорадически, этот налог не решил проблемы создания общеимперских финансов. В 1523 г. была снова восстановлена система сословных взносов. Вершиной реформы должно было стать создание сословного имперского правительства с широкими полномочиями обсуждения государственных дел и контроля за политикой императора. Хотя император дважды — в 1500 и 1502 гг. — в трудных для себя условиях вынужден был согласиться на его создание, проект не был осуществлен не только из-за постоянного противодействия императора, но и из-за отсутствия реальной материальной основы. Вновь к идее создания сословного правительства курфюрсты вернулись в 1519 г. при избрании Карла V: созданное в 1521 г. из 18 представителей от рейхстага и 4 — от императора и обязанное представлять императора Карла V, постоянно пребывавшего за пределами Германии, оно просуществовало до 1531 г. Имперские округа, в числе десяти созданные в 1500 и 1512 гг. для обеспечения имперского мира, оказались более жизнеспособными.

Рейхстаг в Аугсбурге. Гравюра XVI в.

Позднее они стали основой для организации военного устройства империи, реализации решений палатного суда и в целом связующими звеньями территориально раздробленной страны. Вошли в практику также «имперские делегации», рассматривавшие дела отдельных краев между собраниями рейхстага. С ростом территориальной государственности рейхстаг

постепенно вернулся в прежнее состояние всекомпетентного, но неспособного реализовать свои решения учреждения.

Проекты реформ и борьба вокруг них на рейхстагах не вызвали поддержки имперского рыцарства, стремившегося к равноправию с князьями и отмене всех новшеств. Недовольны были и города, включение которых в территориальные союзы сопровождалось ограничением их привилегий и свобод. Протест вызывало и их неравноправное положение на рейхстагах, резко контрастирующее с возлагавшимися на города финансовыми тяготами. Оставшаяся неизменной ленноправовая структура Империи препятствовала их политической интеграции. Совсем ничего съезды и обсуждения не давали городским низам и крестьянам. Империя не осталась в стороне от характерных для позднего средневековья тенденций преобразования традиционных общественных и политико-государственных структур, которые по-разному обнаруживали себя на различных уровнях германской государственности: общеимперском и территориально-княжеском. Именно в наличии этих двух уровней, выражавших «дуалистический» путь становления общества и государственности в Германии, усматривают некоторые современные историки (П. Морав, Е. Шуберт, К. Кригер, Х. Ангермайер, К. Босль, Х. Лутц) своеобразие немецкого развития. Территориальные князья взяли на себя функции, которые центральная власть не могла осуществлять из-за отсутствия единого имперского управления и обширности империи.

Реформа шла в русле общеевропейских процессов и тенденций развития государственности в XV — середине XVII в. В ходе ее были приняты некоторые усовершенствования пришедшей в упадок традиционной имперской структуры и заложены основы первых общеимперских институтов. Но реформа вела не к улучшению положения центральной власти, хотя ее имперский авторитет сохранялся, а к обособлению от центральной власти и реализации монархического принципа в отдельных территориально-политических образованиях. Реформация благоприятствовала развитию в этом направлении. Новый облик Империи как имперского союза и новое понимание ее как порядка, гарантирующего внутренний мир и защиту от внешней угрозы, были закреплены Аугсбургским религиозным миром 1555 г. В этом смысле реформа стала связующим звеном между средневековьем и новым временем.

Процесс «территориализации» включал в себя создание территориального единства и концентрацию всех видов власти в руках территориального правителя, утверждение его суверенного права решать все вопросы войны и мира, распространение на всей территории его права высшей юрисдикции; создавалась система административного управления, финансов, армия (независимая от аристократии), налоговое обложение, полицейский аппарат и уголовное право.

Князья округляли свои территории, скупая мелкие сеньории, используя материальные трудности своих соседей-соперников при закладных операциях, прибегая к прямому насилию, наступлению на владельческие сеньориальные права, ограничивая юрисдикцию различных светских и духовных феодальных властей, мелких имперских чинов, городскую автономию, общинные свободы, стремясь превратить население подвластной территории в однородный союз подданных. Этот длительный процесс протекал в упорной борьбе территориальной власти и земских сословий и был далек от своего завершения еще и в первой половине XVII в. Наибольших успехов в течение XVI в. добились территориальные князья (курфюрсты и герцоги Саксонские, австрийские Габсбурги, герцоги Баварские), имевшие мощную материальную базу, источники финансовых поступлений, независимые от одобрения сословных ландтагов. Но и им понадобились годы, чтобы распространить свою верховную власть на крупных имперских ленников в пределах своих территорий. В Вюртемберге,

в курфюршестве Трирском мелким имперским чинам удалось сохранить статус имперского подчинения и выйти из сферы территориальной власти. Право юрисдикции и освобождения своих владений от княжеского налогообложения отстояла и знать в Бранденбурге и Мекленбурге.

Укреплению позиций княжеской власти и складыванию новых форм государственности способствовала Реформация, наделившая княжескую власть прежде несвойственной ей функцией руководства церковью: светский князь становился и духовным главой подданных.

В XVI в. намечается постепенное разделение компетенции и функций между управлением территорией и княжеским двором. В Саксонии это было официально оформлено в 1548 г.: из старинной княжеской придворной курии выделилось земское правительство, не связанное неразрывно с личностью князя; во главе этого относительно самостоятельного по отношению к двору центрального учреждения стоял канцлер. Аналогичный процесс наблюдался в Баварии. Постепенно с разделением функций и компетенций, ростом самостоятельности бюрократического аппарата идет процесс выделения столиц, городов-резиденций.

Несмотря на эти новые явления, еще достаточно сильной была сращенность дворцового и территориального управления, земской и патримониальной казны, прочным — отождествление государства с личностью князя. Не утратило полностью своего значения, несмотря на создание армий ландскнехтов, ленное рыцарское войско, хотя обычно и выполнявшее репрезентативные функции; новые налоги переплетались с традиционными формами феодальных поборов и повинностей (строительство укреплений, извоз, обеспечение войска продовольствием и т. п.). Так было даже в наиболее крупных и успешно развивавшихся по пути территориализации землях, не говоря о мелких княжествах Западной и Юго-Западной Германии, по-прежнему остававшихся оплотом окаменелых средневековых форм власти, базирующихся на патримониальной основе и ленных отношениях.

Самым слабым звеном универсальной империи Карла V (1519—1556) была Германия; здесь он мог рассчитывать только на формальный верховный суверенитет над владетельными князьями. Избирательная капитуляция 1519 г. ставила его в жесткие рамки зависимости от князей. Это показала со всей отчетливостью Реформация: Карл V был бессилен расправиться с ее идеологом Мартином Лютером.

Начавшаяся в 1524 г. Великая крестьянская война заставила князей забыть на время религиозные раздоры и сплотить силы для ее подавления. Разгром крестьянского революционного выступления предопределил наступление католической реакции, однако это побудило протестантские силы сплотиться, восстановить антигабсбургский союз. После длительной борьбы на Аугсбургском рейхстаге 1555 г. был заключен религиозный мир, предоставивший имперским чинам право выбирать вероисповедание. Население должно было следовать установленной властью вере или покинуть территорию князя (принцип «Чья страна, того и вера»). Аугсбургский религиозный мир санкционировал все церковные преобразования в протестантских княжествах и городах, в том числе и проведенную там секуляризацию церковной собственности.

Таким образом завершился и был санкционирован распад Германии на автономные земли. Территориальная раздробленность усугубилась конфессиональным расколом. Временное конфессионально-политическое равновесие, созданное религиозным миром, оказалось весьма неустойчивым.

В 1556 г. Карл V отрекся от престола; идея мировой габсбургской империи была похоронена. В Испании, сохранившей династические связи с Империей, с 1556 г. правила отдельная ветвь Габсбургов. В этих условиях император Фердинанд I (1556—1564), он же король Чехии и Венгрии (Северо-Западной) и австрийский эрцгерцог, пытался путем уступок про-

тестантским князьям сохранить мир в Империи, укрепляя, однако, позиции католицизма в своих наследственных владениях и противодействуя распространению протестантизма в католической части Германии.

По мере успехов процесса территориализации в протестантских и католических княжествах менялось соотношение конфессионально-политических сил в Империи. Саксонский курфюрст присоединил во второй половине XVI в. епископства Мейсен, Наумбург и Мерзебург; курфюрст Бранденбургский — епископства Бранденбург, Гавельберг и Лебус, а в начале XVII в. епископство Хальберштадт и архиепископство Магдебург; население этих территорий принуждалось принять лютеранское вероисповедание, церковная собственность секуляризовалась. Католические баварские герцоги захватили епископства Фрейзинг, Хильдесхайм, Падерборн и Мюнстер и архиепископство Кельнское, склонявшееся к протестантизму.

В период правления императора Рудольфа II (1576—1612), воспитанного при католическом дворе Филиппа II Испанского и расположенного к иезуитам, во владениях и подвластных Габсбургам странах наступила католическая реакция. Политическая обстановка обострилась. Даже незначительные столкновения враждующих конфессиональных группировок готовы были вылиться в гражданско-религиозную войну. В 80-х годах XVI в. католическая реакция восторжествовала на всем северо-западе Германии.

Протестантские князья для защиты своих конфессионально-политических интересов основали в 1608 г. унию, главой которой избрали курфюрста Пфальцского Фридриха V. К унии присоединился ряд имперских городов Юго-Западной Германии. Под руководством Максимилиана Баварского на съезде в 1609 г. была основана Католическая лига. Тем самым Германия разделилась на два лагеря. В конечном счете внутриимперские конфликты вылились в общеевропейскую войну. Территориально раздробленная и конфессионально разделенная Германия стала ареной соперничества централизованных европейских государств в ходе Тридцатилетней войны (см. ч. V, гл. 3). Завершивший войну Вестфальский мир 1648 г. санкционировал отторжение имперских территорий в пользу Франции и Швеции и изменил в ряде пунктов внутригерманские границы к выгоде наиболее могущественных территориальных князей и протестантского и католического вероисповедания.

Из протестантских княжеств наибольшие территориальные выгоды из войны извлекли Бранденбург и курфюршество Саксония. Бранденбург почти удвоил свою территорию, получив Восточную Померию, Магдебург, Хальберштадт, Минден и Каммин. Курфюрст Саксонский закрепил за собой область Лаузиц (Лужица). Герцог Баварии приобрел Верхний Пфальц и титул курфюрста. Восьмым курфюрстом был оставлен сын бывшего пфальцкого курфюрста и «зимнего короля» Чехии Фридриха.

Вестфальский мир укрепил княжеское мелкодержавие в Германии. Имперские князья и другие имперские чины получили право на независимую внешнюю политику — заключение любых союзов с оговоркой, что эти союзы «не нанесут вреда императору и Империи». Германия на многие века оказалась разделенной на католический юг и протестантский север. Внутриполитическое положение Германии ни в коей степени не стабилизировалось, а ее внешняя безопасность не укрепилась. Внутри Империи решающую роль стали играть три наиболее могущественные владетельные дома — Габсбурги, Гогенцоллерны и баварские Виттельсбахи. Внешнее положение определялось позициями «гарантов мира» — Франции и Швеции. Владея имперскими территориями (Франция фактически еще с 1552 г.), обе державы имели своих представителей в рейхстаге и могли вмешиваться «законным образом» во внутренние дела Германии. Империя продолжала оставаться ареной европейских столкновений.

Имперские сословия — церковные и светские князья, рыцари — заключали союзы для защиты своих партикуляристских сословных интересов. Внешние силы, прежде всего Франция, успешно использовали внутригерманские княжеские группировки для борьбы с Габсбургами. Германские владетельные князья в европейской внешней политике вплоть до конца XVII в. следовали в фарватере французского абсолютизма.

«Священная Римская империя германской нации», являвшаяся лишь тенью средневековой Германской империи, была этнически пестрым политическим образованием. Помимо немецких территорий, в ее составе было много славянских земель, находившихся под властью австрийских и немецких князей, а также областей с итальянским, французским, валлонским и венгерским населением. После Вестфальского мира Империя окончательно превратилась в федерацию княжеств с рейхстагом во главе, по-прежнему состоявшим из трех курий; все вопросы решались в куриях князей в противовес общеимперским интересам. Коллегия восьми курфюрстов и коллегия князей (94 светских и церковных князя и 104 графа — «графская скамья») обладали решающим голосом. Для принятия постановления требовалось единогласное решение всех трех курий и императора, что бывало редко. Поэтому заседания рейхстага зачастую оказывались бесплодными. Реальная власть и в княжествах и в Империи находилась в руках князей. Император был только первым среди равных.

XVII век, особенно вторая его половина, — время становления княжеского абсолютизма в Германии, начало которому было положено в XVI в. Он был обусловлен теми же социально-экономическими предпосылками, которые привели в централизованных национальных государствах Европы к созданию королевского абсолютизма, — разложением феодализма и формированием в его недрах капиталистических отношений и буржуазии. В Германии все экономические и политические выгоды, связанные с этими процессами, были использованы владетельными князьями.

В княжествах, как и в национальных государствах, абсолютизм формировался в борьбе с феодальной знатью, а иногда и с сепаратистски настроенной патрицианской верхушкой городов. Социальной опорой при этом служил низший слой дворянства и зарождавшаяся буржуазия, более слабая в немецких землях, чем в Англии или Франции, и поэтому сыгравшая в создании предпосылок абсолютистского режима скромную роль. Тем не менее уже с середины XVI в. бюргерско-патрицианский элемент, включавший выходцев из крупнейших торгово-предпринимательских семей и банкирских домов, возобладал в сфере дворцового и территориально-административного управления над аристократическим, хотя аристократия вплоть до конца Империи сохраняла в своих руках высшие должности в финансовом и административном ведомствах, суде. Доходные и престижные должности в системе княжеского управления занимали выходцы из мелких и обедневших дворянских семей, с конца XVI в. стремившиеся получить университетское, преимущественно юридическое, образование. Сотрудничество бюргерского бюрократического элемента с юристами-дворянами вело к некоторому смягчению сословных различий, в целом остававшихся жесткими и в XVII в.

Немалое место в княжеских доходах занимали поступления от промышленности и торговли, на развитие которых была направлена политика княжеского меркантилизма. Совершенствовался бюрократический аппарат, управление страной все более обособлялось от дворцового. Высшим органом княжеской власти становится тайный совет, состоявший из аристократических сановников и чиновничьей верхушки. Административными делами ведали кабинет и канцелярия во главе с канцлером, налоговыми и другими поступлениями — специальное финансовое ведомство двора и земли. Отдельными отраслями управления занимались секретари. Высшим судебным органом становится дворцовый суд, во многих зем-

лях уже не связанный неразрывно с личностью князя. Особый Военный совет ведал армией. В протестантских княжествах специальные учреждения управляли церковными делами; ими занимались также консистории и синоды реформированных церквей. Княжества делились на судебно-административные области («четверти» — в Австрии, «ландфогтства» — в Бранденбурге, «должностные округа» — в Баварии и Саксонии); управление ими осуществлялось также с помощью чиновничьего аппарата — амтманов, фогтов и др. Княжества имели свои столицы — место постоянного пребывания двора и центрального аппарата управления: Вена — в габсбургских австрийских владениях; Берлин — в Бранденбургско-Прусском курфюршестве Гогенцоллернов; Дрезден — в Саксонском курфюршестве; Штуттгарт — в Вюртембергском герцогстве; Гейдельберг — у Пфальцских курфюрстов.

Наиболее выраженным развитие абсолютизма было в самых крупных и могущественных территориальных владениях — Габсбургов, Гогенцоллернов, Виттельсбахов. Власть австрийских Габсбургов простиралась на обширную территорию от Верхнего Рейна до Верхней Вислы и Одера. Османская опасность сделала Австрию форпостом в Юго-Восточной Европе и дала возможность ей подчинить Чехию и Северо-Западную Венгрию. Абсолютистские порядки устанавливались по-разному в отдельных подвластных Габсбургам странах и областях. В Чехии и в их наследственных владениях уже в начале Тридцатилетней войны сословные учреждения перестали собираться; в других землях они продолжали функционировать и даже оказывали сопротивление абсолютистской политике правительства, в частности по вопросу обложения. Вместе с тем местная феодальная знать в некоторых областях обладала еще значительными привилегиями и осуществляла юрисдикцию над населением, а отдельные владения в Австрии вообще не были включены в административную систему государства. Абсолютизм Габсбургов опирался на низшее дворянство, в его интересах государственным законодательством была установлена крепостная зависимость крестьян. В одно из наиболее сильных государственных образований на территории Германии превращается раскинувшееся от Нижнего Рейна до гданьского Поморья Бранденбургско-Прусское курфюршество Гогенцоллернов, постепенно поглощавшее промежуточные владения. Раньше, чем во многих других немецких землях, оформился абсолютизм в Баварии. Опорой его были дворянство и католическая церковь, владевшая здесь половиной земель. Уже в начале XVII в. Бавария имела постоянное войско и сильный бюрократический аппарат.

Мелкодержавный княжеский абсолютизм в германских землях не сыграл той объединяющей роли, которая выпала на долю королевского абсолютизма в европейских национальных государствах. Его централизаторская политика препятствовала национально-политическому сплочению Германии. Княжеский абсолютизм укреплял только земский мир в пределах подвластной князю территории и своей политикой меркантилизма в той или иной степени способствовал развитию ее экономики и культуры.

Глава 5

ШВЕЙЦАРСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ

Истоки самобытности государственного строя Швейцарии восходят к раннему средневековью, когда для большинства ее земель типичными были незавершенность феодализации, наличие большого числа общин-марок, заселенных крестьянами-аллодистами, и лишь частично — разными категориями феодально-зависимого крестьянства. Эти общины находи-

лись под властью имперских графов, духовных или светских сеньоров. Швейцарский союз складывался в процессе постепенного освобождения крестьян и сельских общин от сеньориальной зависимости и прямого имперского подчинения, возникновения их автономных объединений. Нажим австрийских Габсбургов сделал эту борьбу особенно острой. Первый союз трех «лесных» земель возник в середине XIII в., в 1291 г. союзный договор, объединивший Швиц, Ури и Унтервальден, был обновлен. С развитием ремесла и торговли началась борьба городов против сеньориально-имперского гнета, за статус самоуправляющихся коммун. В 1332 г. в состав Конфедерации вступил городской кантон Люцерн, в 1351 г. — наиболее экономически развитый и населенный город Цюрих, занявший ведущее место в Союзе; в 1352 г. присоединился Гларус, а Цуг был инкорпорирован насильственно; в 1353 г. в Союз вступил Берн. Восьмичленная Конфедерация обрела образ «регулярного государства». Локальные вопросы в сельских областях решались местными народными собраниями, высшая исполнительная власть принадлежала амманам или ландманам, а в сеньориальных общинах — шультгейсам. Верховным органом стал Тагзатцунг — регулярно собирающаяся коллегия представителей всех полнoprавных земель, с XV в. именовавшихся кантонами. Рост Союза происходил в острой борьбе против Австрии, а также за освобождение кантонов от имперских повинностей. Кантоны приобретали политическую автономию и реальные права, включая сбор налогов и чеканку монеты. В городах сложилась система самоуправления: большие и малые советы, бургомистры, судебные коллегии шеффенов.

Со вступлением в Конфедерацию Золотурна и Фрейбурга (1481 г.), Базеля, Шаффхаузена (1501 г.) и Аппенцелля (1513 г.) ее территориальное формирование завершилось. Эти пять кантонов имели ограниченные права: Базель не мог вмешиваться во внутрисоюзные конфликты силой оружия, остальным разрешалось заключать внешние союзы лишь с санкцией Тагзатцунга. Помимо кантонов, Конфедерации принадлежали шесть союзных земель и ряд фогтств, зависимых от Конфедерации в целом, отдельных кантонов или их групп.

В социально-экономическом аспекте Конфедерация представляла собой пеструю мозаику из союзов свободных и сеньориально зависимых крестьянских общин, разбросанных островков монастырского и сеньориального землевладения, средневековых городов с сельскими округами, союзных земель и бесправных фогтств. Часть городов оставалась бургами, другие стали центрами ремесла и торговли; некоторые из них с XVI в. в разной мере были затронуты буржуазным развитием.

Государственно-правовую базу республиканской Конфедерации составляла не сведенная в единый кодекс серия договоров и соглашений, норм обычного и прецедентного права. Первый сохранившийся договор 1291 г. устанавливал принцип «вечного» конфедеративного союза для «успешной защиты и самосохранения» от внешних вторжений и внутренних смут на основе взаимопомощи, признания ранее заключенных соглашений и сеньориальных связей ее участников, применения в спорных случаях третейского арбитража. В 1315 г. дополнительные статьи запретили ведение сепаратных переговоров, заключение новых договоров с иноземными державами и смену суверена без согласия всех членов Союза.

По договору 1351 г. вопреки традиции Цюрих и «лесные» земли получили право заключения внешних конвенций, хотя связь с Конфедерацией считалась основополагающей, что отражало и могущество Цюриха, занявшего ведущее место в Союзе, и опасения его основателей утратить свое значение.

«Земпахская грамота» 1393 г. и Станский договор 1481 г. подтверждали прежние статьи о внутреннем мире и запрещении самовольных воен-

ных походов. Опасения сельских кантонов утратить свое бывшее место и значение отразились в статьях договора 1481 г., которые гарантировали сохранение сословно-федерального строя, традиционного места в нем сельских кантонов, ограничивали права вновь принятых кантонов Фрейбурга и Золотурна. Было решено впредь каждые 5—10 лет повторять принесение присяги в верности Союзу. Возросла роль Тагзатпунгов, но их решения часто нарушались, взаимное недоверие между кантонами росло, и они вступали в сепаратные связи с иноземными суверенами — Габсбургами, королями Франции, герцогами Савойскими. Союз не имел постоянных центральных органов власти, своей печати.

Важную роль сыграла победа Конфедерации в войнах со Швабским союзом: Базельский мир 1499 г. освободил Конфедерацию от имперских судей, податей и подчинения «Имперскому кабинету». Определились и основные тенденции развития государственности. В городских кантонах деятельность Больших советов усилилась, но реальная власть сосредоточилась в олигархических Малых советах и их комиссиях. Цехи теряли политические права, власть концентрировалась в руках патрицианско-бюргерской верхушки. Государственно-правовой прогресс выражался в унификации и кодификации писаного права; обычное право постепенно вытеснялось.

В сельских кантонах роль общих народных собраний принижалась, управление приобретало олигархический характер, превращаясь в привилегию сельских богатеев и нарождавшейся военно-наемнической аристократии.

Проблемы общего государственного суверенитета, подданства, замены принципа единогласия принципом простого большинства, нейтралитета во внешних конфликтах оставались нерешенными.

В XIV — XV вв. Конфедерация в целом и кантоны в частности, не порывая связей с Империей, добивались все большей автономии. Имперская реформа 1495 г. фактически возвращала Нидерланды и Швейцарский союз в состав Империи, восстанавливала имперские нормативы XIV — XV вв. Конфедерация отвергла реформу. Базельский мир 1499 г. узаконил автономию Швейцарии.

После триумфальной победы в Земпахской битве 1386 г. над войском Габсбургов военное наемничество превратилось в относительно регулируемую государством систему. Все стороны военного наемничества были систематизированы в договорах 1516 и 1525 гг. с главными вербовщиками — королями Франции. На практике процветало лихоимство, обман при расчетах с солдатами и семьями погибших. Пенсии, получаемые кантональными властями от иноземных суверенов, разлагали их, отрицательно влияли на характер внешней политики Конфедерации; швейцарские наемники в войсках враждующих держав истребляли на поле боя друг друга. Военное наемничество стало проклятием отважного швейцарского народа. Конфедеративной армии не существовало, локальные «милиции» из плохо обученной молодежи были слабы.

Взаимоотношения церкви и светских властей в швейцарских землях складывались еще в каролингский период: значительная часть земли принадлежала церковно-монастырским учреждениям, обладавшим сеньориальными и судебно-административными правами.

В XIV в. началось общее наступление на права церкви, поддерживавшей Габсбургов. Церковная юрисдикция была сильно урезана «Грамотой о священниках» 1370 г. На протяжении XV в. власти кантонов установили свой патронат над многими городскими и сельскими церквями, определяли круг полномочий и обязанности священников, размеры пребенд, назначали их на должности, распоряжались церковными землями. Архиепископ Констанцкий сохранил лишь функции чисто церковного надзора, ослабло влияние епископов соседних диоцезов. В Швейцарии к нача-

лу XVI в. была пройдена часть пути, которую другие страны Европы проделали лишь во времена Реформации.

Торжество Реформации в Цюрихе (1523 г.), а затем в Женеве (1536 г.), проникновение ее в другие кантоны, союзные земли и фогтства создало новые проблемы, связанные с эволюцией государственного строя Конфедерации, ее внешнеполитической ориентацией. Усилились центробежные тенденции, особенно с созданием католического Зондербунда 1526 г., а затем реформатского в 1528 г. Множество конфликтов возникло по вопросам о допущении «новой веры» в совместно контролируемых или управляемых союзных землях и фогтствах. Попытки подавить цвинглианство авторитетом Тагзатцунга 1524 г. успеха не имели. Вспыхнули внутренние войны между обоими религиозно-политическими союзами. Первый Каппельский мир 1529 г. объявлял о сохранении практики регулярных призывов в верности Конфедерации, союз католических кантонов с Австрией был объявлен расторгнутым, решение о принятии той или иной веры предоставлялось властям кантонов, а в фогтствах — локальным общинам. Военное поражение 1531 г. похоронило вместе с Цвингли и его планы политического преобладания реформированных городских кантонов. По второму Каппельскому миру реформатский союз был распущен, союзы сепаратных Тагзатцунгов воспрещался, компромиссно решен вопрос о распространении реформации в союзных землях и фогтствах. Признание принципа «чья власть, того и религия» не устранило множества религиозно-политических конфликтов. Провал попыток Буллингера достигнуть соглашения с Лютером привел к объединению разных реформатских течений в Швейцарии на базе «Тигуринского консенсуса» 1549 г. и «Второго гельветического символа веры», де-факто признанного властями Конфедерации. Прежнее противостояние сельских и городских земель уступило место противостоянию католических и реформированных кантонов.

Внутри католических земель местные власти признали решения Тридентского собора, но всемерно ограничивали компетенцию духовенства в светских делах, секуляризовали церковно-монастырские земли или устанавливали над ними свой контроль. В реформированных землях, прежде всего в Цюрихе и Женеве, Реформация опиралась на развитие раннебуржуазных форм производства и обмена.

Идея Цвингли о полной самостоятельности реформированной церкви в условиях острой внутренней и внешнеполитической борьбы уступила место супрематии кантональных властей. Они распоряжались секуляризованными имуществами, используя их не только на богоугодные цели и нужды реформатской церкви, но и для укрепления кантональных финансов, покрывая потери, связанные с запрещением военного наемничества. Проповедники с кафедр читали и проповеди, и постановления городских властей. Регистрации браков, рождений и смертей ведали не только церковь, но и Совет Цюриха. Военные союзы с имперскими протестантскими князьями усиливали тенденцию к полному подчинению церкви кантональным властям.

Кальвин создал более стройную теорию и практику взаимоотношений реформированной церкви с государством. Исходя из постулата, что духовная свобода может сочетаться с подчинением светским властям, а всякая власть — от Бога, Кальвин оставлял наказание «безбожных тиранов» промыслу Божьему, не одобрял тираноборческих идей французских гугенотов и лишь в крайнем случае допускал пассивное сопротивление тиранам народа, руководимого представителями местных властей. Лучшим типом власти он считал правление аристократии или умеренную демократию. Тезис, постулирующий полную свободу церкви, «не пересекающуюся» с гражданской властью, на практике оказался несбыточным. Постепенно складывались реально осуществимые формы церковной органи-

зации, светской власти и их взаимоотношений на основе республиканского принципа.

Основой церковной организации стала церковная община, подчиненная жесткой дисциплине вышестоящих инстанций: приходского совета, коллегии, консистории и синода. Церковь была призвана сотрудничать со светскими властями Женевы и подчиняться им. По этим вопросам возникало наибольшее число трений и конфликтов и при жизни Кальвина, и при его преемниках, отстаивавших право проповедников на открытое и независимое порицание ошибок и злоупотреблений властей, а также на сопротивление тиранам. Вместе с тем городской Совет Женевы вменял в обязанность проповедника сообщать ему сведения, полученные на исповеди, что вызывало недовольство и общин и пасторов. В целом же влияние кальвинистской церкви на деятельность светских властей в конце XVI в. уменьшилось.

Правящая верхушка реформированных кантонов в XVI в. обогащалась, превращаясь в буржуазию. Административный аппарат разбухал, возникали все новые комиссии и управления, ведавшие благотворительностью, финансами и налогообложением, военным делом и т. п. Должности в городских советах и их органах стали доходными. Росли вложения в текстильные и другие отрасли производства, в систему раздачи. Представители этих кругов составляли в городах замкнутую правящую олигархию. Территориальный рост Конфедерации прекратился, численность же населения заметно возросла. Ранее столь поощрявшаяся иммиграция сначала ограничивалась, а потом была воспрещена. В своей государственной и церковной политике реформированные кантоны, отчасти и Конфедерация, со второй половины XVI в. пользовались опытом Республики Соединенных провинций. Как и она, Швейцария по Вестфальскому миру 1648 г. признавалась суверенным государством, порвавшим имперские связи. Но социально-политически Конфедерация выглядела иначе, чем Республика Соединенных провинций. Даже перед лицом грозной военной опасности она оставалась без центральных органов власти и единой армии. Швейцарский союз по-прежнему раздирали внутренние конфликты и восстания, он оставался аморфным средневеково-сословным конгломератом, подобно Империи, от которой он отделился.

Глава 6

СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Стержневым вопросом острой внутривластной борьбы в Северной Европе начала XVI в. оставалась судьба Кальмарской унии. По Кальмарской унии (см. т. 2) три скандинавских государства — Дания, Швеция и Норвегия (в составе Швеции также Финляндия, в составе Норвегии — Исландия) — находились под властью датского монарха. В результате восстания 1521 г. датская власть в Швеции была низвергнута, страной правили регенты. Датские короли, которые проводили абсолютистскую политику, рассчитывали восстановить унию.

И датские короли, и шведские регенты стремились возвысить свою власть. Кроме мелкого дворянства, опорой сильной королевской власти могли стать бюргерские слои, роль которых была особенно значительной в Дании. В Швеции наряду с мелким дворянством важной политической силой, поддерживающей регентов, было крестьянское сословие, имевшее представительство в риксдаге. В своей борьбе с аристократией и датские короли, и шведские регенты умело использовали также и новый, растущий слой городского общества — бюрократию.

В Дании король Ханс оставил вакантными некоторые важные государственные должности, обычно занимаемые представителями знати. Центром управления стала королевская канцелярия, персонал которой постоянно увеличивался. Канцелярия во главе с канцлером ведала сношениями с иностранными государствами, взиманием налогов, финансами. Государственный совет — старое аристократическое учреждение — не имел возможности контролировать ее работу.

Абсолютистские устремления определили политику датского короля и в отношении Швеции. На переговоры для восстановления унии в 1505 г. в Кальмаре король Ханс прибыл в сопровождении 60 кораблей и трехтысячного войска. По Копенгагенскому миру 1509 г. шведы признали формальное право короля Ханса на шведский престол, но освободились от его правления, взяв на себя обязательство ежегодно платить королевской семье 13 тыс. марок.

Король не смог отстоять интересы датских бюргеров в их отношениях с ганзейскими городами. В результате войны с Любеком в 1511—1512 гг. правительству пришлось отказаться от права определять максимальные цены на товары, продаваемые ганзейскими купцами в Дании.

В Норвегии, подвластной Дании, правили наместники датского короля, использовавшие аппарат чиновников незнатного происхождения, всем обязанных трону. Политика датского абсолютизма вследствие экономической и политической слабости норвежской феодальной знати не встречала здесь серьезного сопротивления, но не имела и прочной поддержки со стороны бюргерства и крестьянства. Ганзейцы, английские и нидерландские купцы сохраняли свои привилегии в ущерб норвежским купцам. Для норвежского крестьянства усиление власти датских королей означало увеличение государственных налогов и поборов: обложение крестьянского двора более чем удвоилось. Недовольство крестьян усиливал и произвол администрации при взимании налогов и податей.

После смерти короля Ханса в 1513 г. члены датского Государственного совета попытались восстановить прежние позиции аристократии, составив перечень нарушений порядка правления, совершенных королем: введение новых налогов без согласия Государственного совета, вмешательство в назначение церковных сановников. Представители знати требовали монопольного права на владение землями для дворян. Новый король Кристиан II был вынужден пойти на значительные уступки датским дворянам: он обещал им новые ленные владения, расширил права Государственного совета, получившего полномочия верховного суда; освободил церковные суды от контроля королевской власти.

Но датская знать обманулась в своих надеждах. Кристиан II, поощряя торговлю датских городов, покровительствуя местному купечеству и опираясь на бюргерские слои Дании, взял курс на усиление абсолютной власти.

Пытаясь опереться на бюргеров и крестьян, король издал ряд новых законов. Торговый закон 1521 г. сосредоточил торговлю в городах в руках датских купцов. Городской закон 1521 г. расширил круг бюргеров, участвовавших в городском самоуправлении. Была отменена должность городского фогта, введена должность назначаемого королем скульптуса, главы полицейской и судебной власти. Земельный закон осудил и отменил крепостное право. Была ограничена и власть церкви. Кристиан II продолжал политику своих предшественников по отношению к Швеции, стремясь сохранить во владении датской короны природные богатства этой страны (железо, медь, серебро) и налоги, собираемые в Швеции и Норвегии.

В Швеции борьба против восстановления унии переплеталась с обострением политических противоречий между различными слоями феодального общества. Сторонники независимости страны — бюргеры, мелкие

дворяне, горняки, отчасти крестьяне — объединились вокруг регента Стена Стуре Младшего, а приверженцы унии — прежде всего часть феодальной аристократии и высшие сановники церкви — опирались на Государственный совет.

Перевес сил сторонников независимости вызвал вмешательство датского короля. В 1518 г. войска датских и немецких ландскнехтов высадились недалеко от Стокгольма, но были разбиты. В январе 1520 г. датский король снова вторгся в Швецию и в битве на льду озера Осунд разгромил шведскую армию. Государственный совет Швеции провозгласил Кристиана II королем. После пятимесячной осады на условиях полной амнистии капитулировали и защитники Стокгольма. В 1520 г., получив шведскую корону, Кристиан II казнил около 150 приверженцев независимости. Вслед за стокгольмской «кровавой баней» волна репрессий прокатилась и по шведским провинциям. Власть датского короля снова распространилась на всю Скандинавию.

Однако введение дополнительных налогов, хозяйничанье датских войск и чиновников в Швеции послужили толчком к новому восстанию против унии. К крестьянам и горожанам присоединились и широкие слои дворянства, отстраненные от управления страной. Восстание началось в горной области Даларна, где, по преданию, вольнолюбивые крестьяне и горняки в конце 1520 г. отыскивали бежавшего из датского плена молодого дворянина Густава Эрикссона Вазу и избрали его своим предводителем. В августе 1521 г. Густав Ваза был избран правителем Швеции и обратился за помощью к старому противнику Дании — Любеку. В августе 1522 г. Любек, Росток и Штральзунд начали войну против Дании. Их объединенный флот захватил остров Борнгольм; был осажден замок и город Хельсингер, возникла непосредственная угроза Копенгагену; к концу 1522 г. почти вся Швеция была освобождена из-под датской власти, а летом 1523 г. — и Стокгольм. Шведский сословный риксдаг объявил Кристиана II низложенным, унию с Данией — расторгнутой; 6 июня 1523 г. Густав Ваза был избран королем Швеции.

Освободительная война в Швеции ускорила назревание кризиса датской абсолютной монархии. Противники короля подняли восстание. К ним присоединились мятежные ютландские феодалы. Финансовую и военную помощь оказал им Любек. В распоряжении короля Кристиана II находились немалые войска, но у него не хватало денег для оплаты наемников. В поисках средств король в 1523 г. отплыл в Нидерланды. Это облегчило победу оппозиции. После полугодовой осады и упорного сопротивления 6 января 1524 г. капитулировал Копенгаген. Еще до его падения королем Дании был объявлен Фредерик I, ставленник мятежных феодалов. Он признал расторжение Кальмарской унии и законность избрания Густава Вазы. Разрыв Кальмарской унии — важнейшее событие в истории Северной Европы. В регионе образовались два независимых государственных блока, вступившие в борьбу за преобладание в регионе: Дания с Норвегией и Исландией и Швеция с Финляндией. Первостепенной задачей внутренней политики обоих скандинавских государств стала консолидация королевской власти.

В Швеции Густав I Ваза продолжал политику регентов, направленную на усиление центральной власти, однако создание нового государственного аппарата, укрепление армии, выплата большого государственного долга Любеку за помощь в борьбе против Дании требовали дополнительных средств. Были введены новые прямые и косвенные налоги, что обострило классовую борьбу. Крестьяне, главные союзники Густава Вазы в ниспровержении датской власти, чувствовали себя обманутыми и старались отстоять свои позиции с оружием в руках. Недовольством крестьян воспользовались политические противники новоизбранного короля среди шведских феодалов, попытавшиеся использовать восстание крестьян

ян в Даларне в 1524 г. Однако на срочно созванном риксдаге Густаву Вазе удалось добиться поддержки представителей сословий; восстание было подавлено. Новое восстание вспыхнуло в 1527 г. В этой критической для государства ситуации король созвал в Вестеросе риксдаг и предложил секуляризацию церковных имуществ.

Идеи Реформации стали распространяться в Скандинавии еще в начале 1520-х годов. В Швеции их популярности способствовала продатская позиция архиепископа Густава Тролле в годы борьбы против Кальмарской унии. Стимулом наступления на католическую церковь послужили ее богатства: она владела 21,3% всех обрабатываемых земель, золотой и серебряной утварью и иной движимостью. Немаловажным фактором была и оппозиция высших церковников усилению королевской власти.

На риксдаге в Вестеросе Густава Вазу поддерживали дворяне, бюргерство и крестьяне. Риксдаг постановил отобрать у епископов земли, ограничить число их слуг, передать в распоряжение короля часть епископских доходов. Монастыри сохранялись, но их земли были переданы в виде ленных владений дворянам; были отняты и земли приходских священников. К середине XVI в. церковное феодальное землевладение в Швеции прекратило свое существование. За счет земель и имуществ церкви доходы короля значительно увеличились.

Реформация вывела шведское государство из экономического кризиса, помогла упрочению союза королевской власти с дворянством и возвышению королевской власти. Но лютеранство не сразу было принято крестьянскими массами. В стране снова вспыхнуло несколько крестьянских восстаний (1529, 1531—1533 гг.), жестоко подавленных королем.

Для укрепления королевской власти Густав Ваза в 1538—1543 гг. реформировал центральное управление, использовав опыт государств Центральной Европы. Реорганизации подвергся Государственный совет: из органа аристократии, члены которого собирались лишь эпизодически, он стал постоянным и действенным учреждением. Назначение в Государственный совет получили шведские дворяне, ставшие государственными чиновниками, а также влиятельные чиновники-немцы во главе с канцлером. Были реформированы и финансы. Основной орган финансового управления — камера стала играть важную роль в центральной администрации, ее штат был увеличен, ее контролю подчинены местные власти. Чтобы усилить влияние на местную администрацию, Густав Ваза вместо держателей коронных ленов стал назначать фогтов — государственных чиновников, полностью зависевших от милости монарха. Укреплению королевской власти способствовало также создание постоянного наемного войска.

Деятельность немецких чиновников вызвала сильное недовольство шведского дворянства, а насилия чиновников при взимании палогов и при проведении в жизнь королевских распоряжений привели к новым сильным вспышкам открытого сопротивления крестьян. После подавления очередного восстания (1542—1543 гг.), король, отстранив от должности большинство чиновников, стал лично управлять государством. В 1544 г. риксдаг признал королевскую власть в Швеции наследственной.

В Дании после переворота 1523 г. новый король Фредерик I при вступлении на престол был вынужден придать силу закона программе мятежных феодалов: им возвращались все имения, отнятые низложенным Кристианом II, дворяне получили полную судебную власть над своими крестьянами. Держателями ленных владений снова могли быть лишь дворяне. Они получили право продавать, кроме продукции своих имений, и скупленную ими продукцию крестьянских хозяйств. При управлении страной король должен был отныне считаться с мнением Государственного совета.

Католические епископы, игравшие руководящую роль в государственном перевороте, стремились освободиться от уплаты доли своих доходов

папе римскому. Государственный совет в 1526—1527 гг. провозгласил католическую церковь независимой от Рима. Это облегчило распространение в те же годы лютеранства. Но проведение Реформации натолкнулось на сопротивление церковной и светской аристократии.

В 1533 г. после смерти Фредерика I власть в течение года находилась в руках узкого круга знати; Дания временно превратилась в аристократическую республику. Бюргеры Копенгагена и Мальме, недовольные возвышением знати, призвали в Данию наемные войска Любека. Началась «Графская распря». Одновременно против засилья аристократии восстали крестьяне Ютландии. «Графская распря» окончилась победой лютеранина Кристиана III, наследника Фредерика I. Крестьянское восстание было жестоко подавлено, после длительной осады сдался и Копенгаген, антидворянские силы были разбиты. Вступив в столицу, Кристиан III арестовал епископов-католиков. Решение риксдага, собравшегося в октябре 1536 г. в Копенгагене, было компромиссом короля с дворянством: Государственный совет сохранил свое прежнее положение, дворяне — свои старые привилегии, бюргеры и крестьяне лишились права покупать дворянские земли. По предложению короля была проведена и лютеранская Реформация. Церковную десятину отныне должны были платить королю.

Согласно решению риксдага 1536 г., Государственный совет, представлявший дворянскую знать, контролировал государственное управление и утверждал наиболее важные законодательные акты короля. Без согласия Совета король не имел права объявлять войну и заключать мир. Важнейшим рычагом в руках знати была выборность короля (до 1660 г.), причем решающее слово и здесь имел Государственный совет. Хотя при избрании учитывалась наследственная преемственность, новый король должен был подписывать жалованную грамоту, нередко связывавшую его по рукам и ногам. Победа Кристиана III в «Графской распре» особенно дорого стоила Норвегии, которая боролась на стороне его противников. В 1536 г. Норвегия потеряла статус государства, находящегося в унии с Данией, и превратилась в датскую провинцию. Проведение Реформации в Норвегии не было подготовлено ее предшествующим общественным развитием. Реформация сверху была проведена в интересах датского короля и датского дворянства. Если в Швеции и Дании Реформация привела к переходу богослужения и школьного образования на национальные языки, то в Норвегии языком богослужения и официальным языком управления стал датский.

В 1560-е годы в Швеции начался новый этап внутривосточной борьбы. После смерти Густава I Вазы королем стал его сын Эрик XIV. Младшие сыновья Густава I Вазы в качестве наследственных владений получили герцогства, не подчинявшиеся королевской администрации, что могло привести к феодальной раздробленности страны и находилось в противоречии со стремлением Эрика XIV укрепить монархию. На риксдаге 1561 г. сословия поддерживали короля и приняли так называемые арбургские статьи, определявшие отношения между королем и герцогствами и сильно уменьшавшие права и привилегии герцогов. Статьи гласили, что распоряжения короля имеют силу и для герцогств, подданные герцогств являются также и подданными короля и должны платить ему налоги. Без разрешения короля герцоги не имели права начать войну, заключать мир и вести переговоры с представителями иностранных государств. Герцоги должны были оказывать королю помощь в войнах под его командованием.

Эрик XIV создал пышный королевский двор, были введены новые титулы для знати — граф и фритерр. Стремясь возвысить королевскую власть, Эрик XIV преодолевал сопротивление знати, не останавливаясь перед конфликтами с герцогами. Недовольство знати вызвала политика короля по укреплению боеспособности дворянской конницы: под страхом штрафов король строго требовал участия в военных смотрах. А когда при

поддержке риксдага король ликвидировал герцогство Финляндское, его брат герцог Финляндии Юхан возглавил мятеж высшего дворянства и вскоре стал королем. Свергнутый с престола Эрик XIV был заточен в замок Грисхольм и через несколько лет отравлен.

Вступление Юхана III на шведский престол означало новое укрепление феодальной знати. Король обязался не назначать на высшие государственные должности людей низкого происхождения. В грамоте, пожалованной шведскому дворянству в июле 1569 г., среди прочих привилегий было провозглашено освобождение дворянских крестьян от участия в строительстве и ремонте королевских замков, от рекрутских наборов и гужевой повинности. Дворяне получили возможность усилить эксплуатацию своих крестьян. Был проведен в жизнь принцип сословного судопроизводства, уменьшены воинские повинности дворян и признано их право торговать продукцией своих владений. Еще большие привилегии получили графы.

Положение податных сословий ухудшалось вследствие почти непрерывных войн, постоянно увеличивались и расходы на содержание пышного двора. Новые конфликты вызывало усиление влияния католиков из свиты королевы — польской принцессы. Юхан III ввел новую форму богослужения, близкую католической мессе, и выразил готовность перейти в католичество, если папа разрешит мессу на шведском языке, а священники получат право вступать в брак.

Внутриполитическая борьба в Швеции особенно осложнилась после того, как в 1587 г. наследник шведского трона Сигизмунд был избран королем Польши; в 1592 г. после смерти своего отца он стал и королем Швеции. В 1593 г., еще до прибытия Сигизмунда в Швецию, церковный собор в Упсале отменил все прокатолические нововведения Юхана III. Официально было принято «Аугсбургское исповедание», т. е. ортодоксальное лютеранское вероучение. В стране образовались три политические группировки, борющиеся между собой: король со своими чиновниками и поддерживавшими его прелатами католической церкви; шведское высшее дворянство во главе с Государственным советом, желавшее, чтобы Совет реально правил от имени короля; и оппозиционная группировка из мелкого дворянства, бюргерских слоев, лютеранских священников и крестьянского сословия, представленных в риксдаге, во главе с младшим сыном Густава Вазы — герцогом Карлом, оказавшимся победителем. Штатгалтеры, назначенные Сигизмундом, были сняты (в Финляндии — при вмешательстве военной силы), ряд членов Государственного совета арестован, Сигизмунд лишен шведского престола. В 1600 г. Карл был избран правителем, а в 1604 г. стал королем Карлом IX. Вместо старого аристократического Государственного совета Карл IX назначил новый, в основном из мелких дворян, утвержденный риксдагом. В 1604 г. риксдаг ограничил права держателей коронных земель, лишив их права продажи земель и отдачи их в залог; эти земли наследовались лишь по прямой мужской линии, право на них подтверждал каждый новый монарх.

После смерти Карла IX в 1611 г. феодальная аристократия попыталась восстановить утраченные позиции. Семнадцатилетний наследник престола Густав II Адольф был признан совершеннолетним ценой уступок знати. При нем Государственный совет, снова ставший органом знати, приобрел существенное влияние. Во главе правительства стоял молодой и способный канцлер Аксель Оксеншерна. В 1612 г. шведскому дворянству были даны новые привилегии, значительно шире привилегий 1569 г. Однако при Густаве II Адольфе Швеция не превратилась в аристократическую монархию во главе с бессильным государем. Король получил хорошее образование, был способным администратором и полководцем. Его отношения с верхушкой дворянства давали ему возможность сохранять в своих руках значительную власть. Он искусно противопоставил риксдаг Государственному совету.

Укреплению королевской власти способствовало и переустройство государственных учреждений. Важнейшим из них стала канцелярия, реорганизованная в 1612 г. Особое значение приобрела камер-коллегия (казначейство); ее основной задачей было увеличение доходов государства и обеспечение нормального функционирования государственных учреждений.

Высшим судебным органом стал созданный в 1614 г. придворный суд в Стокгольме. В новый государственный аппарат вошли также военная и военно-морская коллегии. Для усиления контроля над местной администрацией — фогтами — в каждую из 11 исторических провинций-ленов были назначены наместники-губернаторы.

В социально-экономической жизни страны влияние знати росло. За государственную и военную службу Густав II Адольф щедро раздавал дворянству государственные земли, что в конечном счете подрывало положение королевской власти. Соотношение сил резко изменилось в пользу знати после гибели Густава II Адольфа в Тридцатилетней войне (ноябрь 1632 г.). При шестилетней королеве Кристине было образовано опекуное правительство из представителей высших государственных учреждений. Всемогущим правителем Швеции стал канцлер Аксель Оксеншерна (умер в 1634 г.), политику которого в интересах знати продолжали его преемники, а затем и королева Кристина (1644—1654). Раздача коронных и государственных (податных) земель, увеличение налогов, ухудшение положения крестьянства, притеснение бюргеров и мелкого дворянства, а также критическое состояние государственных финансов вызвали в середине XVII в. глубокий социально-политический кризис.

В Дании процесс укрепления позиций дворянства шел без острого сопротивления со стороны других сословий, так как их силы были уже сломлены. По законодательству середины XVI в. дворянство стало единственным свободным сословием. Дела дворян разбирались лишь в королевском суде. Крестьянин, скрывший при уплате десятины часть своих доходов, считался виновным в воровстве, и ему грозила смертная казнь. Дворяне были освобождены от уплаты этой повинности. Для сохранения платежеспособности крестьян было запрещено изгонять держателей с хуторов, если они выполняли свои повинности в срок.

Во второй половине XVI — начале XVII в. новых острых конфликтов королевской власти с дворянством уже не возникало, хотя король Фредерик II (1559—1588) воевал против Швеции в Северной семилетней войне, что привело к оскудению государственной казны и опустошению датских провинций на Скандинавском полуострове.

Его преемник Кристиан IV (1588—1648) в отличие от своего предшественника принимал участие в ведении государственных дел. Он сосредоточил исполнительную власть в руках канцлера и гофмейстера и с их помощью стремился примирить различные группировки датского дворянства после гражданской войны и Реформации, поднять его сословный статус. Дворянам было запрещено жениться на женщинах других сословий. Ряд законодательных актов против излишней роскоши в образе жизни дворянства был направлен на укрепление его экономического положения. Беспощадно подавлялось всякое сопротивление со стороны недворянских сословий. Одним из важнейших нововведений Кристиана IV было создание в 1614 г. национальных вооруженных сил. Новая армия должна была насчитывать 4000 солдат, рекрутируемых из крестьян-собственников Ютландии, Сконе и островов.

Попытки провести в интересах государства реформы в защиту недворянских сословий были предприняты канцлером Фрийсом Крагерупом. Было признано право собственности держателей-крестьян государственных имений на острове Зеландия на возведение ими постройки в пределах арендуемых хуторов. Но проекту реформы о замене барщины государст-

венных крестьян деньгами воспротивился Государственный совет, и решением короля он был отложен.

Городской закон 1619 г. в какой-то мере ослабил позиции купеческой олигархии. Новые члены городских магистратов — ратманы — отныне назначались на должности королем или его представителями. Кроме купцов, ратманами могли стать также шкиперы и ремесленные мастера. Эта реформа и создание городских торговых судов ослабили всемогущество магистратов в жизни городов в пользу центральной власти.

В первой трети XVII в. королевская власть в Дании усиливается. После смерти копенгагенского штатгалтера и риксмаршала новые лица на эти должности не назначались; в 1623 г. король принудил отказаться от своей должности риксадмирала.

Внутриполитическая ситуация в государстве изменилась в связи с поражением Дании в Тридцатилетней войне, потом и в шведско-датской войне 1643—1645 гг., а также вследствие экономического упадка страны в первой половине XVII в. В поисках новых источников доходов королю приходилось созывать риксдаг; на его собраниях представители бюргерства требовали расширить права риксдага, ограничить привилегии дворянства, отменить крепостничество. Дания, как и Швеция, стояла в середине XVII в. перед новыми классовыми столкновениями.

Характерной чертой внутриполитической жизни скандинавских государств в рассматриваемый период была острая борьба королевской власти с феодальной знатью. Основными союзниками королевской власти были мелкое дворянство, бюргерство и чиновники. В связи с развитием балтийской торговли роль бюргерства была особенно значительной в Дании. В Швеции, где не было крепостного права, противником знати в борьбе за власть являлось крестьянское сословие, представленное в риксдаге. Неоднократные крестьянские восстания во второй четверти XVI в. заставили короля искать союза с представителями привилегированных сословий, но в какой-то мере считаться и с недовольством народных масс. В Дании и Швеции XVI — начала XVII в. периоды абсолютистского правления королей были кратковременными. Абсолютные монархии в регионе восторжествовали лишь во второй половине XVII в.

Что касается внешней политики обоих государственных блоков, то соперничество из-за преобладания в Северной Европе окончательно разрешилось в первой половине XVII в. в пользу Швеции. Увеличив свои территории за счет пограничных земель, получив доступ к проливам и удачно вмешавшись в крупные европейские военные конфликты, Швеция к концу рассматриваемого периода вошла в число великих европейских держав.

Глава 7

ИТАЛИЯ

История Италии XVI — первой половины XVII в. — по-прежнему история отдельных государств, раздробленности и многообразия политических форм.

Во второй половине XV в. решающую роль играли пять относительно крупных в масштабах Италии государств: Неаполитанское королевство, Миланское герцогство, Папское государство, Флорентийская и Венецианская республики. Более мелкими государствами были республики Генуя, Сиена и Лукка, герцогства Савойское, Мантуанское, Феррарское и др. Существовали еще и мелкие имперские лены. В пределах Папского государства находился целый ряд крохотных синьорий. Пестроту карти-

ны дополняла постоянная или временная зависимость той или иной области Италии от иностранных государств.

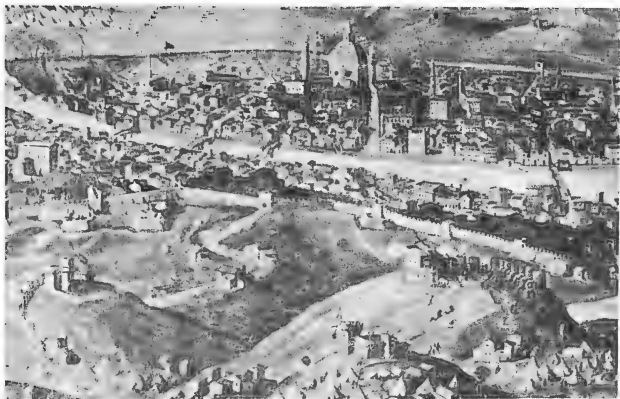
В первой половине XVI в. в период Итальянских войн политическая карта полуострова менялась. Миланское герцогство неоднократно занимала Франция, с 1535 г. оно перешло под власть Испании. Республика Генуя попеременно была оккупирована то Францией, то Испанией и лишь в 1528 г. восстановила свою независимость. С 1536 г. часть Савойского герцогства попала под власть Франции. Герцогство Парма и Пьяченца, созданное в 1545 г. папой Павлом III Фарнезе для своего сына Пьер-Луиджи, сохранилось вплоть до середины XVIII в. Сиенская республика была завоевана Флорентийским герцогством. По миру в Като-Камбрези (1559), которым закончились Итальянские войны, Испания сохранила за собой Миланское герцогство, Неаполитанское королевство, Сицилию и Сардинию, ряд опорных пунктов на побережье Тирренского моря. Франция, вынужденная отказаться от оккупированной ею части Савойского герцогства, сохранила все же маркграфство Салутцо и ряд городов в Пьемонте. Впоследствии Савойское герцогство вернуло себе занятые Францией земли. В 1598 г. папа Климент VIII захватил Феррару (за герцогами Эсте остались Модена и Реджо). В 1631 г. папа Урбан VIII присоединил к своим владениям герцогство Урбино. Пестрота политической карты Италии несколько уменьшилась. Военные конфликты первой половины XVII в. не привели к каким-либо значительным изменениям, и та конфигурация государств, которая образовалась в середине XVI в., сохранилась вплоть до объединения Италии.

Среди итальянских государств XVI — XVII вв. были самостоятельные и зависимые монархии и республики, светские и духовные владения. В Неаполитанском и Сицилийском королевствах, Папском государстве и Савойском герцогстве раннебуржуазные элементы сколько-нибудь заметной роли не играли. В начале XVI в. крупные феодалы еще сохранили здесь политическую самостоятельность.

Большинство государств Северной и Центральной Италии возникло из городов-республик. К XVI в. они уже давно превратились в синьории — специфический тип государственных образований, в которых господствующие позиции принадлежали дворянству или патрициату, слившемуся с дворянскими кругами, но и буржуазно-пополанские элементы имели там немалые возможности для развития. Переход к новой государственной форме был обусловлен сложной социально-политической борьбой в коммунах, центр тяжести которой находился в противоречии между борющимися за власть различными группировками дворянства, патрициата и пополанов, достигшими определенного равновесия сил. Борьба эта протекала в условиях активных выступлений трудящихся, сопротивление оказывали и подчиненные города и земли. Режим синьорий способствовал постепенному превращению прежнего города-государства в мелкое региональное государство. В городах-государствах, где господствующая патрицианская верхушка, хотя и претерпевшая значительную эволюцию и во многом сблизившаяся со знатью, была достаточно сильна, чтобы своими силами удержаться у власти, сохранился республиканский режим.

Своеобразный вариант перехода от республиканского режима к монархическому представляет Флорентийское государство. К концу XV в. режим Медичи, господство которого утвердилось в 1434 г. с возвращением во Флоренцию Козимо, уже обладал всеми характерными для синьории чертами, за исключением одной: формально республика не была отменена, Медичи не обладали никакими внешними признаками власти.

Режим Медичи был господством узкой группы патрициата: богатейших купцов и банкиров, предпринимателей и землевладельцев. Политика Медичи до поры до времени отвечала и интересам средних слоев пополанов и держала в полном повиновении «мелкий народ» и население подвласт-

Осада Флоренции войсками императора Карла V и папы Климента VII в 1529—1530 гг.

Фрагмент картины Д. Вазари «Осада Флоренции». Флоренция, Палаццо Веккио.

ных городов и деревень. Но патрицианская верхушка еще не примирилась с тем, что непосредственная власть ускользала из ее рук, а экономически еще довольно сильные пополаны держались республиканских позиций. Именно это помешало Медичи сразу и открыто покончить с республиканским режимом. Рост экономических трудностей и налогового гнета в последние годы правления Лоренцо Медичи, бездарная политика его сына Пьеро, обострение международной обстановки и, наконец, пламенные проповеди фанатичного монаха Савонаролы привели к изгнанию Медичи в 1494 г.

Республика была восстановлена. Новая конституция (в законодательном органе — Большом совете — было представлено 3000 полноправных граждан) была наиболее демократической из тех, которые Флоренция и любой город Италии когда-либо знали. Но эта республика продержалась всего 18 лет. Ее жизнеспособности препятствовали острые внутренние противоречия. Патрицианская верхушка, недовольная рядом мер правительства, шедших вразрез с ее интересами, своими действиями совершенно парализовала его деятельность. Ситуацию усложняли угрожающее поведение народных низов и внешнеполитическая неустойчивость. Группа молодых патрициев захватила дворец Синьории, в 1512 г. путь для возвращения Медичи был открыт.

Правление Синьории было восстановлено в форме, существовавшей в XV в., но социально-политическая борьба продолжалась. В 1527 г. Медичи были вторично изгнаны. Три года и три месяца существовала республика. Это были годы острой социальной борьбы. В последний год власть находилась в руках ремесленников и мелких торговцев, в руках «людей незначительных и малоимущих», по словам деятельного участника описываемых событий Франческо Гвиччардини. Впоследствии патриции

говорили о республике как о периоде, когда плебеи угнетали знать, а бедные старались лишить богатых имущества.

Десять месяцев военные силы императора Карла V, поддержанные папой Климентом VII, Медичи и частью патрициев, осаждали Флоренцию. Город героически сопротивлялся. Идеи борьбы за свободу и равенство воодушевляли большинство населения. Но голод и экономическая разруха, переход на сторону врага патрицианской молодежи и измена военачальников заставили пойти на капитуляцию и пополанов. Опыт последней республики еще раз показал, что ни патриции, ни пополаны своими силами во Флоренции править уже не могли.

В город вернулись Медичи. Правителем стал племянник папы Климента VII Алессандро. Император и папа понимали, что власть Медичи не будет прочной, пока существует республиканский режим. Но они предпочли, чтобы инициатива конституционных перемен исходила от патрициата, который стал сознавать, что не сможет находиться во Флоренции, если там нет дома Медичи.

Новая конституция 1532 г. предусматривала создание в качестве высших органов власти Совета двухсот и Совета сорока восьмью с пожизненным членством. Государство возглавил Алессандро Медичи под компромиссным титулом «герцога Флорентийской республики», его деятельность контролировали 4 советника из наиболее влиятельных патрициев. Ни одна социальная прослойка республики не была довольна. Пополаны не перестали мечтать о республике; часть патрициев, считая, что герцог ограничивает их свободу, покинула город.

Критический момент наступил в 1537 г., когда Лоренцино Медичи убил своего родственника герцога Алессандро. Патриции Флоренции избрали новым государем представителя боковой линии Медичи — 17-летнего Козимо, считая его неопытным, наивным молодым человеком. Козимо при избрании обещал не принимать никаких решений без согласия патрицианских советников, но он оказался сильной, волевой личностью и с первых дней правления стал действовать самостоятельно, вскоре полностью отстранив от государственных дел поддерживавших его патрициев; оказавшие вооруженное сопротивление были разбиты, затем подвергнуты казням и арестам.

Так закончилась длившаяся более 40 лет борьба за власть во Флоренции. Изменение государственного строя было закономерным явлением. Республика не соответствовала ни новой социальной стратификации общества, ни необходимости дальнейшего сплочения регионального государства. Флорентийское государство со значительным опозданием дошло до конституционно оформленного монархического устройства, которое в Миланском, Мантуанском, Феррарском и других государствах существовало давно.

Тосканское великое герцогство в первые годы его существования оказалось под угрозой поглощения владениями Карла V. Но уже тогда Козимо I (1537—1574) проявил незаурядные политические способности. Как истинный потомок купеческо-банкирской семьи Медичи, он, по словам венецианского посла, «всей душой был предан деньгам, только на деньги надеялся и деньгам доверял». В короткий срок были накоплены нужные средства, чтобы выкупить занятые войсками императора крепости Пизы и Ливорно (1543 г.). Это обеспечило Тоскане свободу рук в политическом отношении. И впоследствии Козимо и его потомки пользовались своими огромными финансовыми ресурсами, чтобы добиться политических успехов. Другим излюбленным средством была игра на политических противоречиях между Испанией и Францией, Империей и папством, облегчившая и прямой захват: так, в 1557 г. была присоединена Сиенская республика. Козимо I добился от папы титула Великого герцога (1569 г.); наиболее успешно эту политику продолжил его сын Фердинанд (1587—1609).

Первые великие герцоги стремились сосредоточить всю власть в своих руках. Опорой их абсолютистской политики стал бюрократический аппарат. Отдельные отрасли управления находились в ведении секретарей, аудиторов, имеющих многочисленный штат чиновников. Укреплению власти правителей способствовало также созданное ими постоянное войско.

Путем издания законов, обязательных для всего государства, и подчинения местных органов управления более тщательному контролю герцоги пытались осуществить политику централизации. Несмотря на несомненные успехи, полной интеграции достичь не удалось, некоторые города и земли сохранили местные органы управления. По мере предоставления новых феодов, главным образом в XVII в., появлялись и новые имунитетные территории наряду с сохранением ряда старых феодальных владений. В целом нововведения насаивались на старую основу.

Экономическая политика правительства во второй половине XVI в. отличалась ярко выраженными чертами протекционизма, который касался теперь не только Флоренции, но и всего герцогства. Промышленность защищали от иностранной конкуренции, обеспечивали ее сырьем и возможностями сбыта. Правительство подчиняло своему контролю цехи, предоставляло предпринимателям ссуды, приглашало в Тоскану специалистов. В интересах торговли велись переговоры с Турцией, был заключен договор с Ливаном, устанавливались торговые отношения с северонемецкими и польскими городами. Бурно рос порт Ливорно, ставший важнейшим международным центром торговых связей на Средиземном море. Протекционистская политика была вызвана отнюдь не отвлеченными интересами государственного блага: в основе ее лежали финансовые соображения. Не было ни одного выгодного коммерческого предприятия, в которое Фердинанд не вкладывал бы свои капиталы. Активная экономическая политика давала также возможность обогащаться торгово-промышленным кругам и обеспечивала работой трудящихся, т. е. поддерживала основных налогоплательщиков. Были введены косвенные налоги (габеллы) на мясо и на помол, а старые — соляная габелла, габелла на вино, рыбу, масло, каштаны — возросли. Вводились и экстраординарные налоги. В то же время удельный вес прямого налога с имущества, который в основном задевал зажиточные слои населения, уменьшался. Размеры государственных займов также увеличивались, но, поскольку великие герцоги были аккуратны в своих обязательствах, они давали и немалые выгоды займодавцам — купцам, банкирам, предпринимателям.

Патрицианская верхушка и пополаны, которые еще недавно вели между собой ожесточенную борьбу за власть, смирились с новым государственным строем, убедившись в том, что он не лишен преимуществ. Для торгово-предпринимательских слоев решающее значение имела возможность обогащаться и занимать доходные должности в бюрократическом аппарате. Перед аристократией открывались перспективы возвышения через придворную службу, приобретение почетных титулов и привилегий.

Для аристократии и для пополанов большое значение имела умелая демагогическая политика в отношении трудящихся масс. Великие герцоги заботились о снабжении столицы продуктами питания, раздавали хлеб и вино по случаю праздников, организовывали пышные зрелища, широко занимались благотворительностью. Этим путем Медичи сумели добиться того, что в городе обычно царил покойствие; любое проявление недовольства подавлялось жесточайшим образом.

Тосканское великое герцогство по государственному устройству и характеру политики было государством абсолютистского типа, имевшим общие черты с Савойским герцогством. От классических форм абсолютизма Тосканское герцогство отличалось в первую очередь тем, что это было относительно мелкое региональное государство: его небольшие размеры

сами по себе ставили преграды его развитию. К тому же сохранялось привилегированное положение города Флоренции. Абсолютизм складывался в Тоскане в условиях, когда дворянство постепенно укреплялось за счет сближения его с патрициатом, в то время как возможности роста буржуазии почти исчерпались.

Вплоть до второй четверти XVII в. политика тосканских великих герцогов носила объективно прогрессивный характер и достигла заметных успехов. Впоследствии же, в условиях общей стагнации социально-экономической жизни, эта политика утратила динамичность, государственная деятельность как бы застыла и развитие абсолютизма остановилось на полпути.

Савойское герцогство, состоявшее из собственно Савойи, Пьемонта и графства Ниццкого, было еще в XVI в. отсталым феодальным государством с маломощными городами и сильными феодальными династиями. Относительно более развитым был Пьемонт, где во второй половине XVI в. возвысились города Турин, Пинероло и др. Объем и уровень промышленного производства и торговли не могли сравниться с другими государствами Италии, но пьемонтская экономика не знала тех колебаний и спадов, которые тяжело задели Италию в целом.

Умный и дальновидный герцог Эммануил Филиберт (1553—1580) сумел упрочить политическое положение своего государства, проводя целенаправленную централизаторскую политику. Все нити управления сконцентрировались в его руках, представители сословий больше не созидались. Бюрократический аппарат контролировал коммунальную администрацию, значительно ограничив тем самым влияние местных властей. Были упрощены и унифицированы судебные органы. Церковь, инквизиция, орден иезуитов были подчинены государственному контролю. Были созданы постоянное войско и военный флот, широко развернулось строительство фортификационных сооружений. Однако до полной централизации было еще далеко.

Особенно активной была политика правительства в области экономики. Одной из первых мер Эммануила Филиберта была отмена крепостнических форм зависимости крестьянства. Хотя эта реформа осуществлялась непосредственно, она имела большое значение для развития сельской экономики. Были сооружены многочисленные ирригационные каналы. Для развития промышленности и торговли предпринимателям давались таможенные и другие привилегии. Была оздоровлена монетная система; дефицит государственного бюджета устранен путем значительного увеличения налогов, особенно косвенных (в первой половине XVII в. они давали 50% всех государственных доходов). Протекционистская политика способствовала оживлению экономической жизни города и деревни, росту буржуазии. Но по сравнению с соседними областями Северной Италии Пьемонт оставался еще отсталым районом.

Дворянство, лишившись прежней самостоятельности, сохраняло многочисленные судебные и другие феодальные права. Оно занимало важнейшие административные, военные и дипломатические должности. Некоторая его часть со временем занялась предпринимательской деятельностью и переселилась в город.

При преемниках Эммануила Филиберта значительно активизировалась внешняя политика. Ловко лавируя между Францией и Испанией, герцоги сумели расширить границы государства. Многочисленные войны стали тяжелым бременем для экономики. В 1637—1642 гг. положение осложнялось династической борьбой за престол, что привело к интервенции Франции. Трудности были преодолены только после Пиренейского мира 1659 г.

Внутренняя и внешняя политика Савойского герцогства типичны для абсолютистского государства. Абсолютизм в Савойе вырос на почве государства типа сословной монархии. Хотя к середине XVI в. еще полностью

не сложились все социально-экономические предпосылки абсолютизма, политика правительства способствовала упрочению экономического базиса государства. Это создавало благоприятные предпосылки для его дальнейшего развития.

Неаполитанское королевство с давних пор отличалось слабостью королевской власти и большой самостоятельностью крупнейших феодалов — баронов. Все попытки укрепить королевскую власть сталкивались с резкой оппозицией знати и не давали заметных результатов. В 1503 г. королевство было занято испанцами. С 1528 г. их владычество, длившееся почти двести лет, окончательно упрочилось.

При испанцах руководство всей политической жизнью находилось в руках вице-королей, которые послушно осуществляли указания Мадрида. В 1563 г. был создан Высший совет по Италии, которому подчинялись все итальянские владения Испании.

В то же время в Неаполитанском королевстве сохранилось прежнее государственное устройство. Вплоть до 1642 г. из представителей церкви, знати и доменных земель созывался парламент, вотировавший налоги. В высший орган власти Неаполя — Совет выборных входили 6 представителей от знати и один от народа (фактически от финансовой и судебской верхушки Неаполя и чиновников); при господстве испанцев функции этого Совета несколько расширились, но зато он постепенно превращался в послушное орудие вице-короля. Реальные функции управления осуществлялись разветвленным бюрократическим аппаратом (Канцелярия государя, Священный королевский совет, Главное казначейство и другие высшие органы власти). При вице-короле действовал Совет из представителей знати.

Основные направления испанской политики сводились к централизации управления и усовершенствованию бюрократического аппарата, к борьбе против баронского сепаратизма, но эта политика проводилась непоследовательно и не давала существенных результатов, что отчетливо видно на примере отношений между испанскими властями и баронами. Испанцы требовали от них возвращения незаконно захваченных земель, лишали их привилегий, а иногда вели открытую борьбу. Бароны нередко поднимали мятежи. Но по существу испанцы боролись лишь против феодальной анархии в стране, позволяя феодалам сохранить значительную часть публичной власти в своих владениях, доходы от осуществления юрисдикции и фискальных привилегий, полное господство над крестьянами: тем самым позиции баронов и их влияние на местах укреплялись. Переселившиеся в Неаполь бароны занимали высшие должности при дворе и в администрации, а их младшие отпрыски получили широкое поле деятельности на военном поприще.

Среди баронов господствовало мнение, будто вице-короли «более склонны к народу, чем к знати», однако речь шла не о народе, а о финансовой и судебной верхушке Неаполя и о чиновниках, которые имели широкие возможности для наживы, приобретения титулов и феодалов. Торгово-промышленному слою населения Неаполя власти уделяли мало внимания. Объективно политика испанцев приводила к укреплению класса феодалов и не способствовала развитию буржуазии. Ловко играя на противоречиях между баронами и «народом», испанцы сумели упрочить свои позиции.

Неаполитанское королевство стало для Испании источником экономических, финансовых и человеческих ресурсов для многочисленных военных начинаний. Это было основной причиной особой активности Испании в области финансовой политики. Стремительный рост налогов начался в последние годы правления Карла V и продолжался во все нарастающем темпе. Взимались прямые налоги, вводилось много новых — налоги на военные расходы во время войны с турками и на борьбу с бандитами, на соль, пошлины на вывоз шелка и разных продуктов питания, на продажу

вина, хлеба и др., но всего этого было недостаточно. Власти прибегали к продаже доменных земель и должностей, к порче монеты и внутренним займам. Фискальная политика испанцев неоднократно вызывала протест народных масс города и деревни, в 1585 г. дело дошло до восстания.

Рост налогов во второй половине столетия и особенно в XVII в. при общей слабости экономики привел к тяжелому экономическому упадку; резко обострилась классовая борьба, вылившаяся в 1647 г. в восстание под руководством Мазаньелло.

При всех отрицательных сторонах испанской фискальной политики не она одна погубила королевство. И другие итальянские государства, где финансовый гнет не был столь тяжелым, пришли в упадок, в то время как в Миланском герцогстве, где испанцы проводили аналогичную политику, появлялись зачатки новых, прогрессивных черт в экономике. В Неаполитанском королевстве, как и в Савойском герцогстве, абсолютизм складывался в условиях, когда социальная структура общества для этого еще не созрела. Но уже на протяжении XVI в. их пути разошлись. Неаполитанский путь развития более похож на испанский. Общая экономическая ситуация не благоприятствовала ослаблению дворянства и росту буржуазии, а непоследовательная политика испанских властей способствовала дальнейшему усилению дворянства как господствующего класса и ослаблению буржуазных элементов. Развитие абсолютизма остановилось на начальной стадии. Социально-политическая ситуация, сложившаяся в Неаполитанском королевстве, значительно осложняла дальнейшее развитие юга Италии.

Папское государство было одновременно светским и духовным государством. Глава католической церкви, папа был в то же время правителем определенной территориальной структуры. Папы избирались, и каждый новый папа был представителем другой семьи и даже другого государства.

Некоторые черты политической и социальной структуры Папского государства напоминают соседнее Неаполитанское: и здесь удельный вес местных феодалов был значительным, а купеческая и предпринимательская среда очень слаба. Но отдельные крупные города обладали фактической самостоятельностью (Болонья, Перуджа). В пределах Папского государства существовало немало мелких самостоятельных синьорий. В начале XVI в. папа Юлий II (1503—1513) начал ограничивать автономию городов, прерогативы феодалов и вести войны ради расширения своего государства. Бросив клич «Долой варваров», он выступал в период Итальянских войн в качестве идейного защитника общеталианских интересов. Папам удалось несколько укрепить единство своего государства.

История политического развития Папского государства делится на два периода: первый — от понтификата Александра VI (1492—1503) и до правления Павла III (1534—1549), период так называемых «ренессансных пап», чья деятельность определялась сугубо светскими интересами. Они стремились в первую очередь обогатить себя и свою семью. Примером может служить кратковременное возвышение сына папы Александра VI — Чезаре Борджиа, политика Льва X и Климента VII в интересах семьи Медичи, создание Павлом III государства для своего сына. Бесконечные войны внутри и вне государства, интриги, убийства, всевозможные преступления, совершенные ради этой цели, не способствовали дальнейшему укреплению государства.

Во втором периоде (вторая половина XVI — первая половина XVII в.) церковные дела стали выдвигаться на первое место, усилилось внимание пап к внутренней политике; продолжалась централизация. Города утрачивали значительную часть своей автономии, но борьба с феодальным сепаратизмом не была доведена до конца; об этом свидетельствуют повторяющиеся вспышки феодальных мятежей и междоусобиц.

Важнейший шаг в деле реорганизации государственного управления был сделан Сикстом V (1585—1590): он создал 15 кардинальских комиссий, поделивших все отрасли управления — и светские, и духовные. Наряду с этими комиссиями существовал государственный секретариат, сосредоточивший все нити управления; во главе его находился государственный секретарь — обычно близкий родственник папы. Центральный государственный аппарат по своей структуре был типичен для государства абсолютистского типа, но он имел специфику. Вышние должности и значительную часть второстепенных занимало духовенство; часто сменялся аппарат: каждый новый папа назначал на главные должности своих людей, часто родственников (политика неопотизма).

Строительство дворцов и церквей в Риме, устройство новых улиц, очень активная внешняя политика требовали огромных средств. Но приток денег из-за пределов Италии был недостаточным, не менее $\frac{3}{4}$ нужных средств взималось с местного населения. Старые налоги постоянно росли, вводились новые, практиковалась отдача налогов на откуп, за деньги предоставлялись привилегии и монополии. В этом отношении папская финансовая политика ничем не отличалась от политики других итальянских государств. Для пополнения казны папы широко пользовались продажей должностей, прибегали к внутренним займам, облигации которых размещались и за пределами Папского государства.

Хотя доходы папской казны за вторую половину XVI в. удвоились, денег все равно не хватало. Они оседали в карманах откупщиков, кардиналов или других высших сановников, родственников пап. За счет обнищания трудящегося населения города и деревни богатели представители высшей феодальной знати, финансисты. Местная и пришлая финансовая верхушка постепенно пополняли ряды дворянства.

Существенных мер в пользу торговли и промышленности папы не принимали, а феодальные прерогативы на местах не были сколько-нибудь ограничены. В конечном итоге финансовая и экономическая политика способствовала обнищанию и упадку Папского государства.

Мелкие герцогства Северной Италии — Феррарское, где правила династия Эсте, Мантуанское, которым правила династия Гонзага, Парма и Пьяченца, управляемые династией Фарнезе, — играли некоторую роль в политической жизни первой половины XVI в., но затем их значение постепенно сошло на нет. Карликовые размеры с трудом позволяют причислить эти государства к типу региональных, они скорее напоминают мелкие города-государства средних веков. Центром был средней величины торгово-промышленный город, окруженный феодальными комплексами. Так, лишь 30% территории герцогства Пармы и Пьяченцы было подчинено городу, остальную часть составляли феодальные владения.

Политическое устройство этих государств существенно не изменилось по сравнению с XV в., но во внутренней политике правителей возобладала тенденция, характерные для государств абсолютистского типа: велась борьба с феодальным сепаратизмом, проводилась централизация, создавался бюрократический аппарат, пышный двор. Экономическая политика обладала чертами меркантилизма. Все это напоминает политику Савойского и Тосканского государств.

В целом абсолютистская политика ни в одном из этих государств не была доведена до конца. Повсюду сохранились и в XVII в. даже расширились судебные, фискальные, административные привилегии знати. Не были преодолены и традиции коммунального устройства в городах. Причины этого кроются прежде всего в крохотных размерах этих государств. Немалую роль сыграла и феодальная знать, усилившаяся в период Итальянских войн. Ей противостояли слабые и неразвитые буржуазно-пополанские элементы небольшого города, которые цепко держались за свои коммунальные традиции и к тому же стремились к одворяниванию. В этих

условиях успеха абсолютистской политики могли быть только временными, да и достигались они главным образом благодаря крупным личным доходам государей и от их земельных владений.

В XVII в. в условиях общего экономического спада, когда увеличивалась роскошь двора и возобновились войны, этих доходов уже не хватало. Возросли налоги и государственный долг, процесс государственной консолидации приостановился, ослабились и до того немощные буржуазные элементы. Государство всецело опиралось на дворянство.

Сходные процессы происходили в Миланском государстве, где господствующие позиции принадлежали миланскому патрициату. Испанские власти не внесли существенных изменений в государственное устройство, их политика была в основном такой же, что и на юге Италии. Все же крепкие традиции торгово-промышленной экономики и иные благоприятные местные условия способствовали в XVII в. прогрессу экономического развития (преимущественно в деревне).

Особое место среди итальянских региональных государств принадлежат Венецианской республике. Она охватывала территорию от р. Адидже до Адриатического моря, ей подчинялись Истрия и Далмация до Дубровника, а также о-ва Крит и Кипр (до 1570 г.), Морея (до 1540 г.) и другие опорные пункты на Средиземном море. Венеция — одно из сильнейших политических образований Италии — проводила совершенно самостоятельную политику. В 1508—1509 гг. она сумела справиться со смертельной опасностью, когда против нее выступили император и Франция, Испания и Англия, папа и большинство итальянских государств, восстали подчиненные города и она временно потеряла все свои владения на полуострове. Республика вела многочисленные дорогостоящие войны с Османской империей. Она не дрогнула, когда во время конфликта с папой Павлом V на нее был наложен интердикт (1606 г.).

Специфика государственного устройства Венецианской республики определялась особенностями ее социальной структуры: привилегированным венецианским патрицием, превращавшимся постепенно в крупных землевладельцев, противостояли в самой Венеции маломощные пополацкие элементы, а в подчиненной территории — городская знать, сближающаяся с феодальным дворянством и мечтающая о прежней самостоятельности. Этой знати противостояла местная торгово-ремесленная среда, а всем эксплуататорским классам вместе — значительные слои трудящихся.

Сложившееся много веков назад государственное устройство существовало вплоть до утраты республикой самостоятельности в XVIII в. Венеция была сугубо аристократической республикой. В высшие государственные учреждения — Большой совет, Сенат, Совет десяти, Совет сокола и ряд других — входили исключительно представители семейств, уже в XIV в. вписанных в «Золотую книгу» республики. Мелочный контроль и постоянная слежка за всеми вплоть до главы государства — дожа, власть которого была чисто символической, обеспечивали стабильность государственного устройства.

В отличие от других государств Венеция не предпринимала попыток к унификации политического устройства. Политика протекционизма отвечала интересам самой Венеции и приводила к экономическому ослаблению подчиненных городов, чему способствовал и тяжелый налоговый гнет. В каждом городе республики сохранилось традиционное политическое устройство, но деятельность местных властей проходила под бдительным оком венецианских чиновников. Жизненно важные вопросы решались в самой Венеции. В отличие от других региональных государств в Венецианской республике фактически отсутствовал бюрократический аппарат, все функции государственного управления осуществлялись непосредственно самой венецианской аристократией.

Венеция ловко пользовалась противоречиями между городской аристократией и пополанами подчиненных городов, между феодальным дворянством и крестьянами, чтобы упрочить свое господство. Демагогически заигрывая с пополанами и крестьянами, лишая местную аристократию самостоятельности, она все же способствовала упрочению классовых позиций последней.

Классовой базой республики был венецианский патрициат, а также — в более ограниченном масштабе — городская аристократия и феодальное дворянство подчиненной территории. Свообразными средствами Венеция осуществляла те же классовые функции, что и абсолютистские режимы, но, если последние в большей или меньшей мере содействовали росту политической централизации и экономическим успехам, Венеция своим статичным государственным устройством и корыстной политикой способствовала окостенению господствующего класса.

Таким образом, в XVI в. период городов-государств и сословных синьорий сменяется периодом региональных государств, зачатки которых возникли в далеком прошлом.

Эти процессы прошли два этапа. Первый — период Итальянских войн, когда политическая карта Италии и внутреннее устройство большинства государств переживали значительные изменения. На втором этапе ведущее место принадлежало нескольким более или менее крупным региональным государствам. Они обладали большим единообразием внутренней структуры и внутренней политики, чем в предыдущие века, сделали шаг в сторону преодоления раздробленности и роста политического единства. Экономической основой этой тенденции было сплочение местных рынков, что составляло промежуточную стадию пути от экономической раздробленности к образованию национального рынка.

Итальянские государства этой поры можно разделить на государства с монархическим (их было большинство) и республиканским устройством; монархии, в свою очередь, делятся на три группы: в первую входит Савойское герцогство, во вторую — Неаполитанское королевство и Папское государство, в третью — Тосканское великое герцогство, Миланское герцогство и множество мелких герцогств. По характеру общественной структуры, политического устройства и по политической деятельности властей эти государства в большей или меньшей мере могут быть причислены к абсолютистским. Однако итог развития в них абсолютизма был отнюдь не однозначным.

Ближе всего к типу французского классического абсолютизма находился савойский вариант. Отсутствие экономически сильных городов с традициями коммунального прошлого оказалось благоприятной предпосылкой для упрочения абсолютизма. Экономические трудности XVII в. на относительно отсталую Савойю оказали мало влияния. В этих условиях объективно прогрессивная целенаправленная политика герцогов дала положительные результаты, и Савойское герцогство не случайно сумело стать ядром будущей единой Италии.

В Неаполитанском королевстве и Папском государстве при наличии очень сильной феодальной знати и слабости буржуазных элементов требовалась особенно энергичная поддержка последних со стороны властей, которую, однако, ни Испания, ни папа не желали и не могли осуществить. Поэтому прогрессивные черты в правительственной политике остались лишь тенденцией. Укрепился феодальный класс, ставший единственной опорой государственной власти. Абсолютизм оказался здесь незавершенным, похожим на испанский вариант.

Третью группу государств можно условно причислить к своеобразному итальянскому варианту абсолютизма. Все они возникли из городов-государств, ставших в свое время синьориями. Здесь очень сильными были традиции прошлого, выражавшиеся в развитой городской экономике,

в мощи городской аристократии, не утратившей известных буржуазных черт и не слившейся полностью с феодальным дворянством в местной автономии городов.

На начальном этапе абсолютистский режим способствовал экономическому развитию, особенно в Тосканском великом герцогстве. Это позволяет считать итальянский вариант регионального абсолютизма более прогрессивным, нежели немецкий. Но в XVII в. развитие и здесь приостановилось. Мешали мелкие размеры государств, крайне неблагоприятная экономическая ситуация, в условиях которой существенно замедлилось развитие буржуазных элементов и усилились феодалы, а также наследие прошлого, которое полностью преодолеть не удалось. Государственный строй законсервировался; если он и не мешал дальнейшему развитию, как на юге, то и не способствовал ему.

Региональный абсолютизм в Италии — закономерное и объективно прогрессивное явление. Он заменил собой средневековое государственное устройство, будь то сословная монархия или город-государство. Последний, в свое время залог крупнейших успехов в области экономики и культуры, стал теперь анахронизмом, препятствием для дальнейшего развития. В XVII в. динамическое развитие Италии прекратилось не только в социальной и экономической, но и в политической сфере.

Глава 8

СТРАНЫ

ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

1. ИСПАНИЯ

В конце XV — начале XVI в. политическая карта Пиренейского полуострова, ранее в течение более чем двух столетий в целом довольно стабильная, резко изменилась. К этому времени на полуострове насчитывалось пять государств: королевства Кастилия (на долю которого приходилась большая часть территории и населения полуострова), Арагон, включая Каталонию и Валенсию, Португалия и Наварра, а также Гранадский эмират — последний оплот мавров на полуострове. Заключенный в 1469 г. брак Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского привел в 1479 г. к личной унии Кастилии и Арагона и положил начало испанской монархии. Опираясь на поддержку городов, мелкого и среднего дворянства и части знати, католические короли Фердинанд и Изабелла одержали верх в борьбе за власть и постепенно вывели страну из состояния глубокого кризиса середины XV в. Они сумели политически нейтрализовать мятежную знать, бывшую до этого фактическим хозяином Кастилии, и отразить попытки Португалии вмешаться в ход борьбы. Были прекращены усобицы, срыты замки непокорных феодалов, возвращены в домен незаконно захваченные ими земли. В 1492 г. завоеванием Гранады завершилась Реконкиста, в 1512 г. Фердинанд присоединил Наварру. Правда, после смерти Изабеллы в 1504 г. кастильский престол унаследовала дочь католических королей Хуана, в то время как королем Арагона оставался Фердинанд: уния временно распалась. Но после его смерти достигший совершеннолетия внук католических королей Карл I (1516—1556) вновь объединил под своей властью Кастилию и Арагон, на сей раз окончательно. На полуострове осталось лишь два государства: Испания и Португалия.

Последствия унии 1479 г. для Кастилии и Арагона были глубоко различными. Кастилия стала ядром образовавшейся монархии, Арагон же,

являвшийся в XV в. могущественной средиземноморской державой, оказался в конечном счете провинциальной окраиной. Характерно, что Фердинанд провел в Арагоне немногим более трех лет из 37 лет своего правления. С этого времени политическое развитие Арагона отличается замедленностью и консервацией ранее сложившихся форм управления, обычаев и привилегий.

Укрепление власти католических королей сопровождалось важными политическими преобразованиями. Существенные изменения происходят в организации управления страной. Начинает складываться система советов при короле. Все большую роль в их деятельности играют чиновники-летрадо, часто незнатного происхождения, влияние же высшей знати уменьшается.

Фердинанд и Изабелла реорганизовали финансовую систему страны, в результате чего традиционные налоги в пользу короны в 1480—1504 гг. выросли более чем втрое. Это обеспечило королевской власти определенную независимость по отношению к кортесам, которые стали собираться реже, не столь регулярно, как прежде; состав их постепенно сужается, а возможности сводятся к советам и просьбам.

Государство все активнее вмешивается в жизнь страны: ограничивает сеньориальную и церковную юрисдикцию, занимается организацией колониальной торговли, регулирует цены и др. Возникает постоянное войско; дружины знати и городские ополчения некоторое время еще сохраняются, однако неуклонное увеличение численности наемных войск и введение рекрутского набора для обеспечения военного резерва постепенно сводят их роль на нет. Резко возрастает и компетенция королевской власти в области внешней политики.

Важнейшим орудием в руках католических королей становится церковь, и прежде всего реорганизованная ими в 1480 г. инквизиция. Королевской власти удалось добиться фактической независимости испанской церкви от Рима. Представители церкви часто занимали высшие государственные должности. В то же время младшие сыновья знати нередко достигали вершин церковной иерархии.

Большую роль в усилении королевской власти сыграло избрание Фердинанда магистром военных орденов Сантьяго, Калатравы и Алькантары (прежде эти должности находились в руках знати). Вскоре папской буллой было разрешено передавать это звание по наследству. Ордена стали для монархов важным источником доходов, а также инструментом влияния на высшее и среднее дворянство, заинтересованное в получении энкаменд — орденских сеньорий, доходами с которых пожизненно пользовались сотни дворян.

Почти все важнейшие институты эпохи католических королей — Королевский совет, Святая эрмандада, управление городами с помощью корректоров — были не введены, а унаследованы ими. Однако в конце XV в. все эти институты в совокупности приобретают новый смысл: именно этот период был решающим в процессе перехода от сословно-представительной монархии к абсолютной. Да и сами католические короли стали воспринимать свою власть как абсолютную. Изабелла в своем завещании указывала, что оно должно быть выполнено, даже если что-то в нем противоречит государственному закону.

Окончательно абсолютизм в Испании утвердился в правление первого представителя новой для Испании династии Габсбургов Карла I, избранного в 1519 г. императором Священной Римской империи под именем Карла V. В области внешней политики Испания Карла V многое унаследовала от монархии Фердинанда и Изабеллы. Уже в конце XV в. резко обостряются отношения между Испанией и Францией (их интересы сталкивались прежде всего в Италии) и начинается колониальная экспансия в Америке. В начале XVI в. большое значение приобретает борьба с

Филипп II.
Портрет работы А. Санчеса Козьмо.
Около 1575 г.
Мадрид, Прадо.

турецкой опасностью в Западном Средиземноморье. Ведущая роль Испании в этом противоборстве, как и в борьбе с Реформацией, являлась логическим продолжением религиозной политики католических королей. Однако положение Испании как важнейшей составной части империи Габсбургов придало этой борьбе невиданный прежде размах. Испания становится крупнейшей военно-политической силой в Западной Европе XVI в., а ее конфликт с Францией — наиболее важным противоречием этого периода.

В целом в течение большей части XVI в. в пестром калейдоскопе политических и военных успехов и неудач Испании все же преобладали громкие победы. Испанская монархия была одной из главных сил, остановивших турецкий натиск на Европу. Важная, хотя и не окончательная победа была одержана в 1571 г. при Лепанто, где объединенная испано-венецианская эскадра под командованием выдающегося полководца дона Хуана Австрийского разгромила турецкий флот. В борьбе с Францией Испании удавалось не только отстаивать

и укреплять свои позиции в Италии, но и вмешиваться во время религиозных войн во внутривнутриполитическую борьбу в самой Франции. Успешная конкиста Центральной, большей части Южной и части Северной Америки сделала страну центром громадной колониальной империи. К 1520 г. испанцы владели Антильскими островами и узкими полосками земли на материке: от Панамы до о-ва Тринидад, на Юкатане, во Флориде и в Ла-Плате. Решающие успехи — завоевание Мексики и Перу — приходится на следующие двадцать лет. К 1540 г. испанские владения протянулись широкой полосой от Рио-Гранде на севере до 30° ю. ш. К 1600 г. завоевание колониальной империи было почти закончено. Кроме владений в Новом Свете, в нее вошли Тунис и Оран в Африке (скорее опорные пункты в борьбе с турками, чем собственно колонии), а также Филиппины. В 1580 г. с присоединением Португалии Филипп II (1556—1598) объединил под своей властью весь Пиренейский полуостров, присоединив и богатейшие португальские колонии. Это был пик могущества Испании, но уже созрели и предпосылки будущих трудностей и неудач. Конец долгого правления Филиппа II печально отмечен разгромом Непобедимой армады в 1588 г., неудачами в Нидерландах и во Франции, усилением натиска англичан и голландцев на испанские и португальские колонии, не говоря уже о серьезных внутренних проблемах.

В течение первой половины XVII в., в царствование Филиппа III (1598—1621) и Филиппа IV (1621—1665), Испания, во многом утратив прежние позиции в Европе, все же остается одной из сильнейших держав. Однако социально-экономический и политический упадок Испании оказался сильнее ее военных традиций: в решающий момент Тридцатилетней войны Испании не хватило ни людей, ни денег. Перенапряжение сил обернулось жестоким кризисом середины XVII в., наиболее яркими проявлениями которого были отделение Португалии и восстание в Каталонии, где ожесточенные военные действия продолжались в течение почти двадцати

лет. В это же время происходят восстания в Сицилии и Неаполе, волнения в Бискайе, дворянские заговоры против короля в Арагоне и Аппалусии. Монархия все же устояла, и упадок, особенно заметный в 40-е годы, начинается постепенно преодолеваться, но с этого времени Испания окончательно переходит на роль второстепенного европейского государства.

Хотя несколько веков отделяют основные события Реконкисты от рассматриваемого периода, многие особенности социально-политического развития страны в XVI—XVII вв. восходят к этому важнейшему явлению испанской истории. Именно Реконкиста в значительной мере определила социальный облик испанского дворянства, его уникальные для Западной Европы влияния и многочисленность (в Кастилии в конце XVI в. — около 10% населения, в северных же ее районах — намного больше), воинственность и презрение к мирному труду, крестоносные идеалы и религиозную нетерпимость. Развитие этих черт и взглядов, которые распространились и на другие слои испанского общества, во многом объясняет и агрессивную внешнюю политику Испании в XVI—XVII вв., и ее ведущую роль в борьбе с Реформацией.

В социально-политическом развитии дворянства существенную роль сыграл майорат, оставлявший большую часть дворян без достаточных средств существования и толкавший их к военной, церковной или бюрократической карьере. Однако наиболее важной причиной усиления политической активности всех слоев дворянства и его готовности к военным авантюрам было сокращение его традиционных доходов (см. ч. I, гл. 8) и, как следствие, поиск новых источников доходов, не зависевших от земли. Дворянство активно укрепляет свою власть на локальном уровне, стремясь занять важнейшие муниципальные должности, что давало возможность для извлечения дополнительных доходов. Городские кабаљеры и ранее обладали достаточно прочными позициями в муниципалитетах, в XVI в. их позиции еще более укрепляются. Этому способствовал прежде всего обычай «половины должностей», согласно которому дворянство обладало правом на половину всех выборных должностей независимо от соотношения численности дворян и всех остальных жителей населенного пункта. Этот обычай был распространен не везде, но со временем дворяне добивались его введения во все новых городах и селениях. Во многих местах, особенно в крупных городах, влияние дворянства было даже больше, чем это предполагал обычай «половины должностей»: в его руках находились все или почти все важнейшие должности. Усиление его позиций в городах сказалось и на составе кортесов: депутатами кортесов от городов обычно избирались дворяне, а в XVII в. среди них появляются и гранды.

Другой важнейшей сферой политической активности дворянства была королевская служба. Верхушка сословия была широко представлена в советах при короле, особенно в XVII в.; она занимала почти все должности вице-королей и послов, составляла костяк командного состава армии и флота. Среднему и низшему дворянству, помимо военной карьеры, предназначались должности коррехидоров и места в судебно-административных органах.

Историки еще не дали удовлетворительного ответа на вопрос о причинах слабости торгово-предпринимательских слоев податного сословия. Во всяком случае, в условиях благоприятной конъюнктуры конца XV — первой половины XVI в. в крупнейших центрах торгово-предпринимательские круги развивались достаточно быстро. Но непрочность экономического подъема, трудности, связанные с непрерывными войнами, устойчивость сеньориального строя, дворянская ориентация общества обусловили постепенный отлив капиталов из сферы ремесла и торговли в сферу землевладения и анобилирование недавних купцов, т. е. ослабление собственно торгово-предпринимательских кругов. Неблагоприятную роль сыграл здесь и религиозный фактор. В ряде отраслей ремесла и торговли были

традиционно сильные позиции арабов и евреев, по отношению к которым нарастала религиозная нетерпимость. Уже при католических королях все, кто не принял христианство, были вынуждены покинуть Испанию. Но и принявшие его — мориски и марраны — не были защищены от притеснений. Нетерпимость по отношению к ним в течение XVI в. все возрастала. Их кознями многие пытались объяснить беды и неудачи страны. Мориски, доведенные до крайности, подняли в Андалусии восстание, подавленное с большим трудом (1568—1571 гг.). Враждебное отношение к морискам нарастало, и в 1609 г. они были изгнаны со всей территории полуострова. В результате южные районы, особенно Валенсия, где мориски составляли более четверти жителей, были лишены наиболее трудолюбивой части населения.

Вследствие слабости торгово-предпринимательских кругов корона в своей политике почти не учитывала их интересы; тем более велика была роль феодального дворянства. Эти черты социальной структуры страны, особенно заметно выраженные в Кастилии, во многом объясняют и силу и слабость испанского абсолютизма.

Важной вехой в его развитии было третье десятилетие XVI в., когда поражение восстания комунерос ослабило наиболее предприимчивые слои городского населения, а успехи конкисты повлекли за собой приток в страну драгоценных металлов, попадавших прежде всего в руки королевской власти и дворянства, и отодвинули заинтересованность дворянства в экономическом развитии самой Испании на второй план. Корона оставила испанскую промышленность беззащитной перед иностранной конкуренцией; ее финансовая политика вызывала нескончаемые денежные кризисы. Быстрый рост налогов, особенно со второй половины XVI в., также подрывал экономику страны. От уплаты значительной части налогов были освобождены не только дворянство, духовенство и часть чиновничества, но и отдельные провинции, города и учреждения, что увеличивало бремя, падавшее на оставшуюся часть населения. При этом расходы на армию и аппарат управления были столь велики, что налоговых поступлений все равно не хватало. Дефицит бюджета увеличивался. Корона пыталась изыскать необходимые средства, выпустив в продажу на внутренний рынок ценные бумаги консолидированного государственного долга, а в наиболее тяжелые моменты прибегала к краткосрочным займам под высокий процент, что давало лишь временную передышку, обращившись еще большими трудностями. При Филиппе II обычными стали государственные банкротства. С конца XVI в. корона систематически прибегала к порче монеты.

Положение усугублялось тем, что страной правила австрийская династия Габсбургов, которой интересы Испании, особенно в первой половине XVI в., оставались в значительной мере чуждыми. Испания была для Габсбургов прежде всего источником материальных и людских ресурсов для осуществления агрессивной внешней политики, во многом определяемой не нуждами страны, а интересами династии. В завершении централизации страны абсолютизм был заинтересован лишь постольку, поскольку местные обычаи и привилегии противоречили его фискальным интересам. Но желанной унификации управления и налогообложения по кастильскому образцу абсолютизму добиться так и не удалось. В конце XVI — первой половине XVII в. партикуляризм провинций ярко проявился в движении в защиту арагонских вольностей (1591 г.) и в каталонском восстании.

Незавершенность централизации сказалась на всей системе управления. На рубеже XV—XVI вв. испанские монархи были поставлены перед необходимостью наладить управление громадной империей, не обладавшей ни экономическим, ни политическим единством. Уже совмещение весьма отличных друг от друга систем управления Кастилии и Арагона представляло известные трудности. Управление итальянскими владениями (Милан, Неаполитанское королевство, Сицилия и Сардиния) и Нидерлан-

дами, а также колониальной империей было задачей еще более сложной. Неудивительно, что административная структура Испании, постепенно сложившаяся в конце XV—XVI в., отличалась значительной громоздкостью при недостаточной эффективности. Общие направления политики разрабатывал Государственный совет, высказывавший королю свои рекомендации по важнейшим вопросам. Для системы советов характерна известная двойственность. Одни советы — по делам Кастилии, Арагона, Наварры, Португалии, Италии, Фландрии, Индий — управляли определенными территориями, другие же — по финансовым и по военным вопросам, по делам инквизиции и военных орденов — выполняли узкие, подчас чисто технические функции, которые распространялись на всю территорию империи. Взаимодействие между советами почти отсутствовало, что создавало сложности в управлении. Руководство всей системой плохо удавалось даже Филиппу II — единственному из испанских Габсбургов, кто пытался лично контролировать все органы управления страной. В XVII в. для организации взаимодействия между советами создавались иногда специальные хунты, но и это не привело к успеху.

При каждом из советов действовал большой аппарат чиновников. Наиболее громоздкой была судебно-административная организация Кастилии. Важнейшими ее звеньями являлись апелляционные суды — канцелярии и аудиенсии. В организации исполнительной власти ведущую роль играл институт коррехидоров. Созданный еще в XIV в., он стал особенно важен для короны с конца XV в. Вся Кастилия была разделена на несколько десятков коррехидорств. Коррехидоры назначались королем на несколько лет и были наиболее действенным орудием королевской политики на локальном уровне, хотя им часто приходилось согласовывать свои действия с местными властями.

В колониях, как и в остальных некастильских владениях, исполнительная власть осуществлялась вице-королями или королевскими наместниками, обладавшими широкими полномочиями, хотя система аудиенсий и полученные от короля инструкции существенно их ограничивали.

Для успешной работы аппарата управления королевская власть нуждалась в многочисленных и хорошо подготовленных чиновниках. Этой цели служила широкая сеть университетов и коллегий, усовершенствованная в конце XV—XVI в.

Важнейшую роль в управлении страной играли летрадо — чиновники с юридическим или теологическим образованием. В период становления абсолютизма летрадо оказали энергичную поддержку королевской власти. В конце XV в. они сильно потеснили титулованную знать в делах управления, и в дальнейшем их роль оставалась очень большой. Юридическая профессия считалась «благородной», ее престиж был очень высок. Освобожденные от налогов, летрадо имели хорошие возможности увеличивать свои состояния, вкладывая накопленные богатства в торговые и кредитные операции, приобретение земель и государственных ценных бумаг. Короли жаловали чиновникам должности и пенсии, права на основание майоратов, идальгии и даже титулы. Ни одно другое занятие не предоставляло в это время таких возможностей для обогащения и социального продвижения. Оппозиция старинной аристократии по отношению к летрадо не препятствовала им заключать браки в ее среде и в конечном счете пополнять ее.

Одновременно с усилением королевской власти и ее аппарата управления происходит ослабление кортесов. В XVI—XVII вв. независимые друг от друга кортесы продолжают собираться, все менее регулярно, в Кастилии, Наварре, Арагоне, Каталонии и Валенсии. В Кастилии в конце XV — первой трети XVI в. они нередко созывались без депутатов от дворянства и духовенства, а податное сословие представляли лишь восемнадцать важнейших городов. Но и сами города к этому времени при внешней неизменности органов муниципального управления во многом утрачивают

былое политическое влияние и автономию. Королевская власть, используя социальные противоречия в городах, все более вмешивается в их внутренние дела, чему способствовали и продажи ею муниципальных должностей. Постепенно многие функции городских советов переходят к представителям королевской власти. Решающей вехой в процессе ослабления городов, а тем самым и кортесов было поражение восстания комунерос. Когда на кортесах 1538 г. дворянство и духовенство выступили против введения одного из налогов, который распространялся и на них, король распустил кортесы и впредь приглашал на их очередные сессии только депутатов от городов. С этого времени кортесы все более становятся простым инструментом королевской власти для утверждения налогов и организации их сбора. При этом возможности кортесов сопротивляться монархам при вотировании налогов были очень ограниченными. Раскладка же утвержденных налогов в значительной мере передавалась в руки депутатов, тем самым получавших возможность отстаивать интересы городской верхушки крупнейших городов. Правда, кортесы не упускали случая выразить в многочисленных петициях свое недовольство многими сторонами королевской политики, но короли мало с этим считались.

В конце XV — начале XVI в. королевской власти удается покопчить и со многими традиционными городскими вольностями, и с политической самостоятельностью знати. Вплоть до кризиса середины XVII в. недовольство некоторых аристократов политикой центральной власти не выходит за рамки обиды придворного, обделенного королевским фавором. На службе короля находился громадный аппарат чиновников. Однако знать, лишенная политической самостоятельности, но сохранившая экономическую мощь и влияние на локальном уровне, постепенно проникая в органы управления государством, в значительной мере поставила их на службу собственным интересам. Бюрократия на местах все более подчинялась всеильным сеньорам. Все невыгодные для них королевские приказы или вообще не принимались во внимание, или изменялись до неузнаваемости. Классический принцип испанской бюрократии этого времени — «повиноваться и не выполнять».

В таких условиях королевская власть стремилась создать бюрократию нового типа, свободную от сеньориальных связей. Однако достигнуть этого было нелегко: почти все важнейшие университеты и коллегии находились под патронатом знати. Попытки королевской власти реформировать коллегии встречали негласное, но упорное сопротивление. Вновь основанные коллегии, которые монархи хотели видеть независимыми от местных сеньоров, постепенно также выходили из-под королевского контроля. Сила знати в провинции была столь велика, что коррехидоры и даже вице-короли вынуждены были с ней считаться.

Давление дворянства в значительной мере определило и еще одну особенность испанского абсолютизма — его агрессивную внешнюю политику, особую роль в системе международных отношений, значимость опоры на внешние ресурсы. Американское серебро было для испанских Габсбургов важным источником доходов, каким не располагали монархи других стран. Используя ресурсы колоний и подчиненных ему наиболее экономически развитых стран и регионов Европы и стремясь сохранить их за собой, абсолютизм пуждался в первоклассной армии и создал ее. Испанское дворянство как нельзя более подходило для этого: подготовленные к военной агрессии всей предшествующей историей страны, дворяне, и прежде всего обедневшие идальго, часто не видели иных возможностей для карьеры. Численность армии, на содержание которой уходила немалая часть доходов от колоний и от европейских владений Испании, в XVI — первой половине XVII в. постоянно возрастала. Непрерывные войны поглощали тех, кто не мог найти себе занятия внутри страны, и обеспечивали значительной части дворян престиж и определенную долю доходов.

В XVII в. последние представители династии Габсбургов в Испании почти не занимались государственными делами. Страной фактически управляли их фавориты и первые министры: герцог Лерма при Филиппе III, граф-герцог Оливарес при Филиппе IV. XVII в. был периодом особенно больших трудностей для монархии. Экономические ресурсы страны были уже непоправимо подорваны. Малая эффективность системы управления сказалась и на военных возможностях государства. Для оплаты все возрастающих военных расходов королевская власть вынуждена была прибегать к мерам, которые способствовали ее дальнейшему ослаблению (продажа в частные руки королевских селений, земель, прав на сбор алькабаль). Многочисленные проекты реформ отчасти сказались на деятельности Оливареса, который энергично пытался вывести страну из состояния упадка и восстановить утраченные позиции в Европе, но столкнулся с неразрешимыми трудностями. Его опала была равносильна отказу Испании от прежних притязаний на европейскую гегемонию.

2. ПОРТУГАЛИЯ

Конец XV — начало XVI в. — период расцвета португальского государства, обладавшего богатейшими колониями, прочными позициями и авторитетом в Европе. В этот период сословно-представительная монархия в стране постепенно эволюционирует в сторону абсолютизма. Важнейшей вехой в этом процессе было правление Жоана II (1481—1495), многими чертами напоминавшее время Фердинанда и Изабеллы в Испании. В царствование его отца Афонсу V высшая знать резко усилилась. В ее руках оказались и многие земли королевского домена, так что, по словам самого Жоана II, отец оставил его королем только дорог Португалии. Но новый король, опираясь на поддержку городов, мелкого дворянства и летраду, сократил бывшее могущество аристократии, прежде всего герцогов Браганса и Визеу. Он добился существенного роста королевских доходов и упорядочил всю систему управления.

Правление преемника Жоана II, Мануэла I (1495—1521), ознаменовалось экономическим и политическим расцветом Португалии. Наряду с традиционными доходами короны поступления из колоний и от трех важнейших орденов — Сантьяго, Ависского и Христа, — магистрами которых являлись короли или члены их семей, предоставляли Мануэлу I большую свободу действий по отношению и к податному сословию, и к господствующему классу. Он мог позволить себе щедрые пожалования фаворитам. Возрастает значение королевского двора, все более привлекающего аристократов.

Дворянство, традиционные сеньориальные доходы которого сокращались, было, как и ранее, крайне заинтересовано в развитии колониальной экспансии и торговли и само активно в них участвовало. Система майоратов создавала большую прослойку младших сыновей дворян, лишенных сеньориальных доходов и вынужденных искать их новые источники. Активное участие дворянства в торговом предпринимательстве, а также серьезная конкуренция со стороны иностранных купцов, оказавшихся в условиях бурной колониальной экспансии мобильнее португальских и пользовавшихся покровительством королевской власти, привели к тому, что собственно португальское купечество и в экономической, и в социально-политической сфере оказалось слабее, чем можно было бы ожидать, основываясь на размахе внешней торговли. Португальские купцы, как и испанские, нередко отказывались от торговли и шли по пути приобретения земельной собственности и аноблирования.

В Португалии, как и в Испании, ряд факторов способствовал укреплению авторитета и влияния королевской власти: сравнительная слабость вассальных связей, традиции Реконкисты, доходы от колоний, заинтере-

сованность широких слоев дворянства и купечества в сильной королевской власти для дальнейшей экспансии и обеспечения безопасности колоний.

Правление Мануэла I было апогеем унификации административной и фискальной структуры. В это время пересматриваются многие местные привилегии — форалы, составляется новое единое законодательство королевства. Португалия получает более централизованную административную и финансовую систему, чем Испания с ее мозаикой местных обычаев и привилегий. Как и в Кастилии, мощным орудием королевской власти стал институт коррежедоров — представителей короля в провинциях. Центральным органом управления стал Государственный совет. Особенно значительная власть сосредоточилась в руках канцлера и королевских секретарей. Важную роль в управлении страной начинают играть чиновники — летраду, одновременно уменьшается значение кортесов, все более зависящих от королевской власти. До 80-х годов XV в. они собирались в среднем раз в два года, в правление Жоана III (1521—1557) — лишь раз в десять лет. Грозным оружием в руках абсолютизма, как и в Испании, стала введенная при Жоане III инквизиция. Тогда же в стране появились иезуиты, быстро достигшие здесь заметного влияния на государственные дела, и наметился поворот к политике Контрреформации.

Специфика португальского абсолютизма по сравнению с испанским обусловлена прежде всего особенностями социально-экономического развития страны. Роль колоний была здесь еще значительнее, чем в Испании. Большее развитие получил купеческий капитал, и соответственно купечество было богаче и влиятельнее, что заставляло королевскую власть учитывать его интересы. Дворянство также втянулось в торговлю в значительно большей степени, чем в Испании. Иной была здесь и внешняя политика. Португалия, основные силы которой уходили на колониальную экспансию, воздерживалась от участия в европейских войнах, чему способствовало и ее географическое положение. Поэтому, обладая в конце XV — первой половине XVI в. едва ли не сильнейшим в мире флотом, страна не имела мощной постоянной армии. Наконец, для Португалии были характерны несколько большие централизация и унификация, чем для Испании.

Политический расцвет Португалии оказался сравнительно недолгим. После того как внук и преемник Жоана III король Себастьян I (1557—1578) погиб в сражении, корона перешла к младшему брату Жоана III престарелому кардиналу Энрике, который умер в 1580 г. И Себастьян и Энрике не имели детей, и основными претендентами на опустевший престол оказались два внука короля Мануэла — испанский король Филипп II и популярный в стране дон Антониу. Введя войска, Филипп II одержал верх над соперником и был объявлен королем Португалии.

По условиям вхождения в состав Испанской монархии Португалии было сохранено прежнее устройство. На высшие должности могли быть назначены лишь португальцы, за исключением должности вице-короля, которую мог занимать только близкий родственник монарха. Смещение центра политической жизни Португалии в Испанию привело к ослаблению зависимости провинций от центра, к росту локального влияния привилегированных сословий. Для части дворянства отказ от службы при дворе или в колониях и удаление в свои поместья были формой протеста против испанского владычества.

Несмотря на значительную обособленность Португалии внутри Испанской монархии, присоединение к Испании сильно осложнило ее военно-политическое положение, что особенно сказалось на колониях. Прежде Португалии удавалось обеспечивать их безопасность, после же 1580 г. удары соперников Испании — англичан и голландцев — были направлены в первую очередь против португальских колоний, защищенных гораздо хуже, чем испанские.

Недовольство унией с Испанией находило свое выражение в низших слоях общества в форме так называемого себастьянизма — веры в то, что король Себастьян не погиб во время похода португальцев в Африку, но чудесным образом спасся и может объявиться в любой момент. Появление нескольких самозванцев, выдававших себя за Себастьяна, усилило брожение. Однако португальская элита, всецело сохранявшая свои позиции в экономике и управлении, до второй четверти XVII в. мирилась с унией.

В разгар Тридцатилетней войны Оливарес, стремясь к максимальной централизации и унификации Испанской монархии, предпринял шаги к постепенной ассимиляции Португалии. Он попытался привлечь португальскую знать ко двору, одновременно назначая испанцев на должности в Португалии, и, самое главное, начал вводить кастильскую систему управления и налогообложения, намного более обременительную. Недовольство возросло. В 1637 г. вспыхнуло восстание против испанцев в Эворе. Но после его подавления прежняя политика Испании проводилась еще энергичнее. Когда же в решающий момент Тридцатилетней войны, в 1639—1640 гг., Оливарес потребовал у португальцев новых денежных субсидий и начал рекрутировать солдат в Португалии для войны во Фландрии, недовольство прорвалось наружу. В 1640 г. сложное по характеру и составу освободительное движение завершилось отделением от Испании. Герцог Браганса был объявлен португальским королем Жоаном IV. Ему удалось быстро справиться с усилившимися при испанцах сепаратистскими тенденциями аристократии и усовершенствовать управление государством: упорядочить систему советов при короле, ввести институт государственных секретарей.

Многолетние попытки Испании вернуть Португалию оказались безуспешными. Португалия быстро заручилась поддержкой Франции, Голландии и Англии. Истощенная войнами, переживавшая упадок, Испания была не способна на активные военные действия. Борьба велась с переменным успехом до 1668 г., когда Испания признала существующее положение, получив от Португалии только одну крепость — Сеуту. Однако в новых условиях Португалия уже не смогла возродить своего былого могущества.

Глава 9

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА

Центральноевропейские государства рубежа XV—XVI вв. — Польское, Венгерское, Чешское королевства и связанное с ними в этот период в своем историческом развитии эрцгерцогство Австрия — были сословно-представительными монархиями. Органы сословного представительства широкой компетенции (сейм в Польше, снемы — в чешских землях, государственное собрание — в Венгрии, ландтаги — в австрийских землях) вотируют налоги, что делало их значительной силой. Сословия подчас безуспешно пытались взять в свои руки и расходование этих средств или по крайней мере контролировать их использование. Без согласия сословных собраний не могли издаваться законодательные акты; в Австрии это не исключало издания монархом государственных законов; в Польше монополия сейма (вместе с монархом) на законодательную деятельность была закреплена официально. В Польше и Венгрии сословные собрания приобрели и часть функций верховного суда. Все это делало для монарха малореальным решение важных внутриполитических вопросов без санкции сейма. Большей самостоятельностью обладала монархия в области

внешней политики. Дипломатические переговоры представителями сословий не контролировались, монарх не обязан был отчитываться перед ними. Однако, если принятые решения требовали значительных расходов, правители оказывались вынужденными добиваться соглашения с сеймом. Объявить войну и собрать дворянское ополчение без санкции сейма было также невозможно; в ряде случаев сословные собрания набирали войска и их оплачивали.

Центральные органы исполнительной власти также не были аппаратом монархии. Королевский совет лишь в Австрии мог комплектоваться и изменяться монархом по своему усмотрению. В Польше король мог назначать на государственные должности любого дворянина, но не имел права его смещать. В Чехии нормы права закрепляли за аристократией или рыцарями право на занятие тех или иных должностей. В Венгрии магнаты, даже не имевшие должностей, были членами Королевского совета. Значительная часть мест в составе Королевского совета принадлежала знати.

Не контролировала полностью монархия и судебную систему. Судебные органы, зависевшие целиком от монарха, играли второстепенную роль в судебной деятельности. Главные государственные суды, где рассматривались дела, касающиеся дворянства и земельной собственности, по большей части формально назначались монархом, но в Чехии нормы права обеспечивали определенные должности в составе суда представителям аристократии и рыцарства, в Австрии кандидаты в судебные инстанции рекомендовал ландтаг, в Польше король выбирал членов суда из кандидатов, предложенных дворянскими собраниями округов, а в Венгерском королевстве члены суда прямо избирались этими собраниями. Суды в большей мере отстаивали интересы своего сословия, чем проводили политику королевской власти. Своими выборными судами обладали и города.

Представителями государственной власти на местах были члены Королевского совета (воеводы, каштеляны, старосты в Польше), которых нельзя было сместить; они назначались из членов обеих прослоек дворянского сословия (крайские гетманы в Чехии); а в Венгерском королевстве исполнительная власть на местах делилась между ишпанами (которыми наследственно были представители магнатских семей) и вице-ишпанами (избираемыми из кандидатов, представленных дворянскими собраниями округов).

Государственная политика была осуществима только путем соглашения королевской власти и сословий, а главную и наиболее самостоятельную роль в системе организации государственной власти играло дворянство. Духовенство занимало в обществе обособленное положение, с распространением Реформации его позиции постепенно слабели. Являясь одним из «чинов» в составе сословных собраний, города не были представлены в центральных органах государственной власти.

Крестьянство именно в XVI — первой половине XVII в. полностью утратило те весьма ограниченные права, которые оно приобрело в XIII—XIV вв. Этот процесс завершился переходом в руки господ всей полноты юрисдикции над держателями. В Польше король отказывался рассматривать жалобы подданных на своих сеньоров. В Венгерском королевстве за подданными признавалось право подавать жалобы, но они рассматривались дворянским собранием округа. В Чехии за крестьянами официально признавалось право искать защиты у короля, но в XVII в. оно вообще перестало соблюдаться. Наиболее благоприятным было положение крестьян в Австрии. В Тироле государственные крестьяне входили в состав ландтага. Однако и здесь в XVI в. высшая юрисдикция постепенно переходила в руки помещиков. В Польше и Чехии было запрещено отдавать детей крестьян в учение или в ремесло без позволения господина. В проведении подобной политики по отношению к крестьянству монархия и дворянство действовали совместно.

Наметившееся с формированием крепостничества ухудшение условий для хозяйственного развития городов не могло не сказаться и на их положении в политической структуре общества. Стал крайне затрудненным переход частновладельческих городов в состав городов королевских, пользовавшихся правом участия в политической деятельности, хотя и для них такие возможности резко сократились. В Польше происходит ограничение городского самоуправления за счет расширения компетенции старост — представителей государственной власти на местах — и создания нового высшего судебного органа для горожан — ассessorского суда, состоящего из членов Королевского совета — сенаторов. С 1505 г. в Польше города лишились права участвовать в работе сейма.

Если этот акт из-за характерной для польских городов политической слабости прошел почти незаметно, то в австрийских землях и Чехии города выступали против попыток монархии ограничить их права, рассчитывая и на содействие части феодалов, опасавшихся за судьбу своих сословных привилегий. Такими были выступления городов и части дворянства против монарха Фердинанда Габсбурга в начале 20-х годов XVI в. в Австрии, в 1546—1547 гг. в Чехии. В конечном итоге и правители, и дворянство отказывали городам в праве на участие в политической жизни, рассматривая их как часть королевских владений, подобно частновладельческим городам в имениях магнатов. Этим определилось политическое поражение городов.

Широкое самоуправление Вены, являвшейся образцом для австрийских городов, было фактически ликвидировано в 1526 г.: состав магистрата назначал король, действия его контролировал королевский представитель. После 1547 г. прекращается широкое самоуправление чешских городов, их владения конфискуются, городское население разоружают. Верховной судебной инстанцией для городов стал апелляционный суд, состоявший из королевских чиновников. Лишь в Трансильванском княжестве города саксов продолжали играть самостоятельную роль, их представители вместе с венгерским дворянством и верхушкой секеев составляли три части государственного собрания Трансильвании.

Упадок политического значения городов сыграл большую роль в общей эволюции сословно-представительных монархий Центральной Европы. В Польше рядом законодательных актов была отменена монополия королевских городов на определенные виды торговли и производство товаров, в то же время была освобождена от уплаты пошлин продукция, произведенная в дворянских владениях. Одновременно дворяне получили возможность приобретать в городах недвижимость, а селившиеся на их городских землях подданные — право вести хозяйственную деятельность, не являясь членами цехов или гильдии. Основная тяжесть системы обложения пала на города. Органы власти на местах устанавливали цены на городских рынках в интересах феодалов. Аналогичная политика проводилась и в других центральноевропейских государствах. Так, в той части Венгерского королевства, которая в XVI в. оказалась под властью Габсбургов, с конца XVI в. также установилась практика таксации цен дворянскими собраниями округов. Принятые в 1647 г. законы не только предоставили дворянам право селиться в городе и занимать городские должности, но и освободили их от уплаты налогов в пользу города и от юрисдикции городских властей. В Чехии в XVI в. также были приняты законы, направленные на ликвидацию хозяйственных монополий королевских городов, а в 60-е годы XVI в. господская запашка была освобождена от налогов, а их основная тяжесть, как и в Польше возложена на города. Покровительство хозяйственной деятельности во владениях дворян шло в ущерб хозяйственной роли королевских городов.

Добиваясь политического подчинения городов, монархия не была заинтересована в подрыве их экономического положения, однако она была вы-

нуждена пойти на удовлетворение требований дворянства. Политический упадок королевских городов не привел к превращению их в источник финансовых средств для монархии. Правители не могли облагать города налогами по своему усмотрению, это право оставалось за органами сословного представительства. Города искали сотрудничества с сословной оппозицией монархии: чешские — во второй половине XVI — начале XVII в., словацкие — в первой половине XVII в.

Изменения политических структур были общими для всего региона, но имелись и некоторые специфические различия.

В Чехии XVI век стал временем разорения мелкого дворянства и концентрации земли в руках немногочисленного слоя магнатов, сосредоточившего в своих руках все высшие должности. Широкие круги мелких и частично средних феодалов не были представлены в составе земского суда и не участвовали в работе сиема, куда формально для принятия решений могли прибывать все феодалы. Малая политическая активность свидетельствует о слабости позиций этих прослоек господствующего класса. Усиление аристократии происходило и в Венгерском королевстве. Однако подчинить себе полностью дворянские органы самоуправления магнатам не удалось.

В Польше позиции магнатов были менее сильными, государственные должности не были монополизированы знатных фамилий. Роль широких кругов дворянства в политической жизни страны становилась все более значительной, утвердилась практика выбора послов на сейм в административных округах-поветах без участия в них магнатов-сенаторов. Уже к концу 20-х — началу 30-х годов XVI в. шляхетские послы на сейме выступили с программой реформ политического устройства в интересах дворянства.

Таким образом, в Центральной Европе не сложились предпосылки для успешного проведения абсолютистской политики, что для Венгрии усугублялось отрицательным действием международных факторов.

По основным тенденциям социально-политического развития с центральноевропейскими государствами для конца XV—XVI в. может быть сближено восточноевропейское государство — Великое княжество Литовское, соединенное личной унией с Польшей и испытывавшее все более сильное воздействие польских сословных институтов и политической идеологии. С центральноевропейскими странами Великое княжество Литовское сближают такие черты его строя, как широкий податный и судебный иммунитет основной массы феодалов, что делало невозможным управление страной без сотрудничества с сословными органами, а также слабость городов. Полученное в конце XV—XVI в. городское самоуправление на немецком (магдебургском) праве не привело к росту политического значения городов Великого княжества. В состав общегосударственных сословных органов представители городов не вошли.

Специфические особенности политического строя этого государства заключались в том, что совокупность сословных органов господствующего класса здесь к концу XV в. лишь зарождалась. Только в 90-е годы XV в. Государственный совет (рада панов), а в первые десятилетия XVI в. сейм приобретают юридический статус органов, без участия которых не могли осуществляться законодательная деятельность и ряд важнейших функций управления. Ряд важных отраслей управления (например, суд) находились здесь еще в руках магнатов — представителей государственной администрации, а не выборных представителей дворянства. В первой половине XVI в. дворянство здесь добивалось тех прав и привилегий, которыми уже давно располагало дворянство стран Центральной Европы.

Несмотря на это, в политике центральноевропейских династий — Ягеллонов и Габсбургов — под воздействием абсолютистских государств Западной Европы развивались некоторые абсолютистские тенденции. Стремление правителей к укреплению своей власти находило известную

Заседание польского сейма. Гравюра XVI в.

опору в слое гуманистически образованного чиновничества. Однако в странах Центральной Европы, где государственный аппарат был развит слабо, а ряд его функций осуществляли выборные представители дворянства, эта прослойка была крайне узкой. И Фердинанд Габсбург, и польский король Сигизмунд I предпринимали большие усилия для создания связанной с двором группировки аристократии, которая, получив доступ к главным государственным должностям, могла бы проводить нужный политический курс. Эти усилия увенчались некоторым успехом, но аристократия, готовая содействовать известному укреплению центральной власти, не могла и не хотела способствовать укоренной перестройке взаимоотношений между монархией и дворянским сословием.

Правителям удалось добиться исправного функционирования главных государственных институтов, была упрочена королевская власть над некоторыми звеньями государственного аппарата, был частично восстановлен почти исчезнувший королевский домен. В известной мере эта политика пользовалась поддержкой определенных кругов дворянства, заинтересованного в упрочении центральной власти как необходимого компонента политической структуры сословной монархии.

Наиболее успешной оказалась централизаторская деятельность монархии в австрийских землях. Здесь Фердинанду Габсбургу удалось утвердить право самостоятельного издания общегосударственных законодательных актов, устранить представителей сословий от участия в формировании центральных органов государственного управления, в состав которых вошли всецело зависевшие от него юристы. Однако ландтаги сохраняли право не только законодательной инициативы и вотиrowания налогов, но и сбора и расходования вотиrowанных средств. Планы перестройки существующей системы обложения, введения постоянных налогов и создания постоянной армии были отклонены органами сословного представительства во всех центральноевропейских государствах.

Политике дворянских органов сословного представительства и монархии было присуще стремление к более прочному объединению отдельных «земель», однако пути достижения этой цели и ее конечный результат обе стороны представляли себе по-разному. Монархия стремилась подчинить земли власти созданных ею центральных органов. Другая тенденция — тенденция к политическому объединению путем создания прежде всего единых общегосударственных органов сословного представительства — в первой половине XVI в. получила свое отражение в проектах унии между Великим княжеством Литовским и Польским королевством, выдвигавшихся польскими шляхетскими политиками. Подобное решение отвечало интересам не государственной власти, а сословий, поэтому естественно, что Габсбурги редко ставили вопрос о союзе сейма, общего для их центральноевропейских владений, а Ягеллоны препятствовали осуществлению польско-литовской унии.

В Польском королевстве продолжался рост политической активности широких кругов дворянства. В 60-е годы XVI в. на сейме был проведен ряд реформ, ослабивших позиции знати. У магнатов была изъята значительная часть заложенных ими земель домена. Главные выгоды из этого извлекло среднее дворянство. Отобранные у магнатов земли стали собственностью государства, право короля распоряжаться ими было сильно ограничено, их доходность определялась комиссиями, назначенными сеймом. Под сильным воздействием шляхетского движения в Польше в середине XVI в. развивался аналогичный конфликт между разными слоями господствующего класса в Великом княжестве Литовском. Здесь стремления создать режим магнатской олигархии были гораздо заметнее, чем в Польше. Власть магнатов опиралась на земельные латифундии, образовавшиеся прежде всего за счет заклада великокняжеских имений, которые по своим размерам значительно превышали аналогичные владения польских магнатов. Из этих магнатов целиком формировался Государственный совет. На сейме, хотя с 1512 г. в его работе стали участвовать выборные представители дворянства, панам-раде и их клиентеле вплоть до середины XVI в. принадлежала руководящая роль. Они возглавляли центральные и местные органы управления, сосредоточили и административную и судебную власть, которую использовали для незаконных захватов дворянских имений. В этих условиях шляхта на сеймах требовала реформ, направленных на ослабление власти магнатов. Стремясь приобрести всю полноту прав и привилегий польской шляхты, шляхта Великого княжества Литовского поддерживала планы унии между Польшей и Великим княжеством Литовским, выдвигавшиеся польскими шляхетскими политиками. Сопротивление магнатов серьезно ослабляла заинтересованность господствующего класса Великого княжества в польской поддержке для ведения войны с Россией; они не смогли противостоять совместным действиям дворянства обоих государств.

Уже в 1564—1566 гг. в Великом княжестве Литовском был проведен ряд реформ, удовлетворявших наиболее насущные требования шляхты. Были созданы на местах выборные дворянские суды, компетенция которых распространялась и на магнатов; шляхетские послы по II Литовскому статуту 1566 г. были признаны неотъемлемой частью сейма, для выбора послов на сейм и исполнения ряда других функций местного управления в округах («поветах») были конституированы дворянские собрания-сеймики. В результате этих реформ и политический строй обоих государств, и положение дворянства в рамках этого строя сильно сблизились. Этот процесс завершился в 1569 г. заключением Люблинской унии между Великим княжеством Литовским и Польским королевством и созданием нового федеративного государства — Речи Посполитой с общим монархом и общим высшим органом сословного представительства — сеймом, но с сохранением в каждой из частей особой системы государственных институтов.

Начатые в 60-е годы XVI в. в Польше и Великом княжестве Литовском политические реформы продолжались и некоторое время после заключения унии. Наметившаяся уже в 60-е годы тенденция к расширению компетенции дворянских сословных органов за счет прерогатив монархии получила в последующие десятилетия дальнейшее развитие. Так, из состава земель домена были специально выделены земли («экономии») для обслуживания личных нужд монарха, он перестал быть верховным судьей, возник верховный суд — Главный трибунал как выборный дворянский орган. Все эти реформы означали важный шаг по пути к созданию своего рода дворянской республики, хотя король сохранял право назначения на все государственные должности и это позволяло ему серьезно влиять на политическую жизнь.

Однако среднему дворянству не удалось полностью осуществить свою программу антимагнатских реформ. Процесс образования крупного землевладения, на время прерванных реформами, снова возобновился, но главным объектом экспансии стали не столько королевские, теперь «государственные», земли, которые можно было получить во временное держание, а земли мелкого и среднего дворянства, которое, разоряясь, шло на службу к магнатам. Изменению соотношения сил в общегосударственном масштабе способствовала Люблинская уния. Правда, это соглашение не меняло ни правовых норм, ни политического устройства обоих государств, но в Великом княжестве Литовском магнаты пользовались гораздо большим политическим влиянием, чем аристократия в Польше. Вхождение в состав общего сейма магнатов Великого княжества и находившихся под их влиянием дворянских послов не могло не ослабить позиций шляхты в этом органе верховной власти Речи Посполитой.

В последней четверти XVI в. во взаимоотношениях между государственной властью и дворянством все большее значение стал приобретать религиозный вопрос.

Распространение Реформации в странах Центральной Европы к середине XVI в. оказало существенное влияние не только на идейно-культурную, но и на политическую жизнь общества. Дворяне и города, принявшие новую религию, присваивали себе церковные имущества, заменяли католических священнослужителей протестантскими проповедниками, отказывались подчиняться церковной юрисдикции. Доходы и влияние духовного сословия в жизни общества упали. Для послегусистской Чехии в этом ничего нового не было, но в других центральноевропейских странах это привело к важным переменам. Протестантские церковные организации находились в полной зависимости от своих светских патронов. Для дворянского сословия реформация открывала возможность еще более упрочить свои позиции за счет прерогатив монархии, что нашло свое выражение, например, в выдвигавшихся на польских сеймах 1550-х годов проектах создания «национальной церкви», подчиненной сейму.

И Габсбургов и Ягеллонов все это побуждало стать на охрану католицизма. На практике в отношении дворянства соблюдалась почти полная веротерпимость, но монархия препятствовала легализации такого положения. К концу XVI в. в политике центральноевропейских монархий наметились тенденция к отказу от достигнутых договоренностей и переход к реставрации католицизма.

В Польше абсолютистские планы правительства и усиление влияния аристократии затрагивали интересы широких кругов дворянства. Особенно сильным было недовольство протестантского дворянства, которое обходили при раздаче должностей и принуждали восстанавливать в своих владениях католический культ. Дворяне-протестанты стали позднее наиболее активными руководителями оппозиции, которая в 1606—1607 гг. организовала «рокош» — массовое вооруженное выступление против правительства. Король Сигизмунд III одержал победу лишь благодаря поддерж-

ке обеспокоенных дворянским движением магнатов и ценой отказа от абсолютистских реформ. Процесс укрепления позиций знати более не встречал серьезных препятствий. Аристократия становилась независимой от центральной власти и подчиняла своему влиянию дворянскую массу; в стране постепенно складывалась власть магнатской олигархии.

Попытки Габсбургов проводить политику реставрации католицизма столкнулись с очень серьезными трудностями: например, в Чехии протестантизм был вероисповеданием подавляющего большинства не только крестьян и горожан, но и дворянства. Не имея возможности осуществить свою программу во всем государстве, Габсбурги пытались насадить католицизм прежде всего в городах, где были сформированы угодные монархии магистраты из представителей католического меньшинства. В итоге горожане габсбургских держав вступили на путь сотрудничества с протестантским дворянством против монархии. Политика насаждения католицизма силой привела к концу 1604 г. к восстанию сословий во главе с Иштваном Бочкаи, которое стало началом политического кризиса, охватившего все державы австрийских Габсбургов. Заключенные соглашения удовлетворили значительную часть требований протестантского дворянства. Резко активизировались связи между сословной оппозицией отдельных земель, что выразилось в совместных действиях моравских, венгерских и австрийских сословий в период кризиса и в тайном соглашении 1608 г. о военных действиях в случае возвращения Габсбургов к прежней политике.

Попытки императора Матвея, а затем его преемника Фердинанда II продолжать прежний курс привели к еще более серьезному политическому кризису, начавшемуся с выступления чешского протестантского дворянства в мае 1618 г. К концу 1619 г. в большинстве центральноевропейских владений Габсбургов власть перешла в руки сословных сеймов отдельных земель. Принятый генеральным сеймом земель Чешского королевства летом 1619 г. новый закон о государственном устройстве позволяет судить о политической программе протестантского дворянства. По своей внешней структуре новое государство как федерация равноправных земель с сильно ограниченной властью монарха напоминало устройство Республики Соединенных провинций. Однако вся власть в отдельных членах федерации была обеспечена сословным организациями крепостнического дворянства. Королевские города были признаны свободным земским сословием, было восстановлено их самоуправление, но право на занятие государственных должностей оставалось за дворянством, а притязания городов на монополию занятий некоторыми видами торговли и ремесла отклонены. Отсюда противоречия, способствовавшие ослаблению антигабсбургских сил. События 1618—1619 гг. показали слабость социальной опоры Габсбургов. Поддерживавшее их меньшинство господствующего класса — группа аристократов, проникнутых духом воинствующего католицизма, — оказалось не в состоянии организовать серьезное сопротивление оппозиции протестантского дворянства. Восстание было подавлено благодаря военной интервенции союзников Габсбургов, разбивших чешские войска в битве у Белой Горы под Прагой в ноябре 1620 г.

Поражение восстания имело неодинаковые последствия для разных земель: в венгерских владениях Габсбургов были восстановлены прежние порядки, но в чешских и австрийских землях произошли важные перемены, затронувшие и государственный строй, и социальную структуру общества.

Владения активных участников восстания были конфискованы; к концу 20-х годов XVII в. протестантское дворянство должно было либо принять католичество, либо покинуть страну. Значительная часть дворянства утратила собственность и оказалась за пределами страны. Перед восстанием в Чехии было 1382 дворянские семьи, во второй половине XVII в. — всего 441. Конфискованные владения раздавались наемному офицерству,

чуждому традициям местного общества. В состав дворянского сословия вошло большое число чиновников развивающегося государственного аппарата. Возвышенная государственной властью бюрократия и новая аристократия становились главной опорой Габсбургской монархии.

К ним добавилось католическое духовенство. Насильственное насаждение католицизма укрепляло материальные основы и престиж католической церкви; в ее руки переходили и традиционные функции религиозного воспитания, и контроль за идейно-культурной жизнью общества вообще. В Чехии в руки иезуитов были переданы и высшие учебные заведения, и надзор над выходящими изданиями. На сословных собраниях здесь было восстановлено представительство духовного сословия, космополитического по своему происхождению и идеологии, связывавшего свое процветание с укреплением власти Габсбургов.

Эти важные изменения в структуре общества вели к уменьшению значения органов сословного представительства. В Австрии наступил упадок, а затем и прекращение законодательной деятельности ландтагов, ограничивавшихся вотированием налогов.

В Чехии новое соотношение сил получило свое отражение в «Обновленном земском уложении» 1627 г., подготовленном в Вене: государственные должности замещались теперь только монархом; земский суд и снем были устранены от участия в законодательной деятельности. Единственной функцией снема стало вотирование налогов; лишь в середине XVII в. ему было предоставлено право издавать распоряжения по вопросам, не затрагивающим прерогатив государственной власти.

Еще одним инструментом укрепления государственной власти стали вооруженные силы. В период Тридцатилетней войны сложилась постоянная наемная армия, подчиненная единому для всей монархии центральному органу — хокфкригсрату.

Сословно-представительные монархии, объединявшиеся под властью австрийских Габсбургов, стали постепенно превращаться в единую абсолютистскую монархию. Важной особенностью абсолютизма австрийских Габсбургов был его не национальный характер. Социальные слои, заинтересованные в укреплении этой монархии, не имели связи ни с историческими традициями, ни с национальными интересами тех стран, на территории которых они действовали.

Политическая самостоятельность дворянства была ограничена, но его доминирующая роль в обществе упрочилась. При реставрации католических духовных учреждений в сан епископов, аббатов, каноников посвящали исключительно дворян. В Чехии «Обновленное земское уложение» сохранило все законы, утверждавшие власть господина над крестьянином.

Ухудшилось и положение горожан. Хозяйственный упадок городов, связанный с военными разорениями, эмиграцией протестантов и политической сословных собраний, возлагавших на них основную тяжесть обложения, проявился, в частности, в огромном росте их задолженности, что вело к усилению контроля государственной администрации над городскими финансами. Наконец, наступил окончательный упадок политической роли городов. На ландтагах в Австрии города были представлены не выборными представителями, а правительственными чиновниками, и на их долю было отведено всего от 1 до 4 голосов, что лишало города всякой возможности влиять на решения этих собраний. Таким образом, при определенной общности изменений в социальной структуре общества в центральноевропейском регионе итоги эволюции политических структур в разных частях этого региона оказались неодинаковыми. В венгерских владениях Габсбургов и Трансильванском княжестве сохранялись в основном структуры традиционные для центральноевропейских сословных монархий, в Речи Посполитой при формальном сохранении аналогичного устройства намечались

тенденции ослабления королевской власти и фактического установления магнатской олигархии; в чешских и австрийских владениях Габсбургов к середине XVII в. был сделан крупный шаг вперед на пути к созданию абсолютистской монархии испанского типа.

Глава 10

РОССИЯ

Конец XV — первая половина XVII в. — время оформления и укрепления централизованного государства в России и его постепенного развития в монархию абсолютистского типа. Важнейшим условием этого длительного процесса было объединение русских земель в единое государство. «Собирание земель» и «собрание власти» сопутствовали друг другу. Хронологические грани этого процесса определяются по-разному: образование централизованного государства датируется примерно 80-ми годами XV в., когда политическое единство русских земель означало уже их включение в единое государство с центральным правительством; завершение складывания единой государственной территории и политической централизации, оформление единой системы управления происходили в конце XV и на протяжении XVI в. уже в рамках централизованного государства. В соответствии с иными взглядами самый процесс образования централизованного государства продолжался с конца XV по начало XVII в., причем этот процесс вовсе не исключал существования уже в первой трети XVI в. первоначального аппарата власти и управления, характерного для централизованного государства. Именно в XVI в. окончательно определился и многонациональный тип централизованного государства в России.

В годы правления Ивана III Васильевича (1462—1505) — крупнейшего государственного деятеля и дипломата той поры — и его сына Василия III (1505—1533) основная территория, населенная великороссами, переходит под власть московского великого князя, который официально стал именоваться «государем всея Руси». Окончательно утрачивает (в 1470-е годы) государственную самостоятельность Новгородская республика, потерявшая и свои огромные земельные владения на севере Восточной Европы: богатейших землевладельцев (бояр) и купцов переселяют в центр государства, а в Новгородской земле на правах условной собственности даются поместья мелким и средним служилым людям московского государства, однако некоторые прерогативы Великого Новгорода — такие, как внешние сношения со Швецией, — просуществуют еще около ста лет. В 1485 г. присоединяются к московским и земли Тверского великого княжества — давнего соперника Московского великого княжества в борьбе за объединение Северо-Восточной Руси. В начале XVI в. полностью лишаются самостоятельности Псковская феодальная республика (1510 г.), Рязанское княжество (1521 г.). В результате войн с Польско-Литовским государством в состав территории Российского государства в начале XVI в. входят Смоленская земля, верховья рек Оки, Днепра, города Чернигов, Брянск и др.

В конце XV — первой половине XVI в. существенно ограничивается власть ранее независимых или полузависимых князей: Рюриковичей, находившихся в родстве с государями правящей династии, и Гедиминовичей — потомков литовского великого князя. Их вассальные права постепенно заменяются подданством, а земельные владения становятся вотчинами-боярщинами. Право отъезда отменяется со второй четверти XVI в., отъезд рассматривается как государственная измена. Общественное положение бывших удельных князей определяется с тех пор их ме-

стом на служебной лестнице при дворе и в войске московского государя; титулованная знать смешивается с исконным московским боярством, и лишь немногие ее представители становятся членами Боярской думы. Уничтожение княжеских привилегий растянулось на целое столетие: не сразу были устранены отличия основных групп светских феодалов (дворянства) разных регионов страны и в правах и в обязанностях по отношению к центральной власти.

Устранение феодальной раздробленности обусловило внешнеполитические успехи; в то же время независимость от чужеземной власти обеспечивала возможность подчинения непокорных крупных феодалов. Ордынское иго окончательно пало в 1480 г. Это произошло через сто лет после знаменитой Куликовской битвы, предопределившей государственнo-политическую роль Москвы. Вскоре слабеющая Орда распалась на несколько государственных образований — юртов, некоторые из них на Руси называли «царствами», — во главе с правителями не менее алчными, совершающими постоянно с юга и востока набеги на русские земли, но уже бессильными повторить опыт опустошительного похода Батые. Москва окончательно утверждается как государственное средоточие русских земель.

Взросшей государственной мощи России, ее международному престижу, упрочению внешних сношений с крупнейшими державами Запада, Востока и Юга должна была соответствовать столица государства — Москва. Белокаменный Кремль Дмитрия Донского был прежде всего военной крепостью, Кремль Ивана III должен был стать резиденцией великого государя. Создается замечательный кремлевский ансамбль: строятся дошедшие до наших дней крепостные стены (декоративные украшения над высокими башнями возвели в XVII в.) и храмы, дворцовые и правительственные здания. Образцами для построения храмов служили памятники древнерусского зодчества. Так подчеркивалась и историческая преемственность власти московских государей — наследников правителей Древней Руси. Завершенная постройкой уже в начале XVII в. высокая колокольня Ивана («Иван Великий») в монументальной форме словно отмечала своей вертикалью кремлевский холм как центральную точку Российского государства.

При дворе вводится пышный церемониал, чему способствовала и женитьба Ивана III вторым браком на племяннице и наследнице последнего византийского императора Софье Палеолог. Утверждается государственный герб — двуглавый орел, особые знаки достоинства государя — бармы (оплечья), византийский царский венец (шапка Мономаха), получают распространение легенды об их «историческом» происхождении. Оформляются политические теории, задачей которых было обосновать преемственность власти российских государей: приобретают официальный характер легенды об их происхождении от римских цезарей, о передаче киевским князьям византийских императорских регалий. Они служат задаче определить место и значение России в ходе мировой истории (теории «Москва — второй Киев», «Москва — третий Рим»).

В январе 1547 г. юный внук Ивана III Иван IV Васильевич (1533—1584), прозванный позднее Грозным, с благословения митрополита Макария торжественно провозглашается первым русским царем. Официальное признание единодержавия «царя и великого князя Всея Руси» подрывало почву для притязаний удельных князей на соправительство, а отдельных областей государства — на сохранение политической обособленности. Актом венчания на царство московский государь приравнялся к государям «великих держав», тем самым пресекались возможные претензии на установление какой-либо степени зависимости от них Российского государства и предопределялась активизация его внешней политики, в первую очередь по отношению к ханствам, образовавшимся на развалинах Золотой Орды, особенно к Казанскому — средоточию враждебных внешних

*Иван IV.
Портрет работы
неизвестного художника XVI в.
Копенгаген, Национальный музей.*

сил, препятствовавшему хозяйственно-культурному развитию исконных русских земель к востоку от Москвы. За рубежом не сразу официально признали новый титул русского самодержца.

Слово «самодержавие» («самодержавство») употреблялось тогда и для характеристики власти монарха, и как обозначение суверенности государства. В процессе оформления государственного аппарата и официальной идеологии Российского государства сказалось освоение традиций не только древнерусских княжеств, но и наследия Византийской империи и южнославянских «царств», а также и общение со странами Востока. Россия испытывала влияние стран и Юга, и Востока и сама оказывала на них воздействие.

В России процесс образования централизованного государства и даже оформления абсолютистской монархии происходил в условиях господства феодального способа производства, сопровождаясь политическими кризисами. Экономического единства страны еще не было; ее экономическое районирование и пуги создания всероссийского рынка только намечались, нация оформиться еще не могла. И в России образовалось не единое национальное государство, как в некоторых странах Европы в тот же период, а политическое образование — межнациональное (или многонациональное) государство. В монархии, возглавленной господствующим классом основной народности, русские занимали огромную сплошную территорию в центре. Это во многом предопределило впоследствии характер взаимодействия русского народа и других народов, живших на территории расширившегося государства.

Во главе процесса государственно-политической централизации в России находились различные слои класса феодалов, противоречия между которыми позволяли, однако, правительству вести политику балансирования, типичную для всех стран в период становления абсолютизма. Горожане долгое время оставались политически почти бесправными (кроме купеческой верхушки), а незначительная, но экономически наиболее сильная прослойка их стремилась путем аноблирования стать землевладельцами; интересы ее нередко тесно переплетались с интересами приказных людей. Роль городов в политической жизни страны наиболее заметно обнаружилась в начале XVII в., в годы польско-шведской интервенции.

Государственно-политическая централизация проводилась в целом успешно, сопровождалась «бюрократизацией» управления, унификацией финансовой системы и правовых норм, но в феодальном духе, опережая экономическую централизацию: это была концентрация власти силами приказной, боярской и военной администрации всей территории государства, приводившая к всемогуществу и произволу военной и гражданской бюрократии.

Централизация государственного управления способствовала территориальному единству страны, успеху обороны от внешних врагов, хозяйственно-культурному развитию страны — в этом объективно проявлялись прогрессивные функции централизованного государства. Но она укрепляла и роль государства как важнейшего органа политической власти общественных верхов, аппарата подчинения и даже юридического закре-

пощения им большинства населения. Уже в XVI в. достаточно отчетливо выявляются черты самодержавия, задерживающего социальный прогресс в стране.

Для завершения централизации было необходимо уничтожить политическую и экономическую самостоятельность крупнейших феодалов с их удельными традициями, создать единый для всей территории страны центральный и местный аппарат управления с чиновничьей администрацией, одинаковыми принципами судопроизводства и единой системой делопроизводства, войско, подчиненное прежде всего верховной власти. Оформление достаточно многочисленной военной бюрократии, унификация монетной системы, налогов и повинностей, т. е. преодоление остатков феодальной раздробленности составляло основное содержание государственно-политической жизни России почти до конца XVI в.

Проблема оформления централизованного государства в России смыкается с проблемой возникновения абсолютизма. Данная В. И. Лениным характеристика самодержавия XVII в. (самодержавие «с боярской думой и боярской аристократией») может быть отнесена к России и второй половины XVI в.; истоки российского абсолютизма обнаруживаются уже в годы деятельности «Избранной рады» (конец 1540-х — 1560-е годы), умело балансировавшей между интересами различных слоев господствующей общественной верхушки (светских и церковных феодалов, а также богатейших купцов).

Россия уже к концу XV в. стала самым большим по территории из европейских централизованных государств, но эта территория оставалась заселенной крайне неравномерно, расстояния между городами были большими, и долгое время страна не обладала выходами к морям, обеспечивавшими постоянное участие в международной торговле. Это сказалось на темпах государственно-политического и экономико-культурного развития, предопределяло в значительной мере выбор направлений внешней политики. В то же время в период, когда страны Западной Европы колонизовали далекие от них земли, находившиеся, как правило, на других континентах, что приводило и к оттоку населения из этих стран, в России осваивались новые территории Российского же государства — прежде всего сравнительно близкие к районам основного заселения, а затем и дальние, вплоть до Восточной Сибири.

В процессе расширения государственных границ феодальное землевладение распространялось на осваиваемые территории (сначала в Поволжье, затем в центральном черноземном районе, бывшем «Диком поле», к югу от Оки). Это сопровождалось усилением феодальной эксплуатации, вызывавшей волнения и бегство крестьян. Законодательные решения правительства и изменения в структуре государственного аппарата были направлены на то, чтобы в еще большей мере удовлетворить интересы крепостников. Усиливается и роль судебно-сыскных органов в государственном аппарате. В то же время на огромную, вновь осваиваемую территорию (прежде всего Урал и Сибирь, пограничные юго-восточные районы, тогда еще свободные от крепостного права) устремлялись те, кто рассчитывал освободиться от крепостной неволи или угрозы закрепощения.

Существенным моментом, предопределявшим направленность правительственной политики и преобразований государственного аппарата в России во второй половине XVI в. и особенно в XVII—XVIII вв., был невиданный в других регионах Европы той поры размах классовой борьбы, и прежде всего участия в ней крестьян. Причины ее — преимущественно в особенностях экономического и социально-политического развития России того времени. Имели место не только городские восстания (в середине XVI и особенно в середине XVII в.), в определенной мере сближающиеся с антиналоговыми движениями и выступлениями против ненавистных правительственных деятелей в Западной Европе, или отдельные более или ме-

нее значительные крестьянские волнения, но и грандиозные антифеодальные и антикрепостнические войны. Если в первой из них (в начале XVII в.) состав участников был еще сравнительно пестрым и включал даже дворян, затем изменивших восстанию, то в войне под руководством Степана Разина (конец 1660-х — начало 1670-х годов) все лица, принадлежавшие к господствовавшим классам, с самого начала противостояли восставшим.

Первичными очагами таких массовых восстаний обычно становились казацкие поселения на южных и юго-восточных окраинах государства, где объединялись многие беглые крестьяне, холопы, ремесленники. Казаки несли необходимую государству сторожевую пограничную службу, но в то же время старались противопоставить себя централизованному государству, влея мечту о мужицком «царстве» с «хорошим» царем. Зародившиеся в их среде волнения перерастали в крестьянские войны, в которых участвовали и горожане. Наивная вера в «доброе царя» обусловила поддержку идеи самозванства, особенно популярную в России XVII—XVIII вв.

Существенные предпосылки государственно-политического строя, утвердившегося в середине XVI в., обнаруживаются еще в годы преобразований при Иване III. Складывается постоянно действующий при государе совет — Боярская дума. Дворцовое управление все в большей мере отделяется от общегосударственного, хотя еще и во второй половине XVI в. в представлении самих монархов государственное и собственно «государево» нередко смешивались и Иван Грозный склонен был, подобно своим предкам, рассматривать государство как свою вотчину. Постепенно начинают оформляться отдельные отрасли центрального управления с ответственными «судьями» и делопроизводителями — дьяками и подьячими. В системе местного управления упрочивается положение посылавшихся в ранее самостоятельные земли великокняжеских наместников и подведомственного им аппарата. Однако единого для всей территории государства принципа административного устройства еще не знали, а присланные на определенный срок администраторы получали от местного населения «корм», как принято было и в древнерусских княжествах. Это давало возможность для произвола кормленщиков-бояр и становилось поводом для недовольства населения. Единообразие системы суда и управления, особенно в центре, во многом содействовал первый крупный общерусский закон (по существу даже свод законов) — Судебник 1497 г., который «уложил» Иван III «с детьми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим». Судебником были установлены единые для всей территории государства процедуры следствия и суда, нормы наказаний.

С конца XV в. особенно ошутимым становится наступление великокняжеской власти на привилегии бывших удельных князей, хотя княжеские корпорации на территориях бывших самостоятельных княжеств кое-где сохраняются еще в середине XVI в.

В первой половине XVI в. идет процесс слияния разных групп феодалов — исконных московских и из различных дворов (рязанского, тверского, удельных) — в единый Государев двор. Именно отсюда с середины XVI в. вербовались особо приближенные к государю лица.

Постепенно получает все возрастающее распространение поместная система — система раздачи государством земель под условием несения службы (военной или административной). Помещики зависели, как правило, непосредственно от великого князя и уже тем самым противостояли вассалам крупных феодалов. Организация поместной системы обеспечила и возможность укрепления постоянной армии, необходимой московским государям в период частых столкновений и даже длительных войн с соседними государствами. Разница между размерами вотчин и поместий постепенно делается все менее заметной. Многие становятся обладателями и вотчин и поместий, притом в разных уездах. Во второй половине XVI в.

было не менее 25 000 годных военнообязанных служилых людей. Большинство их называли тогда «детьми боярскими»; затем распространено стало общее название — «дворянство». Первоначально дворянами называли лишь тех, кто входил в состав «государева двора».

Термин «служилые люди» получает новое значение. По существу, все феодалы-землевладельцы — и вотчинники и помещики — превращаются прежде всего в слуг государя вся Руси, обязанным ему службой за землю и должность. Затем стали различать служилых людей «по отечеству» (т. е. потомственных слуг), имевших право владения землей и крепостными, и «по прибору». Служилые люди «по отечеству» делились на чины боярские, московские (придворные и высший штат приказов) и городовые, составлявшие провинциальные корпорации; из верхних слоев их пополнялись московские чины. Служилые люди «по прибору» оформились как особая категория с середины XVI в., с расширением правительственной колонизации южных и других окраинных районов государства (стрельцы, пушкарки, позднее казаки и др.); они несли главным образом военную службу и не имели права владеть крепостными.

Служебные отношения между членами служилых фамилий на военной и административной службе и при дворе государя официально регулировались с рубежа XV—XVI вв. системой феодальной иерархии — местничеством (название произошло от обычая считаться «местами» за столом и на службе). Место зависело от «отечества», «отеческой чести», которая слагалась из двух элементов — родословной (т. е. происхождения) и служебной карьеры самого служилого человека и его предков. Местнические споры разбирали царь и Боярская дума. Местничество утверждалось в условиях сохранения в государстве значительных остатков феодальной раздробленности и борьбы центральной власти с привилегиями знати. Этим объясняется двойственная политическая природа местничества, бывшего своеобразным компромиссом центральной власти с верховными группировками феодалов и этих группировок между собой. Его использовала в своих интересах и знать, и все в большей мере центральная власть, по существу подчинившая фамильную «честь» служебной. Первоначально местничество регулировало взаимоотношения лишь высших служилых людей — прежних удельных князей и их потомков и исконных московских бояр. С середины XVI в. его нормы распространяются и на взаимоотношения московских чинов, а в XVII в. — городских чинов и даже дяков, гостей (богатейших купцов) и промышленников. С середины XVI в. правительство начало ограничивать местничество. В XVII в. с консолидацией класса феодалов и ростом бюрократии оно становится серьезной помехой к утверждению в России абсолютизма. Постепенно и в обществе утрачивается уважение к нему; с распространением боярских привилегий на все больший круг лиц необходимость его устранения понимает и боярство; в 1682 г. местничество было отменено.

Иван III возвысил лишь одного из своих наследников-сыновей в ущерб другим. Именно к старшему сыну переходила большая часть земель государства; его владения более чем в два раза превышали владения всех его братьев, вместе взятые; впервые полностью переходила в его владение и столица государства Москва (раньше она была в «третьем» владении братьев-князей); выморочные владения братьев решено было впредь передавать наследнику престола; братьям наследника запрещали чеканить монету.

Сын Ивана III Василий еще до вступления женился на дочери московского боярина, показывая тем самым намерение опираться на нетитулованное старомосковское боярство, т. е. исконных служилых людей московских великих князей. С середины XVI в. государи вся Руси жонглируют на московских боярынях, роль их родственников в правительственной деятельности заметно возрастает, что сказалось затем и в выборе

новых царских династий: после смерти последнего царя из династии Рюриковичей Федора Ивановича в 1598 г. царем стал его шурин Борис Годунов, еще при жизни Федора бывший правителем государства, а воцарению династии Романовых в 1613 г. помогло то, что их ближайшая родственница (сестра деда первого из царей династии Михаила Федоровича) была первой женой царя Ивана IV и матерью его детей.

Высшим законодательным органом и высшим органом управления страной была Боярская дума — почти ежедневно заседавший высший совет при государе, схожий с королевскими куриями в европейских странах и восходящий по своему происхождению к советам при князьях Древней Руси. Сначала состав Думы был невелик — около 20 человек. С начала XVI в. она заметно расширяется: помимо высших думных чинов (бояре и окольничие), в ее деятельности все более значительной становится роль думных дворян и особенно думных дьяков, возглавлявших обычно главные учреждения государственного управления или государева двора. Численность Думы возрастает на протяжении более чем полутора столетий, а состав ее делается менее знатным.

Боярская дума не имела раздельной от монарха самостоятельной компетенции. Наряду с вопросами общегосударственной важности (проекты новых законов, внешние сношения) Дума рассматривала дела о земельных пожалованиях и служебных назначениях, о всех, даже мелких, нарушениях закона. Для решения различных дел создавались комиссии, постановления которых приравнивались к решению Думы. Обычно основные вопросы обсуждались вместе с монархом («приговор царя с бояры» или «царь указал и бояре приговорили»), иногда и в отсутствие государя, хотя в годы правления Ивана Грозного думцы не осмеливались брать на себя ответственность, предоставляя решение воле государя: для такого случая существовало особое выражение «бояре поговорили». Главную роль в составлении и редактировании постановлений Боярской думы и царских указов, в организации работы канцелярии Думы и подведомственных ей центральных учреждений играли думные дьяки. К середине XVI в. формируется приказная система управления. Приказами (дьячими избами) называли центральные правительственные учреждения с постоянным штатом служащих и определенным бюджетом. Приказная система зародилась, видимо, на рубеже XV и XVI вв. в связи с перестройкой дворцово-вотчинного управления и усложнением системы государственного управления.

Одним из первых приказов стала возглавленная казначеями казна (казенный дом) — хранилище царской вещевой казны (а также архива, библиотеки). Постельный приказ во главе с постельничим ведал царской спальней, личным архивом царя, лицами, обслуживавшими царскую семью; ловчий и сокольничий — царской охотой и др. Дворцовые учреждения во главе с дворецкими управляли населением отдельных, недавно присоединенных земель (Тверской, Новгородской, Дмитровской и др. дворцы). С середины XVI в. дворцовые крестьяне, принадлежавшие царю и лицам царской фамилии, входились в ведение Приказа Большого дворца. В приказах сосредоточивалось управление отдельными отраслями правительственной деятельности или отдельными территориями; судебная и административная власть были нераздельны. Приказами ведала Боярская дума. Были также приказы дворцовые, а с XVII в. и патриаршие.

Важнейшие приказы — Разрядный, ведавший обороной государства и служебными назначениями, Посольский, ведавший внешними сношениями, и Поместный, в компетенцию которого входили вопросы, связанные с феодальным землевладением. Номинально их возглавлял сам царь, делопроизводством управляли думные дьяки (иностранцы называли их «канцлерами»). Посольские дела входили в компетенцию самого государя, Боярской думы, где создавались особые комиссии для перегово-

ров с послами, Посольского приказа, в ведении которого была и вся документация внешних сношений, лишь частично отраженная в Посольских книгах, Казны, контролировавшей посылку и получение даров, а также Ямского приказа, отвечавшего за обеспечение посольств — и русских и иностранных — лошадьми и кормом.

Число приказан достигло к концу XVI в. 20, к середине XVII в. — около 60 (постоянных и временных). С присоединением новых территорий создавались новые территориальные приказы (Казанский, Сибирский). Долгое время функции близких по своему назначению центральных учреждений, в частности ведавших финансовыми делами (часть их образовывалась по территориальному признаку), не были должным образом разграничены.

Увеличивалась численность приказных людей — дьяков и подъячих — и в столице и в провинции, где управляли через местные дьячьи избы, так называемые съезжие избы. Приказные люди, как правило, были незнатного происхождения. Дьяки становились обычно землевладельцами и обладателями крепостных, роднились между собой и со знатью; среди возвысившихся к началу XVIII в. дворянских фамилий немало семей именно дьяческого происхождения. Они напоминали французское дворянство мантии и успешно вытесняли дворянство шпаги. Приказная бюрократия принадлежала к правящим слоям общества, признавалась неподатным сословием. Влияние этих лиц на делопроизводство было велико, особенно на местах: наместники и воеводы менялись сравнительно часто, а дьяки прочно занимали свои должности.

Постепенно создается особая система приказного делопроизводства. Статьи Судебников 1497 и 1550 гг., Соборного уложения 1649 г. специально посвящены порядку составления и хранения дел в учреждениях. С ростом населения и дальнейшей бюрократизацией управления во много раз возрастает оборот документов, увеличивается потребность в специалистах по делопроизводству, растет роль приказной бюрократии. К концу XVII в. чин признается выше породы.

Изменения были внесены в систему управления на местах, хотя и там долго не знали единого принципа административного устройства. Богатые вотчинники сохраняли свои имунитетные права, и долго еще продолжали существовать три основные судебные системы: государственная, церковная и вотчинная.

В уездах (обычно бывших княжествах или самостоятельных землях) назначались на небольшой срок наместники. В выполнении их функций в волостях им должны были помогать волостели. Подвластное, а следовательно, и подудное наместникам и волостелям население обязано было платить в их пользу «корм» — натуральные и денежные сборы, пошлины (судебные, таможенные и др.). Кормление было и видом службы (в том числе военной), и формой вознаграждения за нее. Система кормлений не могла обеспечить ни подавления противодействия классовых низов феодальному гнету, ни серьезной обороны от внешних врагов. Местные феодалы были недовольны тем, что главную роль в местном управлении играли присланные из центра кормленщики, забиравшие к тому же себе и основную долю доходов.

В XIV, XV и даже в XVI вв. «городом» на Руси называли, помимо городского поселения, и прилегающий к нему уезд; особых органов городского управления не было. Но уже в XV в. появляются должности «городчиков» из местных землевладельцев, первоначально обязанных следить за состоянием городских укреплений и выполнением военных повинностей местным населением. Скоро они стали исполнителями великокняжеских поручений, затем — называясь уже городскими приказчиками — ведали и финансово-хозяйственными вопросами, подчиняясь непосредственно назначаем. Это подрывало систему кормлений.

С конца XV в. появились и первые органы местного управления, формировавшегося по сословному принципу. С конца 1530-х годов некоторые уголовные дела передаются «выборным» лицам из местных дворян, а в районах, где не было светского феодального землевладения, — из посадских людей или государственных крестьян. В середине 1550-х годов земская реформа уничтожает систему кормлений и вводит земское самоуправление. Дворяне, купцы, зажиточные крестьяне получали возможность использовать в своих интересах новую земскую организацию, закреплялся ее сословный характер и усиливалось вмешательство органов центральной власти (приказов и присылавшихся из столицы воевод и дьяков). Перестройке местного управления на сословно-представительных началах способствовала централизация государственного управления в стране. Расходы двора и армии, расширение аппарата управления требовали увеличения средств. Изменяется система налогообложения: составляются описи земельных владений в городах и сельских местностях, устанавливаются условные податные единицы — сохи, размер которых зависел и от качества почвы, и от социальной категории землевладения. Наиболее выгодным было положение светских феодалов, менее — церковных и монастырских землевладельцев; в наихудшем положении оказались дворцовые и черносошные крестьяне. С необходимостью найти дополнительные источники вознаграждения (прежде всего «испомещения») служилых людей на рубеже XV—XVI вв. связан вопрос о секуляризации монастырских земель. Однако московские государи ограничивались полумерами, пытаясь лишь положить предел дальнейшему расширению монастырского землевладения. В результате такой политики они приобрели в деятелях официальной церкви сторонников в борьбе с крупными светскими феодалами, а также и с «ересями» (иногда и противоправительственной направленности) и обеспечили политическую зависимость верхов духовенства от государей всея Руси.

Излишней самостоятельности, а тем более оппозиционности со стороны митрополита (с 1589 г. патриарха), архиереев и игуменов не терпели ни государи первой половины XVI в., ни Иван Грозный, ни правительство «семибоярщины» в годы интервенции начала XVII в. В случае противодействия церковных иерархов сменяли и даже умерщвляли (как Филиппа из боярского рода Кольчыхов, выступившего против опричнины). Но церковная организация, очень богатая и достаточно самостоятельная (со своими администрацией и судом), оставалась пережитком средневековья. Столкновение с ней укреплявшейся монаршей власти было неминуемо, что и произошло в третьей четверти XVII в.

Идеология «самодержавства» в характерном для XVI—XVII вв. виде оформилась к середине XVI в. Тогда уже утвердилась и соответствующая структура высшей власти.

Иван Грозный сам выступил с обоснованием концепции «самодержавства», неограниченной власти единодержавного наследственного государя, выражающего божественную волю. В своих посланиях, речах на заседаниях земских (или церковно-земских) соборов, в написанных по его указаниям текстах дипломатических документов и официальной летописи Иван IV стремился показать преемственность своих действий и деятельности самых славных его предшественников на престоле, объяснить изменение отношения к прежним советникам, их казни и преследования изменой этих советников, необходимость самозащиты («за себя есмь стал»). Такое историко-публицистическое обоснование самим монархом привилегий и прав государя и идеи олицетворения государства в государе — типичная черта абсолютизма. При этом нередко использовалась церковная идеология, сочинения церковных писателей, а позднее и философов, высказывались мысли о «государственном интересе», об «общем благе» всех подданных, о единении монарха и народа. Иван Грозный способствовал не

только утверждению представлений о равной — и полной — зависимости всех подданных от государя, о закреплении им всех слоев населения, но и демагогической пропаганде и распространению мифа о «равной» заботе монарха обо всех подданных, питавшей наивный монархизм народа.

Монарх — осознанно или неосознанно — выражал волю господствующего класса или его отдельных слоев. Даже при крайних формах проявления деспотического произвола он зависел в своей каждодневной деятельности в определенной степени от советников-информаторов и помощников-исполнителей. Потомственная знать стремилась ограничить корпус советников только своим кругом. Бояре не ставили своей целью возродить порядки феодальной раздробленности, они были заинтересованы в устойчивости централизованного государства, но с неременным условием существования традиционного совета бояр при государе. Борьба велась за место и влияние в этом совете, за сохранение политических и экономических привилегий потомственного боярства. Князь А. М. Курбский обосновал положение об особой пользе совета с немногими «избранными» мужами (светскими и духовными), отличающимися особыми достоинствами и единством взглядов. Вопрос, кто имеет право помогать монарху, как уберечь его от дурных советников, — существенная тема общественно-политической мысли, появившаяся на рубеже XV—XVI в. В условиях неограниченной, по видимости, власти монарха особо значительную роль играли обычно приближенные к нему лица — «временники».

Преобразование середины XVI в. связаны с деятельностью круга лиц приближенных к Ивану IV, — «Избранной рады», бывшей неофициальным правительством. Ее возглавляли выдвинувшийся из придворных дворян А. Ф. Адашев, придворный священник Сильвестр и, видимо, митрополит Макарий. «Избранная рада» образовалась вследствие напугавших общественные верхи народных волнений (особенно сильное впечатление на царя и его окружение произвело московское восстание в июне 1547 г.) и опасений возобновления боярских междоусобиц (время их в малолетство Ивана IV современники называли годами «безгосударства»). Это привело к консолидации господствующего класса — группировок светских и церковных феодалов, поддержанных богатым купечеством.

«Избранная рада» проводила компромиссную политику: не отнимая у бояр прав, распространяла их на дворянство. Были осуществлены реформы центрального и местного управления и суда. В Судебнике 1550 г. нормы права и делопроизводства по сравнению с Судебником 1497 г. существенно пополнены и уточнены, усилено значение органов центральной власти. Через пять лет была отменена система кормлений. Доходы, ранее получаемые «кормленщиками» — «кормлений окуп», — стали поступать в казну, используя преимущественно для организации военной службы (в первую очередь для выплаты жалованья служилым людям). Одновременно проводится и военная реформа — Уложение о службе определило порядок несения военной службы и вотчинниками, и помещиками и численность их слуг в зависимости от размеров земельных владений. Организовано было стрелецкое войско. В 1551 г. на церковном соборе был утвержден Стоглав — сборник предписаний о церковной обрядности, внутренней жизни церковного сословия, его взаимоотношениях с обществом и государством.

Земские соборы — сословно-представительные учреждения — первоначально представляли собой расширенные заседания Боярской думы и Освященного собора (т. е. собрания высших священнослужителей — архиереев и настоятелей крупных монастырей), созывавшиеся для обсуждения и решения важнейших вопросов внутренней, особенно налоговой, и внешней политики. Само появление земских соборов — показатель объединения русских земель в единое государство, ослабления княжеско-боярской аристократии, роста политического значения дворянства, отчасти

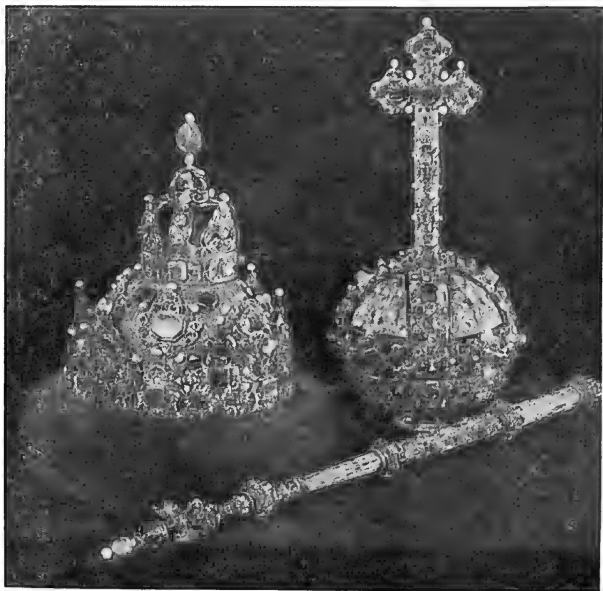
и верхов посада, а также достаточно заметного участия церкви в системе государственного управления. Созыв первых земских соборов в середине XVI в. — следствие обострения классовой борьбы, особенно в городах, и столкновений в среде социальных верхов. Земские соборы как бы противостояли, с одной стороны, организованным вечевым собраниям «черных людей», с другой стороны, как советы «всей земли» и расширенные совещания Боярской думы — узким традиционным совещаниям царя с кругом бояр «ближней думы». Они способствовали укреплению феодальной монархии. Их освящали церковным авторитетом; первые соборы рубежа 1540—1550 гг., обсуждавшие важнейшие государственные реформы, были по существу церковно-земскими.

Земские соборы созывались по воле царя, официально их возглавлявшего. В соборе 1566 г. участвовали уже и торговые люди городов. Практика созыва и хода заседаний соборов оставалась нерегламентированной: они созывались в особых обстоятельствах и для обсуждения проектов реформ. В XVI в. обязательным считался, видимо, только избирательный собор — таким был собор 1598 г., избравший царем Бориса Годунова.

На смену периоду реформ правительства «Избранной рады» постепенно пришла политика чрезвычайных внутривнутриполитических мер царя Ивана IV и его нового окружения — политика опричнины: так официально — по примеру особых удельных владений женщин из великокняжеской семьи — Иван Грозный называл выделенный им для себя в 1565—1572 гг. в государстве удел, имевший особое войско и свой аппарат управления. Для опричнины характерно разделение государства и государственного управления (это не коснулось ведомства внешних сношений) на две части — земщину и опричнину — и активизация борьбы с предполагаемой изменой (прежде всего в среде светских феодалов, затем приказных людей, высшего духовенства, целых городов — Твери, Новгорода) путем массовых репрессий (казни, переселения, конфискации земельных владений и имущества). Особо мрачный характер этому периоду закрепления всевластия государя и его ближайшего окружения придавали личные свойства Ивана Грозного — человека немалых государственно-дипломатических и литературных дарований, но отличавшегося подозрительностью и жестокостью. Жертвой необузданного гнева царя стал и его сын — наследник престола Иван, которого он смертельно ранил. Ивану Грозному наследовал Федор Иванович (1584—1598), чуждый делам государственного управления и доверивший их своему шурину Борису Федоровичу Годунову, ставшему затем царем в 1598—1605 гг.

В конце XVI в. было восстановлено государственное управление середины века, но достаточно прочными оказались и черты произвола, особенно укоренившиеся со времени опричнины. Массовые народные волнения, иностранная интервенция начала XVII в. отразились, естественно, на системе государственного устройства и экономически ослабили государство. В первые десятилетия правления новой династии Романовых основные усилия были направлены на восстановление страны, предотвращение опасности новых народных выступлений и реставрацию самодержавной системы правления, особенно когда именем первого Романова — Михаила Федоровича (1613—1645) — с 1619 г. стал управлять опытный и целенаправленный в своих абсолютистских устремлениях его отец патриарх Филарет.

В общественной и экономической жизни заметнее становится роль дворянства, склонного противопоставлять себя боярству, и верхов городского населения. Правительство все в большей мере вынуждено было удовлетворять их пожелания. Это привело к относительной демократизации состава земских соборов, которые на время стали обязательной, почти постоянно действующей частью правительственной структуры. Однако крестьяне на соборах не были представлены. Лишь в избирательном соборе 1613 г.

*«Большой наряд» русских царей — венец, скипетр, держава. 1627—1628 гг.
Москва, Оружейная палата.*

приняли участие несколько представителей черносотенного крестьянства.

В истории развития земских соборов особое значение имели события начала XVII в., времени «безгосударства», когда в годы польско-шведской интервенции и массовых народных движений (Смутное время) не было устойчивой и долговременной царской власти. «Совет всей земли», созданный в Ярославле, выполнял функции правительства в последний период борьбы с интервентами. По существу, его деятельность продолжил земский собор 1613 г., избравший царем Михаила Романова. Первое время после этого земские соборы созывались часто и состояли иногда из большого числа выборных с мест. На некоторых соборах и в 1610—1620 гг. были представлены, как и на соборах XVI в., только служилые и посадские люди и духовенство, находившиеся тогда в Москве.

Порядок представительства в значительной мере зависел от степени экстренности созыва собора и характера обсуждавшихся вопросов. Иногда возникали и заранее не предусмотренные вопросы: еще на соборе 1566 г., созванном в связи с Ливонской войной, предлагали отменить опричнину; собор в 1642 г., созванный для обсуждения вопроса об Азове,

рассматривал положение московских и городских дворян. На земских соборах в середине XVII в. обсуждалась проблема воссоединения Украины с Россией, подготавливались соглашения, принятые в 1654 г. Переяславской Радой — событием, знаменующим переломный этап в судьбах восточнославянских народов.

Поводом к созыву соборов в середине XVII в., как и в середине XVI в. были народные восстания. В 1649 г. было принято Соборное уложение царя Алексея Михайловича — кодекс законов, подготовкой которого занималась особая комиссия во главе с боярином Н. И. Одоевским. Источниками его послужили прежний Судебник, указные книги приказов, коллективные челобитные столичных и провинциальных дворян, посадских людей, а также памятники права Великого княжества Литовского и Византии. В Уложении, состоявшем из 25 глав (967 статей), разработаны вопросы государственного, административного, гражданского, уголовного права и порядка судопроизводства. Оно сохраняло силу основного закона России до первой половины XIX в. Соборное уложение закрепило основные системы управления в центре и на местах, еще более ужесточив наказания за нарушение законов. В интересах феодалов была утверждена общегосударственная система крепостного права, дворяне получали права наследственного владения своими поместьями. Однако, удовлетворяя жителей посада, уничтожили привилегированные (освобожденные от части налогов) белые слободы, принадлежавшие крупным феодалам. Абсолютистские тенденции государственного развития стали обнаруживаться все явственнее.

В столице власть остается сосредоточенной в Боярской думе, состав которой стал менее знатным по происхождению, и в приказах. В городах еще в XVI в. появилась должность городских воевод, возглавлявших военное и гражданское управление городом с уездом. С начала XVII в. должность воевод была введена во всех городах, где они заменили наместников и городских приказчиков. В крупные города посылали воевод «с товарищи» (т. е. второго и третьего воевод). Воеводы имели в городах приказную, или съезжую, избу и контролировали органы местного самоуправления, избиравшиеся посадскими людьми и черносотенными крестьянами.

Несмотря на типичный для абсолютистских монархий этого периода фаворитизм, обычное функционирование государства в области внутренней и внешней политики прежде всего опиралось на действия чиновников государственного аппарата, зависело от их опыта, общественных умонастроений, степени взаимосвязи между собой и с верхами общества. Без налаженной системы центральных и местных учреждений, достаточно организованного и устойчивого управленческого аппарата государство не смогло бы осуществить свои административные, военные, судебные, финансовые и другие функции.

Деятельность местных сословно-представительных учреждений и земских соборов позволяет говорить о сословной монархии в России середины XVI — середины XVII в. о феодальной монархии с сословным представительством. Сословные учреждения не только приспособились к проведению абсолютистской политики, но и сами во многом содействовали утверждению именно абсолютистских начал в государственном управлении, а также консолидации сословий и превращении их в классы-сословия.

События середины 1560-х — середины 1580-х годов показали достаточно устойчивую оформившегося в середине XVI в. аппарата центрального и местного управления. Эта государственная система выдержала испытания массовых народных волнений и интервенции начала XVII в., закреплена была Соборным уложением 1649 г. и удержалась, все более эволюционируя в направлении абсолютизма, вплоть до преобразований Петра I.

Глава 11

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

В XVI — первой половине XVII в. большинство земель Юго-Восточной Европы — Болгария, Греция, Сербия, Албания, Босния, Македония, Герцеговина, Воеводина — находились под властью Османской империи. Ее вассалами были Валашское, Молдавское и Трансильванское княжества, а также Дубровник. Дубровницкая республика, расположенная на Адриатике, уплачивала Порте ежегодную дань — харадж в 12 500 дукатов, поэтому Порта считала дубровчан своими подданными; зависимость Дубровника от Порты была обусловлена также тем, что по всей сухопутной границе республика соседствовала с османскими владениями. Часть прибрежных земель и островов на Адриатике и Ионийском море, как и Крит, принадлежали Венецианской республике. Словенские земли Австрии, разделявшиеся на ряд давних территориально-государственных образований (Каринтия, Крайна, Штирия, графство Горица), входили в состав многонациональной державы Габсбургов. Вместе с тем австрийские эрцгерцоги в силу избрания Фердинанда I Габсбурга королем Венгрии и Хорватии (1526 г.) приобрели власть и над хорватскими землями, часть которых уже в XVI в. была захвачена османами. Таким образом, южнославянские области были лишь одной из многих составных частей феодальной монархии, отличительной чертой которой было сословное представительство. Административно-территориальная дробность, господство феодалов в политической и экономической области сочетались и с наличием центральной власти Габсбургов, вначале выражавшейся только в существовании единой династии и лишь постепенно начавшей создание централизованного аппарата управления.

Нужда Габсбургов в средствах для создания армии приводила в Словении к новым уступкам дворянству в ответ на его согласие утвердить налоги; в Хорватии длительная османская угроза и военное противостояние в соединении с централизаторскими стремлениями династии привели в XVI в. к административному разделу хорватских земель, еще не захваченных османами, на Банскую Крайну, или Банскую Хорватию, — провинцию, возглавлявшуюся королевским наместником — баном, и Хорватско-Славонскую Крайну, включавшую земли на рубеже с Османской империей. Реальная власть в Хорватско-Словонской Крайне находилась в руках командования наемных императорских отрядов. Политика габсбургской централизации, имевшая целью более тесное объединение всех подвластных земель, закономерно приводила к заметному ущемлению сословных привилегий местной феодальной верхушки. Такое ограничение традиционных национальных государственно-правовых институтов открывало возможности для германизации земель, включенных в состав Австрийской державы, особенно Словении.

Однако реальные успехи этой политики Габсбургов в принадлежавших им южнославянских землях были неодинаковы. Если в словенских землях в середине XVI в. сословия добились некоторых уступок от центральной власти, в том числе и в вопросах вероисповедания в связи с Реформацией и ростом влияния протестантов, то уже в конце XVI — начале XVII в. успехи контрреформации позволили Габсбургам значительно ослабить роль местных сословных собраний и укрепить свою власть в этих землях. В Хорватии и в XVII в. позиции местного дворянства, особенно крупных магнатов, оставались еще сильными: хорватские феодалы требовали вернуть области, непосредственно подчиненные центральным венским учреждениям, в состав Хорватского королевства; их целью было не только возвращение своих прежних земельных владений и расширение их

за счет Османской империи, но и закрепощение свободного крестьянства, составлявшего значительную часть императорского войска на границе с Османской державой.

Иной тип политической структуры представляли венецианские провинции на Балканах и Дубровник. Город-государство Дубровник, используя покровительство соседних феодальных держав, сохранил свою независимость от Венеции; города-коммуны Котор, Сплит, Задар были вынуждены признать власть Венеции или же были просто ею захвачены.

В южнославянских и греческих приморских районах и островах Венеция полностью подчинила местное население в политическом и экономическом отношении. В прежде самостоятельных городских коммунах правительство «Светлейшей» назначало своего правителя — венецианца. Он осуществлял реальную власть в пределах коммуны, участвуя в судебном разбирательстве вместе с выборными из числа местных нобилей, надзирая за обороной города и деятельностью низших чиновников коммуны. Усиливая контроль за своими адриатическими владениями, Венеция создала в конце XVI в. также пост верховного правителя балканских провинций — генерального провидура Далмации и Албании с резиденцией в Задаре; другой наместник контролировал греческие колонии республики — Ионические острова и Крит.

Резко ограничив автономию подчиненных ей городских коммун, Венеция в то же время была вынуждена допустить сохранение прежних органов местного самоуправления, продолжавших вести городские дела под постоянным контролем венецианских правителей. Недовольство местного населения обостряло борьбу главных сословий — патрициев и пополанов-пучан в коммунах. Пополаны стремились добиться участия в Большом совете — Великом вече города, где всем вершили патриции, и уравнивания прав пополанских советов с Большим советом. После упорной борьбы во многих коммунах Далмации пополаны все же добились расширения своих политических прав, участия в решении основных городских проблем.

Политическая система Дубровницкой республики сохранила почти неизменные черты сложившегося здесь ранее коммунального строя, связанного с полным засильем местного патрициата (властела по-сербохорватски). Вся государственная власть в республике принадлежала замкнутой касте патрициев, которая препятствовала расширению круга правящих патрицианских семей Дубровника, не говоря уже о жителях окрестных селений и островов. Политическое господство дубровницких нобилей облегчалось весьма благоприятными экономическими условиями, расцветом торговли, усилением дифференциации в среде пополанов. Выделение наиболее зажиточных слоев пополанства привело к созданию новых замкнутых корпораций, отделенных от массы городских жителей, но не получивших доступа к власти.

Политическая структура Османской империи и ее балканских владений была существенно иной. Управление всеми владениями султана в Европе, Азии и Африке осуществлялось из Стамбула (Константинополя), где находился двор султана и Высокая Порта — правительство империи. Гражданскую и военную администрацию на местах возглавляли наместники — беглербеги; вначале все подвластные Порте земли на Балканах — Румелия — находились в ведении румелийского беглербега. Позднее, с завоеванием османами территории Венгерского королевства, были созданы особые наместничества с центрами в Буде (1541 г.) и Темешваре (1552 г.); часть румелийских провинций затем была выделена в Боснийский беглербеглук (1580 г.). В более мелких административных единицах — санджаках и нахиях — управляли низшие османские чиновники, подчиненные соответствующим беглербегам и в целом Порте.

Существование монархической власти и централизованной системы управления, однако, не позволяет ставить политическую систему Порты в

один ряд с восточными деспотиями или европейскими абсолютными монархиями. Вся администрация состояла из османских чиновников и вершила управление по османским законам и нормам исламского права. Специфической чертой Османской державы было и отсутствие сословного представительства. Османская империя возникла в Азии и Юго-Восточной Европе путем весьма обширных завоеваний иноверческих и ипоэтических территорий, следствием чего было уничтожение таких самостоятельных христианских государств, как Византия, Сербия, Болгария, Босния и др., и превращение всех народов этой части континента в подвластное Порте и османскому феодальному классу бесправное население. С образованием политической структуры, по своему существу и происхождению враждебной устремлениям населения покоренных стран, появились и черты теократического господства.

Османские завоеватели распространяли теократический принцип власти не только на взаимоотношения господствующего народа, господствующей веры, и покоренных народов, но и на отношения в среде иноверных, немусульманских подданных султана. После завоевания балканских земель была введена так называемая система миллетов — религиозных общин. Стремясь обеспечить поддержку местного христианского духовенства для упрочения своего господства в захваченных землях Юго-Восточной Европы, Порта сделала главой первого и самого многочисленного греческого миллета-общины патриарха Константинополя; высшее греческое духовенство, ставшее полномочным и единственным посредником всех православных жителей империи в сношениях с Портой, смогло закрепить и свое привилегированное положение в южнославянских землях, где самостоятельные Тырновская (болгарская) и Печская (сербская) патриархии были уничтожены. Лишь после восстановления Сербской патриархии в 1557 г. с разрешения Порты сербские иерархи могли выступать в такой же роли, соперничая с греческими патриархами и католическими клириками. Аналогичные церковные общины были созданы в начале XVI в. для армян-григориан и для иудеев, число которых особенно возросло в Салониках и других балканских городах после их изгнания из Испании.

Система миллетов укрепляла османскую власть на Балканах, обеспечивая сотрудничество высшего духовенства немусульманских народов с Портой. Предстоятели миллетов, получая определенные привилегии от Порты, разрешение взимать церковные сборы в свою пользу, вести судебные дела единоверцев, выступали в роли не только религиозных, но и светских руководителей своей паствы под эгидой Порты. В то же время они в какой-то мере поддерживали этногосударственные традиции своих народов, что неоднократно вызывало жестокие репрессии османских властей.

Важную роль в упрочении османской администрации на Балканах играло и сохраненное Портой местное самоуправление покоренного населения — греков, албанцев, южных славян. Полуфеодальная верхушка немусульманских народов, получая от османских властей небольшие налоговые льготы и отдельные привилегии, выполняла их распоряжения по сбору налогов, отряжала крестьян для выполнения государственных повинностей, оказывала содействие посланцам и отрядам Порты. Включение местного самоуправления в систему османской администрации облегчало ведение дел чиновниками Порты, но в то же время создавало и возможности для объединения покоренного населения, для выступлений его против османской власти.

Эти особенности османского управления балканскими землями привели к появлению здесь уже в XVI в., а еще в большей мере в XVII в. самостоятельных или полусамостоятельных областей, обычно в горных, малодоступных районах — в Албании, отчасти в Греции и Черногории, где местные жители в ходе долгой и упорной борьбы добились фактического упразднения османской администрации, налоги Порте уплачивали лишь эпи-

зодически, зачастую только в результате карательных походов войск Порты. В таком положении находились горцы прибрежной области южной Албании — Химары, жители Черногории, округа Мани в Южном Пелопоннесе, отбивавшиеся от посягательств османских феодалов и ссылавшиеся обычно на привилегии, якобы полученные от султанов (постепенно, с ослаблением Порты, султаны их признавали и утверждали). Сходных прав сумели добиться от Порты и жители греческих островов Эгейского моря — Наксоса, Тасоса, Пароса, Псары и др., привилегии которых были подтверждены в 1580 г. султаном Мурадом III. В период длительных войн Османской империи с другими державами, особенно в конце XVI — начале XVII в., эти фактически автономные или полуавтономные области оказывались лишь в номинальной зависимости от Порты.

В целом политические структуры в Юго-Восточной Европе в XVI — первой половине XVII в. отличались значительным своеобразием. Феодалная абсолютная монархия, уже одержавшая серьезные успехи в Западной Европе, делала лишь первые шаги в южнославянских владениях Габсбургов, в Хорватии и Словении, что объясняется прежде всего подавляющим господством феодального способа производства, засильем феодальных землевладельцев в политической системе, слабостью торгово-ремесленных городских слоев.

Немаловажным отличием политических систем, существовавших в Юго-Восточной Европе, от структур Запада был также периферийный, зависимый характер администрации подавляющего большинства этих земель, реальное или даже формальное отсутствие государственной самостоятельности у местного населения, за исключением Дубровника. Государственная власть обычно была чуждой, иноэтничной, более того — иноверной, что было следствием завоевания южнославянских земель, Албании и Византии османами, присоединения некоторых греческих и южнославянских городов и островов Венецией, превращения Хорватии и словенских земель в зависимый придаток Австрийской монархии Габсбургов и тем самым Германской империи. Отсутствие самостоятельной государственности для большей части местного населения означало консервацию самых тяжелых форм зависимости и угнетения и средневековых политических структур. Примечательной чертой является сохранение у подвластных османам народов таких низших звеньев прежней политической системы, как самоуправление в общинах, сильных элементов вековых государственно-правовых и этносоциальных традиций, которые, несмотря на стремление Порты подчинить их своим интересам, использовались в ходе освободительной антиосманской борьбы. Наконец, важной чертой османской политической структуры было наличие теократических особенностей, определявших не только отношения привилегированного и неполноправного населения, но и взаимоотношения внутри отдельных религиозных общностей немусульманских жителей Османской державы.

Глава 12

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА

В начале XVI в. в Валахии усилилось османское влияние, проводником которого в княжестве становится крупное боярство Крайовы. Благодаря своим богатствам и родственным связям с турецкими сановниками крайовские бояре оказывали давление на господаря, заставляя его действовать в русле своих интересов и политики Порты. Влияние их на политическую жизнь княжества заставляло господарей добиваться их поддержки для утверждения на престоле.

В годы правления Раду Великого (1495—1508) крайовские бояре настолько усилились, что стали действовать в рамках административно самостоятельной бании с центром в г. Крайове. Попытки господарей Михни и Влада Молодого, порвав с Портой, проводить самостоятельную политику, закончились для них трагически. При поддержке крайовских бояр на валахском престоле утвердился Нягое Басараб (1512—1521). Ему удалось укрепить господарскую власть и стабилизировать внутриполитическое положение в княжестве, установить отношения с Венгрией, Польшей, Венецией, папством. В правление Нягое Басараба экономическое и политическое влияние бояр Крайовы усилилось, выросла административная самостоятельность бании, оформились ее аппарат и войско. После смерти Нягое началась борьба боярских группировок за господарский престол в Валахии. Султан использовал обстановку в княжестве для укрепления своего влияния. Никопольский паша Мехмед-бей, вступивший с войсками в Валахию на помощь сыну Нягое Феодосию, стал вводить в княжестве турецкую администрацию.

Внутриполитическая неустойчивость в княжестве дополнялась сложным международным положением, когда обострилось соперничество Османской империи и Габсбургов за преобладающие позиции в карпато-дунайском регионе. Господарь Раду Афумаць, получив валахский престол при поддержке венгерского короля, вынужден был вскоре признать вассальную зависимость от Порты и согласиться на увеличение ежегодной дани — хараджа с 12 до 14 тыс. золотых. Попытка Раду прибегнуть к помощи Габсбургов вызвала заговор проосмански настроенных бояр, в результате которого он был убит. За связи с Габсбургами поплатились престолом и последующие три господаря. Господарь Мирча Чобану, стремясь стабилизировать положение в княжестве, принял меры по ограничению власти крупного боярства. Многие из бояр, недовольных его политикой, бежали в Трансильванию и при поддержке Порты дважды устранили Мирчу. После смерти Мирчи боярские усобицы в княжестве обострились. За усиление господарской власти выступали мелкие и средние бояре, которым противостояло крупное боярство, связанное экономическими и политическими интересами с Портой и выступавшее при ее поддержке против централизации за усиление своих позиций в стране.

Султан был заинтересован в сохранении в Валахии внутриполитической неустойчивости. Порта поддерживала борьбу боярских группировок, в ходе которой, оказывая то одной, то другой из них помощь в получении престола, укрепляла свои позиции в княжестве.

В Молдавском княжестве в начале XVI в. также усилилось влияние крупного боярства. В первой четверти XVI в. проявились децентрализаторские тенденции крупного молдавского боярства, становившиеся опасными по мере возрастания для княжества османской военной угрозы. В это время активизировались крымские татары, постоянно нападавшие на северо-восточные границы Молдавского княжества. В этих условиях, когда Венгрия и Польша стремились к мирным отношениям с османами, молдавские господа были вынуждены также сохранять мир с султаном, выплачивая ему ежегодную дань.

Крупные бояре, связанные классовыми интересами с польскими феодалами и стремившиеся направить княжество в русло антиосманской европейской политики, добились договором 1518 г. признания Молдавским княжеством польского сюзеренитета, а в 1522 г. в Польшу отправились молдавское посольство. Но нарушение мира с Портой не входило в расчеты польского короля. Тем более что позиции султана в карпато-дунайском регионе усилились в результате разгрома венгерской армии при Мохаче в 1526 г. и последовавшего за ним распада королевства Венгрии.

В 20—30-х годах XVI в. дань княжества Порте повысилась с 8 до 10 тыс. золотых. Обострившимся отношениям с Польшей молдавский гос-

подарь Петр Рареш стремился противопоставить союзные отношения с Россией. С этой целью он дважды направлял своих послов в Москву. В 1535 г. он договорился о Фердинандом I Габсбургом об участии Молдавского княжества в антиосманских военных действиях. Чтобы расправиться с неугодным господарем, султан Сулейман I в 1538 г. во главе огромной армии вторгся в княжество. Недовольная сильной господарской властью боярская группировка выступила против Рареша и с одобрения Порты посадила на престол нового господаря. Рареш был вынужден покинуть княжество. В его столице Сучаве расположился османский военный гарнизон. К султанским владениям были присоединены значительные территории княжества между Прутом и Днестром.

В результате османской экспедиции 1538 г. позиции султана в княжестве укрепились.

В 1541 г. султан вернул в Молдавское княжество Петра Рареша с условием увеличения хараджа до 12 тыс. золотых, сохранения османского гарнизона в Сучаве, признания территориальных изменений, а также присылки его сына в Стамбул в качестве заложника. Рареш снова попытался установить связи с Габсбургами, но его антиосманским планам не суждено было осуществиться. Порта усилила политическое и экономическое давление на Молдавское княжество. Один из преемников Рареша должен был по приказу султана участвовать в османских военных экспедициях 1551 и 1552 гг. против сторонников Габсбургов в Трансильвании. При утверждении нового молдавского господаря в 1553 г. Порта увеличила харадж до 30 тыс. золотых.

Укреплению позиций султана в княжестве способствовала внутриполитическая неустойчивость, вызванная оппозицией крупного молдавского боярства центральной власти. Выступая против усиления того или другого господаря, выдвигая новых претендентов на престол с целью обеспечения своих интересов, боярские группировки пытались заручиться поддержкой Габсбургов или Польши. Порта использовала такую обстановку для смещения неугодных ей господарей и все большего вмешательства в дела княжества.

Внутренние распри, военные действия, связанные с воцарением господарей, возросшие султанские требования разоряли княжество, ухудшали его экономическое положение.

К концу XVI в. в Молдавском княжестве усилились освободительные стремления. Наряду с попытками получить помощь извне господари использовали антиосманские настроения внутри княжества. В 1574 г. движение против султана возглавил господарь Ион Вода, опиравшийся на отряды служилых и ополченцев из крестьян и горожан. На стороне господаря выступили вначале и отдельные группы бояр. На помощь ему пришли отряды запорожских казаков гетмана Ивана Сверхевского. Но превосходящими военными силами, к которым примкнули и татары, султан подавил движение. В решающем сражении у Кагульского озера 10 июня 1574 г. бояре предали Иона Воду. Мятежный господарь был казнен султаном, княжество подверглось страшному разорению. Расправа с Ионом Водой вызвала новую волну освободительных движений, которые поддерживали прибывавшие в княжество запорожские казаки. В ходе этих движений появлялись многочисленные претенденты на молдавский престол, выдававшие себя за близких родственников Иона Воды и использовавшие антиосманские действия для достижения власти.

К концу XVI в. прочно утвердилась вассальная зависимость Валахского и Молдавского княжеств от Османской империи, оформились условия вассалитета. Дань султану стала ежегодной. Обязанность княжеств выставлять отряды войск во главе с господарем для участия в османских военных экспедициях превратилась в постоянную. Порта присвоила себе право утверждать на валахском и молдавском престолах господарей, из-

бираемых местными боярами. Господари были обязаны посылать в Стамбул сыновей или близких родственников в качестве заложников.

Используя политическое господство крупного боярства и внутренние распри различных боярских группировок, а также сложное внешнеполитическое положение княжеств, султан постепенно подчинил себе их социально-политическую систему, хотя юридически княжества продолжали сохранять государственную автономию. Господарь и боярский совет, который по османскому образцу стал называться диваном, превратились во второй половине XVI в. в главный инструмент османской экономической эксплуатации княжеств, которая была выгоднее Порте, чем их прямое подчинение.

Право утверждения избираемых боярами господарей превращается с конца XVI в. в систему прямого назначения их султаном без совета с боярством, что приводило к росту денежной суммы, уплачивавшейся претендентом за получение престола. Кроме того, Порта установила периодическое утверждение господаря на престоле с уплатой определенной суммы через каждые три года, а затем и ежегодно.

Система назначений делала невозможным утверждение в княжествах неугодных Порте господарей, в том числе претендентов, поддерживаемых Габсбургами и Польшей. Как средство политического давления и выкачивания денег из княжеств Порта все чаще стала использовать многочисленных претендентов на господарство, готовых заплатить любую сумму за престол. Заинтересованность султана и его сановников в увеличении средств, выкачиваемых из княжеств, приводила к частой смене господарей. Только за XVI—XVII вв. на валашском престоле сменилось 48 господарей, на молдавском — 50. Расходы претендентов и господарей на приобретение престола и его сохранение тяжело отражались на экономике княжеств и ложились непосильным налоговым бременем на население.

Неизбежным результатом этих явлений, связанных с усилением вассальной зависимости княжеств от Османской империи, было падение с конца XVI в. значения института господарей, а следовательно, ограничение внутренней функции сохранявшейся в системе империи государственности княжеств.

Внешняя политика княжеств оказывается к этому времени полностью связанной с интересами султана. Валашский и молдавский господаи, признавая сюзеренитет султана, не имели права заключать договоры с другими государствами. Нарушение этих условий являлось для султана юридическим основанием для смещения неугодных ему господарей. Такое положение княжеств давало возможность Порте держать под контролем их внешние связи.

Относительная самостоятельность питала в самих княжествах стремление к восстановлению независимости. В своих освободительных чаяниях молдавские и валашские господаи возлагали надежды главным образом на помощь Габсбургов, Венгрии и Польши.

Внешнеполитические интересы сближали княжества в отдельные периоды и с Россией. По мере активизации русской балканской политики усиливаются прорусские настроения в княжествах, ориентация их в своем стремлении к освобождению на Россию. В международной обстановке XVI в. в связи с расширением османской экспансии господаи проводили политику лавирования, использовали соперничество крупных держав в своих интересах.

Начавшаяся к концу XVI в. конфронтация Габсбургов и Османской империи за преобладание на юго-востоке Европы усилили освободительные стремления в Дунайских княжествах. Молдавский господарь Арон (1591—1595), валашский господарь Михай Храбрый (1593—1601), трансильванский князь Жигмонд Батори примкнули к антиосманской Священной лиге, созданной по инициативе императора Рудольфа II и папы Кли-

мента VIII. В рамках лиги при поддержке трансильванского князя и молдавского господаря Михай начал военные действия против султана. Первые его антиосманские акции были успешными. Но в 1595 г. молдавский престол занял Иеремия Могила, ставленник бояр, тесно связанных с польскими феодалами, стремившимися сохранить мир с Портой. Это означало выход Молдавского княжества из лиги. Между тем войска Габсбургов терпели от османов одно поражение за другим. В такой обстановке Михай был вынужден в октябре 1596 г. пойти на перемирие с султаном. В мае 1598 г. Михай заключил договор с императором Рудольфом II, которого признал сюзереном в обмен на признание своего наследственного права на господарский престол в Валахии и обещание императора субсидировать валашское войско из 5 тыс. наемников. Чтобы упрочить свое положение в княжестве, Михай принял меры по укреплению власти: был усилен аппарат управления в центре и на местах, путем земельных дарений господарю удалось создать социальную опору в княжестве, ядром которой стало военно-служилое сословие. Получаемые от императора средства позволили Михая расширить военные силы княжества, главным образом за счет наемников, среди которых были болгары, сербы, албанцы, поляки, казаки.

Политика Михая встречала сопротивление со стороны боярской группировки, выступавшей против централизаторской деятельности господаря. Боярская оппозиция активизировалась особенно в момент, когда перед господарем встали внешнеполитические трудности. Это заставило Михая осенью 1598 г. заключить договор с султаном на условиях уплаты дани. Оппозиционные боярские группировки пытались заручиться поддержкой молдавских бояр и польских феодалов. Положение Михая осложнилось, когда трансильванским князем стал Андраш Батори, сторонник польского гетмана Замойского и Иеремии Могилы.

В октябре 1599 г. Михай предпринял поход в Трансильванию; в результате успешных военных действий, поддержанных местными отрядами секеев, его войска заняли столицу княжества Алба-Юлию. Несмотря на учреждение Михаем органов гражданской и военной администрации для управления Трансильванией, здесь сохранялись прежнее государственное устройство и местное управление во главе с венгерскими феодалами.

Весной 1600 г. Михай совершил поход на Молдавское княжество и занял его большую часть со столицей Яссы. После этой акции в руках Михая формально сосредоточилась власть над тремя княжествами. Но ввиду отсутствия внутриполитических предпосылок это объединение княжеств в международных условиях начала XVII в. оказалось кратковременным.

Уже осенью 1600 г. против Михая поднялась трансильванская знать, которую поддержал имперский генерал Баста. Потеря Трансильвании ослабила положение Михая, которым воспользовался Ян Замойский. Польские войска заняли Молдавское княжество и вторглись в Валахию, где боярство поддержало претендента на престол Семена Могилу. Михай покинул Валахию и уехал в Вену. Император Рудольф II предоставил ему средства для организации наемного войска; Михай открыл военные действия, чтобы вернуть Габсбургам власть в Трансильвании, где на княжеский престол в 1601 г. вернулся Жигмонд Батори. Состоявшееся примирение Михая с Бастой позволило их объединенным силам разбить войска Батори. Возможность возвращения Михая на валашский престол сплотила его противников, в результате заговора которых в 1601 г. он был убит.

Начался период ослабления господарской власти, ведущую роль в политической жизни княжества стало играть крупное валашское боярство, превратившееся в орудие осуществления своих экономических и политических интересов.

В связи с появлением в княжествах в XVII в. в среде служилых бояр выходцев из различных районов Османской империи начинается проник-

Михай Храбрый. Гравюра XVII в. Женева, 1620 г.

новение в управление княжествами греков-фанариотов, происходивших из богатого стамбульского квартала Фанар. Ущемление местного боярства обострило борьбу между различными группировками господствующего класса. Порта, поддерживая фанариотов, поощряла эту борьбу, использовала ее для усиления своего влияния в Валахии. Местные бояре стремились отстоять свои права, и при государе Раду Леоне им удалось законодательно закрепить свои административные и фискальные привилегии.

Укрепление центральной власти происходит со вступлением на валахский престол Матвея Басараба (1632—1654). Ограничивая проникновение в княжество фанариотов и опираясь на местное боярство, он сумел на довольно длительный период упрочить свое господство. Антифанариотская политика привела его к конфликту с Портой.

Усиление влияния боярства на политику господарей становится характерным и для Молдавского княжества в первые десятилетия XVII в. Борьба боярских группировок за власть, прибегавших к помощи извне,

превращалась здесь в предлог для постоянного вмешательства в дела княжества соседних Речи Посполитой и Османской империи.

В результате османо-польского соперничества, перераставшего в открытые военные столкновения, на молдавском престоле один господарь сменял другого. Группировке молдавских бояр, пользовавшихся поддержкой польских магнатов, противостояла партия проосманской ориентации. Внутриполитическая неустойчивость, углублявшаяся вмешательством извне, отрицательно сказывалась на развитии экономики княжества, на положении его населения.

Политическая жизнь княжества несколько стабилизировалась после заключения в 1621 г. мирного османо-польского договора. При господаре Василии Лупу (1634—1653) укрепляется центральная власть. В управлении княжеством усиливается влияние стамбульских греков, все больше оттеснявших местных бояр. Стремясь посадить на престол Валахии своего сына, Лупу вел длительную борьбу с Матвеем Басарабом.

Внутриполитическая консолидация Валашского и Молдавского княжеств создала условия для активизации их внешней политики. Складывавшаяся в 30—40-е годы в Юго-Восточной Европе международная ситуация способствовала появлению освободительных планов в княжествах. В частности, молдавский и валахский господаи установили связи с Россией, которые с середины XVII в. все больше укрепляются.

Часть третья

РЕФОРМАЦИЯ И КОНТРРЕФОРМАЦИЯ

Введение

1. Реформация в Западной и Северной Европе
2. Реформация и Контрреформация в странах Европы
3. Контрреформация

ВВЕДЕНИЕ

XVI столетие ознаменовалось крупнейшим кризисом римско-католической церкви, который проявился в состоянии ее учения, культа, институтов, ее роли в жизни общества, в характере образованности и нравах духовенства. Многообразные попытки устранить «порчу» путем внутрицерковных преобразований не имели успеха.

Под воздействием новаторских теологических идей Мартина Лютера, давших мощный стимул разнообразным оппозиционным выступлениям против католической церкви, в Германии началось движение Реформации (от латинского *reformatio* — преобразование), отвергшее власть папства. Реформационные процессы, приведя к расколу римской церкви и созданию новых вероучений, проявились с разной степенью интенсивности почти во всех странах католического мира, сказались на положении церкви как крупнейшего землевладельца и органической составной части феодальной системы, затронули роль католицизма как идеологической силы, веками защищавшей средневековый строй.

Реформация обрела характер широких религиозных и социально-политических движений в Европе XVI в., выдвигавших требования реформы католической церкви и преобразования порядков, санкционированных ее учением.

Отразив настроения социально разнородной оппозиции, Реформация сыграла важную роль в становлении раннебуржуазной общественной мысли и привела к появлению новых форм идеологии в виде религиозных учений протестантизма.

Выступив против широко разветвленной системы учреждений и разносторонне разработанного учения католической церкви, Реформация свела воедино многообразные формы критики католицизма, возникавшие на протяжении всей истории средних веков. Идеологи Реформации широко использовали богатое наследие своих предшественников в борьбе с католической церковью — Джона Виклифа, Яна Гуса и других мыслителей, а также опыт массовых еретических движений, традиции неортодоксальной мистики.

В идейной подготовке Реформации важную роль сыграло гуманистическое движение эпохи Возрождения — своей борьбой против схоластики как теоретической опоры католицизма, критикой церковной обрядности, пышного культа, невежества духовенства. Гуманизм подготавливал Реформацию разработкой рационалистических методов изучения Священного писания, стремлением дать новое решение коренных социально-этических и политических вопросов, высмеиванием сословных предрассудков, пропагандой патриотических идей. Гуманизм, однако, не может рассматриваться лишь как прелюдия Реформации. Оба эти крупные явления были вызваны общими причинами, связанными с разложением феодальных порядков и зарождением элементов раннего капитализма. Оба были связаны с растущим самосознанием личности, высвобождавшейся от засилья корпоративных учреждений и представлений. Но если гуманизм как движение за новую светскую культуру обращался к наиболее образованной части общества, то Реформация, ставившая целью обновить на основе Евангелия жизнь каждого христианина, обращалась к широким массам.

Крупнейшие теоретики Реформации создали системы религиозных воззрений, отвечавшие новым тенденциям общественного развития XVI—XVII вв. Реформация отвергла догму католической церкви об обязательном посредничестве духовенства между человеком и Богом. Для «спасения» верующего церковь признавала необходимым посредством таинств сообщать благодать, недостающую верующим, через духовенство, отделенное от мирян принятием особого таинства — священства. Центральным принципом новых религиозных доктрин Реформации стало учение о непосредственной связи человека с Богом, об «оправдании верой», т. е. «спасении» человека не с помощью строгого выполнения обрядов, не «путем добрых дел», а на основе внутреннего Божьего дара — веры. Смысл учения об «оправдании верой» заключался в отрицании привилегированного положения духовенства, в отказе от церковной иерархии и супрематии папства. Это учение позволяло осуществить требование «дешевой церкви», давно уже выдвигавшееся бюргерством и подхваченное и развитое идеологами Реформации. Кроме того, поскольку признавалось, что внутреннее общение с Богом осуществляется в ходе самой мирской жизни, с помощью должным образом устроенного светского порядка, то и этот порядок, в первую очередь государственный строй, получал отныне религиозную санкцию на автономное развитие. Реформационные учения, таким образом, укрепляли позиции светской власти и формирующихся национальных государств в борьбе против притязаний папства.

С тезисом об «оправдании верой» идеологи Реформации тесно связывали свое второе основное положение, принципиально отличавшееся от католической догмы, — признание Священного писания единственным авторитетом в области религиозной истины: это влекло за собой отказ от авторитета «священного предания» (решений римских пап и церковных соборов) и открывало возможность для более свободной и рационалистической трактовки вопросов религии.

Реформация противопоставляла автократическому устройству католической церковной организации образец, существовавший в прошлом и «затемненный» последующими установлениями, — раннехристианскую общину верующих. Последовательное применение новых принципов служило обоснованию более демократичного устройства церковных общин, их права самим выбирать своих духовных пастырей.

Степень критики католической церкви, равно как и программы преобразований в церковной и светской областях, при общности основных исходных положений существенно отличались у разных слоев общественной оппозиции. Каждый из них вкладывал в реформационные формулы содержание, соответствовавшее его социальным интересам. Сильный отпечаток на различные проявления Реформации наложили и конкретные исторические условия ее развития в разных странах Европы.

Наиболее радикальные настроения крестьянства и плебейских масс города выразили теоретики народного направления Реформации Томас Мюнцер, Михаэль Гайсмайр и др. Они трактовали ее как начало коренного переворота не только в церковных делах, но и в социальных отношениях. Ссылаясь на Евангелие, они провозглашали необходимость устранения сословных привилегий, требовали передачи власти всей христианской общине, народу, т. е. по существу выступали за социальную революцию. Такое понимание Реформации играло важную роль в переходе движения народных масс от локальных и сектантских форм борьбы к широким программам действий, которые дополнялись на местах участиями движений конкретными требованиями. В результате этого процесса народная реформация, давая обоснование различным формам антифеодальной борьбы, способствовала преодолению ее раздробленности и тем самым обрела важное политическое значение.

Самыми распространенными требованиями бюргерской оппозиции, которые, как правило, находили поддержку у значительной части дворянства, были секуляризация церковного землевладения, упразднение католической иерархии и монашества, отказ от пышной обрядности, почитания святых, икон, мощей, от соблюдения многочисленных религиозных праздников. Требования «дешевой церкви», соблюдения принципа бережливости отвечали интересам не только бюргерства, но и зарождающихся предпринимателей нового типа. Национально-политические аспекты этого направления реформационной мысли выражались в стремлении к независимости церковных организаций от Рима, к богослужению на национальных языках.

Степень зрелости бюргерской оппозиции в разных странах определяла различные трактовки коренных проблем общественной жизни, основанные на этико-религиозных учениях Реформации. Для лютеранства были характерны идеи сочетания «духовной свободы» христианина с его обязательной лояльностью к властям, предрежащим — княжеским и городским, и существующему правопорядку. Учения Цвингли и особенно Кальвина допускали право общины на сопротивление властям, если они действуют несправедливо, тиранически. Сходные черты этих протестантских течений, враждовавших между собой и равно борющихся и против католицизма, и против народной реформации, проявились в характерной для них общей судьбе: они сохранили обрядовую сторону религии, со временем в их учениях усилились догматические элементы, возросла нетерпимость к инакомыслящим.

В ряде европейских государств (Англия, часть княжеств Германии, скандинавские страны) феодальные власти сумели воспользоваться реформационным движением в своих интересах и произвели конфискацию монастырских или даже всех церковных земель в пользу светских правителей. Церковь здесь превратилась в орудие государственной власти, укреплявшее ее позиции. Такова «королевская реформация» в Англии, где король подчинил себе в национальном масштабе мало измененную церковную организацию. Сепаратистски настроенное дворянство других европейских стран (некоторые княжества Германии, Франция, Венгрия, Шотландия) в свою очередь пыталось приспособить организацию и тираноборческие идеи кальвинизма для борьбы с абсолютистскими притязаниями.

Европейское реформационное движение прошло в своем развитии несколько этапов. Его началом принято считать 1517 г., когда выступление Лютера с 95 тезисами против продажи индульгенций явилось сигналом для открытого проявления общенародного недовольства католической церковью в Германии. С нарастанием оппозиционного движения в стране сложились различные направления Реформации, выражавшие социально-политические интересы разных классов. Окончательный раскол Реформации выявился в ходе антифеодальной борьбы народных масс в период Крестьянской войны 1525 г. Выступив с резким осуждением крестьян, Лютер сузил социальную опору следовавшего за ним движения и, отражая политическую настроенность немецкого бюргерства, перешел на позиции компромисса с княжеской мелкодержавной властью. Лютеранство было использовано как орудие княжеского сепаратизма и секуляризации церковных земель в пользу князей.

Начавшись в Германии, Реформация быстро вышла за ее пределы, получила широкое распространение и развитие в других государствах Европы, в первую очередь в Швейцарии и Нидерландах. Наряду с реформационным учением Цвингли, которое пользовалось большим влиянием в экономически развитых кантонах Швейцарии и городах Юго-Западной Германии, в антифеодальном крестьянско-плебейском движении стало популярно учение анабаптистов, мятежные действия которых достигли кульминации в создании Мюнстерской коммуны 1535 г. Позже цвинглианство

переродилось в узкопровинциальную разновидность бюргерской реформации, а в анабаптизме усилились сектантские тенденции.

Наибольшего успеха Реформация добилась на следующем этапе развития общеевропейского оппозиционного движения, когда вслед за лютеранством, цвинглианством и анабаптизмом, которые пользовались наибольшим влиянием в 20—30-х годах XVI в., в 40—50-х годах приходит кальвинизм; позднее он стал идеологической оболочкой требований раннебуржуазных революций в Нидерландах и в Англии.

Со второй половины XVI в. знамя Реформации использовали движения, разнородные по социально-политическому содержанию, — от освободительной антигабсбургской и антифеодальной борьбы народных масс в Венгрии и Чехии (с 60-х годов XVI в.) до реакционно-сепаратистских выступлений феодальной аристократии против централизаторской или абсолютистской политики государства («политические гугеноты» во время гражданских войн во Франции, выступления крупных феодалов в центрально-европейских владениях Габсбургов и др.). Наиболее яркое выражение так называемая «дворянская реформация» приняла в Польше, где магнаты и шляхта воспользовались Реформацией для захвата церковных земель и борьбы за «дворянскую республику».

Мощный размах Реформации и происходивших в ее русле и на ее фоне общественных движений, которые в совокупности явились выражением процесса революционных изменений, вызвал сопротивление и общее наступление сил феодально-католической реакции в Европе в середине XVI в., получившее название Контрреформации. На основании решений Тридентского собора, который на свой лад частично использовал практический опыт Реформации, была перестроена и с помощью инквизиции и нового ордена иезуитов укреплена католическая церковь. Создавались международные объединения реакционных сил против антифеодальных и национально-освободительных движений народных масс, для подавления передовых идей. Контрреформация победила в Испании, Италии, Польше, Чехии, части Германии. Позднее Вестфальский мир 1648 г. юридически закрепил провозглашенный в XVI в. принцип: «Чья власть, того и вера», но были зафиксированы конфессиональные границы по состоянию на 1624 г.

Главные результаты Реформации, которая в целом сыграла важную прогрессивную роль, выразились в том, что была сломлена духовная диктатура католической церкви, экономическая основа ее мощи была подорвана секуляризацией ее владений, возникли новые христианские вероисповедания, религиозные общности и церкви, независимые от Рима, являвшиеся в ряде случаев национальными церквями. Создались условия, способствовавшие укреплению светской власти и развитию национальных государств. Реформация способствовала выработке новых подходов к проблемам политики и права, которые со временем стали школой буржуазно-демократических свобод. Церковь и религия были приспособлены к условиям складывавшегося буржуазного общества и оказали воздействие на его хозяйственную и трудовую этику. Реформация способствовала и определенной модернизации католической церкви. В условиях религиозного полицентризма светская наука и культура получила большую возможность для своего свободного развития, распространились рационалистические учения, в том числе обосновывавшие принципы веротерпимости и подготавливавшие последующее распространение деизма. Идеиные споры реформационной эпохи переросли в XVII в. в дискуссии рационалистов и сенсуалистов, расчищавшие путь просветительской мысли XVIII в.

Глава 1

РЕФОРМАЦИЯ
В ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ
ЕВРОПЕ1. ГЕРМАНИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ
И СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ

В начале XVI в. Германия стала главным средоточием антиримского движения и реформаторских настроений. В отличие от централизованных государств Западной Европы, где притязаниям папства был дан отпор, вынудивший курию пойти на уступки королевской власти, в политически раздробленной Германии ситуация оказалась иной. Здесь папы и их основная опора в стране — высший немецкий клир действовали безнаказанно, довели до небывалого уровня церковные поборы и стремились еще больше увеличить свои богатства и влияние после провала предпринятых в XV—начале XVI в. попыток создать общеимперские органы управления, суда, финансов. Грабеж Германии папством и его ставленниками вызывал всеобщее возмущение, обострял обстановку в стране. Она становилась все более напряженной и по другим причинам — в результате нарастания кризисных явлений в различных областях жизни общества.

Развитие элементов раннего капитализма, ускоренное в немецких землях экономическим подъемом конца XV — первых десятилетий XVI в., углубило общественные противоречия. В 1509—1514 гг. по стране прокатилась крупная волна городских восстаний против засилья патрициата. В деревне участились антифеодальные движения и заговоры. Обострились противоречия и между рыцарством и князьями.

Драматическая атмосфера времени сказалась на настроениях масс. Литература и искусство той поры ярко отражают овладевшие широкими кругами народа беспокойство, страх перед непрочностью жизненных устоев, неуверенность в будущем. Огромную популярность обрели астрологические предсказания, пророчества о близящемся конце света, хилиастические ожидания. Состояние народной религиозности стало зеркалом кризисной ситуации.

В этих условиях проблемы реформы церкви выдвигаются на передний план, с ними связываются все сколько-нибудь крупные требования политических и социальных преобразований, причем характер обновления и пути его реализации каждая из основных общественных групп трактовала на свой лад. Разнородная оппозиция могла объединиться лишь на почве идей преобразования церкви и освобождения от притязаний римской курии. Эти общие интересы сумел выразить профессор Виттенбергского университета Лютер. Он развил традиции критики схоластики, римско-католического клира и церковного устройства во главе с папой, пошел дальше своих предшественников и нанес удар по главным догматическим и правовым устоям ортодоксального церковного порядка.

Мартин Лютер (1483—1546) был сыном зажиточного бюргера, выходяца из крестьян, ставшего участником предпринимательских компаний в районе междуречья Эльбы и Лаббы. Лютер окончил Эрфуртский университет, но отказался от путей мирянина, вступив в монашеский орден августинцев. Став доктором богословия, он стремился к устранению «порчи» церкви: в обращении к идеалам Евангелия он видел способ очистить жизнь всего христианского общества. Почву для распространения его идей во многом подготовили своей деятельностью гуманисты.

Возмущенный торговлей «отпущением грехов», поставленной на широкую ногу агентом папы и майнцского архиепископа монахом Тецелем,

Мартин Лютер.
Гравюра работы Л. Кранаха
Старшего. 1521 г.

Лютер в конце октября 1517 г. выступил с 95 тезисами против индульгенций. Это стало началом первого этапа Реформации (1517—1521 гг.): слово и действия Лютера получили широкую поддержку во всех слоях немецкого общества и дали мощный стимул развитию антиримского оппозиционного движения.

В отличие от гуманистов, осуждавших отпущение грехов за плату как характерное злоупотребление церкви и папства, Лютер опровергал саму католическую догму о возможности спасения души лишь при посредничестве католического клира и на основе установленного церковью обряда. В противовес догме и меркантильной церковной практике он подчеркивал значение совести верующего, необходимость для его оправдания глубочайшего раскаяния в грехе, «сокрушения сердца». Лютер считал, что, только дойдя до полного смирения перед Божьей волей, человек, достигший этой мистической «бездны», может обрести спасающую помощь Божьего милосердия, которое несет оправдание, даруя веру.

В тезисах Лютера, еще достаточно противоречивых, уже наметились некоторые первоосновы его учения, принципы которого он углубил и обосновал позднее. Главное место в этом учении принадлежит концепции «трех только»: человек спасается только верой; он обретает ее только через милость Божию, а не вследствие каких-либо личных заслуг; единственным авторитетом в делах веры является Священное писание.

Учение Лютера о спасении верой вело к далеко идущим последствиям. Если оправдание человека свершается по Божьему предначертанию, в полной зависимости лишь от Божьего милосердия, то исключаются роль посредничества католического клира и значение церковной иерархии в судьбах верующих — каждого в отдельности и общины в целом. Теряет смысл существование всей многоступенчатой церковной системы во главе с папой, и лишь личное, интимно-непосредственное отношение верующего к Богу определяет его участь. Возможные результаты этой логики не сразу осознал и сам Лютер.

Он категорически отверг в своем учении каноническое право, которым обосновывались притязания папства и церкви, и перечеркнул авторитет «священного предания». Он осудил все попытки оправдать необходимость этого авторитета как якобы «живого Евангелия», помогающего толковать темный смысл Священного писания. Только само Священное писание содержит истину веры, и оно открыто всем.

Ранняя теология Лютера, еще не систематизированная, стремительно развивавшаяся и полная противоречий, не знающая позднейшей догматизации и схематизации, еще не исключала возможности глубоко демократического истолкования. Она позволяла делать выводы о неподчиненности совести человека любым внешним авторитетам, о праве общин верующих на полную автономию от церковной иерархии и папства. Раннее учение Лютера, получившее вскоре широкую известность не только в Германии,

но и в других странах Европы, оказало мощное воздействие на все последующее развитие Реформации.

Разрушая ортодоксальные представления о церкви и не признавая роли духовенства как высшего религиозного авторитета, Лютер, однако, не подвергал сомнению роль церкви как наставницы людей в религиозной жизни. Он считал, что назначение ее — помочь человеку в достижении смирения, разъяснение Священного писания.

В накаленной обстановке Германии тезисы Лютера, отвечавшие назревшей общественной потребности, за короткий срок обрели феноменальную популярность. Друзья Лютера — гуманисты и члены ордена августинцев — переводили их с латыни и энергично способствовали их распространению.

В феврале 1518 г. Лютер написал объяснение к 95 тезисам, где подчеркивал обязанность верующих повиноваться властям, но указывал, что эта необходимость не распространяется на дела совести. Видный церковный полемист, профессор теологии Экк попытался высмеять тезисы. Лютер впервые обратился в полемике к языку масс, заявив по-немецки, что церковь нуждается в реформе, которая не может быть делом одних лишь кардиналов и папы, — ее недостатки и злоупотребления должны обсуждаться всеми, и притом открыто.

Опасность идей Лютера осознали инквизиторы. Они официально обвинили его в ереси, но канонический процесс двигался медленно. Лютер настаивал на том, что в спорах о христианском учении недопустимо прибегать к отлучению: убеждения нельзя преодолевать насилем, слово может быть побеждено лишь словом. В ответ противники Лютера добились решения о доставке его в цепях в Рим. В дело вмешался, однако, саксонский курфюрст Фридрих Мудрый, решивший поддержать Лютера как своего подданного и воспользоваться его «казусом» в политических целях. Фридрих обещал допрашивать обвиненного в ереси «по-отечески».

Чем дальше разворачивалась борьба, тем большее место в ней начали занимать не вопросы отношения человека к Богу, а проблемы устройства церкви и власти папы. Возрастал и общественный резонанс выступлений Лютера. Важной вехой в истории Реформации стал Лейпцигский диспут Экка с поддерживавшим Лютера преподавателем Виттенбергского университета Карлштадтом и с самим Лютером (лето 1519 г.). Экк утверждал, что Лютер идет в своих заблуждениях по стопам еретиков Виклифа и Гуса, осужденных соборами; Лютер ответил, что в учении Гуса было немало подлинно христианского, а соборы в делах веры могли и заблуждаться. Неслыханное до тех пор отрицание мудрости соборов означало фактический разрыв с ортодоксальной традицией и с Римом. Лютер, однако, лишь укрепился в своих убеждениях, впервые ознакомившись в ту пору с трактатом Гуса о церкви. Сильное впечатление произвела на Лютера и опубликованная Ульрихом фон Гуттенем работа Лоренцо Валлы, разоблачавшая «Константинов дар» как фальшивку. Лютер стал все чаще сравнивать в своих письмах римскую курию с орудием антихриста и даже писал о необходимости меча для исправления ее пороков.

В 1520 г. в самом светском из своих произведений — «К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния» — Лютер предложил программу церковно-политических преобразований. Здесь впервые прозвучал его призыв к немецким сословиям, особенно к дворянству, возглавить антиримское движение и было обосновано учение о «всеобщем священстве», оказавшее революционизирующее воздействие на общественную мысль XVI в. Лютер утверждал, что все миряне обладают таким же правом на священство, каким прежде обладало только католическое духовенство. Он требовал четко разграничивать прерогативы двух властей — светской и духовной, как и сферы действия двух прав — светского, которому он придавал первостепенное значение в обеспечении

порядка, необходимого для христианской жизни, и права церковного. Он обосновывал необходимость секуляризации церковных имуществ и роспуска монашеских орденов; в монастырях следует разместить общественные школы, приюты, госпитали. Стремясь к независимости страны от притязаний папского Рима, Лютер апеллировал к национальным чувствам немецкого народа.

В произведении «О вавилонском пленении церкви» он подверг сокрушительной критике учение церкви о таинствах, признав на основе Священного писания из семи таинств только три (позже — лишь два, крещение и причащение). Отныне компромисс между Лютером и Римом стал невозможным. Новая теология превратилась в знамя общественной оппозиции, ее главные выводы воспринимались массами, не вдававшимися в схоластические тонкости аргументации Лютера, как основание не только для церковных, но и для социально-политических преобразований.

В июне 1520 г. папа Лев X подписал буллу, угрожавшую Лютеру отлучением, если он не отречется от своих заблуждений. В ответ Лютер издал сочинение «О свободе христианина», где подчеркивал, что в вопросах совести христиан не подчиняется никому, в области же внешней, «плотской» свободы гарантами порядка являются существующие власти. Здесь выявлялась бюргерская настроенность Лютера: он рассматривал существовавшую в Германии систему власти князей, обеспечивавшую господство феодальных порядков, как не подлежащую радикальным переменам.

В декабре 1520 г., после того как папская булла вошла в силу и началось сожжение книг Лютера, он ответил публичным символическим актом сожжения одного из экземпляров буллы, а также книги, содержащей основы канонического права. Смелая позиция Лютера, продемонстрировавшая, что власть папы не безгранична, принесла ему огромную популярность в Германии. Он стал национальным героем. Множество типографий печатали произведения Лютера и его единомышленников, сделав реформационные идеи достоянием широких масс.

В апреле 1521 г. на рейхстаге в Вормсе новая попытка заставить Лютера отречься от своих взглядов в присутствии императора Карла V окончилась провалом. Здесь прозвучали знаменитые слова Лютера: «На этом я стою и не могу иначе». По требованию императора на рейхстаге был принят Вормский эдикт, предписывавший преследовать на всей территории Империи поборников новой ереси. На пути из Вормса Лютер по приказу курфюрста Фридриха Мудрого был похищен и помещен в безопасное место — замок Вартбург, где он начал перевод Священного писания на немецкий язык — работу, сыгравшую огромную роль в развитии немецкой национальной культуры.

За время отсутствия Лютера в Виттенберге произошли важные события. Город, ставший центром антиримского движения, был охвачен религиозными спорами. Группа монахов впервые демонстративно вышла из монастыря, чтобы вести обыкновенную трудовую жизнь мирян. Были проведены первые изменения в церковной службе. Поддержанный бюргерством и студентами профессор Карлштадт проповедовал в декабре 1521 г. в светском одеянии и причащал верующих в нарушение католической ортодоксии «под обоими видами». Плата за богослужение поступала на социальные цели; в январе 1522 г. была создана общественная касса, которой распоряжались представители магистрата и общины. Преобразования в Виттенберге стали началом практического осуществления церковно-реформаторских идей Лютера.

Одновременно в Виттенберге произошло выступление связанных с плебейскими слоями города так называемых «цвиккауских пророков» — Н. Шторха и других, переселившихся в Виттенберг после изгнания из Цвиккау. Объявив бесполезной книжную теологическую ученость, они подчеркивали роль «живого Бога», внутреннего откровения, посылаемого

Господом, отрицали привилегии духовенства и крещение детей, еще не способных прийти к вере сознательно, проповедовали равенство «сынов Божьих». В этом народно-реформационном движении закладывались основы будущего анабаптистского сектантства. Под влиянием идей «пророков» в январе 1522 г. совет Виттенберга решил устранить «идолопоклонство», удалив иконы из церквей. Иконоборчество в Виттенберге сопровождалось нападениями толпы на монахов и вызывавших ее недовольство священнослужителей.

Лютер был возмущен столь «плотским» пониманием идей духовной свободы, за которую он ратовал. Опасаясь мятежных действий народа, он по совету своих сторонников и в интересах курфюрста вернулся в Виттенберг и в марте 1522 г. выступил с проповедями против радикального истолкования реформационного учения. Лютер доказывал, что право осуществлять Реформацию принадлежит только государям и магистратам, но не народу. Вскоре он издал «Верное предостережение всем христианам о том, как уберечься от мятежа и возмущения». Развивая идеи покорности княжеским и городским властям, он стал главным выразителем представлений умеренно-бюргерского лагеря Реформации.

Период от Вормского рейхстага 1521 г. до Крестьянской войны (второй этап Реформации) был временем дальнейшей идейной и социально-политической дифференциации реформационного движения. Идеи Реформации пытались использовать в своих целях часть немецкого рыцарства, поднявшаяся на восстание против князей в 1522—1523 гг. под руководством Ф. Зиккингена и потерпевшая жестокое поражение. Реформация дала новые стимулы внутригородской борьбе. Магистраты многих верхнегерманских городов, где, как правило, господствовали олигархические республиканские порядки, поддерживали Реформацию, но стремились вести осторожную политику постепенных церковных преобразований. Значительная часть городского населения требовала, однако, решительных действий. По стране прокатилась волна городских восстаний, в ходе которых громили церкви и монастыри. Такой взрыв открытой борьбы против католического культа привел к усилению репрессий властей против проповедников — сторонников Реформации. Многие из них были вынуждены искать прибежище в Страсбурге, одном из главных центров реформационного движения, в Констанце и других городах на юге страны.

Важным результатом развития городского реформационного движения стало постепенное втягивание в борьбу и сельского населения, поначалу преимущественно в округах небольших городов, особенно тесно связанных с деревней. Массовая основа Реформации продолжала расширяться.

Именно в эту пору начало складываться собственное понимание Реформации у крупнейшего выразителя наиболее радикальных настроений периода Крестьянской войны — Томаса Мюнцера (ок. 1490—1525). Испытав воздействие Лютера и средневековой мистики, идей таборитов и учения Иоахима Флорского, он пошел своим путем. В его взглядах и мечтах о справедливом строе христианской жизни важную роль играли представления о Божьем слове, которое открывается избранным непосредственно, наитием, а не из книг. У Мюнцера формировалась концепция близкого всеобщего переворота, совершаемого самими людьми, ревнителями праведной веры. Весной 1525 г. в связи с событиями Крестьянской войны и жестокими преследованиями инакомыслящих Мюнцер перешел к проповеди насильственной борьбы трудового люда против угнетающих его «безбожных тиранов» — господ и властей, к идее завоевания власти простым народом.

Второй крупнейший центр европейской Реформации образовался в Швейцарии в условиях обострившихся социально-политических противоречий в кантонах и под воздействием идей Лютера. Образованные круги страны были хорошо подготовлены к восприятию этих идей деятельностью

гуманистов, прежде всего Эразма Роттердамского. Выразителем новой реформационной концепции стал швейцарский священник и гуманист-эразмианец Ульрих Цвингли (1484—1531). Еще в 1516 г., до выступления Лютера, он выдвигал отдельные реформационные требования. Произведения Лютера стали и для него школой новой теологии. С 1519 г. Цвингли в Цюрихе перешел к систематической пропаганде собственного евангелического учения, излагая и комментируя Священное писание.

Влияние местных условий и традиций гуманизма на учение Цвингли, его рационализм и убежденность в исключительной роли для верующего примера Христа и деятельного благочестия определили ряд отличительных черт его доктрины, имевшей, однако, немало сходного с лютеранством. Свои основные идеи Цвингли высказал в программных 67 тезисах (1523 г.) и работах «О божественной и человеческой справедливости» (1523 г.), «Об истинной и ложной вере» (1525 г.), а также «Изложение христианской веры» (1531 г.).

Как и Лютер, Цвингли опирался на авторитет Священного писания и отвергал «священное предание», резко критиковал схоластическое богословие, исповедовал принципы «оправдания верой» и «всеобщего священства», идеализировал раннехристианскую церковь. Он не признавал церковную иерархию, монашество, индульгенции, веру в чистилище, поклонение святым, мощам и иконам, отвергал обряды католицизма во многом последовательнее Лютера. Главное богословское различие между ними касалось трактовки таинства причастия, более рационалистическое у Цвингли.

Принципиальные расхождения Лютера и Цвингли были связаны с их политическими позициями. С молодых лет до конца жизни Цвингли, патриот «швейцарского отечества», был решительным сторонником республиканизма, обличителем тирании монархов и князей. Это проявилось в его антигабсбургской пропаганде, оказавшей большое влияние на отношение верхнегерманских городов к Реформации.

Цвингли считал, что Евангелие Христа не направлено против власти, напротив — оно служит ее укреплению, наставляет на путь истинный, объединяя ее с народом «до тех пор, пока власть действует по-христиански», т. е. не вступает в конфликт с требованиями евангелизма. Правители, не соблюдающие этого установления, согласно Цвингли, могут быть смещены, но не путем восстания, а на основе единодушного согласия всего народа. Покорность тиранам Цвингли рассматривал как грех перед Богом.

Цвингли решительно выступал против бедствия Швейцарии — наемничества и иностранных пенсий, осуждал ростовщичество и монополии. Он порицал крепостничество, но радикальные тенденции его учения имели свои границы: он резко осуждал покушения на собственность и в борьбе с анабаптистами утверждал, что обобществление имущества есть нарушение заповеди «не укради». В отличие от Лютера, который разграничивал духовную и светскую сферы, Цвингли признавал роль «божественной справедливости» и в мирской жизни, возможность, а при определенных условиях и необходимость политических и социальных перемен. Обязанность осуществлять их Цвингли возлагал на светскую власть.

В цвинглианской общине пастыри избирались верующими. Жизнь общины и нравы ее членов строго регламентировались, нередко в соответствии с суровыми ветхозаветными предписаниями. Для всего периода деятельности Цвингли в Цюрихе было характерно тесное взаимодействие поновому устроенной общины верующих и выборного городского магистрата. Политический строй в Цюрихе обретал теократический характер. Религиозно-политическое учение Цвингли, более противоречивое, чем лютеранское, было вместе с тем радикальнее него, хотя так же представляло собой разновидность умеренно-бюргерской доктрины. Цвинглианство с его республиканизмом распространилось в 1523—1529 гг. в Швейцарии в

Берне, Сен-Галлене, Гларусе, Базеле, Шаффгаузене, а в Верхней Германии его влияние сказалось в Страсбурге, Ульме, Констанце, Линдау, Меммингене. В швабских городах оно соперничало с лютеранством.

В 1529 г. ландграф Филипп Гессенский, заинтересованный в объединении цвинглианской и лютеранской Реформации, устроил в Марбурге встречу Лютера и Цвингли. Принципиальные расхождения по политическим вопросам (князя как главная опора Реформации у Лютера, городской республиканизм как основа Реформации у Цвингли) оказались в Марбурге лишь фоном для резких различий в богословии — в трактовке таинства причастия. Лютер сохранял средневековое представление о реальном присутствии тела и крови Христа в момент таинства. Цвингли понимал причастие лишь как воспоминание об искупительной жертве Христа и Тайной вечере, как символический знак. Замысел ландграфа не удался: отныне Лютер энергично выступал против Цвингли и его сторонников, добиваясь вытеснения цвинглианства в городских общинах Верхней Германии. Это произошло уже после гибели Цвингли, павшего во время военного конфликта швейцарских сторонников евангелизма с католиками: в 1536 г. на основе разработанного Меланктоном «Виттенбергского соглашения» в городах Верхней Германии утвердилась лютеранская трактовка Реформации.

В развитии Реформации в Германии и Швейцарии важной вехой стал 1526 г., когда по решению Шпейерского рейхстага имперские чины получили возможность до церковного собора действовать в религиозных вопросах по своему разумению, «как если бы они были ответственны только перед Богом и его императорским величеством». Выполнение Вормского эдикта стало необязательным. Евангелические князья и города, принявшие Реформацию, использовали это для укрепления своих позиций.

Широкое развитие получило переустройство школ, в том числе высших; церковные визитации (инспекции) стали частью процесса секуляризации церковных имуществ княжескими и городскими властями и устройства новых земских и городских реформационных церковных порядков. По программе, разработанной Лютером, Меланктоном и их сотрудниками, проверялись убеждения и действия учителей, университетских преподавателей, проповедников, низших церковных служащих. От них требовали строгого соблюдения предписаний лютеровской Реформации, одобренной властями. Первые церковные проверки провели в 1526 г. в Саксонии. Комиссии из теологов и юристов составляли описи церковных имуществ, изучали жизнь общин, особенно воззрения пасторов и учителей. Члены комиссий жаловались на равнодушие народа ко многим различиям старой и новой церкви, на малую образованность духовенства. Одновременно с проверкой церковные имущества предоставлялись дворянству и горожанам, часть их под контролем властей передавалась на содержание проповедников, школ, университетов. Вслед за Саксонией последовали визитации в Гессене и других территориях, а также в имперских городах. Всюду секуляризация, визитации, преобразование школ и университетов в соответствии с реформационными учебными программами, разработанными Меланктоном и его учениками, способствовали усилению власти князей и городских магистратов.

В 1529 г. на Шпейерском рейхстаге Карл V, видевший в этом усилении угрозу своим политическим целям, вновь потребовал строгого соблюдения Вормского эдикта. Большинство участников рейхстага постановили повсеместно восстановить католическое богослужение. В ответ 5 князей и 14 городов заявили протест, утверждая, что в делах веры и совести невозможно подчиняться решению большинства. С этого времени сторонников Реформации стали называть протестантами.

На Аугсбургском рейхстаге 1530 г. была предпринята попытка согласовать конфессиональные доктрины и добиться церковного единства като-

ликов и протестантов. Основы лютеранства и его принципиальные отличия от католицизма и учения Цвингли, а также от резко осуждавшегося анабаптизма, не признающего властей, систематически изложил Меланхтон в «Аугсбургском вероисповедании». Свой вариант исповедания прислал Цвингли, четыре верхнегерманских города представили составленную Бучером «Тетраполитану». Католики, опираясь на каталог выявленных Эком 404 еретических заблуждений протестантов, дали свой ответ — «Конфутацию». Требования отмены результатов секуляризации, угрозы объявить всех препятствующих восстановлению позиций старой церкви нарушителями земского мира были неприемлемы для протестантов. Переговоры провалились.

К середине 1530-х годов падением цитадели анабаптизма — Мюнстерской коммуны завершаются последние «мятежные» выступления в Германии. Движение анабаптистов окончательно переходит на путь сектантства, использующего лишь ненасильственные методы борьбы. Неудачей закончилась и попытка радикализации реформационного движения в Любеке при бургомистре Вулленвере, который был поддержан плебейскими слоями города и выступал в союзе с восставшими крестьянами Ютландии, горожанами Копенгагена и Мальмё. Ганзейский съезд в Гамбурге (1535 г.) закрепил успехи лютеранства в городах союза и подтвердил обязанность властей решительно пресекать проявления анабаптистской ереси. В середине 1530-х годов в основном завершилось утверждение лютеранской Реформации в вестфальских городах и территориях Северо-Восточной Германии (Ангальт, Померания, часть Мекленбурга). Дальнейшие успехи Реформации в этом регионе, где еще в 1525 г. Пруссия превратилась из духовного княжества в светское, были связаны уже с внегерманскими землями, подвластными королям Дании и Швеции.

В странах Северной Европы распространению Реформации содействовало стремление королевской власти использовать ее для усиления монархии. Первые шаги в этом направлении сделал в начале 1520-х годов король Дании Кристиан II. Чтобы подорвать могущество епископов и аббатов, он поддерживал сторонников внутрицерковной реформы, но одновременно способствовал и распространению лютеранских идей, пригласив в Копенгаген теологов из Виттенберга. Иной была его политика в Швеции: стремясь закрепить военной силой господство датчан, король действовал в союзе с высшим католическим клиром и получил поддержку папы, отлучившего его противников от церкви.

Новый датский король Фредерик I (1528—1533) был избран на условии, навязанном клиром: он обещал, что станет бороться с ересью вплоть до применения смертной казни. Вскоре, однако, король пошел дальше своего предшественника в подготовке Реформации. Стремясь к фактической независимости датской церкви от папства, но не допуская пропаганды радикальных идей Реформации, он покровительствовал «датскому Лютеру» — Г. Таусену и другим проповедникам лютеранства, ограничил права епископов, стал передавать в лены дворянам монастыри. Фредерик I выступил против финансовых притязаний Рима в Дании, но на разрыв с ним не отважился.

Лишь при сыне Фредерика Кристиане III (1534—1559) в стране была проведена Реформация на лютеранский лад. Победив в гражданской войне, король в 1536 г. продиктовал свою волю. Католических епископов арестовали, король объявил, что сам будет руководить распространением слова Божьего. И. Бугенхаген разработал новый церковный порядок, одобренный Лютером. Король стал главой реформированной церкви, была назначена удобная ему новая администрация — суперинтенданты (позднее их снова назовут епископами). Их службу оплачивала и контролировала королевская власть. Конфискованные земли духовенства и монастырей увеличили втрое владения короля, составившие более половины земель

страны; во второй половине XVI в. лучшая их часть перешла от короны к дворянам, способствуя росту крупных поместий. Реформация обогатила короля и усилила его власть, изменила структуру класса феодалов, положила и здесь начало государственной лютеранской церкви.

В 1537—1539 гг. «Реформацию по-датски» навязали населению Норвегии, довершив подчинение страны датскому королю. Государственный совет упразднили, земли местного духовенства перешли к королю, католический архиепископ бежал. Норвегия превратилась в бесправную датскую провинцию. Новое духовенство состояло из датчан и немцев, богослужение велось на датском языке, ставшем литературным языком страны, что тормозило развитие норвежской культуры. «Протестантизация» основной массы населения — крестьян, хранителей народных обычаев и разговорного норвежского языка, затянулась на длительный срок. Возросший гнет налогов и оброков способствовал антидатским свободолюбивым настроениям, сплетавшимся с идеализацией прежних «католических» порядков. Со временем, однако, лютеранство укоренилось в стране и оказало значительное воздействие на норвежскую культуру.

В Исландии, входившей в состав Норвегии и подвластной Дании, король воспользовался Реформацией (1539 г.), чтобы искоренить остатки местной самостоятельности. Верность старой церкви стала знаменем оппозиции, которую возглавил последний католический епископ. Датские власти казнили его. В ответ местное население перебило датчан (1551 г.). Карательная экспедиция, посланная Кристианом III, закрепила датское господство на острове, а с ним и новый реформационный порядок.

В Швеции проведение Реформации относится к 1527—1544 гг. В отличие от Норвегии и Исландии здесь высшее католическое духовенство стремилось к унии с датским королем, а сторонники Реформации деятельно участвовали в борьбе за независимость страны. Король Густав Ваза, пришедший к власти в результате этой борьбы, сначала подрывал хозяйственную и политическую мощь высшего клира взиманием крупной денежной «помощи» и иных поставок, а затем откровенно попытался поправить дела короны на основе Реформации. На Вестеросском риксдаге 1527 г., опираясь на дворянство и горожан, он добился признания евангелизма единственно допустимым вероисповеданием. Была произведена секуляризация церковного имущества в пользу государства и дворян. Епископов обязали передать короне замки и крепости, резко сократить свою вооруженную охрану. Церковное имущество, сверх установленного для вознаграждения духовенства, получила казна. Нищенствующие ордена поставили под светский контроль, дворянам передали часть монастырских земель и вернули имущество, подаренное монастырям с середины XV в. В 1539 г. ввели новый церковный порядок: епископат сохранился, но «высшим епископом» стал король, остальные должны были приносить присягу ему, а не папе. Права и обязанности епископов ограничились чисто церковной сферой, их власть урезали в пользу консисторий. Назначение и смещение духовных лиц, проверка их деятельности перешли к королевскому суперинтенданту. В результате Реформации произошло укрепление центральной власти, что способствовало усилению абсолютистских тенденций в Швеции. На первых порах Реформация вызвала восстания части крестьянства и попытки аристократии использовать их в своих целях, но эти проявления массовой оппозиции оказались недолгими. Перевод Библии на шведский язык дал новый стимул развитию национальной культуры.

В Финляндии, входившей в Шведское королевство, Реформация была проведена «сверху» и не вызвала сопротивления, хотя секуляризация церковных земель усилила здесь феодальный гнет. Для финской культуры Реформация стала началом новой эпохи: ученик Лютера и Меланхтона М. Агрикола создал первый финский букварь и перевел на финский язык Евангелие.

Жан Кальвин.
Гравюра XVI в.

Таким образом, пути Реформации в скандинавских странах, имея общие черты, отличались местным своеобразием; результаты ее не были однозначны для судеб разных народов и различных социальных слоев. Королевская реформация, положив начало развитию новых государственных церквей, способствовала усилению раннеабсолютистских тенденций в политической жизни Северной Европы.

Новый этап истории Реформации связан с началом грандиозного контрнаступления католической церкви. Ортодоксальное лютеранство претерпевает дальнейшую догматизацию, что привело к бесконечным, теоретически бесплодным схоластическим дискуссиям. Подлинное развитие реформационной мысли и энергичное воплощение новых идей на практике сумел осуществить Кальвин, учение которого позже было использовано как основа выраженных в религиозной форме требований Нидерландской и Английской буржуазных революций.

Жан Кальвин (1509—1564) родился в Нуайоне (Северная Франция) в семье юриста, секретаря епископа, получил юридическое образование в университетах Буржа и Орлеана, испытал, живя в Париже, влияние гуманистических идей Эразма Роттердамского и Лефевра д'Этапля. В 1534 г. он порвал с католицизмом, вскоре был вынужден бежать из Франции и в 1536 г. обосновался в Женеве, крупном торговом и банковском центре, где утвердилось цвинглианство и куда бежали от преследований протестанты из разных стран, в частности из Франции. В том же году Кальвин издал свой главный труд «Наставление в христианской вере» (окончательный текст относится к 1559 г.). Новое реформационное вероучение Кальвин противопоставил католицизму и анабаптизму, гуманистам и лютеранам. От Лютера и Цвингли его отличал дар систематизатора: кратко, с исключительной логичностью он изложил свою доктрину.

Одно из центральных мест в теологии Кальвина занимает учение о двойном предопределении. Кальвин утверждал, что Бог в своем абсолютном предвидении еще до сотворения мира предназначал каждому его участь: одним — вечное проклятие, другим, избранным — вечное блаженство. Изменить этот приговор человек не в силах никакими заслугами: для Бога они не имеют цены, он «никому ничего не должен». Природа человека вследствие первородного греха полностью испорчена и сама по себе склонна лишь к злу, но по неизреченной милости Господней ему даруется вера в Бога; Бог действует как сила, побуждающая к добру или оставляющая людей во власти греха, когда это отвечает замыслу Божьему. Такое понимание человека должно было бы порождать фатализм, но Кальвин теологически обосновывает исключительную активность личности. Бог как бы дает человеку некий знак, позволяющий понять, верно ли человек исполняет свое «призвание» (это понятие не идентично профессиональной деятельности, но может и совпадать с ней): критерием оказывается успех или неуспех. Человек должен всеми силами добиваться успеха своих начи-

паний. Кальвин теологически санкционировал религиозно-нравственные стимулы энергичной деятельности индивида, его волевой закал, способствовавший, в частности, духу предпринимательства ранней буржуазии.

Лютер развивал этику труда, отвечавшую интересам бюргерства и противостоявшую оправданиям праздности привилегированных феодальных сословий («человек рожден для труда, как птица для полета»). Кальвин, подчеркивая, что труд — долг человека, выступал за сокращение числа праздничных дней, за уничтожение праздного монашества и т. д. Оба реформатора нравственно возвышали труд.

Решительнее Лютера Кальвин оправдывает накопительство: прибыль — дар Бога, хотя и испытание для человека. Строжайшая бережливость, расчет, энергия — типичные добродетели предпринимательства — необходимы при «служении», к которому призван человек; если оно связано с капиталом, он должен расти, а не умаляться. Беднякам предписываются смирение в испытаниях и добросовестность в самом тяжелом труде. Признает Кальвин и возможность рабства. Все это было созвучно потребностям зарождавшейся буржуазии.

В своем политическом учении Кальвин подобно Лютеру и Цвингли рассматривает государство как установление Бога, но подчеркивает и обязанности правителей в служении обществу. Еще резче, чем Цвингли, он отстаивает право общины на сопротивление тирании, не дающей избранным выполнять христианский долг. Правом сопротивления обладают лишь представительные органы общины; только исчерпав все ненасильственные средства, они могут призвать христиан к открытому неповиновению вплоть до свержения тирана. Наилучшим строем Кальвин считал олигархическую республику. Теоретически он разделял сферы государства и церкви, но на практике в Женеве, где Кальвин с 1541 г. до конца своих дней руководил действиями магистрата, установился режим теократического типа со строжайшим надзором за поведением и образом мыслей граждан, систематическими инспекциями частных жилищ и суровыми наказаниями за преступления против нравов и веры. Ослушников изгоняли из города, их казнили. Нетерпимость Кальвина к инакомыслящим снискала ему прозвище «женевского папы». Важное значение для Реформации имело созданное Кальвином новое церковное устройство, принципиально отличное от католической иерархии. Община избирала и контролировала своих руководителей. Вопросы догмы обсуждали собрания пасторов (конгрегации), делами нравственно-религиозного назидания ведали в консисториях пресвитеры и министры. Формально-юридическое равенство при выборах прикрывало реальное влияние в общине наиболее состоятельных людей.

По мере развития Реформации она становилась все более многообразной по направлениям, течениям, сектам, группам верующих. Обеспечив уничтожение монополии Рима в церковно-религиозной сфере и установление в Западной Европе плюрализма церквей и других религиозных общностей, Реформация способствовала крупному шагу вперед в утверждении принципов, характерных для складывающегося буржуазного общества. Ее результаты были, однако, крайне противоречивы. В Германии, на родине Реформации, Аугсбургский религиозный мир 1555 г., заключенный после победы протестантских князей в войнах с императором Карлом V, закрепил успехи не только протестантизма, но и княжеской власти. Утвердившийся принцип «Чья власть, того и вера» упрочил суверенитет князей и их право определять религию подданных. Лютеранство было признано официальным вероисповеданием, результаты секуляризации подтверждены. Власть территориальных князей усилилась. Одержав крупные идеологические победы, Реформация в то же время содействовала дальнейшей политической раздробленности Германии. Формирование противостоявших другу другу военно-конфессиональных союзов привело к тяжелейшим для народа бедствиям Тридцатилетней войны.

2. АНГЛИЯ

В отличие от Реформации в Германии и ряде других стран континентальной Европы, где разрыв с папством и образование национальных церквей произошли в результате массового народного движения, английская Реформация совершилась при активном участии абсолютистского государства и поддерживавших его правящих классов.

В многочисленных сочинениях английские публицисты — последователи Лютера — требовали подчинения церкви королевской власти, прекращения любой зависимости от папского Рима, конфискации церковных богатств. Реформаторы выражали интересы буржуазии и нового дворянства, поддерживавших абсолютизм Тюдоров. Трактаты Тиндала и его сторонников содействовали созданию политической атмосферы, благоприятствовавшей Реформации. Правительство Генриха VIII в полной мере воспользовалось результатами антиклерикальной полемики реформаторов.

Деятели английской Реформации У. Тиндал, М. Кавердал, Т. Кранмер, Х. Латимер, составлявшие первоначально небольшую группу ученых в Кембридже, начинали с чтения Нового завета в переводе и с комментариями Эразма, но вскоре их увлекло учение Лютера.

Тиндал после тщетной попытки издать на родном языке Новый завет в переводе с греческого оригинала в 1524 г. отправился в Германию, где и опубликовал свой перевод, который вскоре, несмотря на все противодействие властей, стал распространяться в Англии. Затем Тиндал приступил к переводу Ветхого завета непосредственно с древнегреческого и древнееврейского в отличие от Библии Уиклифа, переведенной с латинского текста Вульгаты¹. Над переводом Библии Тиндал работал вплоть до своей трагической гибели на эшафоте в 1530 г.

Значение капитального труда Тиндала для истории английской культуры очень велико. Язык его Библии отличался замечательной простотой, ясностью, выразительностью и благородством стиля. Перевод Тиндала — труд не только ученого, но и поэта, искусно владеющего словом и речевыми ритмами, исполненными мощи и красоты народной речи; он оказал серьезное влияние на английскую литературу — от Спенсера и Шекспира до Рескина и Ньюмена.

В 1534 г. на основании Акта о верховенстве Генрих VIII принял титул главы церкви Англии. Это означало разрыв с Римом и прекращение зависимости английской церкви от папы; поводом стало бракоразводное дело Генриха VIII: папа, главным образом по политическим соображениям, отказался удовлетворить требования английского короля. Политика абсолютизма, направленная на разрыв с папством и подчинение церкви государству, была поддержана так называемым Реформационным парламентом 1529—1536 гг.: прекращалась выплата Риму церковных налогов, запрещалась апелляция к папе, высшей церковной судебной инстанцией провозглашались архиепископ Кентерберийский и король. Король получал право назначать епископов, инспектировать церковь, искоренять всякого рода ереси и неуважение к властям. Титул главы церкви позволил Генриху VIII произвести секуляризацию земельных владений монастырей в пользу казны, способствовавшую обогащению нового дворянства и формирующейся буржуазии. Английская Реформация, осуществленная абсолютистским государством, обнаруживает преобладание политических, финансовых, по существу классовых мотивов, всецело определявших церковно-иде-

¹ Вульгата — официально утвержденный католической церковью, как единственно правильный, текст Библии, переведенной св. Иеронимом в начале V в.

ологическую политику Тюдоров. Подчинение английской церкви светской власти не затрагивало собственно религиозных вопросов: ни культ, ни догматика не изменились, и по форме, и по существу исповедуемая в стране религия оставалась католической.

Столь ограниченные результаты Реформации при Генрихе VIII не могли полностью удовлетворить развивающуюся английскую буржуазию и новое дворянство. Их стремление к дешевой церкви выражалось в распространении в Англии идей протестантизма в форме лютеранства и кальвинизма. При Эдуарде VI (1547—1553) и его дяде и опекуне — герцоге Сомерсетском были предприняты попытки реформировать и упростить церковный обряд. В соответствии с идеологией Реформации повышалось значение мирян при богослужении, совершаемом отныне на английском языке.

Крупным деятелем английской Реформации при Генрихе VIII и Эдуарде VI был архиепископ Кентерберийский — Томас Кранмер (1489—1556). При его участии была подготовлена реформа церковного культа и выработана доктрина англиканской церкви. Первый парламент Эдуарда VI (1547 г.) открылся мессой на английском языке; с 1549 г. вводился молитвенник, составленный Кранмером, с новым порядком богослужения. Компромиссный характер английской Реформации выражал нежелание подчеркивать разногласия с католицизмом. Однако в новом издании молитвенника Кранмера (1552 г.) идейные и политические расхождения с католицизмом проявляются более отчетливо. Опубликованные Кранмером в 1553 г. 42 статьи изложения и объяснения символа веры английской церкви, соединившие отдельные положения лютеранского и кальвинистского вероучения, становились документом, обязательным для всех англичан.

Проповедники реформационных доктрин, прибывавшие с континента в конце 40-х годов XVI в., вели активную пропаганду в университетах Англии. Идея протестантизма пользовалась поддержкой некоторой части английского высшего духовенства. При всем равнодушии к тонкостям религиозной доктрины сторонниками Реформации стали многие представители английской знати и джентри, заинтересованные в секуляризации церковной собственности, начатой при Генрихе VIII и продолженной при Эдуарде VI. В 1547 г. последовал Акт о ликвидации часовен. Средства от секуляризации часовен оказались в руках буржуазии и нового дворянства; часть их была израсходована на учреждение грамматических школ.

Радикально настроенная буржуазия и плебейские слои английских городов были заинтересованы в более решительной перестройке церкви на демократических началах и освобождении от остатков католицизма. Среди беднейших слоев крестьянства и городского плебейства все еще сохранялись традиции лоллардов, на основе которых складывались народные течения Реформации. Крестьянско-плебейское течение в XVI в. было представлено сектантскими движениями лоллардов и анабаптистов, отстаивавшими идеи социальной справедливости и равенства. Правительство Тюдоров сурово их преследовало. После разгрома Мюнстерской коммуны, обнаружившей всю опасность и враждебность анабаптистской ереси существовавшим социальным порядкам и властям, с середины 30-х годов XVI в. репрессии против анабаптистов становились еще более жестокими. Анабаптисты рассматривались как самые опасные еретики, не заслуживающие снисхождения. Их бросали в тюрьмы, публично сжигали на кострах.

Сторонниками прежних церковных порядков оставались феодальная аристократия, не умевшая приспособиться к новым условиям ведения хозяйства, и часть крестьянства, страдавшего от огораживаний.

Наступление феодально-католической реакции в царствование королевы Марии ознаменовалось восстановлением в стране католицизма и жестокими преследованиями протестантов. Казни видных деятелей Реформа-

ции — архиепископа Т. Кранмера, Х. Латимера, Н. Ридлея и их сторонников — дали основание протестантам прозвать Марию Кровавой.

Воцарение другой дочери Генриха VIII — Елизаветы означало победу протестантской знати. Елизавета I восстановила в стране протестантизм в его умеренной англиканской форме. В 1559 г. парламент подтвердил верховенство короны в делах церкви. В реформированной англиканской церкви по-прежнему сохранялся епископат. Право назначения епископов оставалось прерогативой королевской власти.

Правительство Елизаветы издало суровые законы против католиков. Переход из протестантизма в католицизм приравнялся к государственной измене. Королева провозглашалась Верховным правителем церкви Англии. В соответствии с Актом о единообразии устанавливалась единая форма богослужения на английском языке на основе молитвенника 1549—1552 гг. В 1571 был выработан английский символ веры из 39 глав, в котором католические догматы сочетались с кальвинистскими. Компромиссный характер елизаветинского церковного устройства выражался не только в одобрении молитвенника 1552 г., но и в ряде уступок католицизму (например, в облачении священников, украшении церкви и т. д.).

Недовольство буржуазии и нового дворянства умеренным характером английской Реформации нашло выражение в распространении пуританизма — этой своеобразной формы кальвинизма в Англии XVI—XVII вв. В 50—60-е годы XVI в. пуритане открыто выступали против государственной епископальной церкви, противопоставляя ей демократическое устройство церкви, управляемой выборным духовенством. Пуритане решительно осуждали роскошь, праздность, развлечения, ратовали за бережливость, умеренность, предприимчивость в делах. Идеи пуритан выражали настроения наиболее активной части английской буржуазии и нового дворянства, формируя своеобразную этику эпохи раннего капитализма.

Воцарение Елизаветы I внушало пуританам надежду на дальнейшие реформационные преобразования и способствовало отказу от недавних радикальных требований и тираноборческих настроений. Однако церковная политика Елизаветы не оправдала этих надежд. Королева объявила: «Английская церковь вполне достаточно очищена, и никакого дальнейшего очищения уже не требуется». На пуритан обрушились репрессии, но преследования не могли помешать распространению кальвинистских идей. Пуританское движение в Англии приобретало все более активный характер. В конце 1571 г. пуританские публицисты Дж. Филд и Т. Уилкоккс выступили с памфлетом «Предостережение парламенту», в котором решительно защищали проект создания в Англии кальвинистской церкви и настаивали на упразднении епископата как непременном условии «идеального состояния» и «процветания» государства. Эти требования получили дальнейшее обоснование в памфлете Т. Картрайта «Второе предостережение парламенту». Пуританский проект кальвинистского церковного устройства получил наиболее завершенное выражение в «Книге дисциплины» У. Траверса и Т. Картрайта. Это была программа реорганизации церкви, отвечавшая интересам наиболее передовых слоев джентри и буржуазии, составлявших пуританскую оппозицию в Англии в 70-х годах XVI в. «Книга дисциплины» пропагандировала церковное устройство по образцу общин в Женеве. Демократизм и республиканизм предлагаемого пуританского церковного устройства благодаря системе выборов давал возможность наиболее богатым и влиятельным членам общины занять основные должности в приходах и сосредоточить всю полноту власти в общине.

С середины 80-х годов XVI в. пуританская антиправительственная оппозиция переросла в широкое общественное движение джентри и буржуазии, пользовавшееся поддержкой парламента. Представители левого, радикального течения пуритан — индепенденты ратовали за полное отделение церкви от государства, полагая, что даже сам монарх, как христианин,

«должен подчиняться церкви». В многочисленных индепендентских трактатах и памфлетах, требовавших решительных преобразований церкви, намечалась отчетливая антиабсолютистская тенденция демократизации государства. Дабы церковное и государственное устройство было справедливым, народ, по мнению индепендентов, должен сам выбирать своих проповедников и магистратов. Вожди индепендентов настаивали на создании независимых общин верующих, стремясь к максимальной республиканизации церковного строя, что неизбежно предполагало республиканизацию государственного строя. Идеологи индепендентского течения в пуританстве выражали настроения мелкой и средней городской буржуазии, а также мелких и средних джентри и йоменов. В XVI в. движение индепендентов с их политическим радикализмом оставалось малочисленным. Противников индепендентов — пресвитериан, предпочитавших умеренный кальвинизм, поддерживали крупная буржуазия и богатое новое дворянство.

Недовольство буржуазии и джентри англиканской церковью, контролируемой феодально-абсолютистским государством, и наметившийся к середине 80-х годов XVI в. перелом в пуританском движении, перераставшем из внутрицерковного в широкое социальное движение против абсолютизма, способствовали дальнейшей радикализации политических взглядов английских пуритан. Менялся характер пресвитерианства; нерешительный протест против англиканской церкви перерастал в антиправительственную оппозицию, что неизбежно вело к разрыву пресвитериан с правительством.

В условиях кризиса абсолютизма на рубеже XVI—XVII вв. и особенно в эпоху Стюартов начинается новый этап интенсивного развития пуританского движения, вступающего на революционный путь. По мере углубления процесса социального размежевания в этом движении возникали различные направления, позднее превратившиеся в политические партии. Пуританская идеология, сформировавшаяся в XVI в. в виде двух течений — пресвитерианства и индепендентства, была выражением первого глубокого идейно-политического конфликта буржуазии и нового дворянства, с одной стороны, и абсолютизма — с другой, вызванного половинчатым характером английской Реформации. В XVII в. пуританизм стал идеологией, объединявшей религиозную и политическую оппозицию абсолютизму.

3. ФРАНЦИЯ

Реформация во Франции была одной из сторон кризиса средневекового христианства как социально-политической и религиозной системы, одной из фаз перехода от ритуальной коллективной религиозности средневековья к более духовной и индивидуальной религиозности в преддверии нового времени.

Франция не стала центром предреформационного брожения. По развитию городской жизни и раннекапиталистических отношений она не являлась передовой страной. Галликанская церковь XV в. была в большей степени интегрирована в социально-политическую систему сословной монархии, чем во многих других странах. Наконец, Сорбонна — столица средневековой теологии — слишком доминировала в интеллектуальной жизни страны, что сокращало возможности развития оппозиционных концепций.

Однако новые тенденции духовного развития зарождались и во Франции, в значительной мере под влиянием развитого Бургундского государства, в которое наряду с Нидерландами входили северо-восточные и восточные области Франции. XV век был временем оживления религиозности повсеместно возводились часовни, широко распространялись новые культы — например, культ страстей Христовых, Богоматери с четками. В этих культах заметны стремление к индивидуальным религиозным размышлениям и молитвам, элементы мистицизма, трагическое видение мира

и осуждение человеческой природы. Популярная в искусстве и литературе тема смерти также характерна для религиозно-психологического климата предреформационной эпохи.

Важными предпосылками Реформации были заметный рост уровня образованности: за XV век число грамотных увеличилось вдесятеро, расширилось книгопечатание. В последней трети XV в. во Франции появляются первые гуманистические кружки. Гуманистическая культура способствовала развитию интеллектуальной независимости и обновлению религиозной мысли. Книгопечатание создавало возможности для воплощения такой важнейшей черты новой религиозности, как индивидуальное общение с Библией: между 1475 и 1517 гг. в Париже вышло не менее 16 изданий Вульгаты, появились издания дешевых листков с религиозными текстами.

В этих условиях в некоторых гуманистических кружках начали высказываться идеи, весьма близкие к реформационным. Наиболее значительный из таких кружков сложился вокруг известного гуманиста Лефевра д'Этапля, который уже в 1512 г. сформулировал главное положение Реформации — об оправдании верой. Члены кружка, принадлежавшие к интеллектуальной и социальной элите, пользовались покровительством сестры короля Франциска I — Маргариты Ангулемской, позднее королевы Наваррской. Один из них — Гийом Брисонне, назначенный в 1516 г. епископом Мо, генеральным викарием которого вскоре стал Лефевр д'Этапл, поощрял в своем диоцезе культ Христа, внедрял французский язык в литургию, распространял среди пастырей французские переводы Евангелия, проповедовал возврат к заветам раннехристианской церкви. Однако враждебность парламента и Сорбонны положили этому конец, и Лефевр д'Этапл провел остаток жизни в далеком Нераке под защитой Маргариты Наваррской.

Такова почва, на которую пали семена лютеранской проповеди. Быстрое превращение лютеранской Реформации в явление общеевропейского значения придало развитию религиозной жизни во Франции несколько иное направление, а французской Реформации — значительно более интенсивную политическую окраску.

Проишествия Лютера очень быстро становились известными во Франции. Однако первые общины его последователей в 20—30-е годы во многих крупных городах королевства были невелики и разобщены.

Правительство Франциска I не без сочувствия относилось к идеям гуманистов о религиозном обновлении и очищении церкви, но ему приходилось считаться с консервативной позицией парламентов, Сорбонны и большей части клира, активно выступавших против французских и иноземных реформаторов. В 1523 г. во Франции был впервые сожжен проповедник-реформатор, а с середины 30-х годов гонения ужесточились. Изменение в политике правительства было вызвано радикальными выступлениями анабаптистов в Германии, дерзкой пропагандой французских протестантов (в 1534 г. их листовки были обнаружены в апартаментах короля в Фонтенбло). Становилось все более очевидным, что протестантизм имел тенденцию создать собственную церковную организацию. Речь шла уже не об очищении веры, но о расколе церкви. Королевская власть должна была выбирать между союзом с католической церковью и борьбой с нею. Среди государственных деятелей XVI в. достаточно прочным было понимание того, что религия является орудием социального порядка, а нарушение единства веры чревато социально-политическими потрясениями. Во Франции традиции союза королевской власти с католической церковью были весьма устойчивы. Французские короли основывали свой престиж во многом на положении «старших сыновей церкви», которых официальная доктрина и народное поверье наделяли даром чудотворного врачевания. Все это определило выбор правительства. Гонения на протестантов особенно

усиливаются в правление Генриха II (1547—1559), когда при Парижском парламенте была создана Огненная палата — специальный трибунал по борьбе с ересью. Середина столетия — время решительного размежевания католицизма и протестантизма и подготовки их столкновения в общеевропейском масштабе. Наряду с Нидерландами Франция стала главной ареной этого столкновения.

К этому времени, несмотря на гонения, французский протестантизм значительно окреп. В 30—40-е годы во Францию проникали идеи швейцарских реформаторов, в первую очередь Кальвина, который по мере упрочения своей власти в Женеве в 50-е годы начинает организацию планомерной пропаганды во Франции. В женевском окружении Кальвина было немало французов, и в первую очередь его ближайший сподвижник Теодор Беза, «канцлер французской Реформации». Тайная печатная пропаганда кальвинистов, организовавших во Франции подпольные типографии, сочеталась с широкой рассылкой пасторов по стране. Ряды французских кальвинистов быстро росли, хотя многие внешне сохраняли верность католицизму.

Успехи кальвинизма в конце 50-х годов были во многом определены политической конъюнктурой, ибо кальвинизм в условиях назревавшего социально-политического кризиса оказался удобным знаменем для недовольных. В социальном плане между католической и протестантской партиями не было существенных различий. Реформация во Франции не была связана с определенным социальным слоем. Дворянство оказалось расколотым по религиозному признаку: кальвинизм принимали обиженные двором или вступившие в клиентелу протестантского принца дворяне. Приверженцы новой веры имелись и во всех слоях городского населения, причем, помимо религиозных причин, распространению кальвинизма, особенно успешному в южных и юго-западных городах, способствовали сепаратистские тенденции. Юг Франции был старым центром еретических движений, к тому же его завоевание северофранцузским католицизмом в XIII—XIV вв. было довольно поверхностным. Протестанты составляли значительное меньшинство из-за слабой вовлеченности в движение основной массы населения королевства — крестьянства, но в среде дворянского и городского сословий их позиции были достаточно сильны.

Периодом наиболее быстрого роста рядов французских протестантов явились 60-е годы XVI в. Рассчитывая на скорое торжество «истинной веры» в королевстве, кальвинисты открыто оскорбляли религиозные чувства католиков, в среде которых нарастающее ощущение угрозы со стороны «еретиков» порождало ответные вспышки религиозного фанатизма, имевшего прочную основу в социальной психологии эпохи с характерными для нее массовыми страхами и склонностью к социальному насилию. Принадлежность к той или иной вере во многом определяла структуры социального общения, и поэтому распадение Франции на две противостоявшие друг другу партии как бы подкреплялось повседневым опытом массы населения. Взаимной агрессивностью способствовало и широко распространенное убеждение в том, что именно иноверцы повинны во всех бедах, обрушившихся на тот или иной народ, который Господь тем самым карает за грехи еретиков. Естественно, что по мере углубления социально-политического кризиса возрастал и религиозный фанатизм. Это во многом определило затяжной характер религиозных войн (см. ч. II, гл. 2).

Рост рядов кальвинистов был приостановлен лишь психологическим шоком, вызванным событием Варфоломеевской ночи. Отнюдь не сложив оружия, гугеноты тем не менее утратили надежды на победу Реформации в королевстве и добивались в первую очередь свободы отправления культа, гарантированной сохранением их политической организации. Лишь в конце 80-х — начале 90-х годов XVI в. перспектива воцарения гугенота Генриха Наваррского поставила под вопрос сохранение во Франции господства католической церкви, что немедленно вызвало новые вспышки

религиозного фанатизма, проявившиеся в терроре Парижской лиги. Но переход Генриха IV в католицизм окончательно продемонстрировал, что протестанты во Франции могли претендовать лишь на положение религиозного меньшинства. По мере преодоления политического кризиса и укрепления абсолютизма реформационное движение во Франции лишалось той базы, которой для него временно стала антиправительственная оппозиция.

В результате религиозных войн во Франции сложилась уникальная для Европы религиозно-политическая ситуация, зафиксированная Нантским эдиктом, — сосуществование двух религий в королевстве с высокой степенью политического единства. Показательно отношение к протестантам Ришелье, сломившего их политическую организацию, но сохранившего свободу культа. В XVII в. происходит постепенное разделение политического и религиозного элементов французской Реформации. Многие дворяне-гугеноты вернулись в лоно католической церкви. Основную массу протестантов составляли теперь горожане, лояльные к правительству. Однако отношение католического населения и влиятельного клира к протестантскому меньшинству было враждебным; по мере политического ослабления Реформации правительство все более склонялось к политике религиозной нетерпимости, восторжествовавшей в 70—80-е годы и увенчавшейся эдиктом в Фонтенбло 1685 г., который отменял Нантский эдикт и запрещал во Франции протестантский культ.

Наряду с политическими обстоятельствами важнейшей причиной упадка французского протестантизма было мощное движение обновления католицизма на грани XVI—XVII вв., сочетавшееся с систематическим контрдавлением на реформационную церковь.

Контрреформация началась во Франции еще в годы религиозных войн: в королевстве активно действовал орден иезуитов, лишь временно изгнанный при Генрихе IV, имел место и разгул католического фанатизма. Поздним проявлением Контрреформации явилась и постепенная ликвидация кальвинизма в XVII в. Вместе с тем во Франции не была введена инквизиция, а еретиков судили королевские трибуналы, пока Нантский эдикт не прекратил преследований протестантов. Не были во Франции официально приняты и постановления Тридентского собора, хотя в 1615 г. генеральная ассамблея клира выразила солидарность с ними. Но даже и галликанская церковь не во всем разделяла позицию папства. Между французской короной и римской курией в XVII в. сохранялись сложные отношения, и на международной арене Франция нередко выступала в союзе с протестантскими государствами, что отчасти определило временную терпимость к гугенотам. В итоге Контрреформация не получила во Франции такого размаха, как в других государствах.

Поддерживаемая монархией, галликанская церковь в целях укрепления своих позиций стремилась к духовному и организационному обновлению. Тяжелейший морально-психологический кризис гражданских войн вызвал значительное усиление религиозных чувств. Охватившее светское общество религиозное рвение явилось фоном реформы церкви.

Под влиянием проповеди Франсуа де Саля о божественной благодати, побуждавшей людей творить добрые дела, в начале XVII в. распространяется благотворительность, создаются различные благотворительные организации. Ревностными мирянами было организовано также тайное «Общество святых даров», ставившее своей целью всевозможное содействие церкви и вскоре превратившееся во влиятельную политическую мафию («заговор ханжей»).

Одновременно создавались новые и реорганизовывались старые монашеские ордена. Так, были реформированы многие бенедиктинские монастыри, часть которых объединилась в конгрегацию св. Мавра, известную строгостью устава и эрудитскими изысканиями своих членов. Во Франции вво-

Варфоломеевская ночь. Картина работы Ф. Дюбуа. Ок. 1575—1580 гг. Лозанна, Кантональный музей изящных искусств.

дится и вскоре приобретает широкую популярность орден кармелиток. Монашеские ордена, особенно капуцины, не ограничиваются укреплением внутренней дисциплины, но и ведут миссионерскую деятельность в королевстве, пытаясь поднять авторитет церкви в массах. Венсан де Поль основал специальный орден Миссии, целью которого была организация религиозного просвещения и системы благотворительности в сельской местности. Но более всего делом религиозного просвещения занимались иезуиты, покрывшие страну сетью колледжей, крупнейшим из которых был Клермонский.

Не менее активно проводилась и реформа клира. В 1611 г. Пьер де Берюль создал конгрегацию Оратории, которая в педагогической и ученой деятельности соперничала с иезуитами. Повсеместно появляются епископы-реформаторы, энергично добивавшиеся в своих диоцезах соблюдения клиром дисциплинарных требований Тридентского собора. Создаются многочисленные семинарии, ведущие подготовку приходских священников. Наиболее знаменитой из них была парижская Сен-Сюльпис. В итоге к середине столетия на смену привычному средневековому типу сельского священника, полуграмотного, погрязшего в мирских заботах и даже редко носящего рясу, выступает новый тип достаточно подготовленного, деятельного, хранящего пастырское достоинство и оказывающего немалое влияние на верующих хозяина прихода.

В результате этого влияние церкви во Франции XVII в. значительно возросло: традиции полужизической народной религиозности средневековья постепенно изживались; письменная культура, распространяемая церковными преподавателями, вытесняла устную смеховую культуру масс.

Несмотря на догматическое размежевание с протестантизмом, католицизм XVII в. испытал его значительное влияние, что проявилось в первую очередь в признании необходимости внутреннего благочестия. Но между католической и протестантской религиозностью сохранялись и весьма существенные различия, главным из которых был относительный оптимизм официального католицизма. В XVII в. в католической церкви складывается особое, янсенистское движение, более близкое протестантизму, чем официальный католицизм. Находившиеся под влиянием теологии Августина богословы утверждали, что необходимая для спасения благодать достигает своей цели безусловно, независимо от усилий человека. Иезуитские же теологи, усматривая в августинизме опасную близость с кальвинистским догматом о предопределении, полагали, что благодать создает лишь возможность для спасения, осуществление которой зависит от свободной воли человека.

В XVII в. новое благочестие подготовило условия для восприятия во Франции августинской теологии. Многие ревностные католики находили неуместным оптимизм торжествующей церкви и склонялись к более пессимистической оценке человека, общества и государства. Это движение уже вполне сформировалось в 30-е годы, когда оно получило название «янсенизм» по имени лувенского теолога епископа Ипра Янсения, автора трактата «Августин», в котором с наибольшей полнотой было изложено его учение (1640 г.).

«Августин» вызвал бурную полемику между иезуитами и янсенистами. В ней принял участие Блез Паскаль, которого «Письма провинциала» выдвинули в первые ряды янсенистских публицистов. Путем долгих интриг в Риме иезуиты добились в 1653 г. осуждения янсенизма, но он был слишком распространен в высшем французском обществе и клире, чтобы папское осуждение и враждебность Мазарини, видевшего в нем своего рода религиозную Фронду, могли с ним покончить. Правление Людовика XIV было наполнено конфликтами с янсенистами.

Янсенизм представлял собой своеобразное проявление обновленного католицизма XVII в., в духовном отношении во многом смыкающегося с протестантизмом.

4. ДВИЖЕНИЯ ЗА РЕФОРМУ ЦЕРКВИ В ИТАЛИИ

Реформация в Италии имела свои особенности: в ней возникли собственные религиозно-философские учения, отличные от лютеранства и кальвинизма. Движение и здесь носило антифеодалный характер, вызвав в разных слоях общества многообразные реформационные течения и ереси. В стране возникло и движение, шедшее изнутри церкви как ответ на протест масс. Оно ставило целью укрепление церкви в интересах господствующего класса и проведение «католической реформы» сверху, приверженцы которой группировались вокруг Совета по улучшению церкви, кружков кардиналов Контарини, Пола, Бембо и др. Ратуя за дисциплину и моральное очищение клира, они добивались отмены некоторых привилегий духовенства, ограничения произвола папы Римского, обновления церковных институтов и восстановления их пошатнувшегося влияния в народе. Несмотря на некоторое сходство с программой Реформации, движение за «католическую реформу» было по своим задачам чуждым Реформации; хотя отдельные его сторонники подверглись гонениям со стороны инквизиции, это не могло изменить сути самого движения.

Собственно реформационное движение, отвечавшее интересам ранней буржуазии, части крестьян и горожан, оказалось в Италии не столь мощным и широким, как в Германии и Швейцарии. Подъем его пришелся на вторую половину 30-х — начало 40-х годов XVI в., когда в ряде стран

Европы уже возникли протестантские вероучения. Это усилило распространение антикатолических настроений в Италии и в то же время позволило итальянцам в какой-то мере учесть и позитивный и негативный опыт европейской Реформации. Однако движение в Италии имело свои, достаточно глубокие корни и генетически было связано с более ранними религиозными исканиями. Там рано возникли условия для секуляризации философской и социальной мысли, сложились предпосылки для критики церкви благодаря Возрождению с его светским мироощущением, пантеистическими тенденциями и интересом к человеку. Это определило главную особенность итальянской Реформации — значительно большую ее сплетенность с критическим рационализмом и гуманистическими традициями Возрождения. Здесь долгое время оставались популярными идеи эразмианства и ранней Реформации. В ученых обществах и академиях вопросы веры живо обсуждались еще в конце XV — начале XVI в. Поборники «евангелизма» встречались даже среди аристократов, что объяснялось враждой к папскому Риму.

Развитию реформационных идей в Италии способствовало учение испанца Хуана де Вальдеса. Его ученый кружок в Неаполе посещали выдающиеся гуманисты — аристократы и духовные лица — Пьетро Карнасекки, Маркантонио Фламиньо, Галеаццо Караччоло (протестант, бежавший затем в Швейцарию). Учение Вальдеса носило следы влияний разных философско-теологических систем — лютеранства, кальвинизма, эразмианства, испанской мистики. Фундаментом его построений оставалась гуманистическая этика: главным он считал доступное каждому познание божественного промысла, заключенного во всем сущем. Лютеранский тезис об оправдании верой Вальдес толковал на свой лад: подлинная вера в милосердие Божие не ограничивается изучением слова Евангелия — азбуки христианства. Усвоив ее, истинно верующий должен идти дальше в постижении смысла божественного учения, понять доброту и подвиг Христа, дабы в единении с Отцом небесным обрести покой и внутреннюю свободу. Подобное толкование веры ставило под сомнение надобность церковной организации, способствовало развитию индивидуализма. Вальдес отрицал церковную иерархию, хотел возвратить папство к его истокам, сомневался в существовании чистилища, Троицы, пользе исповеди.

Влияние Вальдеса отчетливо видно в «Благодеянии Христа» (1543 г.), сочинении Бенедетто Фонтанини из Мантуи и известного поэта Маркантонио Фламиньо; защищая постулат об оправдании верой, авторы в то же время подчеркивали достоинство человека. Страдания Христа освободили людей от первородного греха; «добрые дела» не имеют значения, судьбы людей предопределены свыше. Но пламенная вера и желание подражать Искупителю делают человека истинным христианином, внутренне свободным, сильным духом, уверенным в своем слиянии с Господом.

В распространении реформационных настроений немалую роль сыграли университеты. Некоторые из них (в Ферраре, Неаполе) стали центрами жарких философско-теологических дискуссий. Особое место занимал Падуанский университет, прославившийся важными открытиями в медицине и естествознании; из его стен вышло немало сторонников Реформации, в том числе «ересиархов» радикального толка.

В Италии задолго до событий в Германии и Швейцарии начались массовые антикатолические выступления. В народе сохранялись старинные верования и ереси, среди альпийских крестьян возобновилась проповедь вальденсов. В Ломбардии, Венето и Южной Италии оживали учения ариан, иоакимитов и фра Дольчино, братьев «свободного духа». Требования перемен усилились, когда после поражения Крестьянской войны в Германии, в Венецианской области, Фриуле, Ломбардии и других районах Северной Италии появились анабаптисты, способствовавшие распространению народной ереси. Наибольшее развитие наряду с протестантизмом умеренного

толка она получила в 30—40-е годы. Простые горожане Модены, Мантуи, Вероны открыто спорили о папской власти, исповеди, предопределении. Многие жители Бергамо отрицали молитвы по усопшим, посты, индульгенции, мессу, называли римскую церковь «синагогой дьявола». В Болонье насчитывалось до 4000 противников католицизма. В Лукке читали поэму некоего Школяра: клеймя католическую церковь, он утверждал, что достаточно соблюдать 10 заповедей, чтобы стать «Божьим избранником». Реформационные побуждения играли роль и во время народных движений. Так, Франческо Бурламакки, возглавивший заговор в Лукке (1546 г.), задумал создать республику, независимую от Флоренции и испанцев, осуществить политические и церковные перемены. В середине XVI в. прибежищем еретиков стала Венеция, ее противостояние Риму и Испании способствовало проникновению протестантизма даже в правящие круги. Приверженцы Реформации в Европе возлагали на Венецию большие надежды.

Нередко к движению народа примыкали гуманисты, способствуя созданию наиболее радикального крыла итальянской реформации. Для представителей «гуманистической», или «философской», ереси были характерны интерес к человеку, защита свободы воли и разума, представления о христианстве как учении о человеке, понимание Христа как заступника людей, просветительская тенденция, интерес к культуре и образованию. Их оружием являлись предания раннего христианства, античное наследие, идеи ранних гуманистов. Образованные еретики обращались к древнегреческим и древнееврейским источникам, по-своему толковали Писание, восстанавливая его изначальные тексты. Итальянский народ раньше других получил Библию на родном языке и использовал ее для борьбы с католицизмом: перевод ее на итальянский язык, сделанный Антонио Бруччи с древнегреческого (в чем ему помогли труды Эразма), вышел в свет двумя годами раньше Лютеровой Библии. Развитие «философской» ереси совпадало со светским вольномыслием, имело важное значение для более глубокого познания мира.

Рационалистический дух, критическое отношение к состоянию общества — также одна из характерных черт итальянской Реформации, нередко не только ставившей задачи обновления церкви на основе раннехристианского идеала и натурфилософских положений гуманистов, но также утверждавшей свободу мысли и вероисповедания, необходимость создания справедливого царства человека на земле. Отсюда связь Реформации, особенно радикального ее крыла, с социальной утопией, получившей в Италии XVI — начала XVII в. большое развитие.

Многие итальянские реформаторы стремились к согласию, миру, прекращению религиозных преследований, мечтали о вере, которая объединила бы все народы. Принципы терпимости и свободы совести, продолжавшие традиции гуманизма, стимулировали интерес к другим вероучениям. Это влекло за собой заимствования и религиозный синкретизм, а безразличное отношение к обрядам приводило к терпимости части итальянских реформаторов и по отношению к католическому культу. Вместе с тем ярко проявлялись индивидуализм, свойственный гуманистам, их пренебрежение к авторитетам, независимый подход к религиозным проблемам, они пытались создать собственные теологические конструкции. Философская окраска вероучений, подлинный взрыв религиозно-философского свободного мышления приводили к многочисленным толкованиям христианства и подробности реформационного движения. Недостаток единства среди сторонников переустройства церкви приводил к тому, что «свободный поиск истины» нередко выливался в бесплодные споры. Однако наряду с разнообразием толкований веры в Италии долгое время наблюдались известная нерасчлененность реформационного движения, сочувствие, несмотря на распри, реформаторов друг другу, вызванное необходимостью иметь союз-

ников перед лицом господствовавшей церкви. Свойственная итальянским вольнодумцам веротерпимость и стремление к умиротворению играли здесь также немалую роль.

Многообразие духовных связей итальянских реформаторов с культурой Возрождения, разнolikость представлений об идеальной церкви сказывались на воззрениях не только радикального крыла, но и более умеренных сторонников протестантизма, а порой даже и адептов католической церкви: в их учениях также чувствовался привкус вольномыслия и «философской» ереси. Реформационные идеи философов и гуманистов проникали в толщу народных масс, способствуя более критическому отношению к церковным догмам и вызывая стремление простых людей по-своему объяснить мир и воздействовать на него. Таким образом, в Италии особенно отчетливо обнаруживалось взаимовлияние двух главных идеологических явлений того бурного времени — Реформации и культуры Возрождения.

Нерасчлененность движения, однако, исчезала по мере роста антицерковных настроений в народе и усиления католической реакции. Уже в начале 40-х годов XVI в. в Италии ясно обозначились два крыла реформационных течений — умеренное и радикальное.

Воззрения ряда мыслителей Италии, приближавшихся к пантеизму и деизму, вели к критике догм не только «папистов», но и приверженцев прочих существовавших в Европе церквей. Многие представители итальянской Реформации — Ренато, братья Соццини, Курионе и др. — обладали большой широтой кругозора, их учения оказались неприемлемыми и для протестантов. Неприкаянных итальянских беглецов повсеместно и в Европе ждали гонения. Новые системы взглядов — ренессансный гуманизм и Реформация, несмотря на взаимовлияние, основывались на религиозном миропонимании; одна провозглашала культ разума и свободу мысли, другая — отдавала вере безусловный приоритет перед разумом. Это оставило глубокий след на характере религиозной борьбы XVI в. Итальянские радикальные реформаторы пытались преодолеть это противостояние.

Известная близость идей народной реформации и религиозных исканий гуманистов наиболее ярко прослеживается в итальянском антитринитаризме, имевшем разные оттенки и испытавшем большое влияние рационализма и пантеистических представлений. Так, Бернардино Окино из Сиены в проповедях отрицал догму о непогрешимости пап, называл римского первосвященника антихристом. Отвергая католическое учение о благодати и индульгенциях, он защищал идею оправдания верой, говорил о духовных силах человека, способного без помощи церкви участвовать в божественном милосердии. Подобно иоахимитам, Окино предсказывал грядущее царство Божие на земле, основанное на законах любви, учил, что жестокие гонения бессильны перед истиной. Близки к учению Окино взгляды гуманиста Аония Палеарио, развивавшего идеи всеобщего мира. По суду инквизиции он был повешен, а тело его сожжено (1570).

Воздействие на формирование воззрений антитринитариев братьев Соццини оказал Вальдес; в своем учении они пришли к более решительным выводам. Влияние Соццини широко распространилось в Польше.

В натурфилософском духе понимал христианскую веру Валентино Джентиле из Козенцы. Следуя пантеистическим представлениям, он называл Христа символом Бога-отца, вечно творящего и проявляющего себя во всем сущем. Взгляды Джентиле вызвали негодование не только католической церкви, кальвинисты Женевы его обезглавили (1566 г.).

Сицилианец Камилло Ренато считал Бога всемогущей, единственной силой, сотворившей все сущее, и отрицал учение о Троице. Сомневаясь в бессмертии души, он допускал, что души праведников могут воскреснуть в новом духовном мире. Антитринитаристские идеи сочетались у него с анабаптистскими. Ренато отрицал чистилище, культ святых, посты, таинства,

крещение младенцев. Он ждал наступления царства Божия на земле, когда Христос станет единственным правителем. Верный традициям гуманизма, он высоко ценил разум и моральные добродетели человека. Вынужденный бежать в Швейцарию, он вступил в конфликт с Кальвином — его глубоко возмутила казнь Сервета.

Для понимания «философской» ереси XVI в. показательно учение Челио Секондо Курионе, подобно многим, нашедшего убежище в Швейцарии. Богом Курионе считал «некую природу, субстанцию, некую душу или вечный дух, без начала и конца». Он высказывал предположение о бесконечности царства Божия — вселенной, а божественным законом считал закон природы. Пантеистические убеждения вели Курионе к выводу о существовании «незримой» церкви и отрицанию всех «видимых» церквей. Христа он называл сыном Божьим, правителем людей. Социальные идеи Курионе связаны с милленаристскими чаяниями. Он предсказывал приближение царства справедливости на земле, понимая его как сообщество людей труда, живущих по принципу «кто не работает, тот да не ест». В отличие от многих гуманистов Курионе считал одинаково почетными все занятия и даже отдавал предпочтение труду физическому: только с его помощью существует общество.

Весьма радикальны пророчества бенедиктинца Джорджо Сиколо, еретика-«спиритуалиста», казненного в Ферраре (1551 г.). Он отрицал всю церковную иерархию, догматику и культ, божественное происхождение душ, сомневался в существовании потусторонней жизни и в действительности искупительной жертвы Христа.

В Северной Италии ереси и народная реформация достигли наивысшей точки развития к середине XVI в. Существовала сеть общин анабаптистов-антитринитариев и в других областях Италии; в них объединились ремесленники и крестьяне, иногда учителя, студенты, врачи, монахи и священники. Они деятельно вербовали сторонников, в том числе из лютеран. Их религиозные заповеди и ритуалы отличались простотой, богослужение сводилось к чтению кратких молитв и пению псалмов. Между общинами не существовало единодушия в толковании веры; сказывалась неоднородность социальной базы. Наибольшие расхождения вызывали вопросы о соотношении человеческого знания и религиозного откровения о природе Христа, о смертности души.

Представители радикальной реформации в Италии делали попытки преодолеть внутренние разногласия. Наибольшее значение имели синод в Венеции (1550 г.), где удалось прийти к компромиссу и выработать основные принципы вероисповедания антитринитариев-анабаптистов. Попытка объединения оказалась запоздалой: организация еретиков была выдана инквизиции и разгромлена.

Наступление Контрреформации заставило многих инакомыслящих бежать из Италии на чужбину. Начиная с 1542 г. за пределами полуострова стала складываться многочисленная итальянская диаспора. Часть беглецов примкнули к протестантам Швейцарии, Германии, Англии. Представители радикального крыла были обречены на скитания; тех, кто возвращался на родину, ждали новые гонения. Жертвой инквизиции стал и Франческо Пуччи — флорентийский вольнодумец, близкий по духу анабаптистам-антитринитариям. Он призывал к прекращению войн и раздоров и выдвигал план объединения рассеянных по свету единомышленников, целью которых должно стать создание «Католического государства» (в смысле «вселенского»). Пуччи был сожжен в Риме (1597 г.) на Кампо дель Фьоре. Народная ересь, как и более умеренные виды реформационных идей, была загнана в подполье. В стране распространился никодимизм — тайное исповедание антикатолических вероучений при формальном соблюдении обрядов господствовавшей церкви. В 60—70-е годы XVI в. во многих местах снова объявились анабаптисты, антитринитарии

и другие еретики. После разгрома движения в северных районах центр народной реформации переместился на юг. В 60-х годах в Калабрии происходила настоящая война между вальденсами и правительственными войсками.

Борьба за реформу церкви в Италии, продолжавшаяся и в XVII в., была затяжной, часто выливалась в борьбу за свободу мысли и слова. Своеобразие этого движения — в исторических судьбах Италии. Симбиоз элементов возникавшего буржуазного общества с феодальными порядками приводил к появлению новых представлений о мире и человеке, порождал стремление изменить церковные учреждения и догматику. Однако развитие капитализма в Италии затянулось на века. Феодальная реакция, восстановив пошатнувшиеся позиции господствующего класса, оживила средневековое миропонимание, усилила аристократические течения в гуманизме. Объективная обстановка в целом оказалась неблагоприятной для реформы церкви. Все еще сильный класс феодалов и объединившаяся с ним городская верхушка поддерживали Контрреформацию.

Но Италия оставалась одной из самых развитых и цивилизованных стран Европы, а в некоторых областях знания она сохраняла преимущество на протяжении всего XVI в. В ней были живы силы, продолжавшие и в условиях Контрреформации борьбу против схоластики и мракобесия. Выступления итальянских сторонников Реформации имели прогрессивное значение. Особенно важна роль радикального крыла с его высоким подъемом религиозно-философского вольнодумия и верностью гуманистическим традициям. Деятельность радикальных мыслителей, еретиков-философов, несмотря на поражение, наносила чувствительный удар по средневековому мировоззрению. Вслед за европейской Реформацией итальянцы оказали определенное воздействие на католическую церковь, заставив ее пойти на известное обновление своих догм и организации.

Значение итальянской Реформации, и прежде всего ее народного течения, этим не исчерпывается. Союз гуманистической интеллигенции с анабаптистами-антитринитариями и иными еретиками свидетельствует о важной роли в антифеодальной и антицерковной борьбе не только одиночек-гуманистов, но и широких масс, на которые итальянские реформаторы пытались опереться.

Глава 2

РЕФОРМАЦИЯ И КОНТРЕФОРМАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Вплоть до середины XVI в. нет оснований говорить о сформировавшихся на территории данного региона направлениях реформационной мысли: имела место рецепция реформационных учений, сложившихся в иных регионах, прежде всего в Германии. Роль национально-патриотических мотивов в распространении Реформации была здесь существенно ниже, чем в Германии. Уже в XIV—XV вв. особые prerogatives папства по отношению к национальным церквям этого региона подверглись существенному ограничению. В послегуситской Чехии позиции католической церкви были вообще слабыми.

Распространение Реформации в Польше и тесно связанном с ней в этот период Великом княжестве Литовском, а также в Венгрии отмечалось рядом сходных черт (исключение здесь составляла Чехия). В ряде райо-

нов этих стран идеи Реформации распространились уже в 20—х годах XVI в. а к середине XVI в. получили официальное признание в королевской Пруссии, Силезии, «горных городах» Словакии, городах трансильванских «саксов». Здесь везде многочисленное немецкоязычное население сразу же воспринимало идущие из Германии учения. Рассадниками Реформации были богатые города с широким самоуправлением: Реформация здесь не встречала серьезных препятствий со стороны государственной власти; религиозное учение, вводившееся при участии городских верхов, было лютеранством канонического типа. Это типичный пример бюргерской реформации, осуществлявшейся подчас в борьбе с католическим патрициатом, как это имело место в Гданьске в 1525—1526 гг. Но с распространением Реформации связаны и выступления социальных низов, главным образом анабаптистов, которые, однако, не переросли в широкое движение и довольно скоро были подавлены. Примером могут служить выступления горнорабочих на рудниках в Словакии в 1525-1526 гг. Распространение преимущественно лютеранства создало ряд трудностей для дальнейшего расширения Реформации, так как польское и венгерское население относилось к лютеранству как к «немецкой вере», которую охотно воспринимали иноязычные социальные верхи (например, немецкий патрициат Кракова); социальные низы продолжали упорно держаться католической религии. Протестантизм так и не стал преобладающим вероисповеданием в польских городах. Среди крестьян реформационные учения не получили значительного распространения, их переход в другую веру был обычно результатом смены религии их господ. Это относится и к католическому (венгерскому, польскому, словацкому) и к православному (украинскому, белорусскому, восточнороманскому) крестьянству.

Большую роль в распространении Реформации сыграл переход в новую веру значительной части польского и венгерского дворянства, а также дворянства Великого княжества Литовского, что создало благоприятные условия для деятельности протестантских «министров», происходивших в большинстве своем из среды низшего духовенства или мещанства, и парализовало карательные функции органов государственной власти, формально обязанных охранять духовную монополию католической веры. Симпатии дворянства к новому учению объяснялись не столько интересом к обновлению традиционного религиозного учения, сколько тем, что принятие Реформации создавало благоприятные условия для осуществления уже ранее сложившейся программы политических реформ, направленных на усиление позиций светских феодалов за счет духовного сословия и королевской власти. Эта программа уже в конце XV в. включала отмену церковной десятины и других поборов и податных привилегий церкви, конфискацию части церковных земель для удовлетворения общегосударственных нужд, ликвидацию монополии духовенства на образование и превращение национального языка в государственный язык. С распространением Реформации дворянство не осталось равнодушным и к возможностям создания особой церковной организации, находившейся вне контроля государственной власти и подчиненной интересам дворянских корпораций. В Венгерском королевстве сменила исповедание основная масса представителей господствующего класса. В Польше и Великом княжестве Литовском даже в период расцвета Реформации протестантизм был вероисповеданием меньшинства. Протестанты представляли собой, однако, наиболее политически активную часть господствующего класса, которая, выступая с программой политических реформ в интересах дворянства, могла рассчитывать на поддержку всего дворянского сословия в целом.

Первоначально дворянство ограничивалось поддержкой протестантских проповедников разных направлений, но в 50-х годах XVI в., когда создавались протестантские церковные организации в общегосударственном масштабе, польское и венгерское дворянство, а также дворянство Вели-

кого княжества Литовского отдало предпочтение новому религиозному направлению — кальвинизму¹. Это объяснялось не преимуществом кальвинистской догматики, а прежде всего его особой политической позицией. В отличие от лютеранства с его проповедью безусловного послушания светской власти кальвинизм давал гораздо лучшее обоснование самостоятельной позиции сословных дворянских организаций по отношению к королевской (или княжеской) власти. Структура кальвинистских общин, где решающая роль принадлежала институту выборных пресвитеров, также позволяла дворянству установить полный контроль над кальвинистской церковной организацией.

Переход значительной части дворянства в лагерь Реформации в условиях сохранения в Центральной Европе сословных монархий с сильно ограниченной государственной властью предопределил установление здесь режима фактической веротерпимости, в дальнейшем, во второй половине XVI в., оформленного рядом решений сеймов (наиболее ранним было решение трансильванского сейма 1550 г.). Хотя эти решения не содержали каких-либо формальных ограничений в сословном смысле, на практике они обеспечивали свободу вероисповедания прежде всего для феодалов и не касались подданных. Городские общины трактовались как часть владений монарха и должны были исповедовать его религию, либо их право держаться того или иного протестантского исповедания обеспечивалось особыми соглашениями с этим же монархом. Действие соглашений о веротерпимости не распространялось на сторонников левых радикальных направлений.

Хотя дворянство сумело наложить глубокий отпечаток на характер реформационного движения, не оно вызвало это движение к жизни. Проповедь реформационного движения обычно была делом незнатных выходцев из среды мелкого духовенства и горожан, а в состав протестантских общин влилось немалое количество мелких ремесленников. В их деятельности проявилось, хотя и опосредствованно, недовольство ростом социального угнетения в обществе в эпоху формирования крепостничества. Эти тенденции стали наиболее заметны у антиринитариев — идейного течения, которое в 60-х годах XVI в. выделилось из состава протестантских общин в Польше, Литве и Трансильвании. Взгляды антиринитариев формировались под перекрестным воздействием рационалистической критики итальянских протестантских мыслителей и идейных взглядов и социальной практики общин немецких анабаптистов в Моравии. Под воздействием и при прямом участии итальянских мыслителей сложилось более определенное, чем у других направлений Реформации, критическое отношение ко всей церковной традиции, последовательное стремление основывать свои выводы исключительно на анализе, включавшем в себя и филологическую критику текста Священного писания. Итогом этих исканий был отказ от ряда догматических положений, принимавшихся другими направ-

*Изгнание монахов из монастыря.
Польская гравюра середины XVI в.*

¹ На территории Венгерского королевства и в Трансильвании кальвинизм принимало также венгерское население городов, стремясь отделить себя от немцев.

лениями Реформации: в частности, от догмата о Троице, отсюда и название приверженцев этого направления. Несомненно влияние на антитринитариев представлений о человеке и его достоинстве, выработанных гуманистической мыслью эпохи Возрождения.

В главном произведении, отразившем общие догматические взгляды польских и венгерских приверженцев этого учения, — трактате «*De falsa et vera unius Dei cognitione*»² (Альба-Юлия, 1567 г.) отвергалось существование Бога-сына как предвечного Логоса, утверждался взгляд на Христа как на человеческую личность, огромное моральное усилие которой искупало проклятие, лежавшее на роде человеческом. За это человек был возвышен Богом-отцом, наделившим его всеми свойствами своей божественной натуры. Догматически этот взгляд был близок учению александрийского пресвитера Ария (IV в.), поэтому противники называли антитринитариев арианами. При таком подходе жизнь Христа выступала как непосредственный образец для подражания, создавалась определенная связь между догматическими, морально-этическими и общественными взглядами антитринитариев. Их критика общественного устройства никогда не возвышалась до идеи его насильственного преобразования, их синоды подчеркивали, что они отвергают учение создателей Мюнстерской коммуны, их требования адресовались лишь членам своей общины. В этих пределах, однако, взгляды некоторых польских антитринитариев отличались далеко идущим радикализмом. Так, на польско-литовских синодах рубежа 60—70-х годов XVI в. было выдвинуто требование, чтобы все члены общины жили своим трудом, ибо люди — создания Бога и не могут жить за счет брата своего. Государство они квалифицировали как институт, созданный тиранами с помощью насилия. Истинный христианин не должен против него выступать, он выполняет обязанности подданного, но не может занимать какие-либо должности, идти на войну, обращаться в суд. Эти нормы мотивировались ссылками на образ жизни Христа и апостолов, но в этих требованиях, несомненно, получало выражение недовольство ремесленников, из среды которых выходили и многие члены общин, и сами «министры», ростом эксплуатации и социального угнетения в крепостнической Речи Посполитой. В Трансильвании проповедовал о скором приходе «царства Божия» на земле епископ Ференц Давид. Однако острые споры остались достоянием сравнительно узкого круга идеологов движения, сколько-нибудь широкая пропаганда среди народа отсутствовала. В Речи Посполитой, не получив поддержки общины в целом, последователи радикального направления попытались осуществить свои идеи на практике, создав в 1569 г. в местечке Ракове общину на основе полного равенства, свободы религиозных убеждений и при отсутствии всякой власти. В условиях феодально-крепостнической Польши эта попытка жить по заветам Христа очень быстро закончилась столь же полной неудачей, как и хилиастическая проповедь Ференца Давида в Трансильванском княжестве.

В развитии идеологии польских антитринитариев позднее большую роль сыграл мыслитель Фауст Социн. Под его идейным руководством произошло примирение общин антитринитариев с социальной действительностью при одновременном углублении философской критики основ традиционной христианской догматики. На рубеже XVI—XVII вв. для членов общины была допущена возможность обращаться в суд, занимать должности, иметь подданных и т. д. Новая религиозная доктрина, подчеркивая вслед за ранними антитринитариями человеческую природу Христа, изменила тем не менее традиционный взгляд на самую человеческую природу, отвергая учение о первородном грехе и трактовку распятия как жертвы, искупившей грехи человечества. Каждый, кто станет жить по запове-

² «О ложном и истинном познании единого Бога».

дям Христа, достигнет духовного совершенства и вечной жизни в небесном царстве. Социн и его последователи отвергали магическое значение всех обрядов, рассматривая их как внешние, а потому и несущественные знаки духовного преобразования человека и сводя тем самым христианское учение к своего рода моральной доктрине. Деятельность последователей Социна имела в первой половине XVII в. общеевропейское значение, однако она не оказала никакого влияния на Речь Посполитую, где антиринитаризм остался вероисповеданием небольшой прослойки мещанства и группы дворян. Отношение к антиринитариям основной массы господствующего класса было открыто враждебным, они официально были поставлены вне рамок каких-либо соглашений о религиозном мире. Лишь очень сильные чувства сословной солидарности длительное время препятствовали открытым репрессиям шляхты против антиринитариев — членов своего сословия, укрывавших последователей этого учения в собственных владениях. Однако в 1638 г. декретом сейма была закрыта их академия в Ракове, в 1647 г. — арианские школы и типографии, а в 1658 г. антиринитарии вообще были изгнаны из Речи Посполитой.

Распространение Реформации в Чехии шло иными путями: общественно-политические цели местного дворянства и горожан были достигнуты в период гусизма, когда создавалась не связанная организационно с Римом гуситская церковь. В такой ситуации тот факт, что ритуал и догматика этой церкви (ее особые черты — причащение под двумя видами, культ Яна Гуса) сравнительно мало отличались от католической, особого значения не имел. Эта среда проявила малый интерес к религиозным «новшествам»; напротив, на них сравнительно быстро реагировала католическая, главным образом немецкоязычная, часть населения, которая в первой половине XVI в. стала переходить в лютеранство. По мере распространения реформационной идеологии начался скрытый процесс сближения ритуала и догматики гуситской церкви с лютеранством, который не встречал активного сопротивления, но не привел к слиянию гуситской церкви (в форме новоутраквизма) с лютеранской. Кальвинизм в Чехии, в частности среди чешского дворянства, не получил распространения — дворянство здесь уже и так располагало церковной организацией, находившейся от него в полной зависимости. Контакты с кальвинистами носили политический характер и сопровождались усвоением прежде всего их политических доктрин.

В Чехии XV—XVI вв. положение, в чем-то сходное с положением антиринитариев в польском обществе, занимали «чешские братья». Взгляды основоположника этой организации, мелкого чешского дворянина Петра Хельчицкого, сложились независимо от внешних влияний и объективно были реакцией на положение в стране после поражения левого крыла гуситского движения — таборитов. Хельчицкий и его ученики отвергали всю церковную традицию, признавая лишь авторитет Писания, не считали справедливым общественный строй, основанный на разделении людей на сословия и насилии одних над другими. Но они резко отвергали идею революционного переустройства общества, считая единственно допустимым для христианства «духовный бой», а не какие-либо формы физического насилия. Это учение находило свое воплощение в попытках создания своей, строго изолированной от грешного мира организации, члены которой должны были жить как братья, трудом рук своих в условиях добровольной бедности. Участники общины демонстративно отказывались от образования и науки, как одного из порождений грешного мира. Организация «чешских братьев», пополнявшаяся выходцами из крестьян и ремесленников, постоянно подвергалась суровым преследованиям властей. Однако ко времени распространения реформационных учений в Чехии их община в значительной мере уже прошла тот путь адаптации к современной социальной действительности, который позднее проделали ан-

титринитарии, отказавшись от отрицательного отношения к науке, а главное, разрешив вступление в общину сначала городским патрициям, а затем и дворянам (1530 г.). Это во многом объясняет последующую эволюцию «чешских братьев», вероучение которых заметно сблизилось с лютеранством и новоутраквизмом, что проявилось, в частности, в создании в 1575 г. общего для обоих вероисповеданий изложения символа веры — «Чешской конфессии».

В этих условиях лишь часть крестьянских и городских низов откликнулась на лозунги народной реформации в годы Великой крестьянской войны в Германии. Наиболее ярко это проявилось в известных волнениях горнорабочих в Яхимове 1525—1526 гг.

С начала 60-х годов XVI в. на общественно-политическую жизнь стран Центральной Европы стал накладываться все больший отпечаток подъем католической Контрреформации. После Тридентского собора ослабленная в период роста реформационного движения централизация католической церкви заметно усилилась, ее религиозная политика стала в большей мере подчиняться указаниям Рима. Цели и методы политики, направленной на утверждение католицизма в Центральной Европе, были аналогичны тем, которые использовались католической церковью в странах Западной Европы. Главным орудием Контрреформации стал и в этих странах орден иезуитов. В Чехии иезуиты появились в конце 50-х годов XVI в., в Польше — в середине 60-х годов; к середине 80-х годов они обосновались в венгерских владениях Габсбургов и Великом княжестве Литовском; при поддержке Стефана Батория им к концу 70-х годов удалось проникнуть на территорию Трансильванского княжества. Как и в других регионах Европы, иезуиты здесь вели с широким размахом устную и письменную полемику, уделяя большое внимание подготовке духовенства, созданию училищ, где могли бы воспитываться в нужном им духе представители местной знати.

Из Трансильвании иезуиты в 1602 г. были окончательно изгнаны. Иное положение сложилось в державах австрийских Габсбургов и в Речи Посполитой, где католические духовные учреждения, и в особенности орден иезуитов, могли рассчитывать на всемерное содействие центральной власти реставрации католицизма. Однако во второй половине XVI — начале XVII в. центральная власть обладала слишком ограниченными возможностями, чтобы ее поддержка сама по себе могла обеспечить успех Контрреформации. Очень многое зависело от позиции местного дворянства и выражавших его волю сословных учреждений.

В этом отношении положение в Чехии и Венгерском королевстве оказалось существенно иным, нежели в Речи Посполитой. В Речи Посполитой протестантизм остался исповеданием явного меньшинства и среди дворянства, и среди горожан. Не была существенно нарушена организационная структура католической церкви, она сохранила здесь и большую часть своих имуществ.

Условия для борьбы за реставрацию католицизма здесь были сравнительно благоприятными. В городах эта борьба облегчалась тем, что протестантской в них была по-прежнему лишь определенная прослойка в среде цеховой верхушки и патрициата: это позволяло иезуитам натравливать на еретиков городские низы. Именно благодаря спровоцированным при попустительстве правительства выступлениям этих низов были разрушены и перестали функционировать протестантские «зборы» в ряде наиболее крупных городов.

К дворянству не применялось какое-либо насилие, однако католикам правительство оказывало предпочтение при раздаче должностей. Значительная часть протестантов-феодалов в конце XVI — начале XVII в. вернулась в католицизм по иным причинам: сыграла свою роль отрицательная реакция дворянства на продолжавшуюся дифференциацию про-

тестантских доктрин, приведшую, в частности, к появлению учений, ставивших под сомнение существующее общественное устройство. Имело значение и то, что, присоединяясь к Реформации, польские дворяне руководствовались прежде всего политическими соображениями, рассматривая ее как часть реформ, направленных на упрочение роли дворянства в государстве. К концу XVI в., достигнув в основном своих целей, дворянство от стремлений к реформам все более переходило к идеям консервации сложившихся политических и общественных институтов. В Речи Посполитой распространение католицизма происходило в условиях дальнейшего ослабления центральной власти, и восхваление абсолютистской монархии, как наилучшей формы правления, не стало здесь частью официальной доктрины Контрреформации. Наконец, для значительной части господствующего класса было существенно, что переход на позиции Контрреформации обеспечивал поддержку восточной экспансии польско-литовских феодалов со стороны папства и международных центров католической реакции. Почти с самого начала программа Контрреформации в Речи Посполитой предусматривала обращение в католицизм не только протестантского, но и православного белорусского и украинского населения этой страны.

Такая политика не встречала серьезного отпора в польских землях, где протестантская религия ранее навязывалась подданым силой. Иное положение сложилось на белорусских и украинских землях Речи Посполитой. Здесь политика насаждения католицизма и в форме прямого распространения католической религии, и в форме унии между католической и православной церковью встретила серьезное противодействие прежде всего со стороны низов белорусского и украинского общества, видевших в этом стремление иноземных господ — польских феодалов и полонизирующей местной знати — навязать им не только свою власть, но и свою веру. Это сопротивление не прекратилось и после того, как часть православных епископов под давлением правительства приняла в 1596 г. на синоде в Бресте решение об унии с католической церковью. В первых десятилетиях XVII в. борьба за сохранение своей «русской» веры стала одним из главных стимулов развернувшегося на Украине народно-освободительного движения.

В Чехии и Венгерском королевстве во второй половине XVI в. протестантизм был вероисповеданием большинства населения. Насаждение католицизма было здесь частью курса на установление в этих странах абсолютистской монархии под эгидой Габсбургов. В этих условиях борьба за свободу вероисповедания стала частью борьбы за сохранение городами и дворянством своих сословных привилегий. Хотя деятельность иезуитов и вообще католических духовных учреждений, и полемическая, и проповедническая, велась с большим размахом, результаты ее в общегосударственном масштабе оказались довольно ограниченными. Вплоть до второго десятилетия XVII в. католической религии ни в Чехии, ни в Венгрии не удалось привлечь на свою сторону горожан и дворянство. Слабость позиций католицизма в Чешском и Венгерском королевствах на рубеже XVI—XVII вв. стала очевидной, когда после попыток восстановить католический культ во владениях церкви и феодалов-католиков Габсбурги и епископат решились перейти к осуществлению Контрреформации силой, начав с некоторых земель Венгерского королевства. Эта политика привела к объединению группировок протестантского дворянства разных исповеданий и к их сближению с городами. Внутриполитический кризис 1606—1608 гг. показал слабость позиций сторонников Контрреформации и вынудил их пойти на уступки. Право протестантов всех сословий, включая крестьян, свободно исповедовать свою веру было закреплено рядом соглашений: Венским миром 1606 г. между Габсбургами и Трансильванией; земскими законами, принятыми венским сеймом 1608 г.; «Грамотой величества», вы-

данной в 1609 г. императором Рудольфом II по требованию сословий Чешского королевства. Эти соглашения официально признавали право протестантов иметь не подчиненную правительству церковную организацию.

Хотя все эти соглашения сильно затруднили Габсбургам и католическому клиру проведение их политики, они отнюдь не отказались от нее, возобновив при благоприятной ситуации насильственное насаждение католицизма. Это вызвало новый кризис, приведший к открытому восстанию и низложению Габсбургов чешскими, а затем и венгерскими сословиями. Сословные сеймы, в руках которых в период восстания оказалась государственная власть, изгнали иезуитов, ограничили или даже отменили землевание католической церкви.

Поражение чешских сословий в битве при Белой горе и победа Габсбургов открыли дорогу к восстановлению католицизма в чешских землях, прежде всего путем административных мер. В 1621 г. было изгнано протестантское духовенство, в 1624 г. католичество объявлено единственным вероисповеданием для горожан и крестьян, а в 1627 г. и для дворян. Наиболее политически и идеологически активная часть протестантского населения эмигрировала. Реставрация католицизма первоначально носила формальный характер, в частности потому, что не хватало приходских священников. В их подготовке главная роль принадлежала ордену иезуитов. К середине XVII в. сеть иезуитских коллегий охватила всю страну. Иезуиты фактически получили и монополию на высшее образование. Созданная при их участии приходская организация и сеть городских и сельских школ способствовали воспитанию населения в духе традиций воинствующего католицизма.

Более сложная и противоречивая ситуация сложилась в Венгерском королевстве, где восстание завершилось соглашением, означавшим не полное поражение сословий, а лишь известное усиление Габсбургов. Правда, общее упрочение позиций Габсбургов сказалось и на обстановке в их центральноевропейских владениях. В 20—30-е годы XVII в. часть венгерской знати перешла в католицизм, возникли условия для его реставрации на значительной части территории королевства. Усилилась культурно-идеологическая деятельность католической церкви, создавшей именно в этот период обширную сеть школ. Однако эта политика наталкивалась на серьезное сопротивление в стране, где большинство крестьян и горожан, среднего и мелкого дворянства сохраняли верность протестантизму. При этом они могли опираться на поддержку протестантских князей Трансильвании, неоднократно оказывавших помощь своим единоверцам даже вооруженной силой. Габсбурги время от времени вынуждены были идти на уступки, заключая соглашения, предоставлявшие ряд правовых гарантий протестантскому населению. С этими соглашениями не всегда считались на практике, но они, безусловно, затрудняли политику проведения Контрреформации в масштабе всей страны. К середине XVII в. Венгерское королевство продолжало оставаться страной со значительным протестантским населением. В Трансильванском же княжестве, хотя туда в 20-е годы XVII в. были снова допущены иезуиты, и в середине XVII в. католицизм был религией меньшинства, а господствующее положение занимал кальвинизм, впрочем мирно уживавшийся здесь с лютеранством немцев (саксов), православием влахов и даже с антиринитаризмом.

Глава 3

КОНТРРЕФОРМАЦИЯ

Контрреформация явилась составной частью общей феодально-католической реакции на новые процессы и явления в социально-политической, церковно-религиозной и культурной жизни ряда европейских народов. Наибольший размах она приобрела в тех странах и регионах, где обнаружился признаки хозяйственного упадка и общественного застоя, где прогрессивные тенденции социального и культурного развития не имели достаточной прочности, чтобы смести силы феодально-католического мира, сохранявшие еще значительный потенциал жизнеспособности.

Первоначально Контрреформация проявлялась в отдельных, плохо согласованных между собой попытках подавления или противодействия протестантизму, прежде всего в Германии и Швейцарии. Ее опорой служили классы и сословия, политические организмы, само существование которых зависело от судеб феодального строя. Распространению Контрреформации содействовало то обстоятельство, что значительные общественные слои, готовые поддержать Реформацию в умеренном варианте, были напуганы классовыми битвами социальных низов и предпочли держаться прежних устоев и верований; крестьянские и плебейские массы были обескровлены и деморализованы и не могли противостоять объединенному натиску феодальной и церковной реакции.

Реформация застала римско-католическую церковь врасплох. Несмотря на ряд провозглашенных реформ (прежде всего в декретах V Латеранского собора 1512—1517 гг. и в составленных на их основе буллах папы Льва X), католицизм не смог пойти на преобразования, отвечавшие потребностям социального, политического и национального развития европейских народов, не сумел приостановить упадок церковных учреждений, обуздать и направить в удобное для него русло новые духовные искания, угрожающие со временем потрясти и старую церковь, и основы социального уклада. Заклейменная современниками «порча нравов» во всех звеньях церковной иерархии хотя и не явилась главной причиной начавшейся Реформации, однако способствовала ее утверждению. Силы католицизма были подорваны и недальновидностью римской курии, вмешавшейся в борьбу крупнейших европейских держав, и просчетами ее церковной политики.

Долгое время в Риме плохо отдавали себе отчет в сущности начавшейся Реформации и ее возможных последствиях. На первых порах папство прибегало к проклятиям и отлучениям, пыталось дипломатическими средствами, обращаясь к светским властям Империи, задумити реформационное движение. В 30-е годы, дискредитированное и обессиленное, папство выжидало, колебалось, порой искало компромисса с протестантами, как будто даже склоняясь к реформам. Назначенная Павлом III (1534—1549) комиссия кардинала Контарини (1536—1537) выработала специальный «Проект исправления церкви».

Однако с начала 40-х годов, когда в непримиримости старого и новых исповеданий отчетливо обнаружился острый антагонизм стоящих за ними общественных и политических группировок, «партия реформ» в курии теряет свое оказавшееся эфемерным влияние и уступает место воинствующей консервативно-клерикальной партии, отказывавшейся от любых уступок и послаблений не только религиозным противникам, но и течениям обновления в самом католицизме. Именно в этот период политика Контрреформации, обретя в лице папства своего главного вдохновителя, определяет все основные стороны жизни католической церкви.

В то же время католицизм должен был сообразовывать свою политику с происшедшими изменениями. Он шел на секуляризацию части церков-

ных имуществ, поступался некоторыми налоговыми, финансовыми и правовыми привилегиями духовенства, соглашался расширить влияние государства в местных церковных делах. Но сохранившийся универсалистский дух и вселенские теократические притязания римско-католической церкви и папства должны были прийти в резкое противоречие с процессами и тенденциями национальной и политической консолидации, которые властно заявили о себе в XVI в.

Наконец, чтобы в новых условиях выстоять, сохранить то, что осталось и, более того, повести ответное наступление на Реформацию, католическая церковь была вынуждена реорганизовать внутреннюю структуру, систему власти и управления: она создала новые, эффективные инструменты, приспособленные к изменившимся условиям общественного и духовного бытия, превратившие ее в деятельное учреждение со стройной организацией, которая позволяла живо реагировать на запросы и веяния эпохи, давать на них ответ, подчинять своей воле массы, воспитывая их чувства и задавая направление религиозным исканиям.

В системе средств проведения Контрреформации важнейшую роль сыграли новые религиозные ордена, инквизиция, книжная цензура, деятельность и постановления Тридентского собора.

Возникшие в средние века ордена не отвечали требованиям, выдвигаемым перед католицизмом распространением Реформации. Некоторые из них подверглись реформе. В 1522 г. был реорганизован орден камальдулов, ответвление бенедиктинцев. Серьезнее и важнее была реформа в среде францисканцев: в 1528 г. часть обсервантов (ответвление францисканцев) образовала отдельный орден капуцинов, главной целью которого была деятельность в миру, проповеди и служение среди простонародья. Из Италии они распространили свое влияние и на другие страны Европы, завоевывали большую популярность, способствуя удержанию масс в верности католической религии и иерархии. В 1524 г. Кастаньо Тьенский и Джанпьетро Караффа основали конгрегацию монашествующих клириков — орден театинцев — для воспитания строгих нравов у священников. По образцу этого питомника церковных прелатов были созданы сообщества барнабитов, сомасков, ораторианцев (или тринитариев), которые, как и новые ордена урсулинок, братьев милосердия, взяли на себя труды по общественной благотворительности, образованию и воспитанию нравов, что должно было содействовать восстановлению подорванного авторитета католицизма и развитию аскетических тенденций в самой церкви.

Особую роль в ответном наступлении на Реформацию, в воздействии на широкие слои верующих, в придании нового облика воинствующей церкви сыграло Общество Иисуса, официально утвержденное папской буллой в 1540 г. Основателем и первым генералом ордена иезуитов был испанский дворянин Игнасио Лойола (1491—1556), сложный путь духовного развития которого привел к идее безоглядного служения церкви. Краеугольным камнем всего Общества Иисуса была железная дисциплина, беспрекословное подчинение приказам. Помимо обычных монашеских обетов целомудрия, нестяжания и послушания, члены «Иисусова воинства» связывали себя особой клятвой верности римскому первосвященнику. Требуя полного самоотречения, иезуитская мораль совершенно уничтожала личное начало в жизни человека, его собственное «я». Адепты ордена, обязанные совершенным послушанием, уподоблялись посоху в руках начальников. Устав Общества, принятый в 1558 г., требовал от иезуитов по предписанию начальника совершения греха, вплоть до смертного.

Во главе Общества Иисуса, основанного на началах строгой централизации, стоял пожизненно генерал, полновластно руководивший всеми действиями ордена. При нем имелся совет с функциями совещательной и контролирующей инстанции. И генерала, и совет избирало общее собрание, или генеральная конгрегация, которой формально принадлежала

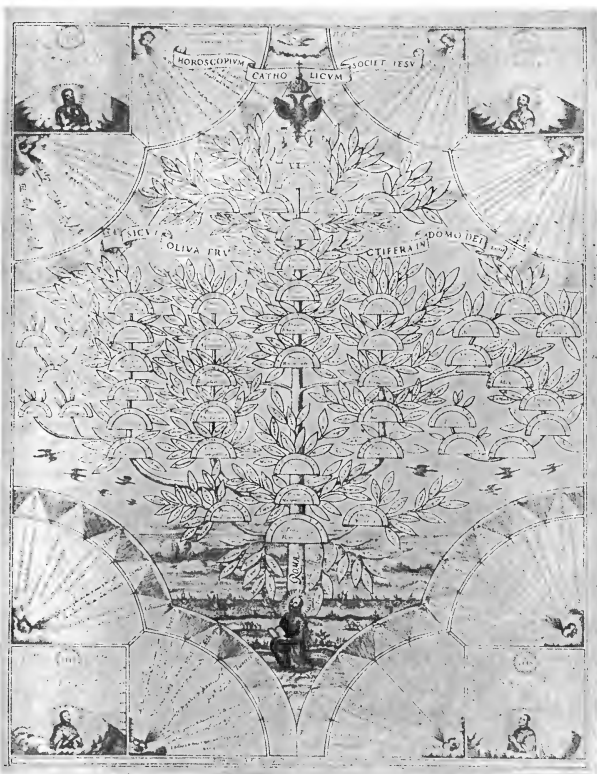
высшая власть. Общество строилось по иерархическому принципу, члены его подразделялись на несколько классов. Оно имело прочную организацию на местах, нижнюю ступень которой составляли поселения, резиденции и миссии, затем коллегии, новициаты и дома профессов. Иезуиты разделили мир на провинции во главе с провинциалами; несколько провинций входили в ассистенции; возглавлявшие их ассистенты были членами центрального руководства. Независимость ордена от светских и духовных властей превращала его в автономное религиозно-политическое сообщество в любой державе.

Орден иезуитов не был монашеским в традиционном понимании. Его члены были освобождены от неукоснительного соблюдения правил монастырской жизни, от некоторых монашеских обетов и обязанностей; целая серия папских привилегий и пожалований дала Обществу Иисуса возможность развиваться в организацию со своеобразным устройством и правами, приемами и целями деятельности. Даже внешне иезуиты напоминали скорее светских ученых, нежели монахов. Они оставили другим религиозным братствам «героикую» аскетизма и благочестия. Не молитвы и не отправление религиозного культа, но активная светская деятельность, не умерщвление плоти, лишения, покаяние, но наилучшее положение в мире характеризовало устремление иезуитов. Они должны были находиться в центре политических и общественных интересов, имея все возможности оказывать на них решающее влияние, как того требовали интересы католической церкви, сформулированные в указаниях руководителей ордена.

Главными средствами иезуитов были воспитание и дипломатия. Их система обучения была рассчитана преимущественно на молодежь из верхов общества, но ради популярности ордена они давали бесплатное образование выходцам из самых разных слоев, организовывали сиротские приюты; социальная практика иезуитов предусматривала привлечение и выдвижение безродных, но одаренных юношей. Иезуиты были умелыми организаторами школьного дела и преподавателями университетов. Они устанавливали в своих учебных заведениях образцовый порядок, разработали формальные методы обучения, приспособили к своим целям идеалы классического образования.

Применяясь к сложным обстоятельствам, иезуиты выказали себя ловкими политиками, умеющими использовать самые различные средства «к вящей славе Божьей». Людей ученых они поражали эрудицией, на толпу воздействовали особой пышностью богослужения, культивированием излюбленных мотивов народной религиозности, поощрением самых архаичных форм поклонения святым, иконам, реликвиям; натуры восторженные увлекала их страстная проповедь, таинственные выси медитаций, предписанных «Духовными упражнениями» Лойолы (1548 г.), вождей религиозно-политических партий — трезвый и расчетливый совет; при дворах государей, у высокопоставленных особ они были духовниками и наставниками, в моменты стихийных бедствий, эпидемий, социальных потрясений они не гнушались никакой, даже самой черной, работой.

Ранее всего орден обосновался в итальянских государствах, Португалии и Испании, хотя ему пришлось преодолеть недоверие Карла V и Филиппа II, а также открытое сопротивление высших чинов церкви, инквизиции, доминиканцев и университетов. Довольно скоро иезуиты утвердились в католических землях Германии, особенно в Баварии, и в наследственных владениях Габсбургов — Австрии, Богемии, Венгрии. Для подготовки иезуитов к деятельности на немецкой земле в Риме по образцу главной резиденции ордена — римской коллегии была основана германская коллегия (1552 г.). Соответствующие учреждения появились в городах Империи: Вене, Праге, Кёльне, Трире, Диллингене, Майнце, Браунсберге, Мюнхене. Одним из главных оплотов католицизма в Германии стал

Общество иезуитов и его распространение по миру в виде древа жизни. Гравюра А. Кирхера. XVII в.

университет Ингольштадта, захваченный иезуитами в начале 50-х годов. Долгую борьбу пришлось вести ордену, прежде чем он окончательно утвердился во Франции при Генрихе IV. Не сразу иезуиты обосновались в Речи Посполитой; здесь им покровительствовал кардинал Гозий и короли Стефан Баторий и Сигизмунд III. После долгой борьбы иезуиты получили доступ в Нидерланды, основав коллегии в Лувене и Антверпене. Иезуитские миссии засылались в католическую Ирландию, в протестантские Данию и

Швецию; в Дуэ, Реймсе, Сент-Омере, Льеже находились иезуитские школы для молодых англичан, а в самой Англии действовали тайные иезуиты; аналогичные заведения для шотландцев были в Риме, Дуэ, Мадриде, для ирландцев — в Риме, Пуатье, Севилье, Лиссабоне. В начале XVII в. орден ненадолго обосновался даже в Османской империи. Миссионерская деятельность иезуитов охватывала Ост-Индию, Японию, Китай, Абиссинию, испанскую и португальскую Америку. В начале XVII в. на территории Парагвая они создали как бы самостоятельное государство.

В скором времени после основания ордена иезуиты превращаются в самую мощную и влиятельную духовно-политическую корпорацию католического мира, «становятся нервом католической церкви»¹. Наибольший рост их могущества приходится на время высшего подъема Контрреформации, ее крупнейших успехов. Активнее всего оно росло в районах, пораженных протестантской «ересью» и, как правило, сопредельных с теми странами, где победила Реформация, — в Южных Нидерландах, землях по Рейну, Южной Германии, Австрии, Богемии, Венгрии и Речи Посполитой.

Если в иезуитах католицизм обрел свое главное наступательное оружие для борьбы с Реформацией, то инквизиция и книжная цензура использовались прежде всего как охранительные меры. Введенные для борьбы с религиозным инакомыслием, они нанесли сильнейший удар по гуманизму, по всей ренессансной культуре, прежде всего в Италии. В 1542 г. была реорганизована инквизиция и в Риме создан верховный инквизиционный трибунал с неограниченной властью в делах веры и юрисдикцией, распространяющейся на все католические государства. Инициатором учреждения римской инквизиции и первым ее руководителем был кардинал Караффа. В различные страны посылались комиссары «Святой службы». В новом своем статусе инквизиция была допущена далеко не всюду и не без ограничений: во Франции, в Венеции и Флоренции она действовала под контролем светских властей; Карл V в Неаполитанском королевстве, а Филипп II в Миланском герцогстве принуждены были отказаться от попыток ввести инквизицию по испанскому образцу.

В самой Испании инквизиция жестоко расправлялась с обращенными в христианство магометанами и иудеями, а затем с «алумбрадос» — течением христианской мистики, и с сочувствовавшими протестантским учениям. Действия ее в Нидерландах встретили упорное сопротивление населения и сыграли значительную роль в развертывании антииспанской борьбы. В Италии возобновление инквизиции совпало с началом широкого исхода сторонников новых религиозных учений в протестантские земли. С 40-х годов начались аутодафе с отречениями или казнями еретиков, сперва в папском, а затем и в других итальянских государствах, не исключая и Венеции.

«Святая служба» приобрела невиданную власть. Великие инквизиторы Караффа и Микеле Гисльери, став папами Павлом IV (1555—1559) и Пием V (1566—1572), даровали ей исключительные права, отменили все изданные до этого ограничительные постановления и фактически лишили Святой престол верховной власти в делах веры в пользу инквизиционного трибунала. Инквизиция развила издревле присущий католической церкви дух авторитарности и нетерпимости, почти маниакальной подозрительности ко всему новому и беспощадной жестокости к противникам. Казни протестантов приобрели невиданный размах, инквизиторы вдохновляли резню вальденсов в Южной Италии, походы против них в Пьемонте, массовое избиение мятежных морисков в Испании. Контрреформационный католицизм не желает отныне мириться ни с какой формой свободомыслия. Он вступает в непримиримое противоречие с критически-рационалистическими тенденциями в гуманизме, с развивающимися в науке принципами

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. 7. С. 277.

независимого исследования, которые подвергаются с его стороны систематическому преследованию. На эшафоте погибают бывший апостолический протонотарий, сторонник религиозного обновления Пьетро Карнесекки (1567 г.), гуманист и реформатор Аонио Палеарио (1570 г.), утопист Франческо Пуччи (1597 г.), философы Джордано Бруно (1600 г.) и Джулио Чезаре Ванини (1619 г.), Томмазо Кампанелла 33 года томится в тюрьмах, Галилео Галилеи в результате затейного против него процесса вынуждают к отречению от своих научных воззрений.

Террор инквизиции дополнялся строжайшей книжной цензурой. В 1543 г. Караффа запретил печатать любые сочинения без дозволения инквизиторов, которые надзирали также за торговлей книгами и их пересылкой. Первые каталоги запрещенных книг были составлены по инициативе местных церковных властей в Лувене, Париже, Венеции, Флоренции и Милане, в 1559 г. в Риме появился пресловутый Индекс запрещенных книг, обязательный уже для всей церкви. В него вошли сочинения реформаторов и книги, не соответствовавшие контрреформационному пониманию католического благочестия, даже одобренные прежними папами, например Эразмовы «Примечания к Новому завету» или «Проект исправления церкви», одним из составителей которого был сам Караффа. Законы о книжной цензуре имели в виду не только издателей и торговцев, но и частных лиц, которым угрожало инквизиционное преследование за чтение, хранение, распространение запрещенных книг или недонесение о них. Католическая реакция прибегала к самым крайним средствам в борьбе против любых проявлений независимого духа и завещанных Возрождением, а затем подхваченных передовыми протестантскими мыслителями принципов свободы совести.

Долгое время папству, наученному опытом XV в. опасаться притязаний собора на верховную власть в церкви, удавалось затягивать его созыв, на котором настаивали не только протестанты, но и католики. Император надеялся использовать собор в своих интересах как средство борьбы с Реформацией, давления на папство, утверждения своего преобладания в Европе. Подготовка собора продолжалась почти десять лет. После всевозможных проволочек собор начал свои заседания в декабре 1545 г. в северо-итальянском городе Тренто (лат. Tridentum), входившем в состав Империи. Тридентский собор, заседания которого продолжались 18 лет, призван был консолидировать все силы, остававшиеся верными Святому престолу. Его постановлениями католическая церковь определила свое отношение к протестантизму, осудив основные догматы новых учений.

В Тренто взяло верх консервативное, строго папистское направление. Этому способствовали значительное влияние иезуитов на выработку и принятие соборных постановлений, беззастенчивая и ловкая деятельность папских легатов, председательствовавших на соборе и присвоивших безраздельное право вносить предложения на его рассмотрение, послушность указаниям из Рима большинства участников с решающим голосом. Папство сумело отстоять абсолютную власть от покушений собора на верховенство и от притязаний епископов, требовавших независимости, и воспротивиться сколько-нибудь серьезным нововведениям и преобразованиям в церкви.

Уже в первые месяцы работы собора было постановлено, что апостольское предание должно почитаться наравне со Священным писанием: этим утверждалась преемственность установлений средневековой церкви и отвергался протестантский тезис об исключительном авторитете Писания в делах веры. Было подтверждено декретом, что латинский перевод Библии должен считаться аутентичным, или годным для догматических доказательств; за церковь сохранялось исключительное право толковать Священное писание.

Постановления собора о первородном грехе, об оправдании, о таинствах дополняли предшествующие. Путь для компромиссного решения вероисповедных разногласий был закрыт. Протестанты, пославшие представителей на вторую сессию собора (май 1551 — апрель 1552 г.), обусловили свое участие в заседаниях требованием провозгласить собор выше папы, а уже принятые без них соборные постановления признать недействительными. Это было неприемлемо как для кюри, так и для отцов собора.

На третьем этапе работы собора (январь 1562 — декабрь 1563 г.) папство столкнулось с широкой оппозицией епископов, преобразовательными устремлениями могущественнейших светских владык и некоторых национальных церковью католической части Европы. Речь шла о реформе иерархии, богослужения, церковных порядков и нравов. Отсутствие единства дало возможность строгим ревнителям католической ортодоксии сохранить в неприкосновенности устои церкви. Декретом о мессе подтверждалось все, что было усвоено обычаем, отвергались лишь некоторые суеверия; были сохранены немые и заупокойные обедни, а также латинский язык при богослужении и свершении обрядов. Брак священников не допускался. Причастие под обоими видами, т. е. хлебом и вином, собор провозгласил небожественным установлением, признав церковь вправе его регулировать по своему усмотрению, что давало удобный повод воспротивиться популярному требованию о преодолении мирян чаше. Вопрос о епископской резиденции, который обсуждался в канонах, касавшихся таинства священства, вызвал на заключительном этапе ожесточенные дискуссии. Еще в 1547 г. был принят декрет против епископов, пренебрегавших своими пастырскими обязанностями. В 1562—1563 гг. большая группа прелатов высказалась за то, чтобы провозгласить божественными установление и права епископского сана. Это требование затрагивало самые важные принципы иерархии, подрывая верховную власть папы, авторитарный строй католической церкви. Дело кончилось компромиссом, выгодным папству. Иерархия была признана необходимой, епископская власть — законной, особым канонном — законность епископов, утвержденных папой. Таким образом, сам «собор монархическую власть папы поставил на место аристократической власти собравшихся на синод епископов»².

Общая реформа нравов и управления духовенством, декретированная собором, предусматривала правила назначения и определяла круг обязанностей кардиналов и епископов, предписывала ежегодное проведение епархиальных и раз в три года провинциальных синодов, усиление епископского надзора за подопечным духовенством, реорганизацию соборных капитулов, монашеских орденов. Из постановлений, касавшихся низшего клира, важнейшее повелевало в каждой епархии учредить семинарии для пестования молодых священников. Вводились также меры против злоупотреблений, сеявших в церкви смуту и подрывавших ее авторитет: упорядочивалось управление церковными имуществами, воспрещались торгующие духовными должностями, всякого рода вымогательства, сосредоточение в одних руках нескольких бенефициев.

Принятием наспех составленных декретов о чистилище, индульгенциях, почитании святых, мощей и церковных образов собор завершил работу в декабре 1563 г. В январе 1564 г. Пий IV утвердил его постановления, оставив за Святым престолом исключительное право их толкования. Все дело собора было поставлено в полную зависимость от папы, власть которого признавалась высшей и непререкаемой. Победа римской курии — итог предшествовавшего развития церкви — отражала ситуацию, сложившуюся в ней по мере развертывания Контрреформации, когда верх взяли

² Архив Маркса и Энгельса. Т. 8. С. 46.

наиболее реакционные круги, приверженные идеалу папского главенства в церкви и господства церкви над государством. Из-за покушений Рима на прерогативы светской власти Франция не признала собор, а Филипп II, швейцарские католические кантоны, князья католической части Империи опубликовали его декреты не сразу и с оговорками.

Папство вышло из соборных битв со всеми своими прежними притязаниями. Добившись осуждения Реформации и всех новшеств, несших угрозу католицизму, оно использовало постановления собора, чтобы превратить церковь под своим главенством в строго централизованную организацию, способную расширить свое влияние в массах верующих, сосредоточить силы для активной наступательной борьбы с религиозными противниками.

Важнейшим моментом церковной реорганизации явилась реформа центрального управления. Пий V ввел жесткую экономию, вдвое сократил римский двор, установил санкции против злоупотреблений и распущенности духовенства, запретил пожалование церковных имений в лен, стремясь положить конец образованию из них независимых владений. Значительно увеличивалась роль собственной папской канцелярии в управлении церковными делами. Коллегия кардиналов при Сиксте V (1585—1590) была ограничена 70 членами; из них по образцу уже имевшихся создавались комитеты, или конгрегации, общее число которых составило 15. Эти конгрегации занимались общими делами церкви и вопросами управления Папской областью. Еженедельные консистории всех кардиналов, находившихся в Риме, продолжались, но их функции становились все более формальными. Коллегия кардиналов в результате реорганизации окончательно потеряла прежнее значение и превратилась в административный орган папской политики, полностью подчиненный папе. Абсолютистские тенденции в церковном строе восторжествовали.

В понтификат Григория XIII (1572—1585) были учреждены постоянные нунциатуры при дворах светских и духовных государей, прежде всего в Германии. Представители Рима стали проводниками контрреформационной политики во всех уголках Европы, координируя усилия католической реакции для борьбы с протестантизмом.

Рядом реформ вводилось единообразие в католическую литургию, исправлялись богослужебные книги и обряды, предусматривались меры для надлежащей подготовки священников. При Сиксте V в 1588 г. была создана специальная конгрегация по церковным обрядам. Во второй половине XVI — начале XVII в. в ряде изданий были уточнены католические ритуалы и церемонии. По решению Тридентского собора вышло новое исправленное издание Вульгаты (1592 г.). Все эти меры должны были служить упрочению католической церкви изнутри как общины верующих, внеся ясность, порядок и единообразие в отправление религиозного культа.

Политическая мысль Контрреформации строилась на признании верховенства папы в делах духовных и светских. Правда, иезуит Роберто Беллармино (ум. 1621 г.) учил, что у Святого престола нет прямой власти в мирских делах, а есть только власть косвенная. Однако его собрат по ордену Франсиско де Суарес (ум. 1617 г.), последовательнее развивая теократический идеал, признавал за папой безоговорочное право низлагать монархов и освобождать их подданных от присяги. В стремлении признать светскую власть перед духовной, якобы только и обладающей прямым божественным происхождением, иезуиты провозглашали народ носителем верховной власти, которой он может по своему выбору наделять то или иное лицо. Испанский иезуит Хуан де Мариана (ум. 1623 г.) делал крайние выводы из этого учения и доказывал истинность особенно популярной в кругах фанатичных ревнителей католицизма идеи о праве подданных восстать и свергнуть государя, даже убить его, если он оскорбляет

религию или злоупотребляет властью. Разумеется, это право не распространялось на такие абсолютистские монархии, как испанская.

Против иезуитов выступили во Франции и других странах поборники независимости национальных церквей и светской государственности. Паоло Сарпи, монах и советник венецианского правительства в борьбе с с папой Павлом V, возражая Белларmino и Адаму Таннеру, развивал положение, нашедшее широкий отклик по всей Европе, о том, что в мирских делах только государство обладает властью, полученной непосредственно от Бога.

Контрреформационный католицизм поначалу враждебно отнесся к мистике. Хуан де Вальдес (ум. 1540 г.) и его последователи в Неаполе были заподозрены в ереси, а течение «алумбрадос» в Испании подверглось в середине XVI в. беспощадному преследованию инквизиции. В мистике церковь настораживала проповедь внутренней религиозности и самоуглубления, выдвигание на первый план субъективного опыта, а не официально признанного откровения, предпочтение личного самоусовершенствования церковным таинствам и обрядам. Однако уже иезуиты, и прежде всего Лойола в «Духовных упражнениях», обратились к мистике как к главному средству воспитания, поставив внутренний опыт целиком под контроль руководителя, подвергнув тщательной регламентации всякое движение души. Это был путь не к озарению и созерцанию, но к абсолютному послушанию, когда приносились в жертву собственная воля целого века и способность суждения, все сугубо личные чувства и влечения. Другое направление, не сразу принятое церковью, представляла Тереса де Хесус (ум. 1582 г.). Основываясь на традициях испанской и нидерландской мистики, она учила погружению в религиозный экстаз, в глубины внутреннего созерцания. Под ее влиянием находился Франциск Сальский (ум. 1622 г.). Он сделал мистику столь популярной, особенно в высших слоях общества, что некоторые ее элементы стали неотъемлемой частью контрреформационного идеала благочестия.

Совершив реорганизацию и выработав непримиримую позицию в отношении новых учений, церковь с середины XVI в. взяла курс на повсеместную реставрацию католичества. В борьбе различных общественных группировок она поддерживала те, которые в сложившихся условиях обещали наилучшую защиту ее дела. В наследственных владениях Габсбургов, в верхненемецких княжествах она помогала государям против сословий; в Англии, Ирландии и Франции покровительствовала антиправительственной католической оппозиции, опиравшейся на самые разные социальные слои; в валлонских провинциях Нидерландов она нашла приверженцев и в дворянстве, и в крестьянстве; в рейнских землях встречала сочувствие влиятельных сил в среде горожан (патрициата в Кёльне, бюргерства в Трире). Контрреформация, однако, была особенно притягательна для феодального класса, религиозная реакция нашла политического союзника в абсолютистской власти и в крупных государствах Европы — Испании, Португалии, Империи, в конечном итоге и во Франции, и в мелководержавных владениях Южной Германии и Италии.

Сотрудничая со светскими суверенами, поддерживая активную борьбу с Реформацией, Святой престол не отказывал и в конкретной помощи против протестантизма деньгами, солдатами, священнослужителями, пожертвованием церковных имуществ или заключением союзных договоров. Пий V поддерживал герцога Альбу в Нидерландах, предоставил Карлу IX для борьбы с гугенотами свои войска, участвовал в заговорах против Елизаветы I. Папы покровительствовали католической партии в гражданских войнах во Франции, антианглийским восстаниям в Ирландии, испанцам в Нидерландах, савойским герцогам в борьбе с кальвинистской Женевой, сплочению швейцарских кантонов, верных Риму, торжеству католицизма в Речи Посполитой и ряде земель Империи.

Главной политической и военной силой Контрреформации были Габсбурги, в XVI в. испанские, а в XVII в. австрийские. Филипп II Испанский, опираясь на мощь своей обширной державы, международные союзы и поддержку католических группировок в отдельных странах, повел наступление на протестантизм по всей Европе. Он посылал войска в Нидерланды, поддерживал реакционные силы во Франции, содействовал восстановлению католичества в германских землях. Под предлогом защиты религии он заключил союзы с папой Сикстом V и католическими кантонами Швейцарии, образовавшими в 1586 г. Золотую, или Борромееву, лигу. Не ограничившись тайной помощью католикам на Британских островах и в Ирландии, Филипп II стремился сокрушить самую сильную цитадель протестантизма в Европе — английскую монархию.

Делая ставку прежде всего на монархов, проводники Контрреформации не пренебрегали и другими путями восстановления католицизма в странах Северной Европы. Они вели широкую письменную и устную пропаганду среди населения, возобновляли, где оказывалось возможным, отправление богослужения и обрядов римской церкви. Выпускники иезуитских коллегий, происходившие из стран, принявших Реформацию, должны были, возвращаясь на родину, поддерживать среди католического населения верность своей вере, приобретать новых адептов. Хотя им и удавалось добиться некоторых успехов, в начале XVII в. их деятельность в большинстве случаев была сведена на нет и католицизм сдавал свои последние позиции в королевствах Англии, Шотландии, Дании и Швеции.

На родине Реформации в Германии протестантизм к середине XVI в. одержал полную победу в княжествах на севере и северо-востоке, а также пустил глубокие корни на юго-западе страны и в наследственных землях Габсбургов. Церковная реакция, опираясь на постановление Аугсбургского религиозного мира о неотъемлемом праве государя вводить в своих владениях вероисповедание по собственному убеждению, добивалась восстановления католицизма в полном объеме там, где власть еще находилась в руках остававшихся верными ему правителей. Со вступлением на престол Рудольфа II (1576—1612) кончилось время, когда верховная власть Империи могла играть роль своего рода нейтральной инстанции, стоящей над религиозными партиями. Он и его преемники Матвей (1612—1619) и Фердинанд II (1619—1637) оказывали самую деятельную поддержку возрождавшемуся католицизму, и прежде всего в тех частях Империи, которые принадлежали непосредственно Австрийскому дому.

Активными проводниками Контрреформации в Германии стали герцоги Баварии. В середине XVI в. Альбрехт V (1530—1579) повел решительную борьбу с протестантизмом в своих владениях, в скором времени сумев подчинить находившуюся в оппозиции земельную аристократию и изгнать всех сторонников новых учений. Как опекун наследника Альбрехт V осуществил католическую реставрацию в Баденском герцогстве. Его сын Эрнст, избранный епископом Гильдесгейма, а затем Лютиха, выступил против протестантизма в имперском городе Аахене. С 1583 г. он возглавил Контрреформацию на западе Германии, сменив при поддержке папы, императора и испанских войск на архиепископской кафедре Кёльна Гебхарда Трухзеса, который, опираясь на рейнско-вестфальское дворянство, намеревался произвести Реформацию и секуляризацию курфюршества. Восстановление и укрепление римской церкви в этом городе предопределило победу католической реакции в соседних духовных княжествах — Падерборне, Оснабрюке и Мюнстере. По образцу Кёльна католическую реставрацию, сопровождавшуюся гонениями на протестантов, предприняли епископы Вюрцбурга, Бамберга, Аугсбурга, Регенсбурга, Зальцбурга, Констанца, а также курфюрсты-архиепископы Майнца и Трира.

К началу XVII в. католическая церковь сумела отстоять и даже вновь обрести значительные территории в Германии, где широко распространи-

INDEX
LIBRORVM PRO-
HIBITORVM ET EX-
PURGATORVM

ILL^m. de R. D. D. BERNARDI DE
Sandomal^e Roxas Card. & Archiep. Tolet. Hispaniarum
Primat^{is}, Majoris Castellae Cancellarij, Generalis Inquisi-
toris, Regij status Consiliarij, auctoritate & jussu editus.

DE CONSILIO SUPREMI SENATVS
S. Generalis Inquisitionis Hispaniarum.

VXTA EXEMPLAR EXCVSVM MADRITI
Apud Ludouicum Sanchez Typographum Regium, Anno
CXCIX cum appendice anni CXCIX. CXCIX.

GENEVAE.
SUMPTIBUS IACOBI CRISPINI.
ANNO M. DC. XX.

Титульный лист «Индекс запрещенных книг».

лись реформационные учения. Однако силам контрреформационной реакции был противопоставлен протестантский Союз (1608 г.). Католики ответили в 1609 г. образованием Лиги во главе с Баварией; это объединение поддержали австрийские Габсбурги, папа и Испания. Таким образом, Германия превратилась в поле напряженного противоборства двух религиозно-политических коалиций, судьбы которых были не безразличны для ведущих европейских держав.

Итак, Контрреформация представляла собой проводимую католической церковью политику активного противодействия прогрессивным преобразованиям в общественно-политической, религиозной и культурной жизни европейских народов XVI—XVII вв. Поднятое Реформацией движение, самым непосредственным образом угрожавшее привилегиям и положению католической церкви в обществе, заставило ее выйти из состояния оцепенелой расслабленности и реорганизоваться применительно к сложившимся историческим обстоятельствам. В контрреформационном католицизме феодальная реакция нашла союзника, располагавшего для борьбы за утраченные позиции целой системой специально созданных для этого средств.

Обрушивая гонения не только на все проявления религиозного инакомыслия, но вслед за ними и на светские устремления ренессансной культуры, покушавшиеся на некогда незыблемый авторитет и духовную монополию католицизма, воинствующая церковь в то же время широко использовала формы, выработанные этой культурой, для обновления католицизма во внешнем соответствии с изменившимися условиями общественного бытия, новыми эстетическими, идейными и нравственными запросами.

Реорганизация католицизма в период Контрреформации касалась прежде всего системы средств. Даже усвоив себе новшества — поскольку их использование не угрожало основаниям католической веры и санкционированной ею церковной организации и власти, — он представлял собой одну из самых реакционных сил эпохи, выполнял охранительную функцию, подавляя движения и выступления, так или иначе представлявшие опасность для ослабления феодального строя и его идеологии.

Часть четвертая

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И

РАННИЕ БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

Введение

1. Народные движения в Западной и Северной Европе
2. Народные движения в Венгрии, Польше и Чехии
3. Народные движения в России
4. Народные движения в Юго-Восточной Европе
5. Реформация и Крестьянская война в Германии
6. Нидерландская буржуазная революция

— *Восставшие крестьяне. Гравюра.*
Аугсбург, 1525 г.

ВВЕДЕНИЕ

В разделе рассматриваются народные движения в отдельных регионах Европы с их локальными и социальными особенностями. Знаменем времени было огромное многообразие социальных движений, сложность социального состава их участников, использование взрывов народного гнева представителями господствующих классов в своекорыстных интересах. Характерна для всего периода и тесная связь социальной борьбы с новыми мощными религиозными течениями, когда стремления к изменению старых, отживших форм социального бытия облекались в религиозную оболочку, что было свойственно и кульминационным феноменам социальной и классовой борьбы эпохи — Крестьянской войне, потерпевшей поражение в Германии, и одержавшей победу раннебуржуазной революции в Нидерландах, которым посвящены особые главы.

Глубокие экономические, социальные и идеологические изменения порождали поднимавшуюся волну общественных конфликтов в XVI — первой половине XVII в. Внутренняя политика абсолютизма, в частности централизаторская и налоговая, приносила ему возраставшее число противников не только среди народных масс, но также в среде разных сословных групп городского населения и феодально-сепаратистской аристократии. Одно восстание следовало за другим, вспыхивали антиналоговые и голодные бунты. Распространение ересей сменялось мощными приливами реформационных движений. Создавалась почва для союзов этих разных сил, иногда объединявшихся в ходе крупных восстаний. Однако после первых успехов скрытые внутренние противоречия в лагере восставших приводили к открытым столкновениям, отряды повстанцев распадались, их поражение влекло за собой кровавые репрессии. Такая, почти типичная, схема была обусловлена многими причинами: трудностью для крестьянства выработать собственную классовую программу, военной слабостью повстанцев, невозможностью прочного объединения разнонаправленных интересов временно объединявшихся социальных групп.

Одной из сложнейших была проблема выбора вождей восстаний. Ими часто оказывались не сами крестьяне или городские ремесленники, представители плебса. В числе вождей мы видим зажиточных фермеров, приходских священников, профессиональных юристов, рыцарей, оппозиционно настроенных по отношению к абсолютным монархам феодальных аристократов. Однако наличие подобных «элитарных» руководителей не означало, что руководимые ими восстания были бесклассовыми или «асоциальными». Восставшие нуждались в людях грамотных, способных осмысленно и логично сформулировать их требования и программы, обладающих военным опытом, могущих вести переговоры с местными и высшими властями. Порой восставшие силой принуждали таких людей возглавлять свои отряды. Положение даже самого преданного делу вождя часто оказывалось ложным. Он неизбежно оказывался перед дилеммой: то, что он может сделать, противоречит его прежним выступлениям, принципам, непосредственным интересам восставших; то, что он должен сделать, совершенно невыполнимо. И тогда «он должен в интересах самого движения отстаивать интересы чуждого ему класса... Кто раз попал в это ложное положение, тот погиб безвозвратно»¹, как и руководимые им люди.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 423.

Бесперспективной была и широко распространенная надежда на «добраго государя», избавителя от всех бед. Такие иллюзии порождали и самозванство, особенно типичное для России, где лишь с 1604 по 1618 г. объявилось до 30 самозванцев. Крестьянское самосознание, далекое от понимания необходимости коренного изменения существующих порядков, в подобных случаях не шло дальше поиска новых «добрых» властителей.

Рассматриваемый период характеризуется необратимым процессом разложения феодальных институтов и зарождения в недрах феодального общества шедшего ему на смену капитализма. Процесс первоначального накопления капитала приводил к отрыву непосредственных производителей города и деревни от средств производства, уничтожению гарантий их существования, пауперизации больших масс населения. Эти сдвиги вели к глубоким качественным изменениям сословно-классовых и других социальных групп; все они находились в непрерывном движении.

Не оставалась неизменной феодальная аристократия. Часть ее эволюционировала в придворную элиту, склонную к политическим интригам, иногда вплоть до открытого фрондерства. Провинциальная аристократия, особенно сильная в приграничных, недавно присоединенных и этнически обособленных областях, обросшая дворянской клиентелой, тяготела к сепаратизму, недоброжелательно относилась к набиравшему силу абсолютизму, умело использовала, а иногда и разжигала в своих корыстных целях локальные восстания народных масс. Определенные слои среднего и мелкого дворянства группировались вокруг отдельных влиятельных аристократических родов. Имели место и самостоятельные выступления рыцарства, стремившегося сохранить свою монополию на военную службу. Небольшие группы рыцарей могли прибегнуть к восставшим крестьянам.

Изменялось феодальное крестьянство. Усилилась его имущественная и социальная дифференциация. Множилась беднота. Большие массы крестьян превращались в бездомных бродяг. Если богатое и среднее крестьянство было недовольно нарушением норм обычного права, ростом налогов, ренты и арендной платы, разорительным постоем солдат, то батраки, безземельные коттеры, бродячая «голь перекатная» особенно чувствительны были к росту цен, страдали от свирепых законов против бродяг. Все большая часть сельских жителей превращалась в промысловиков-надомников, отрывалась от земли. Кабальный наемный труд, беспросветная нищета истощали терпение обездоленных слоев населения, вели к крестьянским восстаниям и мятежам, диапазон типов которых чрезвычайно широк.

Заметно менялось положение горожан. Средневековое бюргерство, прикрытое броней сословно-корпоративной привилегированности, также социально расслаивалось. Цеховая верхушка была тесно связана с патрициатом. Отношение средних слоев к цеховому строю выглядело двойственным: они использовали его в той мере, в какой он отвечал их стремлению к наживе, и умело боролись с ним, когда он ставил им препоны на этом пути. Мелкие мастера, второстепенные цехи, значительная часть цеховых ремесленников, напротив, видели в цеховой системе определенные гарантии своего скромного существования, а в недоступных их пониманию потрясениях раннебуржуазного развития — темную угрожающую силу. Вместе с армией своих обнищавших собратьев, поденщиков, пришлых пауперов они составляли городской плебс. Нищий, безграмотный, угнетенный, он был легко воспламеняющимся материалом, порой превращавшимся в слепую игрушку реакционных сил.

Возникавший наряду с буржуазией мануфактурный пролетариат оставался еще менее развитым, чем она сама. Его антагонизм по отношению к буржуазии существовал в зачаточной, неосознанной форме. Однако сво-

бодный наем рабочей силы становился положительной антитезой феодальной зависимости, несмотря на все сложности и препоны на ранних этапах развития. «Борьба, которая велась в мануфактуре из-за размеров заработной платы, принимает мануфактуру как факт, — подчеркивал Маркс, — и во всяком случае не направлена против ее существования»². Относительная малочисленность и территориальная распыленность ослабляли потенциальные возможности воздействия мануфактурного пролетариата на течение и исход социальных конфликтов в те времена.

Существенное влияние на возникновение и развитие социальных конфликтов оказывал абсолютизм. Как политическая надстройка феодального общества он деятельно защищал в изменившейся исторической обстановке интересы господствующего класса феодалов в целом: пресекал сепаратистские выступления феодальной аристократии, открывая вместе с тем, хотя и небескорыстно, известные возможности для буржуазного развития. Спротивление различных кругов общества, и прежде всего народных масс, вызвала налоговая политика абсолютных монархов, в значительной мере связанная с постоянными войнами. Однако противостояние народных масс абсолютизму не было тотальным, имело свои нюансы и отклонения. Казни отдельных аристократов-сепаратистов, некоторых изуверов, истязавших крестьян, «выдача головой» народным повстанцам слишком скомпрометировавших себя придворных и чиновников, лицемерное посредничество между феодалами и крестьянами создавали королевской власти ореол источника «высшей справедливости», порождали мифы о «добрых королях и дурных советниках». По нормам обычного права король воплощал в себе верховного судью, к которому подданные могли обращаться с коллективными жалобами, если таковые не были связаны с «заведомо бунтовщическими замыслами». Рассмотрение таких жалоб часто становилось своего рода обманым маневром венценосцев, громоотводом народного возмущения.

Сложнее развивались события, если непопулярные или карательные меры исходили от внешней силы: папского престола, монарха, правившего страной лишь на династической основе через посредство своих наместников. В таких ситуациях система оказывалась слабее, а нажим на нее — сильнее и деструктивнее. Такова была ситуация в германских землях и Нидерландах, где общая социальная напряженность, охватившая почти все европейские страны, достигла наиболее острых форм своего выражения, вылившись в первые раннебуржуазные революции.

Иная обстановка, а соответственно и расстановка социально-политических и классовых сил складывалась в Южной, Центральной и Восточной Европе, где феодально-крепостническая реакция смогла длительно противостоять буржуазному развитию и силам прогресса. Там основным содержанием и крестьянских и городских восстаний были противодействие феодально-католической реакции в ее религиозно-идеологической оболочке — Контрреформации, тирании формировавшегося территориально-княжеского абсолютизма, католической инквизиции — и борьба против наиболее жестоких форм эксплуатации крестьянства.

Фактором повышенной напряженности становились небывалые по своему размаху международные войны (Тридцатилетняя война, османская агрессия). Чудовищные опустошения давали дополнительные импульсы мятежам и восстаниям народных масс.

Самобытность отличала российскую действительность. Определяющими процессами в России являлись складывание и законодательное оформление крепостничества и крепостнического абсолютизма при наличии лишь

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 439. См. также: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1976. Ч. 1. С. 10—12.

крайне слабых зародышей буржуазных отношений. Соответственно главным направлением народных восстаний было сопротивление крепостничеству во всех его формах и проявлениях. Огромная территория и ее быстрый рост оставляли простор развитию широких и длительных восстаний, импульсы которым часто давали вольные поселения, полуподковой охватившие российские земли. Пестрота этнического состава усложняла специфику локальных выступлений.

В целом на исходе средневековья и на пороге нового времени буржуазия разрывала обременительные для нее сословные рамки, обособлялась в класс и устремлялась в первые битвы на завоевание политической власти там, где для этого складывались наиболее благоприятные условия. Раннебуржуазные революции можно расценивать как высшую форму классовой борьбы, интегрировавшую в период своей восходящей фазы разнообразные виды социальных и политических конфликтов.

Крестьянская война в Германии закончилась решительным поражением и нарастанием феодальной реакции, хотя глубинное сопротивление крестьянства не было сломлено. Зримые успехи крупнейшего общественного движения в Германии, которому не дано было одержать политическую победу, но не бесплодному, были связаны с Реформацией сферой идеологии, «тогда как успех буржуазного содержания относится [к следующему столетию и к странам], расположенным на возникших к тому времени новых направлениях мирового рынка, — Голландии и Англии»³.

Но эстафета исторически предопределенных революций продолжалась. Детище Нидерландской буржуазной революции, победившей лишь на половине территории страны и половинчатой по своему существу, — Республика Соединенных провинций передала ее уже уходящей дальше Англии еще до того, как Мюнстерский мир 1648 г. гарантировал Республике международное признание.

Глава 1

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ

Глубокие изменения, происходившие в социально-экономическом строе западноевропейских стран, особенности их исторических судеб накладывали свой отпечаток на характер социальной и классовой борьбы. С наибольшей определенностью это прослеживается в Англии, Нидерландах и Франции, т. е. в регионе необратимого типа генезиса капитализма.

В Англии XVI век знаменовался торжеством политической централизации, аграрным переворотом в деревне, разложением цехового ремесла в городе, «революцией цен», зарождением раннебуржуазных форм мануфактуры, проведением королевской реформации церкви.

Важнейшим элементом аграрной революции являлись огораживания, фокусировавшие в себе комплекс острых противоречий. Они породили множество локальных конфликтов, с которых часто начинались крупные восстания, направленные против огораживаний, превращения фригольда в копигольд, повышения ренты. Но восставали крестьяне также против секуляризации и распродажи монастырских земель, часто приводивших к ухудшению владельческо-правового статуса крестьян, а иногда и к потере земли. В 1536 г. почти одновременно произошли два больших крестьянских восстания в Ланкашире и северных графствах — зоне экстенсивного

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 399—400.

развития с известной политической автономией, привилегиями местной аристократии, недовольной политикой Генриха VIII и умело использовавшей в своих интересах под видом возврата к истинной вере выступление крестьян.

В Линкольншире поводом для восстания осенью 1536 г. послужило закрытие монастыря. К крестьянам присоединились ремесленники, бродяги, а затем клирики, часть местных джентри; аристократы возглавили движение и составили петицию повстанцев, требуя восстановить католицизм и монастыри, отменить централизаторские реформы, удалить и наказать советников короля из «людей низшей крови». Интересам масс отвечала лишь просьба об отсрочке недоимок и новых налогов. В лагере восставших началась рознь между крестьянами и феодалами, которые стали перебегать на сторону приближавшихся войск короля; восстание было подавлено.

Почти одновременно поднялась вторая волна восстания в Йорке, Кемберленде и Дереме, прозванного «благодатным паломничеством» и также возглавленного лордами и «человеком джентри» — Робертом Эски. В основу петиции были положены линкольнширские статьи, но крестьяне добились включения пунктов о соблюдении всех статуты против огораживаний и о снижении платежа за вступление во владение держанием. Раздавались призывы ввести справедливые ренты, отделиться от феодалов и даже истребить их всех. В лагере начался разброд. Генрих VIII сперва лавировал, затем, собрав войска, учинил жестокую расправу, казнив и некоторых аристократов.

Последующие годы отмечены крестьянскими волнениями в 15 графствах, быстро подавленными силами местных властей; однако королю пришлось издать новый акт против огораживаний и назначить комиссию для разбора дел о произволе огораживателей.

Крупнейшее восстание вспыхнуло в 1549 г. в Норфолке — области интенсивного товарного земледелия, преобладания фригольдеров и держателей, а также деревень с сильными сельскими общинами, подвергнутых интенсивным огораживаниям. Восстание началось со сноса изгородей. Возглавили его зажиточные эсквайры, братья Роберт и Уильям Кет; к ним присоединились дворяне из мелкого и среднего джентри. Крестьян поддерживали городские бедняки и бродяги, а также часть нидерландских иммигрантов-анабаптистов, бежавших в Англию после падения Мюнстерской коммуны. Многотысячное войско повстанцев расположилось в хорошо укрепленном лагере близ Норича. Роберт Кет объявил себя и всех восставших верноподданными слугами короля. Все землевладельцы в районе восстания обязаны были посылать в лагерь продукты и платить денежные контрибуции; враждебно настроенных подвергли заключению. Магистрат Норича сотрудничал с восставшими. Петиция из 29 статей требовала обеспечить интересы крестьян, их права на общинные земли, пресекать нарушения королевских актов об огораживаниях, ограничить землевладение феодалов и фермеров. Влияние анабаптистов сказалось, видимо, в требовании равных имущественных прав для всех.

Правительство, затянув переговоры, собрало войска для карательных операций. Первое наступление повстанцы успешно отбили, но затем их главные силы были разбиты. Последовали жестокие репрессии. На допросах повстанцы смело говорили, что «джентльмены были и остаются главной язвой Англии», высказывали надежду на новое восстание, в котором бедный люд победит. Классовый, антифеодальный характер этого восстания несомненен.

Однако в ходе других восстаний католической аристократии удалось обмануть их участников призывами к возврату «старой веры», а за их спиной строить реакционные комбинации. В Нортумберленде в 1569 г. повстанцы с помощью вторгнувшихся испанских войск пытались поддержать

притязания Марии Стюарт на корону. Однако крестьяне и в ходе этих восстаний призывали покончить с огораживаниями и дворянами, разрушали изгороди и резиденции феодалов, прекращали уплату ренты. В 1568 г. в Кенте провозносились проповеди с призывом истреблять всех феодалов и захватывать их имущество.

В конце XVI — начале XVII в. классовая борьба крестьян усилилась. В Оксфордшире в 1596 г. был раскрыт заговор, участники которого требовали истребления всех дворян, похода на Лондон, союза с городскими бедняками. В 1607 г. в центральных графствах восставшие крестьяне, именовавшие себя диггерами (копателями), уничтожали изгороди на полях. Многочисленными были голодные бунты в сельских местностях и городах, связанные с неурожаями и ростом цен на хлеб. Их участники, нередко женщины, грабили булочные и хлебные рынки, останавливали баржи и обозы с зерном, делили его между голодающими или распродавали по «справедливой цене». «Бунтовщиков» преследовали, казнили, но центральные и местные власти были вынуждены вводить некоторые ограничения, издавать особые «книги приказов», хотя все эти меры оставались недостаточно эффективными.

Города под давлением бедного люда открывали ворота восставшим крестьянам, помогали им; в них вспыхивали голодные бунты, стачки и мятежи подмастерьев и наемных рабочих. В Лондоне в 1601 г. католическая знать во главе с графом Эссексом пыталась поднять восстание и демагогическими посулами переманить на свою сторону городскую бедноту, но потерпела неудачу; многие были казнены. В 1606 и 1626—1632 гг. восстания крестьян против огораживаний были поддержаны ремесленниками и наемными работниками.

К особым формам социальных и классовых конфликтов, порожденных процессом первоначального накопления и возникновения капитализма, можно отнести колониальную по своей сущности агрессию Англии в Ирландии и борьбу ирландского народа за независимость. Для феодализма типичным было стремление завоевать не столько территории, сколько подданных. Иначе действовала развивавшаяся по буржуазному пути Англия при завоевании Ирландии. Для нее главной целью являлся захват ирландских земель для своих колонистов и крупных феодальных землевладельцев. Местное население беспощадно изгоняли, обрекая на голод и нищету. На протяжении всего XVI в. ирландцы не раз восставали под предводительством своих клановых и племенных вождей; их поражение не в последнюю очередь связано было с тем, что англичане умело натравливали этих вождей одного на другого. Большим размахом и ожесточением отличалось восстание под руководством Тирона и Тиркконнелли, начавшееся в 1594 г. и охватившее почти всю Ирландию. В ходе его англичане не раз терпели тяжелые поражения. Лишь сильная армия Маунтджоя смогла в 1600—1602 гг. добиться победы, истребляя население целых областей.

В Нидерландах конец XV в. был временем острых социально-политических конфликтов. На севере вспыхнуло крестьянское восстание «хлеба и сыра»; поводом послужил резкий рост налогов, но истинная причина лежала глубже. Ядром восстания стали Западная Фрисландия и Кеннермерлант (Северная Голландия), населенные в основном потомками вольных фризцев. Лично свободные привилегированные наследственные владельцы земли, они особенно болезненно реагировали на рост налогов, лихоимство сборщиков и откупщиков. Эти «пиявки», как их называл народ, происходили главным образом из купцов и патрициев, занимавших важные должности в городских советах. Они и стали главной мишенью крестьянского восстания. Начавшись весной 1491 г., оно втянуло в свою орбиту городскую бедноту Алкмаара, Хоорна, Бефервейка, Хаарлема. Если сначала крестьяне хотели добиться лишь сокращения налогов, рас-

правиться с «пиявками», и сохранить «свой хлеб и сыр», то в разгар восстания уже выдвигались планы завоевания всей Голландии, союза с остатками дюрианской партии «крючков», требования обеспечить горожан дешевым хлебом и работой. Войска правительства разбили основные силы восставших; сотни повстанцев были репрессированы. Налоги стали собираться с еще большей беспощадностью.

Однако в Нидерландах в ходе классовой борьбы крестьянство не проявляло себя как крупная социально-политическая сила, играя второстепенную роль в двух последующих крупных восстаниях 1534—1535 и 1539 гг., развернувшихся в обстановке экономического спада, дороговизны, голодовок. Вспыхнули хлебные и антиналоговые бунты и волнения среди ремесленников в Лейдене, Наардене, Амстердаме. Уже с 1521 г. начались жестокие преследования еретиков-реформаторов. В народе пустил прочные корни сакраментизм, эволюционировавший в революционный анабаптизм в Голландии, Фрисландии, Оверэйсселе, Хронингене. В начале 30-х годов вождями движения стали Ян Матис, булочник из Хаарлема, и портной Ян Бокелзон из Лейдена. Они объявили Томаса Мюнцера и Мельхиора Гофмана лжепророками, противопоставляя пассивной выжидательности мельхиоритов насильственное свержение существующего строя, католической церкви, введение общности имущества. В Амстердаме к анабаптизму примкнула фракция патрициата, обделенная правящей группировкой города.

Встретив сопротивление властей, движение вышло за границы страны и выплеснулось на территорию германских земель, в Вестфалию, где в Мюнстере действовали местные анабаптисты. Город был отлично укреплен, осажденные героически его защищали. В нем осуществлялись программные требования анабаптистов, включая уравнилельное потребление и регулирующую полигамию. Иоанн Лейденский в подражание библейским легендам был избран царем. Пришлые нидерландцы заняли господствующее место в руководстве движением. Многотысячные толпы анабаптистов Голландии собирались в назначенных местах, чтобы идти на помощь Мюнстеру. Однако разобщенность действий, заговорщическая тактика позволили властям жестоко подавить движение. Изголодавшийся Мюнстер пал летом 1535 г. из-за предательства изменника. К 40-м годам XVI в. революционный анабаптизм в Европе прекратил свое существование, но его приверженцы содействовали становлению других сект и непротивленческого баптизма.

К восстанию 1539 г. в древней столице Фландрии — Генте привел комплекс причин: упадок традиционного сукноделия, отмена многих привилегий Гента по Кадзантскому соглашению 1492 г. и ордонансу 1515 г., борьба за власть внутри правящих слоев, стремление сельских переселенцев — буржуа-форен — добиться полных прав горожан, быстрый рост налогов и злоупотребления правящей олигархией. Требование нового налога в 1537 г. развязало конфликт: власти Гента отказались от его уплаты.

Иоанн Лейденский.
Гравюра Г. Альдегревера. 1536 г.

Патрицианскую оппозицию очень быстро оттеснили выступления городской бедноты и буржуа-форен, потребовавших отменить все налоги, создать для них новую секцию магистрата и казнить наиболее ненавистных его членов, восстановить все бывшие вольности Гента. Волнения распространились на города Куртре, Ауденаарде, Граммон. Отход умеренных слоев и введение в Гент войск наместники решили судьбу восстания. В феврале 1540 г. Карл V с войсками вступил в Гент и учинил жестокую расправу. Его ордонанс от 30 апреля 1540 г. и Каролина 1545 г. уничтожили все привилегии Гента, а вместо коммунального режима ввели правление нотаблей, верных Габсбургам.

Для народных движений в Нидерландах было характерно сочетание бунта против реакционной политики иноземного абсолютизма, произвола местных властей и тех бедствий, которые нес с собой процесс первоначального накопления. Переплетение этих факторов чрезвычайно осложняло обстановку.

Во Франции процесс зарождения капитализма, особенно в деревне, протекал медленнее, чем в Англии и Нидерландах. Сложными путями формировалась буржуазия, сложными были ее отношения с крестьянством: «французская буржуазия становится особенно влиятельной благодаря тому, что организуется в виде парламентов, бюрократии... а не так, как в Англии, благодаря одной торговле и промышленности»¹; она была причастна к жестокой, обросшей коррупцией системе налогового обирательства. Сопротивление сепаратистских группировок феодалов и придворной аристократии, вылившееся в гражданские войны, создало специфические условия, в которых протекала классовая и социальная борьба крестьянства.

Самое крупное в XVI в. восстание кроканов (1592—1598 гг.) совпало с бедствиями гражданских войн и связанным с ними ростом налогов. От отдельных стычек с войсками сражавшихся сторон восставшие крестьяне перешли к организованной борьбе, прибегая к насильственным мерам для вербовки сторонников. Восстание охватило Пуату, Перигор, Кьерси, Лимузен, Марш, где арендная плата поглощала порю 70% урожая, а налоги грозили поглотить и его остатки. Восставшие преследовали дворян и сборщиков налогов, жгли их дома, осаждали отдельные города.

Переговоры с Генрихом IV в 1594 г. окончились неудачей, к 1595 г. восставших разбили королевские войска. Летом 1597 г. произошла новая, быстро подавленная вспышка — предатель сумел натравить католиков на гугенотов; разбредшиеся отряды были уничтожены порознь к началу 1598 г. Восстания кроканов были чисто крестьянскими и антифеодальными движениями.

Многочисленные городские восстания в XVI в. вспыхивали почти по всей Франции; особенно значительны восстания, вызванные ростом налогов и притеснениями городских властей в Ажане 1514 г., волнения в Бордо в 1516 и 1519 гг., связанные, с коррупцией при продаже откупов и цеховых должностей. В 1518 г. волнения горожан Тулузы «против короля» использовали партикуляристы. С 1509 по 1557 г. семь голодных бунтов разразились в Дижоне; власти были принуждены создать резервный зерновой склад, благотворительные фонды, ввести специальное законодательство по торговле зерном. В 1548 г. крупное восстание вспыхнуло в Гиени, Пуату, Сентонже, Лимузене. В Бордо был убит губернатор. Восстание подавили войска.

Наиболее острые социальные конфликты имели место в крупнейших городах Франции — Лионе и Париже. В Лионе волнения происходили в 1515, 1517 и 1521 гг. В 1529 г. голод, вызванный неурожаем, дал толчок «большому мятежу». Повстанцы разрушали дома богачей, низвергали ста-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 322.

туи святых. В 1539 г. союз подмастерьев организовал стачку печатников, сопровождавшуюся насилием. Одновременно происходила стачка печатников Парижа; в 1572 волнения там повторились. Выступления охватили слои мануфактурного пролетариата. В 1584-1591 гг. Париж стал ареной острых и сложных социально-политических конфликтов, связанных с критической ситуацией этих лет.

В 20-е и 30-е годы XVII в. накал социальных и классовых конфликтов возрос. В 1627—1632 гг. ряд антиналоговых голодных бунтов в Лионе, Пуатье, Кане сопровождался убийствами спекулянтов и налоговых чиновников. За ними последовала серия крупных, в основном городских, восстаний в Бургундии, Дофинэ, Провансе и Лангедоке. Поводом послужил Нимский эдикт от 1629 г. о введении податных округов в этом регионе. Он был связан не только с ростом налогов, но и с утратой автономии, появлением королевских интендантов и ненавистных сборщиков налогов — габелеров. В феврале 1630 г. в Дижоне городские ремесленники, плебс, виноградари и виноделы после массового шествия разгромили дома финансовых чиновников и сожгли портрет Людовика XIII под крики: «Да здравствует Австрийский дом и император!», внушенные сепаратистскими кругами бюргерства и местной знати, связанной с оппозиционной Рيشелье придворной группировкой. Городские власти действовали вяло, позволили бежать вожакам восстания, за что их привилегии были урезаны, а на город наложена контрибуция.

Тем не менее Нимский эдикт в Бургундии был отменен.

1 сентября 1630 г. восстали городские массы Экса — столицы Прованса, до того перенесшего годы голодовок и эпидемию чумы. Власти позволили разрастись мятежу, возглавленному Кариолисом. И здесь события были использованы партикуляристами. Королевские войска подавили восстание лишь в марте 1631 г. На город был наложен штраф, права местных властей урезаны. Но действие Нимского эдикта было отменено и в Провансе, хотя налоги в последующие годы возросли в три раза.

В Лангедоке в 1632 г. гнев народных масс и оппозицию городских верхов введению Нимского эдикта пытался использовать губернатор Монморанси, готовивший вторжение во Францию из Империи. Собранное им войско потерпело поражение, сам он был казнен. Народные волнения постепенно перерастали в мятежи городских низов и окрестных крестьян против богатей и властей.

Мощное восстание крестьян произошло в Перигоре, где 30 тыс. повстанцев возглавил по настоянию крестьян опытный военачальник дворянин Ламот Лафоре. Он оставил в армии лишь 8 тыс. человек, распустив остальных по домам, и ввел в округе сбор на ее содержание. Базой армии стал г. Бержерак. Восставшие стремились изгнать «дурных советников» короля и габелеров, притеснявших крестьян, и вернуться к порядкам, существовавшим до 1610 г. Авангард армии двинулся на юг, но был разбит королевскими войсками. Под угрозой артиллерийского обстрела основные силы покинули Бержерак и рассеялись. Восстание нашло отклики в Гиени, Лимузене, Кьерси.

Заключило эту серию восстание «босоногих» в Нормандии. Под именем вожака Жана Босоногого скрывались два дворянина и два кюре. Они создали «армию страдания», организовали походы ее отрядов. Восставшие требовали облегчения налогов, отмены габели, возврата к порядкам времен Генриха IV. В решающем сражении под Авраншем армия повстанцев была разбита прибывшими войсками. В августе 1639 г. произошло восстание ремесленников и бедного торгового люда в Руане. Богатые буржуа и представители местных властей, недовольные налогами, подстрекали восставших, пресекая лишь крайности. Третьим очагом восстания стали города Байе и Кан. Городская милиция почти бездействовала. Королевские войска жестоко покарали повстанцев. На города наложили штраф

свыше 500 тыс. ливров, потребовали срыть их стены; были урезаны права местных органов власти, их представители попали под суд.

Поражение Крестьянской войны в Германии², объективно являвшейся первым актом цикла буржуазных революций мануфактурной стадии капитализма, для германских земель, наследственных владений Габсбургов и Швейцарского союза имело определяющее значение, хотя и неординарное для составных частей этого региона. Оно привело к преобладанию здесь обратимых и заторможенных процессов во всех сферах жизни общества. Феодалная реакция прослеживается в двух основных ее формах — сеньориальной реакции, органически связанной с Контрреформацией, и втором издании крепостничества.

Германские земли с сеньориальным строем в 30—70-е годы XVI в. были относительно спокойны, что объясняется последствиями поражения Крестьянской войны, мелкими уступками, сделанными в ряде княжеств крестьянам, осторожностью феодалов, помнивших об уроках недавних событий и старавшихся пресечь в зародыше их возможное повторение.

К 80-м годам сеньориальная реакция и Контрреформация достигают апогея; натиск на поземельный и личный статус крестьян, рост налогов порождают конфликты. Лишь имперский налог «ремермонат» возрос за 1556—1606 гг. примерно в пять раз: это было причиной многих крестьянских выступлений в Вестфалии, Вюртемберге, ранее спокойных Баварии, Швабии. В общине Овинген в 1584—1596 гг. конфликт из-за размеров барщины привел к коллективному уходу ее жителей в соседние владения; в 1593—1596 гг. волнения среди крестьян в сеньориях Гогенцоллернов вызвала разверстка налогов, в 1596—1608 гг. волнения и восстания — сбор «турецкого» и других налогов в землях Трухзеса фон Вальдбурга; 1596 год отмечен волнениями крестьян в графстве Хааг (Бавария), сеньориях Ротенфельс и Штауфен (Швабия). Сведения о социальной и классовой борьбе крестьян в «сеньориальной» зоне в первой половине XVII в. немногочисленны: в Роттенберге (Верхняя Швабия) крестьяне восстали против контрреформационных акций епископа Аугсбургского в 1605—1608 гг. Голодные и антиналоговые бунты, столкновения с мародерами происходили в условиях опустошений и насилий Тридцатилетней войны.

Ареной постоянных конфликтов из-за размеров барщины, личного закрепощения, пользования альмендами были все области, где шло становление поместно-крепостнического строя. Особой остроты они достигли в Лаузице в 1527—1532, 1539, 1548—1554, 1561—1565, 1593 гг. В 1548 г. восстали местные крестьяне-сорбы; они избрали своего «кряля», собрали войско, установили союз с плебсом г. Луккау, стремясь поставить общины области Луккау под прямую власть императора. Восстание подавили объединенные силы фогта, дворян и больших городов. Небольшие городки принимали сторону восставших крестьян. Менее значительные волнения легче подавляли; сказывались и этнические различия между крестьянами-сорбами и немцами — феодалами и горожанами.

Борьба крестьян против крепостничества во второй половине XVI — первых десятилетий XVII в. не ослабевала. К 1561—1564 и 1579—1580 гг. относятся волнения, вызванные ростом барщины в поместьях Бранденбурга и Померании и др. В Бранденбурге ландграфский суд с 1560 по 1620 г. рассмотрел до 600 жалоб крестьянских общин на произвольные барщины, злоупотребления помещиков в пользовании альмендой, закрепощение. Местами барщина достигала пяти дней в неделю. Бедствия Тридцатилетней войны помещики использовали для массового гноя крестьян с земли и их полного закабаления.

² См. ч. IV, гл. 5; там же рассматриваются народные движения, предшествующие Крестьянской войне.

Восстания в крупных городах германских земель в послереформационный период и до середины XVII в. редки. Бюргерство и патрициат в них в это время скорее сосуществовали с сословно-территориальной, а затем регионально-абсолютистской государственностью, чем противостояли ей. Крестьянские восстания они поддерживали обычно лишь ради собственной выгоды. Особое место занимает восстание в Любеке 1528—1535 гг., возглавленное Вулленвевером. Органическая его связь с уже подавленной раннебуржуазной революцией сомнительна. Инициаторы восстания — городские низы и цеховой люд — были вскоре отодвинуты на задний план, их интересы и замыслы Вулленвевера не имели ничего общего. Датским крестьянам союз с ним принес лишь одни бедствия. Идеи восстановления бывшего могущества Ганзы на средневековой основе оказались несбыточными, шли вразрез с общим ходом развития, обрекали на неудачу поиски Вулленвевером опоры в других ганзейских городах и скандинавских странах. Победительницей вышла коалиция феодальных сил скандинавских государств и Пруссии.

Наследственные земли Габсбургов — Австрия, Штирия, Кроация, Крайна, Шварцвальд, Тироль, отличавшиеся пестротой социально-экономических отношений, в XVI — середине XVII в. испытывали сильное давление османов, вели изнурительные войны, стали ареной Реформации, а затем Контрреформации и превратились в зону повышенной социальной напряженности. Прямо или косвенно эти области были затронуты событиями Крестьянской войны; к последующим годам относится цепь крестьянских восстаний: 1530 г. — попытка восстания в Триберге в Шварцвальде; 1539, 1548, 1550—1554 гг. — волнения в Шпиталь-ам-Пирн в Верхней Австрии; 1561—1562 гг. — восстание в Тироле во главе с Доссером; 1564 г. — восстания в Зальцбурге и окрестностях против Контрреформации и целая серия подобных конфликтов в других областях. Эти выступления подготовили большое крестьянское восстание 1572—1573 гг., охватившее Кроацию, Крайну, Штирию и Гёрц — приграничные области с преимущественно славянским населением, которое вело тяжелую борьбу с турками и не желало становиться крепостными австрийских феодалов. Талантливый вожак восставших Матэ Губец прославился в борьбе против турок. Его программа предусматривала уничтожение феодального строя и создание свободной «Виндской крестьянской республики» под главенством императора. В феврале 1573 г. войско восставших было разбито карателями, уничтожившими население целых деревень, которые затем заселялись крепостными.

Кульминацией классовой борьбы крестьянства в этом регионе было восстание 1595—1597 гг. в Верхней и Нижней Австрии. Вооруженные отряды «Союза крестьян» изгоняли католических священников, захватывали замки, требовали отмены всех крепостнических новшеств, введенных за последние 200 лет. Крестьян возглавил трактирщик Таш, человек умеренных взглядов, сторонник переговоров с королем. К осени 1596 г. восстание распространилось и на Нижнюю Австрию. Повстанцы захватили ряд замков и монастырей, в феврале 1597 г. создали общее войско во главе с сельским ремесленником Маркграбером. Но начатая осада г. Штейра шла неудачно; Таш отозвал свои отряды и возобновил переговоры в Праге. Тем временем королевские войска разгромили отряды Маркграбера и подавили восстание в Нижней Австрии. «Интерим» Рудольфа II от 6 мая 1597 г. делал частичные уступки лишь крестьянам Верхней Австрии: барщина ограничивалась двумя неделями в году, сбор при вступлении во владение был фиксирован. Эти полумеры, плохо соблюдавшиеся феодалами, вызвали новые конфликты.

Заключило эту цепь народных движений восстание солеваров, рудокопов и крестьян 1601—1602 гг. в г. Зальцкаммергуте против Контрреформации и ее социальных последствий. Оставшееся изолированным, оно по-

терпело поражение. Феодальная реакция торжествовала, но затишье оказалось кратким. Ярмо крепостничества, рост налогов, рекрутчина, сочетание турецкой и Тридцатилетней войн породили около 15 восстаний в разных землях с 1626 по 1650 г., в их числе крестьянскую войну 1626 г. и антикатолические выступления 1627 г. в Верхней Австрии, восстание 1635 г. в Крайне и Штирии против роста барщины, волнения из-за налогов в округе Зальцбурга в 1645—1647 гг.

В Швейцарском союзе в послереформационный период сложились протестантские и католические кантоны. Стабильность последних подкрепляли союзы с Савойей (1560 г.), папой Римским (1565 г.) и Испанией (1587 г.). В 1586 г. католические кантоны создали свой региональный «Золотой союз». Но борьба Реформации и Контрреформации не прекращалась, и в ней активно участвовали народные массы. Усиление олигархии в городских магистратах протестантских кантонов стало повсеместным явлением, возрос их налоговый нажим на сельские общины, что вызвало ряд антиналоговых восстаний: в 1591 г. — в сельских округах Берна и Базеля; в 1599 г. — в сельской округе Цюриха; в 1641—1645 гг. — в Берне и округе Цюриха. В 1555 г. в Женеве произошло вооруженное выступление «либертинов» против режима Кальвина.

В средиземноморском регионе, как и в германских землях, развитие приобрело специфический попятный характер. Итальянские земли остались политически раздробленными, а Неаполитанское королевство и герцогство Миланское — в руках испанцев. Пестрота форм социально-экономического и политического развития различных областей усилилась под влиянием Итальянских и Тридцатилетней войн: в совокупности с иноземным владычеством они осложнили общий ход событий, увеличивали воздействие таких факторов, как рост налогов, голод, военные опустошения.

В XVI в. голодные бунты вспыхнули в 1528 г. в Милане, в 1581 г. — в Венеции, неоднократно повторялись с 1508 по 1582 г. в Неаполитанском королевстве. В Неаполе в 1582 г. восставшие разгромили много домов знати, убили крупного спекулянта зерном, окружили дворец вице-короля, требуя хлеба и справедливости; в движение втянулся плебс, ремесленники, окрестные крестьяне и даже часть «почетных граждан». Вице-король вынужден был ограничить вывоз зерна, улучшить снабжение города продуктами. Когда восстание стихло, городские нобили устроили резню повстанцев.

Рост налогов послужил толчком к восстаниям 1516—1517 гг. в Палермо, в 1532 г. — в Парме, в 1532—1533 гг. — в Неаполе. Вспыхивают и восстания против иноземного гнета: в 1506—1507 гг. — против французов в Генуе; в 1517, 1523 и 1527 гг. — против испанцев в Сицилии; в 1527—1530 гг. — во Флоренции; в 1546 г. — в Лукке, Пизе, Сиене — против Медичи, опиравшихся на Испанию; в 1564—1569 гг. — на Корсике. Обычно они сопровождались выступлениями городской бедноты против засилья патрицианских олигархий. В 1531—1532 гг. произошли волнения в Лукке, а в 1581 г. — рабочих-текстильщиков и рабочих венецианского арсенала.

XVI век в Италии в противоположность XV—XIV вв. не был отмечен крупными крестьянскими восстаниями, однако возникали локальные конфликты: в 1509—1511 гг. — антисеньориальные выступления во владениях Венеции; в 1524—1525 гг. как отзыв на германские события — во Фриуле и Тренто; в 1512—1513 гг. — против произвола баронов в разных частях Неаполитанского королевства.

Особо преследовались инквизицией восстания против Контрреформации в различных ее проявлениях. Введение испанской инквизиции вызвало восстания в Неаполе в 1547 г.; в 1563 г. — в Милане; в 1566—1569 гг. — выступления еретиков в сельской округе Неаполя; волновались сектанты в Вероне, Пизе, Болонье. Восстание в Генуе в 1575 г. как бы синтезировало все эти разнородные по типу движения. В борьбе между старыми и но-

выми слоями патрициата участвовали и богатые горожане. Попытки городских низов бороться за свои интересы оказались безрезультатными. Истинными победителями стали богатые «новые пополаны», патрициат.

Конец XVI в. знаменуется широким размахом действий «бригантов». В Неаполитанском королевстве их отважный вожак Марко Шарра создал хорошо организованное войско, боровшееся с произволом баронов и защищавшее крестьян. Себя он именовал «бичом господним, посланником Божиим против грабителей». Завершающим событием XVI в. стал заговор в г. Стило в Калабрии против испанского господства, возглавленный Томмазо Кампанеллой; изолированный от народа, этот заговор потерпел неудачу.

Первая четверть XVII в. — время упадка итальянских земель, и в частности Неаполитанского королевства. Коррупция и разложение охватили всю испанскую администрацию. Власть городских магистратов переходила в руки скупщиков должностей. Наследственные откупщики налогов прикарманивали до 80% собираемых с населения денег. В сельской местности развивалась феодальная реакция — росли произвольные повинности, ренты, арендные платежи. 1606—1625 гг. — время голодных, антиналоговых и «монетных» бунтов в городах Неаполитанского королевства.

К исходу Тридцатилетней войны испанские власти безудержно увеличивали налоги. В мае 1647 г. против налогов и дурного правления восстали ремесленники и беднота Палермо. 7 июля 1647 г. началось восстание ремесленного люда и плебса Неаполя, возглавленное Томмазо Аньелло (Мазаньелло) и Джулио Дженоино, а после убийства Аньелло — Дженоаро Аннезе. В городе жгли дома знати и откупщиков, убивали их владельцев. Восставшие требовали демократизации и выборности магистрата, отмены налогов, введенных после 1540 г., утверждения вновь вводимых налогов народом.

В 12 провинциях королевства вспыхнули антисеньориальные восстания крестьян. Вице-король пошел на уступки. В октябре 1647 г. была провозглашена Неаполитанская республика во главе с «герцогом Республики» Гизом, призванным из Рима. Но Франция не оказала реальной помощи, продовольственное и экономическое положение в Неаполе ухудшилось, нужда росла, среди восставших начался раскол; городские люмпены, как и в Палермо, требовали примирения с испанцами. Богатые горожане и часть дворянства, ранее находившиеся в оппозиции к испанцам, также изменили свою ориентацию. Испанские войска вошли в Неаполь в апреле 1648 г.; покарвав восставших, испанцы пошли на мелкие уступки народу, а оппозиционная знать была подкуплена пенсиями и должностями. Сил, способных свергнуть испанский гнет, не нашлось.

В самой Испании в начале XVI в. обстановка накалилась. В Арагоне, Валенсию сохранялись тяжелые формы личной зависимости крестьян, произвол сеньора. В Каталонии сеньоры нарушали традиционные вольности, власти чинили беззакония. В Кастилии ухудшилось положение многочисленных безземельных поденщиков. Сеньориальная реакция — произвольное увеличение повинностей, захват общинных земель, оросительных устройств, ухудшение личного статуса крестьян — становилась невыносимой. Власть в городах попадала в руки выскочек, нередко иноземных фаворитов. Молодая буржуазия повсеместно встречала лишь препятствия. Политический, особенно же налоговый, режим укреплявшегося абсолютизма задевал всех, не исключая феодалов.

Абсентеизм короля и распространение некоторых налогов на дворян дали толчок восстанию в Толедо, руководимому дворянами: началось восстание комунерос 1520—1522 гг., охватившее почти все слои населения Кастилии. Вместо магистратов в городах создавались «ассамблеи» из делегатов от приходов или кварталов. На собрании Генеральной хунты в Ави-

ле в июле 1520 г. присутствовало много ремесленников, писарей и других представителей народа. Восставшие городские низы Саламанки изгнали из города всех аристократов. В Вальядолиде они сломили колебания верхов и добились присоединения города к хунте. В Медине дель Кампо городской люд также вел себя весьма решительно. Осенью 1520 г. к горожанам присоединились восставшие сельские общины Старой Кастилии. Но внутри Генеральной хунты произошел раскол, верх стали брать корыстные, классовые и узколокальные интересы; ссылаясь на беспорядки в Севилье, в феврале 1521 г. 15 городов и местностей заявили о своей верности королю. Противоположность классовых и сословных интересов восставших предопределила крах восстания. В апреле 1521 г. основные силы восставших были разбиты под Вильяларом, в 1522 г. подавлены последние очаги сопротивления.

Параллельно с восстанием комунерос, но без связи с ним, развернулось восстание в Валенсии и на Майорке. В Валенсии королевские чиновники были изгнаны, реальная власть перешла к Комитету Тринадцати, состоявшему из ремесленников и незнатных лиц. Восставшие преследовали богатей, жгли и грабили их дома; крестьяне объединились с ними. Комитет, ссылаясь на недостаточную обоснованность документов, передал в разряд коронных земель ряд сеньорий, чем помог крестьянам избавиться от наиболее жестоких господ. В 1522 г. восстание было подавлено местными войсками. Классовая борьба на Майорке приняла такие же острые формы: горожане и крестьяне героически обороняли столицу острова Пальму, но в марте 1523 г. восстание потерпело поражение.

Крестьянские восстания продолжались и достигли особой остроты в конце XVI в. в Арагоне. В 1591 г. партикуляристские слои знати и городская верхушка столицы Арагона Сарагосы подняли восстание против нарушения их вольностей Филиппом II, втянув в эти действия и рядовых граждан.

Важным очагом социальной напряженности оставались мориски, насильственно обращенные в католичество. Наступление сеньоров на их владельческие права на землю, карательные законы властей, все возрастающий налоговый гнет, произвол чиновников, притеснения инквизиции предельно обострили обстановку. В 1568 г. гранадские мориски восстали, укрепившись в горных районах Альпухарры. После подавления волнений в 1571 г. мориски были переселены из Гранады в другие области. Они, однако, не сдались, устанавливали связи с османами, гугенотами, «фландрскими лютеранами». В 1609 г. последовало их полное изгнание из Испании.

Кризис испанской державы в 40-х годах XVII в. сопровождался новыми взрывами социальной и классовой борьбы, переплетавшейся с освободительными движениями. Первой восстала Каталония. Еще в 1625 г. Оливарес решил уничтожить автономию Арагона и Каталонии. Вступление Испании в войну с Францией в 1635 г., ввод в Каталонию войск, рост налогов обострили обстановку. Крестьяне Каталонии считали, что усиление прав короля лишь увеличит их бедствия. Весной 1640 г. армия восставших крестьян овладела Барселоной, но затем движение возглавила Депутация — верховный орган власти в Каталонии, где заседали депутаты дворян, духовенства и городов. Опасаясь решающего удара королевских войск, Депутация пошла на союз с Францией, объявив Людовика XIII сувереном Каталонии. Для крестьян это обернулось еще худшей тиранией и насилиями французских войск. Начались разногласия, кастильцы осадили Барселону, где в 1650 г. начались голод и эпидемия. В 1652 г. Барселона сдалась на условиях амнистии и соблюдения исконных привилегий. Заключительным актом восстаний 40-х годов была серия голодных бунтов 1647—1652 гг. в Севилье.

Для Португалии конца XV—XVI в. характерен спад социальной активности масс, в известной мере связанный с оттоком части наиболее

действенных элементов населения в колонии. Некоторое оживление относится лишь к 1580 г.: присоединение Португалии к Испании вызвало во многих городах вспышки недовольства, которые были быстро подавлены. Однако в конце XVI — начале XVII в. социальное напряжение постепенно нарастает. С конца 20-х годов XVII в. вновь начинаются волнения в городах. В этот период, завершившийся восстановлением суверенитета Португалии, социальная борьба была неразрывно слита с борьбой за независимость страны. С испанским игом связывались и рост налогов, и рекрутские наборы для ведения войны, чуждой интересам самой Португалии. Волнения следуют одно за другим: в 1628 г. — в Лиссабоне, в 1629 г. — в Порту, Сантарене и других городах, в 1630 г. — в Сетубале и т. д. Наиболее крупным было восстание в Эворе в 1637 г., ведущую роль в котором играл простой народ. Восставшие освободили из тюрьмы заключенных и уничтожили налоговые списки. Коррежедор был вынужден бежать из города. Движение быстро переросло рамки антиналогового выступления; появились требования восстановить независимость страны. Испанские власти смогли подавить восстание лишь через полгода.

В Скандинавии — регионе замедленного развития — в XVI—XVII вв. лишь завершилась фаза складывания зрелых форм феодализма. Это происходило на фоне развития мануфактурной стадии капитализма в передовых регионах Европы и формирования поместно-крепостнического строя в Центральной и Юго-Восточной Европе. Господствующие классы скандинавских стран в эту эпоху отдавали явное предпочтение хозяйству поместно-крепостнического типа. На таком усложненном базисе шла острая политическая борьба в рамках Кальмарской унии. С ней переплеталась социальная и классовая борьба народных масс, прежде всего крестьянства, приобретавшая особую окраску и в связи с различными течениями королевской реформации.

Достаточно отчетливо такая специфика проявилась уже в Дании, в то время наиболее развитой и сильной из скандинавских стран. Здесь самые крупные крестьянские восстания разворачивались в периоды политических кризисов, одновременно с восстаниями крестьян в Швеции. Восстание 1524—1526 гг. в южной шведской области Сконе, входившей тогда в состав Дании, было подавлено королевским войском.

Другое восстание крестьян и городов фактически явилось составной частью общедатского политического конфликта — «Графской распри» 1534—1536 гг. Оно вспыхнуло против местного католического епископа на о-ве Фюн, сопровождалось захватами и разрушением замков, убийствами феодалов. Для его подавления понадобилось дворянское войско. Ютландию охватила настоящая крестьянская война: свободное датское крестьянство стремилось отстоять свои права от натиска феодальной реакции. Повстанцы вступили в союз с крупными городами Дании, включая Копенгаген, объединились с Любеком, где к власти пришел Вулленвер. Но датской знати оказали помощь северогерманские княжества. После разгрома повстанцев преобладающую часть прежде свободных крестьян Ютландии превратили в держателей и арендаторов на очень тяжелых условиях, а местами и в крепостных. В 1536 г. капитулировали и города. Радикальные течения Реформации также были подавлены.

Норвегия и после расторжения Кальмарской унии в 1523 г. оставалась в составе датской державы. Усиление королевской власти, завершение процесса феодализации сопровождалось ростом сеньориальных повинностей и государственных налогов. Шпирились социальные конфликты, направленные против новых повинностей, произвола королевских фогтов. Последовала серия крестьянских выступлений. Начавшаяся в 1536 г. королевская реформация обострила крестьянские волнения, ибо закрытие монастырей влекло за собой рост податей, захваты общинных земель, упадок благотворительности. В 1573—1578 гг. прокатилось выступление крестьян в облас-

ти Треннелаг против произвольного обложения и злоупотреблений местного управителя Мунка. Мунк сумел подавить восстание, но позднее крестьяне Треннелага выиграли ряд судебных процессов. Вновь вспыхивают волнения крестьян во время Семилетней северной войны 1563—1570 гг. и Кальмарской войны 1611—1613 гг.: норвежские крестьяне отказывались платить повышенные налоги, нести рекрутскую повинность, вступали в схватки с мародерствовавшими королевскими отрядами, через голову властей заключали мирные соглашения с приграничными шведскими деревнями, отказывались воевать на шведской территории. Еще более острые конфликты происходили во время Тридцатилетней войны.

В северо-восточных и южных областях Швеции во второй половине XVI в. и середины XVII в. завершается формирование феодально-державного крестьянства, растет феодальная рента. Местами происходил сгон крестьян, захватывались общинные земли, создавались помещико-барщинные хозяйства. На востоке и северо-западе страны развитие шло замедленным темпом.

Крестьянство и горняки Далекарлии поддерживали Густава Вазу в борьбе против Кальмарской унии за создание самостоятельного шведского государства. Но король увеличивал налоги, проводил реформацию, ущемляя интересы крестьян; втянутый в общеевропейскую политику, он воевал, набирал рекрутов.

В Далекарлии поднимались восстания против новых налогов и политики Густава Вазы в 1524, 1525, 1527 и 1531—1533 гг. С ними Густав Ваза покончил, сочетая репрессии с уступками.

В 1542—1543 гг. в Смоланде и Эстерьетланде вспыхнуло крупное крестьянское восстание во главе с Нильсом Дакке. Армия восставших состояла из нескольких тысяч крестьян. Она громила дворянские усадьбы, истребляла их владельцев, королевских фогтов. Повстанцы требовали возвращения к католицизму. Лишь с большим трудом власти смогли подавить восстание.

Правительство Швеции подчиняло себе финские области, насаждало там жесткие формы феодальной эксплуатации, облагало их тяжелыми налогами; солдаты на постое содержались за счет местного крестьянства, фогты чинили произвол. Восстание 1596—1597 гг. («Дубинная война») началось в менее развитых северных провинциях Финляндии, где шведская экспансия вызывала особенное возмущение. Крестьянская армия, вооруженная тяжелыми длинными дубинами, продвигалась на юг, громила и жгла поместья. Шведские феодалы и местные власти путем ложных обещаний добились роспуска отрядов повстанцев, а затем перешли к беспощадной расправе.

В 1611—1627 гг. крестьянские восстания снова охватили Смоланд и Далекарлию. Главные их причины — рост налогов и дополнительных поборов, запреты на экспорт скота, рекрутские наборы, связанные с втягиванием Швеции в Тридцатилетнюю войну.

Специфической чертой классовой и социальной борьбы народных масс в скандинавских странах была этническая разнородность дворянства и крестьян (преобладание датского дворянства — в Норвегии, шведского — в Финляндии). Относительная слабость (в меньшей степени в Дании) городов и местного бюргерства при большой прослойке иноземного или натурализовавшегося элемента часто порождала пассивность городов в социальных конфликтах, их изоляцию от крестьянства. Крестьянские восстания в этом регионе развертывались преимущественно в горно-лесных районах, зонах экстенсивного развития, где сельские общины были сильными, а военно-административный аппарат — слабее. Здесь феодально-государственный нажим встречал наибольшее сопротивление. В Швеции повышенная социальная напряженность отмечалась также в районах концентрации горно-металлургических предприятий, особенно в XVII в. В целом

для скандинавских стран характерна меньшая социально-идеологическая и классовая зрелость выступлений масс.

Многие факторы порождали нараставшую волну классовых и социальных конфликтов в XVI—XVII вв. В конечном итоге их содержание и форму определяли процессы, связанные с разложением феодального строя, первоначальным накоплением, зарождением капитализма, Реформацией и контрнаступлением феодальной реакции.

Глава 2

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ВЕНГРИИ, ПОЛЬШЕ И ЧЕХИИ

Специфика народных движений в позднее средневековье определялась в этом регионе в первую очередь наступлением феодалов, стремившихся использовать в своих интересах выгоды от развития товарного производства путем распространения доменiallyно-барщинного хозяйства, постепенного закрепощения крестьян.

В многонациональных государствах региона классовые противоречия осложнялись национальными. Трудящиеся в одинаковой мере страдали от чужих и своих феодалов. Общность классовых интересов нередко приводила к совместным выступлениям представителей разных национальностей против господ. Засилье немецкого этнического элемента среди бюргерства многих городов Центральной Европы приводило к тому, что столкновения, выраставшие из свойственных городу социальных противоречий, приобретали национальную окраску.

Идейным знаменем крестьянских и городских движений стала Реформация, а в восточных окраинах Речи Посполитой — православие, противостоявшее униатству, которое превратилось в орудие феодальной колонизации польско-литовских магнатов и шляхты в этих землях, утверждения там крепостнического гнета. Реформация и Крестьянская война в Германии способствовали активизации классовой борьбы в Польше, Чехии и Венгрии в 20-е годы XVI в. Народ выражал свой протест против феодальной эксплуатации участием в возглавляемых дворянством национально-освободительных движениях.

Крестьяне широко прибегали к побегам. В условиях постоянных войн деклассированные элементы часто становились свободными воинами пограничных зон — гайдуками и казаками. Борьба этой особой группы за признание их личной свободы и за землю переплеталась с крестьянскими восстаниями.

Одним из первых выступлений против растущей феодальной реакции была крестьянская война 1514 г. в Венгрии под руководством Дьёрдя Дожи. Она выросла из объявленного церковью крестового похода против турок, принять участие в котором устремились массы крестьян. Восстание охватило большую часть страны, но центром его являлся район Альфёльда — Большой Среднедунайской низменности, где население особенно остро ощущало влияние феодальной реакции. К крестьянам присоединились гайдуки, городская беднота, представители мелкого дворянства, низшего духовенства — из них выдвинулись многие вожди и идеологи движения. Волнения охватили горнорабочих на рудниках Словакии и Трансильвании. В то же время бюргерство — в своем большинстве немецкое — враждебно отнеслось к крестьянской войне.

Общая численность восставших достигала примерно 100 тыс. человек. Они нападали на замки и монастыри, расправлялись с особо ненавистными

*Пытка и казнь Д. Дожи
на раскаленном троне.
Гравюра начала XV в.*

областях после поражения 1526 г. при Мохаче было то, что она зачастую сливалась с национальной, антитурецкой. Ослабление центральной власти, неспособность феодалов защитить от турок и мародерства своих армий крестьян вынуждали последних действовать самостоятельно, создавать в комитетах свои военные формирования, в ряде случаев действовавшие против феодалов. Крестьянские волнения нередко начинались как крестовые походы против турок. Наиболее значительными из них были трансильванское восстание 1526 г., возглавленное Йованом Черным, и восстание 1570—1571 гг. в северо-восточных комитетах королевской Венгрии во главе с Дьёрдем Карачоном.

В XVII в. в королевской Венгрии и Трансильвании ширился размах антигабсбургских освободительных войн с участием народных масс. Разделяя враждебность венгерского дворянства к Габсбургам, они боролись за независимость, связывая с ней надежды на улучшение своего положения. Однако это не снимало антагонизма между крестьянами и феодалами. Большую роль в этих войнах играли гайдуки. С их выступления началось движение Иштвана Бочкаи (1603—1606 гг.), который за верность возвел 10 тыс. гайдуков в дворянское достоинство и наделил землей. В 1631—1632 гг. произошло крупное выступление крестьян и гайдуков в области Верхней Тисы. Гайдуки защищали свои привилегии, крестьяне требовали сократить барщину до пяти дней в году. Восстание потерпело поражение.

Социальная борьба в городах Венгрии выражалась в выступлениях ремесленников против патрициата в Надьсегене (Сибиу), Брашишо (Брашов) и Коложваре (Клуж) во второй половине XVI в.

В горных городах социальные конфликты приобретали более острый характер, достигнув высшей точки в 1524—1526 гг. под влиянием событий в Германии. Тогда пришли в движение горные города Верхней Венгрии и Словакии: Кёрмёцбанья (Кремница), Бестерцебанья (Баньска Быстрица) и др. Горнорабочие изгнали служащих компании Фуггеров, прекратили работу, потребовали повышения платы и смещения городских властей. Шахтеры в 1637 г. восстали против попыток их закрепощения.

феодалами, сборщиками налогов, сжигали податные документы. Вожди восстания призывали к отмене феодальной эксплуатации, церковной десятины, требовали раздела церковных земель между «крестоносцами», установления всеобщего равенства, упрощения церковной организации. Феодалы подавили один за другим разрозненные очаги крестьянской войны и на Государственном собрании в ноябре 1514 г. приняли закон, согласно которому все крестьяне лишались свободы и навечно прикреплялись к земле. Хотя этот закон был отменен в 1530 г., он вместе с Уложением Иштвана Вербеци послужил закреплению бесправия крестьянства.

С такими же требованиями поднялись на борьбу против феодалов в 1573 г. 20 тыс. словенских и хорватских крестьян в Славонии под руководством Матэ Губеца.

Характерной чертой классовой борьбы крестьян в пограничных с турками

В Польше крестьяне уже с конца XV в. начали протестовать против роста повинностей, особенно барщины, и закрепощения, совершая массовые побеги. Выступления польских крестьян были слабо организованы и, как правило, охватывали отдельные поместья. Вызывало сопротивление и наступление шляхты на города. Города не подчинялись сеймовым постановлениям, стремились уничтожить особые привилегии шляхты в городском суде, управлении, пользовании городскими землями. Горожане боролись и против патрициата, сопротивляясь злоупотреблениям при налогообложении и использовании городской казны. Противоречия внутри цехов проявлялись в отказе подмастерьев и учеников от работы, в организации их союзов.

Преобразование Польши в многонациональное государство сопровождалось экспансией польско-литовских феодалов в белорусские и украинские земли. Там насаждалась фольварочно-барщинная система, крестьянство закрепощалось. Недовольство народных масс вызывала и политика нацистского «ополячивания», введение католичества и униатства.

Недовольство народных масс выливалось в открытые восстания против магнатско-шляхетской Польши в городах и деревнях: в Корсуни и Брацлаве в 1604—1605 гг., на Западной Украине в 1607 г., в Могилеве в 1606—1610 гг. В период польской интервенции белорусские крестьяне громили феодалов, нападали на шляхетские отряды.

В конце XVI в. крупной силой, противостоявшей общественному порядку Речи Посполитой, стало казачество. Лишь часть его, официально принятая на королевскую службу, получавшая жалованье и включенная в реестр, считалась вольными людьми. Основная же масса рассматривалась властями как беглое крестьянство. Власти преследовали не только нерестровых, но стремились уменьшить и число реестровых казаков. Свободная казацкая Сечь, куда бежали крепостные, мешала Польше и подвергалась притеснениям. Казачество отвечало восстаниями: одно из самых крупных (1591—1596 гг.) вспыхнуло на Киевщине, Брацлавщине, Волини, Подолии, Южной Белоруссии под предводительством гетмана Косинского, а затем Северина Наливайко. Казаков поддерживали крестьяне и городские низы. Ряд казацких восстаний последовал за Куруковским миром 1625 г., не удовлетворившим основную массу казачества: в 1630 г. во главе с Тарасом Федоровичем, в 1635 г. — с Сулимой. В отличие от выступлений казачества в конце XVI в., выражавших классовый протест, эти движения носили народно-освободительный характер, были прелюдией к освободительной борьбе украинского и белорусского народов, возглавленной Богданом Хмельницким.

Особенности народных движений в Чехии в XVI — первой половине XVII в. определялись распространением барщинно-крепостнических порядков и включением Чехии в состав монархии Габсбургов. Крестьяне восставали против новых повинностей и поборов, установления личной зависимости. Восставшие требовали в 30-е годы XVI в. защиты «старых прав и обычаев» в Прахенской, Литомержицкой, Подебрадской областях, в 1575 г. — в Прибрамском и Рожмитальском панствах, в 1580 г. — в Глубоцком панстве в Южной Чехии. Волнения продолжались и в XVII в.

Радикально настроенные элементы в Германии установили тесные связи с горняками и плебсом некоторых центров горного дела в Чехии. Томас Мюнцер в 1521 г., побывав в Яхимове, призывал шахтеров к восстанию. В 1525 г. горняки и плебс Яхимова при поддержке крестьян окрестных деревень подняли восстание, и власти вынуждены были пойти на уступки. Тогда же вспыхнули волнения и в других местах. Позднее горняки сопротивлялись розыску и возврату беглых.

Сословная, налоговая, религиозная политика Габсбургов в Чехии приводила к обострению национальных противоречий и возникновению

широкой антигабсбургской оппозиции. Однако чешские сословия, выступавшие против Габсбургов, боялись крестьянской войны и союза с крестьянами и городским плебсом. Это привело к поражению пражского восстания 1547 г. и антигабсбургского движения 1618—1620 гг.

Глава 3

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Становление Российского централизованного государства протекало в обстановке усиления народных движений и обострения классовой борьбы из-за роста оброка и барщины, к чему добавлялись разные формы ссудно-заемных кабальных договоров. Существенную роль сыграло становление поместной системы. Отмечая тяжелое положение крестьян, Максим Грек писал, что крестьяне «во скудосте и нищете всегда пребывают, ниже ржаного хлеба чиста едущу, многажды же и без соли от последния нищеты».

Менялось и лично-правовое положение крестьян. Со второй половины XV в. ограничивалось право перехода крестьян от одного землевладельца к другому (см. ч. I, гл. 10). Борьба крестьян принимала все более разнообразные формы. Наиболее распространенными были побег, нередко связанные с хищением господского имущества, отказы от выполнения повинностей, убийство крестьянами и холопами своих владельцев. Острую борьбу крестьяне вели против захватов общинных земель феодалами, обращаясь в суд с жалобами или пытаясь явочным путем вернуть захваченную землю.

В 1425—1462 гг. известны всего три случая конфликтов черносошных крестьян из-за земель, а для 1463—1502 гг. — уже 71 случай; всего же за вторую половину XV — начало XVI в. установлено 154 таких дела. В большинстве случаев крестьяне проигрывали в судах свои дела по земельным искам. Много было конфликтов, связанных с созданием на пустошах и общинных землях новых монастырей.

Покушения крестьян на имущество и жизнь феодалов носили локальный и стихийный характер. Число этих выступлений непрерывно возрастало в первой половине XVI в.

Другой сферой народных движений был город. Выступление посадских людей против боярства и крупного купечества было использовано Московским великим князем при включении Новгорода в единое Российское государство. Социальные противоречия обострились в Пскове в 1483 г., когда, по словам летописи, «посекоша псковичи дворы у посадников». Волнения в Пскове не утихали и в первой половине XVI в. Под 1537 г. летопись упоминает о том, что «бысть на Москве волнение велико». Подобные события повторялись в 1542 г.

Города стали очагом и такой формы народных волнений, как ереси, которые в условиях средневековья были одной из форм революционной оппозиции феодализму. После ереси стригольников, возникшей в Новгороде в середине XV в., в конце того же века и в начале следующего там возникает новая ересь, перекинувшаяся затем в Москву. Еретики выступали против церковной организации и основных догматов православия, отрицали монашество, а тем самым и монастырское землевладение. Основная масса еретиков состояла из представителей мелкого духовенства и посадского населения. Хотя отрицание ими церковного землевладения отвечало интересам светских феодалов, собор 1504 г. ереси осудил и многие еретики были сожжены на кострах.

Обострение социальных противоречий произошло в середине XVI в. Поводом для выступления московских посадских людей послужил грандиозный пожар 21 июня 1547 г., почти полностью уничтоживший столицу. Среди горожан-погорельцев распространялись слухи, что Москву якобы колдовством подожгла бабка царя Анна Глинская. Посадские люди требовали розыска. Слухи подхватили враждебные Глинским бояре. На чрезвычайном заседании Боярской думы 23 июня было решено произвести боярский розыск, за который принялись лишь после восстания посадских людей. 29 июня «черные люди», действовавшие, по-видимому, от лица земских органов Москвы, отправились в полном вооружении к царской резиденции. Царь, застигнутый врасплох, принужден был оправдываться, обещал прозвести настоящий сыск и помочь деньгами погорельцам для восстановления сгоревших домов. Массовой силой восстания 1547 г., как и других московских восстаний XVI—XVII вв., был «мир», народ, страдавший от феодального гнета и произвола царских временщиков. Однако главный политический выигрыш выпал на долю враждебной Глинским боярской группировки, подстрекавшей народ. Ее представители из числа старомосковского боярства и пришли к власти.

Откликами на московское восстание были волнения летом 1547 г. в псковском пригороде Опочке, а в 1550 г. — в самом Пскове. Усилилась борьба в деревне. Крестьяне покушались на жизнь и собственность феодалов, отказывались выполнять повинности, запахивали их земли, рубили леса, травили покосы.

Ливонская война и опричнина для народных масс обернулись резким увеличением налогов, усилением закрепощения, нарушением норм феодального права. Особенно сложное положение сложилось в Москве, оказавшейся разделенной на две части — земскую и опричную. Массовый террор, к которому прибег царь в столице летом 1568 г. в борьбе с оппозицией старомосковского боярства, переполнил чашу народного терпения. 28 июля 1568 г. под влиянием митрополита Филиппа царю было подано челобитие от верхов посада с просьбой отменить опричнину. Затем началось восстание посадских людей. Иван IV поспешно бежал в Александрову слободу. Собрав там опричные войска, царь продиктовал свои условия. 11 сентября 1568 г. был казнен глава оппозиционного боярства И. П. Федоров, а митрополит Филипп сослан в тверской Отрочь монастырь и там удушен Малютой Скуратовым. Однако под напором московского посадского мира царь должен был прекратить массовый террор в столице. Он избрал своей постоянной резиденцией Александрову слободу, лишь ненадолго наезжая оттуда в Москву. Восстание 1568 г. в Москве сопровождалось волнениями в ряде северных посадов и волостей, подавленными при помощи опричных войск.

Насилия и произвол опричников, подстрекательства боярской оппозиции усиливали борьбу народных масс. Известны случаи убийства опричников, резко возросло количество массовых побегов и неуплаты налогов. Такие акции стали самыми распространенными формами социальных конфликтов.

Реванш за свое поражение в 1568 г. московские посадские люди взяли после смерти Ивана IV. В начале 1584 г. восставшие москвичи, к которым пристали находившиеся в столице рязанские служилые люди, разбили арсеналы на Красной площади и приготовились к штурму Кремля. В борьбе за власть бояре вынуждены были удовлетворить часть требований восставших, сводя одновременно счета с опричниной. У кормила правления встали действовавшие сообща дядя царя Федора Н. Р. Захарьин и царский шурин Борис Годунов.

В апреле — мае 1586 г. в Москве кипела острая социально-политическая борьба, в которой восстания городских масс переплетались с борьбой боярских группировок за власть. В мае 1586 г. правящие верхи сидели

«от мужиков» в осаде «в Кремле городе». Царю Федору с парицей Ириной в мае 1586 г. пришлось покинуть столицу. Но Годунов вышел победителем, внеся раскол в ряды своих противников. Семь зачинщиков движения из числа посадских людей были казнены. Князья Шуйские и церковные иерархи поплатились ссылкой.

Московское восстание 1586 г. отозвалось в Соль-Вычегодске убийством С. А. Строганова. В 1588 г. произошло «смятение грацких людей» в Ливнах, в 1591 г. вспыхнуло антифеодальное восстание в Угличе в связи с убийством царевича Дмитрия.

С началом оформления крепостного права в общегосударственном масштабе крестьянство и посадское население усиливали борьбу. Народные движения вновь набирали силу, снова растет число побегов, убийств помещиков и царских слуг, случаев разбоя и грабежа на дорогах, особенно в лесах Брянщины.

В 1594—1595 гг. в вотчинах одного из крупнейших в России Иосифо-Волоколамского монастыря происходили выступления крестьян против перевода с оброка на барщину и принудительного ссудного закабаления. Крестьяне отказывались выполнять монастырские повинности, платить оброки, убивали наиболее ненавистных монастырских приказчиков. Монастырские власти вынуждены были пойти на уступки, отменить принудительные ссуды и регламентировать крестьянские повинности на началах «старинных». Обострились конфликты с крестьянами и в других монастырях — Антониево-Сийском, Вознесенском, Болдино-Дорогобужском. Усилилась борьба черных и частновладельческих крестьян за землю. Классовая борьба крестьян приобретала длительный наступательный и напряженный характер, господа оказывались вынужденными идти хотя бы на частичные уступки.

Важной особенностью народных движений конца XVI в. было их широкое распространение на южные районы, ставшие зоной «крестьянского ухода» из основных областей России. Однако постепенно и туда проникали представители царских властей, беглецам навязывались статус «служилых людей по прибору», несение «государевой десятинной пашни», местами и крепостнические порядки. Итогом были массовые акты саботажа, волнения, уход на вольный казачий Дон. В 90-е годы царские репрессии вызвали волнения в «украинных городах».

Толчком к новому обострению классовой борьбы послужил страшный голод 1601—1603 гг., которому сопутствовали эпидемия чумы и холеры. Народные бедствия достигли невиданных размеров. По свидетельству современника, тогда «вымерла треть царства Московского». С осени 1601 г. начались массовые голодные бунты с обычными для них захватами складов и обозов с зерном, убийствами хлебных спекулянтов, грабежами домов богачей.

В 1601—1603 гг. волнения, вызвавшие карательные походы царских войск, охватили район Тулы, Владимир, Волоколамск, Вязьму, Ржев, Можайск, Медынь, Коломну. Все эти события в целом создали базу для крестьянской войны.

Начало ей положило движение вооруженных крестьян и холопов под руководством Хлопка осенью 1603 г. на Москву. Войско их было разбито, но в сече погиб воевода И. Ф. Басманов.

Новая волна крестьянской войны, поднявшейся в южных районах, вынесла в 1605 г. на московский престол Лжедмитрия I, ставленника польских магнатов и Ватикана. Народное восстание в июне 1605 г. открыло самозванцу ворота столицы; но в мае 1606 г. поднялось народное антипольское восстание и самозванец был убит боярскими заговорщиками во главе с князем В. И. Шуйским. Вступая на царский трон, Шуйский дал боярам и верхам московского посада «Крестоцелованную запись», обязуясь не казнить и не конфисковать имущество ни у кого из их среды без суда и

следствия, решать все дела с согласия Боярской думы, чем обеспечил себе поддержку.

Своей кульминации первая крестьянская война достигла во время восстания Ивана Болотникова 1606—1607 гг. Оно началось летом 1606 г., охватило южные и западные районы, а затем центральные уезды и Поволжье. Восстали крестьяне, холопы, посадские и служилые люди «по прибору», вольные казаки. На начальном этапе к ним примкнули помещики южных уездов во главе с Истомой Пашковым и Прокопием Ляпуновым.

Летом 1606 г. с переменным успехом борьба велась повстанцами под Кромами и Ельцом, осажденными царскими войсками. Решительный перелом наступил с приходом в конце лета Ивана Болотникова, человека бывалого, в прошлом военного холопа князя А. А. Телятевского. В молодости он бежал к донским казакам, попал в плен к татарам, был продан в Турцию, где несколько лет был гребцом на галерах, затем из Венеции через Венгрию, Чехию и Польшу вернулся на родину. Возглавив восставших, Болотников под Кромами разгромил царское войско и пошел на Москву. Другим путем от Ельца двигались к столице дворянские отряды Истомы Пашкова и Прокопия Ляпунова. Осада Москвы, длившаяся с 28 октября по 2 декабря 1606 г., знаменовала собой наивысший подъем восстания. Войска повстанцев насчитывали несколько десятков тысяч человек, на их стороне было свыше 70 городов и уездов. Но у руководителей восстания не было единства. Крестьяне и холопы покусались на крепостнический порядок, тогда как южные дворяне хотели лишь свергнуть Шуйского. Антикрепостнические требования Болотникова испугали дворян. Они перешли на сторону царя и повернули оружие против своих вчерашних союзников. Их измене способствовали царское золото и обещание наград. Сходные явления наблюдались и в Западной Европе, где к крестьянам на время примыкала часть дворян.

Потерпев поражение под Москвой 2 декабря 1606 г., Болотников отступил к Калуге и продержался там до начала мая 1607 г., позднее перешел в Тулу; там восставшие были осаждены 100-тысячной царской армией. Ни затопление города, ни голод и болезни не сломили решимости обороняющихся сражаться до конца. Тогда царь вероломно пообещал сохранить жизнь восставшим и их вождям, а затем Болотников и его соратники были казнены. За восстанием Болотникова следили в Англии, Швеции, Польше, Германии, Голландии и других европейских странах.

Крестьянская война не прекратилась, но пошла на спад, временами вновь достигая большой силы и остроты. Так было в конце 1607 — первой половине 1608 г. при походе на Москву Лжедмитрия II. Тогда многие тысячи помещиков бежали в столицу, бросив свои поместья. Так было и в момент казацко-крестьянского движения атамана Баловни в 1614—1616 гг.; в сражениях под Москвой и Малоярославцем повстанцы были перебиты. В 1618 г. с выступлениями казаков было покончено.

Подавление крестьянской войны начала XVII в., польско-шведская интервенция и хозяйственное разорение подорвали силы крестьянства. Некоторое время почти единственной формой борьбы крестьян были побег. Наиболее крупное народное движение, связанное с именем крестьянина Балаша, возникло в ходе русско-польской войны за Смоленск 1632—1634 гг. Движение вовлекло казацкие отряды, многих крестьян, холопов, посадских людей, наемных солдат, в наспех созданные полки. Такие отряды вели партизанскую борьбу против польско-литовских войск и одновременно жгли и грабили помещичьи усадьбы. К середине 1633 г. правительство подавило первую вспышку движения. Повстанческие отряды переместились в Брянский уезд. Сюда же из Москвы во главе вольных казаков, холопов и стрельцов вернулся атаман Анисим Чертопруд. Численность отрядов восставших к середине 1634 г. достигла 8 тыс. Движение приняло явно выраженный социальный характер.

С началом мирных переговоров между Россией и Польшей казачьих крестьянские отряды отошли в глубь России, значительная часть их ушла на Дон. Движение Балаша, Чертопрада, Теслева явилось серьезным напоминанием о событиях начала века.

Народные движения возобновились в форме городских восстаний в 30-е и в особенности в 40-е годы XVII в. Их основной причиной было общее усиление феодального гнета, который распространялся и на города. Испытывая конкуренцию со стороны ремесленников привилегированных слобод и «осадных дворов» феодалов, посадское население Москвы и центральных уездов бежало из города, стремилось «заложиться» за бояр и монастыри. Однако правительство организовало сыск «закладчиков» и возвращало их в посады. Относительно слабая имущественная дифференциация среди посадских людей и внутренние противоречия не заслоняли главного — борьбы всей корпорации посадских людей против засилья феодалов на посаде, тяжелых налогов и произвола воевод на местах.

Начало первого волнения в Москве совпало с движением Балаша, оказав на него определенное воздействие. Временное затишье не устранило подспудной межсословной борьбы. Новая вспышка возмущения не заставила себя ждать. Поводом послужил крупный пожар, вспыхнувший в Московском Китай-городе в марте 1636 г. Холопы, посадские люди и отчасти стрельцы, что крайне обеспокоило правительство, громили лавки и делили имущество бояр и торговых людей, выпускали колодников из тюрем, снабжая их награбленными пожитками.

Наиболее крупным было московское восстание 1648 г. Попытки правительства боярина Б. И. Морозова собрать с населения прямые налоги начиная с 1646 г. привели к политическому кризису. 1 июня стража разогнала челобитчиков, пытавшихся просить царя о смещении ненавистного народу главы Земского приказа Л. С. Плещеева. На другой день во время крестного хода толпа вновь предъявила свои требования царю, но, не получив немедленного ответа, стала громить боярские дворы Морозова, Плещеева, Траханиотова, убила дьяка. Ворвавшиеся в Кремль требовали у царя выдачи этих бояр. Царь клятвенно обещал выполнить требования. Морозов бежал, выданного Плещеева толпа моментально разорвала в клочья, а Траханиотова захватили на пути из Москвы и убили. На третий день вспыхнули пожары, охватившие преимущественно дворы бояр, дворян и крупных торговых людей. Характерно, что захваченные в ходе грабежей ценные вещи восставшие не присваивали, а ломали или уничтожали, крича: «То наша кровь». Уничтожали также кабальные и податные документы.

Ненавидимые народом бояре занимали видные должности в государственном аппарате. В силу этого восстание носило антиправительственный характер, что придавало ему особый политический смысл. Одновременно в действиях восставших проявился «наивный монархизм», получивший отражение в челобитных народа к царю и в вере в указы. Городские восстания 40-х годов имели и антицерковную направленность. В Уложении 1648 г. нашли отражение законы о прекращении роста монастырского землевладения, о конфискации городских слобод бояр и церковных феодалов и учреждении монастырского приказа. Все это отвечало требованиям не только рядового служилого дворянства, но и широких слоев городского посадского населения. Указанные особенности существенно отличают восстание 1648 г. от всех предшествовавших городских и крестьянских восстаний XV—XVII вв. Собравшиеся в то время в Москве замосковские дворяне, а также зажиточные торговые люди выступали посредниками. По достигнутому соглашению фаворит Б. И. Морозов был сослан. Пришедшие к власти Н. И. Романов и Я. К. Черкасский обязались выполнить требования посредников, в том числе главное — о выработке Уложения, которое установило бы единое судопроизводство во всем государстве.

Этим закончился наиболее острый период восстаний. Широкой оглаской подготовки «хороших законов» правительство стремилось успокоить народ и отвлечь его внимание.

Волнения в Москве в менее острой форме проходили и во второй половине 1648 г., они перекинулись на периферию, сопровождались убийствами помещиков.

Соборное уложение было утверждено в январе 1649 г. В нем удовлетворялись все основные требования дворян, в том числе окончательно утверждалось введение крепостного права.

В условиях непрерывных набегов татар русское правительство в первой половине XVII в. построило ряд засечных черт — Рязанскую, Белгородскую, Симбирскую и др.: возникли города, население которых в основном состояло из служилых людей, стрельцов и беглых крестьян. Они использовались для охраны границ. Не только мелкие дворяне, но и стрельцы и казаки получали за службу земельные участки. Здесь волнения были направлены против местных властей. Толчком к ним послужило известие о восстании в Москве.

Наиболее крупное выступление произошло в Курске в июне 1648 г. К крестьянам присоединились стрельцы и часть посадских людей. Воеводу лишили власти. В августе восстание было жестоко подавлено. Пять человек повесили на дорогах под Курском. В июне же вспыхнули восстания служилых людей «по прибору» в Козлове и в ряде других крепостей. Восстание было подавлено войском, присланным из Москвы.

На севере России, в Поморье, основную силу народных движений составляли черносошные крестьяне, находившиеся в феодальной зависимости от государства. Их поддерживали посадские люди городов. Крупные восстания были в 1636 г. в Соли Вычегодской против лихоимства воеводы, двор которого был разграблен и сожжен; в июне 1648 г. поводом к выступлению посадских послужили вести о московском восстании. Город оказался в руках восставших. Как и в 1636 г., наметился союз посадских людей и крестьян в борьбе против усиливающегося налогового гнета и злоупотреблений администрации.

В ответ на жестокие меры при сборе налогов и недоимок за прошлые годы вспыхнуло восстание в июле 1648 г. в Устюге Великом. Искрой стало известие о московском восстании. Убили подьячего А. Михайлова, ведавшего сбором налогов. Восставшие требовали выбора новых подьячих из своей среды. В ходе восстания были уничтожены многие заемные кабалы и крепости, разгромлен двор воеводы. Устюжское восстание было посадско-крестьянским. Для поморских восстаний 40-х годов XVII в. в отличие от восстаний в южных городах не характерно наличие дворянской оппозиции.

Восставали и города Сибири. В Томске первое волнение произошло в 30-х годах в среде служилых людей в ответ на замену хлебного и денежного жалования земельными наделами. Но наиболее крупным было восстание 1648 г. Среди посадских людей, низов города и крестьян округа возникло недовольство установлением «государевой пашни». Воеводу Щербатова сместили и посадили под охрану. Власть перешла в руки служилых людей. Но руководство постепенно захватили дворяне, враждебные повстанцам, что и привело к его поражению.

Усилил гнет не только на селе, но и в городе, Соборное уложение 1649 г. еще более обострило классовые противоречия. Острота этих противоречий в наибольшей степени сказалась в псковском и новгородском восстаниях 1650 г., поводом к которым явилось повышение цены на хлеб в результате массовых правительственных закупок. В Пскове восстание началось в конце февраля погромами дворов крупных купцов, дворян и духовенства. Вмешательство архиепископа и воеводы не дало успеха. В середине марта началось восстание в Новгороде. Посадские люди ворва-

лись во двор воеводы и разгромили дворы зажиточных горожан и дворян. В Новгороде и Пскове власть перешла в руки земских старост. Карательный отряд из Москвы при помощи предателей из числа «лучших» людей занял Новгород. В Пскове восставшие укрепили город, заменили воеводскую власть земской избой во главе с земским старостой. Большинство выборных земской избы состояло из «младших» и «средних» посадских, но в нее входила и часть дворян и духовенства. Оперу восстания составляли ремесленники, мелкие торговцы и стрельцы. Земская изба конфисковала продовольственные запасы, оружие дворян, купцов, раздавала их защитникам города, казнила 10 дворян-изменников. В середине 1650 г. к Пскову примкнули его пригороды — Гдов, Изборск, Остров. Одновременно на Псковской земле развернулось широкое крестьянское восстание. Положение стало настолько серьезным, что правительство собрало Земский собор, обещавший прощение всем псковичам при условии прекращения восстания. Зажиточные слои взяли верх, и к концу августа город перешел в руки правительственного войска.

Восстания 30—40-х годов XVII в. имели региональные особенности, но их общей направленностью была борьба низов городского населения при участии крестьян округа против феодального гнета и представителей власти на местах.

Глава 4

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В странах Юго-Восточной Европы феодальный классовый гнет находил свое выражение прежде всего в инонациональном угнетении, в господстве иноязычной и иноверной феодальной верхушки в результате установления почти на всей территории Балканского полуострова власти Османской империи, Венеции и Габсбургов. Габсбурги, давно подчинившие словенские области, в начале XVI в. включили в состав своих владений также часть Хорватии, находившейся в унии с Венгерским королевством: в вассальной зависимости от Османской Порты были также Валахия, Молдавия и город-республика Дубровник. Уничтожение самостоятельных балканских держав — Сербии, Болгарии, Византии и албанских княжеств, ликвидация местного феодального класса привели к тесной связи с центральной властью правящей верхушки балканских земель, т. е. немецкой и венгерской во владениях Габсбургов, иноэтничной и иноверной — во владениях Порты. Это во многом способствовало классовому единению феодалов и их взаимопомощи против восставших низов. Так, немецкие дворяне Словении всемерно поддерживали хорватских феодалов в подавлении крестьянских движений XVI в., что нашло одобрение и помощь Габсбургов.

Вместе с тем длительность конфликтов держав, имевших владения в данном регионе, — войны Габсбургов с Портой, вражда Дубровника и Венеции, — противоречия в среде феодального сословия, борьба отдельных дворянских кланов и группировок создавали благоприятные условия для возникновения, иногда для большего размаха крестьянских восстаний, а на территории османских провинций — для весьма широких, общенародных освободительных движений.

Начало XVI в. ознаменовалось массовыми народными выступлениями во владениях Габсбургов и Венеции на северо-западной окраине Балканского полуострова, где давно нарастало недовольство крестьян сеньо-

риальным гнетом, вызвавшим восстания 1478 г. и локальные волнения 1482—1514 гг. Усиление феодального гнета сопровождалось в начале 1515 г. массовым восстанием: подготовленное тайным крестьянским союзом, оно охватило словенские области — Крайну, Каринтию, Нижнюю Штирию. Восставшие, встретившие сочувствие многих горожан, требовали восстановления прежних крестьянских прав и повинностей — «старой правды». Сохранение монархических иллюзий, надежд на милость императора, разобщенность повстанцев облегчили властям и немецким дворянам Словении при помощи хорватских феодалов жестокое подавление этого восстания: однако и позднее, в 1525 и 1556 гг., крестьяне решались еще на локальные выступления.

Не менее острыми выглядели социальные противоречия в венецианской Далмации и приморской Зете — так называемой «венецианской Албании». Здесь вспыхивали массовые движения пополанов-«пучаи» («простонародья»), например в г. Бар в 1507 г. и на о-ве Хвар в 1510—1514 гг., направленные против местной аристократии. Повстанцы Хвара под водительством Матии Иванича находили сочувствие и у жителей Задара, Сплита, Улциня; подавление хварского восстания властями Венеции, поддержка далматинской знати и позднее вызвали отдельные выступления против Венеции. В весьма сложной политической обстановке, обусловленной крушением королевства Венгрии под ударами турок-османов, в южных областях этого распадавшегося государства, в современной Воеводине, в 1526—1527 гг. произошло восстание сербских крестьян под руководством «царя» Йована Ненада. В этом движении наглядно проявилось слияние разных устремлений народных масс: борьбы крестьян против венгерских феодалов, смутных надежд на избавление от тягот посредством «мессии» — Ненада. Не менее показательны старания найти «мужичкого царя» в лице Ненада, попытки создать и укрепить свои позиции, используя противоречия в среде феодалов с помощью Фердинанда Габсбурга, наконец, активные вооруженные действия против надвигавшихся войск османских завоевателей.

После поражения повстанцев, руководимых Йованом Ненадом, на территории, оказавшейся под властью османов, постепенно все более распространяется своеобразное движение антиосманского и антифеодального характера, связанное с появлением уже в XV в. во многих областях Балканского полуострова отрядов так называемых хайдуков (гайдуков), клефтов, ускоков, «разбойников». С этими выступлениями иногда сочетались и отдельные восстания против Порты, возникавшие особенно в периоды войн с Портой, движение албанцев Химары в 1537 г., волна народных выступлений в разных частях балканского региона в 60—70-х годах XVI в. против османского ига; восставало население в разных районах Албании и Греции, ожидавшее помощи иностранных держав после битвы при Лепанто в 1571 г. На борьбу поднимались крестьяне Прилепской и Мориховской областей, секеи в вассальной Трансильвании, использовавшие сбор дани османам как предлог для борьбы против закрепощения и за сохранение прежних прав. Примечательно, что в тот период наряду с антиосманскими, антифеодальными движениями, возникали и несколько иные, более сложные по своему характеру. Так, в 1569—1570 гг. в Северной Трансильвании антифеодальное и антиосманское выступление крестьян под водительством Карачона сочеталось с деятельностью радикальных сект.

Хронологически с названными антитурецкими выступлениями почти совпадает крестьянское восстание в Хорватии и Словении (1573 г.). Оно было подготовлено, как и словенское движение 1515 г., тайным союзом — «братством» под руководством Матэ Губеца и Ильи Грегориача и направлено против феодальных поборов и насилий, за «старые права». Несмотря на сохранение прежних надежд крестьян на милостивого импе-

ратора, нарастает и стремление уничтожить господ вообще, создать свое, мужицкое «царство» и провозгласить Губеца крестьянским «королем» или «царем». Однако разобщенность крестьянских отрядов, их слабость и нерешительность предводителей вскоре позволили объединенными силами хорватских и словенских феодалов жестоко подавить повстанцев, казнить их вождей и усилить феодальный гнет.

Новая волна народных движений в конце XVI — начале XVII в. была связана с острым кризисом Османской империи и так называемой «Долгой войной» христианской коалиции против Порты в 1593—1606 гг. Антиосманские выступления возникали в разных балканских землях — Болгарии, Банате, Герцеговине, Албании, Славонии, Черногории; при всех их особенностях можно отметить и общие черты — стремление к освобождению от османского феодального гнета, к борьбе за восстановление самостоятельной государственности: попытки достижения независимости в союзе с государствами Западной и Центральной Европы, с другими балканскими странами, в частности Валахией и Молдавией, также чаявшими освобождения от османской тираннии.

Важной особенностью социальной истории данного региона в первой половине XVII в. было то, что классовые противоречия приводили к острым, хотя и локальным конфликтам, массовым выступлениям, и не только на территории балканских провинций Порты. В 1601 г. жители о-ва Ластово восстали против аристократического правительства Дубровницкой республики; повстанцы признали власть Венеции, лишь в 1606 г. дубровницкий патрициат смог вновь подчинить Ластово. Через несколько лет стремление хорватского клира ввести барщину вызвало сопротивление крестьян в имениях близ Загреба — движение так называемых штибренцев, причем оно продолжалось и в 1633—1639 гг. Народные движения против нобилей возникали в венецианской Далмации (г. Шибеник, 1627 г.), на о-ве Брач (1657 г.). Локальные крестьянские волнения отмечены в словенских землях (например, в 1635 г. в Нижней Штирии). Эти изолированные выступления закончились поражением, хотя в некоторых случаях крестьянам удавалось добиться временных уступок от правительства и феодальных господ, иногда снижения отдельных барщинных повинностей или замены их другой службой. Иногда повстанцы удерживали свои позиции несколько лет, пользуясь соперничеством разных государств. В то же время отряды гайдуков, ускоков, «разбойников» Венеция использовала в борьбе против Порты.

Новый этап массового национально-освободительного движения в западной части полуострова совпал с Кандийской войной, которую вела в 1645—1669 гг. Венеция против Османской империи за обладание о-вом Крит (в то время он именовался Кандией). В эти годы население подвластных Порте земель вновь обрело надежду на скорое освобождение от османского ига, активно участвовало в войне на стороне Венеции (в частности, в Далмации и Черногории).

Главные итоги и особенности народных движений в XVI — середине XVII в. в этом регионе: плано нарастание в целом преимущественно крестьянских выступлений антифеодального и освободительного, прежде всего антиосманского, характера; важна была взаимосвязь этих восстаний и волнений с общей военно-политической и внутривосточной обстановкой в странах балканского региона, в особенности в период широких международных общеевропейских конфликтов, какими становились тогда войны христианских коалиций против Османской империи. Наконец, для крестьянских, как и общенациональных выступлений той поры характерна в целом незначительная религиозная окраска; даже в тех случаях, когда проявлялись некоторые признаки религиозности движения либо отголоски прежних теорий («крестовых походов» бедноты и т. п.), все это оказывается на заднем плане, проступает лишь эпизодически. Анало-

гичная черта может быть отмечена и применительно к антиосманским движениям, которые имели своей целью не религиозную войну против мусульман вообще, а восстановление независимости прежних балканских самостоятельных государств от османов.

Глава 5

РЕФОРМАЦИЯ И КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ

Выступление Лютера с его тезисами, по образному выражению Энгельса, произвело «воспламеняющее действие, подобное удару молнии в бочку пороха»¹. Оно дало толчок широкому движению, которое было названо Реформацией, — потомки увидели в нем первую раннебуржуазную революцию.

Казалось, страна только и ждала сигнала, чтобы подняться, расправить плечи и провозгласить на весь свет право не терпеть дольше ненавистное иго папистов, порвать сеть лжеучений и корысти, наброшенной Римом, этой новой блудницей вавилонской, на многострадальный народ. Никогда ранее немецкие земли не переживали такой поры надежд, энтузиазма, веры в быстрое и радикальное обновление. Как бы ни отличались чаяния разных сословий, поборники реформы на первом этапе выступали сообща.

Но воодушевление, принимаемое за единство, продолжалось недолго. Ненависть против Рима заставила на какое-то время забыть о различии интересов, однако, чем шире становился круг вовлеченных в движение, тем явственнее давали о себе знать противоречия и несхожие цели. Когда преследовали торговцев индульгенциями или растаскивали церковное имущество, то делали это не только из вражды к римской курии, но и из неприязни к собственному клиру, который жил припеваючи, освящая несправедливые порядки. Религиозная поначалу борьба с «христопродавцами», находившимися у Рима в услужении, очень скоро обнаружила свои социальные корни.

Лютер, не желая того, пробудил страсти, которые его устроили. Народ по-своему истолковывал «христианскую свободу» и требовал решительным образом изменить условия жизни. Такое «плотское» понимание Евангелия, все больше овладевавшее умами, угрожало господству феодалов. Разбить феодальные оковы стремились не только обездоленные крестьяне и плебеи, но и люди, втянутые в раннекапиталистические отношения, — горнорабочие, да и сами предприниматели. Социальные, экономические, политические и религиозные предпосылки этого революционного движения имели глубокие корни.

А самой Крестьянской войне предшествовали цепь выступлений крестьян, заговоры и бунты. Особый размах получили они в немецких землях в конце XV — начале XVI в.

Во Франконии в 1476 г. пастух Ганс Бёхайм возвестил о явлении Богородицы: она-де обещала, что впредь не будет ни властей, ни налогов, а леса, воды и пастбища станут принадлежать всем. Его проповеди собирали десятки тысяч людей. Местный епископ, боясь вооруженного выступления, велел схватить пророка и перебить вожakov. Бёхайма сожгли. А 17 лет спустя в Эльзасе возникло новое движение. Символом борьбы, как и в прежние времена, стал крестьянский башмак. Заговор был раскрыт, за-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 392.

Томас Мюнцер.
Гравюра Х. ван Сихема.
1608 г.

Тремя годами позже на Верхнем Рейне возник еще один союз «Башмака». Иосс Фриц переменил тактику: от широкой вербовки на ограниченной территории он перешел к строгому отбору заговорщиков сразу в разных местностях. Программа выражала наиболее общие требования крестьян, ибо в движение были вовлечены земли, весьма несхожие по своим условиям. Но все опять сорвалось: власти узнали о заговоре.

Основная идея союзов «Башмака» — необходимость могучей тайной организации для насильственного ниспровержения угнетателей — была подхвачена Томасом Мюнцером и сыграла важную роль в канун Крестьянской войны.

С именем Мюнцера, этой «самой величественной фигуры» всей Крестьянской войны, связаны не только ее наиболее драматические события, но и наиболее значительные идейные столкновения, предшествовавшие великому восстанию. Если Лютер был духовным вождем умеренного бюргерско-реформаторского крыла, то Мюнцер возглавлял революционный крестьянско-плебейский лагерь². Он — один из главных создателей того радикального течения в реформационном движении, которое принято считать народной реформацией.

Мюнцер принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Он рано познакомился с учениями Лютера и стал горячим его приверженцем. Направленный Лютером в качестве проповедника в Ютербог, он и там резко выступал против мирских устремлений духовенства. После Лейпцигского диспута (см. ч. III, гл. 1), когда Экк пытался доказать близость лютеровских воззрений ереси Гуса, Мюнцер часто думал о Чехии как о стране, где возникнет новая апостольская церковь.

чинщиков казнили. Через 10 лет Иосс Фриц, крепостной епископа Шпейерского, создал тайную организацию, охватившую и соседние земли. Целью ее было всеобщее восстание крестьян. Предатель выдал заговорщиков, но Иосс Фриц скрылся.

Центр нового союза «Башмака» возник в 1513 г. в Брейстау. Здесь Иосс Фриц выдвинул более умеренную программу, желая, вероятно, придать движению больший размах. Поборы и повинности надо свести к минимуму, да и претендовать на них может лишь тот, кто издавна обладал тут правом юрисдикции. Охотиться, ловить рыбу и пользоваться общинными угодьями надлежит всем. Прирожденный конспиратор, он умело плел заговор, но и на этот раз его погубила измена. Хотя сам он избежал ареста, 13 его единомышленников полатились жизнью.

В 1514 г. в Вюртемберге вспыхнул бунт, подготовленный тайным обществом «Бедный Конрад». Его вожак Бастиан Гугель ратовал против захвата господами общинных угодий и судебного произвола. В борьбе с дворянством он рассчитывал на помощь городов, но потерпел разгром.

² Там же. С. 356, 359, 364.

При содействии Лютера в мае 1520 г. он начал проповедовать в Цвиккау (Саксония). Магистрат одобрительно относился к нападкам на францисканцев. Но как только в проповедях зазвучал призыв к радикальным преобразованиям, находивший отклик среди подмастерьев и окрестных крестьян, ему объявили об увольнении и бросили в тюрьму его ярых сторонников. Было ясно, что Мюнцер стал отходить от Лютера. Он не хотел соглашаться, что лишь Библия — источник откровения. Неужели после времен апостолов Господь обрек себя на молчание? Нет, и теперь он говорит с истинно верующими. Услышать его голос может даже тот, кто не знает грамоты.

Вынужденный покинуть Цвиккау, Мюнцер отправился в Прагу. Надежды приобщиться там к духу гуситов не оправдались, но Мюнцер отчетливее определил собственную позицию. Он обличал попов, которые, паглотавшись мертвых слов Библии, изрыгают бедному люду книжную, ложную веру. Полагаться надо на «внутреннее слово»: Господь, открывая волю свою, пишет его в сердцах верующих. «В недалеком будущем власть на веки вечные перейдет к народу», — провозглашал он в «Пражском манифесте».

Весной 1523 г. Мюнцер получил место священника в Альштедте, маленьком саксонском городе. Слушать его проповеди приходили издалека, даже горнорабочие с мансфельдских рудников. Создав «Немецкую евангелическую мессу», Мюнцер вел богослужение на родном языке: оно обязательно было, возвышая человека, сделать его способным постичь слово Божие и подготовить к борьбе с теми, кто попирает Евангелие. Необходимо отвлечь людей от жажды суетного богатства. Страждущему бедняку это легче, чем сильным мира сего. Мысль, высказанная в «Пражском манифесте», звучит еще настоятельнее: простой народ должен взять дело преобразований в собственные руки.

Отход от лютерова учения становился все очевиднее. Идеи, разрабатываемые Мюнцером, вносили в движение дух решительности и страстного нетерпения. Разрыв с бюргерско-умеренной реформацией Лютера был неизбежен.

В марте 1524 г. сторонники Мюнцера разрушили часовню вблизи Альштедта. Наихудшие опасения властей подтвердились: смутьяны не остановились перед применением силы. Тем временем Мюнцер объединял своих приверженцев. Он организовал «Союз избранных» из 30 человек; месяца три спустя их насчитывалось больше 500. Среди них было немало мансфельдских горнорабочих. Заурядный Альштедт стал независимым и грозным центром радикального понимания Реформации. Из Южной Германии приходили вести об участвовавших крестьянских выступлениях. Мюнцер упорно создавал тайные союзы своих единомышленников, сознавая неизбежность столкновения.

Католическое духовенство вело с реформаторами ожесточенную полемику, но большего успеха не добилося. Лишь когда многие города ощутили провозглашенные Лютером преобразования, серьезность положения потребовала решительных действий. Князья церкви и правители, верные католичеству, принялись поспешно собирать силы.

Чем яснее становилось, что Лютер взял на себя роль защитника угнетателей, тем скорее ощущал Мюнцер необходимость выступить против него печатно. В Альштедте он начал писать «Разоблачение ложной веры». Книжники желают сохранить за собой исключительное право судить о вероучении. Они делают все, чтобы народ, которому так горько дается хлеб насущный, оставался темным. Миром правят тираны, но скоро они будут низложены, сколько бы Лютер ни призывал к покорности властям. Люди из народа должны осознать, что истинная вера внутри их, что они хозяева собственной судьбы. Время, когда мир будет очищен от безбожных властителей, уже пришло.

Внезапно в Альштедт на проповедь явились герцог Иоганн Саксонский с сыном. Толкуя отрывок из книги пророка Даниила, Мюнцер высказал главную свою мысль: тиранов, противящихся воле Божьей, следует низвергнуть. Нечестивцы, угнетающие и обманывающие народ, не имеют права жить. Князья должны способствовать их искоренению, иначе они лишатся власти.

«Проповедь перед князьями» напечатали, но вскоре Мюнцеру пришлось покинуть Альштедт: Лютер не жалел сил, чтобы восстановить против него властителей Саксонии. Мюнцер нашел прибежище в богатом имперском городе Мюльхаузене. Здесь при его участии были составлены статьи с требованием перемен: новый магистрат, памятуя о страхе перед Господом, должен покончить с произволом, угнетением, разгулом корыстолюбия. Все это противно Божьему праву. Даже в суде надлежит руководствоваться Евангелием.

Хотя цехи одобрили эти требования, осуществлены они так и не были. Магистрат пребывал в нерешительности. Наиболее влиятельные его члены, опираясь на зажиточных крестьян округа, добились высылки сеющих смуту проповедников. Но все-таки в Мюльхаузене свыше 200 человек вступили в основанный Мюнцером союз.

Ему была ясна подстрекательская роль Лютера, который добивался его изгнания из Альштедта и Мюльхаузена. Теперь, когда все чаще приходили вести о выступлениях крестьян в Южной Германии, а Лютеровы пособники навязывали народу искаженное понимание Евангелия, обличение книжников стало наипервейшей задачей. Рукописи двух своих памфлетов — «Разоблачение ложной веры» и «Ответ лишенной духа, сладко живущей Плоти виттенбергской» — Мюнцер отправил печатать в Нюрнберг.

Доктор Люгнер (т. е. Лжец), писал он в «Ответе», высмеивает истинный дух веры и прикрывается Библией, словно фиговым листком. Он науськивает власти на воров и разбойников, но умалчивает об источнике преступлений. Главная причина воровства и разбоя — господа и князья, которые присвоили себе все — рыб в воде, птиц в небесах, злаки на земле. Они твердят «Не укради!», сами же дерут три шкуры с пахарей и ремесленников. Но если кто посягнет хоть на калию господской собственности, его тащат на виселицу. А доктор Люгнер благословляет палачей. Многие радуются, что не надо платить попам налогов, и не видят, что стало в тысячу раз хуже. Лютер, проповедуя покорность, не хочет трогать князей, хотя они больше остальных заслуживают кары, ибо не хотят уничтожить корень возмущения. Однако народ, раскусив нового папу, поднимется против тиранов: «Народ станет свободным, и один лишь Бог будет над ним господином!»

После изгнания из Мюльхаузена Мюнцер через Южную Тюрингию, Нюрнберг и Базель отправился в Шварцвальд. В Верхней Германии он пробыл несколько недель. Хотя мало прямых свидетельств о его роли в крестьянских выступлениях, идеи Мюнцера, несомненно, оказали и там свое революционизирующее влияние.

Мир накануне переворота, подготовленного всем ходом истории. Его можно осуществить без кровопролития, если несправедливые люди откажутся от захваченных привилегий и согласятся жить по Божьему праву, вступив в «Христианское объединение».

Дабы привлечь на свою сторону князей и дворян, Мюнцер признавал, что, подчинившись «Христианскому объединению», они смогут рассчитывать на долю конфискованного церковного имущества. Эта уступка делалась, скорее всего, из тактических соображений. Поскольку невелика надежда на осуществление переворота мирными средствами, надо готовиться к низложению тиранов, организуя разветвленную сеть «Союза избранных». От ближайших единомышленников, членов тайного союза, Мюнцер

не скрывал цели движения: «Все суть общее, и каждому должно быть выделено по нужде его... Если какой князь, граф или господин не захотят этого делать... им следует отрубить голову или повесить».

Конечная цель, разумеется, не исключала постепенности ее достижения. Если установление царства Божьего на земле мыслилось как результат переворота, то первый этап его и состоял в захвате народом власти. Видя потенциальную силу простого люда, Мюнцер не склонен был его идеализировать: он опасался, как бы тяга к мирским благам не погубила святого дела.

Социально-политическая программа Мюнцера была неотделима от его философии и богословия. Признавая за каждым истинно верующим право не только толковать Писание, но и «говорить с Богом», он освобождал человека от многовекового порабощения церковью и от притязаний новоявленных книжников на духовную власть.

«...Под царством божьим,— писал Энгельс,— Мюнцер понимал не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти. Все существующие власти, в случае если они не подчинятся революции и не примкнут к ней, должны быть низложены, все промыслы и имущества становятся общими, устанавливается самое полное равенство»³.

Перед началом Крестьянской войны во многих немецких землях царили тревога и ожидание беды. Часто вспоминали давнее пророчество: «Кто в двадцать третьем году не умрет, в двадцать четвертом не утонет, а в двадцать пятом не будет убит, тот скажет, что с ним произошло чудо».

Искра, от которой занялось пламя, сверкнула в ландграфстве Штюлинген, на Верхнем Рейне. Год выдался очень тяжелым. Закрома были пусты. А господа не помышляли о каких-либо послаблениях, напротив, придумывали все новые повинности и поборы. Крестьяне хотели только одного: отмены «новшеств», которые дополнительным бременем ложились на их спины.

Штюлингенским беспорядкам власти сначала не придали серьезного значения. Однако вскоре обнаружилось, что смутьяны призывают громить монастыри, не платить налогов и не работать на барщине, поскольку Бог создал всех равными и никто не обязан быть в услужении у другого. Дух непокорности овладел многими деревнями, лежащими между Верхним Рейном и Верхним Дунаем. На сходках составлялись жалобы, где были перечислены акты произвола и беззакония, чинимые господами. Особенно возмущали попытки увеличить барщину и рассматривать всех крестьян как крепостных.

Стремление посулами и обманом положить конец смуте не принесло большого успеха. Крестьяне, вооружаясь, стали собираться в отряды. Особую тревогу властей вызывала возможность союза взбунтовавшихся мужиков с вероотступниками, нашедшими пристанище в соседних городах.

В начале октября 1524 г. восстали крестьяне Хегау. Вскоре к ним присоединились прозевшие штюлингенцы. В ноябре смута охватила и Клеттгау. «Тяжело смотреть на все, что тут происходит,— доносили габсбургским властям,— и можно опасаться, что дело дойдет до великой междоусобицы. Здесь все очень дико, странно и тревожно».

В том, что попытки расколоть восставших окончились безрезультатно, важную роль сыграл Мюнцер. Поздней осенью 1524 г. он появился в землях, охваченных волнениями, и убеждал крестьян, что кровопролития можно избежать, если господа подчинятся общине. В противном случае их надобно сбросить с престола.

³ Там же. С. 371.

Волнения уже охватили большие районы. Крестьяне собирались в отряды и требовали «Божьего права». О нем повсюду рьяно спорили. Часто мысль о необходимости коренных перемен тонула среди мелких требований и личных обид. Даже выбрав вожда и развернув знамя, мужики часто не знали, что им делать. Как добиваться правды? Жечь поместья или ждать, пока господа, уstraшенные поднимающейся бурей, согласятся на уступки? Выгонять их силой из замков или увещевать?

С первых дней пребывания на юге Мюнцер отдавал все силы тому, чтобы его идеи стали ясны крестьянам. Суть «Божьего права» — в признании главным принципа общей пользы. Осуществить же его может только насильственный переворот. Именно такое толкование «Божьего права» и сольет разрозненные крестьянские бунты в единый и всеокрушающий поток великого восстания.

Расхождения относительно конечных целей борьбы еще острее выявили необходимость общей программы. Нельзя было допустить, чтобы различные местные требования, сколь бы оправданными они ни были, помешали крестьянам увидеть перед собой основную цель — завоевание власти народом. Мюнцер и его единомышленники прекрасно это понимали. Их программа была программой борьбы. Она не должна была заменять те статьи, в которых крестьяне разных районов сводят свои требования. Поэтому статьи, возникающие из местных жалоб, следовало предварить введением, где изложены принципы, коих необходимо держаться всюду. Программа называлась «Статейным письмом». Точно определить время его создания нельзя, не говоря уже о трудности выбора между разночтениями, касающимися отношения к господам, согласным вступить в «Христианское объединение»: надо ли смотреть на них, как и на остальных «благочестивых людей» или как на «чужаков». Нелегко понять, в какой степени «Статейное письмо» было декларацией полного социального переворота, а в какой отвечало революционной тактике, которая на первых порах должна была способствовать принятию неотложных крестьянских требований.

В Южном Шварцвальде Мюнцер провел, по-видимому, несколько недель между ноябрем 1524 г. и январем 1525 г. Сохранились лишь списки «Статейного письма», которые в начале мая 1525 г. были переданы городам Виллинген и Фрейбург (Брейсгау), дабы склонить их присоединиться к «Христианскому объединению». «Так как по сей день на бедного простого человека в городах и деревнях вопреки Богу и всяческой справедливости налагались великие тяготы духовными и светскими господами... то отсюда следует, что такие обузы и тяготы ни нести, ни терпеть дольше невозможно, если только простой бедный человек не хочет всецело обречь себя и своих потомков на полное нищенство. Посему провозглашаемое намерение этого христианского объединения состоит в том, чтобы с Божьей помощью освободиться, насколько это возможно, безо всякого применения меча и кровопролития, что, вероятно, не может быть осуществлено, разве только с братским увещанием и объединением во всех надлежащих вещах, относящихся к общей христианской пользе...»

Далее обосновывается необходимость «братского увещания», поскольку вступить в «Христианское объединение» предлагается не только «друзьям и любезным соседям», но и господам. Тем, кто откажется участвовать в «Христианском объединении», грозит «светское отлучение». Никто с ними не будет иметь дела ни на работе, ни во время досуга. Любое общение с ними будет запрещено, и смотреть на них станут как на отсеченную часть тела. Поскольку всякое предательство, угнетение и порча исходят из замков, монастырей и поповских имений, на них тотчас же налагается «светское отлучение». Если же дворяне, монахи и попы добровольно от них откажутся, переселятся в обычные дома и захотят вступить в «Христианское объединение», то их примут со всем имуществом. Все,

что надлежит им по «Божьему праву», они должны получить без ущерба.

«Светское отлучение» — грозное оружие. Оно призвано заставить господ не противиться справедливым требованиям. «Христианское объединение» рассматривается как инструмент далеко идущих преобразований, которые облегчат положение «бедного простого людя» городов и деревень сообразно с общей христианской пользой и «Божьим правом».

С наступлением весны 1525 г. крестьянские волнения в Верхней Швабии заметно усилились. Крестьяне Кемптенского аббатства, изверившись в том, что их жалобы могут быть удовлетворены юридическим путем, взялись за оружие. К ним присоединились жители многих других деревень Альгау. Теперь речь шла уже не о ликвидации злоупотреблений, а о необходимости осуществить «Божье право». Радикальное его толкование звало к сокрушению монастырей и замков как оплотов угнетения. Уполномоченные Швабского союза — учрежденного еще в конце XV в. альянса феодалов и имперских городов Юго-Западной Германии — пытались выиграть время, склонив повстанцев к переговорам. Но замысел их был разгадан. 24 февраля в Обердорфе посланцы крестьян провозгласили создание «Христианского объединения Альгау». Если первоначально вступление в него предполагалось добровольным, то тремя днями позже в Лейбасе из-за слухов о приближающемся войске Швабского союза крестьяне решили использовать принуждение.

К началу марта только в Верхней Швабии отряды восставших насчитывали более 40 тыс. человек. Но чем многочисленнее становились жалобы и наказания, принимаемые в лагерях повстанцев и на деревенских сходках, тем резче ощущалось отсутствие единства. Из массы разрозненных настояний надо было выделить самые существенные, чтобы создать программу, приемлемую для большинства.

С этой целью Ульрих Шмид, предводитель балтрингенского отряда, обратился к двум подходящим «ученым мужам». Оба они, проповедник Шапелер и скорняк-подмастерье Лотцер, находившиеся под влиянием идей Цвингли, составили главный программный документ Крестьянской войны, который сокращенно называют «12 статьями».

Ссылки на Священное писание должны были показать, что собранные воедино и обобщенные требования не противоречат Евангелию. Во Введении решительно отменялся упрек в том, будто крестьяне повинны в мятеже, — действуют они лишь по воле Божьей. Первая статья была пропикнута духом Реформации. Священник, которого выбирает община, обязан возвещать истинное Евангелие и вести себя подобающим образом под угрозой смещения. Содержать его следует за счет «большой десятины», вносимой зерном (ст. 2).

Крестьяне требовали отмены крепостного состояния и связанного с ним посмертного побора с наследства (ст. 3 и 14). Охота, рыбная ловля и пользование лесом должны перестать быть привилегией господ (ст. 4 и 5). Захваченные общинные земли, поля и луга надлежит вернуть общине (ст. 10). «Малую десятину» — десятину с овощей и скота — необходимо отменить (ст. 2), а также сократить повинности и оброк (ст. 6—8), поскольку их постоянное увеличение противно слову Божьему. Наказания, выносимые судом, должны покоиться на писаных уложениях, а не на произволе (ст. 9).

Восстановление прав общины — возврат общинных земель, обеспечение ее самоуправления, право выбирать священника — приобретало не только экономическое, но и политическое звучание. Однако воинственным духом «12 статей» не отличались: крестьяне готовы отказаться от любых требований, если им на основании Библии будет доказана их неправота. Допускалось также пополнение программы новыми статьями, коль на то подвигнет истинное понимание Евангелия (ст. 12).

Энгельс подчеркнул принципиальное различие между «12 статьями» и «Статьейным письмом»: хотя все современники приписывали Мюнцеру обе программы, «несомненно, что он не был автором, во всяком случае, первого документа». Энгельс не исключал возможности того, что Мюнцер не был автором и «Статьейного письма». Для Энгельса важнее другое — обоснование тезиса о существовании двух «партий» среди восставших: «Революционная партия выдвинула свою программу еще раньше (т. е. до «12 статей», — А. III.) в «Статьейном письме»...»⁴

При всей умеренности «12 статей» звучавшая в них убежденность в том, что Господь скоро вызволит из плена зывающих к нему людей, воспринималась многими как оправдание мятежа. Само понимание Божьей воли как намерения освободить «бедного простого человека» от непомерного бремени поднимало в народе боевой дух. А стремление выйти за пределы местных интересов, придав жалобам и наказаниям обобщенный характер, способствовало сплочению. Составители «12 статей» хорошо знали чаяния большинства крестьян и удачно их выразили. Не случайно во время Крестьянской войны эта программа была напечатана не менее 25 раз.

«12 статей» стали самым распространенным программным документом мятежного крестьянства, ибо составлены так, чтобы одобрить их могли и крестьяне других охваченных восстанием районов. Одни — потому, что видели в них полное выражение своих жалоб, другие — потому, что расценивали их как тот минимум, достижение которого не исключало и более радикальных требований. Осуществление «12 статей» сильно подорвало бы материальные основы феодального господства. Крестьянам это принесло бы экономическое облегчение, повышение их социального статуса; возрос бы политический вес сельских общин. В деревне, да и не только в деревне, была бы ослаблена власть феодалов, укрепилось бы положение крестьян как простых товаропроизводителей — все это благоприятствовало бы проникновению капиталистических отношений в сельское хозяйство и развитию производительных сил⁵.

Весной 1525 г. вооруженные отряды франконских крестьян все больше набирали мощь. Во многих местах пылали замки и монастыри. Казнь графа Людвиг фон Хельфенштейна, который пытался мечом усмирить смутьянов, и группы его приближенных повергла господ в ужас. Решительные действия повстанцев долины Неккара во главе с Якобом Рорбахом вызвали тревогу городского патрициата. Играя на противоречиях в лагере восставших, «отцы» Хайльбронна посеяли рознь и оживили среди них примиренческие настроения. Городской патрициат стремился потопить опасные требования крестьян в широкой программе реформ и достичь полюбовного соглашения с дворянством.

Не столько необходимость свести воедино требования различных отрядов Франконии, сколько стремление выработать программу, которая стала бы основой для общеимперской реформы, будто бы одинаково приемлемой для всех сословий, выдвинуло в Хайльбронне на первый план Венделя Гиплера, многоопытного служилого человека, примкнувшего к восставшим. Он воспользовался проектом, который был прислан ему Фридрихом Вайгандтом, бывшим прежде казначеем в Майнце. Светским господам, обязанным верно служить Империи, охранять бедных и защищать слово Божье, будут пожалованы лены, чтобы обеспечить им достойные доходы. Место действующего мирского права займет право Божье и естественное, дабы оно стало доступно и беднякам. Все суды должны состоять исключительно из мирян: председательствует всегда кто-либо из знати, но большинство членов суда — бюргеры и крестьяне.

⁴ Там же. С. 399, 402.

⁵ Deutsche Geschichte. В., 1983. Bd. 3. S. 157.

Особая забота наряду с судопроизводством проявляется и о торговле. Пора покончить с неумным своекорыстием, запретить большие торговые компании, гарантировать безопасность передвижения, ввести единую для всей Германии монетную систему, единые меры и вес. Из государственных налогов таможенную пошлину надлежит исключить совсем, а дорожную подать уменьшить и использовать только для строительства дорог. Платить налог непосредственно императору лишь раз в 6 лет. Все поземельные поборы могут быть выкуплены при единовременном вносе их 20-кратной суммы. Собственники капиталов должны ссужать свободные деньги магистратам под 4%, дабы те одалживали их нуждающимся под 5%. Таким путем будет покончено и с налоговым закабалением крестьян.

Дворянству, отмечал Энгельс, «были сделаны уступки, весьма приближавшиеся к современным выкупам и ведущие в конечном счете к превращению феодальной земельной собственности в буржуазную»⁶.

По существу Хайльброннская программа была бюргерской утопией, предвосхищением ряда тех завоеваний буржуазии, которые осуществились в Германии лишь во второй половине XIX в.

В середине мая 1525 г., когда собравшийся в Хайльбронне «крестьянский парламент» едва начал свою работу, гонцы принесли весть о разгроме вюртембергских повстанцев под Бёблингеном. Трухзес, военачальник Швабского союза, шел на Хайльбронн. Крестьянским вожакам было теперь не до обсуждения будущего государственного устройства. Они в спешке разбегались.

Патрициат Хайльбронна, решившись на измену, вступил в тайные сношения с Трухзесом. Гиплер бежал. Войска карателей жгли деревни и беспощадно расправлялись с бунтовщиками.

Хотя в отдельных местах крестьяне и добивались кратковременного успеха, отряды их все чаще терпели поражение. И пожалуй, в большей степени, чем недостаток организованности, здесь сказывалось отсутствие подлинной поддержки со стороны горожан. Среди повстанцев было немало городских плебеев, но сами города с их материальными ресурсами, артиллерией, боеприпасами, с изрядным числом опытных в военном деле людей, как правило, на сторону восстания не переходили. Вооруженные выступления крестьян во многих случаях служили толчком для усиления социальной борьбы внутри городов. Однако это обстоятельство сыграло и определенную сдерживающую роль. Антифеодалные устремления далеко не всегда находили отклик у бюргерства: патрициат боялся, как бы радикализм отдельных крестьянских требований не поднял городские низы и не покончил с их собственной властью.

В начале волнений, как это было в Вальдсхуте и Штюлингене, многие горожане считали возможным выступать совместно с крестьянами. Когда же восстание охватило обширные районы Шварцвальда и Верхней Швабии, яснее проявилась противоречивость позиции горожан.

Различное отношение городов к крестьянскому движению в значительной степени объяснялось тем, эксплуатировали ли они сами окрестных крестьян или же имели общие интересы с соседними сельскими общинами. Маленькие города, тесно связанные с округой хозяйственными нуждами, чаще всего присоединялись к восставшим⁷.

Подобное же повторилось во Франконии и в других местностях: крестьяне не могли рассчитывать на действительную поддержку городов, хотя в отдельных районах значительное число их жителей вливалось в отряды повстанцев. Но даже весной 1525 г., в период подъема Крестьянской войны, большинство горожан не хотели участвовать в борьбе, коль скоро цели ее выходили за пределы реформационного движения.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 414.

⁷ Deutsche Geschichte, Bd. 3. S. 161—162.

Разумеется, позиция Лютера сыграла огромную роль в городах, где у власти оказались его приверженцы. В «Призыве к миру на основе 12 статей» он еще выступал как примиритель. Лютер обращался к «любезным друзьям-крестьянам», хулил господ, а особенно «слепых» епископов и «сумасбродных» монахов. В их злодействах — главная причина смуты. Господам необходимо согласиться на уступки. Из статей самая справедливая — первая, где крестьяне ратуют за право выбирать себе священника. Кое в чем они правы, но это не означает, что надо принимать все статьи. От чрезмерных требований должно отказаться. Дело следует уладить миром, положившись на третейский суд из городских советников и графов.

Грех мужикам, увещевал их Лютер, ссылаться на Христа, когда они идут наперекор Писанию, применяют силу и не подчиняются властям. Нельзя понимать Евангелие плотски, нельзя смешивать мирское царство с небесным. Если это произойдет, то Германия надолго будет ввергнута в хаос. Мирское царство не может существовать без неравенства: одни должны быть свободными, другие — подчиненными, одни — господами, другие — подданными. Даже крепостная зависимость не мешает человеку пользоваться христианской свободой. Он должен думать о Боге и спасении души, ибо царство Христа не от мира сего. Истинно верующий любую несправедливость обязан сносить терпеливо, пуще всего остерегаясь непослушания и мятежа.

В Эльзасе и городах Западной Германии восстание ширилось. В Шварцвальде после сравнительного затишья снова вспыхнул бунт. На землях Эльзаса, где жива была память о прежних крестьянских выступлениях, проповеди поборников Реформации воспринимались зачастую как оправдание мятежа: «Божье право» требует первым делом освободить народ от угнетения. Даже из Цаберна, где находилась резиденция епископа Страсбургского, клирикам, хранившим верность Риму, пришлось убраться. За короткое время под знамя повстанцев собрались тысячи людей. Во главе их стоял Эразм Гербер. Безграмотный ремесленник, он был превосходным организатором, и вскоре многие эльзасские города подчинились крестьянам. Монастырям не было пощады. Священники, попавшие в руки бунтарей, должны были письменно свидетельствовать, что они проповедовали лжеучение. Повстанцы, принуждая города к сдаче, обещали никому, кроме духовенства, не чинить обиды. Правда, ростовщики вызывали у них не меньшую вражду, чем паписты.

Если в начале восстания общей программой всех отрядов были «12 статей», то вскоре многим они стали казаться слишком умеренными. Вслед за монастырями принялись и за поместья дворян. Вековая ненависть к угнетателям воплотилась в давнем призыве: никто не должен стоять над народом, кроме Бога и императора. Только последнему надлежит платить подать.

Ни епископ, ни дворяне не могли противопоставить восставшим сколько-нибудь значительной военной силы. Попытки выиграть время тоже ни к чему не привели. Буцер и другие видные евангелические проповедники Страсбурга тщетно пытались убедить повстанцев, что истинное Евангелие воспрещает мятеж. Правителям Эльзаса оставалось последнее средство — призвать чужеземцев. Герцог Антон Лотарингский решил помочь соседям своим сильным войском. Он шел против непокорных мужиков, словно в крестовый поход: в сопровождении кардинала, апостолического комиссара и толпы клириков. Уничтожив несколько крестьянских отрядов, он окружил Цаберн, недавно захваченный восставшими. Все призывы Гербера о помощи были напрасны. Герцог же настаивал на сдаче. А когда 16 мая безоружные люди вышли из города, ландскнехты учинили резню, страшнейшую за всю историю Крестьянской войны: перебито было 18 тыс. человек.

Эта бойня, как и вести о разгроме тюрингских отрядов под Франкенхаузенем, укрепила позиции тех, кто искал мира. Движения в городах Западной Германии, особенно значительные во Франкфурте и Майнце, пусть и возникшие под влиянием крестьянских выступлений на Юге, были порождены бюргерской оппозицией и острым своим направлены против духовенства: община настаивала на праве избирать священника, монастыри распускались, часть десятины отводилась на общественные нужды, клирикам запрещалось скупать имения мирян, духовные лица, занимавшиеся ремеслом, обязывались делать в пользу цеха соответствующие отчисления. Хотя ряд требований касался непомерной власти магистрата и облегчения положения «простого люда», эти движения, как правило, не выходили за пределы умеренной реформации.

Чем шире распространялось восстание крестьян Верхней Швабии, тем чаще в горных областях Австрии появлялись их эмиссары, чтобы подбить соседей присоединиться к бунту. Некоторое время эрцгерцогу удавалось разными посулами, созывом ландтага, а то и казнями держать в узде недовольных. Вспыхнувший весной 1525 г. мятеж с поразительной быстротой набирал силу. Восставшие тирольцы захватили Бриксен. По всей округе принялись громить монастыри, опустошать замки и поповские подворья. Наиболее ненавистные советники эрцгерцога бежали из страны. Он сам, ощущая бессилие, опять обещал созвать ландтаг. Но реальная власть на обширной территории принадлежала уже вождю повстанцев Гайсмайеру.

Помимо Тироля восстанием были охвачены архиепископство Зальцбург, Штирия, Каринтия, Крайна. Дворяне многих районов Верхней и Нижней Австрии уповали лишь на помощь Швабского союза и баварцев. Крестьяне, поддерживаемые горнорабочими, нанесли ряд поражений войскам эрцгерцога. Даже когда в Средней Германии восставшие были разгромлены и исход Крестьянской войны считался предреешенным, в австрийских землях еще долго продолжалось сопротивление.

Не только полководческим талантом прославился Гайсмайер. С его именем связан один из интереснейших программных документов Крестьянской войны — «Земское устройство». Из него видно, как зажиточные крестьяне Тироля представляли себе будущее. Всех дворян и церковников, утеснявших «простого бедного человека», противившихся истинному слову Божьему и «общей пользе», следовало истребить. Ради полного равенства должны быть уничтожены не только замки, но и все городские укрепления. Города как таковые перестают существовать. Нет ни купцов, ни корабейников. Все ремесленники собраны в одной местности, а изготовленные ими вещи продаются без наценки в немногочисленных лавках. За этим следят особые должностные лица. Они же заботятся, чтобы товары, которые не производят в стране, вроде пряностей, закупали за границей. Мелиорация пустошей и болот позволит выращивать больше хлеба и разводить больше скота — зависимость от ввоза существенно уменьшится. Насаждаются оливковые деревья и шафран, в междурядьях виноградников сеют зерновые. Монополия торговли принадлежит государству. Процветавшее в Тироле горнорудное дело обращается в собственность страны, а прибыль идет на покрытие ее расходов.

В Бриксене учреждается единственная высшая школа, где постигают слово Божье. Трое ее ученых мужей входят в состав избираемого народом правительства и на основе Писания решают все, относящееся к пониманию «Божьего права». Крючкотворству и софистике положен конец. Все ненужные книги сожжены.

Десятину тратят на содержание священника и попечение о бедных. Если средств не хватает, вводится особый налог, взимаемый пропорционально достатку. Как видим, имущественное неравенство сохраняется. Монастыри и дома Тевтонского ордена переустраивают в госпитали и приюты.

Тироле, через который проходили оживленные торговые пути из Италии на север, и запад Германии, превращался в замкнутое государство, построенное на принципе почти полной автаркии. Идеальная «мужицкая республика» Гайсмайера — наглядное свидетельство того, как начали бы осуществлять «Божье право» и полное «христианское равенство» крепкие крестьяне Тироля, будь их воля.

Когда Лютер пытался удержать колеблющихся от выступлений, а Трухзес в первой половине апреля громил повстанцев Верхней Швабии, пламя Крестьянской войны с особой силой занялось в Средней Германии. И Мюнцер сделал для этого все, что мог. Он вернулся в Мюльхаузен с юга в середине февраля 1525 г. Час неминуемого переворота близок! Он готовил народ к решающей борьбе. Восстание подбиралось все ближе к границам Тюрингии — 18 апреля поднялись крестьяне Фульдского аббатства, ополчились против господ эйхсфельдцы. Положение в Мюльхаузене было чрезвычайно сложным. Месяц спустя после возвращения Мюнцера магистрат свергли. Новый магистрат получил название «Вечного совета» — члены его должны править пожизненно. Посадский люд и крестьяне влияли на его деятельность, хотя представлены в нем непосредственно не были. Все жители города, а не только полноправные бюргеры присягали на верность «Вечному совету». Католическое богослужение отменялось. Ценности, изъятые у церквей и монастырей, пополнили казну. Отобранное у Тевтонского ордена имущество употребили на то, чтобы в окрестных деревнях обеспечить нуждающихся зерном.

В истории Крестьянской войны Мюльхаузен занимает особое место. И не только потому, что он был одним из немногих значительных городов Империи, которые целиком перешли на сторону восставших. Благодаря Мюнцеру Мюльхаузен стал идейным средоточием повстанческого движения в Тюрингии. Во Франкенхаузене, Нордхаузене, Зангерхаузене, Эйзенахе и Лангензальце действовали выпестованные им люди.

Раньше других восстали здесь крестьяне в долине Верры. Под Эйзенахом отряд попал в западню: магистрат согласился сдать город, но пройти в ворота позволил только вожакам, будто бы для переговоров. Их тут же взяли под стражу, а среди повстанцев пустили слух, что кара близится: грозное войско ландграфа Гессенского уже на пороге. Многие крестьяне предпочли вернуться домой.

В Лангензальце восстание началось с роспуска монастырей и изгнания клириков, верных Риму. Однако когда 26 апреля отряд мюльхаузенцев появился у ее стен, требуя выдачи собственных беглых, горожан и монахов, ворота ему не открыли: настоятельность не помеха единомыслию. Здесь сказалась характерная для повстанцев черта: границы проходили не только по земле, но и в сознании. Мюльхаузенцы действовали за пределами своей территории, а нарушал границы обычно вторгнувшийся неприятель. Мюнцер надеялся, что по всей Тюрингии загудят набатные колокола, возвещающие о восстании. Из месяца в месяц он и его последователи проповедовали мысль о неминуемом перевороте, создавали союзы — будущие очаги восстания. Но события разворачивались не так стремительно, как полагал Мюнцер. Да и в отряде мюльхаузенцев было далеко до единодушия. После захвата Эбелебена и разорения еще нескольких замков и монастырей Мюнцер хотел идти на помощь Франкенхаузену. Однако большинство на военном совете не вяло его речам. Их соблазнила легкая добыча: в богатых монастырях Эйхсфельда повстанцы захватили много разного добра, но упустили время. Только когда все вокруг было опустошено, двинулись к Франкенхаузену. Тем часом положение в Лангензальце тоже изменилось — сторонники Мюнцера принудили магистрат подчиниться. Город стал оказывать помощь действовавшим в округе отрядам.

Лютер с ужасом смотрел, как в Тюрингии разгорался бунт. Его поражала нерешительность князей. Сколько раз он предостерегал: Мюнцер,

этот кровавый пророк, отравляет людей своим учением и готовит мятеж. Теперь оправдались самые мрачные предсказания. Корень всех несчастий в архисатане, который правит в Мюльхаузене. Лютер снова взялся за перо. От лукаво-примирительных фраз «Призыва к миру» не осталось и следа. Страницы его нового памфлета «Против разбойных и грабительских шаек крестьян» отличались неистовой жестокостью: десятикратно заслуживают взбунтовавшиеся мужики смерть телесную и духовную. Три рода ужаснейших грехов лежит на них: как клятвопреступники и непокорные негодяи, поднялись они против своих господ, которым обязаны послушанием; как грабители и убийцы, разоряют они монастыри и замки; мало того, злейшие богохульники еще прикрывают Евангелием свои отвратительные преступления.

Мятеж подобен большому пожару, поэтому всякий, кто может, твердил Лютер, должен любым способом умерщвлять восставших. Нет ничего более дьявольского, чем бунтарь. Его надо убивать, как бешеную собаку. Если ты его не уничтожишь, он прикончит тебя, а вместе с тобой погубит и страну.

Тем временем Мюнцер делал все возможное, чтобы стянуть к Франкенхаузену побольше сил. Особенно ему помогали алыштедтцы. Верные люди умело организовывали крестьян. Под Франкенхаузенем собралось свыше 6 тыс. человек — ни один отряд Тюрингии не был столь многочислен, и, единственный в Тюрингии, он имел свою собственную программу, состоявшую лишь из четырех пунктов. Содержание «12 статей» отразилось только в двух, где речь шла о свободе проповедовать слово Божье и о том, что лесные угодья, воды, пастбища и охота должны принадлежать всем. Мюнцеровы же устремления были сформулированы предельно сжато: князья обязаны снести свои замки, отказаться от титулов, чтить одного лишь Бога. Зато им отдавали все имущество духовенства, находившееся в их владениях, и возвращали заложенные имения. Суля светским властителям земли церковников, Мюнцер еще раз пытался склонить их на свою сторону. Два графа клятвенно согласились принять предложенные им статьи.

Мюнцер обещал прийти с большой подмогой, но, когда 12 мая он вступил во Франкенхаузен, с ним было только 300 человек. Эрнсту Мансфельдскому, заклятому своему врагу, Мюнцер направил грозное послание: он хотел поднять подвластных графу горнорабочих и внушить мужество крестьянам, собравшимся во Франкенхаузене. Дело шло к решающему сражению. Три недели, с первого выступления в Лангензальце, повстанцы не встречали сопротивления. Курфюрст Фридрих, старый и больной, не торопился применять силу и сдерживал Иоганна, своего брата. Но Лютер убедил его, что все мятежники — грабители и убийцы, и тот сразу же после смерти курфюрста стал стягивать в Веймар войска.

Герцог Георг Саксонский не в пример Фридриху Мудрому сомнений не испытывал. 14 мая его головной отряд вступил в стычку с защитниками Франкенхаузена, но успеха не добился. На следующий день, 15 мая, повстанцы расположились на удобной возвышенности к северу от города. Отсюда они писали князьям, что не хотят ничего, кроме «Божьего права», и охотно избегают кровопролития. В ответ князья потребовали выдачи Мюнцера и его приближенных. Многие заколебались. Но Мюнцеру удалось восстановить положение. Он сумел убедить крестьян: Господь отобрал у правителей власть и даст ее бедному люду. Когда он говорил, на небе засияла радуга. А ведь она как символ мюнцерева союза была изображена на его хоругви!

Пока Мюнцер проповедовал, а крестьяне дивились небесному знамению, враги окружили их. Пленника-дворянина послали к князьям, прося пощады. Те снова требовали выдать Мюнцера. Крестьяне ответили,

что сделают это, если на диспуте кто-либо его победит. Князя настаивали на своем.

И тут первые залпы пушек обрушились на крестьян. Они еще пели мюнцеров гимн, когда ядра стали разносить укрепления, наспех сооруженные из возов. Началась паника. Сопротивляющихся и бегущих убивали беспощадно. Резня продолжалась и на улицах города. Около 5 тыс. крестьян было уничтожено, лишь 600 взято в плен. Раненый Мюнцер был передан Эрнсту Мансфельдскому и подвергнут пыткам.

Мюльхаузен на унижительных условиях сдался на милость победителей. 54 человека, в том числе и Мюнцера, казнили. Этой победы князей было достаточно, чтобы по всей Тюрингии и в соседних землях отряды повстанцев стали неустойчиво таить. Если пламя восстания не распространилось дальше на север и восток, то в значительной степени из-за разгрома под Франкенхаузенем. Хотя в отдельных районах вооруженные выступления крестьян продолжались летом и осенью 1525 г. (Пруссия, Верхняя Швабия), а в Зальцбурге и Тироле — и в следующем году, современники считали, что поражение повстанцев под Франкенхаузенем и резня, учиненная князьями, вынужшими кровавому призыву Лютера, фактически положили конец великому восстанию.

Реформацию и Крестьянскую войну многие историки вслед за Энгельсом⁸ считают раннебуржуазной революцией в Германии и обычно датируют 1517—1525/26 гг. Поэтому разгром мятежных крестьян толкуется как конец раннебуржуазной революции. Однако подобное мнение может быть принято лишь в том случае, если под «буржуазной революцией № 1» понимать только события, разыгравшиеся на территории Империи, да и то с оговоркой, что поражение Крестьянской войны было концом «критического эпизода» этой революции, но отнюдь не самого революционного процесса, продолжавшегося и в Германии, хотя в иных формах, и в других странах.

Западная Европа знала немало крупных крестьянских движений, но ни одно из них по своему размаху и значению не может сравниться с восстанием 1525 г. Огромные территории — от Швейцарии и альпийских земель до отрогов Гарца и Рудных гор — были охвачены мятежами. Во многих районах к восстанию присоединилась большая часть населения, способного носить оружие. Это сразу же выявило трудности, которые редко удавалось преодолевать: не хватало ни снаряжения, ни людей, могущих слить разрозненные выступления в единый и целенаправленный революционный поток.

Особую остроту нередко приобретали восстания на принадлежавших церкви землях: раздавались призывы секуляризовать церковные имущества и избавиться от подчинения духовным феодалам. По отношению к светским владетелям тоже проявлялась достаточная решимость. Крестьяне настаивали на уничтожении феодальной эксплуатации или, по крайней мере, требовали значительных послаблений. Восстание приобретало наибольший размах там, где дальновидные вожди осознали необходимость выступать в единстве с другими оппозиционными силами, дабы преобразовать общество в интересах всего народа. Но тем не менее Крестьянская война потерпела поражение⁹. Как отмечал Энгельс, «местная и провинциальная раздробленность и неизбежно порождаемая ею местная и провинциальная узость кругозора привели все движение к гибели... ни бюргеры, ни крестьяне, ни плебеи не оказались способными на объединенное общенациональное выступление»¹⁰.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 572; Т. 21. С. 314, 417; Т. 22, С. 307; Т. 36. С. 202, 227.

⁹ Deutsche Geschichte. Bd. 3. S. 185.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 435.

Хотя Крестьянская война бушевала во многих землях Германии, охвачена ею была лишь часть Империи. В Баварии происходили волнения, но правителям удалось удержать страну от всеобщего мятежа. В саксонских землях установившиеся раннеабсолютистские формы власти и соответствующие средства принуждения были действительно использованы для предотвращения восстания. В северных землях Империи положение крестьян было относительно благополучным. Тут натиск феодалов-землевладельцев на крестьянские права не носил еще всеобщего характера, обстановка была менее взрывоопасной.

Наиболее яростными и массовыми были выступления там, где тяжесть феодальных повинностей становилась совершенно нестерпимой. Однако создание централизованного национального государства не воспринималось восставшими как главная цель. И немецкие гуманисты, и деятели Реформации способствовали пробуждению национального сознания, но немецкая нация как таковая еще только складывалась. Устранение территориальной раздробленности не стало первоочередной задачей, хотя в Хайльброннской программе пути к этому и намечались. Политические чаяния восставших были в значительной степени сосредоточены на усилении сельских общин. В различных проектах «земского устройства» блюсти интересы «бедного простого человека» должны были ландтаги, а само государство, образованное из отдельных земель, мыслилось как противовес власти императора. Не менее характерной была и другая тенденция: восставшие хотели ограничить влияние территориальных князей, особенно духовных, и таким образом изменить соотношение сил на местном уровне, не имея в виду устройства всей Империи.

Раздробленность движения проистекала и из самого уклада крестьянской жизни. В соответствии с традиционными для сельской общины представлениями крестьяне зачастую не сомневались в искренности посулов высоких господ и наивно верили в справедливость государя. В военном отношении они тоже обладали незначительным опытом и не могли противостоять тяжелой артиллерии, рейтарам и вымученной пехоте, хотя в ряде решающих столкновений и были достаточно хорошо вооружены. Повстанцы не умели организовать сопротивление согласованным наступательным действиям противника, использовать свое численное превосходство или преимущества местности. Оборонительная по большей части тактика крестьянских отрядов тоже не способствовала достижению победы¹¹.

В этих условиях основным стал вопрос, выступит ли бюргерство во главе движения, дабы принять на себя ведущую роль. Опыт начальных лет Реформации, когда во многих городах пусть под религиозным знаменем, но возникал широкий союз оппозиционных сил, не исключал такой возможности. Но возглавит ли бюргерство вооруженную борьбу против феодалов и патрициата?

Хотя в лагерях повстанцев появлялось немало горожан, готовых сражаться в едином строю с крестьянами, позиция городов и бюргерства оставалась двойственной. Бюргеры сами нередко эксплуатировали крестьян, боялись потерять собственные земельные владения или часть доходов. Посему они либо становились на сторону «законности и порядка», либо в лучшем случае выступали в роли примирителей.

Бюргерство не было еще ни достаточно могущественным, ни достаточно развитым, чтобы суметь объединить под своими лозунгами остальные мятежные сословия — городских плебеев, низшее дворянство и крестьян. Весьма сложными были отношения между сельскими жителями и горнорабочими, хотя в Рудных горах, в Гарце, в Тироле и Зальцбурге горняки поддерживали восставших.

¹¹ Deutsche Geschichte. Bd. 3. S. 185—186.

Если на начальных этапах Реформации руководящая роль бюргерства стала реальностью, то в ходе Крестьянской войны обнаружилось, что оно еще не созрело в качестве ведущей силы раннебуржуазной революции. А сами народные массы, стремившиеся покончить с непомерно возросшим феодальным гнетом, даже и выступая как движущая сила исторического прогресса, не были и не могли стать гегемоном движения. Но подрыв феодальных отношений по существу содействовал возникновению условий, благоприятствующих буржуазно-капиталистическому развитию.

Что же выделяет революционные события в Германии из других сравнимых исторических процессов? Прежде всего, Реформация и Крестьянская война нанесли католической церкви как надежнейшему оплоту феодализма такой удар, от которого она никогда не оправилась. Реформация способствовала выработке среди широких народных масс нового самосознания. Во многих землях Германии было покончено с особым положением духовенства ¹².

Разгром восстания повлек за собой неисчислимые жертвы. Народу дорого обошлась его попытка освободиться: если в 1524—1525 гг. за оружие взялись более 200 тыс. крестьян, то примерно половина из них заплатились за это жизнью. Пусть далеко идущие программные цели революционного движения не были и не могли быть осуществлены, Крестьянская война привела не только к жертвам и поражениям. В некоторых землях феодальный натиск был приторможен. Но еще важнее было то, что массовое народное движение охватило обширные территории страны, разрушая оплоты феодальной власти. Церковь как опора и неотъемлемая часть феодального строя обнаружила свою слабость, что заставило усомниться не только в справедливости освященных веками порядков, но и в их непоколебимости. Такие, люди, как Томас Мюнцер и его единомышленники, пробудили революционную инициативу народа. «Бедный простой люд» деревень и городов почувствовал свою силу. Новое, радикальное понимание «Божьего права» нельзя было вытравить из сознания никакими карами.

С поражением Крестьянской войны, этого особенно драматического, хотя и короткого акта «буржуазной революции №1», сама революция не прекратилась. Центр длительного революционного процесса, именуемого Реформацией, начавшегося в Германии в 1517 г., все больше и больше перемещался в Нидерланды.

Глава 6

НИДЕРЛАНДСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

С начала XVI в. в Нидерландах развиваются капиталистические формы производства и обмена, страна втягивается в сферу зарождавшегося мирового рынка с его циклами подъемов и спадов, где она быстро завоевывала ведущее место. Начавшийся с 1555 г. цикл спада сопровождался резким обострением социально-политических противоречий. Противостояние феодализма капитализму внутри страны усиливалось конфликтом Габсбургов с их подданными в Нидерландах. Уже Карл V втянулся в нескончаемую борьбу с реформационным движением в Империи, что сказалось и в Нидерландах, где начиная с 1521 г. он издал серию «плакатов» против еретиков, в 1525 г. учредил подчиненный лично ему инквизицион-

¹² Ibid. S. 184—188.

ный трибунал с большими полномочиями. Не забываясь об экономических нуждах страны, Карл V видел в Нидерландах лишь военный плацдарм и неиссякаемый источник доходов. С 1542 по 1555 г. налоги в стране возросли с 2,5 до 7 млн. гульденов. Внешняя политика определялась целиком династическими интересами Габсбургов. Их непрерывные войны и военные налоги тормозили, а то и подрывали различные отрасли экономики.

Революционное анабаптистское движение 1534—1535 гг., охватившее в основном северные области, Гентское восстание 1539—1540 гг., многочисленные антиналоговые и голодные бунты 30—50-х годов свидетельствовали о накале социально-политических конфликтов.

В этой обстановке Филипп II проводил жесткую политику. Фанатичный католик деспотически-бюрократического нрава, он видел в любом противодействии ересь и бунтовщичество. В области внешней политики продолжались католическо-династический курс и разорительные войны: в 1557 г. Испания объявила государственное банкротство. Среди жертв оказались многие финансисты Антверпена и связанные с ними отрасли нидерландской экономики. Конфликт 1563 г. с Англией усугубил застой коммерции и производства. Неурожаи и трудности с подвозом зерна привели к дороговизне и голодовкам 1556—1557 и 1565—1566 гг. Меры, принятые властями, не принесли облегчения. Более того, сам Филипп II, распорядившийся поставками зерна из Испании, из-за плутней своих клевретов оказался причастным к хлебным спекуляциям. Произвол давал себя чувствовать и в деятельности высших правящих учреждений.

Образовалась оппозиция нидерландских вельмож — принца Вильгельма Оранского, графа Ламораля Эгмонта и др.

Филипп II укрепил суды инквизиции, реорганизовал и епископат, создав 14 новых епископств и 3 архиепископства — их главной задачей ставилось искоренение ереси. В армии короля солдаты вербовались из наемников, а офицерские должности занимали преимущественно испанцы и их приверженцы. В городах правительство поддерживало реакционно-католические группы патрициата; лишь их представители могли занимать муниципальные должности. Лица, связанные с антииспанской оппозицией, сочувствовавшие кальвинизму, подвергались репрессиям.

С 50-х годов в Нидерландах усилились кальвинисты, особенно в тех областях и городах, где феодально-католическая реакция жестко противостояла социально-экономическому и идеологическому прогрессу: в Западной Фландрии, Валансьенне, Турне, Лилле, Антверпене, Амстердаме. Во главе кальвинистских консисторий обычно стояли богатые горожане. Их официальный символ веры впервые был обнародован в 1561 г.; в нем подчеркивалась покорность властям, пока их действия не вступали в противоречие «со словом Божиим».

С 1562 г. проповеди кальвинистов в окрестностях городов собирали сотни, а вскоре тысячи слушателей. Когда власти начали преследовать участников проповедей, они стали приходить вооруженными. Участились случаи сопротивления казням еретиков, насильственного освобождения их из тюрем. Власти видели, что дело идет ко всеобщему восстанию. Одновременно с 1562 г. открыто выступала аристократическая оппозиция, объединившаяся в Лигу господ, которую возглавили принц Оранский, граф Эгмонт, адмирал Горн. Они порицали действия правительства, нарушение норм деятельности Государственного совета, требовали вывода испанских войск, смещения фаворита наместницы кардинала Гранвеллы, созыва Генеральных штатов, смягчения или отмены законов против еретиков. В 1563 г. возник Союз дворян под руководством Никола де Гама, Яна и Филиппа ван Марниксов и др., близкий к Лиге господ.

Пытаясь достигнуть соглашения с дворянско-аристократической оппозицией, наместница сделала ряд уступок: из страны были выведены испан-

ские войска, отставлен кардинал Гранвелла. Но основные вопросы остались нерешенными.

5 апреля 1566 г. многочисленная депутация членов Союза дворян вручила в Брюсселе свою петицию наместнице. Дворяне требовали отмены «плакатов» против еретиков, сохранения вольностей и привилегий, немедленного созыва Генеральных штатов, высказывали опасения, что невыполнение этих требований приведет ко всеобщему восстанию, первой жертвой которого станет дворянство. В ответ наместница обещала временно приостановить преследование еретиков и ожидать распоряжений Филиппа II. Один из придворных в насмешку над бедно одетой депутацией сельских дворян обозвал их гёзами (нищими). Эта кличка была подхвачена. Дворяне-оппозиционеры стали носить символические нищенские плащи и сумки с надписью «Верны королю вплоть до нищенской сумы». Гёзами стали именовать всех противников испанского владычества. Беспокойство в стране нарастало. Усилилась начавшаяся ранее эмиграция. Только в Англию выехали несколько десятков тысяч человек. В 1566 г. «соглашение», сходное с петицией дворян, подписали и купцы-кальвинисты, поклявшиеся защищать свой союз «ценою имущества и крови».

Среди радикальной части Союза дворян нарастала решимость перейти к насильственным действиям. К этому же склонялись и консистории, располагавшие и влиянием на народ, и столь нужными дворянским оппозиционерам деньгами. В июле 1566 г. на двух совещаниях представители обеих группировок пытались достичь соглашения. Дворяне под давлением консисторий согласились защищать кальвинистскую церковь и участников проповедей, против чего решительно возражал принц Оранский. Часть дворян покинули совещание, не одобряя принятые на нем решения. Консистории обещали Союзу дворян 100 тыс. гульденов с условием, что дворяне не нарушат договоренность. Предложение консисторий начать иконоборческие выступления было отвергнуто.

Время переговоров, однако, прошло, созревшая революционная ситуация требовала действий. На сцену выступили народные массы. 10 августа 1566 г. в Западной Фландрии стихийно, а местами под влиянием консисторий и радикально настроенных членов Союза дворян началось иконоборческое восстание, быстро распространившееся почти по всей стране. Возникли подвижные отряды вооруженных иконоборцев, громивших церкви и монастыри. Уничтожались иконы и статуи святых, предметы церковного культа. Драгоценные вещи обычно передавали местным властям. В Валансьенне, Турне, других восставших городах из конфискованных ценностей создавались фонды для помощи беднякам и набора военных отрядов. Восставший городской люд освобождал из тюрем кальвинистов, вмешивался в дела властей, уничтожал налоговые описи, долговую документацию, оказывал давление на магистраты городов, что отражало социальную направленность их действий. Наместница писала по этому поводу принцу Оранскому: «То, что они замышляют, есть не только ниспровержение религии, но также уничтожение судопроизводства и всего политического порядка». Крестьяне помогали то иконоборцам, то, напротив, военным частям властей. Консистории открыто или тайком направляли выступления иконоборцев, наиболее активные в Антверпене, Амстердаме, Миддельбурхе, Лилле. В Валансьенне и Турне восставшие создали свои органы власти и военные формирования. Погрому в стране подверглось около 5500 церквей.

Столь мощное движение заставило наместницу пойти на уступки. 23 августа она опубликовала манифест: деятельность инквизиции прекращалась, давалось обещание разработать новые законы о ересь, обеспечить амнистию дворянским оппозиционерам, если они помогут подавить восстание. В тот же день Союз дворян заявил о самороспуске. Страх охва-

тил не только власти и церковь, но и дворянско-аристократических оппозиционеров. Принц Оранский, посланный «навести порядок» в Антверпене, арестовал и казнил нескольких иконоборцев, «усмирил» кальвинистов при помощи некоторых ремесленных цехов. Ряд бывших членов Союза дворян и Лиги господ приняли участие в разгромах отрядов иконоборцев. Консистории отрекались от участия в восстании, ибо кое-где восставшие нападали на дома богачей. В октябре наместница получила деньги от Филиппа II и, собрав военные силы, начала подавление восстания.

Радикальные круги консисторий и кальвинистской буржуазии тем не менее не прекратили свою деятельность. Синод, тайно собравшийся в Генде 1 октября 1566 г., решил продолжить восстание. Возобновились выступления кальвинистов в ряде городов Фландрии и Брабанта. В конце октября богатые купцы-кальвинисты предложили Филиппу II 3 млн гульденов за введение свободы вероисповедания. Соглашение не состоялось, но сбор средств в этот фонд продолжался. Деньги использовались для набора войск, которые должны были снять осаду с Валансьенна, не допустить капитуляции Турне, поддерживать во Фландрии, Брабанте, Голландии выступления кальвинистов. Командирами отрядов оказались малоспособные люди, и правительственные войска уничтожали их поодиночке. В марте 1567 г. пали Турне и Валансьенн, войска кальвинистов были разбиты. В Западной Фландрии их разогнал бывший член Лиги господ граф Эгмонт. Правительственные войска 17 марта 1567 г. вошли в Амстердам. С иконоборческим восстанием — первым этапом Нидерландской революции — было покончено.

Принц Оранский, остановивший кальвинистские выступления в Антверпене, продолжал искать пути сговора с Филиппом II. Одной из последних попыток такого рода была его встреча с графом Эгмонтом 2 апреля 1567 г., где Эгмонт выступал в роли доверенного лица наместницы. Встреча закончилась безрезультатно; по преданию, оба ее участника обменялись пророческими словами. «Прощай, принц без владений», — сказал Эгмонт. «Прощай, граф без головы», — ответил принц, отбывший в родовую резиденцию дома Нассау в Империи — Дилленбург.

Неверие в силы народа, страх перед ним, своекорыстные личные, групповые и сословные интересы аристократии и дворян, двусмысленная позиция богатых купцов-кальвинистов и руководимых ими консисторий обрекли восстание 1566 г. на поражение; народ Нидерландов был отдан на расправу испанскому абсолютизму.

В августе 1567 г. в страну во главе карательной армии вступил Фернандо Альварес де Толедо, герцог Альба. Образец испанского гранда, способный военачальник, посредственный политик и полный невежда в вопросах экономической жизни, герцог Альба отличался иступленным католическим фанатизмом и высокомерием. Топор палача и костер инквизиции были, по его мнению, единственно надежными средствами управления «недосожженными еретиками». Свою программу он сформулировал так: «Бесконечно лучше сохранить для Бога и короля государство обедневшее и даже разоренное, чем видеть его в цветущем состоянии для сатаны и его пособников-еретиков». В армии Альбы было 54 500 человек пехоты и 4780 человек кавалерии. Преобладающая ее часть разместилась в крепостях стратегически важных городов. В планы герцога, одобренные Филиппом II, входило наказание зачинщиков мятежей, еретиков; за счет конфискаций их имущества и безмерного увеличения налогов — обогащение испанской казны. Филипп II намеревался создать в Нидерландах новую генерацию дворянства, оплатив его верность королю и католической церкви земельными владениями, конфискованными у еретиков.

Герцог Альба в сентябре 1567 г. учредил Совет по делам о мятежах, получивший неограниченные права по рассмотрению дел всех участников мятежей и еретиков. Приговоры выносились без соблюдения судебной

процедуры. Казненные исчислялись тысячами, еще большее число лиц изгнали из страны. В июне 1568 г. были казнены граф Эгмонт, адмирал Горн и ряд других знатных лиц. Альба стал председателем Государственного совета; компетенция всех трех советов была значительно урезана. Испанские войска вели себя в Нидерландах как в завоеванной стране. В 1569 г. уже действовали вновь созданные епископства и архиепископства.

Однако сотни смельчаков, получивших прозвище лесных гёзов, с оружием в руках скрылись в лесных и предгорных районах юга, уничтожая мелкие группы испанских войск и их пособников. Одним из главных районов их действий стали очаги иконоборческого восстания в Западной Фландрии — Дранутр, Бёшеп, Ньепп, Ниве Керке.

На севере многие матросы, рыболовы, портовый люд ушли в море. Они захватывали небольшие, но иногда груженные деньгами и драгоценными металлами испанские эскадры, нападали на прибрежные укрепленные пункты и гарнизоны испанцев, чинили суд над их пособниками и католическими клириками. С 1568 г. принц Оранский стал выдавать морским гёзам свидетельства на право ведения морской войны против испанцев, посылать к ним в качестве офицеров и капитанов кальвинистских дворян. До весны 1572 г. морские гёзы пользовались покровительством Елизаветы I и базировались в английских портах. Альбе пришлось создать специальный флот для борьбы с ними. Морские гёзы показали себя бесстрашными борцами за свободу родины.

В 1569 г. Альба попытался ввести постоянный налог — алькабалу: 1% с недвижимых и движимых имуществ, 5% с продажи недвижимых имуществ и 10% с продажи всех товаров и движимых имуществ. Однако алькабалу ввести не удалось. Сопротивление было повсеместным и решительным. В течение двух лет было собрано лишь 2 млн флоринов обычных сборов. 1%-ный налог дал еще 3300 тыс. флоринов. На сентябрь 1572 г. было назначено взимание 5%-ного и 10%-ного налогов. Ответом был саботаж: закрывались лавки, мастерские, стояли корабли. Начало восстания на севере сорвало планы Альбы. Он рассчитывал собрать 20 млн гульденов, но вместо этого по его запросам из Испании пришлось выслать свыше 8 млн гульденов.

Крупные державы континента пристально следили за ходом событий в Нидерландах. Оппозиционная нидерландская знать завязала связи с гугенотами во Франции, получала помощь из Англии. В 1563 г. английский агент доносил, что нужно разжечь пламя гражданской войны, чтобы растоптать Филиппа II. В 1566 г. гугеноты готовили план захвата фландрских городов, чтобы вернуть Франции ее вассала. Антверпенская консистория установила связи с Османской империей, среди кальвинистов распространялись слухи о «турецкой помощи». Появились медали в форме полумесяца с профилем турка и надписью: «Лучше турки, чем паписты»; морские гёзы носили их на шляпах. Османские войска, однако, двинулись против армии Ивана Грозного, а не против Испании.

В сложной обстановке переплетения и противостояния интересов крупных европейских держав принцу Оранскому предстояло сделать выбор — связать свою политику с внешними, отнюдь не бескорыстными проектами или с революционными силами внутри страны. Хотя принц и встал на путь борьбы с Филиппом II, он не был ни революционером, ни защитником народа. Огромное честолюбие, холодный расчет, личные мотивы определяли его действия.

Равнодушие к религии он прикрывал показным благочестием, а даром красноречия вуалировал свои подлинные намерения, за что получил от современников прозвище Молчаливый. Он играл на противоречиях своих внешних союзников, рассчитывая на достижение «разумного компромис-

*Взятие Бриля морскими гёзами в 1572 г.
Гравюра 1583 г.*

са». Одна из комбинаций такого рода предусматривала после отвоевания Нидерландов отдать Франции Артуа и Фландрию; Голландию и Зеландию — Англии; Брабант же и ряд других областей объединить в курфюршество Брабантское, включить его в состав Империи, а принца Оранского сделать его обладателем. Однако военные операции принца 1568 и 1572 гг. закончились полной неудачей: игнорируя революционно-демократические силы, принц надеялся лишь на содействие богатых купцов и бюргеров, консисторий. Интересы Нидерландов в это время занимали в его планах подчиненное место.

Альбе нанесли ощутимый удар морские гёзы. В феврале 1572 г. Елизавета I под давлением официальных демаршей Испании вынудила морских гёзов покинуть английские порты; проблуждав некоторое время по морю, они овладели 1 апреля 1572 г. портом Бриль на побережье Голландии. Огромное значение этого события вначале не было понято ни герцогом Альбой, ни принцем Оранским. Вслед за Брилем восстали Флиссинген, Феер, Арнемёйден, Энхейзен и другие города. Поднялись на борьбу и крестьяне. Их отряды защищали свои поселения и истребляли испанских наемников. Морские гёзы не только преследовали испанцев на море, но и оказывали всемерную помощь восставшим городам и сельскому люду. Возрождавшиеся кальвинистские консистории, морские гёзы, народные отряды и реорганизованные стрелковые гильдии на время становились господами положения на местах. Они свержали католические магистраты и оказывали давление на вновь избираемые, уничтожали испанских пособников, организовывали выступления против церквей и монастырей.

Кальвинистская церковь испытывала трудности. Значительная часть ее активных деятелей и приверженцев бежала в Англию и Империю. Сре-

ди ее верхушки имели место серьезные теологические и церковно-политические расхождения. В октябре 1571 г. состоялся общий синод в Эмдене, где верх одержало ортодоксальное направление. Впредь все проповедники обязаны были подписывать официальный символ веры, католики именовались «неверными»; призывы к сближению с лютеранской церковью, участие в сборе денег для принца Оранского не нашли здесь отклика. Но в борьбе против испанского гнета, за новые порядки и республику консистории проявили единство.

Летом 1572 г. собрались штаты Голландии, куда прибыли сторонники восстания и кальвинисты от крупных и в нарушение традиций от малых городов.

Вильгельм Оранский был признан законным статхаудером, а в отсутствие короля — его наместником в провинции с властью, почти равной компетенции штатов. Из конфискованных церковно-монастырских имуществ и ценностей, других поступлений был создан фонд для оплаты военных расходов. Формировались новая администрация и армия. Вместо предлагавшейся принцем веротерпимости провозглашалась лишь свобода совести. В октябре 1572 г. принц прибыл в Голландию. Революционные действия морских гёзов и радикальных группировок он старался пресекать. Их предводитель Люмэ был принужден покинуть страну.

Правящая купеческо-патрицианская олигархия восставших северных провинций, поддерживавшая политический союз с антииспански настроенными кальвинистским дворянством и оранжистами, временно мирилась с революционными действиями масс и постепенно прибирала власть к своим рукам. Приглашение принца Оранского было одним из важных шагов в этом направлении: его аристократическое происхождение, связи с иноземными монархами, ореол борца против испанского деспотизма и опытного политика делали принца в тогдашних условиях авторитетным лицом, приемлемым для различных слоев общества, включая лиц, оставшихся верными католической религии, но патриотически настроенных и боровшихся против испанского владычества. Хотя принц стремился к большей самостоятельности, умело добивался и расположения дворян, и симпатий консисторий, правящие круги это особенно не беспокоило. Они надежно контролировали его через штаты.

Свой двор принц, принявший кальвинизм, составил из умеренных деятелей, ратовавших за веротерпимость, ограничение влияния консисторий на органы светской власти, за пресечение насильственных акций народа. Позиции радикального течения внутри кальвинистской церкви оказались ослабленными, процесс перехода населения в кальвинизм шел замедленно.

С осени 1572 г. Альба, понявший свою ошибку, повел широкое наступление против восставших провинций: взяв штурмом и опустошив Наарден, но получив отпор под Алкмааром, испанские войска с декабря 1573 по июль 1574 г. вели осаду отважно оборонявшегося Хаарлема. После капитуляции города испанцы предали смерти весь его гарнизон и группу светских лиц, а город обложили огромной контрибуцией. Еще большие стойкость и героизм проявили гарнизон и жители Лейдена, перенесшие две осады (октябрь 1573 — март 1574 г. и май — октябрь 1574 г.). Однако Филипп II еще до этого понял, что политика герцога Альбы потерпела поражение; в конце 1573 г. он был отозван в Испанию.

Новый наместник в Нидерландах Луис Рекесенс, типичный кастильский аристократ и фанатичный католик, но более чуткий и гибкий политик, понимал, что лишь прекращение террора и военные успехи помогут найти решение «нидерландского вопроса». С согласия Филиппа II он 7 июня 1574 г. официально упразднил Совет по делу о мятежах и алькабалу.

Но «всеобщая» амнистия, не распространявшаяся на еретиков, была воспринята в Нидерландах как фарс. Рекесенс испытывал острую нужду в деньгах. Поэтому важная победа при Мооке 14 апреля 1574 г. обернулась поражением — войска наместника, не получавшие жалованья, взбунтовались и отступили на юг.

Внимание и ресурсы Филиппа II были отвлечены на Восток — после обращения Теодора Беза, принца Оранского и Карла IX к султану османы снова отвоевали Алжир.

Но испанцы еще продолжали наносить удары в Нидерландах: в 1575 г. был взят стратегически важный порт Зирикзее в Зеландии. Очередное банкротство Испании в 1575 г. обесценило и эту победу. Положение стало катастрофическим после скоростижной смерти Рекесенса в 1576 г. Испанские наемники, сметая все на своем пути, двинулись на Фландрию и Брабант. Принц Оранский установил связи со штатами Брабанта и проявлял готовность организовать переговоры о мире между севером и югом страны.

В сентябре 1576 г. заговорщики, возглавляемые де Глимом и оранжистом бароном Хезе, совершили переворот и арестовали членов Государственного совета, к которому после смерти Рекесенса перешла высшая власть в Нидерландах. Народ вышел на улицы Брюсселя, оживилась деятельность всех антииспанских группировок. Перед лицом всеобщего бунта и разбоя испанских наемников даже консервативные католические круги сочли необходимым принять экстренные меры. Падение Государственного совета дало толчок к развитию революционных действий в южных областях. Народ брался за оружие, шли аресты испанских прислужников, вооруженные силы восставших окружали гарнизоны взбунтовавшихся испанских солдат. Принц Оранский прислал в сентябре 1576 г. отряд своих войск в Брюссель.

В октябре 1576 г. в Генте собрались Генеральные штаты и объявили о взятии власти в свои руки. Началось обсуждение соглашения между южными и северными провинциями. По составу депутатов Генеральные штаты не отражали происшедших перемен и не обеспечивали принятия решений революционного характера. В них по-прежнему господствовали консервативный патрициат, богатое купечество, католические прелаты. Депутаты северных провинций держались решительно, но они не составляли большинства. Дебаты затянулись.

4 ноября 1576 г. испанские наемники совершили вылазку из антверпенской цитадели и подвергли город погрому и грабежу: было убито и замучено свыше 8 тыс. горожан, сожжено до тысячи домов, общий ущерб достиг 24 млн гульденов. Генеральные штаты поспешили 8 ноября опубликовать текст «Гентского умиротворения». Формально это был мирный договор между южными и северными областями, восстанавливавший единство страны.

Но обстановка заставила принять и другие решения. Предусматривались свобода передвижения и торговли, отмена «плакатов» против еретиков, законов и распоряжений испанских наместников, восстановление исконных вольностей страны, прав собственности, компенсации за конфискованные имущества их бывшим владельцам, включая католических клириков, всеобщая политическая амнистия. В то же время для южных областей декларировалась верность Филиппу II и католической вере. Ряд статей определял статус северных провинций; сохранялось автономное положение Голландии и Зеландии; принц Оранский признавался их статхаудером. Однако предложение о секуляризации церковных земель было отклонено, а животрепещущие для крестьян вопросы поземельных отношений, обеспечения жизненных условий для народа даже не поднимались.

Созданный Генеральными штатами Военный совет состоял из аристократов испано-католической ориентации. Противоречия сглаживались лишь внешне. В частности, Голландия и Зеландия заключили еще в апреле 1576 г. соглашение о более тесном политическом и экономическом союзе, которое кое в чем предвосхищало будущую Утрехтскую унию. К «Гентскому умиротворению» было сделано многозначительное примечание: Филипп II признавался сувереном, но фактически власть сосредоточивалась в руках Вильгельма Оранского. Происпански настроенные слои в январе 1577 г. подписали «Брюссельский союз», имевший целью сохранение католицизма, суверенитета Филиппа II, соблюдение «Гентского умиротворения» и восстановление вольностей страны. От Филиппа II требовали только вывода испанских войск. В прибытии нового испанского наместника дон Хуана Австрийского они видели для себя точку опоры. Вопреки сопротивлению революционных элементов южных областей, северян и принца Оранского Генеральные штаты заключили с дон Хуаном договор («Вечный эдикт»), близкий к тексту «Брюссельского союза» и «Гентского умиротворения»; дон Хуан признавался наместником Филиппа II в Нидерландах.

Новый наместник, фанатичный католик, имел авантюристические планы военного вторжения из Нидерландов в Англию, женитьбы на Марии Стюарт и восстановления в Англии католицизма. В Брюсселе его окружала обстановка враждебности и недоверия, чему немало способствовала деятельность агентов принца Оранского и Елизаветы I. В июне 1577 г. дон Хуан бежал из Брюсселя, захватил цитадель в Намюре и начал военные действия против войск Генеральных штатов. Вместе с ним бежали и некоторые нидерландские вельможи.

После измены дон Хуана по южным областям прокатилась волна народных восстаний: свергали католические магистраты в городах, арестовывали сторонников испанцев, изгоняли католических священников. Оживилась политическая деятельность кальвинистских консисторий. При обновлении магистратов к власти приходили противники испанцев, порой и кальвинисты, но выборы велись по старой системе и дело чаще всего сводилось к замене одних патрицианских кланов другими. Подлинными борцами за свободу и социально-политические перемены становились другие, демократические органы — «комитеты 18-ти», в которые входили цеховые ремесленники, кальвинистские купцы, лица свободных профессий. Часть из них оставались католиками, но это были патриоты и враги испанского деспотизма. Демократизировался рядовой и офицерский состав городских милиций, энергично включавшихся в политическую борьбу.

Влияние кальвинистов возрастало и распространялось по всей стране. Сложилась иерархическая структура кальвинистской церкви: ее основными звеньями (снизу вверх) были церковные советы, консистории, «классис», областные и национальные синоды. Помимо официальных членов, в кальвинистских общинах имела значительная прослойка «сочувствующих». В июне 1578 г. собрался национальный синод в Дордрехте. На нем обсуждались вопросы компетенции кальвинистской церкви в политической и общественной жизни, ее взаимоотношения с властями, судебными органами, процедура назначения проповедников. Принятые решения имели компромиссный характер, их формулировки согласовывались с принцем Оранским. Синод просил Генеральные штаты утвердить его резолюции, но не получил согласия. В целом кальвинистская церковь становилась постепенно официальной. На этом этапе подъема революционно-освободительного движения значительная часть проповедников и старшин принадлежала к ортодоксально-радикальному течению. Его представители не только участвовали в революционно-демократических выступлениях и восстаниях, но и руководили ими, становились

членами «комитетов 18-ти». «Кальвинизм создал республику в Голландии» — писал Ф. Энгельс¹.

Период с 1576 по 1585 г. отличался наибольшей остротой социально-политической и классовой борьбы, носившей крайне сложный характер. Происпански настроенные дворяне и аристократы, католический патрициат и реакционные слои купечества смыкались с силами феодально-католической реакции, стремившейся прежде всего к соглашению с Филиппом II. Кальвинистская буржуазия, радикально настроенные горожане и городской плебс развертывали антииспанские и революционные действия, группируясь вокруг «комитетов 18-ти», кальвинистских консисторий, реорганизованных городских милиций. Оранжевисты, социальной базой которых были антииспански настроенные дворяне, умеренные слои патрициата и бюргерства, играли на противоречиях между разными группировками, стремясь обеспечить себе и принцу руководящее положение в южных областях. Главными очагами борьбы стали южные города.

Летом 1577 г. оранжевисты вместе с радикалами подняли мятеж в Аррасе, столице Артуа. Они создали «комитет 15-ти», который взял власть в свои руки, организовал военные отряды, повел борьбу с католическими реакционерами и сторонниками испанцев.

«Комитет 18-ти» Брюсселя летом 1577 г. потребовал удаления испанских пособников из всех органов власти. В октябре он предъявил Генеральным штатам ультиматум: прекратить переговоры с дон Хуаном, начать решительную осаду Намюра, укрепить гарнизоны города, которым угрожал враг, — для этого поголовно вооружить народ, демократизировать Государственный совет, обратиться с просьбой о военной помощи к Елизавете I и имперскому графу Пфальца. Но сил осуществить это решение комитет не имел. Политическая инициатива все больше переходила к сторонникам принца. Еще в сентябре 1577 г. по приглашению Генеральных штатов он прибыл в Брюссель. Его программа отличалась расплывчатостью, рассчитанной на привлекательность для разных социальных слоев. В конце 1577 г. он включил своих приверженцев в состав Государственного совета, стал чрезвычайным правителем Брабанта и начал теснить дворянско-аристократическую группировку. Поняв, что в Брюсселе она проиграла, эта группа попыталась сделать своим оплотом Фландрию, надеясь на поддержку ее статхаудера — католика герцога Арсхота. Но в октябре 1577 г. вооруженные жители столицы Фландрии — Гента, возглавленные Франсом Рихове и Жаном Хэмбизе, восстали; сформировался «комитет 18-ти», где господствовали кальвинисты и оранжевисты. Он взял под контроль деятельность магистрата.

В течение ноября 1577 — января 1578 г. в Генте была восстановлена цеховая и муниципально-административная система, отмененная Карлом V после Гентского восстания 1539 г.

Радикальные элементы, опорой которых были члены 53 малых свободных «ремесел», мелкие торговцы, городской плебс, сплотились вокруг «комитета 18-ти», консисторий и своего Военного совета. Ядро руководства этих организаций состояло из купцов, торговцев, лиц свободных профессий.

Военным руководителем стал яркий оранжевист Рихове, политическим лидером — патриций-кальвинист Хэмбизе. Представители же традиционных, шедших к упадку цехов, оказавшиеся весьма ненадежными союзниками «радикалов», группировались вокруг обновленного, но консерва-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 308.

тивного магистрата. Такая расстановка сил в значительной мере предопределяла развитие событий.

На гребне революционной волны возобладаало единство, но по мере развития событий стали проявляться противоречия. Новый магистрат в январе 1578 г. был избран по традиционной процедуре, при личном участии принца. В него вошли 11 членов «комитета 18-ти» и 7 патрициев; остальные — ремесленники, торговцы, адвокаты.

Идея процветающей Фландрии реализовалась в союзе гентцев с их единомышленниками во фландрских городах. Это позволило гентским войскам без особого труда в марте — июле 1578 г. овладеть Брюгге, Ипром, Куртре, Мененом и Ронсе. В них установились порядки, близкие к гентским. Гентские власти всемерно поддерживали цеховой элемент. Налоговая система строилась на большом повышении квот богачей, отмене привилегий для лиц благородных сословий, снижении квот бедняков: заработная плата поддерживалась на достаточно высоком уровне. Церковные имущества секуляризовались. Часть их шла на покрытие расходов по содержанию войск, на городские нужды, благотворительность и т. п. Остальные распределялись по низким ценам, чтобы привлечь на свою сторону состоятельный слой горожан. В религиозном вопросе радикалы брали курс на запрещение католицизма, что сопровождалось иконоборческими и насильственными акциями. Так закладывалась основа будущих конфликтов.

В Голландии и Зеландии подобные события были в значительной мере уже пройденным этапом. В сходной ситуации оказался лишь Амстердам. Борьба религиозно-политических фракций внутри амстердамского патрициата имела давние традиции: она проявилась во время анабаптистского движения 1534—1535 гг. и повторилась в 1566—1567 гг. После поражения иконоборческого восстания власть в городе перешла к реакционно-католической группировке, сумевшей добиться от Рекесенса льгот, еще более сузивших круг лиц, причастных к управлению городскими делами.

В феврале 1578 г. Амстердам подписал акт о капитуляции: однако у власти оставалась реакционная фракция патрициата и признавалось исповедание только католической религии. Лишь последующая борьба оранжистов, консисторий и реформированных на демократической основе стрелковых гильдий привела к восстанию в мае 1578 г. Именно делегаты стрелковых гильдий, по одному от каждой роты, избрали новый магистрат из числа кальвинистской и оранжистской фракций патрициата и членов Временного комитета, руководившего восстанием. В ходе восстания и после него развернулись погромы монастырей и церквей, эксцессы против католиков, перекинувшиеся на Хаарлем и Лейден. Революционные народные массы осуществляли все эти акции и стихийно, и под руководством консисторий.

Вновь избранный магистрат в июне 1578 г. постановил восстановить полностью все права и привилегии цехов и прочих корпораций и ввел свободу совести по образцу Голландии. Сословно-корпоративный принцип официально оставался непоколебимым. В том же направлении развивались события в других городах южных и северо-восточных областей, не оккупированных испанцами.

Преобладающая часть буржуазии действовала вместе с революционными силами, но ее незрелость помешала ей выдвинуть достойных руководителей.

Дворянско-католическая партия в Брюсселе попыталась укрепить свои позиции, призвав в октябре 1577 г. эрцгерцога Матвея, ничтожного честолюбца, брата императора Рудольфа II, в качестве правителя страны. Принц Оранский, став его заместителем, развил кипучую деятельность.

Ловко манипулируя, он вводил своих ставленников в состав «комитетов 18-ти», новых магистратов, реформировавшихся городских стрелковых гильдий. Двуличный, как всегда, он дал санкцию Рихове на организацию восстания в Генте в октябре 1577 г. Через подручных он постепенно делал Государственный совет и Генеральные штаты покорным орудием выполнения своих целей. Его эмиссары безуспешно вводили восставшие города в русло оранжистской политики. Принц стремился, разрушая планы дворянско-католической группировки, оставлять дверь открытой для компромисса с ней и отрыва ее от Испании. Используя все возможности, в том числе и революционно-радикальный кальвинистский лагерь, он искал опору внутри страны в умеренных социально-политических слоях, продолжая при этом поиски нового иноземного суверена, располагавшего войсками и средствами, чтобы его силами нанести военное поражение Испании, ибо полная несостоятельность эрцгерцога Матвея стала очевидной. Принц пытался играть на противоречиях иноземных держав, сдерживая их экспансионистские аппетиты. Революционное решение проблем он отвергал, с беспокойством наблюдая за нараставшим движением городских масс, волнениями отчаявшегося крестьянства, которое не получило ничего и стало объектом беспощадного грабежа и насилий и своих и иноземных войск.

В осуществление этих замыслов по договоренности с Францией и Англией в 1578 г. в Нидерланды вступили войска брата французского короля герцога Франциска Анжуйского и имперского пфальцграфа Иоганна Казимира. Однако обе эти экспедиции кончились крахом. В ряде случаев народ с оружием в руках выступал против них.

Тогда принц Оранский, не без давления со стороны дворянско-католического блока, сделал очередную попытку решить внутренние проблемы путем прямого нажима. Летом 1578 г. был разработан текст «Религиозного мира», который на определенных условиях допускал и кальвинистское и католическое вероисповедание: за счет ущемления демократического блока предписывалось восстановление свергнутых в последние месяцы городских католических магистратов и роспуск «комитетов 18-ти» и других революционных органов. Силы католической реакции пошли в наступление, добившись кое-где успехов. Но на их пути встала новая волна иконоборческих и антикатолических выступлений в городах большинства областей. Особого накала борьба достигла в Генте и Аррасе. В Генте произошел раскол между оранжистами и революционно-демократической группировкой, возглавлявшейся Хэмбизе и Датенусом. Принц Оранский лично вмешался в конфликт, прибыл в Гент, и под его нажимом текст «Религиозного мира» был подписан гентскими властями 27 декабря. В Аррасе «комитет 15-ти» снова развил энергичную деятельность. В противовес дворянско-католической партии возник союз городов Артуа. На средства, полученные от введения чрезвычайного налога, стали набирать союзные вооруженные силы, которыми командовал Амбруаз ле Дюк. Были установлены связи с Гентом. В октябре солдаты «комитета 15-ти» разоружили католические военные части; члены магистрата и активные деятели католиков были арестованы, им грозила казнь. Но дворянско-католическая партия сумела подкупить Амбруаза ле Дюка; последовали контрреволюционный переворот и казни членов «комитета 15-ти».

Валлонское католическое дворянство поняло, что нужный ему компромисс с Генеральными штатами достигнут не будет. 6 января 1579 г. оно заключило официальный сепаратный союз — Аррасскую унию — с целью «добиться соглашения с католическим королем, нашим законным повелителем и государем». В мае 1579 г. такое соглашение стало фактом: Филипп II признал «Гентское умиротворение», «Вечный эдикт», согласился восстановить исконные порядки и привилегии Артуа, Эно, Лилля и

Орши, вывести испанские войска на условиях сохранения католицизма. Капитуляция валлонских областей означала, что «Религиозный мир» себя исчерпал, он был на руку только силам католической реакции. Северные провинции перед лицом наступления испанских войск под командованием нового наместника Филиппа II Александра Фарнезе предприняли энергичные шаги: 23 января 1579 г. они заключили свой союз — Утрехтскую унию, имевшую целью сохранить революционные завоевания, сплотиться и довести войну с Испанией до победного конца. Если восстание 1572 г. было лишь подготовкой будущей республики, то Утрехтская уния закладывала ее фундамент. Отложившимся провинциям предстоял еще сложный путь, прежде чем стать Республикой Соединенных провинций, но их фактическая автономия неуклонно перерастала в разрыв с югом страны.

Подписание Утрехтской унии послужило сигналом к новой вспышке социально-политической борьбы. Она давала о себе знать и в северных провинциях: там кое-где еще оставались испанцы. Во Фрисландии и соседних областях прокатилась волна крестьянских восстаний против испанских войск и их пособников. В городах снова начались иконоборческие выступления. Центром социально-политической борьбы являлись города Фландрии и Брабанта, в первую очередь Гент.

4 февраля 1579 г. Гент присоединился к Утрехтской унии, чем отмечалось признание «Религиозного мира». Развернулось иконоборчество, начались погромы церквей и домов богатых католиков; прошла «чистка» муниципальной и цеховой администрации, от должностных лиц и городских войск потребовали присяги в верности кальвинизму.

Возник острый конфликт Хэмбизе с Рихове, ставшим прямым сателлитом принца; дело дошло до вооруженного противостояния и попыток взаимных репрессий. Блок «радикалов» распался, а восстание прежнего цехово-муниципального строя стало лить воду на мельницу реакции. В августе 1579 г. принц Оранский прибыл в Гент и сумел повернуть ход событий в удобном ему направлении. Войска Генеральных штатов подавили бунты отчаяния крестьян Фландрии. Хэмбизе скрылся из Гента.

Принц пытался использовать свои пирровы победы в духе отработанной стратегии — подавления «радикалов» и опоры на помощь коронованных внешних союзников. Закон от 23 марта 1581 г. запретил демократическим стрелковым гильдиям принимать участие в решении политических дел, что становилось исключительно компетенцией официальных властей. Лишь после таких мер 16 июля 1581 г. был низложен Филипп II. Но пост суверена оставался вакантным. Это позволило вторично пригласить герцога Анжуйского, получившего почти суверенные полномочия. Он прибыл с войском в январе 1582 г. Англия прислала свои отряды под командованием Норриса.

Военные успехи иноземных пришельцев оказались весьма скромными. Окруженный недоверием и неприязнью жителей Антверпена, герцог попытался в январе 1583 г. взять город силой, но получил отпор. Тогда он начал плести на юге страны интриги с Александром Фарнезе, но, опасаясь попасть в плен к испанцам, в октябре 1583 г. поспешно отошел во Францию.

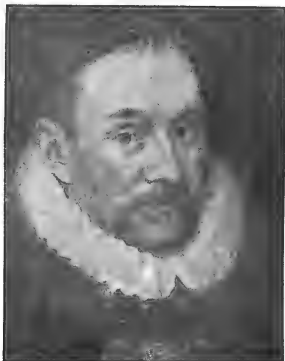
Обстановка на юге страны стала угрожающей. Политический авторитет принца был подорван. С остатками Генеральных штатов и своим двором он отбыл в Голландию, избрав своей резиденцией Делфт. В марте 1583 г. принц опубликовал манифест, в котором оправдывал свою про-французскую политику тем, что для продолжения борьбы с Испанией необходимы иноземные союзники.

Стратегия испанцев изменилась. Присоединив Португалию, Филипп II предоставил в распоряжение Фарнезе 40-тысячное войско. Фарнезе приостановил операции на северо-востоке страны и начал наступление на Фландрию и Брабант. Перед лицом наступавшего врага в крупнейших городах Фландрии и Брабанта — Ипре, Брюгге, Генте, Брюсселе, Антверпене — кальвинистско-демократическое движение снова одержало верх. Города укреплялись, запасались боеприпасами и продовольствием, набирали войска для успешной обороны. Однако армия Генеральных штатов утратила беспособность и распалась, действия городов не координировались. Фарнезе, способный военачальник и умный расчетливый политик, правильно оценивший обстановку, осаждал один город за другим и, предлагая сносные условия капитуляции, добивался их сдачи. С падением Антверпена 17 августа 1585 г. отвоевание южных областей испанцами стало свершившимся фактом.

Такому исходу способствовал ряд причин: зависимость южных провинций от испанских рынков сбыта и сырья, специфическая расстановка классовых сил и их незрелость, обострение лишений народных масс военным лихолетьем, массовая эмиграция в северные провинции наиболее радикальных слоев нарождавшейся буржуазии, увозившей с собой капиталы, секреты производства, связи с клиентурой. Революционные силы были дезориентированы деятельностью иноземных авантюристов, грабежами и насилием их солдат, репрессиями властей, изменами руководителей. Особенно пагубными оказались действия оранжистов. Не сепаратизм городов губил революцию и освободительную войну, а разложение народного единства оранжистской политикой беспринципных компромиссов и двуличной демагогией. Позиции же реакционных слоев дворянства, патрициата, бюргерства, духовенства, связанных со средневековьем и Испанией, усиливались: создавался тупик, революционные силы крестьянства подавлялись.

10 июля 1584 г. принц Оранский был убит в Делфте католическим фанатиком Балтазаром Жераром. До 1585 г. в Генеральных штатах и новом составе Государственного совета заседали еще представители Брабанта и Мехельна, до 1587 г. — Фландрии. Оранжистская прослойка в этих центральных органах оставалась значительной. Сохранялась приверженность к старым политическим мифам, в том числе вера в необходимость приглашения иноземного суверена. Однако герцог Анжуйский уже умер, Генрих III и Елизавета I, находившиеся в сложных внутренних и внешних условиях, отказались. Возобновились связи с турецким султаном, но он уклонялся от каких-либо акций против Испании.

Тем не менее английское правительство твердо усвоило представление о Нидерландах как о возможном грозном противнике. Поэтому туда был послан в качестве губернатора фаворит Елизаветы граф Лестер. Лишенный полководческих способностей, посредственный политик, но опытный интри-

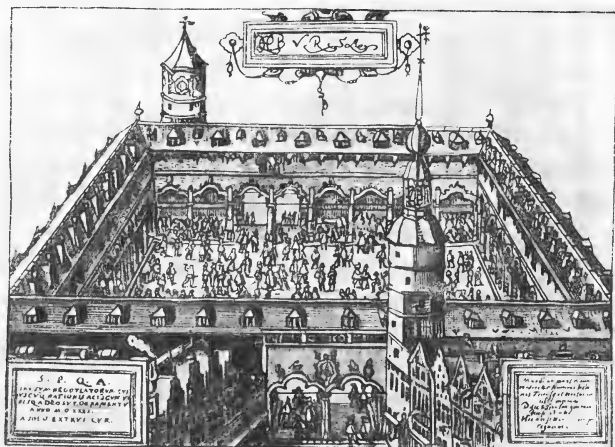
Вильгельм Оранский.
Портрет работы А. Т. Кел.
Ок. 1579 г.
Гаага, Маурицхейс.

ган, Лестер в декабре 1585 г. прибыл в Соединенные провинции с инструкциями подорвать экономический потенциал страны, превратить ее в придаток Англии. Лестер запретил провинциям вести торговлю с Испанией, Францией и их союзниками. Зная о напряженности в отношениях между правящими слоями, консисториями и радикалами, он сталкивал их между собой, прикидываясь другом народа и поборником истинного кальвинизма. В войне с испанцами его армия терпела поражения, а подкупленные офицеры сдавали города и крепости. Ультимативное требование Генеральных штатов прекратить злоупотребления, вернуться к договорным отношениям и обеспечить успешные военные действия против испанцев он игнорировал. Перехват тайных инструкций из Англии, предписывавших Лестеру заключить мир с Филиппом II, разоблачил подлинные намерения Елизаветы и ее ставленника. Попытка поднять мятеж, чтобы захватить Амстердам и другие города, провалилась. Обманутые радикалы отвернулись от Лестера. В ноябре 1587 г. он отплыл в Англию. Лишь эти события и опыт двукратного приглашения герцога Анжуйского вынудили правящие круги Соединенных провинций отказаться от подобных комбинаций и установить равноправные отношения с иностранными державами. Высшим органом власти стали Генеральные штаты, а государственный строй — республиканским.

Правящие круги научились проявлять известную осторожность. Появились и крупные национальные политические деятели, в частности Ян ван Олденбарнефелт, который стал ведущей фигурой в Генеральных штатах, фактическим руководителем внешней и внутренней политики Республики. Еще до прибытия Лестера сын принца Оранского Мориц Нассауский был назначен статхаудером Голландии и главным капитаном. В его лице страна приобрела выдающегося полководца и решительного политика. Морской флот Республики в 1588 г. внес достойный вклад в разгром Непобедимой армады Филиппа II. Внешнеполитическая обстановка улучшилась: отношения с Англией упрочились, Франция вошла в полосу очередных внутренних неурядиц. В 1592 г. Фарнезе с экспедиционной армией отбыл на помощь французской католической партии, а в 1596 г. Испанию постигло очередное банкротство. На этом фоне развернулись важные события: с 1589 по 1598 г. армия Морица Нассауского восстановила целостность семи провинций и приобрела некоторые территории на юге. Более стабильной стала внутривнутренняя жизнь Республики, значительный прогресс имел место в сфере экономики.

В первые годы XVII в. обстановка усложнилась. Глубокий рейд Морица Нассауского на юг со взятием Нивпорта был приостановлен без участия Голландии, которая опасалась возрождения могущества Фландрии и Брабанта в случае их отвоевания. Положение Испании ухудшалось; в 1606 г. начались переговоры о перемирии. Очередное банкротство Испании 1607 г., военные неудачи побуждали ее к уступчивости. В 1609 г. было заключено перемирие до 1621 г. на условиях признания существующих границ, независимости Соединенных провинций, разрешения на срок перемирия торговли провинций с португальскими колониями в Ост-Индии, закрытия устья Шельды для торговли.

В целом период до 1609 г. ознаменовался успехами: Республика вышла на океанские просторы; вслед за отдельными рейдами 90-х годов XVI в. в 1602 г. была создана Нидерландская Ост-Индская монополия торговая компания. Прогрессивное экономическое развитие одержало верх. Утвердилось международное положение Республики, признанной рядом европейских государств. Этому способствовали освобождение от испанского господства; возникновение государства нового типа, хотя и с остатками корпоративно-сословных форм; устранение многих преград на пути развития торговли, мореходства, буржуазных форм производства и обмена. Свой

Товарная биржа в Антверпене. Гравюра XVI в.

вклад в прогрессивное социально-экономическое развитие внесла мощная волна (до 150 тыс. человек) иммиграции из южных провинций, принесшей с собой капиталы, секреты и производственные навыки, высокую профессиональную выучку, прочные связи с международной клиентурой. Социально-политическая иммиграция держала союз с местной радикально-кальвинистской оппозицией. Господствующей социальной и политической силой в Республике тем не менее оставались патрициат и крупное купечество. Они доминировали в городских Больших советах, избиравших магистраты городов и назначавших большинство должностных лиц в городах, депутатов в штаты провинций. В основном к этой категории принадлежали те 2 тыс. лиц, которые в провинции Голландии избирали и избирались в органы управления всех рангов. Традиции освободительной войны прямое и косвенное влияние на их деятельность республиканских систем, а местами и демократических консисторий, а также политические выступления народных масс в какой-то мере корректировали консерватизм системы государственных учреждений и права. Патрициат конца XVI — первой четверти XVII в. отличался некоторыми особыми чертами: все возрастающую его часть составляли кальвинисты, преимущественно либертинского толка ². В его среду проникали богатые купцы, судовладельцы, предприниматели капиталистического типа. Именно эти слои патрициата находились у кормила правления почти до середины XVII в.

Кальвинистская церковь из руководящей силы постепенно превращалась в энергичную, хотя и не столь влиятельную оппозицию, но положе-

² Либертинство — течение в кальвинизме менее строгого толка.

ние в ней было очень сложным. Вместе с Лестером капнули в Лету и радикальные решения синода 1586 г. Новый церковный устав 1591 г. не был принят Голландией и некоторыми другими провинциями. Церковь раздиралась внутренними противоречиями, что продолжало сдерживать ход обращения населения в кальвинизм, создавало обстановку политической нестабильности.

В 1610 г. либертинские руководители консисторий подали ремонстрацию штатам Голландии с изложением своего понимания учения о о предопределении и свободе воли. Через год свою контрремонстрацию подали руководители ортодоксального направления. За религиозно-догматическими спорами стояли насущные проблемы: преодоление либертинских идей патрицианских слоев, доходивших до примирения с католицизмом; взаимоотношения церкви и государства, консисторий и местных властей, т. е. радикалов и патрицианской олигархии; вопросы церковной дисциплины. Начавшийся конфликт расширился в последующие годы, превращаясь из голландского в общереспубликанский. Олденбарнефелт далеко зашел в своих связях с католическими державами. Началось организационное размежевание ремонстрантов и контрремонстрантов. При обсуждении этого вопроса в штатах Мориц Нассауский встал решительно на сторону контрремонстрантов. Олденбарнефелт же добился для ремонстрантских магистратов городов разрешения создавать свои вооруженные отряды в целях самозащиты. Мориц расценил это как вторжение в его функции главнокомандующего войсками и подготовку заговора. Он опасался и возникновения гражданской войны в условиях, когда вражеские войска стояли у границ Республики. В августе 1618 г. Олденбарнефелт был арестован и по приговору специального трибунала казнен 13 мая 1619 г. Должность великого пенсинария была объявлена сменяемой, его полномочия сильно урезаны. Общенациональный синод в Дордрехте 1619 г. осудил «ремонстрантскую ересь», поддержав ортодоксальное течение. Однако его решения признали лишь несколько провинций. Остальные, в том числе Голландия, их либо отвергли, либо сделали разные оговорки. Некоторые руководители ремонстрантов были репрессированы, многие бежали из страны.

В 1625 г. место умершего Морица Нассауского занял Фредерик Хендрик из той же династии Оранских-Нассау. Способный военачальник, но человек осторожный и склонный к компромиссам, он действовал сначала в духе «голландистов», отвергавших воссоединение с южными провинциями, за что его резко критиковали консистории. Постепенно его позиция изменилась. Республика все сильнее тягивалась в Тридцатилетнюю войну, используя ее для продолжения войны за независимость, а тем самым и за завершение революции. Гаага стала играть роль центра координации действий участников антигабсбургской коалиции. При Фредерике Хендрике образовался Личный совет, в тесном кругу которого обсуждались и решались военно-дипломатические вопросы. Снова возник проект отвоения всех южных земель в союзе с Францией. Эта попытка окончилась неудачей. Голландия и патрицианско-купеческая олигархия умели проваливать военные планы своих статхаудеров, если они преследовали чуждые правящим кругам цели.

С 1645 г. в Мюнстере начались предварительные переговоры Республики с Испанией о заключении мира. Они закончились подписанием Мюнстерского мирного договора, вошедшего составной частью в договорную систему Вестфальского мира 1648 г. Главные статьи мирного договора сводились к следующему: прекращение войны на условиях территориального статус-кво; Республика получает международное признание как суверенная держава, запрещается испанское судоходство в заморских областях, принадлежавших Ост-Индской и Вест-Индской нидерландским ком-

паниям; устье Шельды остается закрытым для торговли; отменяется фактически давно прекратившаяся зависимость Республики от Германской империи. Правящая олигархия в ходе переговоров сумела обеспечить все основные претензии Голландии, зато безразлично отнеслась к интересам других провинций. В частности, безуспешными были настойчивые просьбы Гелдерна вернуть ему часть его территории, так и оставшейся у Габсбургов.

Фредерик Хендрик скончался в марте 1647 г. Его преемником стал Вильгельм II из той же династии Нассау. В 1650 г. осложнилась внутриполитическая обстановка в Республике, импульс чему был дан Амстердамом и Голландией. Неуравновешенный и вспыльчивый, Вильгельм II не сумел правильно оценить соотношение сил, могущество Голландии и Амстердама, который он захотел подчинить военной осадой, допустил ряд других оплошностей, обнажив отрицательные и уязвимые стороны статхаудерата. Осложнил он и решение главных для него вопросов о комплектовании армии и подготовке войны против Испании и Англии, политика которых наносила все возрастающий ущерб жизненным интересам Республики. В разгар этих событий он скоропостижно скончался. Патрицианская олигархия Амстердама и Голландии, ставшая ведущей силой в стране, решила свести счеты со статхаудератом и обеспечить неограниченную власть регентскому патрициату. И она добилась своего. Решением Генеральных штатов должности статхаудера Голландии и главного капитана объявлялись «незанятыми»; малолетний Вильгельм III получил титул «дитя государства». Все вопросы оплаты войск, их дислокации, назначения на офицерские должности становились прерогативой штатов провинций. Позднее, в 1667 г., штаты Голландии отменили у себя должность статхаудера, а статхаудерам других провинций запретили занимать должность главного капитана. Для успокоения радикалов и консерваторов были подтверждены решения Дордрехтского синода 1619 г. Наступал новый этап в жизни Республики. Все это происходило, когда уже действовали «навигационные акты» Кромвеля, а Республика втянулась в смертельно опасную для нее серию войн с Англией.

На этот раз речь шла не о простой передвижке политических фигур и очередном укреплении позиций патрицианской олигархии, а о качественном ее изменении. К середине XVII в. постепенно складывалось новое поколение патрициата, который переводил свои капиталы из торгово-предпринимательской и финансовой сферы в землевладение, приобретал ренты и займы, стремился занять доходные должности в государственном аппарате, штатах, городских муниципалитетах и консисториях. То, что для предшествовавших поколений патрициата было дополнением к деловой деятельности, у патрициата нового поколения стало главным. Эта каста, оторванная от реальной жизни, замкнулась, занялась захватом теплых местечек, забыв о насущных проблемах социально-экономического и политического развития Республики. В этих условиях консервативный государственный строй не защищал и не развивал базис, созданный в ходе освободительной войны и революции, а консервировал его, способствовал укреплению негативных тенденций.

Нидерландская буржуазная революция XVI в. занимала особое место среди буржуазных революций мануфактурного периода. Маркс писал по этому поводу: «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию»³.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 114.

Особенности Нидерландской революции обуславливались тем, что капитализм и буржуазия были еще незрелыми, неразвитым был их классовый антагонизм по отношению к феодализму, дворянству, сословной корпоративности. Идеологическим знаменем революции стал кальвинизм. Она протекала в форме освободительной войны против Испании, что отчасти затушевывало остроту социальных конфликтов. Внешнеполитический фактор в ней сыграл весьма важную роль. Поэтому неразвитая нидерландская буржуазия (особенно крупное купечество) поддерживала союз не с крестьянством и городским плебсом, а с феодальным по своей природе дворянством, патрициатом. А такой союз был сопряжен с гораздо большими уступками феодальным и сословно-корпоративным элементам, чем в Англии XVII в. Республика Соединенных провинций задержалась на первой фазе мануфактурного периода, отстала и уступила со второй половины XVII в. первенство Англии, уверенно шедшей вперед по пути прогрессивного развития.

Часть пятая

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Введение

1. Великие географические открытия. Международные отношения конца XV—XVI в. в Западной Европе
2. Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа
3. Тридцатилетняя война

ВВЕДЕНИЕ

Особенности международных отношений в Европе конца XV — середины XVII в. определялись тем, что это был период зарождения нового, капиталистического уклада в рамках феодальной формации. Гигантский толчок этому уже начавшемуся в передовых странах Европы процессу был дан в XVI в. великими географическими открытиями и, как их следствие, созданием колониального хозяйства, предъявлявшего повышенный спрос на снабжение продовольствием и товарами европейского производства. Встреча европейцев с новыми цивилизациями породила новые потребности, удовлетворить которые мог только мировой рынок. Начиная с XVI в. можно говорить о возникновении мировой системы международных экономических отношений. К концу этого столетия столкновение интересов европейских держав в Азии, Африке и Америке уже оказывает серьезное воздействие на европейскую политику.

С появлением капиталистических отношений происходило усиление и углубление международного разделения труда и, следовательно, экономических связей между отдельными государствами и регионами Европы. XVI век знает уже войны за обладание путями, связывавшими между собой отдельные регионы, причем показательно, что в таких войнах участвовали даже государства, отнюдь не принадлежавшие к числу наиболее экономически развитых стран континента.

Вместе с тем в сфере международных отношений можно выделить и факторы, отрицательно влиявшие на поступательное развитие Европы. Среди них на первом месте должна быть названа османская экспансия. Она не только ограничивала возможности прогрессивного развития балканских народов, оказавшихся под властью османов, но и заставила ряд крупных государств постоянно расходовать огромные силы и средства на организацию обороны. Все это ставило в неблагоприятные условия страны Центральной и Восточной Европы, и так отстававшие от ряда стран Западной Европы по своему социальному и экономическому уровню. Однако османская экспансия могла лишь усилить неравномерность прогресса, но не прекратить его, тем более что к началу XVII в. она была остановлена на разных направлениях.

Развитие экономических связей стимулировало интенсификацию различных форм международных контактов. Политика ведущих европейских государств перестает ограничиваться рамками сношений с отдельными, по преимуществу соседними, государствами, их внешнеполитическая активность постепенно распространяется на всю Европу. Уже в первой половине XVI в. интенсификация международных связей ознаменовалась переходом в Западной Европе к современной системе организации посольской службы — постоянным дипломатическим представительствам. Эта система зародилась в Италии к 80-м годам XV в. После начала в 1490-х годах Итальянских войн ее переняли Франция и Испания, с 1510-х годов — Папское государство, с 1520-х — Англия. К середине XVI в. эту практику заимствовало большинство европейских государств. Информация о внутреннем состоянии других стран и их внешнеполитических планах необычайно расширилась. Возможность сопоставления сведений, поступавших от послов из разных стран, развивала уме-

ние дипломатов критически разбираться в информации и способствовала расширению их кругозора.

К середине XVII в. окончательно складывается общеевропейская система международных отношений. Неотъемлемыми частями этой системы стали Россия и Османская империя. В такой крупный конфликт, как Тридцатилетняя война, было вовлечено прямо или косвенно подавляющее большинство европейских государств.

Но эта тенденция к созданию общеевропейской политической системы парадоксальным образом диалектически осуществлялась через действие резко усилившихся факторов дезинтеграции, расколовших старую католическую Европу в идеологическом отношении еще до того, как в результате Нидерландской и Английской буржуазных революций нарушилась ее формационная общность. В борьбе противодействующих сил старые средневековые взгляды на систему европейских государств должны были уступать место трезвой доктрине «государственного интереса», свободного, по существу, от идеологической мотивации в средневековом понимании. Характерно, что именно в XVI в. сходят со сцены Орденские государства, само существование которых целиком определялось такой идеологической мотивацией.

Конечно, никакого единства средневековой политической мысли в смысле существования общепризнанного представления о системе государств не существовало, не говоря уже о том, что на протяжении почти всего раннего и развитого средневековья страны христианской Европы принадлежали двум разным политико-конфессиональным общностям — католической с папой и императором и православной, объединявшейся вокруг Византии. Сообщество православных государств перестало существовать после падения Константинополя и завоевания османами балканских стран. Единственное оставшееся православное государство — Россия не могла войти в состав традиционной общности католических государств Европы, как и мусульманская Османская империя.

Что же касается политического сознания в рамках католического универсума, то здесь до XVI в. в общем оставался неизменным круг актуальных вопросов, на которые давались прямо противоположные ответы: вопросы о границах высшей власти императора, папы, королей и, следовательно, о полноте суверенитета отдельных государств. Все ли монархи являются одинаково суверенными, или в политической системе Европы должна соблюдаться иерархия? Может ли император смещать папу или папа смещать императора? Обладают ли император или папа верховной властью сюзерена по отношению к королям, или каждый король является «императором в своем королевстве»? Если «теократическая мечта» римских первосвященников была навсегда похоронена Авиньонским пленением пап в начале XIV в., то иначе обстояло дело с идеей имперского универсализма. Она была живучей еще в первой половине XVI в., когда Карл V в своем стремлении к европейской гегемонии опирался именно на представление о высшей власти императора как светского главы католического мира, подобно тому как папа был его духовным главой. Наследник римских кесарей, император был один, как и папа. Из всех европейских монархов только он при коронации получал свою корону из рук римского первосвященника (королей венчали на царство архиепископы) и потому обладал особой полнотой сакральности. Этот императорско-папский дуализм, составлявший специфическую часть политической культуры средневековья, противостоял прогрессивным стремлениям к утверждению полного суверенитета национальных государств, и с этой точки зрения борьба Франции с империей Карла V выглядела проявлением старого, многовекового противоречия.

Однако фактически имперский универсализм Карла V уж слишком не соответствовал реальности. В борьбе за гегемонию он в куда меньшей мере

мог опереться на ресурсы политически рыхлой Священной Римской империи, чем на силу находившегося под его скипетром одного из национальных королевств — Испании с ее огромными колониальными владениями. Новое содержание борьбы просвечивало сквозь старую форму, которая и вообще была отброшена сразу после отречения Карла V. Затем сделавшийся неоспоримым фактом религиозный раскол лишил в глазах протестантского мира доктрину исключительности императорской власти ее важнейшей идеологической подосновы.

Наступил новый этап внешнеполитической борьбы, когда в течение целого столетия (с середины XVI в. до середины XVII в., от Тридентского собора до Вестфальского мира) на первый план выступил конфессиональный фактор, борьба протестантизма против перешедшего в контрнаступление католичества.

Угроза духовным и материальным приобретениям Реформации выглядела тем более опасной, что страны, принявшие протестантизм, на первых порах были гораздо слабее оставшихся верными «папизму»; они не имели общепризнанного гегемона; протестантский лагерь раздирала борьба противоречий между различными течениями и сектами. Между тем ударной силой католической реакции сразу же стала Испания, утвердившая свое политическое преобладание в Западной Европе после Като-Камбрейского мира 1559 г., тесно связанная родственными династическими узами с империей австрийских Габсбургов. Контрреформация давала удобное обоснование гегемонистским устремлениям Габсбургов, подобно тому как имперская идея подкрепляла притязания Карла V. К тому же идейная и организационная борьба с протестантской «ересью» хорошо координировалась и непосредственно Ватиканом, и новосозданным энергичным орденом иезуитов. Чувство общей опасности вызывало распространение настроений конфессиональной солидарности во всех протестантских странах, оказывавших свое влияние и на их правителей.

При неблагоприятном для протестантизма исходном соотношении сил неудивительно, что он испытал ряд поражений и утратил многие уже завоеванные им позиции, особенно в Центральной и Восточной Европе — там, где его бывшие успехи не подкреплялись утверждением нового, буржуазного уклада. Однако невозможность повернуть историю вспять обнаружилась уже в XVI в., когда провалились попытки возвратиться в лоно католичества самые передовые страны — Северные Нидерланды и Англию, где Реформация дала новую идеологию и этические нормы наиболее динамичной части тогдашней буржуазии. К тому же противники Габсбургов из числа католических государств, прежде всего Франция, должны были искать себе союзников среди протестантских стран, что вело к образованию коалиций на политической основе и объективно подготавливало секуляризацию европейской политики.

В XVII в. борьба переносится в Германию и достигает кульминации в годы Тридцатилетней войны. Завершивший ее Вестфальский мир 1648 г., покончив с притязаниями Габсбургов на гегемонию, подвел черту под вековым религиозным конфликтом, констатировав невозможность решения его военными средствами.

Отныне европейская дипломатия окончательно секуляризируется, становится действительно дипломатией нового времени. Утвердился принцип равного гарантированного суверенитета всех европейских стран независимо от исповедуемой в них религии. Оставшийся в качестве пережитка номинальный сверхсуверенитет императора над государствами Священной Римской империи будет уничтожен лишь в 1806 г. вместе с самой Империей.

Распад в XVI в. традиционной общности католической Европы способствовал постепенному изменению отношения к стоявшей за ее рамками России. Стоит отметить в этой связи дружественные отношения России

с некоторыми протестантскими государствами в период Тридцатилетней войны на почве совместной борьбы с экспансией католицизма.

В отличие от России Османская империя продолжала и в середине XVII в. оставаться вне сообщества европейских государств (что не исключало временных союзов Порты с отдельными христианскими странами, осуждавшихся европейским общественным мнением). Это положение стало меняться с XVIII в., когда османы перестали представлять серьезную угрозу для Европы.

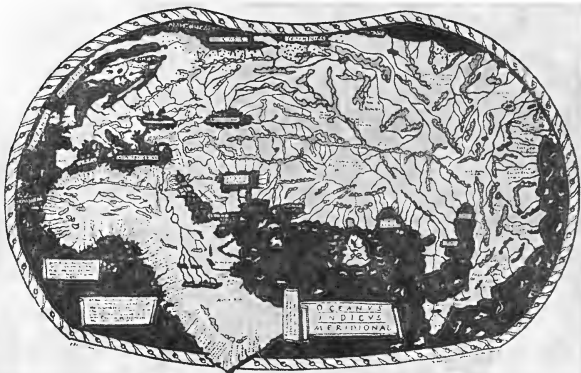
Отмечая существование ряда общих для всего континента в целом тенденций развития, следует отметить некоторые моменты, характерные именно для Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В этих регионах в XVI в. сложились существовавшие затем именно в такой форме в течение длительного времени полиэтничные государства (к числу таких образований можно причислить и Османскую империю), и противоречия между интересами разных народов, входивших в состав таких объединений, переплетение социальных и национальных противоречий становились источниками характерных именно для этих регионов конфликтов (восстания балканских народов против османов, освободительная борьба украинского и белорусского народов). Поскольку эти народы отстаивали свои интересы часто в форме борьбы за сохранение своей религии, а сами эти регионы были зоной непосредственной конфронтации с исламским миром, элементы идеологической (в частности, религиозной) мотивации внешней политики играли здесь гораздо более заметную роль, чем на Западе Европы, чему соответствовала и в целом большая близость существовавших здесь социальных и идеологических структур структурам средневековым.

Глава 1

ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КОНЦА XV—XVI В. В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

На рубеже XV — XVI вв. великие географические открытия привели к резкому, небывалому расширению европейской политики. Неизмеримо раздвинулись пределы известного мира. Он оказался доступным для грабительских экспедиций и колонизаторской деятельности европейских стран, «освященной» миссионерскими задачами христианизации покоренного населения. Богатые, но непрочные и слабые в военном отношении империи ацтеков и инков, мелкие султанаты Индии и Индонезии становились легкой добычей завоевателей. Отныне к различным противоречиям между европейскими странами прибавляется соперничество за колонии. До второй половины XVI в. эта борьба не приводила к острым столкновениям — слишком велика была добыча, доставшаяся на долю каждой из двух ведущих колониальных держав, Испании и Португалии, в то время как Англия, Франция и другие страны еще запаздывали со своим выходом на арену широких колониальных предприятий.

Жажда быстрой, хищнической наживы вела за море испанских и португальских конкистадоров, сочетавших христианское благочестие с верой во всевозможные чудеса вроде сказочно богатой страны Эльдорадо или источника вечной молодости и с бездушной жестокостью по отношению к поработанным «язычникам». Захват богатств — золота, серебра, ценившихся на вес золота пряностей — всюду был первичной и предпочтительной формой колониальных предприятий; колонии-поселения возни-

Карта мира Генриха Мартелла. Около 1490 г.

кали вначале как необходимые базы для присвоения сокровищ или продвижения к их источникам. Тем не менее вскоре в американских колониях Испании и в португальской Бразилии появляется настоящее колониальное хозяйство плантационного типа, а вместе с ним — и целый комплекс сложных вопросов о взаимоотношениях колонии и метрополии, обеспечении колоний товаром и рабочей силой.

Колониальная эпопея, начавшаяся в конце XV в., была обусловлена потребностями европейской экономики, остро нуждавшейся в звонкой монете. Она была подготовлена предшествовавшими географическими открытиями. Уже с середины столетия португальские мореплаватели планомерно продвигались на юг вдоль западного берега Африки, основывая свои форты, дешево скупая у африканских племен золотой песок, рабов и слоновую кость. Они могли не опасаться соперников — испано-португальское соглашение 1479 г. дало Португалии монопольное право на открытия к югу от Канарских островов. Наконец, в 1488 г. Бартоломеу Диаш обогнал южную оконечность Африки. Дальше на пути в богатую Индию оставалось пересечь моря, уже хорошо известные арабским навигаторам. Прошло еще десять лет, и в мае 1498 г. корабли Васко да Гамы бросили якорь на рейде индийского порта Каликут. Им помог прийти туда знаменитый арабский ученый и лоцман Ахмед ибн-Маджид. С 1502 г. португальцы начинают вести войну на истребление против арабского торгового судоходства в Индийском океане, стремясь полностью перехватить шедшую через страны Ближнего Востока торговлю пряностями, направив ее через Лиссабон.

Эти действия подрывали экономику Египетского султаната, и в 1508 г. началась португальско-египетская война, в которой венецианцы, державшие в своих руках средиземноморскую торговлю пряностями и заинтересованные в противодействии Португалии, оказали помощь Египту в строительстве флота. Разгромив в 1509 г. египетский флот у Диу, португальцы стали неоспоримыми хозяевами западной части Индийского океана. В их

руках оказались важнейшие стратегические пункты: Гоа, Коломбо, Занзибар; вход в Персидский залив контролировал захваченный в 1515 г. Ормуз, в Красное море — о-в Сокотра. Ослабление Египетского султаната в результате португальской блокады способствовало быстрому захвату его в 1517 г. Османской империей. В 1520 г. португальский флот, войдя в Красное море, овладел Массауа — морскими воротами Эфиопии, известной европейцам как таинственная христианская страна «священника Иоанна». В 1541 г. высадившийся в Массауа португальский отряд оказал помощь Эфиопии, оборонявшейся от натиска Харэрского султаната, союзника Турции; в 1557 г. турки, выбив португальцев из Массауа, лишили их этой базы.

Португальцы недолго довольствовались освоением западной части Индийского океана. Очень скоро они узнали, что настоящая родина пряностей лежит дальше к востоку, и стали искать ее. Своей цели они достигли уже в 1511 г., когда португальская флотилия, захватив Малакку и установив контроль над Малаккским проливом, пришла затем к Молуккским островам. Вскоре после этого португальцы вступают в контакты с Китаем, основывают в 1517 г. недолговечную факторию в Гуанчжоу, а в 1557 г. уже прочно обосновываются в Макао (Аомынь) — первой европейской колонии на китайской территории. В 1543 г. они появляются в Японии.

В 1500 г. была открыта и с 1530-х годов активно колонизовалась Бразилия. Так силами небольшой страны, благодаря ее военному и морскому превосходству, была создана огромная колониальная империя. Португальцам не удалось захватить в свои руки всю торговлю пряностями, и у них не хватало сил, чтобы взять под контроль сбор пряностей на Молукках. Левантийская торговля пряностями, испытав острый кризис в первые два десятилетия XVI в., затем оправилась. Но и не став монополисткой на рынке пряностей, португальская корона в XVI в. получала от своей колониальной империи огромные прибыли, не тратившиеся, как у Испании, на ведение активной политики в Европе.

В то время как португальцы искали путь в Индию вокруг Африки, испанцы стремились достичь той же цели, плывя на запад. Когда открывший в 1492 г. Америку Колумб вернулся в Испанию, Португалия выступила со своими претензиями, поскольку новооткрытые земли находились к югу от параллели Канарских островов. Однако Испании удалось получить от папы буллу, дававшую ей права на новые владения, а в июне 1494 г. испано-португальский Тордесильяский договор, пересмотрев условия соглашения 1479 г., установил демаркационную линию между испанской и португальской сферами интересов по меридиану, примерно соответствующему 46° 30' западной долготы, так что открытия к западу от этой линии могли совершать лишь испанцы, а к востоку — португальцы (впоследствии это дало Португалии право на освоение тогда еще не открытой Бразилии). Новый испано-португальский конфликт возник после того, как корабли испанской экспедиции Магеллана, перейдя Тихий океан, пришли в 1521 г. к Молуккским о-вам. Таким образом, было доказано существование западного морского пути к «островам пряностей» и возник вопрос, кому же должны принадлежать Молукки — Португалии или Испании. Иными словами, следовало дополнить Тордесильяский договор, проведя аналогичную демаркационную линию через Тихий океан. После провала конференции экспертов Испания сделала попытку обосноваться на спорных островах, в 1527 г. там появился испанский форт. Однако и этот конфликт в конечном счете был разрешен мирными средствами, поскольку новый путь для сношений с Молукками при полном отсутствии промежуточных баз в Тихом океане оказался крайне неудобным. В 1529 г. по Леридскому договору Испания отказалась в пользу Португалии от притязаний на Молуккские о-ва, которые были включены в состав приданого за сестрой Карла V, ставшей королевой Португалии. Демарка-

ционная линия в Тихом океане была проведена на 17° к востоку от Молуккских о-вов, что не мешало испанцам впоследствии (с 1565 г.) завоевать открытые Магелланом и находившиеся к западу от этой линии Филиппинские о-ва.

Отношения между Испанией и Португалией оставались мирными в течение всего XVI в., вплоть до их унии в 1580 г.; обе короны были тесно связаны династическими узами. Всецело занятая эксплуатацией своих огромных колоний, Португалия стремилась жить в мире с пиренейской соседкой; к тому же она остро ощущала потребность в обороне от посягательств на ее бразильские владения со стороны Франции, главной противницы испанской державы.

Испанская колонизация Америки началась с Вест-Индских островов, и уже через два десятилетия после Колумба местное индейское население было почти полностью истреблено, вымерло или бежало. На островах появились первые испанские плантации и рудники по добыче золота, нуждавшиеся в рабочей силе. Вскоре обнаружилось, что превращение индейцев в рабов или крепостных уже не удовлетворяет потребности плантаторов, и в 1518 г. был заключен первый договор «асъенто» о поставке в Вест-Индию выносливых негров-рабов из Африки.

На самих островах золота было немного, а приностей не было вовсе, и на первых порах испанцы имели основания завидовать удачливым португальцам. Однако по мере новых открытий выяснялись истинные, огромные размеры испанской добычи. В 1519—1521 гг. небольшой отряд Кортеса покорил богатую мексиканскую империю ацтеков, используя помощь завоеванных ацтеками индейских племен. В 1532—1533 гг. другой конкистадор — Писарро легко разгромил столь же богатую перуанскую державу инков. На перуанской земле были найдены богатейшие серебряные рудники. С начала 1550-х годов в Европу хлынуло перуанское серебро.

Испанская колониальная империя стала основой политической гегемонии Испании в Европе в XVI в. Ее образование имело и долговременные последствия, оказавшие существенное влияние на характер противоречий между европейскими державами. Испанская экономика не была достаточно сильной, чтобы удовлетворить все потребности растущего колониального хозяйства, и «революция цен», проявившаяся в Испании с особенной силой, обернулась для нее прежде всего своей отрицательной стороной. Привлечение других европейских стран к снабжению испанских колоний, будь то в форме легальной торговли с Испанией или строго запрещавшейся испанской короной контрабандной торговли непосредственно с колонистами, сделалось объективной необходимостью. Торговля Испании с другими европейскими странами приобрела резко выраженный пассивный характер, превратилась для ее партнеров в важнейший источник получения драгоценных металлов. Ограничения, налагававшиеся на торговлю испанским правительством, не желавшим мириться с утечкой из страны золота и серебра, привели к тому, что для иностранцев гораздо более выгодной стала контрабандная торговля, в особенности работорговля, дававшая огромные прибыли. Развитые европейские страны, прежде всего Франция, а затем и Англия, вели борьбу за подрыв колониальной монополии пиренейских держав.

Великие географические открытия со временем оказали огромное влияние на перемещение торговых путей и соотношение сил в самой Европе, действуя на пользу странам, прилегающим к ее атлантическому «фасаду». В первой половине XVI в. они в особенности благоприятствовали росту мирового торгового значения Антверпена и вообще Нидерландов, ставших связующим звеном между трансокеанской и балтийской торговлей; через Антверпен сбывали приности и португальцы. Во второй половине столетия окрепшая нидерландская буржуазия смогла успешно бороться за независимость страны против Испании.

В первые годы XVI в. обозначается еще одно направление колониальной экспансии Испании — североафриканское. В 1497 г. испанцы овладели Мелильей на средиземноморском побережье Марокко. Закрепившись затем в Оране и Беджайе, испанцы в 1511 г. продвинулись далее на восток, захватив в Ливии Триполи. Помимо непосредственной заинтересованности богатого каталонского купечества в овладении североафриканской и транссахарской торговлей, эта политика диктовалась и широкими стратегическими соображениями: овладев Триполи, испанцы оказались у ворот Египта в то самое время, когда португальская блокада на Индийском океане очень ослабляла этот султанат. Недаром уже в 1510 г. кортесы арагонской части Испанского королевства обсуждали вопрос о проекте крестового похода в Египет и Палестину. Однако затем испанцы столкнулись с противодействием в Алжире, где местные феодалы в 1516 г. разбили испанскую военную экспедицию. В то же время стратегическая обстановка в Средиземноморье радикальным образом изменилась. Турецкий султан Селим I (1512—1520), разгромив в короткой войне 24 августа 1516 г. близ Халеба войска Египетского султаната, вступил в январе 1517 г. в Каир. Сирия, Палестина и Египет были включены в состав Османской державы. Овладев в том же, 1517 г. Меккой, султан Селим стал неоспоримым главой всех мусульман-суннитов. В 1520 г. был признан сюзеренитет турецкого султана над Алжиром. Отныне испанские интересы в Северной Африке пришли в непосредственное столкновение с турецкими, и история этой борьбы тесно переплелась с историей всей европейской политики, в частности с Итальянскими войнами.

Политическая ситуация в Западной Европе к концу XV в. существенно изменилась благодаря укреплению монархий и внутренней консолидации во Франции, Испании и Англии; там была заложена основа современных национальных государств, в то время как раздробленность Германии и Италии оставалась непреодоленной.

С гибелью в 1477 г. бургундского герцога Карла Смелого перестала существовать серьезнейшая угроза национальному единству Франции и возник вопрос о разделе «бургундского наследства». Карлу, помимо собственно Бургундии, Франш-Конте, Пикардии и Лотарингии, принадлежали все основные области Нидерландов, т. е. он владел землями, входившими в состав как Французского королевства, так и Священной Римской империи. Единственная дочь его Мария вышла замуж за сына императора Фридриха III Габсбурга Максимилиана (с 1493 г. — император Максимилиан I), претендовавшего на все владения своего тестя, в том числе и на его французские земли, хотя по французским нормам наследования они ввиду отсутствия мужского потомства должны были считаться выморочными и вернуться к короне. В свою очередь, французский король Людовик XI рассчитывал наложить руку не только на французские земли Карла — Бургундия и Пикардия прочно вошли в состав его владений, — но и на имперскую, хотя и франкоязычную область Франш-Конте. Очень острым был спор в Нидерландах: не только франкоязычная провинция Артуа, но и богатая Фландрия юридически входили в состав Французского королевства и составляли предмет давних вожделений французских монархов. Так началась вековая борьба Франции с Габсбургами. Временный компромисс был достигнут в 1482 г., когда Максимилиан отказался от прав на уже занятые французами Артуа и Франш-Конте при условии заключения в будущем брака его малолетней дочери от Марии Бургундской Маргариты с дофином Карлом (с 1483 г. — король Карл VIII).

Но притязания не ограничивались дележом наследства Карла Смелого. Как и бургундские герцоги, Максимилиан стремился активно препятствовать объединению Франции, выступая в качестве покровителя последнего крупного феодального владения — Бретонского герцогства; в 1490 г. овдовевший Максимилиан бросил открытый вызов Карлу VIII, заключив

брачный договор с наследницей Бретонского герцогства Анной. Ответом было вторжение французской армии в Бретань; в декабре 1491 г. победивший Карл VIII расторг соглашение о браке Анны с Максимилианом и сам вступил с ней в брак. Отныне знаменитая своим торговым мореходством Бретань была присоединена к землям французской короны — сначала, правда, в качестве владения королевы. Чтобы сохранить Бретань, преемник Карла VIII Людовик XII (1498—1515) в 1499 г. вступил в брак с овдовевшей Анной, а свою дочь от этого брака выдал замуж за наследника престола, своего двоюродного племянника Франсуа (с 1515 г. — король Франциск I). Наконец, в 1532 г. штаты Бретани объявили об окончательном включении герцогства в состав королевского домена. Приведший к этому брак Карла VIII с Анной означал в то же время отказ короля от брака с дочерью Максимилиана Маргаритой и соответственно потерю прав на Франш-Конте и Артуа. Франко-габсбургские отношения резко обострились, и дело дошло до военного конфликта: в конце 1492 г. имперские войска вторглись в Франш-Конте. Урегулирование спора было связано уже с подготовкой Франции к вторжению в Италию.

Еще одно важное для Франции приобретение было сделано ею в 1481 г.: после угасания боковой ветви династии Валуа, которой принадлежало по праву брачного союза графство Прованс, французская корона овладела этой средиземноморской областью, юридически входившей в состав Империи, с ее прекрасными портами, ставшими базой для строительства французского средиземноморского флота.

Страна, богатая хозяйственными ресурсами, хотя и уступавшая Италии и Нидерландам по развитию торговли и кредита, компактная в территориальном отношении и безусловно превосходившая соседей по численности населения, обладавшая опытной армией, Франция была готова к ведению активной внешней политики, к борьбе за гегемонию в Западной Европе.

Одновременно выступает на сцену и ее главный противник. В 1479 г. объединились Кастилия и Арагон, образовалось Испанское государство. В 1492 г. Испания завершила многовековую Реконкиту. Началась широкая колониальная экспансия: Кастилия осваивала заокеанские земли, Арагон был заинтересован в приобретениях на северном берегу Африки. Арагонской короне принадлежали, кроме Корсики, все крупные острова Западного Средиземноморья — Балеарские, Сардиния, Сицилия; находившаяся под ее властью богатая Каталония оспаривала гегемонию на море у генуэзцев.

В отличие от Франции, всегда знавшей лишь одного короля, Испания была федерацией двух равноправных королевств, каждое из которых имело свои интересы в сфере внешней политики. Был момент, когда их уния оказалась под угрозой распада. После смерти в 1504 г. королевы Изабеллы кастильский трон унаследовала ее дочь Хуана, состоявшая в браке с сыном императора Максимилиана Филиппом, и в июне 1506 г. тот сумел заставить своего тестя Фердинанда V покинуть Кастилию и удалиться в Арагон. Оба противника стали искать себе союзников: Филипп заручился союзом с Англией, Фердинанд — с Францией. В сентябре 1506 г. Филипп неожиданно умер, и вернувшийся в Кастилию Фердинанд взял в свои руки управление страной вместо впавшей в безумие Хуаны. Но, разумеется, не такого рода случайности определяли устойчивость унии. Она оказалась прочной потому, что между Кастилией и Арагоном не было серьезных оснований для конфликта. Интересы участников унии, хотя и разнонаправленные, не были взаимно противоречащими — напротив, союз усиливал каждую из сторон.

Интересы Франции и Испании резко сталкивались в Италии, где обе страны имели династические притязания на Неаполитанское королевство, а также в Наварре. Глубоко вклинившееся в испанскую территорию к югу

от Пиренеев королевство Наварра с 1479 г. находилось под управлением южнофранцузских домов (Фуа, а затем Альбре). Испания не могла потерпеть утверждения в этой стратегически важной области французского влияния, и Фердинанд V готов был для противодействия этому воспользоваться своими весьма проблематичными династическими правами.

Понятно, как опасна для Франции была возможность династического союза между двумя ее противниками — Испанией и Габсбургами. Но именно это произошло в 1496—1497 гг., когда были заключены испано-габсбургские браки: сын императора Максимилиана Филипп женился на инфанте Хуане, а наследник испанского трона Хуан (вскоре умерший) — на дочери Максимилиана, отвергнутой Карлом VIII Маргарите. В 1504 г. Хуана наследует кастильский престол; в 1506 г., когда кастильско-арагонская уния устояла перед опасностью разрыва, выяснилось, что наследник Габсбургов принц Карл, сын Филиппа и Хуаны, станет королем Испании (1516 г.); в 1519 г. он, унаследовав все земли Габсбургов, был избран императором Карлом V. В 1521 г. Карл V уступил свои австрийские владения брату Фердинанду — с 1526 г. королю Чехии и Венгрии. Отныне почти отовсюду Францию окружали владения Габсбургов. Франко-габсбургская борьба стала главным содержанием внешнеполитической истории Западной Европы вплоть до заключения в 1559 г. мира в Като-Камбрези.

В 1485 г. с приходом к власти династии Тюдоров Англия вышла из длительного периода гражданских войн и также получила возможность влиять на ход борьбы в Европе. Однако вплоть до второй половины XVI в. английская политика отличалась неуверенностью и непоследовательностью. Многовековая традиция требовала считать главным врагом Англии Францию. Но Столетняя война достаточно ясно показала безнадежность попыток Англии утвердить свою власть на французской земле. После 1453 г. у англичан оставался только город Кале с округой. В октябре 1492 г. Генрих VII высадил войско в Кале и начал осаду Булони, но уже через месяц пошел на мир, удовлетворившись получением известной суммы денег. После удачной войны 1512—1514 гг. с Францией Англия приобрела Турне, старинный французский анклав во Фландрии, но в 1518 г. вернула город, предпочтя ежегодные субсидии. Во время войны 1543—1546 гг. англичане ваяли Булонь, но через несколько лет вернули обратно. Во всех войнах против Франции Англия выступала в союзе с Габсбургами, и ее успехи объяснялись тем, что силы Франции были отвлечены борьбой с гораздо более опасным противником.

С другой стороны, в политике Англии на континенте проявлялась и тенденция к поддержанию равновесия сил между Францией и Габсбургами путем помощи явно слабейшему. Когда в 1525 г. французская армия была разгромлена при Павии и Франциск I попал в плен, Англия, также воевавшая с Францией, поспешила заключить с ней сепаратный мир, а затем и союз против Карла V, имевший целью избавить Франциска от соблюдения тягостных условий подписанного им в плену Мадридского договора.

Отсутствие у Англии «стратегии дальнего прицела» на континенте было связано с тем, что с началом Итальянских войн она оказалась на далекой периферии от главного театра франко-габсбургской борьбы, не имея ни собственных планов в Италии, ни — пока еще — собственных торговых интересов в Средиземноморье.

Гораздо более целесообразной была политика Англии по отношению к Шотландии, направленная на то, чтобы силой, путем династических союзов или используя разнь в среде шотландской знати навязать островной соседке свое влияние. Это делало Шотландию естественной союзницей Франции, заинтересованной в том, чтобы сохранить в тылу Англии независимое от нее Шотландское государство. В 1513 и в 1542—1543 гг. шотландцы воевали с Англией в качестве союзников Франции, оба раза по-

терпев сильные военные поражения. После того как в 1542 г. шотландский престол перешел к поворожденной Марии Стюарт, Англия предприняла энергичные усилия, чтобы принудить Шотландию к заключению в будущем брачного союза между Марией и наследником английского трона принцем Эдуардом (будущий король Эдуард VI). Мирный договор 1543 г. предусматривал такую договоренность, но вскоре она расстроилась, и в 1547 г., стремясь принудить шотландцев к соблюдению обязательств, английская армия вторглась в Шотландию. Однако планы англо-шотландской унии были на этот раз сорваны решительными действиями Франции, которая высадила в Шотландии свои войска; малютка-королева была вывезена во Францию и затем стала женой дофина, будущего короля Франциска II.

Ренессансная дипломатия слабо учитывала экономические факторы. Политики продолжали мыслить категориями средневекового династического права. «Брачная дипломатия» именно в конце XV — XVI в. достигла высшей степени изощренности. Переговоры о браках между принцами и принцессами начинались буквально со дня их рождения, при этом детально оговаривались размеры приданого, уступаемые провинции и т. п. Династическая политика очень часто способствовала торжеству тенденции к созданию единых национальных государств, столь ярко проявившейся к началу XVI в. в истории Франции, Испании, Англии. Брачные союзы между династиями соседних, тяготивших друг к другу в экономическом, языковом и культурном отношении стран и областей были не случайностью, а закономерностью, они возобновлялись из поколения в поколение.

Но иногда в результате династических союзов возникали причудливые политические образования, совершенно не сообразуемые с каким-либо принципом национальности или естественных границ. Ярчайшим примером этого стала возникшая в 1519 г. империя Карла V, объединившая самые разнородные страны; самому Карлу, лелеявшему средневековый идеал императора как светского главы всего христианского мира, такая разнородность вовсе не представлялась слабостью. Раздел империи при своем отречении Карл V произвел во вполне авторитарном духе, без учета исторических традиций: имперские земли Милан, Франш-Конте и Нидерланды были отданы не брату-императору, а сыну, испанскому королю Филиппу II.

Противоречия между государственной и национальной, языковой принадлежностью были и оставались постоянным явлением, хотя проявлялись тенденцией к их преодолению, которые позднее способствовали распространению принципа границ по лингвистическому критерию (отказ Франции от Фландрии, приобретение ею Прованса) или естественных географических границ (раздел Наварры по линии Пиренеев).

Крупнейшим событием европейской истории были Итальянские войны. Во второй половине XV в. Италия — богатейшая страна, один из двух полюсов богатства в Европе (вторым были Нидерланды). Итальянские купцы господствовали на иностранных рынках, итальянские банкиры кредитовали иноземных государей, искусство и художественные ремесла Италии были предметом подражания. Но в политическом плане страна оставалась раздробленной. Столь же нестабильной была почти во всех итальянских государствах, кроме Венеции, внутренняя политическая жизнь. Ни одно итальянское государство не могло взять на себя инициативу объединения всей страны. Италии было суждено стать главным полем борьбы крупных европейских держав за гегемонию в длившихся с 1494 по 1559 г. Итальянских войнах, начатых Францией.

Поход Карла VIII почти через всю Италию на далекий Неаполь был решительным поворотом во французской внешней политике, полным разрывом с осторожным курсом его отца Людовика XI на постепенное округ-

ление территории государства. Чтобы дипломатически подготовить этот поход, обеспечив нейтралитет потенциальных противников, Карлу VIII пришлось пойти на уступки. В январе 1493 г. по Барселонскому договору Франция уступила Испании Руссильон. Санлиский договор в мае 1493 г. положил конец военному конфликту с Максимилианом Габсбургом: Карл VIII отдал сопернику Артуа и Франш-Конте. Все три области впоследствии все же войдут в состав Франции, но на это уйдет почти двести лет.

В чем же была причина столь резкого поворота? Широкая завоевательная политика всегда была популярной среди французского дворянства, жаждавшего богатства и славы, надеявшегося в легкой, быстрой войне установить господство над богатейшей страной в Европе. Напротив, развешивание Итальянских войн не было обусловлено интересами французского купечества. Французская средиземноморская торговля была тогда слабой, намного уступавшей и генуэзской, и каталонской. Французская монархия вплоть до конца XVI в. не могла проводить протекционистскую политику по отношению к национальной буржуазии, поскольку главными кредиторами короны были итальянские купцы и банкиры, управлявшие через лионские ярмарки экономикой страны; французские купцы играли при них скромную роль компрадоров. Вступая в Италию, Карл VIII руководствовался не протекционистскими соображениями, а пехитрым принципом средневековой «политэкономии»: государству не обязательно быть богаче соседней страны, если у него есть сильное войско, чтобы захватить эту страну со всеми ее богатствами.

Политическая гегемония Франции в Италии означала бы привилегированное положение французской короны на итальянском денежном рынке. Та же жажда быстрой наживы, которая гнала за море испанских и португальских конкистадоров, воодушевляла и французских завоевателей. Французский король не мог равнодушно смотреть, как Испания и Португалия делят между собой богатые заморские страны. На океанских просторах Франция была еще бессильна, но зато у нее под боком находилась богатая Италия, средоточие традиционной восточной торговли.

Прежде всего возник вопрос о реализации старинных династических притязаний на Неаполь. Политическая обстановка в Италии складывалась благоприятно: Милан враждовал с Неаполем и в мае 1492 г. заключил союз с Францией; в антинеаполитанский союз вошли Венеция и папа, который обещал дать Карлу VIII инвеституру на Неаполь.

Итальянские войны начались в 1494 г. как триумфальный поход французской армии. Перейдя в августе 1494 г. через Альпы, французы легко разбили неаполитанские войска и, не встречая более сопротивления, в феврале 1495 г. вошли в Неаполь. Но уже через месяц обнаружилась вся поверхностность дипломатической подготовки войны, весь авантюризм похода: французская дипломатия проглядела заключение в марте 1495 г. антифранцузской Венецианской лиги между Венецией, Миланом, папой, императором Максимилианом и Испанией. «Измена» Милана, владевшего Генуей, означала, что морские коммуникации между Францией и Неаполем перерезаны. Королю пришлось с боем уходить обратно во Францию, в июле 1495 г. неаполитанский король вернулся в свою столицу, а в феврале 1497 г. пал последний оплот французов в Неаполитанском королевстве.

Казалось, буря прошла и прежнее положение восстановлено, только расчленившая Венеция захватила в награду за помощь Неаполю важные неаполитанские порты в Апулии — Бриндизи, Отранто и Трани. Но в действительности вся итальянская политическая система была потрясена до основания. Воочию обнаружилась уязвимость страны; стала явной внутренняя слабость еще недавно претендовавшего на гегемонию в Италии Неаполитанского королевства, что и побудило Испанию взять курс на его захват. Фердинанд V тоже вспомнил о своих династических правах.

Со своей стороны Франция извлекла уроки из неудачи похода: была оценена стратегическая важность обладания Миланом и Генуей, стала ясной ненадежность чисто итальянских союзов и необходимость более прочных, деловых договоренностей с Испанией и Империей, именно в это время сблизившихся между собой благодаря бракам 1496—1497 гг. Франция и Испания уже в ноябре 1497 г. заключают договор о разделе Неаполитанского королевства.

В апреле 1498 г. неожиданно умер Карл VIII, и престол занял представитель другой ветви династии Валуа Людовик XII. Для итальянской политики Франции это оказалось как нельзя кстати: новый король принес короне в дополнение к старым новые династические притязания уже на Миланское герцогство. Людовик XII был родным внуком Валентины Висконти, старшей сестры последнего миланского герцога из дома Висконти.

Война 1499—1504 гг. началась с борьбы за Милан, причем союзницей Франции была Венеция, хотя фактически адриатическая республика воевать с Миланом не смогла, ибо силы ее были отвлечены войной с Турцией (1499—1503 гг.). Это совпадение было не случайным: эмиссарам миланского герцога удалось внушить султану чувство беспокойства в связи с только что заключенным франко-венецианским союзом. По-видимому, Баязид II решил нанести предупреждающий удар, не дожидаясь, пока новая коалиция справится с Миланом и приступит к организации крестового похода. В сентябре 1499 г., когда французская армия приближалась к Милану, турецкие отряды вторглись в пределы Венецианской республики и доходили до Виченцы. Главная же борьба с турками велась на море с переменным успехом и завершилась в 1503 г. миром, по которому Венеция лишилась некоторых портов в Пелопоннесе, но приобрела о-в Кефалинию. Франция, Испания и Венгрия оказывали помощь Венеции; французские корабли в 1501 г. участвовали в неудачной попытке венецианцев овладеть Лесбосом. Турецкое вмешательство не могло, однако, спасти Милан, не получивший помощи от других итальянских государств. В октябре 1499 г. французы взяли город, Людовик XII провозгласил себя миланским герцогом. В феврале 1500 г. герцогу Лодовико Моро удалось было с помощью швейцарских отрядов отбить свою столицу, но в апреле он был окончательно разбит, взят в плен и увезен во Францию.

Настала очередь Неаполя. В ноябре 1500 г. франко-испанский договор окончательно определил условия раздела: Франция должна была получить Неаполь, Кампанию и Абруццы, Испания — Апулию и Калабрию. В 1501 г. союзники вторглись в Неаполитанское королевство и покончили с его самостоятельностью. Однако начались столкновения между французскими и испанскими войсками, переросшие в войну (1502—1504 гг.), неудачную для Франции. К январю 1504 г. испанцы полностью вытеснили французов из Неаполитанского королевства. Таким образом, общим итогом войны 1499—1504 гг. было падение сразу двух крупных итальянских государств: Франция оккупировала Милан, Испания — Неаполь.

Овладев Миланом и Генуей, Франция сразу же взяла курс на сближение с императором, стремясь получить от него инвеституру на Милан и выиграть время для закрепления на захваченных землях. Завязались франко-имперские переговоры о браке между малолетними Карлом Габсбургом (будущий Карл V) и дочерью Людовика XII Клод; французский король обещал — что и было зафиксировано в сентябре 1504 г. Блуаскими франко-имперскими договорами — в приданое за дочерью не только Милан и Генуя, но даже Бретань и Бургундию; чтобы наладить отношения с Испанией, он еще раньше обещал при вступлении Клод в брак отказаться от прав на Неаполь. Но Людовик XII не собирался исполнять эти обещания и в 1506 г., когда казалось, что дело идет к разрыву кастильско-арагонской унии, открыто от них отрекся, объявив о помолвке дочери с наследником престола, будущим Франциском I. Однако Блуаские до-

говоры содержали и принципиальное обязательство Франции помочь Габсбургам в их борьбе с вчерашней французской союзницей — Венецией. Они были ратифицированы Максимилианом, и Людовик XII получил от него инвеституру на Милан.

К этому времени успехи венецианской политики восстановили против республики всех ее соседей. Венеция систематически расширяла свои владения во всех направлениях. Овладев в 1495 г. апулийскими портами, она после франко-миланской войны получила Кремону в Ломбардии, а в конце 1503 г. захватила ряд новых опорных пунктов (Римини, Фаэнца и др.) в находившейся под сюзеренитетом папы Романье. У Габсбургов Венеция стремилась отнять их порты на Адриатике, в частности Триест и Фиуме (Риека).

В начале 1508 г. началась имперско-венецианская война, а в декабре 1508 г. франко-имперским договором в Камбре было положено начало антивенецианской коалиции, куда затем вошли также Испания, папа, Феррара, Мантуя. В следующем году открылись общие военные действия, и после разгрома французами венецианского войска у Аньяделло 14 мая 1509 г. казалось, что Венеции придется лишиться всех своих владений на «твердой земле» — Франция оккупировала Восточную Ломбардию с Бергамо и Брешией, имперцы заняли почти всю область Венето. Однако стойкое сопротивление народа чужеземцам спасло республику, которой удалось разъединить своих противников. В 1510 г. с Венецией сепаратно примирились папа, получивший от республики все ее владения в Романье, включая Равенну, и Испания, приобретшая апулийские порты.

Переменивший фронт папа сразу же открыл военные действия против оставшейся верной лиге Феррары; в 1511 г. в папские владения вторглись французы. В октябре 1511 г. был заключен договор об антифранцузском военном союзе Венеции, папы и Испании — Священная лига; вскоре к нему присоединилась Англия. Душой новой коалиции был воинственный папа Юлий II (1503—1513), требовавший освобождения Италии от чужеземцев («Изгоним варваров!»), хотя фактически основную военную силу лиги составляли также иноземные войска, испанцы и швейцарцы (с последними Юлию II в 1510 г. удалось заключить военный союз). Главные военные действия в Северной Италии развернулись в 1512 г. и были вначале удачны для французов, разбивших армию союзников под Равенной, но затем вторжение швейцарцев в Ломбардию в корне изменило ситуацию. Франция потеряла Милан, где была восстановлена династия Сфорца. В сентябре 1512 г. войска лиги уничтожили занимавшую профранцузскую позицию Флорентийскую республику и восстановили власть Медичи. Теперь Флоренция оказалась под фактическим протекторатом папы, особенно после того как умершего Юлия II сменил в марте 1513 г. Джованни Медичи, сын Лоренцо Великолепного, под именем Льва X. Наконец, в том же, 1512 г. испанцы завоевали Наварру, разбив пришедшие ей на помощь французские войска, и Фердинанд V принял титул наваррского короля. Опасный плацдарм французского влияния в Испании был ликвидирован, и отныне на долю наваррских королей из дома Альбре остались только земли их королевства, лежавшие к северу от Пиренеев.

Добившись своих целей, Испания заключила в 1513 г. перемирие с Францией и больше не участвовала в военных действиях, а Венеция, вернувшая себе Восточную Ломбардию и опасавшаяся усиления папы, даже вступила в союз с французами. Зато в декабре 1512 г. к победоносной Священной лиге примкнул бывший французский союзник — император Максимилиан. В Миланском герцогстве стояла швейцарская армия, успешно отбившая в июне 1513 г. новое французское наступление в Ломбардию и даже вторгшаяся было в Бургундию, в то время как Генрих VII Английский, высадившись в Кале, одержал победу над французами при Гингatte.

Положение снова резко изменилось, когда Франция, примирившаяся в 1514 г. с Англией, уже при новом короле Франциске I (1515—1547) вновь двинула свои войска в Ломбардию. Разбив 13—14 сентября 1515 г. при Мариньяно дотоле славивших непобедимыми швейцарцев, Франциск вновь овладел Миланским герцогством; папа Лев X был вынужден признать этот факт и вернуть захваченные его предшественником в 1512 г. миланские земли (Парму и Пьяченцу). В ноябре 1516 г. последовал «вечный мир» Франции с Швейцарской конфедерацией, после чего Швейцария как государство в Итальянские войны уже не вмешивалась, а в марте 1517 г. Камбрейский договор между Францией, Испанией и Империей привел к общему умиротворению на основе взаимной гарантии фактических границ. При этом Максимилиан вернул французской союзнице Венеции занятую им еще с 1509 г. Верону, так что последствия оккупации венецианских земель Камбрейской лигой были полностью ликвидированы.

Таким образом, полная драматических событий война 1508—1517 гг. не привела в Италии к каким-либо крупным переменам. «Изгнать варваров» не удалось — французы сохранили, а испанцы даже укрепили свои позиции. Некоторые изменения произошли лишь в соотношении сил итальянских государств: были подорваны претензии Венеции на гегемонию, значение Папского государства несколько выросло.

Уже в 1516 г. началась борьба за голоса германских курфюрстов — стоял вопрос о преемнике больного императора Максимилиана. Стремясь не допустить избрания его внука, испанского короля Карла, Франциск I выступил претендентом на титул императора, но Карл одержал верх и в июне 1519 г., после смерти Максимилиана I, был избран его преемником.

Создание империи Карла V в корне изменило и характер борьбы в Италии. Отныне Франции противостояла вся мощь объединенных сил Империи и Испании; враги, Франциск I и Карл V, стоят лицом к лицу, итальянским властителям приходится выбирать одного из двух патронов. Противоречия между самими итальянскими государствами перестают порождать крупные военные конфликты. Политическая ситуация в Италии очень сильно упростилась.

Первая франко-габсбургская война (1521—1526 гг.), главным образом за обладание Миланом, шла с переменным успехом. Военные действия происходили также на северофранцузской и наваррской границах, в Провансе; союзницей Карла V была Англия. Французы несколько раз теряли и возвращали Милан, но 25 февраля 1525 г. наступила неожиданная развязка: французская армия была разгромлена имперцами в битве при Павии и сам король попал в плен. Находясь в плену в Мадриде, Франциск I в январе 1526 г. был вынужден подписать мирный договор на очень

Карл V.
Портрет работы Тициана. 1548 г.
Мюнхен, Старая пинакотекка.

тяжелых условиях: помимо полного отказа от притязаний в Италии, Франция должна была отдать Карлу Бургундию. После этого король был отпущен на родину.

Известие о битве при Павии всколыхнуло Италию. Один из двух соперников оказался явно слабее другого: становилось ясно, что если не изменить ход событий, то итальянским государствам останется только склониться перед волей всемогущего победителя. Уже в мае 1526 г. во французском городе Коньяке был заключен союз между вернувшимся из плена и не собиравшимся выполнять навязанные ему обязательства Франциском I и рядом итальянских государств. Участниками Коньякской лиги (1526—1529) стали папа Климент VII, Венеция, Флоренция; ее протектором объявил себя король Англии. Даже не дожидаясь французов, итальянские участники лиги в том же, 1526 г. открыли военные действия против имперцев, стремясь изгнать их из Милана, но вели войну очень нерешительно. 6 мая 1527 г. разразилась катастрофа: имперские войска взяли Рим и подвергли город страшному разгрому, капитулировавший папа вышел из лиги. Лишь после этого в Италию вступила французская армия, которая, повторив маршрут Карла VIII, в апреле 1528 г. начала осаду Неаполя. Новой участницей лиги вместо папы стала Генуя, где в августе 1527 г. было свергнуто проимперское правительство: с моря Неаполь был блокирован союзным флотом Франции, Венеции и Генуи. Однако неожиданный выход Генуи из коалиции ослабил силы осаждавших, и в августе 1528 г. французская армия, потерпев тяжелое поражение, сняла осаду Неаполя.

Договоры, заключенные в 1529 г. Карлом V с Францией и итальянскими государствами, подвели итоги его войны с Коньякской лигой. Итальянцы должны были признать неоспоримую гегемонию императора: в декабре 1529 г. был оформлен многосторонний союз Карла V с папой, Венецией, Миланом, Савойей и другими итальянскими государствами. Изгнавшая Медичи Флорентийская республика пала после девятимесячной героической обороны в августе 1530 г., вернувшиеся Медичи стали отныне герцогами Флоренции и верными вассалами Габсбургов. Франциск I по Камбрейскому миру (август 1529 г.) отказался от притязаний на Италию и от феодального сюзеренитета над фактически принадлежавшими Карлу V Фландрией и Артуа; зато он был освобожден от исполнения пункта Мадридского договора об уступке Бургундии, дети его, остававшиеся заложниками, были возвращены из плена за выкуп.

Разгром Коньякской лиги означал крах последней попытки итальянских государств вести самостоятельную политику в борьбе между Францией и Империей. Существенные изменения произошли в политике двух торговых республик, Генуи и Венеции. Генуя бесспорно входит в сферу габсбургского влияния. Венеция перестает участвовать в Итальянских войнах, перейдя к политике устойчивого нейтралитета. Перед Францией встала проблема поиска новых союзников для борьбы с Карлом V на Средиземном море, и в конце концов такой союзник был найден в лице турецкого султана.

Борьба за Италию не прекратилась, в действие вступили новые факторы, ослаблявшие империю Карла V. С 1530-х годов приобретает международное значение борьба в Германии между католиками и протестантами, сплотившимися в 1531 г. в Шмалькальденскую лигу. С 1540-х годов становится явным факт антигабсбургского военного союза Франции и Турции.

Франко-габсбургская война (1536—1538 гг.) началась в ответ на оккупацию Милана в октябре 1535 г. имперскими войсками после пресечения династии Сфорца; отныне город потерял даже формальную независимость, став владением Габсбургов, принявших титул Миланских герцогов. Франциск I счел себя вправе получить компенсацию, выступив с притязаниями

на Савойю, так как его мать, Луиза Савойская, была старшей сводной сестрой правившего герцога. Французские войска заняли Савойю и большую часть Пьемонта с Турином, попытки Карла V выжить их оттуда оказались безуспешными, равно как и вторжение имперцев в Прованс и Пикардию. Согласно подписанному в Ницце в июне 1538 г. перемирию, Франция удержала за собой Савойю и две трети Пьемонта (одну треть, где признавалась власть савойского герцога, оккупировали имперцы). Таким образом, Франция приобрела в Италии важный плацдарм, вплотную прилежавший к французской границе, что создавало благоприятные возможности для постепенного органического слияния вновь присоединенных земель с основной территорией королевства.

В следующей войне, длившейся с 1542 до 1544 г., Франция впервые выступала против Карла V в союзе с Османской империей. К этому времени турецко-алжирский флот овладел инициативой в борьбе на Средиземном море. Война 1538—1540 гг. против коалиции Империи, Венеции и папы была удачной для султана: в сентябре 1538 г. союзный флот был разгромлен у Превезы, Венеция по условиям мира лишилась последних владений в Пелопоннесе. Попытка Карла V в октябре 1541 г. овладеть Алжиром, одним ударом покончив с главной турецкой базой в Западном Средиземноморье, завершилась неудачей. Если раньше Франциск I ограничивался лишь тайными сношениями с султаном, то в 1543 г. происходит «скандальное» для христианского мира событие: турецко-алжирский флот под командованием властителя Алжира Хайрединна приходит в Марсель, соединяется там с французскими кораблями, а затем союзники осаждают и берут Ниццу, признавшую власть савойского герцога.

Однако исход войны 1542—1544 гг. решился не в Пьемонте, где французы одерживали победы, а на полях самой Франции: летом 1544 г. большая армия во главе с самим Карлом V вторглась в Шампань и, овладев Шато-Тьерри, дошла почти до стен Парижа, в то время как английская армия союзника Габсбургов Генриха VIII взяла Булонь. Все же эффективной развязки не последовало: Карл V, заботившийся прежде всего о том, чтобы освободить себе руки для борьбы с немецкими протестантами, внезапно заключил с Франциском мир в Крепи (сентябрь 1544 г.) на неожиданно мягких условиях сохранения статус-кво.

Последняя из Итальянских войн (1551—1559 гг.), отличавшаяся широким размахом и драматическим характером, велась уже сыном Франциска Генрихом II (1547—1559). Если две предшествовавшие войны затрагивали лишь пьемонтскую периферию Италии, новые военные действия происходили в масштабе всего Апеннинского полуострова, и возможность перехода гегемонии над Италией к Франции выглядела вполне реальной; в то же время не меньшее значение имел и лотарингско-фландрский театр войны. На востоке Габсбурги вели войну с турками: в 1551 г. открылись военные действия в Трансильвании, а затем и в Венгрии. Взаимодействие французского флота с турецким на Средиземном море было постоянным явлением, вызывавшим большие опасения противников Франции.

Первым эпизодом новой схватки стала «Пармская война» (1551—1552 гг.). Парма с прилегающей областью была в 1545 г. выделена папой Павлом III Фарнезе из состава Папского государства в отдельный герцогство для своего сына. Новый папа Юлий III стремился вернуть Парму, отняв ее у семейства Фарнезе. В начавшейся войне на стороне Фарнезе были французские войска, папа был союзником императора. Столкновение завершилось успехом Франции: герцог Фарнезе удержал Парму, которая стала важным опорным пунктом французов в Северной Италии; папа, заключив перемирие с Генрихом II (апрель 1552 г.), отказался от союза с Карлом V, перейдя к политике нейтралитета.

1552 год был исключительно удачным для Франции. Заключив в январе 1552 г. союзный договор с немецкими протестантами, Генрих II восполь-

зовался начавшейся в Германии войной, чтобы захватить в Лотарингии имперские города Мец, Туль и Верден («три епископства»). После того как Карл, едва не взятый в плен протестантами, был вынужден отвести свои войска из-под Пармы в Германию, французы нанесли новый удар в Италии. В результате организованного при французском содействии заговора и народного восстания в Сиене 27—28 июля 1552 г. из этого города был изгнан испанский гарнизон. Франция немедленно оказала военную помощь восставшим, и очень скоро Сиенская республика с ее важными портами на Тирренском море оказалась под фактическим французским протекторатом. В конце года заключивший соглашение с протестантами император перенес военные действия в Лотарингию и попытался вернуть Мец, но потерпел неудачу и в декабре 1552 г. был вынужден снять осаду.

В 1553 г. император сделал попытку покончить с Сиенской республикой, послав против нее войска из Неаполитанского королевства, но их действия оказались малоуспешными. Зато Франция с помощью турецкого флота в августе 1553 г. овладела почти всей принадлежавшей Генуе Корсикой. Однако чтобы оккупировать Корсику, французам пришлось ослабить свои силы в Тоскане.

Не считаясь с этим, Франция заняла явно угрожающую позицию по отношению к соседней с Сиеной Флоренцией. Французским наместником в Сиене был назначен флорентийский эмигрант Пьетро Строцци, злейший враг герцога Козимо Медичи, мечтавший освободить свою родину от «тирана». Это послужило поводом к открытому вмешательству Флоренции в сиенские дела — в январе 1554 г. началась флорентийско-сиенская война. В то время как флорентийцы методично занимали сиенские крепости, Строцци попытался одним ударом повергнуть врага, перенеся войну на его территорию, однако надежды на общее восстание флорентийских граждан против тирании Медичи оказались иллюзорными. 2 августа 1554 г. под Марчано франко-сиенская армия Строцци была разгромлена. Флорентийцы перешли к жесткой блокаде Сиены, и после упорной обороны в апреле 1555 г. город капитулировал. Часть территории Сиенской республики с центром в Монтальчино осталась под властью профранцузской партии, и между флорентийцами и этой «Сиенской республикой, удалившейся в Монтальчино» (таково было ее официальное название) продолжались военные действия, имевшие, однако, чисто локальное значение.

Таково было положение, когда в феврале 1556 г. в Воселле было заключено общее перемирие. Карл V, к тому времени уже отрекшийся от правления Нидерландами, Испанией и Италией в пользу своего сына Филиппа II, был заинтересован в том, чтобы процесс передачи власти проходил в спокойной обстановке. Однако рассчитанное на пять лет перемирие не продлилось и года. В роли возмутителя спокойствия на этот раз выступил римский первосвященник.

Папа Павел IV (1555—1559), из знатного рода неаполитанских эмигрантов Караффа, ненавидел властвовавших над Неаполем испанцев. Его избрание оживило надежды французских политиков на осуществление старого проекта завоевания Неаполя. Заручившись тайным военным союзом с Францией, Павел IV в своем стремлении поскорее развязать войну вел себя крайне вызывающе по отношению к Испании. В ответ на его провокацию в сентябре 1556 г. испанская армия Альбы вторглась в Папское государство, и папе пришлось заключать перемирие. Чтобы не потерять союзника, Генрих II возобновил войну в январе 1557 г.

Цели вторжения большой французской армии Гиза в Италию в 1557 г. не были определены заранее и выяснялись уже по ходу дела. В соответствии с желанием папы было решено сосредоточить все усилия на завоевании Неаполя, но Гиз, не успев даже овладеть пограничной неаполитанской крепостью Чивителла, получил от своего двора предписание прекра-

тить кампанию (май 1557 г.), поскольку стало ясно, что главные события развернутся на северной границе Франции, где сосредоточивались основные силы испанцев.

В июне 1557 г. войну Франции объявила Англия. Английская королева Мария Тюдор (1553—1558), еще в 1554 г. ставшая супругой испанского наследного принца Филиппа, теперь короля Филиппа II, проводила у себя в стране активную политику Контрреформации и считала своим долгом поддерживать испанскую политику.

Судьба войны решилась 10 августа 1557 г., когда в битве при Сен-Кантене была разгромлена главная французская армия и был взят в плен ее полководец, первый министр коннетабль Монморанси. Правда, вернувшийся из Италии Гиз сумел ослабить впечатление от этого разгрома, взяв у англичан Кале (январь 1558 г.), но все же военное превосходство испанской армии оставалось неоспоримым. Во Франции набирал силы протестантизм, и Генрих II чувствовал необходимость заняться внутренними делами.

Мир между Францией, с одной стороны, Испанией и Англией — с другой, был заключен в Като-Камбрези 2—3 апреля 1559 г. Франции пришлось отказаться от всех своих итальянских завоеваний (кроме маркизата Салуццо, потерянного ею впоследствии). Савойя и Пьемонт были возвращены савойскому герцогу Эммануилу-Филиберту, победителю при Сеп-Кантене. Генуя вновь вступила во владение Корсикой. Республика Монпелье была отдана флорентийскому герцогу, которому еще в 1557 г. Испания уступила права на территорию уничтоженной Сиенской республики, оставив себе, однако, ее главные порты («президии»). Теперь, кроме этих портов и небольшой, но очень богатой республики Лукка, Тоскана была объединена, и в 1569 г. Козимо I принял титул великого герцога Тосканского.

Англии пришлось расплачиваться за чуждую ее интересам политику, уступив Франции Кале (вначале на срок, затем эта уступка превратилась в постоянную). После смерти Марии Тюдор в ноябре 1558 г. овдовевший Филипп II не стал защищать интересы ее преемницы — отказавшейся вступить с ним в брак Елизаветы. Так было покончено с последним остатком некогда огромных английских владений во Франции.

Занятые в 1552 г. французами Мец, Туль и Верден остались за Францией де-факто, без юридического обоснования, — то были не испанские, но имперские земли, а Империя после отречения Карла V фактически с Францией не воевала, и мира в Като-Камбрези не подписывала.

Итальянские войны окончились. Испанская гегемония прочно утвердилась на Апеннинском полуострове и во всем Западном Средиземноморье, Като-Камбрезийский мир 1559 г. открыл новый этап в истории международных отношений Западной Европы. Условия раздела империи Карла V между его сыном Филиппом II и братом Фердинандом I (с 1556 г. император) были очень выгодны для Филиппа, которому достались не только все земли испанской короны, но и имперские владения — Нидерланды, Милан, Франш-Конте. Испания завладела обоими «полюсами богатства» Европы — Нидерландами и Италией. Напротив, Франция сразу после Като-Камбрезийского мира вступает в затяжной период гражданских войн, возможности ее внешнеполитической активности ограничиваются.

Во внешней политике резко возрастает значение конфессионального фактора. Тридентский собор в 1563 г. положил конец надеждам на преодоление религиозного раскола путем взаимных уступок и провозгласил программу непримиримой Контрреформации. Воинствующий католицизм стал ведущим принципом внешней политики Испании и духовным обоснованием ее гегемонии, давая ей «право» на вмешательство во внутренние дела соседей. Но и протестантские властители активно приходили на помощь иноземным единоверцам; большой резерв наемников для протестант-

ских армий давала отдохнувшая от религиозных войн Германия. Роль конфессиональной солидарности в оформлении внешнеполитических союзов делается тем заметнее, что главными противниками Испании становятся протестантская Англия, а затем и освободившаяся от испанского гнета протестантская Республика Соединенных провинций.

Авторитет Филиппа II как защитника католической веры усилила также его роль в борьбе с Османской империей. Укрепив свои позиции в Италии, испанский король в союзе с другими католическими государствами (особенно с папой и Венецией) смог развернуть энергичную борьбу против Турции на Средиземном море.

Борьба эта была очень нелегкой. В 1550-х годах турецкое наступление на североафриканском берегу успешно продолжалось: в 1551 г. турки, выбив мальтийских рыцарей, овладели Триполи в Ливии, ряд побед над испанцами был одержан в Алжире и Тунисе. В 1560 г. союзный испанско-венецианский флот был разбит у о-ва Джерба близ тунисского берега. Но затем турки стали терпеть неудачи: в 1563 г. испанцам удалось отстоять Оран, в 1565 г. они помогли мальтийским рыцарям защитить Мальту. Самым крупным военным конфликтом на Средиземном море во второй половине XVI в. была турецко-венецианская война 1570—1573 гг. за обладание Кипром, вызвавшая к жизни антитурецкую Святую лигу, участниками которой, кроме Венеции, стали Испания, папа, Генуя и Савойя; Франция, только что заключившая с Турцией договор о торговых привилегиях («капитуляции» 1569 г.), от участия в ней отказалась. В ходе войны была одержана 7 октября 1571 г. знаменитая победа союзного флота Испании и Венеции над турками при Лепанто. Эта победа лишила турецкий флот ореола непобедимости и имела очень большое моральное значение, но не оказала влияния на исход войны. Завоеванный турками Кипр остался за ними, и Венеции пришлось признать это мирным договором 1573 г. Приведшая к тяжелому кризису венецианской торговли в Леванте, война способствовала росту активности там соперников Венеции, французских купцов из Марселя, а затем и англичан, получивших от Порты свои «капитуляции» и создавших в 1581 г. Левантскую компанию.

Вскоре был решен давний испанско-турецкий спор за контроль над Тунисом — страной, которая отделяла основную территорию Османской империи от подвластного ей Алжира. Понимая стратегическое значение Туниса, Испания стремилась к тому, чтобы местные султаны были ее ставленниками, и с успехом защищала их от турецко-алжирской угрозы (тунисский поход Карла V в 1535 г.). В 1569 г. турки овладели Тунисом, в 1573 г. уступили его испанцам, но в 1574 г. захватили снова, и уже окончательно.

Этот успех турок оказался и последним: вскоре после завоевания Туниса установилось перемирие между Турцией и Испанией, Османская империя была надолго отвлечена войной с Ираном. Ее расширение в Средиземноморье отныне осуществлялось только за счет островных владений слабеющей Венеции.

Крупнейшей победой Филиппа II стало присоединение Португалии. Династические права Филиппа II основывались на том, что его мать была португальской принцессой. Не желавшие унии португальцы сплотились вокруг незаконного отпрыска португальской династии, принца Антониу. Филипп II прибег к силе: испанская армия герцога Альбы вторглась в Португалию и в августе 1580 г., разбив войска претендента, вступила в Лиссабон. Так под властью одного монарха оказались объединенными две гигантские колониальные державы. Правда, фактическое управление колониями оставалось строго раздельным, соблюдались и условия «раздела мира» между двумя королями. И все же уния оказалась крайне вредной для государственных интересов Португалии, которая из богатой нейтральной страны превратилась в постоянную союзницу ведущей широ-

кую гегемонистскую политику Испании, обязанную иметь с ней общих врагов и испытывать на себе все последствия их враждебности. Став государем Португалии, Филипп запретил своим новым подданным торговать с нидерландскими «мятежниками»; голландцы же, сами ставшие на путь колониальной экспансии, особенно преуспели в подрыве именно португальской колониальной системы.

В отношениях между Испанией и ее двумя потенциальными противниками в Западной Европе — Англией и Францией — во второй половине XVI в. отчетливо выделяются два этапа: с 1559 г. до середины 1580-х годов — период осторожного маневрирования и конфликтов, не доходивших до решительной схватки; с середины 1580-х годов — открытое столкновение Испании с Англией, решительное испанское вмешательство в гражданскую войну во Франции, складывание антииспанской коалиции Англии, Франции и освободившейся от испанского гнета части Нидерландов, Республики Соединенных провинций. С чисто внешнеполитическими комбинациями на протяжении обоих этапов тесно переплетались события двух затяжных внутриполитических социальных конфликтов: Нидерландской буржуазной революции и французских гражданских войн.

После вступления в 1558 г. на трон Елизаветы Англия бесповоротно перешла в ряды протестантских держав. В церковной политике новая королева в первое десятилетие правления была осторожна и католиков не преследовала; отлучение ее от церкви папой произошло только в 1570 г., но принцип руководства англиканской церковью монархом был провозглашен ею сразу же.

Во время первой гражданской войны во Франции (1562—1563 гг.) Англия встала на сторону гугенотов, заключив с ними в сентябре 1562 г. договор об уступке англичанам Гавра взамен утраченного ими Кале. Осуществление этого плана означало бы контроль Англии над устьем Сены и придало бы англо-французскому конфликту хронический характер. Но после временного примирения католиков и гугенотов Гавр в июле 1563 г. был отбит у англичан, а в апреле 1564 г. по англо-французскому мирному договору Англия признала окончательную потерю Кале.

Необходимость определения нового длительного курса внешней политики Англии диктовалась самой жизнью. С середины XVI в. окрепшая английская буржуазия и новое дворянство начинают всерьез интересоваться трансокеанскими торгово-колониальными предприятиями, поисками новых путей в Индию (следствием чего было, в частности, установление с 1553 г. англо-русских торговых и дипломатических отношений), африканской торговли (в 1553 г. в Бенине появилась английская фактория). Но наиболее выгодной формой колониальной активности был подрыв монополии испанской короны на торговлю с колониями в Америке.

Начиная с 1560-х годов Англия становится главным врагом испано-португальской колониальной монополии. Ранее, в период франко-габсбургских войн, в этой роли выступала Франция, причем французы стремились основать собственные колонии в самом центре американских владений Португалии и Испании (колонизация ими Канады имела тогда очень небольшое значение). Но в 1560 г. португальцы уничтожили существовавшее с 1555 г. французское поселение у Рио-де-Жанейро, в 1565 г. испанцы разгромили только что основанную французскую протестантскую колонию во Флориде, а в 1583 г. объединенными испано-португальскими силами была ликвидирована французская колония в Параибе на севере Бразилии. Слабость Франции в прямой борьбе за колонии стала очевидной.

Англичане не основывали уязвимых для нападений противника поселений в Америке — их первая, безуспешная попытка колонизации на Американском континенте была сделана лишь в 1585 г. в Виргинии, дале-

ко к северу от испанской сферы интересов. Зато они в небывалом масштабе развернули контрабанду и пиратский промысел, и этот метод подрыва монополии пиренейских держав оказался очень чувствительным.

В 1568 г. на этой почве дело дошло до международного конфликта. Известный английский корсар Гоукинс, несколько лет промышленничавший контрабандной продажей рабов из Африки испанским колонистам, предпринял грабительское нападение на мексиканский порт Сан-Хуан де Ульоа, но потерпел неудачу и потерял почти все свои корабли. В ответ Елизавета распорядилась захватить зашедшие в английские порты испанские корабли, которые везли деньги, данные в долг Филиппу II генуэзскими банкирами для оплаты испанских войск в Нидерландах; в свою очередь, наместник Нидерландов Альба наложил секвестр на все торговавшие в Нидерландах английские суда. Дипломатические отношения между Англией и Испанией были прерваны, стапельный пункт для английских сукон на континенте перенесен из Антверпена в Гамбург. Состояние разрыва продолжалось до 1574 г., когда был подписан договор об урегулировании взаимных претензий.

Нидерландская буржуазная революция все больше становится крупнейшим фактором международного значения. События в Нидерландах прежде всего затрагивали интересы Англии, их соседа и важнейшего торгового партнера. Политика религиозных преследований, неуклонно проводившаяся Филиппом II в его нидерландских владениях, привела к тому, что из Нидерландов — сначала торгово-ремесленной, а затем, после установления в 1567 г. диктатуры Альбы, и политической. В английских портах находили убежище борцы против испанской тирании — морские гёзы, которым заинтересованная в ослаблении Испании Англия оказывала негласную помощь. Однако политика Елизаветы в нидерландском вопросе отличалась неустойчивостью и противоречивостью. Интересам Англии соответствовало не быстрое и полное освобождение Нидерландов от испанского владычества, а состояние гражданской войны в этой богатой стране, ослаблявшей ее как торгового соперника. Даже помогая гёзам, Елизавета ни в коем случае не хотела довести дело до открытой войны с Испанией, сознавая, что для этого Англия еще недостаточно сильна. Предпринимавший в конце 1560-х годов безуспешные вторжения в Нидерланды Вильгельм Оранский рассчитывал прежде всего на помощь французских протестантов.

Как раз в это время гугеноты добились существенных успехов в гражданских войнах, отчасти благодаря помощи дважды вторгавшихся во Францию немецких войск из кальвинистского Пфальца. После Сен-Жерменского «эдикта умиротворения» (август 1570 г.), впервые давшего во владение гугенотам несколько крепостей, их вождь Колиньи стал оказывать немалое влияние на направление французской внешней политики. Он стремился втянуть Францию в большую войну с Испанией и помочь Вильгельму Оранскому.

После того как в апреле 1572 г. гёзы благодаря народному восстанию заняли почти всю территорию Голландии и Зеландии, Англия и Франция активизировали свою политику, стремились, оказав помощь восставшим, взять под свой контроль нидерландские земли. Английский десант высадился в занятом гёзами Флиссингене, в Эно вступил отряд французских протестантов. Обе страны, связанные с апреля 1572 г. оборонительным союзом, с подозрительностью следили друг за другом; в то же время внешнеполитическая линия Колиньи вызывала растущее противодействие при французском дворе. Варфоломеевская ночь, вновь ввергнувшая Францию в пучину религиозных войн, на время устранила возможность французского вмешательства в нидерландские дела, и оставшаяся без союзника Елизавета поспешила взять курс на примирение с Испанией. Страшный

натиск войск Альбы в 1573 г. голландским патриотам пришлось отражать в одиночестве.

Ситуация вновь изменилась после общего восстания в Южных Нидерландах в 1576 г., созыва Генеральных штатов и начала в июне 1577 г. их войны против испанского наместника. Тактика Англии, состоявшая в разжигании войны в Нидерландах, требовала помогать явно слабейшим в военном отношении Генеральным штатам. В январе 1578 г. Елизавета заключила с ними договор, по которому выговорила для Англии в награду за помощь войсками и деньгами города Флиссинген, Мидделбург, Брюгге и Гравелин. Но достаточно было армии штатов потерпеть серьезное поражение, чтобы королева взяла назад свое обещание о присылке войск и, предпочитая воевать чужими руками, предложила штатам обратиться за помощью, как к ее представителю, к неугомонному воителю за дело протестантов Иоганну-Казимиру Пфальцскому. Фактически в роли английского наемника выступал и честолюбивый французский принц, наследник трона герцог Анжуйский, переговоры о браке которого с Елизаветой велись тогда очень активно; в ноябре 1581 г. дело дошло даже до помолвки и военного союза на обычной для английской политики основе: Англия давала деньги, герцог ввел в Нидерланды своих французских солдат. В 1580 г. этот бездарный принц был признан государем Нидерландов Генеральными штатами, неосновательно рассчитывавшими таким образом втянуть в войну с Испанией Францию. Прибывший в 1582 г. в Антверпен герцог Анжуйский быстро поссорился с теми, кого он должен был защищать, и уже через год, после неудачной попытки произвести в свою пользу государственный переворот, вынужден был оставить страну.

Тем временем отношения между Англией и Испанией все обострялись. В 1578 г. английский корсар Дрейк, которому втайне покровительствовала королева, захватил у перуанского побережья испанские галеоны с богатым грузом сокровищ. Несмотря на все протесты испанского посла, привезенные Дрейком сокровища поступили в королевскую казну. Филипп II также старался всячески вредить Англии. В 1579 г. в восставшей против английских колонизаторов католической Ирландии высадился вспомогательный испанский отряд, при котором находился представитель папы; вскоре он был разгромлен. Испанский двор поддерживал тайные сношения с содержащейся в заточении в Англии бывшей шотландской королевой ревностной католичкой Марией Стюарт, свергнутой шотландскими лордами, основной претенденткой на английский трон после смерти Елизаветы. Еще в середине 1570-х годов Филипп II дал принципиальное согласие на выдвинутый тогдашним наместником в Нидерландах Хуаном Австрийским план вторжения в Англию, чтобы свергнуть Елизавету и возвести на престол Марию.

В январе 1584 г. из Англии был выслан замешанный в одном из заговоров против Елизаветы испанский посол. В мае 1585 г. испанское правительство распорядилось захватить все находившиеся в испанских портах английские корабли; разрыв дипломатических отношений стал фактом. 17 августа 1585 г. после долгой осады испанские войска взяли Антверпен. Теперь непосредственная опасность грозила Северным Нидерландам, а покорение Нидерландов могло стать прологом к вторжению в Англию. Елизавета поспешила заключить договор с Генеральными штатами, которые после смерти в 1584 г. их «государя» герцога Анжуйского и отказа французского короля Генриха III унаследовать его права рассчитывали прежде всего на английскую помощь. Королева согласилась принять титул «протектора Нидерландов» и прислала войска под начальством графа Лестера, исполнявшего функции ее наместника; однако он воевал неудачно, стремился поставить управление страной на службу английским интересам, вступил в вооруженную борьбу со штатами и в 1587 г. был отозван. Отныне северонидерландские провинции выступают на между-

народной арене как суверенное государство, Республика Соединенных провинций.

В те годы флот Дрейка успешно действовал в Карибском море, грабя испанские поселения, а в 1587 г. совершил беспрецедентный по дерзости набег на порт Кадис в Испании. Наконец, Филипп II отдал приказ о подготовке грандиозной эскадры для вторжения в Англию, рассчитывая возложить на себя английскую корону в соответствии с завещанием казненной в феврале 1587 г. Марии Стюарт. Это известие вызвало национальный подъем в Англии; множество частных судов вошло в состав королевского флота. Сыграл свою роль и англо-голландский союз: голландские корабли блокировали выход в море из фландрских портов транспортов с испанской десантной армией. Победа английского флота над Непобедимой армадой (август 1588 г.) отдала в руки Англии инициативу в морской войне. В 1589 г. эскадра Дрейка совершила рейд к западному побережью Пиренейского полуострова, попытавшись (правда, неудачно) высадить в Португалии десант во главе с претендентом на португальский трон принцем Антониу. Английские корабли постоянно совершали нападения на Вест-Индию. Ярчайшим эпизодом англо-испанской войны стал новый поход союзного англо-голландского флота на Кадис в 1596 г., приведший к взятию и грабежу города.

Не достигнув своих целей в борьбе против Англии и не завершив покорения Нидерландов, Филипп II ввязался в новую войну с интервенционистскими целями уже во Франции, где внутреннее положение резко обострилось после смерти герцога Анжуйского в июне 1584 г. По непреложным правилам французского престолонаследия наследником трона стал глава гугенотов Генрих Наваррский. Уже 31 декабря 1584 г. Католическая лига заключила секретный договор о союзе с Испанией, а Генрих начал рассылать своих эмиссаров в Англию, Данию, Германию. В январе 1587 г. он вступил в союз с Иоганном-Казимиром Пфальцским, осуществившим осенью того года новое (четвертое по счету за период гражданских войн) вторжение во Францию, окончившееся на этот раз поражением. Когда же после убийства Гизов по приказу Генриха III против династии Валуа восстал Париж и ряд вступивших в Католическую лигу крупных городов Франции, Генрих Наваррский оказался союзником короля. В августе 1589 г. Генрих III был убит, и вождь гугенотов стал королем Генрихом IV. К марту 1590 г. Филипп II объявил о военной помощи лиге: войска роялистов одерживали победы, вскоре они осадили Париж, оказавшийся в очень трудном положении. Голодавшая столица уже готова была начать переговоры с Генрихом IV. В августе 1590 г. во Францию вторглась с севера большая испанская армия во главе с наместником Нидерландов выдающимся полководцем Александром Фарнезе. Ему удалось прорвать блокаду Парижа, и Генриху IV пришлось оставить попытки овладеть городом, где с февраля 1591 г. разместился испанский гарнизон. Новое вторжение Фарнезе заставило короля в апреле 1592 г. снять осаду Руана. Особый испанский отряд высадился и закрепился в Бретани.

Кроме Испании, во французские дела вмешалась Савоя, еще в 1588 г. отнявшая у Франции ее последнее владение в Италии — маркизат Салуццо. В 1590 г. савойская армия вторглась в Прованс и в марте следующего года даже заняла Марсель, но затем стала терпеть поражения в боях с роялистами. Зато Генрих IV получал военную и финансовую помощь из Англии; английские солдаты сражались против испанцев в Нормандии и Бретани. Прислали ему свой вспомогательный отряд и голландцы.

Военная помощь, оказанная Филиппом II лигерам, оказалась достаточной лишь для того, чтобы затянуть войну, не допустить быстрой победы Генриха IV. Нанести решительное поражение королю-гугеноту испанская армия была не в состоянии. Зато испанцам пришлось резко ослабить

*Сражение английского флота с кораблями Непобедимой армады.
Картина неизвестного художника. Около 1590 г.
Лондон, Национальный морской музей.*

свои военные усилия в Нидерландах, и этим воспользовались голландцы, одержавшие в 1591—1592 гг. ряд важных побед под командованием Морица Нассауского. Укреплялись и позиции Генриха IV: к примирению с ним стала склоняться крупная парижская буржуазия. Вступая в войну, Филипп II надеялся посадить на французский трон свою дочь от брака с французской принцессой — инфанту Изабеллу, внучку короля Генриха II; выбор ее супруга и будущего короля Франции также должен был зависеть от воли Филиппа. Эти предложения были официально выдвинуты Испанией в 1593 г. перед собравшимися в Париже лигерскими Генеральными штатами, но они не имели никаких шансов на успех. Было уже известно обещание Генриха IV перейти в католицизм, что вскоре и совершилось. На сторону короля перешли основные лигерские города; в марте 1594 г. он вступил в Париж. В январе 1595 г. Генрих IV объявил войну Испании и заключил в мае 1596 г. союзный договор с Англией, к которому затем присоединилась и Республика Соединенных провинций.

Общий итог войны тогда был уже ясен. Гегемонистские планы Испании в отношении Англии и Франции, ее попытки покончить с независимостью Северных Нидерландов безнадежно провалились. Но и союзники не были достаточно сильны, чтобы изменить характер войны, превратив ее в наступательную. Франция первой поняла это, заключив в мае 1598 г. (за четыре месяца до смерти Филиппа II) сепаратный Вервенский мир с Испанией и Савойей на основе статус-кво. Отношения Франции с Савойей были окончательно урегулированы лишь в 1601 г., после короткой войны 1600—1601 гг., когда савойский герцог получил Салуццо в обмен за уступленные им соседние с Лионом франкоязычные территории Бресс, Жекс и

Бюже — логичное решение, вполне соответствовавшее политике Генриха IV, который провозгласил свое принципиальное право владеть всеми землями, где население говорит по-французски. Выход Франции из войны не означал разрыва ее союзнических отношений с Республикой Соединенных провинций; Генрих IV продолжал оказывать ей финансовую помощь. Франко-голландский союз стал традицией, одной из доминант политической жизни Европы на ближайшие три четверти века.

Англо-испанская война продолжалась до 1604 г. К концу ее испанцы приобрели определенный опыт борьбы с англичанами на море и английские корсары стали терпеть неудачи. Война явно затянулась, стала очень обременительной, и окончание ее было встречено в Англии с облегчением. К тому времени уже умерла Елизавета (1603 г.), и ее преемник Яков I Стюарт, сын казненной Марии, объединил в унии Англию и Шотландию.

Наконец в 1609 г. было заключено, сроком на 12 лет, перемирие в Нидерландах. В предшествовавшей этому акту особой декларации Испания признала фактический суверенитет Республики Соединенных провинций.

Филипп II умирал побежденным. Его грандиозные планы окончились крахом, бессилие католического короля перед протестантской «ересью» стало очевидным. В этом политическом фиаско была глубокая закономерность. То было поражение феодальной монархии, ставшей на пути буржуазного развития в передовых европейских странах; поражение чисто династической политики в борьбе с национальным принципом.

Важнейшим итогом века стало образование Республики Соединенных провинций — первого государства победившей буржуазии. Нидерландская революция имела исключительно большое международное значение. Во время наивысшего могущества испанской монархии, когда ее соседи не могли или не смели решиться на открытое сопротивление, восставшие Нидерланды одни сковывали силы Испании, многие годы истощали ее ресурсы. Роль организатора антииспанских коалиций сохранится за Соединенными провинциями и в дальнейшем. В назревавших схватках Тридцатилетней войны участники антигабсбургских коалиций найдут в богатейшей Голландии, ставшей центром мирового кредита, своих надежных банкиров.

Столь же много значил выход на арену мировой политики Голландии и для колониальной истории. Обладавшие мощным флотом, Соединенные провинции были достаточно сильны, чтобы не только господствовать на море и основывать свои колонии в зонах влияния двух главных колониальных держав, но и взять курс на решительное вытеснение старых хозяев и создание на месте их бывших владений собственной колониальной империи. Особый интерес голландцев вызывали пряности Индонезийского архипелага. Уже в 1590-е годы они находят дорогу на Молукки; после основания в 1602 г. монопольной Ост-Индской компании ее флот очень быстро изгоняет португальцев из района Молуккских островов и с Цейлона, а заодно начинает беспощадную войну с пытающимися утвердиться на «островах пряностей» англичанами. Это было уже началом настоящих войн за передел колоний. Торговые и колониальные интересы играли решающую роль во внешней политике буржуазной Республики Соединенных провинций, и недаром именно «отпадением Нидерландов от Испании», по словам Маркса, начинается эра торговых войн, та «торговая война европейских наций, ареной для которой служит земной шар»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 760.

Глава 2

ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ
И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

На рубеже XV — XVI вв. на территории Центральной и значительной части Восточной Европы существовали два обширных политических образования. Одно из них, возникшее в 1490 г. с избранием чешского короля Владислава из династии Ягеллонов на венгерский трон, состояло из Венгерского королевства, складывавшегося, в свою очередь, из двух разных политических организмов — Венгрии и Хорватии, а также из земель чешской короны, каждая из которых обладала определенной автономией (Чехия, Моравия, Силезия, Лужицы). Другим крупным объединением, состоявшим из Польского королевства (в его состав входила и часть украинских земель) и Великого княжества Литовского (территория современной Литвы, Белоруссии, большей части Украины и некоторых русских земель), до 1492 г. управлял отец Владислава Казимир IV Ягеллончик. После его смерти каждое из государств имело отдельных правителей в лице его сыновей Яна Ольбрахта и Александра. С 1501 г. они объединились под властью сначала Александра, с 1506 г. — самого младшего из сыновей Казимира Сигизмунда I. Таким образом, всем огромным ареалом управляли лица, принадлежавшие не только к одной династии, но и к одной семье. Однако оба образования распадались, по существу, на несколько сословных монархий, которые объединяла лишь личность правителя. Все это приобретало особое значение в условиях, когда во всех указанных государствах и землях королевская власть была сильно ограничена в пользу сословий, а самый институт монархии был не наследственным, а выборным (лишь в Великом княжестве Литовском власть Ягеллонов была наследственной). Единство внешней политики даже тех «земель», которые объединялись под властью одного монарха, неоднократно оказывалось под вопросом. Так, Великое княжество Литовское не принимало участия в Тринадцатилетней войне Польского королевства с Тевтонским орденом, а чешские сословия не имели никакого отношения к османско-венгерским конфликтам конца XV — начала XVI в. Большая роль сословий в жизни центральноевропейских государств имела и еще одно важное последствие — стремясь в своих узкосословных интересах к уменьшению государственных, в особенности военных, расходов, они тем самым резко ограничивали возможности для активной внешней политики.

Положение в регионе существенно изменилось после гибели в 1526 г. сына Владислава чешско-венгерского короля Людовика: чешский и венгерский троны занял брат императора и испанского короля Карла V эрцгерцог австрийский Фердинанд Габсбург. Новое объединение оказалось более стабильным, чем политические образования, возникавшие в данном регионе в XV в. С самого начала Габсбурги стали проявлять весьма заметную политическую активность, хотя в течение XVI — начале XVII в. их владения оставались объединением сословных монархий, связанных лишь личной унией. Помимо определенного укрепления самостоятельности королевской власти, во взаимоотношениях с сословиями (чему содействовали, в частности, связи Габсбургов с южногерманским финансовым капиталом) этой стабильности способствовали некоторые международные факторы. Если в 1526 г. вопрос о борьбе с османской опасностью, бесспорно, не играл решающей роли (в Венгрии, которой более всего угрожали османы, кандидатура Фердинанда встретила наибольшее сопротивление и борьба за трон вылилась в длительную междоусобную войну), то в дальнейшем, когда угроза турецкого вторжения в Центральную Европу стала более

реальной, необходимость совместной защиты от османов способствовала сплочению центральноевропейских стран.

Большое значение имела поддержка Испании, с правителями которой, помимо тесных родственных связей, австрийских Габсбургов связывала общность политической идеологии и религиозной политики. Именно благодаря такому сотрудничеству достаточно серьезная сословная оппозиция политике австрийских Габсбургов в отдельных их державах не могла в течение длительного времени рассчитывать на получение серьезной помощи извне. Последствия этого сказались в полной мере в 1526 г., когда после битвы под Павией гегемония Испании на Европейском континенте на время стала бесспорным фактом. Единственным правителем, чьи владения находились вне сферы испанского влияния и который обладал достаточными ресурсами, чтобы помериться силами с Фердинандом, в этой ситуации был польский король Сигизмунд I. Он противодействовал усилению влияния Габсбургов в Средней Европе еще в первые десятилетия XVI в., но позднее не решился претендовать на чешский или венгерский трон.

Такой курс польской политики определялся положением, сложившимся в Восточной Европе, где располагались наследственные владения польского короля. Личная уния Польского королевства и Великого княжества Литовского сохранялась и в XVI в. благодаря тому, что польские феодалы постоянно выбирали на свой трон великих князей литовских. В представлении польских политиков уния, необходимая ранее для совместной борьбы с Тевтонским орденом, теперь должна была послужить инкорпорации Великого княжества Литовского в состав Польского королевства, что облегчило бы колонизацию польскими феодалами белорусских и украинских земель. Однако такая перспектива оказалась под угрозой, когда во второй половине XV в. в Восточной Европе произошли важные изменения в соотношении сил.

На рубеже 70—80-х годов XV в. окончательно определился упадок Золотой Орды — последние попытки политического объединения татарских ханств и восстановления их господства над русскими землями потерпели полную неудачу. Одновременно завершилось объединение земель Северо-Восточной и Северо-Западной Руси под властью великих князей московских (переломным событием стало присоединение Новгорода в 1477—1478 гг.), поставившее литовских и польских политиков перед весьма сложными проблемами.

Единое Российское государство сразу же выдвинуло программу объединения в его составе всех восточнославянских земель, некогда входивших в Древнерусское государство. Титул «великого князя всея Руси» с начала 90-х годов XV в. стал употребляться не только внутри страны, но и в практике международных контактов. Тогда же было заявлено о правах Ивана III на княжество Киевское, «которое за собою держит Казимир, король польской и его дети». Наконец, с конца 80-х годов началась сначала необъявленная, а затем открытая война Российского государства с Великим княжеством Литовским, означавшая новый шаг на пути «собирания» русских земель; достижение этой цели нанесло бы серьезный удар интересам не только литовских, но и польских феодалов. Одна из главных ягеллонских держав, их «вотчина» — Великое княжество Литовское оказалось в состоянии открытого конфликта с новой могущественной державой, образовавшейся на Европейском континенте; с распадом Золотой Орды в этом регионе не было силы, совместно с которой литовские феодалы могли бы противостоять Российскому государству.

Война завершилась миром 1494 г., по которому в состав Российского государства вошли занятые еще во время предшествовавших военных действий часть Смоленщины (Вяземское княжество) и так называемые «верховские княжества» в бассейне верхней Оки и Угры, находившиеся ра-

нее под литовским протекторатом. Еще более крупную неудачу Великое княжество Литовское понесло в войне, начавшейся в 1500 г., когда к Российскому государству отошли Северская земля с Черниговом, Новгородом-Северским и Путивлем, Брянск и ряд волостей Мстиславского княжества (на Смоленщине). Принципиальное значение имело то обстоятельство, что война завершилась в 1503 г. не «миром», а только «перемирием»: русские дипломаты официально заявили, что заключение мира невозможно, пока украинские и белорусские земли находятся под властью Ягеллонов. С этого момента напряженное состояние отношений между двумя главными восточноевропейскими державами стало постоянным. Успехи Российского государства в войнах рубежа XV — XVI вв. в немалой мере объяснялись тем, что значительная часть феодалов спорных территорий перешла на русскую сторону и активно способствовала уничтожению органов литовской власти. Серьезное значение имело и военное преимущество русского дворянского войска. Наконец, польские политики на первых порах явно недооценили размер возникшей опасности. Правда, в 1501 г. они попытались использовать военно-политические трудности Великого княжества Литовского, чтобы заменить личную унию между государствами соглашением об их слиянии в единый политический организм, но ни военной, ни финансовой помощи великому князю (и своему королю) Александру польский сейм не оказал.

Возобновление борьбы между Российским государством и Великим княжеством Литовским в первые десятилетия XVI в. протекало в иной обстановке. Теперь господствующий класс Великого княжества (не только литовские, но и белорусские и украинские феодалы) не стремился к воссоединению белорусских и украинских земель с Российским государством, где с конца XV в. огромную роль играл институт центральной власти. Дворянство Великого княжества Литовского (прежде всего могущественная аристократия) опасалось, что присоединение к Российскому государству приведет к уменьшению их сословных привилегий; к началу XVI в. группа феодалов, главным образом белорусского происхождения, во главе с князем М. Л. Глинским подняла мятеж против великого князя Литовского и польского короля Сигизмунда I и перешла на русскую сторону, что не встретило массовой поддержки господствующего класса Великого княжества. Может быть отмечен в этой связи и заговор части смоленских бояр, пытавшихся после присоединения Смоленска к России вернуть его под власть великого князя Литовского.

Заметно изменилось и отношение Польского королевства к событиям на Востоке Европы. Уже в 1508 г. сейм вотирует средства на оказание военной помощи Великому княжеству, и 4-тысячное польское войско участвовало в подавлении восстания Глинского. Позднее была оказана помощь Великому княжеству во время одного из наиболее критических для него моментов — военной кампании осени 1514 г., когда Российскому государству удалось добиться нового крупного успеха — присоединения Смоленска, чем в основном завершалась задача политического объединения великорусских земель. Однако для этого потребовались большие военные походы, а для удержания занятой территории — новые усилия. Конфликт, вызванный объединительной политикой Российского государства и экспансией польских и литовских феодалов на украинские и белорусские земли, постепенно приобрел затяжной характер, оказывая значительное влияние на общее положение дел не только в обширном восточноевропейском, но и в смежных регионах Европы. Учитывая положение дел на востоке и не желая сдавать там завоеванные в предшествовавший период позиции, польские Ягеллоны отказались от открытого соперничества с Габсбургами за влияние в Центральной Европе, ограничились скрытым противодействием их политике, когда непосредственно затрагивались их интересы. Австрийские Габсбурги предпринимали попытки сбли-

жения с Россией, когда стремились добиться от Ягеллонов тех или иных политических уступок. Наконец, в полной мере принимала во внимание существо этого конфликта новая евроазиатская держава — Османская империя.

Определенные политические последствия в сфере межгосударственных отношений имело в тот период распространение Реформации в странах Центральной Европы. На внешнюю политику этих государств воздействовали именно внутренние изменения, а не использование европейскими правительствами существующих в Европе религиозных различий в своих конъюнктурных целях. В Польше и Великом княжестве Литовском распространение Реформации в широких масштабах относится к середине XVI в., но в течение длительного времени влияние конфессиональных факторов на внешнюю политику этого государства не было значительным. Положение резко изменилось к концу XVI в. с торжеством Контрреформации. Большую политическую проблему создавало несоответствие между вероисповеданием населения держав австрийских Габсбургов и их официальной политикой католицизма, прежде всего на территории Священной Римской империи. Особенно разительным был этот контраст на землях Чешского королевства. Хотя Фердинанд Габсбург, как «римский король» был одним из авторов Аугсбургского религиозного мира 1555 г., не могло быть и речи об осуществлении провозглашенного в нем принципа «Чья власть, того и религия» в Чехии, где подавляющая часть населения (и крестьяне, и горожане, и дворянство) придерживалась вероисповедания, все более приближавшегося к лютеранскому («новоутракизм»). А поскольку власть правителя в центральноевропейских державах Габсбургов была сильно ограничена в пользу сословий, то религиозные разногласия между государем и подданными находили прямой отклик в сфере международных отношений. Так, в годы Шмалькальденской войны сословия чешских земель фактически отказали Фердинанду в военной и финансовой помощи против протестантских князей. С переходом имперского трона от Карла V к австрийским Габсбургам религиозные отношения в их владениях стали фактором, серьезно затруднявшим политику Контрреформации в Империи.

После завоеваний 50—70-х годов XV в. в правление султана Мехмеда II Османская империя, полностью овладев Балканами, стала не только великой азиатской, но и европейской державой. После некоторого периода пассивности, связанного с завоеваниями на Ближнем Востоке, османская экспансия снова переместилась в Европу: это наложило сильнейший отпечаток на политическую жизнь Европы в целом, и прежде всего на жизнь ее регионов, граничивших с европейскими владениями османов. Главным объектом османской экспансии с 20-х годов XVI в. стало Венгерское королевство. Страна была ослаблена отменой централизаторских реформ Матвея Корвина (отмена постоянных налогов и ликвидация постоянной армии) и непрерывной борьбой магнатских клик за власть. Недисциплинированное дворянское ополчение было плохо подготовлено к войне. Внешняя помощь отсутствовала. Развязка последовала довольно скоро. В 1521 г. пал Белград — главный опорный пункт на южной границе Венгерского королевства, а за этим последовал разгром венгерского войска в битве при Мохаче, когда погиб и сам король Лайош II.

Хотя непосредственно после битвы под Мохачем османы не захватили значительных территорий, Венгерское королевство перестало быть единым государством, что не могло не оказать глубокого влияния на европейскую международную жизнь. После гибели Лайоша II борьба магнатских клик за власть переросла в открытую войну. Большая часть феодалов отдала предпочтение одному из венгерских магнатов — Яношу Запольяи, уклонившемуся от участия в битве при Мохаче; меньшинство избрало на венгерский трон австрийского эрцгерцога Фердинанда Габсбурга, став-

Осада Эсгера турецкими войсками в 1596 г. Гравюра.

шего в 1526 г. чешским королем. Запольяи нашел убежище в Польше, не заинтересованной в чрезмерном усилении Габсбургов в Центральной Европе; его поддержала и Османская империя.

После похода Сулеймана I в 1529 г. на Вену конфликт в Центральной Европе все более превращался в борьбу между австрийскими Габсбургами и Османской империей за венгерские земли, в которой группировка венгерских феодалов во главе с Запольяи становилась орудием османской политики. Под предлогом защиты законных прав сына скончавшегося в 1538 г. Яноша Запольяи османы в 1541 г. овладели столицей королевства — Будой, положив начало созданию Будайского эйялета, постепенно охватившего территорию Тисо-Дунайского междуречья. Там были установлены порядки, характерные и для других областей Османской империи, а венгерские феодалы лишились своих владений. Однако опасность османской экспансии не привела к консолидации господствующего класса Венгерского королевства в целях борьбы с османами. В сложившейся ситуации объединение венгерского дворянства было возможно лишь под властью Габсбургов, но к середине XVI в. стало ясно, что ресурсы австрийских Габсбургов недостаточны для отпора вторжению османов на венгерские земли и их эффективной защиты.

Габсбурги пытались противодействовать османам прежде всего с помощью наемной армии: проблема средств на ее содержание выдвигалась на первый план. Фердинанд Габсбург не мог рассчитывать на огромные финансовые ресурсы испанской монархии — значительная часть их уходила на войны с Францией и борьбу за укрепление власти Карла V в Германии. Первоначально Карл V вообще возражал против вмешательства Фердинанда в венгерские дела, опасаясь, что это может способствовать (как это и произошло в действительности) франко-османскому сближению. В дальнейшем войны австрийских Габсбургов с османами на Балканах и испанских Габсбургов в Средиземноморье велись независимо друг от друга.

Располагая имперским тронном, Габсбурги пытались использовать для борьбы с османами помощь все более распадавшейся, но в отдельных областях международной политической жизни еще сохранившей действенность Священной Римской империи. Однако для получения помощи необходимо было согласие «имперских чинов», а этому явно препятствовала политика Габсбургов в Империи, где они пытались укрепить императорскую власть путем реставрации католицизма, закономерно наталкиваясь на сопротивление протестантских князей, чья помощь против османов обуславливалась отступлением Габсбургов от традиционной религиозной политики. Имперские рейхстаги вотиrowали субсидии нерегулярно и в недостаточном размере; к тому же после прекращения походов на Австрию и сосредоточения военных действий на территории Венгрии непосредственная военная опасность со стороны османов владениям немецких князей не угрожала. Существовали трудности и во взаимоотношениях Фердинанда Габсбурга с сословиями центральноевропейских держав, прежде всего с чешскими, вносившими основную часть финансовых средств на ведение войны с османами. И здесь абсолютистская тенденция в политике правителя, его поддержка попыток реставрации католицизма вызывали конфликты, приводившие к отказу сословий вотировать помощь в размерах, требуемых Габсбургами. Кроме того, имея возможность контролировать расходование вотиrowанных средств, сословия пытались финансировать не наступательную войну, а строительство системы крепостей для защиты границ. Созданная на южных границах владений австрийских Габсбургов оборонительная линия не в последнюю очередь благодаря самоотверженной защите пограничья местным населением стала серьезным препятствием на пути продвижения османов в Европу.

Свободу действий османов в известной мере ограничивали постоянные конфликты с Ираном, но они располагали большими ресурсами, чем Габсбурги: в военных действиях 50—70-х годов перевес был на их стороне. Территория, захваченная османами в Среднем Подунавье, существенно расширилась, здесь были созданы новые эйялеты и санджаки.

Значительная часть венгерского дворянства пыталась сохранить свои владения путем соглашения с османами, направленного против Габсбургов. На юго-восточных территориях Венгерского королевства образовалось Трансильванское княжество. Его первым правителем стал сын Яноша Запольяи Янош Жигмонд, а в дальнейшем его преемники избирались сословиями княжества и утверждались султаном. Во внутреннюю жизнь княжества султаны не вмешивались, а дань была невелика. Для османского правительства важно было на землях Венгерского королевства, не занятых османами, сохранять соперничество враждебных политических центров. Попытки Габсбургов добиться контроля над Трансильванией только облегчали султанам такую политику. Имелся и еще один выгодный для османов аспект — в столкновениях с Габсбургами сословия их венгерских владений могли апеллировать к поддержке трансильванских князей, что также ослабляло главного противника османов на Балканах. Определенное содействие образованию Трансильванского княжества оказало и польское правительство, которое стремилось сохранить у своих юго-западных границ политическое образование, отделявшее польскую территорию от османских владений; на свой лад оно также было заинтересовано в существовании в Среднем Подунавье политического центра, противостоявшего Габсбургам, поддерживая который можно было бы добиваться от них различных уступок. Длительное время трансильванско-польские отношения оставались дружественными: в 1576 г. на польский трон был избран трансильванский князь Иштван Батори. Однако решающая роль в образовании княжества принадлежала венгерскому дворянству и правительству султана Сулеймана.

С 1526 по 1568 г., когда мир в Эдирне на время положил конец длительной полосе войн в Среднем Подунавье, позиции Османской империи в этом регионе очень усилились, укрепилось господство Порты и над ее балканскими провинциями, оказавшимися к середине XVI в. в глубоком тылу, в значительном географическом удалении от всех возможных союзников народно-освободительного движения, и над христианскими вассальными княжествами в Юго-Восточной Европе — Молдавией и Валахией. В конце XV — начале XVI в. сложное переплетение интересов Венгерского королевства, Османской империи и Польши давало их правителям известные возможности для проведения самостоятельной внешней политики: даже правители Валахии, где могущественная группировка бояр Крайовы выступала за полное подчинение княжества Порте, решались порой на самостоятельные акции и тайные соглашения против османов; еще более заметны были черты самостоятельности во внешней политике Молдавского княжества, во внутреннюю жизнь которого в конце XV — начале XVI в. османы фактически не вмешивались. С распадом Венгерского королевства главный противник османов на Балканах сошел с исторической сцены, а польское правительство стало прилагать все большие усилия к сохранению мира с Османской империей, что означало, в частности, отказ от всякой активной политики на Балканах. Правда, у османов появился новый противник — Габсбурги, но к середине XVI в. их владения оказались отделенными от Дунайских княжеств новыми османскими округами на венгерских землях и Трансильванским княжеством — противником Габсбургов. Рост зависимости княжеств от Османской империи становился неизбежным, тем более что крупное боярство обоих государств склонялось к тому, чтобы сохранить свои владения, проявляя полную лояльность к османам. Возросла дань, усилилось вмешательство султана во внутренние дела княжеств, постепенно господарей стали присылать из Стамбула. Княжества были официально лишены права вести свою внешнюю политику, в частности заключать соглашения с другими государствами. Османы захватывают некоторые территории своих вассалов, в особенности молдавские земли, прилегавшие к Черноморскому побережью. Уже в 1484 г. султан Баязид II захватил Килию и Белгород — города в устьях Днестра и Дуная — «ворота» из Молдавского княжества на Черное море. В 1538 г. в состав Османской империи вошла вся территория между устьями Днестра и Дуная (Буджак); турецкой крепостью стали и лежавшие выше Белгорода по Днестру Бендеры.

Захваты эти не только усиливали контроль над Молдавским княжеством, они были элементом политики, направленной на усиление османского «присутствия» в Восточной Европе, которая в XVI в. также становилась объектом османской экспансии.

Две крупные державы — Великое княжество Литовское и Российское государство — к началу 80-х годов XV в. соседствовали с рядом ханств, на которые во второй четверти XV в. окончательно распалась Золотая Орда. Об изменении соотношения сил в регионе в пользу Российского государства свидетельствует установление в конце 80-х годов XV в. русского протектората над Казанским ханством. Враждебные друг другу татарские ханства старались искать поддержки у восточноевропейских держав, именно с конца XV в. вступивших в борьбу за обладание восточнославянскими землями. Большая Орда, наиболее крупное из ханств — наследников Золотой Орды, пошла на сближение с Казимиром IV, а затем его сыновьями. Крымское ханство искало союза и поддержки Ивана III. С середины 70-х годов на положение в регионе в целом все большее воздействие стала оказывать Османская империя, завоевавшая итальянские колонии в Северном Причерноморье и установившая свой протекторат над Крымским ханством (1475 г.). Хотя под верховной властью османов Крым сохранил широкую автономию, а на первых порах даже и определенную сво-

боду действий в своей внешней политике, зависимость ханства от османской державы постепенно усиливалась, оно все более превращалось в прямое орудие политики османов в Восточной Европе. Не в последнюю очередь благодаря поддержке османов это ранее довольно слабое государство, еще в 60-х годах зависевшее от польского короля, к концу XV в. превратилось в грозную военную силу, совершавшую опустошительные набеги на южные владения союзников Большой Орды — польского короля и великого князя Литовского Казимира Ягеллончика, а затем его сыновей. Благодаря помощи османов, а также военно-политическому сотрудничеству с Российским государством длительная борьба Крыма и Большой Орды завершилась к 1502 г. полным разгромом последней. С этого времени внешняя политика Крымского ханства заметно меняется.

Хотя набеги крымских татар на земли Великого княжества Литовского и Польского королевства продолжались, их нападения стали постепенно во все большей мере обращаться против Российского государства. Такая смена политики определялась не только опасениями крымских феодалов, что Россия может объединить все восточнославянские земли и угрожать их существованию. На политику Крыма оказали воздействие и главные стратегические планы османов, определявшиеся в XVI в. прежде всего стремлением закрепиться в Среднем Подунавье, вытеснив оттуда Габсбургов. Конфликт с Ягеллонами и возможное объединение их военных сил с войсками Габсбургов серьезно затруднил бы достижение этой главной цели османов. Отсюда курс на сохранение мирных отношений с державами польско-литовских Ягеллонов, с чем не могли не считаться в Бахчисарае. Курс этот встретил понимание и поддержку Ягеллонов, пошедших на заключение с султанами сначала кратковременных, а затем и долгосрочных мирных соглашений. В Польше первой половины XVI в. были политики и публицисты, понимавшие, что укрепление османов в Подунавье чревато серьезной опасностью и для Польши, однако решающее значение имели опасения польского дворянства за судьбу своих сословных привилегий. Ведение войны против османов требовало создания большой постоянной армии, постоянных налогов. Это могло привести к усилению центральной власти и поэтому было неприемлемо для шляхты. Реформы, выдвигавшиеся правительством в первые десятилетия XVI в., не были приняты. Даже оборона южных земель от татар, в чем непосредственно был заинтересован достаточно широкий круг феодалов, ограничилась минимальными мерами — созданием небольшого мобильного конного войска («обороны поточной»), которое не могло обеспечить безопасность на всем протяжении южной границы. Первоначально средства на его содержание втировались сеймами, с 60-х годов XVI в. оно обеспечивалось за счет налога с земель королевского домена, что избавляло дворянство от всяких расходов по этой статье. Сходными мотивами определялась и позиция господствующего класса Великого княжества Литовского, где не были осуществлены даже те скромные меры по организации обороны, которые имели место в Польше. В результате крымские феодалы могли не опасаться держав Ягеллонов.

В первые десятилетия XVI в. политика Крыма окончательно определилась как откровенно враждебная России. Первым симптомом перемен стал происшедший в 1505 г. под влиянием Крыма разрыв с Россией казанского хана Мухаммед-Эмина; в 1521 г. с крымской помощью на казанском троне утвердился брат крымского хана Сагиб-Гирей, а затем крымские и казанские войска напали на русские земли. Возможно, что одной из целей Гиреев было укрепление своих позиций по отношению и к Османской империи. Однако к середине 20-х годов XVI в. зависимость Крыма от Османской империи была упрочена, казанский хан Сагиб-Гирей признал себя вассалом султана и просил о присылке янычар и артиллерии, а османский посол в Москве потребовал признания нового статуса Казанского хан-

ства. Такой исход событий в немалой мере объяснялся тем, что действия крымских феодалов натолкнулись на решительное противодействие русского правительства, а позиция казанских феодалов оказалась далеко не однозначной. В отличие от крымских мурз-кочевников казанские феодалы в значительной мере существовали за счет эксплуатации земледельческого населения, и для них война означала разорение их владений. Казанское купечество было заинтересовано в развитии торговли с Россией. Этой «мирной» группировке противостояла «военная», состав которой постоянно пополнялся феодалами из Крыма и из других соседивших с ханством кочевых «орд». Отсюда колебания в политике Казани, которая то шла на заключение мира и признание вассальной зависимости от Москвы, то принимала на трон крымских Гиреев и выступала вместе с ними против Российского государства.

В период ослабления России в годы «боярского правления» в Казани возобладала «военная» партия во главе с новым ханом из Крыма Сафа-Гиреем. Под крымское влияние подпала в 40-е годы и Астрахань. Начались непрерывные набеги казанских и крымских татар на русскую территорию, небывалое опустошение и угон населения. «От Крыма и от Казани до полуземли пусто бяше», — вспоминал впоследствии Иван IV. Наиболее крупным был поход крымского хана Сахиб-Гирея на Москву в 1541 г., в котором вместе с крымцами участвовали отряды ногайцев и астраханских татар, а также османские войска и артиллерия. В эти годы борьба с татарскими ханствами стала самой важной задачей русской внешней политики. Главные усилия были сосредоточены на войне с Казанским ханством, непосредственно граничившим с Россией. К середине XVI в. главной целью русской политики стало завоевание этого государства. В этом же направлении воздействовало на правительство и дворянство, стремившееся к приобретению плодородных земель в Поволжье, и купечество, заинтересованное в беспрепятственной торговле на волжском пути.

Стамбул пытался противостоять русским планам. Крымскому хану Девлет-Гирею в 1552 г. были даны войска и артиллерия для нового похода на Москву. В кочевавшую между Волгой и Яиком Ногайскую орду были направлены послы султана Сулеймана, чтобы обеспечить ее поддержку уже открыто выдвигавшимся планам объединения всех татарских ханств для борьбы против России под протекторатом султана как главы всех мусульман.

Однако Стамбул оказался не в состоянии повлиять решающим образом на развитие событий.

После ряда походов русских войск на Казань в 1547—1550 гг. от ханства отделилась заселенная чувашами так называемая «горная сторона» Волги и перешла в русское подданство. В самой Казани возобладала военная группировка, получившая поддержку враждебных России ногайских мурз. Здесь русские войска столкнулись с упорным сопротивлением.

После взятия Казани в октябре 1552 г. война продолжалась вплоть до конца 50-х годов. Еще до ее окончания под русский протекторат попало, а затем в 1556 г. было присоединено к России лежавшее в низовьях Волги небольшое и слабое Астраханское ханство. Перешла на русскую сторону и оказалась в вассальной зависимости от России и Ногайская орда. Наконец, начались сношения русского правительства с адыгейскими и кабардинскими князьями, искавшими в Москве защиты от крымского хана и султана. Все это означало резкое усиление русского влияния в регионе за счет ослабления там позиций Османской империи. Русские политики во второй половине 50-х годов XVI в. серьезно планировали ликвидацию последнего форпоста османской экспансии в регионе — Крымского ханства. Осуществление

такого плана было возможно лишь в союзе с Великим княжеством Литовским; опасаясь чрезмерного усиления России, оно на это не пошло.

Потерпевшая поражение Османская империя не хотела смириться с неудачей: утверждение Российского государства в низовьях Волги и на Северном Кавказе затрудняло осуществление захватнических планов османских политиков в отношении Ирана, включавших, в частности, проект нападения на это государство с севера, через кавказские перевалы и Каспийское море. Отсюда попытки исправить положение, предпринятые в 60—70-х годах XVI в., когда основные русские вооруженные силы были вовлечены на западе в тяжелую и длительную Ливонскую войну. Первой крупной акцией такого рода стал поход османских войск на Астрахань в 1569 г., закончившийся полным провалом. Затем последовали в 1571—1572 гг. крупные вторжения татар с участием османских войск и артиллерии, чтобы добиться отказа России от Астрахани. В 1571 г. хан добился известного успеха, дойдя до самой Москвы, но в 1572 г. русское войско нанесло крымцам серьезное поражение в битве при Молодях. Стратегическая цель османских и крымских политиков не была достигнута. Русское влияние на Северном Кавказе было лишь временно ослаблено, но отнюдь не сведено на нет.

Опасность, преодоленная после битвы при Молодях, через несколько лет снова стала серьезной. В 70—80-е годы Османская империя на вершине внешнеполитических успехов достигла своих максимальных границ. Вслед за завоеванием Кипра, а затем Йемена в конце 70-х годов началась новая победоносная война с сефевидским Ираном. Постепенно турецкие войска утвердили протекторат над грузинскими царствами, овладели Курдистаном, Арменией и Ширваном. Появление османов в Ширване означало новую угрозу русскому Поволжью. В 80-е годы русское правительство снова выступило с инициативой создания коалиции против османов, начав переговоры о союзе с Ираном и Речью Посполитой, одной из целей которого должно было стать упразднение османского протектората над Крымским ханством. Однако господствующий класс Речи Посполитой предпочел следовать своей традиционной политике, а Иран оказался не в состоянии продолжать войну и пошел на признание османских завоеваний по мирному договору 1590 г.

Если в этом направлении политика русского правительства оказалась безрезультатной, то в иных отношениях именно в последней трети XVI в. им были приняты меры, последствия которых имели существенное влияние на развитие взаимоотношений восточноевропейских государств с Османской империей. Драматические события 1569—1572 гг. послужили толчком не только для основательной реорганизации сторожевой службы, но и для создания вдоль южного берега Оки своеобразного оборонительного рубежа — Засечной черты длиной 500 км, — опиравшегося на систему укреплений и лесных завалов; создается и сеть крепостей на месте сторожевых пунктов к югу от Оки. Система обороны была разрушена в годы Смуты, но к середине 30-х годов XVII в. Засечная черта была восстановлена и правительство приступило к созданию расположенной значительно южнее от Оки Белгородской черты (800 км), по мощности укреплений превосходившей старую линию. Насыщенная значительными войсками, Белгородская черта (ее строительство завершилось в 1653 г.), как надежный барьер, преградила путь татарским войскам. Набеги татар в середине 40-х годов XVII в., когда, прорвав оборону, они взяли полон в ряде русских пограничных уездов, стали последними. После этого они нападали почти исключительно на лишенные такой линии обороны украинские земли. В полном объеме последствия происшедших перемен сказались уже во второй половине XVII в.

Русское правительство сумело добиться успеха не только потому, что систематически бросало на его достижение огромные материальные

и людские ресурсы: он был в значительной мере обусловлен тем, что созданию «засечных черт» предшествовала, а затем и сопутствовала крестьянская колонизация земель русского черноземья. Именно из этой среды и происходили значительные контингенты постоянных защитников рубежей русской обороны.

Процесс колонизации запустевших от нашествия Золотой Орды, а затем от набегов крымцев земель юга развивался не только в России, но с большой интенсивностью и на юге Украины, хотя здесь население не всегда могло рассчитывать на сколько-нибудь надежную охрану. Главным стимулом, заставлявшим русских, украинских, а отчасти и белорусских крестьян уходить на пограничье и жить в условиях постоянной угрозы со стороны кочевников, было стремление избавиться от усиливавшегося крепостнического гнета. Немалая часть беглых здесь вливалась в ряды вольного казачества. Примерно с середины XVI в. возникали казацкие поселения на Дону и в Запорожье, на самой границе османских владений в Восточной Европе. Уже с этого времени казаки постоянно вели «малую войну» с крымскими улусами и гарнизонами турецких крепостей в Причерноморье, ставшую для казачества одним из постоянных источников существования.

Во второй половине XVI в. казаки наносили серьезный ущерб Орде, существенно ограничивая возможности ее набегов. Размах их действий постепенно увеличивался, выходя за рамки локальных конфликтов. В 70-е годы XVI в. отряды запорожских казаков неоднократно приходили на помощь выступавшим против османов жителям Молдавского княжества, даже выдвигали из своей среды претендентов на молдавский господарский трон. Казачество становилось самостоятельной силой, способной оказывать серьезное влияние на развитие международных отношений в Причерноморье. Традиция совместной борьбы казачества и балканских народов получила свое продолжение во время так называемой Долгой войны между Османской империей и Габсбургами на рубеже XVI — XVII вв.

Хотя к началу 70-х годов XVI в. держава османов, казалось, находилась на вершине могущества, в действительности она уже вступила в полосу затяжного внутреннего социального кризиса. Падала боеспособность османского войска. На Балканах социальные противоречия переплетались с национальными. Стремясь во время постоянных войн пополнить пустую казну, правительство султана ликвидировало податные привилегии ряда прослоек местного «военно-служилого» населения, оказавшегося с продвижением османской границы на северо-запад не на пограничье, а в тылу. В результате здесь появилась сила, способная организовать борьбу масс, недовольных османским господством. Выход из трудностей великий везир Синан-паша, правивший делами при неспособном султанах Мураде III, искал на традиционном пути — в подготовке новой войны, на этот раз с Габсбургами.

Однако уже в первые годы развязанной османским правительством войны (1593—1606 гг.) выяснилась ошибочность этих расчетов. От Османской империи отпали и перешли на сторону Габсбургов Дунайские княжества и Трансильвания. Армия императора Рудольфа II добилась определенных успехов, войска валашского господаря Михая Храброго нанесли серьезное поражение османам, перенеся военные действия на земли к югу от Дуная. Валашскому войску активно помогали отряды болгарских и сербских гайдуков, а после первых побед над османами начались волнения и в тылу османской армии, на болгарских землях. Приняли участие в войне и большие отряды украинского казачества во главе с будущим вождем народного восстания Северином Наливайко.

Поражения османов в начавшейся войне и восстания джалалиев, в результате которых значительная часть Малой Азии фактически вышла

из-под власти Стамбула, явились стимулом для нового правителя Ирана шаха Аббаса, сумевшего укрепить центральную власть и реорганизовать армию, и в 1603 г. возобновить войну с османами. Свои действия шах стремился координировать с европейскими противниками Порты, направив на рубеже XVI — XVII вв. несколько посольств в страны Западной Европы.

Османская империя на рубеже XVI — XVII вв. оказалась в критическом положении. Однако Габсбурги не сумели воспользоваться сложившейся обстановкой. Они традиционно полагались прежде всего на свою наемную армию. Дунайские княжества и Трансильванию (не говоря уже о покоренных османами народах Балкан) Габсбурги рассматривали не как союзника в совместной борьбе, а прежде всего как объект своей экспансии — и политической, и религиозной (насаждение католицизма на землях с православным и протестантским населением). Убийство по приказу австрийского командующего в 1601 г. валашского господаря Михая Храброго, чья политическая самостоятельность вызвала опасения Габсбургов, — может быть, наиболее яркий пример истинного их отношения к балканским народам и их политическим деятелям. Этими же мотивами, по существу, объяснялось и отношение Тайного совета императора Рудольфа II к Российскому государству в годы Долгой войны. Обращаясь с постоянными просьбами о финансовых субсидиях на войну с османами (в 1595 г. такая помощь была действительно оказана), австрийское правительство вовсе не стремилось привлечь Россию в ряды антитурецкой коалиции. В качестве такого союзника в Вене и Риме охотно видели бы Речь Посполитую, где именно в 90-х годах политика Контрреформации резко усилилась. Однако император был намерен сохранить контроль над всеми освободившимися от османов балканскими землями; это вряд ли могло побудить правительство Речи Посполитой к участию в войне, тем более что на предсеймовых сеймиках, а затем и на сейме 1597 г. выяснилось, что в своей основной массе господствующий класс Речи Посполитой выступает за сохранение мира с османами. Правительство этого государства с середины 90-х годов пыталось, используя конфликт двух мощных соперников, усилить собственные политические позиции на Балканах (в Молдавии и Трансильвании).

Не понимая в достаточной мере, что успехи в борьбе с османами достигнуты благодаря внутреннему ослаблению Османской империи, австрийские Габсбурги к концу 90-х годов XVI в. стали явно переоценивать свои возможности. Это выразилось в переходе к политике усиленного насаждения католицизма и на территории собственных держав, не считаясь с протестантскими сословиями, и на балканских землях, вышедших из-под власти османов. Особенно активно такая политика проводилась в протестантской Трансильвании, в начале XVII в. фактически оккупированной наемным войском Габсбургов: в результате в 1604 г. вспыхнуло антигабсбургское восстание во главе с Бочкаи, приведшее к неблагоприятному для Габсбургов изменению в соотношении сил (была восстановлена вассальная зависимость Трансильвании от османов). Начался внутривнутриполитический кризис в центральноевропейских владениях Габсбургов, где протестантские сословия стали выступать против их религиозной политики, стремясь положить конец войне, продолжение которой в представлении основной оппозиции могло принести выгоды лишь Габсбургам и папству.

К началу XVII в. обе сражающиеся стороны оказались не в состоянии продолжать войну. Заключенный в ноябре 1606 г. мир между Габсбургами и Османской империей восстанавливал статус-кво, однако Габсбурги освобождались от обязательства платить дань туркам. Впервые за длительную историю османско-габсбургской борьбы было заключено соглашение, содержавшее серьезные уступки османов. Период постоянной ос-

манской экспансии в Европе закончился. Символическим, но ярким свидетельством происшедших перемен было признание по мирному договору Рудольфа II «Римским императором», а не «венским королем»: ранее титул «кайсар-и-Рум» входил лишь в титулатуру султана.

В сферу международных отношений, затрагивавших интересы стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, в конце XV — первой половине XVI в. были вовлечены и королевства Северной Европы. Лежавшие на самом севере Европы скандинавские государства долгое время стояли в стороне от конфликтов, потрясавших другие регионы Европы XIV — XV вв.

Повышенное внимание скандинавских государств к политическому положению на Балтике вызывалось тем, что с середины XV в. стало очевидным ослабление государственных объединений, возникших в процессе завоеваний Восточной Прибалтики немецкими рыцарскими орденами, а под их контролем находилась значительная часть балтийского побережья. Строго централизованная военная организация орденских государств, сложившаяся в период завоевания, в XIV — XV вв. постепенно разложилась. Многочисленные богатые города и сословные организации вассалов — ленников орденов требовали сословных привилегий, самоуправления, участия их представителей в суде вместе с орденскими властями, наконец, претендовали и на то, чтобы без них не принимались важнейшие общегосударственные решения. Во владениях Тевтонского ордена конфликт принял очень острые формы. В 1454 г. объединение сословий — Прусский союз — подняло восстание против Ордена и признало своим государем польского короля Казимира IV. После Тринадцатилетней войны Польши с Тевтонским орденом (1454—1466 гг.) значительная часть его владений, прежде всего захваченное Орденом в начале XIV в. польское Восточное Поморье вместе с нижним течением Вислы, снова вошла в состав Польского королевства. Внешнеторговые связи Польши были освобождены от ограничений, налагавшихся Тевтонским орденом.

По миру 1466 г. Орден сохранил за собой восточную часть своих прежних владений как вассал польского короля. Однако с начала XVI в. grosмейстер Ордена, избиравшиеся в это время из виднейших немецких княжеских династий при поддержке немецких князей и Империи, пытались освободиться от зависимости и вернуть себе утраченные земли. Grosмейстер Альбрехт Гогенцоллерн, близкий родственник бранденбургских курфюрстов, вел трехлетнюю войну с Польшей (1519—1521 гг.), но не смог нанести этому государству серьезный ущерб, а помощь германских союзников оказалась недостаточной. Ему лишь удалось превратить Орден в светское протестантское княжество — герцогство Прусское, по договору 1525 г. признанное леном польского короля. Польше были обеспечены довольно широкие возможности для вмешательства во внутреннюю жизнь княжества, а наследование лена ограничивалось узким кругом потомков и братьев Альбрехта. Договор 1525 г. создавал определенную основу для инкорпорации в будущем княжеской Пруссии в состав Польского королевства.

Краковские соглашения 1525 г. имели определенное значение и для Восточной Европы, создавая благоприятные условия для торговли в Кенигсберге подданных польского короля Сигизмунда I из Великого княжества Литовского. В целом, однако, в этом ареале и в первой половине XVI в. сохранялось традиционное положение вещей. Правда, с развитием экономических связей с конца XV в. стала заметно расти активность русского, литовского и белорусского купечества (и феодалов Великого княжества Литовского, также начинавших участвовать в торговле продуктами сельского хозяйства). В первой половине XVI в. уже не немецкие купцы ездили за товаром в Ригу и Полоцк, а купцы из России и Великого княжества Литовского везли свои товары в прибалтийские порты, но здесь

для них были закрыты и дальнейший путь «за море», и возможность заключать сделки на месте с западноевропейскими купцами и прямо у них покупать их товары. Политику ливонских городов поддерживал Ливонский орден — государство, на территории которого находились основные порты Восточной Прибалтики; откровенно враждебный по отношению к России, Орден систематически препятствовал провозу в Россию цветных металлов и оружия, не пропускал нужных русскому правительству специалистов.

Стремление устранить эти барьеры, установить непосредственные связи со странами Западной Европы стало занимать в первой половине XVI в. все более видное место в политике Великого княжества Литовского и Российского государства по отношению к Ливонскому ордену, военно-политическая слабость которого становилась очевидной. В первой половине XVI в. Ливонский орден представлял собой довольно рыхлую федерацию, состоявшую из владений епископов, самоуправляющихся городов и земель собственно Ордена, в которых все большую роль начинали играть не орденские власти, а крупные вассалы-ленники, добившиеся права наследования ленов, что серьезно ослабило военную организацию Ордена. Постоянные внутренние конфликты еще более обострились, когда значительная часть горожан и рыцарства приняла лютеранство, что было несовместимо с самим существованием Ордена как важного учреждения католического мира. Подобное государство не могло безнаказанно вести политику, ущемлявшую интересы соседей. Король польский и великий князь Литовский Сигизмунд II при содействии своего ленника Альбрехта пытался утвердить своего ставленника на кафедре рижского архиепископа, рассчитывая в дальнейшем поставить под контроль и Ригу. Иван IV и его советники добивались от Ордена отмены ограничений на ввоз товаров в Россию и права свободной торговли с иностранными купцами для русского купечества. Оба государства прибегали к открытому давлению, вплоть до военного, и добились заключения соглашений, удовлетворивших в значительной мере их требования. Однако, смирившись с притязаниями Сигизмунда на влияние в Риге, власти Ордена и ливонские города соглашения с Россией не выполняли. С попыток русского правительства военной силой принудить Орден к их соблюдению началась в 1558 г. Ливонская война.

На первом этапе это была война Российского государства с Ливонским Орденом. Довольно скоро обнаружилась неспособность разных частей этого государственного объединения к согласованным действиям. Критическое положение Ордена усугублялось восстаниями местного покоренного крестоносцами населения — латышей и эстов. Слабость Ордена открывала русскому правительству возможность установить прямую власть над теми балтийскими портами, через которые осуществлялись торговые связи России со странами Западной Европы. 11 мая 1558 г. русские войска заняли Нарву, на несколько десятилетий ставшую первым русским портом на Балтике; летом 1558 г. воеводы предлагали и Tallinnu перейти в русское подданство. Русское правительство предлагало мир и властям Ордена при условии, если он перейдет под русский протекторат. Однако ливонские города упорно стремились сохранить свою монополию на посредничество, не хотели соглашения с Россией и феодалы.

Выход искали в отдаче Ордена «под протекцию» польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда II. После разгрома главных сил Ордена русскими войсками в битве под Эргеме (1560 г.) его верхушка объявила по договору 1561 г. о роспуске Ордена, земли которого должны были стать совместным владением Великого княжества Литовского и Польши, хотя последняя в соглашении не участвовала. Под властью Ягеллонов немецкие феодалы Ливонии надеялись сохранить свои сословные права и привилегии. Еще до этого события, знаменовавшего конец Ливон-

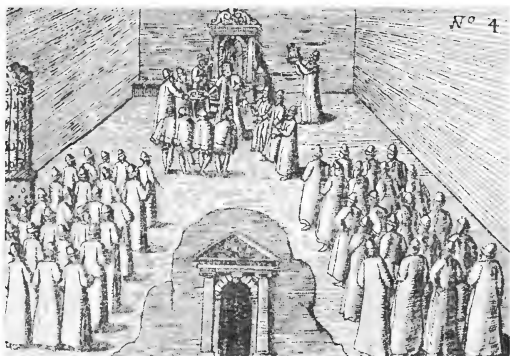
ского государства, Дания заняла в 1559 г. о-ва Хиума и Сааремаа и выступила с притязаниями на некоторые земли Ордена, лежавшие на материке, а в 1561 г. Таллинн перешел под власть шведского короля Эрика XIV. Владения Ордена фактически поделили четыре государства. Война России с Ливонским орденом превратилась в крупный международный конфликт, в который втянулся ряд государств Северной, Центральной и Восточной Европы.

Цели этих стран были различными. Скандинавские страны стремились завладеть балтийскими портами, обеспечить себе монополию на эксплуатацию торгового посредничества в товарообмене между разными регионами Европы. Острое соперничество между датским и шведским правительствами уже в 1563 г. привело к войне, завершившейся в 1570 г. миром в Щецине, не принесшим преимуществ ни одной из сторон.

Иными мотивами руководствовалось Великое княжество Литовское. Здесь решающую роль играла заинтересованность литовских и белорусских феодалов в свободной продаже продуктов своих поместий западноевропейским купцам. Властям Великого княжества, несмотря на заключение Виленского договора, пришлось выдержать долгую и напряженную борьбу с Ригой за овладение устьем Западной Двины, что объективно не противоречило стремлению Российского государства контролировать торговый путь, шедший на запад по побережью Финского залива. Не сталкивались интересы обеих стран и на международном рынке — Россия в XVI в. не экспортировала ни хлеб, ни лесные товары — главные предметы сбыта белорусских, литовских и польских феодалов. Однако на отношения обеих держав сильнейший отпечаток накладывал конфликт из-за белорусских и украинских земель. Правительство Великого княжества не желало допустить усиления России с ее выходом к Балтийскому морю. Его пугали быстрое развитие нарвской торговли, непосредственный контакт русских купцов с западноевропейскими. Поэтому оно выступило с притязаниями на все наследие Ордена и прилагало усилия для блокады Нарвы.

Политики из окружения Сигизмунда II стремились к власти над Северной Эстонией, чтобы подчинить своему контролю торговые пути, ведущие в Россию. Столкнувшись с трудностями в достижении этой цели, Сигизмунд II и его советники проявили готовность добиваться своего даже ценой ослабления иных важных позиций, завоеванных Ягеллонами на Балтике. По соглашению 1563 г. в обмен на поддержку со стороны бранденбургского курфюрста в Ливонии правящая в Бранденбурге линия Гогенцоллернов приобрела права наследования прусского престола в случае пресечения потомства Альбрехта; этим были созданы предпосылки для будущего объединения Бранденбурга и Пруссии в единое государство, ставшее одним из самых опасных врагов Польши. Такая политика сделала войну между Россией и Великим княжеством Литовским неизбежной.

В этой войне русскому правительству удалось разъединить действия противников и, заключив мирные соглашения с Данией и Швецией, сосредоточить силы на войне с Сигизмундом II, оказавшимся в конфликте со шведским королем Эриком XIV. Уже в самом начале военных действий проявилось явное превосходство русской военной организации, ее умение быстро сосредоточить крупные людские и материальные ресурсы. В 1563 г. русские войска заняли Полоцк — это был крупный шаг вперед по пути к воссоединению белорусских земель и одновременно сильный удар по позициям Великого княжества: путь в Балтийское море по Западной Двине был перерезан. Но позднее международное положение изменилось неблагоприятным для Российского государства образом. Возникла угроза прямого вмешательства Польского королевства в произошедший конфликт. В критическом положении литовские магнаты обратились за помощью в Польшу. Русская политика объединения всех восточнославянских земель в одном государстве затрагивала также интересы польских феодалов, под

*Утверждение Иваном Грозным русско-датского договора
(крестное целование). Гравюра XVII в. из книги Я. Ульфельдта.*

властью которых с XIV в. находилась значительная часть украинских земель. Стесненное положение Великого княжества давало возможность польским феодалам осуществить их собственные политические планы: с конца XIV в. польские феодалы стремились лишить его политической самостоятельности и открыть себе возможности для колонизации белорусских и украинских земель, входивших в его состав. До сих пор такие попытки наталкивались на упорное сопротивление господствующего класса Великого княжества. Теперь успеху этих планов способствовали надежды литовской шляхты, что политическое сближение с Польшей позволит ей ограничить власть магнатов и приобрести такое же политическое влияние, каким располагала польская шляхта. По Люблинской унии 1569 г. Польша и Великое княжество Литовское объединились в одно государство — Речь Посполитую, однако при формальном равноправии сторон ведущая роль принадлежала польским феодалам. Великое княжество утратило украинские земли, вошедшие непосредственно в состав Польского королевства, которое стало соседом Российского государства. С продолжением войны в ней теперь неизбежно должна была принять участие уже не только вспомогательными отрядами, но и своими основными силами Польша, что резко меняло соотношение сил не в пользу России.

Непрочными оказались и мирные отношения со Швецией. Овладев Таллинном, Швеция намеревалась и далее использовать свои преимущества на торговом пути, ведущем из России на Запад. С конца 60-х годов шведское правительство начало блокаду Нарвы, а затем пошло на фактическое сотрудничество с Речью Посполитой. Серьезные противоречия между польско-литовскими и шведскими феодалами в Прибалтике к концу 70-х годов XVI в. отступили перед их общей заинтересованностью в ослаблении России. В противовес русская дипломатия пыталась сблизиться с Данией. Иван IV и его советники рассчитывали на поддержку датской стороны, пытаясь создать на Балтике собственный флот для защиты от каперов плывущих в Нарву торговых судов. Однако Дания на это не пошла; к концу 70-х годов она использует затруднения русского правительства и стремится ус-

становить контроль над успешно развивавшейся на Белом море торговлей Российского государства со странами Западной Европы.

Наличие серьезной опасности со стороны османов и Крыма заставляло русское правительство постоянно держать на юге значительные силы, что влияло на ход войны в Ливонии. Швеции такая опасность не угрожала, а традиционные мирные отношения Речи Посполитой с Османской империей были упрочены выбором на польский трон в 1576 г. вассала султана — трансильванского воеводы Стефана Батория.

Воздействие всех этих факторов предопределяло неудачный для России исход Ливонской войны. Развязка была лишь отсрочена пресечением со смертью польского короля Сигизмунда II династии Ягеллонов (1572 г.). До 1576 г. в Речи Посполитой наступило «бескоролевье», во время которого она не могла проявлять внешнеполитической активности, а Иван IV оказался одним из главных претендентов на опустевший польский трон. Активная поддержка его кандидатуры значительной частью польской шляхты имела серьезные основания. Условия, которые польские политики намерены были поставить будущему правителю, свидетельствуют о нарастании экспансионистских тенденций в восточной политике польских феодалов после заключения Люблинской унии и подчинения Великого княжества их политическому руководству. Избрание Ивана IV по их замыслам должно было привести мирным путем к политическому подчинению Российского государства и открытию его границ для польской феодальной колонизации. Русское правительство, пытаясь обеспечить Ивану IV польский трон, добивалось благоприятного для России решения балтийского вопроса, союза обоих государств против османов, а также укрепления связей России с белорусским и украинским населением Речи Посполитой. Интересы сторон столкнулись, и господствующий класс Речи Посполитой отказался от поддержки русского претендента. Новый польский король Стефан Баторий возобновил в 1578 г. войну в неблагоприятной для России международной ситуации.

Баторий и его советники ставили своей целью не только вытеснение Российского государства из Ливонии, но и захват русских земель. Рассчитывая использовать недовольство части русского общества внутренней политикой Ивана IV, польский король безуспешно призывал русские сословия к восстанию против своего монарха. Героическая оборона Пскова, задержавшего под своими стенами в 1581 г. королевскую армию, заставила Батория отказаться от столь широких планов, но Полоцк и земли в Ливонии Россия утратила. Во время осады Пскова шведы сумели захватить Нарву. Владения Ливонского ордена поделили Речь Посполитая и Швеция. Большая часть Ливонии (вся Латвия и значительная часть Эстонии) отошла к Речи Посполитой. Власть польских королей к началу 80-х годов XVI в. распространилась на значительную часть балтийского побережья, но отсутствие у них большой постоянной армии и, главное, военного флота, к созданию которого польско-литовские феодалы даже не стремились, делало позиции этой державы на Балтике очень уязвимыми. Не была достигнута одна из главных целей польско-литовских феодалов в войне с Россией. Северная Эстония с городом Таллинном, через которую проходили торговые пути из России на Запад, оказалась под властью Швеции, что гарантировало шведской казне большие финансовые поступления и давало в распоряжение шведских феодалов удобных плацдарм для установления своего господства на балтийских торговых путях.

Крупнейшие религиозно-политические конфликты, потрясавшие страны Западной Европы, затрагивали и другие регионы Европы. Официальная политика Филиппа II Испанского и его сына, направленная на насильственное подавление протестантизма, более всего сказывалась на политике их ближайших союзников и родственников — австрийских Габсбургов. Испанские правители при поддержке папской курии способствовали

и в своих владениях и за их пределами — в Империи — насаждению католицизма, хотя в Империи, где власть императора была ограничена и он нуждался в согласии протестантских князей для получения субсидий на войну с османами, она не могла проявляться в острых формах. Свободу действий австрийских Габсбургов ограничивала и сильная протестантская оппозиция в их собственных владениях. Поэтому из тактических соображений императоры Австрийского дома предпочитали предоставлять инициативу правителям Баварии. Именно под эгидой этих правителей, также тесно связанных с Испанией и папством, действовали созданные орденом иезуитов антипротестантские центры. Стремясь разьединить противников, прогабсбургский лагерь в Германии избрал объектом нападения прежде всего кальвинистов, на которых формально не распространялись условия Аугсбургского религиозного мира. От насильственного подавления некаатолических меньшинств в собственных владениях католические князья стали постепенно переходить к попыткам рекатолизации отдельных политических центров и за их пределами. В 1607 г. войска Максимилиана Баварского оккупировали имперский город Донауверт за преследования местных католиков. В ответ в 1608 г. образовалось политическое объединение кальвинистских князей Прирейнской Германии — Евангелическая уния. Находившееся под патронатом Генриха IV объединение после его смерти стремилось всячески укреплять контакты с Голландией и Англией. Вслед за образованием унии в 1609 г. образовалась Католическая лига — союз духовных и светских князей Южной и Юго-Западной Германии во главе с Максимилианом Баварским. Австрийские Габсбурги не вступили в лигу, но установили с ней самые тесные связи, а испанское правительство оказывало ей прямую поддержку. Хотя в самой Германии явный перевес сил был на стороне католиков, у Евангелической унии обнаружались союзники в центральноевропейских державах Габсбургов.

Поворот Габсбургов к политике Контрреформации вызвал соответствующую реакцию местного протестантского дворянства. Уже в период внутриполитического кризиса 1606—1608 гг. протестантские сословия Австрии и земель Чешского королевства, выступая против религиозной политики Габсбургов, искали поддержки у протестантских курфюрстов и главы Евангелической унии — курфюрста Пфальцкого. Обсуждался вопрос о заключении тайного соглашения для совместной борьбы против Габсбургов. Тем самым не только австрийские Габсбурги, но и значительная часть княжеств Германии в начале XVII в. оказались вовлеченными в складывавшуюся в Европе систему внешнеполитических союзов; заняли определенное место в этой системе и протестантские сословия.

Новым явлением европейских международных отношений того времени стало также изменение взаимоотношений Речи Посполитой с Габсбургами. Отношения эти носили достаточно сложный и противоречивый характер, моменты сотрудничества и сближения перемежались периодами довольно острых разногласий, в частности в ходе Ливонской войны. Объявленная императором Фердинандом I блокада Российского государства, начавшего войну с Ливонским орденом, отвечала интересам польских и литовских феодалов. Но притязания Габсбургов на признание их верховной власти над Ливонией, как частью Империи, не могли встретить понимания ни в Вильне, ни в Кракове. Заметно расходилась и политика Речи Посполитой и Габсбургов по отношению к Османской империи. На польский трон был избран враждебный Габсбургам правитель Трансильвании.

К концу XVI в. трения стали сменяться тесным политическим сотрудничеством. Польский король Сигизмунд III (1587—1632), сын шведского короля Юхана III, получивший польскую корону благодаря родству с Ягеллонами, был фанатичным католиком. Современники называли его «Филиппом II Севера», хотя он не обладал огромными ресурсами правителя Испании. Попытки Сигизмунда III при поддержке части аристократии

подготовить реставрацию католицизма в Швеции натолкнулись на мощное сопротивление шведского общества и закончились полной неудачей и низложением его со шведского трона. В Речи Посполитой, где Сигизмунд III пытался под предлогом борьбы с еретиками укрепить свою власть, его политика также вызвала серьезное недовольство дворянства, особенно протестантского. И в борьбе с недовольными подданными, и в попытках вернуть шведский трон Сигизмунд III искал поддержки Габсбургов. Намечавшееся сближение, скрепленное браками Сигизмунда III с сестрами будущего императора Фердинанда II, было оформлено в соглашении о союзе, заключенном в 1613 г. между Сигизмундом и императором Матвеем; оно предусматривало, в частности, взаимную помощь монархов в случае востания их подданных.

Династической политики правителя, власть которого была сильно ограничена, было бы недостаточно, чтобы изменить внешнеполитическую ориентацию огромной страны. Однако планы насаждения воинствующего католицизма в стране (правда, без каких-либо изменений ее политического строя) именно на рубеже XVI—XVII вв. получили поддержку мощных и влиятельных группировок господствующего класса Речи Посполитой. До сих пор остается не вполне ясным, что побудило эти группировки, отказавшись от традиционных воззрений междворянской веротерпимости, перейти на позиции решительной поддержки Контрреформации. По-видимому, католицизм импонировал основной массе дворянства как старая, традиционная вера, освещающая старый, традиционный строй. Поэтому утверждение Контрреформации, вероятно, не случайно совпало с сознательной консервацией социального и политического строя страны, проводившейся магнатами. Весьма существенно, что воинствующий католицизм в представлении польских политиков был идейной силой, способной создать успешные условия для восточной экспансии Речи Посполитой.

Одним из первых проявлений новой ориентации стала осуществленная при участии некоторых православных епископов и под прямым давлением правительства уния православной и католической церквей на территории Речи Посполитой (1596 г.), за которой последовали репрессии против масс православного украинского и белорусского населения, отказавшихся принять унию. Действия эти явно должны были не только содействовать упрочению католицизма на белорусских и украинских землях Речи Посполитой как господствующей религии, но и создать благоприятные условия для экспансии католицизма далее на восток, на русские земли. Эти шаги, совпавшие с массовым переходом белорусских и украинских феодалов в католицизм и их колонизацией, имели весьма важные и далеко идущие последствия, хотя и не соответствовавшие расчетам политиков. Фактически они содействовали смягчению в украинском и белорусском обществе национальных, социальных и религиозных противоречий и явились толчком для развития национально-освободительного движения, первые организационные формы которого возникли именно в ходе борьбы против унии. Уже в конце XVI в. братства украинских горожан, выступая против унии, стали искать поддержки в Москве у русского правительства. Ставка на воинствующий католицизм неизбежно вела к сотрудничеству с главной силой реставрации католицизма в Европе — Габсбургами. Соглашение Сигизмунда III с Габсбургами в 1613 г. скоро превратилось в их соглашение с Речью Посполитой — в 1615 г. договор о союзе был ратифицирован польским сеймом.

Изменение международной ориентации Речи Посполитой накладывало отпечаток и на политику ее соседей, вызывая, в свою очередь, перемены в их международной ориентации. В 1600 г. началась война между Швецией и Речью Посполитой за передел бывших владений Ливонского ордена: эта война, будучи продолжением прежнего шведско-польского спора, скоро приобрела характер и религиозного конфликта. Успехи шведов

на первых порах были связаны с переходом на их сторону лютеранского дворянства Ливонии. Речь Посполитая оказала поддержку династическим планам своего короля, пытавшегося вернуть себе власть в Швеции, опираясь на прокатолические общественные группы. Шведское правительство представляло свою откровенно захватническую политику в Прибалтике как необходимую меру противодействия угрожающей Швеции католической реакции, чтобы получить значительные субсидии на продолжение войны у представителей бюргерства и крестьян на шведских риксдагах. Сигизмунд III искал поддержки своим планам похода на Швецию не только у австрийских, но и у испанских Габсбургов (обсуждался, в частности, проект посылки испанского флота на Балтийское море); в ответ шведское правительство сблизилось с протестантскими державами — противниками Габсбургов, подписав в 1612 г. договор о союзе с Голландией.

Превращение Речи Посполитой в орудие упрочения и расширения католицизма привело к тому, что ее действия в Восточной Европе все более привлекали внимание европейских государств. В начале XVII в., в годы первой крестьянской войны в России, польско-литовские феодалы, стремясь к полному подчинению Российского государства, вмешались в русские внутренние дела и поддержали Лжедмитрия I, обещавшего крупные уступки (включая отказ от ряда пограничных областей) в пользу Речи Посполитой. Затем с ведома Сигизмунда III отряды польской шляхты разоряли русские земли, поддерживая притязания Лжедмитрия II. В 1609 г. началась открытая интервенция — Сигизмунд III перешел границу и осадил Смоленск. В 1610 г. польские войска, используя страх боярства перед народным движением, заняли Москву и подчинили своему контролю боярское правительство. Шведы захватили значительную часть Новгородской земли вместе с Новгородом (1611 г.). Русские ополчения положили конец успехам интервентов и освободили Москву (1612 г.), русская государственность была восстановлена. Ослабленное многолетней войной, Российское государство было вынуждено по миру в Столбове (1617 г.) уступить Швеции новгородские пригороды на побережье Финского залива, что означало окончательное закрепление шведского контроля над путями, ведущими из России на Запад. По миру в Деулине (1618 г.) к Речи Посполитой отошли значительная часть Северной земли и Смоленщина. Однако главная стратегическая цель достигнута не была — Россия оставалась единым самостоятельным государством.

Официальная политика Речи Посполитой этих лет была прямым продолжением более ранних попыток подчинить Российское государство своему влиянию. Однако были налицо и принципиально новые моменты — прежде всего гораздо большая роль теперь отводилась насилию, принуждению (а не политическому соглашению). Обосновывавшие правительственную политику публицисты указывали в качестве идеального образца на деятельность испанских конкистадоров на территории Америки. Одной из целей государственной политики было открыто провозглашено распространение католицизма. Самому выступлению Сигизмунда III был придан характер крестового похода, участникам которого папа обещал отпущение грехов. Сообщения об успехах польско-литовских войск в России вызвали в протестантской Европе, во всем формирующемся антигабсбургском лагере нескрываемую тревогу. И в публицистических произведениях, и в письмах протестантских политиков этих лет неоднократно повторялась мысль, что подчинение России власти Сигизмунда III явится прологом к попыткам реставрации католицизма на Скандинавском полуострове и к наступлению на протестантизм в общеевропейском масштабе. Эта реакция на политику Речи Посполитой не осталась незамеченной в Москве, о чем достаточно ясно говорят действия русской дипломатии в первые годы правления царя Михаила Федоровича. Направляя в 1617—1618 гг. посольства в Англию, Данию и Голландию, русское правительство ис-

пользовало именно приведенные выше соображения, убеждая правительства этих стран оказать Российскому государству военную и финансовую помощь против Речи Посполитой. Русское правительство тем самым определяло и свое место в складывавшейся в Европе системе политических союзов. Намечившаяся здесь тенденция к сближению России с державами антигабсбургского лагеря получила дальнейшее развитие в годы Тридцатилетней войны.

Глава 3

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Тридцатилетняя война была порождена противоречиями исторического развития Европы, в первую очередь Германии; многие из этих противоречий имели общеевропейскую значимость, что и втянуло ряд государств в разгоревшийся конфликт.

Наряду с бросавшейся в глаза — преимущественно в первые годы войны — религиозной борьбой важную роль играли противоречия между династией Габсбургов и чешским, австрийским и венгерским дворянством, отношения немецких князей и городов с императорской властью и друг с другом. Не прекращались испано-французская борьба за гегемонию в Европе, англо-испано-голландские противоречия, в которых вопрос о судьбе Нидерландов переплетался с вопросом о господстве на морях и в колониях. Продолжались польско-шведско-датско-русское соперничество на Балтике, усилия России вернуть утраченные в недалеком прошлом земли, борьба за преобладание на территории разделенного Венгерского королевства.

Обычно выделяют четыре основных этапа Тридцатилетней войны. Чешский, или чешско-пфальцский, период (1618—1623 гг.) начинается с восстания в чешских, австрийских и венгерских владениях Габсбургов, поддержанного Евангелической унией немецких князей, Трансильванией, Голландией (Республикой Соединенных провинций), Англией, Савойей. С помощью Лиги католических князей, римского папы, Польши, Саксонии, Тосканы и Генуи Габсбурги подавили восстание и разгромили Евангелическую унию.

В датский период (1624—1629 гг.) против Габсбургов и Лиги выступили северогерманские князья, Трансильвания и Дания, поддержанные Швецией, Голландией, Англией и Францией. Он закончился занятием Северной Германии войсками императора и Лиги и выходом Трансильвании и Дании из войны.

В течение шведского периода (1630—1634 гг.) шведские войска вместе с примкнувшими к ним немецкими князьями и при поддержке Франции заняли большую часть Германии, но затем потерпели поражение от объединенных сил императора, испанского короля и Лиги.

В последний — франко-шведский — период (1635—1648 гг.) в открытую схватку с Габсбургами вступила Франция. Борьба шла до обоюдного истощения сторон.

Одновременно Франция и Испания вели между собой войны в Италии и Фландрии, Англия воевала с Францией и Испанией, голландцы изгнали англичан из Индонезии, Швеция воевала против Польши, Польша — против России. С 1621 по 1648 г. продолжалась испано-голландская война, в 1643—1645 гг. шла датско-шведская война. В 1640 г. началась война между Испанией и Португалией, не закончившаяся, как и франко-испанская, к моменту прекращения Тридцатилетней войны.

Летом 1617 г. бездетный император Матвей принудил чешский сейм признать в качестве будущего чешского короля своего племянника эрцгерцога Фердинанда Штирийского — воспитанника иезуитов, известного гонителя протестантов и приверженца идеалов абсолютной власти.

23 мая 1618 г. в обстановке ширившегося в стране возмущения оппозиционные дворяне во главе с графом Турном явились в помещение Чешской канцелярии (правительства) и выбросили из окон в ров королевских наместников Славату и Мартиница и их секретаря Фабриция; все трое вскоре бежали из страны.

Так произошла знаменитая «Пражская дефенестрация», с которой началась Тридцатилетняя война. Восставшие сформировали войско для защиты страны и избрали в качестве правительства директорию, направившую в соседние земли и иностранные государства просьбу о поддержке. Осенью того же года 15 000 имперских солдат во главе с бельгийцем Бюкуа и лотарингцем Дампьером вступили в Чехию, разоряя ее юго-восточные районы. Евангелическая уния договорилась с Венецией и Савойей, взявшими на себя большую часть расходов, и направила в Чехию графа Мансфельда с 2000 солдат, которые осадили и после трехкратного штурма взяли город Пльзень на западе страны, поддерживавший Габсбургов против директории. В октябре 1618 г. к главным чешским силам во главе с графом Турном (позже его сменил граф Гогенлое) присоединился трехтысячный силезский отряд. Дампьер был разбит и бежал к границе, Бюкуа отошел на юг в Ческе Будеевице — город, остававшийся, как и Пльзень, верным императору.

До весны 1619 г. чешские повстанцы объявляли себя лояльными подданными императора, выступающими против злоупотреблений его чиновников. 20 марта Матвей умер; чешский сейм отказался признавать Фердинанда королем Чехии. Турн двинулся в Моравию, которая примкнула к восстанию. В июле 1619 г. Турн, поддержанный дворянством Австрии, подступил к Вене, Фердинанд упорно сопротивлялся, Мансфельд и Гогенлое были разбиты под Ческе Будеевице, и Турну пришлось идти им на выручку. На юге и западе Чехии велись затяжные бои с переменным успехом.

В августе 1619 г. чешский сейм избрал королем Чехии пфальцграфа Рейнского курфюрста Фридриха V, главу Евангелической унии и зятя английского короля, от которого чехи ожидали помощи. В конце 1619 г. на Вену двинулся с крупными силами трансильванский князь Габор Бетлен, задумавший воспользоваться затруднениями Габсбургов и отобрать принадлежавшую им часть Венгрии. Войскам Габсбургов пришлось снова сражаться на подступах к Вене. В трудный для них момент венгерский магнат Другет Гомонаи, враг Бетлена, ударил ему в тыл во главе отрядов на вербованной с согласия польского короля шляхты и заставил Бетлена отойти от Вены.

Тем временем Габсбурги добились решающих дипломатических успехов. Соперничавшие друг с другом протестантские курфюрсты не сумели предотвратить избрание Фердинанда императором. Бавария и Саксония обещали принять участие в подавлении восстания. За это герцогу Максимилиану были обещаны владения Фридриха Пфальдского и его курфюршеский сан, а также право оккупировать Верхнюю Австрию, пока Бавария не получит возмещения военных издержек. Саксонскому курфюрсту были обещаны Силезия и Лужица.

Испания прислала Фердинанду 7000 неаполитанских солдат, удвоил свою субсидию папа, раскошелились Тосканское герцогство и Генуя. В антигабсбургском лагере усиливался разброд. Английский король Яков I мечтал о союзе с Испанией и вопреки настояниям парламента уклонялся от поддержки протестантов Германии и Чехии. Франция, охваченная внутренними конфликтами, видела в немецких и чешских

протестантах лишь естественных союзников бунтующих французских гугенотов. Соединенные провинции сберегали силы для приближающейся схватки с Испанией. Члены Унии, предоставленной самой себе, заключили в июле 1620 г. при англо-французском посредничестве договор с Лигой о ненападении.

Теперь Лига смогла двинуть свои войска на восток и первым же ударом привела к покорности дворянство Австрии. Затем командующий войсками Лиги Тилли при поддержке имперских войск под командой Бюкуа пошел на Прагу. На Белой горе, непосредственно перед чешской столицей, путь им преградили силы протестантов, возглавлявшиеся князем Ангальт-ским.

Утром 8 ноября 1620 г. католические войска двинулись в бой, выстроенные по системе, разработанной в XVI в. испанцами, — большими квадратными колоннами пехоты — «баталиями», или «терциями». Протестантская армия не выдержала и обратилась в бегство.

В чисто военном отношении для Чехии не все было потеряно. В то время даже небольшие силы могли выдерживать длительную осаду в укрепленных городах со стороны численно превосходящего противника. Если бы Прага решилась на борьбу, католические войска, и без того уже потерявшие от невзгод осеннего похода более половины своего состава, оказались бы в разгар зимы в разоренной и враждебной стране. В случае же потери Праги борьбу могли бы продолжать гарнизоны на юге и западе Чехии. В руках сторонников короля Фридриха оставались еще Моравия и Силезия. 8 тыс. солдат, посланные Бетленом, находились в 20 милях от Праги.

Но белогорское поражение сломило дух повстанцев. Король Фридрих, Ангальт, Турн бежали за границу, большинство же сдалось на милость победителей. Репрессии превзошли все ожидания. 21 июля 1621 г. в Праге были казнены 27 руководителей восстания, в том числе комендант Пражского замка католик Чернин, ректор университета Ян Есенский, выполнявший дипломатические поручения директории и короля Фридриха. Владения многих чешских и моравских дворян были распроданы для покрытия расходов императора. Вместе с протестантской религией преследовалась национальная чешская культура, сжигались чешские книги, хотя чешский язык и оставался официальным. Многие представители чешской интеллигенции, в том числе известный педагог и философ Ян Амос Коменский, историк Павел Скала, публицист Павел Странский, бежали из страны.

Католические государи Германии принялись сводить старые счета с протестантами, тем более что осенью 1620 г. под предлогом восстановления власти императора в Нижнем Пфальце на Рейн явился испанский полководец Спинола с 25 000 солдат.

Осенью 1621 г. возобновилась война между испанцами и голландцами. Из Чехии на Рейн пробился со своим отрядом Мансфельд. К нему примкнул молодой епископ Гальберштадтский Христиан, младший брат герцога Брауншвейгского, грабивший католические храмы и монастыри на северо-западе Германии. Христиан Гальберштадтский, Мансфельд и им подобные военачальники превратили солдатские грабежи в систему самоснабжения войск, не располагавших помощью со стороны государства.

В январе 1623 г. император торжественным актом лишил Фридриха Пфальцкого его владений и передал его курфюршеский сан Максимилиану Баварскому. Тилли, разбив протестантов, вступил в Северную Германию. Англия, Франция, Нидерланды, Швеция и Дания серьезно обеспокоились, считая, что мощь Габсбургов недопустимо выросла. Весной 1625 г. против Тилли выступил датский король Христиан IV. Мансфельд и Христиан Гальберштадтский сразу же встали под его знамена. Однако большинство протестантских князей Германии воздержались от присоединения к датчанам. Франция была занята борьбой с гугенотами, которых поддер-

живали и англичане, и испанцы, голландцев теснил Спинола, овладевший 23 апреля 1625 г. важной крепостью Бреда.

В середине лета датского короля встретила новая имперская армия, на- вербованная и возглавленная моравским дворянином Валленштейном, вы- двинувшимся во время подавления восстания в Чехии и Моравии. Вместе с Тилли он разбил Мансфельда и датчан. Бетлен запросил мира.

Валленштейн намеревался превратить Германию в централизованную великую державу с сильным морским флотом. Не считаясь с князьями, он размещал в их владениях войска, налагал контрибуцию, взимал налоги, раз- гонял местную администрацию. Конфискованное герцогство Мекленбург- ское, как и герцогство Фридландское в Чехии, стали его личным владением.

В завоеванных областях и городах полным ходом шла Контрреформа- ция, изгонялись протестантские пасторы, запрещалось некаатолическое богослужение, происходили ведовские процессы. В 1629 г. император издал указ о реституции (восстановлении) прав католической церкви на имущество, захваченное протестантами с 1552 г. Предстояло вернуть 2 архиепископства и 12 епископств, не считая более мелких владений. Комиссары, назначенные императором для проведения реституции, были в большинстве своем католическими прелатами.

Валленштейн, в армии которого большинство офицеров были протестан- тами, возражал против реституции, так как она неизбежно вела к новому восстанию против императора. Даже Тилли, верность которого католицизм- у была вне сомнения, считал указ весьма несвоевременным.

Фердинанд II решил уволить Валленштейна и распустить большую часть его армии. Князья жаловались императору на генералиссимуса, действия и замыслы которого тревожили также и Испанию, не говоря уже о Франции. Иезуиты, возлагавшие прежде надежды на Валленштейна, стали его врагами с тех пор, как обнаружилось его отрицательное отноше- ние к Контрреформации. Правда, Валленштейн был готов по первому знаку императора разогнать военной силой князей, собравшихся летом 1630 г. на рейхстаг в Регенсбурге, но Фердинанду планы его генералисси- муса показались нереальными и опасными. Католическая лига уже нача- ла спланировать вокруг Франции и отказывалась признать сына Ферди- нанда наследником императорского престола. Фердинанд уступил. Уси- ливая католических князей и отталкивая половину населения страны, Контрреформация делала невозможным создание сильной централизован- ной Германии.

В это время создавалась новая коалиция для вторжения в Германию. Главную роль взяла на себя Швеция. Отобрав в конце XVI — начале XVII в. у датчан, русских и поляков ряд портов на Балтике, она готови- лась продолжать свои завоевания уже на немецкой территории. Россия собиралась выступить против Польши, чтобы вернуть утраченный не так давно Смоленск и покончить с притязаниями польской королевской семьи на московский престол, и полякам, нежелавшим оставлять свои порты шведам, пришлось все же заключить с ними перемирие.

Таким образом, шведы получили свободу рук для действий в Германии, где большая часть имперских войск уже была отведена с разоренного бал- тийского побережья на юг, а внимание государственных и военных деяте- лей было поглощено спорами о судьбе Валленштейна. Он и сам был более занят рейхстагом, чем действиями шведов.

Шведский король Густав Адольф высадился в Померании 6 июля 1630 г. Рипшель, торопивший шведов, пока в Германии росло могущество Валлен- штейна, после его отстранения опасался, что шведское вторжение снова сплотит католиков вокруг Габсбургов. Но остановить Густава Адольфа бы- ло уже невозможно.

Навстречу шведам двинулся назначенный имперским главнокомандую- щим Тилли. В марте 1631 г. он взял штурмом крепость Ней-Бранденбург,

приказав перебить весь шведский гарнизон. 20 мая 1631 г. имперский командующий Паппенгейм взял с боем большой торговый центр на Средней Эльбе — Магдебург, который отказался подчиниться, надеясь на помощь шведского короля. Город был сожжен дотла, что вызвало в Германии возмущение против имперцев и недоверие к шведам. Густав Адольф, обвинив бранденбургского курфюрста в трагедии Магдебурга, заставил его под дулами пушек, направленных на курфюршеский дворец, передать шведам свои крепости. Тилли решил таким же образом поступить с саксонским курфюрстом, но тот обратился к Густаву Адольфу, поставил под его командование свою армию и торопил с битвой, пока враг не разорил вконец его владения.

Сражение состоялось 7 сентября 1631 г. близ деревни Брейтенфельд под Лейпцигом. Тилли двинул свои силы в бой, как обычно, большими колоннами, шведы выстроились в две линии небольшими подвижными батальонами и эскадронами. Саксонцы не выдержали напора ветеранов Тилли и побежали, но Густав Адольф и Баннер, возглавлявшие правое крыло, отразили конницу Паппенгейма и благодаря большей маневренности своих сил ударили по главным силам Тилли прежде, чем те перестроились после победы над саксонцами. Тилли был ранен, его войско разбито наголову. Кое-как поправившись, Тилли поспешил на северо-запад собирать разбросанные гарнизоны. Густав Адольф не стал преследовать его по разоренной местности. Не последовал он и советам своих французских союзников идти через чешские земли прямо на Вену. В этом случае иметь дело с Тилли пришлось бы саксонцам, на которых полагаться было опасно. Король предоставил им вступить в охваченную восстаниями против Контрреформации Чехию. Саксонцы без больших усилий заняли Прагу, чешские дворяне-эмигранты возвращались в свои места, но вскоре курфюрст Иоганн Георг остановился и стал выжидать, как сложатся дела у Густава Адольфа.

Король же шел к Рейну, в земли Лиги. Города, тяжело пострадавшие от Контрреформации, открывали ему ворота. Густав Адольф, мечтая об императорской короне, держался как признанный государь Германии: принимал присягу от городов, заключал союзы с князьями, жаловал немецкие земли своим сторонникам, карал непослушных.

Тилли, собравшись с силами, теснил шведские гарнизоны в Средней Германии, когда Густав Адольф повернул на Баварию. Соединившись с курфюрстом Максимилианом, Тилли преградил шведам путь на р. Лех, притоке Дуная, лично возглавил контратаку, но был смертельно ранен.

17 мая 1632 г. Густав Адольф вступил в Мюнхен.

Господство шведского короля в соседних с Францией областях вызвало опасения Рيشелье. Не сумев стать арбитром в спорах между немецкими католиками и протестантами, изолировать Габсбургов и держать в руках шведов, Рيشелье занимал приграничные немецкие крепости, подчас под

*Густав II Адольф.
Гравюра П. Понциуса
с портрета А. Ван Дейка.
XVII в.*

носом у наступающих шведов, и по-прежнему предлагал помощь и дружбу католическим князьям.

Венский двор был в смятении. Австрийские рубежи остались без защиты, испанские союзники, связанные голландским контрнаступлением, отзывали войска со Среднего Рейна. Пришлось обратиться к Валленштейну. Тот согласился принять главное командование лишь при условии полного подчинения ему вооруженных сил Империи с правом награждать и наказывать солдат и офицеров, самостоятельно вести переговоры с противником, взимать контрибуцию и конфисковывать имущество на отвоеванной территории. Валленштейн настоял на запрещении всем членам императорской фамилии появляться в армии. Здесь распоряжался только генералиссимус, и даже император не должен был отдавать приказы генералам.

В мае 1632 г. набранная Валленштейном армия начала военные действия. Саксонцы не осмелились ей противостоять и оставили Чехию. Густав Адольф, не сумев помешать присоединению к Валленштейну баварцев, отошел к Нюрнбергу. Сдача этого города нанесла бы серьезный политический ущерб шведам; они приготовились к упорной обороне. Валленштейн тщетно пытался взять город измором; в августе Густав Адольф получил подкрепления и, в свою очередь, перешел в наступление, но после безуспешного штурма позиций Валленштейна вернулся в свой лагерь. Шведская армия по-прежнему превосходила войска других участников войны своими боевыми качествами, но бои под Нюрнбергом показали пределы ее возможности.

Чтобы заставить саксонского курфюрста порвать со шведами, Валленштейн стал разорять Саксонию.

Густаву Адольфу угрожала опасность быть отрезанным от Швеции, а также потерять базы на балтийском берегу. Король поспешил на помощь саксонцам.

В ноябре 1632 г. Валленштейн выстроил для битвы свои силы неподалеку от Люцена. Он уже отказался от неповоротливых боевых порядков, которые применял Тилли, и, подражая шведам, построил свою пехоту в десять шеренг, придав пехотным полкам легкую артиллерию, а коннице — стрелков. Однако имперцы, выступая в роли учеников шведов, не достигли их уровня.

В самом начале боя Густав Адольф был убит, но принявший на себя главное командование герцог Бернгард Веймарский овладел позициями имперцев. Смелая контратака конницы Паппенгейма, получившего смертельную рану, остановила шведов. Сражение продолжалось до темноты. Подсчитав урон, Валленштейн отошел в Чехию.

Смерть Густава Адольфа ускорила падение шведской гегемонии в Германии, хотя шведы, вне сомнения, в любом случае не смогли бы господствовать длительное время в этой стране. Даже самые незначительные союзники Швеции среди немецких князей и городов совсем не стремились стать подданными шведского короля. По мере того как открывались великодержавные планы Густава Адольфа, в протестантской Германии усиливалось недружелюбие по отношению к Швеции. После битвы при Люцене раздавались голоса, что власть Габсбургов, если они откажутся от Контрреформации за пределами своих наследственных владений, будет для Германии меньшим злом по сравнению с хищничеством шведов. Курфюрст Бранденбургский стремился вырвать из рук шведского союзника Померанию, а курфюрст Саксонский вступил с неприятелем в тайные переговоры. Бернгард Веймарский хотел использовать свои возможности главнокомандующего шведской армией, чтобы сколотить для себя в Средней Германии самостоятельное Франконское герцогство. Ришелье старался заставить протестантских князей служить Франции, а не Швеции.

Пожалуй, искреннее всех союзников Густава Адольфа оплакивал его смерть духовный глава вражеского лагеря папа Урбан VIII, отказывавшийся считать войну против шведов борьбой за веру и с нетерпением ждавший их прихода в Италию.

У Габсбургов были свои трудности, хотя шведское вторжение избавило императора от дерзких требований его католических вассалов. Разгромленная Лига теперь полностью зависела от Фердинанда II. Но непомерно возросло значение Валленштейна, защитившего габсбургские земли, его поведение внушало самые мрачные подозрения. Валленштейн вел переговоры с саксонцами, шведами и тайными представителями чешских эмигрантов, намекая на приближение часа, когда изгнанники вернутся в свои родовые владения. Ходили слухи, что Валленштейн хочет стать королем Чехии. Вену он пытался успокоить заверениями, что он водит за нос и эмигрантов, и шведов, и саксонцев. Подозрения в Вене все более усиливались. Католические князья, особенно баварский курфюрст, оставались заклятыми врагами генералиссимуса. Испания возмущалась его отказом помочь войскам, пробивавшимся из Италии в Нидерланды. Шведы и саксонцы не доверяли Валленштейну. Так он сам запутывался в сети ложных обещаний, которой он хотел опутать других. Лишившись доверия своих возможных партнеров, он утрачивал свободу действий. Исчезало доверие к нему и в рядах его армии. Даже преданные Валленштейну люди не понимали его истинных планов. Распространился слух, что он выдаст своих сообщников императору, чтобы очистить себя от подозрений. Многие полагали, что он попросту сходит с ума.

Развязка наступила зимой 1633/34 г. Фердинанд II тайным указом сместил генералиссимуса, запретив выполнять его распоряжения. 18 февраля указы императора были опубликованы. Полк за полком стали покидать Валленштейна. С несколькими тысячами оставшихся с ним солдат и офицеров он поспешил на соединение со шведами и 25 февраля был зарублен в пограничной крепости Эгер (Хеб).

Наследник престола принц Фердинанд, возглавивший после убийства Валленштейна имперские войска, развернул решительное наступление. В лагере противника был разброд, шведские полководцы ссорились друг с другом и с саксонцами, их армии были разбросаны по Германии. Часть сил приходилось держать в Восточной Пруссии, ибо Россия, потерпев неудачу под Смоленском и поняв, что на шведскую поддержку рассчитывать бесполезно, прекратила в мае 1634 г. военные действия на польско-русской границе. Между тем сроки перемирия между Польшей и Швецией подоходили к концу.

В августе 1634 г. принц Фердинанд с 25-тысячной армией подошел к стратегически важному Нёрдлингену, прикрывавшему житницу шведских войск — Швабию. Бернгард Веймарский, долго медливший с объединением своих сил с войсками фельдмаршала Горна, чтобы не делить с ним командования, был теперь вынужден спешить вместе с Горном к Нёрдлингену.

Именно в это время испанское правительство направило из Италии в Нидерланды армию во главе с братом испанского короля Филиппа IV кардиналом Фердинандом, который должен был стать наместником Нидерландов, а по пути помочь католикам Германии. 3 сентября он прибыл с 15 тыс. испанцев к Нёрдлингену. Теперь против 25 тыс. шведов было 40 тыс. католических солдат, 6 сентября шведы были разбиты наголову, потеряв 10 тыс. убитыми и 5 тыс. пленными, включая и самого Горна.

Юго-Западная Германия после этого перешла в руки императора, немецкие протестанты стали искать с ним примирения. Испания, ожидавшая нападения Франции, склоняла Фердинанда II к компромиссу. 30 мая 1635 г. в Праге был подписан мир между императором и курфюрстом Саксонским. Стороны договорились, что церковные владения, которые в силу

реституции подлежали возврату церкви, могут оставаться у нынешних владельцев в течение сорока лет, пока вопрос о них не решит специальная согласительная комиссия. Условия Пражского мира распространялись на всю Империю. Прочих князей приглашали присоединиться, упорствующих предполагалось принудить силой, иноземцев, т. е. шведов — изгнать общими усилиями.

После Нёрдлингенской битвы и Пражского мира только открытое вступление Франции в войну могло предотвратить ее исход в пользу императора и его союзников. Ришелье немедленно приступил к формированию большой армии и заключил ряд соглашений со шведами, Генеральными штатами Нидерландов, щедрыми обещаниями немецким князьям пытался удержать их от примирения с императором.

Но подавляющее большинство немецких князей и городов присоединилось к Пражскому миру; лишь генералы и офицеры шведской армии не желали прекращения войны, предоставлявшей столь большие возможности для карьеры и обогащения. Однако для Бернгарда Веймарского возвращение к прежнему положению было бы равносильно полному краху. Скорее после нёрдлингенской катастрофы он во главе своей армии перешел на французскую службу.

К концу 30-х годов франко-шведское военное сотрудничество постепенно налажилось. Однако Франции не удалось помешать после смерти Фердинанда II избранию его сына Фердинанда III (1637 г.).

Летом 1636 г. объединившиеся теперь имперские и саксонские войска оттеснили шведского командующего Баннера на север, однако были им разбиты 4 сентября 1636 г. у Виттштока. Последовавшее в 1637 г. наступление Баннера в Саксонии быстро захлебнулось, и он вернулся в Померанию.

На 1638—1639 гг. антигабсбургская коалиция наметила общее наступление на всех театрах военных действий. Бернгард Веймарский после упорных боев овладел в 1638 г. важной крепостью Брейзах на Рейне, перерезав пути сообщения между испанскими Нидерландами и Италией. Баннер в это время двинулся из Померании прямо на Вену, но, разорив вместе с наступающими с востока трансильванцами Чехию, Моравию, Силезию, Австрию и Венгрию, стал, как и его союзники, испытывать нехватку продовольствия. Не дождавшись французов, он вернулся восвояси.

В 40-х годах военное положение Габсбургов и их союзников продолжалось ухудшаться. Французы овладели Эльзасом и в 1643 г. нанесли испанцам сокрушительное поражение при Рокруа. В 1646 г. они заняли Дюнкерк — базу испанских каперов, разбитых еще в 1639 г. на море голландцами. Баннер в 1641 г. едва не овладел Регенсбургом, где находились рейхстаг и император. Преемник Баннера фельдмаршал Торстенсон вторгся в 1642 г. в Силезию и Моравию и наголову разбил имперцев во второй битве при Брейтенфельде. В 1643—1644 гг. шведы напали на Данию и, несмотря на ее упорное сопротивление, вынудили датчан уступить часть территории.

Эта война позволила имперцам и баварцам перейти в общее контр-наступление, потеснить французов на Рейне, подавить опасное восстание в Моравии, отогнать трансильванцев и атаковать шведов в датских владениях, где имперцы, правда, были в очередной раз разбиты. В 1645 г. Торстенсон снова появился в Чехии и разгромил баварско-имперские силы под Янковом, открыв дорогу на Вену; атаковать ее он все же не решился и отошел в Моравию, где потерпел неудачу при осаде Брно.

Германия была разорена. Войска грабили и уничтожали последнее попадавшее на глаза достояние жителей, которые прятали от них все, что могли. Изголодавшиеся и одичавшие люди ели траву и листья, крыс и кошек, мышей и лягушек, подбирали падаль, нередко были случаи людоедства.

Убийство Валленштейна. Гравюра 1634 г.

Численность действующих армий настолько не отвечала все более уменьшавшимся ресурсам театра войны, что из-за этого срывались самые успешные поначалу замыслы. Требовались немалые способности для того, чтобы в разоренной местности успеть выполнить намеченную задачу прежде, чем собранная армия распадется от голода, холода и болезней. В сражении при Люцене, которое и Густав Адольф, и Валленштейн считали решающим, оба полководца смогли использовать лишь по полтора десятка тысяч бойцов при общей численности имперских и шведских войск в Германии в 200 тыс. Полководческое искусство нередко проявлялось именно в том, чтобы ловко избегать сражения, пока масса вражеских войск не начнет гибнуть от нехватки средств существования.

Среди солдат и офицеров чисто наемническое отношение решительно возобладало над патриотизмом и религиозным воодушевлением. Потерпев поражение, солдаты обычно подыскивали себе другое место службы, хотя бы и у неприятеля. Бюкву и Густав Адольф систематически пополняли свои армии тысячами пленных. В отдельные годы в шведских войсках в Германии было не более 600 настоящих шведов, во французской армии служили тысячи немцев, в войсках германского императора итальянцев и славян было не меньше, чем немцев. Генералы и офицеры меняли службу столь же часто, как и простые солдаты. Протестанты служили в католических войсках, католики — в протестантских. Многие предпочитали дезертировать, солдаты разбитых отрядов мародерствовали, не спеша присоединяться к уцелевшим воинским частям.

Менялись цели войны. Религиозный фанатизм испарялся, внутри-имперские разногласия стирались, отдельные неудовлетворенные князья не представляли самостоятельной силы; война не кончалась лишь потому, что

не все вмешавшиеся в нее державы успели истощиться в равной степени.

В 1638 г. папа и датский король призвали прекратить войну. Осенью 1640 г. призыв к миру поддержал рейхстаг в Регенсбурге. В декабре 1644 г. открылся мирный конгресс в Мюнстере, где обсуждались взаимоотношения Империи и Франции, а в 1645 г. — конгресс в Оснабрюке, разбиравший шведско-германские отношения.

Сначала антигабсбургская коалиция затягивала переговоры, все еще надеясь добиться решительных успехов на поле боя. Действительно, Бранденбург и Саксония, не выдержав опустошительных вторжений шведов, заключили с ними перемирие. В мае 1648 г. французы и шведы, разбив курфюрста Максимилиана, прошли через Баварию в Австрию, но на р. Инн были остановлены имперским фельдмаршалом Пикколомини. Страдая от острой нехватки продовольствия, они отошли в Среднюю Германию.

Испания, которой трудно было сражаться одновременно против Франции и Нидерландов, признала независимость Республики Соединенных провинций и даже согласилась закрыть для торговли устье Шельды, хотя это и было ударом по экономике испанских Нидерландов. Франция, угрожавшая испанцам в Италии, Бельгии, Бургундии и даже на Пиренейском полуострове, представлялась им наиболее опасным врагом. Голландцы опасались, что место ослабевшей Испании займет сильная и агрессивная Франция; кроме того, голландская буржуазия полагала, что продолжение войны чрезмерно усилит авторитет штатгальтера принца Фридриха Генриха Оранского, стремившегося к установлению монархической власти в молодой республике. В декабре 1646 г. мирный договор между обоими государствами был подписан, и испанцы, утратив интерес к переговорам в Вестфалии, покинули Мюнстер.

Все это заставило кардинала Мазарини подумать всерьез о мире, тем более что и во Франции были заметны признаки утомления войной.

Возглавлявший имперскую делегацию первый министр императора граф Траутмансдорф, глубоко убежденный в жизненной необходимости мира для Империи и Австрийского государства и старавшийся не допустить срыва переговоров, осторожно и гибко, последовательно и настойчиво стремился ограничивать аппетиты шведов и французов, умерить противоречивые претензии князей и отстоять, насколько это было возможно, интересы австрийских Габсбургов.

Между тем шведский генерал Кенигсмарк внезапно подошел к Праге и овладел ее аристократической частью на левом берегу Влтавы — Малой стороной. Однако население основной части Праги — Старого и Нового города — взялось за оружие. Шведы подтянули подкрепления, окружив город в сентябре — октябре 1648 г. со всех сторон. Штурм следовал за штурмом. В конце октября к Праге подошла посланная на выручку имперская армия. Когда обе армии изготовились к сражению, пришло известие о мире.

Заключенный 24 октября 1648 г. одновременно в Мюнстере и Оснабрюке мирный договор вошел в историю под наименованием Вестфальского. Император признал за князьями право вступать в союз друг с другом и с иностранными державами — «право на мятеж против императора, междоусобную войну и измену отечеству, *гарантированное Европой* немецким князьям»¹. Франция овладела Эльзасом, причем мелкие эльзасские князьки по-прежнему считались членами Империи, что позволяло Франции через их посредство влиять на обсуждение на рейхстагах внутригерманских дел.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 573.

Швеция получила Западную Померанию, город Висмар, секуляризованные епископства Бременское и Верденское, закрепив тем самым свой контроль над устьями важнейших судоходных рек Германии — Одера, Эльбы и Везера.

Более других германских князей расширил свои владения курфюрст Бранденбургский. Кроме Восточной Померании с епископством Каммин, он получил архиепископство Магдебургское и епископства Хальберштадтское и Минденское. Его княжество, игравшее жалкую роль на протяжении всей войны, заняло по ее окончании чуть ли не второе место в Германии после императора, главным образом потому, что Франция сочла полезным поддерживать его в противовес Швеции.

Наследники опального Фридриха Пфальцского получили обратно вместе с курфюршеским титулом лишь часть прежних его владений — Нижний, или Рейнский, Пфальц, тогда как Верхний Пфальц остался за Баварией. Герцог Максимилиан сохранил за собой и сан курфюрста, и в результате общее число курфюрстов Империи увеличилось до восьми. Все опальные князья и города были амнистированы.

Получила признание независимость Швейцарского союза и Республики Соединенных провинций от Империи.

Неясность создавалась тем, что испанцы и французы продолжали воевать друг с другом на территории Бельгии, Лотарингии и Бургундии, хотя эти земли формально входили в состав Империи и, согласно мирному договору, должны были вместе с ней выйти из войны.

Религиозно-церковные вопросы не вызвали при заключении мира значительных споров. По сути, они были решены уже в 1635 г.

Кальвинистские князья были уравнены в правах с лютеранами и католиками, правители по-прежнему могли изгонять подданных, не желавших исповедовать религию государства. Церковные имущества, присвоенные протестантскими князьями до 1624 г. (для Пфальца и его союзников была установлена дата 1619 г.), были оставлены в их распоряжении, но впредь такие захваты запрещались.

В 1649—1650 гг. шведы покинули Чехию, Моравию и Силезию, а в мае 1654 г. войска всех воевавших сторон отошли за намеченные мирным договором границы.

В ходе Тридцатилетней войны поставить противника на колени не удалось ни одной из сторон. Если сравнить довоенное положение участников войны, а также сопоставить их цели с достигнутыми результатами, то к победителям следует отнести французскую монархию, которая приобрела ряд важных территорий и заложила фундамент для претензий на общеевропейскую гегемонию. Швеция, не достигшая целей, поставленных Густавом Адольфом, все же захватила в Германии важные позиции. Австрийские Габсбурги не стали хозяевами Центральной Европы, но их монархия вышла из войны окрепшей. Победили немецкие князья, превратившиеся в независимых государей; многие из них добились и территориальных приращений.

Германия оказалась в невыгодном положении по отношению к западным соседям, которые, постоянно вмешиваясь в ее дела, поддерживали внутренние распри и мешали объединению страны.

Тридцатилетняя война завершила собой историческую эпоху. Она решила вопрос, поднятый Реформацией, — вопрос о месте церкви в государственной жизни Германии и ряда соседних стран. Вторая важнейшая проблема эпохи — создание национальных государств на месте средневековой Священной Римской империи — решена не была. Империя фактически распалась, но далеко не все возникшие на ее развалинах государства имели национальный характер. Напротив, условия национального развития немцев, чехов, венгров значительно ухудшились. Возросшая независимость князей препятствовала национальному объединению Гер-

мании, закрепила раскол ее на протестантский север и католический юг.

Вестфальский мир стал переломным моментом во внешней политике австрийских Габсбургов. Ее главным содержанием в последующие 250 лет стала экспансия на юго-восток. Остальные участники Тридцатилетней войны продолжали прежнюю внешнеполитическую линию. Швеция попыталась добить Данию, поглотить Польшу и не допустить расширения русских владений в Прибалтике. Франция систематически овладевала территориями в Империи, не переставая подрывать и без того слабый здесь авторитет императорской власти. Быстрое возвышение предстояло Бранденбургу, который во второй половине XVII в. стал опасным для своих соседей — Швеции и Польши.

Проиграли народные массы Центральной Европы, в особенности немецкий и чешский народы.

В памяти народов Центральной Европы Тридцатилетняя война на столетия осталась самым страшным бедствием, какое может себе представить человеческое воображение.

Часть шестая

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

Введение

1. Становление ренессансной культуры в Италии и ее общеевропейское значение
2. Культура Италии XVI — первой половины XVII в.
3. Культура Германии, Швейцарии и Нидерландов
4. Культура Скандинавских стран
5. Культура Англии
6. Культура Франции
7. Культура стран Пиренейского полуострова
8. Культура стран Балканского и Центральноевропейского регионов
9. Русская культура
10. Культура Украины, Белоруссии и народов Прибалтики
11. Греческая культура конца XV — первой половины XVII в. как составная часть европейской культуры

← Иллюстрация «Органист» к стихам Г. Сакса.
Гравюра И. Аммана. XVI в.

ВВЕДЕНИЕ

В XVI — первой половине XVII в. стремительным взлетом духовной культуры и глубокими качественными изменениями в сфере идеологии было положено начало новому этапу в развитии европейской культуры. Ее достижения, оказав и тогда большое воздействие на народы других континентов, получили затем всемирное признание. Вместе с тем духовное развитие в различных регионах Европы (а нередко и в рамках одного региона) протекало крайне неравномерно и противоречиво. Замедленной оказалась историческая эволюция Юго-Восточной Европы, народы которой подпали под власть Османской империи с ее жестким феодальным режимом. В России подъем культуры наблюдался после окончательного освобождения ее от татарского ига и объединения русских земель, что в итоге привело к укреплению феодальных порядков. В Западной и Центральной Европе, опередившей в своем развитии другие части континента, небывалый подъем культуры, напротив, был вызван зарождением буржуазных отношений, началом кризиса феодализма и феодальной идеологии, что способствовало формированию светского видения мира, противостоявшего церковно-схоластическому мышлению. В странах, где эти процессы совершались быстрее, возникла блестящая культура Возрождения. Это была одна из самых ярких страниц в истории Европы: духовной диктатуре католической церкви был нанесен мощный удар, буйным многоцветием засверкало жизнеутверждающее изобразительное искусство, возникла новая светская литература. Философия, вырываясь из-под власти теологии, обогатилась теориями, ориентированными на проблемы человека, и космологическими системами, связанными с опытным познанием мира. Огромный шаг вперед сделало естествознание.

Европейская культура XVI — первой половины XVII в. отличалась необычайным богатством, многообразием идейных принципов, художественных форм и стилей и в то же время весьма различным социальным и идейным содержанием. В ней отчетливо выделялись несколько направлений. Повсеместно рядом с ренессансной культурой продолжали существовать старые традиции, тесно связанные со схоластикой и идеологией христианских церквей (католической, православной, а затем и протестантских). В изменявшемся мире эти традиции принимали новые очертания, так или иначе воздействуя на все слои общества. В странах Восточной Европы средневековые представления в целом соответствовали уровню развития народов. На Балканах продолжались просветительские традиции древней православной культуры.

Исходным материалом для ренессансной культуры служила античность, однако ее идейная база была значительно шире. Это и светские традиции средневековья (особенно в Италии и Франции) в богатой культуре городов, где издавна формировалось независимое гражданское сознание. Это и неоплатоновские традиции, восходившие не только к древности, но и к средневековью. Это и аверроистское свободомыслие. Народное творчество как живительный источник питало ренессансную культуру, вносило в нее свежую струю, перерабатывалось гуманистами, художниками, писателями, придавало ей яркие черты народности. Однако взаимовлияние и взаимопроникновение собственно народной культуры и культуры ренессансной — сложный диалектический процесс. Они взаимно обогащали друг

друга, но по мере формирования гуманистической идеологии и обособления художественного творчества от ремесла происходило рафинирование ренессансной культуры, приобретавшей порой черты элитарности.

Сложность и подчас непоследовательность духовного развития Европы проявлялись в том, что ренессансная культура, несмотря на ее успехи, в условиях продолжавшегося господства феодальных отношений не могла полностью вытеснить схоластику. Утверждение нового совершалось в упорной и непрерывной, часто неравной борьбе со старым. Ренессансная культура вовлекала в орбиту своего влияния не только бюргерство и молодую буржуазию, но и другие социальные слои, в том числе дворянство. В результате ее создателями стали не одни гуманисты, а достаточно различные общественные силы и сама ренессансная культура оказалась не свободной от элементов культуры средневековой, с которой она противоборствовала, сосуществуя и взаимодействуя. Стремясь в борьбе с церковной идеологией положить начало новому мировоззрению, гуманисты использовали старые ценности. Они пытались приспособить христианское учение для решения новых задач, обращались к раннему христианству, идеализировали его, интерпретируя на свой лад.

Сложность данного периода состоит в том, что он включает в себя, по существу, два совершенно разных этапа культурной эволюции. XVI век так или иначе связан с историей Возрождения, зрелого и позднего. Первая половина XVII в. отмечена новыми качественными переменами в идеологии и духовной сфере, вызванными как бурным развитием капиталистических отношений в ряде стран, так и торжеством феодальной реакции в других. Это обусловило переход к иным типам культуры и новым стилям изобразительного искусства и литературы — барокко, классицизму, «внестилевому» творчеству и т. д.

Столь своеобразный характер духовного развития Европы на исходе феодализма породил споры в исторической литературе, которые не иссякли и в наши дни. Поднимались вопросы о характере, типологии, хронологических рамках Возрождения, о его историческом значении, о самом смысле гуманистического движения. Некоторые западные исследователи ставили под сомнение прогрессивный характер ренессансной культуры, ограничивали ее влияние узкими временными и локальными рамками. Не меньшие споры вызывают эпохи барокко, классицизма и др.

Большинство советских исследователей связывают появление Ренессанса с переходным от феодализма к капитализму периодом, подчеркивают позитивное, революционизирующее воздействие его на идеологическую и духовную жизнь народов. В ходе долгих дискуссий наметились примерные хронологические вехи культуры Возрождения. Ее зарождение и начало связаны с успехами Италии, где раньше всего пробудился интерес к человеку и зародилось гуманистическое движение. Со второй половины XIV и в XV в. во Флоренции, а затем и других городах Италии расцвели гуманитарные науки, изобразительное искусство, стремившееся к изучению человека и природы, усилился интерес к математике и естествознанию. В конце XV в. благодаря религиозным исканиям гуманистов, размышлявших о «всеобщей религии», гуманизм вторгся в заповедную зону схоластики — теологию.

На втором этапе (конец XV — первая треть XVI в.) гуманистическое движение охватило большинство стран Западной и Центральной Европы, обрело невиданную силу, способствовало содружеству гуманистов, созданию «республики ученых», главой которой называли Эразма Роттердамского. Объектом своего изучения гуманисты сделали все отрасли знания. Сформировалось гуманистическое учение о достоинстве человека, заложенное трудами мыслителей раннего Возрождения. Своей кульминации достигло блестящее искусство Высокого Возрождения в Италии. Великими мастерами литературы и искусства был создан новый стиль художествен-

ного творчества — ренессансный реализм. Уже в конце XV в. успехи гуманистического движения отчетливо проявились в Нидерландах, Германии, Венгрии, во Франции; в первые десятилетия XVI в. его идеи распространились в Англии и Испании, постепенно утверждались в Польше, проникли в скандинавские страны.

С конца 30-х годов XVI в. в духовном развитии народов Европы наметился новый этап. Последовавшая за начавшейся Реформацией, в значительной мере подготовленной гуманистами, Контрреформация, а также изменение общей ситуации в Европе больно ударили по жизнерадостному свободомыслию и гуманизму, привели к их ослаблению, постепенному угасанию, поставив под сомнение осуществимость многих гуманистических идеалов, подчеркнув их иллюзорность. Это выразилось в переходе к маньеризму, под знаком которого в ряде стран с 30—40-х годов XVI в. развивались литература и изобразительное искусство. Тем не менее гуманистические традиции не исчезли; видоизменяясь, а порой и деформируясь, они продолжали существовать. В условиях острейшей борьбы с ортодоксией не только католической, но и вновь возникавших реформационных церквей развивалась натурфилософия с ее новыми представлениями о вселенной; большие успехи сделали изучение природы и гуманитарные науки, возникали новые формы и жанры искусства.

Идеологической основой культуры Возрождения стали гуманизм, а затем и натурфилософия, претерпевшие сложную эволюцию. Главное содержание гуманизма — культ человека, поставленного в центр мироздания, интерес к его личности, признание его творческого гения и гигантских сил. Происходило своеобразное «обожествление» человека — «микрокосмоса», богоравного существа, создающего и творящего самого себя, кому, по словам Пико делла Мирандола, «дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет». Подобное отношение к человеку знаменовало возникновение новых форм самосознания и ренессансного индивидуализма. Был сделан акцент на этических проблемах, учении о свободной воле индивида, направленной к добру и общему благу. Суть учения о достоинстве человека — реабилитация человека и его разума, торжество светского начала; оно отбрасывало средневеково-богословское отношение к человеку как «греховному сосуду», обреченному в жизни на страдания. Целью земного бытия объявлялись радость и наслаждение, провозглашалась возможность гармоничного существования человека и окружающего мира.

Гуманисты способствовали выработке идеала «совершенной», всесторонне развитой, гармоничной личности, добродетели которой определялись не благородством по рождению, а делами, умом, талантами, заслугами перед обществом. Идеал этот в значительной мере создавался под влиянием реальности: в бурную переходную эпоху возникает новый тип человека, активного борца, наделенного отвагой, страстной жаждой знания и действия, прочно утверждающего свое место в мире.

В начале XVI в. ареал воздействия гуманизма расширяется, движение охватывает различные круги общества, оно развивается, утрачивая единство, в нем возникают новые течения. В аристократическо-придворных и патрицианско-бюргерских кругах, особенно в Италии и Франции, усиливаются эпикурейско-гедонистические настроения. С развитием абсолютистских тенденций и ростом популярности идеи служения государю пересматривается понятие общего блага, усиливается пренебрежительное отношение образованных людей к народным массам, «толпе». Напротив, верность принципам гуманизма, более всего воспринимавшимся в демократической среде, сохраняют представители гражданского гуманизма. Они отстаивают идею служения общему благу, ответственности человека перед обществом, призывают к активной деятельности, высоко оценивая все виды полезного труда. Острота религиозно-философских проблем в эпоху Реформации и Контрреформации усиливает интерес к теологическим уче-

ниям средневековья и к так называемому христианскому гуманизму. В то же время отдельные элементы ренессансной культуры и идеи гуманизма используются противниками этого движения, достижения Ренессанса приспособляют к своим потребностям разные слои европейского общества.

В гуманизме с самого начала были заключены натурфилософские тенденции, получившие наибольшее развитие в XVI в., особенно во второй его половине. Главная проблема, занимавшая «натуральных философов» — соотношение Бога и природы. Рассматривая ее, они стремились преодолеть дуализм средневекового мышления, понимали мир как органическую связь материи и духа. Признавая материальность и бесконечность мира, они наделяли материю способностью воспроизводить самого себя, а вместе с тем и жизнью, создав учение о «живом космосе». В философских системах эпохи Возрождения возникала пантеистическая картина мира. В таких космологических построениях проявлялись влияния самых различных философских течений и школ, и прежде всего Платона с его доктриной о «мировой душе». Недостаток опытного знания заставлял мыслителей Возрождения обращаться к неоплатонизму, аристотелизму, эпикурейству, учениям стоиков, немецких и испанских мистиков, что в итоге порождало синкретизм и эклектизм их умозрительных построений.

Представления о всеобщей одушевленности вселенной ставили под сомнение существование «сверхнатурального», потустороннего, поскольку все чудесное объявлялось естественным, «природным», потенциально познаваемым: стоило его открыть и объяснить, как оно переставало быть чудесным.

Такие суждения явно шли вразрез с церковной догмой. Средневековой схоластике, опиравшейся на книжное знание и авторитеты, гуманизм и натурфилософия противопоставили рационализм, опытный метод познания мира, базировавшийся на чувственном восприятии и эксперименте. Вместе с тем одушевление космоса приводило к мысли о наличии таинственной связи между человеком и природой, признанию оккультных наук. Наука порой понималась как «естественная магия», астрономия переплеталась с астрологией, химия — с алхимией, математики занимались вычислением гороскопов и т. д. В этом нельзя усматривать пережиток схоластического восприятия мира, подобные суждения — органическая часть ренессансной натурфилософии. В целом понимание природы как «внутреннего мастера», действующего самостоятельно, живущего по своим законам, означало разрыв с устоявшимися средневековыми представлениями о Боготворце и вело к зарождению новой, «естественной религии».

В основе великого идеологического переворота, совершавшегося в странах Западной и Центральной Европы XV—XVII вв. и сопровождавшегося подлинным восстанием против церковно-схоластических миропредставлений, лежал не виданный до того подъем производительных сил, материального производства, науки и техники. Подготовленный всем ходом исторического развития европейских народов, он был связан прежде всего с успехами городов, ремесла, зарождением мануфактуры, расширением внутренних и международных торговых связей. Уже важные научные и технические открытия XV в. обусловили дальнейшее продвижение Европы по пути прогресса. К XV в. относятся и первые солидные теоретические и обобщающие работы в области математики и других наук.

Важнейшим изобретением XV в. был печатный станок. В XVI в. типографское искусство достигло больших успехов во всей Европе. Книгопечатание утвердилось и в России, на Украине, в Великом княжестве Литовском. Монополия церкви в распространении письменного слова была подорвана. Открылись возможности для издания светской литературы, в том числе древних классиков, научно-технических трудов, что способствовало развитию передовой культуры.

Великие географические открытия необычайно расширили кругозор европейцев: «рамки старого orbis terrarum были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля»¹. Эмпирически была доказана шарообразность земли, установлены более точные ее размеры, подтверждено вопреки мнению Аристотеля, что на экваторе есть жизнь. Знакомство с неизвестными материками, морями и океанами, народами, животным и растительным миром других континентов, западным и южным небосклонами меняло старые представления об устройстве вселенной. Был нанесен ощутимый удар по вековым авторитетам, что расковывало интеллектуальные силы, способствовало свободному научному поиску. Люди эпохи Возрождения ощутили свое превосходство над древними, которые, как оказалось, мало знали о Земле.

В XVI — первой половине XVII в. научные достижения были умножены. Важнейшее значение для возникновения новой картины мира имело развитие астрономии. Долголетние наблюдения неба и скрупулезные математические расчеты привели польского ученого Николая Коперника к гениальному открытию: Земля не является центром мира, а входит в одну из небесных систем, она вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца вместе с другими планетами-спутниками. Это учение обозначило важную историческую веху — начало новой астрономии и научного познания мира. Новая астрономия натолкнулась на яростное сопротивление реакции и вынуждена была отвоевывать позиции в упорной борьбе. Труды Тихо Браге и Иоганна Кеплера, открывшего законы движения планет, подтверждали открытия Коперника. Смело и решительно на сторону польского ученого стал Джордано Бруно, высказав гениальную догадку о существовании в бескрайней вселенной бесчисленного множества систем, подобных Солнечной. Решающую роль в обосновании гелиоцентризма сыграли исследования Галилея, базировавшиеся на математических расчетах, физических опытах и наблюдениях светил с помощью сконструированного им телескопа. Гонения, запрет коперниканства, принуждение Галилея к отречению от своих трудов тормозили дальнейший научный поиск, но не могли остановить его полностью. «Это была величайшая из революций, какие до тех пор пережила Земля. И естествознание, развивавшееся в атмосфере этой революции, было насквозь революционным, шло рука об руку с пробуждающейся новой философией великих итальянцев, посылая своих мучеников на костры и в темницы»².

Огромный шаг вперед сделали разные отрасли физики — механика, статика, оптика, гидравлика. Дальнейшее развитие получила математика. Были изобретены логарифмы, совершенствовались тригонометрия, сферическая геометрия, создана аналитическая геометрия. Ученые работали над анализом бесконечно малых величин. Происходило накопление знаний в химии, биологии, зоологии, геологии и минералогии. Расширялись географические представления, началось изучение климата, ветров, морских течений, возникла океанография, совершенствовалась картография. Успехам ботаники способствовали первые ботанические сады, появившиеся сначала в Италии, затем в других странах Европы. Несомненные достижения медицины, физиологии, анатомии человека.

Глубокое исследование природы, основанное на наблюдениях и эксперименте, привело к новому качественному скачку в миропредставлениях — к убеждению в существовании строгой природной закономерности, которую можно вычислить математически. Так рождалась новая модель мира, положившая конец антропологическому объяснению вселенной, характерному для гуманистов-натурфилософов XV—XVI вв. Мир для Галилея — открытая книга, написанная «языком математическим, и знаки ее суть

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 346.

² Там же. С. 508.

треугольники, круги и другие математические фигуры». В XVII в. возникло механистическо-материалистическое направление философии, видным представителем которого стал Рене Декарт (Картезий). Для сторонников его философии (картезианства) мир состоит из материальных частиц, находящихся в постоянном движении и подчиненных механическим законам.

Научная и техническая мысль в XVII в. особенно стремительно развивалась в Англии, Голландии, Франции, куда постепенно перемещался центр общественной и духовной жизни; Италия, Испания и Португалия, прежде игравшие ведущую роль, оттеснялись на второстепенные позиции.

В эпоху Возрождения были внушительны успехи гуманитарных наук. В условиях глубоких социальных сдвигов, гибели старых политических институтов большую актуальность приобретали проблемы государства, что вызвало небывалое прежде внимание к политической теории. Обособляясь от этики и педагогики, хотя все еще тесно связанная с ними, она заняла важное место в иерархии новых знаний. В политических трактатах XVI — первой половины XVII в. ясно прослеживается стремление выявить внутренние закономерности развития общества, связав их с деятельностью людей. Важным достижением передовых мыслителей того времени был отказ от провиденциализма — представления о божественном вмешательстве в ход людских дел. Существен вклад в эту науку итальянцев. Макиавелли сделал огромный шаг вперед в понимании сущности государства как силы, защищающей интересы определенных слоев общества. Во второй половине XVI в. выделилась французская школа политиков. Развитие антиабсолютистских и тираноборческих настроений вело к попыткам теоретически обосновать концепцию договорного происхождения власти государя. Широкое хождение получила идея «смешанной формы правления», предполагавшая соединение элементов монархии, аристократии и демократии. Она явилась отражением своеобразной эволюции государства позднего средневековья, когда противоборство класса феодалов и нарождавшейся буржуазии привело к некоторому равновесию между ними.

Критическое отношение к существовавшим общественным порядкам, и феодальным, и зарождавшимся капиталистическим с их новыми формами эксплуатации, хищничеством, стяжательством и бездуховностью, порождало бурные споры о совершенном устройстве государства, способствуя возникновению богатой утопической литературы самой различной социальной направленности. Несовершенству реальной жизни утописты пытались противопоставить «наилучший» общественный строй и тем гарантировать осуществление гуманистических идеалов. Формировались новые представления о социальной справедливости, был создан идеал общежития, основанного на коллективной собственности и обязательном всеобщем труде, нашедший наиболее яркое выражение в «Утопии» Томаса Мора и «Городе Солнца» Кампанеллы.

Изучение института государства способствовало развитию юриспруденции. Было положено начало новой историографии. Ренессансная историография стремилась выявить движущие силы исторического процесса, на место божественного провидения поставить самого человека, использующего благоприятный Случай, Фортуну и противодействующего коварной Судьбе, обосновать причинно-следственную связь событий, нащупать общую тенденцию развития. XVI—XVII вв. — время кропотливой работы историков-эрудитов, начавших энергичную публикацию архивных материалов и исторических документов и тем самым выступивших в качестве первых медиевистов. Зародились вспомогательные исторические дисциплины — археология, нумизматика, топонимика, топография, совершенствовалось архивное дело, открывались первые публичные библиотеки.

Неотъемлемой частью гуманистического учения была новая концепция воспитания, получившая распространение в XVI в. и развитая эрудитами XVII в. Задачи педагогики понимались как воспитание индивида

и общества, формирование не только самодостаточной личности, способной подняться к высотам созерцательной жизни, но и достойного гражданина, патриота, сочетающего жизнь созерцательную и активную, действующего во имя общего блага. Усилилось внимание к воспитанию государя — отца и защитника народов, противопоставлявшегося тирану. Программа воспитания — своеобразный синтез идей гуманизма и античных образцов — предполагала гармоничное развитие человека, соединение умственных и физических занятий с практикой. Антисхоластическая направленность гуманистической педагогики выявилась и в разработке новой методики обучения, в том числе применения наглядности в преподавании, что ярко отражают труды Кампанеллы и Яна Амоса Коменского.

XVI — первая половина XVII в. — время расцвета блестящей литературы. Восстановление искаженной в средние века классической латыни сыграло исключительно важную роль в становлении культуры Возрождения. Именно в этой области знания раньше всего возникли предпосылки научной критики и прозвучал первый ясный протест против схоластики. Поиск истины начался с обращения к истории Древней Греции и Древнего Рима. Заново открытая античность предстала перед европейцами во всем ее блеске. Но постепенно отношение к античности эволюционирует, в XVI — начале XVII в. все чаще раздаются голоса против слепого следования классическим образцам. Одновременно с развитием классических языков формировались языки национальные. В XVI в. этот сложный и противоречивый процесс усилился, что явилось верным признаком возникновения наций и национальных культур.

Для литературы зрелого и позднего Возрождения характерно многообразие стилей и жанров. Необычайную популярность завоевали новелла (особенно в Италии), эпические произведения и рыцарский роман, нередко ироническо-сатирического содержания (Ариосто, Рабле, Сервантес), богатая публицистика (ее славились немецкие и нидерландские писатели), комедия и трагедия, лирическая поэзия. Нередко в художественной форме писали научные трактаты, являя образцы превосходной прозы и поэзии.

В распространении гуманистической идеологии и светской культуры важную роль сыграл театр. В театральных представлениях эпохи Возрождения религиозная тематика отступала на задний план, в центре внимания и здесь находился человек со всей гаммой чувств и переживаний, смело производилась реальная жизнь, звучала едкая сатира, разыгрывалась кипучая борьба страстей. Возникнув вначале как театр придворный, опиравшийся на античную драматургию, он впитал в себя затем народное начало, обогатился за счет фольклора, мистерий, карнавального творчества и постепенно сформировался как театр профессиональный. На место изжившей себя «ученой комедии» (появившейся в Италии XVI в. сначала на латинском языке, а потом на языке народном) пришла комедия масок (*commedia dell'arte*). Завоевав Италию, она распространилась затем по всей Европе. Наивысшего развития театральное искусство достигло в Англии и Испании.

Новое направление принимает развитие музыки. Наряду с музыкой церковной большие успехи делает музыка светская. Совершенствовалось вокальное мастерство, в быт горожан (особенно в Италии и Нидерландах) проникает инструментальная музыка. В Европе распространилась полифония, возникла оркестровая музыка. Во Флоренции конца XVI в. зародилась опера, достигшая расцвета в Венеции XVII в.

Огромной впечатляющей силой обладает изобразительное искусство эпохи Возрождения. В XVI — первой половине XVII в. появились новые стили и жанры художественного творчества. Разрабатывалась новая эстетическая теория. Условность и символика средневековья сменяет ренессансный реализм. Главные его черты — светскость, глубокий интерес к

человеку и окружающему миру, правдивое их изображение, апология земной жизни, радости и наслаждения, сочетавшиеся с прославлением высокой духовности человека, поисками гармонии, соразмерности, идеала красоты, соответствующего принципам гуманистической эстетики. Развитие ренессансного реализма — стиля эпохи — сочеталось с разнообразием индивидуальных манер и художественных школ.

Возникает новая концепция синтеза искусств. Живопись, скульптура, архитектура, развиваясь, взаимодействовали, дополняли друг друга. Изобразительное искусство стало рассматриваться как один из способов познания реальности, оно строилось на математическом расчете, законах пропорции, под художественное творчество подводилась научная основа.

Как и все Возрождение, ренессансное искусство в своем развитии прошло несколько этапов. Самый блестящий его период — первые десятилетия XVI в., время Высокого Возрождения, когда творили Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Тициан и др. В Германии, где прочно держались традиции готики, ренессансное искусство пережило наивысший взлет в творчестве Дюрера и его современников. Крупнейших художников выдвинули Нидерланды. Ренессансные тенденции были характерны и для искусства других стран.

Начавшаяся затем деформация гуманистических идеалов, осознание невозможности полного их осуществления сказались и на художественном творчестве. Маньеризм отразил мотивы разочарования в ренессансной героизации человека, но в то же время для него был характерен интерес к душевным движениям и интимному миру. С 30—40-х годов XVI в. преимущественно под знаком маньеризма развивалось искусство Италии, дав миру новые шедевры живописи и ваяния. Этот стиль утвердился также в Германии и Англии, где произошел своеобразный синтез Ренессанса, маньеризма и готики.

Конец XVI — начало XVII в. ознаменовались возникновением стиля барокко, открывшего новую эру в развитии европейского искусства. Для барокко в изобразительном искусстве, с его монументальностью и торжественностью архитектурных ансамблей, богатством декоративной живописи и скульптуры, характерны также использование ренессансных элементов и возврат к средневековой символике. Этот стиль подчеркивал величие и могущество католической церкви, феодальной аристократии. В XVII в. он завоевал прочные позиции в Италии, Фландрии, Австрии, Чехии, в католических княжествах Германии, проник в Польшу. Великого мастерства достигли художники фламандской и голландской национальных школ. Специфика испанского искусства того периода проявилась в своеобразном симбиозе ренессансного стиля, маньеризма и барокко, особенно укоренившегося в церковном зодчестве. Во Франции стиль барокко не получил большого распространения. Здесь вместе с укреплением абсолютизма и бурным строительством дворцов и замков на смену ренессансному стилю пришел классицизм с его ориентировкой на античность. В Англии возник английский классицизм (с элементами готики и Ренессанса), кое-где применялся и стиль барокко.

Эпоха Возрождения стала временем создания новых организационных форм, в рамках которых могли развиваться науки и искусства. Отказавшаяся от церковно-схоластического мироощущения, провозгласившая свободу научного поиска и художественного творчества, передовая культура нуждалась в помощи и поддержке. Ее авангардом стали вольнолюбивые литераторы, художники, ученые, отделявшиеся от ремесленников и порывавшие с корпоративным духом. Они принадлежали к новому племени творцов духовных и материальных ценностей, искали взаимного общения и условий для своего творчества. В какой-то мере их поддерживали меценаты. Меценатство было широко развито в поздние средневековые, но оно отнюдь не всегда гарантировало художнику независимость и материальное

благополучие. В конце XV — начале XVI в. развернулась борьба гуманистов за университеты. В Германии, отчасти в Италии и Англии в них (и вне их) возникли кружки сторонников новых веяний, что на какой-то период сделало университеты центрами гуманистической идеологии. Но в ходе Реформации и Контрреформации университеты постепенно отошли от гуманизма, став проводниками протестантской или католической ортодоксии.

Интересам новой культуры более отвечали добровольные сообщества и братства, возникавшие вне официальных учреждений и получившие по примеру древних название академий. Они объединяли любителей наук и искусств независимо от социальной принадлежности. В Италии академии играли заметную роль в культурной жизни уже со второй половины XV в., а в XVI в. получили широкое распространение; академии возникли также в других регионах Западной Европы. На первых порах непрочные и непостоянные, эти содружества набирали силу, формировались с учетом более узкой специализации и постепенно превращались в подлинные научные центры, внесшие немалый вклад в духовное развитие народов Европы.

Таким образом, европейская культура XVI — первой половины XVII в. претерпела сложную эволюцию. Ход ее развития свидетельствовал о распаде старой культурной общности, существовавшей в средние века. Было положено начало новому этапу в духовной жизни Европы — становлению национальных культур. Этот процесс усилился в XVII в.

Множество течений в европейской культуре XVI — первой половины XVII в. — свидетельство ее богатства и разнообразия и в то же время ее внутренней противоречивости. Великие достижения эпохи Возрождения далеко не всегда претворялись в жизнь; католическая церковь, а нередко и протестантские теологи ставили препоны новым знаниям и жизнеутверждающим идеалам, особенно если они затрагивали основополагающие мировоззренческие принципы. Это одна из причин деструкции богатой итальянской культуры и культуры других католических стран. В век великих научных открытий католическая церковь вдохновляла охоту на ведьм и колдунов. На кострах инквизиции горели неугодные церкви книги, а порой и их авторы. В университетах насаждалась неосхоластика, главной наукой вновь становилась теология, ей старались подчинить философию. Усиленно издавались томистские учебники и труды искаженного в средние века Аристотеля. Не обошлось без гонений и в протестантских странах. В Женеве по наущению Кальвина был казнен Сервет, протестантские теологи добились изгнания из Голландии Декарта.

И тем не менее достижений Возрождения уничтожить не удалось. Возврата к прошлому не было. Католическая и протестантская церкви приспособлялись к новым условиям, поощряли некоторые науки и искусства. Так, католическая церковь — главный заказчик на строительство храмов и дворцов в странах Контрреформации — весьма способствовала достижениям культуры барокко. Не вызывали особого противодействия католических и протестантских теологов занятия математикой, географией, латинской лингвистикой. Весь XVI век и первые десятилетия XVII в. прошли под знаком развития передовой культуры, представлявшей собой самостоятельный этап в духовном развитии Европы. XVII век ознаменован великими достижениями естественных наук и новой философии. Значение их не ограничивается узкими рамками Италии, где возникла и существовала в течение трех столетий культура Возрождения, или других западных стран, принявших эстафету у Италии.

Влияние гуманистической идеологии, ренессансной культуры, передовых веяний XVII в. обнаруживалось на всем континенте. Элементы их проникали и в Российское государство, что выразилось в приглашении итальянских зодчих в Москву, в их участии в строительстве соборов и палат Кремля, в появлении на Руси переводной литературы западного (часто

итальянского) происхождения, в возникновении мотивов о достоинстве («самовласти») человека в богатой русской публицистике XVI—XVII вв. Каналами, по которым распространялось это влияние, стали крепнувшие русско-польские, русско-немецкие, русско-итальянские связи. Эти благотворные влияния не изменили, однако, общего характера культуры, поскольку западные традиции перерабатывались на русский лад. В ту пору на Руси не существовало условий для широкого распространения и утверждения гуманистической идеологии. Культурные процессы, происходившие в России, имели свои особенности, хотя в некоторых чертах и совпадали с тем, что наблюдалось в Западной Европе. Успешно формировался единый русский язык; его становлению способствовали споры о языке в начале XVI в. по поводу новых переводов церковных книг. Совершенствовались географические знания, наблюдался прогресс в области общественно-политической и исторической мысли (составление больших летописных сводов). Значительные успехи сделало градостроительство, самобытно развивались архитектура и изобразительное искусство (шатровое зодчество, иконопись, миниатюра).

Специфичным был путь развития народов Юго-Восточной Европы, подпавших под власть Османской империи. В самой Турции во второй половине XV—XVI в. наблюдался подъем феодальной культуры восточного типа под эгидой могущественного государства. Центром рафинированной культуры стал двор султана, проводниками господствующей идеологии — сильная и богатая мусульманская церковь. Однако развитие подвластных Турции народов на долгие годы было затруднено. Падение Константинополя означало и гибель древнейших культурных ценностей, наследницей и хранительницей которых была Византия. В завоеванных землях Порты проводила суровую политику ассимиляции, в результате чего произошло потуречение части населения и приобщение его к мусульманской культуре. Огромное большинство славян, греков и других народностей региона, стараясь сохранить свои обычаи, язык и веру, оказались в тяжелом положении гонимых. Носительницей национальных традиций стала православная церковь, а центрами славянской письменности — монастыри, где имелись монастырские школы (особенно в Болгарии, Черногории, Сербии). Развивались народное эпическое и песенно-танцевальное творчество, художественное ремесло, в которые проникали и турецкие мотивы.

Таким образом, духовная жизнь народов Европы отличалась великим многообразием. В разных ее регионах глубоко различными были уровень, темп развития и самый тип культуры. Как правило, ренессансная культура (тем более культура барокко) сочеталась со средневековой. При общей тенденции к прогрессу имели место попятные и зигзагообразные движения.

В целом в духовном и идеологическом развитии европейских стран проявилось и немало сходных черт, свидетельствовавших о формировании на новых началах определенной европейской общности и характерных для нее типов культуры. В то же время выявляется специфика исторической эволюции в разных регионах континента, связанная с национальными особенностями, географическими и историческими условиями. Общее и особенное в культурном развитии отражает фактический материал отдельных глав. Не претендуя на исчерпывающую полноту характеристик, авторы глав сосредоточили внимание на самых основных, с их точки зрения, проблемах и фактах, имеющих принципиальное значение для понимания сложной, богатой и противоречивой культуры Европы XVI — первой половины XVII в.

Глава I

СТАНОВЛЕНИЕ РЕНЕССАНСНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИТАЛИИ И ЕЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Итальянское Возрождение — одно из самых ярких явлений в истории европейской культуры. Споры о его характере, исторических корнях, этапах трехвекового развития не утихают и поныне. В советской исторической науке Возрождение рассматривается как передовая культура, характерная для эпохи перехода от феодальных отношений к капиталистическим, когда на смену средневековой церковно-схоластической системе мышления шло утверждение светски-рационалистических принципов мировоззрения. Именно Италия, где ренессансная культура начала складываться уже во второй половине XIV в., достигла блестящего расцвета в следующем столетии и кульминации в первые десятилетия XVI в., стала родиной многих ярких гуманистических идей и художественных образов, оказавших глубокое воздействие на формирование Возрождения в других странах Европы. Италия была непосредственной наследницей античной римской культуры, продолжавшей оказывать определенное влияние на ее жизнь и в средние века. Высокая степень урбанизации страны в эпоху феодализма, экономическое могущество городов и политическая самостоятельность многих из них — все это обусловило особенно активную роль бюргерства (пополанства) в общественной жизни итальянских государств. Другим важным фактором, оказавшим влияние на складывание ренессансной культуры в Италии, была политическая разобщенность страны и многообразие государственных форм на ее территории, что отразилось на локальной специфике итальянского Возрождения. Определенную роль сыграл и процесс региональной централизации, развернувшийся в XV в. и повлиявший на формирование различных школ и направлений в ренессансной культуре Италии. Этот полицентризм способствовал многообразию Возрождения.

Идейными корнями Возрождение уходило в античность, но также и в светские традиции средневековой культуры, которые на итальянской почве особенно отчетливо проступали в поэзии «сладостного стиля», в архитектуре и живописи Проторенессанса. Одной из вершин культуры Проторенессанса стало творчество Данте Алигьери (1265—1321), автора поэтического цикла «Новая жизнь», трактатов «Пир» и «Монархия» и обессмертившей его имя «Божественной комедии». Его поэзия на вольгаре (тосканском наречии) заложила основы литературного итальянского языка; многие этико-философские идеи Данте оказали прямое воздействие на гуманистическую мысль Италии более поздней эпохи. Данте выступил решительным сторонником разграничения сфер разума и веры, философии и религии. В своей политической концепции он ратовал за отделение церковной власти от светской, был непримиримым противником теократических притязаний папства. В его этике эта позиция выражена идеей о двух видах счастья — «естественном» счастье в земной жизни и небесном блаженстве: к первому ведет человечество светская власть, руководствующаяся разумом и философией, ко второму — религия и церковь. Установление на земле царства добра и справедливости Данте связывал с идеей всемирной монархии, видя ее прообраз в Римской империи. Хотя эта идея шла вразрез с современными ему тенденциями политического развития Европы (складывание националь-

ных государств), она вела к утверждению независимости светской сферы жизни от непосредственного вмешательства со стороны церкви. Эта тенденция в политической мысли Данте получила мощный отзвук в гуманизме XV в. и учении Макиавелли. Последующее развитие нашли и многие этические идеи Данте, в частности его понимание благородства не как атрибута знатного происхождения, а как результата доблестных деяний самой личности. И все же взятое в целом мировоззрение великого поэта и мыслителя принадлежало еще средневековой культуре, в которой точкой отсчета в системе знания служил Бог, а не человек. Переориентация культуры началась позже, в творчестве Франческо Петрарки, Джованни Боккаччо, Колуччо Салютати. В их лице ранний гуманизм (вторая половина XIV в.) выдвинул программу построения новой культуры, обращенной к человеку и проблемам его земного бытия.

Возникновение и утверждение ренессансной культуры началось с вызова схоластике: под сомнение были поставлены и структура знания, и претендующий на универсальность формально-логический метод. В противовес традиционному комплексу *studia divinitatis* — познаний божественного — гуманисты выдвинули новый комплекс гуманитарных знаний — *studia humanitatis*, куда входили грамматика, филология, риторика, история, педагогика и этика, ставшая стержнем всего этого комплекса. От термина «*studia humanitatis*» ведут начало термины «гуманист» (знаток и приверженец *studia humanitatis*) и «гуманизм». Намечились секуляризация знания, расширение круга университетских дисциплин. Уже в XV в. в итальянских университетах гуманисты стали преподавать не только риторiku, но и поэтику, основанную на изучении античной литературы, а также моральную философию. Однако в пору раннего гуманизма еще предстояло утвердить в правах *studia humanitatis*, обосновать их право на главную роль в формировании новой культуры, обращенной прежде всего к человеку, в острой полемике со схоластами и теологами, ставившими под сомнение тезис гуманистов о необходимости широкого освоения античного наследия — греческой и римской языческой культуры. Франческо Петрарка (1304—1374) искренне стремился примирить Христа с Цицероном, полагая, что светская образованность, знание античной поэзии и философии не могут противоречить принципам веры, ибо она служит нравственному совершенствованию человека. Не порывая с принципами христианского мировоззрения, Петрарка ищет, однако, иных путей к познанию Истины, к постижению смысла человеческого бытия. Эти внутренние борения и сомнения нашли яркое выражение в его «Исповеди», или «Моей тайне», многочисленных письмах, трактатах, поэзии. В «Исповеди» сопоставлены две шкалы ценностей — христианская аскетическая мораль, призванная очистить душу от греховности и привести ее к вечному блаженству, и ценности земного бытия человека — творчество, поэзия, слава, любовь, наслаждение красотой реального мира. Петрарка не отдает предпочтения какой-либо одной из этих нравственно-ценностных систем, но старается примирить существующие между ними противоречия: он убежден, что путь к небесному блаженству не требует отказа от всего мирского. Благочестие и «познание божественного» утрачивали, таким образом, монополию в духовной сфере, в разрешении проблем человеческого бытия — ответ на них Петрарка искал в светском знании, источником которого была для него античная культура. «Беседы с древними» должны наполнять досуг, отданный литературным и научным занятиям (трактат «Об уединенной жизни»). Петрарка заложил основы новой, гуманистической этики; ее главный принцип — достижение нравственного идеала через самопознание, активная добродетель, образование, смысл которого — в широком овладении культурным опытом человечества. Этот принцип стал характерным для всего раннего гуманизма: не только Петрарка, но и Боккаччо и Салютати видели в образовании, основанном на изучении античного нас-

ледия, средство возвеличения личности и совершенствования общества. Наиболее ярким и значительным выражением культурного опыта человечества они считали поэзию.

Один из основоположников ренессансной литературы — Джованни Боккаччо (1313—1375) горячо защищал идею самостоятельности поэзии, ставя ее в один ряд с философией и теологией: в античном мифе заключена та же Истина, скрытая под покровом прекрасного вымысла, полагал он. Его «Генеалогия языческих богов» стала началом гуманистического осмысления античной мифологии с позиций новой филологии, основы которой он закладывал наряду с Петраркой. Наравне с выдающимися поэтами древности Боккаччо почитал Данте, «поистине вернувшего к жизни омертвевшую поэзию», высоко ценил «Книгу песен» Петрарки. Он видел в Данте и Петрарке творцов национального итальянского языка и литературы, развитию которой и сам способствовал новеллами «Декамерона», знаменовавшими утверждение светской литературы, ее обращение к проблемам земной действительности. Боккаччо смело провозгласил разрыв с лицемерной церковной моралью, реабилитировал чувственное начало человеческой природы, подчеркивал ценность индивидуальности, значение доблестных поступков личности в противовес наследуемой знатности рода.

Провозглашенное первыми гуманистами духовное раскрепощение личности тесно увязывалось ими с задачей построения новой культуры, освоения античного наследия, разработкой комплекса гуманитарных знаний, ориентированных на воспитание и образование человека, свободного от узкодогматического мировидения. Теоретическому обоснованию этих задач посвятил свою научную деятельность гуманист и политический деятель Флоренции Колуччо Салютати (1375—1406). Он исходил из убеждения, что путь к истинному знанию открывает не схоластическая философия, а античная мудрость, заключенная в поэзии, мифологии, философии, но также и в раннехристианском учении. Поэзия и теология равноправны в познании основ мироздания и смысла человеческого бытия, полагал он, а греческие мифы вполне сопоставимы с Библией. Тем самым в культурно-исторический опыт человечества включалась и античная духовная традиция, идея исключительности христианской религии ставилась под сомнение. Салютати выдвинули новое, гуманистическое понимание *humanitas* (человечности), дал развернутое толкование этого цicerоновского термина, символизирующего целую культурную программу, призванную возвеличить человека. Тем самым была отвергнута традиционная сакральная ограниченность схоластического знания и широко раздвигались рамки самой культуры. Отрицая ведущую роль диалектики как метода познания, гуманист подчеркивал практическое значение наполненных новым содержанием гуманитарных знаний: грамматики, которая должна стать наукой о способе выражения мысли, риторики, как проводника мудрости, почерпнутой из философии, истории — хранительницы социального опыта человечества — и этики, являющейся главным орудием совершенствования личности и общества. Салютати внес заметный вклад в разработку гуманистической этики, проблемам морали посвящены его сочинения «О роке, судьбе и случайности», «О жизни в миру и монашестве», «О подвигах Геракла» и множество писем. Считая в согласии с христианской традицией земную юдоль царством дьявола, он в то же время звал к активной борьбе со злом, видел главное предназначение человека в том, чтобы собственными усилиями возвести на земле царство добра и справедливости. Этика Салютати была далека от аскетической морали, от монашеского идеала отшельничества и бегства от мира. Главную ценность здесь представляла светская, гражданская жизнь. Поэтому Салютати подчеркивал значение истории, раскрывающей все богатство прошлого опыта человечества.

Идеология раннего гуманизма, еще тесно связанная с христианским мировоззрением, складывалась на светски-рационалистических принципах

пах и несли в себе заряд отрицания церковно-схоластической системы мировоззрения. Первые гуманисты встретили резкую оппозицию церкви. Их обвиняли в отступничестве от христианской доктрины, в греховности их проникнутых «языческим духом» сочинений, осуждали их пристрастие к античности и мирской жизни. Новое понимание проблем человека вело к подрыву монополии церкви в духовной жизни общества и вызывало с ее стороны самое решительное противодействие. Но остановить начатое усилиями Петрарки, Боккаччо, Салютати движение за построение новой светской культуры на широком античном основании и с ясной практической ориентацией — движение, вызванное к жизни потребностями исторического развития Италии, — было невозможно. В XV в., по мере того как ренессансная культура набирала мощь и приобретала все больше сторонников, церковь несколько изменила свое отношение к ней и даже пыталась обратить ее себе на пользу. В то же время она чутко реагировала на опасные для «чистоты веры» направления гуманистической мысли, привлекая вольнодумцев к суду инквизиции. Борьба с догматизмом церковно-схоластического мышления, с канонизированными авторитетами, острая критика политики церкви, ее институтов и нравов проходят через всю историю итальянского гуманизма. В этой борьбе оттачивалось полемическое оружие гуманистов и укреплялись их идейные позиции.

Этап раннего гуманизма завершился к началу XV в. Его главным итогом было зарождение ренессансной литературы и переориентация знания и образования на проблемы земного бытия человека, реабилитация античного наследия, особенно поэзии и философской мысли. Следующий этап в истории итальянского гуманизма охватывает первые четыре десятилетия XV в. Новое поколение гуманистов активно воплощало в жизнь программу предшественников. Розыски и изучение античных рукописей дали толчок быстро развитию гуманистической филологии, совершенному овладению языком классической латыни, освоению греческого языка с помощью византийских ученых, преподававших во Флоренции и других центрах Италии. Развивались риторика в стиле Цицерона и Квинтилиана, педагогика, появились трактаты о новых принципах образования и воспитания, возникали частные гуманистические школы. Особое внимание уделялось истории. Подлинный подъем переживала этика, включавшая по традиции и социально-политические идеи. Разработка этических проблем оказывала энергичное воздействие на формирование гуманистической идеологии в целом, а также на изобразительное искусство Возрождения.

К середине XV в. гуманизм вырастает в мощное культурное движение во Флоренции, Венеции, Риме, Милане, Неаполе, Болонье, Мантуе, Ферраре и ряде других городов. Гуманисты выступают в роли политических деятелей, секретарей на службе у республик или при дворах правителей, преподавателей университетов. Складывается новая социальная прослойка — гуманистическая интеллигенция. Вокруг гуманистов формируется культурная среда, объединяющая представителей различных социальных кругов и профессий. Гуманистические кружки (нередко по античной традиции их называли академиями), где в атмосфере свободной дискуссии читали древних авторов и собственные сочинения, стали важной формой интеллектуального общения. В оживленной полемике гуманистов разных направлений кристаллизовались идейные принципы движения.

Одним из ведущих направлений в этико-политической мысли первых десятилетий XV в. был гражданский гуманизм, сложившийся на флорентийской почве в творчестве Леонардо Бруни и Маттео Пальмиери, утверждавший идеал активной гражданской жизни и принципы республиканизма. В «Восхвалении города Флоренции», «Истории флорентийского народа», других сочинениях Леонардо Бруни (1370/74—1444) представляет республику на Арно как образец популанской демократии, хотя и отмечает аристократические тенденции в ее развитии. Он убежден, что лишь в услови-

Вид Флоренции.

ях свободы, равенства и справедливости возможно осуществление идеала гуманистической этики — формирование совершенного гражданина, который служит родной коммуне, гордится ею и обретает счастье в хозяйственном преуспевании, процветании семьи и личной доблести. Свобода, равенство и справедливость означали здесь свободу от тирании, равенство всех граждан перед законом и соблюдение законности во всех сферах общественной жизни. Бруни придавал особое значение нравственному воспитанию и образованию, видел в моральной философии и педагогике практическую «науку жизни», необходимую каждому для достижения земного счастья. Леонардо Бруни — гуманист и политический деятель, многие годы бывший канцлером Флорентийской республики, прекрасный знаток латинского и греческого языков, сделавший новый перевод «Никомаховой этики» и «Политики» Аристотеля, блестящий историк, впервые обратившийся к серьезному изучению документов о средневековом прошлом Флоренции, — Бруни, высоко чтимый согражданами, сделал чрезвычайно много для развития ренессансной культуры в первые десятилетия XV в. Под влиянием его идей сформировался гражданский гуманизм, главным центром которого на протяжении всего XV в. оставалась Флоренция.

В трудах младшего современника Бруни — Маттео Пальмиери (1406—1475), особенно в диалоге «Гражданская жизнь», идейные принципы этого направления нашли развернутое изложение и дальнейшую разработку. Моральная философия Пальмиери строится на понятии «естественной социальности» человека, отсюда и этическая максима подчинения личных интересов коллективному, служения общему благу. Принцип общего блага — определяющий в этике Пальмиери. Главный акцент он делает на созидательном, общественно полезном труде как непреложной норме индивидуального бытия. Доблесть личности раскрывается не в созерцательном уединении, но гораздо ярче в активной гражданской жизни, богатой творческой деятельности. Идея патриотизма, служения общест-

венному долгу, отказа от личных интересов во имя отечества звучит лейт-мотивом в диалоге «Гражданская жизнь» (ок. 1439). Он не осуждает стремление к накопительству, столь характерное для его современников, но признает морально оправданным лишь честный путь обогащения, не наносящий ущерба другим людям и обществу. Материальные блага — плод созидательного труда человека, они призваны украшать его мирское существование и, если разумно ими пользоваться, не влекут к греховности. Так решительно гуманист порывает с традицией аскетической морали средневековья. Гарантию нравственного совершенства индивида и общества Пальмиери видит в развитии культуры — он с гордостью пишет о наметившемся в его эпоху подъеме творчества художников, скульпторов, ученых.

Гуманистическая этика Пальмиери тесно сопрягалась с его социально-политическими идеями. Идеалом современного общества и государства служила для него, как и для Бруни, пополанская республика флорентийского образца, где законы ставили преграды произволу магнатов, предоставляли гражданам равные права участия в государственном управлении и требовали соблюдения норм правосудия от всех граждан без исключения, особенно от магистратов. Частная собственность и порожаемые ею богатства немногих и бедность большинства членов общества признавались Пальмиери, как и другими гуманистами его времени, нормой социальной жизни. Смягчению ее контрастов, предотвращению «смут» должна была служить государственная политика, справедливое распределение налогов среди имущих и предоставление работы неимущим. Этот идеал был далек от реальных флорентийских порядков: борьба олигархических группировок за власть сменилась в 1434 г. утверждением тирании Медичи; демократические принципы свободы, равенства и справедливости оставались лишь декларацией, сохранялась и благоприятная почва для социального недовольства и взрывов классового протеста. Эта ситуация, усугубившаяся во Флоренции во второй половине XV в., оказала заметное воздействие на социально-политические идеи гражданского гуманизма той эпохи. Пальмиери в поэме «Град жизни» (1464 г.) приходит к выводу о несовместимости господства частной собственности с «естественным законом» справедливости — его идеалом становится выдвинутый Цицероном принцип сочетания частной и общественной собственности.

Осуждению тирании Медичи посвящает свой «Диалог о свободе» (1479 г.) видный гуманист и политический деятель Флоренции Аламаччо Ринуччини (1426—1499). Трезво оценивая политическую реальность своего времени, Ринуччини с горечью отмечает утрату Флоренцией демократических свобод, нарушение законов, в частности при выборах магистратов, т. е. отход от республиканской системы правления. Ринуччини стоит на позициях пополанского демократизма, характерного для гражданского гуманизма предшествующей поры. В тирании Медичи он видит лишь отрицательные стороны, считая господство этого могущественного семейства источником всех зол и бед Флоренции. Неудавшийся заговор Пацци 1478 г. вызывает его сочувствие, тираноубийство представляется ему вполне правомерным, хотя и не единственным путем преодоления кризиса, в котором оказалось флорентийское общество. Как и другие гуманисты, он верит в воспитательную роль этики, знания, культуры. Нравственный идеал, совершенный образ жизни он связывает не только с активной гражданской деятельностью, но и с «созерцанием», с научными и литературными занятиями, обогащающими разум и полезными для общества. Он отдает предпочтение созерцательному образу жизни, когда в условиях тирании оказывается невозможной или бесплодной политическая активность. В концепции Ринуччини этика и политика взаимно обуславливают друг друга, тезис о служении отечеству диктуется жизненной ситуацией, что свидетельствует о гибкости, динамичности гуманистической мысли.

Политическая ориентация характерна и для гуманистической историографии. В исторических трудах Леонардо Бруни, Гиро Дати, Поджо Браччолини, для которых характерны актуализация средневекового прошлого Флоренции, победа пополанства расценивалась как закономерный итог развития города-коммун по пути утверждения свободы и справедливости; Флорентийская республика объявлялась «законной наследницей» республиканских традиций Древнего Рима. Гуманистическая историография Венеции в лице Бернардо Джустиниана, Сабеллико, Марино Санудо всемерно акцентировала достоинства аристократической республики св. Марка, представляла ее как образец совершенного государственного устройства. Апологетический характер в еще большей степени был присущ гуманистической историографии Милана: в сочинениях Симонетты, Мерулы, посвященных деяниям правителей из дома Висконти, а также Франческо Сфорца и Лодовико Моро, настойчиво проводилась мысль о величии древнего Милана, мудрости его герцогов, политика которых в XV в. — это особенно акцентировалось — вела к усилению мощи государства и расцвету культуры.

Историография XV в. отражала не только политические позиции гуманистов, но в еще большей степени явилась выражением их нового понимания истории, ее научного и воспитательного значения. История воспринималась ими в противовес средневековой традиции как процесс, развивающийся по собственным причинно-следственным законам, главным субъектом которых является человек — подлинный творец истории. Гуманисты безоговорочно приняли тезис Цицерона «история — наставница жизни»; они искали в древней истории образцы «правильно устроенных» обществ и государств. При этом они стремились к подлинному знанию фактов, шли к первоисточнику, отбрасывали легенды и мифы; всемерно повышали авторитет исторического знания, ставили на службу истории филологию, археологию, другие дисциплины. На развитие гуманистической историографии существенно повлияли труды Лоренцо Валлы, а также работы римских гуманистов — Флавио Бьондо, Помпоний Лето.

Секуляризация и рационализация исторической мысли, ее тесная связь с современной политической идеологией, а также с этическими учениями гуманистов — один из важных факторов развития ренессансной культуры Италии в XV в. Интенсивная разработка этики на новых основаниях, связанных с утверждением самоценности мирской жизни человека, в которой он должен чувствовать себя разумным хозяином, — еще один фактор, оказавший заметное влияние на дифференциацию итальянского гуманизма, наметившуюся уже в первые десятилетия XV в., когда наряду с этико-политической концепцией гражданского гуманизма возникла и другая линия — эпикурейская, нашедшая яркое выражение в учении Лоренцо Валлы (1405/07—1457), выдающегося гуманиста, чья деятельность протекала в Риме, Милане, Неаполе.

В диалоге «Об истинном и ложном благе» (или «О наслаждении»), написанном в 30-е годы и полемически заостренным против ригористической этики стоиков, Валла развивает концепцию высшего блага как наслаждения, основываясь на учении Эпикура. Главная особенность природы человека — способность испытывать наслаждение. Само стремление человека к духовным и чувственным наслаждениям, к полнокровной земной жизни — природный закон, направляющий всю жизнь человека, — ведь долг перед собственной природой превышает всего. В понимании Валлы земная юдоль ниспослана людям не ради исполненного печали приурочения к смерти, а для наслаждения красотой мира и творениями их собственных рук. Любовь человека к миру — это и есть любовь к присутствующему в нем Богу, а наслаждение миром — знак божественного благоволения. Валла отходил от традиционного противопоставления плоти духу, видя в них равноправные стороны человеческой природы, и оправдывал телесные наслаждения, запретные для христианской морали. Наря-

ду с понятием «наслаждения» категория «полезности» — основополагающая в этике гуманиста. Полезность наслаждения естественна, она как бы символизирует божественное благо. В стремлении к пользе и наслаждению каждого не должны нарушаться интересы других людей; принцип взаимной полезности лежит в основе общественного и государственного устройства. Учение Валлы, не посягавшее открыто на основы христианства, вело, однако, к всемерному оправданию мирской жизни и утверждению светской антиаскетической морали. Диалог «Об истинном и ложном благе» вызвал резкую критику со стороны теологов. Эпикурейская линия в гуманистической этике не получила широкого развития, тем не менее нашла во второй половине XV в. активных сторонников в кругу римских гуманистов — Помпонии Лето, Каллимаха и др. Лоренцо Валла вошел в историю гуманизма и как резкий обличитель церкви, монашества, теократических притязаний папства, убежденный противник вмешательства церкви в светские дела. Валла доказал подложность «Грамоты Константина», сфабрикованной папством для оправдания своих притязаний на светскую власть. Валла-филолог продолжил традицию изучения античных рукописей, поднимал авторитет науки о слове. Он разработал критический метод анализа текстов, применив его к изучению Библии. Комментарий Валлы к Ветхому и Новому завету — блестящий образец нового, научного подхода к тексту. Гуманистическая филология нашла дальнейшую плодотворную разработку в последние десятилетия XV в. в творчестве Кристофоро Ландино и Анджело Полициано.

Принципы гуманистической этики, покоившиеся на новом понимании природы человека, получили наиболее полное выражение в последовательной светской концепции Леона Баттиста Альберти — одного из самых выдающихся деятелей культуры Возрождения в Италии. В учении Альберти (1404—1472) исходными были близкие пантеизму философские воззрения, представления о неразрывной связи человека и природы, «естественности» человеческого бытия, законы которого согласуются с природными законами. Человек изначально наделен способностью к разумному постижению всего сущего и созиданию — в этом его главное отличие от животных, полагает Альберти. Во власти человека раскрыть эти природные способности и стать подлинным творцом самого себя, своей судьбы, своего земного мира. Поручкой тому — его воля, разум и доблесть (*virtù*), помогающие человеку выстоять в противоборстве с богиней случая Фортуной.

В диалоге «О семье», в трактате «О зодчестве» Альберти подчеркнул с особой силой творческую мощь человека — устроителя мира. Созидательная способность, высшее воплощение которой Альберти видит в архитектуре, — главное, что отличает человека, возвышает над миром живого. Отсюда и нравственный идеал активной жизни: «В праздности мы становимся слабыми и ничтожными. Искусство жить постигается в деяниях». Наделенный от природы разумом и талантом, человек призван творить, на пользу себе и другим, умело создавать свою земную жизнь. Альберти очень остро ощущает и несовершенство реального бытия, исполненного противоречий, нравственно ущербного, далекого от идеала, продиктованного высоким предназначением человека. В сочинении «Мом, или о государе», написанном в духе сатир Лукиана, гуманист смеется над мелочностью людских забот, склонностью людей легко впадать в порок; он с горечью сетует на неспособность человека сделать собственную жизнь счастливой, достойной великой цели — познавать и творить. Реальный мир людей дисгармоничен — тем важнее установить в нем равновесие, гармонию личности и общества, внутреннего бытия человека, ибо только гармония может стать гарантией счастья. Этическая концепция, которую Альберти излагает в моральных диалогах на вольгате, исполнена веры в способность человека к совершенствованию, к активному разумному устроению жизни семьи, общества, государства, всего земного бытия. Высшую ценность

для человека, не устает повторять он, должно составлять не богатство, а добродетель. Богатство — лишь средство обеспечить достойную жизнь, нравственное и интеллектуальное совершенствование личности. Творчество Альберти лишено теологической проблематики, а в его мировоззрении отчетливо проступают черты пантеистической философии, в рамки которой вписано и его учение о человеке.

Во второй половине XV в. идейная дифференциация в гуманизме углубилась. Наряду с гражданским гуманизмом Ринуччини, концепцией Альберти появилось новое влиятельное направление — неоплатонизм: он был связан с деятельностью Платоновской академии во Флоренции, возглавленной с 1462 г. Марсилио Фичино (1433—1499). Выдающийся гуманист-философ, он перевел с греческого на латинский многие сочинения Платона и неоплатоников — Плотина, Ямвлиха, Прокла. Членами Платоновской академии были не только гуманисты — Джованни Пико делла Мирандола, Кристофоро Ландино, Джованни Нези, но и юристы, медики, художники, политические деятели, предприниматели. На собраниях ака-

демии обсуждались проблемы философии Платона и неоплатоников. Во второй половине XV в. академии стали распространенной формой сотрудничества гуманистов, они возникли в Риме, Неаполе, некоторых других городах. Их отличала атмосфера свободных дискуссий, творческих поисков, дружеского общения. Деятельность академий способствовала проникновению гуманистического движения во все области духовной жизни. Гуманизм становился подлинным идейным ядром ренессансной культуры.

Это особенно заметно в сфере образования и воспитания. Привычным явлением стали частные гуманистические школы; в университетах Флоренции, Милана, Болоньи, Падуи были введены новые дисциплины — поэтика, риторика, моральная философия. Комплекс гуманитарных знаний, разработкой которых занимались гуманисты, переживает во второй половине XV в. подлинный расцвет. Сочинения древних авторов в уточненных списках и новых переводах широко распространялись в рукописных и печатных изданиях. Развивалась и гуманистическая литература, пополняя библиотеки образованной прослойки общества. Создаются крупные книгохранилища древней и новой литературы во Флоренции у Медичи, при дворе римских пап, неаполитанских королей, миланских герцогов, правителей Феррары, у венецианских патрициев. Светская книга успешно конкурировала с церковной литературой, оказывая все более заметное воздействие на умонастроения самых разных слоев общества, на развитие литературы, искусства, науки, философии. Подъем образования и культуры стал зримым итогом движения гуманистов, о котором с гордостью писали они сами: в конце XV в. Фичино назвал свое время «золотым веком» дарований и открытий.

Осознание этих достижений, осмысление роли гуманистической интеллигенции в культурном развитии Италии наложило определенный отпечаток на решение гуманистами проблемы разума, знания, нравственного иде-

Л.-В. Альберти.
Автопортрет. Бронзовый медальон.
1430-е годы.
Вашингтон, Национальная галерея.

ала. Своеобразный культ разума и знания, последовательный антропоцентризм характеризуют гуманистическую мысль эпохи. С особой силой эта проблематика зазвучала в творчестве флорентийских неоплатоников — Фичино, Ландино, Пико, Нези, хотя заметный вклад в ее разработку внесли Аргиропуло и Полициано, Ринуччини и Альберти. В этике центральным становится вопрос о выборе нравственного идеала, о соотношении «действий» и «созерцания» на пути к достижению счастья. В первой половине XV в. гуманисты без колебаний отдавали предпочтение идеалу активной гражданской жизни, служению общему благу в рамках политической, хозяйственной, военной деятельности; теперь высоко оценивается «созерцание», мыслимое, однако, не в духе христианской традиции — как уход от мира во имя постижения богооткровенных истин, а как сосредоточение на научной и литературной деятельности ради познания мира и человека, блага его земной жизни. Это порождалось изменениями в социально-политической ситуации итальянских государств, где укреплялись монархические режимы и угасали коммунально-республиканские традиции, позволявшие господствующей прослойке общества активно участвовать в политической жизни города. С новой ситуацией связан кризис идей гражданского гуманизма, хотя некоторый отход гуманистической этики от проблем гражданской жизни к более отвлеченной метафизической проблематике не означал кризиса гуманистической идеологии в целом: ее основополагающие принципы сохранялись, а учение о человеке получило новый импульс развития, особенно в концепциях Фичино и Пико.

В «Платоновской теологии» (1469—1474 гг.) Фичино отводит человеку роль связующего звена мира — ведь он способен объять в познании все ступени мировой иерархии. Человек — единственная сущность, наделенная безграничностью познания и способная в мыслительной мощи сравняться с Богом. Знание человек обретает в процессе самопознания, а не изучения реального мира, постигая свободной творческой силой разума заложенные в нем идеи всего сущего. Идеалистическая гносеология Фичино отличалась от теории познания Альберти и Леонардо да Винчи, где исходной точкой служила действительность. Это принципиальное различие отчетливо выявилось и в их эстетических концепциях, в понимании источника красоты. Фичино связывал его с вливающейся в материю идей. Красота мира вызывает наслаждение им; любовь также путь познания, но не рационального, а мистического. Эстетика Фичино имела многочисленных приверженцев в гуманистической и художественной среде в конце XV — начале XVI в. и оказала прямое воздействие на изобразительное искусство эпохи.

В этике Фичино утверждается нравственный идеал созерцательной жизни. Это не исключает заботы о телесном — в разумной мере плотские удовольствия допустимы. Жизнь ученого, мудреца не тождественна монашеской аскезе, она не означает и полного отказа от мира, от гражданской жизни.

Еще более явно гуманистическое содержание идеала «созерцания» выявляется в этической концепции Кристофоро Ландино (1424—1498), друга и близкого соратника Фичино. Известный филолог-гуманист, читавший в течение многих лет во Флорентийском университете лекции по поэтике, комментатор сочинений Вергилия, Горация, «Божественной комедии» Данте, Ландино в своих главных работах («Диспуты в Камальдоли», «Об истинном благородстве») рассматривал преимущественно этические вопросы. Высоко ценя и активную жизнь, и созерцательное уединение ученого, склоняясь к идеалу сочетания этих двух принципов нравственного совершенствования человека, Ландино всемерно подчеркивает социальное значение науки, ответственную роль ученых в обществе — именно к их советам, основанным на глубоких познаниях, должны прислушиваться политики. Показательно, что мудрец у Ландино избирает созерцательную

Рафаэль. Мадонна Темпи.
Около 1507 — 1508 гг.
Мюнхен, Старая пинакотека

Альбрехт Дюрер. Автопортрет.
1498 г.
Мадрид, Прадо

Лукас Кранах Старший. Женский портрет.
1526 г.
Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж

*Питер Брейгель Старший. Страна лентяев.
1567 г.
Мюнхен, Старая пинакотека*

Рембрандт. Возвращение блудного сына.
Около 1668—1669 гг.
Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж

*Эль Греко. Погребение графа Оргаса.
1586—1588 гг.
Тоledo, церковь Санто Томе*

*Диего Веласкес. Сдача Бреды.
1634—1635 гг.
Мадрид, Прадо*

Дионисий. Иллюстрация строфы
«Светопримную свечу во тьме сущим являющую...»
Акафиста Богородице.
Фрагмент росписи собора Рождества Богородицы
Ферапонтова монастыря.
1502 г.

жизнь, но во имя общего блага. Как и многие гуманисты, Ландино верил в позитивную преобразующую силу этики. Знание, профессиональное мастерство, добродетель — главные компоненты понятия «истинное благородство», которое не связано с происхождением, титулами или богатством, а выражает признание обществом заслуг личности в сфере гражданской жизни или интеллектуальной деятельности.

В атмосфере возвеличения разума, знания, творческих способностей личности развивалось и учение о достоинстве человека Джованни Пико делла Мирандола (1463—1494) — выдающегося философа, блестящего знатока античной мысли и средневековой философии, включая арабскую. Его «Речь о достоинстве человека» — подлинная героизация человека в космических масштабах. Возвышая человека над прочими творениями, он наделяет его исключительной, божественной способностью формировать себя, свою сущность, опираясь на свободную волю. Человеку принадлежит уникальное место в мире, он сам определяет его, творя себя — либо возвышаясь в познании до ангельского интеллекта, либо, отдавшись во власть плоти, опускаясь до животного. Свободная воля и творческая сила придают ему царственность, богоподобность. Человек сам отвечает за свою судьбу, гарантией правильно избранного пути служит его разум, знания. Овладение философией — этикой и наукой о природе — задача каждого человека, способного собственными усилиями достичь счастья в своем земном существовании и в трансцендентном бытии прийти к высшему блаженству постижения богооткровенных истин. Занятия философией должны стать уделом каждого; она призвана помочь человеку обрести себя, осознать свое исключительное положение и призвание. Отвергая приверженность догме, авторитету, мыслитель должен свободно изучать все философские направления, искать истину, скрытую в разных религиозных обличьях, постигать ее, руководствуясь собственным разумом.

Идеи свободомыслия стали своеобразным завершением длительной борьбы гуманизма за расширение источников знания, обновление науки, за самостоятельное развитие философской мысли, не скованной церковно-схоластическими традициями. Это движение набирало силу в самых разных сферах ренессансной культуры — в философии и филологии, в историографии и естествознании, этико-политической мысли и эстетике. Оно складывалось в острой полемике гуманистов друг с другом, в идейной борьбе с их противниками из числа теологов, приверженцев схоластической науки.

Наступление на гуманистическое движение резко усилится в следующем столетии, хотя в конце XV в. оно еще даст ряд ярких фигур — Полициано, Понтано, Нези, которые обогатят его новыми свершениями. Поэт и филолог Андже́ло Полициано (1454—1494) высоко поднимал значение поэзии и науки о слове, видел в литературе самостоятельную сферу духовной деятельности человека, не зависящую от теологии. Он разработал критически-исторический метод в филологии, успешно примененный им к изучению сочинений античных авторов. Высокую оценку цивилизаторской миссии поэзии разделял и Джованни Джовиано Понтано (1426—1503) — поэт и политик, глава неаполитанской академии гуманистов. Понтано — автор многих астрологических и морально-дидактических поэм, трактатов по этическим вопросам, сочинения «Государь», где изложены принципы воспитания и образования совершенного правителя. Этические воззрения гуманиста близки традициям гражданского гуманизма, хотя в его этике более четко очерчен индивидуальный аспект добродетели.

К концу XV в. в итальянском гуманизме, несмотря на наличие в нем разных направлений, сложилась общность нового мировоззрения. Всемерно подчеркивалось высокое достоинство человека, творчески активного, способного к безграничному познанию мира и устройению своего земного бытия. Овладение знанием, культурой рассматривалось как главный путь

совершенствования личности и общества, ведущий к индивидуальной и социальной свободе. Оправдание мира и человека, преодоление средневекового дуализма мира и Бога, ориентация на проблемы земного бытия человека — таков важнейший итог гуманистической мысли XV в., получивший в Италии яркую светски-рационалистическую окраску.

Гуманизм оказал огромное влияние на всю культуру Возрождения, став ее идейным стержнем. Гуманистический идеал гармоничного, наделенного талантом созидания, героизированного человека с особой полнотой отразился в ренессансном искусстве XV в., в свою очередь обогатившем этот идеал художественными средствами. Живопись, ваяние, зодчество, вступившие уже в первые десятилетия XV в. на путь радикального преобразования, новаторства, творческих открытий, развивались в светском направлении. В архитектуре этого времени формируется новый тип здания — городского жилища (палаццо), загородной резиденции (вилла), совершенствуются различные виды общественных сооружений. Функциональность новой архитектуры гармонически связана с ее эстетическими принципами. Использование сложившейся на античной основе ордерной системы подчеркивало величественность зданий и в то же время соразмерность их человеку. В отличие от средневековой архитектуры внешний облик зданий был органически объединен с интерьером. Строгость и торжественная простота фасадов сочетаются с просторными, богато украшенными внутренними помещениями. Ренессансная архитектура, создавая среду обитания человека, не подавляла, а возвышала его, укрепляя веру в себя. Ее творцами стали выдающиеся зодчие — Брунеллески и Микелоццо во Флоренции, Леон Баттиста Альберти во Флоренции, Мантуе и Римини, Лучано Лаурана в Урбино, Филарете в Милане.

В скульптуре переходят от готики к ренессансному стилю Гиберти, Донателло, Якопо делла Кверча, братья Росселлино, Бенедетто да Майано, семья Делла Роббиа, Верроккьо. Высокого уровня достигает искусство рельефа, отмеченное гармоничностью пропорций, пластичностью фигур, светской интерпретацией религиозных сюжетов. Важным завоеванием ренессансной скульптуры XV в. было отделение от архитектуры, вынесение свободно стоящей статуи на площадь (памятники кондотьерам в Падуе и Венеции). Быстро развивается искусство скульптурного портрета.

Живопись итальянского Возрождения складывалась прежде всего во Флоренции. Ее основоположником стал Мазаччо. В его фресках в капелле Бранкаччи героизация образов неотделима от их жизненной реальности и пластической выразительности (фигуры изгнанных из рая Адама и Евы). Процесс становления ренессансной живописи был противоречив, сочетание новых и старых принципов порождало многообразие переходных форм: исполненные лиризма, светлые и нарядные образы фресок фра Анджелико (в монастыре Сан Марко), декоративные и сказочные батальные сцены Паоло Учелло, насыщенные множеством жизненных деталей работы Беноццо Гоццолли (палаццо Медичи — Риккарди). В середине и второй половине XV в. становятся более интенсивными поиски художников в построении перспективы, пластической выразительности образов, достижении колористического богатства. Создавая портреты Данте, Петрарки, Боккаччо и других знаменитых людей, Андреа дель Кастаньо на основе энергичной светотеневой моделировки монументализирует фигуры. У Доменико Венециано, напротив, главным средством в построении образа становится цвет. Характерная черта живописи позднего Кватроченто — многообразие школ и направлений: складываются флорентийская, умбрийская, североитальянская, венецианская школы, в рамках которых отдельные художники дают начало новым направлениям. Во флорентийской школе живописи характерное для Филиппо Липпи увлечение жанрово-повествовательным началом по-своему развивает Доменико Гирландайо с его интересом к городскому быту в религиозных по теме композициях, проникнутых светским

духом. Особое место принадлежит творчеству Сандро Боттичелли, прошедшему сложную эволюцию. Он был создателем тонких, одухотворенных образов, обращался к мотивам античной мифологии (картины «Весна», «Рождение Венеры» и др.), но его поздние работы проникнуты напряженным драматизмом, религиозной экзальтацией.

Крупнейшим представителем умбрийской школы был Пьеро делла Франческа. В станковых картинах и фресках, отличающихся строгой архитектурной, он создает величавые, эпически спокойные, монументализированные образы, доводит до совершенства перспективное построение своих работ и красоту высветленного колорита. Мастерами пространственных композиций с поэтическими пейзажными фонами были Перуджино и Пинтуриккьо, также принадлежавшие к умбрийской школе. В северо-итальянской живописи последовательное утверждение ренессансных принципов связано с творчеством Андреа Мантеньи. Увлеченный римской античностью, он стремился к героизации образов, обращался к чеканно-челким формам. Венецианские художники XV в. — Антонелло да Мессина, Витторе Карпаччо, Джованни Беллини — в многофигурных картинах и портретах развивали ренессансные начала живописи.

Портретный жанр, широко распространенный во второй половине XV в. в живописи, графике, скульптуре, медальерном искусстве, был особенно тесно связан с гуманизмом. На коллективном портрете первой половины XV в. сказалось влияние идей гражданского гуманизма, а характерный для позднего Кватроченто индивидуальный портрет отразил не только изменения в общественном сознании, усиление в нем индивидуалистических тенденций, но и развитие гуманистического идеала человека, интереса к личности.

Процесс взаимообогащения ренессансного искусства и гуманизма в Италии XV в. проявился и в развитии эстетических концепций, в разработке которых принимали участие и гуманисты, и сами художники. Особенно значительна была роль Альберти, автора трактатов о зодчестве, живописи и ваянии. В последние десятилетия XV в. заметное влияние на искусство начали оказывать эстетические идеи флорентийских неоплатоников, особенно Марсилио Фичино.

К концу XV в. разновременность вступления на ренессансный путь литературы и искусства, гуманитарных и естественных наук и различие темпов их развития уже не накладывали на общий характер культуры столь заметного отпечатка, как было еще в середине столетия. Культура итальянского Возрождения вступила в фазу всестороннего расцвета.

*Боттичелли. Рождение Венеры.
Около 1485 г. Фрагмент.
Флоренция, Уффици.*

Глава 2

КУЛЬТУРА ИТАЛИИ

XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

XVI столетие — золотой век итальянской литературы, изобразительного искусства, натурфилософии, великих открытий в области естествознания. Огромные материальные ценности, богатейший опыт художественного мастерства, накопленный в прошлом, служили базой для невиданного подъема творческих сил народа. То была эра титанов Возрождения, когда Италия дала миру самых оригинальных и смелых мыслителей, заложивших основы нового мировоззрения, в центре которого находились природа и человек. Вместе с тем глубокие социальные и политические потрясения, изнурительные войны, феодальная реакция и Контрреформация накладывали неизгладимый отпечаток на духовную жизнь народа. В культуру Возрождения все настойчивей вплетались старые, казалось, отжившие средневековые традиции, а также новые антиренессансные мотивы, видоизменяя гуманистические идеалы и подводя постепенно к иным типам культуры.

Первые признаки отхода от радужных надежд гуманизма проявились уже в начале века. И в то же время сфера его влияния расширялась, охватывая разные круги итальянского общества. Усилилось расслоение гуманистической мысли, нередко смещение ее с другими идейными течениями. Это сопровождалось обобщением достижений гуманизма, вплетением их в общую канву ренессансной культуры, продолжавшей, несмотря на внутреннюю противоречивость, в течение еще целого столетия сохранять определенное единство в борьбе с религиозным аскетизмом и схоластикой.

Если в XIV—XV вв. главные очаги новых веяний — передовые города, где появились ростки буржуазных отношений и формировалось светское видение мира, то в XVI в. средоточиями культуры все более становились дворы вельмож, государей, князей церкви. Процесс этот, начавшийся столетием раньше вследствие гибели вольных городских коммун, в XVI в. приобрел всеобщий характер. Исключением оставалась Венеция, сохранявшая свой республиканский строй и все еще важное положение на Адриатике.

В ренессансной культуре четко обозначились две главные по социальной сути струи — народно-попoлaнская и аристократическая. Гуманистические идеалы элиты отвечали потребностям дворянства и новой знати; слабели мотивы гражданственности, усиливались эпикурейско-гедонистические настроения, превознесение созерцательной жизни в радости, наслаждении, в благородных умственных занятиях, способствующих формированию тонкого вкуса, развитию интеллекта, высокой духовности, а вместе с тем изящных манер и галантности. В дворцах итальянской аристократии создавались богатые библиотеки, коллекции картин и статуй, археологических раритетов.

Римские первосвященники умело использовали культуру Возрождения в своих интересах. Яркий пример тому — Лев X из рода Медичи. Воспитанный в атмосфере ренессансной Флоренции, папа слыл знатоком античной словесности и классического искусства. Равнодушный к делам религии, он жил в свое удовольствие, окруженный выдающимися гуманистами, художниками, поэтами. Благоприятную почву новые тенденции нашли при дворе испанских вице-королей в Неаполе, а также в герцогствах Северной Италии — Мантуе, Виченце, Ферраре и др. Одним из центров рафинированной культуры стал и город Урбино. При дворе Гвидобальдо да Монтефельтро и его супруги в первой трети XVI в. собрался кружок блестящих гуманистов. В этих государствах наблюдался своеобразный сим-

биоз средневековых традиций с высокой, порой даже изощренной ренессансной культурой.

Литературное творчество ярко отразило происходившие процессы: расцвела изысканная поэзия в стиле Петрарки (петраркизм), получила широкое распространение пастораль. На их развитие большое влияние оказал неаполитанский поэт Якопо Саннадзаро (1455—1530), прославившийся латинскими стихами в духе буколической поэзии Вергилия, Овидия, а также Петрарки и пасторальным романом «Аркадия», вызвавшим многочисленные подражания по всей Европе. За Саннадзаро следовала плеяда поэтов-петраркистов, стремившихся к совершенной форме стихосложения. Теоретик и глава одного из направлений петраркизма, венецианский гуманист и поэт Пьетро Бембо ратовал за единство классической формы и глубокого содержания.

В придворной атмосфере возник и жанр авантюрного рыцарского романа. Его родиной стала Феррара XV в., где гуманист Маттео Боярдо на мотивы «Песни о Роланде» создал эпическую поэму «Влюбленный Орlando». Сюжет этот подхватил и развил выдающийся поэт итальянского Возрождения Лодовико Ариосто (1474—1533). Его «Неистовый Орlando» пользовался огромной популярностью. Занимательный рассказ о приключениях отважного рыцаря Орlando, потерявшего рассудок от любви к коварной красавице Анджелике, о необычных, подчас забавных подвигах десятков других персонажей, нередко заимствованных поэтом из средневекового эпоса и кургузых рыцарских романов, проникнут тонким юмором и окрашен в оптимистические тона. Поэма Ариосто воспевала радость земного бытия, силу любви, благородство человека.

Своеобразным итогом развития гуманистической мысли, отразившим настроения гуманиста-аристократа, явилась «Книга о придворном» Бальдассаре Кастильоне (1478—1529) — шедевр итальянской прозы. Блестящий царедворец, дипломат и литератор, он рисует идеализированный портрет урбинского двора, жизнь которого строится по канонам гуманизма. Герой Кастильоне — образцовый вельможа, советник и спутник государя, одаренный, гармоничный человек, воспитанный в гуманистических принципах. Кое в чем отступаая от этих принципов, Кастильоне полагал, что многогранной, совершенной личностью может быть лишь аристократ, а разумно организованное общество — это княжество, управляемое государем с помощью мудрых советников из знати. Несмотря на это, главным в труде Кастильоне остается ренессансный идеал совершенного человека и общества как содружества гуманистов.

В творчестве писателей XVI в. тема придворной жизни стала одной из излюбленных. Джованни делла Каза (1503—1556), политический деятель и поэт-петраркист, в трактате «Галатео» повествовал о светских правилах поведения. Многочисленные назидательные истории, своего рода небольшие новеллы, — главная ценность книги, написанной под несомненным влиянием Боккаччо. Об элитарном обществе и его забавах идет речь и в диалогах Пьетро Бембо «Азоланские беседы», написанных изящной прозой в стиле Боккаччо.

Влияние придворной среды, жаждавшей изысканных развлечений, сказалось и на становлении ренессансного театра, вначале любительского, и возникновении впервые в Европе «ученой комедии», ориентировавшейся на античную драматургию Плавта, Теренция. Переводя их на итальянский язык и подражая им, в роли драматургов стали выступать и итальянцы, писавшие на родном языке, — Ариосто, Ручеллаи, Чинцио. Наряду с богатым и разнообразным по стилям и жанрам творчеством на родном языке в Италии продолжала развиваться и ученая латинская литература, в значительной мере сохранявшая элитарный характер. Латинская литература приобретала важное социальное значение в эпоху Реформации и Контрреформации. В XVII в. латынь — снова признанный язык эрудитов.

Творчество элиты гуманистов, их оторванность от интересов масс, нарочитая изысканность, проповедь индивидуализма не могли удовлетворить широкие слои попопства, хотя отдельные книги, как «Неистовый Орландо», получили всеобщее признание. В демократической среде раздавался протест против условности, идеализации действительности, формализма, слепого следования классическим образцам. По мере осложнения социальных противоречий протест этот звучал все настойчивей. Сказывалось разочарование во многих идеалах гуманизма, что отразилось в новом стиле — маньеризме. Рядом с авторами пасторальных идиллий, поэтами — поклонниками Петрарки возникает фигура поэта — антипетраркиста и сатирика. Писатели этого направления черпали вдохновение на улицах и площадях, обращались к фольклору, благодаря чему в ренессансную культуру вливалась мощная народная струя. Интерес к народным преданиям характерен для новеллиста, автора книги «Приятные ночи», Джованни Франческо Страрпарола (ок. 1500 — ок. 1557). Правдивые, часто трагические образы создавал ломбардец Маттео Банделло (1485—1561) в своих новеллах (их известно 214). Одна из них посвящена любви Ромео и Джульетты, ее сюжет позднее заимствовал Шекспир. В творчестве писателей, близких по духу к народу, звучала резкая критика социальных недугов. Комедия Макиавелли «Мандрагора», фабула и персонажи которой навеяны реальностью, — ядовитая и смелая сатира на церковь и общество.

Среди писателей-сатириков первой половины XVI в. выделялся Франческо Берни (1497—1535), создавший особый пародийный стиль бернеско, или бурлескный (шуточный). Высокопарным слогом он писал о вещах обыденных, высмеивая клир и аристократов. О демократическом течении в гуманизме, о его народных корнях свидетельствует творчество флорентийца Джамбатиста Джелли (1498—1563). Простой ремесленник, Джелли занялся науками, став крупным ученым, знатоком Данте и первых гуманистов. В диалогах «Цирцея» и «Причуды бочара» он обличал пороки общества. Его идеал — всесторонне развитая личность, но не вельможа, воспетый Кастильоне, а каждый, кто сочетает свою работу с изучением наук. В отличие от большинства гуманистов он верил, что и люди физического труда способны познать блаженство созерцательной жизни. Ярким народным языком писал Аньоло Фиренцуола (1493—1545), монах-доминиканец, автор возрождавших боккаччевские мотивы «Бесед о любви» и «Золотого осла» (переработка Апулея).

В Италии зарождалась публицистика, возник прототип журналиста, писавшего на злобу дня и жившего литературным заработком. Свообразными предшественниками газет стали рукописные листки, распространявшиеся без ведома властей: их прикрепляли к стенам и вратам храмов, в Венеции — к статуе горбуна на Рьяльто, в Риме — на постамент обломка античной скульптуры у дома Пасквино (отсюда пасквинат, пасквиль). В листках высмеивали сильных и богатых, служителей церкви, пап, сообщали новости.

С пасквилям в Риме началась литературная карьера Пьетро Аретино (1492—1556), перебравшегося затем в Венецию — центр относительного свободомыслия в эпоху Контрреформации. Едкий сатирик и пародист, Аретино вскрывал темные стороны жизни, обличал духовенство, потешался над рыцарскими обычаями. Разящего слова Аретино боялись, прозвав «бичом божьим», грозой князей и римской курии. Вокруг Аретино группировались «полиграфы» (писатели, сотрудничавшие с издателями). Аретино любил искусство и был другом Тициана. Некоторое время к кружку Аретино принадлежал Никколо Франко (1515—1570), публицист, непримиримый враг произвола князей, испанского ига, постоянно обличавший духовенство и пап. Обвиненный в ереси, он был повешен в Риме.

В 1548 г. в Венецию из Флоренции перебрался Антон Франческо Дони (1513—1574), злой насмешник и зоркий бытописатель, гордившийся тем,

что писал для простого народа. Острым сатириком, бичевавшим суеверия, схоластику, ханжество и «святую ослиность» христиан, был и Джордано Бруно (1548—1600), автор стихов на латинском и итальянском языках, комедии «Подсвечник», трактата «Изгнание торжествующего зверя» и др.

Из самой гущи народа происходил Бенvenuto Челлини (1500—1571). В жанре литературной автобиографии его «Жизнеописание» занимает особое место. Ювелир и скульптор, изваявший знаменитого «Персея», был простым ремесленником. В книге, написанной простонародным, самобытным, образным языком, ведется рассказ о его беспокойной, полной превратностей жизни. Доблесть для Челлини — способность созидать, успехам он обязан собственным талантам и труду, гимн которому он поет. В книге проступает яркая индивидуальность и буйный характер Челлини, истинного сына своей эпохи. Не менее интересно сочинение «О моей жизни», принадлежащее Джироламо Кардано, ученому-математику и эрудиту.

Демократически настроенные писатели высмеивали ученую латинскую литературу. Ее пародировали на искусственном, так называемом макароническом языке — смеси латыни с итальянскими диалектами. Мантуанец Теофило Фоленго (1491—1544), известный под псевдонимом Мерлин Коккаи, на этом языке создал «Макаронию», состоящую из трех поэм. Наилучшая из них — «Бальдус» — острая сатира на рыцарство, монахов и пап. Явно пародируя Ариосто, Фоленго смешивал реальное и фантастичное, нагнетал комические ситуации, развенчивая прежние идеалы. Фоленго оказал влияние на Рабле и Сервантеса.

Многообразие стилей и форм творчества — признак богатства итальянской литературы, но также и противоборства идейных течений, в которых отразились настроения различных слоев общества. Даже проблемы лингвистики и филологии приобретали порой острое социальное и политическое звучание.

В XVI в. разгорелась бурная полемика о языке. Спор, начатый веком раньше, шел о равноправии итальянского языка с латынью. В литературе с новой силой восхвалялись достоинства живой разговорной речи, раздавался призыв глубже познавать реальность. Не отрицая необходимости изучения латинского, древнегреческого и древнееврейского, писатели XVI в. возвышали вольгаре, доказывая его богатство, красоту, включая в число важных наук. Дискуссия о вольгаре и латыни полностью не завершилась, и латынь отнюдь не вышла из употребления, но большинство литераторов отныне писали по-итальянски. Развернулось движение за совершенствование вольгаре и создание единого литературного языка, в чем проявилось возросшее чувство национального самосознания, тяга к объединению страны, объётой пламенем войн и междоусобиц. Большой вклад в развитие теории и стиля итальянского языка внес Пьетро Bembo в диалогах «Рассуждение о прозе народного языка». Секретарь папы Льва X, в конце жизни кардинал, Bembo был человеком многогранных интересов. Основой единого итальянского языка он считал старое флорентийское наречие, на котором писали Петрарка и Боккаччо, и призывал к очищению его от последующих наслоений, что не учитывало, впрочем, естественных изменений, происходивших в языке, и приводило к его архаизации. И тем не менее выступление Bembo имело широкий отклик, сыграв положительную роль не только в совершенствовании лингвистики и филологии, но и во всем культурном развитии Италии.

Теоретические вопросы филологии интересовали и Макиавелли, написавшего в похвалу тосканского наречия «Диалог о языке» (опубликован лишь в XVIII в.). В отличие от Bembo Макиавелли восхвалял не омертвевший тосканский диалект XIV в., а живую речь флорентийцев своего времени, обосновывая тезис о неизбежности языковых перемен, возникающих с течением времени. Развитию литературного языка Макиавелли спо-

собствовал всем своим творчеством: его произведения относятся к лучшим образцам итальянской прозы.

Приверженцы «тосканской» теории имели немало оппонентов. «Анти-тосканизм» находил сочувствие у Андже́ло Беолько по прозвищу Рудзанте (1502—1542), сочинявшего на падуанском диалекте комедии из жизни крестьян, проникнутые народным юмором. Сын рыбака Андреа Кальмо (1510—1571) на венецианском наречии писал пьесы, пасторали, эклоги, близкие творчеству простолудинов. Существовала литература на сиенском, неаполитанском и других диалектах.

Споры о языке и филологические исследования имели важное значение для формирования нового мировоззрения. Знание классических языков позволяло правильно понять старинные тексты. В эпоху Возрождения, и особенно во второй половине XV—XVI вв., был открыт мир древних греков, переосмыслено учение Аристотеля, очищенное от искажений арабских, латинских и других комментаторов. Лингвистические занятия дисциплинировали мысль, способствовали созданию ясной манеры изложения не только на латыни, но и на родном языке. Важную роль играла переводческая деятельность гуманистов. Полемика о языке — своеобразный отзвук социальных противоречий, кипевших в стране, и попытка преодоления вековых центробежных тенденций.

Усилению объединительных настроений, демократизации гуманистической мысли способствовало книгопечатание. Изобретение Гутенберга восторженно приветствовали передовые мыслители Италии. За первым печатным станком, установленным в предместье Рима (1455 г.), последовали новые: в самом Риме, Венеции, Милане, Вероне, Флоренции, Неаполе, других городах. Роль печатников в духовном развитии страны в эпоху Возрождения была огромной. Среди них в начале XVI в. выделялся Альд Мануций Старший — выдающийся организатор книжного дела и ученый огромной эрудиции. Альд поддерживал связь с прославленными гуманистами, в числе его друзей был Эразм Роттердамский. Создав первую в Венеции «Новую академию» для изучения и сверки древних текстов, Альд помог более глубокому ознакомлению европейцев с античным наследием. Среди книг, выпшедших из его типографии («альдин»), немало первых изданий греческих и латинских классиков, отличавшихся красотой оформления. Для Альда работали выдающиеся художники — ювелиры, граверы, резчики букв.

В XVI в. Венеция стала крупнейшим центром типографского дела и книжной торговли всей Европы, в ней насчитывалось до 113 печатен и обитало более половины всех итальянских издателей и книготорговцев. Вокруг типографий и книжных лавок группировались ученые-гуманисты, многоликая толпа писателей-публицистов, корректоров, оформителей книг. Литераторы этого круга издавали доступные народу книги и брошюры, способствуя широкому распространению возрожденческой культуры. Далеко продвинулось библиотечное и музейное дело (крупным собранием книг и рукописей владела библиотека Сан Марко в Венеции, основанная в 1468 г.). Начались описание и классификация книг, способствовавшие развитию библиографии.

С началом Контрреформации картина резко изменилась: церковь взяла книгопечатание под свой контроль. Индексы запрещенных книг, жесткая цензура, многочисленные ограничения нанесли книжному делу Италии ощутимый урон.

Стремление преодолеть внутренние противоречия, концентрировать силы в борьбе против схоластики и догматического восприятия мира вело к созданию эрудитских собраний, кружков и академий уже в XV в.

XVI в. отмечен особым интересом к академиям. Эти объединения оставили заметный след в истории итальянской культуры. Весьма далекие от нынешних академий, лишь в конце XVI—XVII в. они стали обретать ха-

рактически истинно научных обществ, специализировались академии художников, литераторов, академии ученых естественных наук. Им давались символические, часто шуточные названия. Наиболее известны академия «Гневных» в Риме, «Темных» в Лукке, «Проснувшихся» в Неаполе, «Рыцарей» в Палермо, «Мокрых» во Флоренции. Последняя, преобразованная в академию «делла Круска» («заботящаяся о чистоте языка»), выпустила первый большой «Словарь итальянского языка» (1612 г.). Знаменитая академия «Линчеи» («рысьеглазых»), основанная в 1603 г., стала национальной академией Италии, существующей и поныне. Так, формирование новой культуры совершалось нетрадиционными путями, в обход школ и университетов, где в значительной мере сохранялись старые традиции. Но передовые идеи проникали и в итальянские университеты. Отсутствие в них теологических факультетов (существовали лишь кафедры богословия), приоритет медицинских и юридических факультетов, относительная независимость их от церковных властей облегчали возможность более свободного исследования природы и человека. Значение университетов велико и в языковой подготовке гуманистов. В XVI в. крупным центром философской мысли и медицины стал Падуанский университет. В нем работали Везалий и его ученики, изучавшие, несмотря на церковные запреты, строение человеческого тела. Здесь читал лекции Пьетро Помпонати, отрицавший бессмертие человеческой души; позднее преподавал Галилей. Тут царил дух скепсиса и рационализма, из стен университета вышло немало вольнодумцев и «ересиархов», развивавших смелые антикатолические суждения.

Нигде так отчетливо не проявлялись противоречия, раздиравшие итальянское общество XVI — первой половины XVII в., как в социальной мысли. Грандиозный культурный переворот, совершившийся в эпоху Возрождения, сказался и на развитии политической теории. Огромное влияние на ее развитие оказал Никколо Макиавелли (1469—1527), один из титанов Возрождения. Его «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «Государь», «Жизнь Каструччо Кастракани», «О военном искусстве», «История Флоренции» проникнуты чувством патриотизма и раздумьями о судьбах Италии. Это теоретические исследования, цель которых — выявить возможность создания на полуострове сильного государства, способного отразить натиск чужеземцев. Гуманистическая идея общего блага поставлена писателем на службу прогрессивных сил итальянского общества — зарождавшейся буржуазии и части популанства, пытавшихся воздвигнуть преграду на пути начавшейся феодальной реакции. В понимании Макиавелли эта идея приобретала, однако, своеобразный оттенок, выливаясь в учение о «государственном интересе», что вело к абсолютизации ин-

Никколо Макиавелли.
Портрет работы Санто ди Тито. XVI в.
Флоренция, Палаццо Веккио.

ститута государства. Макиавелли был решительным врагом аристократии, мелкодержавных князей, католической церкви и папства. В их эгоистической политике он усматривал главные причины слабости страны. Особо резкими были его нападки на церковь. Придавая большое значение религии в нравственном воспитании людей, Макиавелли отмечал, что сама она — порождение человеческого ума и создана в интересах государства. Он освобождал политику из-под власти христианской морали, подчинял религию политике.

Макиавелли считал, что Италия нуждается в сильной власти. Созданный им образ всемогущего государя, один из самых ярких в эпоху Возрождения, вызвал бесчисленные споры, ибо сочетал в себе идеальные черты (служение отечеству, долгу, всеобщему благу, духовная мощь) с реальными чертами кондотьера и тирана. К великой цели — учреждению прочного государства — правитель, по Макиавелли, идет, избирая предпочтительно «человеческий путь», путь добродетели. Но в случае необходимости, ради общего блага, он может пренебречь законами нравственности, свернуть на «звериную тропу», быть жестоким, хитрым и коварным. Этот образ не выдуман Макиавелли, он списан с натуры. Макиавелли обвиняли в безнравственности и беспринципности — так называемом макиавеллизме. Но между Макиавелли и макиавеллизмом нет знака равенства. Макиавелли был решительным противником деспотизма, его государь действует только в интересах общества, опираясь на народ, под которым понимались средние слои — пополаны.

Произведения Макиавелли оказали огромное влияние на развитие социально-политической мысли не только в XVI в., но и в последующие века. Они вызвали гнев и раздражение феодальных кругов и церкви, были внесены в Индекс запрещенных книг и подлежали уничтожению. Тем не менее идеи Макиавелли использовались его оппонентами, идеологами Контререформации, в частности в популярном трактате Джованни Ботеро «О государственной необходимости» (1589 г.).

Значителен вклад в политическую науку Франческо Гвичардини (1483—1540), представителя новой аристократии Флоренции. Противник и единоличной диктатуры, и демократии, он был поклонником олигархической Венеции. Этому мыслителю, обладавшему острым чувством реальности, чужда надежда на полное объединение Италии. Обеспокоенный вторжением иноземцев, он ратовал за создание конфедерации итальянских государств. Изогранный в политике, Гвичардини тонко вскрывал тайные ее пружины; его «История Италии» отражает понимание многих общественных явлений. Как и Макиавелли, он был противником католической церкви и папства.

Интересы Венецианского государства защищали Марино Санудо, Гаспаро Контарини — автор труда «О республике и магистратах Венеции», Паоло Парута, написавший «Венецианскую историю», «Политические рассуждения», «О совершенстве политической жизни». Как историк Парута по духу близок к Гвичардини, но выступал против Макиавелли, поскольку тот развенчивал миф о процветании Венеции.

Влияние Макиавелли сказалось и на развитии гуманистической историографии. Был нанесен ощутимый удар по объяснению исторических событий вмешательством Божьего промысла, утверждалось представление о том, что историю творят люди. Были открыты некоторые общие закономерности исторического развития: существование непрерывной борьбы между противоположными общественными группировками и партиями, наличие антагонизмов между бедными и богатыми; важная роль имущественных отношений. Постепенно входило в употребление трехчленное деление истории на древнюю, среднюю и новую. Летописный метод повествования отступал на задний план, главным становилось установление причинно-следственной связи событий, усилилась тенденция к обобщениям.

В XVI в. возникли новые отрасли знаний и прикладные науки — нумизматика, археология, совершенствовались топонимика, архивное дело. Тогда же получил распространение исторический взгляд на развитие искусства. Появились «Жизнеописания художников», написанные Дж. Джелли (Чимабуе, Джотто, Донателло, Гибerti, Брунелески). Наибольшей славой пользовалась книга Джорджо Вазари (1511—1574) «Жизнеописания знаменитейших живописцев, ваятелей и зодчих», содержащая 161 биографию. Вазари, сам выдающийся художник, этой книгой оказал заметное влияние на дальнейшее развитие искусствознания. Историю искусства Вазари разделил на три периода: античность, средневековье и Возрождение, а Возрождение, в свою очередь, на раннее, среднее и Высокое.

XVI век был временем дальнейшего развития гуманистической педагогики, ее достижения переняли эрудиты XVII в. В «Городе Солнца» Кампанеллы (1568—1639) создал яркую картину всестороннего умственного, физического и трудового воспитания. Крепостные стены его воображаемого города были расписаны картинами и превращены в наглядные пособия. По ним дети под руководством воспитателей познавали основы наук. Тема воспитания переключалась с мотивами самовоспитания. Некоторые авторы XVI в. понимали, что для совершенства человека недостаточно только педагогического мастерства, необходимо коренное изменение условий жизни; они создавали неосуществимые проекты социального переустройства, мечтали о «наилучших» государствах. Политическая теория и педагогика соприкоснулись с социальной утопией.

Большое влияние на развитие утопической литературы в Италии оказала «Золотая книжечка» Томаса Мора. Во Флоренции в 1519 г. вышло ее первое итальянское издание на языке оригинала. Одним из отзвучков на «Утопию» Мора были «Диалоги» Антонио Бручоли (Венеция, 1526), переиздававшиеся при его жизни трижды. Идеолог флорентийского пополанства, Бручоли ратовал за создание государства без бедных и богатых, где процветали бы люди среднего достатка, равные в правах. В 1548 г. «Утопия» Мора появилась в Венеции на итальянском языке в переводе Ортензио Ландо. Ее издатель Антон Франческо Дони, резко критикуя социальные пороки и следуя за Мором и Платоном, объяснял их господством частной собственности, разделением общества на богатых и неимущих. В диалоге «Мудрый или безумный мир» Дони изобразил идеальный город, построенный в виде круга, опоясанного стеной, с великолепным храмом в центре. Частная собственность и семья в нем уничтожены, дети воспитываются всем обществом, установлено полное равенство в распределении благ и удовлетворении насущных потребностей, все обязаны трудиться, в городе действует строгое правило — «кто не работает, тот не ест».

Наиболее последовательный идеал жизни философской общиной представлен в «Городе Солнца» Кампанеллы (1602 г., впервые опубликован в 1623 г.). Прекрасный город Калабрийца весьма напоминает идеализированную итальянскую коммуны той эпохи: он расположен на горе, окружен шестью рядами стен, на вершине возвышается величественный храм. Но внутренний строй этого города отличен от всех государств. Вся жизнь в нем построена согласно наукам, правление отдано в руки мудрецов. В городе Солнца полностью отсутствует частная собственность; общественная организация производства делает обязательный для всех труд не тяжким бременем, но радостным и приятным. В городе Солнца нет индивидуальной семьи, забота о здоровом потомстве рассматривается как важнейшее государственное дело, деторождение и воспитание отданы под особый надзор правителей.

Кампанеллу отличала необыкновенная вера в возможность претворения в жизнь его идеалов. Организатор неудавшегося заговора против испанского ига, еретик, заточенный в темницу «вечный узник», он искал пу-

ти осуществления своих надежд. В политических трактатах «Испанская монархия», «Монархия Мессии», «Речи к итальянским князьям» и многих других он осуждал Реформацию, усилившую раздоры, пытался убедить папу, испанского короля, государей Италии и Европы, призывая их к миру и созданию в интересах народов и всеобщего блага единого государства во главе с римским первосвященником при условии «великой реформы» и полного преобразования общества.

Если сторонники равенства и уничтожения частной собственности отражали радикальные настроения, близкие бесправным и угнетенным, то их противники не стремились изменить основы общества. Сочинения Ф. Патрици, Ф. Фильюччи, Л. Агостини, Ф. Альбергати и др. — свидетельство бурных споров о собственности и характере государства. В переходную эпоху эти проблемы звучали злободневно. В первой четверти XVII в. в полемику вступил Лодовико Цукколо, критикуя Мора. «Утопии» он противопоставил два типа совершенного государства: в диалоге «Счастливейший город» нарисована картина трудовой жизни немногочисленного народа — в равенстве и бедности, на основе частной собственности и мелкого индивидуального хозяйства; в диалоге «Республика Евандрия», напротив, дан образ большого и богатого государства, где господствует частная собственность, но лишь распределенная более равномерно, сохранены сословия и введен трудовой принцип жизни — даже больные и калеки выполняют там полезную работу. При всей противоречивости, непоследовательности утопической литературы для нее важна попытка дать ответ на вопросы времени, понять законы исторического развития. Для большинства итальянских утопий той поры характерны осуждение захватнических войн и забота о мире.

Интерес к познанию общественных явлений неразрывно сочетался со стремлением проникнуть в тайны природы, понять устройство вселенной. Вторая половина XVI — начало XVII в. прошли под знаком самоотверженной борьбы передовых мыслителей с церковной догмой и схоластикой. Решающей предпосылкой для взлета философской мысли были научные и технические достижения; в их развитии итальянцы принимали самое деятельное участие. Значение великих научных открытий хорошо сознавали мыслители той эпохи, преисполненные гордости за свое столетие, которое, по их представлениям, не только уравнило их с древними, но даже поставило выше.

Своеобразный характер развитию натурфилософии придавали религиозные искания гуманистов конца XV — начала XVI в., а затем Реформация. Конфессиональные споры усиливали интерес к вопросу о месте человека во вселенной, выливались в диспуты о его силах и гносеологических возможностях.

В XVI в. идея познаваемости мира посредством разума и ощущений завоевала довольно прочные позиции. Одним из первых ее обосновал Леонардо да Винчи (1452—1519). «Все наше познание начинается с ощущения», — замечал он, настаивая на тесной связи науки с жизнью. Леонардо по праву считают предтечей современного естествознания. Его многочисленные изобретения и открытия основаны на глубоком изучении природы. Он занимался математикой, физикой, механикой и оптикой, анатомией человека и животных, геологией и ботаникой, его интересовали вопросы космологии и астрономии. В дошедших до нас далеко не полных заметках Леонардо (а они насчитывают до 7 тыс. страниц) сохранились рисунки изобретаемых им летательных аппаратов — геликоптера и парашюта, гидротехнических и инженерных сооружений, ткацкого станка, плавильных печей, разнообразных машин. Его анатомические рисунки не утратили значения и в наши дни. Великий мыслитель и художник поистине являл собой образец всесторонне развитой личности, обладавшей энциклопедическими познаниями. Энгельс с полным правом отнес его к титанам Воз-

рождения. Примечательны эстетические воззрения Леонардо, считавшего искусства, и прежде всего живопись, средством познания мира: они выявляют конкретное, неповторимое; для него это та же наука, основанная на точном расчете и законах математики. Леонардо близки мотивы богоравности человека, который выступает как творец и величайшее орудие природы, он говорил об однородности человека, животных и природы, т. е. придерживался антропоморфного взгляда на мироздание, столь характерного для гуманистов. Леонардо высказал гениальную догадку, что Земля — небесное тело — не является центром вселенной. За подобные суждения сто лет спустя инквизиция послала на костер Бруно и осудила открытия Коперника и Галилея.

Огромное значение для развития новых представлений о человеке имели дебаты о бессмертии души и посмертном воздаянии. Сомнение в истинности этого постулата высказывали многие. Важную роль здесь сыграл профессор в Падуе и Болонье, комментатор Аристотеля Пьетро Помпонацци (1462—1525), глава школы итальянских перипатетиков. В трактате «О бессмертии души» на основе чисто логических рассуждений Помпонацци заключает, что душа человека материальна (поскольку мышление и познание невозможны без ощущений), а следовательно, смертна. «Никакими естественными способами нельзя доказать бессмертия души», — писал философ, верить в него можно лишь «на основе истинной веры». Вывод этот имел принципиальное значение: Помпонацци разграничивал сферы философии и теологии: рациональное, чувственное познание мира дано только философии, которая тем самым обособлялась в самостоятельную науку о человеке и природе. Учение Помпонацци способствовало развитию материалистических представлений, противоречило богословским догмам и было запрещено церковью.

Уже в первой половине XVI в. натурфилософские воззрения получили широкое распространение; в том или ином виде они встречались в литературе, в религиозных учениях еретиков — Окино, Вермильи, Курионе, антиринитариев. Гимн всемогущей природе цел Марчелло Палинджио Стеллато (Пьер Анджелио Мандзолли), автор поэмы «Зодиак жизни», где высказывал мысль о бесконечности мира и существовании объективной реальности — природы «для себя», независимой от людей. В этот период, однако, еще не было вполне сложившихся теоретических систем. Интерес к всевозможным религиозно-философским школам порождал заимствования, эклектизм и непоследовательность умозрительных построений. По-прежнему сильным оставалось влияние Аристотеля и Платона. В итальянской философии эпохи Возрождения сложились два основных направления: аристотелики (перипатетики) противостояли неоплатоникам. Последние, переработав учение Платона о вездесущности Бога и «мировой душе», создавали пантеистическую картину мира.

Во второй половине XVI в. разгорелись жаркие бои передовых мысли-

Леонардо да Винчи. Автопортрет.
Около 1512 г.
Турин, Библиотека.

телей с теологами из лагеря Контрреформации. При всей разноречивости главные идеи итальянских натурфилософов едины: признание бесконечности мира, его материальности и одушевленности, превращение Бога в перводвигатель, толкнувший природу к развитию по ее собственным, независимым от него законам, или растворение Бога в природе. Такие взгляды неизбежно вели к сомнению в истинности христианского вероучения. «Что такое Бог?» — задавался вопросом Джироламо Кардано (1501—1576). «Если бы я знал это, — отвечал он, — я был бы Богом» (ибо никто иной знать этого не может). Мир, по Кардано, материален и вечен, в нем совершается непрерывное движение. Заполняющая собою все сущее пассивная первоматерия под действием тепла и света принимает разнообразнейшие формы. Основные ее элементы — воздух, земля и вода. Они способны к самодвижению, источник его — расчлененная «мировая душа», создающая всеобщую одушевленность, в которой и проявляет себя Бог. Так Кардано оказался в лагере противников Аристотеля и использовал некоторые положения неоплатоников. Крупный математик и врач, он придавал большое значение чувственному восприятию, опытам, точным расчетам и внес немалый вклад в алгебру.

Вопрос о сущности Бога стоял и перед Бернардино Телезио (1509—1588), создателем пантеистического учения, оказавшего большое влияние на дальнейшее развитие натурфилософии. В трактате «О природе согласно ее собственным началам» и он выступил как открытый противник Аристотеля и схоластических методов познания. Согласно Телезио, мир сотворен Всевышним, но Бог — лишь перводвигатель, давший толчок развитию природы по ее собственным законам. В основе мира лежит материя, пассивная и темная, придающая вещам телесность и массу. Формы ее зависят от тепла и холода — активных начал, не существующих раздельно и вне материи. Основой жизни Телезио считал тепло — причину самодвижения. Признавая способность материи к ощущению, Телезио выступал как последовательный сенсуалист, считал познание мира возможным лишь с помощью чувств. Признав материальный характер жизни и «жизненного духа», мыслитель, однако, впадал в непоследовательность, полагая, что в человеке заключена вторая душа, которую вдохнул в него Бог. Огромным было влияние Телезио на Кампанеллу, разделявшего многие его мысли, в том числе суждение о Боге как первопричине. В условиях Контрреформации актуально звучало учение Кампанеллы о двух книгах — Писании, которое изучает богословие, и Природе, объекте исследования философии и естествознания. Это была попытка провести грань между наукой и религией, добиться права на независимое исследование, освободить философию от диктата теологии.

Иной оттенок натуральная философия получила у Франческо Патрици да Керсо (славянина из Далмации), также противника аристотелизма, критикуемого им в «Перипатетических дискуссиях». Собственные космологические представления Патрици изложил в «Новой философии Вселенной». Мир для Патрици един и бесконечен. Отрицая акт божественного творения и доказывая материальность вселенной, Патрици в отличие от Телезио полагал, что материя не пассивна, свет и тепло уподобляют ее потску. Условием существования материи являются пространство и время. Используя идею Платона о мировой душе, Патрици растворял Бога в природе.

Одну из самых радикальных и последовательных пантеистических систем эпохи Возрождения создал Джордано Бруно, убежденный сторонник коперниканства. В основе его теории лежали суждения о Едином и беспредельной вселенной, не имеющей центра. Она не сотворена, существует вечно и исчезнуть не может. Земля и небеса подобны, миры множественны. Важная часть его учения — представления о диалектическом совпадении противоречий в единстве вселенной, а также о мате-

рии — активном, творческом начале, условием существования которой являются время и пространство. Материя сама в себе содержит все формы и обладает свойством их создавать. Задумываясь о ее строении и следуя за атомистами Древней Греции, философ выдвинул учение о монадах — неделимых частицах, атомах, из которых состоит материя. Каждый атом есть бог, он заключен во всех вещах, разлит во всей природе. Способность материи-бога к движению Бруно назвал «душой мира», считая космос живым. В бесконечном его многообразии происходит вечное и непрерывное движение, приводящее к постоянным изменениям, перемещениям «душ» погибающих и вновь возникающих вещей. Пантеистические представления Бруно приближались к материализму и атеизму: вселенная, природа, бог у него совпадали.

Бруно — решительный враг церкви, вообще христианства; он исключал теологию из познания мира, полагая, что вера несовместима с разумом. Однако, подобно Макиавелли и Гвиччардини, Бруно признавал необходимость религии для наставления невежественных народов. Социально-политические требования Бруно — уничтожение светской власти церкви, призыв к труду, активной созидательной деятельности, звучащий в его учении о героическом энтузиазме, прекращение войн и раздоров — отражали настроения прогрессивных кругов общества. Воззрения Бруно были осуждены церковью, в 1600 г. он был сожжен на Кампо дель Фьоре в Риме.

Пантеистические по форме, атеистические по сути представления развивал и Джулио Чезаре Ванини (1585—1619). В трудах «Амфитеатр вечно-го провидения», «Об удивительных тайнах природы, царицы и богини смертных» Ванини полностью порывал с теологией, считая религию средством обогащения клира. И он был предан огню в Тулузе.

Научное исследование окружающего мира, успехи естественных наук привели к новому, качественному скачку в представлениях о мироздании. Отступало антропоморфное понимание вселенной, формировалась новая механистическо-математическая модель, утверждалось убеждение в существовании объективных, независимых от человека законов развития природы.

Огромное влияние на формирование нового видения мира оказали научные открытия Галилео Галилея (1564—1642), подтверждавшие гелиоцентрическую теорию Коперника. Великий ученый, астроном, физик, Галилей был человеком широчайших интересов, поэтом, автором комедий. Его вклад в познание реального мира неоценим. Первые наблюдения небесных светил в телескоп, открытие новых звезд, спутников Юпитера, фаз Венеры, гор на Луне, колец Сатурна, пятен на Солнце и т. д. означали подлинный переворот в представлениях людей о строении вселенной. «Звездный вестник», где ученый изложил результаты своих наблюдений, был с огромным интересом встречен передовыми мыслителями, но решительно осужден инквизицией. В 1616 г. подверглось официальному запрещению и коперниканство. Пытаясь обойти запреты, Галилей прибегнул к компромиссу, выступив, подобно Кампанелле, с учением о двух книгах — Писании и Природе. «Диалоги о двух системах мира», где изложено это учение, в Италии были запрещены, но их напечатали за ее пределами. Как ученый и философ Галилей связан с Возрождением, но уже преступает его возможности. Его труды открывают новый этап в развитии науки.

Передовой философской мысли и науке, как и всей ренессансной культуре, сокрушительный удар нанесла Контрреформация. Но, стремясь привлечь на свою сторону верующих, церковь действовала не только силой. Внутренние реформы церкви, укрепление дисциплины духовенства, повышение грамотности и культурного уровня клира предусматривали занятия науками. Итальянские миссионеры оставили описания виденных ими земель, способствуя развитию географии. Иезуит Даниело Бартоли (1608—

Галилео Галилей. Система мира. Гравированный титул.
Лейден, типография Эльзевиров, 1635 г.

1685) подробно рассказал о Японии, Китае, других странах Азии. Цезарь Бароний предпринял публикацию документов, хранившихся в Ватикане. Иезуиты изобрели стенографию. Однако клерикальная историография, восхваляя «католическую реформу», явно преувеличивает значение этой деятельности для развития культуры. Стремясь вернуть утраченные позиции, церковь преследовала за колдовство и магию, сжигала на костре ведьм, прививала фанатичную, слепую веру, страх божий, религиозный аскетизм.

Все это порождало иное мироощущение, углубляло кризис гуманистического движения, приводило к его распаду. Мотивы неудовлетворенно-

сти, меланхолии и беспокойства все чаще слышались в творчестве писателей и поэтов.

Деформация идей гуманизма особенно наглядно прослеживается в эволюции творчества Торквато Тассо (1544—1595). Сын известного поэта Бернардо Тассо, воспитанный Падуанского университета, разделявший гедонистические настроения, Торквато начал писать как гуманист. Под влиянием Ариосто и своего отца он создал рыцарский роман «Ринальдо», изящную пасторальную драму «Аминта», прославлявшие торжество любви и радость земной жизни. В 1575 г. Тассо завершил большую поэму «Гоффридо», возвышенную эпопею о первом крестовом походе, опубликованную его друзьями под названием «Освобожденный Иерусалим». В поэме заметно влияние эпических произведений древности («Илиада», «Энеида») и ренессансных рыцарских романов, особенно Ариосто. Но в ней уже чувствуется иное дыхание, отчетливо звучат христианские мотивы, в события вмешиваются силы ада и божественное Провидение. Жизненные невзгоды, душевная болезнь, страх впасть в ересь обострили кризис, переживаемый Тассо, оставив глубокий след в его дальнейшем творчестве. Поэму о крестоносцах он переделал, нарушив стройность композиции и «засушив» ее («Завоеванный Иерусалим»). В конце жизни Тассо написал «Семь дней сотворения мира» в духе идей Контрреформации.

XVII век отмечен дальнейшим отходом от «высокого» стиля Ренессанса, усилением драматизма и напряженности в художественном творчестве, а также утверждением формалистических тенденций. Этому немало способствовал Джамбатиста Марини (1569—1625), талантливый и популярный поэт, стремившийся к внешней эффектности, необычности и блеску стиха, основатель маринизма, или стиля XVII века, «сечентизма».

К этому времени феодальная реакция и Контрреформация одержали в Италии явную победу, хотя полностью искоренить прогрессивную идеологию не удалось. Ожесточенные столкновения противоречивых тенденций в культуре продолжались. Критическое отношение к социальным порядкам, освящаемым церковью, звучало в творчестве оппозиционных мыслителей. Осуждение папского произвола и церковных злоупотреблений нашло отражение в «Истории Тридентского собора» и других книгах венецианца Паоло Сарпи, отлученного от церкви. Обвинялся в ереси и Траяно Боккалини (1556—1613), друг Галилея, автор «Известий с Парнаса». Его книга — остроумная сатира на церковь и инквизицию, испанское засилье, чванливую придворную аристократию, стяжателей, литераторов-педантов. Протест против негативных явлений в обществе проявился в возрождении бурлескного стиля, оживлении пародии и комического жанра, ярким представителем которого был Алессандро Тассони, поэт и публицист, автор комедии «Похищенное ведро». Критика недугов общества выливалась в сочинение сатирических капитул о «Мире наоборот», о безмятежной стране Куканье, где всего вдоволь, нет сеньоров и богатей и где не надо работать. Их популярность возросла во второй половине XVI в., т. е. в разгар Контрреформации. Поэмы о Куканье печатали в дешевых изданиях для простолюдинов. Часто их авторами были радикально настроенные литераторы, подхватившие народные мотивы.

Демократические традиции, восходившие к Ренессансу, сохранились в театральных представлениях. На смену ученой комедии, изжившей себя, пришла комедия масок, зародившаяся в Венеции в середине XVI в. Тесно связанная с буффонадой и фарсом народных зрелищ, она была менее подвластна цензуре. Постоянные персонажи — маски Арлекин или Пульчинелла, Коломбина, Панталоне, Доктор, Капитан, Бригелла и др. — позволяли сохранять единообразие представлений на разные сюжеты. С театральных подмостков открыто звучали насмешки над жадными богачами, глупыми учеными, хитрыми монахами. В 60-х годах XVI в. появились первые постоянные труппы, а при них свои комедиографы — сценаристы. Комеди-

анты, переезжая из города в город, в другие страны, содействовали развитию театрального искусства во всей Европе. В конце XVI — начале XVII в. вместе с возникновением профессионального театра в столицах княжеств и в больших городах Италии сооружались специальные театральные здания со сложными подвижными декорациями.

Во Флоренции короткой музыкальной пьесой «Дафна» Якопо Перри положил начало опере (1594 г.), ставшей затем одним из наиболее ярких выражений национальной культуры итальянского народа. Ее возникновение было подготовлено всем развитием светской музыки эпохи Возрождения и воздействием богатого народного музыкального и песенно-танцевального творчества. Излюбленным жанром в светской вокальной музыке стал мадригал, развившийся от 4—5-голосного пения к сольному в сопровождении инструментальных ансамблей.

Подъему музыкальной культуры содействовало творчество композиторов венецианской школы. Андреа Габриели (1510/20—1586) написал музыку для торжеств в честь победы при Лепанто, хоровые партии к драме «Царь Эдип» и др.; его племянник Джованни Габриели (1557—1612) сочинял мадригалы, канцоны и сонаты для органа и особенно прославился «священными симфониями» для хоров с инструментами. Качественный скачок в развитии музыкального театра связан с именем Клаудио Монтеверди (1567—1643), которого считают первым композитором нового времени, создателем экспрессивного («взволнованного») стиля. Его музыка отличалась мелодичностью, драматизмом образов и богатством оркестровки. Наибольшим успехом пользовалась его опера «Орфей» на текст Оттавио Ручеллаи (1607 г.).

Продолжала развиваться и церковная музыка. Самым крупным композитором XVI в., писавшим благозвучную и величавую церковную музыку, был Джованни Пьерлуиджи да Палестрина (1524—1594), глава римской полифонической школы, автор сотен сочинений разного рода — от месс до мотетов и мадригалов.

Италия XVI—XVII вв. знала большое разнообразие музыкальных инструментов: лиру, цитру, цимбалы, клавесин, различные смычковые инструменты (виолы, скрипки), ударные и духовые (свирели, трубы), органы разной величины. Изготовлением смычковых инструментов славились мастера Бреши и Кремоны — Амати (1596—1684), позже Страдивари (1644—1737). По мере развития музыкального искусства складывалась теория музыки. Итальянская музыка оказала большое влияние на музыкальную культуру всей Европы.

Огромную роль в духовной жизни Италии играло изобразительное искусство, в котором наиболее зримо воплотились идеалы гуманизма и отразились этапы развития ренессансной культуры. Пройдя долгий путь развития, оно достигло невиданного совершенства и блеска, выработав ряд художественных стилей — классического ренессансного (ренессансного реализма), маньеризма, барокко, классицизма.

Для итальянской архитектуры первых десятилетий XVI в. характерны монументальность, величавая гармония образов, строгая соразмерность частей сооружений, нередко центральнокупольных, использовавших пилястры, колонны классических ордоров, роспись фасадов; происходило упорное вытеснение рудиментов готики, сохранившихся в искусстве раннего Возрождения. Богатая средствами выразительности, архитектура Высокого Возрождения отражала оптимистическое видение мира. Постепенно под влиянием сложных противоречий эпохи в архитектуру проникают антиклассические тенденции, подготавливая почву для торжества барокко и других направлений в искусстве.

Успехи строительной техники и инженерной мысли позволяли возводить огромные здания, чем особенно славился Рим. В начале столетия здесь работали выдающиеся зодчие во главе с Д. Браманте (1444—1514), среди

Собор и площадь Св. Петра в Риме.

них А. Сангалло-младший, Б. Перуцци. По проектам Браманте в Риме были построены дворы Ватикана и начато возведение грандиозного собора св. Петра. После смерти Браманте работы продолжил Рафаэль, ставший также создателем новых типов дворцов-вилл (вилла Мадама, Палаццо Пандольфини). В сооружении собора св. Петра принял участие и Микеланджело, назначенный главным строителем его в 1547 г. Микеланджело — зачинатель нового направления в архитектуре, отличавшегося динамичностью и напряженностью форм, ставших характерными для маньеризма и барокко. Это проявилось в построенных им зданиях Капитолия, лестницы библиотеки Сан Лоренцо во Флоренции и др. В строительстве собора св. Петра был занят и Дж. Виньола, а сооружение купола по проекту Микеланджело завершил Джакомо делла Порта. В XVII в. Лоренцо Бернини продолжил возведение главного собора Рима, соорудив на прилегающей к нему площади величественную колоннаду. Он украсил город другими зданиями и фонтанами в стиле барокко. Во Флоренции середины XVI в. ведущими зодчими были Дж. Вазари (1511—1574), Б. Амманати. В Венеции прославились Микеле Санмикеле и Якопо Сансовино (1486—1570), в Мантуе — Джулио Романо, в Виченце и Венеции — Андреа Палладио (1508—1580), строитель вилл-дворцов, органически вписывавшихся в природу. Трактаты Палладио и С. Серлио обосновывали стиль классицизма.

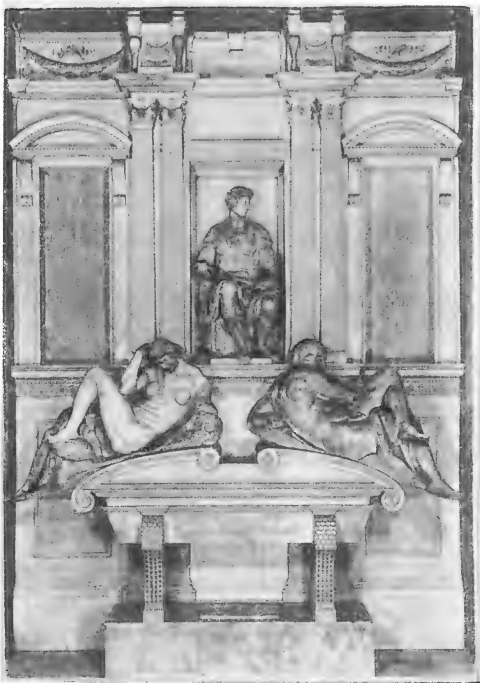
На развитие художественной культуры Высокого Возрождения огромное влияние оказал Леонардо да Винчи — гениальный живописец и скульптор, творивший во Флоренции, Милане, в конце жизни — во Франции. Он создал произведения огромного художественного воздействия. Его картины, по традиции написанные на религиозные сюжеты, наполнены глубоким гуманистическим содержанием, прославляют величие человека, его духовность, богоравность. Он воспевал счастливую материнскую любовь («Мадонна с цветком», «Мадонна Литта»), выражал слитность людей и природы («Мадонна в скалах»), живописал игру почти неуловимых противоре-

чивых движений души («Мона Лиза», или «Джоконда»), раскрывал разнообразие человеческой натуры, сложность психологических состояний («Тайная вечеря»). На грани двух эпох — раннего и Высокого Возрождения — Леонардо обобщил опыт прошлого и заложил основы нового этапа в развитии ренессансного искусства. Это отразилось в монументальности его образов, их обобщенности, в строгой архитектонике его картин. Важное значение имели теоретические труды художника — учение о перспективе, пропорциях, о строении человеческого тела.

Не меньшую роль сыграло творчество Микеланджело, человека неумной энергии, беспокойного, пламенного патриота и страстного борца против тирании. Ваятель, живописец, зодчий, инженер-фортификатор, поэт-лирик, он, как и Леонардо, был человеком всесторонних интересов и познаний. Родом флорентиец, Микеланджело одно время жил при дворе Лоренцо Медичи, был знаком с выдающимися гуманистами, членами Платоновской академии, восприняв многое из их идей. Но в отличие от утонченного искусства элиты его творчество проникнуто идеями гражданственности, глубокой верой в человека. Воплощение этих идеалов — его скульптуры, полные движения, драматизма, героики. Для Флоренции он изваял Давида, благородного защитника отчизны. Величие человеческого разума воспето им в образе Моисея, в храме Сан Пьетро ин Винколи (Рим). Чувство человечности и свободолюбия вызывают высеченные для гробницы Юлия II фигуры умирающего и скованного пленников. Глубокий философский смысл вложен в изваяния капеллы Медичи в церкви Сан Лоренцо во Флоренции («Утро» и «Вечер», «День» и «Ночь»).

Если в споре гуманистов, следует ли отдать предпочтение живописи или скульптуре, Леонардо выбирал живопись, то Микеланджело подчеркивал значение скульптуры, считая, что для художников она должна служить светочем. Это ярко проявилось в его росписях Сикстинской капеллы в Ватикане, которая содержит около 200 фигур. Отказавшись от помощников, Микеланджело совершил этот титанический труд один. Написанные им фигуры — могучие гиганты — объемно пластичны, как скульптурные изваяния. Изображая библейские сцены, художник показал величие и сложность натуры человека, многообразие его душевных переживаний — гнев, отчаяние, страх. Его беспокоили судьбы родины, переживавшей один из самых трудных периодов своей истории. Тревога эта усилилась под влиянием Контрреформации, крушения высоких гуманистических идеалов. Отсюда трагичность образов грандиозной фрески «Страшный суд» в Сикстинской капелле и созданных им знаменитых скульптурных «Пьетэ». О верности Микеланджело идеям гражданственности свидетельствует бюст тираноборца Брута.

Светлым гением Высокого Возрождения называют Рафаэля Санти (1483—1520), младшего современника Леонардо и Микеланджело. За свою недолгую жизнь он создал множество шедевров. Урбинец, ученик знаменитого Перуджино, Рафаэль упорно учился, следуя лучшим образцам искусства, а затем создал свой стиль и собственную художественную школу. Стройность композиции, идеализация образов, их одухотворенность, стремление отразить красоту мира и совершенство человека отличают полотна Рафаэля. Рафаэль способствовал окончательному оформлению канонов Высокого Возрождения. В своих многочисленных «Мадоннах» он воспел женщину-мать, озаренную высшей духовностью, полную обаяния и прелести. Среди них глубоким философским содержанием и высокой человечностью выделяется «Сикстинская мадонна», представляющая величественный и сложный психологически образ Марии. По заказам Юлия II и Льва X Рафаэль создал великие образцы монументальной живописи: росписи в залах Ватиканского дворца (многофигурные композиции — «Диспут», «Афинская школа», «Парнас», «Юриспруденция»). Славен Рафаэль и как мастер портрета: Бальдассаре Кастильоне он представил в об-

Микеланджело.

Гробница Джулиано Медичи в капелле Медичи церкви Сан-Лоренцо. Флоренция, 1520—1534 гг.

разе совершенной и гармоничной личности, сочетающей в себе духовные добродетели, элегантность и красоту; знамениты портреты Пьетро Аретино, папы Льва X с кардиналами. В творчестве Рафаэля воплощены представления гуманистов о высоком предназначении человека. Чуждый крайностей и трагического восприятия мира, уравновешенный и спокойный, Рафаэль избрал идеалом строгую соразмерность, гармонию, разумное соотношение реального и идеального. Он оставил много рисунков, эскизов, по которым работали его ученики. Влияние Рафаэля было значительным и в последующие века.

В период позднего Возрождения совершался постепенный отход от классического стиля великих мастеров первых десятилетий XVI в., уси-

ливались напряженность и драматизм образов, усложнялась композиция. В творчестве художников появляются элементы дисгармонии, декоративности, характерные для маньеризма. Не свойственные классическому ренессансному стилю черты возникают в живописи Понтормо (Якопо Караччи), Себастьяно дель Пьомбо, А. Бронзино и др. На становление маньеризма оказало влияние творчество Пармиджанино (1503—1540), отмеченное более субъективистским отношением к реальности, интересом к миру фантазии, необычному. Теоретическое обоснование этот стиль нашел в трактатах конца XVI — начала XVII в.

Художником, предвосхитившим ряд завоеваний барокко, был Корреджо (Антонио Алегри, 1489/94—1534), работавший в Парме, мастер настенной и плафонной живописи (фрески в женском монастыре св. Павла, в церкви евангелиста Иоанна, соборе Пармы).

Реалистическое искусство оказалось более жизнестойчивым в Венеции, где идеалы Высокого Возрождения нашли свое новое развитие. Великим художником, основателем Высокого Возрождения здесь был Джорджоне. Его творчество отличали особая прозрачность настроения, тонкое понимание природы, лиризм, гармоничный и мягкий колорит. Джорджоне прославлял красоту человека и радость жизни. Среди созданных им работ — «Гроза», «Юдифь», «Спящая Венера».

Расцвет и наивысший подъем венецианской школы связан с Тицианом Вечеллио (1477—1576). В его картинах с новой силой воплотились высокие гуманистические идеалы. В отличие от Леонардо, Рафаэля и Микеланджело, создававших обобщающие образы прекрасного, Тициана привлекали многообразие жизни, неповторимость конкретного и индивидуального. Первые творения Тициана отражают радостное восприятие мира, они лучезарны, полны сверкающей красоты («Любовь земная и любовь небесная», «Флора»), героики, радости и торжества («Празднество Вакха», «Вакханалия», «Вакх и Ариадна», «Мадонна семейства Пезаро»). Но молодой Тициан замечал и жизненные противоречия, резкие контрасты, что отразилось в картине «Динарий кесаря». Расцвет творчества Тициана пришелся на 40-е годы. Нарастание общественных противоречий, усиление реакции и Контрреформации, которая все более затрагивала и Венецию, изменение общей атмосферы в республике отражались на творчестве художника. Оно становится более драматичным («Каин и Авель», «Давид и Голиаф»); особое напряжение чувствуется в его картинах 50-х годов, когда по мере ослабления гуманистического движения все отчетливее обнаруживалось крушение высоких идеалов: Тициан избирает религиозную тематику («Святой Иероним», «Св. Себастьян», «Св. Магдалина», «Оплакивание Христа»), создавая героические и трагические образы. В старости этот великий колорист выработал новую технику письма — красочные мазки наносились на полотно шпателем и даже пальцами, создавая сверкающую цветовую гамму. Тициан оказал огромное воздействие на художников своего времени, особенно Веронезе, Тинторетто, и на мастеров других стран — Рубенса, Ван Дейка, Веласкеса, Рембрандта, многих великих живописцев нового времени.

Жизнеутверждающий, светский характер носило творчество Паоло Кальери, прозванного Веронезе (1528—1588). Он использовал мифологические и религиозные сюжеты, желая показать праздничную Венецию, обстановку патрицианских домов, пиршества, торжественные процессии, нередко выводив в картинах своих соотечественников. Инквизиция привлекала его к суду за слишком вольное толкование библейских сюжетов.

Одним из крупнейших живописцев Венеции был Якопо Робусти, по прозвищу Тинторетто (1518—1594), создавший свой художественный стиль. Его сложные композиции с обилием фигур и действием больших масс, находящиеся в стремительном движении, полны динамизма и экспрессии («Процессия св. Урсулы», «Битва при Заре»). Ему свойственно трагическое

восприятие жизни, вызванное разладом между идеальным и реальным. Свои сюжеты Тинторетто черпал главным образом в античной мифологии («Вакх», «Спасение Арсинои», «Ариадна», «Венера и Вулкан», «Происхождение Млечного Пути», «Меркурий и три грации» и др.). Позднее он обратился к библейской тематике. Картины этого периода проникнуты некоторой долей мистицизма («Введение Марии во храм», росписи в здании братства св. Рокко). Тинторетто работал непрерывно, напряженно и самозабвенно, нередко бесплатно. Выразителен поздний автопортрет художника — седобородого старца с огромными печальными глазами.

Конец XVI — первая половина XVII в. — время изживания маньеризма и зарождения стиля барокко (расцвет которого пришелся уже на вторую половину XVII в.). Протест против бессодержательности, формальных черт в искусстве выражает творчество Микеланджело Меризи да Караваджо (1573—1610), жившего во Флоренции и Риме. Он писал натюрморты, большие полотна на сложные темы, сцены из повседневной жизни («Фруктовщик», «Укушенный ящерицей мальчик» и др.). Обращаясь к религиозной тематике, он наделял святых человеческими страстями, воспевал прекрасное и трагическое («Видение Савла», «Мученическая смерть св. Петра», «Мадонна со змеей» и др.), вызвав осуждение церковников. Караваджо открывал новую страницу в истории искусства. Народный, светский характер живописи, блестящее мастерство художника прославили его имя не только в Италии, но и за ее пределами. Его влияние испытали великие мастера XVII в. — Рубенс и Рембрандт, испанцы Рибера, Сурбаран, Веласкес, француз Ж. Латур, итальянские художники-караваджисты.

Искусство Италии XVI — первой половины XVII в., отличавшееся невиданным разнообразием и множеством течений, достигло вершины своего подъема, оказав огромное влияние на всю духовную жизнь страны.

Однако развитие итальянской культуры, богатой, сложной и противоречивой, шло неравномерно. Причины этого коренятся в специфике исторической эволюции стран Апеннинского полуострова. Это был важный период в истории Италии. Гуманизм и натурфилософия нанесли чувствительный, хотя и не окончательный удар по старым представлениям о мироздании, человеке и общественных отношениях. В долгой и упорной войне с церковным догматизмом и схоластикой была подготовлена почва для развития новой науки и экспериментального естествознания. В борьбе за преодоление сепаратизма и раздробленности страны, а вместе с тем и культурного полицентризма, в более интенсивном формировании национального самосознания, начавшегося в эпоху Возрождения, важную роль играли контакты людей науки и искусства, творивших в разных уголках полуострова. Наличие многих центров ренессансной культуры, в которых сохранялись местные традиции, аккумулировался многовековой опыт, взаимовлияние различных философских школ, художественных стилей, литературных направлений. Флоренция, Венеция, Рим, Неаполь, Феррара, Урбино, Парма, Виченца, Мантуя, Бреша, Кремона и многие другие способствовали разнообразию и богатству начавшейся зарождаться национальной культуры, первой из национальных культур Европы. Ее становление, однако, в XVI—XVII вв. не завершилось. Процесс преодоления раздробленности страны затянулся, противоборство разных направлений в культуре, противоречивость идеалов, наличие антигуманистических течений тормозили начавшийся процесс. Повлияла на своеобразие культуры и весьма разнородная социальная среда. На изменение идеалов гуманизма и ренессансного восприятия мира большое воздействие оказали реформационные веяния и особенно Контрреформация, в результате которых обострился интерес к религии, вновь усилился мистицизм. Это помешало укреплению светского начала, жизнерадостного отношения к реальности.

Значение итальянской культуры XVI — первой половины XVII в., ее влияние в Европе огромны. Италия была родиной ренессансного гума-

низма, ее мастера выработали классические, непревзойденные художественные формы, «в Италии наступил невиданный расцвет искусства, который явился как бы отблеском классической древности и которого никогда уже больше не удавалось достигнуть»¹. Отныне европейская культура в своем развитии опиралась не только на античность, но и на достижения итальянского Возрождения. Но и Италия в свою очередь испытывала влияние культуры других стран; это проявлялось в связях итальянских и европейских гуманистов, распространении идей ученых греков, бежавших от турок, воззрений Эразма Роттердамского, Томаса Мора, немецких и швейцарских гуманистов, испанских мистиков — Леона Эбрео, Хуана де Вальдеса, Сервета, произведений Антонио де Гевары, Хуана Луиса Вивеса и др. Развитие Италии не было изолированным, оно совершалось во взаимодействии с развитием других стран Европы.

Глава 3

КУЛЬТУРА ГЕРМАНИИ, ШВЕЙЦАРИИ И НИДЕРЛАНДОВ

В культуре Германии, Швейцарии и Нидерландов с конца XV в. начался один из самых плодотворных периодов в ее истории — время расцвета гуманизма. Гуманистическое движение в этом регионе зародилось столетием позже, чем в Италии, в 1430-е годы. Оно опиралось на достижения передовой итальянской культуры, но уже с первых шагов стала намечаться и его собственная специфика: местные условия и идейные традиции определили особый интерес гуманистов к этико-религиозной и церковно-политической проблематике.

В развитии гуманизма в XV в. большую роль сыграли философские идеи Николая Кузанского, достижения в астрономии и математике венских ученых Г. Пейербаха и И. Региомонтана, пропаганда новой образованности итальянским гуманистом Энеем Сильвием Пикколомини, побывавшим в странах региона, лекции об античной культуре, которые читались в университетах странствующими немецкими поэтами-гуманистами Лудером и Карохом. Крупный вклад в становление гуманистической педагогики внесли уроженец Северных Нидерландов Р. Агрикола и немецкий поборник синтеза классической эрудиции и христианского благочестия Я. Вимпфелинг. Важное значение имели реформы, которые гуманисты сумели провести в университетском преподавании: они способствовали процессу секуляризации культуры, подрывали позиции схоластики, сближали гуманитарные науки с запросами жизни. Своими успехами гуманизм во многом был обязан великому открытию Гутенберга — книгопечатанию. К концу XV в. в Германии, Швейцарии и Нидерландах действовали уже более 80 типографий.

На рубеже веков быстро идет процесс объединения гуманистов в сообщества (Нюрнберг, Вена, Эрфурт и др.), которые обычно складывались вокруг крупных гуманистов или знатных меценатов. Здесь происходили свободный обмен мнениями и информацией, дружеская оценка работ, намечались программы, связывавшие гуманистов общими целями. Сообщества способствовали росту самосознания гуманистов, осмыслению задач движения, национальному и международному единению «республики ученых». В отличие от Италии немецкие сообщества не переросли в ранние

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 346.

академии: ни одна из групп не пережила раскола движения в начале 1520-х годов, вызванного Реформацией и обострением межконфессиональных противоречий.

Основные центры гуманизма в период его расцвета сосредоточились преимущественно в южной части региона: это были Нюрнберг, Аугсбург, Страсбург, Базель, Вена, Ингольштадт, Гейдельберг, Тюбинген и др.; в Средней Германии — Эрфурт, в Нидерландах — Девентер и Лувен. Гуманисты действовали даже в Кёльне — главной цитадели схоластики, монашества и клира.

Почти половину немецких гуманистов составили выходцы из бюргерства, около пятой части дало дворянство, примерно по десятой доле — патрициат и крестьяне. Их критика отживших представлений и порядков, этических установок, утверждение новых идеалов человека и общества, новой образованности, их вклад в пробуждение национального самосознания и борьбу за объединение Германии — все это расшатывало устои феодальных традиций и церковной ортодоксии, отвечало насущным потребностям раннебуржуазного развития.

Новые тенденции в гуманизме на рубеже XV — XVI вв. выразили Конрад Целтис (1459—1508) и Себастьян Брант (1457—1524). С именем Целтиса, крупнейшего неолатинского поэта Германии, связан расцвет чувственной жизнерадостной любовной лирики. Стремясь «приумножить славу отечества», добиться перемещения центра новой культуры из Италии в Германию, он основывал новые гуманистические содружества с широкой программой коллективной работы. Целтис призывал собирать, изучать и издавать источники, освещающие историю родной страны, ее культурные достижения. Он мечтал о политической централизации Германии, о прекращении княжеских междоусобиц. Насмехаясь над невежеством клира, он отстаивал необходимость связи гуманитарных наук с математикой и природоведением, ратовал за светскую образованность. Целтис предстал читателям в разных обликах: то восторженным поклонником языческой классики, то сторонником обновленного христианского благочестия, окрашенного в тона неоплатонизма, то апологетом древней, якобы исконно отечественной религии друидов, но при всех противоречиях главным стержнем его творчества всегда оставалась гуманистическая настроенность.

Иные аспекты немецкого гуманизма выразил саркастичный наблюдатель современных типов и нравов Брант. В городской литературе Германии конца XV в. господствовала сатира, которая «провождает в царство теней все отживающее»; ее народную грубоватость, дидактизм и обстоятельность в обличении пороков подхватили и развили гуманисты. Крупной вехой на этом пути стала книга Бранта «Корабль дураков» (1494). Написанная по-немецки, она сразу завоевала широкую популярность. Это своеобразное сатирическое «зерцало» предреформационной эпохи. Изображая дураков разных сословий и профессий, собирающихся в царство глупости, Брант обличает невежество и своекорыстие, засилье «господина Пфеннига», забвение общего блага князьями, попами, монахами, юристами. Нравоучительные сентенции, широкое использование народных пословиц и поговорок характерны для книги. Брант стремится к пробуждению разума и исправлению нравов в немецком отечестве, остро ощущая необходимость перемен в жизни общества. Его книга стала истоком обширной немецкой «литературы о дураках»; ее влияние сказалось и в других странах Европы.

Патриотические настроения немецких гуманистов проявились в их отношении к прошлому. Увлекаясь античностью, они в большей мере, чем итальянцы, обращались к средневековой истории. Антипапская направленность здесь распространилась шире и выразилась резче, чем в Италии. Характерной стала апология средневековой империи, противо-

стоявшей притязаниям папства. Особое внимание немецкие гуманисты уделяли древним германцам, истории империи Карла Великого и Оттонов, борьбе с папством, происхождению и развитию отдельных княжеств и городов.

Важную роль сыграло открытие итальянскими гуманистами трудов Тацита, забытых в средние века. На основе его «Германии» еще Эней Сильвий Пикколомини впервые сопоставил древнее состояние страны, не знавшей ни городской жизни, ни «прекрасных наук», с современной Германией, прославленной цветущими городами. Немецкие гуманисты с энтузиазмом подхватили и развили эту идею прогресса культуры за Альпами. Они значительно расширили круг источников по германской древности — письменных и вещественных. Осознание самостоятельной ценности дохристианского прошлого германцев и единства истории народа с древнейших времен до современности стало качественным сдвигом в историографии: зарождались представления о национальных путях развития.

Крупный вклад в историографию внесли два гуманиста-патриция — В. Пиркгеймер (1470—1530) в Нюрнберге и К. Пейтингер (1465—1547) в Аугсбурге. Пиркгеймер, друживший с Дюрером, отличался разносторонними интересами: переводил с греческого на латынь античных философов, писателей, географов, но также и образцы патристики; писал сатиры, занимался математикой и астрономией; дал компендиум сведений античных авторов о древних германцах; издал открытые Цельтисом сочинения монахини X в. Хротсвиты, «первой немецкой поэтессы». Одним из главных его трудов стала «История швейцарской войны».

Пейтингер славился как собиратель рукописей, монет, медалей, ваз, статуй и других памятников древности. Он опубликовал ценный эпиграфический материал, издал римскую карту дорог, найденную Цельтисом, «Историю готов» Иордана и «Историю лангобардов» Павла Диакона. Его основной исторический труд освещал развитие императорской власти от Цезаря до византийцев, а в «немецкой» части — от Карла Великого до современности.

Дальнейшие шаги в исторической науке сделали более молодые гуманисты. И. Авентин (1477—1534), изучая прошлое Баварии, систематически обследовал архивы, особенно монастырские; он писал не только по-латыни, но и по-немецки, живым и общедоступным языком. Б. Ренан (1485—1547) в комментариях к нескольким изданиям Тацита и в своем главном труде — «Трех книгах германской истории» — последовательнее своих немецких современников применял историко-филологическую критику источников. Он отказался от некоторых устойчивых легенд о немецком прошлом, одним из первых стал различать в истории три периода — древний, средний и «более новый». Швейцарский гуманист И. Вадиян (1484—1551), осветивший развитие литературы в немецких землях, также стал характеризовать период между античностью и успехами гуманизма понятием «средний век». Осознание совершенных новой культурой перемены все больше закреплялось и в терминологии.

Крупнейшим гуманистом всего Северного Возрождения стал Эразм Роттердамский (1469—1536). В отличие от сторонников Цельтиса он предпочитал национальному энтузиазму позицию гражданина мира, естественным и математическим наукам — литературно-филологические занятия и обсуждение религиозно-этических вопросов. Он публиковал со своими комментариями не только греческих и римских классиков, но и сочинения отцов церкви, в том числе восточных. Особое значение имели его издание очищенного от искажений греческого текста Нового завета и его новый латинский перевод, выявивший ошибки канонизированной церковью Вульгаты. Эразм систематизировал и развил метод и конкретные приемы критики текста, на гуманистический лад обособил способы его аллегорического толкования. В противовес схоластике, которую Эразм

остро критиковал, он интересовался не вопросами трансцендентности божества, а путями практического благочестия, основанного на осознании человеком божественного начала, скрытого в земном мире и проявляющегося в духовно-нравственной жизни людей. В этом учении сплелись элементы мистики и зарождающийся рационализм. Идеи Эразма, особенно его антропология, способствовали развитию пантеистических тенденций в философии XVI в.

Лучшие качества ума, сердца, воли человека, совершенствование его природных сил и способностей Эразм оценивал как проявление божественного духа. Он придавал важное значение образованию и воспитанию в их единстве — они восполняют «пробелы, оставленные природой», и дают возможность человеку «раздвинуть границы своего жребия». Отсюда же и представления Эразма, принадлежавшие к центральным в его «философии Христа», — право считать

христианским «все то истинное, с чем ты когда-либо сталкивался». Такой подход позволял искать образцы подлинной мудрости и нравственности вне рамок ортодоксального католицизма, у представителей разных времен, народов, исповеданий, в том числе у античных языческих авторов. Догматическая определенность христианства в трудах Эразма начала терять свои очертания, а достижения языческой культуры рассматривались не как нечто враждебное христианству, но как основа развития культуры человечества. Гуманистическая образованность приобретала роль первостепенной добродетели истинного христианина. Хотя Эразм спешил заметить, что светское образование лишь приуготовляет к восприятию высших теологических истин, в его произведениях вся сила таланта и широчайшая эрудиция служили прославлению гуманистической культуры.

Считая целью жизни человека сознательное следование законам высокой нравственности, отождествляя их с моральным учением Христа, Эразм постоянно пользовался гуманистически трактованным понятием «подражание Христу». Личные идеалы и действия человека должны, считал он, согласовываться с нравственными законами «общего блага», исключаящего эгоистическую узость личных или групповых интересов. В критике современного общества с позиций этого учения Эразм — противник бесплодных хитросплетений схоластики, беспощадно-ироничный обличитель невежества, пороков клира и монашества, церковной обрядности, формализма официального благочестия. Все это, как и язвительные насмешки Эразма над многими предрассудками феодально-сословного общества, воспринималось в обстановке надвигавшейся Реформации как смелая атака на существующие церковные и отчасти общественные порядки.

Эразм сумел откликнуться не только на важнейшие религиозно-философские проблемы эпохи — он обращался и к широкой постановке ряда ее центральных политических вопросов. Путем «мирной победы» новой культуры и образования, совершенствования духовной жизни людей он на-

Эразм Роттердамский.
Портрет работы Г. Гольбейна Младшего.
1523. (фрагмент).
Англия. Лонгфорд Кастл.

деялся постепенно сблизить реальность со своим утопическим идеалом совершенного общества. Он резко выступал против междоусобных войн; признавая необходимость защиты отечества, решительно осуждал войны как метод решения спорных вопросов, считал их народным бедствием и препятствием развитию культуры. Его идеалом было согласие между обществом и просвещенным правителем — философом на троне. Многостороннее творчество Эразма оказало мощное воздействие на европейскую культуру XVI — XVII вв. Особенно популярным в веках оказался его шедевр — «Похвала Глупости», критика общества того времени; там сочетаются сила сатиры, ирония и изящество стиля. Своеобразной энциклопедией его педагогических и этических идей стали диалоги «Разговоры за просто».

Религиозно-философские взгляды главы эрфуртского сообщества гуманистов, блестящего знатока классической древности Муциана Руфа (1471—1526) были родственны «философии Христа» Эразма, но свою гуманистическую интерпретацию христианства Руф выработал самостоятельно, главным образом на основе синтеза идей флорентийских неоплатоников. Подчеркивая, что Бог «невидим и почитать его следует тем, что невидимо», Руф утверждал: единственный и истинный культ — «не быть плохим». Отсюда его резкая критика внешних форм католического благочестия, но также и одной из важнейших догм церкви — таинства евхаристии. Выступления Руфа против ортодоксии, обрядности, клира, схоластики, как и его методы обоснования гуманистической этики, вызвали живой отклик у молодого поколения гуманистов. Он, однако, признавал право свободно мыслить лишь для просвещенных философов и призывал не профанировать «тайны теологии» среди толпы. Он сам сузил возможное воздействие своих идей, высказывая их только в личном общении и в переписке с кругом друзей.

С именем И. Рейхлина (1455—1522), выдающегося филолога, связана пропаганда занятий латинским, греческим и древнееврейским языками в университетах Германии. Он разработал еще один вариант гуманистически широкого понимания христианства. В отличие от Эразма и Руфа Рейхлин опирался, помимо неоплатонизма, на античное пифагорейство и средневековое мистическое еврейское учение — Каббалу. Своими переводами из Ветхого завета он выявил ошибки в библейской части Вульгаты, способствуя гуманистической критике церковного канона Писания. Рейхлин считал себя верным сыном церкви, но его подход к изучению сущности христианства позволял молодым гуманистам делать выводы, связанные с практикой антипапской борьбы.

Широкий отклик в гуманистическом движении получило выступление Рейхлина против требования церковных фанатиков сжечь все еврейские религиозные книги. Рейхлин защищал право на научное изучение этих источников. Разгорелась полемика, вылившаяся в борьбу за свободу исследования. Эта борьба, сплавивая гуманистов, проясняла позиции направлений в гуманизме. Наиболее радикальная часть движения связала свои надежды на объединение страны и преобразование ее духовной жизни с активизацией выступлений против Рима и его приверженцев.

Событием стал выход в свет живой и острой сатиры, направленной против схоластики и клира — «Писем темных людей». Эта книга, изданная анонимно в двух частях (1515 и 1517 гг.), была написана группой гуманистов, связанных с эрфуртским сообществом. Она пародировала переписку невежественных монахов и theologов, противников Рейхлина и гуманизма, полных амбиций и откровенной злобы к свободной мысли. Обскуранты, поначалу принявшие «Письма» за работу своих единомышленников, стали всеобщим посмешищем. Значение книги состояло не только в беспощадном разоблачении отжившего. В ней содержалась лаконичная программа гуманистического просветительства как основы освобождения

страны от духовного засилья ортодоксии и вымогательств папства. Выход «Писем» стал симптомом гражданской зрелости радикальной части движения, изживавшей традицию компромисса со старой церковью.

Среди гуманистов, осознавших необходимость единения для решительной борьбы против Рима, за независимость Германии и свободное развитие культуры, был один из главных авторов «Писем» — рыцарь Ульрих фон Гуттен (1488—1523). Вопреки предрассудкам своего сословия он блестяще освоил достижения гуманизма и стал мастером сатиры, риторики, публицистики. Политические и культурные интересы доминировали в его творчестве. Он пропагандировал античное наследие, защищал свободу слова от обскурантов — «цензоров наук», ставил разум и волю человека, утверждая, что «Бог помогает лишь тем, кто предприимчив и деятелен». Схоластическое богословие Гуттен называл лженаукой, прибежищем невежд. Гордясь своей родословной, он, однако, разделял и гуманистические представления о роли личных заслуг человека в обретении подлинного благодетства.

Гуттен много сделал для развития реформационных настроений в стране, подвергая резким нападкам церковные институты, все ступени церковной иерархии, систему эксплуатации Германии папством. Он впервые опубликовал работу Валлы о поддельности «Константинова дара» — опоры теократических притязаний папства. Используя Тацита, Гуттен создал идеальный образ древнегерманского воителя за свободу отечества от Рима — Арминия. Осознав национально-политическое значение выступления Лютера, гуманист стал союзником Реформации и начал писать также на немецком языке, обращаясь к самым широким кругам общества. В отличие от Лютера он стал выразителем антикняжеских тираноборческих идей и призывал к войне против Рима и попов. Цели его программы отражали беспочвенные надежды рыцарства на контроль над обществом, но главное место в его творчестве заняли выступления за единое немецкое государство, независимую от Рима церковь, развитие культуры на гуманистической основе. Это обусловило исключительную популярность Гуттена в первые годы Реформации, как и его посмертную славу патриота, борца «за свободу Германии».

Бурное развитие реформационных процессов, расколовшее гуманистическое движение, поражение Крестьянской войны и упрочение княжеского мелкoderжавия, крушение надежд на политическую консолидацию страны, раздираемой межконфессиональными противоречиями, — все это сказалось на судьбе гуманизма. Утратив временно обретенную автономию в борьбе за светскую культуру, гуманисты склоняются к эрудитским занятиям, работе кабинетных ученых и преподавателей в школах и университетах, подконтрольных властям. Это приводит к сужению и растущей аристократизации их идеалов, к политическому конформизму. Оплодотворив последующее развитие культуры, гуманизм как самостоятельное течение постепенно затухает. Старая и новая церкви стремятся идеологически обезвредить и поставить на службу своим целям его культурные достижения. Последовательно проведенные принципы гуманизма казались церкви неприемлемыми, и не случайно к его наследию позже обратятся идеологи Просвещения.

Одну из главных попыток «согласования» гуманизма и новых конфессиональных интересов сделал ближайший соратник Лютера и почитатель Эразма — Филипп Меланхтон (1497—1560), знаток Аристотеля и Цицерона. Он впервые систематизировал учение Лютера. Его богословские труды и важная роль в выработке «Аугсбургского вероисповедания» обеспечили Меланхтону место второго лица после Лютера среди основоположников новой церкви. Основное значение Меланхтона состояло, однако, и в ином. Выдающийся знаток античных классиков, философ, филолог, историк, он был прежде всего замечательным педагогом, теоретиком и ор-

ганизатором школьного и университетского образования. По его плану был основан ряд латинских школ и реформированы восемь университетов. Его идеи повлияли на развитие образования и в католических землях. Из круга его учеников вышли почти все выдающиеся немецкие учителя и университетские профессора второй половины XVI в. Все это принесло ему славу «наставника Германии». Гуманистическая настроенность Меланхтона сказалась и на его попытках смягчения межцерковных противоречий, в частности на компромиссах с кальвинизмом, что неоднократно приводило его к конфликтам с фанатиками строго лютеранской догмы. К Меланхтону тяготели многие гуманисты, продолжавшие переводить классиков, создавать труды по естествознанию, но одновременно участвовавшие в межконфессиональной полемике и устроении лютеранской церкви.

Реформация, обратившаяся к народу на родном языке, стимулировала расцвет немецкой публицистики. Только от первой трети XVI в. сохранилось свыше 5 тыс. «летучих листков» — памфлетов, диалогов, социально-политических программ, рифмованных пророчеств. Продукция немецких типографий в 1520—1525 гг. возросла почти вчетверо; 90% печатных станков было поставлено на службу Реформации; масса изданий иллюстрировалась гравюрами. В прежде неведомых масштабах в литературу ворвался язык повседневного обихода, народных речений. Интерес к ним отразился и в специальных научно комментированных сборниках.

Особую роль в развитии национальной культуры сыграл Лютер. Важнейшие работы он писал главным образом по-немецки, и другие деятели Реформации следовали его примеру. Крупным событием стал его перевод Священного писания. Лютер развил языковые тенденции, характерные уже для предшествующего периода, и дал образец богатства речи, заложив основы классических норм немецкого языка.

Резко возросли тиражи немецких изданий — с 200—300 экземпляров в начале XVI в. до 1000—1500 ко времени Крестьянской войны; тираж наиболее популярной литературы достиг 10 тыс.; основные произведения Лютера издавались сотнями тысяч. Библию в его переводе имела каждая вторая-третья семья. Постепенно на родной язык в областях где восторжествовала Реформация, перешла вся церковная служба, расширилось его школьное преподавание.

С этими процессами должна была считаться и Контрреформация, поставившая задачей воспитание правоверной паствы с детских лет. Уже в 1551 г. первая иезуитская коллегия утвердилась в Вене; к концу столетия в католических областях, особенно в Бавария, существовала сеть руководимых иезуитами гимназий, интернатов для бедных учеников, пансионов для молодых дворян. С лютеранскими изданиями соперничали католические. Ужесточение контроля церкви над системой образования, но и новые явления в ней — широкое распространение элементарных школ, уже повсеместное использование в университетах знаний об античности — все это отличало вторую половину XVI в. от периода расцвета гуманизма.

Характерные перемены совершаются в гуманитарных науках: они все резче обособляются от естествознания, растет специализация отдельных дисциплин. В историографии привлекает главное внимание история церкви. Труды и протестантов, и католиков окрашены резкими тонами конфессиональных пристрастий. Историю используют как орудие религиозного воспитания и межцерковной борьбы.

Крупнейшее создание протестантских авторов — «Магдебургские центурии» (1559—1574), 13-томное издание по истории церкви, — первая в исторической науке коллективная работа. Возглавлявшаяся М. Флаком (Власичем), она велась по строгому плану, с четким разделением задач участников. Источники выявлялись в разных странах. Главная цель

труда — показать, что вся история католической церкви с послеапостольских времен есть история ее «порчи», превращения в «царство Антихриста» — папы. Идеализируются императоры, боровшиеся с папством, впервые проявляется интерес к средневековым «идейным предшественникам» Реформации. Сделав шаг вперед в организации научной работы, магдебургские ученые в то же время используют критический метод односторонне, для борьбы с идейными противниками, сохраняя легенды, враждебные папству. Тенденциозным, но уже на католический лад, был ответный многотомный труд главы Ватиканской библиотеки Ч. Барония «Церковные анналы».

Популярный протестантский учебник по гражданской истории создал И. Слейдан (1505—1556). Он описал «состояние религии и государства» при императоре Карле V, т. е. историю Реформации. Широко пользуясь архивными материалами, он пытался избежать пристрастности. Однако и подбор фактов, и характерные умолчания выявляют его лютеранские идеалы.

Протестанты поставили ряд проблем, прежде не привлекавших внимания немецких историков. Р. Рейнек, следуя за Меланхтоном в разделении «священной» и «политической» истории, одним из первых в Германии (1583 г.) выделяет в особую отрасль историю языков, наук и искусств, т. е. историю культуры. В. Кеккерман в начале XVII в. сделал попытку выяснить специфику исторического познания. Его скептические выводы, что история в отличие от наук о природе познает единичное, неспособна применять точные методы и устанавливать законы, были формой критики и гуманистов, и конфессиональных историков, отражали возросшее значение естествознания, которое начинает определять самое представление о научности.

В протестантской историографии существовала и кальвинистская ветвь. Развитию кальвинистской церкви и жизнеописанию Кальвина посвятил свои сочинения швейцарский реформатор и драматург Т. Беза (1519—1605), один из главных авторов этого направления. Значение местной католической историографии возросло в регионе лишь в первой половине XVII в., когда в Антверпене эрудиты из ордена иезуитов основали крупную серию изданий «Жития святых». Широко используя источники, они подчиняли свою работу апологетике католицизма.

Развитие философской мысли во второй половине XVI в. сковывалось жестким контролем церковей, возрождавших схоластические традиции. Не случайно ряд новых явлений в натурфилософии, антропологии, понимании исторического процесса осмыслен прежде всего противостоявшими всякой официальной догматике выразителями мистико-пантеистических идей.

Выдающийся швейцарский врач и алхимик Т. Парацельс (1493—1541) стремился связать натурфилософию и опытные знания. Одухотворяя природу, наделяя ее антропоморфными признаками, он подчеркивал единство мироздания, соответствие между макрокосмосом и человеком. Характерной чертой учения Парацельса стал культ неутомимой творческой активности человека в постижении тайн природы, «света натуры», триединый принцип — «мочь, знать, уметь».

Философ и историк С. Франк (1489—1542) в борьбе против церковной догматики и обрядности опирался на спиритуалистическую идею о вечно действующем в истории и религиозно-правственном мире человека Божьем духе, «внутреннем слове». На основе представлений о «Христе в нас» он рассматривал все религии и церкви как равноценные.

Традиции Парацельса и Франка сказались в творчестве В. Вейгеля (1533—1588), призывавшего «познать в себе мировое целое» и обращавшегося к Богу: «Ты во мне, я в Тебе». Его последователи рассматривали официальную церковь как чисто внешнее установление, не затрагивающее

внутреннюю религиозность, противопоставляли «истину» своей секты ортодоксии, но не шли дальше пассивного сопротивления ей.

Мистико-пантеистическим характером отличалась и теософия Якоба Бёме (1575—1624), подвергавшегося преследованиям духовенства. Рассматривая проблему соотношения Бога и мира, он развивал в поэтических образах диалектическое учение о «самораскрытии» Бога в природе на основе «саморазделения». Это учение вело к представлениям о тождестве Бога и природы, вне которой ничего нет. Признавая, что Бог пребывает в каждом, кто живет свято, Бёме своей этической трактовкой христианства подрывал основы вероисповедных различий. Идеи Бёме, оказав влияние на развитие европейской философии, сказались на формировании диалектики Гегеля и Шеллинга.

Общественно-политическая мысль в регионе богата утопическими построениями. В отличие от Англии и Италии в немецких землях наиболее радикальные утопии развивались не на гуманистической основе, а в виде реформационных программ. Важнейшие из них связаны с периодом Крестьянской войны и последующим десятилетием, когда революционное решение общественных противоречий оказалось невозможным и усилилась роль оппозиционных утопических чаяний. При общей антифеодальной направленности они отличались значительным разнообразием. Один из вождей повстанцев — М. Гайсмайр требует установления народной власти в Тироле и рисует идеальный строй в пределах этой области, в то время как юрбергерский книгопечатник Г. Гергот создает проект уничтожения частной собственности во всем «земном царстве». Ссылаясь на откровение Божие, он пророчит грядущее социальное и имущественное равенство людей, народное самоуправление, противопоставляет порядкам, существующим в Германии, идеал общества без дворянства, духовенства, монашества, где все должностные лица избираются народом, а система управления централизована. Парацельс в начале 1530-х годов разрабатывает идею всеобщего уравнительного земельного передела и устранения всех властей, кроме императора, как общественного распорядителя «Божьей» землей.

Иной характер носят более поздние сочинения о наилучшем строе. Гуманист К. Штюблин в середине XVI в. создает консервативную утопию, где выдвигает идеал мудрого «согласия» в граде Евдемоне под эгидой правителей-философов. Здесь нет раздоров даже при существовании общественного неравенства. Видный деятель лютеранской церкви И. Андреэ в начале XVII в. описывает идеальный град всеобщего труда. Его Христианополь — «единая мастерская», где особое внимание уделяется развитию наук, искусств и основанного на Евангелии благочестия.

Богатством красок отличались политические идеи и учения, возникшие в Нидерландах и близлежащих областях Германии в атмосфере революции в Нидерландах и ее победы. Д. Корнхерт (1522—1590), участник борьбы против испанского гнета и видный государственный деятель, был последователем Эразма и популяризатором античного наследия. Он стал одним из главных в Нидерландах поборников веротерпимости — крупного завоевания эпохи. К принципу веротерпимости подвели широкое понимание гуманистами христианства, идеи ранней Реформации, требовавшей свободы совести и слова в обстановке засилья католической церкви, опыт радикальных течений и сект Реформации, отстаивавших право на существование в условиях господства протестантских государственных церквей. Республика Соединенных провинций стала единственной страной региона, где идея веротерпимости утвердилась, а временами получала и официальное признание, хотя до ее реального осуществления было еще далеко.

Острота противоречий эпохи обусловила особую напряженность и размах идейной борьбы. Ф. Марникс ван Синт Алдегонде (1540—1598), сподвижник Вильгельма Оранского, завоевал славу кальвинистского мастера

полемики. Его антикатолическая сатира «Улей святой римской церкви» получила европейскую известность, а сложенная им песня во славу Вильгельма стала сначала «песней гёзов», а позже — национальным гимном Нидерландов.

Всеобщее внимание к политическим вопросам стимулировало расцвет литературы, обсуждавшей сущность государственных интересов. Ю. Липсий (1547—1606), видный нидерландский филолог и историк, протестант, перешедший в католичество, в своей работе «Политика» утверждал идеал моральных добродетелей государя, но затем, ссылаясь на реальную практику и исторический опыт, предлагал уже иные правила государственной мудрости, родственные макиавеллизму. От понимания «государственных интересов» у Липсия разительно отличается концепция северогерманского кальвиниста И. Алтузия (1557—1638). Предвосхищая ряд позднейших идей Руссо, он развивал теорию естественного права и суверенитета народа: перед ним ответственны правители, он волен их свергать или казнить за несоблюдение народных интересов.

Значительное воздействие на европейскую юридическую и политическую мысль оказал Гуго Гроций (1583—1645), выразитель складывавшейся буржуазной идеологии, рационалистически обосновавший свое учение о естественном праве и происхождении государства в результате общественного договора. Он выступил против притязаний крупнейших морских держав на господство на море, отстаивая свободу мореплавания. В книге «О праве войны и мира» (1625 г.) он выступил за решение спорных вопросов межгосударственной жизни мирным путем, с помощью юридических соглашений, став одним из основоположников международного права. В исторических сочинениях Гроций осветил войну Нидерландов против Испании, утверждая принципы свободы совести и слова, независимого национального развития. В его трудах осуществился синтез ряда достижений передовой европейской культуры того времени.

XVI — XVII века ознаменовались коренными переменами в развитии естествознания и математических наук. Крупный вклад в этот процесс внесли ученые Германии, Нидерландов и Швейцарии. Особенно велики были их достижения в астрономии и физике. Революционные идеи Коперника, отвергнутые Лютером и другими богословами, протестантами и католиками, как противоречащие Библии, были подхвачены И. Кеплером (1571—1630), развившим теорию гелиоцентризма. Используя отличавшиеся точностью наблюдения датского астронома Тихо Браге за движением планет, Кеплер открыл три закона их обращения вокруг Солнца. Он опубликовал два первых закона в работе «Новая астрономия», а третий — в труде «Гармония мира» и издал новые, более точные таблицы движения планет. Научные закономерности были представлены математическими формулами и расчетами, верность которых подтвердили наблюдения астрономов. Эта проверка правильности теории гелиоцентризма сыграла большую роль в освобождении от антропоморфных и субъективных представлений о природе. Став одним из создателей новой астрономии наряду с Коперником и Галилеем, Кеплер существенно продвинул также развитие оптики и кристаллографии.

В отличие от астрономии и физики прогресс в иных областях знаний о природе шел главным образом за счет накопления, описания и систематизации новых фактов. Ряд крупных открытий в фармакологии сделал Парацельс. Георг Агрикола (1494—1555) прославился трудами по горному делу и минералогии: он подвел итог современному уровню знания, дав новые импульсы практике. Уроженец Фландрии Г. Меркатор (1512—1594) составил наиболее достоверные карты европейских стран, а также карту мира в новой проекции, особенно важной для навигационных измерений. Это стало началом нового этапа в развитии картографии. Немецкие ученые Э. Корд, О. Брунфельс, И. Бок обогатили ботанику, но осо-

бенно велики были заслуги Л. Фукса (1501—1566), который ввел в науку наиболее широкую и систематизированную ботаническую номенклатуру. Крупный вклад в зоологию своей «Историей животных» внес швейцарский исследователь К. Геснер (1516—1565).

Освобождение научной мысли от засилья традиций, развитие эксперимента и тяги к опытным знаниям, первые значительные шаги в выработке индуктивного научного метода, сближение теории с практикой — все это было длительным и сложным процессом. Он совершался на фоне широкого распространения «охоты на ведьм», порой принимавшей характер массовой истерии; повального увлечения «образованного общества» астрологическими предсказаниями, дань которым отдал даже Кеплер; расширения занятий магией и алхимией с ее поисками «философского камня». Утверждение новых научных представлений о природе шло в острой борьбе с идеологией отживающего средневековья.

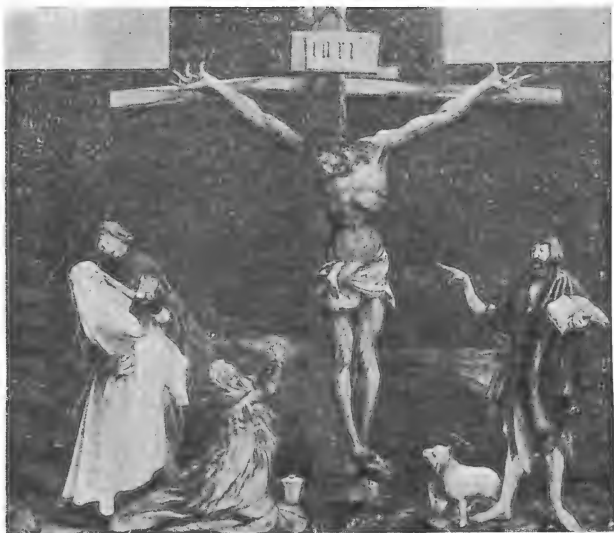
Противоречивым было и развитие литературы. В Германии оно не привело к созданию произведений, сравнимых по художественным достоинствам с вершинами европейской литературы эпохи. Во второй половине XVI в. здесь широко распространилась «гробьянская литература» — сатира, описывающая пороки людей с площадной откровенностью, использующая приемы примитивного комизма. В потоке изданий немецких народных книг, где по-прежнему господствуют традиции средневековья (интерес к рыцарским сюжетам и различным легендам), выделяется лишь несколько произведений: «Шильдбюргеры» — книга, высмеивающая тупоумие немецкого мещанства, обработки легенд о докторе Фаусте, «знаменитом чарошее и чернокушнице», и о «вечном страннике» Агасфере.

С традициями народной литературы было связано творчество крупнейшего поэта XVI в. Ганса Сакса (1494—1576). Черная из фольклора многие мотивы своих стихотворений, пьес и коротких забавных рассказов, он выражал массовые вкусы и представления, был певцом всего житейского; его идеалы типичны для бюргерства — он прославляет уют, благополучие, устойчивый порядок. Он обладал юмором, умением зорко подметить характерную деталь, живо передать чувства, вызванные красотой природы. Творчество Сакса широко отразило мозаику бытовых ситуаций и нравов его времени.

Во второй половине XVI в. повсеместно распространяется риторичная и назидательная «школьная драма», для которой классическими образцами чаще всего служили произведения Сенеки. Немецкий театр, однако, оставался малоразвитым. К концу столетия в нем господствовали приезжие труппы «английских комедиантов», в упрощенных переделках ставившие Марло, Шекспира и других авторов. Увлечение переводной литературой, особенно французскими галантными романами и пасторальями, было характерно для придворного общества. Начался длительный процесс «порчи языка» — в придворных кругах пользовались смесью немецкого с французским, а в бюргерских, стремившихся подражать моде, к этому добавлялись еще вкрапления школьной латыни.

С этими явлениями резко контрастировало бурлящее немецкое литературное словотворчество, одним из первых выразителей которого стал сатирик И. Фишарт (1546—1590). Широко используя гиперболу, гротеск, сочетание буффонады и назидательности, он бичевал упадок нравов, религиозный фанатизм, произвол властей, создал карикатурные образы монахов, с особой язвительностью нападал на иезуитов. Языковые нагромождения у Фишарта предвещали тенденции барочной литературы с ее тягой к сгущению красок и неожиданным столкновениям слов, общей дисгармоничностью мышления.

Усиление провинциализации немецкой культуры и возраставшее заискивание вкусов придворного общества, подражавшего дворам Франции или Испании, привели к тому, что защита родного языка стала воспринимать-

Грюневальд.

Распятие. Центральная часть Изенгеймского алтаря. Около 1512—1515 гг. Кольмар, музей Унтерлинден.

ся как насущная патриотическая задача. Дело его литературного развития пытались взять на себя языковые общества. Самым влиятельным из них стало «Плодоносящее общество», почти целиком дворянское; в него входили крупнейшие литераторы — Опиц, Грифиус, Мошерош.

Группа литераторов во главе с поэтом-лириком и теоретиком стихосложения М. Опицем (1597—1639), опираясь на авторитет античного искусства и связи с голландскими классицистами, повела борьбу за развитие национальной культуры на раннеклассицистской основе. Другая линия творчества привлекла поэта и драматурга А. Грифиуса (1616—1664), крупнейшего в Германии выразителя трагического мироощущения барокко. В годы Тридцатилетней войны потрясенные ее бедствиями Опиц, Грифиус, Флеминг и другие мастера литературы сильно и ярко выразили слова скорби и утешения, обращенные к родной стране.

По-разному сложились судьбы швейцарской и нидерландской литератур. Первая из них переживала до середины XVI в. пору расцвета драматургии религиозно-морализаторского характера, которую и сторонники Реформации, и католики использовали как оружие в межконфессиональной полемике. Затем наступило время эпигонов, а в XVII в. — упадок швейцарской литературы. В Нидерландах, напротив, художественные вершины связаны с XVII в.: это сочные бытовые краски комедий и

стихов Г. Бредеро, национальная героика трагедий и маньеристическая изысканность поэзии П. Хофта, но прежде всего могучие образы, напряженная духовная атмосфера драматургии и поэтического творчества фламандца Йоста ван дер Вондела (1587—1679). Созданный им театр барокко стал эпохой в нидерландской литературе, повлиял на литературу других стран, в том числе на творчество Д. Мильтона и А. Грифиуса.

Неповторимый вклад внесли страны региона в XVI — первой половине XVII в. в сокровищницу европейского и мирового искусства. В архитектуре характерное для предреформационного периода широкое строительство культовых сооружений сменилось развитием преимущественно светского зодчества (княжеские дворцы и замки, здания гильдий и дома горожан, рагуши, склады, цейхгаузы). Традиции позднеготических конструкций как основы зданий сочетались с использованием ренессансного декора сначала на юге региона, под влиянием итальянских образцов, а позднее, к середине столетия, — на севере. Вскоре, однако, запоздалые проявления Ренессанса вытесняются по всему региону, особенно в Нидерландах, вычурными маньеристскими формами. В XVII в. появляется регулярное градостроительство, в Германии расцветает традиционное фахверковое зодчество, соперничая с быстро развивающимся каменным, в Голландии утверждается классицизм, впитавший национальные традиции, во Фландрии в строительстве дворцов и католических храмов торжествует пышное великолепие барокко. Огромный ущерб немецкой архитектуре нанесла Тридцатилетняя война.

В живописи и графике Германии наиболее ярким проявлением Ренессанса — кратковременного, но давшего достижения мирового значения — было творчество Альбрехта Дюрера (1471—1528). Его разносторонняя деятельность художника и ученого, теоретика искусства стала одним из воплощений «титанизма» Возрождения. Овладев достижениями итальянского Ренессанса, но не порывая и с готикой, Дюрер широко отразил жизнь родины, напряженность чувств и драматизм мироощущения человека реформационной эпохи. Он стал одним из создателей портретного жанра в Германии. Величайший мастер гравюры в Европе, он сочетал монументальность и идеальный характер образов с их острой индивидуализацией и силой воплощения духовной энергии человека. Пору расцвета искусства немецкого Возрождения часто называют «эпохой Дюрера». М. Нитхардт, по прозвищу Грюневальд (1470—1520), создатель экспрессивных, драматических религиозных картин, проникнутых мистическим визионерством, был больше Дюрера связан с традициями готики, но мощью образов и грандиозностью ощущения природы он неотделим от Ренессанса. Колористическое богатство его живописи принадлежит к высшим свершениям национальной художественной культуры. Выдающийся портретист, мастер мифологических и религиозных сцен Лукас Кранах Старший (1472—1553) особенно тесно связал свое творчество с Реформацией и постепенно утратил его ренессансную свежесть в поздних маньеристских произведениях, все больше подчинявшихся дидактическим задачам. Он обладал, однако, виртуозным искусством декоративных решений и тонким чувством красоты пейзажа. Оно воздействовало на художников «дунайской школы», крупнейшим из которых был А. Альтдорфер (1480—1538). Своим поэтическим восприятием природы он ощутимо содействовал становлению пейзажного жанра в Европе. К младшему поколению мастеров немецкого Ренессанса принадлежал работавший в Базеле друг Эразма Роттердамского Ганс Гольбейн (1497/98—1543). В его творчестве, связанном также с Англией, где он стал придворным живописцем, главное место занимает портрет, безупречно объективный и глубокий по характеристике модели, ювелирно тщательный по рисунку.

В немецкой скульптуре XVI в. выделяются Ф. Штос и Т. Рименштейндер, создававшие одухотворенные образы в основном в традициях позд-

Босх. Фокусник. Сен-Жермен-ан-Ле, Городской музей.

ней готики, А. Крафт и П. Фишер Старший, которые прокладывали дорогу ренессансным тенденциям, первый — в каменной скульптуре, второй — в бронзовой.

Немецкое искусство середины и второй половины XVI в., развивавшееся под знаком маньеризма, уже не дает столь крупных имен. Лишь в начале XVII в., когда многие немецкие художники работали за границей, осваивая достижения передовой культуры, европейскую известность композициями с пейзажем завоевал живший в Италии А. Эльсхеймер (1578—1610). Зато на протяжении всего XVI в. не утрачивали славы мастера декоративно-прикладного искусства — виртуозы обработки металла, дерева и т. п.

Для художественной культуры Швейцарии XVI — первой половины XVII в. характерны процессы, родственные развивавшимся в близлежащих землях Германии. С немецким искусством тесно связано творчество самых видных мастеров XVI в.: живописца и графика Н. Мануэля, по прозвищу Дойч, мастера лирических и фантастических пейзажей Х. Лея Младшего, изобразителя жизни ландскнехтов У. Графа, крупнейшего швейцарского бытописателя в книжной графике Й. Аммана. Своими портретами Цвингли известен Х. Аспер, испытавший влияние Гольбейна Младшего.

Живопись Нидерландов уже в XV в. была отмечена гениальными ренессансными открытиями Яна Ван Эйка (ок. 1390—1441), светоносная живопись которого была гимном поэтической красоте мира. Его начинания подхватила целая плеяда выдающихся художников — Р. ван дер Вейден, Г. ван дер Гус, Г. Мемлинг и др. На рубеже XV — XVI вв. Иероним Босх (до 1460—1516), сохраняя и углубляя открытия ренессанс-

ного реализма, в то же время вновь обращается к использованию традиций готики. Он закладывает основы бытового жанра, развивает мастерство пейзажа, но вместе с тем погружается в атмосферу демонизма, безудержной фантастики, горьких раздумий о человеке.

XVI век принес с собой высокий уровень художественной культуры Нидерландов, но и некоторое измелъчание проблематики и масштабов творчества по сравнению с XV в., погружение в общеевропейскую стихию маньеризма, равнение на итальянские образцы. Творчество П. Брейгеля, прозванного Мужиком (ок. 1520—1569), снова вывело нидерландское искусство к мировым вершинам, но уже на почве глубоко национальных традиций, обращения к фольклору и переосмысления наследия Босха. Брейгель выразил в своих картинах народной жизни, образах-притчах и панорамных пейзажах философское постижение природы и человека в их единстве, мироощущение современника грандиозных общественных потрясений. Развитие отдельных жанров в нидерландском искусстве, ознаменовавшее процесс углубленного художественного познания человека и окружающего мира, прошло через весь XVI в. Оно подготовило почву для дальнейшей жанровой специализации и расцвета реализма в голландском искусстве XVII в., как и расцвета барокко с мощной реалистической струей в нем — во фламандской живописи.

Ведущая роль в искусстве Фландрии принадлежала П. Рубенсу (1577—1640). В свободной, широкой манере, с неизменной силой декоративной фантазии он воплощал в своей живописи динамичную мифологическую сцену и картину народного праздника, красоту человека и величие природы. Колористическое богатство жизнерадостных работ Рубенса роднит его с художниками венецианского Возрождения. Его творчество определило главные пути фламандской школы; среди его многочисленных учеников и помощников были портретист А. ван Дейк, ставший создателем нового типа декоративного парадного портрета; Я. Йорданс, писавший монументализированные жанровые сцены; Ф. Снейдерс, мастер натюрмортов и охотничьих сцен.

Для живописи Голландии была характерна узкая специализация художников, работавших преимущественно не по заказам, а на рынок; это способствовало развитию жанровой специфики и высокому общему уровню мастерства в портрете, пейзаже, натюрморте, изображении бытовых сцен. Крупнейшими художниками времени стали Ф. Хальс (1581 или 1585—1666), обновивший искусство портрета, в том числе группового, и Рембрандт (1606—1669), многогранное творчество которого, имеющее не только национальное, но и мировое значение, лишь отчасти принадлежит искусству первой половины XVII в.

Важное место в духовной культуре эпохи занимала музыка. С середины XV в. в европейской полифонии ведущую роль играет нидерландская школа. Ее истоки были интернациональны — она впитала достижения английских и французских музыкантов. Нидерландские композиторы сформировали «строгий стиль» многоголосия, увенчавший готику; его развитие привело к музыке уже иного, ренессансного типа. До 1520-х годов школа давала эталоны для композиторов других стран, включая Италию; ее воздействие сказывалось и позже, на протяжении всего XVI в., — выходцы из нее работали почти в 70 городах Европы.

Новые тенденции пробивали себе дорогу изнутри поздней готики, они оказались связанными не столько со светской музыкой, ни в XVI, ни даже в XVII в. еще не определявшей вершины музыкальной культуры Нидерландов и Германии, сколько с новым качеством церковной музыки. Изменения в ней начались с того, что в «струящемся» готическом многоголосии усилилась роль благозвучия, равноправия голосов в их «содружестве», значение индивидуально окрашенного переживания. Музыкальные теоретики эпохи, пытаясь наметить рубеж между старым и новым,

*Рубенс. Союз Земли и Воды. Около 1615 г.
Санкт Петербург, Государственный Эрмитаж.*

впервые заговорили о «настроении души», «выражении аффектов человека». Это было характерно для культуры Северного Возрождения — вторжение нового содержания в стилистически и жанрово устойчивые формы. Исподволь они менялись под его воздействием, но все же долго сохраняли и свою традиционную основу.

Незыблемые прежде «своды правил», строгая регламентация в музыцировании и опора только на канонические образцы, чисто формальная

изопренность и орнаментальность начинают подвергаться критике. В новом искусстве широко используется мелодика народных песен. Более ощутимо выступают и особенности авторской индивидуальности — в мелодическом строе, излюбленном характере звучания. Возрастает роль личности композитора.

Вывдвинув крупные таланты — Г. Дюфаи, И. Окегема, Я. Обрехта, нидерландский полифонизм достиг вершин в творчестве Жоскена Дебре (1440—1521), добившегося еще небывалой гармоничности многоголосия. Обращаясь к традиционным формам мессы — главного музыкального жанра ренессансной эпохи, мотета, шансон, он создавал идеальные образы, стройные по мелодическим линиям, полные одухотворенности, просветленного лиризма. Не менее ярко он выражал и драматические черты своего мироощущения, предвосхищал приемы фуги, сформировавшейся почти веком позже.

Своего рода итог полифонизму позднего Возрождения подвел Орландо Лассо (1532—1594) — классик школы «строгого стиля» и новатор хоровой полифонии, широко использовавший сочную «звукоживопись». Лассо обращался к текстам античных поэтов и Евангелия, Петрарки и Ганса Сакса. Диапазон его творчества простирался от шуточных песен до скорбных образов «Покаянных псалмов». Он работал в разных странах Европы, особенно долго в Германии (Мюнхен). Это способствовало широкому распространению опыта «князя музыки», как его называли. Искусство Лассо стало важной вехой на пути к музыкальной драме.

Нидерландское влияние оставило глубокий след в немецкой музыкальной культуре; в числе ее мастеров были основоположник школы полифонизма в Германии, выходец из Нидерландов Г. Изаак и его ученик Л. Зенфль (1486—1542). Любимый композитор Лютера, который и сам сочинял духовные песнопения, Зенфль славился хоралями, отличавшимися простотой многоголосия и четкой ритмической структурой. Их использовали все церковные протестантские общины. Некоторые хоралы и песни профессиональных композиторов со временем стали частью народной культуры.

К концу XVI — началу XVII в. развитие европейской музыки как бы раздваивается: усиливается тяготение к синтетическим жанрам, к искусству оперы, но начинает уравниваться значение вокала и инструментальной музыки, возрастает роль сольного пения, инструментальная музыка обособляется от слова. Нидерландец Ф. де Монте довел до совершенства лирическое светское пение. Создается множество сочинений для лютни — самого популярного бытового инструмента XVI в. Повсеместно расцветает искусство органистов, их мастерство импровизации. В Нидерландах XVII в. славятся органными концертами в церкви, блестящими «хроматическими фантазиями» Я. Свелинк. Его традиции развивают выдающиеся органисты Германии, в том числе Д. Букстехуде.

XVII век — время утверждения крупных форм, обращения к музыкальной драме, синтеза достижений ренессансной и реформационной эпох. Стилиевой перелом определил ряд направлений в немецкой музыке раннего барокко. Рождается новый музыкальный язык, драматичный, полный силы, энергии, напряженной динамики. Искусство отвечает своему времени небывалой взволнованностью, мощными музыкальными контрастами, скорбью, патетикой, героикой. Подлинным гигантом немецкой музыкальной культуры стал Генрих Шютц (1585—1672). Разносторонне образованный композитор, руководивший придворной капеллой саксонского курфюрста, он обладал строгим вкусом и необычной даже для барокко многокрасочностью звуковой палитры. С редкой свободой Шютц владел разными жанрами — от светского мадригала, музыки для балетов с пением до пассионов — музыкальной драмы на евангельские тексты о страстях Христовых. Он создал первую немецкую оперу «Дафна», но наибольшую славу

Шютцу принесли оратории. Он писал величавые «Священные симфонии» на библейские темы, сочинял камерные духовные концерты, сочетая вокал и инструментальную музыку органа или клавесина, был автором множества произведений для хоров à капелла. Он развивал немецкие музыкальные традиции, давая им новую жизнь, перерабатывал достижения итальянской оперы и церковно-хоровой музыки. Выразив в своем творчестве рождение нового мировосприятия барочной эпохи и нового стиля, Шютц синтезировал важнейшие линии развития предшествующей музыки и стал открывателем ее новых путей. Его творчество — одна из главных вех на пути полифонизма XVII в. к эпохе Баха и Генделя.

Крупные сдвиги в музыкальной культуре вызвали живой интерес у ее теоретиков, стремившихся обосновать новую эстетику. Особенно примечательны трактат «Двенадцатиструнник» (1547 г.) швейцарского гуманиста Г. Глареана и трехтомный труд немецкого органиста М. Преториуса, изданный в 1615—1619 гг. Сопоставляя опыт античности с современными достижениями, Глареан утверждает роль музыки как «матери наслаждения» и воспитательницы высокой морали. Преториус в словаре музыкальных терминов широко отразил состояние музыки своего времени. В отличие от Глареана он развивает представления уже не Ренессанса, а раннего барокко.

Глава 4

КУЛЬТУРА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

Культуре Дании, Швеции, Норвегии, Исландии и Финляндии в начале XVI в. в значительной степени были присущи черты традиционализма. Замедленные темпы ее развития начали меняться лишь под воздействием Реформации. В распространении новейших культурных веяний важную роль сыграли Германия и Нидерланды; в XVII в., особенно к середине столетия, к этому добавилось французское влияние. Наиболее передовые позиции в культуре скандинавских стран принадлежали в XVI в. Дании, в XVII в. — Швеции. Отставание Норвегии и еще больше Исландии и Финляндии объяснялось их политической зависимостью и слабым развитием городской жизни. В Норвегии и Исландии государственным и литературным языком на протяжении всего периода оставался датский, в Финляндии — шведский.

Характерными особенностями культуры в скандинавском регионе были: повышенный интерес к прошлому народов этих стран, особенно к раннему средневековью; живучесть различных форм и видов средневековой культуры, вступавших в сложные переплетения с новыми тенденциями; большая роль народной культуры, очень устойчивой, почти не изменившейся за период XVI — первой половины XVII в.

Основание университета в Копенгагене в 1478 г. и введение книгопечатания в Дании в 1482 г. поначалу сравнительно мало сказались на культурной ситуации в стране, поскольку ни высшая школа, ни типографии еще не были затронуты веяниями Ренессанса. Первой книгой на датском языке стала появившаяся в 1495 г. рифмованная датская хроника. Живой интерес к исторической традиции своей родины проявил «отец датской литературы» гуманист К. Педерсен (ок. 1480—1554). Он выступал главным образом как переводчик. В 1514 г. он издал в Париже в переводе с латыни на датский «Деяния датчан» Саксона Грамматика (XII в.) — произведение, включавшее немало легенд, в том числе легенду о Гамлете. Педерсену принадлежали комментированное издание латинских пословиц

(в нем использовались также датские народные речения) и сразу завоевавший популярность перевод народных книг о Карле Великом и отважном Хольгере-Датчанине, который стал восприниматься читателями как один из национальных героев. Горячий сторонник Реформации, Педерсен в 1529 г. перевел на датский язык Новый завет, затем псалмы, сыграл решающую роль в подготовке вышедшего в 1550 г. перевода на датский всей Библии, что оказало значительное влияние на развитие национального языка. В 1535 г. «датский Лютер» Ханс Таусен (1494—1561) издал свой вариант перевода на датский Нового завета; Ханс Томиссен выпустил в 1569 г. «Датскую книгу псалмов». Как и в других протестантских странах, Реформация утвердила в Дании массовое пение псалмов в церквях (обычно на музыку немецких композиторов).

С середины XVI в. в Дании широко распространяются переводная сатирическая литература, часто связанная с обличениями католической церкви, неолатинская поэзия и школьная драма. В чрезвычайно популярном диалоге «Педер-кузнец и Адсер-крестьянин», переведенном с немецкого языка, действие перенесено в Данию, в диалоге немало связанных с датской обстановкой резких выпадов против монахов и корысти священников. В ту же пору интерес образованных датчан вызывают переводы немецких народных романов о Тиле Эйленшпигеле, докторе Фаусте, немецкой версии «Рейнеке-Лиса». В неолатинской поэзии большое место занимала буколика. Ей отдал дань Эрасмус Лэтус (1526—1582), создавший также стихотворную историю Дании, которая в средневековых традициях начиналась «от потопа». Покровительство датских королей театру способствовало распространению школьной драмы. Датская, да и вся скандинавская культура нередко осваивала элементы гуманистического наследия сквозь призму Реформации. Это проявилось и в специфике школьной драмы: она обращалась к библейским сюжетам, но в своей структуре и особенностях художественных средств пыталась опереться на античные образцы. Крупнейшим датским драматургом XVI в. стал лютеранский пастор И. Ранх (1539—1607). Он создал в своих драмах образы царя Соломона, плененного Самсона, но писал также и о купце-скряге, которого высмеял в комедии «Скупой завистник». Отличительными чертами школьной драмы стали дидактизм, аллегоричность, широкое использование песен.

В первой половине XVII в. усилилась зависимость датской культуры от иностранных влияний, особенно от придворных образцов немецкой и французской культуры. Вместе с тем новый шаг вперед делает лирика — религиозная поэзия Х. Стена (1540—1610), испытавшее влияние М. Опида творчество А. Арребо (1587—1637).

Достижения художественной культуры Дании в XVI — первой половине XVII в. были достаточно скромными. В архитектуре заметным явлением стало строительство королевских и дворянских замков, сочетавших крепостной тип сооружений с новыми веяниями — вниманием к удобству интерьеров, в которых со временем стало появляться ренессансное убранство. Замки часто возводили на островах, среди озер. Так построен и один из лучших дворцовых комплексов начала XVII в. — Фредериксборг, расположенный на озерных островах, соединенных мостами. Памятниками запоздалого Ренессанса стали в Дании работы выходцев из Нидерландов, архитекторов братьев Стенвинкелей: дворец Росенборг (1606—1634) в Копенгагене и биржа этого города (1619—1625). Ренессансные представления об «идеальном городе», уже сплавленные с новыми, идущими из Франции нормами классицизма, сказались в регулярной планировке ряда кварталов Копенгагена.

В изобразительном искусстве Дании господствовали иностранные мастера. Зато в науке в XVII в. начался подъем, связанный в первую очередь с развитием анатомии (Бартолин Старший, 1616—1680) и астрономии. Ти-

хо Браге (1546—1601), прозванный «гением наблюдения», построил на полученном от короля о-ве Вен в Зундском проливе гигантскую обсерваторию с доведенным до совершенства инструментарием и добился точнейших для того времени астрономических вычислений. Им был составлен каталог тысячи звезд. На основе достижений Тихо Браге Кеплер открыл свои знаменитые законы.

В отличие от Дании в шведской культуре XVI в. крупную роль сыграли не только протестанты, но и эмигранты-католики. Видные деятели Реформации Олаус Петри (1493—1552) и Лаврентий Андреэ (1482—1552) в 1526 г. перевели на шведский язык Новый завет; вся Библия была издана в 1571 г. Значение этих переводов в истории шведского литературного языка исключительно — он почти не изменился с XVI в. О. Петри, опираясь на хронику, созданную Э. Олаи в XV в., подробно осветил в своей «Шведской хронике» историю страны до времени правления Густава Вазы. Петри был также автором ряда антикатолических произведений, типичных для бесконечной конфессиональной полемики XVI в.

С иных позиций трактовал историю шведов, их королей и предков видный деятель католической церкви Юханнес Магнус (1488—1544), вынужденный эмигрировать в Рим. Он стал автором панегирической «Истории Готии и Швеции» (1539 г.), позже опубликованной его братом Олаусом Магнусом (1490—1557), также бежавшим в Италию. Олаусу Магнусу принадлежит «История северных народов» (1555 г.), в которой значительное место уделено географическим сведениям. Он издал первое картографическое изображение и описание Скандинавского полуострова и прилегающих областей, в том числе Прибалтики и русского Севера («Морская карта», 1539).

Патриотическое возвеличение шведской истории в первой половине XVII в., в пору превращения Швеции в великую державу, нередко обрело черты расчетливой официальной политической пропаганды. Это сказалось, в частности, уже в двух изданиях 1615 г.: в анонимной «Прозаической хронике», освещающей историю шведского государства до середины XV в., и упоминавшейся «Хронике готов» Э. Олаи.

Процессы, происходившие в шведской литературе XVI в., родственны датским. Во второй половине XVI в. распространяется школьная драма с библейскими сюжетами о Товии, Юдифи и Олоферне и др. Чисто светская драма появляется лишь в 1610 г. — «Тисба» М. Астероферуса. Попытки разрабатывать мотивы шведской истории и фольклора предпринимает театр — таковы пьесы профессора Уппсальского университета Ю. Мессениуса (1579—1636). Национальные мотивы проникают в традиционный, прежде малоподвижный, но издавна очень популярный жанр исторических песен-баллад, в котором складываются песни о Густаве Вазе. Патриотические настроения проявляются и в шведской лирике.

Заметный шаг вперед делает в первой половине XVII в. шведская философская мысль. Уже с конца XVI в. распространяется учение П. де ла Раме, шведские последователи которого выступают против схоластического метода (включая и протестантскую схоластику), за независимое от церковного контроля развитие науки. В числе этих рамистов — О. Беллинуус, Л. Готус и др. Эти выступления подготовили почву для распространения во второй половине XVII в. картезианства. Декарт был приглашен в Швецию и приехал туда в 1649 г.

В художественной жизни Швеции, как и Дании, ведущее место принадлежало иноземным мастерам. К середине XVI в. сложился специфический «Ваза-Ренессанс», проявившийся в светской архитектуре королевских крепостей-замков и дворянских усадеб-замков. Крепостная архитектура сочеталась с ренессансным декором интерьеров в королевских резиденциях Грипсхольме (1537 г.) и Вадстене (1545 г.). В конце века и в церковной архитектуре появились типичные для Ренессанса порталы

со скульптурой и декоративной каменной резьбой. К середине XVII в. в Швеции распространяется палладианство. Характерным, однако, остается смешение элементов готики, Ренессанса, барокко, классицизма. В Швеции работает целая колония нидерландских и немецких художников, скульпторов, архитекторов, эмигрировавших из Фландрии протестантов-ткачей, изготовлявших гобелены.

Для норвежской культуры был характерен живой интерес ее пока немногочисленных деятелей к национальному прошлому. Им были увлечены гуманисты ганзейского города Бергена, издавшие пересказы норвежских саг, лютеранский теолог Бейер, оставивший патриотическое сочинение «Относительно норвежского королевства», писавший по-датски автор «Описания Норвегии» (1614 г.) П. Клауссен, использовавший в своем труде норвежские легенды.

В культуре Исландии важными событиями стали первый перевод Ветхого завета О. Гудискалкссоном (напечатан в Дании в 1540 г.) и перевод всей Библии Г. Торлакссоном в 1584 г. В Финляндии выпускник Виттенбергского университета М. Агрикола создал первый букварь на финском языке и в 1548 г. перевел на народный язык Евангелие. В XVII в. в стране появились приходские школы и гимназии; в городе Або (Турку) в 1640 г. была основана академия.

Глава 5

КУЛЬТУРА АНГЛИИ

На протяжении XVI в. в культуре Англии отчетливо прослеживается возрастающее влияние ренессансных веяний, связанных с распространением идей гуманизма. В стране активно действовала многочисленная и влиятельная группа писателей-гуманистов, образованных филологов, создавших на основе античного наследия собственные шедевры общественно-политической мысли и художественной литературы, которые оказали глубокое влияние на развитие духовной культуры.

Распространению идей гуманизма способствовало книгопечатание: в 1476 г. В. Кэкстон основал первую английскую типографию, в 1478 и 1480 гг. были открыты типографии в Оксфорде, Сент-Ольбансе и Лондоне. За последнюю четверть XV в. в английских типографиях было издано около 400 книг: «Кентерберийские рассказы» Чосера, чосеровский перевод Бозция, переводы «Метаморфоз» Овидия, компиляции из сочинений Вергилия и Боккаччо, роман Мэлори «Смерть Артура», сочинения по истории и риторике.

Ранними центрами гуманизма в Англии стали университеты в Оксфорде и Кембридже. К группе оксфордских ученых примыкал Томас Мор и его друг Эразм Роттердамский, неоднократно посещавший Англию. Оксфордские гуманисты настойчиво содействовали изучению древнегреческого языка. Аристотель и Платон, Гомер и Софокл получали в их ярких лекциях совершенно новое, светское, гуманистическое толкование. Идеи итальянских неоплатоников, их попытки связать новую гуманистическую систему знаний с традициями христианской религии оказали влияние на английских гуманистов. Томас Мор был горячим поклонником Джованни Пико делла Мирандола, особенно его сочинений по этике. Уже на раннем этапе английский гуманизм составлял неотъемлемую часть общеевропейского Ренессанса. Важную роль в борьбе английских гуманистов против схоластов сыграло издание Эразмом исправленного греческого текста Нового завета с переводом на латинский и тщательным

филологическим и историческим комментарием. Этот труд положил начало историческому изучению Библии.

Гуманисты полагали, что общественное благо зависит от успехов просвещения и воспитания совершенного человека и гражданина. Пытаясь осуществить гуманистические принципы обучения и воспитания, Дж. Колет в 1510 г. на свои средства основал при соборе св. Павла в Лондоне грамматическую школу, где изучалось античное наследие и преобладало светское воспитание. Школа Колета послужила прототипом светской средней школы, получившей распространение в Англии лишь во второй половине XVI в. и ставившей целью на классических образцах античной литературы воспитать активного гражданина, способного к общественной деятельности и государственной службе.

Для английского гуманизма XVI в. характерен интерес к социально-политическим проблемам, что особенно ярко проявилось в творчестве Томаса Мора. Слава Мора как гениального мыслителя эпохи Возрождения неразрывно связана с судьбой его «Золотой книжечки о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», изданной в Лувене в 1516 г. В «Утопии» ренессансная общественная мысль достигает своей вершины в осмыслении проблемы социальной справедливости. Мор рассказал об ужасающих народных бедствиях, обрушившихся на Англию в результате знаменитых огораживаний. Социальному неравенству феодального общества Мор противопоставил свой идеал общественного строя без частной собственности. Идеальное государство утопийцев, где нет праздных, но все заняты общественно полезным трудом по шесть часов в день, обеспечивающим всеобщий достаток, делает возможным осуществление коммунистического принципа распределения материальных благ по потребности, является разумным и справедливым. В «Утопии» Мор рационалистически обосновывает коммунистический идеал как наилучшую форму человеческого общежития. Государство, основанное на господстве частной собственности, для автора «Утопии» — некий «заговор богатых» против лучшей части общества — тех, кто трудится. Несомненная связь коммунистического идеала «Утопии» с процессом зарождения раннекапиталистических отношений — важнейшее своеобразие идей Томаса Мора, позволяющее рассматривать его как оригинального мыслителя, одного из родоначальников утопического коммунизма.

Мор полагал, что для совершенных людей идеального общества важны максимальное удовлетворение духовных потребностей, занятия наукой, искусством, выполнение нравственного долга по отношению к другим людям при разумном самоограничении, умении добровольно отказываться от излишеств и суетных развлечений. Сын своего времени, Мор пытался согласовать религию с общественной пользой и доводами разума. Это была попытка преодоления кризиса феодальной идеологии на основе гуманистической доктрины естественной религии. Своеобразие этой доктрины — в синтезе античной философии и свободно истолкованной хри-

Томас Мор.
Портрет работы
Г. Гольбейна Младшего. 1527 г.
Нью-Йорк, музей Фрик.

стианской этики. Таковы корни этической концепции «Утопии», исходящей из самой природы человека как разумного существа с его естественным стремлением к совершенству и счастью. Оригинальность Мора в том, что он ищет путь к совершенной этике в радикальном переустройстве общества на началах справедливости, равенства и братства.

Существенная особенность ренессансного гуманизма выражалась в его просветительском характере. Этому соответствовала и реальная программа большинства гуманистов, в том числе Дж. Колета, Т. Мора и их единомышленников-эразмианцев, проповедовавших необходимость и целесообразность реформы в рамках традиционной социально-политической системы. Всякая радикальная реформа, насильственное ниспровержение недостойных государей и духовных пастырей представлялись гуманистам опасным потрясением общественного порядка, угрожающим бунтом черни, анархией и беззаконием. Гуманисты не верили в созидательный характер революционных выступлений народа. Таковы причины, приведшие Мора в конце концов в лагерь Контрреформации.

Несмотря на принципиальное расхождение между гуманистами и реформаторами по коренным вопросам идеологии и политики, обнаруживается определенная историческая связь Реформации с гуманизмом и даже некое их взаимопроникновение. В частности, гуманистическое движение Колета и Эразма, выдвигавших проект реформы церкви, несомненно подготовило антикатолическое и более радикальное по своей антифеодальной направленности выступление английских реформаторов — Уильяма Тиндала, выдающегося филолога, в известном смысле ученика и последователя Эразма, и его единомышленников.

Отношение гуманистов к Реформации не было однозначным: по мере развития реформационного движения в Англии они сближались не только с католицизмом. При всей общности черт светского гуманистического мировоззрения английский гуманизм стал основой для выражения разных, нередко прямо противоположных, социально-политических идей: от радикальных антифеодальных в «Утопии» Мора до умеренных буржуазно-дворянских в трактатах Т. Старки и Т. Элиота и откровенно реакционных феодально-охранительных в сочинении Р. Пола «В защиту единства церкви». Исторический и политический опыт народных движений, связанных с Реформацией, побуждал гуманистов переоценивать идеалы предреформационной поры с их верой в разумное переустройство общества на началах справедливости и равенства. В частности, друг Мора Т. Элиот в политическом трактате «Правитель» (1533 г.) решительно полемизировал с идеей справедливости как общего блага, положенной в основу «Утопии». Т. Элиот считал, что термин «res publica» следует понимать как общественное достояние, что вовсе не подразумевает общее благо. Те, кто ошибочно понимает под идеей общности равенство без различия сословий, руководствуются скорее чувством, нежели благоразумием. Равенство — мать хаоса, оно противоречит социальному порядку. Во имя поддержания социального порядка плебсом должны управлять более разумные элементы общества.

С конца 30-х годов XVI в. в Англии выходит большое количество политических трактатов и памфлетов, прославлявших абсолютистское государство. Наиболее яркие сочинения такого рода написаны гуманистами Т. Старки, Д. Чиком, Р. Морисоном — приверженцами абсолютизма, выражавшими интересы буржуазии и нового дворянства. Единственной гарантией соблюдения свобод и прав подданных, способной обеспечить процветание страны и предотвратить народные мятежи, угрожавшие праву собственности и благосостоянию нации, им представлялось безоговорочное повиновение властям.

В полном соответствии с официальной абсолютистской идеологией Тюдоров Элиот, Старки и другие гуманисты оправдывали законность и це-

лесобразность репрессий против любого нарушения существующего общественного порядка. Столь явное перемещение акцентов от реформ к репрессиям в политических сочинениях гуманистов заметно уже в начале 20-х годов. Именно эта тенденция свойственна идеологии английского общества периода Реформации, когда наблюдается увлечение Сенекой и стоиками. Проповедь социального равенства теперь решительно осуждалась гуманистами как опасное проявление неразумной страсти. В политических концепциях гуманистов реформационной эпохи идея подчинения личности властям становится преобладающей. Тогдашние политики определенно ассоциировали религиозные социальные перевороты с Реформацией. Гуманисты, в частности, связывали социально-политическую трансформацию европейского общества с радикальными учениями анабаптизма, отстаивая свои представления о стабильности политического порядка.

При сопоставлении идей гуманистов предреформационного и послереформационного периодов выявляется существенное различие, например, в понимании роли человека по отношению к судьбе и долгу. Гуманисты предреформационной поры (Мор, Колет, Эразм и др.) склонны были подчеркивать активную роль общественной деятельности, способность человека самому определять свою судьбу, отстаивали свободу воли и значение добрых дел в жизни людей, полагая, что социальная справедливость, мир и процветание общества — вполне достижимые цели. Гуманисты послереформационной поры проповедовали беспрекословное подчинение власти и традиционным социальным порядкам, отрицая свободную волю человека и противопоставляя ей полное подчинение высшей воле, предопределению. Этому соответствовали и различные точки зрения на человека и его природу. Взгляд Мора, Колета, Эразма на человека и его возможности оптимистичен; не пассивное смирение проповедовали они в канун Реформации, а понимание гражданского долга и активное служение общему благу. Английские реформаторы, последователи Лютера, не жалели усилий, обличая и развенчивая порочную человеческую природу.

Гуманизм и Реформация, оппозиционные каждое по-своему феодальному обществу, создали системы ценностей, несовместимые друг с другом: одна вела к религиозному скептицизму, культу разума и духовному освобождению человека от пут догматизма и церковных предрассудков, к торжеству светского начала над религиозным, светского опытного знания над церковной схоластической ученостью. Другая сосредоточилась на религиозных вопросах и религиозно-нравственном преобразовании общества: лишенная широты гуманистического подхода к проблемам светскорелигиозных отношений, стремилась деспотически подчинить мирскую жизнь человека жестким нормам религиозной морали. Таковы были принципиальные основы идейной непримиримости гуманистов Мора и Эразма и реформаторов Тиндала и Лютера.

В Англии Реформация носила умеренный характер, англиканская церковь была вполне приемлемой для подавляющего большинства гуманистов, представивших буржуазно-дворянское направление общественной мысли: их этические и политические идеи нашли свое выражение в сочинениях Фортескью, Литгейта, Дадли, Старки и др. Задолго до Реформации Э. Дадли в трактате «Древо государства» отстаивал идею подчинения церкви светской власти короля; на автора трактата взгляды Уиклифа оказали несомненное влияние. С тех же позиций рассматривал государство Тюдоров и Т. Старки. Консервативные политические идеалы Фортескью, Дадли, Старки и других гуманистов были отражением процесса сближения формирующихся классов буржуазии и нового дворянства, которое привело в XVI в. к союзу этих классов, а в политике — к прямой поддержке абсолютной монархии. Уже в XVI в. обнаруживается консерватизм буржуазно-дворянской политической мысли, который скажется и на протяжении XVII в., включая эпоху английской буржуазной революции.

Иным было отношение к государству Тюдоров гуманистов феодально-консервативного направления. Трактат Р. Пола «В защиту единства церкви» (1536 г.) решительно осуждал реформационную политику Генриха VIII за нарушение единства христианского мира и злоупотребление властью. Автор трактата исходил из средневековой теории о праве подданных на сопротивление вплоть до открытого выступления против короля, нарушившего старинные феодальные вольности.

Существенным компонентом культуры XVI в. была гуманистическая историография тюдоровской Англии. Фундаментальный труд Полидора Вергилия (1470—1555) «Английская история» (1533 г.), написанный по заказу двора, значительно повлиял на тогдашних английских историков. История в этом сочинении изображается как результат деятельности королей, одержимых жаждой власти. Несмотря на официальный характер произведения Вергилия, в нем содержатся яркие сведения, существенно дополняющие картину социальной истории Англии, отразившуюся в других источниках XVI в., например в «Утопии» Мора. Вергилий обуславливал ход истории взаимодействием двух факторов — неизменностью человеческой природы и страстей, управляющих действиями людей, и изменчивостью фортуны. Но историк воспроизводит и картину социальных потрясений, поразивших страну в связи с огораживаниями.

Выдающийся памятник гуманистической историографии XVI в. — неоконченная «История Ричарда III» Томаса Мора. Мор как историк в отличие от английских хронистов конца XV — первой половины XVI в. стремится выявить внутренний политический смысл описываемых событий. Автора «Истории Ричарда III» интересует также психология исторических деятелей; он умеет показать отражение политических событий в общественном сознании той социальной среды, к которой принадлежал он сам. Мировоззрение автора «Истории Ричарда III» выражало чисто ренессансный интерес к внутреннему миру человека, уважение к человеческому достоинству независимо от социальной принадлежности, резкое осуждение всякого политического произвола и тирании. С 1543 г. «История Ричарда III» Мора публиковалась в составе английских хроник Джона Хардинга, Эдуарда Холла, Джона Стоу, Рафаэля Холиншеда. Из хроники Холиншеда Шекспир заимствовал сюжет для своей трагедии «Ричард III».

О зарождении национального самосознания и все возрастающего интереса к истории своей страны свидетельствует появление исторических сочинений, написанных людьми незнатными: «Новая хроника Англии и Франции» лондонского сукошника и шерифа Роберта Фабиана выдержала пять изданий с 1502 по 1559 г., хроника лондонского юриста Эдуарда Холла «Соединение двух благородных и славных домов Ланкастеров и Йорков» (1548 г.) существенно дополнила труд Полидора Вергилия. Труд Холла стал одним из источников «Истории Генриха VII» Френсиса Бэкона.

Во второй половине XVI в. большой популярностью в Англии пользовался труд сына лондонского портного Джона Стоу (1525—1605) «Свод английских хроник» (1565 г.). Стоу широко заимствовал материалы из сочинений своих предшественников, особенно из книги Джона Линдзла — королевского антиквара, издавшего в 1546 г. подробное описание Англии и ее исторических достопримечательностей. Из публикации Линдзла много почерпнул также и священник Холиншед — самый популярный историк своего времени, автор обширного свода хроник и антикварно-топографических описаний, составивший большой коллективный труд «Хроника Англии, Шотландии и Ирландии» (1577 г.), явившийся важной вехой в развитии английской историографии. Холиншед был очень близок к идеологии пуританства.

В 1572 г. по инициативе Мэтью Паркера было организовано общество

антиквариев для изучения английской истории и древностей, так называемая Академия, с которой связаны имена выдающихся представителей английской исторической школы эпохи Возрождения — У. Кэмдена и Ф. Бэкона. У. Кэмдену (1551—1623) принадлежит двухтомный труд «Анналы царствования королевы Елизаветы» на латинском языке (1615—1625 гг.). Создание общества антиквариев в какой-то мере восполнило недостатки тогдашней университетской системы образования, в которой отсутствовало преподавание истории. В двух крупнейших университетах Англии — Оксфорде и Кембридже — в XVI в. сохранялась традиционная система высшего образования, основанная на изучении теологии, гражданского и церковного права, философии Аристотеля и Платона, медицины Галена и Гиппократы, математики, арифметики, геометрии, астрономии, диалектики, риторики, древнегреческого и древнееврейского языков. Изучение гражданского и церковного права в течение долгого времени являлось необходимым условием для достижения высоких должностей в церкви и государстве.

Система, сложившаяся в английских университетах, опиралась на среднюю классическую, или «грамматическую», школу, которая в XVI в. переживает расцвет. Гуманистические принципы обучения и воспитания, настойчиво пропагандировавшиеся Дж. Колетом и У. Лили, получают широкое распространение в английских школах второй половины XVI в.

С наступлением Реформации развитие школьного дела претерпевает серьезные трудности, многие школы при монастырях и часовнях были закрыты, хотя иногда средства, полученные при секуляризации, использовались для учреждения школ. В первые годы царствования Елизаветы I официально сообщалось, что многие города Англии не имеют школ, некоторые школы не имеют учителей, даже университеты пришли в упадок. Правительство было вынуждено поощрять университетское и школьное образование. Королева посетила Кембридж и Оксфорд, во многих городах были открыты новые школы.

К концу XVI в. в Кембридже и Оксфорде увеличилось число колледжей, были открыты медицинский и юридический факультеты, обучение приобретало светский характер. Студентами все чаще становились дворяне и дети горожан. Преподавание в XVI в. велось на латинском языке. Самым распространенным школьным учебником была латинская грамматика У. Лили. Наряду с произведениями древних авторов большую роль в школьном обучении приобретают сочинения гуманистов — Эразма, Вивеса, Мандзоли. В некоторых школах Англии (Итон, Гарроу, Вестминстер, Шрюсбери) изучался и греческий язык. Распространение идей гуманизма способствовало изменению системы воспитания от «теологической», целью которой была подготовка священников и ученых богословов, к светской «риторической», воспитанию образованного джентльмена, способного к государственной службе.

Роджер Эшем (1515—1568), автор известного трактата «Школьный учитель», опубликованного посмертно, полагал целью воспитания в подготовке юношества к практической деятельности, служению на благо государства и страны. Основные критерии педагогики, по Эшему, — мудрость, ученость, добродетель, польза. Эшем весьма скептически относился к монастырской добродетели и проповеди аскетизма, отвергал телесные наказания, ратовал за хорошую постановку в школах физического воспитания, за соединение обучения с воспитанием, связь школы с жизнью. Аналогичную теорию воспитания развивал Ричард Малкастер (1530—1611), который настаивал на необходимости обучения в школе ремеслам; сознавая важность латинского языка как средства воспитания, он решительно отстаивал роль английского языка в школе, подчеркивая практическое и патриотическое значение его изучения. Улучшение школьного и университетского обучения и воспитания в немалой степени содействовало повы-

шению образованности и морального уровня будущих духовных и светских деятелей.

Заметный прогресс наблюдается в развитии естественных наук. В 1518 г. была основана коллегия врачей, а в 1540 г. — специальная коллегия хирургов. С 1547 г. в Оксфордском и Кембриджском университетах по инициативе Генриха VIII вводится преподавание медицины. В 1565 г. Елизавета I пожаловала коллегии врачей право анатомировать человека. Видные английские хирурги приобретали опыт и врачебное мастерство в военных кампаниях. На основе личного опыта военного хирурга Д. Гейл составил весьма ценный для своего времени медицинский трактат о лечении пулевых ранений (1563 г.).

Пересматривались традиционные средневековые представления о мироздании. После выхода в свет в 1543 г. сочинения Николая Коперника «О вращении небесных сфер» гипотеза о движении Земли вокруг Солнца, быстро распространяясь по Европе, достигла и Англии. Убежденными приверженцами учения Коперника в Англии были Роберт Рикорд, автор известного в свое время трактата «Храм познания» (1556 г.), Джон Филд, Уильям Гилберт и другие английские ученые, внесшие значительный вклад в развитие науки. Уильям Гилберт в 1600 г. опубликовал ценное исследование о магнитных телах и земном магнетизме — одну из важнейших книг столетия по физике.

Однако носителями научного прогресса в елизаветинской Англии были немногие энтузиасты. Большинство по-прежнему придерживались консервативных представлений о мироздании, основанных на системе Птолемея и прочно вошедших в повседневную жизнь, философию и литературу. Это отчетливо прослеживается в творчестве крупнейших писателей — Марло, Шекспира и др. Значительный авторитет продолжали сохранять астрология и алхимия.

Вторая половина XVI в. отмечена достижениями в области географии. Издаются знаменитые географические атласы Англии и Уэльса, выходят в свет «Британия» Уильяма Кэмдена (1586 г.) и трактат «Основные плаванья английской нации» Ричарда Хаклюйта Младшего (1589 г.), встретившие одобрение и широкий интерес среди образованных горожан и неоднократно переиздававшиеся в царствование Елизаветы. Кэмден и Хаклюйт не были географами в строгом смысле. Кэмден был скорее антикваром и историком, а Хаклюйта интересовало развитие торговли, расширение рынков, освоение новых территорий в интересах английской промышленности. Однако исследовательский пафос и строго документальный подход к историко-географическим проблемам в сочинениях Кэмдена и Хаклюйта свидетельствовали, что Англия выходила в первые ряды географически образованных наций. Социально-экономические сдвиги, развитие раннекапиталистических отношений со всей остротой ставили перед буржуазией и новым дворянством вопрос о колониях. И именно Ричарду Хаклюйту суждено было стать одним из ранних идеологов английской колониальной экспансии.

Начало новой философии, еще объединявшей в те времена естественные и гуманитарные дисциплины, положил Френсис Бэкон (1561—1626). Его творчество сочетает в себе черты поздней ренессансной науки и принципы, характерные для философии эпохи ранних буржуазных революций. Разносторонность его интересов и дарований весьма широка: он был юристом и дипломатом, политиком и оратором, философом, литератором, историком. В ряде своих трудов («Новый органон», 1620; «О достоинстве и приумножении наук», 1623) он выдвинул философскую программу развития естествознания.

Бэкон создал новую методологию изучения явлений природы; провозгласив опытное знание, эксперимент основой научных обобщений, он выступил как «настоящий родоначальник английского материализма»

и всей современной экспериментирующей науки»¹. Исходной позицией его философских доктрин стала попытка стимулировать экономическую жизнь страны, способствовать развитию торговли и промышленности, опираясь на достижения науки и техники.

Важнейшим принципом методологии Бэкона и основой его мировоззрения стал материализм. Задачу науки он видел в том, чтобы строить «в человеческом разуме образец мира таким, каков он оказывается, а не таким, как подскажет каждому его мышление»². Познание человеком природы он сравнивал с отражением: та философия является настоящей, «которая самым тщательнейшим и верным образом передает слова самого мира и сама как бы написана под его диктовку; она есть не что иное, как его подобие и отражение, она ничего не прибавляет от себя, но только повторяет произнесенное им»³. Бэкон сознательно и убежденно противопоставлял материалистические воззрения идеализму.

До Бэкона в философии, не отделившейся еще от религии, господствовала дедукция, идущая от общих постулатов и авторитетов к частным, конкретным выводам. Развитие производительных сил, появление технических усовершенствований в ремесле, мореплавании, военном деле дало возможность Бэкону разработать новый, индуктивный метод обобщения опыта. Бэкон впервые сформулировал его и объявил главным методом познания природы.

В своей грандиозной программе развития наук Бэкон показал, что наука должна дать человеку власть над природой, улучшить его жизнь. Не случайно в утопическом произведении «Новая Атлантида» главную роль в организации общества играет союз ученых — «Дом Соломона». Благодаря их деятельности на Бенсалеме, острове, затерянном в просторах Тихого океана, достигнут невиданный уровень науки и техники; жители его умеют получать необычайно высокие температуры, использовать энергию Солнца, предсказывать погоду, выращивать небывалые урожаи, воздействовать на развитие животных, излечивать болезни, передавать звук на огромные расстояния, пользоваться летательными аппаратами и т. д. Сам Бэкон, работая над задуманным им обширным трудом о восстановлении наук, собрал массу фактов и классифицировал их.

Учение Бэкона дало мощный толчок развитию материализма и эмпи-

Френсис Бэкон.
Портрет работы
неизвестного художника
XVII в.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 142.

² Бэкон Ф. Новый органон. Л., 1935. С. 186—187.

³ Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 198.

ризма в Европе; его влияние испытали Лейбниц, Кант, Фейербах; оно способствовало движению прогрессивной философской мысли. Бэкон оставил свой след и в педагогике, и в политической теории, и в историографии. В его «Истории Генриха VII» объединены черты исторического исследования и хроники. Он рационалистически трактует события, обосновывая свой взгляд на необходимость государственной власти, главным принципом которой является сотрудничество короля и парламента. Однако в условиях XVII в., когда абсолютизм Стюартов начинал испытывать первые удары буржуазной парламентской оппозиции, идея сохранения единства короны и парламента оказалась иллюзией.

В ответ на притязания короны, особенно усилившиеся в правление Якова I, появляются антиабсолютистские политические и юридические теории. Они базируются на трактатах шотландца Дж. Бьюкенена, известного ученого, воспитателя Якова I, последователя европейских монархов, и Р. Хукера, политико-религиозного теоретика конца XVI в., который выдвигал идею договорного происхождения королевской власти, восходящую к Бодену. В «Апологии палаты общин», коллективном документе, представленном королю в 1604 г., а позднее и в выступлениях палаты абсолютный и единоличный характер королевской власти, по существу, отрицается: общины недвусмысленно настаивают на своих правах и свободах.

Парламентская оппозиция королю в XVII в. ищет свои аргументы в истории и праве. Рост национального самосознания англичан в конце XVI в., особенно после разгрома Непобедимой армады, обусловил огромный интерес к истории. Широкую популярность приобретают хроники Э. Холла и Р. Холиншеда. У. Рэли, мореплаватель, ученый и поэт, пишет «Всемирную историю», в которой ищет земные, рациональные причины человеческих поступков и разделяет науку и теологию. Появляется множество других «Историй». Подмостки театров доносят события далекого прошлого до широких масс зрителей.

Лидеры оппозиции в парламенте и вне его обращаются к прошлому, пытаются показать, что защищают давно существовавшие «старинные права и вольности англичан», древнюю конституцию, нарушаемую приближенными монарха. Особый вес в парламенте приобретают знатоки старины, например юрист Э. Кок, автор фундаментальной работы «Институты английского права». Английское общее право становится аргументом в парламентских спорах. Политические писатели (У. Рэли) пропагандируют идеи Макиавелли и Бодена, отстаивают право подданных на сопротивление тирану. Эти идеи в 30-е годы XVII в. подхватывают главные ораторы парламентской оппозиции Дж. Элиот и Дж. Пим. В этой идейной атмосфере складывается мировоззрение выдающихся мыслителей и политических теоретиков эпохи Английской революции Дж. Милтона, Т. Гоббса и др.

Оппозиция абсолютизму более всего проявила себя в религиозной области — в движении пуританизма, которое с конца XVI в. постепенно охватывало все более широкие круги общества. Под влиянием этого движения возникают новые явления в культуре предреволюционной Англии. Большую роль в развитии пуританских политических теорий сыграла многократно переиздававшаяся между 1563 и 1641 гг. книга Дж. Фокса «Акты и памятки», в которой англичане изображались Богом избранным народом, несущим миру идеи «истинного христианства». Книга Фокса послужила основанием для многочисленных пуританских проповедей. Идеологи протестантизма отстаивали в своих трудах принцип религиозной терпимости, который логически вел к защите свободомыслия в религиозной и политической областях.

В XVII в. множатся пуританские секты. Могучую идейную опору они обретают в Библии, английский перевод которой в виде карманных изда-

ний нелегально перевозился из Женевы и распространился в Англии уже в 60—70-е годы XVI в. В 1613 г. знаменательным событием стал санкционированный Яковом I новый перевод Библии на английский язык, осуществленный преподавателями и выпускниками Кембриджского университета. Этот перевод оказал большое влияние на развитие культуры; он давал выражения и аргументы, предписания и примеры, богатейший мир образов, вдохновлявший отныне не только литературу и поэзию, но и политическую публицистику. Он стал и действенным оружием оппозиции абсолютистскому режиму Стюартов.

Под влиянием пуританского движения произошли заметные сдвиги в культурной жизни английского общества. Это движение отличалось известным обскурантизмом. Пуритане выступали против традиционных увеселений и развлечений елизаветинской Англии; с конца 70-х годов XVI в. они обрушиваются на театр. Борьба против «греховных зрелищ» достигает кульминации в сочинениях У. Принна в 30-е годы XVII в. Накануне и во время революции пуритане разбивали церковные витражи и статуи, органы и церковную утварь. Но пуританизм нес в себе ростки нового сознания, и это сделало его идейным знаменем в борьбе против абсолютизма и феодального строя. Чтение Библии и пуританские проповеди перерастают религиозные рамки и становятся выражением политического и социального протеста. Из церквей проповедь выходит на базарные площади, в лавки, таверны, на улицы. Вокруг проповедников собираются своего рода клубы, где ветхозаветные и евангельские постулаты интерпретируются в революционном смысле.

Новые веяния захватывали средние и беднейшие слои народа: они рождали новую, пуританскую этику, которая провозглашала идеалы общности, народности, гражданственности, трудолюбия. Пуританские традиции пропикали в быт. В семье культивировались дружба и сплоченность, большое внимание уделялось воспитанию детей; ценились выдержанность, умение владеть собой, строгость к себе, непритязательность, презрение к роскоши. Пуритане резко выступали против кровавых увеселений средневековья: медвежьей травли, боя быков, петушиных боев, против маскараров и других развлечений. Многие из ученых-естествоиспытателей конца XVI — первой половины XVII в. были пуританами. Большую роль в развитии науки сыграл основанный в конце 70-х годов XVI в. в Лондоне Грешем-колледж, объединивший в своих стенах многих выдающихся ученых-протестантов.

Потребности производства способствовали развитию естественных и точных наук; нужды сельского хозяйства, ремесла, техники, мануфактур, мореплавания рождали необходимость в развитии опытного знания. На смену ренессансной науке приходили новые методы познания и объяснения мира; этот новый период обычно определяют как «генезис классической науки», которая постепенно сама становится производительной силой.

Позднее Возрождение в Англии дало миру ряд выдающихся научных достижений. Т. Хэрриот явился одним из создателей учения об алгебраических формулах; он предвосхитил открытия Декарта в области аналитической геометрии, правильно объяснил происхождение цветов радуги, в 1610 г. наблюдал с помощью телескопа солнечные пятна. Шотландец Д. Нэпир в 1614 г. открытием логарифмов упростил вычисления. Врач У. Гарвей в 20-х годах, открыв систему кровообращения, превратил физиологию в науку.

В конце XVI — начале XVII в. наивысшего расцвета достигает литература. Издаются сборники сонетов, лирические и эпические поэмы, приключенческие и плутовские романы, повести из ремесленного быта. Самые их названия — «Англия Альбиона», «Британская Троя», «Британские пасторали» — говорят о росте национального самосознания англичан, об

интересе к родной истории и географии. Большой высоты достигает светская поэзия на английском языке в творениях Ф. Сиднея, Т. Кэмпбелла, У. Рэли и др. В 80—90-х годах XVI в. Англия переживает расцвет поэтического творчества: тысячи сонетов, поэтических сборников, поэм отличаются богатством идейного содержания, разнообразием и совершенством художественных форм. Э. Спенсер, мастер стиха, прославлявший прекрасного человека, способного на жертвы во имя высоких духовных идеалов, в поэме «Королева фей» воспеваает идеального монарха в традициях европейской ренессансной этики. Английская проза усваивает новые стилистические и повествовательные приемы, шедшие с континента, прежде всего из Италии. Она представлена именами Дж. Лили (очень популярен был его роман «Эвфуэс»), Ф. Сиднея, автора пасторального романа «Аркадия», Р. Грина, создавшего натуралистические картины лондонского «дна» в серии памфлетов о мошенниках. Нашумевший «Злосчастный путешественник» Т. Нэша положил начало английскому плутовскому роману. Т. Делони стал первым бытописателем ремесленной городской среды. Сатирическая проза высмеивает пороки различных групп общества.

Но более всего процветает драматургия — синтез передовых гуманистических идей и народной драмы. В последние десятилетия XVI в. она становится самым демократическим видом искусства благодаря массовому характеру, который приобрел к концу века английский театр. Постоянные театры появились в стране во второй половине XVI в. В 1576 г. актер Дж. Бербедж выстроил первое театральное здание; к началу XVII в. в Лондоне насчитывалось около 20 театров. В 1587—1616 гг. театр стал рассадником новых идей, средоточием культурной жизни народа, проповедником гуманистических взглядов; с его подмостков звучали злободневные темы. В театрах ставились комедии Дж. Лили и Р. Грина, трагедии Т. Киды и К. Марло, вобравшие в себя лучшие традиции средневековой городской драмы; выражая новое, гуманистическое содержание, драматурги использовали классическое наследие античности, совершенствуя формы драматического искусства.

Главной темой К. Марло (1563—1593), первого великого трагика в английской драматургии, становится освобождение личности от оков авторитета, стремление человека к безграничному господству над миром. Таковы «Тамерлан Великий», «Трагическая история доктора Фауста». Трагедия его героев заключается в противостоянии раскрепощенной личности новым узам, налагаемым на нее в нарождающемся буржуазном мире. Индивидуализм его могучих героев носит жестокий и анархический характер. В произведениях К. Марло преобладают мотивы разочарования и сомнения в идеалах Возрождения.

Самым ярким феноменом, выразившим все многообразие перемен, происходивших в обществе и внутреннем мире человека, был Шекспир (1564—1616). В творчестве Шекспира отразился кризис, переживаемый английским обществом и гуманистическим мировоззрением на рубеже XVI и XVII вв. Шекспир, последовательно отстаивая гуманистические убеждения, разглядел в то же время антигуманное существование новых нравов, их индивидуализм и своекорыстие. Эволюция его творчества отражает закономерное развитие гуманистической культуры. Комедии и хроники 1590—1600 гг. торжественно отстаивают право на победу за силами нового; они запечатлевают тот национальный подъем, который переживала Англия, разгромившая испанскую Армаду и превращавшаяся из окраинного государства в великую европейскую державу. Здесь безоговорочно утверждаются принципы гуманизма.

С начала XVII в. ведущим жанром в творчестве Шекспира становится трагедия. Жизнерадостность и бьющая через край энергия произведений конца века уступают место глубоким раздумьям о мучительных противоречиях жизни. Трагическое мироощущение становится определяющим

в творчестве Шекспира в период создания им наиболее значительных, художественно завершенных и глубоких произведений — «Гамлета», «Отелло», «Короля Лира», «Макбета».

В последний период творчества великого драматурга на смену трагедиям приходят трагикомедии, или романтические драмы: «Зимняя сказка», «Цимбелин»; появляется фантастическая, полная тревоги и неясных предвидений «Буря». Однако и в них Шекспир остается страстным борцом против зла и несправедливости. Характерная черта этих произведений — стремление героев найти положительное разрешение жизненных конфликтов, но победа сил добра переносится в туманное будущее.

Одно из самых ярких качеств произведений Шекспира — народность; высочайшее художественное мастерство, глубокое и тонкое проникновение в тайны человеческой души сочетаются у него всегда с народным духом. Реализм его включает в себя традиции народной смеховой культуры. Именно поэтому столь насыщен образами и красочен его язык, остающийся до сих пор одним из самых богатых в мировой литературе и наиболее полно отразивший все многообразие английской речи позднего Возрождения.

После Шекспира английская драма начала XVII в. дает еще только одно значительное имя — Бена Джонсона (1573—1637), мастера социальной сатиры, предшественника Мольера и классицизма. Бен Джонсон, выдающийся драматург, ученый, знаток античной культуры, ренессансной науки и философии, в своих драмах выдвинул принцип бытового реализма; задачу искусства он видел в осмеянии пороков. Его персонажи в отличие от шекспировских наделены лишь одной страстью или склонностью, определяющей все их поведение. Творчество Джонсона насыщено социальными мотивами. Особенной известностью пользовались его бытовые комедии: «Всяк в своем праве», «Всяк вне своего права», «Вольпоне, или Лис», «Алхимик», «Варфоломеевская ярмарка». Его сатира имела антибуржуазную направленность. В трагедиях «Падение Сеяна» и «Заговор Катилины» он критикует деспотическую монархию. Джонсон испытал большое влияние европейской бюргерско-гуманистической литературы конца XV — начала XVI в., особенно «Корабля дураков» Себастьяна Бранта и «Похвалы Глупости» Эразма.

Во втором десятилетии XVII в. в английской драме утверждается романтически-авантюрное и аристократическое направление, представленное именами Ф. Бомонта и Дж. Флетчера. Плоды их совместной деятельности — кровавые трагедии, отстаивавшие право абсолютного монарха над жизнью подданных, и блестящие и занимательные комедии откровенно гедонистического свойства, лишенные глубины изображения характеров. После них театр все более утрачивает связь с народом и приобретает аристократические черты, противопоставляя буржуазной корысти мораль гедонизма и эпикурейства. В этом свете насильственное закрытие театров, осуществленное парламентским актом в 1642 г., явилось следствием упадка ренессансной драмы.

Уильям Шекспир.
Гравюра М. Друстоута
с титульного листа первого издания
«Собрания сочинений» Шекспира.
Лондон, 1623 г.

В первые десятилетия XVII в. в английской литературе возникают новые явления, знаменующие собой кризис гуманистического мировоззрения. Жизнеутверждающему началу ренессансной культуры противопоставляются мотивы, вызванные разочарованием определенных кругов общества в побеждающем своекорыстии буржуазного уклада. В 1621 г. выходит в свет «Анатомия меланхолии» викария Роберта Бертона. Другой пример утраты гармонического ренессансного идеала — поэзия Джона Донна, родоначальника так называемой метафизической школы. Современник Шекспира, Донн начинает свою поэтическую деятельность в конце XVI в. Его «Песни и сонеты» и элегии отличаются широким, жизнерадостным ощущением мира, эмоциональностью, воспевают человеческие чувства. К 90-м годам XVI в. относятся и сатиры Донна, высмеивающие лондонских сутяг-юрлистов, придворных, ханжей-пуритан. Но в поэме «Странствующие души» ощущается нарастающая враждебность к плоти и земному существованию. В поэмах «Анатомия мира» и «Вторая годовщина» уже отчетливо видна победа религиозного мировоззрения, проступают мотивы неудовлетворенности, тоски, безысходности. Циклы стихотворений «Божественные поэмы» и «Благочестивые сонеты» посвящены исключительно религиозным темам; они полны экстатического пафоса и отречения от земного бытия, глумления над немощью разума и бессилием человеческой природы.

Наиболее выдающийся английский поэт середины XVII в. — Джон Милтон (1608—1674), активный участник и идеолог буржуазной революции; к периоду назревания революции относится становление его идейных и эстетических позиций. Получивший прекрасное гуманистическое образование, заверщенное во Франции и Италии, поэт отказывается от посвящения в сан священника и отвергает господствующую англиканскую доктрину. В его творчестве ранних лет отсутствуют характерные для Возрождения эротические и гедонистические мотивы. Оно отличается идейной значительностью и философской глубиной. Поэзия его двойственна: в ней соединяются черты ренессансного гуманизма и пуританской религиозности. В 30-е годы Милтон создает пьесу-маску «Комус» и элегию «Лисидас», где звучат уже политические мотивы неудовлетворенности общественным устройством, критика англиканской церкви. Эти мотивы его творчества получили дальнейшее могучее воплощение в период буржуазной революции, которая знаменовала собой новый этап в развитии английской культуры.

Для искусства Англии XVI в. характерно сочетание традиций готики с ренессансными веяниями. В начале XVI в. в церковной архитектуре готика еще полностью господствовала. Шедевром ее позднего («перпендикулярного») стиля, отличавшегося изысканной декоративностью, стала капелла Генриха VII в Вестминстерском аббатстве. Реформация надолго прервала церковное строительство. В конце XV в. прекратилось и возведение феодальных замков. Зато бурно развивается строительство дворянских усадеб, продуманно связанных с окружающей природой, городских домов (особенно в Лондоне) с фахверковыми, более дешевыми конструкциями, дворцов новой знати. В старых дворцах обновляются на ренессансный лад интерьеры. Декоративные работы выполняют по заказам короля и знати преимущественно приезжие мастера — итальянцы, немцы и фламандцы. Характерный образец «тюдоровской архитектуры», смешение готики и Ренессанса, — лондонский дворец Хэмптон, перешедший от кардинала Уолси, мецената гуманистов, к королю Генриху VIII. Наиболее ясно новые тенденции отхода от готической традиции проявились позже в построенных Р. Смитсоном (1535—1614) дворцах Лонглит-хаус и Уоллатон-хаус.

Во второй половине XVI — начале XVII в. существенно меняется облик английской деревни — распространяется свободная планировка,

строится множество односемейных домов — коттеджей, небольших зданий в два этажа, живописно сочетающих в интерьере темные деревянные панели и крупные плоскости белой штукатурки. Утверждается культ домашнего уюта, скромного комфорта, отдыха «у камина» как своеобразного символа семейного очага и достатка.

Новым этапом в развитии архитектуры стала первая половина XVII в., когда архитектор и мастер театральной декорации И. Джонс (1573—1652), убежденный последователь Палладио, заложил основы дальнейшего развития английского классицизма. Его постройки принадлежат к вершинам английского зодчества (центральная часть дворца Кобэм-холл, Банкетный зал в Лондоне).

Архитектура Шотландии имела в XVI — XVII вв. ряд особенностей. Здесь продолжалось строительство замков с выразительными силуэтами башен («баронский стиль»). Слабее были выражены ренессансные влияния и в оформлении интерьеров — широко использовались готические традиции резьбы по дереву. В деревнях в отличие от Англии преобладали хуторские поселения.

Английское изобразительное искусство в XVI в. в целом переживает упадок, наметившийся еще в конце XV в. Реформация, лишив художников крупных церковных и монастырских заказов, усилила этот процесс. В XVI — XVII вв. ведущую роль играют не местные, а приезжие мастера, среди которых были такие выдающиеся художники, как Г. Гольбейн Младший, а в XVII в. — А. Ван Дейк. Главной линией развития живописи в Англии стало искусство нового ренессансного жанра — портрета. Восторжествовало, однако, холодное, условное мастерство парадного придворного портрета, прославлявшее короля и знать. Наибольших достижений английские художники добились в портретной миниатюре, истоками которой стали традиции книжной миниатюры и творчество Г. Гольбейна. Н. Хиллиард (ок. 1547—1619), живописец и ювелир, придворный художник Елизаветы и Якова I, дал не только образцы тонких индивидуальных характеристик своих моделей, но и попытался теоретически осмыслить специфику искусства миниатюры. Высоким мастерством отличались работы А. Оливера (ок. 1556—1617). С необычной для миниатюры энергией создавал портреты Кромвеля и других деятелей Английской революции С. Купер (1609—1672), творчество которого противостояло шаблону парадного портрета. Его воздействие сказалось на новом типе парадного аристократического портрета XVII в., окончательно сложившемся в английский период творчества Ван Дейка.

Народное творчество претерпело в XVI — XVII вв. мало изменений. В традиционных и очень ценимых в народе гончарных изделиях, покрытых глазурью, по-прежнему широко использовали изображения зооморфных и растительных форм, в том числе фантастических. Народные вкусы ярко проявились в искусстве лубка, популярных гравюрах на меди. Его расцвет, как и максимальная насыщенность антифеодальными и антицерковными мотивами, связан с периодом Английской буржуазной революции.

Глава 6

КУЛЬТУРА ФРАНЦИИ

К концу XV в. во Франции утверждается устойчивая ренессансная тенденция в литературе, архитектуре, живописи, скульптуре. Завершение Ренессанса до недавнего времени связывали с началом XVII в. Однако большинство французских исследователей относят его к 70—80-м годам XVI в., рассматривая конец XVI в. как время перехода от Ренессанса

через маньеризм к барокко и позднее к классицизму. Для раннего французского Возрождения характерна разработка античного наследия, углубляющаяся по мере укрепления культурных контактов с Италией.

С конца XV в. во Францию приезжают итальянские писатели, художники, историографы, филологи: поэт Фаусто Анджелини, ученый грек Иоанн Ласкарис, филолог Юлий Цезарь Скалигер, художники Андреа дель Сарто, Бенвенуто Челлини, Леонардо да Винчи, историографы К. де Сейсель и Павел Эмилий. Благодаря изяществу стиля труд Павла Эмилия «Десять книг о деяниях франков» служил примером для подражания многим французским гуманистам. Итальянские гуманисты способствовали расширению круга изучаемых во Франции античных авторов и большему вниманию к сочинениям писателей ренессансной Италии.

Юноши из знатных и зажиточных семей стремились в Италию, чтобы воспринять богатство итальянской культуры. Это отразилось на характере французского Возрождения, особенно на начальной стадии, придав ему заметный аристократическо-дворянский отпечаток, что сказывалось и в усвоении высшими слоями общества прежде всего внешних элементов культуры итальянского Ренессанса, и в широком меценатстве французского королевского двора. Покровительство нарождающейся гуманистической интеллигенции оказывали королева Анна Бретонская и король Франциск I. Традиции литературного кружка Анны Бретонской получили развитие в деятельности более знаменитого кружка одаренной и образованной Маргариты Наваррской, привлекавшей к себе Рабле, Лефевра д'Этапля, молодого Кальвина, Клемана Маро, Бонавантюра Деперье, ученого, поэта и типографа Этьена Доле и др. Покровителями гуманистов были и многие сановники.

И все-таки нет оснований сводить специфику французского Возрождения лишь к аристократизму, так же как выводить его генезис только из итальянских влияний. Культура французского Возрождения взрастала в первую очередь на собственной почве. Основой ее зарождения и развития явилось завершение политического объединения страны, складывание внутреннего рынка и постепенное превращение Парижа в политический, экономический и культурный центр, к которому тяготели самые отдаленные регионы.

Мощным стимулом для развития французской культуры послужило успешное окончание Столетней войны, вызвавшее рост национального самосознания. Оно в первую очередь сказалось на исторических сочинениях. В трудах историка так называемой бургундской школы Жоржа Шателена (ум. 1475), хотя и верных традициям рыцарской хроники, прослеживается попытка понять глубинные причины исторических событий. В этом Шателен предвосхищает крупнейшего французского историка Филиппа де Коммина (1447—1511?), чьи «Мемуары» повлияли на французскую историографию и политическую мысль XVI в. Приближенный бургундского герцога Карла Смелого, Коммин перешел на службу к Людовику XI, связывая с ним надежды на объединение Франции. Сторонник сильной королевской власти по английскому образцу, Коммин еще далек от идеи абсолютной монархии. Историческая концепция Коммина близка сочинениям Августина, но политическая трезвость, практицизм, точность в оценках людей характеризуют его как раннего представителя нового типа культуры. Исторический «метод» Коммина напоминает приемы объяснения событий, характерные для Франческо Гвиччардини, который, быть может, и сам испытал влияние французского хрониста.

Развитие гуманистической культуры было бы невозможно без повышения общего уровня образования. Именно во второй половине XV в. в этой сфере произошли существенные изменения. О грамотности населения, особенно городского, свидетельствует огромное число рукописных книг. За-

метное место среди них (помимо библейских текстов и сборников средневековых фавлю) занимают рукописи, близкие по типу итальянской гуманистической новеллистике («Великий образец новых новелл» Никола де Труа, «Веселые проделки и разговоры Пьера Фефе, школяра из Анжера» Шарля Бурдинье, «Сто новых новелл» Филиппа де Виньеля). Сборник «Сто новых новелл», совместивший влияние «Декамерона» с традициями народной культуры средневековья, открывает целое направление в литературе французского Ренессанса.

Дальнейшему культурному подъему во Франции способствовало расширение книгопечатания. По инициативе ректора Сорбонны Гийома Фише и профессора Сорбонны Жана де Ла Пьера была создана первая парижская типография (1470 г.), издававшая сочинения латинских авторов. К концу XV в. число типографий быстро растет. Первые издания предназначались самым широким кругам, они заложили основу традиции народных книг.

На развитие раннего французского гуманизма оказывали влияние контакты не только с Италией, но и с Англией, Германией и Нидерландами. В постоянной переписке и личном общении с французскими гуманистами находился Эразм Роттердамский. К деятелям Эразмова круга во Франции принадлежали знаток латинской филологии Роберт Гаген, филологизм-эллинисты Лефевр д'Этапль, Гийом Бюде, Луи де Берке. Популярностью наряду с другими произведениями Эразма пользовалась «Похвала Глупости», переделанная по заказу Людовика XII в комедию «Принц дураков» и поставленная на парижской сцене в 1511 г.

Одним из выдающихся французских гуманистов был Лефевр д'Этапль (ок. 1450—1536), филолог, философ, теолог, математик, астроном, получивший образование во Флоренции, где познакомился с неоплатониками Марсилио Фичино и Пико делла Мирандолой. С его именем связано создание во Франции школы математиков и космографов. В конце XV — начале XVI в. Лефевр д'Этапль опубликовал комментарии к произведениям Аристотеля, отмеченные стремлением по-новому взглянуть на освященный традицией авторитет короля философов, в 1512 г. издал комментарии к Посланиям апостола Павла, в которых обосновал необходимость критического анализа источников христианского вероучения; ему принадлежит перевод Библии на французский язык, осужденный Сорбонной как еретический. Вокруг Лефевра д'Этапля группировались ученики, сторонники истинного христианства, изучавшие евангельские тексты, среди которых особенно выделялся филолог Гийом Бюде (1467—1540), ставший одним из вождей гуманистического движения во Франции. Человек широкого кругозора, он внес существенный вклад и в изучение математики, естественных наук, искусства, философии, особенно же римского права и греческой филологии. Его труд «Замечания на 24 книги Пандект» положил начало филологическому анализу источников римского права; в сочинении «Об ассе и его частях» развивалась концепция двух культур — античной и христианской. Заботясь о славе Франции, он возлагал ответственность за ее угасание на правителей и влиятельных лиц. Критический пафос этого сочинения Бюде и его «Наставления государю» сближали их с «Утопией» Т. Мора. Благодаря Бюде были созданы библиотека в Фонтенбло (переведенная в Париж, она послужила основой Национальной библиотеки) и Коллеж де Франс, где преподавались греческий, латинский и древнееврейский языки.

Филологические изыскания стали одной из наиболее сильных сторон гуманистической культуры этого периода. Классическая латынь изучалась во многих гуманистических кружках, в крупных городах, например в Лионе.

Королевский двор поощрял переводческую деятельность, что обогащало французскую гуманистическую культуру духовными дости-

Титульный лист первого издания одной из частей романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Лион, 1532 г.

десятилетие жизни Маргариты и отразил сложную эволюцию ее духовного мира — от религиозно-мистических поисков молодости к приятию гуманистических идеалов жизни, а затем к осознанию трагических противоречий между идеалами и жизнью.

Гуманистическая литература XVI в. достигает апогея в творчестве Франсуа Рабле (ок. 1494—1553). Врач-практик, исповедовавший принципы Гиппократата, популяризатор его сочинений, филолог, Рабле вошел в историю мировой культуры как автор «Гаргантюа и Пантагрюэля».

М. М. Бахтин убедительно показал, что художническое мировидение и творческий метод Рабле уходят корнями в стихию народной смеховой культуры средневековья. В романе прослеживается и другая традиция — традиция гуманистической книжной учености, возрождение на галльской почве художественного языка Аристофана и Лукиана. Но великой книгой роман Рабле стал не в силу простого усвоения традиций, а благодаря их новаторскому переосмыслению, включению в культурно-идеологическую атмосферу ренессансной эпохи. Реальность у Рабле вырастает из гигантских нагромождений веселого карнавального вымысла. Его художественный мир — мир грандиозной гуманистической утопии, равенства и свободы. Пространство, на котором развертывается действие романа, еще не устоявшееся, пульсирующее, подобно биологическому телу. Оно человечно, потому что очеловечено, соотносено с живущим в нем, познающим его и себя человеком. Пространство книги Рабле — это весь мир, открывшийся современникам великих мореплавателей и тающий в себе неизбежность новых открытий.

жениями других стран, особенно Древней Греции и Италии. К концу XVI в. на французский язык были переведены все известные в то время греческие классики. «История» Фукидида в переводе Клода де Сейсселя стала популярной книгой во Франции XVI в. Эпоху в культурной жизни общества составили переводы Жака Амьо (1513—1593); издание «Жизнеописаний знаменитых греков и римлян» Плутарха принесло ему славу лучшего переводчика и первоклассного писателя, оказавшего существенное влияние на развитие литературного языка в XVI — XVII вв.

Значительным явлением во французской литературе было творчество Маргариты Наваррской и членов ее кружка. Маргарите принадлежит большое число стихотворных произведений, отразивших философские, нравственные и художественные искания эпохи. В них прослеживаются влияние идей неоплатонизма, близость к настроениям евангелистов. Главное в наследии Маргариты — сборник из 72 новелл — «Гептамерон». Он создавался в последнее

Свои законы имеет в книге и время, отличное и от исторического, и от астрономического. В ней нет «прошлого», «настоящего», «будущего» в обычном значении этих понятий. «Настоящее», по терминологии М. М. Бахтина, амбивалентно: органично сцепленное с прошлым, оно несет в себе будущее, в котором мечта станет реальностью. Средствами гротескного реализма Рабле воссоздал все стороны французского и в целом европейского общества XVI в. В романе сопряжены важнейшие проблемы гуманистических дискуссий: свобода воли и сущность добродетели, наилучшее государственное устройство и обязанности хорошего правителя, сущность войны и мира, роль религии и церкви, система образования и воспитания идеального человека.

Книга написана гуманистом, адресована же она и кругу ученых-гуманистов, и всему читающему люду. Книга «на все времена», она прежде всего — о своем времени, «когда с наук... сняли запрет» и окружили их почетом. Рабле убежден в могуществе человеческого разума, в способности человека познать и поставить на службу силы природы. Вместе с тем ему присущ скептический взгляд на многие явления, он испытывает нравственные и иные ценности в каскадах уничтожающего и вместе с тем животворящего смеха. При этом Рабле убежден в главном: человек достоин жить в лучшем обществе и способен его создать. Так возникает в романе идеальное общество Телем.

Период развития гуманизма во Франции был короток, и пути гуманизма довольно скоро стали тернисты. В Европе усиливается католическая реакция. С середины 30-х годов XVI в. Сорбонна, напуганная успехами гуманизма и протестантизма, выступила против их представителей. Меняется отношение французской королевской власти и двора к гуманистам и протестантам. Из покровительницы королевская власть превращается в гонительницу свободомыслия. Жертвами реакции стали самые крупные французские гуманисты — Бонавантюр Деперье, Этьен Доле, Клеман Маро и многие другие.

Бонавантюр Деперье (ок. 1510—1544) был одним из наиболее самобытных деятелей Ренессанса. Филолог и переводчик, став секретарем Маргариты Наваррской, он создал серию новелл, составивших сборник «Новые забавы и веселые разговоры» (издан в 1558 г.). Жизнерадостный дух «Новых забав» роднит их с «Декамероном» Боккаччо и французскими «Ста новеллами» XV в. Художественный мир Деперье ближе всего миру Рабле. В 1537 г. Деперье анонимно опубликовал книгу сатирических диалогов «Кимвал мира». Сложная символика не могла затушевать главного — антиклерикальной направленности. «Кимвал мира» был запрещен. Деперье объявлен еретиком и отставлен от двора Маргариты. Гонения привели его к самоубийству.

Вольномыслие, скептическое безбожие Деперье и его современников питалось духом противоборства двух религиозных партий — католиков и протестантов, гонениями «еретиков». Современник Деперье Этьен Доле (1509—1546) защищает несчастных, которых отправляют на костер по обвинению в связи с нечистой силой, а затем обращается к критике самых устоев христианства — веры в бессмертие души и сверхъестественное начало мира. Полагая высшим благом познание причин, Доле заключает, что все сущее возникло не по высшей воле, а вследствие «необходимых для этого действующих причин». Какое-то время покровительство высокопоставленных лиц спасало Доле от инквизиции. Однако в 1546 г. он был обвинен в том, что его перевод Платона противоречит христианскому учению о бессмертии души. Доле был осужден и сожжен. Участь автора разделили его книги.

Философская мысль во Франции того времени ярче всего представлена Петром Рамусом (Пьер де ла Раме, 1515—1572), критиком схоластического аристотелизма. Тезис Рамуса «Все сказанное Аристотелем ложно» —

афористическое выражение философского скептицизма и свободомыслия как начальной точки развития европейской философии нового времени. Оторванным от жизни спекуляциям схоластики Рамус противопоставил идею логически обоснованного, ориентированного на практику метода, названного им искусством изобретения. Средством создания метода должна была служить «новая логика», начала которой Рамус развивал в трактате «Диалектика» (1555 г.). Он был одним из крупнейших математиков, автором обобщающего «Курса математики». Трагическая гибель философа в Варфоломеевскую ночь поставила точку его многолетним гонениям университетскими профессорами и религиозными фанатиками.

Свободомыслие и новаторство отличаются лучшее, что создано гуманистами XVI в. и что в конечном счете образует французскую гуманистическую культуру. В сфере поэтического творчества зачинателем новой поэзии выступил Клеман Маро (1496—1544), тесно связанный с кружками Маргариты Наваррской и Франциска I. Наибольшего изящества Маро достиг в малых поэтических жанрах — эпиграммах, песенках, рондо, элегиях. Он изучал античную поэзию, переводил псалмы. Вольномыслие произведений Маро не прошло ему даром. Дважды он бежит из Франции. В Турине проходят последние дни поэта, многие стихи которого Сорбонна внесла в индекс запрещенных. Маро стремился преодолеть итальянское влияние, придать стихам национальную окраску, «галльский» блеск.

Иная тенденция у поэтов так называемой лионской школы, для которых характерен петраркизм и связанная с ним разработкой поэтической философии платонической любви. Идея сверхчувственной любви наиболее полно воплотилась в поэме Антуана Эроэ «Совершенная подруга» (1542 г.). Абстрактной символики в изображении любви из поэтов лионской школы избежали лишь Луиза Лабе и Морис Сэв. Но если Лабе воспекает гармонию любви чувственной и духовной, то для Сэва главным является анализ драматического противоречия любви земной и возвышенной. Поэтический язык Сэва тяготеет к символике платоновского учения о двух мирах, что позволило символистам конца XIX — начала XX в. видеть в нем одного из своих предшественников.

Теоретическим обоснованием творческого метода Маро и отчасти лионской школы явился трактат Тома Себилле «Поэтическое искусство» (1548 г.). Это первая во французской литературе попытка представить поэзию самостоятельным творчеством. Призывая учиться у античных авторов, Себилле возражает против механического приятия наследия древних. Объектом усвоения и подражания должно быть то, что согласуется с нормами, выработанными литературной жизнью Франции.

Новое отношение к литературе сформулировано в манифесте Жоашена Дю Белле (1522—1560) «Защита и прославление французского языка». «Защита» стала программой группы, впервые осознавшей себя органически цельным творческим коллективом. Дю Белле и его единомышленники, прежде всего Ронсар, отказывались от наследия средних веков, переосмыслия свое отношение и к античным традициям. Между идеями Себилле и творчеством Плеяды¹ не было пропасти. Полемика Дю Белле с Себилле велась на идейной почве гуманизма. Позднее поэты Плеяды во многом изменили отношение к опыту прошлого. Отстаивая идею о высоком предназначении искусства, Дю Белле обрушивается на «неученую» поэзию эпигонов Маро, не удерживаясь и от критики самого Маро. Идеализация знания, интеллект как фундаментальных принципов поэтического творчества получила законченное выражение в концепции *doctus poeta*, являющейся еще одной формой представлений Ренессанса о совершенстве личности. Поэтика Дю Белле утверждает принципиальное отличие творче-

¹ Термин «Плеяда» был введен Ронсаром как обозначение семерки поэтических светил на литературном небосводе Франции.

ства от ремесла. В его основе лежит таинство, вдохновение. Это признаки избранности, которая проявляется и в том, что поэт стремится к одной награде — бессмертию, обретаемому в потомках. Нота элитарности в трактате Дю Белле характерна для раннего периода Плеяды. Ее корни не столько в сословных предрассудках, сколько в противоречиях формирования гуманистической интеллигенции.

Деятельность Плеяды приходится в основном на позднее Возрождение. В сочинениях поэтов переплетаются различные художественные манеры — от ренессансной до раннеклассицистической. Вождь Плеяды, «король» французских поэтов Пьер де Ронсар (1524—1585) обогатил поэзию новыми жанрами — национально-патриотической одой, лирическими стихами и «гимнами». Для него характерно органическое слияние чувственного и духовного начал в восприятии мира.

Ронсар далек от пиятета раннего гуманизма перед «новыми временами». Он сознает утопизм гуманистической мечты о всеобщем счастье. Но место одной утопии у Ронсара занимает другая, питаемая древним мифом о «золотом веке» и грезящая о «блаженных островах» или более доступном сельском уединении, где блага золотого века сочетались бы с культугой античности и Ренессанса.

Патриотическое гражданское чувство в поэзии «Плеяды» проявлялось в разнообразных формах — от переводов народной поэзии на язык высокой литературы (Жан Антуан де Баиф, 1532—1589) до описаний природы (Реми Белло, 1528—1577).

Французский театр эпохи Возрождения не достиг уровня Италии, Испании, Англии. Наиболее заметным явлением в его истории стала попытка Этьена Жоделя (1532—1573) перенести в драматургию и сценическое искусство эстетические принципы Плеяды. Его «Пленная Клеопатра» была первой французской трагедией в «классическом», т. е. античном, стиле. К драматическим ренессансным произведениям относятся «библейские» трагедии шотландского гуманиста Джорджа Бьюкенена (1506—1552), эмигрировавшего во Францию, трагедия «Юлий Цезарь» Марка-Антуана Мюре (1526—1585), трагедии Жана Лаперюза (1529—1555) и других драматургов. Пьесы Антуана де Монкретена (1575—1621) и деятельность первой профессиональной труппы В. Леконта знаменовали новый этап в истории французского театра, связанный с утверждением принципов классицизма.

Архитектура раннего периода Возрождения во Франции испытала сильное итальянское влияние. Но и в архитектуре подражание было импульсом развития национальных черт. Развивая традиции готики, французские архитекторы Ренессанса создали новый тип светских архитектурных сооружений: замок Франциска I в Блуа, замки Азе-ле-Ридо, Шенонсо, Шамбор. Особое изящество творениям зодчих придавало введение в архитектурные композиции богатого декора. Вершиной ренессансной архитектуры стало здание нового Лувра (1546—1574 гг.) в Париже (архитектор Пьер Леско, скульптор Жан Гужон). Большой вклад в развитие архитектуры внесли Н. Башелье, Ф. Делорм, Ж. А. Дюсери.

Изобразительное искусство французского Ренессанса не потеряло тесных связей с Италией и сохранило старинные контакты с Нидерландами. Приток мастеров с севера способствовал возникновению «франко-фламандской школы» в изобразительном искусстве. В конце XV — начале XVI в. еще разрабатывалась традиция средневековой книжной миниатюры, в рамках которой впервые апробировались многие новации, развитые затем в станковой живописи. Крупнейшими представителями светского в своей основе изобразительного искусства второй половины XV в. были живописец Ж. Фуке и скульптор М. Коломб.

Гуманистический интерес к человеку особенно проявился в портрете. Торжественная фиксированность поз в портретах Жана Клуэ (ок. 1475—1541) сочеталась с остротой индивидуальных характеристик. Дальнейшим

углублением реалистических начал стали портреты Франсуа Клуэ (1520—1572). Жизнеутверждающее начало Ренессанса получило выражение в скульптурах и рельефах Жана Гужона (ок. 1510—1566).

Зарождение ренессансного направления во французской музыке также происходило в процессе развития традиций «Арс нова» и «франко-фламандской школы». В деятельности последней получило наибольшее выражение искусство гуманистической песенной полифонии, воплотившей свойства французского национального характера (шансон). В числе творцов этого жанра Жанекен. Неистовый дух гугенотского движения получил свое музыкальное оформление в хорале Гудимеля. Крупнейшим композитором эпохи Возрождения стал представитель франко-фламандской школы Орландо Лассо (см. ч. VI, гл. 3). В XVI в. усилились контакты французских музыкантов и композиторов с Италией. В 1581 г. итальянец Б. Бальтазарини поставил при французском королевском дворе первый балет на музыку Ж. де Белье и Ж. Сальмонта «Комедийный балет королевы».

Развитие науки и техники во Франции XV — XVI вв. достигло значительных успехов. Проблемы естествознания разрабатывал Бернар Палисси (1510—1589), крупный ученый, химик, литератор. Он трудился над вопросами агрономии и круговорота воды в природе, открыл способ изготовления цветной глазированной керамики. Сочинения Ж. Рюэля внесли вклад в развитие ботанических знаний. Высоки достижения и в области математики: Франсуа Виет установил зависимость между корнями и коэффициентами уравнений (1591 г.). Н. Шюке ввел отрицательные и нулевые показатели степеней. В области медицины большую роль сыграл Амбруаз Паре (1510—1590), превративший хирургию в научную дисциплину.

Во Франции, как и в ряде других стран, гуманизм подготовил почву для реформационных идей и учений. В силу особенностей реформационного движения во Франции ни в искусстве, ни в литературе XVI в. не сложилась прочная гугенотская традиция, противостоящая ренессансной культуре. Лучшие произведения протестантизма — псалмы Маро, стихи и поэмы д'Обинье — были созданы деятелями, творчество которых теснейшим образом связано с гуманизмом.

Литература художественного вымысла («чистая литература») во второй половине XVI в., особенно в период гражданских войн, почти полностью уступает место памфлетам и политическим мемуарам, историческим сочинениям. Политическая направленность отличает «эрудитские» сочинения Пьера Питу, Анри Этьена, Клода Фоме, Этьена Пакье, Иосифа Юста Скалигера, Исаака Касабона. Фоме отверг средневековый миф о троянском происхождении франков и обосновал взгляд на французский язык как на синтез языка древних галлов и латыни. Пакье сформулировал идею народного суверенитета. Составитель «Тезауруса греческого языка», издатель и переводчик греческих авторов А. Этьен выпустил сатирический памфлет на современное общество «Апология Геродота».

Благодаря длительной нерасчлененности гуманистического и реформационного течений во Франции конфессиональная принадлежность не была определяющей в формировании мировосприятия. Популярностью среди гугенотов пользовалось «Рассуждение о добровольном рабстве» Этьена де Лабозе (1530—1563), выдающегося гуманиста, переводчика Ксенофонта и Плутарха, юриста, поэта, публициста; оно послужило источником тираноборческих идей, первоначально распространившихся в гугенотской среде. Лабозе использовал сочинения античных писателей, прославлявших республиканские доблести, идеи Кальвина о республиканском устройстве церкви и анабаптистские учения, отстаивавшие всеобщее равенство. Он руководствовался гуманистическим принципом достоинства и самоценности личности. У него эта идея обрела новое социальное звуча-

ние, став этическим осуждением тирании. В «Рассуждении» развивается мысль о «естественном равенстве» людей. Республиканская направленность концепции общественного устройства Лабозэи оказала влияние на публицистику периода религиозных войн, на просветительские теории свободы и равенства.

Идея народного суверенитета витала в воздухе. Ссылками на исторические примеры обосновывал ее крупнейший представитель тираноборческой публицистики Франсуа Отман (1524—1590). Во «Франко-Галлии» он отстаивает право народа на участие в управлении, преимущество смешанной формы правления, обязательность регулярного созыва Генеральных штатов. Поскольку французская монархия к XVI в. узурпировала власть и отказывается защищать права народа, рассуждает Отман, народ имеет право на «необходимую и справедливую революцию» в целях свержения короля-тирана и установления народного суверенитета. «Франко-Галлия» принесла ее автору европейскую известность и вызвала репрессии со стороны враждебного по отношению к гугенотам парижского парламента и протестантских властей Женевы.

Идеи Отмана были подхвачены автором памфлета «Будильник французов и их соседей», отстаивавшим принцип народоправства. В трактате «Иск к тиранам» и «Мемуарах» Филиппа Дюплесси-Морне содержалась мысль о государстве как результате общественного договора между народом и государем, по которому государь получает власть на условии защиты интересов народа. Правитель, нарушающий договор, становится тираном, и народ вправе оказать ему сопротивление.

Логика политической борьбы нередко приводила к тому, что вчерашние монархوماхи становились защитниками противоположной идеи, тогда как их концепции использовались враждебной партией. Так, после провозглашения Генриха Наваррского официальным преемником Генриха III Отман выпустил книгу «О праве наследования престола Галлии», где отстаивал законность наследования французского престола, которую развенчивал во «Франко-Галлии».

Одновременно с учениями монархوماхов получают развитие теории защитников абсолютизма. Ведущая роль в этом направлении принадлежит Жану Бодену (1530—1596), которого Маркс и Энгельс причисляли к создателям теории буржуазного права².

Социологические взгляды Бодена впервые изложены в сочинении «Метод легкого изучения истории» и развиты в трактате «Шесть книг о государстве». В их основе лежит принцип суверенитета как «абсолютной и постоянной власти государства». Лучшей формой власти Боден считает французскую монархию, способную в отличие от английской наиболее последовательно и полно осуществить принцип суверенитета. Абсолютный характер монархии ограничивается «божественными» и «естественными» законами. Монарх, нарушающий эти установления, становится тираном, непослушание и пассивное сопротивление которому является долгом подданного.

Монарх не должен нарушать договоров с подданными и с соседями, обязан уважать личную свободу и неприкосновенность частной собственности. «Суверенитет частной собственности» оказывается у Бодена выше суверенитета самодержца, что позволяет считать его в данном случае выразителем интересов нарождающейся буржуазии, видевшей в абсолютизме силу, способную защитить ее экономические интересы. Боден утверждает, что государство, основанное на общности имущества, противоречит «законам Бога и природы», а имущественное равенство губительно для него.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 314.

Боден выступил и как реформатор исторического знания. Он отверг принятую многими гуманистами античную концепцию «золотого века» и последующего упадка цивилизации, пытаясь сочетать это с признанием цикличности исторического развития, чтобы объяснить причины упадка античной цивилизации, за которым после длительного периода варварства последовало возрождение — причем на более высоком уровне — материальной и духовной культуры. Боден убежден, что прогресс неостановим. Он отвергает средневековую периодизацию истории по «четырем монархиям». В отличие от большинства гуманистов Боден считал историю научкой более сложной, чем естествознание. Исходя из убеждения, что в истории «нет ничего случайного», он высказывает мысль о возможности устанавливать определенные закономерности истории, позволяющие объяснять прошлое и настоящее и прогнозировать будущее. «Всемирная история», по Бодену, предполагает изучение происхождения, развития и гибели государств, природы стран, нравов, культуры, религии, политики, законов — это позволяет считать его наряду с Лоренцо Валлой зачинателем культурно-исторического направления в исторической науке.

Идеи Бодена послужили источником для некоторых рассуждений Ла Попелиньера, автора «Истории историй» — первой во Франции попытки критического анализа развития исторических знаний.

Существенный вклад в развитие французской историографии и филологии внес Иосиф Скалигер. Его сочинения «Исправление хронологии», «Сокровище времен» вызвали политическую полемику из-за приведенных им вслед за Лоренцо Валлой доказательств подложности «Константинова дара» и «Исидоровых (Лжеисидоровых) декреталий».

Крупнейшим произведением политической историографии конца XVI — начала XVII в. является «История своего времени» видного политического деятеля, богослова и юриста Жака Огюста де Ту (1553—1617), ближайшего советника Генриха IV. Де Ту участвовал в составлении Нантского эдикта, реформе Парижского университета, возрождении Коллеж де Франс. Его гуманитарная деятельность сочеталась с покровительством францисканскому ордену во Франции. Де Ту высшим проявлением государственной мудрости провозглашает религиозную терпимость и осуждает религиозные войны.

Литература периода гражданских войн отмечена печатью кризиса ренессансных идеалов. В поэзии, еще пытавшейся следовать принципам Плеяды, проявлялись внутренняя неуравновешенность, трагическое мироощущение, что позволяет видеть в ней черты, присущие литературе барокко. Типичным выражением разочарования в общественном назначении поэзии служит творчество Жана Воклена де Лафрене (1536—1607).

Накал религиозных страстей, оттеснение на задний план чувственных, языческих идеалов и настроений Высокого Ренессанса отличают в этот период литературу гугенотов. Место античных образов занимает библейская символика. К Библии, как ко всеобъемлющему источнику сюжетов, обращается Гийом Саллюст Дю Бартас (1544—1590), который унаследовал главную мировоззренческую установку Плеяды — представление о поэте как духовном пастыре человечества, но сводит эту миссию к провозглашению сентенций Ветхого и Нового завета.

Гуманистическая и гугенотская линии французской литературы, разделившись с началом гражданских войн, вновь на какое-то время сливаются в творчестве Теодора Агриппы д'Обинье (1552—1630), завершая целый этап ее развития. Политическая программа д'Обинье — одного из идеологов гугенотской партии, воина, поэта, историка, публициста — созвучна антиабсолютистской программе Отмана: регулярный созыв Генеральных штатов, восстановление привилегий провинций и городов. Д'Обинье не принял Нантский эдикт, не принимал стремления усиливав-

шегося абсолютизма стать гарантом национального и государственного единства.

В поэзии д'Обинье начал как последователь Плеяды. Но уже в ранних стихах тема любви соединяется с темой религиозного и воинского долга поэта-гугенота. Центральное место в творчестве д'Обинье занимает эпопея «Трагические поэмы», воссоздающая драматическую картину Франции периода гражданских войн; защите протестантизма, критике католицизма и придворных нравов посвящены его сатирическая проза, мемуары и неоконченная «Всеобщая история».

В 1594 г., вскоре после коронации Генриха Наваррского, знаменовавшей, по мнению многих современников, прекращение распри двух религиозно-политических группировок, вышел памфлет «Мениппова сатира» — самобытный литературный документ, раскрывающий тайные пружины политических интриг деятелей Католической лиги и их реальный смысл — нанесение ущерба национальным интересам Франции. Памфлет как бы завершил многолетнюю войну идей, сопровождавшую кровопролитные схватки гражданских войн.

Выдающимся синтезом интеллектуальных поисков французской гуманистической культуры стали «Опыты» Мишеля Монтеня (1533—1592), вышедшие в 1580 г. и положившие начало новому литературному жанру — несистематизированным эссе на различные темы. В «Опытах» получили развитие традиции французского гуманистического свободомыслия. Жизнеутверждающий скептицизм Монтеня порожден критическим духом неприятия претензий схоластики на истинность ее положений. «Опыты» — венец ренессансного индивидуализма. О каких бы проблемах ни шла в ней речь, в центре рассуждений Монтеня находится человек. По видимости философия Монтеня антропоцентрична. Человек — познающий субъект — выступает в ней центральным элементом всего процесса познания. Он и орудие, и объект, и цель, во всяком случае главная цель познания. Однако на самом деле монтеневская философия человека направлена против попыток представить человека венцом творения, доказать его божественную сущность. Ему одинаково чужды и средневековые и гуманистические учения, рассматривающие человека как центральный субъект космической иерархии. Человек лишь часть природы, сцепленный бесчисленными связями с другими частями, подчиненный общим законам.

Развенчивание божественного начала в человеке позволяет Монтеню обосновать ряд серьезных выводов гносеологического характера, прежде всего об относительности всякого знания. Исключая человека из иерархического подчинения божеству, Монтень вместе с тем утверждает его способность к восприятию объективных, хотя и всегда относительных знаний.

Но одновременно «натурализация» человека означала его отчуждение от Бога. Это приводило к выводу о человеческом происхождении самой идеи Бога, равно как и суммы представлений, лежащих в основе любой религии. Задолго до Вольтера Монтень высказал мысль о «грубом обмане, одурачившем столько великих народов и умных людей». Монтень в полити-

Мишель Монтень.
Портрет работы
неизвестного художника
второй половины XVI в.

ческой и житейской практике оставался христианином, полагая, что публичное высказывание мнений, противоречащих обычаям страны, может вызвать или усугубить смуту.

Сквозной темой «Опытов» является этика, скрупулезный анализ того, как надо жить разумно. Одна из первых в европейской литературе Ренессанса и нового времени, попытка философского самоанализа оказалась и одной из самых блистательных по глубине и реалистичности. Этика Монтеня — этика земной жизни. Его этическая максима — стремление к счастью и наслаждению. Но наслаждение в трактовке Монтеня не гедонистическое погружение в чувственные удовольствия, а эпикурейское приятие всего, что дала человеку природа. Путь к счастью прокладывает сам человек. Но индивидуализм Монтеня — «разумный индивидуализм», поскольку критерием разумности выступает индивид, сбросивший вериги господствовавших предрассудков, и потому он не только чувствует себя свободным, но в этот краткий миг освобождения действительно свободен.

«Опыты» Монтеня оказали значительное влияние на развитие философии и культуры во Франции и за ее пределами. Во Франции они положили начало традиции «моралистической» литературы конца XVI — начала XVII в., выходящей уже за пределы ренессансного типа культуры и представляющей первое систематическое переосмысление достижений гуманизма с позиций христианской ортодоксии.

Крупнейшим моралистом конца XVI в. был друг Монтеня католический проповедник Пьер Шаррон (1544—1603). Его трактат «О мудрости» (1601 г.) — изложение основных идей Монтеня. Однако гуманистический скептицизм учителя Шаррон заменяет последовательным — в духе фидеизма — развенчанием способностей человеческого разума и утверждением незыблемости истины, дающей откровением. Однако Шаррон не избегал обвинений в атеизме: вслед за Монтенем он разделял веру и знание, из чего следовал вывод о независимости морали, основанной на естественной природе человека, от религии.

Последние выдающиеся представители французского Возрождения Боден, Монтень, Шаррон своими трудами закладывали основу рационалистического мировоззрения XVII в. Великим наследником ренессансного свободомыслия стал Рене Декарт (1596—1650) — зачинатель философии и науки нового времени. Философское учение Декарта получило название картезианства (от латинизированной формы его имени — Cartesius). С Декартом в науку и философию приходит рационализм, с позиций которого разрабатываются новые принципы изучения мира. Порвав со схоластикой, Декарт начинает свое построение как бы с самого начала, подвергнув сомнению все сложившиеся убеждения. Единственно достоверным при этом оставалось только собственное мышление, доказывавшее его существование («Мыслю, следовательно существую»). С этой первой достоверностью связывается все остальное, истинность которого требует, однако, безусловного подтверждения: его может дать только Бог. Отсюда необходимо доказать бытие Бога (онтологическое доказательство бытия Бога). Декарт исходит в своем построении из противоположности духа и тела, мыслящей и протяженной вещи, что впоследствии называлось дуализмом Декарта. Механический материализм в понимании природы уживался у него с идеалистическим толкованием сознания. Провозглашая суверенитет разума, разрабатывая рациональный дедуктивный метод, Декарт признавал врожденность идеи Бога, необходимость религии, возможность сверхчувственного знания.

Существенной стороной философского учения Декарта является сознательно принимаемая и распространяемая на процессы и спекулятивного и эмпирического познания идея развития. Предвосхищением диалектического понимания развития является космогоническая теория Декарта, согласно которой строение солнечной системы может быть поня-

то не как нечто раз и навсегда данное, а как результат длительного пути развития. Космогония Декарта, не нашедшая приверженцев в его эпоху, давно признана прототипом канто-лапласовской теории вселенной. Декарт был одним из первых мыслителей, оценивших основополагающую роль метода и огромное значение математики в научном познании мира. Вместе с декартовым понятием переменной величины в математику, по замечанию Ф. Энгельса, «вошли движение и тем самым диалектика».³

Философия Декарта оказала огромное влияние на европейскую философию. Его последователями были Гоббс, Локк, Спиноза, Лейбниц. Дуализм декартовой философии послужил основой для зарождения двух философских традиций. В материалистической форме картезианство получило дальнейшую разработку в трудах Рого, Режи, Де Руа, оказав существенное влияние и на французский материализм XVIII в. Как новую философию христианства разрабатывали картезианство Паскаль, Мальбранш, Фенелон.

Пьеру Гассенди принадлежит заслуга создания атомистической теории. Материалистическая натурфилософия Гассенди опиралась на прочные традиции ренессансной мысли. Философский рационализм Декарта и атомизм Гассенди явились важным этапом в становлении материалистических взглядов на природу. В первой половине XVII в. широкое развитие получают естественные и точные науки — математика, физика, астрономия.

Первая половина XVII в. отличалась многообразием идейных и художественных течений. Традиции Возрождения (в частности, свободомыслия) подхватили либертины XVII в. В них воспитывался ученик Гассенди С. Сирано де Бержерак (1619—1655). Его утопические романы «Иной свет, или Государства и империи Луны» и незаконченный «Государства и империи Солнца» продолжали литературные традиции Возрождения и во многом предвосхищали философский роман эпохи Просвещения.

Заметная роль в культурной жизни Франции первой половины XVII в. принадлежала аристократическим салонам. Среди них — салон маркизы де Рамбуйе — центр прециозной литературы, одного из проявлений маньеризма. Известными представителями этого направления были Вуатюр, Мадлен де Скюдери, Жорж де Скюдери, Шаплен. Прециозной литературе противостояла, пародируя ее, литература бурлеск (Скаррон и др.). Эти литературные направления рождались в обществённых слоях, связанных с Фрондой.

В противостоянии стилю барокко, имевшему во Франции меньший успех, чем в ряде других европейских стран, и в борьбе с ним складывался французский классицизм, оказавший огромное воздействие на всю ев-

Рене Декарт.
Копия утраченного портрета
работы Ф. Хальса.
Около 1648 г. Париж, Лувер.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 573.

*Пуссен. Танкред и Эрминия. 1630-е годы.
Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж.*

ропейскую культуру. Разработка эстетики классицизма, наиболее полно отразившей социально-культурные идеалы дворянства эпохи расцвета абсолютизма, связана с именем Ф. Малерба (1555—1628), с его реформой поэтического языка. Деятельность Малерба была поддержана Французской академией, основанной кардиналом Ришелье.

Высокого развития достигла драматургия классицизма, теоретически обоснованная в многочисленных трактатах. Вершиной классицизма стало творчество П. Корнеля (1606—1684). Корнельевский «Сид» (1637 г.) открывает собой историю французского классицистского театра. Корнеля волновали проблемы соотношения интересов государства и личности, поступки и страсти человека. Корнель выступал и в качестве теоретика классицистской драматургии. Ему принадлежат трактаты «Рассуждения о трех единствах — действия, времени и места», «Рассуждения о полезности и частях драматургического произведения» и др.

Становление канонов классицизма в архитектуре и изобразительном искусстве происходило в борьбе с изысками позднего маньеризма, в критическом освоении античных и ренессансных традиций.

Архитектура первой половины XVII в. дает начальные образцы ордера, ставшего главенствующим в архитектуре французского классицизма (замки и другие сооружения Ф. Мансара). Архитектурные идеи нашли выражение в строительстве новых и перепланировке старых городов. Новые архитектурные комплексы (Лувр, Люксембургский дворец, Пале-Рояль в Париже) и парадные площади правильных очертаний вписывались в хаотическую структуру средневековых улиц, как бы символизируя социальную и политическую упорядоченность в обществе, на которую претендовал абсолютизм.

В изобразительном искусстве маньеристские тенденции в сочетании с элементами академизма болонской школы и римского барокко опреде-

лили приемы представителей официального искусства с их помпезными композициями религиозного и аллегорического характера. Социальные ритмы эпохи получили выражение в офортах Жака Калло. Опозитизированный быт человека стал темой произведений Валантена, Ж. де Латура, братьев Ленен.

Полное развитие тенденции классицизма получили в творчестве Никола Пуссена (1594—1665), признанного главы французского классицизма в изобразительном искусстве. Культ разума, рационалистически истолкованное единство человека и природы составляют творческое кредо Пуссена и его последователей. Организационно-структурным оформлением торжества классицизма во французском изобразительном искусстве стало создание в 1648 г. Академии живописи и скульптуры.

Глава 7

КУЛЬТУРА СТРАН ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Общность исторических судеб, одинаковые социально-экономические и политические процессы, а также особенности культурных традиций стран Пиренейского полуострова обусловили сходство их культурного развития. В нем можно выделить два основных этапа. Особенностью первого (XVI — начало XVII в.) было заметное влияние ренессансного мировоззрения на духовную жизнь Испании и Португалии. Второй период (XVII в.) связан с возникновением культуры барокко, отражающим кризис гуманистических идей.

Большое значение для культурной жизни имело развитие светского образования. Формирующиеся национальные абсолютистские государства нуждались в большом количестве хорошо подготовленных чиновников, способных управлять европейскими владениями Испании и недавно завоеванными землями Нового Света, Азии и Африки и самими иберийскими странами. К 1619 г. только в Испании насчитывалось 32 университета. Некоторые из них пользовались общеевропейской известностью. Иберийскими Афинами называли один из старейших в Европе Саламанкский университет (основан в 1215 г.). В нем обучались 7 тыс. студентов на 60 кафедрах. Мощным импульсом для развития культуры стало книгопечатание. В 1474 г. в Валенсии была напечатана первая книга на каталанском, а в 1495 г. в Лиссабоне — на португальском языке. К 1500 г. типографии имелись во многих городах Испании и Португалии. Наряду с религиозной литературой выпускались в свет произведения античных классиков, итальянских гуманистов, а также современных испанских и португальских авторов.

Большое воздействие на культуру стран Иберийского полуострова оказали идеалы итальянского Ренессанса. Знакомство с ними облегчалось тем обстоятельством, что Испания осуществляла политическое господство в ряде государств Италии. Испанские и португальские поэты, художники и просто образованные люди подолгу жили в Италии, поддерживали тесные связи с гуманистами. Немало итальянских гуманистов осело в Испании и Португалии. Распространение гуманистических идей вызвало глубокий интерес к античному наследию, произведениям итальянских авторов. Создаются большие частные книжные коллекции: Д. Уртадо де Мендосы, сына Христофора Колумба — Фернандо (в его библиотеке находилось более 15 тыс. книг).

В странах Иберийского полуострова появились настоящие знатоки классических языков, очищавшие латынь от варваризмов, возвращавшие

язык к формам древних авторов. Выдающуюся роль в этом сыграл испанский гуманист А. де Небриха (1442—1522), получивший образование в Саламанке. Он провел десять лет в Италии, в тесном общении с учениками Лоренцо Валлы. Его «Латинская грамматика», латинско-кастильский и кастильско-латинский словари пользовались в XVI в. необычайной популярностью и служили образцами для других авторов; он выработал литературные нормы кастильского языка, изложенные в «Искусстве кастильской речи» (1492 г.). По его примеру испанские миссионеры в Новом Свете составляли грамматики индейских языков.

Х. де Вальдес издал трактат «Диалог о языке» (1535 г.), где доказывал, что кастильский язык своей выразительностью превосходит классические языки. Философ и филолог Симон Абриль (1530—1589?) призывал преподавать в университетах на родном языке. Подобные идеи высказывали и португальские гуманисты (Ж. де Барруш, Ф. ди Оливейра, А. Феррейра). Для гуманистов XVI в. язык был не только выражением национального самосознания, государственного единства, но и орудием колонизаторской политики. Небриха утверждал, что «язык всегда был спутником империи: вместе с ней возникал, расцветал и погибал».

Ширился интерес к древнегреческому языку. Португалец Ариас Барбоза (ум. 1540), преподававший в Саламанке, был первым эллинистом на Пиренейском полуострове. Его грамматика древнегреческого языка (1538 г.) выдержала семь изданий. В Саламанке преподавали и издавали латинские и греческие тексты испанские гуманисты Э. Нуньес де Гусман (1475—1553), Ф. Санчес эль Бросенсе (1523—1600).

Гуманистические тенденции проявлялись не только в развитии языка и филологии, но в новом взгляде на человека. Прославление человека занимало большое место в философских изысканиях.

Ярким мыслителем, возвеличивавшим человеческую природу, был Ф. Перес де Олива (1494—1531). Поэт и переводчик классических трудов, он выделялся среди современников своими широкими познаниями в различных науках. Его перу принадлежат труды по истории Нового Света, философии, а также трактат «Диалог о достоинстве человека» (1546 г.). Вслед за итальянскими гуманистами Манетти и Пико делла Мирандолой Перес де Олива сравнивал человека с микрокосмосом, способным к постоянному совершенствованию и обладающим безграничными умственными возможностями.

Значительную роль в культурной жизни стран Пиренейского полуострова в первой половине XVI в. играло эразмианское движение. Идеи Эразма были здесь популярны и во многом совпадали с устремлениями иберийских гуманистов к нравственному и религиозному обновлению общества. Эразмианское движение приняло форму протеста против упадка нравов и злоупотреблений католического духовенства. В многочисленных трактатах обличались пороки монахов, предлагались проекты реформы церкви, провозглашались гуманистические идеалы. Переводились на кастильский язык и выходили в свет труды Эразма. У истоков эразмианского движения стоял регент Испании кардинал Ф. Хименес де Сиснерос, инициатор издания «Многоязычной Библии» (1514 г.) — собрания самых ранних текстов Священного писания на греческом, еврейском и латинском языках. Издание позволяло восстановить текст Библии в его первоначальной чистоте; в работе над ним приняли участие гуманисты Х. де Вергара, П. Коронель, Эрнан Нуньес, А. де Небриха.

Самым влиятельным представителем испанского эразмианства был А. де Вальдес (1490—1532), личный секретарь императора Карла V. В «Диалоге о событиях, происшедших в Риме» (1528 г.) и «Диалоге о Меркурии и Хароне» (1529 г.) он осуждал священнослужителей и светскую знать за показную религиозность, противопоставляя им добродетель и человеколюбие простонародья. Как и другие испанские эразмианцы, Валь-

дес отстаивал идею всемирной монархии под эгидой Карла V, в которой были бы проведены прогрессивные социальные и церковные реформы. Ортодоксальные католики Д. Лопес де Суньига и Л. де Карвахаль публиковали трактаты, направленные против Эразма, а в 1527 г. безуспешно настаивали на официальном осуждении идей нидерландского гуманиста.

Вторая половина XVI в. в странах Пиренейского полуострова характеризуется наступлением реакции. Потерпев неудачу в деле создания всемирной монархии, не сумев предотвратить распространение реформационной «ереси», испанский абсолютизм перешел на позиции Контрреформации. Филипп II провозгласил себя защитником ортодоксального католицизма, призванного осуществить решения Тридентского собора. В Испании и Португалии укрепились позиции схоластов, ополчившихся на свободумыслие. 22 ноября 1559 г. Филипп II подписал указ, запрещавший испанским подданным, в том числе монахам, учиться за границей (за исключением университета в Болонье). 17 августа того же года был введен Индекс запрещенных книг; в него были включены произведения Эразма Роттердамского на испанском и латинском языках, книги, содержащие популярное изложение библейских сюжетов, позднее в Индекс вошли и светские авторы.

В середине XVI в. в странах Иберийского полуострова начал распространяться протестантизм, но инквизиция зорко следила за инакомыслящими, и он не получил широкой поддержки. Часть протестантов бежала в соседние страны.

Отрицая действительность, в которой царила развращающая душу власть денег, гуманисты превозносили простоту нравов и быта земледельцев, противопоставляя порочной и суетной жизни горожан и знати некое совершенное состояние, отождествлявшееся с сельской идиллией. Тема Аркадии, безмятежной пастушеской жизни, нашла свое отражение в творчестве гуманистов А. де Гевары (1480—1545) и А. де Торкемады (1510—1569).

Открытие Америки возродило античную легенду о золотом веке, когда люди жили мирно и счастливо, довольствуясь дарами природы, не ведая частной собственности. Об этом благодатном состоянии человечества рассуждали многие писатели и мыслители, включая и великого Мигеля де Сервантеса. Одни считали его минувшим, другие находили подобие золотого века в укладе жизни индейских племен Нового Света (П. Мартир де Ангиера, Б. де Лас Касас, Васко де Кирога).

Превозношение золотого века дополнялось осуждением имущественного неравенства. Х. Луис Вивес в трактатах «Об умиротворении» (1529 г.), «О согласии и раздорах человеческого рода» (1529 г.) и «О помощи бедным» (1525 г.) критиковал современное ему общество и частную собственность и писал, что счастлив будет народ, который вычеркнет из своего лексикона слова «мое» и «твое». Подобные идеи высказывал А. дель Кастрильо, монах-тринитарий, писавший в «Трактате о государстве» о несовместимости богатства со справедливостью.

С критикой неограниченной абсолютистской власти выступил крупнейший историк, политический мыслитель, иезуит Х. Мариана (1537—1624). В трактате «О короле и об институте королевской власти» он разработал учение о «суверенитете народа», считая справедливым убийство тирана, нарушившего основные законы государства.

В середине XVI в. в Саламанке возникла так называемая «экономическая школа», к которой принадлежали теологи Л. Оргис и Т. Меркадо. Они пытались осмыслить причины «революции цен» и хозяйственного упадка государства, критиковали ростовщичество и экономическую политику правительства. Главой «школы» был доминиканский монах Меркадо, чей труд «Сумма договоров и контрактов» (1571 г.) выдержал три издания и был переведен на итальянский язык. Он разработал оригинальные

нальную теорию стоимости, и анализировал причины «революции цен».

Большое влияние на культуру Пиренейского полуострова оказал в XVI в. неоплатонизм. Наиболее оригинальным философом этого направления был Леон Эбрео (1469—1535), автор «Диалогов о любви» (1535 г.), переведенных на многие языки. Его философская концепция послужила основой для пасторальных романов, а также оказала воздействие на испанских мистиков. Заметное место в общественной мысли занимала аристотелевская система. За ее очищение от схоластики и от аверроизма выступали Х. Хинес де Сепульведа, Андреа де Гувейа, Г. Кардильо де Вильяльпандо, П. Хуан Нуньес.

Успехи гуманистического движения не смогли окончательно подорвать господство схоластики. Испытав в первые десятилетия XVI в. некоторый упадок, она тем не менее оставалась влиятельной силой. В университетах преподавались преимущественно средневековые теолого-философские учения: томизм, номинализм, скотизм, бонавентуризм. Противоборство с гуманистами вынуждало и схоластов обращаться к первоисточникам, переводить заново, исправлять ошибки поздних комментаторов Аристотеля, Фомы Аквинского, Педро Испанца. Одним из толчков к обновлению схоластики стало открытие Нового Света, поставившее перед Испанией и Португалией множество практических проблем в области политики, права, экономики, морали, религии. Большой вклад в их разработку внесли Ф. де Виттория, Лас Касас, Х. Хинес де Сепульведа, теологи доминиканского ордена М. Кано и Д. де Сото.

Материалистические идеи высказывали в своих работах гуманисты-естествоиспытатели, представители так называемой «медицинской школы». Высшим авторитетом в научном познании мира они провозгласили опыт. Г. Перейра, последователь томистов, автор «Новой истории медицины» и философского трактата «Антониана Маргарита», выдвинул идею о механико-рефлекторном характере деятельности животных. Ф. Санчес Скептик отвергал схоластические авторитеты и призывал обращаться к разуму и самосознанию. М. Сервет (1511—1553) выступал против догматики католицизма и любого другого религиозного учения. М. Сабуро Альварес, автор «Новой философии человека» (1587 г.), утверждал, что медицина должна опираться на опыт и знание физиологии человека. Большую известность получил трактат «Исследование способностей к наукам» (1575 г.) Х. Уарте де Сан Хуана (1529—1588), переведенный на многие европейские языки и внесенный в Индекс запрещенных книг. Отрицая библейский постулат о сотворении мира, Уарте считал орудиями познания опыт и разум.

В середине XVI в. возникло сложное, уникальное явление — испанский мистицизм, в котором переплетались гуманистические и религиозные идеалы. Крупнейшие представители этого направления — Луис де Гранада, Тереса де Хесус, Х. Луис Анхелес, Луис де Леон. Многие из них воспевали красоту природы и уединенный образ жизни в сельской местности, где наиболее полно, по их мнению, происходило мистическое слияние души человека с Богом.

Географические открытия и покорение ранее неизвестных народов породили многочисленную литературу, в которой прославлялись деяния иберийских мореплавателей и конкистадоров. Письма мореходов и путешественников, описания новых земель, хроники испанских и португальских авторов немедленно переводились и издавались во многих странах Европы. Наиболее ценными из подобных сочинений являются «Правдивая история завоевания Новой Испании» Б. Диаса дель Кастильо, участвовавшего в походах Э. Кортеса, «История Восточной Эфиопии» Ж. душ Сантуша, «Хроника Перу» П. де Сиесы, «Всеобщая история о делах в Новой Испании» Б. де Саагуна. Многие из хронистов под влиянием античных авторов уподобляли конкистадоров древним героям.

В хрониках нередко содержались подробные сведения о флоре и фауне открытых стран и обычаях населявших их народов. Появились фундаментальные труды: «Всеобщая и естественная история Индий» Г. Фернандеса де Овьедо (1478—1557), «История Индий» Лас Касаса, «Естественная и моральная история Индий» Х. де Акосты (1539—1601). Испанские миссионеры, стремясь обратить в христианство туземные племена, изучали их наречия и обычаи, создавали словари и грамматики индейских языков.

Заморские экспедиции способствовали развитию естественных наук: геологии, ботаники, зоологии, химии, физики. Бурно развивалось кораблестроение, совершенствовались навигационные приборы, составлялись географические карты. В 1503 г. в Севилье была создана Торговая палата, при которой существовали навигационная, картографическая, математическая и астрономическая школы. Появились теоретические труды, внесшие большой вклад в науку о Земле. Большую популярность получили «Искусство мореплавания» П. де Медины, «Краткое руководство о земном море и искусство мореплавания» М. Кортеса, выдержавшие многочисленные издания на французском, голландском, итальянском и английском языках. Придворный астролог А. де Санта Крус издал «Книгу о широтах и исследование о магнитной игле». Б. Медина в 1555 г. изобрел способ амальгамирования золота, платины и серебра с помощью ртути. А. Алонсо Барба написал трактат о металлах, переведенный на многие языки. Значительных успехов добились математики, в частности кардинал Х. Мартинес Гихарро, автор «Теоретической и практической арифметики». Филипп II основал математическую академию при Эскориале под руководством Х. Эрреры и Х. Баутисты Лабаньи. Гелиоцентрическая теория Коперника нашла приверженцев в Испании. В 1561 г. ряд ученых Саламанкского университета заявили, что она не противоречит Священному писанию. Появились трактаты в защиту взглядов Коперника. Х. Салом и П. Чакон участвовали в разработке и введении григорианского календаря.

Общие тенденции развития культуры Испании и Португалии, зримо проявившиеся в философии и естествознании того времени, особенно ярко отразились в истории литературы и искусства.

В первой половине XVI в. в испано-португальской поэзии выделилось направление, находившееся под сильным влиянием итальянской ренессансной школы, особенно Петрарки. Испанские поэты Х. Боскан Альмогавер (ум. 1542), Гарсиласо де ла Вега (1501—1536), португальские — Ф. Са де Миранда (1485—1558), А. Феррейра перенесли на иберийскую почву метрические формы, выработанные итальянской гуманистической поэзией (сонет, терцеты, канцоны). Подражая великому итальянцу, они воспевали красоту природы и человеческих чувств. Большую славу завоевал Гарсиласо де ла Вега, которому был присвоен почетный титул «короля кастильских поэтов». Его ценили Сервантес, Лопе де Вега, Кеведо, Гонгора. В защиту старой традиционной поэзии выступил К. де Кастильехо (1490—1556). Свои взгляды он изложил в трактате «Порицание поэтов, пишущих стихи на итальянский манер».

Иберийской культуре XVI в. свойственны ярко выраженный национальный характер, глубокий интерес к устному народному творчеству. Фольклорные традиции отразились в произведениях большинства писателей. Гуманист Х. де Мал-Лара (1524—1571) выпустил в свет в 1558 г. книгу «Народная философия». Собрав и прокомментировав народные пословицы и поговорки, он доказывал, что носителем мудрости является народ. Издавались сборники лирической народной поэзии и романсеро. В 1511 г. в Валенсии вышел «Всеобщий песенник» Э. дель Кастильо, выдержавший девять изданий. В 1516 г. в Португалии появился «Песенник»

Луис де Камонс.
Гравюра XVI в.

Г. де Резенде. В 1545—1547 гг. в Антверпене вышел в свет «Песенник романсов».

Конкиста способствовала расцвету эпической поэзии. Наиболее значительным произведением этого жанра стала «Араукана» испанского поэта А. де Эрсильи-и-Суньиги (1533—1594), прославлявшая деяния испанских конкистадоров в Чили. Португалец Луис де Камонс (1524?—1580) написал знаменитую поэму «Луизиада», где воспевал подвиги Васко да Гамы.

Среди лирических поэтов второй половины XVI в. особой известностью пользовался воспевший в сонетах «славу испанского оружия» Ф. де Эррера (1534—1597), прозванный современниками «Божественным». Видным поэтом-лириком был монах-августинец Л. де Леон (1527—1591).

Непрерывные войны, которые иберийцы вели за океаном, способствовали необычайной популярности рыцарских романов. Этот исключительно средневековый жанр, считав на себе влияние гуманистических идей, был

призван героизировать приходящую в упадок идальгию. Увлечение рыцарским романом охватило все слои общества. Только в течение XVI в. в Испании было издано около 120 книг на эту тему. Особый успех выпал на долю романа «Смелый и доблестный рыцарь Амадис Гальский» (1508 г.), за которым последовала целая серия книг об Амадисе, принадлежащих перу различных авторов. С критикой рыцарских романов выступили многие гуманисты, увидевшие в них выражение чуждой им морали.

Во второй половине XVI в. в моду вошли пасторальные романы, воспевавшие безмятежную и добродетельную жизнь на лоне природы. Начало этому жанру положили «Семь книг о Диане» (1559 г.) португальца Х. де Монтемайора (1520—1561). Его развивал Г. Хиль Поло, издавший в 1566 г. «Влюбленную Диану». Буколическая тема отразилась и в романе «Галатейя» (1585 г.) Сервантеса, а также в «Аркадии» (1586 г.) Лопе де Веги.

В противовес нетерпимости к морискам, насаждавшейся испанским абсолютизмом, многие литераторы сознательно развивали мавританскую тему. Появляются новеллы и романы, в которых героем, достойным подражания, был мусульманин: «История Абенсерраха и прекрасной Харифы» (1565 г.), «Повесть о Сегри и Абенсеррахах, мавританских рыцарях из Гранады» (1595 г.) Х. Переса де Иты.

Вершиной развития испанской литературы в XVII в. стало творчество Мигеля де Сервантеса Сааведры (1547—1616). Все его произведения проникнуты ренессансным мироощущением. Лучшим, завоевавшим мировую славу стал роман «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1606—1615). В нем как бы синтезированы все доселе существовавшие основные литературные направления. Сервантес обрисовал жизнь различных слоев

*Дон Кихот и Санчо Панса.
Гравюра с титульного листа первого английского издания
романа Сервантеса «Дон Кихот». Лондон, 1620 г.*

испанского общества, высмеял пороки имущего класса, с сочувствием относясь к обездоленным и униженным. Смелые, вольнолюбивые речи «мудрого безумца» навеяны идеями гуманистов XVI в. Здесь и мечта о золотом веке, ренессансная вера в безграничные возможности человека, рассуждения о свободе.

В XVI в. зарождался национальный театр. Наряду с религиозными аутоес сакраменталес (одноактные пьесы о жизни и страданиях Иисуса Христа) популярность завоевывали светские представления, сцены из народной жизни. Появились постоянные труппы бродячих артистов-профессионалов. Держали у себя актеров и знатные вельможи.

У истоков испанской драмы стоял Х. дель Эспина (1469?—1529), музыкант и певец, которого называют «патриархом испанского театра». Он сочинял эклоги — короткие светские и религиозные пьесы для придворного театра. Испытавший влияние гуманизма, Эспина увлекался буколической темой. Однако в ряде эклог звучали мотивы из жизни народных низов. Театральные подмостки нередко использовались для критики существующих порядков. Так, антиклерикальные идеи заметны в творчестве португальца Ж. Висенте (1465—1536?), писавшего пьесы на португальском и испанском языках. Большую роль в становлении иберийской драматургии сыграл Б. Торрес Наарро (ум. 1531?), один из первых теоретиков театрального искусства. Он подразделял пьесы на два вида — достоверные,

повествующие о повседневной жизни, и вымышленные, посвященные выдумкам, авантурным событиям.

Во второй половине XVI в. в иберийской драматургии возобладали пьесы, основанные на фактах национальной истории. Х. де Куэва (1543?—1610), Л. де Руэда (1510—1565), А. Феррейра (1528—1569), опираясь на учено-гуманистическую традицию, создавали произведения, заимствуя сюжеты из средневековых хроник и романов, из национальной истории. К произведениям подобного рода относится народно-героическая трагедия «Нумансия» (1588 г.) Сервантеса.

В этот период в иберийских странах строится множество церквей в ознаменованье исторических событий, усыпальниц для членов королевских семей или знатных лиц, а также и гражданских строений. В архитектуре продолжает господствовать готическая традиция, хотя в конце XV — начале XVI в. получает широкое распространение новый стиль — платереско, характеризующийся увлечением декоративными украшениями.

Скульптура еще не приобрела самостоятельного значения и всецело подчинена нуждам католицизма. В строительстве соборов принимали участие народные резчики по камню, сочетавшие готические традиции с мавританской художественной культурой. Большого расцвета достигло искусство ретабло (заалтарный образ). В то же время архитектура и скульптура подвергались влиянию гуманистических идей.

Во второй половине XVI в. в Испании строится величественный Эскориал — дворец-монастырь, резиденция Филиппа II и усыпальница испанских королей. Он стал прообразом грандиозных дворцовых построек в абсолютистских государствах XVII в.

К этому времени в Испании сложились две национальные школы живописи: официально признанная придворная, украшавшая фресками и картинами Эскориал, и мистическая школа в провинциальных центрах, не пользующаяся признанием высших слоев общества. Выдающимися представителями последней были Луис де Моралес (1509—1586), «самый испанский среди испанских мастеров», и уроженец Крита, осевший в Испании, Доменико Теотокопули — более известный под именем Эль Греко (1541—1614). Эль Греко создавал свои произведения в Толедо, где сильные позиции занимали религиозные мистики, оказавшие решающее влияние на творчество художника. Его картины отличались изображением фантастических сцен, полных чудес и видений: он создавал мир, где стиралась грань между реальным и ирреальным. Кисти Эль Греко принадлежат знаменитые картины «Погребение графа Оргаса», «Благовещение», «Апостолы Петр и Павел», «Вид Толедо», многочисленные портреты и др.

Складывается в Испании и национальная школа портретистов, во главе которой стоял А. Санчес Коэльо.

В первой половине XVII в. наблюдается подлинный расцвет изобразительного искусства в странах Иберийского полуострова. Известное влияние на живопись Испании и Португалии оказали нидерландская школа и итальянское ренессансное искусство.

Но испанское и португальское искусство с самого начала приобретало чисто национальные черты. Сильны были позиции католической идеологии, укрепившиеся после Тридентского собора. Поэтому преобладали изображения святых, мучеников, библейские сцены. Подчеркнутая суровость и аскетичность отличали произведения иберийских мастеров. Их больше привлекал внутренний мир человека, его возвышенные помыслы, переживания, душевные страдания, а не внешняя, телесная красота.

В XVII в. в культуре стран Пиренейского полуострова наметились кризисные явления. На смену ренессансной вере в добродетель и всецелость человека пришло убеждение в испорченности человеческой природы, в господстве зла и хаоса в мире. Многие деятели культуры искали утешение в христианской вере.

Эскориал. Архитектор Х. де Эррера. 1567—1583 гг.

Заметно усилились позиции католической церкви, разжигавшей религиозный фанатизм. Мощным орудием абсолютизма стала инквизиция. Иезуитский орден контролировал все сферы общественной жизни. Ректоры были обязаны проверять библиотечные фонды, выявлять подозрительные книги и обо всем доносить инквизиции. Господствующий клерикализм насаждал представления о богоизбранности и превосходстве испанской нации.

Философская мысль развивалась преимущественно в русле обновленной схоластики. Ее расцвет связан с именем Ф. Суареса (1548—1617). Иезуит, преподаватель теологии и философии в ряде университетов, он написал большое количество работ, в которых интерпретировал метафизику Аристотеля и учение Фомы Аквинского, положив начало философскому течению, названному суаризмом. Суарес ввел понятие божественного предвидения, ведущего человека к спасению; его идеи оказали большое влияние на ряд европейских мыслителей XVII — XVIII вв., в частности на Гроция, Спинозу, Вико, Лейбница.

Часть прогрессивных писателей и драматургов во многом еще оставались наследниками идеалов гуманизма, нашедших отражение в творчестве Сервантеса и Лопе де Веги. Однако в отличие от гуманистов литераторы XVII в. уже не верили в торжество добра над злом, хотя считали, что человек может достойно противостоять злу, питали глубокое доверие к человеческому разуму. Широкое распространение получили идеи неостоицизма. Большой популярностью пользовались труды нидерландского неостоиика, филолога Юста Липсия (1547—1606), состоявшего в переписке со многими деятелями испанской культуры. Остро реагируя на современность, передовые деятели XVII в. в своих философско-дидактических

произведениях бичевали пороки современного им общества и создавали различные социально-политические утопии.

Процесс переосмысления идейных и эстетических ценностей привел к качественно новому этапу развития культуры, что особенно ярко проявилось в испанской литературе и живописи. Для нового мировосприятия характерны чувства трагичности и дисгармонии с окружающим миром, его изменчивостью и быстротечностью времени. Углубляется интерес к внутреннему состоянию человека, его переживаниям. Меняется и форма изображения действительности. Деятели барокко прибегали к нарочито усложненным языковым оборотам, вводили неологизмы, гротескные образы, что, естественно, придавало культуре отпечаток элитарности. Яркое выражение подобная тенденция получила в испанской литературе, где в XVII в. господствовали и противоборствовали два стилевых направления: культеранизм, основоположником которого был поэт Л. де Гонгора-и-Арготе (1561—1627), и концептизм, созданный Ф. де Кеведо-и-Вильегасом и теоретически обоснованный Бальтасаром Грасианом.

Деятели культуры эпохи барокко, глубоко убежденные во врожденной порочности человека, в дисгармоничном развитии общества, искали в морали средство врачевания общественных недугов. Большой популярностью пользовались философско-моральные трактаты, бичующие пороки, зло и произвол, невежество и тупость. Резкая и социально заостренная сатира ярко расцветает в испанской литературе XVII в.

Прогрессивные деятели культуры барокко, осуждая царившие нравы, вступали подчас в острые конфликты с властями. Поэт, писатель и философ Ф. Гомес де Кеведо-и-Вильегас (1580—1646), потомок знатного рода, человек прекрасного образования, сознательно избрал стезю обличителя пороков знати. Помимо лирических стихов и художественных произведений, Кеведо создал ряд морально-философских, сатирических и исторических трактатов, в лучших из них он высмеивал уродливые стороны испанского общества. Кеведо проявлял большой интерес к утопическим идеям Мора. Благодаря его усилиям в 1637 г. увидела свет вторая часть «Утопии» в переводе Мединиллы.

С критикой порядков, царивших в странах Иберийского полуострова, дополненной размышлениями о наилучшем правителе, выступали и такие мыслители, как иезуит Б. Грасиан-и-Моралес (1601—1658) и дипломат Д. Сааведра Фахардо (1584—1648).

В XVII в. на смену рыцарским и пасторальным романам пришел глубоко реалистический, чисто национальный жанр плутовского романа, обличавшего пороки современного общества, в котором процветали мошенники и воры. Он являлся как бы выражением социально-экономического и политического кризиса, переживаемого странами Пиренейского полуострова. Его форма позволила авторам резко критиковать нравы различных слоев общества. Начало плутовскому роману как литературному жанру было положено выходом в свет еще в 1554 г. книги неизвестного автора «Жизнь Ласарильо с берегов Тормеса». Однако его популярность относится к XVII в., когда гуманистические идеалы уступили дорогу новым ценностям, свойственным культуре барокко.

С выходом в свет в 1599 г. первой, а в 1604 г. второй книги М. Алемана «Жизнеописание Гусмана де Альфараче» плутовской роман прочно утвердился как литературный жанр. К нему обращались Ф. де Кеведо («История жизни пройдохи по имени Дон Паблос»), драматург Л. Велес де Гевара («Хромой бес») и др.

Наивысший расцвет в первой половине XVII в. переживала испанская драматургия. Подлинный переворот в драме осуществил Лопе Феликс де Вега Карпыо (1562—1635), которого по праву можно считать создателем испанского национального театра. Лопе де Вега нарушил традицию разграничения драмы на трагедию и комедию и установил единый тип, полу-

чивший в испанской драматургии название комедии, выступал против принципа трех единств, сохранив только единство действия. Свои принципы он изложил в «Новом руководстве сочинять комедии в наши дни» (1609). Лопе де Вега был глубоко убежден в необходимости создавать пьесы, близкие и понятные народу. За свою долгую жизнь он создал около 2500 пьес. Особое место в его творчестве занимает народно-героическая драма «Фуэнте Овехуна», рассказывающая о борьбе крестьян против феодалов.

В своих пьесах Лопе де Вега утверждал утопический идеал «народной монархии», осуждал феодальный произвол и распри, стоял за единое национальное, централизованное государство. Наиболее зримо ренессансные идеи отразились в его комедиях «плаща и шпаги». Герои его пьес в борьбе с сословно-дворянскими предрассудками отстаивали свое право на счастье и любовь.

Среди последователей Лопе де Веги наиболее талантливым был Л. Велес де Гевара (1579—1644). Большинство его пьес основаны на народных преданиях и романах, лучшие из них — «Разбойница Верских гор», «Луна Сьерры», «Быть королевой после смерти».

К школе Лопе де Веги принадлежал Х. Руис де Аларкон-и-Мендоса (1581?—1639), написавший несколько исторических драм с осуждением феодальных усобиц. С глубоким сочувствием он изображал представителей из народа, показывая их нравственную чистоту и благородство. Аларкон проложил новые пути для испанской драматургии, создав «комедию характеров». Он, как и Лопе де Вега, видел идеал правления в «народной монархии». К школе Лопе де Веги относится и монах-мерсенарий Г. Тельес, известный под псевдонимом Тирсо де Молина (1583/84—1648). Он писал не только пьесы на библейские сюжеты, но и светские комедии. В его творчестве уже отчетливо видны барочные элементы. Как Лопе де Вега и Аларкон, Тирсо де Молина обращался к историческим хроникам, однако стремился более точно придерживаться подлинных фактов.

Ярким представителем культуры барокко был драматург П. Кальдерон де ла Барка (1600—1681). Все его творчество проникнуто философско-религиозным содержанием. Всемирную известность Кальдерону принесли его «драмы чести». Большинство современников драматурга считали честь исключительным достоянием дворянства. Кальдерон вышел за рамки словесных представлений и объявил честь благом, дарованным всем людям. В «Саламейском алькальде» он показал благородство людей из народа и лицемерие дворян. В философской пьесе «Жизнь есть сон» Кальдерон изобразил свой идеал правителя. Большинство его пьес представляют собой дальнейшую разработку так называемых ауто-сакраменталес.

В XVII в. в иберийских странах театр играл огромную роль. Каждая новая пьеса становилась предметом бурного обсуждения. В комедиях драматурги высказывали свои идеи, отношение к жизни, окружающей обстановке. Правительство не раз пыталось запретить театральные представления, но под напором народного протеста отменяло собственные распоряжения. Филипп II при смерти сокрушался о том, что в Испании вновь введены при его попустительстве театральные представления.

В XVI в. процесс секуляризации затронул и музыкальное искусство. Популярными стали концерты в светских салонах. Произведения исполнялись обычно на виуэле, в конце столетия уступившей место гитаре. Композиторы обращались в своем творчестве к народным формам. Виуэлисты Л. де Милан, Т. Л. де Виктория, А. де Мударра, прославившиеся виртуозным исполнением, создали настоящую музыкальную литературу. На церковную органную музыку оказали некоторое влияние итальянская и фламандская школы. Знаменитыми стали выдающиеся ор-

ганисты А. Кабесон (1510—1566) и Ф. де Салинас (1513—1590), известный также своими работами по теории музыки и математики.

В первой половине XVII в. развитие музыкально-драматического театра в иберийских странах привело к возникновению сарсуэлы — национального жанра, своеобразно сочетающего в себе вокальные номера, танец и сценический диалог. В 1629 г. в Мадриде была поставлена лирическая драма «Лес без любви» на слова Лопе де Веги.

В XVII в. большую популярность и распространение в Испании и Португалии, а затем и в европейских странах получил иберийский музыкальный инструмент — гитара. Продолжала развиваться и органная музыка. В странах Пиренейского полуострова выделилась группа лучших исполнителей, а также теоретиков этого вида искусства: испанцы — Б. Клавихо, Х. Каванильес; португальцы — Ф. Корреа ди Аражу, П. Фалезиу.

В первой половине XVII в. в европейском изобразительном искусстве особое место заняла испанская живопись. Несмотря на преобладание религиозной тематики и подражание манере итальянского художника Караваджо, испанское искусство, отличаясь глубоко национальными чертами, развивалось в реалистическом направлении.

Страстный поиск жизненной правды, глубокий интерес к внутреннему миру человека отличают творчество выдающихся испанских художников Х. де Риберы (1591—1652) и Ф. Сурбарана (1598 — ок. 1669). Рибера большую часть жизни прожил в Италии, оказав большое влияние на многих итальянских художников, но не порывал связи с родиной. Он создал ряд выдающихся полотен, занявших почетное место в музеях мира, — «Мученичество Святого Себастьяна», «Аполлон и Марсий», «Смеющийся Демокрит», «Диоген». Большая часть картин, созданных Сурбараном, сыном эстремадурского крестьянина, посвящена сценам из жизни святых. Его полотна отличаются глубоким реализмом, лишены фантастических и потусторонних элементов, несмотря на использование художником религиозных сюжетов.

Творчески обосновать преимущества реалистического принципа в изобразительном искусстве попытался Ф. Пачеко в своем труде «Искусство живописи». Он ратовал за подражание природе, писание с натуры, требовал ясности в картине. Творчество ученика Пачеко Диего Родригеса де Сильвы Веласкеса (1599—1660) приобрело мировую славу. Веласкес был придворным живописцем, вынужденным маневрировать между различными враждующими группировками при дворе, но он сохранил высокое духовное благородство и человеческое достоинство, создавая глубоко реалистические, правдивые образы. Современники прозвали его художником Истины. Написанные им картины («Сдача Бреды», портрет графа-герцога Оливареса, «Менины», «Пряжи», цикл портретов придворных карликов) навсегда вошли в фонд сокровищницы мировой культуры.

Несмотря на реакционную роль испанского абсолютизма, вставшего на позиции Контрреформации во второй половине XVI в., иберийская культура сохранила демократические, народные черты. Поэты, писатели, художники других стран нередко черпали свое вдохновение в испано-португальской культуре. Француз Лесаж, переработав «Хромого беса» Велеса де Гевары, создал одноименное произведение. Сюжет Дон Жуана, впервые использованный Тирсо де Молиной, перешагнул Пиренеи и стал излюбленной темой поэтов и драматургов других стран (Мольер, Байрон, Пушкин).

Сведения, полученные в ходе великих географических открытий, способствовали подрыву доверия к средневековым авторитетам и церкви и становлению научных представлений о мире.

Формирование иберийских культур шло в тесном взаимодействии с общеевропейским культурным развитием. Испытав на себе воздействие

передовых форм, выработанных итальянским гуманизмом и так называемым Северным Возрождением, культура Испании и Португалии не только сохранила и развила самобытные, чисто национальные черты, но и обогатила своими достижениями мировую культуру.

Глава 8

КУЛЬТУРА СТРАН БАЛКАНСКОГО И ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНОВ

Период с конца XV — до середины XVII в. для культуры стран Юго-Восточной Европы был очень неблагоприятен, особенно в областях, завоеванных османами. Уничтожение памятников культуры, гибель или бегство в другие земли многих писателей, художников, зодчих, тяжелейший политический, социальный и духовный гнет привели к почти полному замиранию культуры. Немногими ее очагами оставались монастыри, находившиеся в стороне от основных государственных центров и магистралей. Роль хранителя славянских и греческих культур продолжал играть Афон. Однако и в этих центрах ощущается снижение уровня культуры, изменяются ее характер и формы. В Болгарии османы полностью запретили строительство монастырей. Маленькие же однефные храмы почти ничем не отличались от обычных жилых домов. Первый монументальный крестовокупольный храм был построен в Вачковском монастыре лишь в 1504 г. Появляются такие характерные признаки архитектуры мусульманских городов, как мечети, постоялые дворы, бани.

Снижается художественный уровень живописного искусства, в особенности монументальной живописи, на Балканах; для большинства фресок характерны схематизм, графичность, сближавшая их с иконами и даже книжной миниатюрой. Эти черты свойственны болгарским (монастыри Драгалевский, Кремиковский, Погановский) и сербским (Дубочица, Великая Хоча, Печская патриархия) фрескам XVI в. Снижается квалификация мастеров, уменьшаются размеры церковных построек, меняется их характер. И только к концу XVI в. наблюдаются тенденции, связанные с большей динамичностью в композициях фресок. Эта особенность наиболее заметна в росписях Куриловского монастыря (1596 г.).

Для развития южнославянской монументальной живописи после османского нашествия характерна известная противоречивость. И в реалиях фресок, и в орнаментике ей ближе идеалы народного искусства. Развивается прикладное искусство, прежде всего резьба по дереву, причудливо украшающая двери храмов (один из лучших образцов — в Слепче в Болгарии, конец XV — начало XVI в.), стены и потолки жилищ.

Демократизация наблюдается и в других областях балканской культуры, особенно в литературе. Наиболее показательны болгарские рукописные дамаскины — популярные сборники, получившие название по имени греческого писателя Дамаскина Студита. Сборник его сочинений «Сокровища» был переведен с греческого и дополнен популярными в народной среде произведениями: «Житие Николая Мирликийского», апокрифами, различными поучениями. Язык дамаскинов был уже весьма далек от лексики и норм старо- и среднеболгарского языка, максимально сближен с народным.

Значительным сдвигом в истории культуры южных славян было появление книгопечатания. Первая печатная книга — хорватский глаголический Миссал (1483 г.). В 1494 г. в Цетинье Макарий напечатал кириллический Осмогласник; до конца века там же вышло еще шесть богослужеб-

ных изданий. Книги печатались и в различных сербских монастырях (Милешевском, Руянском и др.), выходили и в Венеции.

Для общественно-политической мысли южнославянских народов характерна острая реакция на самый факт их порабощения и утрату государственной самостоятельности. Болгарские писатели Григорий Цамблак, Иоасаф Видинский, Владислав Грамматик и сербские — монах Исайя и Константин Философ в XIV — XV вв. первыми отозвались на трагические события. И впоследствии южнославянские авторы не оставляли этой животрепещущей темы. Среди произведений выделяются «Житие и служба Георгию Новому» попа Пейо и «Житие и служба Николаю Новому» Матфея Грамматика. Оба болгарских автора прославляют стойкость своих героев, их преданность родине, ее вере, традициям, обличают фанатичную жестокость завоевателей.

В Сербии османская тема получила особое развитие в произведениях эпического жанра. Продолжает развиваться цикл песен, связанный с трагической Косовской битвой; широкую популярность приобретает песни о королевиче Марко; воспеваются ведущие борьбу с османами венгерские полководцы, например Янкул (Янош Хуниади). Сербские летописи и хронографы живо реагируют на все события, связанные с османским завоеванием; с болью и горечью пишут о страшном «налоге кровью», когда для формирования янычарского войска у родителей отнимали детей; описывают походы и завоевания османов и с нескрываемой радостью отмечают их поражения.

Та же тема волнует писателей и публицистов стран, еще не завоеванных османами, но чувствовавших угрозу порабощения. В Хорватии уже в середине XV в. поэт и ученый Юрий Шижгорич ужасался варварским разорениям османов. «Мы страждем каждый миг от басурманских рук», — вторил ему прославленный поэт Марко Марулич (1450—1524). Последователь Марулича — Фран Транквилл (1490—1571) предупреждал все европейские страны, и «даже британцев», о нависшей над ними страшной опасности. Живым участием к страждущим от ига завоевателей переполнены были выступления Бартоломея Джурджевича (1506—1566), печатавшиеся в Антверпене, Риме, Базеле, Париже, Праге, Кракове. Эти же события волновали многих ученых-гуманистов Дубровника, например Цервы-Туберона (ум. в 1527).

Призыв противостоять османским завоевателям был свойствен литературе и фольклору Валашского и Молдавского княжеств — песням о Стефане Великом, о гайдуках. Эти княжества занимали особое место в Юго-Восточной Европе, не были полностью завоеваны Османской империей, хотя и попали в тяжелую вассальную зависимость от нее. Относительная самостоятельность княжеств, их широкие международные связи содействовали росту их культуры. Официальным государственным, церковным и литературным языком был славянский (точнее, среднеболгарский по нормам тырновской школы), и это способствовало быстрому усвоению сокровищ южнославянской и позднее русской письменности. Много сделали для развития местной культуры бежавшие в Валашское и Молдавское княжества деятели сербской и болгарской культур, например Григорий Цамблак.

В Молдавии в этот период были созданы «Похвальное слово Иоанну Новому» Евстафия, посвященное мученику «от басурман», и «Слезный стих» Афанасия Кримки. В Валахии одним из выдающихся писателей был господарь Нягое Басараб. Его «Назидательные слова» весьма созвучны «Почучению Владимира Мономаха». В XVI в. появляются первые переводы на родной язык (Воронецкий кодекс; «Учительные слова» дьякона Кореси, переведенные с «Учительного евангелия» Ивана Федорова).

Несомненный интерес представляют славяно-молдавские летописи, возникшие в конце XV в. по образцу южнославянского летописания.

Древнейшие редакции летописей погибли, до нас дошли списки XVI — XVII вв. Летописи делились на два основных вида: воеводские (например, Путнянская) и боярские (например, летопись Григория Уреке), отражавшие интересы среды, в которой они были написаны.

С идейным содержанием летописей во многом перекликаются валашские и особенно молдавские стенописи конца XV — первой половины XVII в. с изображениями воевод, бояр и членов их семей в дорожных, торжественных одеждах, что не мешало художникам представить проницательность ума их персонажей, живость темперамента (например, изображение воеводы Стефана в Воронце, 1547 г.). Особо интересны такие изображения в церкви Трех иерархов в Яссах (1642 г.). В них отчетливо проявляются стремление художника изобразить индивидуальные черты, элементы объемности живописных приемов. На фресках, обильно покрывающих наружные стены храмов (в этом их неповторимая особенность по сравнению с искусством других православных народов), можно видеть и такие исторические композиции, как «Осада Константинополя» из богородичного акафистного цикла.

По своим историческим судьбам, уровню культуры среди земель Юго-Восточной Европы выделяется республика Дубровник. На начало XVI в. приходится ее высочайший расцвет. Ни одна из стран региона не восприняла столь полно и вместе с тем творчески своеобразно культуру итальянского Возрождения, как Далмация и Дубровник. Деятели культуры Дубровника имели теснейшие связи с Италией, часто ездили туда, следовали лучшим образцам культуры Возрождения. По образцу итальянской академии Спонза была создана во второй половине XVI в. Академия согласных. Как и в Италии, в гимназиях изучались право, торговля, мореходство. Сами дубровчане, как и вообще далматинцы, были деятельными создателями шедевров европейского Возрождения. Поэты Марко Марулич, Мавро Ветранович (1482—1576), драматург Марин Држич (1508—1567), ученый-энциклопедист Фауст Вранчич (1551—1617), историк Церва-Туберон (1450—1527) не уступали по совершенству своих сочинений итальянцам. Они были хорошо осведомлены в античной и западноевропейской литературе и искусстве и немало способствовали их развитию. Вранчич проектировал новые машины и создал прообраз парашюта, Марулич довел до совершенства латинское стихосложение, а Ветранович прославился в жанре сатиры.

У далматинских и дубровницких писателей заметен местный колорит, они живо откликались на насущные проблемы своей родины, широко использовали народное творчество. Это видно в поэме Петра Георгиевича «Рыбная ловля», в пьесах Марина Држича с их отходом от шаблонов и условностей своего времени, с вниманием автора к социальным конфликтам. Большинству далматинских и дубровницких писателей свойственны славянское самосознание, чувство славянского единства, общего происхождения всех славян. Их интересуют славянские языки (Вранчич), история славянских народов (Прибевич, Туберон).

Самый облик далматинских городов, в первую очередь Дубровника, был ренессансным. Впечатление органического единства производит архитектура Дубровника. Ее стиль с удивительной разумностью построений и совершенством очертаний, самое использование строительного материала (бело-желтые квадраты) создают впечатление гармоничной ясности города; этому не мешают отдельные постройки, особенно парадные: Кнежев двор или Дивона (монетный двор и таможня), возведенные Паско Милечивечем и Петром Андричем.

Но не только связи с Италией в XVI — первой половине XVII в. во многом определяли характер культуры южных славян, избежавших османского завоевания. Их исторические судьбы и пути развития культуры в немалой степени были связаны с королевством Венгрия, в состав кото-

DELLA
ORIGINE ET SVCCESSI
DE GLI
SLAVI

ORATIONE.

DI M. VINCENZO PRIBEVO

DAI MATINO DA LIVENZA.

già recitata da lui nella medesima

CITTÀ

Es hora tradotta dalla lingua latina nell' Italiana

DA BELLISARIO MALASPALLI DA
SPALATO.

CON PRIVILEGIO.

IN VENETIA, CIO. IO. XCV.

Presso Aldo.

*Титульный лист книги
В. Прибоевича «Речь
о происхождении и успехах славян».
Венеция,
типография наследников
Альда Мануция, 1595 г.*

рого входили в этот период хорватские земли. Многие культурные деятели Далмации, в том числе и Дубровника, самым тесным образом были связаны с Венгрией, находили там атмосферу, созвучную их идеалам и настроениям. Венгрия поддерживала интенсивные и разносторонние культурные связи с Италией. В Буде создавали свои труды итальянские историки и писатели Антонио Бонфини (1427—1502), Филиппо Бонаккорси (1437—1496). Итальянские зодчие участвовали в украшении венгерской столицы, в частности в правление Матиаша Корвина. Среди них особенно прославились Бенедетто да Майано (1442—1497) и Джованни Далмати (1445—1509).

В Венгрии с 1488 г. существовала изобиловавшая итальянскими рукописями библиотека Корвина — одна из лучших в Европе. Еще в XIV в. была открыта высшая школа в Пече, а в XV в. еще одна — в Обуде. В стране процветало книгопечатание, типографии работали в 20 местах. Венгерские писатели-гуманисты Янош Витез (1408—1472), Гашпар Хелтан (1490—1574), Петер Бернелисса (1535—1584), Балинт Балашша (1554—1597) широко пользовались античным наследием, перерабатывая в соответствии с запросами

ми венгерского общества басни Эзопа, произведения античных драматургов. Черты венгерской действительности, чувство патриотизма хорошо видны в их произведениях. Большинство своих произведений авторы писали на венгерском языке.

Важным фактором в истории развития венгерской культуры XVI в. была Реформация. Именно реформаторы были особенно рьяными сторонниками перехода на родной язык. В первой половине XVII в. с победой Контрреформации меняется самый характер венгерской литературы: из нее вытесняется светская тематика, традиции Возрождения продолжают свое существование лишь в Трансильвании. Большую роль в их развитии сыграла высшая школа в Дьюлафехерваре, основанная в 1622 г. Бетленом Габором.

Реформационное движение и сильные ренессансные тенденции в культуре были в значительной мере свойственны и странам Центральной Европы. Ренессансная культура при всей своей специфике развивалась в Польше и Чехии.

В Польше Возрождение главной опорой и средой имело не горожан, а шляхту, которая в XVI в. занимала ведущее положение в стране. Как и в Западной Европе, Возрождение в Польше в XVI в. развивалось одновременно с реформационным движением, но и оно было распространено по преимуществу в шляхетской среде, что ограничило развитие ренессансных тенденций. Шляхта использовала достижения ренессансной культуры в своих интересах, и это сказалось на своеобразии и определенной противоречивости культуры польского Возрождения. Одной из характерных ее черт был так называемый сарматизм, пристрастие к старым местным

традициям отнюдь не ренессансного характера. Эти черты подчас весьма причудливо сочетались с чисто возрожденческой основой.

С культурой европейского, в особенности итальянского, Возрождения в Польше были хорошо знакомы. Многие деятели польской культуры уже в XV в. постоянно бывали в Италии, учились в ее университетах (Падуанском, Болонском). Многие польские библиотеки: университетские, школьные, магнатские, шляхетские и горожан — изобиловали итальянскими книгами. Итальянские зодчие и живописцы успешно работали в Польше, имели там учеников. Помимо непосредственных контактов с итальянской культурой, знакомство с ней в какой-то мере осуществлялось и через венгерское посредничество. В развитии польской культуры в XVI в. заметную роль сыграли немецкие центры Возрождения и Реформации — Нюрнберг, Аугсбург, Виттенберг.

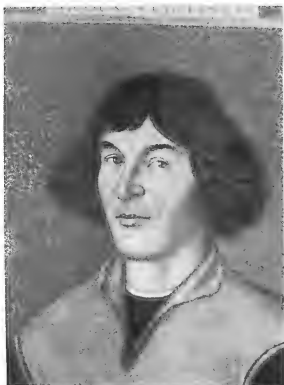
Важнейшим очагом ренессансной культуры в Польше был Краковский университет, поддерживавший тесные связи с университетами других стран. Многие профессора Краковского университета занимали позиции гуманизма, носившего творческий характер. Он противостоял монополии католической церкви в области этики. Вторым высшим учебным заведением в Польше была академия в Замостье, созданная в 1593 г. канцлером Яном Замойским. В ней также были сильны ренессансно-гуманистические традиции.

Деятельность краковских профессоров в немалой степени сковывал официальный статус университета, его подконтрольность королю и церкви. Поэтому многие деятели культуры для более свободного взаимного общения создавали литературно-научные кружки и общества: около 1490 г. было основано общество итальянцем Филиппо Бонаккорси, прозванным Каллимахом. Он ратовал за светский образ мысли, отрицал существование души, в политической области был сторонником сильной королевской власти, опиравшейся на горожан и ограничивавшей своеволие шляхты.

Почти одновременно с кружком Каллимаха поэт Конрад Целгис создал свое литературное общество, первое из подобных в Центральной Европе. Вслед за ним литературное общество основал королевский секретарь и историк Юст Деций; его члены изучали труды Эразма Роттердамского. В Кракове в XVI в. существовало и научное общество математика и астронома Иоахима Ретыка, рьяного сторонника Реформации.

Первая печатная книга в Польше — календарь на 1474 год — вышла в Кракове на латинском языке. Затем в Кракове появились типографии Яна Халера, Флориана Унглера, Иеронима Венглера. Их издания подготавливали профессор университета. Были опубликованы многие произведения античных авторов и западноевропейских гуманистов. В начале 90-х годов XV в. в Кракове действовала типография Швайпольта Фиоля, выпускавшая православные богослужебные книги, напечатанные кириллицей, по-видимому, предназначенные для украинцев и белорусов, живших в пределах Польши и Литвы. Возможно, что часть печатной продукции Фиоля шла на Русь, где сохранилось большинство дошедших до нашего времени его книг. Первое печатное издание на польском языке появилось в 1513 г. Деятели польского Возрождения, особенно связанные с реформационным движением, были вообще принципиальными сторонниками перехода на родной язык в литературе, науке, во всех областях культуры.

Весьма высок был уровень науки в Польше в конце XV — начале XVII в. Это относится и к точным, и к естественным, и к гуманитарным наукам. Нередко при этом самые различные направления в науке соединялись в творчестве одного человека, как это было в ренессансной Европе. В Польше известны Мартин Кроль, математик и врач, Адам из Бохни, врач и философ, Мацей Меховский, врач, историк и географ. Особен-

*Николай Коперник.
Портрет работы
неизвестного художника XVI в.
Торунь.*

ных успехов в первой половине XVI в. достигла в Польше астрономия. Сын горожанина Николай Коперник (1473—1543) прославил польскую науку своей гелиоцентрической системой, изложенной в книге «Об обращении небесных сфер» (1543 г.), имевшей поистине революционное значение для развития всех наук. Учение великого польского астронома было одним из самых сокрушительных ударов по системе средневекового мировоззрения.

Деятели польского Возрождения были близки гуманистические идеи преобразования общества и государства. Крупнейшим польским ученым в области теории государства и права был Анджей Фрыч Моджевский (ок. 1503—1572). В 1551 г. вышло в свет его важнейшее сочинение «Об исправлении государства». Моджевский исходил из представления о разумности действий и их соответствии природе, а не традиции и авторитету. Ученый-гуманист, один из первых публицистов призывал понять, что народ—это далеко не одна шляхта. Все сословия должны быть равны перед лицом закона, а суды одинаковы для всех; панов должно лишить

права судить крепостных. Для блага государства необходимо всячески содействовать росту городов и торговли, что возможно только при сильной центральной власти. Для укрепления ее военной мощи Моджевский предлагал ввести налог на все сословия, за исключением крестьянства, и без того обремененного своими владениями.

Моджевский считал крайне необходимым расширить просвещение и непременно изъять его из-под контроля церкви. Церковь же следует преобразовать в национальном духе. Подобные идеи не могли не вызвать враждебности церковных кругов, которые добились изъятия книг «О церкви» и «О школе» из первого издания труда Моджевского. Они были восстановлены лишь во втором издании, вышедшем в свет в 1554 г.

Во второй половине XVII в. сочинение Моджевского дважды переводилось в России, когда в самой Польше оно было почти забыто. Внимание, проявленное в России к Моджевскому в преддверии петровских преобразований, вполне закономерно.

Интерес к общественной жизни, к политическому переустройству, естественно, сочетался у писателей-гуманистов с разработкой проблем отечественной и всемирной истории. В XVI в. наблюдается подъем исторической мысли в Польше. «Отцом» польской истории по справедливости считают Яна Длугоша (1415—1480). Его «История Польши» основана на большом количестве источников, в том числе и весьма ценных русских, не дошедших до нас в оригиналах. «История» Длугоша преисполнена чувства глубокого патриотизма. Историческая эрудиция Длугоша гуманистична, он великолепно знает античных и западноевропейских авторов. Продолжателем Длугоша был Мадей Меховский (1457—1523). В основу своей печатной «Хроники» (1521 г.) он положил сохранившийся в рукописи труд Длугоша, сделав его доступным достаточно широкому кругу читателей. Меховский написал также «Трактат о двух Сарматиях»

(1517 г.), проявив большой интерес к географии и истории России. Однако Меховский использовал не всегда достоверные сведения своих источников. Несравнимо большей тщательностью подбора источников и их строгой критикой отличается сочинение Мартина Кромера (1512—1589), вышедшее в свет в 1555 г.

Не только история самой Польши, но и всеобщая история интересует польских историков того времени. Диапазон их познаний все более расширяется. Автором первого большого сочинения о всемирной истории на польском языке был писатель и историк Мартин Бельский (1495—1575). Его книга была украшена многочисленными гравюрами и с 1551 по 1564 г. выдержала три издания. Дело Бельского продолжил и развил Павел Пясецкий, издавший в 1645 г. «Хронику событий в Европе».

С заключением в 1569 г. Люблинской унии у польских историков растет интерес к истории Литвы, Белоруссии и Украины. Мацей Стрыйковский для своей «Хроники» (1582 г.) изучил немало белорусско-литовских и русских летописей, проявляя живой интерес к различным памятникам древности, к народному фольклору и обычаям. Сочинения Бельского и Стрыйковского вызвали большой интерес на Украине и в России, несколько раз там переводились и оказали заметное воздействие на украинскую и русскую историографию XVII в.

Идеи Ренессанса занимали умы не только ученых и общественных деятелей Польши XVI в. Ими насыщены и художественная литература, архитектура, искусство, музыка. Многие польские писатели той поры прославились и за пределами страны. Наиболее известны среди них Миколай Рей (1505—1569) и Ян Кохановский (1530—1584). Рей принадлежал к протестантам, по происхождению был шляхтичем. Патриотизм, стремление к внутреннему миру и гармонии, идеалы житейско-практической мудрости — таковы основные черты, характеризующие его художественное творчество; наиболее важные его сочинения — «Жизнь достойного человека», «Краткий разговор», «Автопортрет». Рей любил моральные сентенции, имел склонность к дидактике, писал басни, перекликающиеся лишь с внешней стороны с античными произведениями этого жанра. Художественное творчество Яна Кохановского лирично, ему свойственны строгая лаконичность, удивительная проникновенность, умение понять тончайшие движения души человека. Этим отличаются его знаменитые «Трэны» (плачи), написанные на смерть маленькой дочери, прославленная «Псалтырь» с ее музыкальностью и редкой убедительностью метафор, назидательные фразы. В то же время Кохановский был ученым-лингвистом.

В эпоху Возрождения заметно меняют свой облик польские города. Суровость и спиритуализм готических зданий уступают место ясному, четкому, геометризованному пропорциям. Правильность их очертаний и линий была призвана достойно отразить гармоничный внутренний мир человека, а их светлый колорит и простор — состояние его души. В соответствии с этими художественными идеалами преобразается в начале XVI в. королевский замок Вавель в Кракове, отреставрированный после пожара архитектором Бенедиктом из Сандомира. Вполне ренессансный облик получает варшавский замок (1599—1619), построенный А. Абрахамовичем, епископский дворец в Кельцах (1637—1642). Старые готические замки перестраиваются в ренессансном духе; например, замок в Баранове (1602 г.). Дома мещан также строятся в стиле Возрождения с внутренними дворами и галереями на аркадах. Особыми художественными достоинствами отличаются дома горожан в Казимеже Дольном. Их стены покрывает почти сплошная резьба, украшают аттики со скульптурой.

Скульптура занимает особое место в художественной культуре Польши той поры. Высокими достоинствами отличается шедевр работы выходца из Нюрнберга Вита Ствоша (1445—1553) — резной алтарь Марицкого костела в Кракове. Драматизм, динамика сочетаются в деревянных

скульптурах Ствоша с глубокой человечностью, а черты поздней готики с общим ренессансным обликом.

В живописи на смену готике приходит стремление к изображению реалистического объема и правильной перспективы, чем отличалось, например, творчество выдающегося польского художника XVI в. Марцина Черного. Интерес к человеческой личности, связанный с гуманистическими идеалами Ренессанса, отражается в портретной живописи. Выдающийся портретист этого времени — Кюбер из Вроцлава. В конце XVI — первой половине XVII в. в связи с особым интересом к истории появляется и жанр исторической живописи.

Чешская культура XVI в., как и польская, носила по преимуществу ренессансный характер, хотя имела свои особенности. Гуситское движение наложило отпечаток на всю чешскую культуру, хотя преемники этих традиций — общине «чешских братьев» (1468) не был свойствен боевой дух идей и действий Яна Гуса и его учеников. Однако гуманизм и просветительские идеи гуситов, их непримиримость к католической иерархии община разделяла. «Чешские братья» стремились открыть как можно больше школ с преподаванием на родном языке и трудовым воспитанием учеников. Именно из такой среды вышел Ян Благослов (1523—1574) — историк, лингвист, публицист. Его перу принадлежат сочинения «Филиппика против гасителей просвещения» и «Чешская грамматика», в которой автор делает интересные сравнения чешского языка с другими славянскими языками. Педагогика вообще стояла в Чехии на высоком уровне, взгляды великого педагога Яна Амоса Коменского сформировались именно в Чехии.

Как и в Польше, делу просвещения в Чехии способствовало книгопечатание, одно из самых старых в Европе. Для чешской культуры XV в. чрезвычайно показательно, что первая чешская печатная книга «Троянская история» (1468 г.) была светской и посвящена античному сюжету.

Наука в Чехии XVI в. испытывает заметный подъем, хотя естественные и точные науки в Праге не достигли такого уровня, как в Кракове. В середине XVI в. европейскую известность получил только Ян Черный своей книгой «Гербарий». Несомненный интерес представляла «Чешская космография» Ф. Гаека, в области истории — «Хроника» В. Гаека, уделившего в ней большое внимание Московской Руси. С идеями Фрыча Моджевского перекликались сочинения Птибора Товачевского и Виктора Керка, ратовавших за разумное преобразование общества и государства в духе позднегуситских традиций. Это направление в общественно-политической мысли Чехии было связано главным образом с бюргерской средой. С ней же тесным образом была связана и чешская литература на родном языке. В Праге существовали литературно-научные общества, крупнейшее из которых в конце XV в. возглавил Даниил Адам из Велеславина. На собраниях общества и в сочинениях его членов тщательно разрабатывались нормы чешского литературного языка. Гуситские традиции и непрекращающаяся борьба за права городов, за родной язык способствовали тому, что чешскоязычные писатели сосредоточили особое внимание не на художественной литературе, а на памфлетах, связанных с текущими запросами жизни.

В латиноязычной литературе Чехии явно преобладает поэзия, преимущественно лирическая. Таково творчество Гинека из Подебрад или Богуслава Гассенштейнского (Б. Лобковица), автора многочисленных элегий. При всех художественных достоинствах этих произведений они меньше связаны с ренессансными идеями и настроениями, нежели чешскоязычная проза.

Определенная печать противоречия лежала на чешской архитектуре и изобразительном искусстве. Первые ренессансные постройки — не ратуши и дома горожан, а увеселительный дворец короля в Праге. Ренес-

санная, привнесенная извне архитектура первоначально как бы противостояла местным старым традициям. В Чехии так и не было построено ни одного чисто ренессансного храма.

Габсбурги подчеркнуто предпочитали местным мастерам зодчих-иноземцев. Большие средства позволяли королям приглашать талантливых иноземных, преимущественно итальянских, архитекторов (Д. Слатио, Б. Вольмут и др.). Одно из лучших их творений — летний дворец в Праге «Летоградек» (1536—1560). Широкие аркады, просторные окна, фонтаны характерны для подобного рода ренессансных построек. Но постепенно вырабатываются и чешские специфические черты: сдвинутые окна, не только внутренние, но и особенно наружные росписи зданий, выполненные в технике сграффито. В наиболее развитом варианте их можно видеть в Литомышле, Мельнике, Инджихуве, Градоце, Бучовицах.

Сходные явления можно наблюдать и в изобразительном искусстве. Чешские живописцы охотно использовали опыт немецких, австрийских и венгерских мастеров, но не чуждались и местных традиций, чаще всего связанных с готикой. Такова живопись Литомержского алтаря (начала XVI в.). Величавая пластичность сочетается в ней с определенной дробностью и изломанностью линий. По-видимому, тому же мастеру принадлежат и фрески капеллы св. Вацлава в пражском соборе св. Вита, наделенные чертами особой эпической монументальности.

Чешская и польская культуры эпохи Ренессанса развивались в тесном взаимодействии. Для исторических хроник той и другой страны характерно чувство общности происхождения, славянского единства, с энтузиазмом разделяемое Бельским, Стрыйковским и Гаеком. Писатель второй половины XVI в. Бартош Папроцкий писал и по-польски, и по-чешски. Тесную связь поддерживали сторонники Реформации в Польше с «чешскими братьями», а первая печатная книга чешских песнопений — канционал Чешского братства — увидела свет в Шамотулах под Познанью (1561 г.). Такие взаимосвязи не могли не обогащать культуру обоих народов.

Глава 9

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Развитие русской культуры XVI — первой половины XVII в. было обусловлено противоречивостью исторического процесса этого периода, который, как отмечал Л. В. Черепнин, шел не по прямой, а по кривой или ломаной линии: XVI век был переломным этапом в истории России, когда решалась ее дальнейшая судьба. Поступательное движение было прервано событиями опричнины, установлением крепостного права, Ливонской войной, потрясениями иностранной интервенции и Смуты. После преодоления их последствий развитие возобновилось, зарождались явления, совокупность которых позволяет говорить о XVII в. как о новом периоде русской истории, что особенно отчетливо выявится во второй его половине, подспудно подготавливая петровские преобразования.

Конец XV — середина XVI в. — время значительного культурного подъема, который проявляется в живой полемике по важнейшим вопросам социального, политического, духовного, культурного развития страны и в возникновении книгопечатания. Несмотря на то что печатная книга занимала еще незначительный удельный вес в общем объеме книжной продукции эпохи, книгопечатание готовило почву для развития просвещения. Богатство памятников материальной и духовной культуры; фор-

мирование светского направления, попытки секуляризации общественной мысли, особенно в сфере политических идей; критика экономических порядков монастырей, крепостнических тенденций в самый момент их зарождения — таковы компоненты культурного развития этого периода. Исследователи считают возможным говорить об элементах Возрождения на Руси в конце XV — первой половине XVI в., хотя вопрос остается дискуссионным и не нашел пока достаточно полного освещения. По-видимому, лишь со второй половиной столетия, а не с XVI в. в целом следует связывать усиление консервативных черт в идеологии и культуре, которые были результатом закрепления крепостнического пути развития России. Пространство этой эпохи кажется целиком заполненным фигурой Ивана IV с его драматическими и трагическими конфликтами. Однако культурный процесс не прерывался, он лишь изменил формы, будучи ориентирован не столько на создание новых памятников, хотя и это имело место, сколько на собирание и осмысление предшествующего культурного наследия.

Преодоление удельного сепаратизма, становление независимого, суверенного государства, вовлеченного в орбиту общеевропейской политики, формирование русской народности и русского национального характера сопровождалось подъемом национального самосознания, активностью общественной мысли, создавали общественную атмосферу, внешние условия, существенно влиявшие и на духовные, культурные процессы. Развиваясь в целом по своим внутренним законам и импульсам, они в тот период тесно связываются с задачами государственного строительства. Процесс централизации развивался параллельно становлению единой общенациональной культуры, синтезирующей достижения местных школ в летописании, агиографии, книжном искусстве, миниатюре, иконописи, архитектуре. В особенности это характерно для середины века, когда создаются грандиозные обобщающие произведения (Великие Минеи Четьи, Лицевой свод и др.), имевшие целью собрать и сохранить всю предшествующую традицию, подобно тому как князья собирали земли. Свойственная эпохе сознательная ориентация на традицию — не только на древнерусскую, но и на византийскую, славянскую и иные — свидетельствует о высоком развитии чувства исторической памяти, что нашло отражение и в расцвете исторических жанров, и в литературе и фольклоре. Чувство исторической памяти неотделимо от чувства исторической ответственности. Сохранение независимости Российского государства было главным условием и гарантом самой возможности развития культуры.

Культурные процессы в тот период протекали в условиях, когда, несмотря на уничтожение политической зависимости от Орды, вражеские набеги продолжались: в 1521 г. «крымский смерч» едва не опустошил столицу, а в 1571 г. она была сожжена ханом Девлет-Гиреем; в начале XVII в. страна испытала все бедствия иностранной интервенции и Смуты. Тема «сохранения», «спасения» отечества, его «вечности» была в общественной мысли и публицистике одной из основных, находила выражение и в эсхатологических концепциях. Для летописца, описывавшего стояние на Угре 1480 г., гарантией сохранения Отечества была храбрость и мужество его сынов: «О храбрии мужествении сынове русии! Потщитесь сохранить свое отечество, Русскую землю, от поганых, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши распления и разграбления домов ваших, и убияния чад ваших, и поругания над женами и дщерьми вашими, якоже пострадаша и инии велицыи и славнии земли от турков».

Для дипломата и публициста Ф. И. Карпова в 20—30-е годы XVI в. условия, необходимые для «вечности» дела народного, или царства, или «владычества», уже иные: они обусловлены внутренним строем государства, а именно торжеством Правды. В альтернативе «Правда» или «Терпение» ей отдано безусловное предпочтение. Карпов понимает Правду как

закон, правосудие и справедливость, право совета («думы») со стороны «премудрых» (эта тема роднит русскую и западноевропейскую мысль XVI в.), вознаграждение по заслугам даровитых людей. Позже, в середине XVI в., И. С. Пересветов рассуждает о том, какие реформы нужны для укрепления страны, чтобы она избежала участи плененной турками Византии. В отношении к ее наследию существуют разные стороны — продолжение восприятия духовного опыта, влияние которого никогда не прерывалось даже в новое время, и критическое осмысление политического опыта погибшей империи, главное в котором не притязания на «константинопольскую вотчину» и восприятие функций империи, а поиски гарантий от повторения ее участи. Церковно-политическая независимость от Константинополя (осуществление в 1448 г. автокефалии де-факто, завершившееся в 1589 г. учреждением Московского патриархата) сочетается с внимательным отношением к каноническому единству с Константинополем.

Все большее значение придается тому, что Россия осталась единственным сохранившим политическую независимость «православным царством», с которым поработенные славянские и балканские народы связывали надежды на освобождение. Ученый афонский монах Максим Грек ок. 1521 г. в послании великому князю московскому Василию III писал: «Свободы свет тобою да подается нам бедным». Осознается потребность осмыслить место и роль молодого Российского государства не только среди современных государств, но и в общеевропейском историческом процессе, как он понимался в том культурно-историческом регионе, к которому принадлежала Россия, т. е. и в светском, и в конфессиональном аспекте, в произведениях летописного и хронографического жанров, в памятниках церковной литературы и т. д. Осознанием исторической ответственности и поисками корней, а не мессианскими устремлениями или имперскими притязаниями порождены и концепция «третьего Рима», связывающая православную церковь России с ранним христианством, и легендарная генеалогия русских князей, возводящая их к императору Августу, и создание Русского хронографа, где русская история описывается как составная часть мировой.

Итак, связь с государственным строительством, прежде всего с задачами централизации, а также своего рода историзм, проявляющийся и как историческая память, и как историческая ответственность, — важные компоненты культурных процессов. Однако традиционализм и историзм, собиранье и осмысление предшествующего культурного наследия вовсе не свидетельствуют об ориентации исключительно на прошлое, напротив, полемика практически по всем вопросам современного социального и культурного развития в особенности характерна как раз для XVI в. — он справедливо может быть назван веком полемики, споров и сомнений, «самомышления».

Диалоги эпохи посвящены широкому спектру проблем — от судеб феодальной земельной собственности до принципов иконописания. Обсуждаются проекты социальных реформ, государственного строительства, происхождение и характер великокняжеской и царской власти, ее обязанности по отношению к подданным, ее взаимоотношения с церковью, социальная и этическая роль церкви и монашества, место России в мировой истории и русской церкви в истории христианства. Противоборствуют еретики и ортодоксы; нестяжатели и иосифляне (Нил Сорский, Василий Патрикеев, Максим Грек — Иосиф Волоцкий, митрополиты Даниил и Макарий); православные и католические богословы (Николай Булев — Максим Грек, Филофей Псковский); светские и церковные публицисты (Федор Карпов и митрополит Даниил, Федор Карпов и Максим Грек). В спор вступают и вымышленные персонажи (любопытнейший — Филотимон и нестяжательный — Акимон), в посланиях и диалогах борются

Живот и Смерть, Ум и Душа, Терпение и Правда. В одном из сочинений Максима Грека тверской епископ беседует с Богом. В состоянии скрытой внутренней полемики находятся и произведения, лишенные черт очевидной публицистичности: монастырский скитский устав Нила Сорского и краткая редакция устава Иосифа Волоцкого для общежительного монастыря, даже такие канонические памятники, как Кормчие книги (нестяжательская Кормчая Вассиана Патрикеева и сводная Кормчая митрополита Даниила, обосновывающая право монастырей на владение селами). Идеиные конфликты эпохи иногда выходят за рамки полемики и сопровождаются политическими столкновениями.

Зарождение споров о языке, о соотношении «книжных и народных речей» сближает русские и общеевропейские культурные процессы; обсуждается вопрос, какой путь развития культуры предпочесть, следует ли «уподобляти и низводити книжные речи от общих народных речей» или же, наоборот, «от книжных речей и общия народныя речи исправляти» (Зиновий Отенский). Новейшие исследования относят ко второй половине XVI в. истоки процесса сложения норм литературного языка (Л. С. Ковтун).

Вершиной и концом полемики был трагический конфликт между Грозным и Курбским, принявший и литературную, и политическую формы.

В столкновении еретиков и ортодоксов за догматическими разногласиями скрывались социальные противоречия. Новгородско-московскую ересь, особенно в новгородской ее разновидности, многие исследователи характеризуют как антифеодальное движение, носящее реформационный характер. Широки были культурные интересы и образованность еретиков XV в. Их интересовали этико-философские проблемы (свобода воли или «самовластие» души), грамматические, календарно-астрономические, исторические темы.

При дворе боровшегося с ересью новгородского архиепископа Геннадия в 1499 г. был составлен полный древнерусский (славянский) свод библейских книг — важная веха в культурной истории любого народа. В большом литературном кружке тексты сверяли и правили, переводили с греческого и латинского языков.

Представитель нового поколения еретиков-реформаторов, самый радикальный русский мыслитель XVI в. Феодосий Косой, создатель «рабьего учения», плебейской ереси средневековья, выдвинул идеи уничтожения кабальной зависимости, утверждения человека, приятия жизни, веротерпимости, равенства народов и вер.

Споры нестяжателей и любостяжателей-носифлян связывают обычно с вопросом о судьбах монастырского землевладения. Противостояние по этому вопросу действительно было существенно, но несводимо к нему. Нестяжатели считали допустимым средством борьбы с ересью не столько насилие и казни, сколько убеждение и требовали гуманного отношения к раскаявшимся еретикам. Этот вопрос возник в связи с сожжением еретиков в 1504 г. — казни редкой в средневековой Руси в отличие от Западной Европы и вызывавшей осуждение. Призывая «милость к падшим», нестяжатели обратились к теме, которой предстояла долгая жизнь в истории русской общественной мысли.

Вершиной русского нестяжательства было «умное делание» Нила Сорского. Возрождая традиции созерцательного монашества, он придавал особое значение духовному и нравственному формированию христианской личности. Психологические искания Нила, его призывы к внутреннему самосовершенствованию, интерес к человеческой личности, ее страстям, управлению ими и преодолению их позже будут возрождаться в духовном искании и служении старчества. Глубокий и последовательный мыслитель, Нил понимал, что для достижения идеала недостаточно этико-психологических правил и норм для каждого отдельного монаха: самый тип

монастырского устройства, его социальное преобразование призваны способствовать выполнению разработанных им правил. Нил был сторонником скитской формы монастырского устройства (совместное проживание двух-трех монахов). Проведение этой программы в жизнь (по-видимому, он выступил с этой целью на соборе 1503 г.) изменило бы хозяйственный облик и социально-экономическую природу монастырей; из коллективных феодалов, обладавших корпоративной собственностью, они превратились бы в мелкие трудовые ячейки, своеобразные аналоги трудовой общины, что привело бы к серьезным изменениям в структуре феодального землевладения. Идеалом Нила Сорского был дешевый, бедный монастырь, откалывающийся от материальной благотворительности, ненужной и невозможной при отсутствии богатства. Нестяжательность не ограничивается личным нестяжанием монахов, но должна стать принципом их социального бытия.

Монастырское хозяйство Нилова скита воспроизводило натуральное хозяйство мелкого производителя, а функции монастырей ограничивались духовной сферой, учительством, нравственным воздействием. Иосиф Волоцкий, также требуя от монахов строгого личного нестяжания, ратовал за укрепление крупных общежительных монастырей, имевших большое хозяйство; их доходы предназначались на нужды благотворительности, на социальное служение, украшение монастырей. Победило направление Иосифа, что способствовало росту монастырей как крупных феодалов.

Ученик и последователь Нила Сорского Вассиан Патрикеев (ум. после 1531 г.), а также Максим Грек (1470—1551) развили критическую сторону нестяжательской доктрины; содержание их положительного идеала, порядков и норм, предлагаемых взамен существовавшей практики, до сих пор вызывает полемику среди исследователей. В их сочинениях звучит сочувствие «нищей нашей братии», для них нищета — не только самое совершенное состояние («бедность концептуальная»), но и реальная бедность обездоленных людей, требующая не восхищения и подражания, но сострадания и помощи. Вассиан выступал против порабощения «христиан-братии», ростовщичества, телесных наказаний, страдал угнетенным крестьянам: «Побеждаемые сребролюбием и жадностью, всячески оскорблем наших братьев, живущих в наших селах, обижаем их несправедливыми требованиями; налагая проценты на проценты и обман на обман, никогда не проявляем к ним милосердия... Обижаем, грабим, продаем наших братьев христиан, немилосердно истязуем их бичом, как дикие звери набрасываясь на их тела... бичом мучим человеческую плоть... откуда взял ты власть беспощадно бить христиан?» — восклицал Вассиан, обращаясь к монахам.

Вассиан проповедует гуманность социальных отношений и социального поведения, его отличает сила эмоционального воздействия. Он решительный и непримиримый противник монастырского землевладения, сторонник его секуляризации. «Аз велю великому князю у монастырей села отнимати», — говорит он в литературном «Прении» с Иосифом Волоцким, созданном уже после смерти волоколамского игумена (1515 г.).

В обличительных нестяжательских сочинениях Максима Грека, построенных как трактаты или диалоги на темы нравственности, выделяются социальные проблемы, его этика носит ярко выраженный социальный характер и связана с крестьянской темой. Появляется еще один мотив, лишь намеченный у Вассиана, — критика монастырского ростовщичества. Максим Грек осуждает и крайне жесткие формы эксплуатации, отношение к зависимым крестьянам как к холопам, критикует те явления, которые свидетельствовали о начавшейся эволюции социально-экономического строя России в сторону крепостничества. Его отношение к секуляризации было иным, чем у Вассиана. Выступая против «хищения чужих имений

и стяжаний», он осуждал не только монастырские власти, сгонявшие крестьян с земли и лишавшие их небольших «стяжаниц» и «имений» (т. е. движимости), но и секуляризаторские устремления светской власти, хотя делал это крайне осторожно, в достаточно завуалированной форме.

В полемике с нестяжателями писатель-публицист третьей четверти XVI в. Зиновий Отенский выступает апологетом собственности-«стяжания» как всеобщего социального принципа, распространяет его и на светские, и на церковные феодальные корпорации, понимая, что их собственность имеет единую природу. Умный оппонент, он упрекает Максима Грека и Вассиана Патрикеева в непоследовательности: она проявляется и в их собственной жизни (связь с «многостяжательными» монастырями), и в ограничениях нестяжательства рамками монастырей. Сам он, полагая, что общество должно следовать единым заповедям, не только не требует «нестяжательности» для всех, напротив, из факта наличия «стяжания» у светских владельцев он выводит его необходимость и для монастырей.

Зиновий Отенский в известном смысле глубже, чем нестяжатели, ощущает социальные противоречия, говоря о неравенстве среди монахов. Он как бы противопоставляет осуждению монастырского стяжательства выразительный образ монастырских тружеников («трудников»): «их руки окоченели, кожа потрескалась, лица искажены, ноги опухли, их беспощадно и жестоко бьют: нищие богаче их... они питаются несоленым хлебом из невяного овса или толченых ржаных колосьев, капустными листьями...»

Выдвинув на первый план социальные аспекты аскетизма, учение нестяжателей в наиболее радикальных проявлениях было доктриной предреформационного типа, содержащей требование «дешевого монастыря» и критику монашества: осуждались не только нарушения монастырского устава, недостойный образ жизни монахов, но и монастырское землевладение, ростовщичество, эксплуатация крестьян, превышение установленных повинностей, телесные наказания. Авторы нестяжательского направления ввели в русскую литературу тему «нищих и убогих», «униженных и оскорбленных», «бедных людей», привычно ассоциирующуюся в нашем сознании с именами Гоголя и Достоевского. Корни этого мироощущения — в древнерусской литературе. Ее нестяжательская нота, осуждение алчности, приобретательства выросли из аскетических сочинений духовных писателей, требования которых трансформировались в нравственные идеалы и для мирян. Монашество служило образцом в главном устремлении средневекового человека к спасению, поэтому формированию его ценностных ориентаций способствовали некоторые стороны монашеской этики. Нестяжатели оказали влияние на формирующееся национальное самосознание проповедью этических начал, противостоящих стяжательству во всех проявлениях, призывающих к человечности отношений. Их проповедь вживляла в общественное сознание мысли о разумности и умеренности потребления. Аскетический идеал «отвержения мира» сопряжен у ряда авторов с принципом милосердия и милостыни, понимаемым как благотворительность, со служением миру словом и делом.

Некоторые писатели, отстаивавшие нестяжательские убеждения, иногда выходили за рамки этих воззрений и ставили проблему шире. Так, Ермолай-Еразм близок нестяжателям в своем отношении к монастырскому устройству, он осуждает дарение сел монастырям, считает, что источником всякого богатства могут быть только насилие, коварство, ухищрения, «от своего же труда много богатства никому же мощно собрати». Как и Нил Сорский, он осуждает насильственное присвоение плодов чужого труда. Общий его вывод — «любовь же есть истинна еже земных богатств нестяжание» — как бы итог развития учения нестяжателей в конце XV — первой половине XVI в. Вместе с тем Ермолай-Еразм обогатил русскую общественную мысль осознанием того факта, что хлеб — основа жизни,

а крестьяне — главная часть общества: «Велможа бо суть потребни, но ни от коих же своих трудов довольствующие. В начале же всего потребни суть ратаеве, от их бо трудов есть хлеб, от сего же всех благих главизна — Богови в службу безкровная жертва в хлеб приносится и в тело Христово претворяется. Потом же и вся земля от царя и до простых людей тех труды питаема». Речь идет здесь о хлебе, вкушаемом при совершении таинства причастия, к которому ратай таким образом приобретает и как труженик.

Ратай, труд, хлеб — апология этого триединства делает Ермолая-Еразма одним из оригинальных мыслителей XVI в. Он предложил ряд социальных преобразований, касающихся светского землевладения, исходя из интересов крестьян-ратаев. Его проект связан с подготовкой реформ 50-х годов XVI в. и показывает, что они совершались с участием теоретической мысли неофициального характера. Он предлагает упорядочить и строго регламентировать налогообложение, «землемерие», систему государственных финансов, стремится уменьшить повинности крестьян, поставить предел обогащению светских феодалов. Апелляция к старине, определенный традиционализм Ермолая-Еразма показывают, что общественная мысль чутко реагировала на такие уродливые явления, как складывавшееся крепостничество; призыв к «старине» — не что иное, как протест против него.

Нестязательские учения, требовавшие реформирования официальной церкви, нравственного обновления, соблюдения ранних канонических установлений и юридических норм, так же как и мысли Ермолая-Еразма о «ратаях», в условиях отсутствия широких народных движений оставались учеными доктринами; некоторыми из них пыталась воспользоваться государственная власть.

Русская культура XVI в. оставалась культурой средневекового общества, тесно связанной с религиозными восприятием и осмыслением мира. Вместе с тем зарождаются процессы секуляризации, характерные, в частности, для политической мысли. Развивается известная система противоборства двух тенденций — церковной и светской. Существует значительный интерес к вопросам научного характера. В светском направлении политической мысли выявляются элементы гуманизма. Для создания политической теории централизованного государства привлекаются древнерусское наследие, византийская политическая мысль, явления современной европейской культуры. Все эти элементы переплетаются в творчестве Ф. И. Карпова и И. С. Пересветова, переписке Ивана Грозного и А. М. Курбского.

Вопрос об античном наследии в древнерусской культуре, главным образом в литературе, о значении для нее итальянского Возрождения отличается большой сложностью. Исследователи отмечали гуманистические идеи, элементы Возрождения на Руси в конце XV в., эллинистические мотивы в художественной культуре, особенно в книжной миниатюре и орнаментике; обращение А. М. Курбского «к республиканцу и стойку» Цицерону; черты русского Предвозрождения, идеи гуманности и социальной справедливости в «Повести о Петре и Февронии»; был вновь поставлен вопрос о Максиме Греке и итальянском Возрождении; как «гуманистическое течение» характеризовались ересь стригольников и новгородско-московская ересь конца XV — начала XVI в.; прослеживались «возрожденческие идеи» в публицистике первой половины XVI в.; однако все названные явления еще не исследованы и не обобщены в их целостности, и проблема еще далека от решения.

В историографии была намечена широкая аналогия между западноевропейской гуманистической филологией, ориентированной на критику текстов, и «исправлением книг», составляющим важный компонент славянской (и русской) культуры XIV—XVI вв. (Р. Пиккио). Существовало не только сходство «технического инструментария», но и некоторое идеологическое родство. Это особенно характерно для творчества Максима Грека.

Его переводческая и филологическая деятельность имела широкое культурно-просветительное значение. Он сам обучал греческому языку, осознавал необходимость просвещения и образования для достаточно широких слоев общества, а также для представителей царствующей династии и тех, кто управляет страной. Это отчетливо выражено при описании Парижского университета в повествовании о Савонароле. Вокруг него сформировался кружок образованных людей, именуемый иногда русской академией XVI в.

Первые переводы Максима Грека, сделанные в 1518—1521 гг., — толковая Псалтырь и толковый «Апостол». В ходе перевода подвергался правке существовавший ранее славянский перевод канонического текста. Максим Грек значительно расширил репертуар читаемой литературы, переводя и комментируя прежде всего сочинения представителей ранней патристики — Григория Назианзина, Василия Великого и Иоанна Златоуста. В комментариях к «Словам» Григория Богослова ученый афонец рассказывает об античной мифологии. Максим Грек испытал влияние философии неоплатонизма, отразившейся и в творчестве Григория Богослова. Он переводил также византийские произведения X в., латинские сочинения, в частности Энея Сильвия Пикколомини о падении Царьграда.

Переводы Максима Грека находятся в известной связи с возникновением книгопечатания в России: он переводит или правит именно те книги, которые стоят у истоков славянского книгопечатания (Часослов, Триодь принадлежат к первым славянским печатным изданиям краковской типографии Швайпольта Фиоля).

Максим Грек осуществил широкую проверку славянских переводов церковных книг, выявив многочисленные ошибки и искажения текста — следствие или неопытности прежних переводчиков, или погрешностей в ходе неоднократной переписки. Его правка вызвала «опасения нефилологического свойства» и послужила одной из причин его осуждения в 1525 и 1531 гг. Именно с влиянием Максима Грека связано утверждение Вассиана Патрикеева относительно канонических «правил» Кормчих книг — руководств по церковному управлению и суду: «От диявола писаны, а не от святого духа... А здешние книги все лъживы, а правила здешние кривила, а не правила». Объектом филологической критики послужила Кормчая книга, на которую опирались сторонники официальной церкви в их конфликте с нестяжателями. Вассиан Патрикеев, насильственно постриженный в монахи и выступивший на стороне нестяжателей, подошел к спору как легист, бывший член великокняжеского суда, разбиравший земельные тяжбы.

В текстах Кормчих книг он встретил противоречия: в одних отрекшимся от мира монахам предписывалось не «вступаться» вновь ни во что мирское, в особенности владеть селами, в других же, напротив, утверждалось: «у монастырей селам быти». Собственный трактат, включенный Вассианом в Кормчую, в первой редакции заканчивался словами: «Ино которым верити? Чим то разрешити? Токмо Евангелием и Апостолом и святыми правилами»; противопоставление одному тексту другого было распространенным способом полемики. Максим Грек познакомил Вассиана с приемами филологической критики текста, суть которой в выяснении происхождения и степени подлинности самого текста. Сопоставив славянский текст Кормчей с греческим, он обнаружил, что упоминание монастырских сел связано со славянской традицией, а в оригинальном греческом тексте отсутствует. Он перевел специально для Вассиана толкования к каноническим постановлениям византийского юриста XII в. Федора Валсамона, где рассматривались казусы, при которых становилось возможным отчуждение монастырской собственности — движимой и недвижимой. Это было важно для нестяжателей, поскольку Кормчие книги в целом исходили из тезиса о неотчуждаемости церковных имуществ. Во второй редакции

трактата Вассиана, созданной уже после приезда Максима Грека в Москву, цитированный выше текст был исключен и вместо ссылок на Евангелие, «Апостол» и Св. правила были помещены толкования юриста Вальсамона.

Кормчая, составленная Вассианом Патрикеевым, была одним из объектов судебного разбирательства на соборе 1531 г. — филологическая критика текста не ограничивалась учеными штудиями, но приобретала общественное значение, ее результаты использовались в социально-политической борьбе.

В ходе полемики, доказывая правомерность своих исправлений, Максим Грек создает новую в истории русской общественной мысли концепцию самооценности литературного дарования и литературного труда. Разным людям, утверждает он, даются разные дарования: одним — дар творить чудеса, а другим — способность к филологической работе («языком разум и сказание»). О своих способностях к языкам он говорит как об особом даре, рядоположном таким высокочтимым дарам, как «пророчество», «исцеление», «чюдотворение».

Гуманистический характер носило отношение Максима Грека к проблеме критериев «святости»: основным из них традиционно считалось «чюдотворение». Максим Грек заявил на суде, что недавно канонизированный Пафнутий Боровский не может считаться святым и чюдотворцем, поскольку занимался ростовщичеством, спекуляцией, владел селами и людьми, применял телесные наказания. В качестве критерия святости выдвигается земное поведение человека, его моральный авторитет.

Древнерусская литература обладала не только художественными текстами, но имела и свои теории письменности. Столкновение теоретических обобщений проявлялось в тот период в догматических спорах, сопровождавших новые переводы книг, их канонизацию или исправление.

В своих переводческих воззрениях и филологической практике Максим Грек опирался на византийский опыт, а также, вероятно, и на опыт итальянских гуманистов. Важный аспект переводческой теории Максима Грека — национальный, народный, направленный против второго южнославянского влияния. Особенно отчетливо он проявился в конце жизни Максима Грека, в совместной работе с Нилом Курлятевым по переводу Псалтыри: и в тексте перевода, в стремлении сделать его чисто русским, и в теоретическом осмыслении работы, которая состояла в обособлении русского литературного языка от болгарского и сербского, и в стремлении приблизить его к разговорному языку.

Некоторые стороны этической концепции Максима Грека могут быть связаны с его службой (1498—1502 гг.) у Джованни Франческо Пико делла Мирандола — племянника знаменитого автора «Речи о достоинстве человека». В полемике, которую Максим Грек вел в первые годы пребывания в России, значительное место занимает проблема свободной воли — человеческого «самовластия», трактуемого как свобода выбора между добром и злом. Особенно важно то, что сама по себе антикаталическая и противоястрогическая полемика (именно внутри нее Максим рассматривает эту мысль) не требовала постановки вопроса о «самовластии»: такой поворот темы и такое предпочтение принадлежат самому Максиму Греку.

Его основные сочинения о «самовластии» созданы тогда же, когда происходила знаменитая полемика между Эразмом и Лютером о «свободе воли» и «рабстве воли». Максим Грек избрал ту часть христианской традиции, которая делала акцент на свободной воле человека.

Максим Грек полагал причину изменений в человеческой жизни и истории человечества не в астральном предопределении, а в Божественном промысле и человеческом «самовластии», т. е. в избрании человеком пути добра и зла. Он защищает человеческое «самовластие» от астрально предопределенной необходимости. Человек подобен Богу прежде всего своим «самовластием»: «... создатель... никому же человека покоря, но пусти сво-

бодна его и своим образом почте и блага его естеством, а не звездным устроением созда»; «по образу Божию и по подобию — еже самовластное знаменует и не владимое». Противопоставлены «понужение» — необходимость (понимаемая как астральная необходимость) и «произволение» — свобода (понимаемая как христианское «самовластие»). Тема «самовластия» обладает богатой традицией в русской культуре. В конце XV в. ее разрабатывал еретик Ф. И. Курицын. Позже, во второй половине XVI в., про «свободное естество... по образу и подобию Божию сотворенного человека» писал А. М. Курбский, считавший себя учеником Максима.

Христианская теодицея («оправдание Бога», снятие противоречия между злом, царящим в мире и утверждением всеблагости создавшего мир Творца), намечавшаяся в сочинениях Максима Грека, была очень гибкой: с помощью разной расстановки акцентов можно было, развивая и подчеркивая то одну, то другую ее часть, утверждать и всемогущество божественного промысла, и греховность человеческой природы, и ответственность человека за свои земные дела и поступки. У Максима Грека преобладает последнее — этическая проблематика, хотя и Божественный промысл занимает значительное место. «Речь о достоинстве человека» могла быть известна Максиму Греку, хотя возможное влияние ее обнаруживается не столько в решении проблемы, сколько в характере подхода к своей задаче, в настойчивости выступлений на эту тему. И у самого Пико учение о свободном выборе не вполне отделимо от предшествовавших средневековых построений.

Решение проблемы, аналогичное тому, которое дает Пико, содержится в памятнике гуманистической мысли XVI в., известном под названием «Написание о грамоте». Здесь также рассмотрена проблема «самовластия» как свободного выбора, но значительно большее внимание уделяется способности познания, знанию, «уму» и возникшей на его основе «грамоте». Автор рассуждает следующим образом: «Сея ради вины грамота состроена, яко же Бог создал и благословил человека животна, плодна, словесна, разумна, смертна, ума и художества приятна, праведна, безгрешна. И потом дал ему самовластна ума, смерть и живот предложив перед очима его, рекше волное произволение хотения к добродетели или к зlobe, путь откровения изысцеству и невежеству». Критерий выбора между добром и злом определяет грамота: «Грамота есть самовластие, умного волное разумение и разлучение добродетели и злобы», «от ума грамота состроена, понеже Бог создал человека по образу своему и по подобию. По образу разумна чувствы, а по подобию убо безсмертна душею, дав ему стяжателя разумного ум. Да умом вся совершает».

Намечавшийся процесс секуляризации культуры ярко проявляется в творчестве Дмитрия Герасимова — дипломата, посольского и одновременно литературного переводчика с выраженным интересом к светским знаниям, особенно к географии. Он сообщал государственным и культурным деятелям Западной Европы (преимущественно Италии) сведения о своей родине. Во время пребывания Герасимова в Риме в 1525 г. с его слов было создано сочинение Паоло Джовио, который описал посольство великого князя Московского Василия III, страну, религию, нравы и обычаи народа. Он с похвалой отзывался о способностях и разносторонних знаниях русского посланника, которому был оказан почетный прием и который проявил большую любознательность, осматривая «развалины римского величия». Джовио впервые в истории географической мысли высказал предположение (бесспорно, со слов Дмитрия Герасимова) о возможности достижения Юго-Восточной Азии морским путем, плывя на восток из устья Северной Двины, т. е. о возможности использования Северного морского пути. С его именем связан перевод на русский язык первого известия о путешествии Магеллана — письма Максимилиана Трансильвана, о котором русская читающая публика узнала почти одновременно с западноевропейской.

Гуманистическими чертами отмечено творчество Ф. И. Карпова. Крупный дипломат, один из руководителей южной и восточной политики Российского государства, он постоянно участвовал в переговорах с западноевропейскими странами, в особенности по поводу вовлечения России в анти-турецкую коалицию. Его творчество относится к 10—30-м годам XVI в. Он осмыслил и сформулировал идеал «закона» и «правды», гарантирующих неразрушимость «общественного добра», и значимость «дела народного» (*res publica* — лат.).

Важной чертой политической программы Ф. И. Карпова был ее светский и в известном смысле гуманистический характер. Он полагал, что принцип христианского терпения не может быть основой политической жизни общества; в гражданском обществе должны существовать иные законы поведения, чем в монастырях или в среде духовных лиц.

Послание митрополиту Даниилу — основной источник для анализа политических взглядов публициста — представляет собой ответ на послание митрополита, где он призывал Карпова, пребывавшего в скорбях и противстввах, к «терпению». Карпов ставит вопрос шире, чем Даниил, переводит его из личной плоскости в общественную, рассматривая свои «скорби» не как факт частной судьбы, а призыв к терпению не как личный совет митрополита, а как явление общественно-политической жизни. Карпов придает теме светский, общественно-политический характер, противопоставляет «терпению» Даниила «правду», которая необходима, чтобы «сподвигнути ... дело народное или царство или владычество к своей вечности». Критика «терпения» иногда приобретает у Карпова гораздо более широкий смысл. Он считает, что господство порядков, основанных на терпении, приводит к нарушению общественного благосостояния: «Долготерпение к людем без правды и закона общества добро разрушает и дело народное ни во что низводит, злыя нравы в царствах вводит и творит людей государем непослушных за нищету».

Выступая против привилегий, засилья, беззакония и произвола княжеско-боярской аристократии, Карпов не ставил вопроса об устранении боярства от управления страной. Он не был сторонником неограниченной власти царя, считая, что вместе с царем должны управлять «правители», «князья», «начальники». Позже подобную точку зрения высказал А. М. Курбский. Излагая свой политический идеал, Карпов исходит из того, что проводить его в жизнь должны все те же «правители и князья», он определяется свойствами человеческой природы, условиями жизни.

Карпов аргументирует свои идеи, в частности, ссылками на Аристотеля, на его «Этику» («Никомахова этика»), которую он называет «книгой нравов». Его рассуждения о необходимости сочетания «милости», «правды и истины», «о грозе закона и правды» отличают идеал Карпова и от пересветовской суровой «грозы», и от жестокости «Повести о Дракуле». Публицист понимает, что «правда без милости мучительство есть», «а милость без правды — малодушество», и считает, что необходимо соблюдать закон-правду, но руководствоваться не буквой, а духом его.

В требовании «закона и правды», противопоставляемых «терпению», следует видеть призыв к соблюдению норм феодального права, канонического и гражданского. Федору Карпову присуще представление о социальной гармонии, «о соединении и согласии» между членами общества, о «деле народном» и «обществе добре», наивно-утопическое стремление к такому «закону» и такой «правде», которые смогут стать гарантией всеобщей справедливости, защитой «добрых» от «злых», «вредимых» от «вредящих», «слабых» от «сильных». Теоретические рассуждения о гармоническом сочетании и удовлетворении интересов всех членов общества служили призывом к более совершенному и справедливому социальному устройству.

Светский характер носят сочинения публициста середины XVI в. И. С. Пересветова, выходяца из Великого княжества Литовского, приехав-

шего на Русь в конце 30-х годов, воина-профессионала и «писателя-воинника». Он создал целостную и во многом новаторскую программу политических и социальных реформ, примыкающую к тем проектам государственных преобразований, которыми столь богато начало царства Ивана IV; с этой программой частично связаны действительно осуществленные реформы. Политический идеал представителя передового в тот период сословия дворянства — уничтожение своеволия «вельмож», грозная царская власть, регулярное войско, кодификация законов, правый суд, отмена наместнического управления, во внешней политике — завоевание Казани. Ему не чужды и более широкие социальные требования: преобразования на началах «правды», т. е. справедливости, («а коли правды нет, то и всего нет»), уничтожение кабальной зависимости, рабства. «Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется: татьба, разбой, обида, всему царству оскудение великое; всем Бога гневят, диаволу угождают».

Мировоззрение И. С. Пересветова отличается известной веротерпимостью: латинские, т. е. католические, богословы свидетельствуют у него «истинность» православия в России, а в качестве примера для русского царя он выдвигает магометанского правителя. Хотя наставниками мудрости для него послужили византийские («греческие») книги, но в области политики пример Византии, единоверной православной державы, напротив, отрицателен: произвол вельмож последнего императора привел ее к гибели.

Глубокий мыслитель середины XVI в. Ермолай-Еразм прославил себя и в литературном жанре «Повестью о Петре и Февронии». В житии муромского князя Петра и его жены Февронии он раздвинул рамки агиографического жанра и создал произведение, не типичное как житие и относимое к числу лучших образцов древнерусской литературы. В «Повести» использованы фольклорные сюжеты, заимствованные из местных преданий. Исследователи отмечали ее параллели с западноевропейским и славянским эпосом (сюжеты о змееборчестве и вещей деве), сопоставляли «Повесть о Петре и Февронии» с романом о Тристане и Изольде.

Возникновение книгопечатания — одно из ключевых явлений в истории русской культуры XVI в. Книгопечатание было вызвано к жизни не только стремлением церкви к укреплению православия и христианизации народов Поволжья, как говорится в наиболее ранних памятниках, повествующих об этом событии, но и потребностями самых широких кругов русского общества, необходимостью упорядочения текстов книг. Ощущалась потребность в книге как учебнике для создаваемой в то время системы школ; многие первопечатные издания употреблялись и в качестве учебных. Материальными предпосылками возникновения книгопечатания послужили достигшая в конце XV — первой половине XVI в. высокого уровня культура русской рукописной книги, а также знакомство с образцами славянского и западноевропейского полиграфического искусства.

Деятельность Ивана Федорова носила широкий просветительский характер. Книгопечатание было одним из важнейших компонентов общекультурного процесса у славянских народов, печатная книга постепенно меняла коммуникационную структуру в системе славянских культур, становясь необходимым фактором их развития.

Первая печатная книга «Апостол» — высокий образец типографского искусства — датируется 1564 г., но так называемые безвыходные московские издания позволяют относить начало книгопечатания к 50-м годам, в частности к 1553 г. В 1565 г. было осуществлено два издания Часовника, служившего не только богослужебной, но и обычной учебной книгой. В 1565 г. издательская деятельность в Москве Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца прекратилась. Причины и обстоятельства их отъезда из Москвы остаются не вполне ясными. В 1574 г. уже за пределами России был выпущен «Букварь» и ряд других книг. В Москве печатное де-

ло продолжало развлекаться. Характерная черта его развития в XVI в. — непрерывность. Первая послефедоровская типография Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева выпустила в 1568 г. Псалтырь, повторенную в 1577 г. в Александровой слободе, где также была типография; при этом печатники подражали стилю Ивана Федорова. В 1589—1594 гг. были напечатаны «Триодь цветная и постная», «Октоих», а в 1597 г. — «Апостол» тиражом 1500 экземпляров. Более широкое развитие печатное дело приобретает в первой половине XVII в.

Грандиозные обобщающие труды XVI в. свидетельствуют о крайне бережном, внимательном отношении к традиции, к культурным достижениям предшествующих эпох. Начитанность в древней литературе отстаивается как «свой исконный принцип образованности», что нашло выражение и в возникновении во второй половине XVI в. нового литературного жанра — азбучовника. Это словарные труды, включившие архаические и иностранные слова в родном языке, вобравшие в себя сокровища древнерусской и славянской письменности, начиная с самых ранних этапов ее развития. Азбучовник аналогичен западноевропейским лексикографическим словарям-тезаурусам того же времени, в частности отмечается влияние трудов швейцарца Конрада Геснера на развитие лексикографии в славянских землях во второй половине XVI в.: изданный им в 1547 г. на латинском языке словарь собственных имен «*Onomasticon proprium nominum*» сопоставим с «Толкованием именов по алфавиту» Максима Грека, созданным в тот же период.

Великие Минеи Четьи — 12-томный свод ежедневного чтения (по месяцам) — ставили своей целью собрать «все чтимые книги, которые в Русской земле обретаются», и действительно включали очень многие древнерусские оригинальные и переводные памятники, главным образом житийные, но также исторического, риторического и иных жанров. Свод называют иногда «первой русской энциклопедией». Его составление было начато в Новгороде в 1529/30 г. и закончено в Москве в первой половине 50-х годов под руководством митрополита Макария, крупного церковного и культурного деятеля. Были привлечены материалы всех крупнейших книжных центров — Новгорода, Пскова, Москвы и др. В работе участвовали многочисленные писатели, писцы, книжники, переводчики (Лев Филолог, В. М. Тучков, Зиновий Отенский, Дмитрий Герасимов, Василий-Варлаам и др.). «Собирательство» не было идеологически нейтральным, наоборот, производился тщательный отбор памятников для включения в свод, как и в русло рукописной традиции в целом, осуществлялась своего рода «цен-

Фронтиспис с изображением евангелиста Луки в книге «Апостол», изданной И. Федоровым и П. Мстиславцем. Москва, 1564 г.

зура». Создавались новые редакции многих житий, соответствующие идейным целям и замыслам собрания. Создание Великих Миней Четых связано с соборами 1547 и 1549 гг., когда многочисленные местночтимые святые были канонизированы как общерусские. Формирование единого общегосударственного пантеона русских святых способствовало успехам централизации, делу единства, консолидации народности, утверждало ведущую роль Москвы, укрепляло авторитет независимой автокефальной церкви.

Лицевой летописный свод, созданный между 1568—1574 гг. в Александровой слободе по заказу Ивана Грозного, был обобщающим предприятием в летописно-хронографическом жанре. Его первые три тома (из сохранившихся) посвящены событиям всемирной истории, а семь томов — русской. Памятник сочетает традицию и новое, собирает и напряженное осмысление новейших событий недавнего прошлого. Особенно активно перерабатывался и редактировался текст за 1533—1568 гг., посвященный царствованию Ивана Грозного, который, как полагают, сам принимал участие в правке. Тома украшают 16 тысяч миниатюр, свидетельствующих о высоком уровне искусства книжной иллюстрации в XVI в.; исследователи отмечают влияние на них западноевропейской гравюры. Идею «Святорусского царства» проводит Степенная книга (1560—1563 гг.).

Централизаторские усилия коснулись и сферы права (Судебники 1497, 1550 гг., Сводный Судебник, Стоглав). Как энциклопедия по домостроительству характеризуется Домострой, памятник середины XVI в., имеющий аналогии в мировой литературе.

Один из наиболее ярких памятников публицистической литературы второй половины XVI в. — переписка Ивана Грозного и князя Андрея Курбского, оразившая глубокий идейный и политический конфликт эпохи. В ней шла речь о государственном строе России, о характере и природе царской власти, о ее взаимоотношениях с подданными.

Политический идеал Ивана Грозного, писателя, идеолога политической системы, которую он возглавлял, — неограниченная монархия с наследственной властью, выступающая в союзе с православной церковью, — «православное истинное христианское самодержавство», противостоящее самоуправству бояр и вельмож. Иван Грозный высказывал суждения и о политическом строе современных ему государств, опираясь на общеевропейский исторический опыт. По его мнению, причиной гибели Греческого царства стали междоусобные распри местных правителей и вельмож (эта мысль сближает его с И. С. Пересветовым). Резко отрицательное отношение вызывали у него государства с избираемым правителем. Он противопоставляет себя и польскому королю Стефану Баторию, и шведскому королю Юхану III, происходившему не из королевского рода, и английской королеве Елизавете, подчеркивая ее зависимость от сословий, в особенности от «третьего».

Князь А. М. Курбский — также сторонник монархии, однако власть царя, по его мнению, должна быть ограничена думой, «избранным советом нарочитых синклитов» или «избранной радой». Мысль о «мудрых советниках», о которых в первой половине века писал Максим Грек, у Курбского одна из главных, при этом советники, «разумные и совершенные», «добрые и правду советующие», противопоставлены «презлым и прелукавым ласкателям», «потаковникам». Антитезой самодержавию с «избранной радой» у Курбского выступают осуждаемые самовластие и тирания. Вырисовывается идея сословного представительства, но неясно, сколь широкого: в форме ли расширенного совещания Боярской думы с участием дворянства или в форме земского собора позднейшего типа.

Письма Грозного и Курбского не только памятники публицистики, но и талантливые литературные произведения. У истоков нового литературного жанра, светской биографии, отличной от агиографического повествования, находится «История о великом князе Московском» Курбского. Ав-

тор ставит своей задачей развенчание героя, создание своего рода «антижизия».

Памятником биографического повествования являются «Сказания о Максиме Греке» (рубеж XVI—XVII вв.). И здесь героем избран не святой подвижник, а, напротив, человек, обвинявшийся в ереси и государственной измене, известным критическими выступлениями против официальной церкви и светской власти. «Сказания о Максиме Греке» чаще всего помещались в рукописных книгах в качестве предисловий к собраниям его трудов, что свидетельствует о зарождении нового для средневековой письменности типа книги, когда трудам автора, оригинальным или переводным, предпослана его биография с характеристикой творчества.

Новым явлением в истории письменности становится и составление авторами «избранных собраний» своих трудов, их собственноручная переписка, тщательная авторская правка (Максим Грек, Ермолай-Еразм). Возникает представление о неприкосновенности авторского текста, об авторской воле. Так, Зиновий Отенский, требуя от переписчиков книг точного воспроизведения текста, заявлял, что в случае произвольных замен книги уже не будут принадлежать ни автору, ни переписчику «и будут книжицы вне истины». Авторское самосознание, авторское, или более широко — личностное, начало выступает как формирующаяся особенность культуры, противостоящая присущей средневековью анонимности. Ермолаю-Еразму принадлежит мысль о литературном творчестве как «огненным оружием» борьбы. Широко развит жанр наставлений и поучений правителя, что свойственно всей европейской культуре той эпохи. Писатели-публицисты стремились формировать общественное мнение и непосредственно воздействовать на центральную власть и ее верховного представителя. Максим Грек пишет для Ивана IV «Главы поучительны начальствующим правомерно». Пересветов подает ему «две книжицы» с изложением проектов государственных преобразований, которые были призваны предотвратить повторение Россией участи плененной турками Византии. Ермолай-Еразм создает «Благохотящим царям руководство по землемерию».

Тема «мудрого советника» и «благоразумного совета», преимуществ личных заслуг и разума перед знатностью свидетельствует о таких чертах общественного сознания эпохи, как вера в разум, в силу убеждения и слова, стремление к преобразованию общества на разумных началах, идея служения государства интересам народа.

XVI век характеризуется богатством исторического повествования. Своды 1508 и 1517 гг., митрополитыча Никоновская летопись конца 20-х годов — наиболее полный свод сведений по русской истории с большим комплексом уникальных известий (отсутствующих в других источниках), включивший в себя и многие произведения древнерусской литературы; правительственная Воскресенская летопись начала 40-х годов; «Летописец начала царства» Ивана Грозного — произведение официальной историографии 50-х годов; Степенная книга 60-х годов — таковы основные памятники историографии XVI в., предшествующие Лицевому (иллюстрированному) своду 60—70-х годов, самому крупному летописно-хронографическому произведению средневековой Руси.

До начала XVI в. летописи, посвященные по преимуществу русской истории, и хронографы — компиляции, излагавшие всемирную историю (Хронограф по великому изложению, Летописец эллинский и римский и др.), существовали и развивались параллельно, оставаясь независимыми типами памятников. В XVI в. создается и эволюционирует новый тип хронографического свода, в котором большое место заняла история Руси и других славянских стран, рассматриваемая как часть всемирной истории: таков Русский хронограф. Его первая редакция была создана в начале XVI в., а затем возник ряд новых редакций, обогащающих как русскую,

так и «мировую» общеевропейскую часть памятника (редакции 1599, 1601, 1617 гг. и др.).

В XVII в. традиционный летописный жанр постепенно угасает, но хронографический продолжает развиваться, привлекает новые источники и освещает новые исторические события. Кругозор русской исторической мысли был значительно расширен в Хронографе 1617 г., где использованы в числе других новых источников польская хроника Мартина Бельского, переводные Космографии. Хронограф вносит новые черты в характеристики исторических деятелей, глубже проникая в сложные человеческие характеры (Ивана Грозного, Бориса Годунова, патриарха Гермогена и др.). Образы полны, по определению Д. С. Лихачева, «шекспировских» противоречий, что впоследствии привлекло к ним внимание историографов и драматургов.

Не только Русский хронограф свидетельствует о том, что историческая и политическая мысль XVI в. соотносит судьбы вновь возникшего на Руси «царства» с историей мировых монархий древности и средневековых империй. «Сказание о князях Владимирских», созданное в основе своей в 10—20-х годах XVI в., связывает русскую государственность с западным миром, с Римом и Византией (рассказы о происхождении русских князей от императора Августа, о передаче императором Константином Мономахом византийских царских регалий князю Владимиру Мономаху); включение легенд в Воскресенскую летопись придавало им официальный характер. Ученый псковский монах Филофей примерно в это же время выступил с концепцией «третьего Рима», каковым, с его точки зрения, становилась Россия со столицей Москвой и главным кафедральным храмом — Успенским собором. «Сказание о Казанском царстве» вовлекает в свою орбиту другие древние мировые центры — Вавилон и Иерусалим, сопоставляя с ними покоренную царственную столицу.

Проблема «вечности» царства — одна из ведущих в общественной мысли XVI в. — перешла в начале XVII в. из сферы историософии и литературной публицистики в живую социальную и политическую практику, когда возник вопрос о сохранении самой государственности: «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства», написанный летом — осенью 1612 г. в одном из провинциальных городов, скорбел по поводу «падения... превеликия Россия». Патриотическая публицистика и литература внесли в борьбу с интервенцией реальный вклад, подняли общенациональные темы и сыграли громадную роль в жизни общества. Многие памятники словесности эпохи Смуты — одновременно и исторические сочинения, и литературные произведения. Они проникнуты агитационными задачами, их цель вполне конкретна, находится вне пределов литературы — побудить читателей и слушателей к реальным и немедленным действиям. Поднимается и уровень их художественности, углубляется понимание добра и зла. Литературное открытие первой половины XVII в. — переосмысление деловых жанров. Патриотические агитационные грамоты объединения деловой стиль и риторичку. Их основной пафос — призыв к единению перед лицом иностранного вторжения. Этой же цели служат и картины запустения страны, надругательств над национальными святынями. Даже древнейший, традиционный жанр «видений» служил теперь актуальным политическим задачам; так, «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия, укреплявшую веру в грядущее спасение от ужасов Смуты, 16 октября 1606 г. по повелению царя Василия Шуйского читали в московском Успенском соборе «вслух во весь народ, а миру собрание велико было». «Новая повесть о преславном Российском царстве», написанная на рубеже 1610—1611 гг., призывала к вооруженному сопротивлению интервентам. «Что стали, что оплошали? Чего ожидаете? — обращался автор к современникам. — Мужайтесь, и вооружайтесь, и совет между собою чините, како бы нам от тех врагов своих изыти! Время, время пришло.

Во время дело — подвиг показать и на страсть дерзновение учинити, как вас Бог наставит и помощь вам подаст!»

Авторы исторических сочинений, созданных уже после Смуты, оставаясь верными традиционным представлениям о бедствиях как Божьим наказанием за грехи, пытаются более конкретно осмыслить, обобщить происшедшие события, понять их причины, связь между ними и роль в них отдельных людей, извлечь уроки; тип объяснения, свойственный летописанию и сюжетным историческим повестям XVI в., теперь совершенствуется.

Самую большую популярность среди сочинений, посвященных крестьянской войне и иностранной интервенции, приобрело «Сказание» Авраамия Палицына, келаря Троице-Сергиева монастыря, игравшего большую роль в патриотическом движении. Автор был не только политическим деятелем, но и талантливым писателем, образованным для своего времени человеком. «Сказание» (1620 г.) соединило в себе, по-видимому, несколько разновременных сочинений. Первые шесть глав в первоначальной редакции принадлежат другому автору (предполагают, что им был троицкий архимандрит Дионисий Зобинковский). Они носили более резкий обличительный тон, ослабленный Авраамием при переработке. «Началом беды во всей России», по мнению автора первоначальной редакции, было «всего мира безумное молчание, иже о истине к царю не смеюще глаголати о неповинных погибели», т. е. политическая несознательность и попустительство. В качестве социальной причины Смуты автор называет закрепощение народа, невыносимые условия жизни, насилие, произвол, жадность, эгоизм бояр, дворянства, крупного купечества, спекуляцию хлебом во время голода. Разорение восставшими крестьянами сел бояр и вельмож, расправа с их владельцами — заслуженное наказание, по мысли автора. Он призывает к социальному миру, стабилизации общества, пишет о необходимости уступок крестьянам и холопам.

Если «Сказание» Авраамия Палицына сохранилось в значительном числе списков XVII—XVIII вв., то другое сочинение, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева (1616—1619 гг.), известно лишь в единственной рукописи. Хотя автор изображал события русской истории от Ивана Грозного до Михаила Романова, он проявил себя в качестве мемуариста, частного человека, а не историка. Его труд содержит много уникальных исторических сведений, неизвестных по другим источникам. О Смуте писали кн. С. И. Шаховской, кн. И. А. Хворостинин и некоторые другие. «Новый летописец» (около 1630 г.) давал официальное толкование событий Смутного времени. Сочинения о Смуте связывали защиту Родины с защитой веры.

Создавались и светские повести, вышедшие из городской, посадской, казачьей среды, чья социальная активность возрастала. «Повести о начале Москвы» содержали панегирическое прославление столицы и царства в качестве «третьего Рима», обсуждали причины возвышения Москвы, используя и более ранние ученые доктрины, и народное творчество. «Повести об Азовском сидении» были посвящены обороне Азова в 1637—1642 гг. Цикл состоит из «исторической повести» о взятии турецкой крепости казаками и атаманами Войска Донского в 1637 г. и «поэтической повести» об азовском «осадном сидении». Автор последней художественно переосмысливает канцелярские жанры, широко использует фольклор — как из книжных источников, так и из устного творчества казаков.

В первой половине XVII в. зарождается сибирская литература. Дьяк Тобольского архиепископства Савва Есипов создал по поручению церковных властей летопись, посвященную истории Сибири. Она включает рассказы о природе Сибири, ее народах, местных владетелях. Ее центральные персонажи — царь-язычник Кучум и Ермак, победа которого, как и последовавшее за ней основание Тобольской епархии, знаменует, по мысли автора, торжество православной веры.

Новые черты приобретает агиографический жанр, начиная трансформироваться в биографическое повествование. «Повесть об Ульянии Осоргиной», по определению А. М. Панченко, один из первых опытов биографии частного человека: она включает элементы семейной хроники московских и провинциальных дворян Осоргиных, Недюревых, Араповых, Дубенских.

О новых качествах, приобретаемых литературой, свидетельствует возникновение светского стихотворства в первом десятилетии XVII в. «Послание дворянина к дворянину» помещика Ивана Фуникова, стихи Евстратия, И. А. Хворостина — ранние памятники этой новой формы художественной речи. К концу 20-х — началу 30-х годов сложилась поэтическая школа, просуществовавшая до середины века. Она представлена в основном приказными чиновниками из неродовитых семей (дьяки Алексей Романчуков и Петр Самсонов, подьячий Михаил Злобин, справщики-редакторы Московского печатного двора Савватий, Михаил Рогов и др.). Ее называют «приказной школой». Московские приказы, особенно Посольский, а также Печатный двор объединяли в ту пору самых образованных людей.

Развитие русской духовной культуры нашло отражение и в фольклоре. Первые записи фольклорных произведений относятся к XVII в.: в 1619—1620 гг. были записаны песни для Ричарда Джемса (лирические, исторические); до нас дошли записи былин, сделанные в середине XVII в. Достигает расцвета исторический фольклор, чем еще раз подчеркивается роль исторической темы в культуре рассматриваемого периода. Народное эпическое творчество было не местным, а общерусским, национальным. Исторические песни стали основным эпическим жанром в XVII в. Они посвящены важнейшим событиям отечественной истории — взятию Казани и Астрахани и сибирским походам Ермака, борьбе Ивана Грозного с боярством и внешними врагами, позднее — борьбе с иностранными интервентами в начале XVII в. Образ Ермака — самый ранний в русском историческом фольклоре образ народного вожака. Открывая галерею образов народных мстителей, удалых разбойничьих атаманов, он связан с эпической традицией, с образами богатырей.

Исторические песни позволяют судить о народных взглядах на историю: «От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно следует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI и Ивана IV» (М. Горький).

В сфере художественной культуры выделяются успехи зодчества; высокой степени совершенства достигает книжное искусство; классический, золотой век древнерусской живописи — XV век, отмеченный творчеством Андрея Рублева и его школы, — еще сохраняет свои традиции на рубеже XV—XVI вв. в творчестве Дионисия, а затем уступает место искусству централизованного государства, пытающегося строго его регламентировать, подчиняя своим задачам и нуждам. Вопросы искусства (живописи) становятся предметом прений на церковных соборах и объектом постановлений одного из них (Стоглава).

Архитектура была той частью художественной культуры, где процесс государственного строительства нашел наиболее яркое воплощение. В последние десятилетия XV — начале XVI в. складывается архитектурный ансамбль Московского Кремля, в основных чертах сохранившийся до нашего времени. Перестраиваются и укрепляются его стены, башни и рвы. В конце XV в. в Замоскворечье на месте снесенных строений был устроен Государев сад.

Сооружения Московского Кремля синтезируют различные художественные традиции — итальянские и древнерусские, притом различных художественных центров. Успенский собор создан в 1475—1479 гг. итальянским зодчим Аристотелем Фьораванти в древнерусских, прежде всего вла-

димиро-суздальских, традициях с использованием достижений итальянской строительной техники эпохи Возрождения. До отъезда в Москву Аристотель Фьораванти работал в своем родном городе Болонье, в Риме, Ченто, Венеции, Флоренции, Милане, Мантуе, Парме, Кремоне, Неаполе. В 1475 г., отвергнув приглашение турецкого султана, он отправился в Москву. Готовясь к сооружению главного храма столицы, Аристотель посетил Владимир и другие древнерусские города, совершил далекое путешествие на Север, вплоть до Соловецких островов. В дальнейшем Иван III использовал и его искусство военного инженера.

Благовещенский собор (1484—1489 гг.), построенный псковскими мастерами, соединил черты московской и псковской архитектуры. Архангельский собор (1505—1509 гг.) построен мастером из Венеции Алевизом Новым. Торжественные и строгие пропорции Успенского собора, ренессансный облик Архангельского собора побудили поэта сказать об этих сооружениях: «...пятиглавые московские соборы с их итальянскою и русскою душой». Завершением соборной группы была звонница, построенная в 1505—1508 гг. итальянским архитектором Боном Фрязином. Надстроенная в 1600 г. несколькими ярусами, она превратилась в колокольню Ивана Великого.

Создаются светские сооружения, дворцовые палаты, выходявшие фасадом на Москву-реку, Грановитая палата — зала для торжественных приемов (1487—1491 гг., архитекторы Марко Руффо и П. А. Солари). В 1586 г. построена Золотая Царицына палата. В XVII в. главным в обилие Кремля становятся не мощные фортификационные сооружения, а сказочная нарядность его оформления. Башни получают шатровые надстройки, обогащается их декоративное убранство. Оружейная палата, созданная в начале XVI в., все более превращается в художественный центр и художественную школу.

Общий культурный подъем первой половины XVI в. отмечен в сфере архитектуры созданием таких шедевров, как церковь в селе Дьяково под Москвой (1547—1553 гг.), храм Василия Блаженного в Москве (1555—1561 гг.), храм Вознесения в селе Коломенском (1532 г.), легкий и стремительный, несмотря на монументальность. «Храм Вознесения в Коломенском представляет собой одно из замечательнейших произведений русской архитектурно-художественной мысли. Храм, как обелиск, вздымается на крутом берегу Москвы-реки, отмечая высшую точку ее излучины. Если подниматься к нему со стороны пойменных лугов, откуда проходила древняя дорога к Коломенскому, то устремленный ввысь объем его торжественно и медленно вырастает из-за покатой округлости берегового холма, приковывая к себе все внимание... Храм в Коломенском — удивительное, ни с чем

Успенский собор Московского Кремля.
1475—1479 гг.

не сравнимое зрелище редкого своеобразия и захватывающей красоты»¹. Вопрос о происхождении каменных шатровых храмов — вершины зодчества XVI в. — окончательно не решен. М. И. Ильин, исходя из того, что во времена Ивана Грозного все они были возведены как мемориальные сооружения, посвященные важнейшим событиям государственного значения, высказал предположение: «Обращение к шатру как определенной архитектурной форме остается загадочным, если не считать, что известным прототипом ему могла служить крепостная башня, крытая шатром, как символ горделивой силы государства, уверенно шедшего к закреплению своих достижений в невиданных до того масштабах»².

Во второй половине XVI в. — первой половине XVII в. шатровые храмы встают по всей стране. Создаются кирпичные здания, не имеющие исключительно культового назначения. Монастырские кирпичные трапезные, возможно, восходят к княжеским трапезным — гридницам эпохи Киевской Руси. Изменяется организация строительства каменных зданий, сооружение которых было выгодным и доходным. Велика роль памятников, отражающих художественные воззрения посадского населения.

В связи с необходимостью обороны страны активно развивается крепостное зодчество. В 1514—1521 гг. построен тульский «город», в 1525—1531 гг. возведены стены и башни Коломны, в 1531 г. — Зарайский Кремль, в 1550—1551 гг. выстроен Свияжск, в 1556 г. получил каменные стены Серпухов. Укреплялась столица. В 1535—1538 гг. Китай-город был обстроен каменными стенами и башнями, в 1586—1593 гг. выдающийся мастер Федор Конь возвел стены Белого (Царева) города, а в 1591 г. Москва опоясалась новым оборонительным кольцом — Скорородом. Техническое и архитектурное совершенство отличает стены и башни смоленского «города», созданного в 1596—1600 гг. Федором Конем; на время его строительства в стране были запрещены все каменные постройки. Учреждение в начале 80-х годов XVI в. специального Приказа каменных дел свидетельствует о роли зодчества в государственной и культурной жизни.

В изобразительном искусстве в начале периода еще сохраняются некоторые традиции Рублева и художников его школы, проявившиеся в творчестве Дионисия и его сподвижников. Наиболее известные произведения Дионисия — фрески собора Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре (1500—1502 гг.), последняя крупная работа мастера, иконы «Митрополит Петр в житии» и «Митрополит Алексей в житии» (по-видимому, 80-е годы XV в.); он участвовал в росписи Успенского собора Московского Кремля (1481—1485 гг.), в украшении фресками и иконами каменного собора Иосифо-Волоколамского монастыря.

Современники высоко ценили эстетическое воздействие, блеск, красоту, утонченность творений Дионисия и художников его круга. Меняется роль цвета. У Рублева, по наблюдениям И. Е. Даниловой, цвет по-средневековому не отделен от света, цвет для него — это свет; цвет как самостоятельная категория не существует. Отношение к цвету в житийных иконах Дионисия иное, нежели в русской живописи более ранней поры. У Дионисия белый не столько обозначает, символизирует, сколько изображает свет, освещенность, он выступает скорее как некая антитеза цвету. Отмечается лишь одна аналогия такого цветового решения — икона «Апокалипсис» из Успенского собора Московского Кремля.

В иконах Дионисия еще сохраняется интерес к внутреннему содержанию образа человека, но отчасти он уже уступает место вниманию к чисто художественной форме, к колористическим комбинациям. Для Дионисия особенно характерны многофигурные сцены, праздничные картины много-

¹ Очерки по истории русской культуры XVI в. М., 1977. Т. 2. С. 300.

² Там же. С. 302.

народных торжеств, темы славы и величаний, отличающие его от мастеров предыдущей эпохи.

Живопись XVI в. — живопись переходной эпохи. Достижения XV в. утрачиваются, а новые явления наберут силу лишь в XVII в. Повествовательное и дидактическое начало окончательно торжествует над эмоционально-созерцательным.

Постепенно в искусстве развивается тематическое разнообразие, интерес к сюжетам мировой и особенно русской истории: резное «царское место» в Успенском соборе Московского Кремля со сценами, иллюстрирующими легенду о передаче императорских регалий от Константина Мономаха Владимиру Мономаху, исторические сюжеты росписи Золотой палаты Кремлевского дворца (1547—1552 гг.), не сохранившейся, но подробно описанной в 1672 г. Симоном Ушаковым. В росписи свода Золотой палаты отразились богословские представления о мироздании и о жизни человека, олицетворены времена года, явления природы; добродетели и пороки

были представлены аллегорическими фигурами: Целомудрие, Разум, Безумие, Неправда и т. д. В росписи просторной галереи Благовещенского собора изображены московские князья (от Даниила Александровича, основателя династии московских князей, до Василия III), портреты эллинических мудрецов (Аристотеля, Гомера, Вергилия, Плутарха, Анаксагора и др.). В росписи собора Смоленской Богоматери Новодевичьего монастыря, построенного в память «смоленского взятия» 1514 г., находится ряд изображений, навеянных чаяниями Василия III и его семьи («Моление о чаде»).

Формируется батальный и исторический жанр; икона «Церковь воинствующая» символически изображает взятие Казани и прославляет воинов-победителей. По словам О. И. Подобедовой, благородство форм еще ощутимо на протяжении 40—70-х годов XVI в., но кризис московской школы живописи не могут предотвратить успехи строгановской и искания годуновской школ.

Широкие культурно-художественные контакты и активные поиски характеризуют миниатюру и орнаментику рукописных книг последней четверти XV — начала XVI в. В качестве источников используются позднеготические ренессансные произведения, в большинстве немецкого, нидерландского или итальянского происхождения; появление западноевропейских рукописей и инкунабул исследователи объясняют как результат связей с Венгрией.

Театр (придворный и школьный) со своим репертуаром появился позднее, во второй половине XVII в.; как и раньше, его в какой-то степени заменяла обрядовая сторона быта — свадьбы, народные праздники, игрища — праздничные зрелища, в которых участвовали все присутствовавшие. Ис-

*Митрополит Петр.
Покров. 1574 г. Фрагмент.
Москва, Музеи Кремля.*

полнителями, а иногда и организаторами праздника бывали скоморохи, постепенно разделявшиеся на кукольников, медвежьих поводырей, струнников, сопельников, гусельников и т. д. Любимым народным персонажем становится Петрушка. В 1636 г. А. Олеарий описал и зарисовал кукольные представления с Петрушкой. Однако традиционные игрища и гулянья преследовались. Так, царский указ 1648 г. предписывал «выимать, изломать и сжечь... домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гудебные бесовские сосуды».

Элементы литургической драмы использовались в красочных церковных праздниках («Пещное действо», разыгрывавшееся в храмах перед праздником Рождества, «Хождение на осли» за неделю до Пасхи). Впрочем, как отмечала О. А. Державина, в России церковные мистерии были распространены менее, чем в западноевропейских странах. Богослужение в России совершалось на понятном народу церковнославянском языке, а не на латинском, как в католических странах, и не требовало поэтому специальных наглядных иллюстраций.

Музыкальное искусство продолжало оставаться литургическим. Александрова слобода славилась мастерами церковного пения. Большой интерес к нему проявлял Иван Грозный, сохранились его собственные музыкальные композиции. До недавнего времени были известны лишь имена выдающихся русских певцов-распевщиков, но в 1955 г. найдены и в 1974 г. опубликованы рукописи с песнопениями Федора Крестьянина (Христианина).

Глава 10

КУЛЬТУРА УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ И НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ

Культура Украины, Белоруссии, народов Прибалтики развивалась в сложных условиях. На состоянии просвещения, литературы, искусства весьма отрицательно сказывались отсутствие у этих народов собственной государственности, засилье иностранных феодалов — польских и полонизированных на Украине, в Белоруссии и Литве, немецких в Латвии и Эстонии. Чтобы отстоять само существование поработенных народов, необходимо было сохранять и приумножать их культурное наследие. Именно поэтому культурно-просветительное движение обретало в конечном счете политический характер, вливалось в русло борьбы против социального и национального гнета.

В первой половине XVI в. просвещение на Украине и в Белоруссии оставалось в рамках выработанных ранее форм. Начальное обучение грамоте велось преимущественно при церквях и монастырях. При некоторых католических приходах в Эстонии, Латвии, Литве, а также в крупных городах западных окраин Белоруссии и Украины основывались школы, в которых учили на латинском языке. Большие православные монастыри, особенно Киево-Печерская лавра, оставались центрами древнеславянской письменности. При них переписывались книги, создавались книжные собрания. Лавра, Супрасльский монастырь в Белоруссии, некоторые монастыри Прикарпатья были важными очагами культурных связей Украины и Белоруссии с Россией, южными славянами, Грецией. Через монастырские библиотеки дошли до Прибалтики отзвуки схоластической мысли Западной Европы.

Культурному общению с Центральной и Западной Европой способствовало обучение отдельных выходцев из Украины, Белоруссии, Прибалтики

в университетах Кракова, Праги, городов Италии, Германии и других стран. В Пражском университете существовал специальный коллегийум (общезитие) для студентов из литовских, белорусских и украинских земель. Учеба в университетах давала возможность ознакомиться не только со средневековой схоластической наукой, но и с ренессансными веяниями в культуре Европы. Так, непосредственные связи с гуманистами разных стран поддерживал Юрий Котермак (Дрогобыч), сын горожанина из Дрогобыча. Он учился в университетах Болоньи и Кракова, затем преподавал там же астрономию и медицину, в 1481—1482 гг. был избран ректором Болонского университета медицины и свободных искусств. Его изданный в Риме трактат «Прогностическая оценка текущего 1483 года» (кстати, содержащий сведения о географической долготе Москвы, Львова, Вильнюса) — первая известная ныне печатная книга украинского автора.

Одним из самых выдающихся деятелей культуры своего времени стал белорусский книгопечатник-просветитель Франциск Скорина. Сын купца из Полоцка, он учился в Краковском университете, позже в Падуанском, где стал доктором медицины. В 1517—1519 гг. печатал книги на церковнославянском языке белорусской редакции в Праге (Библия), а в 1522—1525 гг. — в Вильнюсе («Малая подорожная книжка», «Апостол»). Поборник просвещения, Скорина не щадил сил для создания и распространения понятных землякам книг, «людям посполитым к доброму научению», проповедовал любовь к родной земле: «Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя, птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда своя... також и люди, и где зродилися и ускормлены суть... к тому месту великую ласку имають».

На рубеже XV—XVI вв. священнослужители, получившие образование в Западной Европе, — епископы И. Линде, И. Оргас, И. Кювель распространяют в Эстонии идеи гуманизма в том виде, как они были представлены в Северной Германии и Нидерландах («Братьями общей жизни»). Были предприняты и попытки создания высшей школы.

Дополнительный толчок развитию письменности на национальных языках дали реформационные движения. Сразу после победы Реформации в Эстонии и Латвии многие католические приходские и городские школы стали лютеранскими. Обучением так называемых «бедных школьников» (преимущественно эстонцев) в лютеранской городской школе Таллина во второй половине XVI в. впервые в истории эстонского народа было положено начало формированию национальной интеллигенции. Несколько позже отдельные кальвинистские школы появились в Белоруссии, Литве,

Франциск Скорина.
Гравюра из Библии.
Прага, 1517 г.

на Украине. В 1525 г. в Германии была напечатана лютеранская месса, содержащая не только нижненемецкий, но также латышский и эстонский тексты. Книга была конфискована в Любеке и не дошла до Прибалтики. В 1535 г. в Виттенберге опубликовали «Катехизис» с нижненемецким и эстонским текстом, в 1537 г. в Риге была составлена рукописная «Подручная книга церкви Якова» с латышскими богословскими материалами. И позднее лютеранские пасторы, распространяя свое вероучение, публиковали религиозные книги на литовском, латышском, эстонском языках. Первой печатной литовской книгой стало лютеранское издание «Простые слова катехизиса», составленное М. Мажвидасом и напечатанное в Кенигсберге в 1547 г. В Белоруссии, в г. Несвиже, в 1562 г. выдающийся писатель и реформационный деятель С. Будный издал белорусский «Катехизис», призывая белорусов и украинцев пользоваться в письменности родным языком. Реформационные идеи звучат в так называемых Няговских поучениях, близких по языку к закарпатским украинским диалектам. Вполне вероятно, что с протестантами был связан и видный белорусский просветитель Василий Тепинский, издавший Евангелие с параллельным текстом на церковно-славянском и белорусском языках.

Книгопечатание играло важную роль в укреплении культурных связей восточнославянских народов между собой и с народами Западной Европы, Балкан. Особенно значительными здесь были заслуги русского первопечатника Ивана Федорова. В 1569 г. он вместе с белорусом Петром Мстиславцем издал в западнобелорусском городке Заблудове Евангелие учительное — сборник поучений, переведенных в XIV в. с греческого на древнеславянский язык. В 1574 г. Иван Федоров издает во Львове первые на Украине печатные книги — «Апостол» и «Букварь», печатает в Остроге знаменитую Библию — подлинный шедевр типографского мастерства. Иван Федоров был не просто мастером книгопечатания, но также и талантливым литератором и художником. Подобно Скорине, он считал себя просветителем, «сеятелем семен духовных». Всем книгам Федорова свойственны тщательная подготовка текста, замечательное художественное оформление. Благодаря этому они стали образцом для украинских и белорусских книгопечатников.

Последняя четверть XVI — начало XVII в. — время невиданного ранее обострения идеологической борьбы и связанного с этим подъема культурной жизни Украины, Белоруссии, Литвы. Обстановка здесь становилась все более противоречивой. Оживлялись контакты со странами ренессансной культуры, распространялись гуманистические идеи, реформационные течения. В то же время решительное наступление начинают контрреформационные силы, опираемые государственными властями и влиятельными феодалами. Разные общественно-политические группировки, стремясь к пропаганде своих взглядов, уделяют особое внимание школьному делу и книгопечатанию. Ряд школ организуют протестанты, в первую очередь кальвинисты. В противовес им иезуиты в 1570 г. создают крупный коллегийум в Вильнюсе, впоследствии — коллегийумы в Луцке, Львове, Виннице, Ужгороде (Украина), Полоцке, Гродно (Белоруссия), Крайяй (Литва) и других городах. В 1578 г. Вильнюсский коллегийум был преобразован в академию, т. е. университет.

В том же году или несколько ранее был основан на Украине православный Острожский коллегийум, который современники нередко именовали академией. Здесь преподавали древнеславянский, греческий и латинский языки, «свободные искусства», музыку. При коллегийуме действовали типографии, литературно-научный кружок, куда входили выдающиеся публицисты и филологи — Герасим Смотрицкий, Демьян Наливайко, Василий Суражский.

Острая идеологическая борьба между силами Реформации и Контрреформации, вдохновителем которой стал орден иезуитов, развернулась и в

Эстонии, разделенной в последней четверти XVI — первой четверти XVII в. между католической Польшей и лютеранской Швецией. Эта борьба отразилась и в сфере образования. Иезуиты создали в Тарту свою коллегию и при ней первую на территории Эстонии гимназию, основали семинарию переводчиков, издавали религиозную литературу на эстонском языке. В 1585 г. в Вильнюсе был отпечатан эстонский католический «Катехизис», в 1622 г. в Браниево издан справочник для священников, включавший тексты на эстонском языке. Влиянию иезуитов среди эстонцев в Тарту противостояла эстонская лютеранская приходская школа, в Таллине — лютеранская городская школа, реорганизованная на рубеже XVI—XVII вв.

С 80-х годов XVI в. важнейшими центрами украинской и белорусской культуры становятся братства. Крупнейшие из них (Львовское, Успенское, Виленское, позже Могилевское и ряд других) были общественно-политическими организациями православных горожан, боровшихся и против экспансии католицизма, и против засилья в культурной жизни верхушки православного духовенства. Около 1585 г. при Львовском братстве возникла школа, которой руководили ремесленник-седельщик Юрий Рогатинец, торговец Иван Красовский, мастер-портной Дмитрий Красовский и другие горожане. В школу принимали детей разных сословий. Младшие ученики изучали грамоту и основы пения по нотам, старшие — грамматику древнеславянского и греческого языков, риторику, поэтику, элементы философии. В уставе братской школы («Порядке школьном») чувствуется влияние передовой гуманистической педагогики. От учителя требовали, чтобы он являлся образцом высоко нравственного поведения; почетные первые скамьи в школе предназначались лучшим ученикам, «даже если они были бы очень бедными». Ограничивалось применение телесных наказаний. Под влиянием нескольких крупных братских школ возникают многочисленные школы грамоты при братствах и церковных приходах в большинстве городов, а позже и во многих селах Украины и Белоруссии. Типичным явлением стали странствующие (мандрованные) учителя-дьяки, которые нередко устраивали представления вертепа, вместе с учениками распевали рождественские колядки, подрабатывали перепиской книг.

С деятельностью братств и братских школ связано и дальнейшее распространение книгопечатания. Более 200 лет — с 1585 по 1788 г. — действовала типография Львовского братства, выкупившего у ростовщика оборудование умершего первопечатника Ивана Федорова. Кроме богослужебных книг, типография напечатала греческо-славянскую грамматику, буквари, стихи и драматические произведения украинских писателей.

До середины XVII в. на Украине работало 25 типографий: 17 принадлежали украинцам и издавали книги на украинском и древнеславянском языках, 6 были собственностью поляков-католиков, одной владели протестанты и одной — армяне. Крупнейшим издательским центром стала основанная в 1616 г. типография Киево-Печерской лавры — ее издания были особо авторитетны во всех восточнославянских странах. Успешно работали и частные типографии купца из Белоруссии Михаила Слезки (Львов), запорожского казака Тимофея Вербицкого (Киев). Книгопечатание Литвы и Белоруссии развивалось иначе, отражая большую пестроту конфессионального состава населения. Крупнейшим центром книгопечатания стал Вильнюс. Книги кирилловского шрифта на древнеславянском и белорусском языках издавали здесь типографии купеческого дома Мамоничей, Виленского братства. На польском и латинском языках выпускали книги протестантские типографии; в одном Вильнюсе их было несколько. Одна из них — типография Моркунаса напечатала «Катехизис» М. Даукши на литовском языке. Крупнейшая латинско-польская типография была основана при Вильнюсской академии. Белорусский книгопечатник Спиридон Соболев, начавший свою издательскую деятельность в Киеве,

позже издал несколько книг в Восточной Белоруссии — в Кутеине, Буйниках, Могилеве.

Первая типография на территории Латвии возникла в 1588 г. в Риге; до 1625 г. ее мастер Николаус Моллин выпустил 160 изданий — 117 на латинском языке, 40 на немецком, 3 на латышском. В начале XVII в. Рижская типография сыграла важную роль и в издании церковной литературы для Эстонии, где позже возникли типографии при гимназиях в Тарту (1631 г.) и Таллинне (1633 г.). Книги здесь печатались на латинском, немецком, шведском языках, в Таллинне — также и на эстонском. Среди латинских и немецких изданий преобладали малотиражные научные издания небольшого объема. Книги на эстонском языке выходили большими тиражами, лучше оформлялись, но тематика их оставалась исключительно религиозной — в основном предназначенные пасторам пособия для проповеди среди местного населения.

Во второй четверти XVII в. возросло число школ во всех странах региона. В Эстонии и Латвии они были лютеранскими и обслуживали потребности немецких феодалов, бюргеров, пасторов. После перехода всей Эстонии к Швеции были открыты гимназии в Таллинне (1631 г.) и Тарту (1630 г.), последняя в 1632 г. стала академией, т. е. университетом. В Литве, Белоруссии и на Украине продолжалась борьба за умы между протестантскими, католическими и православными школами. На Украине и в Белоруссии религиозные конфликты являлись формой борьбы против национального угнетения, поэтому православные школы стали важнейшими очагами украинской и белорусской культуры.

Крупнейшим учебным заведением Украины был Киево-Могилянский коллегиум, возникший в 1632 г. в результате слияния Киевской братской школы, основанной в 1615 г., и школы при Киево-Печерской лавре, основанной в 1631 г. В 1701 г. новое учебное заведение получило права академии, хотя неофициально его именовали так сразу же после основания. Кроме четырех низших курсов, коллегиум имел курсы поэтики, риторики, философии. Лекции читались на латинском языке, как и в западноевропейских университетах и коллегиумах того времени.

Коллегиум являлся не только просветительным, но и научным центром. Профессора, как видно из записей лекций Иосифа Кононовича-Горбацкого 1639—1640 гг. («Учебник логики») и Иннокентия Гизеля 1645—1647 гг. («Общий очерк философии»), не ограничивались изложением концепций, общепринятых в европейской науке того времени, но и самостоятельно разрабатывали проблемы логики, психологии и других отраслей знания. У Кононовича-Горбацкого при освещении диалектики прослеживаются черты номинализма. По его мнению, логика должна изучать термины как знаки вещей и понятий, отражающих объективный мир. Иннокентий Гизель, оставаясь в целом на позициях объективного идеализма, в некоторых вопросах приближался к идеям материалистического сенсуализма. Он признавал вечность материи, выступал против слепого поклонения авторитетам, считал необходимым делать научные выводы с помощью рациональных аргументов и на основе изучения явлений природы. Преподаватели Киево-Могилянского коллегиума, других коллегиумов Украины, Белоруссии и Литвы глубоко изучали античное научное наследие, отдельные произведения ренессансных мыслителей.

Вильнюсский университет являлся главным центром догматической поздней схоластики, видевшей свою задачу в механической систематизации наследия Аристотеля и Фомы Аквинского. Определенное новаторство допускалось в немногих областях, в частности получила развитие формальная логика. Стал известным, в том числе и за рубежом, фундаментальный курс логики вильнюсского профессора Мартина Смиглевского. Аристотелизм, модернизированный в духе протестантской доктрины, культивировался и в лютеранских школах Латвии и Эстонии.

Учебные заведения были также главными центрами развития филологических наук. Педагоги-гуманисты считали важной целью обучения овладение красноречием, которое помогало развитию умственных способностей, подъему нравственного уровня учеников и всего общества. Этим, а также ролью слова в национально-религиозной борьбе объясняется внимание, уделяемое книжниками того времени вопросам грамматики, поэтики, риторики. Известный новолатинский поэт М. Сарбевский, преподававший в Крайяй, Полоцке и Вильнюсе, в своем курсе поэтики сочетал ренессансные положения с барочной теорией концептизма, требовавшей необычных форм выражения мысли, неожиданных ассоциаций и противопоставлений. В курсах поэтики и риторики, читавшихся в Киево-Могилянском коллегиуме, излагалась античная литературная теория, дополненная эстетическими учениями периода барокко.

Украинские и белорусские деятели культуры придавали огромное значение изучению грамматических основ греческого и особенно древнеславянского (церковнославянского) языка, воспринимавшегося не как иностранный, а как самый высокий стиль собственных литературных языков восточнославянских народов. У восточных славян первыми печатными грамматическими трудами стали «Аделфотес» — учебник грамматики греческого и древнеславянского языков, составленный учениками Львовской братской школы под руководством Арсения Элассонского (Львов, 1591), и «Грамматика словенска...» Лаврентия Зизания (Вильнюс, 1596). Важным этапом развития славянской лингвистики явилась грамматика Мелетия Смотрицкого (1619 г.), долго служившая пособием для изучавших древнеславянский язык и литературные языки восточных славян. В 1643 г. студент Парижского университета Иван Ужевич составил латиноязычную грамматику украинского книжного языка.

Значительных успехов достигла и лексикография. В 1596 г. в Вильнюсе был издан «Лексис» Л. Зизания, где древнеславянские слова приводились с переводом на украинско-белорусский книжный язык. По тому же принципу был составлен «Лексикон словеноросский» П. Берынды (Киев, 1627); в нем ученый в переводной части приводит варианты из различных украинских диалектов. Словарь Берынды пользовался большим авторитетом не только на Украине и в Белоруссии, но и в России, у южных славян, в румынских землях.

Развитие литовской филологии было связано с использованием литовского языка в полемике между католиками и протестантами. Первый словарь литовского языка, составленный профессором Вильнюсской академии К. Ширвидасом и напечатанный около 1620 г., впоследствии неоднократно переиздавался. Грамматика латышского языка И. Г. Реехаузена (1610 г., опубликована в Риге в 1644 г.) была рассчитана на немцев, как и древнейший словарь латышского языка, составленный профессором богословия Тартуского университета Т. Манцелем (Рига, 1638); то же относится и к изданному в 1637 г. в Таллинне «Руководству к изучению эстонского языка» Г. Штала. В странах региона в конце XVI — начале XVII в. постепенно накапливались практические и теоретические знания по астрономии, землемерию, строительной инженерии. Начали появляться научные труды по медицине, юриспруденции, географии, истории. Знаменательным событием было издание «Хроники Ливонской провинции» Б. Русова на нижненемецком языке в 1578 г. в Ростоке: за шесть лет она выдержала три издания. Принято считать, что автор был эстонцем. Его хроника, описавшая прошлое и настоящее Эстонии, быт и нравы эстонцев, своей антидворянской направленностью вызвала горячую ненависть и критику со стороны местного рыцарства.

Развитие литературы и искусства каждой из стран региона шло своими путями, но имело и общие черты. Наиболее их роднит наличие очень сильной фольклорной струи, ее ярко выраженный национальный характер.

Верхи общества более или менее охотно поддавались денационализации, стремясь слиться с правящими кругами господствующих народностей. В таких условиях именно народные массы — крестьянство, отчасти городские низы, мелкое дворянство и приходское духовенство — стали основными хранителями отечественных культурных традиций.

Для украинского фольклора очень характерна казачья тематика, поэтизация борьбы казаков против иноземных угнетателей. Слепые певцы-бандуристы (кобзари) пользовались в народе огромным авторитетом. Они нередко сопровождали запорожских казаков и крестьян-повстанцев в их походах, призывая к стойкости, верности духу товарищества. Казацкая удаль была и темой исторических песен, собственных и украинскому и белорусскому фольклору. У украинцев и белорусов сохранялись исторические предания о эпохе борьбы с татаро-монгольским порабощением, о древнем Киеве и его богатырях. Эстонцы из поколения в поколение передавали сказания и песни о героических деяниях Калевипоэга — легендарного правителя древних эстов.

Неисчерпаемо богатство песенной лирики украинцев и белорусов, литовцев и латышей, эстонцев и родственных им ливов. В песнях отразились быт народа, его оптимизм, вера в торжество добра над злом. В фольклоре сохранялось много следов культуры и обычаев, унаследованных от древнейших, еще дохристианских, времен. Это относится к песням и танцам календарного цикла, трудовым, свадебным.

Письменная литература была многоязычной, хотя и в разной степени в отдельных странах. На Украине и в Белоруссии местные книжники продолжали культивировать древнеславянский язык, на нем создавались переводы и оригинальные публицистические и богословские произведения. Живая стихия восточнославянских языков проявлялась в произведениях, написанных или даже только переписанных украинцами и белорусами. Яркий пример тому — литературное наследие Ф. Скорины. Белорусские слова и обороты, как разговорные, так и специфические книжные, проникают в переводы библейских книг, авторские тексты предисловий и послесловий, написанных с просветительских позиций; автор восхваляет книгу, доказывает необходимость знать «семь вызволенных наук». Скорина создал и наиболее ранние образцы белорусской силлабической поэзии.

Уже с конца XIV в. деловые бумаги и публицистические произведения на Украине и в Белоруссии стали писать также на «простом» языке, приближавшемся к украинскому и белорусскому разговорным языкам. Так написаны, в частности, многие памятники антикатолической публицистики конца XVI — первой половины XVII в. Один из наиболее талантливых среди украинских писателей-полемистов — Иван Вишневский с неудержимой страстностью выступал против насаждения католицизма и унии, но не менее страстно обличал и православных епископов, погрязших в чревоугодии и пороке. Под богословской оболочкой его произведений можно разглядеть призыв к социальному равенству, осуждение общественного строя Речи Посполитой.

В анонимном трактате «Пересторога» звучит призыв строить не церкви, а школы, так как только просвещенный народ сможет противостоять духовному порабощению. В книге «Палинодия» киевского писателя и ученого Захарии Коштынского исторически обосновывается справедливость борьбы украинского народа против национально-религиозного угнетения. Вкладом в литературу Украины и Белоруссии явились антикатолические публицистические произведения С. Зизания, М. Смотрицкого и других авторов. Мемуарный жанр в белорусской литературе представлен дневником Ф. Евлашевского, публицистически заостренным «диариушем» А. Филипповича. Типичными памятниками книжной поэзии являются стихотворные посвящения белоруса А. Рымши и украинца Г. Смотрицкого, сборник украинского писателя К. Т. Ставровецкого «Перло многоценное». Патриоти-

чешской направленностью отличаются написанные К. Саковичем «Вирши», декламировавшиеся учениками Киевской братской школы на похоронах гетмана Запорожского войска Петра Конашевича Сагайдачного. Гетман — олицетворение храбрых запорожцев, готовых отдать жизнь за свободу родины. Пользуясь примерами из античности, поэт рисует образ идеального национального героя — пример для подражания «каждому рыцарю». Выдающийся памятник белорусской литературы — стихотворный «Лямент» по поводу смерти писателя и православного церковного деятеля Леонтия Карповича. Восхваляя нравственные качества покойного, анонимный автор призывал людей честно выполнять гражданский долг, сохранять веру и традиции своего народа.

Ряд произведений принадлежит одновременно белорусской и литовской литературам. Так называемые белорусско-литовские летописи написаны на белорусском книжном языке, но отражают в основном взгляды феодалов Литвы, прославляют историческое прошлое литовского народа. В некоторых из них красочно изложена легенда о происхождении литовской династии и панов от римских патрициев. Писавший на латинском языке Николай Гусовский (Хусовианус) в «Песни о зубре» воспекает красоту родной земли — Великого княжества Литовского, включавшего белорусские и литовские земли. Поэт-гуманист, он призывал европейские народы к единению перед лицом турецко-татарской угрозы. Исследователи отмечают как ренессансный характер поэтического языка Гусовского, так и использование им белорусского фольклора. Некоторые антикатолические публицистические произведения украинских и белорусских авторов написаны на польском языке («Тренос» М. Смотрицкого, «Протестация» И. Борецкого, «Литос» П. Могилы и др.). Ярко выраженное национальное самосознание, осуждение окатоличения и полонизации объединяют эти литературные памятники с произведениями, написанными на родном языке.

Использование в письменной литературе литовского языка было связано с полемикой католиков и протестантов. М. Даукша перевел с польского на литовский язык «Катехизис» Я. Ледесмы (Вильнюс, 1595) и «Католическую постиллу» — сборник проповедей Я. Вуека (Вильнюс, 1599). В талантливо написанном предисловии к «Постилле» Даукша защищает права родного литовского языка: «Не плодородием нив, не различием одежды, не природной красотой страны, не крепостью городов и замков процветают народы, а больше всего тем, что берегут и употребляют свой язык, который сплачивает общество, крепит дружбу и братство». Писатель решительно осуждает литовских феодалов, пренебрегающих родным языком. Он пишет, что, заботясь о благе отчизны, взялся за нелегкую, но благородную и любимую работу переводчика: «Если мой труд послужит сохранению и развитию родного языка, то это мне явится лучшей наградой».

Первое оригинальное произведение, напечатанное на литовском языке, — «Пункты проповедей» К. Ширвидаса (Вильнюс, 1629), который подчеркивал, что пишет свои проповеди языком, понятным и «для простых слушателей». Говоря о необходимости издания других литовских книг, писатель объяснял, что пока не имеет на это средств.

В Латвии церковные произведения на латышском языке составлялись немецкими пасторами, отражали их взгляды на быт и культуру латышей. Так, Т. Манцель осуждал латышские народные песни и обычаи как «языческие».

В искусстве Украины, Белоруссии, народов Прибалтики народная струя была исключительно сильной. Унаследованные от предыдущих поколений способы украшения жилища, орудий труда, одежды не только выполняли эстетическую функцию, но и служили средством социальной идентификации, указывали на принадлежность к тому или иному народу,

*Портал дома братства Черноголовых
в Таллинне.
Скульптурный декор
последней четверти XVI в.*

все это придает ему особое очарование. Образцом готического строительства стал и «дом Пяркунаса» в Каупасе. На Украине готическая архитектура получила некоторое распространение лишь на юго-западных землях (костелы католических поселенцев во Львове, Дрогобыче, городах Закарпаття).

В архитектуре Эстонии и Латвии определенное влияние ренессансной архитектуры прослеживается начиная с 30-х годов XVI в. Однако элементы ренессанса сосуществуют с готикой, которая здесь крепко укоренилась. Так, ренессансные и готические черты соседствовали в облике перестроенной в 1587—1589 гг. рижской церкви Иоанна. Ренессансный фасад «дома братства Черноголовых» в Таллинне был пристроен к существовавшему ранее готическому зданию. В Эстонии и Латвии формы ренессанса усваивались в его североευропейском варианте. На западе Украины, отчасти в Белоруссии и Литве получили большее распространение формы классического итальянского ренессанса. Работали здесь и итальянские архитекторы: они проектировали, в частности, жилые дома во Львове, замки-дворцы в Подгорцах и Збараже (Украина), дворец в гродненском Старом замке (Белоруссия). Приемы итальянского ренессанса перенимали и местные строители. В регулярной планировке ряда городов проявились как принципы эстетики Возрождения, так и местные градостроительные традиции.

Важный памятник украинской ренессансной архитектуры — ансамбль, построенный во Львове по заказу братства и под его присмотром (церковь,

сословию, профессии. Особенно относится это к традиционному костюму, в котором, как правило, сочетались общенародные, региональные и локальные черты.

Многие древние формы сохранялись в деревянном народном строительстве. Ряд деревянных храмов Украины и Белоруссии — подлинные шедевры зодчества, поражающие изяществом пропорций, мастерством обработки деталей. Высокой художественностью отличаются «памятные столбы» в литовских селах: своеобразие композиции удачно дополняется замечательной резьбой по дереву и ажурными завершениями из кованого железа.

В каменном строительстве и скульптуре во всем регионе можно выделить периоды преобладания или по крайней мере влияния готики, ренессанса и, наконец, барокко. Особенное распространение кирпичная готическая архитектура получила в Эстонии и Латвии (оборонительные сооружения, жилые дома, храмы). В Литве подлинным шедевром позднеготического зодчества является вильнюсский костел Онос (Анны). Стройность силуэта, изящество пропорций, динамическое членение фасада —

капелла, башня-колокольня). В архитектуре церкви и капеллы удалось соединить формы ренессанса и достижения традиционного украинского зодчества. Стройная башня (вежа Корнякта) стала эмблемой братства, символизируя его стойкость, возвышенность нравственных идеалов.

Первым в регионе памятником архитектуры, переходной от ренессанса к барокко, стал иезуитский костел в Несвиже (Белоруссия), построенный в 1584—1593 гг. по проекту Бернардини. Яркими образцами раннебарочной архитектуры явились также костелы Казимира и Тересы в Вильнюсе и другие храмы Литвы. Разные формы барочной архитектуры примерно со второй четверти XVII в. стали распространяться в Эстонии, Латвии, на Украине, всюду приспосабливаясь к местным художественным традициям.

Скульптура Эстонии и Латвии развивалась в рамках готического искусства, на смену которому пришли маньеризм и барокко. Получили широкое распространение декоративная резьба по дереву (алтари, кафедры, скамьи), каменная мемориальная скульптура (эпитафии, саркофаги). Известным в Эстонии мастером был скульптор и архитектор голландского происхождения Арент Пассер, автор надгробия полководцу Якобу Понтусу Делагарди в Домском соборе Таллинна. В храмах магнатских резиденций Украины, Белоруссии, Литвы сооружаются ренессансные надгробия со скульптурными портретами умерших.

Иконы и росписи православных церквей Украины и Белоруссии долго сохраняли стилистические особенности, унаследованные от византийской и древнерусской живописи. Однако искусство Возрождения повлияло и на иконопись. Сочетание византийско-средневековых и ренессансных черт, связь с традициями народно-декоративного искусства — характерные черты лучших памятников украинской и белорусской живописи. Центрами иконописи были Киев, Львов, Перемышля, Полоцк, Могилев и другие города. В частности, во Львове работали талантливые украинские художники Лаврентий Пухала, Федько Сенькович, Микола Петрахович, поляк Войтех Стефанович, армянин Симеон Богущ. С XVI в. повсюду начинается развитие светских жанров изобразительных искусств — батального, портретного. Черты искусства Возрождения проникают и в оформление рукописных книг, в гравюры, которыми украшались печатные книги.

К рассматриваемому периоду относится и зарождение школьного театра. Пьесы ставились на латинском, немецком, польском языках, на Украине и в Белоруссии — также на древнеславянском. Особой популярностью пользовались интермедии — вставляемые между актами основной пьесы юмористические драматические сцены на украинском либо белорусском языке. Продолжал развиваться традиционный народный театр — представления на ярмарках, площадях, в дни карнавалов и шествий.

Инструментальную музыку культивировали деревенские и городские музыканты, последние нередко объединялись в цехи. В дворцах крупных феодалов имелись придворные капеллы, нередко включавшие крепостных.

В 1636 г. в Вильнюсе впервые была исполнена итальянская опера М. Скакки «Похищение Елены».

Уже с середины XVI в. на востоке Европы зародилось нотопечатание (нотные примеры в первой литовской книге 1547 г. и в брестском протестантском издании 1558 г.). В 1587 г. в Кенигсберге напечатаны латышские церковные песни с нотами, в 1637 г. в Таллинне появилось нотное издание с эстонским текстом. Немецкие пасторы, насаждая лютеранские хоралы, стремились искоренить народную песню эстонцев и латышей, третировали ее как «языческую». Наоборот, на Украине и в Белоруссии народная песня

была популярной в домах горожан и даже в усадьбах феодалов, народные мелодии проникали в некоторые песнопения православной церкви. Они прослеживаются в ирмологиях — певческих сборниках, записанных киевской нотацией. В церквях хоровое пение à капелла противопоставлялось католическому богослужению, где наряду с хором и солистом звучал орган. В таких условиях у украинцев и белорусов возникло партесное (с разделением хора на партии) пение. Взаимовлияние профессиональной и народной музыки служило их обогащению.

Глава 11

ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КОНЦА XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В. КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Весьма ощутимый «эллинистический», или, скорее, «филэллинский», комплекс в рамках гуманистического ренессансного мировоззрения окрасил его в совершенно особые, неповторимые эмоционально-психологические тона. Духовное наследие Древней Греции вызвало неподдельный и всеобщий интерес западноевропейцев, которые открывали для себя «греческий мир» как новый источник идей. Европейцы осознавали общезначимость духовных ценностей, созданных эллинской цивилизацией, и стремились овладеть этими ценностями «из первых рук». Неизбежным следствием этого был все более усиливающийся интерес представителей европейской образованности XVI—XVII вв. и к собственно византийской культуре, и к современной им поствизантийской греческой культуре. Интерес этот стимулировался еще и политическими, религиозными и культурными факторами: турецкой опасностью и активизацией восточной политики европейских держав; реформационным движением, вызывающим потребность разобраться в истории православия (протестанты сочувственно относились к истории и догматике греко-православной церкви, в их глазах более близкой к традициям раннего христианства, чем католическая); высоким уровнем развития исторических и филологических знаний в Византии — необходимой предпосылкой для создания гуманистической концепции всеобщей истории, классической филологии.

Процессу передачи духовных ценностей греко-византийской цивилизации ренессансной Европе способствовало установление непосредственных культурных контактов между двумя мирами, для которых в ту эпоху создались особо благоприятные условия. По мере того как на восточном горизонте все больше сгущались тучи турецкой опасности, приведшей в конце концов Византийскую империю к краху, по мере того как небо Запада все больше озаряется огнями Возрождения, начинается и приобретает все более широкие масштабы исполненный драматизма «великий исход» греков. Происходит массовая эмиграция представителей греко-византийской образованности на Запад, в интеллектуальных кругах которого, в его академиях и университетах, греческие ученые, литераторы, писцы рукописей, живописцы, врачи и юристы были приняты с радостью и симпатией. Особые надежды при этом возлагались на греков как «апостолов» просвещения и распространения греческого языка, «без которого, — говорит в своем сочинении «О знаменитых людях, долго живших» Дж. Манетти, — все наши studia humanitatis и слабы и несовершенны».

Еще в 1360 г. для «греко-итальянца» Леонтия Пжлата, ученика Варлаама Калабрийского (через его переводы Боккаччо и Петрарка познакомились с Гомером и Платоном), в университете Флоренции была создана первая на Западе кафедра древнегреческого языка. Прибытие же в 1397 г. во Флоренцию Мануила Хрисолора расценивалось современниками как поворотный пункт в истории эллинистических занятий на Западе. По мнению Маркантонио Коччо Сабелликуса (1436—1506), высказанному им в «Исторических рапсодиях», ученики Мануила Хрисолора Гварино Веронский, Витторино, Филельфо, Амброзий-монах, Леонардо Бруни, Карло Аретино и многие другие, подобно греческим героям, неожиданно вышли из троянского коня и совершили культурный переворот. И это неудивительно, ибо именно в хрисолооровой школе филологии западноевропейцам впервые была преподаана новая гуманистическая концепция перевода по смыслу, совершенно отличная от системы буквального схоластического перевода, а небольшой учебник Мануила Хрисолора об основах греческой грамматики стал подлинным «евангелием эллинизма».

Кратким, но ярким и исключительным по своей значимости эпизодом в истории византийско-итальянских культурных связей в XV в. было пребывание во Флоренции в 1438—1439 гг. выдающегося византийского философа-неоплатоника Георгия Гемиста Плифона (ок. 1360—1452), которого Марсилио Фичино называл «вторым Платоном». Лекции и дискуссии Плифона в кругах итальянских гуманистов (в частности, в доме Леонардо Бруни) о Платоне, превосходившем мудростью Аристотеля, дали мощный стимул распространению платонизма в ренессансной Европе, образованию платоновских академий. Его трактат «О тех пунктах, по которым Платон расходится с Аристотелем» стал идейным манифестом платоников Возрождения. Плифон оказал определенное влияние и на ренессансную живопись, так как именно к нему в конечном счете идейно восходят и спор «философии» и «диалектики» (Платона и Аристотеля) Луки делла Роббиа на Кампаниле во Флоренции, и рафаэлевская «Афинская школа», символизм которой тождествен оценке двух великих философов античности Плифоном. В высшей степени интересна гипотеза о влиянии утопизма византийского философа на Томаса Мора, который если не читал сочинений Плифона, то знал о них, скорее всего через Джованни Франческо Пико делла Мирандолу, упоминавшего Плифона в «Рассмотрении суетности учения о народах», или же от Эразма Роттердамского, в личной библиотеке которого имелись плифоновские сочинения. Сопоставление идей Плифона, высказанных им в проекте государственных реформ, с основными положениями «Утопии» убедительно показало их почти полную аналогию.

Эстафету подхватили другие представители византийской культуры, в том числе ученики и почитатели Плифона. Иоанн Аргиропуло преподавал греческий язык и читал лекции в Падуе (в доме Палла Строцци, затем в Падуанском университете), Риме, Флоренции. Аргиропуло был скорее перипатетиком, чем платоником, но, восхваляя Аристотеля как ни с кем не сравнимого, он делает исключение для «божественного Платона». Головокружительной была карьера Виссариона Никейского, гуманистическая деятельность которого в Италии наложила отпечаток на все Кватроченто. Недаром его эпитафия гласит: «Твоими трудами Греция переселилась в Рим». Выходец из Мистры Георгий Гермонию явился в 1475 г. в Париж с изрядным запасом греческих рукописей, с которых было сделано значительное число списков по заказам крупных деятелей и ученых Франции: среди них был его ученик Гийом Бюде. Позднее Георгий Гермонию продолжил свою деятельность в Лондоне, там же преподавал и фессалоникец Андроник Каллист; константинополец Иоанн Сервопул обосновался в Оксфорде, а затем в Ридинге. Ян Ласкарис дискуссиями с известными французскими гуманистами оказал большое влияние на развитие эллинис-

тических штудий во Франции. В литературных кругах ренессансной Европы славился своими прекрасными поэмами на латинском языке греческий поэт Михаил Маруллос Тарханийот.

После падения Константинополя эмиграция в страны Западной и Восточной Европы становится поистине массовой. Греческие общины и колонии возникают в Неаполе, Анконе, Терра д'Отранто, Таранто, Ливорно, Флоренции, Венеции. Важную роль в истории греческой культуры после византийского периода, в деле образования греков, сохранения традиций греческой культуры, формирования национального самосознания играли основанные в XVI—XVII вв. греческие учебные заведения Рима (папская коллегия св. Афанасия), Падуи (коттуниевское училище Палеокапы), Венеции (созданная как своего рода православный противовес католической римской коллегии св. Афанасия знаменитая Флангиниевская школа). Они стали настоящими *alma mater* для сотен молодых греков Ионических островов, Крита, Константинополя, Афи, Пелопоннеса; Корфу и других островов, городов и областей поработенной Эллады. Эти учебные заведения давали своим ученикам среднее образование, вводили их в европейскую науку, приобщали к достижениям ренессансной культуры; для многих выпускников они стали промежуточной ступенью на их пути к высшему образованию и вхождению в культурную элиту Европы. Из воспитанников этих учебных заведений вышли крупные филологи, издатели, философы, писатели, врачи, юристы, преподаватели европейских университетов, национальных высших учебных заведений на Балканах (академии Молдовалахии) и в России (Славяно-греко-латинская академия в Москве, в которой преподавал Афанасий Кондоидис), активные участники церковной борьбы.

Именно из этой среды вышли многие выдающиеся деятели культуры своего времени, такие, как известный ученый, издатель сочинений греческой средневековой литературы, переводчик и писатель Максим Маргуний. Знаменитый Лев Алляций — собиратель и исследователь рукописей, издатель текстов византийских авторов первым разработал современные методы филологической критики и эмэндации текстов посредством их внутренней оценки и сличения списков, много сделал для развития научной библиографии и библиотечного дела. Известный в итальянских гуманистических кругах ученый Николай Леоник Томеос преподавал греческий и латынь. В годы преподавания в Падуанском университете он своими поисками оригинальных греческих текстов Аристотеля много способствовал преодолению господствовавшей до этого аверроистской традиции европейского аристотелизма и триумфу «греческой редакции» аристотелевского корпуса. Греко-итальянский юрист Фома Дипловатац своим сочинением «О знаменитых юрисконсультах», содержащим жизнеописание юристов древности и средневековья, положил начало истории юридической литературы, применив к сочинениям юристов филологические методы гуманистов. Греческий писец и автор знаменитого «Номоканона» Мануил Малакосс также создал свой труд в Италии. Живописец и последний западный выразитель византийской художественной формы Доменико Теотокопули прославился в Испании под именем Эль Греко. Из этой же среды вышли множество греческих писцов и каллиграфов (например, работавшие в Ватиканской библиотеке Эммануил Проватарис, Иоани Мавроматис, Константин Ресинос, Матфей Деварис), ученых редакторов и типографов европейских издательств. Так, Марку Музуру принадлежат многие первоиздания греческих авторов в типографии Альда Мануция, включая полное собрание сочинений Аристофана, сочинения Аристотеля и Платона, Павсания и Гезихия; его учениками были видные итальянские гуманисты Джеромо Алеандро и Лазаро Бонамико, вместе с ним участвовавшие в исследовании и комментировании «Греческой антологии».

Греческая культура эпохи туркокрации развивалась преимущественно на европейской почве, она стала составной частью общеевропейской культуры.

Греки «диаспоры» в значительной мере определяли культурный климат Европы, буквально наводнили в XVI—XVII вв. европейский книжный рынок греческими рукописями и греческими первопечатными изданиями, находившими широкий спрос у читающей европейской публики. Массовая эмиграция людей сопровождалась массовым вывозом с территории бывшей Византийской империи рукописных коллекций. Еще в первой половине XV в. греческие рукописи в итальянских публичных и частных библиотеках были большой редкостью, в XVI в. их насчитывают сотни и тысячи.

Крупнейшим центром торговли вывезенными греческими рукописями была Венеция, через которую уплывали на Запад, обогащая библиотечные фонды Эскориала, Парижа, Ватикана, Вены и многих других городов, богатейшие коллекции греков-коллекционеров, таких, как, например, корфийот Антоний Эпарх. Все более широкие масштабы приобретает продукция греческих переписчиков, их число только до 1600 г. превышает 150, а их деятельность была даже более продуктивной, чем деятельность какой-нибудь современной им типографии. Таковы, например, выходец из Эпидавра Андрей Дармарий, оставивший несколько сотен рукописей; греческий писец Ватиканской библиотеки Эммануил Проватарис, скопировавший со своими помощниками 155 рукописей; один из наиболее искусных и плодовитых каллиграфов критянин Димитрий Дамилас; знаменитый Ангел Вергийкий, оставивший нам 135 рукописей, писанных его рукой; Михаил Сулиардос из Арголиды, сделавший на одной из переписанных им рукописей (хранится в Болонье) помету, что до этого он переписал 150 рукописей.

Заказчиками рукописей с сочинениями греческих авторов (античных, патристических, византийских) были представители широких кругов культурной элиты Запада — гуманисты, ученые, филологи, философы, историки, издатели, щедро оплачивавшие труд переписчиков. Этим обстоятельством, очевидно, и объясняется появление иногда недоброкачественной в филологическом отношении продукции, носящей следы спешки, а порой и откровенной фальсификации. Но в подавляющем большинстве случаев это была высокопрофессиональная работа, отмеченная к тому же сознанием высокого патристического долга переписчиков перед поработенной родиной. «Не ради мзды переписываю я рукописи, а ради родины и своего народа», — гордо заявляет Михаил Сулиардос. Не менее благородным было их стремление поставить эти блага на службу всем людям путем их издания в типографиях. «Считаю кощунством, что подобного рода сокровища остаются скрытыми и не становятся общим благом», — говорит Максим Пелопоннесец, бескорыстно уступая свои рукописи голландскому издателю Георгию Дузу.

Именно на западноевропейской почве было положено начало греческому книгопечатанию. Первым греческим книгопечатником, отлившим по своему рисунку греческие шрифты, был критский писец Димитрий Дамилас, а первой печатной греческой книгой была изданная им в 1476 г. в Милане грамматика «О восьми частях речи» Константина Ласкариса. За ней последовали его же издание в 1484 г. во Флоренции грамматики Мануила Хрисолова и первое монументальное двухтомное издание в 1488 г. поэм Гомера — крупнейшее достижение полиграфии и филологии своего времени, осуществленное Димитрием Халкокондилом. Отныне первоиздания сочинений греческих и византийских авторов появляются одно за другим, греческие типографии растут по всей Европе как грибы, а число греческих изданий с 1476 по 1821 г. превысило 5000. По приблизительным подсчетам, на книжный рынок поступило 5 млн экземпляров книг, прочитанных

не менее чем 50 млн читателей. Греческая книга оказала значительное влияние на развитие культуры Возрождения, но сыграла также заметную роль в новой, доселе неизвестной форме борьбы между католиками и протестантами в XVII в. за культурное и религиозное преобладание в православном мире — в «войне книг».

Дело в том, что XVI—XVII века — это время, когда вселенский патриархат Константинополя становится важным фактором европейской политики.

К авторитету греческой православной церкви и греческой патристики вызвали идеологи протестантизма Мартин Лютер и Филипп Меланхтон, пытавшиеся использовать «греко-византийскую карту» в своей борьбе с католицизмом. Протестанты упорно пытались установить связь с греческой церковью. Широкую известность, в частности, приобрели дружественные отношения теологического факультета Тюбингенского университета и Константинопольского патриархата в 1573—1581 гг. Много сделал для их развития большой знаток и страстный поклонник современной ему греческой культуры тюбингенский профессор Мартин Крузий, автор знаменитой «Туркогреции».

Активным очагом протестантской пропаганды было нидерландское посольство в Константинополе (посол Корнелий Хага). Попытки протестантов распространить свое учение среди православных греков не были безуспешными. Их влияние прослеживается в Лариссе, Фессалонике, на Корфу, Хиосе. Критянин Франгискос Портос, преподававший греческий язык в Генте, был связан с Кальвином, полемизировал с Пьером Шарпантье, пытавшимся оправдать преследования гугенотов во Франции, содействовал возведению памятника Колиньи в Генте. С востешеством на константинопольский патриарший престол известного своими кальвинистскими взглядами Кирилла Лукариса (1620—1638) протестантизм, казалось, восторжествовал в православной греческой церкви. Во внешнеполитической сфере Кирилл Лукарис пытался противопоставить Риму и католическим державам союз протестантских государств и Османской империи, а во внутрицерковной — осуществить реформу церкви. Он реорганизовал патриаршую академию, ставшую затем образцом для княжеских академий Бухареста и Ясса; с его помощью был принят перевод Нового завета на народный греческий язык (переводчик — Максим Родинос Каллиуполит); он учредил первую на греческой почве, в лоне Османской империи, типографию, перевезенную для этого из Лондона, но быстро прекратившую свое существование; основывал школы.

Естественно, все это крайне обеспокоило Ватикан. В своей борьбе за умы греков конгрегация пропаганды веры не только усиливает контроль над деятельностью греков-эмигрантов, над изданием и распространением книг с их сочинениями, но и сама публикует большими тиражами греческие книги литургического и апологетического содержания для их бесплатного распространения на православном Востоке. Впрочем, коренные различия во взглядах на основные проблемы христианской догматики не позволили протестантам и православным грекам прийти к соглашению, осуществить унию церквей, как этого добивались протестанты. Протестантов связывали с православием мотивы скорее политические, чем религиозные и идеологические. Недаром Кирилл Лукарис своей склонностью к кальвинизму восставал против себя не только католиков, но и православных и даже лютеран.

Но с точки зрения истории европейской культуры тесные культурные связи между лютеранами и православными греками имели большое значение. Они пробуждали интерес к истории православия, греческой культуре и языку, закладывали основы для возникновения и развития неогрецистики как науки.

«Беглые византийцы» не принесли Ренессанс в Европу, для этого в Европе было достаточно и своих особых причин и условий. Но, выступив на Западе в качестве членов ученых академий, университетских преподавателей и пропагандистов античного наследия, научив Европу говорить, читать и писать по-гречески и тем самым облегчив западноевропейцам доступ к этому наследию, византийские гуманисты, несомненно, обогатили культуру Возрождения. С «исходом» византийских ученых произошла как бы трансплантация византийского гуманизма на Запад; византийские гуманисты органически влились в ряды итальянских гуманистов, а позднее — западноевропейских эрудитов, смешались с ними и растворились в их среде. Во времена Кромвеля в английских университетах наряду с Аристотелем, Родольфом Агриколой, Филиппом Меланктоном и другими авторами студентам предписывалось читать сочинения Георгия Трапезунтского; уже одно это говорит о признании высокого авторитета греко-византийской культуры, внесшей весомый вклад в формирование общеевропейской культуры нового времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основное историческое значение эпохи позднего средневековья, фокусом которой стало XVI столетие, состоит в аккумуляции количественных изменений, медленно накапливавшихся в феодальном обществе в процессе труда и борьбы многих и многих поколений, приведшей к качественному скачку, переходу к начальным стадиям нового, капиталистического строя. XVI век открывает эпоху общеевропейской истории¹. Но процесс этот не ограничился пределами Европы, он был по своему воздействию и охвату явлением всемирно-исторического масштаба.

Длительная эволюция средневекового феодального общества еще не привела его к одряхлению. Напротив, позднее средневековье показало, какой сконцентрированный, как бы сжатый в мощную пружину, творческий потенциал оно накопило.

Развитие экономики властно требовало новых отношений, новых общественных структур. Асинхронность развития отдельных стран и регионов сохраняется и даже усиливается, но все они так или иначе втягиваются в новую сложную систему взаимодействий. Закладывается фундамент для образования новых группировок европейских государств. Складываются централизованные национальные государства. Природа государственной власти меняется, она вступает в новую стадию развития — абсолютизм. Новые формы приобретают международные отношения, отныне тесно связанные с возникновением колониальной системы. Войны европейских государств становятся в значительной степени торговыми войнами². Раздел мира в ходе великих географических открытий между Испанией и Португалией ставит политику европейских государств в зависимость от их чаяний и успехов в колониальных захватах.

Меняется карта Европы. Образуются новые государства. XVI век показал невозможность прочного длительного существования мировых универсалистских империй, ставших анахронизмом. Империя Карла V, в пределах которой «никогда не заходило солнце», оказалась эфемерным нежизнеспособным образованием и рухнула еще при жизни ее создателя, отрекшегося от престола. Внешнеполитические притязания его сына и наследника Филиппа II и попытка эксплуатировать для их осуществления богатые Нидерланды лишь ускорили крах Испании и способствовали ее капитуляции перед передовыми государствами. И в Германии дом Габсбургов обладал реальной властью лишь в своих непосредственных владениях, но не в пределах всей Империи. Из состава Империи вышли Швейцарские кантоны и Нидерланды; образовались новые типы государственных формирований: конфедерация автономных кантонов Швейцарии и первая в истории буржуазная республика — «Республика Соединенных провинций» в Нидерландах.

Коренным изменением подвергается жизнь ряда стран Центральной и Восточной Европы под воздействием завоеваний Османской империи, существование которой становится серьезным фактором европейской политики.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 501.

² Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 363: «На пороге капиталистического общества торговля господствует над промышленностью; в современном обществе наоборот».

Крупной политической силой заявляет себя Российское государство. Потрясения «Смутного времени», пережитые Россией в начале XVII в., показали изменившийся уровень народного самосознания, способность народа к самоотверженности во имя спасения страны. В народной памяти навсегда сохранился подвиг ополчений, двинувшихся к Москве по призыву и под водительством Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского. Преодоление последствий разорения Русской земли, условия избрания новой династии обнаружили, несмотря на противоречивость чаяний разных слоев общества и смутность и неясность одушевлявших их стремлений, как глубоко изменились представления об основаниях государственной власти.

Деятельная внешняя политика крепнущей державы существенно меняет соотношение сил в Восточной Европе. В середине XVII в. борьба России с Речью Посполитой и размах народной войны на украинских и белорусских землях привели к важнейшему событию в жизни восточноевропейских народов — воссоединению Украины с Россией.

Складывается новое региональное деление Европы, изменчивое и динамичное: ускоряется социально-экономическое развитие одних стран и замедляются успехи других. Но при всей неравномерности развития различных регионов Европа в целом прочно заняла передовые позиции в формировании нового, капиталистического способа производства. Однако феодальная Европа была еще жива, и даже ее наиболее развитые страны стояли перед задачей преодоления феодальных институтов и установлений во всех областях жизни — от отношений собственности до духовной жизни и социальной психологии.

Решающие битвы нового класса — буржуазии — за свое господство, за отмену феодальной собственности еще впереди, свое завершение они найдут лишь в Великой французской революции. XVI век открыл эру буржуазных революций; первая из них — в Германии — потерпела поражение, хотя ее общеевропейский резонанс вне сомнения. Еще большее влияние на ход европейской истории имела Нидерландская революция, впервые в истории одержавшая победу над феодальным строем. Но XVI век знал и феодальную реакцию, и длительное и многообразное приспособление феодальных отношений к новым условиям.

Развитие капитализма совершилось в недрах феодального общества, оказавшегося способным к развитию производительных сил и техническому прогрессу³, и долгое время с ним сосуществовало, прежде чем окончательно разбило его рамки. Формы этого сосуществования в разных областях жизни и в разных регионах Европы были различными.

Одной из важнейших форм такого сосуществования в социально-экономической сфере было вторичное закрепощение крестьянства (или так называемое «второе издание крепостничества») — явление, охватившее ряд стран Центральной и Восточной Европы и оказавшее огромное влияние на все стороны их жизни. По своим социальным корням и отношениям собственности — явление феодального порядка, вторичное закрепощение было связано и с переменами, обусловленными развитием раннекапиталистических отношений, мирового рынка, мировой зерновой торговли.

Развитие капиталистического производства отыскивает себе многообразные пути. Блестящая материальная культура городов классического и позднего средневековья, высокий уровень средневекового ремесла, дошедшего до виртуозности, подготовили почву техническому прогрессу, создали тщательно разработанные устойчивые формы цеховой организации труда, в значительной мере ставшие теперь препоной на пути нового. Там, где цехи замкнулись, окостенели, не сумели приспособиться к рост-

³ См.: Там же. Т. 23. С. 727: «Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества».

кам капитализма, новые предприниматели, минуя город, находили благоприятные условия для эксплуатации деревенских промыслов, подчиняя их себе и создавая мастерские и мануфактуры.

Устойчивый рост населения, который исследователи отмечают для периода с 1450 по 1650 г., создает относительное перенаселение, способствующее кризису мелкого сельского хозяйства ⁴; в результате и в городе и в деревне стимулируется распространение наемного труда, возникновение капиталистической аренды и крупного фермерского хозяйства. Однако на начальных стадиях развития капиталистических отношений, в мануфактурный период, разрыва капиталистического предпринимательства с городским и сельским ремеслом еще не происходит: «... собственно мануфактурный период еще не приводит к радикальному преобразованию... мануфактура овладевает национальным производством лишь очень неполно, основываясь всегда на городском ремесле и сельских домашних побочных промыслах как на широком базисе» ⁵.

Новое, капиталистическое производство привело к формированию новой классовой структуры общества. Некоторые историки отрицают наличие классов в период средневековья, признавая лишь существование отдельных социальных прослоек и групп. Действительно, переходному периоду с его сложным экономическим базисом присуща и сложность социальных структур, однако весь ход исторического развития показывает наличие классов и их эволюцию в период позднего средневековья, приведшую к зарождению новых классов буржуазного общества. Наличие социальных прослоек осложняет изучение классов, но не свидетельствует об их отсутствии.

Крестьянство остается и в этот период самым многочисленным классом, обеспечивающим своим трудом существование общества. Постепенно формируются новые классы: предпролетариат, еще лишенный какой бы то ни было организации, классового самосознания, обреченный на жестокую эксплуатацию, новые формы защиты против которой в условиях феодальной Европы еще не выработаны; растут слои ранней буржуазии, которая составляет состояния, организует мануфактуры, создает новые формы учета и кредита, учится использовать для своего обогащения государственные займы, но также еще не вполне обретает сознание своей силы, часто тяготеет к феодальным нормам и идеалам, вкладывает капиталы в земельную собственность, приобретает государственные должности, стремится путем аноблирования вступить в ряды господствующего феодального класса. Нарождающаяся буржуазия еще долго сохраняет свое подчиненное положение.

Происходят изменения в положении и жизненной ориентации дворянства, которое пытается приспособиться к новым условиям. Возникает новое дворянство, роль которого в преобразовании деревни очень велика, особенно в Англии.

Феодальная знать, теряя былую самостоятельность и независимость, сохраняет существенные привилегии в сфере государственно-правовой, в военном деле, занимая высшие командные должности.

В условиях сосуществования и противостояния старого и нового развиваются новые формы государства. Энгельс писал: «Разложение феодализма, а также развитие городов — оба {процесса} вызвали децентрализацию, отсюда возникла прямая необходимость в абсолютной монархии как в силе, скрепляющей национальность. Она *должна быть* абсолютной, именно вследствие центробежного характера всех элементов. Но ее абсолютистский характер нужно понимать не в вульгарном смысле; {она развивалась} в постоянной борьбе то с сословным представительством, то с

⁴ История крестьянства в Европе: эпоха феодализма. М., 1986. Т. 3. С. 551.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 758.

мятежными феодалами и городами; сословия никогда не были ею упразднены; таким образом, ее следует обозначать скорее как *сословную* монархию, (а также как феодальную монархию {периода} разложения феодализма и в зародыше буржуазную...)»⁶.

Формы и результаты воздействия государственной власти на общество были различными. Если абсолютная монархия во Франции сумела совершить изменение традиционных структур и приспособиться к новым потребностям общественного развития, что дало ей возможность просуществовать еще два столетия, то абсолютизм в Англии пришел в противоречие с более выраженными тенденциями капиталистического развития страны гораздо быстрее, и час его пробил почти на полтора столетия раньше.

Отсутствие централизованного государства наложило свою печать на особенности развития капитализма в Германии и Италии. Но в еще большей степени послужил препятствием для формирования новых общественных отношений испанский абсолютизм.

В ходе развития абсолютной монархии закладываются основы целенаправленной экономической политики государства, стремящегося защищать интересы отечественной торговли и промышленности. Однако влияние абсолютистского государства на хозяйственную жизнь могло быть противоречивым, особенно на ранних стадиях его существования. Так, в Англии государство тщетно пыталось противостоять огораживаниям, замедлить процессы аграрной революции, препятствовать обезземелению крестьян; с другой стороны, жесточайшее кровавое законодательство против нищих и бродяг, т. е. вырванных из традиционных условий своего существования вчерашних крестьян, объективно работало на процесс первоначального накопления, предоставляя в распоряжение новых предпринимателей дешевую и бесправную рабочую силу, обеспечивая процесс развития наемного труда.

В различных странах в разной степени, но еще имеет место и смешение новых черт в системе управления со старыми, феодальными. Прочным еще было отождествление государства с личностью суверена.

По-новому складываются отношения государства и церкви. Власть папы в делах национальных церквей была уничтожена не только в государствах, в ходе Реформации превративших протестантизм или его разновидности в государственную религию и извлекивших существенную пользу из секуляризации имущества католической церкви. И в ряде стран, сохранивших верность католицизму, власть папы была подорвана; даже инквизиция была поставлена на службу государству. В ходе бурных событий, войн, острой борьбы в рассматриваемый период складывается новая конфессиональная расстановка сил: с XVI в. противостоят друг другу Европа католическая и Европа протестантская. Однако и ту и другую, в свою очередь, раздирают глубокие противоречия. Непримирима вражда католической Франции и оплота католицизма — австрийских и испанских Габсбургов; остро враждуют между собой лютеране и кальвинисты.

Политическую ситуацию и отношения европейских государств определяют мирные договоры: мир в Като-Камбрези (1559 г.) завершает Итальянские войны,⁷ Вестфальский мир 1648 г. подвел итоги Тридцатилетней войны, которую называют первой общеевропейской войной; Пиренейский мир 1659 г. закрепил победу Франции в ее длительном соперничестве с Испанией.

На Балтике добивается преобладания Швеция, и здесь завязывается узел противоречий, разрешение которого становится жизненно важным для крепнущего Российского государства.⁸

Беликие географические открытия, успехи судостроения и науки поко-

⁶ Архив Маркса и Энгельса. Т. 10. С. 356.

рили европейцам океаны и новые континенты. Однако трюмы европейских кораблей были набиты не только товарами, но и оружием и многочисленными рабами. Работорговля и пиратство пышным цветом расцвели на заре капиталистической эры и положили начало многим крупным состояниям отдельных предпринимателей, богатству ряда компаний и городов.

Европа вырвалась вперед, обогнав в своем развитии другие континенты: человек цивилизации «отбросил их на второй план, оставив далеко позади себя. Он как бы сгладил, обесценил успехи этих народов»⁷. Но и в самой Европе ее успехи имели оборотную сторону: процесс первоначального накопления был связан с обеднением широких масс населения, осуществлялся в неслыханно жестоких формах. Новая этика труда, освященная прежде всего кальвинизмом, сочеталась с безудержной погоней за прибылью. Усиление государства вело к росту налогов, необходимых для содержания его главных орудий — чрезвычайно разросшегося и разветвленного бюрократического аппарата, постоянных армий, полиции и суда. Налоговый гнет резко обострял социальную и классовую борьбу, формы которой в тот период отличаются большим разнообразием и сложным переплетением интересов и чаяний народных масс.

Чувству огромного подъема, запечатленному в великих произведениях ренессансной культуры, сопутствовало и острое ощущение несправедливости новых общественных отношений, породившее и их критику уже на ранних стадиях существования, и мечты о лучшем общественном устройстве, достойном человека, в первых произведениях утопического социализма, ряд которых открыл своей «Утопией» Томас Мор.

Люди и события этого яркого во всех своих противоречиях времени оставили глубокий след в истории как создатели непревзойденного искусства и культуры, заложившие основы современной науки, техники, политической мысли. Их деяния волновали не только их современников, они вдохновляли и продолжают вдохновлять вплоть до наших дней многие поколения поэтов, драматургов, музыкантов и художников: созданная ими галерея бессмертных образов составляет золотой фонд современной европейской цивилизации.

⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 195.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАРТЫ:

1. Экономическое развитие Европы (сельское хозяйство)
2. Великие географические открытия и колониальные захваты европейских государств в конце XV — первой половине XVII в.
3. Реформация и Контрреформация в Европе
4. Крестьянская война в Германии 1524--1525 гг.
5. Нидерландская буржуазная революция
6. Европа и Османская империя в XVI — первой половине XVII в.
7. Российское государство в XVI в.
8. Российское государство и Речь Посполитая в первой половине XVII в.
9. Тридцатилетняя война

ВКЛАДКИ:

Европа в конце XV в.

Европа по Вестфальскому миру 1648 г.

Западная Европа в конце XV — середине XVI в. Итальянские войны

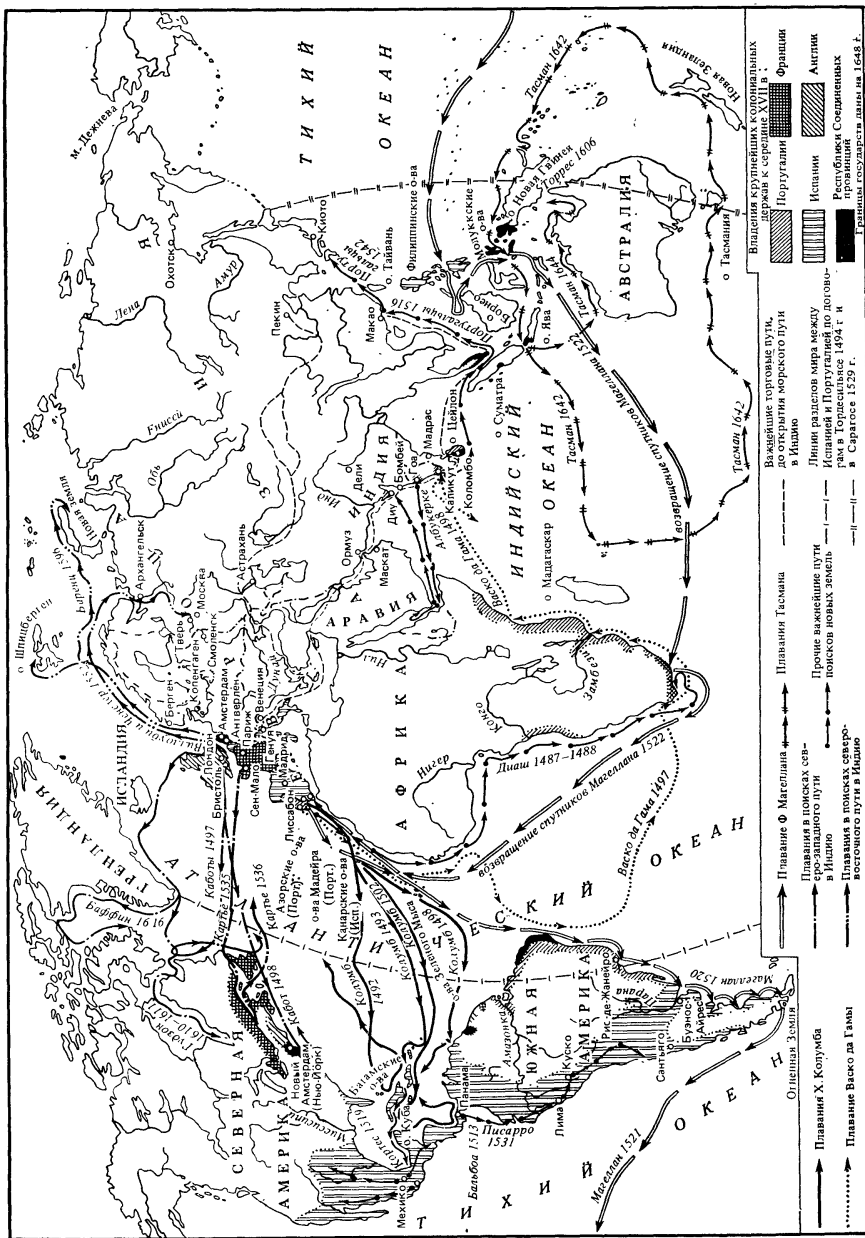
Экономическое развитие Европы в XVI — первой половине XVII в. (промышленность и торговля)

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЕВРОПЫ

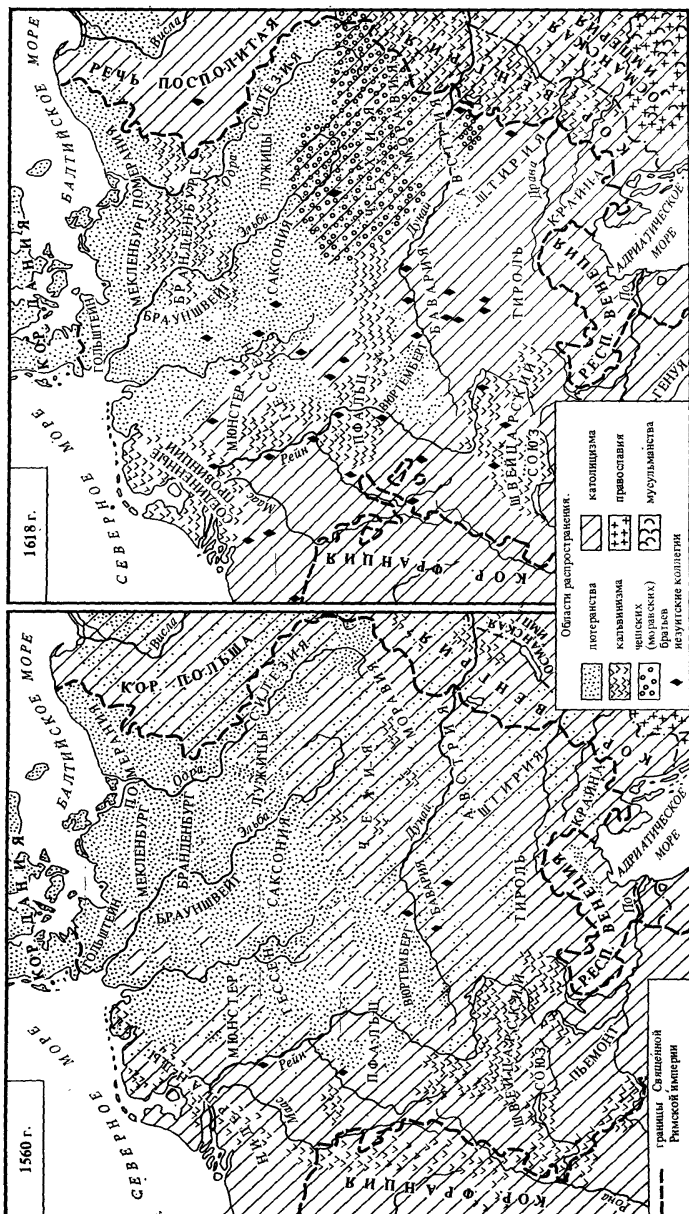
(сельское хозяйство)

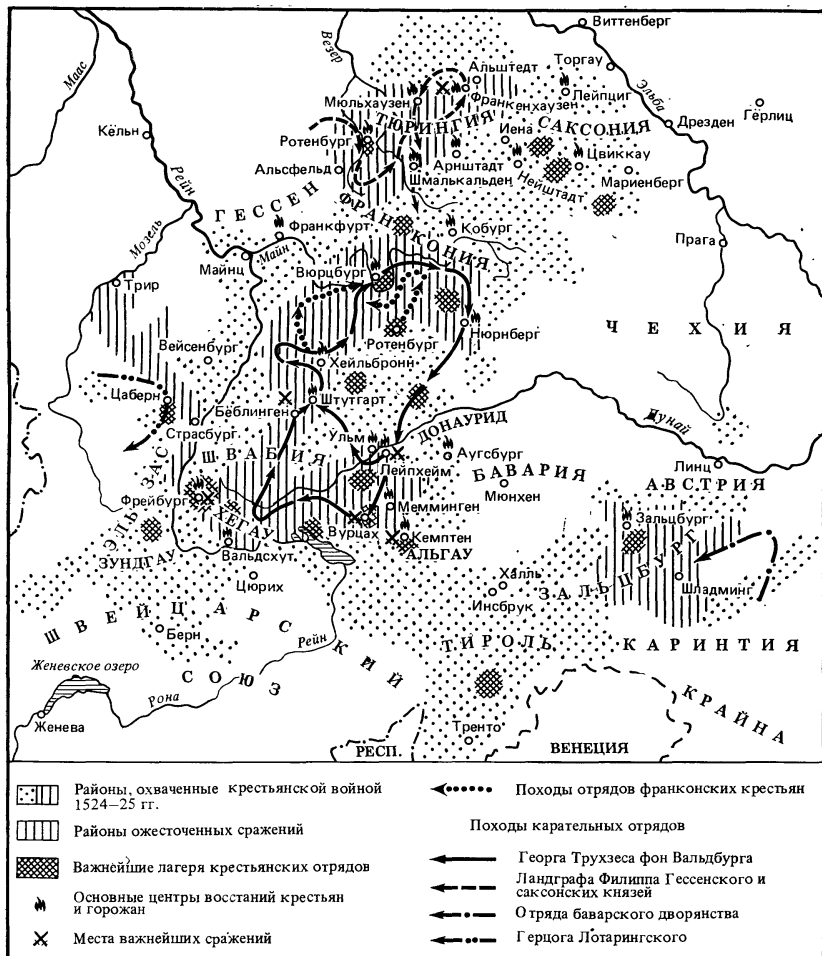

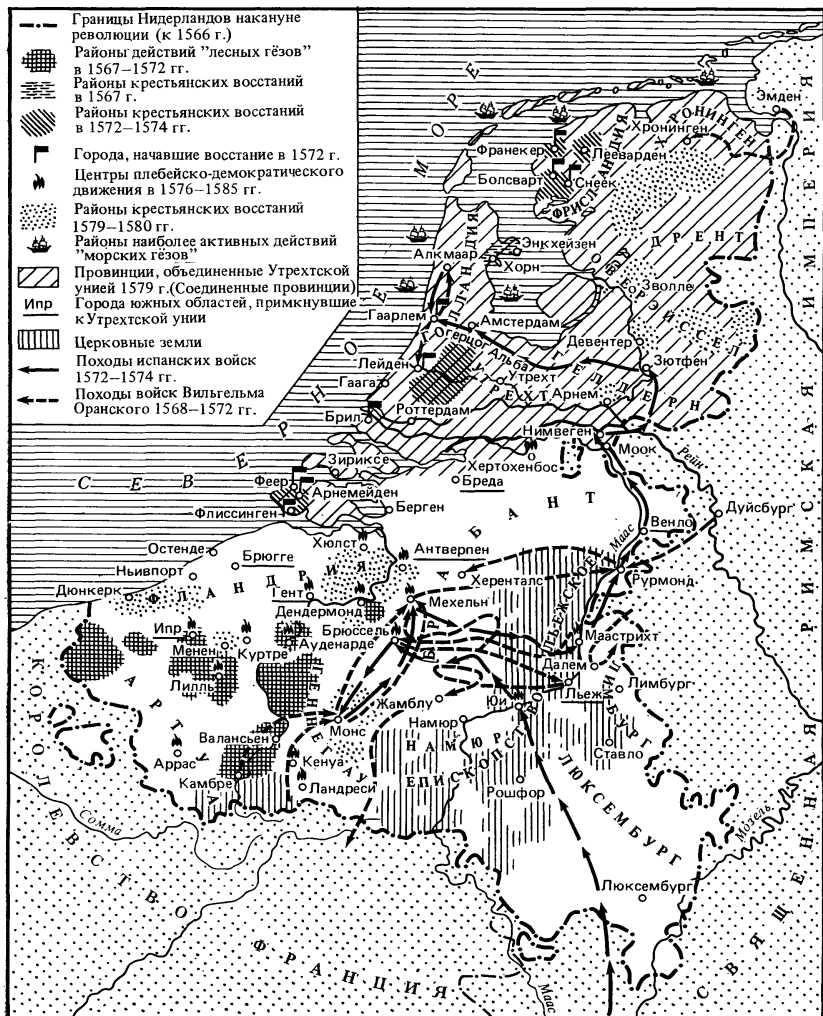
РЕФОРМАЦИЯ И КОНТРЕФОРМАЦИЯ В ЕВРОПЕ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ 1524—1525 гг.

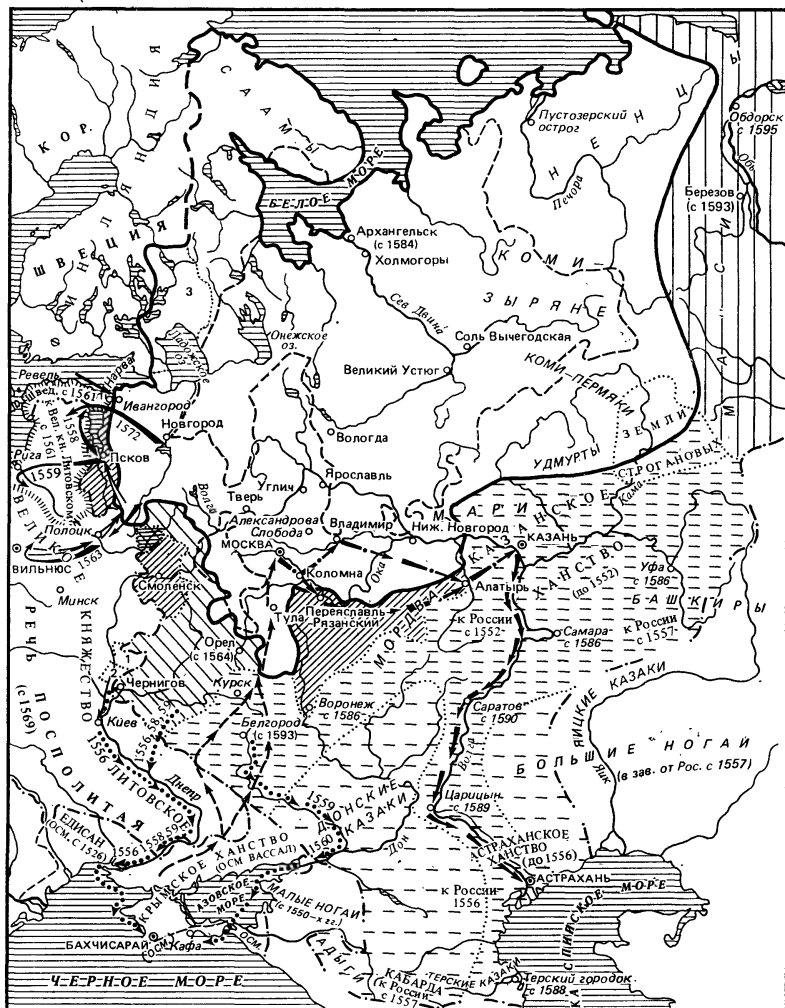
НИДЕРЛАНДСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЕВРОПА И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XVI в.

Территория Российского государства к началу XVI в

Походы русских войск

против Казанского ханства в 1552 г.

против Астраханского ханства в 1554-1556 гг.

против Крымского ханства в 1556, 1558, 1559-1561 гг.

Набеги крымских татар на Россию в 1552, 1555, 1571, 1572 гг.

Ливонская война 1558-1583 гг.

Основные действия русских войск

Основные действия войск шведов

Основные действия польско-литовских войск

Ливонский орден до 1561 г.

Территории присоединенные к Российскому государству

в 1503 г.

в 1510-1522 гг.

в 1551-1557 гг.

в 1561-1600 гг.

Территории, вошедшие в состав России в 1551-1557 гг. и сохранившие местное самоуправление

Территории, отошедшие от России к Речи Посполитой по Ям-Запольскому мирному договору 1582 г.

Границы земель, выделенных в опричнину в 1565-1572 гг.

Границы государств к концу XVI в.

Цифрами обозначены: 1 - территория, отошедшая вновь к Великому княжеству Литовскому в 1508 г.

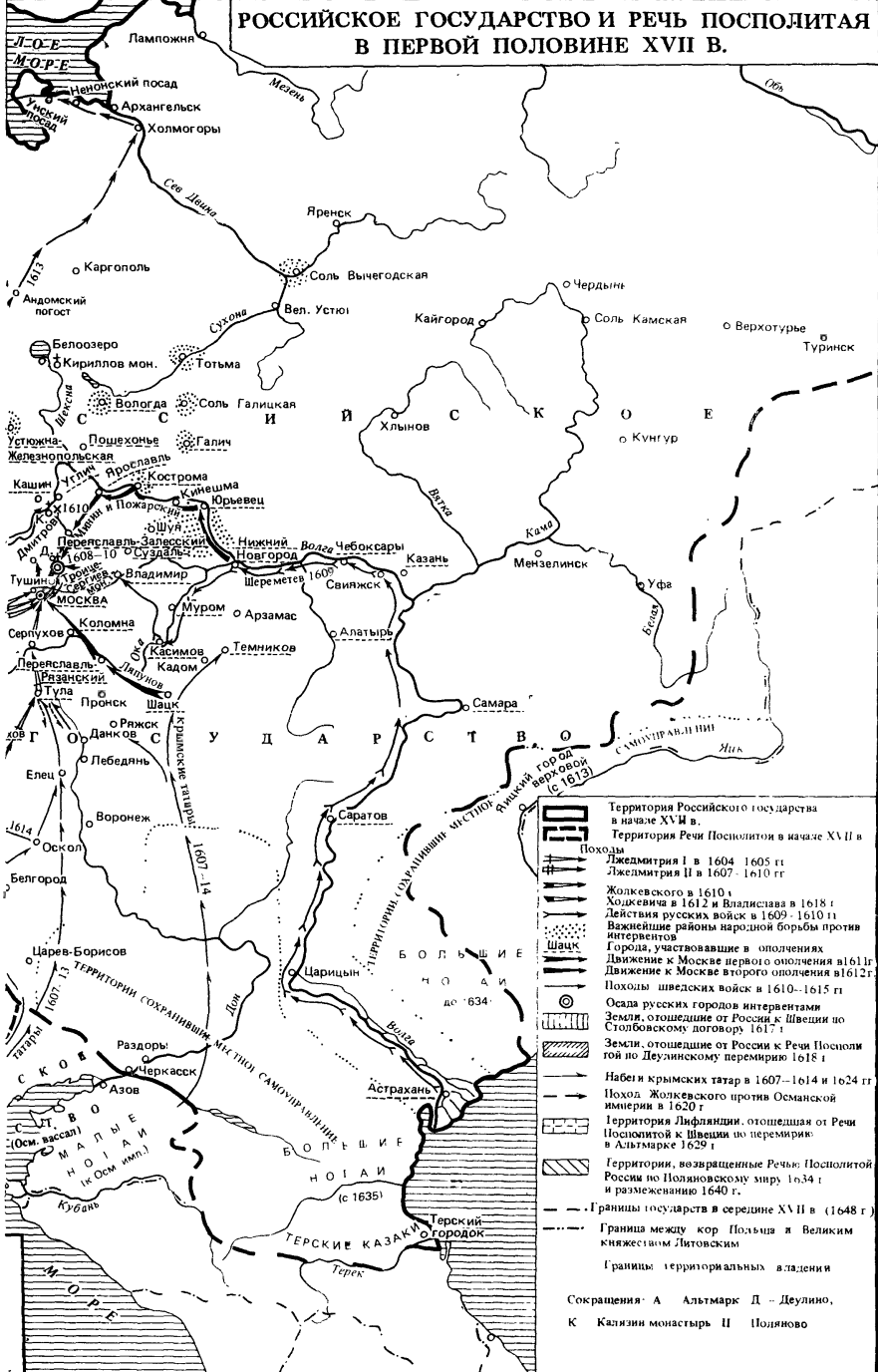
2 - территория, отошедшая вновь к Великому княжеству Литовскому в 1537 г.

3 - территория, отошедшая к Швеции по Плевскому договору 1583 г.

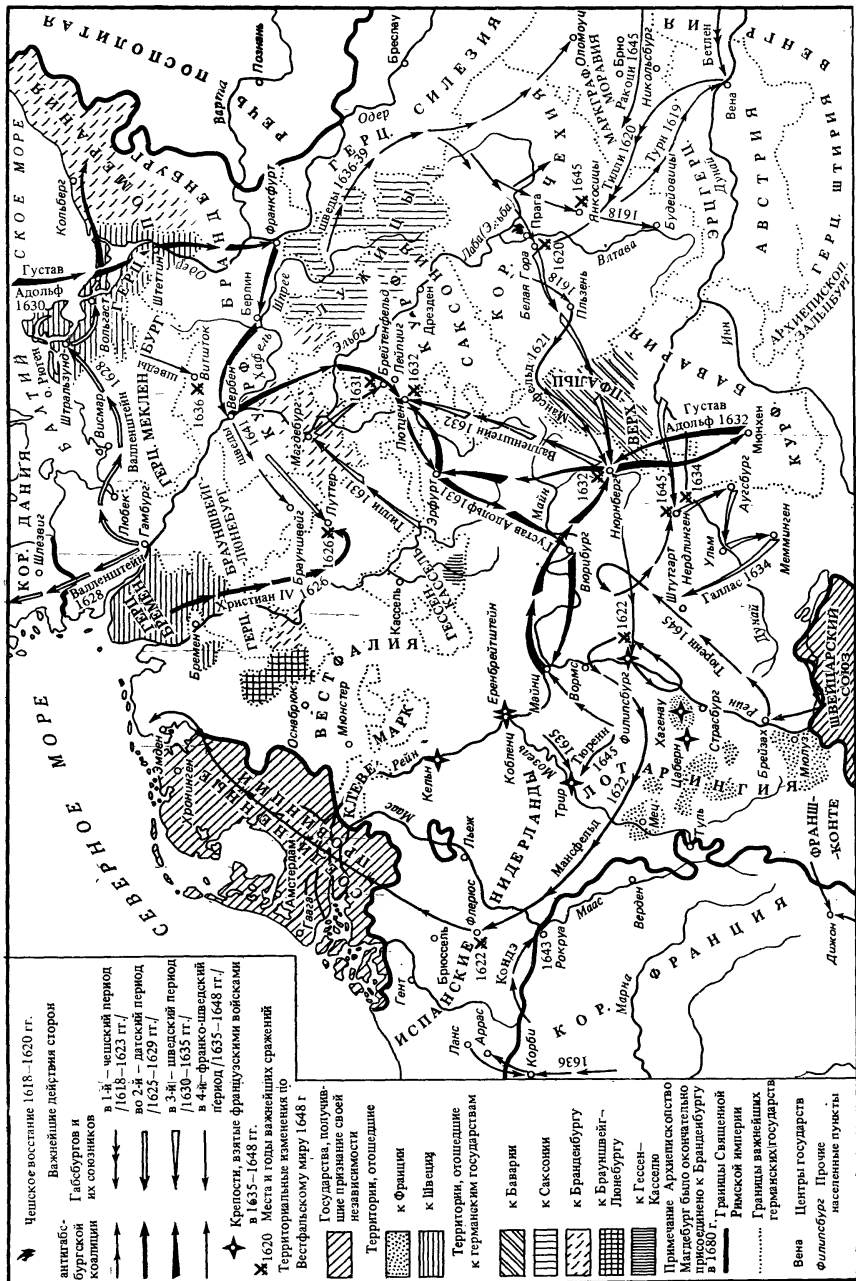
и возвращенная России по Тявзинскому договору 1595 г.

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

ЛИТЕРАТУРА

ОБЩИЕ РАБОТЫ

- Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984.
- Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
- Барг М. А. Место XVII века в истории Европы // ВИ. 1985. № 3.
- Баттин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
- Бояджиев Г. Н. Вечно прекрасный театр эпохи Возрождения: Италия, Испания, Англия. Л., 1973.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV — XVIII вв. М., 1986—1991. Т. 1—3.
- Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- Владимиров Л. И. Всеобщая история книги. М., 1988.
- Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972.
- Всемирная история. М., 1958. Т. 4.
- Всеобщая история искусств. М., 1962, 1963. Т. 3, 4.
- Генезис капитализма в промышленности. М. 1963.
- Голенищев-Кутузов И. Н. Романские литературы. М., 1975.
- Городская жизнь в средневековой Европе. М., 1987.
- Городская культура: Средневековье и начало нового времени. Л., 1986.
- Горфункель А. Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980.
- Господствующий класс феодальной Европы. М., 1989.
- Европа в средние века: Экономика, политика, культура. М., 1972.
- Искусство стран и народов мира. М., 1962—1981. Т. 1—5.
- История всемирной литературы. М., 1985, 1988. Т. 3, 4.
- История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 3.
- Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. СПб., 1908.
- Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1904. Т. 2.
- Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. М., 1900—1903. Т. 2, 3.
- Кудрявцев О. Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». М., 1991.
- Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. М.; Л., 1931. Т. 2.
- Культура Возрождения и общество. М., 1986.
- Культура эпохи Возрождения. Л., 1986.
- Культура эпохи Возрождения и Реформация. М., 1981.
- Ливанова Т. Н. История западноевропейской музыки до 1789 г. М., 1983. Т. 1.
- Лозинский С. Г. История папства. М., 1986.
- Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
- Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
- Маркс К. Капитал. Т. 1—3 // Там же. Т. 23—25.
- Маркс К. Нищета философии // Там же. Т. 4.
- Маркс К. Революционная Испания // Там же. Т. 10.
- Маркс К. Хронологические выписки // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 7, 8, 10.
- Ольшанский Л. История научной литературы на новых языках. М.; Л., 1933—1934. Т. 1—3.
- Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV — XVI вв.: Главные тенденции полит. взаимоотношений. М., 1984.
- Пинский Л. Е. Реализм эпохи Возрождения. М., 1961.
- Политические учения: История и современность: Домарксистская политическая мысль. М., 1976.
- Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
- Проблемы генезиса капитализма. М., 1970.
- Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.
- Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1974—1984. Вып. 1—4.
- Ренессанс. Барокко. Классицизм: Проблема стилей в западноевропейском искусстве XV — XVII вв. М., 1966.
- Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974.

- Рутенбург В. И.* Титаны Возрождения. Л., 1976.
- Рынок и экспортные отрасли ремесла в Европе XIV — XVIII вв. М., 1991.
- Сказкин С. Д.* Избранные труды по истории. М., 1973.
- Сказкин С. Д.* Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981.
- Сказкин С. Д.* Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе // ВИ. 1958. № 2.
- Социальная природа средневекового бюргерства XIII — XVII вв. М., 1979.
- Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. М., 1984.
- Средневековый город. Саратов, 1968 — 1991. Вып. 1—10.
- Средние века. М., 1942—1991. Вып. 1—54.
- Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. М., 1969.
- Типология и периодизация культуры Возрождения. М., 1978.
- Февр Л.* Бой за историю М., 1991.
- Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983.
- Черняк Е. Б.* Судебная петля: Секретная история политических процессов на Западе. М., 1991.
- Чистозвонов А. Н.* Генезис капитализма: Проблемы методологии. М., 1985.
- Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исмаилов Т. М.* Абсолютизм в странах Западной Европы и в России: (Опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. 1985. № 3.
- Щеголев П. П.* Очерки истории Западной Европы, XVI — XVIII вв. Л., 1938.
- Энгельс Ф.* Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22.
- Энгельс Ф.* Диалектика природы // Там же. Т. 20.
- Энгельс Ф. К.* «Крестьянской войне» // Там же. Т. 21.
- Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии // Там же. Т. 7.
- Энгельс Ф.* О разложении феодализма и образовании национальных государств // Там же. Т. 21.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.
- Abel W.* Massenarmut und Hungerkrisen im vorindustriellen Europa: Versuch einer Synopsis. Hamburg; B., 1974.
- L'abolition de la féodalité dans le monde Occidental.* P., 1971. T. 1—2.
- The age of expansion: Europe and the world, 1559—1660.* N. Y., 1968.
- Anderson P.* Lineages of the Absolutist state. L., 1974.
- Ariès Ph.* L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. P., 1973.
- Altman A.* American bullion in the European world trade, 1600—1800. Göteborg, 1986.
- Der Aussenhandel Ostmitteleuropas, 1450—1650: Die ostmitteleuropäischen Volkswirtschaften in ihren Beziehungen zu Mitteleuropa.* Köln; Wien, 1971.
- Ball J. N.* Merchants and merchandise: The expansion of trade in Europe, 1500—1630. N. Y., 1977.
- Bauer und bürgerliche Revolution.* B., 1985.
- Bennassar B., Jacquart J.* Le XVIe siècle. P., 1972.
- Braudel F.* Le Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. P., 1966. T. 1—2.
- The Brenner debate: Agrarian class structure and economic development in preindustrial Europe.* Cambridge, 1985.
- Broc N.* La géographie de la Renaissance (1420—1620). P., 1980.
- Burke P.* Popular culture in early modern Europe. N. Y.; L., 1978.
- The Cambridge economic history of Europe.* Cambridge, 1967, 1977. T. 4, 5.
- Carter Ch.* The Western European powers, 1500—1700. Ithaca (N. Y.), 1971.
- Chastel A.* La crise de la Renaissance, 1520—1600. Genève, 1968.
- Chaunu P.* La civilisation de l'Europe classique. P., 1966.
- Chaunu P.* Histoire, science sociale: La durée, l'espace et l'homme à l'époque moderne. P., 1974.
- Chaunu P.* Eglise, culture et société: Essais sur Réforme et Contre-Réforme (1517—1620). P., 1981.
- Chaunu P.* La réforme protestante. Bruxelles, 1984.
- Cipolla C. M.* Storia economica dell'Europa pre-industriale. Bologna, 1974.
- Corvisier A.* Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. P., 1976.
- Cowan A. F.* The urban patriciate: Lubeck and Venice, 1580—1700. Köln; Wien, 1986.
- Crisis in Europe, 1550—1660.* L., 1965.
- Davis R.* The rise of the Atlantic economies. Ithaca (N. Y.), 1973.
- Delumeau J.* La civilisation de la Renaissance. P., 1973.
- Delumeau J.* La peur en Occident, XIVe—XVIIIe siècles: Une cité assiégée. P., 1978.
- Delumeau J.* La pêche et la peur: La culpabilisation en Occident (XIIIe—XVIIIe siècles). P., 1983.
- La deuxième servage en Europe centrale et orientale.* P., 1970.
- De Vries J.* Economy of Europe in the age of crisis, 1600—1750. Cambridge, 1976.
- De Vries J.* European urbanization, 1500—1800. L., 1984.
- Deyon P.* Le mercantilisme. P., 1969.
- Durand G.* Etats et institutions, XVIe—XVIIIe siècles. P., 1969.
- The European crisis of the 1590s: Essais in comparative history.* L., 1985.
- Febvre L.* Au coeur religieux du XVIe siècle. P., 1968.
- First images of America: The impact of the New World on the Old.* Berkeley etc., 1976. Vol. 1—2.

- Flandrin J.-L.* Familles: Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société. P., 1976.
- The formation of national states in Western Europe. Princeton, 1975.
- Garin E.* Rinascite e rivoluzioni: Movimenti culturali dal XIV al XVIII secolo. Roma; Bari, 1975.
- The general crisis of the seventeenth century. L., 1985.
- Grand domaine et petits exploitations en Europe au Moyen Age et dans les temps modernes: Rapports nationaux. Bp., 1982.
- Hamilton E.* The American treasure and the rise of capitalism // *Economica*. 1924. Vol. 9.
- Handbuch der europäischen Geschichte / Hrsg. Th. Schieder. Stuttgart, 1968, 1971. Bd. 3, 4.
- Hexenwelten: Magie und Imagination von 16.—20. Jh. / Hrsg. R. van Dülmen. Frankfurt a. M., 1987.
- Historia socialis et oeconomica: Festschrift für Wolfgang Zorn zum 65. Geburtstag.* Stuttgart, 1987.
- Household and family in past time / Ed. P. Laslett, R. Wall. Cambridge, 1972.
- Hroch M.* Handel und Politik in Ostseeraum während des Dreissigjährigen Krieges. Pr., 1976.
- Hroch M., Petráň J.* 17 století — krize feudální společnosti? Pr., 1976.
- An introduction to the sources of European economic history, 1500—1800. Ithaca (N. Y.), 1977.
- Jeannin P.* Les marchands au XVIe siècle. P., 1957.
- Kellenbenz H.* The rise of the European economy: An economic history of continental Europe from the fifteenth to the eighteenth century. L., 1976.
- Kiernan V. G.* State and society in Europe, 1550—1650. Oxford, 1980.
- Koenigsberger H., Mosse G. L.* Europe in the sixteenth century. L., 1968.
- Kristeller P. O.* Renaissance thought. N. Y., 1964, 1965. Vol. 1, 2.
- Kristeller P. O.* Renaissance concepts of man and other essays. N. Y., 1972.
- Labatut J.-P.* Les noblesses européennes de la fin du XVe siècle à la fin du XVIIIe siècle. P., 1978.
- Lavedan P., Huguency J., Henrat Ph.* L'urbanisme à l'époque moderne, XVIe — XVIIIe siècles. P., 1982.
- Leon P.* Histoire économique et sociale du monde. P., 1978. T. 1—2.
- Mandrou R.* Des humanistes aux hommes de science (XVIe — XVIIe siècles). P., 1973.
- Mauro F.* Le XVIe siècle européen: Aspects économiques. P., 1966.
- Mauro F.* L'expansion européenne (1600—1870). P., 1967.
- Mélanges en l'honneur de Fernand Braudel: Histoire économique du monde méditerranéen, 1450—1650. Toulouse, 1973.
- Mols R.* Introduction à la démographie historique des villes d'Europe du XIVe au XVIIIe siècle. Louvain, 1955. T. 1—2.
- Morineau M.* 1492—1610: Le XVIe siècle: L'âge de Jean Le Coullon. P., 1968.
- Mousnier R.* Les XVIe et XVIIe siècles. P., 1954.
- Mousnier R.* Les hiérarchies sociales de 1450 à nos jours. P., 1969.
- Mousnier R.* La monarchie absolue en Europe du Ve siècle à nos jours. P., 1982.
- National consciousness, history and political culture in early modern Europe. Baltimore, 1975.
- The new Cambridge modern history. Cambridge, 1957—1971. Vol. 1—4.
- Oberman H. A.* Masters of the Reformation: The emergence of a new intellectual climate in Europe. Cambridge etc., 1981.
- Ottoman rule in Middle Europe and Balkan in the 16th and 17th centuries. Pr., 1978.
- L'ouverture du monde, XIVe — XVIe siècles. P., 1977.
- Politics and culture in early modern Europe. Cambridge, 1987.
- Pounds N. J. G.* An historical geography of Europe, 1500—1840. Cambridge, 1979.
- Pouvoir et institutions en Europe au XVIe siècle. P., 1987.
- Religion and society in early modern Europe, 1500—1800. L. etc., 1984.
- Skinner Q.* The foundations of modern political thought. Cambridge, 1978. Vol. 1—2.
- Slicher van Bath B. H.* The agrarian history of Western Europe, A. D. 500—1850. L., 1963.
- Spitz L. W.* The Protestant Reformation, 1517—1559. N. Y., etc., 1984.
- Stradling R. A.* Europe and the decline of Spain: A study of the Spanish system, 1580—1720. L., etc., 1981.
- Théorie et pratique politique à la Renaissance. P., 1977.
- Topolski J.* Narodziny kapitalizmu w Europie XIV — XVII w. W-wa, 1965.
- Trevor-Roper H. R.* Religion, the Reformation and social change and other essays. L., 1967.
- Trevor-Roper H. R.* Renaissance essays. L., 1985.
- Verlinden Ch.* Les origines de la civilisation atlantique: De la Renaissance à l'Age des Lumières. P., 1966.
- Wallerstein I.* The modern world-system: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. N. Y., etc., 1974.
- Wallerstein I.* The modern world-system. 2. Mercantilism and the consolidation of the European world-economy, 1600—1750. N. Y. etc., 1980.
- Williams G. H.* The radical reformation. Philadelphia, 1962.
- Williams N.* Chronology of the expanding world, 1492—1762. N. Y., 1969.
- Zagorin P.* Rebels and rulers, 1500—1660. Cambridge, 1982. Vol. 1—2.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

- Alltag im Spätmittelalter. Graz, 1985.
- Barge H. Geschichte der Buchdruckerkunst von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. Leipzig, 1940.
- Burke P. The historical anthropology of early modern Italy: Essays on the perception and communication. Cambridge etc., 1987.
- Cipolla C. M. Guns and sails in the early phase of European expansion, 1400—1700. L., 1965.
- Cipolla C. M. Clocks and culture, 1300—1700. L., 1967.
- Civitas communis: Studien zum europäischen Städtewesen. Köln; Wien, 1984. T. 1—2.
- Entstehung des frühneuzeitlichen Europa, 1550—1648 / Hrsg. R. van Dülmen. Frankfurt a. M., 1985.
- Gewerbliche Produktion und Stadt-Land Beziehungen // Hansische Studien. Weimar, 1979. Bd. 4.
- Goetz D. Die Anfänge der Artillerie. B., 1985.
- Handbuch der europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Stuttgart, 1986. Bd. 3: 1350—1650 / Hrsg. H. Kellenbenz.
- Handwerk und Sachkultur im Spätmittelalter. Wien, 1988.
- Hansische Stadtgeschichte: Brandenburgische Landgeschichte // Hansische Studien. Weimar, 1989. Bd. 8.
- Hauptstädte: Entstehung, Struktur und Funktion. Neustadt an der Aisch, 1979.
- Historische Familienforschung. Frankfurt a. M., 1982.
- Imhof A. Einführung in die historische Demographie. München, 1977.
- Kellenbenz H. Technik und Wirtschaft im Zeitalter der wissenschaftlichen Revolution // Europäische Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Stuttgart, 1979. Bd. 2.
- Matheus M. Hafenkrane: Zur Geschichte einer mittelalterlichen Maschine am Rhein u. seinen Nebenflüssen von Straßburg bis Düsseldorf. Trier, 1985.
- Migration in der Feudalgesellschaft. Frankfurt a. M.; N. Y., 1988.
- Der Ost- und Nordseeraum: Politik-Ideologie-Kultur vom 12. bis zum 17. Jahrh. // Hansische Studien. Weimar, 1986. Bd. 7.
- Schwerpunkte der Eisengewinnung und Eisenverarbeitung in Europa, 1500—1650 / Hrsg. H. Kellenbenz. Köln; Wien, 1974.
- Schwerpunkte der Kupferproduktion und des Kupferhandels in Europa, 1500—1650 / Hrsg. H. Kellenbenz. Köln; Wien, 1977.
- Skalweit S. Gestalten und Probleme der frühen Neuzeit: Ausgewählte Aufsätze. B., 1987.
- Stadt und Fest: Zu Geschichte und Gegenwart europäischer Festkultur. Stuttgart, 1987.
- Städtische Randgruppen und Minderheiten. Sigmaringen, 1986.
- Stoob H. Frühneuzeitliche Städtetypen // Die Stadt: Gestalt und Wandel bis zum industriellen Zeitalter. München, 1979.
- Terminologie und Typologie mittelalterlicher Sachgüter: Das Beispiel der Kleidung. Wien, 1988.
- Wirtschaftliche und soziale Probleme der gewerblichen Entwicklung im 15.—16. und 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1968.
- Wirtschaftliches Wachstum, Energie und Verkehr vom Mittelalter bis ins 19. Jahrh. Stuttgart, 1978.
- Zins-Profit: Ursprüngliche Akkumulation // Hansische Studien. Weimar, 1981. Bd. 5.

Глава 2

- Зверева Г. И. История Шотландии. М., 1987.
- Савин А. Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903.
- Савин А. Н. Английская секуляризация. М., 1906.
- Семенов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М., 1949.
- Штокмар В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962.
- Яброва М. М. Очерки колониальной экспансии Англии эпохи первоначального накопления. Саратов, 1966.
- Agrarian history of England and Wales. Cambridge, 1967. Vol. 4 (1500—1640) / Ed. J. Thirsk.
- Charters J. A. Internal trade in England, 1500—1700. L., 1977.
- Clark P. English provincial society from the Reformation to the Revolution: Religion, politics and society in Kent, 1500—1640. Hassocks, 1977.
- Clark P., Slack P. Crisis and order in English towns. L., 1972.
- Clay C. G. A. Economic expansion and social change: England, 1500—1700. Cambridge, 1984. Vol. 1—2.
- Coleman D. C. History and economic past: An account of the rise and decline of economic history of England. Oxford, 1987.
- Coleman D. C. Industry in Tudor and Stuart England. L., 1975.
- Davis R. The rise of the English shipping industry. L., 1962.
- Elton G. R. England under the Tudor. L., 1978.
- Heath P. The English Parish Clergy on the eve of the Reformation. L., 1969.
- Kerridge E. Agrarian problems in the XVI century and after. L., 1969.
- Mingay G. D. The gentry: The rise and the fall of the ruling class. L., 1976.
- Tawney R. H. Essays in economic history of Tudor and Stuart England. Cambridge, 1961.
- Unwin J. Industrial organization in the XVI and XVII century. Oxford, 1964.

Woodward F. W. The dissolution of the monasteries. Blandford, 1966.

Глава 3

Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.

Земон Дэвис Н. Возвращение Мартена Герра. М., 1990.

История Франции. М., 1972. Т. 1.

Люблинская А. Д. Франция в начале XVII в. Л., 1959.

Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.; Л., 1965.

Люблинская А. Д. Французские крестьяне в XVI — XVIII вв. Л., 1978.

Люблинская А. Д. Франция при Ришелье: Французский абсолютизм в 1630—1642 гг. Л., 1982.

Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой. М., 1948.

Bourgeon J.-L. Les Colbert avant Colbert: Destin d'une famille marchande. P., 1973.

Constant L. M. Nobles et paysans en Beauce aux XVIe et XVIIe siècles. Lille; P., 1981.

Couturier M. Recherches sur les structures sociales de Chateaudun (1525—1789). P., 1969.

Deyon P. Amiens, capitale provinciale: Etude sur la société urbaine au XVIIe siècle. P.; La Haye, 1967.

Gascon R. Grand commerce et vie urbaine au XVIe siècle: Lyon et ses marchands. P.; La Haye, 1971. Т. 1—2.

Goubert P. L'ancien régime. P., 1969—1973. Т. 1—2.

Histoire de la France rurale / Sous la dir. de G. Duby, A. Wallon. P., 1975. Т. 2.

Histoire économique et sociale de la France / Sous la dir. de F. Braudel, E. Labrousse. P., 1977. Т. 1. Vol. 1—2.

Hupbert G. Les Bourgeois Gentilshommes: An essay on the definition of elites in Renaissance France. Chicago, 1977.

Jacquot J. La crise rurale en Ile-de-France, 1550—1670. P., 1974.

Jouanna A. L'idée de race en France au XVIe siècle et au début du XVIIe siècle. Lille; P., 1976. Т. 1—3.

Labatut J.-P. Les ducs et pairs de France au XVIIe siècle. P., 1972.

Le Roy Ladurie E. Les paysans de Languedoc. P., 1966. Т. 1—2.

Mandrou R. Introduction à la France moderne. P., 1961.

Mousnier R. Paris au XVIIe siècle. P., 1961. Fasc. 1—3.

Spooner F. C. L'économie mondiale et les frappes monétaires en France, 1493—1680. P., 1956.

Wood J. B. The nobility of the election of Bayeux. 1463—1666: Continuity through change. Princeton, 1980.

Глава 4

Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI — XVIII вв. М., 1949.

Чистозвонов А. Н. Бюргерство и буржуазия в Нидерландах (XV — XVIII вв.) // Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. М., 1984.

Чистозвонов А. П. Генезис капитализма в Нидерландах // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.

Algemene geschiedenis der Nederlanden. Haarlem, 1979, 1980. D. 6—8.

Antwerpen in de XVI eeuw. Antwerpen, 1975.

Barbour V. Capitalism in Amsterdam in the seventeenth century. Baltimore, 1950.

Baude H., Meulen H. Wan der kernproblemen der economische geschiedenis. Groningen, 1978.

Cools R. Strijd om den grond in het lage Nederlanden. Rotterdam's-Grafen-hage, 1948.

De economische geschiedenis van Nederland / Ed. D. Stuijvenberg. Groningen, 1979.

Houtte J. van. Economische en sociale geschiedenis van de Lage Landen. Antwerpen, 1964.

Lindemans I. Geschiedenis van de landbouw in België. Antwerpen, 1952. D. 1—2.

Soly H. Urbanisme en kapitalisme te Antwerpen in de 16e eeuw: De stede bouwkundige en industriële onderneming van Gilbert van Schoonebeke. Brussel, 1977.

Vries J. de. The Dutch rural economy in the Golden Age, 1500—1700. New Haven, 1974.

Wee H. van der. The growth of the Antwerp market and the European economy. Louvain, 1963. Vol. 1—2.

Глава 5

Майер В. Е. Деревня и город в Германии в XIV — XVI вв. Л., 1979.

Майер В. Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985.

Савина Н. В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982.

Смирин М. М. К истории раннего капитализма в германских землях. М., 1969.

Ястребицкая А. Л. Некоторые формы раннекапиталистических отношений в немецком книгопечатании второй половины XV — середины XVI в. // СВ. М., 1963. Вып. 24.

Ястребицкая А. Л. Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // Там же. М., 1988. Вып. 51.

Ammann H. Die wirtschaftliche Stellung der Reichsstädte Nürnberg im Spätmittelalter. Nürnberg, 1970.

Autonomie, Wirtschaft und Kultur der Hansestädte // Hansische Studien. Weimar, 1984. Bd. 6.

Bosl K., Weis E. Die Gesellschaft in Deutschland. München, 1976. Bd. 1.

Irsigler F. Die wirtschaftliche Stellung der Stadt Köln im 14. und 15. Jahrh. Strukturanalyse einer spätmittelalter-

- lichen Exportgewerbe- u. Fernhandelsstadt. Wiesbaden, 1979.
- Irsigler F., Lassotta A.* Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker: Randgruppen u. Aussenseiter in Köln, 1300—1600. Köln, 1984.
- Kellenbenz H., Walter R.* Das Deutsche Reich, 1350—1650 // Handbuch der europäischen Wirtschafts- und Sozialgeschichte / Hrsg. H. Kellenbenz. Stuttgart, 1986. Bd. 3.
- Kuczynski J.* Geschichte des Alltags des deutschen Volkes: Studien. B., 1981.
- Olechnowicz K.-F.* Der Schiffbau der hanseischen Spätzeit. Weimar, 1980.
- Schildhauer J., Fritze K., Stark W.* Die Hanse. B., 1974.
- Stromer W. von.* Die Gründung der Baumwollindustrie in Mitteleuropa. Wirtschaftspolitik im Spätmittelalter. Stuttgart, 1978.

Глава 6

- История Швеции. М., 1974.
- История Норвегии. М., 1980.
- Danmarks historie. København, 1980. Bd 2: Tiden 1340—1648, d. 1, 2 / Red. af A. E. Christensen et al.
- Heckscher E. F.* Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. Stockholm, 1935. D. 1.
- Hildebrand K.-G.* Svenskt järn: Sexton- och sjuttonhundratålet: Exportindustri före industrialismen. Södertälje, 1987.
- Hornbeck K., Hansen H. L.* Tanggård gods, 1553—1559: Adelig godsdrift i Danmark i det 16. århundrede. Odense, 1980.
- Ingers E.* Bonden i svensk historia. Stockholm, 1949. Bd. 1.
- Jansson P.* Kalmar under 1600-talet: Om land, handel och krediter // Studia Historica Upsaliensia. Uppsala, 1982. Bd. 125.
- Jutikkala E.* Suomen talonpojan historia. Helsinki, 1958.
- Kilbom K.* Vallonerna: Valloninivandringen, stormaktsvälde t och den svenska järnhanteringen. Stockholm, 1958.
- Ladewig-Petersen E.* Fra standssamfund til rangssamfund, 1500—1700 // Dansk social historie. Copenhagen, 1980. Bd. 3.
- Larsson L. O.* Kolonisation och befolkningssutveckling i det svenska agrarsamhället, 1500—1640 // Bibliotheca Historica Lundensis. Lund, 1972. Bd. 27.
- Lundkvist S.* Gustav Vasa och Europa: Svensk Handels- och utrikespolitik, 1534—1557. Uppsala, 1960.
- Norges historie / Red. K. Mykland. Sind 6. Gjenreisning, 1536—1648 av R. Fladby. Oslo, 1977.
- Söderlund E.* Handverkarna. Stockholm, 1949. D. 2: Stormakstiden, frihetstiden och gustavianska tiden.
- XVII вв. // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968.
- Рутенбург В. И.* Истоки Рисорджименто: Италия в XVII — XVIII вв. Л., 1980.
- Contadini e proprietari nella Toscana moderna. Firenze, 1979—1981. Vol. 1—2.
- Da Silva J.-G.* Banque et crédit en Italie au XVIIe siècle. P., 1969. T. 1—2.
- Delumeau J.* Vie économique et sociale de Rome dans la seconde moitié du XVIe siècle. P., 1957—1959. T. 1—2.
- De Maddalena A.* Dalla città al borgo: Avvio di una metamorfosi economica e sociale nella Lombardia spagnola. Milano, 1982.
- Galasso G.* Mezzogiorno medievale e moderno. Torino, 1965.
- Giorgetti G.* Capitalismo e agricoltura in Italia. Roma, 1977.
- Malanima P.* Decadenze di un'economia cittadina: L'industria di Firenze tra XVI e XVIII secolo. Bologna, 1982.
- Malanima P.* L'economia italiana nell'età moderna. Roma, 1982.
- Potere e società negli stati regionali italiani del '500 e '600 / A cura di E. Fasano Guarini. Bologna, 1978.
- Rapp R. T.* Industry and economic decline in seventeenth century Venice. Cambridge (Mass.); L., 1976.
- Ricerche di storia moderna. Pisa, 1976, 1979. Vol. 1—2.
- Romano R.* Napoli dal Viceregno al Regno: Storia economica. Torino, 1976.
- Storia d'Italia. Torino, 1972—1975. Vol. 1—2.
- Storia d'Italia. Torino, 1978. Annali, 1: Dal feudalismo al capitalismo.
- Storia d'Italia. Torino, 1983. Annali, 5: Economia naturale, economia monetaria / A cura di R. Romano.
- Ventura A.* Nobiltà e popolo nella società veneta de '400 e '500. Bari, 1964.
- Villari R.* Ribelli e riformatori del XVI al XVIII secolo. Roma, 1979.
- Villari R.* La rivolta antispagnola a Napoli: Le origini (1585—1647). Bari, 1967.

Глава 8

- Проблемы испанской истории, 1975. М., 1975.
- Проблемы испанской истории, 1979. М., 1979.
- Россия и Испания: Историческая ретроспектива. М., 1987.
- Aragón en su historia. Zaragoza, 1980.
- Bennassar B.* Valladolid au siècle d'or: Un ville de Castille et sa campagne au XVIe siècle. P., 1967.
- Borges Coelho A.* Quadros para uma viagem a Portugal no sec. XVI. Lisboa, 1986.
- Boxer C. R.* The Portuguese seaborne Empire, 1415—1825. L., 1969.
- Carande R.* Carlos V y sus banqueros. Madrid, 1949—1967. T. 1—3.
- Casey J.* The Kingdom of Valencia in the seventeenth century. L., 1979.

Глава 7

- История Италии. М., 1970. Т. 1.
- Ролова А. Д.* Основные черты экономического развития Италии в XVI—

- Chacón Jiménez F.* Murcia en la centuria del quinientos. Murcia, 1979.
- Chaunu H., Chaunu P.* Seville et l'Atlantique. P., 1955—1960. T. 1—8.
- Clavero B.* Mayorazgo: Propiedad feudal en Castilla, 1369—1836. Madrid, 1974.
- Domínguez Ortiz A.* La sociedad española en el siglo XVII. Madrid, 1963—1970. Vol. 1—2.
- La economía agraria en la historia de España: propiedad, explotación, rentas. Madrid, 1979.
- García Carcel R.* Historia de Cataluña: Siglos XVI y XVII. Barcelona, 1985. T. 1—2.
- Hamilton E. J.* American treasure and the price revolution in Spain. Cambridge (Mass.), 1934.
- Historia de la Iglesia en España. Madrid, 1980. T. 3—4.
- Klein J.* The Mesta: (A study of Spanish economic history). N. Y., 1920.
- Lorenzo Sanz E.* Comercio de España con América en la época de Felipe II. Valladolid, 1980. T. 1—2.
- Mauro F.* Le Portugal et l'Atlantique au XVIIe siècle, 1570—1670: Etude économique. P., 1960.
- Magalhães Godinho V.* L'économie de l'empire portugais aux XVe et XVIe siècles. P., 1969.
- Salomon N.* La campagne de Nouvelle Castille à la fin du XVIe siècle d'après les Relaciones Topográficas. P., 1964.
- Ulloa M.* La Hacienda Real de Castilla en el reinado de Felipe II. Roma, 1963.
- Vázquez de Prada V.* Historia económica y social de España. Madrid, 1978. Vol. 3: Los siglos XVI y XVII.
- Vilar P.* La Catalogne dans l'Espagne moderne: Recherches sur les fondements économiques des structures nationales. P., 1962. T. 1—3.
- Bardach J.* O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988.
- Дějiny techniky v Československu do konce 18. st. P., 1974.
- Gierowski J.* Historia Polski, 1505—1864. W-wa, 1978.
- Historia chłopów polskich. W-wa, 1970. T. 1.
- Historia Polski. 5 wyd. W-wa, 1969. T. 1, cz. 2.
- Janáček J.* České dějiny: Doba předbělohorská. Pr., 1971. D. 1, č. 1.
- Kann R. A.* A history of the Habsburg Empire. Berkeley, 1980.
- Kula W.* Théorie économique du système féodal: Pour un modèle de l'économie polonaise 16—18 ss. P., 1970.
- Lowmiański H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983.
- Mittenzwei I.* Der Joachimsthaler Aufstand 1525: Seine Ursachen und Folgen. B., 1968.
- Polska v epoche Odroduzenia. W-wa, 1970.
- Polska XVII w. W-wa, 1969.
- Přehled dějin Československa. Pr., 1980—1982. D. 1, č. 1—2.
- Zöllner E.* Geschichte Österreichs. Wien, 1984.

Глава 10

Глава 9

- Батура Р. К., Пашуто В. Т.* Культура Великого княжества Литовского // ВИ. 1977, № 4.
- Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* История государства и права Польши. М., 1980.
- История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. Т. 1.
- История Польши: В 3 т. М., 1956. Т. 1.
- История Чехословакии: В 3 т. М., 1956. Т. 1.
- Пичета В. И.* Белоруссия и Литва в XV—XVI вв.: (Исслед. по истории соц.-экон., полит. и культур. развития). М., 1961.
- Пристер Е.* Краткая история Австрии. М., 1952.
- Разумовская Л. В.* Очерки по истории польских крестьян в XV—XVI вв. М., 1968.
- Рутковский Я.* Экономическая история Польши. М., 1953.
- Якубский В. А.* Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. Л., 1975.
- Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971.
- Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Новгородские пятины. Л., 1974.
- Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Север. Псков. Общ. итоги развития Северо-Запада. Л., 1978.
- Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1954. Т. 1.
- Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси, XIV—XVI вв. М.; Л., 1936.
- Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1.
- Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Горская Н. А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в.: О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977.
- Готье Ю. В.* Замосковский край в XVII в.: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. 2-е изд. М., 1937.
- Десяряев А. Я.* Русская деревня в XV—XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.
- Довнар-Запольский М. В.* Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. М., 1910.
- Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI—XVII вв.: К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970.

- Зимин А. А.** Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV — XVI в.). М., 1977.
- Зимин А. А.** Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.
- Ивина Л. И.** Внутреннее освоение земель России в XVI в.: Историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985.
- Каштанов С. М.** Финансы средневековой Руси. М., 1988.
- Колышева Е. И.** Аграрный строй России XVI в. М., 1987.
- Копанев А. И.** Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
- Копанев А. И.** Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984.
- Костомаров Н. [И.]** Очерк торгового Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862.
- Маньков А. Г.** Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951.
- Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М.** Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986.
- Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 1.**
- Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1.**
- Панеях В. М.** Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975.
- Панеях В. М.** Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984.
- Рожков Н. А.** Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.
- Смирнов П. [П.]** Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1917—1919. Т. 1. вып. 1—2.
- Тихомиров М. Н.** Россия в XVI столетии. М., 1962.
- Тихонов Ю. А.** Помещичьи крестьяне в России: Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974.
- Фелнер М. В.** Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956.
- Флоря Б. Н.** Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI — начало XVII в.) // СВ. М., 1973. Вып. 36.
- Чечулин Н. Д.** Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889.
- Шапиро А. Л.** Проблемы социально-экономической истории Руси XIV — XVI вв. Л., 1977.
- Шапиро А. Л.** Русское крестьянство перед закрепощением. Л., 1987.
- Bushkovitch P.** The merchants of Moscow. 1580—1650. Cambridge etc., 1980.
- Crummey R. O.** Aristocrats and servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613—1689. Princeton (N. J.), 1983.
- Smith R. E. F.** Peasant farming in Muscovy. Cambridge, 1977.
- Глава 11**
- Ачади И.** История венгерского крестьянства. М., 1956.
- История Венгрии.** М., 1971. Т. 1.
- Пах Ж.-П.** Барщина и наемный труд в помещичьем доменальном хозяйстве в Венгрии в XVI — XVII вв. // ВИ. 1972. № 9.
- Ember Gy.** Magyarország 16. századi külkereskedelmének történetéhez. Századok, 1961. 1. sz. 1—46. 1.
- Kiss István N.** A nagybirtok árutermelése és külkereskedelme a XVII. századi Magyarországon. Bp., 1968.
- Maksay F.** A parasztság és a majorgazdalkodás a 16. századi Magyarországon. Bp., 1958.
- Pach Sz. P.** Die ungarische Agrarentwicklung im 16.—17. Jahrhundert. Bp., 1964.
- Ruzsás L.** Városi fejlődés a Dunántúlon a XVI.—XVII. században. Bp., 1966.
- Szűcs J.** Das Städtewesen in Ungarn im 15.—17. Jh. // Studia Historica. 1963. Bd. 53.
- Varga J.** Jobbágysrendszer a magyarországi feudalizmus kései századaiban (1557—1767). Bp., 1969.
- Глава 12**
- Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А.** Очерки истории Турции. М., 1983.
- Гордлевский В. А.** Внутреннее состояние Турции по второй половине XVI в.: (По документам, изданным Ахмедом Рефиком) // Избр. соч. М., 1962. Т. 3.
- Мейер М. С.** К вопросу о происхождении тимура // Формы земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979.
- Мутафчиева В.** Аграрные отношения в Османской империи през XV — XVI в. С., 1962.
- Тверитинова А. С.** Восстание Кара Языджи-Дели Хасана в Турции. М.; Л., 1946.
- Тодоров Н.** Балканский город XV — XIX вв. М., 1976.
- Barkan Ö. L.** Osmanlı imparatorlugunda bir iskân ve kolonizasyon metodu alarak sürgütler // Istanbul Univ. iktisat fakültesi mecmuasi. 1953—1954. T. 15.
- Beldiceanu E.** Le Timar dans l'état ottoman. Wiesbaden, 1980.
- Hammer-Purgstall J.** Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1827—1835. T. 1—10.
- Shaw St.** History of the Ottoman Empire and modern Turkey. Cambridge etc., 1976. T. 1.
- Uzunçarsili I. H.** Osmanli tarihi. Ankara, 1947—1959. T. 1—4.
- Zinkeisen J. W.** Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Gotha, 1854—1863. T. I — IV.
- См. также литературу к ч. II, гл. 11.

Глава 13

Бромлей Ю. В. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М., 1959.

Димитров С., Манчев К. История на балканските народи (XV — XIX в.). С., 1971.

Историја народа Југославије. Београд, 1960. Т. 2.

История Югославии. М., 1963. Т. 1.

Фрейдсберг М. М. Дубровник и Османская империя. М., 1984.

Adamček J. Agrarni odnosi u Hrvatskoj od sredine do kraja XVII st. Zagreb, 1980.

Klaić N. Društvena previranja i bune u Hrvatskoj u XVI i XVII st. Beograd, 1976.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Англия в эпоху абсолютизма / Под ред. Ю. М. Сапрыкина. М., 1984.

История Ирландии. М., 1980.

Сааин А. Н. Лекции по истории английской революции. М., 1937. 2-е изд.

Beard C. A. The office of justice of the peace in England. N. Y., 1904.

Dietz F. Ch. English public finance. L., 1964.

Elton G. R. The Tudor revolution in government. Cambridge, 1953.

Elton G. R. Studies in Tudor and Stuart politics and government. L. 1974. Vol. 1—3.

Hinton R. W. K. The decline of the parliamentary government under Elizabeth and the early Stuarts // Cambridge Hist. J. 1957. Vol. 13.

Hurstfield J. Freedom, corruption and government in Elizabethan England. Cambridge, 1973.

Judson M. A. The crisis of the Constitution. New Brunswick, 1949.

MacIlwain Ch. H. The High Court of Parliament and its supremacy. New Haven, 1910.

Mosse G. L. The struggle for sovereignty in England from the reign of Queen Elizabeth to the Petition of Right. East Lansing, 1950.

Neale J. E. Elizabeth I and her Parliaments. L., 1957.

Notestain W. Winning of the initiative by the House of Commons. L., 1925.

Pollard A. F. T. The history of England from the accession of Edward VI to the death of Elizabeth. L., 1929.

Pollard A. F. T. Evolution of Parliament. L., 1964.

Pollard A. F. T. Council, Star Chamber and Privy Council under the Tudors / EHR. 1922. Vol. 37; 1923. Vol. 38.

Russel C. The crisis of parliament. Oxford, 1971.

Smith A. G. R. The government of Elizabethan England. L., 1967.

Stone L. The crisis of the aristocracy, 1558—1641. Oxford, 1965.

См. также литературу к ч. I, гл. 2.

Šunjić M. Dalmacija u XV st. Sarajevo, 1967.

Zgodovina slovencev. Ljubljana, 1979.

Глава 14

История народного хозяйства Молдавской ССР с древнейших времен до 1812 г. Кишинев, 1976.

История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1982.

Советов П. В. Развитие феодализма и крестьяне Молдавии: (Очерки истории ренты в XVI — начале XVIII в.). Кишинев, 1980.

Istoria României. Buc., 1962.

Глава 2

Копосов Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII века. Л., 1990.

Черкасов П. П. Кардинал Ришелье. М., 1990.

Baxter D. Servants of the sword: French intendants of the army, 1630—1670. Urbana, 1976.

Dent J. Crisis in finance: Crown, financiers and society in seventeenth-century France. N. Y., 1973.

Dessert D. Argent, pouvoir et société au grand siècle. P., 1984.

Doucet R. Les institutions de la France au XVIe siècle. P., 1948. Т. 1—2.

Harding R. R. Anatomy of a power elite: The provincial governors in early modern France. New Haven; L., 1978.

Harsgor M. Recherches sur le personnel du conseil du roi sous Charles VIII et Louis XII. Lille; P., 1980. Т. 1—4.

Lot F. Recherches sur les effectifs des armées françaises des guerres d'Italie aux guerres de religion. P., 1962.

Major J. R. Representative government in early modern France. New Haven; L., 1980.

Mousnier R. La vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII. 2 éd. P., 1971.

Mousnier R. Les institutions de la France sous la monarchie absolue, 1598—1789. P., 1974—1980. Т. 1—2.

Mousnier R. Le conseil du roi de Louis XII à la Révolution. P., 1970.

Parker D. The making of French Absolutism. L., 1983.

Ranum O. Richelieu and the councillors of Louis XIII. Oxford. 1963.

Richet D. La France moderne: L'esprit des institutions. P., 1973.

Wolfe M. The fiscal system of Renaissance France. New Haven; L., 1972.

См. также литературу к ч. I, гл. 3.

Глава 3

Baelde M. De Collaterale Raden onder Karel V en Filips II (1531—1578). Brussel, 1965.

- Baelde M. Edellieden en juristen in centrale bestuur der zestiende-eeuwse Nederlanden (1531—1578) // Tijdschr. voor Geschiedenis. 1967. Afl. 1.
- Berkelbach van der Sprenkel J. W. Oranje en de vestiging van de Nederlandse staat. Amsterdam, 1946.
- Bestuurs- en rechtsinstellingen der Nederlandse provincien. Zwolle, 1949.
- Boogman J. C. The union of Utrecht, its genesis and consequences // Bijdr. en meded. betreffende de geschiedenis der Nederl. 1979. Afl. 3.
- Bruin G. de. Souvereniteit in de Republiek: een machts-probleem // Ibid. 1970. Afl. 2.
- Enklaar D. Th. Problemen der institutionele geschiedenis van Nederland. Assen, 1946.
- Fockema-Andrae S. De Nederlandse staat onder de Republiek // Verh. Koninkl. Nederl. Acad. Wet. Afd. Lett. N. R. 1961. D. 68, N 3.
- Geyl P. The Netherlands divided (1609—1648). L., 1936.
- Gosses J., Japikse N. Handboek tot de staatkundige geschiedenis van Nederland. 3-e dr. 's-Gravenhage, 1946—1947. D. 1—2.
- Poelhekke J. Van Unie tot rompunie: Een kanttkening bij het vierde eeuw-tijd van de Unie van Utrecht. Amsterdam etc., 1979.
- Smit J. De ambtenaren van de centrale overheidsorganen // Tijdschr. voor geschiedenis. 1977. Jg. 3—4.
- Wansink H. Holland en zes Bondgenoten: de Republiek en Zeven Vereenigde Provincien // Vaderlands Verleden in Veelvoud / Samengesteld door C. B. Wels et al. Den Haag, 1980.

Глава 4

- Смирин М. М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.
- Смирин М. М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962.
- Angermeier H. Die Reichsreform, 1410—1555: Die Staatsproblematik in Deutschland zwischen Mittelalter und Gegenwart. München, 1984.
- Blaschke K. Bevölkerungsgeschichte in Sachsen bis zur industriellen Revolution. Weimar, 1967.
- Evans R. J. W. The making of the Habsburg monarchy, 1550—1700. Oxford, 1979.
- Jánáček J. Rudolf II a jeho doba. Pr., 1987.
- Lutz H. Das Ringen um deutsche Einheit und kirchliche Erneuerung; von Maximilian I bis zum Westfälischen Frieden (1490 bis 1648) // Propyläen Geschichte Deutschlands / Hrsg. D. Groh. B., 1983. Bd. 4.
- Die Habsburger Zeit, 1526 bis 1740. Darmstadt, 1973.
- Der Moderne Parlamentarismus und seine

- Grundlagen in der ständischen Repräsentation / Hrsg. K. Bosl. B., 1977.
- Oestereich G. Verfassungsgeschichte vom Ende des Mittelalters bis zum Ende des Alten Reiches // Handbuch der deutschen Geschichte. München, 1974. Bd. 11.
- Schubert F. H. Die deutschen Reichstage in der Staatslehre der frühen Neuzeit. Göttingen, 1966.
- Stolleis M. Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. München, 1988. Bd. 1: Reichspublizistik und Policey-wissenschaft, 1600—1800.
- Vocelka K. Rudolf II. und seine Zeit. Wien, 1985.
- Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I: Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. München, 1986. Bd. 5: Der Kaiser und seine Umwelt: Hof, Staat, Wirtschaft, Gesellschaft und Kultur.

Глава 5

- Ван Мюнден Б. История швейцарского народа. СПб., 1898—1900. Т. 1—2.
- Heusler A. Schweizerische Verfassungsgeschichte der Alten Schweiz. Basel, 1920.
- Kreutzer J. Zwingli's Lehre von der Obrigkeit. Amsterdam, 1965.
- Naef H. Les origines de la Réforme à Genève. Genève, 1968. T. 1—2.
- Nouvelle histoire de la Suisse et des Suisses. Lausanne, 1983.
- Vogler B. Le monde germanique et helvétique à l'époque des réformes, 1517—1618. P., 1981. T. 1.
- Walter J. Politische Führungsschicht und Reformation in Zürich. Zürich, 1970.

Глава 6

- Andersson I. Erik XIV. Stockholm, 1963.
- Boggild-Andersen C. O. Hannibal Sehested: En dansk statsmand. Aarhus, 1970.
- Fode H. Fra reformation til folkestyra, 1523—1849: Hovedlinier i Nordens historia. Viborg, 1977. Bd. 2.
- Hermansson A. Karl IX och ständerna: Tronfrågan och författningsutvecklingen i Sverige, 1598—1611 // Studia Historica Upsaliensia. 1962. Bd. 7.
- Mackeprang M. Dansk købstadstyrelse: Fra Valdemar Sejrs til Kristian IV. København, 1975.
- Mykland K. Skiftet i forvaltningsordningen i Danmark og Norge i tiden fra omkring 1630 og intill Frederik den Tredjes død. Bergen; Oslo, 1967.
- Riksråd, adel og administration, 1570—1648 / Redigeret af K. J. V. Jespersen // Odense University Studies in History and Social Sciences. 1980. Vol. 67.
- Venge M. Christian 2-s fald: Spillet om magten i Danmark januar—februar 1523 // Ibid. 1972. Vol. 6.
- Venge M. Når vinden følger sig: Spillet om magten i Danmark mars—december 1523 // Ibid. 1977. Vol. 47.
- См. также литературу к ч. I, гл. 6.

Глава 7

- Burocrazia e finanze pubbliche nel Regno di Napoli. Napoli, 1981.
- Catalano F. Stato e società nei secoli. Messina, 1967. Vol. 2: L'età moderna.
- Chabod F. Lo Stato e la vita religiosa a Milano nell'epoca di Carlo V. Torino, 1971.
- Le corti farnesiane di Parma e Piacenza, 1545—1622. Roma, 1978. T. 1—2.
- Cozzi G. Repubblica di Venezia e stati italiani. Torino, 1982.
- D'Addario A. La formazione dello stato moderno in Toscana: Da Cosimo il Vecchio a Cosimo I de' Medici. Lecce, 1976.
- Diaz F. Il Granducato di Toscana: I Medici. Torino, 1976.
- Fasano Guarini E. Gli stati dell'Italia centro-settentrionale tra Quattro- e Seicento: Continuità e trasformazione // Soc. e storia. 1983. № 21.
- Fasano Guarini E. Lo stato mediceo di Cosimo I. Firenze, 1973.
- Firenze e la Toscana dei Medici nell'Europa del 1500. Firenze, 1983. Vol. 1.
- Petrocchi M. Roma nel Seicento. Roma, 1970.
- Prodi P. Il sovrano pontefice: Un corpo e due anime: La monarchia papale nella prima età moderna. Bologna, 1982.
- Sella D., Capro C. Il ducato di Milano dal 1535 al 1796. Torino, 1984.
- Stato, società e giustizia nella Repubblica Veneta (sec. XV — XVIII) / A cura di G. Cozzi. Roma, 1980.
- См. также литературу к ч. I, гл. 7.

Глава 8

- Альтамира-и-Кресеа Р. История Испании. М., 1951. Т. 1—2.
- Варьяш О. И., Черныш А. П. Португалия: дороги истории. М., 1990.
- Пискорский В. К. Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени, 1188—1520. Киев, 1897.
- Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М., 1985.
- Становление капитализма в Европе. М., 1987.
- Carretero Zamora J. M. Cortes, monarquía, ciudades: Las Cortes de Castilla a comienzos de la época moderna (1476—1515). Madrid, 1988.
- Dicionário de história de Portugal / Dir. por J. Serrão. Lisboa, 1979. Vol. 1—6.
- Elliott J. H. The Count-Duke of Olivares: The statesman in an age of decline. New Haven; L., 1986.
- Fayard J. Les membres du Conseil de Castille à l'époque moderne (1621—1746). Lille, 1982.
- González Alonso B. El corregidor castellano (1348—1808). Madrid, 1970.
- Magalhães Godinho V. A estrutura da antiga sociedade portuguesa. Lisboa, 1971.
- Maravall J. A. Estado moderno y mentalidad social. Madrid, 1972. T. 1—2.

- Pelorsón J.-M. Les letrados juristes castillans sous Philippe III. Le Pyu-en-Velay, 1980.
- Thompson I. A. A. War and government in Habsburg Spain, 1560—1620. L., 1972.
- Verissimo Serrão J. História de Portugal. Lisboa, 1978—1979. Vol. 3—4.
- Vicens Vives J. Estructura administrativa estatal en los siglos XVI y XVII // Vicens Vives J. Obra dispersa. Barcelona, 1967. T. 2.
- См. также литературу к ч. I, гл. 8.

Глава 9

- Fellner F., Kretschmayr H. Die österreichische Zentralverwaltung. Wien, 1907. Th. 1, T. 1—3.
- Gindely H. Dějiny českého povstání leta 1618. Pr., 1879—1880. D. 1—4.
- Helbling E. G. Österreichische Verfassungs- und Verwaltungsgeschichte. Wien, 1929.
- Janáček J. České dějiny: Doba předblohorská. Pr., 1984. Kn. 1, d. II: (1526—1547).
- Karpat J. Zakonodarna moc v Uhorsku v r. 1526—1604. Br., 1944.
- Maciszewski J. Wojna domowa w Polsce. Wrocław, 1960. Cz. 1: Od Stęszycy do Janowca.
- Panek J. Stavovská opozice a její zápas s Habsburky (1547—1577). Pr., 1982.
- Sturmberger H. Kaiser Ferdinand II und das Problem des Absolutismus. Linz, 1957.
- Sturmberger H. Dualistischer Ständestaat und werdender Absolutismus // Die Entwicklung der Verfassung Österreichs. Wien, 1963.
- Sucheni Grabowska A. Monarchie dwu ostatnich Jagiellonów a ruch egzekucyjny: Warszawa, Kraków, Gdańsk. Wrocław, 1974. Cz. 1.
- Sucheni Grabowska A. Walka a demokrację szlachecką // Polska w epoce Odrodzenia: (Gdaństwo-społeczeństwo-kultura). W-wa, 1970.
- Więciechowski Z. Zygmunt Stary (1506—1548). W-wa, 1946.

Глава 10

- Демидова Н. Ф. Государственный аппарат России в XVII в. // Исторические записки. М., 1982. Т. 108.
- Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М., 1983.
- Зимин А. А. Россия на рубеже XV — XVI столетий. М., 1982.
- Зимин А. А., Хорошевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.
- Каиштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967.
- Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.
- Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е. Очерки истории СССР: Конец XV — начало XVII в. / Под ред. И. И. Смирнова. Л., 1957.

Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: (Из истории создания центрального государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI в.). М., 1961.

Маньков А. Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980.

Посов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений России: (Изыскания о земской реформе Ивана Грозного). М., 1969.

Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. / Отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1986.

Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV — XVII вв. М., 1969.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV — XV вв. М., 1960.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI — XVII вв. М., 1978.

Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного). М., 1973.

Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия: (Царский ар-

хив и лицевые летописи времени Ивана Грозного). М., 1984.

Шмидт С. О., Князьков С. Е. Документы делопроизводства государственных учреждений России XVI — XVII вв. М., 1985.

Глава 11

Арш Г. Л. и др. Краткая история Албании. М., 1965.

Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига (XV — начало XIX в.). М., 1958.

Иналик Х. Османское царство: Класично доба, 1300—1600. Београд, 1974.

История Болгарии. М., 1954. Т. 1.

История на България. С., 1983. Т. 4.

История на държавите и правата на Югословенските народи. Београд, 1972.

История на македонскиот народ. Скопје, 1971. Кн. 1.

История Црне Горе. Титовград, 1975. Кн. 3, т. 1.

Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948.

Jnalcik N. The Ottoman Empire: The classical age, 1300—1600. L.; N. Y., 1973.

См. также литературу к ч. I, гл. 13.

Глава 12

Stefanescu St. Țara Românească de la Basarab I «Intemeietorul» până la Mihai Viteazul. Buc., 1970.

См. также литературу к ч. I, гл. 14.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

1

Бецольд Ф. История Реформации в Германии. СПб., 1900. Т. 1—2.

Виппер Р. Ю. Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма. М., 1894.

Дементьев Г. А. Введение реформации в Швеции. СПб., 1892.

Дементьев Г. А. Введение реформации в Дании. СПб., 1900.

Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955.

Чернышева О. В., Комаров Ю. Д. Церковь в скандинавских странах. М., 1988.

Benzing M. Thomas Müntzer. Leipzig, 1983.

Brendler G. Martin Luther: Theologie und Revolution. B., 1983.

Dankbaar W. Calvin: Sein Weg und sein Werk. Neukirchen, 1966.

Dickens A. Reformation and society in sixteenth-century Europe. L., 1966.

Dülmen R. van. Reformation als Revolution. München, 1977.

Elliger W. Thomas Müntzer: Leben und Werk. Göttingen, 1975.

Farner A. Die Lehre von Kirche und Staat bei Zwingli. Darmstadt, 1973.

Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland / Hrsg. M. Steimmetz. B., 1985.

Hassinger E. Das Werden des neuzeitlichen Europa, 1300—1600. Braunschweig, 1964.

Hermelink H. Reformation und Gegenreformation. Tübingen, 1931.

Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. B., 1974.

Köhler W. Huldreich Zwingli. Leipzig, 1954.

Lortz J. Die Reformation in Deutschland. Basel; Wien, 1962. Bd. 1—2.

Lutz H. Reformation und Gegenreformation. München; Wien, 1979.

Moeller B. Deutschland im Zeitalter der Reformation. Göttingen, 1977.

Ritter G. Die Neugestaltung Deutschlands und Europas im 16. Jahrhundert. Frankfurt a. M.; Berlin [West], 1967.

Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Tübingen, 1920. Bd. 1.

Wirkungen der deutschen Reformation bis 1555 / Hrsg. W. Hubatsch. Darmstadt, 1967.

2

Бейт Я. Я. Религия и церковь в Англии. М., 1976.

Исаенко А. В. Пуританская реформация в Англии в XVI — начале XVII в. Орджоникидзе, 1980.

- Исаенко А. В. Английская королевская реформация XVI в. Орджоникидзе, 1982.
- Штокмар В. В. Особенности протестантского движения конца XVI — первой половины XVII в. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып. 3.
- Dickens A. G. The English Reformation. L., 1964.
- Lehmberg S. E. The Reformation Parliament, 1529—1536. Cambridge, 1970.
- McConica J. K. English humanists and Reformation politics: Under Henry VIII and Edward VI. Oxford, 1965.
- Palmiter G. de C. The King's Great matter: A study of Anglo-Papal relations, 1527—1534. L., 1967.
- Porter H. Reformation and reaction in Tudor England. Cambridge, 1972.
- Tawney R. H. Religion and the rise of capitalism. L., 1926.
- См. также литературу к ч. I, гл. 2; ч. II, гл. 1.

3

- Молдавская М. А. Народные движения и реформация в Провансе в первой половине XVI в. // СВ. М., 1985. Вып. 48.
- Blet P. Le clergé de France et la monarchie: Etude sur les assemblées générales du clergé de 1615 à 1666. Rome, 1959. Т. 1—2.
- Chaunu P. Le temps des réformes: La crise de la chrétienté: L'éclatement, 1250—1550. P., 1975.
- Cognet L. Le jansénisme. P., 1961.
- Delumeau J. Naissance et affirmation de la Réforme. P., 1965.
- Delumeau J. Le catholicisme entre Luther et Voltaire. P., 1978.
- Febvre L. Une question mal posée: les origines de la réforme française et le problème général des causes de la Réforme // Rev. hist. 1929. Т. 161. P. 1—73.
- Haag E. et E. La France protestante. P., 1846—1859. Т. 1—10.
- Leonard E. G. Histoire générale du protestantisme. P., 1961. Т. 1—3.
- Renaudet A. Préréforme et humanisme à Paris pendant les premiers guerres d'Italie (1494—1517). P., 1916.
- Taveneaux R. Jansénisme et politique. P., 1965.

4

- Рутенбург В. И. Великий итальянский атеист Ванини. Л., 1959.
- Caccamo D. Eretici italiani in Moravia, Polonia, Transilvania (1558—1611): Studi e documenti. Firenze; Chicago, 1970.
- Cantimori D. Eretici italiani del Cinquecento: Ricerche storiche. Firenze, 1947.
- Chabod F. La politica di Paolo Sarpi. Venezia; Roma, 1962.
- Caponetto S. Aonio Paleario (1503—1570) e la riforma protestante in Toscana. Torino, 1979.
- Firpo L. Gli scritti di Francesco Pucci. Torino, 1957.

- Ginzburg C. Il formaggio e i vermi: Il cosmo di un mognaio del '500. Torino, 1976.
- Nieto Y. C. Juan de Valdes and the origins of the Spanish and Italian Reformation. Genève, 1970.
- Rotondó A. Studi e ricerche di storia ereticale italiana del Cinquecento. Torino, 1964. Vol. 1.
- Stella A. Anabattismo e antitrinitarismo in Italia nel XVI secolo: Nuove ricerche storiche. Padova, 1969.

Глава 2

- Bucsay M. Der Protestantismus in Ungarn. Wien, 1978.
- Chmaj L. Bracia polscy: Ludzie, idee, wpływy. W-wa, 1957.
- Chmaj L. Faust Socyn. W-wa, 1963.
- Gindely A. Geschichte der Gegenreformation in Böhmen. Pr., 1894.
- Hrejša F. Dějiny křesťanství v Československu. Pr., 1948. Т. 6: (1526—1564).
- Hrejša F. Česká konfese, její vznik, podstata a dějiny. Pr. 1912.
- Kot S. Ideologia polityczna i społeczna Braci polskich. W-wa, 1932.
- Kvacala J. Dějiny reformacie na Slovensku, 1517—1711. Sv. Mikuláš, 1935.
- Mecenseffy G. Geschichte des Protestantismus in Österreich. Graz; Köln, 1956.
- Řičan R. Dějiny Jednoty bratrské. Pr., 1957.
- Studia nad arianizmem. W-wa, 1959.

Глава 3

- Бёмер Г. Иезуиты. М., 1918.
- Вульфшус А. Г. Проблемы духовного развития: Гуманизм, Реформация, католическая реформа. Пр., 1922.
- Ранке Л. Римские папы в последние четыре столетия. СПб., 1874. Т. 1—2.
- Cristiani L. L'Eglise à l'époque du Concile de Trente. P., 1948.
- Dickens A. G. The Counter-reformation. L., 1975.
- Carstein O. Rome and the Counter-reformation in Scandinavia. Oslo, 1963, 1980. Vol. 1, 2.
- Gothein E. Ignatius von Loyola und die Gegenreformation. Halle, 1885.
- Hughes P. Rome and the Counter-reformation in England. L., 1944.
- Jedin H. Katholische Reformation oder Gegenreformation? Luzern, 1946.
- Jedin H. Geschichte des Konzils von Trient. Freiburg im Breisgau, 1949—1975. Bd. 1—4.
- Maurenbrecher W. Geschichte der katholischen Reformation. Nördlingen, 1880.
- Montanelli I., Gervaso R. L'Italia della controriforma (1492—1600). Milano, 1969.
- Pastor L. Geschichte der Päpste. Freiburg-im-Breisgau, 1886—1933. Bd. 1—16.
- Schmidt K. D. Die katholische Reform und die Gegenreformation. Göttingen, 1975.

Tacchi-Venturi P. Storia della compagnia di Gesù in Italia. Roma, 1910, 1922. Vol. 1, 2.

Willaert L. L'église au lendemain du Concile de Trente: La restauration catholique (1563—1648). Namur, 1960.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

Лесохина Э. И. Движение кроканов (1592—1598) // Сб. М., 1955. Вып. 6. Молдавская М. А. Стачное движение лионских и парижских типографских рабочих в 1539—1540 гг. // Там же. М., 1962. Вып. 21.

Никулина Т. С. Движение Вулленвевера // Историография всеобщей истории. Куйбышев, 1976.

Осипова Т. С. Освободительная борьба ирландского народа против английской колонизации: (Вторая половина XVI—начало XVII в.). М., 1962.

Сапрыхин Ю. М. Народные движения в Англии и Ирландии в XVI в. М., 1963.

Чистозвонов А. Н. Гентское восстание 1539—1540 гг. М., 1957.

Чистозвонов А. Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1964.

Aufstände, Revolten. Prozesse: Beiträge zu bäuerlichen Widerstandsbewegungen im frühneuzeitlichen Europa. Stuttgart, 1983.

Der Bauer im Klassenkampf / Hrsg. G. Heitz et al. B., 1975.

Bercé Y. Révoltes et révolutions dans l'Europe Moderne (XVe — XVIIIe siècles). P., 1980.

Blickle P. Aufruhr und Empörung? Studien zum bäuerlichen Widerstand im Alten Reich. München, 1980.

Elliott J. H. The revolt of the Catalans: A study in the decline of Spain. Cambridge, 1963.

Europäische Bauernrevolten der frühen Neuzeit / Hrsg. W. Schulze, Frankfurt a. M., 1982.

Fletcher A. Tudor rebellions. L., 1968.

Gutiérrez Nieto J. I. Las comunidades como movimiento antiseñorial. Barcelona, 1973.

Haliczer S. The comuneros of Castile. Madison, 1981.

Heitz G., Vogler G. Bauernbewegungen in Europe vom 16. bis 18. Jahrhundert // Rapports II. Chronologie / Comité Intern. des Sciences Hist. Buc., 1980.

Holmsen A. Gard, bygd, rike. Oslo, 1966.

Koht H. Norsk bondebevegelse: Sosialistiske klassikere. Oslo, 1975.

Mousnier R. Fureurs paysannes dans les révoltes du XVIIe siècle. P., 1967.

Mouvements populaires et conscience sociale, XVIe — XVIIIe siècles. P., 1985.

Peters J. Die alten Schweden. B., 1981.

Reform, Reformation, Revolution. Leipzig, 1980.

Roberts M. Gustav Vasa. Stockholm, 1950.

Scharp B. In contempt of all authority. Los Angeles; L., 1980.

Schulze W. Bäuerlicher Widerstand und feudale Herrschaft in der frühen Neuzeit. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1980. См. также литературу к ч. I, гл. 2, 3, 6; ч. III, гл. 1.

Глава 2

Глуцкий К. Г. Крестьянско-казацкие восстания на Украине в 30-х годах XVII в. // Воссоединение Украины с Россией. М., 1954.

Aus der Geschichte der Ostmitteleuropäischen Bauernbewegungen im 16.—17. Jahrhundert. Bp., 1977.

Barta G., Fekete Nagy A. Parasztháború 1514-ben. Bp., 1973.

Benda K. Bocskai szabadságharc. Bp., 1955.

Historia Polski. W-wa, 1982. T. 2: (1505 — 1764).

Kersten A. Na tropach Napierskiego. W-wa, 1970.

Koči J. Boje venkovského lidu v období temna. Pr., 1953.

Magyarország története. Bp., 1962. Köt. 2.

Makkai L. A kuruc nemzeti összefogás előzményei. Bp., 1956.

Nagy L. Hajdúvitézek (1591—1699). Bp., 1983.

Rakos P. Povstanie baníkov na Slovensku roku 1525—1526. Br., 1963.

См. также литературу к ч. I, гл. 9, 11.

Глава 3

Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в. М., 1974.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986.

Клибанов А. И. Реформационные движения в России. М.; Л., 1960.

Копалев А. И. История землевладения Белозерского края XV — XVI вв. М.; Л., 1951.

Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975.

Назаров В. Д. О некоторых особенностях Крестьянской войны начала XVII в. в России // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.

- Поршнев Б. Ф. Развитие «Балашовского» движения в феврале — марте 1634 г. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.
- Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985.
- Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. М., 1951.
- Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.
- Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж, 1975.
- См. также литературу к ч. II, гл. 10.

Глава 4

См. литературу к ч. I, гл. 13; ч. II, гл. 11.

Глава 5

- Ермолаев В. А. Гейльброннская программа. Саратов, 1986.
- Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955.
- Штекли А. Э. Томас Мюнцер. М., 1961.
- Der arm man 1525: Volkskundliche Studien / Hrsg. H. Strobach. B., 1975.
- Bensing M. Thomas Müntzer und der Thüringer Aufstand, 1525. B., 1966.
- Blickle P. Die Revolution von 1525. München; Wien, 1982.
- Brandt O. H. Thomas Müntzer: Sein Leben und seine Schriften. Jena, 1933.
- Buszello H. Der deutsche Bauernkrieg von 1525 als politische Bewegung. B. (West), 1969.
- Der deutsche Bauernkrieg und Thomas Müntzer / Hrsg. M. Steinmetz. Leipzig, 1976.
- Der Deutsche Bauernkrieg, 1524—1526 / Hrsg. H. U. Wehler. Göttingen, 1975.
- Franz G. Der deutsche Bauernkrieg. Darmstadt, 1975.
- Hoyer S. Das Militärwesen im deutschen Bauernkrieg, 1524—1526. B., 1975.
- Revolte und Revolution in Europa / Hrsg. P. Blickle. München, 1978.
- См. также литературу к ч. I, гл. 5; ч. II, гл. 4; ч. III, гл. 1(1); ч. IV, гл. 1.

Глава 6

- Мотлей Д. Л. История Нидерландской революции и основания Республики Соединенных провинций. СПб., 1865—1871. Т. I — III.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1

- Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. М., 1983. Т. 2.
- Штокмар В. В. Очерки по истории Англии XVI в. Л., 1957.

Луренн А. Нидерландская революция. М., 1937.

Чистозонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI в. М., 1958.

Чистозонов А. Н. Черты общего и особенного в Нидерландской буржуазной революции XVI в. // Европа в средние века: Экономика, политика, культура. М., 1972.

Algemene geschiedenis de Nederlanden. Haarlem, 1979—1980. D. 6—8.

Bremmer R. H. Revormatie en rebellie: Willem van Oranje, de Calvinisten en het recht van opstand: tien onstuimige jaren, 1572—1581. Franeker, 1984.

Deursen A. Th. van. Bavianen en Slijkgeuzen. Assen, 1974.

Enno van Gelder H. A. Revolutionaire Revormatie. Amsterdam, 1943.

Essen L. van der. Alexandre Farnèse, prince de Parme, gouverneur des Pays-Bas. Bruxelles, 1933—1937. Vol. 1—5.

Fruin R. Tien jaren uit den Tachtigjarigen oorlog, 1588—1598. Amsterdam, 1861.

Geyl P. The revolt of the Netherlands. L., 1932.

Huizinga J. De Nederlandsche natie. Haarlem, 1960.

Kervijn de Lettenhove M. Les huguenots et les gueux: Etude historique sur vingt-cinq années du XVIe siècle (1560—1585). La Haye, 1930. D. 1—6.

Kuttner E. Het hongerjaar 1566. Amsterdam, 1949.

Malengeau G. de. L'esprit particulariste et la révolution des Pays-Bas au XVIe siècle (1578—1584). Louvain, 1936.

Parker G. The Dutch revolt. Ithaca; N. Y., 1977.

Poelhekke J. J. De Vrede van Munster. 's-Gravenhage, 1948.

Rachjahl F. Wilhelm von Oranien und der niederländische Aufstand. Halle (Salle), 1906—1908. Bd. 1—2; Haag, 1924. Bd. 3.

Republiek tussen vorsten: Oranje, vrijheid, opstand, geloof / Ed. F. Wieringa, Zutphen, 1984.

Romeijn J. M. De Lage Landen bij de zee. Utrecht, 1949.

Smit J. W. The Netherlands Revolution // Precondition of Revolution in Early Modern Europe / Ed. R. Foster and a. Baltimore, L., 1970.

Wilhelmus van Nassouwe! P. Geyl. Middeburg, 1933.

Wittman T. Les gueux dans les «bonnes villes» de Flandre (1577—1584), Br., 1969.

Fernández Alvarez M. Política mundial de Carlos V y Felipe II. Madrid, 1966.

Fernández-Armesto F. The Spanish Armada: The experience of war in 1588. Oxford etc., 1988.

Histoire des relations internationales. P., 1953. T. II. Zeller G. Les temps moder-

- nes: De Christophe Colomb à Cromwell. A history of the Ottoman Empire to 1730. Cambridge, 1976.
- Lapeyre H.* Les monarchies européennes du XVIe siècle: Les relations internationales. P., 1973.
- Livet G.* L'équilibre européen de la fin du X^{ve} à la fin du XVIIIe siècle. P., 1976.
- Mattingly G.* Renaissance diplomacy. L., 1955.
- Maulde-la-Claviere R. A.* La diplomatie au temps de Machiavel. Genève, 1970. Т. 1—3.
- См. также литературу к ч. IV, гл. 6.

Глава 2

- Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963.
- Королюк В. Д.* Ливонская война. М., 1954.
- Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.
- Almquist H.* Sverige och Ryssland, 1595—1611. Uppsala, 1907.
- Attman A.* The struggle for Baltic markets: Powers in conflict, 1558—1618. Lund, 1979.
- Historia dyplomacji polskiej.* W-wa, 1980—1982. Т. 1—2.
- Maciurek J.* Zápasy Polska a Habsburků o přístup k Černému moři. Pr., 1931.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава 1

- Абрамсон М. Л.* От Данте к Альберти. М., 1979.
- Баткин Л. М.* Итальянские гуманисты: Стиль жизни и стиль мышления. М., 1978.
- Баткин Л. М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989.
- Брагина Л. М.* Итальянский гуманизм: Этические учения XIV—XV вв. М., 1977.
- Брагина Л. М.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983.
- Бранка В.* Боккаччо средневековый. М., 1983.
- Буркхард Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1904—1906. Т. 1—2.
- Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения. М., 1896.
- Гуковский М. А.* Итальянское Возрождение. Л., 1947—1961. Т. 1—2.
- Корелии М. С.* Очерки итальянского Возрождения. М., 1986.
- Лазарев В. Н.* Происхождение итальянского Возрождения. М., 1956—1979. Т. 1—3.
- Леон Баттиста Альберти. М., 1977.

Глава 3

- Алексеев В. М.* Тридцатилетняя война. Л., 1961.
- Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война. М., 1946.
- Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
- Флоря Б. Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986.
- Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1894. Т. 2.
- Шиллер Ф.* Тридцатилетняя война // Собр. соч.: В 8 т. М., 1957. Т. 5.
- Alcalá-Zamora J.* España, Flandes y el mar del Norte (1618—1639): La última ofensiva europea de los Austrias madrileños. Barcelona, 1975.
- Dickmann F.* Der Westfälische Frieden. Münster, 1965.
- Der Dreissigjährige Krieg: Perspektiven und Strukturen.* Darmstadt, 1977.
- Huch R.* Der Dreissigjährige Krieg. Leipzig, 1957. Т. 1—2.
- Janacek J.* Valdštejn a jeho doba. Pr., 1978.
- Kavka F.* Bilá hora a české dějiny. Pr., 1962.
- Krieg und Politik, 1618—1648: Europäische Probleme und Perspektiven.* München, 1988.
- Parker G.* The Thirty years' war. L. etc., 1984.
- Polisenský J.* Tricetiletá válka a evropská krize 17. století. Pr., 1970.
- Šindelář B.* Vestfálský mír a česká otázka. Pr., 1968.

- Ревякина Н. В.* Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. М., 1977.
- Хлодовский Р. И.* Франческо Петрарка: Поэзия гуманизма. М., 1974.
- Хлодовский Р. И.* «Декамерон»: Поэтика и стиль. М., 1982.
- Baron H.* The crisis of the early Italian Renaissance: Civic humanism and Republican liberty in the Age of Classicism and tyranny. Princeton, 1966.
- Baron H.* From Petrarch to Leonardo Bruni: Studies in humanistic and political literature. Chicago, 1968.
- Bec C.* Les marchands écrivains: Affaires et humanisme à Florence, 1375—1434. P., 1967.
- Buck A.* Die Rezeption der Antike in den romanischen Literaturen der Renaissance. B., 1976.
- Burke P.* Culture and society in Renaissance Italy, 1420—1540. N. Y., 1972.
- Cassirer E.* Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance. Darmstadt, 1963.
- Chastel A.* Le mythe de la Renaissance, 1420—1520. Genève, 1969.
- Garin E.* Scienza e vita civile nel Rinascimento italiano. Bari, 1965.

- Garin E.* Medioevo e Rinascimento: Studi e ricerche. 3 ed. Bari, 1980.
- Kristeller P. O.* Die Philosophie des Marsilio Ficino. Frankfurt a. M., 1972.
- Kristeller P. O.* Studies in Renaissance. Thought and letters. Roma, 1969.
- Martines L.* The social world of the Florentine humanists (1390—1460). Princeton, 1963.
- Martines L.* Power and imagination: City-states in renaissance Italy. N. Y., 1979.
- Panofsky E.* Studies in iconology: Humanistic themes in the art of the Renaissance. 3rd ed. N. Y., 1972.
- Renouard Y.* Les hommes d'affaires italiens et l'avènement de la Renaissance. P., 1949.
- Saitta G.* Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel Rinascimento. Bologna, 1949—1951. Vol. 1—3.
- Tateo F.* Tradizione e realtà nell'umanesimo italiano. Bari, 1974.
- Tenenti A.* Il senso della morte e l'amore della vita nel Rinascimento: Francia e Italia. 2 ed. Torino, 1978.
- Toffanin G.* Storia dell'umanesimo. Bologna, 1959. Vol. 1—2.
- Trinkaus Ch.* In our image and likeness: Humanity and divinity in Italian humanist thought. Chicago; L. 1970. Vol. 1—2.
- Ugolini P.* Un'altra Firenze: L'epoca di Cosimo il Vecchio: Riscontri tra cultura e società nella storia fiorentina. Firenze, 1971.
- Ullmann W.* Medieval foundations of renaissance humanism. L., 1977.
- Vasoli C.* Umanesimo e Rinascimento. 2 ed. Palermo, 1976.
- Глава 2**
- Алатов М. В.* Художественные проблемы итальянского Возрождения. М., 1976.
- Баткин Л. М.* Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М., 1990.
- Виппер Б. Р.* Борьба течений в итальянском искусстве XVI в. (1520—1590): К проблеме кризиса итальянского гуманизма. М., 1956.
- Виппер Б. Р.* Проблема реализма в итальянской живописи XVII—XVIII вв. М., 1966.
- Горфункель А. Х.* Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения, М., 1977.
- Граценков В. Н.* Рафаэль. М., 1971.
- Де Санктис Ф.* История итальянской литературы. М., 1963—1964. Т. 1—2.
- Дживелегов А. К.* Очерки итальянского Возрождения: Кастильоне. Аретино. Челлини. М., 1929.
- Лазарев В. Н.* Леонардо да Винчи. М., 1969.
- Лазарев В. Н.* Старые итальянские мастера. М., 1972.
- Микеланджело и его эпоха.* М., 1978.
- Проблемы культуры итальянского Возрождения.* Л., 1979.
- Рафаэль и его время.* М., 1986.
- Смирнова И. Л.* Монументальная живопись итальянского Возрождения. М., 1987.
- Чиколлини Л. С.* Социальная утопия в Италии XVI — начало XVII в. М., 1980.
- Штекли А. Э.* «Город Солнца»: утопия и наука. М., 1978.
- Юсим М. А.* Этика Макиавелли. М., 1990.
- Badaloni N., Barilli R., Moretti W.* Cultura e vita civile tra Riforma e Controriforma. Bari, 1982.
- Badaloni N.* Tommaso Campanella. Milano, 1965.
- Baldacci L.* Il petrarchismo del Cinquecento. Padova, 1974.
- Belloni A.* Il Seicento. Milano, 1955.
- Bonora E.* Novelle e commedie del Cinquecento. Torino, 1960.
- Borsellino N.* Ludovico Ariosto. Bari, 1973.
- Cantimori D.* Umanesimo e religione nel Rinascimento. Torino, 1975.
- Chabod F.* Scritti sul Rinascimento. Torino, 1967.
- Croce B.* Storia dell'età barocca in Italia: pensiero, poesia e letteratura, vita morale. 4 ed. Bari, 1957.
- Croce B.* Poeti e scrittori del pieno e del tardo Rinascimento. Bari, 1952—1958. Vol. 1—3.
- Dionisotti C.* Machiavellerie: Storia e fortuna di Machiavelli. Torino, 1980.
- Firpo L.* Il pensiero politico del Rinascimento e della Controriforma. Milano, 1966.
- Garin E.* L'età nuova. Napoli, 1969.
- Garin E.* Del Rinascimento all'Illuminismo: Studi e ricerche. Pisa, 1970.
- Gentile G.* Studi sul Rinascimento. Firenze, 1923.
- Gramsci A.* Note sul Machiavelli, sulla politica e sullo stato moderno. Roma, 1974.
- Grendler P. F.* Critics of the Italian world (1530—1560): Anton Francesco Doni, Nicolo Franco and Ortensio Lando. Madison etc., 1969.
- Nardi B.* Studi su Pietro Pomponazzi. Firenze, 1965.
- Redondi P.* Galileo eretico. Torino, 1983.
- Scrivano R.* Cultura e letteratura del Cinquecento. Roma, 1966.
- Storia della letteratura d'Italia.* Milano, 1965—1969. Vol. 4—5.
- Villari P.* Niccolò Machiavelli e i suoi tempi. Firenze, 1877—1882. Vol. 1—3.
- См. также литературу к ч. VI, гл. 1.
- Главы 3—4**
- Бенеш О.* Искусство северного Возрождения. М., 1973.
- Виппер Б. Р.* Становление реализма в голландской живописи XVII в. М.; Л., 1957.
- Гейгер Л.* История немецкого гуманизма. СПб., 1899.
- Гершензон-Чегодаева Н. М.* Брейгель. М., 1983.
- Гухман М. М., Семнюк Н. Н., Бабенко Н. С.* История немецкого литера-

- турного языка XVI — XVIII вв. М., 1984.
- История немецкой литературы. М., 1962. Т. 1.
- Либман М. Я. Дюрер и его эпоха. М., 1972.
- Литература Швейцарии: Очерки. М., 1969.
- Немилов А. Н. Немецкие гуманисты XV в. Л., 1979.
- Ошис В. В. История нидерландской литературы. М., 1983.
- Смирин М. М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978.
- Эразм Роттердамский и его время. М., 1989.
- Deutsche Geschichte. В., 1983. Bd. 3. Der deutsche Renaissance-Humanismus / Abriss und Auswahl von W. Trillitzsch. Leipzig, 1981.
- Dilthey W. Weltanschauung und Analyse des Menschen seit Renaissance und Reformation. Leipzig; В. 1923.
- Dresdner A. Schwedische und norwegische Kunst seit der Renaissance. Breslau, 1924.
- Geschichte der deutschen Literatur von 1480 bis 1600. В., 1960.
- Humanismusforschung seit 1945 / Hrsg. A. Buck. Boppard, 1975.
- Die Humanisten in ihrer politischen und sozialen Umwelt / Hrsg. O. Herding, G. Stupperich. Boppard, 1976.
- L'Humanisme allemand (1480—1540), München; P., 1979.
- Neckelmann F. S. Denkmäler der Renaissance in Dänemark. В., 1888.
- Rupprich H. Vom späten Mittelalter bis zum Barock. München, 1977. Т. 1.
- Schoeps H.-G. Deutsche Geistesgeschichte der Neuzeit. Mainz, 1977—1978. Bd. 1—2.
- Schück H., Warburg K. Illustrerad svensk Litteraturhistoria. Stockholm, 1931. D. 1. Reformationstiden och stormaktstiden.
- Seidlmayer M. Wege und Wandlungen des Humanismus. Göttingen, 1965.
- Spitz L. W. The religious Renaissance of the German humanists. Cambridge (Mass.), 1963.
- Spriewald J. Vom «Eulenspiegel» zum «Simplizissimus». В., 1978.
- Stender-Petersen A. Det jyske protestantisk-humanistiske skoledrama. Aarhus, 1959.
- Van Abbe D. Drama in Renaissance: Germany and Switzerland. Melbourne, 1961.
- Zeeden E. W. Deutsche Kultur in der frühen Neuzeit. Frankfurt a. M., 1968.
- Глава 5**
- Аникст А. А. Творчество Шекспира. М., 1963.
- Барг М. А. Шекспир и история. М., 1976.
- История английской литературы. М., 1953—1958. Т. 2—3.
- Михаленко Ю. П. Бэкон и его учение. М., 1975.
- Морозов М. М. Шекспир, 1564—1616. М., 1956.
- Осиновский И. Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация. М., 1978.
- Пинский Л. Е. Шекспир: основные начала драматургии. М., 1971.
- Самарин Р. М. Творчество Джона Мильтона. М., 1964.
- Сапрыкин Ю. М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV — XVII вв. М., 1972.
- Томас Мор, 1478—1978: Коммунистические идеалы и история культуры. М., 1981.
- Чернова А. Д. ...Все краски мира, кроме желтой. М., 1987.
- Allen J. W. Englisch political thought, 1603 to 1660. L., 1938. Vol. 1.
- Allen J. W. A history of political thought in the XVIth century. L.; N. Y., 1960. Cambridge history of English literature. Cambridge, 1941—1942. Vol. 3—8.
- Chambers F. R. W. Thomas More. L., 1935.
- Debus A. G. Science and education in the 17th century. L., 1970.
- Hay D. Polydore Vergil. Oxford, 1952.
- Hill Chr. Society and Puritanism in pre-revolutionary England. L., 1964.
- The intellectual revolution of the seventeenth century. L., 1974.
- Logan G. M. The meaning of More's Utopia. Princeton, 1983.
- Rouse A. L. The Elizabethan Renaissance. L., 1972.
- Shakespeare's England: An account of the life and manners of his age. Oxford, 1926. Vol. 1—2.
- Surtz E. The praise of wisdom. Chicago, 1957.
- Surtz E. The praise of pleasure. Cambridge (Mass.), 1957.
- Sutherland J. Shakespeare's world. L., 1964.
- Wilson D. England in the age of Thomas More. L. et., 1978.
- Wright L. B. Middle class culture in Elizabethan England. Chapel Hill, 1935.
- Глава 6**
- Буннер Ю. Б. Поэзия Плеяды. М., 1976.
- История французской литературы. М., 1946. Т. 1.
- Шушмарев В. Ф. Клеман Маро. Пр., 1915.
- Adam A. et al. Littérature française: In 2 t. P., 1972. Т. 1: Des origines à la fin du XVIIIe siècle.
- Balmas E. La Renaissance. P., 1974. Т. 2.
- Basdevant D., Gassiot-Talabot G., Gailard M. L'architecture française des origines à nos jours. P., 1971.
- Busson H. Le rationalisme dans la littérature française de la Renaissance (1533—1601). P., 1957.
- Defaut M., Salomon P. Les poètes du XVIe siècle. P., 1970.
- Delaruel L. Guillaume Budé (1468—1540). P., 1907.
- Febvre L. Le problème de l'incroyance au

- XVIe siècle: La religion de Rabelais. P., 1942.
- Francastel P., Francastel G., Tisne P. Histoire de la peinture française. P.; N. Y., 1955. Vol. 1—2.
- Franklin J. Jean Bodin and the rise of Absolutist theory. Cambridge, 1973.
- Galzy J. Agrippa d'Aubigné. P., 1965.
- Giraud M., Jung R. La Renaissance. P., 1972. T. 1: 1480—1548.
- Humanism in France at the end of the Middle Ages and in the early Renaissance. N. Y., 1970.
- Lazard M. Le théâtre en France au XVIe siècle. P., 1980.
- Mayer C.-A. Clément Marot. P., 1972.
- McFarlane I. D. Renaissance: France, 1470—1589. L.; N. Y., 1974.
- Morçay R. La Renaissance. P., 1933—1935. Vol. 1—2.
- Morel J. La Renaissance. P., 1973. T. 3: 1560—1624.
- Picot E. Les Français italianisant au XVIe siècle. P., 1906—1907. Vol. 1—2.
- Plattard J. La Renaissance des Lettres en France de Louis XII à Henri IV. P., 1947.
- Plattard J. L'oeuvre de Rabelais: (sources, invention et composition). P., 1910.
- Plattard J. Montaigne et son temps. P., 1933.
- Sabatier R. La poésie de XVIe siècle. P., 1975.
- См. также литературу к ч. III, гл. 1 (3).
- ### Глава 7
- Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985.
- Бахашов П. И. Испанская классическая драма (в сравнительно-литератур. и текстол. аспектах). М., 1975.
- Вольф Е. М. Формирование романских литературных языков: Португальский язык. М., 1983.
- Державин К. Н. Сервантес: Жизнь и творчество. М., 1958.
- История литератур Латинской Америки: (От древнейших времен до начала Войны за независимость). М., 1985.
- Каптерева Т. П. Искусство Испании: Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1989.
- Каптерева Т. П. Искусство Португалии. М., 1990.
- Культура Испании. М., 1940.
- Мартынов И. И. Музыка Испании. М., 1977.
- Менендес Пидаль Р. Избранные произведения: Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения. М., 1961.
- Петров Д. К. Очерки бытового театра Лопе де Вега. СПб., 1901.
- Плавский З. И. Испанская литература XVII — середины XIX в. М., 1978.
- Abellán J. L. Historia crítica del pensamiento español. Madrid, 1979—1981. T. 2—3.
- Bataillon M. Études sur le Portugal au temps de l'Humanisme. P., 1974.
- Bataillon M. Erasmo y España: Estudios sobre la historia espiritual del siglo XVI. México, 1979.
- Castro A. Hacia Cervantes. Madrid, 1967.
- Enciclopedia de la cultura española. Madrid, 1962—1968. Vol. 1—5.
- Esteve Barba F. Historiografía indiana. Madrid, 1964.
- Gil Fernández L. Panorama social del humanismo español (1500—1800). Madrid, 1981.
- L'Humanisme portugais et l'Europe. P., 1984.
- López Piñero J. M. Ciencia y técnica en la sociedad española de los siglos XVI y XVII. Barcelona, 1979.
- Maravall J. A. La cultura del barroco: Análisis de una estructura histórica. Barcelona, 1980.
- Maravall J. A. La literatura picaresca desde la historia social (siglos XVI y XVII). Madrid, 1986.
- Noreña C. G., Juan Luis Vives. The Hague, 1970.
- Redondo A. Antonio de Guevara (1480—1554) et l'Espagne de son temps: De la carrière officielle aux oeuvres politico-morales. Lille, 1978.
- Thomas H. Las novelas de caballerías españolas y portuguesas. Madrid, 1952.
- ### Глава 8
- Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы, XV — XVI вв. М., 1963.
- Дероко А. Споменици архитектуре IX — XVIII века у Југославији. Београд, 1964.
- Ђурић В. Византијске фреске у Југославији. Београд, 1975.
- История на българското изобразително изкуство. С., 1981. Т. 1.
- История на българската литература, С., 1962. Т. 1.
- История словацкой литературы. М., 1970.
- Кашанин М. Српска книжевност у средњем веку. Београд, 1975.
- Липатов А. В. Формирование польского романа и европейская литература: Средневековье, Возрождение, барокко. М., 1977.
- Радојичић С. Старо српско сликарство. Београд, 1966.
- Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его «Хроника»). М., 1966.
- Старобългарска литература: Изследване и материали. С., 1971, 1977. Кн. 1, 2.
- Търновска книжовна школа. С., 1974—1980. Т. 1—2.
- Dějiny české literatury. Pr., 1959. T. 1.
- Dějiny starší slovenskej literatury. Br., 1958.
- Dzieje sztuki polskiej. W-wa, 1973. T. 1.
- Historia kultury średniowiecznej w Polsce. W-wa, 1964. T. 1—2.
- Kultura i literatura dawnej Polski: Studia. W-wa, 1968.
- Pavel J. Dějiny umění v Československu: (Stavitelství. Sochařství. Malířství). Pr., 1971.

Sredniowiecze. Studia o kulturze. W-wa, 1961. Т. 1; Wrocław etc., 1965—1969. Т. 2—4.

Глава 9

Алексеев М. П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси. М., 1958.

Булакин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.

Данилова И. Е. Фрески Ферапонтова монастыря. М., 1970.

Дежин А. С. Писатель и общество в России XVI — XVII вв.: (Обществ. настроения). М., 1985.

Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М., 1955.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958.

История русского искусства. М., 1955. Т. 3.

Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI в. Л., 1970.

Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV — XVI вв.: Из истории международных культурных связей России. М., 1980.

Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI — XVII вв. М., 1980.

Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975.

Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV — XVII вв. Л., 1978.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X — XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973.

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понярко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л. 1960.

Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988.

Матхаузерева С. Древнерусские теории искусства слова. Рг., 1976.

Немировский Е. Л. Иван Федоров: Около 1510—1583 гг. М., 1985.

Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2.

Очерки русской культуры XVII в. М. 1979. Ч. 2.

Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973.

Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV: Работы в Московском Кремле 40—70-х годов XVI в. М., 1972.

Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV — XVI вв. М., 1979.

Попов Г. В. Живопись и миниатюра Москвы XV — нач. XVI в. М. 1980.

Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.

Синицына Н. В. Нестяжательство в русской православной церкви // Религии мира: Ежегодник, 1983. М., 1984.

Тихомиров М. Н. Россия и ее культура X — XVIII вв. М., 1968.

Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV — XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977.

Глава 10

Белецкий П. А. Украинская портретная живопись XVII — XVIII вв. Л., 1981.

Ваза В. Я. Памятники архитектуры Эстонии. Л., 1980.

Гісторыя беларускага мастацтва: У 6 т. Мінск, 1987. Т. 1.

Глемжа И. И. Памятники архитектуры Литвы. Л., 1978.

Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.

Исаевич Я. Д. Преемники первопечатников. М., 1981.

История белорусской дооктябрьской литературы. Минск, 1977.

История искусства народов СССР: В 9 т. М., 1974. Т. 3.

История литовской литературы. Вильнюс, 1977.

История украинского мистецтва: В 6 т. Київ, 1967. Т. 2.

Історія української літератури: У 8 т. Київ, 1967. Т. 1.

Лозгин Г. Н. Украинское искусство X — XVIII вв. М., 1963.

Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине: Иван Федоров. М., 1984.

Паславський І. В. 3 історії розвитку філософських ідей на Україні в кінці XVI — першій третині XVII ст. Київ, 1984.

Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI — XVIII вв. М.; Л., 1962.

Ткачоу М. А. Замкі Беларусі (XIII — XVIII ст.). Мінск, 1977.

Циглава С. Искусство Латвии. Л., 1979. Feodālā Rīga. Riga, 1978.

Jurginis J., Luksaitė I. Lietuvos kultūros istorijos bruožai. Vilnius, 1981.

Lietuvių literatūros istorija. Vilnius, 1979. Т. 1.

Matuskaitė M. Portretas XVI — XVIII a. Lietuvoje. Vilnius, 1984.

Глава 11

Лебедева И. Н. Греческая рукописная и печатная книга XV — XVI вв. и ее влияние на книжность других народов // Рукописная и печатная книга. М., 1975.

Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV — XV вв. Л., 1976.

Медведев И. П. Фонд Льва Аллания как источник по истории эллинизма в Западной Европе в XVII в. // Рукописные источники по истории западноевропейского средневековья в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР. Л., 1982.

Фонкич Б. Л. Новые работы по истории греческой культуры послевизантийского периода // ВВ. 1974. Т. 36.

Фонкич Б. Л. Материалы для изучения библиотеки Максима Маргуня // ВВ. 1977. Т. 38.

Il collegio greco di Roma: Ricerche sugli alunni, la direzione, l'attività / A cura di A. Fyrgios. Roma, 1983.

Geanakoplos D. I. Greek scholars in Venice. Studies in dissemination of Greek learning from Byzantium to Western Europe. Cambridge (Mass.), 1962.

Kresten O. Das Patriarchat von Konstantinopel im ausgehenden 16. Jahrhundert. Wien etc., 1970.

Manoussacas M. Structure sociale de l'hellénisme postbyzantin / Akten des XVI. Intern. Byzantinistenkongr. Wien. 1981. Bd. 1/2.

Pertusi A. Storiografia umanistica e mondo Eizantino. Palermo, 1967.

Vranoussis L. L'hellénisme postbyzantin et l'Europe: manuscrits, livres, imprimeries. Athènes, 1981.

СОКРАЩЕНИЯ

ВВ — Византийский врененик

ВИ — Вопросы истории

СВ — Средние века

Bijdr. en meded. betreffende de geschiedenis der Nederl.— Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden

Cambridge Hist. J.— Cambridge Historical Journal

EHR — English Historical Review

Rev. Hist.— Revue Historique

Soc. e storia — Società e storia

Tijdschr. voor Geschiedenis — Tijdschrift voor Geschiedenis

Verh. Kinkl. Nederl. Acad. Wet. Afd. Lett. N. R.— Verhandelingen der Koninklijke Nederlandse Academie van Wetenschappen. Afd. Letterkunde. Nieuwe reeks

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1451—1506	Христофор Колумб
1452—1519	Леонардо да Винчи
ок. 1487—1536	Эразм Роттердамский
1469—1527	Никколо Макиавелли
1471—1528	Альбрехт Дюрер
1473—1543	Николай Коперник
ок. 1475—1556	Максим Грек
1475—1564	Микеланджело Буонарроти
1478—1535	Томас Мор
1483—1520	Рафаэль Санти
1483—1546	Мартин Лютер
1484—1531	Ульрих Цвингли
1485—1603	династия Тюдоров в Англии
1489—1525	Томас Мюнцер
1492	открытие Америки Христофором Колумбом
1493—1519	Максимилиан I Габсбург, германский император
1494	договор в Тордесильясе между Испанией и Португалией о разделе внеевропейских территорий
ок. 1494—1553	Франсуа Рабле
1494—1559	Итальянские войны
1495—1521	Мануэл I Счастливый, португальский король
1497—1499	экспедиция Васко да Гамы. Открытие морского пути в Индию
1501—1504	завоевание Испанией Неаполитанского королевства
1505—1533	Василий III, великий князь Московский
1509—1564	Жан Кальвин
1510	присоединение Пскова к Москве
1514	присоединение Смоленска к Москве
1514	восстание Дьердя Дожи в Венгрии
1515—1547	Франциск I Валуа, французский король
1515	победа французов над швейцарцами при Мариньяно
1516	Болонский конкордат между Франциском I и папой Львом X
1516—1700	династия Габсбургов в Испании
1516—1556	Карл I, испанский король (с 1519 по 1556 г.— германский император Карл V)
1517	выступление Лютера с 95 тезисами против продажи индульгенций. Начало Реформации
1519—1522	первое кругосветное путешествие Ф. Магеллана
1520—1521	восстание комунерос в Кастилии
1520—1566	Сулейман I Законодатель, турецкий султан
1522	рыцарское восстание в Германии
1523	расторжение Кальмарской унии между Данией и Швецией
1523—1560	Густав I Ваза, шведский король
1524—1525	Крестьянская война в Германии
1525	победа имперской армии над французами при Павия, пленение Франциска I
1525	секуляризация Тевтонского ордена
1524/1525—1580	Луис де Камонс
1525/1530—1569	Питер Брейгель Старший («Мужичкий»)

1526	разгром венгерских войск турками при Мохаче; образование монархии австрийских Габсбургов в Центральной Европе
1527	взятие и грабеж Рима императорскими войсками
1527—1539	реформация в Швеции
1529	договор в Сарагосе между Испанией и Португалией о тихоокеанской линии раздела внеевропейских территорий
1529—1530	осада Флоренции имперскими войсками
1530	«Аугсбургское исповедание веры»
1532	окончательное присоединение герцогства Бретань к Франции. Завершение объединения страны
1533—1584	Иван IV Грозный, великий князь Московский и всея Руси (с 1547 г. — первый русский царь)
1534	«Акт о супрематии» в Англии
1534—1535	Мюнстерская коммуна
1534—1536	гражданская война в Дании («Графская распря»)
1534—1549	папа Павел III
1536	реформация в Дании
1537—1574	Козимо I Медичи, герцог Флоренции, с 1569 г. — великий герцог Тосканский
1539—1540	Гентское восстание в Нидерландах
1539—1544	стачки типографских подмастерьев во Франции
1540	официальное утверждение папой ордена иезуитов
1541	взятие турками Буды. Раздел Венгрии между Османской империей и австрийскими Габсбургами
1545—1563	Триденский собор
1547—1616	Мигель де Сервантес Сааведра
1549	крестьянское восстание под руководством Роберта Кета в Англии
конец 1540-х — 1550-е годы	деятельность «Избранной Рады» в России
1552	покорение Россией Казанского ханства
1553	установление торговых и дипломатических отношений между Англией и Россией
1555	Аугсбургский религиозный мир
1556	раздел владений Карла V
1556—1598	Филипп II, испанский король
1557	победа испанской армии над французской при Сен-Кантене
1558—1583	Ливонская война
1558—1603	Елизавета I Тюдор, английская королева
1559	мир в Като-Камбрези между Испанией и Францией
1559	первый «Индекс запрещенных книг» в Риме
1560—1598	религиозные войны во Франции
1561	ликвидация Ливонского ордена
1561—1626	Френсис Бэкон
1562—1635	Лоуис де Вега
1564—1616	Уильям Шекспир
1564—1642	Галилео Галилей
1565—1572	опричнина Ивана Грозного в России
1566—1609	Нидерландская буржуазная революция
1566	иконоборческое восстание в Нидерландах
1567—1625	Мориц Нассауский, с 1585 г. — статхаудер Республики Соединенных провинций
1568	мир между Турцией и австрийскими Габсбургами
1569	Люблинская уния между Польшей и Великим Княжеством Литовским. Образование Речи Посполитой
1571	победа испано-венецианского флота над турками при Лепанто

1572	захват морскими гёзами Брила. Начало восстания на севере Нидерландов
1572	Варфоломеевская ночь
1572	победа русских войск над крымскими при Молодях
1573	крестьянское восстание под руководством Матэ Губеца в Хорватии и Словении
1576	восстание в Южных Нидерландах. Гентское умиротворение
1576—1612	Рудольф II Габсбург, германский император
1577—1640	Петер Пауль Рубенс
1579	Аррасская уния южных провинций Нидерландов
1579	Утрехтская уния северных провинций Нидерландов
1580	включение Португалии в состав Испанской монархии
1584	убийство Вильгельма I Оранского, статхаудера Соединенных провинций
1585	взятие испанскими войсками Антверпена
1587	казнь Марии Стюарт
1587—1632	Сигизмунд III Ваза, польский, в 1592—1599 гг. также шведский король
1588	поход и гибель Непобедимой армады
1588—1648	Кристиан IV, датский король
1589	учреждение патриаршества на Руси
1589—1610	Генрих IV Бурбон, французский король
1589—1792,	династия Бурбонов во Франции
1814—1815,	
1815—1830	
1592—1598	восстание «кроканов» во Франции
1592—1670	Ян Амос Коменский
1593—1601	Михай Храбрый, валахский господарь
1593—1606	война Османской империи с Габсбургами
1594—1603	восстание Тирона и Тирконнелла в Ирландии против англичан
1595	Тявзинский мир между Россией и Швецией
1596	Брестская уния католической и православной церквей на территории Речи Посполитой
1596—1650	Рене Декарт
1598	Нантский эдикт Генриха IV во Франции
1599—1660	Диего Веласкес
1603—1649,	династия Стюартов в Англии
1660—1714	
1606—1607	восстание Ивана Болотникова в России
1606—1669	Рембрандт Харменс ван Рейн
1608	создание Евангелической унии в Германии
1609	создание Католической лиги в Германии
1609	двенадцатилетнее перемирие между Испанией и Республикой Соединенных провинций
1609	изгнание морисков из Испании
1609—1618	польско-литовская интервенция в Россию
1610—1617	шведская интервенция в Россию
1611—1632	Густав II Адольф, шведский король
1612	освобождение Москвы от польско-литовских интервентов ополчением под руководством Минина и Пожарского
1613—1917	династия Романовых в России
1617	Столбовский мир между Россией и Швецией
1618	Деулинское перемирие между Россией и Речью Посполитой
1618—1648	Тридцатилетняя война
1620	победа имперских войск над чешскими при Белой Горе

1624—1642	правление кардинала Ришелье во Франции
1631	победа шведской армии над имперской при Брейтенфельде
1632	победа шведской армии над имперской при Люцене
1632—1634	Смоленская война между Россией и Речью Посполитой
1634	победа имперской армии над шведской при Нердлингене
1635	открытое вступление Франции в Тридцатилетнюю войну
1639	восстание «босоногих» в Нормандии
1640	восстановление суверенитета Португалии
1640—1652	восстание в Каталонии
1644	мирный конгресс в Мюнстере
1645	мирный конгресс в Оснабрюке
1648	Вестфальский мир
1649	«Соборное уложение» в России

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас, шах 422
 Абель В. 34
 Абрамович А. 553
 Абриль Симон 536
 Авентин И. 490
 Август, император 557, 570
 Августин Аврелий 294, 522
 Агостины А. 476
 Агрикола Георг (Бауер) 19, 497
 Агрикола Михаил 283, 508
 Агрикола Родольф 488, 591
 Адам Даниил 554
 Адам из Бохны (Адам Бурский) 551
 Адашев А. Ф. 255
 Агоста Х. де 539
 Аларкон-и-Мендоса Х. Руис де 545
 Алендро Джеромо 588
 Алевиз Новый 573
 Александр VI 224
 Александр Ягеллон 411, 413
 Алексей Михайлович, царь 137, 258
 Алеман Матео 544
 Алляций Лев 588
 Алонсо Барба А. 539
 Алтузий Иоганн 194, 497
 Альба, герцог (Фернандо Альварес де Толедо) 61, 188, 315, 367—370, 404, 406, 407
 Альбергаи Ф. 476
 Альберти Леон Баттиста 462—464, 466, 467
 Альбре, династия 394, 398
 Альбрехт Гогенцоллерн 423—425
 Альбрехт V, герцог Баварский 316
 Альторфер А. 500
 Амати, семья 482
 Амброзий, монах 587
 Амербах Иоганн 19
 Амио Жак 524
 Амман И. 501
 Амманати Б. 483
 Анаксагор 575
 Ангермайер Х. 202
 Ангисера П. Мартин де 537
 Анжелико да Фьезоле, Фра Беато 466
 Андрелини Фаусто 522
 Андрес И. 486
 Андрес Лаврентий 507
 Андрих Петр 549
 Анжуйский, герцог см. Французский Анжуйский
 Анна Бретонская 393, 522
 Аннеше Дженааро 333
 Антон Лотарингский 358
 Антоний Эпарх 589
 Антониу, принц, дон Антониу 236, 404, 408
 Антуан Вурбон 177
 Аньелло Томмазо см. Мазаньелло
 Апулей 470
 Араповы, дворяне 572
 Аргиропуло Иоганн 464, 587
 Аретино Карло 587
 Аретино Пьетро 470, 485
 Арий, пресвитер 302
 Ариосто Лодовико 451, 469, 471, 481
 Аристотель 453, 459, 472, 477, 478, 493, 508, 513, 523, 525, 538, 543, 565, 575, 580, 587, 588, 591
 Аристофан 524, 588
 Арминий 493
 Арон, молд. господарь 265
 Арребо А. 506
 Арсхот, герцог 373
 Аспер Х. 501
 Астероферус М. 507
 Афонсу V 235
 Ахмед ибн-Маджид 389
 Баиф Жан Антуан де 527
 Байрон Дж. Г. 546
 Балаш Иван 343, 344
 Балашша Балинт 550
 Баловня, атаман 343
 Бальтазарини Б. 528
 Банделло Маттео 470
 Баннер Иоганн 435, 438
 Барбоза Ариас 536
 Барделос Франц 61
 Бароний Цезарь (Чезаре) 480, 495
 Барруш Ж. де 536
 Бартас Гийом Саллюто де 530
 Бартоли Даниело 479
 Бартолин Старший 506
 Басараб Матвей 268
 Басараб Нягое 263, 548
 Басараб Феодосий 263
 Басманов И. Ф. 342
 Баства Георг фон 266
 Батори Андраш 266
 Батори Жигмонд 265, 266
 Батори Иштван 416, см. также Стефан Баторий
 Батура Р. К. 114
 Батый 247
 Баутиста Лабанья Х. 539
 Бах И. С. 505
 Бахтин М. М. 524, 525
 Башпелье Н. 527
 Баязид II 397, 417
 Беза Теодор 194, 291, 371, 495
 Бейер А. П. 508
 Беллармино Роберто 314, 315
 Белле Жоакин ду 526, 527
 Беллини Джованни 467
 Беллиус О. 507
 Белло Реми 527
 Белье Ж. де 528
 Бельский Мартин 553, 555, 570
 Бембо Пьетро 294, 469, 471
 Беме Якоб 496
 Бемус Иоганн 36
 Бенедикт из Сандомира, архитектор 553
 Беолько Анджело (Рудзанте) 472
 Бербеж Дж. 518
 Беренгуучо 19
 Берке Луи де 523
 Берли У. 166
 Бернадони Дж. М. 585
 Бернгард Веймарский 436—438
 Бернелисса Петер 550
 Берни Франческо 470
 Бернини Лоренцо 483
 Бертон Роберт 520
 Берьянда П. 581
 Берюль Пьер де 293
 Бессон Жак 20
 Бетлен Габор 432—434, 550
 Бехайм Ганс 349
 Богоявленский С. К. 130
 Богуслав Гассенштейнский (Богуслав Лобковиц) 554
 Богуш Симеон 585
 Боден Жан 178, 516, 529, 530, 532
 Бок И. 497
 Бокелзон Ян см. Иоанн Лейденский
 Боккалини Траяно 481
 Боккаччо Джованни 456—458, 466, 469, 471, 508, 525, 587
 Болейн Анна 170
 Болотников Иван 343, 632
 Бомонт Ф. 519
 Бонаккорси Филиппо (Каллимах) 462, 550, 551
 Бонамико Лазаро 588
 Бонфини Антонио 550
 Борджиа (Борджа) Чезаре 224
 Борейцкий И. 583
 Борис Годунов 252, 256, 341, 342, 570
 Боскан-и-Альмогавер Х. 539
 Босль К. 202
 Босх Иероним 501, 502
 Ботеро Джованни 89, 474
 Боттичелли Сандро 467
 Бочкаи Иштван 244, 338, 422
 Бозций Анций Манлий Северин 508
 Боардо Маттео 469
 Браганса, герцоги 235, см. также Жоан IV
 Браге Тихо 449, 497, 507
 Браманте Д. 482, 483
 Брант Себастьян 489, 519
 Браччолини Поджо 461
 Бредеро Г. 500
 Брейгель Питер Старший («Музидкий») 502, 630
 Бриссоне Гийом 290
 Бродель Ф. 24, 40, 50, 596
 Бронзино А. 486
 Брунеллески Филиппо 466, 475
 Бруни Леонардо 458—461, 587
 Бруно Джордано 312, 449, 471, 477—479
 Брунфельс О. 497
 Брут Марк Юний 484
 Бруццони Антонио 296, 475
 Бугенхаген И. 282
 Бундний Семен 578
 Букстехуде Д. 504
 Булев Николай 557
 Буллинггер Ф. 209
 Вурбони 176, 632, см. также Антуан, Генрих IV, Людовик XIII, Людовик XIV
 Бурдине Шарль 523
 Бурламаки Франческо 296
 Булер М. 282, 358
 Бьюндо Флавио 461
 Букенен Джордж 516, 527
 Бэкон Френсис 6, 512—516, 631
 Бюде Гийом 523, 587
 Бюкуа К. В. де 432, 433, 439
 Вадан И. 490
 Вазари Джорджо 475, 483
 Вайгандт Фридрих 356
 Валантен (Жан де Булонь) 535
 Валла Лоренцо 277, 461, 462, 493, 530, 536
 Валленштейн А. 111, 434, 436, 437, 439
 Валуа 175, 177, 178, 181, 393, 397, 408, см. также Карл VII, Карл VIII, Людовик XI, Маргарита Валуа

- Валуа Клод 397
Валуа-Ангулемы 176, см. также Генрих I, Генрих III, Карл IX, Маргарита Ангулемская, Франциск I, Франциск II
Валуа Орлеаны 175, см. также Людовик XI
Вальдес А. де 536
Вальдес Хуан де 295, 297, 315, 488, 536
Вальдбург см. Трухзес
Вальсамон Федор 562, 563
Ван Дейк Антонис 486, 502, 524
Ванини Джулио Чезаре 312, 479
Ван Эйк Ян 501
Варлаам Калабрийский 587
Василий III 118, 128, 246, 251, 557, 564, 575, 630
Василий-Варлаам 567
Василий Великий 562
Василий Шуйский 128, 342, 343, 570
Васко да Гама 389, 540, 630
Везалий Андрей 473
Вейгель В. 495
Вейден Р. ван дер 501
Веласкес Диего де Сильва 486, 487, 546, 632
Велес де Гевара см. Гевара
Вельзеры 13, 71, 76, 77
Венглер Иероним 551
Венециано Доменико 466
Вербеци Иштван 338
Вербицкий Тимофей 579
Вергара Х. де 536
Вергикий Ангел 589
Вергилий Марон Публий 464, 469, 508, 575
Вергилий Полидор 512
Вермилли П. 477
Веронезе (Паоло Кальери) 486
Верроккьо А. 466
Ветранович Мавро 549
Вивес Хуан Луис 488, 537
Вьет Франсуа 528
Визеу, герцоги 235
Виклиф Джон см. Уиклиф
Вико Дж. 543
Виктория Т. Л. де 545
Вилкенс Елисей 123
Вильгельм I Оранский 189, 192, 194, 365—378, 406, 496, 497, 632
Вильгельм II Оранский 381
Вильгельм III Оранский 381
Вильярду Николай де. Невилль 181
Вильяльмандо Г. Кардильо де 538
Вимпфелинг Я. 488
Виниус Андрей 123
Виньель Филипп де 523
Виньола Дж. 483
Висенте Ж. 541
Висконти, династия 397, 461
Висконти Валентина 397
Виссарий Никейский 587
Витез Янош 550
Виттельсбахи 198, 204, 206
Витторино да Фельтре 587
Виттория Ф. де 538
Випенский Иван 582
Випневские 113
Влад Молодой 263
Владимир Мономах 548, 570, 575
Владислав IV 26
Владислав (Уласло II) Ягеллон 411
Владислав Грамматик 548
Воклен де Лафрэн Жан 530
Вольмугт Б. 555
Вольский, маршал 23
Вольтер Ф. М. Аруэ 531
Вондел Йост ван дер 500
Вранчич Фауст 549
Вуатюр Б. 533
Вук Н. 583
Вулленверер Ю. 282, 331, 335
- Габсбурги 23, 25, 62, 74, 77, 104, 110, 111, 138, 139, 150, 151, 164, 163, 187, 190, 196, 198, 199, 202—206, 208, 229, 230, 232, 235, 239, 210, 242—246, 259, 262—268, 274, 304, 306, 315, 316, 328, 330, 331, 338, 340, 346, 364, 365, 381, 387, 392, 394, 398, 400, 401, 411, 413, 414, 418, 421, 422, 428, 429, 431, 437, 438, 555, 592, 632, см. также Карл V, Максимилиан I, Максимилиан II, Матвей, Рудольф II, Фердинанд I, Фердинанд II, Фердинанд III, Филипп I, Филипп II, Филипп III, Филипп IV, Фридрих III
Габсбурги австрийские 160—162, 202, 206, 207, 232, 245, 316, 387, 412—416, 427, 428, 430, 440, 441, 442, 595, 631
Габсбурги испанские 105, 233, 234, 244, 316, 317, 415, 430, 595, 630
Гаген Роберт 523
Гаек Вацлав 554, 555
Гаек Ф. 554
Гайсмайер Михаэль 272, 359, 360, 496
Гален Клавдий 513
Галилей Галилео 17, 19, 312, 449, 473, 477, 479, 481, 497, 631
Гам Никола де 365
Гамилтон Э. 13, 14
Гарвей Уильям 517
Гарсиласо де ла Вега (Ласо де ла Вега, Гарсия) 539
Гассенди Пьер 533
Гаштольды 118
Гварино Веронский 587
Гвиччардини Франческо 219, 474, 479, 522
Гевара Антонио де 488, 537
Гевара Л. Велес де 544, 546
Гетель Г. В. Ф. 496
Гедиминовичи 117, 246
Геер Луи де 84
Гезихий 588
Гейл Д. 514
Гендель Г. Ф. 505
Геннадий, архиепископ Новгородский 558
Генрих II 176, 184, 291, 401—403, 409
Генрих III 26, 177, 377, 407, 408, 529
Генрих IV 6, 51, 55, 177, 178, 181, 184, 185, 291—292, 310, 328, 329, 408—410, 428, 529—531, 632
Генрих VII 163—166, 168, 170, 172, 394, 512, 516, 520
Генрих VIII 45, 48, 164, 165, 169, 170, 286—288, 325, 398, 401, 512, 514, 520
Генрих Бурбон, Генрих Наваррский см. Генрих IV
Георг, герцог Саксонский 361
Георгиевич Петр 549
Георгий Трапезунтский 591
Герасимов Дмитрий 564, 567
Гербер Эразм 358
Гермот Г. 496
Гермоген, патриарх 570
Гермоним Георгий 587
Геснер Конрад 498, 567
Гиберти Л. 466, 475
Гизы 176, 177, 408
Гиз Генрих 333
Гиз Франсуа 402, 403
Гизель Иннокентий 580
Гилберт Уильям 514
Гинек из Полебард 554
Гиплер Вендель 356, 357
Гиппократ 513, 524
Гирей 418, 419, см. также Девлет-Гирей, Сафа-Гирей, Сахиб-Гирей
Гирландайо Доменико 466
Гисльерри Микеле 311, см. также Пий V
Глареан Г. 505
Глаубер Иоганн Рудольф 20
- Глим де 371
Глинские 341
Глинская Анна 341
Глинский М. Л. 413
Гоббс Т. 516, 533
Гогенлоэ, граф 432
Гогенцоллерны 204, 206, 330, 425, см. также Альбрехт Гогенцоллерн
Гоголь Н. В. 560
Голдунов Борис Федорович см. Борис Голдунов
Гозий, кардинал 310
Гольбейн Ганс 500
Гольбейн Ганс Младший 501, 521
Гомер 508, 575, 587, 589
Гомонаи Другет 432
Гонгора-и-Арготе Луис де 539, 544
Гонзага, династия 225
Гораций 464
Горн Густав 437
Горн, граф (Филипп де Монморанси) 365, 368
Горький М. 572
Готус Л. 507
Гоукинс (Гаукинс) Джон 406
Гофман Мельхиор 327
Гоццолли Бенюццо 466
Гранвелла Антуан Перрено де 187, 365, 366
Грасиан-и-Моралес Бальтасар 544
Граф У. 501
Грей Джейн 170
Грегориц Илья 347
Григорий XIII 314
Григорий Богослов, Григорий Назианзин 562
Грин Р. 518
Грифус А. 499, 500
Гроций Гуго 6, 497, 543
Грюневальд (М. Нитхардт) 500
Губец Матэ 331, 338, 347, 348, 632
Гувеа Андреа де 538
Гугель Бастиан 350
Гудимель К. 528
Гудискалссон О. 508
Гужон Жан 527, 528
Гус Г. ван дер 501
Гус Ян 271, 277, 303, 350, 554
Гусовский Николай (Хусовианус) 583
Густав I Ваза, Густав Эрикссон Ваза 83, 86, 212—215, 283, 336, 507, 630
Густав II Адольф 215, 216, 434—437, 439, 441, 632
Гутенберг И. 472, 488
Гуттен Ульрих фон 277, 493
- Давид Ференц 302
Дадли Э. 511
Дакке Нильс 336
Далматин Джованни 550
Дамаскин Студит 547
Дамилас Дмитрий 589
Дампьер Анри Люваль 432
Даниил Александрович, князь Московский 575
Даниил, митрополит 557, 558, 565
Данилова И. Е. 574
Данте Алигьери 455—457, 464, 466, 470
Дармарий Анхрей 589
Датенус Петр 375
Дати Горо 461
Даушка М. 579, 583
Деварис Матфей 588
Девлет-Гирей 419, 556
Декарт Рене 6, 17, 450, 453, 507, 517, 532, 533, 632
Делагарди Якоб Понту 585
Делон Томас 518
Делорм Филибер 527
Деперье (Де Перье) Бонавантур 522, 525
Депре Жюстен 504
Державина О. А. 576
Джедли Джамбатиста 470, 475
Джемс Ричард 572

- Дженоино Джулио 333
Дженгиле Валентино 297
Джовио Паоло 564
Джонс И. 521
Джонсон Бен 519
Джорджоне да Кастельфранко 486
Джотто ди Бондоне 475
Джурджевич Бартоломей 548
Джустиниан Барнардо 461
Джас дель Кастильо Б. 538
Джаш Бартоломеу 389
Димитрий, царевич 342
Димитрий, царевич 572, 574
Димитрий Зобининский 571
Дипловатац Фома 588
Длугоси Ян 552
Дмитрий Донской 247
Дожа Дьердь 337, 630
Доле Этьен 522, 525
фра Долчино 295
Донателло (Донатто ди Никколо ди Берти Барди) 466, 475
Дони Антон Франческо 470, 475
Дони Джон 520
Доссер 331
Постоевский Ф. М. 560
Дрейк Френсис 49, 407, 408
Дриж Марин 549
Дубенские, дворяне 572
Луз Георгий 589
Люби Ж. 36
де Дюк Амбруаз 375
Дюпелесси-Морне Филипп 529
Дюрер Альбрехт 452, 490, 500, 630
Дюсери Ж. А. 527
Дюфай Г. 504
- Евлашевский Ф. 582
Евстафий 548
Евустрий 572
Екатерина Арагонская 169, 170
Екатерина Медичи 176
Елизавета I 48, 49, 165, 170—173, 288, 315, 368, 369, 372, 373, 377, 378, 403, 405—407, 410, 513, 514, 521, 568, 631
Ермак 571, 572
Ермолай-Еразм 560, 561, 566, 569
Есенский Ян 433
Есинов Савва 571
- Жан Босоногий 329
Жансен К. 528
Жерар Балтазар 377
Жигмонд Янош 416
Жоан (Жуан) II 235
Жоан III 236
Жоан IV (герцог Браганса) 237
Жюльетт Этьен 527
- Замойский Ян 266, 551
Запольский Янош 414—416
Захарьин Н. Р. 341
Зеффль Л. 504
Зизаний Лаврентий 581
Зизаний С. 582
Зиккинген Франц фон 279
Зиновий Отенский 558, 560, 567, 569
Злобин Михаил 572
- Иван III 118, 123, 246, 247, 250, 251, 412, 417, 573
Иван IV Грозный 6, 7, 247, 250, 252, 254—256, 341, 368, 419, 424, 426, 427, 556, 558, 561, 568—572, 574, 576, 631
Иван, сын Ивана Грозного 256
Иванчик Матия 347
Изаак Г. 504
Изабелла Кастильская 228, 229, 235, 393
Изабелла, инфанта 409
Ильм М. И. 574
Имхоф 26, 71
Поани Златоуст 562
Поани Лейденский (Ян Боке-лон) 327
Иосаф Вилинский 548
Иоаким Флорский 279
- Иоганн, герцог Саксонский 352, 361
Иоганн Георг, курфюрст Саксонский 435—437
Иоганн-Казимир Пфальцкий 375, 407, 408
Ион Вода 264
Иордан 490
Иосиф Волоцкий 557—559
Ирина, царица 342
Исайя, монах 548
- Иован Черный 338
Иорданс Якоб 502
Йорки 163, 512
- Кабесон А. 546
Каванильес Х. 546
Кавердал М. 286
Каза Джованни делла 469
Казимир IV Ягеллончик 411, 412, 417, 418, 423
Каллимах см. Бонакорси
Каллист Андроник 587
Каллиуполит Максим Родиос 590
Калло Жак 535
Кальвин Жан 194, 209, 210, 273, 284, 285, 291, 298, 332, 453, 495, 522, 528, 590, 630
Кальдерон де ла Барка Педро 545
Кальмо Андреа 472
Камонс Луис де 540, 630
Кампанелла Томмазо 96, 312, 333, 450, 451, 475, 478, 479
Кано М. 538
Кант И. 516
Караваджо Микеланджело Меризи да 487, 546
Караффа, род 402
Караффа Джанпьеро 308, 311, 312, см. также Павел IV
Караццо Галеаццо 295
Карацон Дьердь 338, 347
Карвахаль Л. де 537
Кардано Джироламо 471, 478
Кардильо де Вильяльпандо см. Вильяльпандо
Кариолис 329
Карл Великий 490, 506
Карл Смелый 392, 522
Карл I Стюарт 137, 174
Карл IV, император 198
Карл V, император, Карл I Испанский 7, 39, 60, 62, 97, 105, 187, 198—200, 203, 220, 223, 228, 229, 278, 281, 285, 309, 311, 328, 364, 365, 373, 386, 387, 390, 394, 395, 397, 399—404, 411, 414, 415, 495, 536, 537, 592, 630, 631
Карл Габсбург 394, 397 см. Карл V
Карл VII 35, 175
Карл VIII 175, 392, 393, 395—397, 400
Карл, дофин 392 см. Карл VIII
Карл IX (франц.) 176, 177, 315, 371
Карл IX Ваза (Карл, герцог) 215
Карлштадт (Андреас Боденштейн) 277, 278
Карнасенки Пьетро 295, 312
Карох С. 488
Карпаччо Витторо 467
Карпов Ф. И. 556, 557, 561, 565
Карпович Леонтий 583
Картрайт Т. 288
Касабон Исаак 528
Кастаньо Андреа дель 466
Кастильехо К. де 539
Кастильо Э. дель 539
Кастильоне Бальдассаре 469, 470, 484
Кастрильо А. дель 537
Кастано Тенский 308
Кверча Якопо см. Якопо делла Кверча
Квинтилиан Марк Фабий 458
Кевело-и-Вильегас Франсиско Томас де 544
Кеккерман В. 495
- Келленбенц Г. 23, 27
Кенигсмарк Х. К. 440
Келлер Иоганн 17, 449, 497, 498, 507
Керк Викторин 554
Кет Роберт 325, 631
Кет Уильям 325
Кид Томас 518
Кирого Васко де 537
Клавийо Б. 546
Клауссен П. 508
Клемент VII 220, 224, 400
Клемент VIII 218, 265/266
Клуз Жанэ 527
Клуз Франсуа 528
Кобер Николай Марций 554
Кобергер Антон 19, 69
Ковтун Л. С. 558
Козимо I 220, 403, 631, см. также Медичи Козимо
Кок Э. 516
Колет Джон 509—511, 513
Коллинз Гаспар 177, 406, 590
Коломб М. 527
Колумб Фернандо 535
Колумб Христофор 390, 391, 535, 630
Кольбер Ж.-Б. 24
Кольчех Филипп см. Филипп, митрополит
Коменский Ян Амос 433, 451, 554, 632
Коммин Филипп де 522
Кондолис Афанасий 588
Конещпольские 113
Конещпольский Станислав 23
Конович-Горбачий Иосиф 580
Константин Мономах 570, 575
Константин Философ 548
Контарини Гаспаро 294, 307, 474
Конь Федор 574
Коперник Николай 17, 449, 477, 479, 497, 514, 539, 552, 630
Копистенский Захарий 582
Корвин Матвей (Матиаш) 414, 550
Корд Э. 497
Кореси, дьякон 548
Корнель Пьер 534
Корнхерт Д. 496
Коронель П. 536
Корреа ди Аражу Ф. 546
Корреджо (Антонио Алегри) 486
Кортес М. 539
Кортес Эрнан 391, 538
Кортин, род 163
Косинский Криштоф 339
Котермак (Дрогобыч) Юрий 577
Кохановский Ян 553
Крагеруп Фриис 216
Кранах Старший Лукас 500
Кранмер Томас 169, 286—288
Красовский Дмитрий 579
Красовский Иван 579
Крафт Адам 501
Кригер К. 202
Кримка Афанасий 548
Кристиан II 211—213, 282
Кристиан III 214, 282, 283
Кристиан IV 85, 86, 216, 433, 632
Кристина, королева Швеции 216
Кроль Мартин 551
Кромвель Томас 165, 169, 521
Кромвель Оливер 381, 591
Кроммер Мартин 553
Крузий Мартин 590
Ксенсофонт 528
Купер С. 521
Курбский А. М. 255, 558, 561, 564, 565, 568
Курионе Челси Секондо 297, 298, 477
Курицин Ф. И. 564
Курлятев Нил 563
Куэза Х. де ла 542
Кузнецов В. 508
Кузнец Уильям 513, 514
Кэмпбелл Т. 518
Кювель И. 577

- Лабе Луиза 526
 Лабозси (Ла Бозси) Этьен де 528, 529
 Лайош II 414, см. также Людовик Ягеллон
 Ландино Кристофоро 461, 463—465
 Ландо Ортензио 475
 Ланкастеры 163, 512
 Лаперюз Жан 527
 Ла Понеллиер Анри-Л. 530
 Ла Пьер Жан де 523
 Ласкарис Иоанн (Ян) 522, 587
 Ласкарис Константин 589
 Лас Касас В. де 537—539
 Лассо Орландо 504, 528
 Латимер Х. 286, 288
 Латур Ж. де 487, 535
 Лаурана Лучано 466
 Лафоре Ламот 329
 Лебре Карден 179
 Лев Х 175, 224, 278, 307, 398, 399, 468, 471, 484, 630, см. также Джованни Медичи
 Лев Филолог 567
 Ле Гофф Ж. 33
 Ледесма Я. 583
 Лей Х. Младший 501
 Лейбау Андреас 20
 Лейбниц Г. В. 516, 533, 543
 Леконт В. 527
 Ленен (Ле Нен), братья (Антуан, Луи, Матье) 535
 Ленин В. И. 249
 Леонардо да Винчи 452, 464, 476, 477, 483, 484, 486, 522, 630
 Лерма, герцог (Франсиско де Рохас Сандоваль) 235
 Лесажа А.-Р. 546
 Леско Пьер 527
 Лестер Р. 194, 377, 378, 380, 407
 Лето Помпонио 461, 462
 Лефевр д'Этапль Ж. 284, 290, 522, 523
 Лжедмитрий I, 342, 430
 Лжедмитрий II 343, 430
 Либи Джон 518
 Лили У. 513
 Линде И. 577
 Линдэл Джон 512
 Линкольны, род 163
 Липпи Филиппо 466
 Липсий Юст 497, 543
 Литтейт Джон 511
 Лихачев Д. С. 570
 Лойола Игнасио 308, 309, 315
 Локк Дж. 533
 Лопе де Вега Карпью Феликс 539, 540, 543—546, 631
 Лопиталь Мишель де 177
 Лотшер Себастьян 355
 Лудер П. 488
 Луиза Савойская 401
 Луис Анхелес Х. 538
 Луис де Гранада 538
 Луис де Леон 538, 540
 Луканис Кирилл 590
 Луканис 462, 524
 Лупу Василий 155, 268
 Луцх Х. 202
 Лутцус Эрасмус 506
 Людовик XI 53, 392, 395, 522, 572
 Людовик XII 175, 184, 393, 397, 398, 523
 Людовик XIII 178, 329, 334
 Людовик XIV 178, 183, 184, 294
 Людовик Ягеллон (Лайош II в Венгрии) 411
 Люсембурги 198
 Люме Гийом де ла Марк, сир де 370
 Лютер Мартин 39, 69, 77, 203, 209, 271, 273, 275—286, 290, 296, 349—352, 358, 360—362, 493, 494, 497, 504, 506, 511, 563, 590, 630
 Ляпунов Прокопий 343
 Мавроматис Иоанн 588
 Магеллан Фернандо 50, 390, 391, 564, 630
 Магнус Олаус 507
 Магнус Юханнес 507
 Мажвидас Мартинас 578
 Мазаньелло (Томмазо Аньелло) 224, 333
 Мазарини Джулио 294, 440
 Мазаччио Т. 466
 Макарий, митрополит 247, 255, 537, 567
 Макарий, черногорский первоучитель 547
 Макиавелли Никколо 450, 456, 470, 471, 473, 474, 479, 516, 630
 Максим Грек (Михаил Триволис) 340, 557—564, 567—569, 630
 Максим Пелопоннесец 589
 Максимилиан I, император 198—200, 392—394, 396, 398, 399, 630
 Максимилиан II, император 111
 Максимилиан Баварский 204, 428, 432, 433, 435, 440, 441
 Максимилиан Трансильван 564
 Малакосс Мануэл 588
 Малерб Франсуа 534
 Малкастер Ричард 513
 Мал-Лара Х. де 539
 Мальбранш Н. 533
 Мамонины, купцы 579
 Манцолли см. Палиндженио
 Манетти Дж. 536, 586
 Мантихи 71
 Мансар Ф. 534
 Мансфельд Э. 432—434
 Мантенья Андреа 467
 Мануций Альд Старший 19, 472, 588
 Мануэл I Счастливый 235, 236, 630
 Мануэль Н. (Дойч) 501
 Манцель Т. 581, 583
 Маргарита Австрийская 392—394
 Маргарита Ангулемская, Маргарита Наваррская 290, 522, 524—526
 Маргарита Валуа 177
 Маргарита Пармская 187
 Маргуний Максим 588
 Мариана Хуан де 314, 537
 Марино Джамбатиста 481
 Мария Бургундская 392
 Мария Стюарт 170, 176, 326, 372, 395, 407, 408, 410, 632
 Мария Тюдор (Кровавая) 170, 287, 288, 403
 Маркграбер 331
 Маркс К. 11, 46, 60, 62, 73, 160, 311, 313, 321, 323, 324, 328, 349, 357, 362, 373, 381, 410, 440, 449, 488, 515, 529, 533, 592, 594, 595
 Марло К. 498, 514, 518
 Марникс ван Синт Алдегонде Филипп 365, 496
 Марникс ван Синт Алдегонде Ян 365
 Маро Клеман 522, 525, 526, 528
 Мартинес Гихарро Х. 539
 Мартиниц Я. 432
 Мартир де Ангьера см. Ангьера
 Марулич Марко 548, 549
 Матвей, император; Матвей Габсбург, эрцгерцог 244, 316, 374, 375, 429, 432
 Матис Ян 327
 Матфей Грамматик 548
 Маунтджой 326
 Медина Е. 539
 Медина П. де 539
 Медичи Х. А. 544
 Медичи, династия 53, 218—221, 224, 332, 398, 400, 402, 460, 463, 466, 468, 484, см. также Екатерина Медичи
 Медичи Алессандро 220
 Медичи Джованни 398, см. также Лев X
 Медичи Козимо 218, 220, 402, см. также Козимо I
 Медичи Лоренцино 21
 Медичи Лоренцо Великолепный 219, 398, 484
 Медичи Пьеро 219
 Медичи Фердинанд 220, 221
 Мезецие, князь 118
 Меланхтон Филипп (Ф. Шварц) 281—283, 493—495, 590, 591
 Меллер Антон 21
 Мемлинг Г. 501
 Меркадо Т. 537
 Меркатор (Герхард Кремер) 25, 497
 Мерула Джорджо 461
 Мессениус Ю. 507
 Мессина Антониелло да 467
 Мехмед II Завоеватель 142, 414
 Мехмед Соколлу (Соколович) 144
 Мехмед-бей, паша 263
 Меховский Мадей 551—553
 Микеланджело Буонарроти 452, 483, 484, 486, 630
 Микеллоццо да Бартоломмео 466
 Милан Л. де 545
 Милеичев Паско 549
 Милтон (Милтон) Джон 500, 516, 520
 Минин Кузьма 593, 632
 Мирча Чобану 263
 Михаил Федорович, Михаил Романов 26, 252, 256, 257, 430, 571
 Михай Храбрый 155, 265, 266, 421, 422, 632
 Михайлов А. 345
 Михня, господарь Валахии 263
 Могила Иеремия 266
 Могила Семен 266
 Могила Петр 583
 Моджевский Анджей Фрыч 552, 554
 Моллин Николаус 580
 Мольер Ж. В. 519, 546
 Монкретен Антуан де 527
 Монморанси Анри 329
 Монморанси Анн 403
 Монтефельтро Гвидобальдо да 468
 Монте Ф. де 504
 Монтеверди Клаудио 482
 Монтмайор Хорхе де 540
 Монтень Мишель 89, 531, 532
 Мор Томас 450, 475, 476, 488, 508—512, 523, 544, 587, 596, 630
 Морав П. 202
 Моралес Луис де 542
 Морисон Р. 510
 Мориц Нассауский (Оранский) 378, 380, 409, 631
 Моркунас Я. 579
 Моро Лодовико 397, 461
 Морозов Б. И. 344
 Мошерош И. М. 499
 Мстислав Петр 566, 578
 Мударра А. де 545
 Музуар Марк 588
 Мунк 336
 Мурал III 262, 421
 Мухаммед Эмин 418
 Мэлори Т. 508
 Мюнцер Томас 272, 279, 327, 339, 350—354, 356, 360—362, 364, 630
 Мюре Марк-Антуан 527
 Наливайко Демьян 578
 Наливайко Северин 113, 339, 421
 Нассау см. Оранские-Нассау
 Небриха А. де 536
 Недлоревы, дворяне 572
 Нези Джованни 463—465
 Ненада Йован 347
 Николай Кузанский 488
 Нил Сорский 557—560
 Нокс Джон 46
 Норманн Роберт 21
 Норрис, военачальник 376
 Нортумберленд, герцог, граф Уорвик 170
 Нуньес де Гусман Э. 536
 Нуньес П. Хуан 538
 Ньюмен Джон Генри 286
 Напир Д. 517
 Нэш Томас 518

- д'Обинье Теодор Агриппа 528, 530, 531
 Обрехт Н. 504
 Овидий Назон 469, 508
 Овьедо-и-Вальдес Г. Ф. 539
 Оловеский Н. И. 258
 Окегем И. 504
 Окино Бернардино 297, 477
 Оксенштра Ансель 215, 216
 Олай Э. 507
 Олдебрансфелт Ян ван 378, 380
 Олеарий Адам 576
 Оливарес, граф-герцог (Гаспар де Гусман) 235, 237, 334, 546
 Оливейра Ф. ди 536
 Оливер А. 521
 Опиц Мартин 499, 506
 Осоргини, дворяне 572
 Острожские 113
 Отман Франсуа 529, 530
 Оттоны, германские императоры, X — начала XI в. 490
 Оранские-Нассау 190, 195, 367, 380, 381, см. также Вильгельм I, Вильгельм II, Вильгельм III, Мориц, Фредерик Хендрик
 Оргас И. 577
 Ортис Л. 537
 Павел III (Александр Фарнезе) 218, 224, 307, 401, 631
 Павел IV 311, 402, см. также Дж. Караффа
 Павел V 226, 315
 Павел Диакон 490
 Павсаний 588
 Панье Этьен 528
 Палеоарио Аонио 297, 312
 Палеолог София 247
 Палестрина Джованни Перлуинджи да 482
 Палиндженио Марчелло Стеллато (Пьер Анджело Мандазолли) 477, 513
 Палисси Бернар 528
 Палицын Авраамий 571
 Палладио Андреа 483, 521
 Пальмиери Маттио 458—460
 Панченко А. М. 572
 Паппенгейм Готфрид-Генрих 435, 436
 Папроцкий Бартош 555
 Парацельс Т. (Ф. Т. фон Гогенгейм) 495—497
 Паре Амбруаз 528
 Паркер Мэтью 512
 Пармиджанино (Франческо Манцола) 486
 Парута Паоло 474
 Паскаль Блез 294, 533
 Паскино 470
 Пассер Арент 585
 Патриксев Вассиан 557—560, 562, 563
 Патрици да Керсо Франческо 476, 478
 Паумгартнеры 71, 150
 Пауэр Жан 37
 Пафнутий Боровский 563
 Паччи, род 460
 Паччи Лука 26
 Пачено дель Рио Франсиско 546
 Пашков Истома 343
 Папуно В. Т. 114
 Педерсен К. 505, 506
 Педро Испанец 538
 Пейербах П. 488
 Пейо, поп 548
 Пейтингер К. 490
 Пемброки, графы 43
 Перейра Г. 538
 Перес де Ита Х. 540
 Перес де Олива Ф. 536
 Пересветов И. С. 557, 561, 565, 566, 568, 569
 Пери Якопо 482
 Перуджино Пьетро (П. Вануччи) 467, 484
 Перуцци Б. 483
 Петр I 258
 Петр, муромский князь 566
 Петр Рареш 264
 Петр Хромош 155
 Петрарка Франческо 456—458, 466, 469—471, 504, 539, 587
 Петрахович Никола 585
 Петри Олаус 507
 Пий IV 313
 Пий V (М. Гисльери) 311, 314, 315
 Пиккио Р. 561
 Пиколомини Октавио 440
 Пиколомини Эней Сильвий (Пий II) 488, 490, 562
 Пико делла Мирандола Джованни 447, 463—465, 523, 536, 564
 Пико делла Мирандола Джованни Франческо 563, 587
 Пилат Леонтий 587
 Пим Дж. 516
 Пинтуриккьо (Бернардино ди Бетто ди Биаджо) 467
 Пирнгеймер Виллибальд 69, 490
 Писарро Франсиско 391
 Питу Пьер 528
 Плавт Тит Макций 469
 Плантен Кристоф 19, 61
 Платина Бартоломео Сакки 36
 Платон 448, 463, 475, 477, 478, 508, 513, 525, 587, 588
 Плещеев Л. С. 344
 Плифон Георгий Гимист 587
 Плотин 463
 Плутарх 524, 528, 575
 Подобедова О. И. 575
 Пожарский Дмитрий 593, 632
 Пол Р. 294, 510, 512
 Поле Ш. 180
 Полициано Анджело 462, 464, 465
 Поло Хиль Г. 540
 Поль Венсан де 293
 Помонации Пьетро 473, 477
 Понтано Джованни Джовиано 465
 Понтормо (Якопо Караччи) 486
 Поточие 113
 Порто Джано делла 483
 Портос Франсиско 590
 Преториус М. 505
 Прибоевич Винко 549
 Приня У. 517
 Проватарие Эммануил 588, 589
 Прокл Диалок 463
 Птолемей 514
 Пуссен Никола 535
 Пухала Лаврентий 585
 Пуччи Франческо 298, 312
 Пушкин А. С. 546
 Пьямбо Себастьяно дель 486
 Пясецкий Павел 553
 Рабле Франсуа 451, 471, 522, 524, 525, 630
 Равальяк Ф. 178
 Радзивиллы 113, 118
 Раду Афумац 263
 Раду Великий 263
 Раду Леоне 267
 Рамбуйе К. де 533
 Рамес Петр (Пьер де ла Раме) 507, 525, 526
 Ранх И. 506
 Рафаэль Санти 452, 483—486, 630
 Региомонтан (И. Мюллер) 488
 Режаузен И. Г. 581
 Режи Пьер Сильвен 533
 Резенде Г. де 540
 Рей Миколай 553
 Рейнк Р. 495
 Рейхлин Юганс 492
 Рекесенс Луис де 370, 371, 374
 Рембрандт Харменс ван Рейн 486, 487, 502, 632
 Ренато Камилло 297
 Ренан Б. 490
 Ресинос Константин 588
 Рескин Джон 286
 Ретикс Иоахим 551
 Рибера Хосе де 487, 546
 Ридлей Н. 288
 Риккарди, род 95, 466
 Рикорд Роберт 514
 Рименштейндер Т. 500
 Ринуччини Аламанно 460, 463, 464
 Ришелье, герцог Арман Жан Дюпlessis де) 26, 178, 179, 181, 182, 186, 292, 329, 434—436, 438, 534, 633
 Рихард Франс 373, 375, 376
 Ричард II 163, 512
 Роббиа делла, семья 466
 Роббиа, Лука делла 587
 Рогатинец Юрий 579
 Рого Жак 533
 Рогов Михаил 572
 Романов Дуклио 483
 Романов Н. И. 344
 Романовы 252, 256, 632, см. также Алексей Михайлович, Михаил Федорович, Петр I
 Романчук Алексей 572
 Ронсар Пьер де 526, 527
 Рорбах Якоб 356
 Росселино, братья 466
 Руа Хендрик де (Леруа, Регис) 533
 Рубенс Петер Пауль 486, 487, 502, 635
 Рублев Андрей 572, 574
 Рудольф II 23, 25, 110, 111, 204, 265, 266, 306, 316, 331, 374, 421—423, 632
 Руис де Аларкон см. Аларкон-и-Мендоса
 Руссо Жан-Жак 497
 Руссов В. 581
 Руфф Муццан 492
 Руффо Марко 573
 Ручеллаи Оттавио 469, 482
 Рузда Л. де 542
 Рымша А. 582
 Рюриковичи 117, 246, 252
 Рюэль Ж. 528
 Руль У. 516, 518
 Са де Миранда Ф. 539
 Сааведра Фахардо Д. 544
 Саагун Б. де 538
 Сабелликус (Сабеллино) Маркантио Коччо 461, 587
 Сабуньо Альварес М. 538
 Савватий, спирачик 572
 Савин А. Н. 42
 Савонарола Джироламо 219, 562
 Савойские, герцоги 208
 Сагайдачный Петр 583
 Сакочич К. 583
 Сакс Ганс 498, 504
 Саксон Грамматик 505
 Салинас Ф. де 546
 Салом Х. 539
 Сальмонт Ж. 528
 Салюгати Колоччо 456—458
 Самсонов Петр 572
 Сангало-младший А. 483
 Санмикеле Мигеле 483
 Саннадаро Якопо 469
 Сансовино Якопо 483
 Санта Крус А. де 539
 Сантуп Ж. душ 538
 Санудо Марино 461, 474
 Санчес (эль Бросенес) Ф. 536
 Санчес Козьмо Алонсо 542
 Санчес (Сектин) Ф. 538
 Сарбевский М. 581
 Сарпи Паоло 315, 481
 Сарпи Андреа дель 522
 Сафа-Гирей 419
 Сахиб-Гирей 418, 419
 Свельин Я. 504
 Сверхеский Иван 264
 Себастьян I 236, 237
 Себилде Тома 526
 Сейсель Клод де 522, 524
 Селим I 392
 Сенена Луций Анней Младший 498, 511
 Сенькович Федько 585
 Сепульведа Х. Хинес де 538
 Сервантес Сааведра Мигель де 451, 471, 537, 539, 540, 542, 543, 631
 Сервет Мигель 298, 453, 488, 538
 Сервопуп Иоанн 587
 Серлио С. 483
 Сесил Р. 166

- Сигизмунд I Ваза (швед.), Сигизмунд III (польск.) 215, 243, 310, 428—430, 632
Сигизмунд I (польск.) 241, 411—413
Сигизмунд II (польск.) 424, 425, 427
Сидней Филипп 518
Сисес П. де 538
Сикст V 225, 314, 316
Сикудо Джорджо 298
Сильвестр, священник 255
Симонетта Джованни 461
Синан-паша 421
Сирано де Бержерак С. 533
Сиснерос Ф. Хименес де 536
Скакки М. 585
Скала Павел 433
Скалггер Иосиф Юст 528, 530
Скалггер Юлий Цезарь 522
Скаррон П. 533
Скорина Франциск 577, 578, 582
Скуратов Малюта 341
Скодерри Жорж де 533
Скодерри Малден де 533
Славата В. 432
Слатно Д. 555
Слезка Михаил 579
Слейдан И. 495
Смиглевский Мартин 580
Смитсон Р. 520
Смотрицкий Герасим 578, 582
Смотрицкий Мелентий 581—583
Снейдерс Франц 502
Соболь Спиридон 579
Соколовичи, род 144 см. также Мехмед Сокоглу
Солари П. А. 573
Сомерсет, Эдуард Сеймур 170, 287
Сото Д. де 538
Софокл 508
Социн (Соппини) Фауст 302, 303
Социнии, братья 297
Спенсер Эдмунд 286, 518
Спиноза Б. 533, 543
Спинола Амброзио 433, 434
Ставровецкий К. Т. 582
Старки Т. 510, 511
Стевош Вит (Штос Ф.) 500, 553, 554
Стен Х. 506
Стевнинкелли, братья 506
Стефан Баторий (Иштван Батори) 304, 310, 427, 568
Стефан Великий 548
Стефан, воевода 548
Стефанович Войтех 585
Стоу Джон 512
Страдивари, семья 482
Странский Павел 433
Страпарола Джованни Франческо 470
Строганов А. С. 342
Строгановы 121, 122, 131, 138
Строшци Палла 587
Строшци Пьетро 402
Стройковский Малец 553, 555
Стьюарты 163, 165, 168, 173, 174, 289, 516, 517, 632, см. также Карл I, Мария Стюарт, Яков I
Суарес Франсиско де 314, 543
Сулейман I Законодатель (Кануни) 143, 264, 415, 416, 419, 630
Сулиардос Михаил 589
Сулума Иван 339
Сулуга Д. Лопес де 537
Суржский Василий 578
Сурбаран Франсиско 487, 546
Суффолк, род 163
Сфорца, династия 398, 400
Сфорца Франческо 461
Схонбеке Гильберт ван 61
Сав Морис 526
Сюлли, герцог (Максимилиен де Бетюн) 6, 178
Такисс Франц 25
Таннер Адам 315
Тарасиев Никфор 567
Тарханюот Михаил Маруллос 588
Тассо Бернардо 481
Тассо Торквато 481
Тассони Алессандро 481
Таусен Ханс (Ганс) 282, 506
Таитт Публий Корнелий 490, 493
Таш Георг 331
Телезио Бернардино 478
Телятевский А. А. 343
Тепинский Василь 578
Терентий, протопоп 570
Теренций Публий Афр 469
Тереса де Хесус 315, 538
Теслев 344
Тещель Иоганн 275
Тилли И. 433—436
Тимофеев Иван 571
Тимофеев Невежа 567
Тиндал Уильям 286, 510, 511
Тинторетто (Якопо Робусти) 486, 487
Тирконнель, Хьюг Р. О'Доннел 326, 632
Тирон (Тайрон) Хьюг О'Нейл 326, 632
Тирсо де Молина (Г. Тельес) 545, 546
Тициан Вечеллио 452, 470, 486
Товаческий Птибор 554
Томеос Николай Леоник 588
Томиссен Ханс 506
Торстенсон Леннарт 438
Торкемада А. де 537
Торлаккес Г. 508
Торрес Наарро Б. де 541
Траверс У. 288
Транквилл Фран 548
Траутмансдорф Максимилиан 440
Траханиотов П. Т. 344
Тролле Густав 213
Труа Никола де 523
Трухас фон Вальдбург Георг 357, 360
Трухас фон Вальдбург 330
Трухас Гебхард 316
Ту, Жак Огюст де 530
Турн Генрих Матвей 432, 433
Тухер Ганс 37
Тухеры 71
Тучков В. М. 567
Тюдоры 46, 47, 163—166, 168, 170—173, 286, 287, 394, 510—512, 630, см. также Генрих VII, Генрих VIII, Елизавета I, Мария Кровавая, Эдуард VI
Уайатт Томас 170
Уарте де Сан Хуан Х. 538
Ужевич Иван 581
Уиклиф (Виклиф) Джон 271, 277, 286, 511
Уилкоккс Т. 288
Унглер Флорин 551
Уолси Томас 520
Уолсингем Френсис 166
Уорвик, род 163, см. также Нортумберленд
Урбан VIII 218, 437
Уреке Григорий 549
Ургало де Мендоса Д. 535
Урцелло Паоло 466
Ушаков Симон 575
Фабриан Роберт 512
Фабриций, секретарь 432
Фалезиу П. 546
Фарнезе, династия 225, 401
Фарнезе Александр см. Павел III
Фарнезе Александр, герцог Пармский 376—378, 401, 408
Фарнезе Пьер Луиджи 218
Фаульбахер Иоганн 20
Феврония, княгиня Муромская 566
Фелор Иванович, царь 252, 256, 341, 342
Федор Крестьянин (Христианин) 576
Федоров Иван, первопечатник 548, 566, 567, 578, 579
Федоров И. П., боярин 341
Федорвич Тарас (Трысило) 339
Фейербах Людвиг 516
Фенелон Ф. 533
Феодосий Косой 558
Фердинанд (Фернандо) Католик, Фердинанд II Арагонский, Фердинанд V в Кастилии 228, 229, 235, 393, 394, 396, 398
Фердинанд I, император 203, 403, 428
Фердинанд Габсбург, эрцгерцог австрийский, чешско-венг. король 110, 239, 241, 259, 264, 347, 394, 411, 412, 414—416, см. также Фердинанд I
Фердинанд II, император, Фердинанд Штирийский 244, 316, 429, 432, 434, 437, 438
Фердинанд III, император, принц Фердинанд 437, 438
Фердинанд Габсбург, кардинал 437
Фереира А. 536, 539, 542
Филарет, патриарх 256
Филарете Антонио Аверлино 466
Филд Джон 288, 514
Филдешо Франческо 587
Филипп I, эрцгерцог австрийский, король кастильский 393, 394
Филипп II Испанский (Филипп I в Португалии) 26, 61, 62, 97, 108, 170, 178, 188—190, 194, 204, 230, 232, 233, 236, 309, 311, 314, 316, 334, 365—368, 370—373, 375—378, 395, 402—410, 427, 537, 539, 542, 545, 592, 631
Филипп III 230, 235
Филипп IV 230, 235, 437
Филипп Гессенский 281
Филипп, митрополит 54, 341
Филиппович А. 582
Филофеев Псковский 557, 570
Фильючи Ф. 476
Фиоль Швайпольт 551, 562
Фиренцуола Аньело 470
Фичино Марсилио 463, 464, 467, 523, 587
Фишарт Иоганн 498
Фише Гийом 523
Фишер П. Старший 501
Флакк М. (Власци) 494
Фламинин Маркантиони 295
Флеминг П. 499
Флетчер Джон 519
Фокс Дж. 516
Фолёнто Теофило (Мерлин Коккаи) 471
Фома Аквинский 538, 543, 580
Фонтанини Бенедетто 295
Фортеский Джон 511
Фоме Клод 528
Франк Себастьян 495
Франко Никколо 470
Франсуа Валуа 393 см. Франциск I
Франциск I 175, 176, 290, 393, 394, 397, 399—401, 522, 526, 527, 630
Франциск II 176, 395
Франциск Анжуйский 194, 375—378, 407, 408
Франциск Сальский (Франсуа де Саль) 292, 315
Франческа Пьеро делла 467
Фредерик I 212—214, 282
Фредерик II 216
Фредерик Хендрик, граф Нассауский 195, 380, 381, 440
Фридрих III, император 198, 392
Фридрих V Пфальцский 204, 428, 432, 433, 441
Фридрих Вильгельм, курфюрст Бранденбургский 436, 441
Фридрих Генрих Оранский см. Фредерик Хендрик Нассауский
Фридрих Мудрый 277, 278, 361
Фридрих-Ульрих, герцог Брауншвейгский 433
Фриц Иос 350
Фробен Иоганн 19, 69
Фрязин Бон 573

- Фуа, династия 394
 Фуггер Якоб 69
 Фуггеры 13, 25, 26, 70, 71, 76, 77, 109, 140, 150, 338
 Фуке Ж. 527
 Фукидид 524
 Фуке Л. 498
 Фурников Иван 572
 Фюрвангит Аристотель (Фюрвангит дель Альбертини, Рудольфо) 572, 573
 Хага Корнелий 590
 Хайредин, правитель Алжира 401
 Хакпюйт Ричард Младший 514
 Халикоондид Димитрий 589
 Хальс Ян 551
 Хальс (Гальс) Ф. 502
 Хаммарстрём Н. 13
 Ханс, датский король 211
 Хардинг Джон 512
 Хворостинин И. А. 571, 572
 Хезе, барон 371
 Хельфенштейн Людвиг фон 356
 Хельцицкий Петр 303
 Хилиард Н. 521
 Хмельницкий Богдан 114, 339
 Хлопка, предводитель восстания 342
 Холиншед Рафаэль 512, 516
 Холл Эдуард 512, 516
 Хофт П. 500
 Хрисолор Мануил 587, 589
 Христиан Гальберштадский 433
 Христиан, князь Ангальтский 433
 Хротвита Гандерсхеймская 490
 Хуан Австрийский 230, 372, 373, 407
 Хуан, инфант 394
 Хуана Безумная 228, 393, 394
 Хукер Р. 516
 Хембизе Жан 373, 375, 376
 Хэрриот Т. 517
 Цамблак Григорий 548
 Цвингли Ульрих 209, 273, 280—282, 284, 285, 355, 501, 630
 Цезарь Гай Юлий 490
 Цельтис Конрад 489, 490, 551
 Церва-Туберон Людовик (Алоис) 548, 549
 Цицерон Марк Туллий 456, 458, 460, 461, 493, 561
 Цунколо Лодовико 476
 Чанон П. 539
 Челлини Бенвенуто 471, 522
 Ченслер Р. 49
 Черепнин Л. В. 555
 Черкасский Я. К. 344
 Чернин 433
 Черный Марцин 554
 Черный (Черни) Ян 554
 Чертопруд Анисим 343, 344
 Чик Д. 510
 Чимабуэ (Ченни ди Пепо) 475
 Чинцио Дж. 469
 Чосер Джеффри 508
 Шаплен Жан 533
 Шаппелер Кристоф 355
 Шарпантье Пьер 590
 Шарра Марко 333
 Шаррон Пьер 532
 Шателен Жорж 522
 Шаховской С. И. 571
 Шекспир Уильям 286, 470, 498, 512, 514, 518—520, 631
 Шеллинг Ф. 496
 Шинкторич Юрий 548
 Ширвидас К. 581, 583
 Школяр, поэт 296
 Шлики, графы 110
 Шмид Ульрих 355
 Шолье Е. 34
 Шталь Г. 581
 Шторх Н. 278
 Штос Ф. см. Ствош Вит
 Штюблин К. 496
 Шуберт Е. 202
 Шуйские 342, см. также Василий Шуйский
 Шюке Н. 528
 Шютц Генрих 504, 505
 Щербатов, воевода 345
 Эбрео Леон 488, 538
 Эгмонт, граф Ламораль 365, 367, 368
 Эдуард VI, принц Эдуард 170, 287, 395
 Эзон 550
 Энк Иоганн 277, 282, 350
 Элассонский Арсений 581
 Элиот Дж. 516
 Элиот Т. 510
 Эль Греко (Доменико Теотокопули) 542, 588
 Эльзевир Луи 19
 Эльсхеймер Адам 501
 Эмили Павел 522
 Эммануил-Филиберт, герцог Савойский 222, 403
 Энгельс Ф. 46, 60, 73, 160, 311, 313, 321, 323, 324, 328, 349, 353, 356, 357, 362, 373, 381, 410, 440, 449, 476, 488, 515, 529, 533, 592, 594, 595
 Эприке, кардинал 236
 Эсина Х. дель 541
 Эпикур 461
 Эразм Роттердамский 6, 280, 284, 286, 286, 312, 446, 472, 488, 490—493, 496, 500, 508, 510, 511, 513, 519, 523, 536, 537, 551, 563, 587, 630
 Эрик XIV, 215, 425
 Эггст Мансфельдский 361, 362
 Эрнст, архиепископ 316
 Эрроз Антан 526
 Эррера Ф. де 540
 Эррера Хуан де 539
 Эрсилья-и-Суньига Алонсо де 540
 Эски Роберт 325
 Эссекс Роберт 173, 326
 Эсте, д'Эсте, герцоги 218, 225
 Эцдауб Э. 25
 Эшмер Роджер 513
 Этьен Анри 19, 528
 Этьен Робер 19
 Юлий II 224, 398, 484
 Юлий III 401
 Юст Деций 551
 Юхан III; Юхан, герцог Финляндии 83, 215, 428, 568
 Ягеллоны 240, 242, 243, 411, 413, 414, 418, 424, 425, 427, 428 см. также Александр, Владислав, Казимир IV, Людовик, Сигизмунд I, Сигизмунд II, Ян Ольбрахт
 Якоби Христиан 21
 Яков I Стюарт 173, 174, 410, 432, 516, 517, 521
 Якопо делла Кверча 466
 Ямвлих 463
 Ян Благослов 554
 Ян Ольбрахт Ягеллон 411
 Янкул (Янош Хуниади) 548
 Янсений Корнелий 294
 Ясперс К. 6

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аальборг 35
 Аахен 21—23, 31, 74, 316
 Абердин 45
 Абиссиния 311
 Або см. Турку
 Абрущи 397
 Авила 102, 333
 Авранш 329
 Австралия 7
 Австрия 108, 110, 111, 113, 138, 139, 150, 162, 206, 207, 209, 237—239, 245, 259, 309, 311, 331, 359, 416, 428, 432, 433, 438, 440, 452
 Верхняя 28, 111, 198, 331
 332, 359, 432
 Внутренняя 198
 Нижняя 109, 198, 331, 359
 Австрийское герцогство 237
 Австрийское гос-во, Австрийская монархия 150, 259, 262, 440
 Адиджа р. 226
 Адриатика 24, 88, 150, 196, 259, 398, 468
 Адриатическое море 226
 Аджан 328
 Азе-л-Ридо 527
 Азия 7, 107, 260, 261, 385, 480, 535
 Восточная 137
 Малая 421
 Средняя 419
 Юго-Восточная 7, 49, 106, 137, 564
 Азов 257, 571
 Азорские о-ва 29, 36
 Акара 84
 Албания 259—262, 347, 348
 Венецианская 148, 347
 Албанские княжества 346
 Але 178
 Александрия слобода 341, 567, 568, 575
 Алжир 392, 401, 404
 Алкмаар 58, 326, 370
 Альба-Юлия 266, 302
 Альгау 355
 Альпхухарра 334
 Альпы 22, 33, 35, 396, 490
 Альтмарк 72
 Альтона 32
 Альфельд (Большая Венгерская (Среднедунайская) низменность) 139, 141, 337
 Альштедт 351, 352
 Амбуаз 176
 Америка 7, 104, 107, 161, 229, 311, 385, 390, 391, 405, 430, 537, 630
 Северная 230
 Центральная 110, 230
 Южная 29, 230
 Амстердам 23, 26, 30, 35, 36, 39, 58, 59, 62, 63—66, 136, 327, 365—367, 374, 378, 381
 Амьен 22, 55
 Ангальт 282
 Англия 7, 12—15, 18, 19, 22—24, 26, 28, 30, 32, 35, 36, 39—51, 53—55, 57, 61, 62, 66—68, 72, 76, 86, 90, 103, 104, 112, 134, 135, 137, 150, 160, 163, 164, 166, 169, 170, 172—174, 186, 190, 195, 205, 226, 237, 273, 274, 286—288, 298, 315, 316, 324—326, 328, 343, 365, 366, 368, 369, 372, 375, 376, 378, 381, 382, 385, 387, 388, 391—395, 398—400, 403—410, 428, 430, 431, 433, 447, 450—453, 496, 500, 508—514, 516—518, 520, 521, 523, 527, 594, 595, 630—632
 Восточная 44
 Центральная (Средняя) 43, 44, 47
 Андалусия 35, 98, 99, 102—104, 231, 232
 Анкона 88, 89, 91, 588
 Аннаберг 74
 Антверпен 19, 22, 23, 25, 26, 31, 34, 36, 39, 49, 58, 60—63, 86, 88, 195, 310, 365—367, 376, 377, 391, 406, 407, 495, 540, 548, 632
 Антильские о-ва 230
 Аньелло 398
 Апеннинский п-ов 401, 403, 487
 Аппенцель 207
 Апулия 96, 396, 397
 Арагон 98, 99, 105, 228, 229, 231—233, 333, 334, 393
 Арголида 589
 Арденны 23, 25
 Армения 420
 Арнемейден 369
 Арно р. 458
 Аррас 373, 375
 Артуа 63, 64, 369, 373, 375, 392, 393, 396, 400
 Архангельск, Архангельский порт 134, 136, 137
 Астрахань 125, 419, 420, 572
 Астраханское ханство 137, 419
 Атлантика 12, 24, 33, 49, 54, 108
 Аугсбург 13, 18, 22, 36, 39, 69—71, 76, 197, 200, 316, 489, 490, 551
 Ауленарде 61, 328
 Аудмонстер 192
 Адины 588
 Адон 547
 Африка 107, 230, 237, 260, 385, 389—391, 393, 406, 535
 Северная 28, 142, 392
 Бавария 30, 35, 71, 72, 80, 196, 198, 203, 204, 206, 309, 316, 317, 330, 363, 428, 432, 435, 440, 441, 490, 494
 Верхняя 77, 78
 Нижняя 72
 Баденское герцогство 316
 Базель 19, 21, 207, 281, 332, 352, 489, 500, 548
 Байе 52, 329
 Балатон оз. 138, 139
 Балеарские о-ва 393
 Балканский п-ов 148, 149, 346, 347
 Балканы, Балканские страны, Балканский регион 13, 22, 144, 146, 149, 150, 260, 261, 348, 414—417, 421, 422, 445, 547, 578, 588
 Балтийское море 62, 87, 425, 430
 Балтика 24, 28, 30, 34, 112, 136, 423—427, 431, 434, 595
 Южная 30
 Бамберг 316
 Банат 348
 Баньска Быстрица (Бестерце-банья) 338
 Бар 347
 Баранов 553
 Барселона 36, 102, 334
 Бартфа (Бардево) 140
 Бахчисарай 418
 Беблинген 357
 Беджая 392
 Бекингемшир 41
 Белая гора 111, 244, 306, 433, 633
 Белое море 136, 427
 Белоозеро 121, 124
 Белоруссия 411, 553, 576—585
 Восточная 580
 Южная 339
 Белгород (Днестровский) 417
 Белград 414
 Бельгия 22, 440, 441
 Бендеры 417
 Бенин 405
 Бергамо 23, 296, 398
 Берген 31, 86, 508
 Беркерак 329
 Берлин 206
 Берн 207, 281, 332
 Берштай 115
 Бестерцебанья см. Баньска Быстрица
 Бейероид 58, 326
 Бейнет 368
 Бильбао 101, 103
 Биртонас 115
 Бискайя 231
 Ближний Восток 142, 149, 389, 414
 Блуа 527
 Бове 55
 Богемия 309, 311
 Бодезее 72
 Божоле 54
 Болгария 259, 261, 346, 348, 454, 547
 Болонья 31, 90, 95, 198, 224, 296, 332, 458, 463, 477, 537, 573, 577, 589
 Большая Орда 417, 418
 Бордо 19, 35, 55, 182, 328
 Борггольм о. 212
 Бос 52, 53
 Босния 259, 261
 Боснийский беглербеглук 260
 Босуорт 163
 Бохня 113, 551
 Боцен 70
 Брабант 58, 63, 64, 189, 193, 195, 367, 369, 371, 373, 376—378
 Северный 63
 Бразилия 36, 106, 107, 389, 390, 405
 Бранденбург 30, 79, 198, 203, 204, 206, 330, 425, 440, 442
 Бранденбургско-Прусское курфюршество 206
 Бранево (Браунсберг) 579
 Братислава (Пожонь) 140
 Браунсберг (Бранево) 309
 Брауншвейг 23, 197
 Брацлав 339
 Брацлавское воеводство 113
 Брацлавщина 339
 Брач о. 348
 Брашов (Брашшо) 338
 Вреда, крепость 434
 Врейзах, крепость 438
 Врейсгау 350, 354
 Врейтенфельд 435, 438, 633
 Бремен 197
 Бременское епископство 441

- Бресс 409
Брест (Литовск) 305
Бретань 28, 35, 52, 176, 180, 393, 397, 408, 631
Бретонское герцогство 392, 393
Бреша (Брешия) 89, 398, 482, 487
Бриксен 359
Брил 369, 632
Бриджия 396
Британская империя 50
Британские о-ва 316
Брно 438
Брюгге 31, 49, 58, 374, 377, 407
Брюссель 21, 31 60, 61, 366, 371—374, 377
Брянск 246, 413
Брянский уезд 343
Брянщина 342
Бувин 21
Бут р. 112
Буда 260, 415, 550, 631
Будайский ояйлет 415
Будак 417
Буйнич 580
Булонь 394, 401
Бургос 101, 102, 104
Бургундия 176, 180, 196, 329, 392, 397, 398, 400, 440, 441
Бургундское герцогство, Бургундское гос-во 187, 289
Бурж 284
Бутштадт 30
Бухарест 590
Бучовицы 555
Бюже 409
- Вавилон 570
Вадстена 507
Валансьенн 22, 60, 365—367
Валахия 152—155, 262, 263, 266, 267, 268, 346, 348, 417, 548
Валахское княжество 148, 259, 264, 268, 548
Валенсия г. 19, 22, 36, 38, 102, 535, 539
Валенсия, провинция 98, 99, 104, 228, 232, 233, 333, 334
Вальдсхут 357
Вальядолид 102, 334
Варде 86
Вартбург 278
Варшава 112
Васси 177
Ватикан 342, 387, 480, 483, 484, 589, 590
Веделъ 30
Везель 31, 197
Везер р. 71, 441
Веймар 361
Велеславин 554
Великая Хоча 547
Великое княжество Литовское см. Литовское Великое княжество
Величка 113
Вен о. 507
Вена 30, 109, 110, 206, 239, 245, 266, 309, 415, 422, 432, 435, 437, 438, 488, 489, 494, 589
Венгрия 13, 29, 35, 138—142, 151, 155, 237, 238, 240, 259, 263, 265, 273, 274, 299, 305, 309, 311, 337, 338, 343, 347, 394, 397, 401, 411, 416, 432, 438, 447, 549, 550, 575, 630, 631
Верхняя 74, 338
Северо-Западная 203, 206
Южная 139
Венгерское королевство 138—140, 159, 196, 237—240, 260, 300, 301, 304—306, 346, 411, 414—417, 431
Венето 90, 295, 398
Венецианская область 295
Венецианская республика, Венецианское гос-во 88, 148, 162, 217, 226, 259, 397
Венеция, г. и гос-во 13, 19, 21—24, 26, 36, 39, 88—92, 139, 148—150, 226, 227, 260, 262, 263, 296, 298, 311, 312, 332, 343, 346—348, 395—401, 404, 432, 451, 458, 461, 466, 468, 470, 472, 474, 475, 481, 483, 486, 487, 548, 573, 588, 589
Верден 402, 403
Верденское епископство 441
Верона 296, 332, 399, 472
Верра р. 360
Вест-Индия, Вест-Индские о-ва 50, 391, 408
Вестминстер 19, 513
Вестфалия 22, 23, 28, 30, 31, 35, 72, 77, 78, 327, 330, 440
Веттерау 72
Вецлар 200
Визана 24
Виган 48
Византия, Византийская империя 162, 248, 258, 261, 262, 346, 386, 454, 557, 566, 568 (Греческое царство), 569, 570, 586, 589
Виллах 23
Виллинген 354
Вильно см. Вильнюс 116, 428, 577—579, 581, 585
Вильялар 334
Винниция 578
Виргиния 405
Висла р. 423
Верхняя 206
Висмар 441
Витебская земля 114
Виттенберг 278, 279, 282, 551, 578
Виттихтон 438
Виенна 397, 468, 483, 487
Владимир 342, 573
Влтава р. 440
Воеводина 259, 347
Волга р. 119, 419, 420
Вологда 122, 130
Волоколамск 342
Волыньское воеводство 113
Вольны 29, 114, 339
Вормс 70, 197, 200, 278
Воронец 549
Воселль 402
Вроцлав 554
Вупперталь 21
Вюртемберг 31, 73, 196, 202, 330, 350
Вюртембергское герцогство 206
Вюрцбург 71, 316
Вяземское княжество 412
Вязьма 342
Вятка р. 119
- Гаага 380
Гавельберг 204
Гавр 405
Галисия 24, 35, 102
Галицкий уезд 118
Галич 121
Галле см. Халле
Гамбург 23, 24, 26, 30—32, 70, 72, 282, 406
Гарроу 513
Гарц 18, 23, 70, 74, 362, 363
Гвадалквивир р. 24, 103
Гвадана р. 103
Гланск см. Данциг
Глов 346
Гейдельберг 206, 489
Гельдерн см. Хелдер
Гент 58, 60, 61, 327, 328, 367, 371, 373—377, 590
Генуя, г. и республика 13, 21, 23, 24, 36, 39, 88—91, 95—97, 217, 218, 332, 396, 397, 406, 402—404, 431, 432
Герлиц 73
Германия 5, 13, 18, 20, 25, 32, 35, 36, 51, 68—74, 76, 78, 81, 84, 88, 109, 139, 161, 162, 196—200, 202—205, 271, 273—278, 281, 282, 285, 286, 290, 294, 295, 298—300, 304, 307, 309, 314, 316, 317, 321, 324, 330, 337—339, 343, 357, 358, 360, 362—364, 387, 392, 400, 402, 404, 408, 415, 428, 431—441, 447, 452, 453, 488—490, 492—502, 504, 505, 523, 577, 578, 592, 593, 595, 630, 632
Германия Верхняя 31, 71, 72, 76, 281, 352
- Восточная 68, 78
Западная 79, 197, 203, 358, 359
Прибрежная 16, 428
Северная 22, 35, 68, 81, 197, 431, 433, 577
Северо-Восточная 78, 282
Северо-Западная 12, 31, 72
Средняя 76, 359, 360, 435, 436, 440, 489
Юго-Западная 12, 16, 71, 72, 79, 80, 197, 203, 204, 723, 355, 428, 437
Южная 22, 28, 71, 81, 89, 150, 151, 197, 311, 315, 351, 352, 428
Германская империя, Империя, Священная Римская империя германской нации 7, 105, 159, 161, 163, 187, 194, 196, 198—200, 202—205, 242, 250, 220, 262, 278, 307, 312, 314—316, 329, 356, 360, 362—364, 367, 369, 381, 387, 392, 393, 397, 399—401, 403, 414, 416, 428, 436, 438, 440—442, 592
Герп 331
Герцеговина 259, 348
Гессен 25, 72, 78, 281
Гета р. 86
Гетеборг 32, 86
Гиень 176, 328, 329
Гильдесхайм см. Хильдесхайм
Гинггт 398
Гларус 207, 281
Глубокое панство 339
Гоа 390
Голландия 14, 15, 23, 32, 40, 49, 50, 53, 59, 62—65, 67, 134, 150, 186, 188—195, 237, 324, 327, 343, 367, 369—374, 376, 378—381, 406, 410, 428, 430, 431, 450, 453, 500, 502
Северная 326
Горица, графство 259
Гравелин 407
Градец-Загреб 151
Градон 555
Граммон 328
Гранада 102, 228, 334
Гранадский эмирлат 228
Грайц 23
Гренобль 182
Греница 259, 261, 347, 576, 587, 588 (Эллада)
Греческое царство см. Византия
Гринсхольм 215, 507
Гродно 578
Гуанчжоу 390
- Даларна 84, 212, 213
Далекарлия 336
Дальмация 148, 149, 226, 260, 348, 478, 549, 550
Венецианская 150, 347, 348
Дальний Восток 49
Дания 23, 29, 30, 32, 34, 35, 81, 82 (Датское королевство), 82—86, 88, 210—214, 216, 217, 282, 283, 310, 316, 335, 336, 408, 425, 426, 430, 431, 433, 438, 442, 505—508, 630, 631
Данциг (Гданьск) 21, 23, 24, 26, 71, 85, 112, 117, 300
Двина Западная р. (Даугава) 425
Двина Северная р. 119, 128, 134, 564
Двинская земля 119
Двинский уезд 134
Дебрецен 139
Денвер 489
Делфт 59, 376, 377
Дерем 325
Деулино 430
Джерба о. 404
Джон 182, 328, 329
Дикое Поле 113, 249
Дилленбург 367
Диллинген 309
Диу 389
Днепр р. 119, 246
Днестр р. 264, 417
Доброй Надежды мыс 49
Дон р. 32, 342, 344, 421

- Донауверт 428
 Донец р. 32
 Дордрехт 58, 372, 380
 Дофина 329
 Дранутр 368
 Древний Рим 451, 461, см. также Римская империя
 Древняя Греция 451, 479, 524, 586
 Древняя Русь, Древнерусское государство 116, 162, 247, 252, 412
 Дрезден 206
 Дренте 187, 193, 195
 Дрогобыч 577, 584
 Дубочица 547
 Дубровник (Рагуза), г. и гос-во 22, 23, 88, 89, 149, 150, 226, 259, 260, 262, 346, 548—550
 Дубровническая республика 149, 259, 260, 348
 Дунай р. 30, 72, 78, 139, 417, 421, 435
 Верхний 35, 353
 Дунайские княжества 152—156, 263, 417, 421, 422, см. также Валахское, Молдавское княжества
 Дуэ 311
 Дуэро р. 99, 103
 Дюлафехервар 550
 Дьяково 573
 Дюнкерк 438
 Дюрен 22
- Европа 6, 7, 11, 13—15, 19, 21, 23, 25, 28, 30, 32, 34—36, 40, 47, 48, 50, 54, 61, 62, 67, 70, 71, 74, 76, 88, 89, 91, 87, 103, 104, 106, 107, 110, 115, 148, 159, 160, 163, 169, 175, 183, 195, 196, 200, 205, 209, 230, 234, 235, 248, 249, 260, 265, 271—274, 277, 286, 292, 295, 296, 297, 299, 304, 308, 312—316, 321, 327, 335, 381, 385—388, 390, 391, 394—396, 403, 410, 413, 414, 416, 423, 425, 427—431, 445—449, 451, 453—455, 469, 472, 476, 482, 487—489, 500, 502, 514, 516, 525, 535, 538, 551, 554, 577, 585—596
 Восточная 5, 6, 13, 15, 19, 20, 28, 32, 34, 35, 40, 70, 72, 87, 142, 153, 155, 156, 159, 246, 323, 385, 387, 388, 411, 412, 417, 418, 421, 423, 425, 430, 445, 588, 592, 593
 Западная 5, 6, 16, 28, 29, 30, 33, 34, 37, 40, 85, 87, 96, 98, 108, 114, 117, 122, 136, 139, 149, 152, 159, 161, 230, 231, 240, 249, 262, 275, 285, 304, 343, 348, 362, 385, 387, 388, 392, 393, 403, 405, 422, 424, 427, 445, 446, 448, 453, 454, 550, 558, 564, 576—578, 588
 Северная 32, 34, 78, 81, 87, 88, 210, 217, 282, 284, 316, 423, 425
 Северо-Западная 15, 16, 29, 55, 78
 Центральная 5, 15, 25, 28, 29, 33—37, 74, 108, 110, 111, 142, 151—153, 155, 156, 159, 161, 196, 213, 239—241, 243, 301, 304, 323, 335, 337, 348, 385, 388, 411, 412 (Средняя), 413—415, 423, 425, 441, 442, 445, 446, 448, 550, 551, 576, 592, 593, 631
 Юго-Восточная 72, 142, 148, 160, 162, 206, 259, 261, 262, 268, 335, 346, 388, 417, 423, 445, 454, 547—549
 Юго-Западная 16
 Южная 323
 Европейский континент 33, 412
 Египет 149, 389, 392
 Египетский султанат 389, 390, 392
 Елец 343
- Жекс 409
 Женева 32, 53, 209, 210, 284, 285, 288, 291, 297, 315, 332, 453, 517, 529
 Жмудская земля 114
- Заандам 66
 Заблудов 578
 Загреб 348
 Задар 260, 347
 Задунавье 141
 Закарпатье 138, 584
 Зальцбург 316, 331, 332, 359, 362, 363
 Зальцкаммергут 331
 Замостье 551
 Зангерхаузен 360
 Занзибар 390
 Запорожье 421
 Засечная черта 420
 Белгородская 345, 420
 Рязанская 345
 Сибирская 345
 Зальцбье 28, 78—81, 196
 Збараж 584
 Зеландия 63, 83, 188—193, 195, 216, 369, 371, 372, 374, 406
 Зета (Венецианская Албания) 347
 Зингерланд 74
 Зирикзее 371
 Золотая Орда, Орда 247, 412, 417, 421, 556
 Золотурн 207, 208
 Зоост 197
 Зунд, Зундский пр. (Эресунн) 66, 86, 507
- Иберийский п-ов см. Пиренейский п-ов
 Илрия 150
 Иерусалим 570
 Изборск 346
 Ингольштадт 310, 489
 Индикухт 555
 Индийский океан 107, 108, 389, 390, 392
 «Индия» 233, 539
 Индия 12, 34, 49, 137, 388—390, 405, 630
 Индонезия, Индонезийский архипелаг 388, 410, 431
 Инн р. 440
 Инсбрук 23
 Иоахимстал см. Яхимов
 Ионийское море 259
 Ионические о-ва 260, 588
 Ипр 60, 61, 294, 374, 377
 Иран 34, 137, 138, 404, 416, 419, 420, 422
 Ирландия 28, 168, 172, 173, 310, 315, 316, 326, 407, 512, 632
 Исландия 31, 81, 86, 210, 212, 283, 505, 508
 Испания 7, 14, 23, 25, 26, 28, 32, 49, 50, 55, 56, 62, 76, 88—91, 96, 98—101, 103—108, 134, 149, 160, 161, 170, 171, 173, 187, 194, 203, 218, 220, 222, 223, 226, 227, 229—237, 261, 274, 296, 309, 311, 315, 317, 332—335, 365, 368—371, 375—378, 380, 381, 382, 385, 387—399, 402—410, 412, 428, 431—434, 437, 440, 447, 450, 451, 497, 498, 527, 535—540, 542, 545, 546, 547, 588, 592, 595, 630—632
 Испания Северная 23
 Испанское королевство, Испанское гос-во, Испанская монархия 392, 393, 632
 Истрия 148, 226
 Италия 7, 12, 16, 19, 20, 22, 23, 25, 26, 28, 30, 32, 53, 70, 88—94, 96, 97, 101, 150, 151, 162, 196, 200, 217—219, 222—230, 233, 274, 294—299, 308, 311, 315, 332, 360, 385, 392—396, 398—404, 408, 431, 437—438, 440, 445—447, 449—453, 455, 458, 461—463, 466—476, 479, 481, 482, 487—489, 496, 502, 518, 520, 522—524, 527,
- 528, 535, 536, 546, 549—551, 564, 577, 587, 588, 595
 Северная (Верхняя) 22, 25, 28, 30, 34, 56, 90—93, 96, 97, 218, 222, 225, 295, 298, 398, 401, 468
 Центральная 28, 88, 218
 Южная 28, 94, 96, 295, 311
 Итон 513
- Йемен 420
 Йорк 325
 Йоркшир 41, 48
- Кавказ Северный 420
 Кагульское оз. 264
 Кадис 24, 408
 Казань 125, 130, 131, 419, 566, 572, 575
 Казанское ханство 137, 247, 417—419, 570 (Казанское царство), 631
 Казимеж Дольный 553
 Каир 392
 Калабрия 96, 299, 333, 397
 Кале 49, 394, 398, 403, 405
 Каликут 389
 Калуга 121, 343
 Кальмар 86, 211
 Камбра р. 119
 Камбре 60, 398
 Каммин 204, 441
 Кампанит 397
 Кан 329
 Канада 405
 Канарские о-ва 389, 390
 Кандия (итал. название о. Крит) 348
 Карелия 121
 Карибское море 408
 Каринтия 23, 74, 108, 150, 259, 347, 359
 Карпаты 23
 Картагена 101
 Каспийское море 420
 Кастилия 98, 99, 101, 102, 104, 105, 107, 108, 228, 231—233, 236, 333, 393, 630
 Новая 98, 99, 102
 Старая 102, 103, 334
 Кастильское королевство 98
 Каталония 35, 98, 99, 104, 105, 228, 230, 233, 333, 334, 393, 633
 Като-Камбрези 55, 218, 394, 403, 595, 631
 Каунас 116, 584
 Кашира 121
 Кельн 21, 22, 30, 31, 72, 76, 79, 197, 309, 315, 316, 489
 Кельцы 553
 Кемберленд 325
 Кембридж 286, 508, 513
 Кенигсберг 423, 578, 585
 Кеннермерланг 326
 Кент 22, 41, 326
 Кермёбанная см. Кремница
 Кёсег 139
 Кефалиния о. 397
 Кечмет 139
 Киев 19, 247, 579, 581, 582, 585
 Киевская земля 114
 Киевская Русь 574
 Киевское воеводство 113
 Киевское княжество 412
 Кивщина 339
 Килия 417
 Кипр 29, 226, 404, 420
 Кипит 137, 311, 390, 460
 Клементьево 133
 Клеттау 353
 Клуж см. Коложвар
 Козенца 297
 Козлов 345
 Кола 86
 Коложвар (Клуж) 338
 Коломбо 390
 Коломенское 573
 Коломна 342, 574
 Колчестер 48
 Колом 89, 90
 Конгсберг 84
 Константинополь 260, 261, 386, 454, 557, 562 (Царьград), 588, 590, см. также Стамбул

- Констанц 279, 281, 316
 Копеньк 35, 400
 Копенгаген 31, 35, 85, 86, 212, 214, 282, 335, 503, 506
 Корсика 332, 393, 402, 403
 Корсунь 339
 Корфу о. 584, 590
 Кострома 421, 130
 Костромской уезд 118
 Котор 260
 Крайня 578, 581
 Крайна 23, 150, 259, 331, 332, 347, 359
 Банская 259
 Верхняя 151
 Хорватско-Словенская 259
 Крайова г. и обл. 262, 263, 417
 Краков 112, 113, 300, 428, 548, 551, 553, 554, 577
 Красное море 390
 Кремница (Кермёбанья) 338
 Крестона 89, 90, 92, 398, 482, 487, 573
 Крепи 401
 Крит. о. 91, 226, 259, 260, 348, 542, 588
 Кроация 331
 Кромь 343
 Крым 117, 137, 138, 148, 417—419, 427
 Крымское ханство 417—420
 Курдистан 420
 Курск 345
 Куртре 60, 328, 374
 Кутен 580
 Кутная Гора 110
 Куэнка 102
 Кверси 328, 329

 Ла-Корунья 103
 Ла-Манш 57
 Лангедок 54, 56, 180, 329
 Лангеланд 83
 Лангензальца 360, 361
 Ландсхут 78
 Ланкашир 48, 324
 Ла-Плата 230
 Ларисса 590
 Ла-Рошель 178
 Ластово о. 348
 Латвия 427, 576, 577, 580, 583—585
 Лауэц 72, 204, 330, см. также Луэц
 Верхний 72
 Лебус 204
 Левант 24, 28, 48, 88, 404
 Лейбас 355
 Лейден 19, 58, 50, 327, 370, 374
 Лейпциг 70, 435
 Лепанто 230, 347, 404, 482, 632
 Лесбос о. 397
 Лех р. 435
 Лешно 112
 Ливан 91, 221
 Ливерпуль 36
 Ливия 392, 404
 Ливны 342
 Ливония 424, 425, 427, 428, 430
 Ливонский орден, Ливонское гос-во 114, 116, 117, 424, 425, 427—429, 631, см. также Орденские гос-ва
 Ливорно 91, 220, 221, 588
 Лигурия 90
 Лилль 60, 61, 187, 365, 366, 375
 Лимбург, пров. 63
 Лимузен 328, 329
 Линдау 281
 Линкольншир 325
 Линц 70
 Лион 19, 21—23, 26, 31, 53—56, 91, 185, 328, 329, 409, 523
 Лионна 54
 Лиссабон 24, 31, 34, 36, 39, 71, 107, 108, 311, 335, 389, 404, 535
 Литва 114, 115—118, 301, 411, 551, 553, 576—580, 583—585
 Литовское Великое княжество 113, 114, 116, 117, 134, 159, 240, 242, 243, 258, 299—301, 304, 411—414, 417, 418, 420, 423—427, 448, 565, 583, 631
 Литомержицкая обл. 339
 Литомышль 555
 Лоди 92
 Ломбардия 31, 90, 92—94, 96, 295, 398, 399
 Восточная 398
 Лондон 22, 26, 31, 38, 48, 49, 91, 164, 167, 326, 508, 509, 517, 518, 520, 521, 587, 590
 Лотарингия 392, 402, 441
 Лотаринское герцогство 196
 Луара р. 53, 56
 Луверн 310, 312, 489, 509
 Луэцка, Луэцкия 204, 411, 432, см. также Лауэц
 Лукка г. и республика 21, 23, 39, 217, 296, 332, 403, 473
 Луккау г. и обл. 330
 Луик 578
 Львов 19, 148, 577—579, 581, 584, 585
 Льеж (Лютих) 61, 311
 Любек 23, 24, 30, 71, 72, 85, 86, 211, 212, 214, 282, 331, 335, 578
 Люксембург 63, 64
 Лютебург 197
 Лютих (Льеж) 23, 316
 Люден 436, 439, 633
 Люцерн 207

 Магдебург 71, 197, 204, 435
 Магдебургское архиепископство 441
 Магелланов пролив 49
 Мадейра 36
 Мадрид 102, 223, 311, 399, 546
 Мазовия 112
 Майн р. 78
 Майнц 197, 309, 316, 356, 359
 Майнское курфюршество 197
 Майорка 334
 Макао (Аомынь) 390
 Македония 259
 Малага 23, 24, 101
 Малакка 390
 Малаккский пролив 390
 Малолославец 343
 Мальме 214, 282
 Мальта 404
 Мани 262
 Манстер 172
 Мансфельд 74, 197, 275
 Мантуя 89, 90, 295, 296, 398, 458, 466, 468, 483, 487, 573
 Мантуанское герцогство, Мантуанское гос-во 217, 220, 225
 Марбург 281
 Мариньяно 399, 630
 Марокко 48, 392
 Марсель 31, 56, 401, 404, 408
 Марчано 402
 Марш 328
 Массачау 390
 Медина дель Кампо 102, 103, 334
 Медьян 342
 Мезецк 117
 Мейсен 197, 204
 Мекка 392
 Мекленбург 79, 203, 282
 Мекленбургское герцогство 434
 Мексика 390
 Мелилья 292
 Мельбик 555
 Мемминген 281
 Менен 374
 Мерзебург 197, 204
 Мессина 96
 Мехельн 61, 187, 188, 377
 Мец 402, 403
 Мидделбург (Мидделбурх) 58, 366, 407
 Микунли 124
 Милан 13, 22, 23, 26, 89, 90, 92, 96, 232, 312, 332, 395—400, 403, 458, 461, 463, 466, 472, 483, 573
 Миланское герцогство, Миланское гос-во 88, 89, 217, 218, 220, 224, 226, 227, 311, 332, 397—399
 Минден 204
 Минденское епископство 441
 Мистра 587
 Мо 290
 Могилев 339, 580, 585
 Модена 90, 218, 296
 Монахш 122, 342
 Молдавия 148, 152, 346, 348, 417, 422, 548
 Молдавское княжество 148, 153, 155, 259, 263, 264, 266, 267, 268, 417, 421, 548
 Молоди 420, 632
 Молуккские о-ва, Молукки 390, 391, 410
 Моталлино г. и республика 402, 403
 Моок 371
 Моравия 31, 109, 139, 301, 411, 432—434, 438, 441
 Морья 226
 Мориховская обл. 347
 Москва 7, 86, 118, 121, 122, 130—133, 247, 248, 251, 257, 264, 340—346, 418—420, 429, 430, 453, 563, 566—568, 570, 571, 573, 574, 577, 588, 593, 630, 632
 Москва-река 573
 Московская земля 134
 Московское Великое княжество 6, 246
 Московское гос-во 32, 49, 91, 342 (Московское царство), 570
 Мохач 263, 338, 414, 631
 Мстиславское княжество 413
 Мурсия 103
 Мюльхаузен 352, 360—362
 Мюнстер 204, 316, 327, 380, 440, 633
 Мюнхен 309, 435, 504

 Наарден 327, 370
 Наварра 98, 177, 228, 233, 393—395, 398
 Надьбекрен 139
 Надьсен (Сибуй) 338
 Наксос о. 262
 Намюр, г. и пров. 21, 23, 61, 63, 64, 372, 373
 Нарбонна 35
 Нарва 86, 134, 424, 425—427
 Наумбург 70, 197, 204
 Неаполь 19, 23, 25, 31, 96, 97, 149, 223, 231, 295, 315, 332, 333, 395—397, 400, 402, 458, 461, 463, 468, 472, 473, 487, 573, 588
 Неаполитанская республика 333
 Неаполитанское королевство 30, 96, 162, 217, 218, 223, 224, 227, 232, 311, 332, 333, 393, 396, 397, 402, 630
 Ней-Бранденбург, крепость 434
 Неккар р. 356
 Нерак 290
 Нёрдлинген 70, 437, 633
 Нерехта 121
 Несвиж 578, 585
 Ниве Керке 368
 Нивпорт 378
 Нидерланды 5, 7, 13, 17, 20, 22, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 35, 54—64, 81, 84—86, 90, 101, 103, 104, 106, 112, 163, 168, 173, 187, 195, 196, 208, 212, 230, 232, 273, 274, 289, 291, 310, 311, 315, 316, 321, 323, 324, 326—328, 364, 365, 367—372, 375, 377, 391—393, 395, 402, 403, 405—410, 431, 433, 437, 438, 440, 447, 451, 452, 488, 489, 496, 497, 499—502, 504—506, 523, 527, 577, 592, 631, 632
 Нидерланды Испанские 195
 Северные 40, 387, 407, 409, 488
 Южные 30, 84, 87, 311, 407, 632
 Нижний Новгород 130, 133, 137
 Ницца 401
 Ниццонское графство 222
 Новая Русса (Новая Соль) 133
 Новгород, Новгород Великий 86, 121, 122, 129, 130, 133, 136, 246, 256, 340, 345, 346, 412, 430, 567
 Новгородская земля 121, 123, 124, 126, 127, 246, 430
 Новгородская республика 246

- Новгород-Северский 413
 Новый Свет 7, 12, 13, 31, 40,
 49, 55, 74, 104, 230, 535—538
 Ногайская орда 137, 419
 Норвегия 32, 81, 83—85, 86,
 210—212, 214, 283, 335, 336,
 505
 Восточная 84
 Нордкаунен 360
 Нордик (Норик) 48, 325
 Нормандия 28, 35, 329, 408, 633
 Нижняя 52
 Нортумберленд 325
 Норфолк 22, 325
 Нуайон 284
 Ньюш 368
 Нюледзе 86
 Нюрнберг 17, 19, 21—23, 26,
 39, 69, 71, 72, 75, 76, 79, 196,
 352, 436, 488—490, 551, 553
 Обердорф 355
 Обуда 550
 Оверэйссел 63, 67, 187, 192, 193,
 327
 Овинген 330
 Одер р. 206, 441
 Ока р. 119, 246, 249, 420
 Верхняя 412
 Оксфорд 508, 513, 587
 Оксфордшир 326
 Ольденбург 30
 Ольстер 172
 Опочка 341
 Оран 230, 392, 404
 Орденские гос-ва 386, см. также
 Ливонский орден, Тевтон-
 ский орден
 Орлеан 36, 284
 Ормуз 390
 Орши 376
 Осло 84
 Османская империя, Порты,
 Османская Порты, Осман-
 ская держава, Османское
 гос-во 7, 138, 142, 144—156,
 159, 162, 226, 259—268, 311,
 346—348, 368, 386, 388, 390,
 392, 401, 404, 414, 415, 417,
 419, 422, 427, 428, 445, 454,
 548, 590, 592, 631, 632
 Оснабрюк 316, 439, 440, 633
 Отранто, Терра д'Отранто 396,
 588
 Ост-Индия 311, 378
 Остров 346
 Острог 578
 Осулд оз. 212
 Павия 90, 394, 399, 400, 412,
 630
 Падерборн 204, 316
 Падуя 89, 90, 463, 466, 477, 587,
 588
 Палермо 31, 96, 332, 333, 473
 Палестина 392
 Пальма 334
 Панама 230
 Панское гос-во 94, 162, 217, 218,
 224, 225, 227, 314 (Панская
 область), 385, 399, 401, 402
 Парагвай 311
 Парайба 405
 Париж 19, 21, 22, 31, 38, 56,
 177, 178, 284, 290, 312, 328,
 329, 401, 408, 505, 522, 523,
 527, 534, 548, 587, 589
 Парижский бассейн 52
 Парма 89, 332, 399, 401, 402,
 486, 487, 573
 Парма и Пьяченца, герцогство
 218, 225
 Парот о. 262
 Парциум 138
 Пейл 172
 Пелопоннес 397, 401, 588
 Южный 262
 Перемышль 585
 Перемышльская земля 113
 Переславль Рязанский 137
 Перигор 328, 329
 Персия 86, 134
 Перу 49, 230, 538
 Перудна 224
 Печ 550
 Пиза 220, 332
 Пинардия 392, 401
 Пинероло 222
 Пиреней 394, 395, 398, 516
 Пиренейский п-ов, Иберийский
 п-ов 13, 22, 24, 30, 53, 228, 230,
 408, 440, 535—538, 542, 544,
 546
 Пльзень 432
 Поволье 249, 343, 419, 420
 566
 Подгорцы 584
 Подбради 554
 Подбрадская обл. 339
 Подляны 114
 Поднепровье 114, 119
 Подолы 29, 339
 Подольская земля 114
 Подунавье Среднее 138, 416—
 418
 Познань 112, 555
 Пожонь см. Вратислава
 Полесье Западное 119
 Полоцк 423, 425, 427, 577, 578,
 581, 585
 Полоцкая земля 114
 Польско-Литовское гос-во 246
 Польша 13, 14, 29, 30, 34, 91,
 111, 112, 114, 139, 152, 155,
 162, 215, 237—240, 242, 243,
 263—265, 274, 297, 299—302,
 304, 337, 339, 343, 344, 414,
 415, 417, 418, 423—426,
 431, 434, 437, 442, 447, 452,
 550—555, 579, 631
 Великая 112
 Малая 112
 Королевство Польское 26, 112,
 113, 159, 196, 237, 242, 411—
 413, 418, 423, 425, 426
 Померания 79, 282, 330, 434, 436,
 438
 Восточная 204, 441
 Западная 441
 Поморье 121, 124—126, 128, 345
 Поморье (польское, гданьское)
 30, 206, 423
 Порты см. Османская империя
 Порту 24, 107, 335
 Португалия 7, 32, 34, 106—
 108, 148, 159, 228, 230, 233,
 235—237, 309, 315, 334, 335,
 377, 388—391, 396, 404, 405,
 408, 431, 450, 535, 537—539,
 542, 546, 547, 592, 630, 632,
 633
 Пошехонье 121
 Прага 23, 110, 244, 309, 331,
 351, 433, 435, 437, 440, 548,
 554, 555, 577
 Прахенская обл. 339
 Превеза 401
 Предуралье 121, 122
 Престон 48
 Прешов 30
 Прибрамское панство 339
 Прибалтика 13, 14, 62, 132,
 134, 136, 426, 430, 442, 507,
 576, 578, 583
 Восточная 423, 424
 Прикамье 119
 Прикарпатье 576
 Прилесская обл. 347
 Причерноморье 34, 421
 Восточное 148
 Северное 148, 417
 Прованс 35, 176, 180, 329, 393,
 395, 399, 401, 408
 Пруссия 28, 30, 70, 78, 79, 282,
 300, 331, 362, 425
 Восточная 437
 Прусское герцогство 423
 Прут р. 264
 Псара о. 262
 Псков 86, 122, 130, 131, 537,
 340, 341, 345, 346, 427, 567,
 630
 Псковская земля 346
 Псковская обл. 119
 Псковская феодальная респуб-
 лика 246
 Пуату 54, 328
 Пуатье 311, 329
 Пуна 115
 Путивль 413
 Пфальц 74, 373, 406, 441
 Верхний 28, 74, 204, 441
 Нижний (Рейнский) 433, 441
 Пьемонт 94, 218, 222, 311, 401,
 403
 Пьетрасанта 90, 91
 Пьямбино 90
 Пьяченца 90, 92, 399, см. также
 герцогство Парма и Пьяченца
 Раверна 398
 Рапенсбург 72
 Раков 302, 303
 Ревель см. Таллинн
 Регенсбург 21, 197, 316, 434,
 438, 440
 Реджо 218
 Реймс 311
 Рейн р. 36, 53, 71, 311, 433, 435,
 438
 Верхний 206, 350, 353
 Нижний 22, 31, 78, 206
 Средний 22, 23, 30, 72, 74,
 197, 436
 Рейнская обл. 30, 31, 76—78,
 196
 Ренн 182
 Рерус 84
 Республика Соединенных про-
 винций, Соединенные провин-
 ции, Республика 68, 163,
 189—195, 210, 244, 324, 376,
 378—382, 404, 405, 408, 409,
 410, 431, 433, 440, 441, 496,
 592, 631, 632, см. также
 Нидерланды, Голландия
 Речь Посполитая 113, 114, 159,
 242, 243, 245, 268, 302—305,
 310, 311, 315, 337, 339, 420,
 422, 426—431, 582, 593, 631—
 633
 Ржев 342
 Рига 117, 134, 423, 425, 578, 580,
 581
 Ридинг 587
 Риека см. Фiume
 Рим 25, 31, 32, 88, 90, 163, 198,
 214, 229, 247, 273, 274, 277,
 278, 282, 285, 286, 294—296,
 303, 304, 307, 309, 311, 312,
 314, 315, 333, 349, 358, 360,
 400, 422, 458, 461, 463, 470,
 472, 473, 479, 482, 483, 484,
 487, 492, 493, 507, 548, 557,
 564, 570, 571, 573, 577, 587—
 590, 631
 Римская империя 455
 Римини 398, 466
 Рио-Гранде р. 230
 Рио-де-Жанейро 405
 Риоха 99
 Рожмитаальское панство 339
 Рокруа 438
 Романья 94, 398
 Рона р. 53
 Нижняя 21
 Ронсе 374
 Российское гос-во 7, 118, 119,
 123, 126, 134, 135, 137, 138,
 246—249, 340, 412, 413, 417—
 420, 422, 424—428, 430, 431,
 453, 556, 557, 565, 570 (Рос-
 сийское царство), 593, 595
 Россия 6, 7, 26, 30, 34, 86, 110,
 117—122, 128, 132—138, 159,
 162, 163, 242, 246—251, 258,
 264, 265, 268, 322, 323, 342,
 344, 345, 386—388, 413, 414,
 418—427, 430, 431, 434, 437,
 445, 448, 454, 552, 555—557,
 559, 562, 563, 565, 566, 568—
 571, 576, 581, 588, 593, 631—
 633
 Европейская 120, 130, 132
 Ростов 72, 212, 581
 Ростовель, сенория 330
 Роттенберг 330
 Роттердам 26, 30, 66
 Руан 19, 55, 182, 329, 408
 Рудные горы (Эрцгебирге) 18,
 70, 74, 77, 110, 362, 363
 Румелия 260
 Русильон 396
 Русская земля 567, 593
 Русь 6, 20, 115, 117, 162, 246,

- 247, 251, 253, 254, 412, 453, 454, 551, 556, 558, 561, 566, 569, 570, 631, 632
 Московская 554
 Северо-Восточная 119, 246, 412, 507 (русский Север)
 Северо-Западная 412
 Рязань 124
- Сааремаа о. 425
 Савойя 90, 222, 227, 332, 400, 401, 403, 404, 408, 409, 431, 432
 Савойское герцогство, гос-во 162, 217, 218, 221, 222, 224, 225, 227
 Саксония 23, 70, 72, 74, 77, 78, 196, 198, 203, 204, 206, 281, 351, 352, 431, 432, 436, 438, 440
 Нижняя 22, 28, 72, 78, 81
 Саксо-Тюрингский район 31
 Саксонские предгорья 28
 Саксонское курфюршество 197, 206
 Саламанка 102, 334, 536, 537
 Салоники (Фессалоника) 22, 261, 590
 Салуццо, маркграфство (маркизат) 218, 403, 408, 409
 Сан-Доминго 36
 Сандомир 553
 Сандомирщина 119
 Сан-Миниато 95
 Санокая земля 113
 Сан-Себастьян 103
 Сантарен 335
 Сан-Хуан де Ульоа 406
 Сарагоса 102, 334, 631
 Сардиния 218, 232, 393
 Свияжск 137, 574
 Священная Римская империя см. Германская империя
 Северное море 24, 30, 31, 86
 Северный морской путь 564
 Северская земля 119, 413, 430
 Севилья 19, 22, 31, 36, 38, 102—105, 311, 334, 539
 Сеговия 18, 103, 104
 Седерчепинг 86
 Сена р. 53, 405
 Сен-Галлен 281
 Сен-Галлен 403, 631
 Сент-Ольбанс 508
 Сент-Омер 311
 Сентонж 328
 Серадское воеводство 113
 Сербия 259, 261, 346, 454, 548
 Серемгеш 139
 Серпухов 121, 574
 Сетубал 335
 Сеута, крепость 237
 Сечь Запорожская 339
 Сибирь 119, 132, 138, 249, 345, 571
 Восточная 249
 Западная 122
 Сибун см. Надьсебен
 Сиена 297, 332, 402
 Сиена, респ., Сиенская республика 23, 217, 218, 220, 402, 403
 Силезия 23, 28, 72, 74, 108, 113, 139, 300, 411, 432, 433, 438, 441
 Верхняя 392
 Сирия 149, 393
 Сицилия 28, 89, 96, 218, 231, 232, 332, 393
 Сицилийское королевство 218
 Скандинавия, Скандинавские страны 13, 24, 81, 82, 84, 134, 136, 162, 212, 213, 273, 284, 333, 337, 425, 447
 Скандинавский п-ов 81, 216, 430, 507
 Сконне 29, 216, 335
 Славения 151, 338, 348
 Сленча 547
 Словения 18, 23, 138, 139, 300, 337, 338
 Западная 141
 Словения 151, 259, 262, 346, 347, 632
 Словенские земли 259
 Смолянд 336
 Смоленск 134, 343, 413, 430, 434, 437, 630
- Смоленская земля 114, 246
 Смоленщина 412, 413, 430
 Сокотра о. 390
 Соловецкие о-ва 573
 Солсбери 48
 Соль Вычегодская, Соль-Вычегодск 121, 342, 345
 Соль Галицкая 121
 Соль Камская 121, 133
 Соль Переславская 121
 Сола р. 53
 Сплит 89, 149, 260, 347
 Средиземное море 12, 62, 89, 150, 221, 226, 400, 401, 404
 Средиземноморье, Средиземноморский регион 13, 24, 30, 32—35, 40, 53, 54, 62, 72, 96, 196, 332, 392, 394, 404, 415
 Западное 35, 230, 393, 401, 403
 Стамбул 146, 147, 260, 264, 265, 417, 419, 422, см. также Константинополь
 Старая Русса 121
 Стило 333
 Стокгольм 19, 31, 85, 86, 212, 216
 Страсбург 70, 279, 281, 358, 489
 Стура Коппарбергет, рудник 84
 Суздаль 133
 Суффолк 22, 41
 Сухоно-Двинский водный путь 130
 Сучава 264
- Таллинн (Ревель) 134, 424—427, 577, 579—581, 584, 585
 Таранто 588
 Тарту 579, 580
 Тассос о. 262
 Тахо р. 103
 Тверская земля 123
 Тверское великое княжество 246
 Тверь 124, 256
 Тевтонский орден 112, 359, 360, 411, 412, 423, 630, см. также Орденские гос-ва.
 Телемарк 84
 Телмешвар 260
 Терра д'Отранто см. Отранто
 Тироль 23, 74, 81, 238, 331, 359, 360, 362, 363, 496
 Тирренское море 218, 402
 Тиса р. 138
 Верхняя 338
 Тисо-Дунайское междуречье 415
 Тихий океан 24, 49, 50, 390, 391, 515
 Токай-Хедьаль 139
 Толоде 22, 38, 102—104, 333, 542
 Томск 345
 Тордесильяс 630
 Тоскана 31, 89, 90, 92—94, 220—222, 402, 403, 431
 Тосканское герцогство, Тосканское великое герцогство 90, 162, 220, 221, 225, 227, 228, 432, см. также Флоренция
 Транн 396
 Трансильвания 22, 139—141, 152, 155, 239, 263, 264, 266, 301, 302, 304—306, 337, 338, 347, 401, 416, 421, 422, 428, 431, 550
 Северная 347
 Трансильванское княжество 138, 139, 148, 239, 245, 259, 302, 304, 306, 416, 417
 Тренеллар 336
 Тренто 312, 332
 Триберг 331
 Триест 398
 Тринидад о. 230
 Триполи 392, 404
 Трир 197, 309, 315, 316
 Трирское курфюршество 203
 Троицк 86
 Тручевск 118
 Тула 23, 121, 122, 133, 342, 343
 Тулуз 182, 328, 479
 Тулу 402, 403
 Тунис 34, 230, 404
 Тур 185
 Турин 222, 401, 526
- Турку (Або) 86, 508
 Турне 60, 365—367, 394
 Турция 88, 137—139, 149, 150, 185, 221, 343, 390, 400, 404, 454, 631, см. также Османская империя
 Тюбинген 489
 Тюрингия 23, 25, 30, 70, 75, 77, 78, 196, 360—362
 Южная 352
- Углич 342
 Угличский уезд 138
 Угра р. 412, 556
 Ужгород 578
 Улитшир 43
 Украина 23, 113, 155, 258, 305, 411, 421, 448, 553, 576, 578—585, 593
 Западная 339
 Ульм 281
 Ульшн 347
 Умбрия 94
 Унтервальден 207
 Упсала 215
 Урал 122, 249
 Урах 73
 Урбино, г. и герцогство 218, 466, 468, 487
 Ури 207
 Устюг Великий 345
 Устюжна Железопольская 121, 133
 Утрехт, г. и пров. 187, 192
 Уэльс 164, 166, 514
- Фаэнца 398
 Феррара 188, 192, 369
 Феррара 23, 218, 295, 298, 398, 458, 463, 468, 487
 Феррарское герцогство, гос-во 217, 220, 225
 Фессалоника см. Салоники
 Филиппинские о-ва, Филиппины 230, 391
 Финляндия 30, 81, 83, 86, 210, 212, 215, 283, 336, 505, 508
 Финляндское герцогство 215
 Финский залив 425, 430
 Фюме (Риека) 398
 Фландрия 28, 58—60, 63, 64, 88, 189, 193, 195, 233, 237, 327, 367, 369, 371, 373, 374, 376—378, 392, 394, 395, 400, 431, 452, 497, 500, 502, 508
 Западная 365—368
 Флиссинген 192, 359, 406, 407
 Флорентийская республика 217, 220, 398, 400, 459, 461
 Флорентийское герцогство 218, см. также Тосканское герцогство, гос-во 218, 220
 Флоренция, г. и гос-во 13, 22, 31, 39, 88—90, 93, 95—97, 218—220, 222, 296, 311, 312, 332, 398, 400, 402, 446, 451, 457—461, 463, 466, 468, 470, 472—475, 482, 483, 484, 487, 523, 573, 587—589, 631
 Флорида 230, 405
 Фонтенло 290, 292, 523
 Форэ 54
 Франкенхаузен 359—362
 Франкония 72, 78, 196, 349, 356, 357
 Франконское герцогство 436
 Франкфурт-на-Майне 31, 39, 70, 72, 196, 200, 359
 Франкфурт-на-Одере 70
 Франция 15, 16, 20, 23—25, 26, 28, 31—32, 36, 40, 49—51, 53—57, 61, 66, 70, 86, 88, 90, 92, 101, 103, 104, 106, 118, 118, 134, 147, 150, 160, 168, 169, 173—178, 180, 183, 184, 186, 195, 196, 204, 205, 208, 218, 220, 222, 226, 229, 230, 237, 273, 274, 284, 289—294, 310, 311, 314—316, 324, 328, 329, 333, 334, 368, 368, 375, 376, 378, 380, 385—388, 391—410, 415, 431—438, 440—442, 445, 447, 450, 452, 483, 498, 506, 520—528, 530—533, 588, 595, 631—633

- Восточная 54
 Северная 16, 284
 Северо-Восточная 42
 Северо-Западная 28
 Центральная 54
 Южная 35, 54
 Французское королевство 392
 Франш-Конте 392, 393, 395, 396, 403
 Фрейбург (в Брейсгау) 354
 Фрейбург (швейц.) 207, 208
 Фрейлинг 204
 Фридрихское герцогство 434
 Фридрихия 29, 30, 63, 64, 67, 78, 187, 190—193, 327, 376
 Восточная 31
 Западная 326
 Фриуль 295, 332
 Фуггера 23
 Фюн о. 83, 335
 Хааг 330
 Хаарлем 59, 326, 370, 374
 Хайльбронн 356, 357
 Халеб (Алеппо) 392
 Халле (Галле) 71
 Хальберштадт (Гальберштадт), Хальберштадтское епископство 204, 441
 Харрский султанат 390
 Хауде 59
 Хвар о. 347
 Хегау 353
 Хеллер (Гелдерн) 63, 64, 187, 190, 192, 193, 381
 Хельсингер 212
 Хеттинг 23
 Хильдесхайм (Гильдесгейм) 35, 204, 316
 Химара 262, 347
 Хиос о. 590
 Хнуа м. 425
 Хонюпп нос. 138
 Хондскоот 59—61
 Хоорн 59, 326
 Хорватия 148, 150, 151, 259, 262, 346, 347, 411, 518, 632
 Ванская 259
 Хорватское королевство 259
 Хронинген, провинция г. 63, 67, 187, 192, 193, 327
 Цабери 358
 Цвиккау 278, 351
 Цеглед 139
 Цейлон 34, 410
 Цетинье 547
 Цуг 207
 Цуррах 70
 Цюрих 18, 21, 207, 209, 280, 332
 Ченто 573
 Чердынъ 133
 Чернигов 246, 413
 Чернигово-Северские княжества 114
 Черногория 261, 262, 348, 454
 Черногорское приморье 148
 Черное море 24, 417
 Черноморское побережье 417
 Ческе Будевице 432
 Чехия 28, 30, 108—111, 113, 139, 162, 203, 204, 206, 238—240, 243—245, 274, 289, 303—305, 337, 339, 343, 350, 394, 441, 414, 432—437, 438, 441, 452, 550, 554, 555
 Южная 109, 339
 Чешское королевство 237, 244, 305, 306, 414, 428
 Чешир 48
 Чивителла, крепость 402
 Чили 49, 540
 Чусовая р. 119
 Шамбор 527
 Шампань 401
 Шамотулы 555
 Шартр 52
 Шатоден 56
 Шато-Тьерри 401
 Шаффхаузен 207, 281
 Швабия 28, 35, 72, 77, 196, 330, 437
 Верхняя 78, 330, 355, 357, 359, 360, 362
 Шварцбург 197
 Шварцвальд 331, 352, 357, 358
 Южный 354
 Швейцария 22, 28, 56, 81, 162, 206, 208—210, 273, 279—281, 294, 295, 298, 307, 316, 362, 399, 488, 497, 501, 592
 Северная 28
 Швейцарская конфедерация, Швейцарский союз 196, 207, 208, 210, 330, 332, 399, 441
 Швейцарские кантоны 314, 592
 Швеция 23, 30, 32, 66, 76, 81—86, 88, 204, 210—217, 246, 282, 283, 311, 316, 335, 336, 343, 425—427, 429—431, 433, 434, 436, 437, 441—442, 505, 507, 508, 579, 580, 595, 630—633
 Северная 81
 Юго-Восточная 82
 Южная 30
 Шведское королевство 283
 Швиц 207
 Шельда р. 378, 381, 440
 Шенонсо 527
 Шибеник 348
 Шиев 84
 Ширван 420
 Шлезвиг 35
 Шлезвиг-Гольштейн 29, 30
 Шомло 139
 Шопрон 140
 Шопрон-Ферте 139
 Шотландия 28, 42, 45, 46, 169, 170, 173, 273, 316, 394, 395, 410, 512, 521
 Шотландское гос-во 394
 Шпейер 200
 Шпиталь-ам-Пирн 331
 Шрюсберг 513
 Штауфен, сеньория 330
 Штейер 331
 Штеттин (Щецин) 112, 425
 Штрия 23, 28, 108, 259, 331, 332, 359
 Нижняя 36, 347, 348
 Штольберг 197
 Штральзунд 212
 Штутгарт 206
 Штюлинген 353, 357
 Щецин см. Штеттин
 Эбелебен 360
 Эвора 237, 335
 Эгейское море 262
 Эгер (Хеб) крепость 437
 Эдинбург 45
 Эдирне 417
 Эйдерштедт 78
 Эзенах 360
 Эйфель 74
 Эйфельд 360
 Эклоо 60
 Экс 182, 329
 Эксетер 48
 Эллада см. Греция
 Эльба р. 15, 37, 71, 78—80, 441
 Средняя 435
 Эльблонг 112
 Эльвсборг 86
 Эльзас 22, 196, 349, 358, 438, 440
 Эмден 370
 Энккейзен 369
 Эно 63, 64, 375, 406
 Эпидавр 589
 Эргем 424
 Эресунн см. Зунд
 Эрфурт 71, 488, 489
 Эрцгебирге см. Рудные горы
 Эссекс 22
 Эстерьетланд 336
 Эстония 427, 576, 577, 579—581, 584, 585
 Северная 425, 427
 Эстремадура 98
 Эфиопия 390
 Восточная 538
 Юкатан п-ов 230
 Юлих-Клеве 193
 Ютербог 350
 Ютландия 29, 214, 216, 282, 335
 Яик р. 419
 Янков 438
 Япония 311, 390, 480
 Ярмут 30, 31
 Ярославль 122, 130, 257
 Ярославский уезд 118
 Ясы 266, 549, 590
 Яхимов (Иоахимсталь) 110, 304, 339

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (<i>Л. Т. Мильская, [В. И. Рутенбург]</i>)	5
---	---

<i>Часть первая.</i>	ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
----------------------	--

ВВЕДЕНИЕ (<i>[М. А. Барз]</i>)	11
ГЛАВА 1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗ ЖИЗНИ В ЕВРОПЕ НА ИСХОДЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (<i>А. Л. Ястребицкая</i>)	16
ГЛАВА 2. АНГЛИЯ (<i>М. В. Винокурова</i>)	40
ГЛАВА 3. ФРАНЦИЯ (<i>Н. Е. Копосов</i>)	50
ГЛАВА 4. НИДЕРЛАНДЫ (<i>А. И. Чистозвонов</i>)	58
ГЛАВА 5. ГЕРМАНИЯ (<i>А. Л. Ястребицкая</i>)	68
ГЛАВА 6. СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ (<i>Х. А. Пийримяэ</i>)	81
ГЛАВА 7. ИТАЛИЯ (<i>[Л. А. Котельникова], А. Д. Ролова</i>)	88
ГЛАВА 8. СТРАНЫ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА (<i>В. А. Ведюшкин</i>)	98
1. Испания	98
2. Португалия	106
ГЛАВА 9. АВСТРИЯ, ЧЕХИЯ, ПОЛЬША. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ	108
1. Австрия, Чехия, Польша (<i>В. А. Якубский</i>)	108
2. Великое княжество Литовское (<i>М. Е. Бычкова</i>)	114
ГЛАВА 10. РОССИЯ (<i>С. М. Каиштанов</i>)	118
ГЛАВА 11. ВЕНГРИЯ (<i>Т. П. Гусарова</i>)	138
ГЛАВА 12. ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ (<i>С. Ф. Орешкова</i>)	142
ГЛАВА 13. ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ВЛАДЕНИЯ ВЕНЕЦИИ И ГАБСБУРГОВ. ДУБРОВНИК (<i>[Е. П. Наумов]</i>)	148
ГЛАВА 14. ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА (<i>Л. Е. Семенова</i>)	152

<i>Часть вторая.</i>	ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И АБСОЛЮТИЗМ
----------------------	--

ВВЕДЕНИЕ (<i>В. М. Карев</i>)	159
ГЛАВА 1. АНГЛИЯ (<i>О. В. Дмитриева</i>)	163
ГЛАВА 2. ФРАНЦИЯ (<i>Н. Е. Копосов</i>)	174
ГЛАВА 3. РЕСПУБЛИКА СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ (<i>А. Н. Чистозвонов</i>)	187
ГЛАВА 4. ГЕРМАНИЯ (<i>Н. Ф. Колесницкий, А. Л. Ястребицкая</i>)	196

ГЛАВА 5. ШВЕЙЦАРСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ (А. Н. Чистозвонков)	206
ГЛАВА 6. СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ (Х. А. Пийримяэ)	210
ГЛАВА 7. ИТАЛИЯ (А. Д. Ролва)	217
ГЛАВА 8. СТРАНЫ ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА (В. А. Ведюшкин)	228
1. Испания	228
2. Португалия	235
ГЛАВА 9. ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА (Б. Н. Флоря)	237
ГЛАВА 10. РОССИЯ (С. О. Шмидт)	246
ГЛАВА 11. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА (<u>Е. П. Наумов</u>)	259
ГЛАВА 12. ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА (Л. Е. Семенова)	262

Часть третья. РЕФОРМАЦИЯ И КОНТРЕФОРМАЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ (В. М. Володарский)	271
ГЛАВА 1. РЕФОРМАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ	275
1. Германия, Швейцария и Скандинавские страны (В. М. Володарский)	275
2. Англия (Н. Н. Осинковский)	286
3. Франция (Н. Е. Колосов)	289
4. Движения за реформу церкви в Италии (Л. С. Чиколлини)	294
ГЛАВА 2. РЕФОРМАЦИЯ И КОНТРЕФОРМАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ (Б. Н. Флоря)	299
ГЛАВА 3. КОНТРЕФОРМАЦИЯ (О. Ф. Кудрявцев)	307

Часть четвертая. НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И РАННИЕ БУРЖУАЗНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

ВВЕДЕНИЕ (А. Н. Чистозвонков)	321
ГЛАВА 1. НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ (А. Н. Чистозвонков)	324
ГЛАВА 2. НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ВЕНГРИИ, ПОЛЬШЕ И ЧЕХИИ (Т. П. Гусарова)	337
ГЛАВА 3. НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ (<u>В. И. Корецкий</u> , А. Г. Маньков)	340
ГЛАВА 4. НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (<u>Е. П. Наумов</u>)	346
ГЛАВА 5. РЕФОРМАЦИЯ И КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ (А. Э. Штекли)	349
ГЛАВА 6. НИДЕРЛАНДСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ (А. Н. Чистозвонков)	364

Часть пятая. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ (В. Н. Малов, Б. Н. Флоря)	385
ГЛАВА 1. ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КОНЦА XV — XVI в. В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ (В. Н. Малов)	388

ГЛАВА 2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ, ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА (Б. Н. Флоря)	411
ГЛАВА 3. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА (В. М. Алексеев)	431
Часть шестая. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ	
ВВЕДЕНИЕ (Л. С. Чиколини)	445
ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ РЕНЕССАНСНОЙ КУЛЬТУРЫ В ИТАЛИИ И ЕЕ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ (Л. М. Брагина)	455
ГЛАВА 2. КУЛЬТУРА ИТАЛИИ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. (Л. С. Чиколини)	468
ГЛАВА 3. КУЛЬТУРА ГЕРМАНИИ, ШВЕЙЦАРИИ И НИДЕРЛАНДОВ (В. М. Володарский)	488
ГЛАВА 4. КУЛЬТУРА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН (В. М. Володарский)	505
ГЛАВА 5. КУЛЬТУРА АНГЛИИ (И. Н. Осиповский, Т. А. Павлова)	508
ГЛАВА 6. КУЛЬТУРА ФРАНЦИИ (В. В. Кареев)	521
ГЛАВА 7. КУЛЬТУРА СТРАН ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА (В. Ф. Мордвинцев)	535
ГЛАВА 8. КУЛЬТУРА СТРАН БАЛКАНСКОГО И ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНОВ (А. И. Розов)	547
ГЛАВА 9. РУССКАЯ КУЛЬТУРА (Н. В. Синицына)	555
ГЛАВА 10. КУЛЬТУРА УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ И НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ (Я. Д. Исачевич)	576
ГЛАВА 11. ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КОНЦА XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (И. П. Медведев)	586
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (Л. Т. Мильская, <u>В. И. Рутенбург</u>)	592
ПРИЛОЖЕНИЕ	597
ЛИТЕРАТУРА	609
СОКРАЩЕНИЯ	629
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	630
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	634
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	641

CONTENTS

INTRODUCTION (<i>L. T. Milsкая</i> , [<i>V. I. Routenburg</i>])	5
--	---

<i>Part one.</i>	PROBLEMS OF SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT
------------------	--

PREFACE [<i>M. A. Barg</i>]	11
CHAPTER 1. MATERIAL CULTURE AND WAY OF LIFE IN EUROPE AT THE END OF THE MIDDLE AGES (<i>A. L. Yastrebitskaya</i>)	16
CHAPTER 2. ENGLAND (<i>M. V. Vinokourova</i>)	40
CHAPTER 3. FRANCE (<i>N. E. Kopossov</i>)	50
CHAPTER 4. THE NETHERLANDS (<i>A. N. Chistozvonov</i>)	58
CHAPTER 5. GERMANY (<i>A. L. Yastrebitskaya</i>)	68
CHAPTER 6. SCANDINAVIAN COUNTRIES (<i>II. A. Piirimayae</i>)	81
CHAPTER 7. ITALY ([<i>L. A. Kotelnikova</i>], <i>A. D. Rolova</i>)	88
CHAPTER 8. PYRENEAN COUNTRIES (<i>V. A. Vedyushkin</i>)	98
1. Spain	98
2. Portugal	106
CHAPTER 9. AUSTRIA, BOHEMIA, POLAND. THE GREAT PRINCIPALITY OF LITHUANIA	108
1. Austria, Bohemia, Poland (<i>V. A. Yakoubski</i>)	108
2. The Great Principality of Lithuania (<i>M. E. Bychkova</i>)	114
CHAPTER 10. RUSSIA (<i>S. M. Kashtanov</i>)	118
CHAPTER 11. HUNGARY (<i>T. P. Goussarova</i>)	138
CHAPTER 12. THE OTTOMAN EMPIRE (<i>S. Ph. Oreshkova</i>)	142
CHAPTER 13. SOUTH-SLAVONIC POSSESSIONS OF VENICE AND THE HABSBURGS. RAGUSA ([<i>E. P. Naumov</i>])	148
CHAPTER 14. DANUBIAN PRINCIPALITIES (<i>L. E. Semionova</i>)	152

<i>Part two.</i>	THE POLITICAL STRUCTURES AND ABSOLUTISM
------------------	--

PREFACE (<i>V. M. Karev</i>)	159
CHAPTER 1. ENGLAND (<i>O. V. Dmitriyeva</i>)	163
CHAPTER 2. FRANCE (<i>N. E. Kopossov</i>)	174
CHAPTER 3. STATE SYSTEM OF THE «REPUBLIC DER VEREENIGDE PROVINCIE» (<i>A. N. Chistozvonov</i>)	187

CHAPTER 4. GERMANY (<i>N. Ph. Kolesnitski, A. L. Yastrebitskaya</i>)	196
CHAPTER 5. SWISS CONFEDERATION (<i>A. N. Chistozvonov</i>)	206
CHAPTER 6. SCANDINAVIAN COUNTRIES (<i>H. A. Piirimayye</i>)	210
CHAPTER 7. ITALY (<i>A. D. Rolova</i>)	217
CHAPTER 8. PYRENEAN COUNTRIES (<i>V. A. Vedyushkin</i>)	228
1. Spain	228
2. Portugal	235
CHAPTER 9. CENTRAL EUROPE (<i>B. N. Florya</i>)	237
CHAPTER 10. RUSSIA (<i>S. O. Shmidt</i>)	246
CHAPTER 11. SOUTH-EASTERN EUROPE (<i>[E. P. Naumov]</i>)	259
CHAPTER 12. DANUBIAN PRINCIPALITIES (<i>L. E. Semionova</i>)	262

Part three. REFORMATION
AND COUNTER-REFORMATION

PREFACE (<i>V. M. Volodarski</i>)	271
CHAPTER 1. REFORMATION IN WESTERN AND NORTHERN EUROPE	275
1. Germany, Switzerland and Scandinavian Countries (<i>V. M. Volodarski</i>)	275
2. England (<i>I. N. Ossinovski</i>)	286
3. France (<i>N. E. Kopossov</i>)	289
4. Church-Reform movements in Italy (<i>L. S. Chikolini</i>)	294
CHAPTER 2. REFORMATION AND COUNTER-REFORMATION IN CENTRAL-EUROPEAN COUNTRIES (<i>B. N. Florya</i>)	299
CHAPTER 3. COUNTER-REFORMATION (<i>O. F. Koudriavtsev</i>)	307

Part four. POPULAR MOVEMENTS
AND EARLY-BOURGEOIS REVOLUTIONS

PREFACE (<i>A. N. Chistozvonov</i>)	321
CHAPTER 1. POPULAR MOVEMENTS IN WESTERN AND NORTHERN EUROPE (<i>A. N. Chistozvonov</i>)	324
CHAPTER 2. POPULAR MOVEMENTS IN HUNGARY, POLAND AND BOHEMIA (<i>T. P. Goussarova</i>)	337
CHAPTER 3. POPULAR MOVEMENTS IN RUSSIA (<i>[V. I. Koretski]</i>), <i>A. G. Man'kov</i>)	340
CHAPTER 4. POPULAR MOVEMENTS IN SOUTH-EASTERN EUROPE (<i>[E. P. Naumov]</i>)	346
CHAPTER 5. REFORMATION AND PEASANT-WAR IN GERMANY (<i>A. E. Stöckli</i>)	349
CHAPTER 6. THE NETHERLANDS REVOLUTION (<i>A. N. Chistozvonov</i>)	364

Part five. INTERNATIONAL RELATIONS

PREFACE (<i>V. N. Malov, B. N. Florya</i>)	385
CHAPTER 1. GREAT GEOGRAPHICAL DISCOVERIES. INTERNATIONAL RELATIONS IN WESTERN EUROPE, LATE XVth — XVIth CENTURY (<i>V. N. Malov</i>)	388

CHAPTER 2. CENTRAL, EASTERN AND SOUTH-EASTERN EUROPE (<i>B. N. Florya</i>)	411
CHAPTER 3. THE THIRTY YEARS WAR (<i>V. M. Alekseyev</i>)	431
<i>Part six.</i> THE DEVELOPMENT OF THE CULTURE	
PREFACE (<i>L. S. Chikolini</i>)	445
CHAPTER 1. THE GROWTH OF THE RENAISSANCE CULTURE IN ITALY AND ITS EUROPEAN SIGNIFICANCE (<i>L. M. Bragina</i>)	455
CHAPTER 2. THE CULTURE OF ITALY, XVI-FIRST HALF OF THE XVII CENTURY (<i>L. S. Chikolini</i>)	468
CHAPTER 3. THE CULTURE OF GERMANY, SWITZERLAND AND THE NETHERLANDS (<i>V. M. Volodarski</i>)	488
CHAPTER 4. THE CULTURE OF SCANDINAVIAN COUNTRIES (<i>V. M. Volodarski</i>)	505
CHAPTER 5. THE CULTURE OF ENGLAND (<i>I. N. Ossinovski, T. A. Pavlova</i>)	508
CHAPTER 6. THE CULTURE OF FRANCE (<i>V. V. Kareva</i>)	521
CHAPTER 7. THE CULTURE OF PYRENEAN COUNTRIES (<i>V. F. Mordvintsev</i>)	535
CHAPTER 8. THE CULTURE OF BALKAN AND CENTRAL-EUROPEAN REGIONS (<i>A. I. Rogov</i>)	547
CHAPTER 9. THE RUSSIAN CULTURE (<i>N. V. Synitsina</i>)	555
CHAPTER 10. THE CULTURE OF UKRAINE, BYELORUSSIA AND BALTIC PEOPLES (<i>Ya. D. Issayevich</i>)	576
CHAPTER 11. THE GREEK CULTURE AT THE END OF THE XV-FIRST HALF OF THE XVIIth CENTURY AS A PART OF EUROPEAN CULTURE (<i>I. P. Medvedev</i>)	586
CONCLUSION (<i>L. T. Milskaya, [V. I. Routenburg]</i>)	592
APPENDIX	597
BIBLIOGRAPHY	609
ABBREVIATIONS	629
CHRONOLOGICAL TABLE	630
INDEX OF PROPER NAMES	634
INDEX OF GEOGRAPHICAL NAMES	641

Научное издание

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

Том третий

*ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
К НОВОМУ ВРЕМЕНИ*

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Российской академии наук

Редакторы издательства
Н. Л. Петрова, И. Н. Кузнецов

Художник
Н. В. Илларионова

Художественный редактор
Н. Н. Михайлова

Технический редактор
И. Н. Жмуркина

Корректоры
Р. С. Алимова, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 47545

Сдано в набор 03.09.91
Подписано к печати 27.04.92
Формат 70×108^{1/16}
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 61,6
Усл. кр. отт. 89,6
Уч.-изд. л. 60,2
Тираж 38.000 экз.
Тип зак. 3022

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул. 90
Московская типография № 2
Министерства печати и информации
Российской Федерации.
129301. Проспект Мира, 105

КУЛЬТУРА ВОЗРОЖДЕНИЯ И СРЕДНИЕ ВЕКА.

17 л.

Проблемы использования и переосмысления деятелями Возрождения культурных традиций средних веков составляют предмет коллективного исследования. В сборнике освещаются судьбы политических, философских, социально-экономических и иных идей средневековья в эпоху Возрождения, прослеживаются идейные корни гуманистических концепций, реминисценции средневекового искусства в творчестве мастеров Ренессанса. Соотношение двух культурных эпох рассматривается, таким образом, комплексно, на основе исследований специалистов разных профилей — историков, литературоведов, философов. Книга иллюстрирована произведениями выдающихся мастеров средневековья и Возрождения.

Для специалистов и широкого круга читателей.

Ж. де Виллардуэн.
ЗАВОЕВАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

25 л.

«И Жоффруа, маршал Шампанский, который продиктовал это произведение и который ни разу, ни единым словом не солгал о том, что ему ведомо,— а он бывал на всех советах — с уверенностью свидетельствует»,— такими словами сопровождает свой рассказ Жоффруа де Виллардуэн. Знатный французский сензор, один из руководителей Четвертого крестового похода, ловкий дипломат и умелый военачальник — таков Жоффруа де Виллардуэн, «маршал Романии и Шампани», автор хроники и мемуаров, известных под названием «Завоевание Константинополя». «Завоевание Константинополя» — не только первоклассный источник фактических сведений о скандально знаменитом в средневековой истории Четвертом крестовом походе 1198—1204 гг., закончившемся разбойничьим захватом столицы Византии, но и замечательный памятник европейской исторической мысли.

Для широкого круга читателей.

